МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

№ 6 июнь 2026 год

Учредитель:

Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2013 г.

Издатель: Издательство “ЮРКОМПАНИ”

Журнал основан в 2012 году

Сетевое издание зарегистрировано в Национальном центре ISSN (Свидетельство о регистрации ISSN 2782-3849 от 13 декабря 2021 г.)

Выходит один раз в месяц

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-49715 от 4 мая 2012 г.)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

сетевой научно-правовой журнал

Ежемесячный аналитический научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор:

Людмила Грудцына

Первый заместитель главного редактора:

Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора:

Валерий Рыжов

Корректор: **Вера Козлова**

Компьютерная верстка: **Юлия Дребезгова**

Дизайн: **Роман Ерцев**

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес офиса редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис А 802.2. Этаж 8.

Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, кв. 57.

Home page: www.r.law-books.ru **E-mail:** mail@law-books.ru

WhatsApp: +7-903-672-55-88 **Многоканальный:** +8-800-700-45-88

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Международный научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Грудцына Людмила Юрьевна**,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), эксперт Центра научной и экспертной аналитики Международного центра компетенций Российской государственной академии интеллектуальной собственности, эксперт РАН,
Почетный адвокат России

Первый заместитель главного редактора: **Шайхуллин Марат Селирович**,
доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: **Рыжов Валерий Борисович**,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

- **Е.В. Алферова** – кандидат юридических наук, заведующая отделом правоведения Института научной информации по общественным наукам РАН
- **Е.Г. Багреева** — доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
- **А.В. Барков** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.
- **Н.И. Беседкина** – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
- **Е.В. Богданов** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова.
- **О.Н. Булаков** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета
- **Е.В. Воевода** — доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России
- **А.В. Гаврилин** — доктор педагогических наук, профессор, действительный член АПСН, заведующий кафедрой теории и методики воспитания Владимирского института развития образования им. Л.И. Новиковой
- **М.А. Газимагомедов** – кандидат юридических наук, и.о. профессора кафедры уголовного права и криминологии Института финансов и права, член Ассоциации юристов России, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Почетный профессор права Института адвокатуры, нотариата и международных отношений
- **М.А. Гончаров** — доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

- **С.А. Гримальская** — кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

- **И.В. Дойников** – доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

- **А.А. Дорская** — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

- **С.О. Елишев** – доктор социологических наук, доцент, ученый секретарь, профессор кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

- **В.Б. Исраелян** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

- **А.С. Кагосян** — доктор педагогических наук, профессор, директор Академического колледжа Международного инновационного университета (г. Сочи), Почетный работник среднего профессионального образования РФ

- **Р.А. Каламкарян** — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

- **В.П. Камышанский** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

- **И.А. Конюхова** – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

- **Н.Н. Косаренко** – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

- **Н.В. Кроткова** – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право»

- **З.И. Курцева** — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института философии Московского педагогического государственного университета

- **А.Н. Левушкин** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия.

- **В.Э. Меламуд** – доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы

- **В.С. Меськов** — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

- **А.Х. Миндагулов** – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)
- **В.О. Миронов** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
- **Ю.В. Николаева** – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ
- **А.В. Рагулин** – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов
- **А.В. Рогова** — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
- **Н.В. Семенова** — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
- **А.Б. Синельников** — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- **Д.С. Сомов** – доктор педагогических наук, директор гимназии № 710 Российской академии образования
- **А.А. Спектор** – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
- **Р.Ф. Степаненко** — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
- **Д.П. Стригунова** — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
- **В.Н. Ткачев** — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова
- **Н.Е. Толстая** – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института
- **А.Г. Тюриков** — доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
- **М.С. Халиков** — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы
- **Н.П. Ходакова** — доктор педагогических наук, доцент, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

- **Г.Г. Черемных** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, нотариус г. Москвы, член Правления Московской городской нотариальной палаты

- **Х.С. Шагбанова** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член–корреспондент РАЕН

- **Г.Г. Шинкарецкая** — доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Editorial Board:

Editor-in-chief: **Grudtsina Ludmila Yurievna**, doctor of law, professor, professor of the Department of civil law and civil process of the Northwestern Institute (branch) of the O.E. Kutafin University (Moscow State University), expert of the Center for scientific and expert analytics of the International competence center of the Russian State Academy of Intellectual Property, expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

First Deputy Editor-in-Chief: **Shaikhullin Marat Selyovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

Deputy Editor-in-Chief: **Ryzhov Valery Borisovich**, Ph.D., associate professor, associate professor, Department of state and municipal administration, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

- **E.V. Alferova** — Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Law of the Institute of Scientific Information in the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
- **E.G. Bagreeva** — Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activities of FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»
- **A.V. Barkov** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.
- **N.I. Besedkina** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation
- **E.V. Bogdanov** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov
- **O.N. Bulakov** — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Human
- **E.V. Voevoda** — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, Professor of the Department of English No. 2 of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs
- **A.V. Gavrilin** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Full Member of the APSN, Head of the Department of Theory and Methods of Education of the Vladimir Institute for the Development of Education named after L.I. Novikova
- **M.A. Gazimagomedov** — candidate of legal sciences, acting professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Institute of Finance and Law, member of the Association of Lawyers of Russia, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Professor of Law of the Institute of Law, Notary and International Relations
- **M.A. Goncharov** — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute «Higher School of Education,» Professor of the Department of Pedagogy of the Institute «Higher School of Education» of Moscow Pedagogical State University
- **S.A. Grimalskaya** — candidate of legal sciences, associate professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»

- **I.V. Doinikov** — Doctor of Law, Professor, Professor, Moscow City University of Management of the Moscow Government
- **A.A. Dorskaya** — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen
- **V.B. Israelyan** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Jurisprudence, Moscow City University of Management of the Moscow Government, Leading Research Fellow at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
- **A.S. Kagosyan** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Academic College of the International Innovation University (Sochi), Honorary Worker of Secondary Professional Education of the Russian Federation
- **R.A. Kalamkaryan** — Doctor of Law, Professor, Leading Researcher in the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Russian University of Peoples' Friendship
- **V.P. Kamyshansky** — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law, FSBOU VPO «Kuban State Agrarian University,» Head of the Department of Civil Law and Process, Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Rossinsky, Honorary Worker
- **I.A. Konyukhova** — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor of the Department of Constitutional Law of the Russian Academy of Justice
- **N.N. Kosarenko** — candidate of philosophical sciences, candidate of legal sciences, associate professor of the Department of State Legal Disciplines of Moscow Humanities University
- **N.V. Krotkova** — candidate of legal sciences, leading researcher in the sector of constitutional law and constitutional justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief of the journal «State and Law»
- **Z.I. Kurtseva** — a doctor of pedagogical sciences, the associate professor, professor of department of rhetoric and the standard of speech of Institute of philosophy of the Moscow pedagogical state university
- **A.N. Levushkin** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice
- **V.E Melamud** — Doctor of Pedagogical Sciences, Corresponding Member of the International Academy of Management, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation, Director of the Izmailovsky Gymnasium No. 1508 of Moscow
- **V.S. Meskov** — Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of Pedagogy, Institute «Higher School of Education» of Moscow Pedagogical State University
- **A.Kh. Mindagulov** — Doctor of Law, Professor (Republic of Kazakhstan)
- **V.O. Mironov** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Customs Management of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs
- **Yu.V. Nikolaeva** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation
- **A.V. Ragulin** — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on the Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers of the Russian Bar Guild

- **A.V. Rogova** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy of the Psychological and Pedagogical Faculty of Transbaikal State University, member of the Scientific Council on the Problems of the History of Education and Pedagogical Science at the Institute of Theory and History of Pedagogy RAO, Honored Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education
- **N.V. Semenova** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor, Department of Pedagogy, Pedagogical Institute of Pacific State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
- **A.B. Sinelnikov** — doctor of sociological sciences, professor, professor, Department of sociology of the family and demography, sociological faculty, Lomonosov Moscow State University
- **D.S. Somov** — Doctor of Pedagogical Sciences, Director of Gymnasium No. 710 of the Russian Academy of Education
- **A.A. Spector** — Doctor of Law, Professor of the Department of Entrepreneurial Law of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin
- **R.F. Stepanenko** — Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Kazan (Volga) Federal University
- **D.P. Strigunova** — Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of International and Integration Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
- **V.N. Tkachev** — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov
- **N.E. Tolstaya** — Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Rector of the Sergiev Posad Humanitarian Institute
- **A.G. Tyurikov** — doctor of sociological sciences, professor, professor, Department of sociology, FSOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»
- **M.S. Khalikov** — doctor of sociological sciences, professor, professor, Department of personnel management, Institute of public service and management, Russian Academy of national economy and public service
- **N.P. Khodakova** — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Teaching Methods, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University
- **G.G. Cheremnykh** — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Notary of Moscow, Member of the Board of the Moscow City Notary Chamber
- **H.S. Shagbanova** — doctor of philology, associate professor, professor of the Department of philosophy, foreign languages and humanitarian training of employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute of advanced training of employees of the Ministry of internal affairs of Russia, corresponding member of the Russian Academy of natural sciences
- **G.G. Shinkaretskaya** — Doctor of Law, Chief Researcher, International Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

- ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА
- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
- КРИМИНОЛОГИЯ
- ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
- КРИМИНАЛИСТИКА
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Специальность: 5.1.5. – Международно-правовые науки (юридические науки)

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ
- МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО
- МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.4. – Criminal Law Sciences (Law Sciences)

- THEORY OF CRIMINAL LAW
- CRIMINAL LAW AND PROCESS
- CRIMINOLOGY
- CRIME AND PUNISHMENT
- FORENSICS
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Specialty: 5.1.5. - International legal sciences (legal sciences)

- HUMAN RIGHTS IN THE WORLD
- INTERNATIONAL LEGAL RELATIONS
- INTERNATIONAL LAW MAKING
- PUBLIC INTERNATIONAL LAW
- INTERNATIONAL ECONOMIC LAW
- INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ
научных статей, направленных в редакцию научно-правового журнала «Международный научный вестник»

1.Рецензируемое научное издание – научно-правовой журнал «Международный научный вестник» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, докторами или кандидатами юридических наук, и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой научной статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции рецензируемого научного издания в течение пяти лет.

2.Редакция научно-правового журнала «Международный научный вестник» направляет авторам представленных материалов копии рецензий и/или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию научно-правового журнала «Международный научный вестник» соответствующего запроса.

3.Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

4.Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту.

5.Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6.По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

Содержание:

БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Бородавко Л.С. * Современные угрозы финансовой безопасности Российской Федерации 23

Карабанов Р.М. * Новеллы правового регулирования обеспечения безопасности и правопорядка в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы 32

Гаврилкин В.В. * Особенности риск-ориентированного подхода при проведении проверок в рамках государственного финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа 40

Радченко Е.П., Зорина Н.С. * Реинтеграция осужденных в общество: образовательный и психологический аспекты 46

Светлов А.И. * Эффективность правового регулирования консульской деятельности в Российской Федерации: международное и национальное измерение 51

Шестак В.А., Гордеев С.В. * О реализации социальных выплат, предоставляемых участникам специальной военной операции 56

Ширёва И.В., Ширёв Д.А. * Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития 63

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Фиалковская Е.В. * Профилактика суицидального поведения у несовершеннолетних 71

Дмитриев Г.Г. * Уголовные традиции экстремальных ситуаций 75

Полякова Я.Н. * Дети «группы риска» и несовершеннолетние осужденные: их нравственная мотивация 79

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Бажанов С.А. * Развитие пенитенциарных правовых основ 84

Майстренко Г.А. * Цифровая валюта в механизме уголовно-правовой конфискации и уголовно-процессуального изъятия: проблемы реализации новых норм УК РФ и УПК РФ 91

Канубриков В.А., Волошина О.П. * К вопросу о противодействии деятельности экстремистских организаций в информационном пространстве: нейтрализация дезинформации и фальсификации 95

Царькова Е.Г. * Концептуальные основы внедрения искусственного интеллекта в деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 99

Казберов П.Н. * Структурно-функциональная модель подготовки пенитенциарного персонала к действиям в экстремальных условиях 105

Ковалев О.Г. * Характеристика отдельных этических требований к сотрудникам уголовно-исполнительной системы 110

Пилюшин И.П. * Комбинированная мера пресечения 116

Радченко Е.П., Бажанов С.А. * Тенденции использования лишения свободы для понимания эффективности уголовного правосудия, разработки реформ и поиска баланса между наказанием, реабилитацией и социальной интеграцией осужденных 120

Тищенко Ю.Ю. * Взаимодействие коллектива при организации воспитательного процесса в исправительном учреждении 125

Кашкина Е.В. * О воспитывающем коллективе несовершеннолетних осужденных 130

Ковалев О.Г. * Система запретов как элемент правового положения осужденных к лишению свободы и их роль в организации исполнения наказания 139

Исакова Т.И., Волченко Ю.А. * Дифференциация сроков проведения первоначальных розыскных мероприятий: проблемы единообразия правоприменительной практики 145

Зиборова Я.С., Ермакова А.В., Андрюхина В.Д., Таран В.А. * Использование систем искусственного интеллекта в построении следственных версий 152

Карабанов Р.М. * Условия и принципы формирования нравственной устойчивости сотрудников исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы 159

Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Основные категории цифровых прав осужденных к лишению свободы и особенности их реализации в условиях исправительного учреждения 165

КРИМИНОЛОГИЯ

Раджабов Ш.Р. * Потенциал мелкого взяточничества: за или против (уголовно-правовой и криминологический анализ) 171

Бодяков В.Н., Морозов Р.М., Владимиров С.В. * Тактико-криминалистические особенности производства допроса при расследовании преступлений, связанных с призывами к осуществлению экстремистской деятельности с использованием сети «Интернет» 176

Мауль М.В. * Личность преступника, посягающего на объекты культурного наследия: криминологический портрет и меры предупреждения 181

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Гримальская С.А., Степанчиков А.М. * Уголовно-правовая характеристика экстремистских преступлений: к вопросу об объекте преступления 188

Шестак В.А. * Соразмерность применения смертной казни за совершение наркопреступлений 195

Майстренко Г.А. * Криминальное использование дипфейков и искусственного интеллекта: проблемы квалификации и доказывания 200

Посашков А.С., Винокуров Э.А. * Процессуальные особенности доказывания экономических преступлений с использованием криптоактивов 205

Керимова М.М. * Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в состоянии аффекта 210

Аминов И.Р., Шарипова Э.А. * Методы и способы совершения мошенничества с помощью информационно-телекоммуникационных технологий 217

Нугуманов А.Р. * Предупреждение преступности несовершеннолетних, связанной с экстремистской деятельностью: криминологический аспект 222

Генадьева О.А., Мальцев С.М. * К вопросу о противодействии киберпреступлениям, совершаемым в информационно-телекоммуникационной среде: мошенничество и его виды 227

Мауль М.В. * Уголовно-правовые меры предупреждения преступлений несовершеннолетних, посягающих на объекты культурного наследия 233

Позднякова В.И. * Вовлечение в террористическую деятельность посредством дистанционных технологий: уголовно-правовая оценка атак с использованием беспилотных воздушных судов 239

Набиев Ф.Ф. * Предупреждение преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: современное состояние, проблемы и перспективы 246

Чернявская С.К. * Заочное судебное разбирательство по уголовным делам в России: пределы допустимости и гарантии права на защиту 250

Гаджиэменов Б.А., Яхьяев А.Т. * Историко-правовое развитие уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, экстремистскую деятельность и преступления против мира и безопасности человечества 257

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Никифорова В.Е. * Цифровизация кадастрового учёта и регистрации прав на земельные участки в ОЭЗ 264

Строгович Ю.Н., Медведева И.Н. * Проблемные вопросы увольнения работников в аттестационном порядке 270

Хрулева Е.А. * Особенности приобретения исключительного права на товарный знак крестьянскими (фермерскими) хозяйствами 275

Ненахов В.В., Неверова О.П., Харлап С.Ю., Барыкина Е.С., Саяфарова Н.А., Чебыкина А.А. * Профилактика деструктивного поведения через вовлечение в проектную деятельность (на примере стройотрядов и волонтерства) 281

Макеева И.О., Яковлева Е.О., Быстров И.Ю. * Сравнительно-правовая оценка нормативных основ регулирования развития и применения искусственного интеллекта 285

Бажанов С.А. * Правовой режим допуска адвоката в здания органов принудительного исполнения: удостоверение статуса или удостоверение личности? 295

Ковалев О.Г. * Порядок и особенности предоставления дополнительных платных услуг подозреваемым и обвиняемым в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы 302

Мерзлякова В.А., Ясонова Ю.Д. * Использование физическим лицом процедуры банкротства как способа сокрытия легализации денежных средств и имущества, полученных им преступным путем 307

Рыбкин Р.В. * Конституирование правосубъектности параорганизаций между договорной практикой и молчаливым признанием 311

Ильясов О.Р., Синько В.Н., Шиловцев А.В., Быкова О.А., Кошеленко Л.В. * Особенности травматизма в профессиональной деятельности работников здравоохранения 316

Кухарев Ю.С., Букалова М.А., Галаева Л.М. * Злоупотребление правовой фикцией как дефект юридической техники.....321

Никифорова В.Е. * Правовые риски инвестора при аренде земли в ОЭЗ: проблемы субаренды и перенайма 325

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Перминова А.С. * Механизм административно-правового регулирования досудебного обжалования 331

Шестак В.А., Политов Г.К. * Особенности административно-правового статуса граждан Российской Федерации во вновь присоединенных субъектах 338

Панин Ю.И., Бирмамитова С.А., Чеченова Л.З. * Административная ответственность сотрудников УИС за нарушения ПДД, выявленные средствами автоматической фиксации административных правонарушений.....343

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Собакарева Е.В., Копеин А.Ф.* Правовые и теоретические основы огневой подготовки сотрудников МВД 346

Карпова А.В. * Формирование готовности сотрудников органов внутренних дел к взаимодействию со средствами массовой информации в процессе профессиональной подготовки.....351

Витушкин А.В., Новиков В.А., Тихов В.В., Комиссар И.Н. * Использование современных технологических решений и методов обучения, для повышения уровня результатов стрельбы из боевого оружия при организации образовательного процесса в высших учебных заведениях ФСИН России 357

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ

Абрамов М.О. * Механизмы защиты прав предпринимателей при осуществлении государственного контроля в России.....362

Ковалев О.Г. * Право осужденных к лишению свободы на личную безопасность (организационно-правовой и психологический аспекты).....367

Царькова Д.В. * Право на семью в универсальной и региональной системах права: общее и особенное 375

Диваева И.Р. * Соотношение тайны усыновления и конфиденциальности вспомогательных репродуктивных технологий: уголовно-правовой и этический аспекты охраны частной жизни.....380

Радченко Е.П., Бажанов С.А. * Правовые и организационные аспекты деятельности исправительных центров.....383

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Дорская А.А., Копчёнов А.М. * Правовой статус космического туриста: сравнительный анализ подходов Российской Федерации и США.....388

Кузьмин М.А. * Трансграничное электронное взаимодействие в сфере юстиции: понятие, виды 395

Симачкова Н.Н., Чупина И.П., Зарубина Е.В., Егоров С.Г., Кошеленко Л.В., Чернов С.А. * Основные тенденции развития земельного законодательства в Западной Европе.....407

Налбандян В.А. * Правовое регулирование обращения фальсифицированных, контрафактных и недоброкачественных лекарственных средств: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и зарубежных стран 414

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Лукашенко Д.В. * Пенитенциарная система Республики Казахстан.....419

Косовская В.А. * Международное нормотворчество: сущность и эффективность современных способов создания правовых норм.....424

Алешина А.В. * Принцип сотрудничества государств как основа эффективного международного взаимодействия в сфере правотворчества 428

Антонова Н.В., Басангов Д.А., Буй Д.Х. * Роль правовых традиций в формировании культуры правотворчества: сравнительно-правовой анализ Российской Федерации и социалистической республики Вьетнам 431

Шаламов А.А. * Добровольность в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья 442

Харатян Н.Г. * Государственный контроль (надзор) за соблюдением технических регламентов ЕАЭС: международно-правовые основы и национальные механизмы реализации.....448

Иванова С.С. * Особенности региональных систем регулирования биотехнологий: на примере ЕС и

Андского сообщества 455
Дорская А.А., Ларионов А.С. * Роль конвенций МОТ в формировании национального трудового законодательства: теоретико-правовой анализ 464
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО
Обидов М. * Влияние искусственного интеллекта на развитие международной цифровой экономики 472
ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО
Коблов Ф.Ч. * О некотором опыте факультета профессиональной подготовки Краснодарского университета МВД России по обучению сотрудников, впервые принятых на службу в ОВД России 476
Галушина П.С., Неверова О.П., Степанов А.В., Ражина Е.В., Павлова Я.С., Барыкина Е.С. * Коучинг как инструмент формирования инициативности студентов 486
Татарчук А.П., Иванова М.С., Садов А.А., Шорохов П.Н., Бабкина А.А., Голдина И.И. * Виртуальная реальность в аграрном образовании 493
Кошеленко Л.В., Шиловцев А.В., Синько В.Н., Егоров С.Г., Ильясов О.Р. * Дистанционное обучение студентов вуза в процессе преподавания 498
Горелик А.С., Харлап С.Ю., Ненахов В.В., Саяфарова Н.А., Барыкина Е., Смернягин Л.И. * Демонстрационный экзамен как форма промежуточной аттестации в колледжах аграрного сектора 503
Укроженко Д.С., Неверова О.П., Лопаева Н.Л., Павлова Я.С., Чебыкина А.А., Канев П.Н. * Соответствие образовательных программ требованиям работодателей 507
Галушина П.С., Барыкина Е.С., Укроженко Д.С., Павлова Я.С., Копарулина А.Е., Самойлова С.А. * Smart skills: ведущие навыки студента выпускного курса бакалавриата 512
Саяфарова Н.А., Харлап С.Ю., Ненахов В.В., Укроженко Д.С., Чебыкина А.А., Барыкина Е.С. * Современные образовательные технологии преподавания дисциплин естественно-научного цикла на факультете среднего профессионального образования 518
Казначеев В.А., Туманова Е.В., Крапивин О.В., Сирякова Е.О., Голубкина А.М. * Формирование цифровых компетенций у курсантов ведомственных вузов ФСИН и МВД России 523
Кошеленко Л.В., Шиловцев А.В., Синько В.Н., Егоров С.Г., Ильясов О.Р. * Образовательное пространство как фактор формирования мотивации к здоровому образу жизни у молодежи 528
Укроженко Д.С., Степанов А.В., Чебыкина А.А., Саяфарова Н.А., Ненахов В.В., Канев П.Н. * Рейтингование вузов: влияние на качество образования 533
Бабкина А.А., Салихова М.Н., Садов А.А., Шорохов П.Н., Татарчук А.П., Иванова М.С. * Педагогическая поддержка одарённых студентов аграрных вузов при преподавании различных дисциплин 539
Голдина И.И., Иовлев Г.А., Зорков В.С., Бабкина А.А., Пильников Л.Н. * Формирование предпринимательских компетенций у студентов аграрных вузов: состояние, практики и перспективы 544
Галушина П.С., Лоретц О.Г., Неверова О.П., Степанов А.В., Укроженко Д.С., Барыкина Е.С.* Академическая прокрастинация у студентов бакалавриата: анализ причин, последствий и стратегий преодоления 549
Укроженко Д.С., Степанов А.В., Галушина П.С., Саяфарова Н.А., Ненахов В.В., Канев П.Н. * Практика и стажировки как элемент образовательного процесса.....554
Кошеленко Л.В., Шиловцев А.В., Синько В.Н., Егоров С.Г., Смирнова Е.С. * Формирование профессионально-эстетической культуры у будущих специалистов сельскохозяйственных предприятий.....559
Вилкова А.В., Полякова Я.Н. * Проблемы мотивации курсантов образовательных организаций высшего образования ФСИН России к познавательной деятельности 566
ИННОВАЦИИ
Лопаева Н.Л., Степанов А.В., Павлова Я.С., Смирнова Е.С., Барыкина Е.С., Неверова О.П. * Антропогенное влияние на природные экосистемы 571
Укроженко Д.С., Галушина П.С., Чебыкина А.А., Саяфарова Н.А., Ненахов В.В., Канев П.Н. * Перевернутый класс: эффективность применения 576
Галушина П.С., Лоретц О.Г., Неверова О.П., Степанов А.В., Шаравьев П.В., Барыкина Е.С. *

Педагогические подходы к повышению вовлечённости студентов в обучение....581
Астраханцева А.С. * Дефицит человеческого капитала как фактор сдерживания логистического развития....588
Лопаева Н.Л., Павлова Я.С., Смирнова Е.С., Барыкина Е.С., Неверова О.П., Шаравьев П.В.* Технология производства чернослива....593
Укроженко Д.С., Неверова О.П., Лопаева Н.Л., Смирнова Е.С., Чебыкина А.А., Канев П.Н.* Использование LMS-систем в СПО и ВО....597
Семенов А.А., Аветисян К.Р. * Методы представления текстовой информации и архитектура трансформеров в задачах обработки языка....602
Ражина Е.В., Смирнова Е.С., Ильясов О.Р., Неверова О.П., Галушина П.С., Шиловцев А.В. * Особенности оценки качества и безопасности охлажденной рыбы....613
Чупина И.П., Симачкова Н.Н., Зарубина Е.В., Егоров С.Г., Кошеленко Л.В., Стахеева Л.М. * Анализ региональной специфики производства продукции растениеводства в федеральных округах России 619
Кошеленко Л.В., Егоров С.Г., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Стахеева Л.М., Чупина И.П. * Исследование эффективности использования времени современными студентами....627
Укроженко Д.С., Степанов А.В., Ражина Е.В., Галушина П.С., Саяфарова Н.А., Канев П.Н. * Трансформация роли преподавателя в цифровую эпоху....635
Лопаева Н.Л., Павлова Я.С., Смирнова Е.С., Барыкина Е.С., Неверова О.П., Шаравьев П.В. * Технология производства подсолнечного масла....640
Павлова Я.С., Неверова О.П., Степанов А.В., Смирнова Е.С., Барыкина Е.С., Укроженко Д.С. * Переработка агроотходов как элемент циркулярной экономики....644
ИСТОРИЯ ВОПРОСА
Кошеленко Л.В., Шиловцев А.В., Синько В.Н., Егоров С.Г., Смирнова Е.С. * Исследование конкурентоспособности среди студентов УРГАУ....650
Шиловцев А.В., Синько В.Н., Егоров С.Г., Кошеленко Л.В., Ильясов О.Р. * Усадьба Г. Ф. Зотова (г. Екатеринбург) как экскурсионный объект....656
Егоров С.Г., Чупина И.П., Зарубина Е.В., Кошеленко Л.В., Симачкова Н.Н. * Осмысление управленческих вызовов партийным руководством Свердловской области в условиях начала Холодной Войны....663

Content:

STATE SECURITY

Borodavko L.S.* Contemporary threats to the financial security of the Russian Federation.....23

Karabanov R.M. * Novelties of legal regulation of security and law enforcement in correctional institutions and pre-trial detention facilities of the penal system 32

Gavrilkin V.V. * Features of the risk-based approach in conducting inspections within the framework of state financial control in the field of state defense procurement 40

Radchenko E.P., Zorina N.S. * Reintegration of convicts into society: educational and psychological aspects.....46

Svetlov A.I. * Efficiency of legal regulation of consular activities in the Russian Federation: international and national dimensions 51

Shestak V.A., Gordeev S.V. * On the implementation of social benefits provided to participants in a special military operation.....56

Shiryova I.V., Shiryov D.A. * Conservation and sustainable use of the oceans, seas and marine resources for sustainable development 63

CRIMINAL LAW THEORY

Fialkovskaya E.V. * Prevention of suicidal behavior in minors 71

Dmitriev G.G. * Criminal traditions of extreme situations.....75

Polyakova Ya.N. * Children at risk and juvenile convicts: their moral motivation.....79

CRIMINAL LAW AND PROCESS

Bazhanov S.A.* Development of the prison legal framework.....84

Maistrenko G.A. * Digital currency in the mechanism of criminal-law confiscation and criminal-procedural seizure: problems of implementing new provisions of Russian criminal legislation 91

Kanubrikov V.A., Voloshina O.P. * On the issue of countering the activities of extremist organizations in the information space: neutralization of disinformation and falsification 95

Tsarkova E.G. * Conceptual foundations for the implementation of artificial intelligence in the activities of the penal enforcement system of the Russian Federation.....99

Kazberov P.N. * A structural and functional model for training penitentiary personnel to operate in extreme conditions.....105

Kovalev O.G. * Characteristics of certain ethical requirements for employees of the penal enforcement system.....110

Pilyushin I.P. * Combined preventive measure 116

Radchenko E.P., Bazhanov S.A. * Trends in the use of incarceration to understand the effectiveness of criminal justice, develop reforms, and find a balance between punishment, rehabilitation, and social integration of convicts.....120

Tishchenko Yu.Yu. * Collective interaction in the organization of the educational process in a correctional institution.....125

Kashkina E.V. * About the upbringing team of juvenile convicts 130

Kovalev O.G. * The system of prohibitions as an element of the legal status of persons sentenced to imprisonment and their role in the organization of the execution of punishment 139

Isakova T.I., Volchenko Yu.A.* Differentiation of time limits for initial search measures: problems of uniformity in law enforcement practice 145

Ziborova Ya.S., Ermakova A.V., Andryukhina V.D., Taran V.A. * The use of artificial intelligence systems in building investigative versions.....152

Karabanov R.M. * Conditions and principles of forming moral stability of correctional officers of the penitentiary system 159

Kovalev O.G., Melnikova O.V. * Main categories of digital rights of persons sentenced to imprisonment and peculiarities of their implementation in a correctional institution 165

CRIMINOLOGY

Radjabov Sh.R.* The potential of petty bribery: pros and cons (criminal law and criminological analysis)..... 171

Bodyakov V.N., Morozov R.M., Vladimirov S.V. * Tactical and forensic features of interrogation in the investigation of crimes related to calls for extremist activities using the Internet.....176

Maul M.V.* Identity of the perpetrator encroaching on cultural heritage sites: criminological portrait and prevention measures 181

CRIME AND PUNISHMENT

Grimalskaya S.A., Stepanchikov A.M. * Criminal law characterization of extremist crimes: on the issue of the object of the crime 188

Shestak V.A. * The proportionality of the death penalty for drug offenses 195

Maistrenko G.A. * Criminal use of deepfakes and artificial intelligence: qualification and proof issues 200

Posashkov A.S., Vinokurov E.A. * Evidence-based cases of cryptocurrency fraud: substitute account schemes 205

Kerimova M.M. * Problems of qualification of crimes committed in the state of affect 210

Aminov I.R., Sharipova E.A.* Methods and ways of committing fraud using information and telecommunication technologies 217

Nugumanov A.R.* Prevention of juvenile delinquency related to extremist activities: criminological aspect 222

Genadieva O.A., Maltsev S.M. * On countering cybercrimes committed in the information and telecommunications environment: fraud and its types 227

Maul M.V. * Criminal law measures to prevent crimes of minors encroaching on cultural heritage sites 233

Pozdnyakova V.I.* Involvement in terrorist activities through remote technologies: criminal and legal assessment of attacks using unmanned aircraft 239

Nabiev F.F. * Prevention of crimes in the field of information and telecommunications technologies: current status, problems and prospects 246

Cherniavskaia S.K. * Trial in absentia in criminal cases in Russia: limits of admissibility and guarantees of the right to defence 250

Gadzhiemenov B.A., Yakhyaev A.T. * Historical and legal development of criminal liability for rehabilitation of nazism, extremist activity and crimes against peace and security of mankind 257

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Nikiforova V.E. * Digitalization of cadastral registration and registration of land rights in special economic zones 264

Strogovich Yu.N., Medvedeva I.N. * Problematic issues of employee dismissal in the certification procedure 270

Khruleva E.A. * Features of the acquisition of the exclusive right to a trademark by peasant (farmer) farms... 275

Nenakhov V.V., Neverova O.P., Kharlap S.Yu., Barykina E.S., Sayafarova N.A., Chebykina A.A. * Prevention of destructive behavior through involvement in project activities (using construction teams and volunteering as an example) 281

Makeeva I.O., Yakovleva E.O., Bystrov I.Yu. * Comparative legal assessment of the regulatory framework development and application of artificial intelligence 285

Bazhanov S.A. * Legal regime for advocate access to buildings of enforcement authorities: proof of status or proof of identity? 295

Kovalev O.G.* The procedure and specifics of providing additional paid services to suspects and accused persons in pre-trial detention facilities of the penal system 302

Merzlyakova V.A., Yasonova Yu.D. * The use of bankruptcy proceedings by an individual as a means of concealing the legalization of funds and property obtained through criminal means 307

Rybkin R.V. * Constituting the legal personality of paraorganizations between treaty practice and tacit recognition 311

Ilyasov O.R., Sinko V.N., Shilovtsev A.V., Bykova O.A., Koshelenko L.V. * Features of injuries in the professional activities of healthcare workers 316

Kukharev Yu.S., Bukalova M.A., Galaeva L.M. * Abuse of legal fiction as a defect in legal technique 321

Nikiforova V.E. * Legal risks of an investor when leasing land in an SEZ: issues of sublease and lease reassignment 325

ADMINISTRATIVE LAW

Perminova A.S. * Mechanism of administrative and legal regulation of pre-trial appeal 331

Shestak V.A., Politov G.K. * Features of the administrative and legal status of citizens of the Russian Federation in the newly accredited subject of the Russian Federation 338

Panin Yu.I., Birmamitova S.A., Chechenova L.Z. * Administrative liability of correctional service employees for road traffic violations detected by automatic administrative violation recording devices.....343

OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Sobakareva E.V., Kopein A.F.* Legal and theoretical foundations of fire training for ministry of internal affairs employees.....346

Karpova A.V.* Developing the readiness of law enforcement officials to interact with the media during professional training.....351

Vitushkin A.V., Novikov V.A., Tikhov V.V., Komissar I.N. * Using modern technological solutions and teaching methods to improve performance in shooting with combat weapons when organizing the educational process in higher educational institutions of the federal penitentiary service of Russia.....357

HUMAN RIGHTS IN THE WORLD

Abramov M.O. * Mechanisms for protecting the rights of entrepreneurs during the implementation of state control in Russia.....362

Kovalev O.G. * The right of persons sentenced to imprisonment to personal safety (organizational, legal and psychological aspects).....367

Tsarkova D.V. * The right to a family in universal and regional legal systems: general and specific features... 375

Divaeva I.R. * The relationship between adoption secrecy and the confidentiality of assisted reproductive technologies: criminal law and ethical aspects of protecting privacy.....380

Radchenko E.P., Bazhanov S.A. * Legal and organizational aspects of correctional centers.....383

INTERNATIONAL LEGAL RELATIONS

Dorskaya A.A., Kopchenov A.M.* Legal status of a space tourist: a comparative analysis of the approaches of the Russian Federation and The United States.....388

Kuzmin M.A. * Cross-border electronic interaction in the field of justice: concept and types.....395

Simachkova N.N., Chupina I.P., Zarubina E.V., Egorov S.G., Koshelenko L.V., Chernov S.A. * The main trends in the development of land legislation in Western Europe.....407

Nalbandian V.A. * Legal regulation of the circulation of falsified, counterfeit and substandard medicines: a comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and foreign countries.....414

INTERNATIONAL JURISPRUDENCE

Lukashenko D.V.* Penitentiary system of the Republic of Kazakhstan.....419

Kosovskaya V.A.* International rulemaking: the essence and effectiveness of modern ways of creating legal norms.....424

Aleshina A.V. * The principle of state cooperation as the basis for effective international cooperation in the field of law-making.....428

Antonova N.V., Basangov D.A., Bui D.H. * The role of legal traditions in the formation of a culture of lawmaking: a comparative legal analysis of Russian Federation and the socialist republic of Vietnam.....431

Shalamov A.A.* Voluntariness in the criminal legislation of neighboring countries.....442

Kharatyan N.G. * State control (supervision) over compliance with EAEU technical regulations: international legal foundations and national implementation mechanisms.....448

Ivanova S.S.* Features of regional biotechnology regulation systems: a case study of the European Union and the Andean community.....455

Dorskaya A.A., Larionov A.S. * The role of the ILO conventions in the formation of national labor legislation: theoretical and legal analysis.....464

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

Obidov M. * The impact of artificial intelligence on the development of the international digital economy..... 472

EDUCATION AND LAW

Koblov F.Ch. * On the experience of the faculty of professional training at the krasnodar university of the ministry of internal affairs of the Russian Federation in training officers who have been first recruited to the ministry of internal affairs of the Russian Federation.....476

Galushina P.S., Neverova O.P., Stepanov A.V., Razhina E.V., Pavlova Ya.S., Barykina E.S. * Coaching as a tool for developing students' initiative.....486

Tatarchuk A.P., Ivanova M.S., Sadov A.A., Shorokhov P.N., Babkina A.A., Goldina I.I. * Virtual reality in agricultural education.....493

Koshelenko L.V., Shilovtsev A.V., Sinko V.N., Egorov S.G., Ilyasov O.R. * Distance learning for university students in the teaching process 498
Gorelik A.S., Kharlap S.Yu., Nenakhov V.V., Sayafarova N.A., Barykina E.S., Smernyagin L.I. * Demonstration exam as a form of intermediate certification in colleges of the agricultural sector 503
Ukrozhenko D.S., Neverova O.P., Lopaeva N.L., Pavlova Ya.S., Chebykina A.A., Kanev P.N. * Compliance of educational programs with employer requirements 507
Galushina P.S., Barykina E.S., Ukrozhenko D.S., Pavlova Ya.S., Koparulina A.E., Samoilova S.A.* Smart skills: the leading skills of a bachelor's degree student 512
Sayafarova N.A., Harlap S.Yu., Nenakhov V.V., Ukrozhenko D.S., Chebykina A.A., Barykina E.S.* Modern educational technologies for teaching natural science disciplines at the faculty of secondary vocational education 518
Kaznacheev V.A., Tumanova E.V., Krapivin O.V., Siryakova E.O., Golubkina A.M. * Development of digital competencies in cadets of departmental universities of the federal penitentiary service and the ministry of internal affairs of Russia 523
Koshelenko L.V., Shilovtsev A.V., Sinko V.N., Egorov S.G., Ilyasov O.R. * Educational space as a factor in the formation of motivation for a healthy lifestyle for young people 528
Ukrozhenko D.S., Stepanov A.V., Chebykina A.A., Sayafarova N.A., Nenakhov V.V., Kanev P.N.* University rankings: impact on education quality 533
Babkina A.A., Salikhova M.N., Sadov A.A., Shorokhov P.N., Tatarchuk A.P., Ivanova M.S.* Pedagogical support for gifted students of agricultural universities in teaching various disciplines 539
Goldina I.I., Iovlev G.A., Zorkov V.S., Babkina A.A., Pilnikov L.N. * Developing entrepreneurial competencies in students of agrarian universities: current status, practices, and prospects 544
Galushina P.S., Loretz O.G., Neverova O.P., Stepanov A.V., Ukrozhenko D.S., Barykina E.S.* Academic procrastination in undergraduate students: an analysis of causes, consequences, and coping strategies..... 549
Ukrozhenko D.S., Stepanov A.V., Galushina P.S., Sayafarova N.A., Nenakhov V.V., Kanev P.N. * Internships and practical training as an element of the educational process 554
Koshelenko L.V., Shilovtsev A.V., Sinko V.N., Egorov S.G., Smirnova E.S. * Formation of professional and aesthetic culture among future specialists of agricultural enterprises 559
Vilkova A.V., Polyakova Ya.N.* The problem of motivation of cadets of educational organizations of higher education the FSIN to cognitive activity 566

INNOVATION

Lopaeva N.L., Stepanov A.V., Pavlova Ya.S., Smirnova E.S., Barykina E.S., Neverova O.P. * Anthropogenic impact on natural ecosystems 571
Ukrozhenko D.S., Galushina P.S., Chebykina A.A., Sayafarova N.A., Nenakhov V.V., Kanev P.N. * Flipped classroom: effectiveness of application 576
Galushina P.S., Loretz O.G., Neverova O.P., Stepanov A.V., Sharaviev P.V., Barykina E.S. * Pedagogical approaches to increasing student engagement in learning 581
Astrakhantseva A.S. * Human capital shortage as a logistics development holding back factor 588
Lopaeva N.L., Pavlova Ya.S., Smirnova E.S., Barykina E.S., Neverova O.P., Sharavyev P.V. * Technology of prune production 593
Ukrozhenko D.S., Neverova O.P., Lopaeva N.L., Smirnova E.S., Chebykina A.A., Kanev P.N. * Use of LMS systems in secondary vocational education and higher education 597
Semenov A.A., Avetisyan K.R. * Methods of representing text information and transformer architecture in language processing problems 602
Razhina E.V., Smirnova E.S., Ilyasov O.R., Neverova O.P., Galushina P.S., Shilovtsev A.V. * Features of quality and safety assessment of cooled fish 613
Chupina I.P., Simachkova N.N., Zarubina E.V., Yegorov S.G., Koshelenko L.V., Staheeva L.M.* Analysis of regional specifics of crop production in the federal districts of Russia 619
Koshelenko L.V., Egorov S.G., Zarubina E.V., Simachkova N.N., Stakheeva L.M., Chupina I.P. * Study of the effectiveness of time use by modern students 627
Ukrozhenko D.S., Stepanov A.V., Razhina E.V., Galushina P.S., Sayafarova N.A., Kanev P.N.* Transforming the role of the teacher in the digital age 635
Lopaeva N.L., Pavlova Ya.S., Smirnova E.S., Barykina E.S., Neverova O.P., Sharavyev P.V. * Technology

of vegetable oil production.....640
Pavlova Ya.S., Neverova O.P., Stepanov A.V., Smirnova E.S., Barykina E.S., Ukrozhenko D.S. * Agricultural waste recycling as an element of the circular economy 644
BACKGROUND
Koshelenko L.V., Shilovtsev A.V., Sinko V.N., Egorov S.G., Smirnova E.S. * Competitiveness research among USAU students.....650
Shilovtsev A.V., Sinko V.N., Egorov S.G., Koshelenko L.V., Ilyasov O.R. * G. F. Zotov's manor (Yekaterinburg) as an excursion object 656
Egorov S.G., Chupina I.P., Zarubina E.V., Koshelenko L.V., Simachkova N.N. * The Sverdlovsk region party leadership's understanding of managerial challenges at the dawn of the Cold War.....663

БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-23-31

БОРОДАВКО Любовь Сергеевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансового и стратегического менеджмента, ORCID 0000-0003-2692-4730, Иркутский государственный университет путей сообщения,

e-mail: borodavkols@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Представленная статья посвящена современным угрозам финансовой безопасности России. Обоснована необходимость восприятия угроз как центрального элемента концепции обеспечения финансовой безопасности государства. Исследованы подходы к определению сущности угроз экономической безопасности с учетом взаимосвязи с понятиями «опасность» и «риск». Сформулировано авторское определение понятие «угрозы», которое более полно раскрывает его сущность. Раскрыты основные особенности угроз в концепции обеспечения финансовой безопасности. Уточнено понятие «угроза финансовой безопасности». Приведены взгляды отечественных авторов на классификацию и виды современных угроз финансовой безопасности. Представлен авторский взгляд на классификацию угроз финансовой безопасности государства. Выделены наиболее актуальные угрозы финансовой безопасности Российской Федерации в сложившихся условиях санкционного давления и высокого уровня неопределенности. В заключении отмечена возможность оценки уровня финансовой безопасности именно с учетом предложенной классификации угроз.*

Ключевые слова: *финансовая безопасность, государство, угрозы финансовой безопасности, источники финансовых угроз, факторы финансовых угроз.*

BORODAVKO Lyubov Sergeevna,

PhD in Economics, Associate Professor Associate Professor, Department of Financial and Strategic Management, Irkutsk State Transport University

CONTEMPORARY THREATS TO THE FINANCIAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article examines contemporary threats to Russia's financial security. It substantiates the need to perceive threats as a central element of the concept of ensuring the state's financial security. Approaches to defining the nature of economic security threats are explored, taking into account the relationship with the concepts of "danger" and "risk". The author's definition of the concept of "threat" is formulated, more fully revealing its essence. The key characteristics of threats within the concept of financial security are revealed. The concept of "threat to financial security" is clarified. The views of Russian authors on the classification and types of modern threats to financial security are presented. The author presents a perspective on the classification of threats to the state's financial security. The most pressing threats to the Russian Federation's financial security are identified in the current context of sanctions pressure and high levels of uncertainty. The conclusion notes the feasibility of assessing the level of financial security using the proposed threat classification.*

Key words: *financial security, state, threats to financial security, sources of financial threats, factors of financial threats.*

Финансовая безопасность государства вне зависимости от уровня его развития и социально-экономической системы является важнейшей характеристикой, отражающей способность сохранять устойчивость и обеспечивать собственный финансовый суверенитет. Финансовая безопасность является центральным элементом экономической безопасности, поскольку она обеспечивает наличие и эффективное распределение

достаточных для функционирования государства финансовых ресурсов. В свою очередь, экономическая безопасность обеспечивает защиту национальных интересов государства, что составляет основу национальной безопасности в целом. Именно поэтому все разрабатываемые меры и осуществляемые действия в области обеспечения необходимого уровня финансовой безопасности в любых обстоятельствах имеют огромное значение для будущего состояния государства. При этом меры обеспечения финансовой безопасности государства должны разрабатываться в соответствии с актуальными условиями, формирующими финансовую реальность для всех экономических субъектов. Эти условия определяют потенциальные возможности и угрозы, учет которых позволяет сформировать наиболее целесообразную стратегию обеспечения финансовой безопасности государства.

На наш взгляд, именно угрозы занимают в вопросах обеспечения финансовой безопасности центральное место. Именно понимание сущности существующих в принципе и наиболее актуальных угроз в текущее время позволяют не просто своевременно реагировать на какие-либо события, а в целом формировать грамотную концепцию финансовой безопасности, придерживаясь которой государство способно защищать собственные национальные интересы. Причинами необходимости фокусирования именно на угрозах в вопросах обеспечения финансовой безопасности довольно просты. Во-первых, именно возможность возникновения или наличия конкретных угроз является исходным основанием для существования самой концепции экономической безопасности. Без них невозможно говорить о безопасности как об явлении в рамках функционирования любого экономического субъекта. Во-вторых, четкое понимание угроз позволяет формировать на практике превентивную стратегию финансовой безопасности, что является наиболее оптимальным подходом. Учитывая, насколько быстро способны меняться условия в области финансовой деятельности, это является крайне полезным. В-третьих, без четкого определения угроз невозможно эффективно расходовать имеющиеся в распоряжении государства финансовые ресурсы, которые по своей сути являются ограниченными. В противном случае может наблюдаться их распыление, что неизменно нанесет существенный ущерб финансовому состоянию государства. В-четвертых, именно угрозы определяют структуру выстраиваемой системы обеспечения финансовой безопасности. Большая часть инструментов разработана именно в соответствии с конкретными угрозами. В-пятых, изменчивость угроз определяют динамичный характер системы финансовой безопасности. Невозможно единожды создать устойчивую систему, без сохранения возможности адаптации к постоянно меняющимся условиям финансовой реальности, она довольно быстро перестанет быть эффективной и не будет справляться со своими задачами. Таким образом, в области обеспечения финансовой безопасности государства должна не просто создаваться система, а она должна быть ориентирована как на актуальные, так и на потенциальные угрозы. И это позволяет обеспечивать не просто своевременное реагирование на изменяющиеся обстоятельства, а иметь в распоряжении арсенал многообразных инструментов и институциональных возможностей для быстрой адаптации с целью защиты различных аспектов финансового состояния государства. И это доказывает необходимость дальнейших исследований угроз финансовой безопасности Российской Федерации, особенно в сложившихся социально-экономических условиях.

Прежде чем приступить к исследованию угроз финансовой безопасности России, обратимся к пониманию сущности самого понятия «угроза». Среди научных публикаций отечественных авторов в области экономической безопасности довольно часто уделяется внимание исследованию данного понятия, даже с учетом того, что оно закреплено в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [1]. Угрозу определяют как неблагоприятное для экономического субъекта развитие событий [2], как намерение причинить вред [3, 4], как снижение способности выполнять собственные функции [5], как возможность появления разрушающих факторов [6]. Но чаще всего угрозу рассматривают как непосредственную форму проявления опасности [7, 8, 9]. Именно последняя точка зрения на сущность угрозы явно указывает на ее тесную взаимосвязь с опасностью. Оспаривать наличие такой связи между понятиями «опасность», «угроза» и «риск» не представляется возможным, поскольку все три понятия оказывают прямое влияние на формирование всех процессов в рамках обеспечения экономической безопасности любого экономического субъекта. И.А. Сушкова довольно подробно в своей работе разбирает взаимосвязь между этими понятиями, добавляя к данной цепочке еще и понятие «вызов» [8]. Признавая наличие тесной и четкой взаимосвязи между всеми этими понятиями, мы видим в определении этого автора некоторые неточности. Понятие «вызов» довольно широко используется во всех сферах. Применительно к концепции

экономической безопасности под вызовом, на наш взгляд, необходимо понимать условия, определяющие контуры существования всех экономических субъектов и формирующиеся под влиянием явлений, процессов, ограничений и возможностей области функционирования общества на конкретном этапе его развития. Так, в свое время вызовом для организаций было появление конвейера. В последние годы вызовом для всех субъектов экономики является цифровизация во всех сферах и отраслях. Вызов сам по себе не означает наступления негативных последствий, он меняет условия, в которых субъект будет вынужден существовать ближайшее время и искать наиболее эффективные пути функционирования или развития собственной деятельности.

Термин «опасность» уже больше связан с различными процессами обеспечения экономической безопасности, поскольку обозначает конкретные проявления окружающей действительности для экономического субъекта, которые потенциально могут иметь негативные последствия. Но при этом стоит понимать, что опасность невозможно проанализировать. Опасность – это конкретные условия функционирования субъекта, которые при отсутствии должного внимания к собственным действиям способны быстро трансформироваться в непосредственную угрозу. Именно поэтому, в отличии от вызова, опасность уже является субъективной реальностью, а значит она оказывает непосредственное влияние на будущее функционирование экономического субъекта и определяется исходя из его характеристик и индивидуальных особенностей.

Угроза формируется в условиях опасности, принимая определенную форму. Угроза – это осязаемая форма опасности, которые уже можно структурировать несмотря на их постоянную мутацию [10]. Опасность трансформируется в угрозу в условиях активных действий экономических субъектов в каком-либо направлении своего функционирования. При этом, сам экономический субъект будет непосредственно взаимодействовать с другими субъектами, а вместе они будут формировать реальные обстоятельства, в которых и необходимо осуществлять действия. В этом случае экономический субъект уже будет испытывать на себе воздействие других субъектов, которые могут сказаться на результатах его деятельности. Следовательно, под угрозой, на наш взгляд, необходимо понимать совокупность обстоятельств, складывающихся в результате взаимодействия различных экономических субъектов и способных привести к реализации негативных последствий для деятельности конкретного экономического субъекта.

В свою очередь, конкретным проявлением угрозы для экономического субъекта является риск, который уже имеет определенные структурные характеристики, а значит может служить объектом управления в рамках обеспечения экономической безопасности. Риск – это актуализация событий, реализация которых способна нанести непосредственный ущерб или убыток экономическому субъекту [11]. Сущность любого риска можно раскрыть через причину возникновения (факт наличия неопределенности будущего), источники (непосредственные события, реализация которых ведет к убытку или ущербу) и факторы (совокупность обстоятельств, обуславливающих возможность реализации событий). В результате этого всегда существует возможность проанализировать риск, то есть определить вероятность его реализации и его уровень как основной показатель.

Исходя из представленных рассуждений, можно сделать вывод, что угрозы в рамках обеспечения экономической безопасности занимают центральное место из-за необходимости их постоянной идентификации с возможностью их нивелирования в будущем за счет целесообразной реакции экономического субъекта. Это необходимо, поскольку именно угрозы являются воплощением опасности, в рамках которой осуществляется деятельность экономического субъекта, а возможность их проявления в виде многообразных рисков дает возможность управления в рамках обеспечения экономической безопасности.

Таким образом, можно отразить важнейшие характеристики угрозы экономической безопасности, которые позволять не только лучше понимать их природу, но и формировать обоснованную реакцию на них. Во-первых, угрозы в рамках концепции экономической безопасности имеют источники и факторы. Источниками угроз являются непосредственные обстоятельства функционирования экономического субъекта, формирующиеся под влиянием взаимодействия с другими субъектами. Факторами выступают различные события в среде экономического субъекта, которые приводят к актуализации угроз. Именно поэтому определять угрозы через набор факторов, не совсем верная точка зрения. Во-вторых, угрозы не могут быть проанализированы, поскольку не имеют структурных характеристик как риск. В результате управление угрозами невозможно, экономическому субъекту остается только осуществлять свою деятельность в соответствии с подходом наиболее целесообразной реакции на сложившиеся обстоятельства, а управлять необходимо

рисками, воплощающимися из конкретных угроз. В-третьих, угрозы в экономической безопасности должны идентифицироваться в соответствии с ее элементами в зависимости от уровня. Так для экономической безопасности на уровне государства угрозы необходимо идентифицировать по отношению к следующим элементам: финансовая, социально-демографическая, продовольственная и т.д. На уровне организации: финансовая, технико-технологическая, кадровая и т.д. Эти характеристики наиболее полно раскрывают природу угроз экономической безопасности, что облегчает ее обеспечение.

Угрозам финансовой безопасности в отечественной научной уделено меньше внимания. Большая часть ученых сходятся во мнении о сущности угроз финансовой безопасности, определяя их через совокупность факторов, влияющих на осуществление финансовой деятельности вне зависимости от субъекта [12, 13, 14, 15]. Поэтому особенно выделяется точка зрения, в рамках которой под угрозами финансовой безопасности понимается отклонение фактических результатов от прогнозных [16]. Мы не можем согласиться с представленными трактовками, поскольку выше уже упоминали о невозможности представлять угрозы через группу факторов, а отклонение фактических результатов деятельности от запланированных может происходить не только в результате действия угроз. На наш взгляд, сущность угроз финансовой безопасности необходимо давать в соответствии с понятием «угроза» в целом, но с учетом особенностей именно данного элемента экономической безопасности. Таким образом, под угрозой финансовой безопасности мы понимаем совокупность обстоятельств, складывающихся в результате взаимодействия различных экономических субъектов в рамках финансовой системы, способных привести к реализации негативных последствий для финансовой деятельности конкретного экономического субъекта.

Если обращаться к изучению непосредственно угроз финансовой безопасности государства, то большая часть авторов научных работ фокусируются либо на их классификации, либо на их непосредственных видах.

Взгляды на классификацию угроз финансовой безопасности довольно часто схожи. Подавляющее большинство работ содержат разделение совокупности угроз финансовой безопасности на внешние и внутренние. Это является бесспорным, поскольку любой экономический субъект испытывает на себе постоянно меняющиеся условия во внутренней и внешней средах. Отдельно выделяют такой классификационный признак как фактор возникновения. В соответствии с ним разделяют правовые, организационные, экономические, политические и социальные угрозы. Также угрозы разделяют по степени влияния на объект бывают прямые (непосредственные) угрозы и опосредованные (косвенные) [12].

Очень распространен признак классификации угроз по сфере или составляющим финансовой безопасности. Здесь уже бывают разные точки зрения. Разделение может быть на угрозы безопасности фондового рынка, бюджетно-налоговой системы, кредитно-банковской системы, валютно-денежной системы [15]. Или на угрозы бюджетной безопасности, валютно-денежной безопасности, инфляционно-ценовой безопасности, кредитной безопасности, криминализации экономических отношений, угрозы внешнего характера [17]. В данном случае классификация осуществляется с учетом взглядов автора на структурные элементы финансовой безопасности государства.

Наиболее полную классификацию приводит Л.С. Качанова. В соответствии с ее подходом всю совокупность угроз финансовой безопасности государства можно разделить по следующим признакам: расположение относительно объекта, область возникновения, масштаб ущерба, момент существования, частота возникновения, степень очевидности, степен прогнозируемости, последствия ущерба, величина ожидаемого ущерба [13].

Довольно часто встречаются научные работы, в которых авторы сразу перечисляют угрозы финансовой безопасности государства. Чаще всего встречаются такие угрозы как волатильность цен на различных рынках, санкционное воздействие, устойчивый дефицит бюджета [18], кибератаки на финансовую систему, неустойчивость финансовых рынков [19], неблагоприятный инвестиционный климат, высокая доля теневой экономики [20], мировые финансовые кризисы, вывоз капитала [21], увеличение налогового бремени, технико-технологические уязвимости [22] и т.д.

Отдельно стоит упомянуть авторов, которые определяют актуальные угрозы исходя из результатов оценки уровня финансовой безопасности. Так М.Э. Буянова и Е.С. Рассказов [23], опираясь на результаты расчета индикаторов финансовой безопасности, идентифицируют такие угрозы как хроническая недостаточность инвестиционной активности, высокий уровень закредитованности нефинансовых организаций, увеличение просроченной задолженности в банковском секторе и т.д. На наш взгляд, при таком подходе нарушается как раз устойчивая

связь внутри самой концепции обеспечения финансовой безопасности в частности и экономической безопасности в целом, согласно которой изначально осуществляется идентификация актуальных угроз, затем происходит оценка уровня безопасности в этих условиях, а потом в соответствии с результатами двух первых действий разрабатываются меры обеспечения безопасности.

Учитывая проанализированную информацию, представим собственный взгляд на классификацию угроз финансовой безопасности государства. Мы полностью согласны с мнениями множества авторов относительно необходимости разделения таких угроз на внешние и внутренние. Относительно государства такое разделение означает, что внутренние угрозы обуславливаются состоянием и возможностями социально-экономической системы, а выражаться могут множеством обстоятельств, влияющих на функционирование всей финансовой системы государства и всех субъектов, имеющих к ней отношение. Внешние угрозы возникают в международном пространстве и зависят уже не только от состояния непосредственно государства, но и от других стран и их действий. Другими словами, внешние угрозы проецируются через другие страны, с которыми взаимодействует государство на международной арене. Выделить из этих двух групп наименее или наиболее важные по крайней мере для России невозможно, поскольку она является активным участником международной торговли и партнером для многих стран.

На наш взгляд, дополнительным признаком классификации угроз финансовой безопасности должно стать отношение к источнику возникновения. Выше мы писали, что любая угроза имеет источник и факторы возникновения, что помогает государству более четко идентифицировать их.

Мы считаем, что к основным источникам угроз финансовой безопасности государства относятся:

Рынок. Имеется ввиду все виды рынков: международный, потребительский, финансовый и т.д. Данное институциональное явление в современном мире определяет множество процессов, оказывающих влияние на все экономические субъекты без исключения. Изменения цен, конъюнктуры, роли участников и подобное довольно быстро отражается на условиях функционирования отдельных государств в виде возникновения потенциальных угроз. При этом обязательно нужно учитывать, что не только финансовый рынок способен сильно влиять на финансовую безопасность, потребительский рынок зачастую более важен для сохранения стабильности в области финансовой устойчивости [24]. Учитывая, что рынок является стихийным регулятором экономики, попытки выравнивания рыночных условий могут потребовать огромных ресурсов.

Среди угроз, формирующихся из этого источника, наиболее актуальными для России в настоящее время, на наш взгляд, являются волатильность национальной валюты и рост процентных ставок на рынке.

Реальный сектор экономики. Это та часть экономической системы государства, где создаются материальные ценности. Его состояние обуславливает возможности экономического роста, определяет уровень деловой активности, влияет на темпы кредитования и многое другое. В результате негативные процессы в реальном секторе экономики будут сказываться на возможностях формирования финансовых ресурсов государства, а также распределительных процессах между отраслями. Угрозы, определяемые данным источником, проявляются не сразу, но по степени своего влияния могут носить сильный деструктивный характер.

Среди угроз из данного источника наиболее актуальными можно выделить высокий уровень износа основных фондов (некоторые эксперты оценивают его как критический в некоторых отраслях), уменьшение количества субъектов среднего бизнеса и рост закредитованности организаций.

Международная среда. Роль и положение государства на международной арене одновременно способны подрывать финансовую безопасность или наоборот усиливать. Являясь системой экономических, политических, финансовых и других отношений между государствами, международная среда определяет движение финансовых потоков, обеспечивает расчеты между государствами, формирует общие правила международной торговли и многое другое. При резком изменении международного фона государство может оказаться под санкционным давлением, что непременно скажется на его финансовом состоянии.

В данной области как актуальные можно выделить следующие угрозы: блокировка международных резервов, что ограничивает маневренность для отечественной экономики на международной арене, и сложности обслуживания внешнего долга в результате активного санкционного давления, что подрывает репутацию России без действительных на то причин.

Социальная среда. В рамках данной среды формируется совокупность отношений в

области занятости, склонностей в потреблении, аккумулируемых доходов, мер социальной защиты и многое другое. Социальная сфера и финансовая безопасность государства тесно связаны между собой, поскольку проблемы в области обеспечения финансовой безопасности быстро сказываются на состоянии социальной сферы. Она, в свою очередь, способна существенно подорвать состояние финансовой системы государства и существенно сказаться на перераспределении финансовых ресурсов. Угрозы, формирующиеся в данной сфере, могут быть разрушительными, поскольку без социальной стабильности функционирование ни одного государства не представляется возможным.

На наш взгляд, в социальной среде наиболее актуальными являются угрозы, действие которых имеют очень длительный характер и требуют от государства все больше усилий по их нивелированию. Речь идет о все возрастающих масштабах финансового мошенничества на основе инструментов социальной инженерии и падение реальных доходов из-за высокой личной инфляции, которая значительно отличается от официальной.

Демографическая среда. Она характеризует структуру населения, что необходимо воспринимать как фундаментальные факторы будущего состояния государства. В отличии от социальной сферы демографическая порождает угрозы более глубокие с длительным характером влияния на финансовую безопасность государства. Изменения именно структуры населения вызывает крайне сложные в управлении проблемы, результаты которых будут сказываться на возможностях функционирования государства длительное время.

Наиболее актуальными угрозами финансовой безопасности в этой среде являются: старение населения, что существенно подрывает стабильность всей финансовой системы; снижение доли трудоспособного населения, влияющие на возможности экономического роста; миграционные процессы, вызывающие неравномерное распределение населения, что оборачивается нагрузкой на бюджетную систему.

Государственное регулирование. Данная сфера характеризуется целенаправленной деятельностью органов государственной власти в различных аспектах функционирования государства. Без качественного регулирования невозможно создать условия, позволяющие обеспечивать экономическое развитие, рост экономики и подобное. Ошибки в области государственного управления могут создавать угрозы, влияющие на саму структуру социально-экономической системы и ограничивающие возможности для будущего развития. Например, неверно выбранные инструменты налогового регулирования способны существенно подорвать бюджетную систему на всех уровнях [25].

В рамках данной среды можно выделить следующие наиболее актуальные угрозы финансовой безопасности: слабая координация между ведомствами, имеющими отношение к обеспечению финансовой безопасности, и несовершенство налоговой системы и фискальной политики, из-за чего могут наблюдаться сложности в формировании централизованных финансовых ресурсов.

Экология. В рамках этой сферы актуализируются угрозы в результате климатических изменений, природных и антропогенных катастроф, способных нанести ущерб процессу функционирования государства. Здесь могут возникать как угрозы длительного воздействия, так и мгновенные, которые спрогнозировать невозможно.

Главной угрозой финансовой безопасности из экологической сферы является уязвимость инфраструктуры под действием природных процессов. Это влечет за собой аварии, деформацию сооружений и подобное, в результате чего наносится ущерб экологическому фону, восстановление которого, как правило, требует от государства значительных финансовых ресурсов.

Технологическая среда. Последние несколько сотен лет развитие технологий, сначала примитивных, а в настоящее время и цифровых, определяет развитие общества в целом. В рамках технологической среды формируются условия для инновационного развития, а также возможности для создания технологической независимости. Также стоит учитывать, что технологии одновременно позволяют справляться со множеством угроз в области финансовой безопасности (повышение уровня защищенности финансовой системы), но при этом способны создавать уязвимости (кибератаки). Следовательно, в данной среде могут формироваться наиболее актуальные угрозы, но при этом их распространение охватывает все сферы функционирования государства.

Среди многочисленных угроз финансовой безопасности, возникающих в данной сфере, наиболее актуальными в настоящее время являются: рост возможностей для финансовых преступлений за счет развития цифровых технологий и инструментов; технологическая зависимость от зарубежных технологий; использование возможностей цифровизации для обхода официальных норм и регулирующих правил (криптовалюта, сторонние сервисы и т.д.).

Человеческий фактор. В рамках данного источника объединяются все угрозы, которые актуализуются из-за простого факта наличия в различных процессах человека. При этом данные угрозы исключить полностью не представляется возможным, а в совокупности с развитием различных технологий, данный источник никогда не потеряет своей значимости. Если рассуждать глобально, то именно человек формирует все вышеперечисленные источники угроз, поскольку в экономике не существует отдельных организаций и даже государств, во главе этих сложных структур всегда стоит человек или группа лиц. И именно это делает человеческий фактор основным источником угроз не только финансовой безопасности, но и национальной безопасности в целом.

В данном случае постоянно существующей и не теряющей своей актуальности необходимо выделить коррупцию. Как угроза она влияет на все элементы экономической безопасности государства, но в случае финансовой безопасности она приобретает разрушительный характер. Изымая из процессов перераспределения и воспроизводства значительные объемы финансовых ресурсов, коррупционеры ослабляют устойчивость всей государственной структуры.

При этом источники угроз нельзя отождествлять со сферой возникновения, которая относится к структурным элементам финансовой безопасности, поскольку источники угроз могут быть характерны для нескольких сфер одновременно.

Представленное понимание классификации угроз финансовой безопасности государства дает больше возможностей для разработки подходов к оценке финансовой безопасности. Понимание источников возникновения угроз позволяет более обоснованно подходить к выбору индикаторов финансовой безопасности. В последствии четкое разделение угроз по источникам возникновения и правильно подобранные индикаторы позволяют разработать наиболее целесообразные меры обеспечения финансовой безопасности государства.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»

[2] Борденюк О.А. Угрозы экономической безопасности хозяйствующего субъекта: понятие и классификация // Форум молодёжной науки. 2021. Т. 2, № 3. С. 10-19.

[3] Массунов С.Л. Критика современных подходов к трактовке понятия «угрозы»: развёрнутый обзор недостатков авторских представлений // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2024. № 5. С. 11-24.

[4] Возженков А.В., Герман И.Н. Национальная безопасность России: вызовы, опасности и угрозы (вопросы теории и практики) : монография. – М.: Дело, 2015. 206 с.

[5] Ничиков А.В. Перечень угроз: от общего к частному. Методический подход к формированию перечней угроз для охраняемых объектов // Системы безопасности. 2008. №2. С. 230-235.

[6] Попов М.В., Манохина Н.В., Колядин Н.П. Экономическая безопасность. – М.: ИНФРА-М, 2023. 320 с.

[7] Сапожникова Н.Г., Ткачева М.В., Береснев Н.Р. Угрозы и риски экономической безопасности организации (корпорации): понятие и классификация // Современная экономика: проблемы и решения. 2025. № 9(189). С. 123-140.

[8] Сушкова И.А. Соотношение и взаимосвязь понятий «вызов», «опасность», «угроза», «риск» // Экономическая безопасность и качество. 2018. № 4(33). С. 10-15.

[9] Ирошников Д.В. Соотношение понятий «опасность», «угроза», «вызов» и «риск» в правовой доктрине, действующем законодательстве и документах стратегического планирования // Транспортное право и безопасность. 2017. № 12(24). С. 96-103.

[10] Останин В.А., Плесовских Ю.Г., Рожков Ю.В. Триада «Страх-Опасность-Риск» и экономическая безопасность предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2014. №2(25). С. 181-185.

[11] Бородавко Л.С. Управление финансовыми рисками организации. – Иркутск: Изд-во ИрГУПС, 2018. 160 с.

[12] Агамалян В.С. Угрозы финансовой безопасности России // Мир политики и социологии. 2019. № 6. С. 128-132.

[13] Качанова Л.С., Иневаткина С.Р. Сущность вызовов и угроз финансовой безопасности государства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 5-2(87). С. 44-48.

[14] Тастемирова М. А., Корецкая-Гармаш В.А. Современные угрозы финансовой безопасности государства // ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЙ, РЕГИОНОВ, стран: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ и современные АСПЕКТЫ : сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 июня 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 256-258.

[15] Буркальцева Д.Д., Блажевич О.Г., Гук О.А [и др.] Классификация угроз финансовой безопасности государства в контексте трансформации социально-экономической системы // Бизнес. Образование. Право. 2018. №

4(45). С. 46-53.

[16] Алифанова Е.Н., Евлахова Ю.С., Трегубова А.А. Оценка уровня угроз финансовой безопасности России со стороны финансового поведения населения с использованием адаптивных методов прогнозирования // Финансовые исследования. 2018. № 1(58). С. 8-16.

[17] Гурнович Т.Г., Агаркова Л.В., Мачуха А.А., Паненкова Н.Н. Оценка влияния рисков и угроз на финансовую безопасность государства // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 1, № 11(131). С. 29-36.

[18] Власов К.В., Шугай О.Е. Финансовая безопасность государства: сущность и современные угрозы // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 22–23 мая 2024 года. Воронеж: Строки, 2024. С. 205-207.

[19] Рамазанова С.Б., Касимова Д.М. Финансовая безопасность государства: современные угрозы // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2024. – № 2. – С. 210-215.

[20] Кузубова О.И. Финансовая безопасность государства и угрозы финансовой стабильности // Colloquium-Journal. 2019. № 13-10(37). С. 162-163.

[21] Воронченко Т.В. Риски и угрозы финансовой безопасности государства и пути их устранения и нейтрализации // Современные аспекты развития финансовой и кредитной системы Приднестровской Молдавской Республики : Материалы международной научно-практической конференции, Тирасполь, 18 мая 2018 года. – Тирасполь: Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, 2018. С. 82-88.

[22] Шевченко К.И., Макян А.С. Современные угрозы финансовой безопасности России: проблемы противодействия // Экономика: теория и практика. 2017. № 2(46). С. 89-93.

[23] Буянова М.Э., Рассказов Е.С. Анализ финансовой безопасности России: современные тенденции, вызовы, угрозы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2019. Т. 21, № 2. С. 19-33.

[24] Астраханцева А.С., Кулижская Ж.С. Подходы к развитию производства и сбыта специфических категорий непродовольственных товаров / Экономика и предпринимательство. 2020. №4(117). С. 807-812.

[25] Рябущенко О.А., Хоменко Г.А. Оценка и анализ налоговых доходов федерального бюджета РФ в условиях реализации налоговой политики //Экономика и предпринимательство. 2022. №6(143). С. 565-572.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 No. 208 “On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030”

[2] Bordenyuk O.A. Threats to the economic security of an economic entity: concept and classification//Youth Science Forum. 2021. VOL. 2, NO. 3. S. 10-19.

[3] Massunov S.L. Criticism of modern approaches to the interpretation of the concept of “threat”: a detailed review of the shortcomings of copyright ideas//Problems of security and emergency situations. 2024. № 5. S. 11-24.

[4] Vozzhenkov A.V., German I.N. National security of Russia: challenges, dangers and threats (questions of theory and practice): monograph. - M.: Case, 2015. 206 pp.

[5] Nichikov A.V. List of threats: from general to particular. Methodical approach to the formation of lists of threats for protected objects//Security systems. 2008. №2. S. 230-235.

[6] Popov M.V., Manokhina N.V., Kolyadin N.P. Economic security. - M.: INFRA-M, 2023. 320 s.

[7] Sapozhnikova N.G., Tkacheva M.V., Beresnev N.R. Threats and risks to the economic security of an organization (corporation): concept and classification//Modern economy: problems and solutions. 2025. № 9(189). S. 123-140.

[8] Sushkova I.A. Correlation and interrelation of the concepts of “challenge,” “danger,” “threat,” “risk “//Economic safety and quality. 2018. № 4(33). S. 10-15.

[9] Iroshnikov D.V. Correlation of the concepts of “danger,” “threat,” “challenge” and “risk” in legal doctrine, current legislation and strategic planning documents//Transport law and safety. 2017. № 12(24). S. 96-103.

[10] Ostanin V.A., Plesovskikh Yu.G., Rozhkov Yu.V. Triad “Fear-Danger-Risk” and Economic Security of Entrepreneurship//Economics and Entrepreneurship. 2014. №2(25). S. 181-185.

[11] Wart L.S. Financial risk management of the organization. - Irkutsk: Publishing House of IrGUPS, 2018. 160 s.

[12] Agamalyan V.S. Threats to the financial security of Russia//World of politics and sociology. 2019. № 6. S. 128-132.

[13] Kachanova LS, Inevatkina S.R. Essence of challenges and threats to the financial security of the state//Economics and business: theory and practice. 2022. № 5-2(87). S. 44-48.

[14] Tastemirova M.A., Koretskaya-Garmash V.A. Modern threats to the financial security of the state//ECONOMY OF ENTERPRISES, REGIONS, COUNTRIES: TOPICAL ISSUES and modern ASPECTS: collection of articles IV of the International

Scientific and Practical Conference, Penza, June 05, 2021. - Penza: Science and Enlightenment, 2021. S. 256-258.

[15] Burkaltseva D.D., Blazhevich O.G., Guk O.A. [et al.] Classification of threats to the financial security of the state in the context of the transformation of the socio-economic system// Business. Education. Right. 2018. № 4(45). S. 46-53.

[16] Alifanova E.N., Evlakhova Yu.S., Tregubova A.A. Assessment of the level of threats to Russia's financial security from the financial behavior of the population using adaptive forecasting methods//Financial research. 2018. № 1(58). S. 8-16.

[17] Gurnovich T.G., Agarkova L.V., Machukha A.A., Panenkova N.N. Assessment of the impact of risks and threats on the financial security of the state//Economics and management: problems, solutions. 2022. T. 1, NO. 11 (131). S. 29-36.

[18] Vlasov K.V., Shugay O.E. Financial security of the state: essence and modern threats// Technology and security of facilities of the penal system: collection of materials from the International Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 22-23, 2024. Voronezh: Lines, 2024. S. 205-207.

[19] Ramazanova S.B., Kasimova D.M. Financial security of the state: modern threats// Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – № 2. - S. 210-215.

[20] Kuzubova O.I. Financial security of the state and threats to financial stability//Colloquium-Journal. 2019. № 13-10(37). S. 162-163.

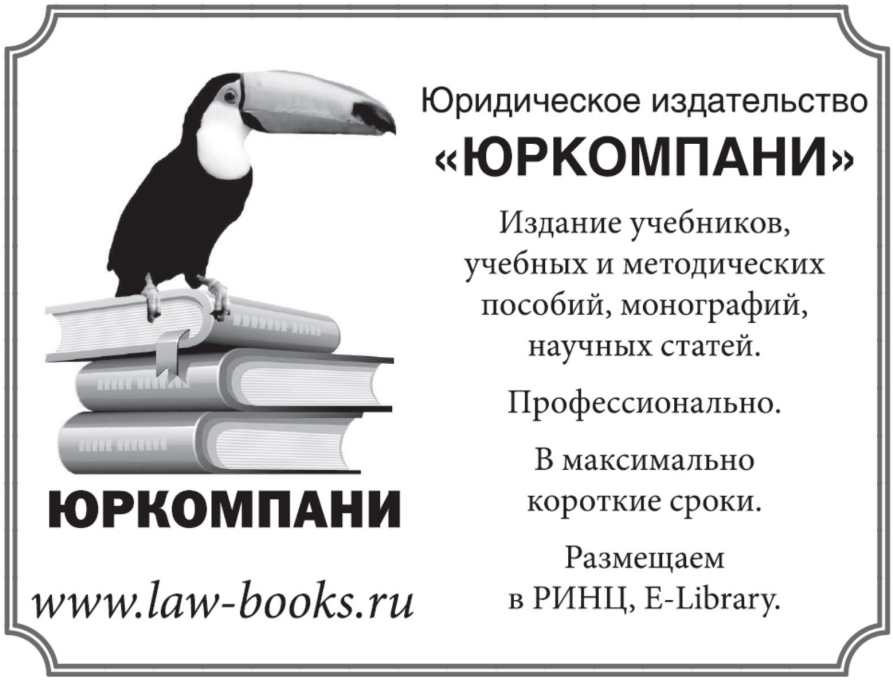
[21] Voronchenko T.V. Risks and threats to the financial security of the state and ways to eliminate and neutralize them//Modern aspects of the development of the financial and credit system of the Transnistrian Moldavian Republic: Materials of the international scientific and practical conference, Tiraspol, May 18, 2018. - Tiraspol: Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko, 2018. S. 82-88.

[22] Shevchenko K.I., Makyan A.S. Modern threats to Russia's financial security: problems of counteraction//Economics: theory and practice. 2017. № 2(46). S. 89-93.

[23] Buyanova M.E., Rasskazov E.S. Analysis of financial security of Russia: modern trends, challenges, threats//Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology. 2019. VOL. 21, NO. 2. S. 19-33.

[24] Astrakhantseva A.S., Kulizhskaya J.S. Approaches to the development of production and marketing of specific categories of non-food products/Economics and entrepreneurship. 2020. №4(117). S. 807-812.

[25] Ryabushchenko O.A., Khomenko G.A. Assessment and analysis of tax revenues of the federal budget of the Russian Federation in the context of the implementation of tax policy// Economics and Entrepreneurship. 2022. №6(143). S. 565-572.



Дата поступления рукописи в редакцию: 01.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-32-39

КАРАБАНОВ Ростислав Михайлович,

кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, ORCID ID : https://orcid.org/0000-0003-2798-8461,

e-mail: krm730@mail.ru

НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию и обобщению основных нововведений в правовом регулировании обеспечения безопасности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Анализ проведен за последние пять лет. Наблюдается активизация правотворчества в исследуемой сфере деятельности. Внесенные изменения в законодательные и подзаконные акты расширяют возможности сотрудников уголовно-исполнительной системы по применению специальных средств и огнестрельного оружия на законных основаниях. Заметно усиление требований по защищенности объектов уголовно-исполнительной системы от террористических угроз. Расширяется перечень технических средств, используемых администрацией исправительных учреждений и следственных изоляторов для поддержания правопорядка и обеспечения безопасности, предупреждения и пресечения угроз внутреннего и внешнего характера. Для осужденных, подозреваемых и обвиняемых вводятся дополнительные запреты и ограничения в рамках прав и свобод, направленные на снижение криминализации среды содержания в изоляции, а также предупреждения противоправных деяний, в том числе, в особый период. Формулируется вывод о роли изменений в уголовно-исполнительном законодательстве в обеспечении безопасности общества в целом.*

Ключевые слова: *исправительные учреждения, следственные изоляторы, осужденные, подозреваемые, обвиняемые, сотрудники, безопасность, средства, правовое регулирование.*

KARABANOV Rostislav Mikhailovich,

candidate of technology, full professor, professor of the Department of Special Technology and Information Technologies of the Law Faculty of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia

NOVELTIES OF LEGAL REGULATION OF SECURITY AND LAW ENFORCEMENT IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS AND PRE-TRIAL DETENTION FACILITIES OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The article is devoted to the study and generalization of the main innovations in the legal regulation of security in the penitentiary system of the Russian Federation. The analysis was carried out over the past five years. There is an intensification of lawmaking in the area under study. The amendments to legislative and sub-legal acts expand the ability of employees of the penitentiary system to use special means and firearms legally. There is an increase in the requirements for the protection of objects of the penal system from terrorist threats. The list of technical means used by the administration of correctional institutions and pre-trial detention centers to maintain law and order and ensure security, prevent and suppress threats of an internal and external nature is expanding. For convicts, suspects and accused, additional prohibitions and restrictions are introduced within the framework of rights and freedoms aimed at reducing the criminalization of the environment of detention in isolation, as well as preventing unlawful acts, including during a special period. A conclusion is formulated on the role of changes in the penal legislation in ensuring public safety in general.*

Key words: *correctional facilities, detention facilities, convicts, suspects, accused, employees, security, facilities, legal regulation*.

Изменения в правовом регулировании обеспечения правопорядка и безопасности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее: УИС) представляют собой важный аспект современной юридической практики. Адаптация правовых норм к изменяющимся условиям развития общественных отношений, характеризует совершенствование УИС, определяемое Концепцией развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года (далее: Концепция) [1].

Правовое регулирование обеспечения правопорядка и безопасности в исправительных учреждениях и местах содержания под стражей УИС опирается на федеральное законодательство, кодексы, положения нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, а также федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний. К основным из этих документов следует отнести:

Конституцию РФ;

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее: УИК РФ);

Закон Российской Федерации от 21.07.1993 №5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (далее: Закон РФ №5473-1);

Федеральный закон от 15.07.1995 №103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее: 103-ФЗ);

Постановление Правительства РФ от 11.04.2023 №586 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, форм паспортов безопасности объектов (территорий) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (далее: Постановление №586);

Распоряжение Правительства РФ от 11.11.2023 №3171-р «Об утверждении Перечня технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных учреждений, Перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых в целях осуществления надзора в местах содержания под стражей» (далее: Распоряжение №3171-р);

Приказы Министерства юстиции Российской Федерации от 11 октября 2018 г. №211 «Об утверждении Порядка обеспечения безопасности объектов уголовно-исполнительной системы, а также органов Министерства юстиции Российской Федерации» (далее: Приказ МЮ №211), от 4 июля 2022 года №110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (далее: Приказ МЮ №110), от 30 ноября 2023 г. №359 «Об утверждении Порядка применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы и Порядка применения технических средств надзора и контроля в исправительных учреждениях» (далее: Приказ МЮ №359) и др.

Обеспечение правопорядка и безопасности в исправительных учреждениях и следственных изоляторах УИС включает в себя комплекс правовых, организационных, технических и режимных мероприятий и средств, направленных на предупреждение и нейтрализацию возникающих угроз. Характер угроз определяется актуальным состоянием социально-экономической и политической ситуации в стране и мире, а также уровнем развития общественных отношений.

В последние 5 лет происходило активное совершенствование законодательства и подзаконных актов в сфере обеспечения правопорядка и безопасности в УИС. Одной из причин таких изменений явились вызовы, стоящие перед обществом в целом и УИС, обозначенные в Концепции, а одной из основных целей обозначена безопасность. Вызовы, в том числе, были обусловлены совершенствованием форм и способов подготовки и совершения противоправных деяний, использованием средств сотовой связи, беспилотных воздушных судов, повышением криминальной активности, проявлением экстремистского характера преступных намерений спецконтингента в отдельных учреждениях УИС.

В марте 2021 года вступил в силу Федеральный закон от 09.03.2021 № 44-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части прекращения оказания услуг связи на территории следственных изоляторов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». При этом статья 82 УИК РФ дополнена частью 11, а статья 34 103-ФЗ дополнена частью восьмой. В обоих случаях в этих нормативных актах установлено, что при выявлении фактов использования осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми на территории учреждения УИС абонентских номеров

подвижной радиотелефонной связи оказание услуг связи по этим абонентским номерам прекращается оператором связи на основании решения в письменной форме руководителя ФСИН России или его заместителя либо начальника территориального органа УИС, в ведении которого находится данное учреждение [2, 3].

В том же году, в соответствии с Федеральным законом от 26.05.2021 №154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» УИК РФ, Закон РФ №5473-1 и 103-ФЗ были дополнены статьями, предоставляющими право сотрудникам органов и учреждений УИС объявлять лицам, находящимся на территориях учреждений, исполняющих наказания, и следственных изоляторов, а также прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, обязательное для исполнения официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений и административных правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения [3, 4].

Эти нормы способствовали предупреждению проникновения и использования в исправительных учреждениях и местах содержания под стражей запрещенных предметов, а также подготовки и осуществления мошеннических действий и дезорганизации деятельности учреждений УИС.

В 2023 году в соответствии с Постановлением от 11.04.2023 №586 Правительством РФ актуализированы требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий) УИС. Принципиальным нововведением является изменение критериев категорирования объектов и территорий по показателям прогнозируемого количества пострадавших и размера материального ущерба в результате террористического акта. К первой категории стали относиться объекты с одновременным нахождением более 500 человек и уровнем ущерба более 500 миллионов рублей, ко второй – от 50 до 500 человек и уровнем ущерба от 50 до 500 миллионов рублей, к третьей категории – до 50 человек и уровнем ущерба до 50 миллионов рублей. В предыдущей редакции по категориям были соответствующие значения – более 50 человек / более 5 миллионов рублей, от 10 до 50 человек / до 5 миллионов рублей, не более 10 человек / до 100 тысяч рублей [5].

При выделении на объекте потенциально опасных участков и критических элементов в действующей редакции учитывается наличие осужденных за совершение террористических актов, в то время, как в предыдущем варианте учитывалось также количество осужденных, являющихся лидерами преступной среды; осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений; осужденных и лиц, содержащихся под стражей, имеющих инфекционные заболевания (туберкулез, ВИЧ-инфекция, сифилис, гепатит). Дополнительно приведены меры, направленные на минимизацию возможных последствий совершения террористического акта и ликвидацию угрозы его совершения. Существенно расширены меры, направленные на обеспечение защиты служебной информации ограниченного распространения.

Таким образом, адаптация к текущему состоянию общественно-политических отношений потребовала усиления защищенности объектов УИС от угроз чрезвычайного характера.

В августе 2023 года на основании федерального закона от 04.08.2023 №440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части шестой статьи 12 «Обеспечение безопасности объектов УИС» Закона РФ №5473-1 были расширены виды беспилотных систем, пресечение функционирования которых закреплено в полномочиях администрации исправительных учреждений и следственных изоляторов. В перечень, кроме беспилотных воздушных судов, вошли подводные и надводные суда и аппараты, беспилотные транспортные средства и иные автоматизированные беспилотные комплексы. К способам противодействия беспилотным аппаратам и комплексам было отнесено подавление или преобразование сигналов дистанционного управления, воздействие на их пульты управления, а также повреждение или уничтожение. Кроме того, сотрудникам УИС было предоставлено право применять специальные технические средства противодействия беспилотным аппаратам и огнестрельное оружие для пресечения их функционирования на территориях исправительных учреждений, следственных изоляторов УИС и прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования (п. 13 ч. 1 ст. 30 и п. 8 ч. 1 ст. 31.2) [4].

На основании изменений законодательства Минюст России своим приказом от 11 декабря 2023 г. №370 утвердил порядок принятия решения о пресечении функционирования всех видов беспилотных аппаратов и комплексов на соответствующих территориях, а также перечень должностных лиц УИС, уполномоченных на принятие такого решения [6].

Таким образом, нормативное правовое регулирование в сфере противодействия угрозам, связанным с несанкционированным

проникновением на территорию учреждений УИС беспилотных средств, обусловлено техническим развитием этих средств и расширением возможностей их применения в преступных целях.

Отдельным направлением нормотворчества в исследуемой теме следует считать нормативное правовое регулирование использования технических средств для обеспечения правопорядка, законности и безопасности в учреждениях УИС. В конце 2023 года на основании федерального закона от 13.06.2023 №211-ФЗ вступили в силу изменения в УИК РФ и 103-ФЗ, конкретизирующие уровень нормативных правовых актов, устанавливающих перечень технических средств надзора и контроля и порядок их применения в исправительных учреждениях и следственных изоляторах УИС. Так, в части третьей статьи 83 «Технические средства надзора и контроля» УИК РФ, а также частях второй и третьей статьи 34 «Охрана подозреваемых и обвиняемых и надзор за ними» 103-ФЗ было установлено, что перечень технических средств надзора и контроля определяется Правительством Российской Федерации, а порядок их применения – федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний [2]. Соответственно, в декабре 2023 года Распоряжением №3171-р Правительство Российской Федерации утвердило Перечень технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных учреждений и Перечень аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых в целях осуществления надзора в местах содержания под стражей [7], а Приказом МЮ №359 утвержден Порядок применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, а также технических средств надзора и контроля в исправительных учреждениях [8].

Основу перечней составили технические средства из состава интегрированных систем безопасности, дополнительно включены системы биометрической идентификации (распознавания) личности, приборы для проведения досмотров и обысков, беспилотные аппараты для охраны, надзора и контроля, технические средства подавления или преобразования сигналов дистанционного управления беспилотными средствами, незаконно находящимися на территории учреждений УИС, переносные видеорегистраторы и аппаратно-программный комплекс системы охранного телевидения спецавтомобиля типа «АЗ». Дополнительно, в отличие от мест содержания под стражей, для исправительных учреждений в перечень включены средства персонального надзора и контроля, обеспечивающие дистанционный надзор за осужденными, имеющими право перемещаться без конвоя или сопровождения. В 2025 году оба перечня были дополнены оборудованием для подавления сигналов сотовой связи (блокираторами сотовой связи) [7]. Таким образом, перечень составлен и обновляется в соответствии с современной уголовно-исполнительной политикой государства, а также современным уровнем развития техники и технологий.

Порядок применения технических средств надзора и контроля в исправительных учреждениях и следственных изоляторах УИС в Приказе МЮ №359 изложен лишь в общем виде, раскрывающем область применения, основные цели и характерные условия использования результатов [9].

Таким образом, развитие УИС в соответствие с Концепцией на период до 2030 года повлекло совершенствование правового обоснования и принципов применения технических средств поддержания безопасности и правопорядка в учреждениях УИС.

В 2025 году уголовно-исполнительное законодательство также претерпело ряд изменений в сфере обеспечения безопасности.

Учитывая особую опасность для общества преступлений, связанных с побегом из-под охраны или надзора, законодатель в Законе РФ №5473-1 расширил права сотрудников УИС на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия не только на территориях учреждений и прилегающих к ним режимных территориях, но и при розыске осужденных, а также лиц, совершивших побег из-под стражи или из учреждения, исполняющего наказания, в месте обнаружения таких лиц (ст. 28). Сотрудники УИС получили право применять специальные средства (включая палки специальные, специальные газовые средства, наручники и иные средства ограничения подвижности, электрошоковые устройства) для задержания осужденных, уклоняющихся (злостно уклоняющихся) от отбывания уголовных наказаний, в случаях оказания ими физического сопротивления сотруднику УИС либо при попытке причинить вред окружающим или себе (п. 14 ч. 1 ст. 30). Применение огнестрельного оружия стало возможным в новых случаях: для задержания осужденных или лиц, заключенных под стражу, совершивших побег либо при

конвоировании, охране или сопровождении, если иными средствами задержать их не представляется возможным, либо пресечения попытки их насильственного освобождения (п. 7 ч. 1 ст. 31.2) [4].

В 2026 году в Законе РФ №5473-1 права на применение специальных средств сотрудниками УИС при конвоировании были уточнены разделением на случаи конвоирования в специальном транспорте и при конвоировании вне специального транспорта (п. 8 и 8.1 ч. 1 ст. 30). Кроме того, часть 1 статьи 30 дополнена пунктом 15, дающим право сотрудникам УИС применять специальные средства при сопровождении осужденных к пожизненному лишению свободы, осужденных, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы, за пределами камер, а также при сопровождении по территории исправительного учреждения или следственного изолятора для встреч с представителями администрации исправительного учреждения или следственного изолятора и для осуществления личного приема, в том числе во время проведения таких встреч и приемов, осужденных за ряд преступлений, предусмотренные статьями Уголовного кодекса, против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, правосудия, порядка управления, мира и безопасности человечества, а также заключенных под стражу подозреваемых и обвиняемых в совершении указанных преступлений и состоящих на профилактическом учете подозреваемых, обвиняемых и осужденных, склонных к нападению на представителей администрации исправительных учреждений, следственных изоляторов и иных сотрудников правоохранительных органов [4].

Кроме того, в Законе РФ №5473-1 уточнены запреты и ограничения, связанные с применением специальных средств. Так, часть 2 статьи 31.1 дополнена пунктом 5 следующего содержания: применение наручников и иных средств ограничения подвижности в отношении женщин при их конвоировании вне специального транспорта допускается в случаях оказания ими вооруженного сопротивления, совершения группового либо иного нападения, угрожающего жизни и здоровью сотрудника УИС или иного лица, или участия их в массовых беспорядках, а также случаев, если женщина относится к одной или нескольким категориям лиц, указанным в пункте 15 части первой статьи 30 [4].

Расширение перечня и условий применения специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками УИС к лицам, содержащимся в местах изоляции, а также конвоируемым и, представляющим угрозу обществу, сотрудникам УИС, так и себе в том числе, имеет целью предупреждение и предотвращение побегов, недопущение угрозы жизни и здоровью.

В соответствии с УИК РФ и 103-ФЗ в исправительных учреждениях и местах содержания под стражей УИС действуют Правила внутреннего распорядка (далее: ПВР) соответствующих учреждений (ч. 1 ст. 60.4, ч. 3 ст. 82 УИК РФ, ст. 16 103-ФЗ). В 2022 году эти правила были обновлены и изданы в едином приказе Минюста РФ [10] взамен ПВР для следственных изоляторов, действовавших с 2005 года (с последующими изменениями) и ПВР для исправительных учреждений, действовавших с 2016 года (с последующими изменениями). Кроме того, в новый документ добавлены ПВР для исправительных центров. Правила регламентируют внутренний распорядок исправительных учреждений и следственных изоляторов УИС при реализации предусмотренных порядка и условий исполнения наказания в виде лишения свободы осужденных к лишению свободы, а также содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, обеспечения изоляции, охраны их прав и законных интересов, исполнения ими своих обязанностей.

В 2025 году основными нововведениями в ПВР явились запреты осужденным, подозреваемым и обвиняемым:

совершать умышленные действия, посягающие на собственную жизнь и здоровье, жизнь и здоровье сотрудников УИС, а также иных лиц, применять насилие или совершать действия с угрозой применения насилия либо оскорблением в отношении сотрудников УИС и иных лиц;

нажимать кнопки тревожной сигнализации, без оснований нажимать кнопки дуплексной связи, кнопки для вызова инспектора дежурной смены;

использовать нецензурную брань, угрожающие и оскорбительные выражения, а также жаргонные слова и выражения, применяемые в криминальной среде, допускать в отношениях с другими людьми унижающие их честь и достоинство поведение и обращение, присваивать и использовать в речи клички, заменяющие имена людей [10].

Такие меры направлены на снижение криминализации среды в исправительных учреждениях и местах содержания под стражей, а также препятствование к дестабилизации обстановки.

Также в новом документе отражены ограничения, устанавливаемые в учреждениях УИС при введении режима особых условий при

захвате заложников, массовых беспорядках или групповом неповиновении осужденных к лишению свободы, наличии реальной угрозы вооруженного нападения на учреждение, а также при введении на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайного или военного положения, чрезвычайной ситуации. Ограничения касаются ежедневной прогулки, длительных и краткосрочных свиданий, выездов осужденных за пределы исправительного учреждения, просмотра кинофильмов, видеофильмов и телепередач, прослушивания радиопередач, получения посылок, передач и бандеролей, отправление посылок и бандеролей, приобретения литературы и письменных принадлежностей. Ограничения предусмотрено снимать после окончания срока введенных режимов, положений и ситуаций [10].

Такие ограничения должны способствовать усилению изоляции осужденных, подозреваемых и обвиняемых в особый период.

Кроме того, в документе приведены перечни работ и должностей, на которых запрещается использование осужденных. К ним относятся: все работы и должности в управлениях, отделах (службах) территориальных органов ФСИН России; в помещениях, где размещается личный состав, осуществляющий охрану исправительного учреждения, и находятся (хранятся) оружие, служебная документация, специальные технические средства; на объектах, где содержатся служебные животные, а также на работах с подчинением осужденному к лишению свободы представителей администрации исправительного учреждения; в качестве фотографов, дактилоскопистов, водителей оперативных машин, а также водителей транспортных средств (в отношении осужденных, находящихся под охраной); связанный с ведением служебной документации [10].

Такие ограничения способствуют ограничению возможностей доступа осужденных, подозреваемых и обвиняемых к сведениям об организации деятельности учреждения, базам персональных данных, служебной информации и завладения транспортными средствами в преступных целях.

В целом, проведенное исследование свидетельствует об активном нормотворчестве в течение последних пяти лет в сфере обеспечения безопасности и правопорядка в исправительных учреждениях и местах содержания под стражей УИС, как одних из основных исполнительных инструментов правосудия. Законодательная и исполнительная власть в пределах конституционных норм совершенствует комплексную систему безопасности общества и государства на основе расширения прав администрации и сотрудников УИС в части предотвращения предпосылок, предупреждения и пресечения возможных угроз безопасности как внутреннего, так и внешнего характера. Особые изменения в законодательстве были вызваны необходимостью адаптации правовой системы к геополитической ситуации, что потребовало предпринимать дополнительные меры правового, организационного и технического характера. Все изменения в законодательстве разного уровня направлены на повышение эффективности деятельности учреждений и органов УИС в вопросах обеспечения общественной безопасности в целом.

Список литературы:

[1] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/ (дата обращения: 06.05.2026).

[2] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (с изменениями и дополнениями): принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2, ст. 198.

[3] О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15.07.1995 №103-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, №29, ст. 2759.

[4] Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : закон РФ от 21.07.1993 №5473-1 (с изменениями и дополнениями) // Российская газета от 24.8.1993 г., № 162.

[5] Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, форм паспортов безопасности объектов (территорий) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 11 апреля 2023 г. № 586 // Собрание законодательства Российской Федерации, 17 апреля 2023 г. №16 ст. 2927.

[6] Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов на территориях исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-

исполнительной системы и прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, а также перечня должностных лиц уголовно-исполнительной системы, уполномоченных на принятие такого решения : приказ Министерства юстиции РФ от 11 декабря 2023 г. №370 // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) от 13 декабря 2023 г. № 0001202312130021.

[7] Об утверждении Перечня технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных учреждений, Перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых в целях осуществления надзора в местах содержания под стражей : распоряжение Правительства РФ от 11.11.2023 № 3171-р // Собр. законодательства РФ, 20.11.2023, № 47, ст. 8460.

[8] Об утверждении Порядка применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы и Порядка применения технических средств надзора и контроля в исправительных учреждениях : приказ Минюста России от 30 ноября 2023 года № 359 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 01.12.2023, № 0001202312010016.

[9] Карабанов Р.М. Нормативно-правовое регулирование использования технических средств для обеспечения правопорядка, законности и безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Р.М. Карабанов // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 4(73). С. 6-15.

[10] Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы (с изменениями и дополнениями) : приказ Минюста России от 04.07.2022 №110 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 6.7.2022 г., ст. 0001202207060002.

References:

[1] On approval of the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/ (Accessed: 06.05.2026).

[2] Criminal Executive Code of the Russian Federation: [feder. Law of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended): adopted by the State. Duma December 18, 1996] // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2. Art. 198.

[3] On the detention of suspects and accused of committing crimes: feder. Law No. 103-FZ dated 15.07.1995 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 1995. No. 29. Art. 2759.

[4] On institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation: Law of the Russian Federation of 21.07.1993 No. 5473-1 (as amended) // Rossiyskaya Gazeta of 24.8.1993, No. 162.

[5] On approval of requirements for anti-terrorist protection of objects (territories) of the penitentiary system of the Russian Federation, forms of security passports of objects (territories) of the penitentiary system of the Russian Federation and invalidation of some acts of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of April 11, 2023 No. 586 // Collection of legislation of the Russian Federation, April 17, 2023 No. 16 Art. 2927.

[6] On approval of the Procedure for making a decision to suppress the functioning of unmanned aerial, underwater and surface vessels and vehicles, unmanned vehicles and other automated unmanned complexes in the territories of correctional institutions, pre-trial detention centers of the penitentiary system and adjacent territories where regime requirements are established, as well as a list of officials of the penitentiary system authorized to make such a decision: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of December 11, 2023 No. 370 // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru) of December 13, 2023 No. 0001202312130021.

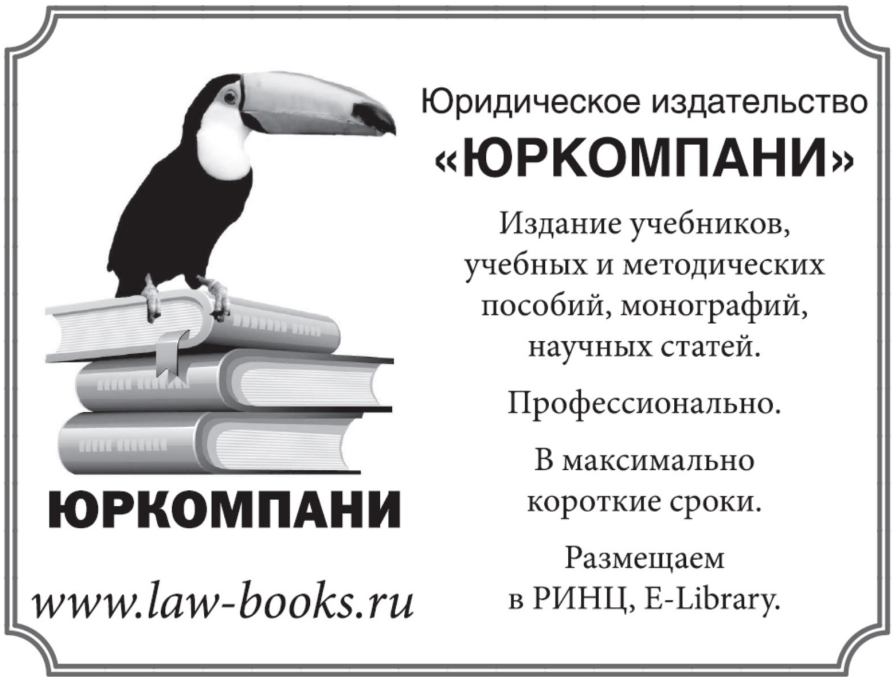
[7] On approval of the List of technical means of supervision and control used by the administrations of correctional institutions, the List of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control used to carry out supervision in places of detention: Order of the Government of the Russian Federation of 11.11.2023 No. 3171-r // Sobr. legislation of the Russian Federation, 20.11.2023. No. 47. Art. 8460.

[8] On approval of the Procedure for the use of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control in pre-trial detention centers of the penitentiary system and the Procedure for the use of technical means of supervision and control in correctional institutions: Order of the Ministry of Justice of Russia of November 30, 2023 No. 359 // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru, 01.12.2023, No. 0001202312010016.

[9] Karabanov R.M. Regulatory regulation of the use of technical means to ensure law and order, legality and security in institutions of the penal

system // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2024. № 4(73). pp. 6-15.

[10] On approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal System, Internal Regulations of Correctional Institutions and Internal Regulations of Correctional Centres of the Penal System (as amended): Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 110 dated 04.07.2022 // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) dated 6.7.2022. Art. 0001202207060002.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-40-45

ГАВРИЛКИН В.В.,

Аспирант кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: vladislavgavrilkin@ya.ru

ОСОБЕННОСТИ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРОК В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности риск-ориентированного подхода при проведении проверок государственного финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа. Анализируются критерии отнесения подконтрольных субъектов к категориям риска, а также порядок планирования контрольных мероприятий с учётом специфики оборонной сферы (закрытость информации, сложное ценообразование, длительные производственные циклы). Выявляются основные проблемы применения данного подхода и предлагаются направления его совершенствования для повышения эффективности контроля при снижении нагрузки на добросовестных участников кооперации.*

Ключевые слова: *государственный оборонный заказ, государственный финансовый контроль, риск-ориентированный подход, проверки, категории риска, планирование контрольных мероприятий, бюджетные средства, головной исполнитель, кооперация, нарушения в сфере оборонного заказа.*

GAVRILKIN V.V.,

Graduate student of the Department of Public Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

FEATURES OF THE RISK-BASED APPROACH IN CONDUCTING INSPECTIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF STATE FINANCIAL CONTROL IN THE FIELD OF STATE DEFENSE PROCUREMENT

Annotation. *The article examines the features of the risk-based approach in conducting inspections within the framework of state financial control in the field of state defense procurement. It analyzes the criteria for classifying controlled entities into risk categories, as well as the procedure for planning control measures, taking into account the specifics of the defense sector (information confidentiality, complex pricing, long production cycles). The main problems of applying this approach are identified, and directions for its improvement are proposed to enhance control efficiency while reducing the burden on bona fide participants in the cooperation chain.*

Key words: *State defense procurement, state financial control, risk-based approach, inspections, risk categories, planning of control measures.*

Эффективность государственного финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа (ГОЗ) является одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности, обороноспособности и суверенитета Российской Федерации. Ежегодно на реализацию оборонных программ выделяются значительные бюджетные средства, что требует от контрольных органов не только тотального охвата проверками, но и выбора наиболее действенных механизмов выявления нарушений. Традиционный подход, основанный на сплошных проверках всех подконтрольных субъектов, зачастую приводит к неоправданным временным и административным затратам, не гарантируя при этом выявление наиболее критичных рисков.

В связи с этим особую актуальность приобретает внедрение риск-ориентированного подхода, который предполагает планирование и проведение проверок в зависимости от вероятности совершения нарушений и потенциального ущерба. Переход контрольной деятельности в сфере публичных финансов к модели, основанной на применении риск-ориентированного подхода, нормативно закреплен в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики в области развития государственного финансового

контроля [4]. Однако применение данного подхода в сфере ГОЗ сопряжено с рядом объективных сложностей. К ним относятся: закрытость информации, составляющей государственную тайну; сложная многоуровневая структура кооперации исполнителей; специфические методы ценообразования; а также необходимость поддержания высокого уровня мобилизационной готовности предприятий.

Настоящая работа посвящена выявлению особенностей риск-ориентированного подхода при проведении проверок в рамках государственного финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа. В статье рассматриваются критерии отнесения участников ГОЗ к категориям риска, анализируются проблемы правового и организационного характера, а также предлагаются направления совершенствования контрольной деятельности с целью повышения её результативности и снижения административной нагрузки на добросовестных исполнителей.

В соответствии со ст. 8.1. ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», «в целях оптимального использования трудовых, материальных и финансовых ресурсов, задействованных при осуществлении государственного контроля (надзора), снижения издержек юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и повышения результативности своей деятельности органами государственного контроля (надзора) при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) может применяться риск-ориентированный подход» [1].

Риск-ориентированный подход, по смыслу законодательства – это метод осуществления контрольных мероприятий, направленный на снижение издержек подконтрольных субъектов и повышения эффективности деятельности органов государственного контроля (надзора).

С точки зрения нормативного урегулирования, риск-ориентированный подход выступает юридическим механизмом распределения контрольно-надзорной деятельности контролирующих органов, который предполагает дифференциацию видов контроля, пропорциональность мер ответственности, адресное распределение ресурсов контролирующих органов.

Риск-ориентированный подход также применим и в сфере государственного финансового контроля государственного оборонного заказа. Риск-ориентированный подход в сфере ГОЗ был введён в 2018 году с целью повышения эффективности контрольной деятельности «за счет «умного» перераспределения ресурсов на проверку наиболее критичных сфер с точки зрения исполнения ГОЗ» [5]. Применительно к финансовому контролю в сфере ГОЗ, риск-ориентированный подход служит более эффективному осуществлению контрольных мероприятий.

Законодательство о ГОЗ осложнено специфическим регулированием. Специфика правоотношений в сфере ГОЗ предопределяется, во-первых, действием специального нормативного регулирования, основанного на ФЗ «О государственном оборонном заказе», а во-вторых, особым правовым статусом сведений, составляющих государственную тайну, что налагает дополнительные ограничения на реализацию контрольных полномочий.

В научной литературе отмечается, что риск-ориентированный подход в сфере государственного оборонного заказа в РФ осложнён слабостью существующей нормативной базы обязательных требований [3]. Так, авторами отмечается, что «80% продукции, закупаемой для государственных оборонных нужд – это простая продукция» [3], в связи с чем риск-ориентированный подход фактически может быть не эффективным, поскольку финансовому контролю подлежат все субъекты ГОЗ в сплошном порядке. Данное обстоятельство создает методологическую проблему: для эффективного распределения контрольных ресурсов необходимо четкое понимание, какие именно отклонения от требований законодательства наиболее вероятны и могут повлечь наиболее существенный ущерб бюджету.

Проверяющие органы, как правило, первым делом изучают организацию раздельного учета доходов и расходов по ГОЗ [6]. Ключевой вопрос заключается в том, действительно ли можно отследить все операции по контракту? Формальное открытие субсчетов без реального распределения общепроизводственных и общехозяйственных расходов является, по мнению экспертов, самой частой проблемой [6].

В этой связи постановка раздельного учета как самостоятельного критерия отнесения к категории риска представляется обоснованной. Предприятия, не имеющие утвержденной учетной политики в части распределения косвенных расходов, не ведущие аналитического учета в разрезе идентификаторов контрактов, должны автоматически относиться к зоне повышенного внимания контрольных органов. Более того, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях установлена ответственность за несоблюдение требований законодательства о раздельном учёте операций [2]. В соответствии со ст. 15.37.1.

КоАП РФ, «несоблюдение требования о ведении раздельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности при исполнении государственного (муниципального) контракта, договора (соглашения), контракта (договора), средствадляисполненияобязательствпокоторым подлежат казначейскому сопровождению, - влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на индивидуальных предпринимателей - от 5 до 10 процентов цены государственного (муниципального) контракта, договора (соглашения), контракта (договора), но не более двухсот пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц - от 5 до 10 процентов цены государственного (муниципального) контракта, договора (соглашения), контракта (договора), но не более пятисот тысяч рублей» [2]. Автор настоящей статьи считает, что для исключения злоупотреблений необходимо убрать верхний лимит административного штрафа, установленного ст. 15.37.1. КоАП РФ, поскольку он фактически порождает различные правовые последствия для разных субъектов предпринимательства. Для организаций, у которых объём поставок в рамках ГОЗ высокий, лимит ответственности в пятьсот тысяч рублей может быть несущественным, а для малого бизнеса данный штраф фактически может быть неоправданно высоким. Для того, чтобы создать равные условия для осуществления поставок в рамках ГОЗ, необходимо убрать верхний лимит штрафа в ст. 15.37.1. КоАП РФ, что позволит усилить предупредительную функцию указанной административной ответственности.

Ключевой проблемой внедрения риск-ориентированного подхода в сфере государственного оборонного заказа является отсутствие формализованных и прозрачных критериев отнесения подконтрольных субъектов к той или иной категории риска. В отличие от иных сфер государственного контроля, где такие критерии детально прописаны в ведомственных нормативных правовых актах, сфера ГОЗ характеризуется высокой степенью закрытости информации, что объективно затрудняет разработку универсальных индикаторов риска.

Представляется целесообразным создать систему критериев риск-ориентированного подхода финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа со следующими индикаторами:

наличие в предыдущие периоды нарушений законодательства о ГОЗ, выявленных по результатам контрольных мероприятий;

продолжительность участия организации в выполнении государственного оборонного заказа;

объем денежных средств, полученных в рамках ГОЗ;

наличие либо отсутствие утвержденной учетной политики в части ведения раздельного учета.

динамика кадровых изменений в финансово-экономических подразделениях организации;

наличие либо отсутствие внутреннего финансового аудита;

результаты предыдущих проверок не только самого исполнителя, но и его контрагентов по кооперации (с учетом того, что нарушения в нижних уровнях кооперации могут свидетельствовать о системных проблемах управления рисками);

соблюдение сроков представления отчетности об исполнении государственных контрактов.

Данные критерии помогут обоснованно подходить к выбору подконтрольных субъектов контролирующими органами, обеспечат «процессуальную экономию» при осуществлении контрольных мероприятий в сфере ГОЗ. Под «процессуальной экономией» в контексте финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа понимается перечень контрольных мероприятий, который не является обременительным для подконтрольных субъектов, но в то же время максимально эффективным для контролирующих субъектов с учетом минимальных трудозатрат административных ресурсов контролирующих органов. Проще говоря, данные критерии позволят не производить сплошной контроль всех подконтрольных субъектов, но контролировать высокорискованных субъектов. Соответственно, будет обеспечен риск-ориентированный подход в сфере финансового контроля ГОЗ.

Следующей существенной особенностью применения риск-ориентированного подхода в сфере государственного оборонного заказа является специфический объект контроля – сложная, многоуровневая и закрытая кооперация. Это вытекает из ст. 3 ФЗ №275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», поскольку существует дифференциация между головным исполнителем и исполнителем. Головным исполнителем признаётся лицо, заключившее с государственным заказчиком контракт по ГОЗ, а исполнителем – лицо, входящее в кооперацию головного исполнителя и заключившее контракт с головным исполнителем или исполнителем [1]. Головной исполнитель, как правило, для исполнения ГОЗ привлекает десятки, а иногда и сотни соисполнителей разных уровней. При этом информация о конечной цене изделия, его составе и характеристиках часто является

секретной. В такой ситуации классическая логика риск-ориентированного подхода, предполагающая анализ деятельности каждого отдельного юридического лица, сталкивается с проблемой «каскадирования рисков».

Под «каскадированием рисков» в настоящей статье понимается ситуация, при которой нарушение (например, нецелевое расходование средств или завышение себестоимости) на нижнем уровне кооперации не может быть выявлено при проверке только головного исполнителя, но при этом способно нанести совокупный ущерб бюджету не меньший, чем прямое нарушение со стороны головного исполнителя. Игнорирование данного обстоятельства при планировании проверок приводит к тому, что наиболее уязвимыми с точки зрения коррупционных проявлений и необоснованного завышения цен остаются субподрядчики второго и третьего уровня, которые формально могут иметь низкую индивидуальную категорию риска, но в совокупности создавать критическую угрозу исполнению оборонного заказа. Более того, такие исполнители могут объединяться в недобросовестные «монополии» для нивелирования риск-ориентированного подхода при осуществлении контролирующими органами контрольных мероприятий.

В связи с этим представляется обоснованным дополнить систему критериев риска так называемым «кооперационным коэффициентом». Данный коэффициент должен учитывать не только персональные показатели конкретной организации (история нарушений, объем полученных средств, наличие раздельного учета), но и:

количество контрагентов, привлекаемых ею для исполнения ГОЗ;

долю работ (услуг), передаваемых на субподряд;

наличие в цепочке кооперации организаций с признаками фирм-«однодневок» или аффилированных структур;

факты изменения стоимости работ по уже заключенным контрактам без соответствующего обоснования.

Внедрение кооперационного коэффициента потребует от контрольных органов создания единой цифровой платформы обмена данными, которая позволяла бы отслеживать движение средств по всей цепочке кооперации в режиме, приближенном к реальному времени. При этом, разумеется, должны быть соблюдены требования законодательства о защите государственной тайны. Частичным решением данной проблемы могло бы стать внедрение специализированного сегмента в систему государственного интегрированного информационного менеджмента (ГИИС «Электронный бюджет») с разграничением прав доступа в зависимости от уровня секретности сведений.

Отдельного внимания заслуживает специфика планирования контрольных мероприятий при риск-ориентированном подходе в сфере ГОЗ. В соответствии с общими правилами, периодичность плановых проверок зависит от присвоенной категории риска. Однако в сфере оборонного заказа длительность производственных циклов может составлять несколько лет. За это время добросовестная организация, изначально отнесенная к категории низкого риска, может изменить свое поведение, а организация со средним риском - исправить все выявленные недостатки. Следовательно, жесткая привязка периодичности проверок к статичной категории риска без учета динамики исполнения контракта не отвечает целям эффективного контроля.

Авторами работ также предполагается, что в сфере государственного оборонного заказа преобладают мероприятия последующего контроля над предварительным [7]. Данное предположение является негативным, поскольку нормы последующего контроля носят в себе законную цель компенсации нанесённого государственному заказчику ущерба, но при этом не пресекают появление недобросовестных головных исполнителей и исполнителей в рамках ГОЗ. Преобладание норм последующего контроля в контексте риск-ориентированного подхода финансового контроля в сфере ГОЗ является негативным, поскольку часто бывает трудно фактически добиться денежной компенсации. Более того, не будет исполнен государственный оборонный заказ, что может быть еще более негативным фактом над денежными потерями государственных заказчиков. Следовательно, необходимо усиление мер предварительного и текущего контроля в рамках ГОЗ для реализации риск-ориентированного подхода в рамках ГОЗ.

В связи с изложенным, автор настоящей работы полагает, что в сфере финансового контроля ГОЗ целесообразно применять не только периодические плановые проверки, но и «триггерный» механизм внеплановых проверок. Основаниями для оперативного пересмотра категории риска и назначения внеплановой проверки могут стать:

частое изменение ключевых исполнителей;

неоднократное продление сроков выполнения этапа государственного контракта;

поступление информации от правоохранительных органов, средств массовой информации или из иных источников о возможных

финансовых нарушениях головных исполнителей и исполнителей ГОЗ;

смена руководства или главного бухгалтера организации, участвующей в выполнении ГОЗ – как у головных исполнителей, так и у исполнителей.

Применение триггерного механизма позволит сделать риск-ориентированный подход в сфере ГОЗ динамичным и адаптивным, реагирующим на изменение существенных обстоятельств объекта финансового контроля в сфере ГОЗ в режиме реального времени, а не только по итогам очередной плановой проверки по истечении установленного периода.

Наконец, важным аспектом совершенствования риск-ориентированного подхода является вопрос о пропорциональности мер реагирования. Действующая система штрафов, предусмотренная ст. 15.37.1 КоАП РФ, как уже отмечалось автором, имеет верхний лимит, что для крупных оборонных предприятий с многомиллиардными контрактами делает санкции незначительными. Однако не менее важной проблемой является и обратная сторона: избыточное давление на добросовестных малых и средних участников кооперации. Внеплановые проверки, даже не повлекшие выявления нарушений, влекут за собой изъятие документов, блокировку операций по счетам (в рамках казначейского сопровождения) и существенные временные затраты на исполнение субъектами своих прав и обязанностей в рамках ГОЗ. Для субъектов малого предпринимательства такие последствия могут быть сопоставимы с остановкой хозяйственной деятельности. Соответственно, остановка хозяйственной деятельности субъектов ГОЗ противоречит как исполнению поставки в рамках ГОЗ, так и в целом принципу свободы предпринимательской деятельности.

В связи с этим предлагается законодательно закрепить принципы «дифференцированной интенсивности» контрольных мероприятий в зависимости от категории риска. В отношении субъектов, отнесенных к низкой категории риска и имеющих безупречную историю исполнения ГОЗ в течение последних трех лет, контрольные мероприятия должны проводиться преимущественно в документарной форме, без блокировки операций по счетам. Применение такой меры, как приостановление операций, должно быть возможным только на основании решения руководителя контрольного органа при наличии весомых доказательств совершения конкретного нарушения, а не автоматически по факту назначения проверки.

Резюмируя, необходимо отметить, что риск-ориентированный подход в сфере государственного финансового контроля государственного оборонного заказа является не просто востребованным, но объективно необходимым подходом в реализации финансового контроля в условиях ограниченности ресурсов контрольных органов и необходимости обеспечения национальной безопасности, а также обеспечения конституционно-значимой свободы предпринимательской деятельности. Однако для обеспечения эффективности риск-ориентированного подхода необходимо преодоление ряда системных барьеров: отсутствия формализованных критериев риска с учетом структуры в корпорации исполнителей, недостаточной динамичности в планировании проверок, несовершенства законодательства об административной ответственности и рисков избыточного давления на добросовестных участников.

Предложенные в настоящей статье направления совершенствования - внедрение кооперационного коэффициента, переработка механизма внеплановых проверок, дифференциация интенсивности контрольных мероприятий и либерализация верхнего лимита штрафа с одновременным введением защитных механизмов для малого бизнеса - способны, по мнению автора, обеспечить баланс между эффективностью финансового контроля и снижением административной нагрузки на добросовестных исполнителей государственного оборонного заказа.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС «КонсультантПлюс»

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях КоАП РФ от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025) / СПС «КонсультантПлюс»

[3] Чеботарев Станислав Стефанович, Ельшин Владимир Александрович О применении риск-ориентированного подхода при выполнении контрольных и надзорных функций в сфере государственного оборонного заказа // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. №1 (53). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-primenenii-risk-orientirovannogo-podhoda-pri-vypolnenii-kontrolnyh-i-nadzornyh-funktsiy-v-sfere-gosudarstvennogo-oboronnogo-zakaza (дата обращения: 23.04.2026).

[4] Сущность риск-ориентированного подхода при госконтроле за бизнесом //

«Регфорум» ИП Жиров Роман Евгеньевич URL: https://regforum.ru/posts/4445_suschnost_risk__orientirovannom_podhoda_pri_goskontrole_za_biznesom/ (дата обращения: 27.04.2026

[5] ФАС переходит на риск-ориентированный подход в сфере гособоронзаказа // ФАС России URL: https://fas.gov.ru/news/23734/export_to_file.pdf (дата обращения: 27.04.2026).

[6] Проверки по ГОЗ: как готовиться и избежать штрафов и блокировки расчетов // Информационное агентство «РБК Компании» URL: https://companies.rbc.ru/amp/news/60ef1871-b080-407a-b473-94d3ce9d7196/ (дата обращения: 23.04.2026).

[7] Белхароев Р. М. Проблемы нормативно-правового регулирования обеспечения исполнения обязательств по ГОЗ // Вестник магистратуры. 2021. №3-2 (114). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-normativno-pravovogo-regulirovaniya-obespecheniya-ispolneniya-obyazatelstv-po-goz (дата обращения: 28.04.2026).

References:

[1] Federal Law of 26.12.2008 N 294-FZ (as amended by 29.12.2025) “ On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Implementation of State Control (Supervision) and Municipal Control “//SPS” ConsultantPlus “

[2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of the Administrative Code of the Russian Federation of 30.12.2001 N 195-FZ (as amended by 23.05.2025) /SPS “ConsultantPlus”

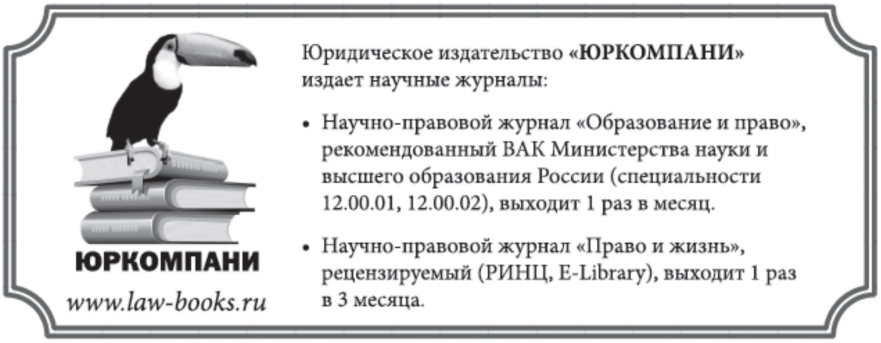
[3] Chebotarev Stanislav Stefanovich, Elshin Vladimir Alexandrovich On the application of a risk-based approach in the performance of control and supervisory functions in the field of state defense order//News of universities. Volga region. Social sciences. 2020. №1 (53). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-primenenii-risk-orientirovannogo-podhoda-pri-vypolnenii-kontrolnyh-i-nadzornyh-funktsiy-v-sfere-gosudarstvennogo-oboronnogo-zakaza (дата обращения: 23.04.2026).

[4] The essence of the risk-based approach in state control over business//” Regforum “IP Zhirov Roman Evgenievich URL: https://regforum.ru/posts/4445_suschnost_risk__orientirovannom_podhoda_pri_goskontrole_za_biznesom/ (date of reference: 27.04.2026

[5] FAS is switching to a risk-oriented approach in the field of state defense orders//FAS Russia URL: https://fas.gov.ru/news/23734/export_to_file.pdf (date of appeal: 27.04.2026).

[6] BARS checks: how to prepare and avoid fines and blocking settlements//RBC Company Information Agency URL: https://companies.rbc.ru/amp/news/60ef1871-b080-407a-b473-94d3ce9d7196/ (accessed: 23.04.2026).

[7] Belkharoev R.M. Problems of regulatory regulation of ensuring the fulfillment of obligations under the SDO//Bulletin of the magistracy. 2021. №3-2 (114). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-normativno-pravovogo-regulirovaniya-obespecheniya-ispolneniya-obyazatelstv-po-goz (дата обращения: 28.04.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-46-50

РАДЧЕНКО Елена Павловна,

главный научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор экономических наук,

e-mail: helenr2003@mail.ru

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,

e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru.

РЕИНТЕГРАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ОБЩЕСТВО: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В своей статье авторы обращают внимание на то, что возвращение осужденных в общество после отбытия наказания является важным долгожданным событием. Мысль о том, что можно будет провести время со своей семьей, дарит надежду на лучшее будущее. В ходе исследования были выявлены проблемы, с которыми сталкиваются осужденные после освобождения: трудности с получением образования, сложности с трудоустройством, необходимость самостоятельно обеспечивать себя, а также безразличие со стороны близких и негативное отношение окружающих. В статье предложены эффективные пути решения этих проблем. В частности, рекомендуется внедрение программ, направленных на расширение экономических прав и возможностей, осужденных как в местах лишения свободы, так и после их освобождения. Также необходимо расширить ассортимент образовательных программ с учетом рыночных реалий. Поэтому исследовать данные вопросы необходимо для того, чтобы лучше понять жизнь бывших осужденных после их заключения, что способствует сообществу понять свою роль в успешном возвращении бывших осужденных в общество без рецидивов.*

Ключевые слова: *осужденный, трудоустройство, образование, бывшие осужденные, реинтеграция, уголовно-исполнительная система.*

RADCHENKO Elena Pavlovna,

Leading Researcher of SIC-1 FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Economic Sciences

ZORINA Natalia Sergeevna,

senior Researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

REINTEGRATION OF CONVICTS INTO SOCIETY: EDUCATIONAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Annotation. *In their article, the authors draw attention to the fact that the return of convicts to society after serving their sentences is an important long-awaited event. The thought of spending time with your family gives you hope for a better future. The study revealed the problems faced by convicts after their release: difficulties in obtaining education, difficulties in finding employment, the need to provide for themselves, as well as indifference from relatives and the negative attitude of others. The article suggests effective ways to solve these problems. In particular, it is recommended to introduce programs aimed at expanding the economic rights and opportunities of convicts both in prison and after their release. It is also necessary to expand the range of educational programs, taking into account market realities. Therefore, it is necessary to investigate these issues in order to better understand the life of former convicts after their imprisonment, which helps the community to*

understand its role in the successful return of former convicts to society without recidivism.

Key words: *convict, employment, education, former convicts, reintegration, penal enforcement system.*

Введение. Основной целью системы уголовного правосудия является защита общества от правонарушителей, представляющих повышенный риск [1]. Лишение правонарушителей дееспособности посредством тюремного заключения является одним из методов достижения такой защиты. Когда вступает приговор суда то преступника лишают свободы в виде смертной казни, денежного штрафа или тюремного заключения. Во всех странах мира тюремное заключение используется как форма наказания. В большинстве стран это самая суровая форма наказания, которую могут назначить. Тюремное заключение – это заключение осужденных и приговоренных к лишению свободы преступников на длительный срок. Заключенные в пенитенциарных учреждениях лишены многих прав, включая право на жизнь и личную свободу, одно из важнейших прав человека. Антропологическое значение содержится в том, что, находясь в заключении, могут формироваться новые принципы и люди могут получать иной опыт, чем на свободе. Личность, которая попадает в пенитенциарную систему, может быть одними из наиболее уязвимых или травмированных членов общества, и этот опыт пребывание в пенитенциарных учреждениях само по себе наносит психологическую травму. В некотором смысле, вся семья находится в «заключении» или, по крайней мере, глубоко затронута этим событием. Недавно освобожденные правонарушители страдают от негативных последствий для психического здоровья из-за отсутствия системы поддержки и ресурсов, необходимых для реинтеграции в общество [2]. Покинуть пенитенциарное учреждение не так просто, как выйти за дверь и вернуться к прежней жизни. Многие люди потеряли работу, их отношения пострадали, а жизненные ситуации изменились. У человека может не хватать социальных связей, финансовой поддержки, ресурсов, необходимых для поиска работы, жилья, посещения психотерапевта или восстановления связей с обществом. Согласно этой точке зрения, бывшие осужденные сталкиваются со многими психологическими проблемами после освобождения из пенитенциарных учреждений, включая стигматизацию, дискриминацию, изоляцию и нестабильность. Такое состояние может иметь катастрофические последствия, такие как неудачные отношения, злоупотребление психоактивными веществами, рецидивы, передозировка и самоубийства. Освобожденные преступники, независимо от совершенного ими правонарушения, нуждаются в работе, чтобы выжить в своей новой версии свободы [3, 4].

Реинтеграция осужденных в общество – это процесс возвращения лиц, понесших уголовное наказание, в общество и оказание им всесторонней помощи в различных сферах жизни. Важно учитывать, что реинтеграция – это процесс, который требует индивидуального подхода – то, что работает для одного осужденного, может не работать для другого. Поэтому программы реинтеграции должны быть комплексными, включать не только образование и психологическую помощь, но и другие элементы (например, работу и семью).

Вопросы реинтеграции осужденных в общество, роль образования и психологической помощи в этом процессе изучали разные ученые. Исследования в этой области направлены на понимание факторов, способствующих успешной ресоциализации осужденных, и выявление наиболее эффективных подходов к их социализации. Выделим некоторых авторов, изучавших роль образования в процессе реинтеграции осужденного в общество: Е.Ю. Леонова отмечала, что высшее образование играет значимую роль в ресоциализации осужденного в постпенитенциарный период [5]. Образование, по ее мнению, влияет на личность осужденного, особенно на нравственно-ценностные ориентиры, при этом сглаживая отрицательные факторы нахождения в пенитенциарном учреждении. А. Ю. Нестеров и Ф.В. Грушин исследовали, необходимость комплексной помощи бывшим заключенным в период постпенитенциарной адаптации. Они считают, что психологическая работа с осужденными в период отбывания наказания важна, так как человек приобретает веру в себя и свои силы, учится ставить перед собой цели и достигать их [6]. Психологическая поддержка в постпенитенциарный период позволяет человеку уверенно двигаться по намеченному ранее пути. Б. Гарланд, Э. Водал – ученые, изучавшие психосоциальные факторы, которые способствуют успешной реинтеграции осужденных в общество. Они утверждают, что реинтеграция – это концепция, отличная от реабилитации осужденных, требующая отдельного определения и конечных показателей успеха, помимо рецидива. Успешную реинтеграцию, по их мнению, следует оценивать в первую очередь с точки зрения

ближайших сроков после освобождения, так как в краткосрочной перспективе реинтеграция требует определенного уровня адаптации [7].

При рассмотрении вопросов о роли образования и психологии при реинтеграции в общество лиц, освободившихся из мест лишения свободы, применялся качественный подход с использованием тематического исследования. Тематическое исследование – это эмпирическое исследование случая или случаев, направленное на то, чтобы ответить на вопросы «как» или «почему» об интересующем нас явлении по средствам интервирования. С этой целью была организована беседа с лицами, освободившимися из мест лишения свободы по разным статьям, которым были заданы основные вопросы: (1) испытывали вы трудности с трудоустройством; (2) испытывали ли вы трудности с зарабатыванием денежных средств себе на жизнь; (3) испытывали вы безразличие со стороны членов семьи и родственников; (4) испытывали ли вы негативное отношение со стороны других людей; (5) считаете вы правильным попытаться начать новую жизнь; (6) испытываете вы позитивный взгляд на жизнь, несмотря на трудности; (7) испытываете вы стремление к примирению с семьей.

Ряд исследований показывают, что трудоустройство снижает склонность к рецидивам и облегчает адаптацию бывших заключенных к гражданской жизни несколькими способами. Согласно Обатусину и Риттер-Уильямсу, вероятность преступного поведения значительно снижается, когда бывшие осужденные получают работу [8]. Во-первых, трудоустройство позволяет бывшим осужденным зарабатывать деньги, чтобы оплачивать транспорт, еду и другие повседневные расходы, а также восстанавливать утраченные отношения с детьми и семьей. Во-вторых, занятость способствует социализации коллег и обеспечивает структурированную деятельность. В-третьих, трудоустройство повышает социальный статус и позволяет бывшим осужденным продемонстрировать общественности, что они усвоили полученные уроки. Проанализировав ответы на заданные вопросы, можно констатировать что касаемо трудоустройства то, бывшие осужденные испытывают трудности в этом направлении. Приведем пример общих ответов бывших осужденных: «У меня нет работы, и я не могу ее найти из-за моего послужного списка. Был также случай, когда я подал заявление о приеме на работу, но не смог этого сделать, потому что потерпел неудачу во время проведения проверочных мероприятий в отношении меня. У меня нет работы, которая позволяла бы мне удовлетворять свои повседневные потребности. Я искал работу, которая обеспечивала бы мои повседневные потребности, но мне отказали». В наши дни найти работу очень сложно даже новым выпускникам требуется помощь в поиске компании, которая приняла бы на работу соискателей без опыта работы. Как новым выпускникам нужна помощь, чтобы найти свою первую работу, так и бывшим осужденным нужна помощь, чтобы избежать рецидива. Тем не менее, из-за наличия судимостей их не могли нанять на любую доступную вакансию. Таким образом, экономические трудности, с которыми сталкиваются бывшие осужденные, затрудняют их реинтеграцию в общество. ФСИН России активно внедряет программы развития предпринимательства, которые предлагают исправительные учреждения Российской Федерации с целью повышения уверенности в себе у осужденных и восстановления чувства собственного достоинства. Данная уверенность помогает бывшим осужденным в будущем открывать свои предприятия и не зависеть от мнения работодателя и вернуться к нормальной жизни в обществе.

Психологический аспект, влияющий на ресоциализацию осужденных – это чувство безразличия среди членов семьи и родственников Каждая семья уникальна. Хотя некоторые члены семьи отказались бы принять бывших осужденных из-за того, что они сделали, другие с радостью приняли бы их, несмотря ни на что. Вот какие непростые задачи ставил перед собой участник во время интервью: «Наконец-то я смог увидеть свою семью, хотя я также беспокоился, примет ли они меня». «Мои отношения с семьей 50 на 50. Моя жена? Она прощает, но никогда не забывает». «Теперь, когда я стал бывшим осужденным, все изменилось, все стало иначе». Разрыв между осужденными и их семьями начинается с тюремного заключения и заканчивается реинтеграцией в общество. Для бывших осужденных отношения с семьей и родственниками имеют жизненно важное значение, поскольку они влияют на их реинтеграцию в общество. Эти люди стремятся снова стать законопослушными гражданами. Но негативное отношение со стороны других людей всегда будет оказывать влияние, даже косвенно на повседневную жизнь бывшего осужденного. Если отношение к ним дружелюбное и позитивное, то это может пойти бывшим осужденным на пользу и ускорить процесс реинтеграции в общество. Однако, если это не так, все может быть по-другому. Приведенные ниже утверждения были общими для участников: «Когда я реинтегрировался, казалось, что все взгляды были прикованы ко мне». «Когда у меня появились проблемы, то люди стали сторониться меня и этот факт сильно

повлияли на меня из-за того, что люди стали избегали меня». В исправительном учреждении не было чувства безразличия друг к другу, все, находящиеся в этом месте, испытывали одни и те же страдания, что делало их более терпимыми. В большинстве случаев эмоциональное принятие является механизмом преодоления для этих людей. Принятие является одним из факторов, помогающих им справиться с текущей ситуацией. Мир должен с большим пониманием относиться к людям, которые совершали ошибки и сейчас делают все возможное, чтобы быть продуктивными членами общества; поэтому необходимо стараться быть доброжелательным. Прощение и принятие – это то, чего бывшие осужденные пытаются добиться от своих семей, соседей и общества в целом. Семейные отношения часто являются основным источником эмоциональной, практической и финансовой поддержки для людей, содержащихся в исправительных учреждениях. Факты свидетельствуют о том, что крепкие семейные отношения имеют решающее значение для снижения вероятности повторных правонарушений. Члены семьи играют важную роль в возвращении бывших осужденных в общество. Именно они обеспечивают их жильем, едой, одеждой, чтобы избежать преступного поведения.

На психологическое состояние осужденных влияет получение ими образования, которое способствует их ресоциализации. Если рассматривать международную практику, то интерес представляет исследование, проведенное в 2016 году. Корпорация RAND в своем отчете продемонстрировала, что вероятность возвращения в тюрьму лиц, участвующих в образовательной программе в пенитенциарных учреждениях, на 43 % ниже [9]. Образование в исправительных учреждениях помогает осужденным получить новые знания и умения, способствующие личностному росту, сформировать новую систему нравственных ценностей, мотивирующую к законопослушному поведению. В ходе образовательного процесса осужденные учатся взаимодействовать с другими людьми, работать в команде и решать конфликты мирным путем. Эти навыки крайне важны для успешной социализации после освобождения. Также образование помогает осужденным после освобождения быстрее трудоустроиться, создать семью, найти жилье, что снижает возможность рецидива. Среди более эффективных образовательных программ можно выделить: обучение компьютерным навыкам – это помогает осужденным, готовящимся к освобождению, повысить конкурентоспособность на рынке труда и расширить круг доступных профессий; краткосрочный курс профессиональной подготовки – например, «Оператор ЭВиВМ», который предусматривает 160 академических часов ежедневного обучения. Курс направлен не только на обучение техническим навыкам, но и на развитие дисциплины и ответственности – качеств, необходимых для успешной работы в современном мире. Неформальные образовательные программы – их организуют как сотрудники исправительных учреждений, так и некоммерческие организации, и волонтеры [10]. Например, уроки по дрессировке собак, кулинарии, садоводству помогают осужденным практиковать новые жизненные навыки и воспитывают в них социальную ответственность. Качественное образование позволяет освоить новую профессию или повысить квалификацию, что важно для успешной интеграции в общество.

На основе результатов исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, бывшие осужденные сталкиваются с экономическими и социальными трудностями при реинтеграции в общество из-за их судимостей. Также они сталкиваются с трудностями со стороны своих семей, работы и общества. Им приходится большим трудом зарабатывать на жизнь и удовлетворять свои повседневные потребности. Социальное отношение, мотивация к жизни после освобождения заставляет бывших осужденных полностью принять изменение своей жизни к лучшему. Полученные данные свидетельствуют о том, что все большее число освобожденных лиц, лишенных свободы, возвращаются в общество и сталкиваются с рядом проблем. Поэтому исследовать данные вопросы необходимо для того, чтобы лучше понять жизнь бывших осужденных после их заключения, что способствует сообществу понять свою роль в успешном возвращении бывших осужденных в общество без рецидивов.

Список литературы:

[1] Чикадзи В., Чанакира П. и Мбулулу Д. Оценка бывшими правонарушителями программ реинтеграции правонарушителей в Южной Африке: взгляд с точки зрения прав человека. Журнал по правам человека и социальной работе. 2022. № 1-11. URL: https://bit.ly/3Zcu5yq (дата обращения: 03.04.2026).

[2] Bebbington, P. E., McManus, S., Coid, J. W., Garside, R., & Brugha, T The mental health of ex-prisoners: analysis of the 2014 English National Survey of Psychiatric Morbidity. Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2021. № 56(11), 2083-2093.

[3] Баккен, Н.У. и Вишер, С.А. Успешная реинтеграция и психическое здоровье: изучение гендерных различий среди вновь совершивших правонарушение лиц. Уголовное правосудие и

поведение, 2018. № 45 (8), 1121-1135. URL:https://bit.ly/3SrN9GJ (дата обращения: 03.04.2026).

[4] Радченко, Е.П. К вопросу о состоянии повторной (рецидивной) преступности в Российской Федерации в 2017-2023 гг / Е.П. Радченко, И.Н. Медведева // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: научно-практическое ежеквартальное издание. – Москва: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2025. – С. 20-25.

[5] Леонова Е.Ю. Роль высшего образования в системе ресоциализации осужденного // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 2; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=24281 (дата обращения: 03.04.2026).

[6] Сулимова А.А. Социальная адаптация лиц, освободившихся из мест лишения свободы: барьеры и пути их преодоления // Социальная работа: теория, методы, практика. 2022. Вып. 6: Социальная работа с осужденными, освободившимися из мест лишения свободы и бездомными. С. 43–60.

[7] Prisoner reentry in a small metropolitan community: Obstacles and policy recommendations. B Garland, EJ Wodahl, J Mayfield. Criminal Justice Policy Review 22 (1), 90-110.

[8] Oluwasegun Obatusin and Debbie Ritter-Williams (2019). «A phenomenological study of employer perspectives on hiring ex-offenders», Cogent Social Sciences, Vol. 5. URL:https://www.researchgate.net/publication/330740177_A_phenomenological_study_of_employer_perspectives_on_hiring_ex-_offenders (дата обращения: 03.04.2026).

[9] National Center for Education Statistics/ Educational Testing Service. Adult literacy in America. Washington URL:http://nuenglish.net/pdf/Adult%20Literacy%20in%20America.pdf (дата обращения: 03.04.2026).

[10] Радченко Е.П. К вопросу возможности трудоустройства осужденных в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации / Е. П. Радченко, А. Н. Вдовина // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 6(181). – С. 181-182.

References:

[1] Chikaji V, Chanakira P and Mbululu D. Ex-offender assessment of offender reintegration programmes in South Africa: a human rights perspective. Journal of Human Rights and Social Work. 2022. № 1-11. URL: https://bit.ly/3Zcu5yq (access date: 03.04.2026).

[2] Bebbington, P. E., McManus, S., Coid, J. W., Garside, R., & Brugha, T The mental health of ex-prisoners: analysis of the 2014 English National Survey of Psychiatric Morbidity. Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2021. № 56(11), 2083-2093.

[3] Bakken, N.W. and Vischer, S.A. Successful Reintegration and Mental Health: Exploring Gender Disparities Among Newly Offended Individuals. Criminal Justice and Conduct, 2018. № 45 (8), 1121-1135. URL: https://bit.ly/3SrN9GJ (access date: 03.04.2026).

[4] Radchenko, E.P. On the state of repeated (recurrent) crime in the Russian Federation in 2017-2023/E.P. Radchenko, I.N. Medvedev//Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: scientific and practical quarterly publication. - Moscow: PKU NIIIT FSIN of Russia, 2025. - S. 20-25.

[5] Leonova E.Yu. The role of higher education in the convict resocialization system// Modern problems of science and education. 2016. № 2; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=24281 (access date: 03.04.2026).

[6] Sulimova A.A. Social adaptation of persons released from prison: barriers and ways to overcome them//Social work: theory, methods, practice. 2022. No. 6: Social work with convicts, released from prison and homeless. S. 43-60.

[7] Prisoner reentry in a small metropolitan community: Obstacles and policy recommendations. B Garland, EJ Wodahl, J Mayfield. Criminal Justice Policy Review 22 (1), 90-110.

[8] Oluwasegun Obatusin and Debbie Ritter-Williams (2019). «A phenomenological study of employer perspectives on hiring ex-offenders», Cogent Social Sciences, Vol. 5. URL:https://www.researchgate.net/publication/330740177_A_phenomenological_study_of_employer_perspectives_on_hiring_ex-_offenders (дата обращения: 03.04.2026).

[9] National Center for Education Statistics/ Educational Testing Service. Adult literacy in America. Washington URL:http://nuenglish.net/pdf/Adult%20Literacy%20in%20America.pdf (дата обращения: 03.04.2026).

[10] E.P. Radchenko. On the issue of the possibility of employment of convicts in the penal system of the Russian Federation/E.P. Radchenko, A.N. Vdovina//Eurasian Legal Journal. – 2023. – № 6(181). - S. 181-182.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-51-55

СВЕТЛОВ Александр Игоревич,

старший преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (г. Санкт-Петербург), SPIN-код: 5475-3710, AuthorID: 784242,

e-mail: svetlov.jur@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНСУЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. *В настоящей статье автором рассмотрены вопросы эффективности правового регулирования консульской деятельности в Российской Федерации. Представляется правовой анализ положений международно-правовых актов и национального законодательства в области консульских отношений. Показано, что в условиях кризиса международных отношений, консульская деятельность осуществляется эффективно и направлена, прежде всего, на защиту интересов российских граждан, постоянно или временно проживающих за рубежом. Автором делается вывод о влиянии двусторонних отношений на объем консульской деятельности в государстве пребывания.*

Ключевые слова: *консульское право, консульская деятельность, консульство, эффективность правового регулирования, консульское учреждение, консульское должностное лицо.*

SVETLOV Aleksandr Igorevich,

Senior Lecturer of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice after V.M. Lebedev (Saint Petersburg)

EFFICIENCY OF LEGAL REGULATION OF CONSULAR ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: INTERNATIONAL AND NATIONAL DIMENSIONS

Annotation. *In this article, the author examines the effectiveness of legal regulation of consular activities in the Russian Federation. The article provides a legal analysis of the provisions of international legal acts and national legislation in the field of consular relations. It is shown that in the context of the crisis in international relations, consular activities are carried out effectively and are primarily aimed at protecting the interests of Russian citizens who are permanently or temporarily residing abroad. The author concludes that bilateral relations have an impact on the scope of consular activities in the host country*.

Key words: *consular law, consular activities, consulate, effectiveness of legal regulation, consular institution, consular official*.

Становление и развитие международного права, несомненно, связано с плюрализмом международных отношений, благодаря которым сегодня существует и активно применяется достаточно сложная система международно-правовых норм как универсального, так и регионального характера. Архитектура коммуникаций между государствами известна еще Древнему Риму и Древней Греции. Такая потребность была продиктована, прежде всего, необходимостью установления и поддержания торговых отношений с другими государствами.

Россия уже с XVI века принимала первых иностранных консулов (из Англии – 1585 г., Дании – 1627 г., Голландии – 1627 г., Швеции – 1631 г., Польши - 1673 г.). Впервые консулы из России стали направляться в эпоху Петра I (Амстердам – 1707 г., Венеция – 1711 г., Париж – 1715 г., Вена – 1718 г., 1723 – Испания). Импульсами развития консульских отношений стала поездка «Великого посольства» в 1697 г. [2], затем создание «Экспедиции консульских дел» в 1809 г. и принятие первого Консульского устава в 1820 г. В советский период консульская деятельность активно развивалась и в контексте принятия важнейших источников дипломатического и консульского права [4].

Сегодня в условиях глобализации международные отношения призваны сохранять не только баланс публично-правовых интересов,

но и учитывать такие важные вопросы как всесторонняя защита интересов граждан, находящихся или постоянно проживающих за рубежом, а также оказание различных государственных услуг, имеющих порой принципиальное значение (например, замена паспорта и др.).

Исходя из различных статистических данных по состоянию на 2024 г., за рубежом постоянно проживают около 10 млн российских граждан. Конечно, данное количество не может отражать объективную картину в силу того, что, согласно действующему законодательству, постановка на консульский учет российских граждан является добровольной. Тем не менее, в сложных геополитических условиях поддержка граждан, находящихся за границей, приобретает гуманитарный и порой экстренный характер. Кроме того, дипломатическое и консульское право переживает сложный период ввиду обострения отношений с другими государствами, что приводит к сокращению численности российского дипломатического корпуса и даже закрытию консульских учреждений на взаимной основе. Это, в свою очередь, влияет на объем и качество предоставляемых консульских услуг российским гражданам, временно или постоянно находящихся за рубежом.

Правовое регулирование консульской деятельности осуществляется как на национальном, так и международном уровне. В международно-правовом смысле основными источниками дипломатического и консульского права являются Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. [8], Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. (далее – Конвенция 1963 г.) [9], а также Конвенция о специальных миссиях 1969 г [10]. Данный пакет основополагающих международно-правовых актов признается и успешно применятся Россией по настоящее время. Говоря о национальном правовом регулировании, то стоит отметить Положение о Посольстве Российской Федерации 1996 г. [11], Положение о Консульском учреждении Российской Федерации 1998 г. [12], Федеральный закон «Консульский устав Российской Федерации» 2010 г. (далее – Консульский устав Российской Федерации) [13].

Исторически функции консульских учреждений эволюционировали в зависимости от потребностей государства и общества в конкретный период [5]. Сегодня Россия представлена дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями по всему миру, в том числе и посредством других государств (например, Секция интересов России при посольстве Швейцарии в Грузии). По состоянию на 28 апреля 2026 г. [6] Российская Федерация имеет дипломатические отношения со 191 государством, соответственно, количество дипломатических представительств (консульских отделов посольств, консульств и др.) составляет 191 либо превышает это число.

Конвенция 1963 г. фундаментально определила систему терминов, применяющихся сегодня в консульской практике и международном общении (например, «консульское учреждение», «консульский округ», «консульские помещения», «консульские архивы» и др.), закрепила условия открытия и функционирования консульского учреждения на территории иностранного государства, статус консульских должностных лиц, вопросы взаимодействия консульств с органами государственной власти страны пребывания, а также систему преимуществ, иммунитетов и привилегий консульских должностных лиц и других работников консульских учреждений.

Говоря о содержании консульской деятельности, отдельно стоит остановиться на вопросе консульских функций, которые достаточно грамотно и точно определены в статье 5 Конвенции 1963 г.: «защита в государстве пребывания интересов представляемого государства и его граждан», «содействие развитию торговых, экономических, культурных и научных связей между представляемым государством и государством пребывания», «выдача паспортов и проездных документов гражданам представляемого государства и виз или соответствующих документов лицам, желающим поехать в представляемое государство», «исполнение обязанностей нотариуса, регистратора актов гражданского состояния», «представительство или обеспечение надлежащего представительства граждан представляемого государства в судебных и иных учреждениях государства пребывания», «оказание помощи судам и самолетам представляемого государства» и др.) [14]. Исходя из содержания упомянутых функций, можно отметить разносторонний характер деятельности консульских учреждений.

Необходимо отметить и поддержание безопасности помещений консульств со стороны государства пребывания, а также правового иммунитета консульских должностных лиц и помещений, что является залогом безопасного осуществления деятельности в государстве пребывания.

Глава II Конвенции 1963 г. определяет ряд принципиальных положений, касающихся особого статуса консульских помещений и консульских должностных лиц представляемого государства:

неприкосновенность консульских

помещений без согласия главы консульского учреждения (ч. 2 ст. 31);

обязанность государства пребывания обеспечить надлежащие меры для защиты консульских помещений от внешнего воздействия со стороны третьих лиц (ч. 3 ст. 31);

иммунитет консульского помещения (ч. 4 ст. 31);

освобождение консульских помещений от налогов (ст. 32);

неприкосновенность консульского архива и документов (ст. 33);

свобода передвижения консульских работников и свобода сношений консульского учреждения для достижения официальных целей (ст. 34-35);

иммунитет консульских должностных лиц от юрисдикции государства пребывания (ст. 43). Тем не менее, из данного принципа существует ряд исключений [14]. В этой связи можно говорить и об ответственности за нарушение данных принципов [3].

С целью дифференциации правовых статусов лиц, обладающих преимуществами и привилегиями, необходимо разграничивать понятия «консульское должностное лицо» и «консульский служащий». По смыслу Конвенции 1963 г. под консульским должностным лицом понимается «лицо, включая главу консульского учреждения, которому поручено в этом качестве выполнений консульских функций». При этом под консульским служащим подразумевается «лицо, выполняющее административные или технические обязанности в консульском учреждении». Вместе с тем, Конвенция 1963 г. определяет и иной круг лиц – «работник обслуживающего персонала», «работник консульского учреждения», «работник консульского персонала», «частный домашний работник» [14]. Именно первые две категории являются командируемыми от Министерства иностранных дела представляемого государства и наделяются значительными привилегиями и иммунитетами, что придает им особый правовой статус. Остальные же категории, как правило, являются гражданами государства пребывания и подчиняются исключительно национальной юрисдикции (например, бухгалтер, водитель, уборщик и тд.).

Консульский устав Российской Федерации на национальном уровне заимствует положения Конвенции 1963 г., практически повторяя ее структуру и содержание, интерпретирует и конкретизирует их в отношении консульских учреждений и должностных лиц, представляющих Российскую Федерацию в иностранном государстве. Примерами такой конкретизации являются: 1) определение правил постановки на консульский учет граждан Российской Федерации (статья 17); 2) консульские действия в отношении граждан Российской Федерации, находящихся под арестом, заключенных в тюрьму, взятых под стражу, задержанных либо пропавших без вести (статья 18); 3) консульские действия в отношении несовершеннолетних граждан Российской Федерации, усыновленных (удочеренных), а также граждан Российской Федерации, нуждающихся в установлении над ними опеки или попечительства (статья 19); 4) консульские действия в случае утраты гражданином Российской Федерации документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации, или в случае нахождения гражданина Российской Федерации в государстве пребывания без средств к существованию (статья 20); 5) определение консульских функций по вопросам гражданства, особенности совершения нотариальных действий, а также записи актов гражданского состояния, реализация избирательных прав и др. (ст. 21, 24, 25, 26). Стоит отметить, что консульская деятельность сопряжена и с оказанием услуг иностранным гражданам в связи с истребованием и легализацией документов, полученных на территории Российской Федерации, а также выдачей российских виз [15].

Эффективность правового регулирования консульской деятельности, а также правоприменительную деятельность в работе российских консульских учреждений можно охарактеризовать с учетом официальной статистики МИД России за период 2015-2025 гг.:

количество выданных виз (2015 – 2 283 850, 2025 – 796 633);

количество выданных консульскими учреждениями (2015- 448 362, 2025 – 396 815);

количество зарегистрированных российских граждан, находящихся за пределами Российской Федерации (2015 - 2 028 980, 2025 – 2 077 006);

количество совершенных нотариальных действий (2015 – 334 897, 2025 – 411 836);

количество совершенных действий по вопросам гражданства (2015- 65 372, 2025 – 78 325);

количество зарегистрированных актов гражданского состояния (2015 – 8 111, 2025 – 10 319);

количество легализованных иностранных документов (2015 – 66 569, 2025 – 63 563) [7].

При анализе статистических данных видно, что количество совершаемых консульских действий динамично менялось за 10-летний период. По мнению автора, уменьшение или увеличение объема консульских действий связано с объективными факторами:

изменение визового режима с рядом

государств, а также введение в 2017 г. электронной визы для въезда в Российскую Федерацию, что, несомненно влияет на количество выданных виз;

миграция выезжающих из Российской Федерации на постоянное место жительства российских граждан увеличивает объем консульских действий и наоборот (например, увеличивается количество заключаемых браков на территории консульских учреждений и др.).

Таким образом, деятельность консульских учреждений регулируется как международно-правовыми актами, так и национальным законодательством. На сегодняшний день консульская служба Российской Федерации представлена многочисленными представительствами по всему миру, задачи которой достаточно универсальны. Тем не менее, главной целью ее работы, прежде всего, состоит в защите интересов российских граждан за рубежом. При этом эффективность и стабильность работы консульских учреждений, безусловно, зависит от состояния двусторонних отношений с государством пребывания.

Список литературы:

[1] Ганюшкин Б.В. Широта прав консульских учреждений // Московский журнал международного права. – 1999. - № 2. С. 220-246.

[2] К 210-летию создания консульской службы МИД России. URL: https://nicaragua.mid.ru/upload/iblock/faf/z4d8o3ng5vyht6mqcf15mx5vb7b6b3qe.pdf?TSPD_101_R0=08765fb817ab200086e3f2fd0ef5e91876389909c7e602839f02720cc130488118e76e92d297f99008523e51121430003fd245ee1cf1f90b8e1d52964493879034cc737a4ba117bdb4bc4c3d9c9be73a5ce745119a103c457a704b5525eced1c. (Дата обращения: 07.05.2026 г.).

[3] Комягина М.А., Нагиева А.А. Допустимые меры ответственности за нарушение неприкосновенности помещений загранучреждений России // Академия права. – 2024. - № 3 (6). С. 70-74.

[4] Лаврищева О.А. Организационно-правовые основы отечественной консульской службы советского периода (историко-правовое исследование) / Елец. Издательство Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. – 2015. – 137 с.

[5] Сафронова Е.В. Эволюция функций консульских учреждений Российской империи в XVIII – начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2007. - № 1. – С. 148-161.

[6] Справка о дипломатических отношениях Российской Федерации с иностранными государствами. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/voprosy-gosudarstvennogo-protokola/diplomaticeskie-otnosenia-rossijskoj-federacii-s-inostrannymi-gosudarstvami/. (Дата обращения: 07.05.2026 г.)

[7] Статистические данные консульского департамента МИД России. URL: https://www.kdmid.ru/opendata/. (Дата обращения: 07.05.2026 г.).

[8] Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml. (Дата обращения: 07.05.2026 г.).

[9] Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf. (Дата обращения: 07.05.2026 г.).

[10] Конвенция о специальных миссиях (принята резолюцией 2530 (XXIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 08.12.1969 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/sp_missions.shtml. (Дата обращения: 07.05.2026 г.).

[11] Указ Президента РФ от 28.10.1996 N 1497 (ред. от 18.02.2017) «Об утверждении Положения о Посольстве Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips (Дата обращения: 07.05.2026 г.).

[12] Указ Президента РФ от 05.11.1998 N 1330 (ред. от 06.10.2025) «Об утверждении Положения о Консульском учреждении Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102056289 (Дата обращения: 07.05.2026 г.).

[13] Федеральный закон «Консульский устав Российской Федерации» от 05.07.2010 N 154-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102228/. (Дата обращения: 07.05.2026 г.).

[14] Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf. (Дата обращения: 07.05.2026 г.).

[15] Федеральный закон «Консульский устав Российской Федерации» от 05.07.2010 N 154-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102228/. (Дата обращения: 07.05.2026 г.).

References:

[1] Ganyushkin B.V. The breadth of the rights of consular offices//Moscow Journal of International Law. – 1999. - № 2. S. 220-246.

[2] On the 210th anniversary of the creation of the consular service of the Russian Foreign Ministry. URL: https://nicaragua.mid.ru/upload/iblock/faf/z4d8o3ng5vyht6mqcf15mx5vb7b6b3qe.d1c. (Дата обращения: 07.05.2026 г.).

[3] Komyagina M.A., Nagieva A.A. Permissible measures of liability for violation of the inviolability of the premises of foreign institutions of Russia// Academy of Law. – 2024. - № 3 (6). S. 70-74.

[4] Lavrishcheva O.A. Organizational and legal foundations of the domestic consular service of the Soviet period (historical and legal research)/ Yelets. Publishing House Yelets State University named after I.A. Bunin. – 2015. - 137 s.

[5] Safronova E.V. Evolution of the functions of consular offices of the Russian Empire in the 18th - early 20th centuries//Scientific statements of Belgorod State University. – 2007. - № 1. - S. 148-161.

[6] Certificate of diplomatic relations of the Russian Federation with foreign states. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/voprosy-gosudarstvennogo-protokola/diplomaticeskie-otnosenia-rossijskoj-federacii-s-inostrannymi-gosudarstvami/. (Accessed 07.05.2026)

[7] Statistics from the consular department of the Russian Foreign Ministry. URL: https://www.kdmid.ru/opendata/. (Accessed 07.05.2026).

[8] Vienna Convention on Diplomatic Relations (concluded in Vienna 18.04.1961). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml. (Accessed 07.05.2026).

[9] Vienna Convention on Consular Relations (concluded in Vienna 24.04.1963). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf. (Accessed 07.05.2026).

[10] Convention on Special Missions (adopted by UN General Assembly resolution 2530 (XXIV) of 08.12.1969). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/sp_missions.shtml. (Accessed 07.05.2026).

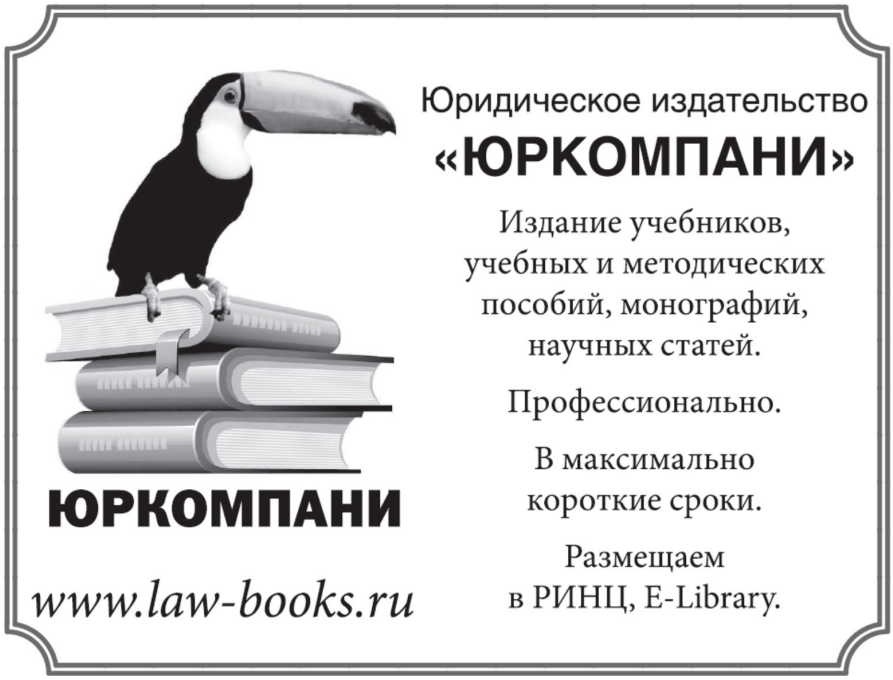
[11] Decree of the President of the Russian Federation of 28.10.1996 No. 1497 (as amended 18.02.2017) “ On approval of the Regulation on the Embassy of the Russian Federation.” URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips (Дата обращения: 07.05.2026 г.).

[12] Decree of the President of the Russian Federation No. 1330 dated 05.11.1998 (as amended 06.10.2025) “ On approval of the Regulation on the Consular Office of the Russian Federation.” URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/(Accessed 07.05.2026).

[13] Federal Law “Consular Charter of the Russian Federation” dated 05.07.2010 N 154-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102228/. (Accessed 07.05.2026).

[14] Vienna Convention on Consular Relations (concluded in Vienna 24.04.1963). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf. (Accessed 07.05.2026).

[15] Federal Law “Consular Charter of the Russian Federation” dated 05.07.2010 N 154-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102228/. (Accessed 07.05.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-56-62

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,

e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ГОРДЕЕВ Сергей Витальевич,

военнослужащий, Министерство обороны Российской Федерации,

e-mail: mail@law-books.ru

О РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ УЧАСТНИКАМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается правовая сущность и особенности предоставления социальных выплат участникам боевых действий. Цель исследования состоит в систематизации и анализе действующих норм, регулирующих предоставление социальных выплат гражданам – участникам СВО. Для раскрытия заявленной проблематики применен дедуктивный метод: от общетеоретических положений и нормативных основ к рассмотрению конкретных видов социальных выплат и гарантий, предоставляемых отдельным категориям участников боевых действий. Авторы также преследуют решение учебно просветительских задач: повышение уровня правовой осведомленности военнослужащих и оказание им практической помощи в защите конституционных социальных прав. В результате авторами проанализирован перечень названных социальных выплат, охарактеризованы их ключевые особенности и рассмотрен общий порядок их предоставления.*

Ключевые слова: *военнослужащие, частичная мобилизация, добровольцы, социальные выплаты, Специальная военная операция.*

SHESTAK V.A.,

Doctor of Juridical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

GORDEEV S.V.,

Military personnel, The Ministry of Defense of the Russian Federation

ON THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL BENEFITS PROVIDED TO PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION

Annotation. *The article examines the legal nature and features of providing social benefits to participants in hostilities. The purpose of the study is to systematize and analyze the current norms governing the provision of social benefits to citizens participating in the SVR. To disclose the stated issues, a deductive method has been applied: from general theoretical provisions and regulatory frameworks to the consideration of specific types of social benefits and guarantees provided to certain categories of combatants. The authors also pursue educational objectives: raising the level of legal awareness of military personnel and providing them with practical assistance in protecting constitutional social rights. As a result, the authors analyzed the list of named social benefits, characterized their key features and considered the general procedure for their provision.*

Key words: *military personnel, partial mobilization, volunteers, social benefits, Special military operation.*

В норме статье 39 Конституции Российской Федерации закреплено право каждого на социальное обеспечение как одну из базовых социальных гарантий [1]. В период проведения Специальной военной операции (далее – СВО) одной из наиболее

значимых и динамично развивающихся сфер правового регулирования стало социальное обеспечение военнослужащих и членов их семей. Важность данной сферы обусловлена тем, что предусмотренные государством меры социальной поддержки призваны не только гарантировать военнослужащим и их близким достойный уровень жизни, но и поддерживать необходимый морально психологический климат и боеспособность армии, формируя у каждого защитника уверенность в реальной поддержке со стороны государства. При этом такие гарантии распространяются и на граждан, призванных на военную службу в рамках частичной мобилизации, чьи права и законные интересы также находятся под охраной закона. При этом одной из ключевых и наиболее действенных форм социальной защиты участников боевых действий выступает предусмотренная федеральным законодательством система социальных выплат. Эта система позволяет обеспечить приемлемый уровень материального положения указанных лиц и одновременно служит стимулом к добросовестному и эффективному исполнению ими обязанностей военной службы.

Вместе с тем, как справедливо подчеркивал В.М. Корякин, за последние годы система социального обеспечения существенно усложнилась и приобрела весьма разветвленный характер, что не только повысило эффективность реализации социальных гарантий, но и стало почвой для многочисленных злоупотреблений правом и нарушений законодательства, препятствующих полноценной защите прав военнослужащих и их семей [2]. Зачастую сами военнослужащие не обладают достаточными правовыми знаниями и возможностями для самостоятельной защиты своих интересов, что вынуждает их обращаться за помощью в контрольно надзорные органы и суды, дополнительно нагружая государственный аппарат. Отметим, что из за широты и сложности затронутой темы в рамках одной статьи невозможно исчерпывающе осветить все аспекты правового регулирования социальных выплат военнослужащим – участникам СВО. Тем не менее, полагаем, что представленный материал позволит выполнить познавательную и практико ориентированную функции, служа эффективной защите социальных прав военнослужащих и их семей.

В российском законодательстве социальные выплаты представляют собой единовременные либо периодические денежные выплаты, направленные на поддержку граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, а также предоставляемые в связи с наступлением иных юридически значимых обстоятельств, которые обуславливают необходимость дополнительного материального обеспечения. В этой связи социальные выплаты участникам боевых действий и их семьям являются составной частью системы государственной поддержки, под которой понимается комплекс мер, реализуемых государством через уполномоченные органы и организации, и направленных, с одной стороны, на стимулирование социально экономического развития, а с другой – на оказание помощи гражданам, лишенным по объективным причинам возможности самостоятельно обеспечить достойный уровень жизни. Социальные выплаты выступают конкретным выражением государственной социальной политики, ориентированной на создание и практическую реализацию правовых механизмов, способствующих достижению целей и задач СВО. Социальные выплаты участникам СВО и членам их семей включают, в частности, денежное довольствие, различные пособия, компенсации и поощрительные выплаты.

Порядок предоставления таких социальных выплат участникам боевых действий и их родственникам закреплен в значительном массиве нормативно правовых актов, существенная часть которых была принята в предыдущее время, но распространяет свое действие и на период проведения СВО. К числу ключевых действующих актов, нормы которых применяется и в отношении граждан, исполняющих свой долг в зоне проведения СВО, относятся федеральные законы от 27.05.1998 № 76 ФЗ «О статусе военнослужащих» [3], от 12.01.1995 № 5 ФЗ «О ветеранах» [4], от 28.03.1998 № 52 ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы …» [5], от 07.11.2011 № 306 ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» [6] и Закон Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468 I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел…» [7]. Их содержание позволяет определить основания возникновения права участников СВО на различные социальные выплаты, а также процедуру их назначения и выплаты. Анализ таких норм дает возможность выделить ряд юридических фактов, с наступлением которых у государства возникает обязанность по предоставлению денежных средств: прохождение военной службы и выполнение специальных задач в зоне проведения СВО; получение военнослужащим увечья (ранения, травмы, контузии) в ходе участия в СВО; смерть гражданина, принимавшего участие в СВО, при условии, что за получением выплат обращаются члены его семьи.

Изучение военного законодательства

и смежных отраслевых норм показывает, что существует несколько категорий граждан, признаваемых субъектами права на социальные выплаты. В зависимости от их правового статуса и формы участия в боевых действиях перечень, размер и порядок предоставления денежных средств существенно различаются. Так, базовой категорией участников СВО выступают военнослужащие, проходящие военную службу по контракту (далее – военнослужащие по контракту). Военная служба по контракту представляет собой добровольное волеизъявление гражданина, выражающее его осознанный выбор военной службы в качестве профессионального вида служебной деятельности и являющееся одной из форм реализации конституционного права на труд. Правовой статус данной группы определяется, как правило, положениями Федерального закона от 28.03.1998 № 53 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и предполагает возможность привлечения военнослужащего к выполнению задач, связанных с повышенным риском для жизни и здоровья. К указанной категории относятся офицеры, прапорщики, мичманы, сержанты, старшины, солдаты и матросы, проходящие контрактную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, где предусмотрена военная служба, и принимающие участие в СВО на территориях Украины, Донецкой и Луганской Народных Республик (с 24.02.2022), а также на территориях Запорожской и Херсонской областей (с 30.09.2022).

Правовые основы предоставления денежных средств военнослужащим по контракту закреплены в Федеральном законе от 07.11.2011 № 306 ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат». Денежное довольствие включает в себя месячный оклад по воинскому званию и месячный оклад по замещаемой воинской должности, которые в совокупности образуют оклад месячного денежного содержания, а также ежемесячные и иные дополнительные выплаты.

К числу ежемесячных и дополнительных выплат относятся:

ежемесячная компенсационная выплата (Указ Президента Российской Федерации от 11.09.2023 № 669) – 100% пенсии за выслугу лет, выплачиваемой на день приостановления ее выплаты;

ежемесячные социальные выплаты (Указы Президента Российской Федерации от 02.11.2022 № 788 и от 31.03.2023 № 230);

единовременная денежная выплата (Указ Президента Российской Федерации от 02.11.2022 № 787) – 195 тыс. рублей;

единовременное пособие (Федеральный закон от 07.11.2011 № 306 ФЗ, пункты 8–10, 12, 13 статьи 3) – 3 272 657,39 рубля;

иные выплаты, предусмотренные отдельными законами и подзаконными актами.

Проведение СВО и накопленный опыт ведения активных боевых действий обусловили формирование новой крупной категории военнослужащих – граждан, призванных на военную службу по мобилизации (так называемых «мобилизованных»), в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» (далее – Указ № 647). В отличие от военнослужащих по контракту, прохождение военной службы в период мобилизации в Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» рассматривается как самостоятельная форма исполнения гражданами воинской обязанности [8].

Согласно пункту 2 Указа № 647 граждане, призванные по мобилизации, приравниваются в своем правовом статусе к военнослужащим по контракту и обладают теми же правами, свободами, обязанностями и мерой ответственности. Вследствие этого структура их денежного довольствия в целом подобна структуре выплат контрактникам. Вместе с тем для мобилизованных предусмотрен ряд дополнительных мер материальной поддержки, прежде всего ежемесячная социальная выплата в размере 158 тыс. рублей, установленная Указом Президента Российской Федерации от 02.11.2022 № 788 [9].

Опыт СВО также подтвердил значимость добровольного участия граждан в выполнении отдельных задач в области обороны. В соответствии с пунктом 8.1 статьи 1 Федерального закона от 31.05.1996 № 61 ФЗ «Об обороне» такие формы участия именуются участием граждан в добровольческих формированиях. Согласно пункту 3 статьи 22.1 названного закона в состав добровольческих формирований включаются граждане Российской Федерации, добровольно поступившие в них, а также военнослужащие, направленные в данные формирования Министерством обороны Российской Федерации. В предусмотренных законодательством случаях на таких граждан распространяется правовой статус военнослужащих [10].

Основные виды социальных выплат добровольцам в ходе СВО урегулированы федеральным законодательством, в первую очередь Постановлением Правительства РФ от 06.05.2022 № 824 «Об утверждении Правил назначения и осуществления единовременных выплат гражданам, непосредственно участвующих

в СВО» (с последующими изменениями) [11]. Этот акт действует во взаимосвязи с Федеральным законом от 27.05.1998 № 76 ФЗ «О статусе военнослужащих» и правилами обязательного государственного страхования.

Для всех указанных категорий участников СВО закон предусматривает возможность получения статуса ветерана боевых действий, что влечет возникновение права на ежемесячную денежную выплату и комплекс социальных услуг, предоставляемых как в натуральной форме, так и в виде денежной компенсации. Для получения статуса «ветеран боевых действий» военнослужащий должен собрать документы, подтверждающие факт его участия в Специальной военной операции (приказ командира воинской части, справка о ранении, удостоверение к государственной или ведомственной награде) и подать рапорт на имя командира воинской части, а в случае увольнения с военной службы - на имя начальника Центральной комиссии МО РФ через военный комиссариат, где гражданин состоит на воинском учёте. После поступления рапорт рассматривается в течение 30 календарных дней и на основании приложенных документов принимается соответствующее решение.

Существенное значение имеют различные стимулирующие выплаты, назначаемые всем категориям участников за особые отличия при выполнении боевых задач. К таким поощрениям относятся дополнительные выплаты за каждые сутки непосредственного участия в активных наступательных действиях, выплаты за уничтожение (захват) вооружения и военной техники, а также живой силы противника, единовременное поощрение при награждении государственными наградами либо поощрении Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации. Особое место среди мер социальной поддержки занимает комплекс выплат и гарантий, предоставляемых при получении ранений, травм, контузий и иных увечий. Основной формой денежного обеспечения в подобных случаях выступают компенсации – выплаты, осуществляемые либо взамен некоторых видов материального обеспечения, либо в связи с повреждением здоровья, утратой кормильца и тому подобными обстоятельствами.

Такие выплаты участникам СВО подразделяются на единовременные и ежемесячные. Размер указанных сумм зависит от характера повреждений, степени утраты трудоспособности и подлежит периодической индексации. Так, к числу регулярно предоставляемых социальных выплат за полученные увечья относится ежемесячная денежная компенсация в возмещение вреда, причиненного здоровью военнослужащего, которому установлена инвалидность [12]. При увольнении военнослужащего, в связи с признанием его негодным к военной службе вследствие военной травмы, ему полагается единовременное пособие, которое выплачивается наряду с иными единовременными выплатами. Если военнослужащий, имеющий статус ветерана боевых действий, удостоенный государственной награды и уволенный по причине ранения, изъявляет желание продолжить службу, за ним также сохраняется право на получение соответствующего единовременного пособия.

Кроме того, в случае причинения вреда здоровью участникам СВО гарантируется страховое обеспечение. Военнослужащие, жизнь и здоровье которых застрахованы по Федеральному закону от 28.03.1998 № 52 ФЗ, имеют право на страховую выплату при получении ранения (до 350 тыс. рублей), а также на страховые выплаты при установлении инвалидности. Размер страхового обеспечения зависит от тяжести полученных увечий и группы инвалидности [13].

При анализе вопросов социальной защиты нельзя оставить без внимания и государственные гарантии членам семей граждан, погибших при выполнении специальных задач в зоне проведения СВО. Перечень членов семьи, которым предоставляются социальные выплаты в случае гибели военнослужащего, закреплен в статье 2 Федерального закона от 27.05.1998 № 76 ФЗ «О статусе военнослужащих». К ним относятся: супруга (супруг), несовершеннолетние дети, дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения указанного возраста, дети до 23 лет, обучающиеся по очной форме, лица, находившиеся на иждивении военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях [14].

Отметим, что в отдельных нормативных актах перечень близких родственников, имеющих право на социальные выплаты, может варьироваться, что требует тщательного анализа каждого конкретного основания. Прежде всего, членам семьи погибшего военнослужащего устанавливается право на получение единовременного пособия в размере 5,5 млн рубле [15], единовременной выплаты в размере 5 млн рублей [16], а также страховой выплаты в размере 3,2 млн рублей [17] (с учетом индексации на 2026 г.). Для получения единовременного пособия и единовременной выплаты членам семьи погибшего участника СВО необходимо обратиться с заявлением в военный комиссариат субъекта, где он состоял на воинском учёте. Вместе с заявлением необходимо предоставить

документы подтверждающие родство; справку о смерти или копию судебного решения о признании гражданина умершим; документы, удостоверяющие личность. При этом, заявление может быть подано в электронной форме через Единый портал государственных и муниципальных услуг («Госуслуги»).

Страховая выплата в случае гибели военнослужащего осуществляется через АО «СОГАЗ» на основании копий документов, заверенных подписью и печатью командира воинской части (военного комиссара). Эти суммы распределяются между всеми членами семьи военнослужащего в равных долях. Аналогичные меры предусмотрены и для семей гражданского персонала, погибшего при выполнении задач в зоне проведения СВО. Кроме единовременных выплат, федеральное законодательство устанавливает ежемесячные денежные компенсации, направленные на возмещение вреда, ставшего следствием смерти военнослужащего от военной травмы. При этом денежные средства, причитавшиеся военнослужащему, но не полученные им в связи с гибелью, подлежат выплате его близким родственникам. Речь идет, в частности, о компенсации взамен положенных по нормам снабжения предметов вещевого имущества личного пользования, продовольственного пайка, а также о выплате за неиспользованные дни отдыха.

Таким образом, ход СВО наглядно продемонстрировал исключительную значимость надлежащей социальной защиты граждан, непосредственно участвующих в боевых действиях. При этом понятие «военнослужащий» в рассматриваемом контексте включает не только военнослужащих по контракту, но и лиц, призванных по частичной мобилизации, а также граждан, входящих в добровольческие формирования, каждая из этих категорий обладает особым правовым статусом и соответствующим набором прав и обязанностей. Рассмотренные социальные выплаты могут назначаться как за сам факт участия в СВО, так и в случае получения ранений либо в связи с гибелью военнослужащего, когда получателями выступают члены его семьи.

Для практической реализации указанных выплат в системе Министерства обороны Российской Федерации функционирует разветвленная система органов военного управления и воинских должностных лиц, к которым, прежде всего, относятся: Главное военно медицинское управление Минобороны России (ГВМУ МО РФ), Департамент социальных гарантий Минобороны России, Военный социальный центр Минобороны России, военные комиссариаты субъектов Российской Федерации, командиры воинских частей, и иные органы военного управления и должностные лица, в компетенцию которых входит организация обеспечения военнослужащих социальными выплатами.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет– портал правовой информации. – URL:http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 31.07.2020).. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/ View/ 0001202007040001 (дата обращения: 25.04.2026).

[2] Корякин, В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции: учебник и практикум / В.М. Корякин. Москва: Русайнс, 2024. С. 12-15.

[3] Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 N 76-ФЗ// Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1474

[4] Федеральный закон от 12.01.1995 № 5 ФЗ «О ветеранах». URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490 (дата обращения: 25.03.2026).

[5] Федеральный закон от 28.03.1998 № 52 ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1474.

[6] Федеральный закон от 07.11.2011 № 306 ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 45. Ст. 6336.

[7] Закон РФ от 12.02.1993 N 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» // Собрание законодательства РФ. 1993. № 15. Ст. 3213.

[8] Социальные гарантии участникам специальной военной операции: виды и механизмы реализации: учебное пособие со справочником / под ред. О. Г. Безбабнова, А. И. Землина, В. М. Корякина. Приветственное слово – Р. Х. Цаликов. Предисловие – О. Г. Безбабнов. М. 2024., С. 23.

[9] Указ Президента РФ от 02.11.2022 № 788 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, войсках национальной гвардии Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ. 2022. № 32. Ст. 5741.

[10] Социальный справочник участника специальной военной операции. М.: ГВПУ ВС Российской Федерации, 2022 / https://iokk38.ru/wp-content/uploads/2023/05/Социальный-справочник-участника-СВО.pdf

[11] Постановление Правительства РФ от 6 мая 2022 г. N 824 «Об утверждении Правил назначения и осуществления единовременных выплат, установленных указами Президента Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. N 247 «О поддержке волонтерской деятельности на территориях отдельных субъектов Российской Федерации», от 29 декабря 2022 г. N 972 «О дополнительных социальных гарантиях лицам, направленным (командированным) на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области, и членам их семей», от 14 июля 2023 г. N 518 «О дополнительных социальных гарантиях лицам, выполняющим работы... (с изменениями и дополнениями) / URL:https://base.garant.ru/404594567. (дата обращения:15.03.2026)

[12] Социальный справочник участника специальной военной операции. М.: ГВПУ ВС Российской Федерации, 2022 / https://iokk38.ru/wp-content/uploads/2023/05/Социальный-справочник-участника-СВО.pdf

[13] Федеральный закон от 28.03.1998 № 52 ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава…»// Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1474.

[14] Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 N 76-ФЗ// Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1474.

[15] Федеральный закон от 07.11.2011 № 306 ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 45. Ст. 6336.

[16] Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 2421.

[17] Федеральный закон от 28.03.1998 № 52 ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава…»// Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1474.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Official Internet portal of legal information. - URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 31.07.2020).. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/View/ 0001202007040001 (access date: 25.04.2026).

[2] Koryakin, V.M. Social guarantees provided to participants in a special military operation: textbook and workshop/V.M. Koryakin. Moscow: Rusines, 2024. S. 12-15.

[3] Federal Law “On the Status of Military Personnel” of 27.05.1998 N 76-FZ// Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 13. Art. 1474

[4] Federal Law No. 5 of 12.01.1995 FZ “On Veterans.” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490 (access date: 25.03.2026).

[5] Federal Law of 28.03.1998 No. 52 FZ “On Compulsory State Insurance of the Life and Health of Military Personnel, Citizens Called up for Military Training, Ordinary and Commanding Officers of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, the State Fire Service, Employees of Institutions and Bodies of the Penal System, Employees of the National Guard of the Russian Federation, Employees of the Enforcement Bodies of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 13. Art. 1474.

[6] Federal Law of 07.11.2011 No. 306 FZ “On Monetary Allowances for Military Personnel and the Provision of Separate Payments “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 45. Art. 6336.

[7] Law of the Russian Federation of 12.02.1993 No. 4468-1 “On pension provision for persons who have served in military service, service in the internal affairs bodies, the State Fire Service, bodies for controlling the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, institutions and bodies of the penal system, troops of the National

Guard of the Russian Federation, enforcement bodies of the Russian Federation, and their families "//Collection of legislation of the Russian Federation. 1993. № 15. Art. 3213.

[8] Social guarantees for participants in a special military operation: types and mechanisms of implementation: a training manual with a reference book/ed. O. G. Bezbabnova, A. I. Zemlin, V. M. Koryakin. Welcome speech - R. Kh. Tsalikov. Preface - O. G. Bezbabnov. M. 2024., S. 23.

[9] Decree of the President of the Russian Federation of 02.11.2022 No. 788 "On a one-time cash payment to servicemen serving under contract in the Armed Forces of the Russian Federation, troops of the National Guard of the Russian Federation "/ Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. № 32. Art. 5741.

[10] Social directory of a participant in a special military operation. M.: GVPU of the Armed Forces of the Russian Federation, 2022/ https://iokk38.ru/wp-content/uploads/2023/05/ Социальный-справочник-участника-СВО.pdf

[11] Decree of the Government of the Russian Federation of May 6, 2022 N 824 "On Approval of the Rules for the Appointment and Implementation of Lump Sum Payments Established by Decrees of the President of the Russian Federation of April 30, 2022 N 247 "On Support of Volunteer Activities in the Territories of Certain Constituent Entities of the Russian Federation," dated December 29, 2022 N 972 "On Additional Social Guarantees to Persons Sent (sent) on the territory of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhzhya region, Kherson region, and members of their families," dated July 14, 2023 N 518 "On additional social guarantees to persons performing work... (as amended)/URL: https://base.garant.ru/404594567. (accessed on: 15.03.2026)

[12] Social directory of a participant in a special military operation. M.: GVPU of the Armed Forces of the Russian Federation, 2022/ https://iokk38.ru/wp-content/uploads/2023/05/ Социальный-справочник-участника-СВО.pdf

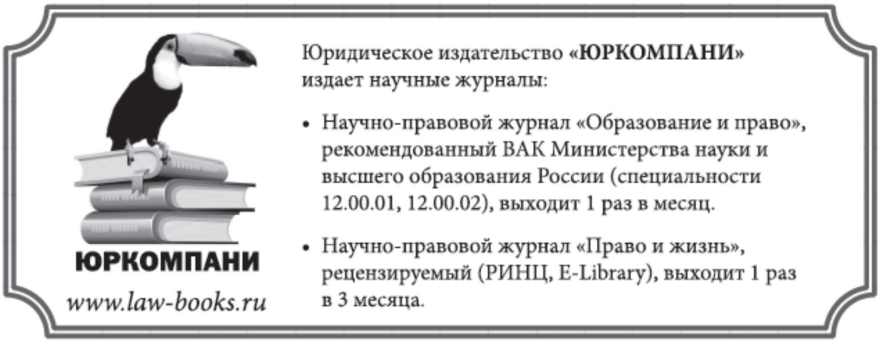
[13] Federal Law of 28.03.1998 No. 52 FZ "On compulsory state insurance of the life and health of military personnel, citizens called up for military training, ordinary and commanding personnel... "// Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. № 13. Art. 1474.

[14] Federal Law "On the Status of Military Personnel" of 27.05.1998 N 76-FZ// Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 13. Art. 1474.

[15] Federal Law of 07.11.2011 No. 306 FZ "On Monetary Allowances for Military Personnel and the Provision of Separate Payments "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 45. Art. 6336.

[16] Decree of the President of the Russian Federation of 05.03.2022 No. 98 "On additional social guarantees for servicemen, persons serving in the troops of the National Guard of the Russian Federation, and members of their families "// Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. № 11. Art. 2421.

[17] Federal Law of 28.03.1998 No. 52 FZ "On compulsory state insurance of the life and health of military personnel, citizens called up for military training, ordinary and commanding personnel... "// Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. № 13. Art. 1474.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-63-70

ШИРЁВА Ирина Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент Кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,

e-mail: IVShiryova@fa.ru

ШИРЁВ Денис Андреевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»»,

e-mail: shirev-da@pfur.ru

СОХРАНЕНИЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОКЕАНОВ, МОРЕЙ И МОРСКИХ РЕСУРСОВ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. *14-ой Целью устойчивого развития является сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития. В предложенной статье авторами анализируется работа по достижению обозначенной высокой цели, имеющиеся сложности и недостатки работы. Уже было проведено три Конференции Организации Объединенных Наций высокого уровня по содействию достижению цели 14 в области устойчивого развития «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития», вступило в силу Соглашение на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции (Договор об открытом море), очевидно, что работа продолжается и не должна оставаться без внимания поскольку для сохранения, рационального регулирования и восстановления морских и прибрежных экосистем необходимы более решительные и тесно координируемые глобальные меры.*

Ключевые слова: *ООН, ЮНКТАД, ВТО, Конференция Организации Объединенных Наций высокого уровня по содействию достижению цели 14 в области устойчивого развития «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития», Конвенция ООН по морскому праву (ЮНКЛОС), Соглашение о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами национальной юрисдикции в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву (Договор об открытом море),океан, устойчивое развитие, 14 Цель устойчивого развития (14 ЦУР).*

SHIRYOVA Irina V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation

SHIRYOV Denis Andreevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor department of Judicial authority, civil society, and law enforcement activities of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Peoples Friendship University of Russia (RUDN University)

CONSERVATION AND SUSTAINABLE USE OF THE OCEANS, SEAS AND MARINE RESOURCES FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Annotation. *Sustainable Development Goal 14 aims to conserve and sustainably use the oceans, seas, and marine resources for sustainable development. In this article, the authors analyze the progress toward achieving this ambitious goal, as well as the challenges and shortcomings*

involved. Three high-level United Nations Conferences have been held to support the achievement of Sustainable Development Goal 14, "Conserve and sustainably use the oceans, seas, and marine resources for sustainable development," and the Agreement on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity of Areas Beyond National Jurisdiction (the High Seas Treaty- BBNJ) under the UN Convention on the Law of the Sea has entered into force. Clearly, work continues and should not be ignored.

Key words: *UN, UNCTAD, WTO, High-level United Nations Conference to Support the Implementation of Sustainable Development Goal 14 "Conserve and sustainably use the oceans, seas and marine resources for sustainable development", Agreement on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity of Areas Beyond National Jurisdiction under the United Nations Convention on the Law of the Sea (Treaty on the High Seas- BBNJ),ocean, sustainable development, Sustainable Development Goal 14 (SDG 14).*

Устойчивое развитие неразрывно связано со здоровой окружающей средой, частью которой является океан. По мнению специалистов, оценка экономики океана составляет от 3 до 6 триллионов долларов в год, поддерживая не менее 150 миллионов прямых рабочих мест в самых разных секторах, включая, помимо прочего, рыболовство, аквакультуру, судоходство, туризм, нефтяную, газовую, горнодобывающую промышленность и морскую биотехнологию. Она также играет центральную роль в глобальной продовольственной безопасности, содержит богатые, биологически разнообразные среды обитания, предоставляет бесценные экосистемные услуги и поглощает значительное количество тепла и углекислого газа. [9] Как отмечают ученые, «... океан обеспечивает продовольствие, занятость, минеральные и энергетические ресурсы, необходимые для жизни и процветания на планете».[7]

В Резолюции «Будущее, которого мы хотим», принятой Генеральной Ассамблеей 27 июля 2012 года было закреплено обязательство защищать и восстанавливать благополучие, продуктивность и жизнестойкость океанических и морских экосистем.[11]

На брифинге, посвященном первой Конференции по океану 13 декабря 2016г. г-н Питер Томсон, председатель 71-й сессии Генеральной Ассамблеи, сделал заявление, в котором подчеркнул, что без здорового и устойчивого развития океана наше место на этой планете окажется под угрозой. «Наука подтвердила, что наш любимый океан страдает и что необходимы срочные меры по исправлению положения. Необходимость коллективных действий, чтобы обратить вспять цикл упадка, в который в настоящее время попал наш океан, была признана мировыми лидерами, когда они приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. В Повестку дня на период до 2030 года включена Цель 14 в области устойчивого развития, которая определяет конкретные задачи, которые должны быть достигнуты для сохранения и рационального использования наших океанов..... Конференция по океану – это уникальная возможность мобилизовать необходимые срочные коллективные действия. В конференции примут участие все соответствующие заинтересованные стороны – правительства, система ООН, гражданское общество, научные, академические и технические эксперты, частный сектор и местные сообщества» - подчеркнул Питер Томпсон.[2]

Соответственно, с 5 июня по 9 июня 2017г. в Нью-Йорке состоялась первая конференция Организации Объединенных Наций высокого уровня по содействию достижению цели 14 в области устойчивого развития «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития», в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 70/303 от 9 сентября 2016 года. На конференции была принята декларация «Наш океан — наше будущее: призыв к действиям», в которой была определена решимость остановить и обратить вспять процесс ухудшения состояния и снижения продуктивности Мирового океана и его экосистем.[14]

В соответствии с резолюцией 73/292 от 9 мая 2019 года и решением 75/578 от 9 сентября 2021 года Генеральной Ассамблеи ООН - вторая Конференция Организации Объединенных Наций высокого уровня по содействию достижению цели 14 в области устойчивого развития «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития» была проведена в Лиссабоне с 27 июня по 1 июля 2022 года. На конференции была одобрена декларация под названием «Наш океан, наше будущее, наша ответственность», в которой были выражены сожаления в коллективной неспособности выполнить задачи 14.2, 14.4, 14.5 и 14.6 (14 ЦУР), срок выполнения которых наступил в 2020 году. Кроме того, среди прочего, в документе были подтверждены новаторские

многосторонние усилия в отношении океана посредством: Соглашения об ограничении вредных субсидий на рыболовство (Всемирная торговая организация -ВТО); принятия государствами-членами ООН мандата на ведение переговоров по юридически обязывающему глобальному инструменту для прекращения загрязнения пластиком, включая загрязнение морской среды пластиком; Глобальной рамочной программы по биоразнообразию Куньмина-Монреаля по защите 30 процентов океана и прибрежных зон к 2030 году (Конвенция ООН о биологическом разнообразии); растущего включения океана в обсуждения и решения по адаптации к изменению климата и смягчению его последствий на Конференции сторон Организации Объединенных Наций по изменению климата (РКИК ООН) (например, фонд возмещения убытков и ущерба для уязвимых стран); и усиления защиты большего количества морских видов в соответствии с Конвенцией о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС); разработки Соглашения о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами национальной юрисдикции в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву (ЮНКЛОС)(Договор об открытом море).[9]

Естественно, что в разных форматах есть запрос на проведение системной работы по давно назревшим вопросам, связанным с охраной и использованием океана. По мнению А. Гуттереша «нависшие над планетой угрозы не знают национальных границ, и работа над соглашением(Соглашением о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами национальной юрисдикции в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву (ЮНКЛОС)(Договор об открытом море)- И.Ш.) продемонстрировала, что страны способны выступить единым фронтом ради общего блага». [8]

В то же время, стоит отметить, что многие страны и сообщества не обладают достаточным опытом, инфраструктурой и финансовыми ресурсами, необходимыми для внедрения систем устойчивого управления морскими экосистемами. В Куньминско-Монреальской глобальной рамочной программе в области биоразнообразия поставлена задача ликвидировать дефицит финансирования связанной с биоразнообразием деятельности, который составляет 700 млрд долл. США в год. [3] Хотя объем связанного с биоразнообразием официального финансирования развития увеличился, сохраняется существенный финансовый разрыв. Устранение этого разрыва имеет решающее значение для выполнения обязательств в соответствии с Рамочной программой. Кроме того, потребности в плане потенциала не ограничиваются лишь финансовыми ресурсами, а касаются также возможностей в информационной, технической, научной, правовой и институциональной сферах. Стратегии, нормативные акты и рамочные документы часто применяются не комплексно, и в этой связи их эффективность ограничена.

После проведения второй Конференции Организации Объединенных Наций 2022 года по содействию достижению цели 14 в области устойчивого развития здоровье и устойчивость океанических экосистем получили большее признание на мировой арене. В порядке признания потребности в расширении масштабов соответствующей деятельности было создано несколько международных процессов, рамочных документов и соглашений, которые ориентированы на мобилизацию политической воли и стимулирование действий в поддержку устойчивых океанических экосистем и биоразнообразия. Были запущены различные процессы и инициативы, имеющие огромное значение для выполнения международных обязательств, связанных с океаном. Например, Регулярный процесс глобального освещения и оценки состояния морской среды. Решающее значение в этом отношении имеют также инициативы Организации Объединенных Наций по проведению «десятилетий». Десятилетие Организации Объединенных Наций, посвященное науке об океане в интересах устойчивого развития (Десятилетие океана), обеспечивает платформу для совместного производства и распространения знаний, необходимых для принятия решений, и способствует укреплению взаимодействия на стыке науки, общества и политики. [4] Благодаря огромному портфелю проводимых в рамках Десятилетия океана мероприятий, включающему более 50 глобальных океанографических программ и 400 национальных и региональных проектов, Десятилетие стало катализатором синергетического взаимодействия и сотрудничества между правительствами, неправительственными организациями, местными общинами и частным сектором, направленных на преобразование методов получения и использования научных данных и знаний об океане.[3] Важно подчеркнуть и вклад организаций системы ООН, так в рамках Международной морской организации ИМО, были определены 19 особо уязвимых районов, в отношении которых необходимо

принять надлежащие меры регулирования, чтобы уменьшить ущерб, наносимый им международным морским судоходством. В соответствии с Международной конвенцией по предотвращению загрязнения с судов было отведено около 20 особых районов, требующих повышенной защиты. Международный орган по морскому дну разработал и внедрил план экологического обустройства для зоны Кларион-Клиппертон, в рамках которого была определена сеть из 13 участков, представляющих особый экологический интерес и полностью защищенных от глубоководной разработки морского дна. Профильные органы принимают на субнациональном, национальном и региональном уровнях меры по пространственному и временному закрытию районов для рыболовства. В свою очередь, договаривающиеся стороны Конвенции о защите морской среды и прибрежного региона Средиземного моря создали сеть из 1233 морских охраняемых районов и приняли другие зонально привязанные природоохранные меры в Средиземноморье, в том числе обозначили 39 особо охраняемых районов средиземноморского значения, число которых вероятно, будет увеличиваться. [3]

Несомненно, что океан обладает огромным неиспользованным экономическим потенциалом, который способен обеспечить продовольственную безопасность, создать рабочие места и стимулировать мировую торговлю. Как отметил Дэвид Вивас, руководитель отдела торговли, окружающей среды и устойчивого развития ЮНКТАД на полях 5-го Форума ООН по океану ООН в Женеве “.... объем экспорта океанских товаров и услуг в 2023 году достиг 2,2 трлн долларов, поэтому он растет очень быстрыми темпами”.[13] Соответственно, нужно обеспечить соблюдение баланса интересов в контексте рационального потребления, разумного регулирования и защиты экосистемы океана.

Открывая 5-й Форум ООН по океану, посвященный торговым аспектам 14 Цели в области устойчивого развития, проходивший в Женеве с 3 – 5марта 2025, генеральный секретарь Конференции Организации Объединённых Наций по торговле и развитию Ребекка Гринспан отметила: «... на протяжении веков и по сей день океан был сердцем мировой торговли, перевозя более 80% мировых товаров и соединяя отдавленные берега, которые формировали экономику, промышленность и источники средств к существованию.... но, мы должны признать суровый факт, что наш океан находится на грани истощения...из-за нерационального использования мы превращаем потенциально неисчерпаемый ресурс в ограниченный... Потепление морской воды нарушает баланс морских экосистем, приводит к изменению популяций рыб, сокращению улова и угрожает продовольственной безопасности». Р. Гринспан предложила три ключевых направления в работе, на которых, с ее точки зрения нужно сосредоточиться: устранение пробелов в управлении, в финансировании и в данных. Работа, которую предстоит проделать ... имеет решающее значение ....для будущего нашего океана и миллиардов людей, которые от него зависят. [15]

Третья Конференция ООН высокого уровня по содействию достижению цели 14 в области устойчивого развития «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития» прошла в Ницце (Франция) с 9 по 13 июня 2025 года. Было запланировано к проведению 10 дискуссионных форумов - тематических обсуждений (панелей действий по океану).[16] Россия также представила результаты своей практической деятельности. Работу российской делегации на третьей Конференции ООН по содействию достижению 14-й цели устойчивого развития возглавил специальный представитель главы государства по вопросам климата Руслан Эдельгериев.[10] Особое внимание было уделено вызовам, стоящим перед мировым сообществом, в том числе проблемы недостаточной воли государств брать на себя обязательства. Так, например, Международную конвенцию об ответственности и компенсации за ущерб в связи с перевозкой морем опасных и вредных веществ с изменениями, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 2010 года, ратифицировали всего несколько государств. Хотя ратификация этой Конвенции числом государств, необходимым для ее вступления в силу, уже вполне досягаема, для эффективного достижения целей требуется куда более широкое участие в ней. Полное и эффективное осуществление Конвенции и связанных с ней документов принципиально важно для достижения цели сохранения и устойчивого использования океана и его ресурсов для всех: развитых, наименее развитых стран, развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, малых островных развивающихся государств. Дефицит финансовых и людских ресурсов и научно-технических знаний, необходимых для осуществления, контроля за осуществлением и обеспечения осуществления соответствующих мер, не позволяет многим государствам эффективно участвовать в деятельности, связанной с океаном, и извлекать выгоды из нее.[5]

Прогресс в достижении цели 14 в области устойчивого развития («Сохранение и

рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития») и обеспечении устойчивой экономики океана замедляется из-за большого дефицита финансирования, который продолжает увеличиваться. По данным Всемирного экономического форума, для достижения цели 14 к 2030 году необходимы ежегодные инвестиции в размере 175 млрд долл. США, однако в период с 2015 по 2019 год было инвестировано менее 10 млрд долл. США. Из всех целей в области устойчивого развития на достижение цели 14 выделяется меньше всего средств. Также проблемой является отсутствие инвестиционно привлекательных проектов, способствующих устойчивой экономике океана, в частности в развивающихся государствах, несмотря на отсутствие недостатка в инвестиционном капитале во всем мире. [6]

Для решения обозначенных проблем в контексте океанов были внесены конкретные инициативы:

учреждение постоянного научного и межправительственного диалога по методикам восстановления морских экосистем,

создание глобальной платформы пилотных проектов с участием национальных комитетов десятилетия наук об океане и восстановления экосистем,

разработка механизмов стимулирования финансирования восстановления морских экосистем.

Важнейшим шагом на пути к выявлению возможностей для создания более благоприятных условий является обзор имеющихся механизмов распоряжения океаном во всех секторах. Многие правительства не имеют такой информации в наличии и не собирают ее на комплексной основе по всем основным секторам морского хозяйства. Необходимо подчеркнуть важность укрепления институционального потенциала местных органов власти для эффективного регулирования нормативно-правовых условий, особенно в развивающихся странах, на основе общегосударственного подхода. Наиболее эффективные инновационные подходы решения проблем финансирования для перехода к устойчивой экономике океана включают «голубые» облигации, учет расходов на охрану природы в счет погашения обращающегося суверенного долга, находящегося в частной собственности, смешанное финансирование, программы «голубого углерода», параметрическое страхование и механизмы технической помощи, в том числе инкубаторы и акселераторы.[6] В 2018 году Сейшельские Острова выпустили первую «голубую» облигацию,стоимостью 15 млн долл. США., которая предназначена для обеспечения устойчивости океана. Выпуск был осуществлен при поддержке Всемирного банка в виде гарантии по займу на сумму 5 млн долл. США и дополнительного льготного займа на сумму 5 млн долл. США в качестве помощи в обслуживании долга при купонной ставке облигации в размере 6,5 процента. Примерно 12 млн долл. США от суммы поступлений было направлено Банку развития Сейшельских Островов через его Фонд «голубых» инвестиций для поддержки малых и средних предприятий, занимающихся вопросами здоровья океана, причем размер кредитов составил до 42 млн сейшельских рупий (около 3 млн долл. США). Оставшиеся 3 млн долл. США были направлены в Фонд «голубого» предпринимательства Сейшельского целевого фонда охраны природы и адаптации к изменению климата, который распределяет средства в виде грантов для поддержки развивающихся предприятий на ранних стадиях.[6] В 2023 году в Эквадоре был завершен проект на Галапагосских островах по учету расходов на охрану природы в счет погашения долга, направленный на улучшение охраны морской среды. Благодаря данному проекту, осуществлявшемуся при поддержке фонда «Пью Бертарелли Оушен Легаси» и других партнеров, 1,6 млрд долл. США были реструктурированы в кредит в размере 656 млн долл. США, финансируемый «голубой» облигацией, выпущенной банком «Кредит Свисс». Поддержку этой облигации обеспечивали страхование от политических рисков на сумму 656 млн долл. США от американской Корпорации по финансированию международного развития и гарантия по займу в размере 85 млн долл. США от Межамериканского банка развития. Благодаря смешанному финансированию правительства могут работать с партнерами, включая благотворительные организации, предприятия и инвесторов, чтобы снизить риски и привлечь частные инвестиции для достижения результатов, благоприятных для океана. Одним из примеров механизма смешанного финансирования, ориентированного на прибрежные экосистемы, является Глобальный фонд для коралловых рифов, который был создан в 2020 году. Фонд объединяет гранты, займы и собственный капитал из государственных и частных источников капитала в целях инвестирования в сохранение коралловых рифов, устойчивых к изменению климата. Как стало известно, к 2030 году Фонд намерен привлечь государственное и частное финансирование в объеме до 3 млрд долл. США для поддержки более 400 предприятий и финансовых механизмов, позитивно влияющих на рифы. [6]

Необходимо отметить, что особо значимым фактом января 2026 года стало

получение соответствующего количества ратификаций для вступления в силу Соглашения на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции (Договор об открытом море). Не позднее чем через год после его вступления в силу Генеральному секретарю необходимо будет созвать первое совещание Конференции сторон соглашения. Важно обозначить, что Россия не ратифицировала данное Соглашение. Более того, согласно официальной позиции МИД России - договор угрожает целостности правового режима, установленного на основании Конвенциии ООН по морскому праву 1982 г. поскольку текст предусматривает возможность учреждения в международных водах обширной сети морских охраняемых районов (МОР). Российская сторона будет внимательно следить за тем, чтобы Соглашение и создаваемая в рамках него система глобальных органов не подрывали положений международных договоров и мандатов межправительственных организаций, в которых наша страна участвует. [1]

Подводя итог, отметим безусловный приоритет обозначенной 14 ЦУР - сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития. В то же время, наряду с очевидно происходящими изменениями в регулировании есть разные подходы к достижению поставленной цели, что отражается на скорости и качестве принимаемых решений. Для достижения баланса еще многое предстоит сделать. «.... Основополагающая напряженность остается той же как и прежде: балансирование конкурирующих теребований доступа к океанскому пространству при одновременном признании необходимости сохранения порядка и хорошего управления.»[7] Несмотря на имеющиеся трудности, есть и значительные возможности для активизации ориентированных на преобразования действий. Уровень осведомленности населения о биоразнообразии и природе значительно возрос, и это служит катализатором для принятия на глобальном, региональном, субрегиональном, национальном и местном уровнях конкретных мер. Важность активного взаимодействия с заинтересованными сторонами получает все большее признание и учитывается на разных уровнях управления. Развивающаяся международная нормативно-правовая база помогает ликвидировать пробелы в области сохранения, регулирования и восстановления морских экосистем. [3]

Список литературы:

[1] Актуальные вопросы международного права: позиция России. О Соглашении на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции (Соглашение BBNJ)// https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/aktual_nyye_voprosy_mezhdunarodnogo_prava_pozitsiya_rossii/2053342/ (Дата обращения 20.02.2026)

[2] Заявление г-на Питера Томсона, председателя 71-й сессии Генеральной Ассамблеи, на брифинге, посвященном Конференции по океану 13 декабря 2016 г.// https://web.archive.org/web/20170507171947/http://www.un.org/pga/71/2016/12/13/briefing-on-the-ocean-conference/

[3] Конференция Организации Объединенных Наций 2025°года по содействию достижению цели 14 в области устойчивого развития «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития». Дискуссионный форум 1 по действиям в отношении океана «Сохранение, устойчивое регулирование и восстановление морских и прибрежных экосистем, включая глубоководные экосистемы» https://sdgs.un.org/sites/default/files/2025-05/2506707R.pdf(Дата обращения 10.02.2026)

[4] Международное Десятилетие наук об океане в интересах устойчивого развития (2021-2030 гг.)//https://www.unesco.org/ru/node/67001(Дата обращения 10.02.2026)

[5] Конференция Организации Объединенных Наций 2025 года по содействию достижению цели 14 в области устойчивого развития «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития» .Дискуссионный форум 10 по действиям в отношении океана: улучшение работы по сохранению и рациональному использованию океанов и их ресурсов путем соблюдения норм международного права, закрепленных в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву//https://sdgs.un.org/sites/default/files/2025-06/2506842R.pdf(Дата обращения 11.02.2026)

[6] Конференция Организации Объединенных Наций 2025 года по содействию достижению цели 14 в области устойчивого развития «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития». Дискуссионный форум 3 по действиям в

отношении океана: Мобилизация финансовых средств для действий в отношении океана в поддержку достижения цели 14 в области устойчивого развития//https://sdgs.un.org/sites/default/files/2025-05/2506726R.pdf(Дата обращения 11.02.2026)

[7] Меньшиков Ю. Проблемы Мирового океана и международные организации// Международная жизнь //https://interaffairs.ru/news/show/31258?ysclid=moy0nfwttv470115344 (Дата обращения 28.03.2026)

[8] Мнение Генерального Секретаря ООН А. Гуттереша https://news.un.org/ru/story/2023/06/1442157 (Дата обращения 10.02.2026)

[9] Обзор торговли и окружающей среды 2023. Конференция ООН по торговле и развитию Создание устойчивой и стойкой экономики океана после 2030 года//https://unctad.org/system/files/official-document/ditcted2023d1_en.pdf(Дата обращения 25.02.2026)

[10] Обзор торговли и окружающей среды. Конференция ООН по торговле и развитию 2023 Создание устойчивой и стойкой экономики океана после 2030 года//https://unctad.org/system/files/official-document/ditcted2023d1_en.pdf(Дата обращения 10.02.2026)

[11] Официальный сайт Президента Российской Федерации http://www.kremlin.ru/events/administration/77209(Дата обращения 20.11.2025)

[12] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/66/288 от 11.09.2012//https://docs.un.org/ru/A/RES/66/288(Дата обращения 10.09.2025)

[13] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/71/312 from 06.07.2017//https://docs.un.org/ru/A/RES/71/312(Дата обращения 15.09.2025)

[14] Речь Дэвида Виваса, руководителя отдела торговли, окружающей среды и устойчивого развития ЮНКТАД на полях 5-го Форума ООН по океану ООН в Женеве https://news.un.org/en/story/2025/03/1160716(Дата обращения 25.03.2026)

[15] Речь Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по вопросам торговли и развития (ЮНКТАД) Ребекки Гринспан на открытии 5 Форума по океану 3 марта 2025г. https://unctad.org/osgstatement/5th-united-nations-ocean-forum-trade-related-aspects-sustainable-development-goal-14 (Дата обращения 25.02.2026)

[16] Список тематических обсуждений (повесток дня) Конференции Организации Объединенных наций по океану 2025//https://sdgs.un.org/sites/default/files/2025-06/UNOC3%20OAP%20List%20Final.pdf (Дата обращения 15.11.2025)

[17] Malcolm D Evans. International law.3-d Ed.Oxford University Press. 2010. P.684.

References:

[1] Current issues of international law: Russia's position. On the Agreement under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity in Areas beyond National Jurisdiction (Agreement BBNJ)// https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/aktual_nyye_voprosy_mezhdunarodnogo_prava_pozitsiya_rossii/2053342/ (Date of Application 20.02.2026)

[2] Statement by Mr. Peter Thomson, President of the 71st Session of the General Assembly, at a briefing on the Ocean Conference on December 13, 2016//https://web.archive.org/web/ 20170507171947/http ://www.un.org/pga/71/2016/12/13/briefing-on-the-ocean-conference/

[3] United Nations Conference to Promote Sustainable Development Goal 14, "Conservation and Sustainable Management of Oceans, Seas and Marine Resources for Sustainable Development. "Discussion Forum 1 on ocean action, "Conservation, sustainable management and restoration of marine and coastal ecosystems, including deep-sea ecosystems https://sdgs.un.org/sites/default/files/2025-05/2506707R.pdf" (Date of submission 10.02.2026)

[4] International Decade of Ocean Sciences for Sustainable Development (2021-2030)//https ://www.unesco.org/en/node/67001 (Accessed 10.02.2026)

[5] United Nations Conference 2025 to Promote Sustainable Development Goal 14, "Conservation and Management of Oceans, Seas and Marine Resources for Sustainable Development." Discussion Forum 10 on ocean action: improving conservation and management of oceans and their resources through compliance with international law as enshrined in the United Nations Convention on the Law of the Sea//https ://sdgs.un.org/sites/default/files/2025-06/2506842R.pdf (Date of reference 11.02.2026)

[6] United Nations Conference 2025 to Promote Sustainable Development Goal 14, "Conserving and Managing Oceans, Seas and Marine Resources for Sustainable Development. "Discussion Forum 3, Ocean Action: Mobilizing Funding for Ocean Action in Support of Sustainable Development Goal 14//https ://sdgs.un.org/sites/default/files/2025-05/2506726R.pdf (Accessed 11.02.2026)

[7] Menshikov Yu. Problems of the oceans and international organizations//International life// https ://interaffairs.ru/news/show/31258? ysclid = moy0nfwttv470115344 (Date of appeal 28.03.2026)

[8] Opinion of UN Secretary-General A. Gutteres https://news.un.org/ru/story/2023/06/1442157 (Date of appeal 10.02.2026)

[9] Trade and Environment Survey 2023. UN Conference on Trade and Development Building a Sustainable and Resilient Ocean Economy beyond 2030//https ://unctad.org/system/files/official-document/ditcted2023d1 _ en.pdf (Accessed 25.02.2026)

[10] Trade and environment overview. United Nations Conference on Trade and Development 2023 Building a Sustainable and Resilient Ocean Economy beyond 2030//https ://unctad.org/system/files/official-document/ditcted2023d1 _ en.pdf (Accessed 10.02.2026)

[11] Official website of the President of the Russian Federation http://www.kremlin.ru/events/administration/77209 (Date of address 20.11.2025)

[12] United Nations General Assembly Resolution A/RES/66/288 of 11.09.2012//https ://docs.un.org/en/A/RES/66/288 (Accessed 10.09.2025)

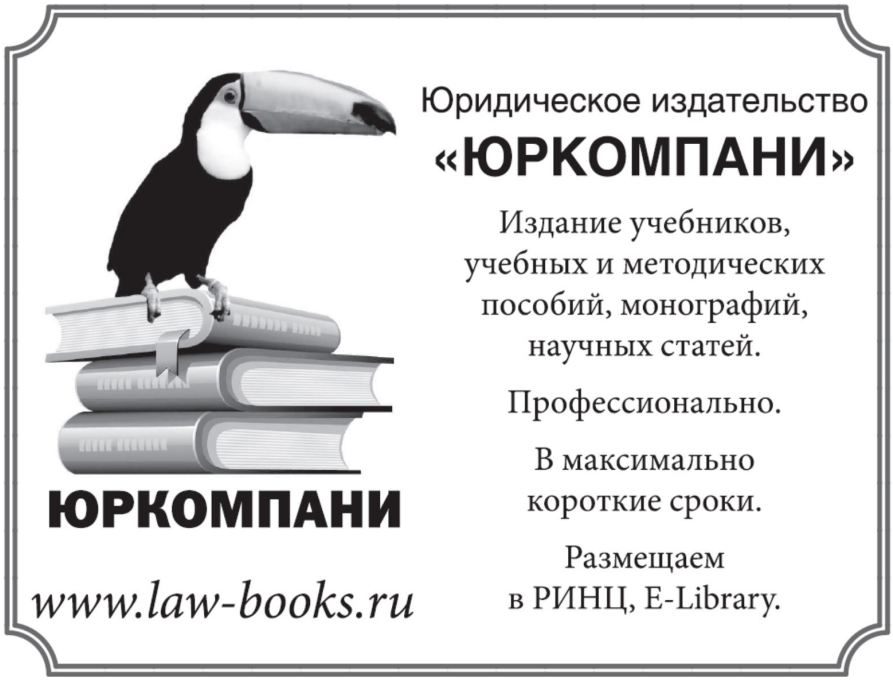
[13] United Nations General Assembly Resolution A/RES/71/312 from 06.07.2017//https ://docs.un.org/en/A/RES/71/312 (Date of Reference 15.09.2025)

[14] Speech by David Vivas, Head of Trade, Environment and Sustainable Development at UNCTAD on the sidelines of the 5th UN Ocean Forum in Geneva https://news.un.org/en/story/2025/03/1160716 (Date of address 25.03.2026)

[15] Speech by Rebecca Greenspun, Secretary-General of the United Nations for Trade and Development (UNCTAD), at the opening of the 5th Ocean Forum on 3 March 2025. https://unctad.org/osgstatement/5th-united-nations-ocean-forum-trade-related-aspects-sustainable-development-goal-14 (Дата обращения 25.02.2026)

[16] List of United Nations Ocean Conference 2025 thematic discussions (agendas)//https ://sdgs.un.org/sites/default/files/2025-06/UNOC3%20OAP%20List%20Final.pdf (Accessed 15.11.2025)

[17] Malcolm D Evans. International law.3-d Ed.Oxford University Press. 2010. P.684.



ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-71-74

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,

старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; кандидат педагогических наук,

e-mail: 19katrin81@bk.ru

ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы суицидального поведения среди подростков, цель – профилактика суицидального поведения и приводит к желаемому результату – формированию позитивной адаптации к жизни, как процесса сознательного построения и достижения человеком относительно устойчивых равновесий отношений между собой, другими людьми и миром в целом, решая следующие задачи: изучение теоретических аспектов проблемы с позиции различных наук (философии, физиологии, психологии, социологии, педагогики) и использование информации в работе с педагогами и родителями; выявление детей, нуждающихся в незамедлительной помощи и защите и оказание экстренной первой помощи, обеспечение безопасности ребенка, снятие стрессового состояния; изучение особенностей психолого-педагогического статуса каждого учащегося с целью своевременной профилактики и эффективного решения проблем, возникающих в психическом состоянии, общении, развитии и обучении; создание системы психолого-педагогической поддержки учащихся разных возрастных групп в воспитательно-образовательном процессе и в период трудной жизненной ситуации; привлечение различных государственных органов и общественных объединений для оказания помощи и защиты законных прав и интересов ребенка; привитие существующих в обществе социальных норм поведения, формирование детского милосердия, развитие ценностных отношений в социуме; формирование позитивного образа Я, уникальности и неповторимости не только собственной личности, но и других людей с помощью теоретических методов исследования - анализ и синтез результатов научных исследований, моделирование, историко-педагогический метод; эмпирических методов – анкетирование, тестирование, контент-анализ, беседа, интервью, педагогическое включенное наблюдение, констатирующий и формирующий эксперименты.*

Ключевые слова: *суицид, профилактика, адаптация*.

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,

leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Pedagogical Sciences

PREVENTION OF SUICIDAL BEHAVIOR IN MINORS

Annotation. *The article deals with the issues of suicidal behavior among adolescents, the goal is the prevention of suicidal behavior and it leads to the desired result-the formation of positive adaptation to life as a process of conscious building and achievement of a person relatively stable balance of relations between themselves, other people and the world as a whole, solving the following tasks: the study of the theoretical aspects of the problem from the standpoint of various Sciences (philosophy, physiology, psychology, sociology, pedagogy) and the use of information in working with teachers and parents; identification of children in need of immediate assistance and protection and the provision of emergency first aid, ensuring the safety of the child, stress relief; the study of the features of psychological and pedagogical status of each student in order to timely prevention and effective solutions to problems arising in the mental state, communication, development and training; the creation of a system of psychological and pedagogical support for students of different age groups in the educational process and during difficult life situations; involvement of various state bodies and public associations to assist and protect the legitimate rights and interests of the child; inculcation of existing social norms of behavior, the formation of children's charity, the development of value relations in society; the formation of a positive image of the Self, the uniqueness and uniqueness of not only self, but also other people with the help of theoretical*

research methods-analysis and synthesis of the results of scientific research, modeling, historical and pedagogical method; empirical methods-questioning, testing, content analysis, conversation, interview, pedagogical included observation, ascertaining and forming experiments.

Key words: *suicide, prevention, adaptation.*

Ситуация проявления суицида, как одного из вариантов поведения, может возникнуть у подростков в сложившейся для них экстремальной ситуации, поэтому профилактическая работа должна проводиться систематически.

Профилактика суицида – своевременное диагностирование и соответствующее лечение, активная эмоциональная поддержка человека, находящегося в депрессии, поощрение его положительной направленности с целью облегчения негативной ситуации.

Для профилактики суицидальных мыслей, намерений и попыток целесообразно выделить следующие основные принципы деятельности: формировать «ПОЗИТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ» окружающего мира.

В целом продолжительность и качество жизни связаны с такими чертами человека, как оптимизм и жизнерадостность.

Принципиальный подход к «позитивному мышлению» заключается в переориентации восприятия окружающего мира, формировании оптимистичных тенденций в характере подростка.

Нужно научиться переключать психическую энергию подростка с деструктивного на конструктивное направление; найти зону наибольшего проявления интересов и увлечений подростка и направить туда его внимание, время и энергию.

Рекомендуются следующие формы работы: объединения дополнительного образования разного направления, вовлечение в общественные дела, внеклассные массовые мероприятия и др.

Формировать антисуицидальные факторы личности подростка.

Ребенок – обычно довольно точное отражение той семьи, в которой он растет и развивается. Семья во многом определяет круг его интересов и потребностей, взглядов и ценностной ориентации, что, несомненно, значимо в урегулировании конфликта. Работа с семьей важнейшая составная часть профилактики суицида.

Направления работы с родителями по профилактике суицида:

Систематическое разностороннее педагогическое просвещение родителей, т.е. ознакомление их как с основами теоретических знаний, так и с практикой работы с учащимися.

Привлечение родителей к активному участию в учебно-воспитательном процессе.

Формирование у родителей потребности в самообразовании.

Родители должны знать, что любое суицидальное поведение у ребенка начинается с депрессии. Поэтому предупреждение самоубийства несовершеннолетнего следует начинать с профилактики и принятия мер по устранению упаднического настроения.

Список литературы:

[1] Vilkova A.V. FORMATION OF A TOLERANT WORLDVIEW BY REDUCTION OF DESTRUCTIVE AGGRESSION / Tsahaeva A.A., Onzimba Legnungo Zh.B., Bratanovskiy S.N., Vilkova A.V., Kadyrov M.A. Ponte. 2018. Т. 74. № 1. С. 81-87.

[2] Лобачева Л.П. Проблема беспризорности среди несовершеннолетних осужденных/ А.В. Вилкова, Л.П. Лобачева // Глобальный научный потенциал №3(84). 2018, С.11-12.

[3] Тимофеева Е.А. Профессиональный глоссарий специалиста по профилактике ПАВ-зависимостей в пенитенциарных учреждениях (словарь) // А.В. Вилкова, Е.А. Тимофеева/ Самара-Москва, 2018.

[4] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[5] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[7] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной

системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[8] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[11] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[14] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[15] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[16] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[17] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[18] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[19] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[20] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[21] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[22] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

References:

[1] Vilkova A.V. FORMATION OF A TOLERANT WORLDVIEW BY REDUCTION OF DESTRUCTIVE AGGRESSION / Tsahaeva A.A., Onzimba Legnungo Zh.B., Bratanovskiy S.N., Vilkova A.V., Kadyrov M.A. Ponte. 2018. T. 74. № 1. S. 81-87.

[2] Lobacheva L.P. The problem of homelessness among juvenile convicts/A.V. Vilkova, L.P. Lobacheva//Global scientific potential No. 3 (84). 2018, S.11-12.

[3] E.A. Timofeeva. Professional glossary of a specialist in the prevention of surfactant addictions in penitentiary institutions (dictionary)//A.V. Vilkova, E.A. Timofeeva/Samara-Moscow, 2018.

[4] Vilkova A. V. Overcoming the deviating

behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[5] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[6] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[7] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[8] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/ International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[11] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[12] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures “Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[14] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author’s course of lectures “The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[15] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[16] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[17] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[18] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[19] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[20] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[21] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation Dedicated to the Memory of the Russian Scientist-Penitentiary Merit

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-75-78

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,

доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: vifk-nic@yandex.ru

УГОЛОВНЫЕ ТРАДИЦИИ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Аннотация. *В статье речь идет о многоплановости понятия микросреда исправительного учреждения. На статус осужденного оказывают влияние помимо статуса в уголовной микросреде еще и уголовные традиции экстремальных ситуаций.*

Ключевые слова: *уголовные традиции, ценности, группа отрицательной направленности, взаимоотношения.*

DMITRIEV Grigoriy Gennadievich,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher NITs-2 PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

CRIMINAL TRADITIONS OF EXTREME SITUATIONS

Annotation. *The article deals with the multifaceted concept of the correctional institution microenvironment. In addition to the status in the criminal microenvironment, the criminal traditions of extreme situations also influence the status of the convicted person.*

Key words: *criminal traditions, values, negative group, relationships*.

В педагогической и социально-психологической литературе подчеркивается многоплановость понятия микросреда исправительного учреждения. Одно из них заключается в том, что микросреда – это объективная социальная реальность, представляющая совокупность материальных, политических, идеологических и социальных факторов, непосредственно взаимодействующих с личностью в процессе ее жизни и практической деятельности. В узком смысле – это ближайшее окружение человека в данный момент.

На статус осужденного оказывают влияние помимо статуса в уголовной микросреде еще и уголовные традиции экстремальных ситуаций. Уголовные традиции – это значимые для негативной микросреды устойчивые формы поведения, которые связаны с асоциальными действиями, отношениями, поведением осужденных в различных экстремальных ситуациях.

Такие традиции для осужденных являются символом мужественности, независимости, самоутверждения. Они широко используются отрицательной частью правонарушителей как стимулятор негативной эмоциональной, интеллектуальной и поведенческой активности, общения и взаимоотношений.

К уголовным традициям относится: нежелание «авторитетов» выйти из мест лишения свободы на льготных условиях, их отказы от трудовой деятельности. Определенная субординация во взаимоотношениях с осужденными и сотрудниками, пренебрежительное отношение к сотрудникам Федеральной службы исполнения наказаний и т.п.

Выражая свое непримиримое отношение к лицам, вставшим на путь исправления, желающим выйти на свободу на льготных условиях, они организуют всяческие притеснения вплоть до физической расправы.

Уголовные традиции, как правило, сопровождаются определенными асоциальными ритуалами. Например, один из них – «прописка» вновь прибывших осужденных. Ее цель – проверка новичка на опытность, бывалость, умение постоять за себя. Степень успешности прохождения «прописки» служит основанием для причисления новичка к своим.

Это приводит к тому, что, оказавшись в экстремальных условиях мест лишения свободы, правонарушители стремятся попасть в ту среду, в которой им легче адаптироваться. При слабо развитом коллективе можно выделить по меньшей мере, три механизма отрицательной адаптации вновь прибывших в учреждение осужденных:

Принятие роли нарушителя, установленного в ИУ режима содержания со всей ее поведенческой атрибутикой: бравадой, хулиганскими выходками и т.д.;

Принятие роли исполнителя. В этом случае поведение и деятельность осужденного зависят от желания и указаний лидера отрицательной микрогруппы. Цель деятельности исполнителя находится в рамках наличной ситуации и изменяется с изменением ситуации, но непременным фактором является его поддержка и помощь нарушителям дисциплины;

Принятие роли отвергнутого: отсутствие своего мнения, безысходность положения, презрение со стороны осужденных.

Такая адаптация в экстремальных ситуациях лишения свободы не дает осужденным возможности жить интересами коллектива, добиваться успехов в самовоспитании, поступать в соответствии с общепринятыми нормами и правилами поведения.

Удовлетворение потребности в общении они находят в малых группах отрицательной направленности. В этих группах, как правило, вырабатывается система ценностей. Так, например, в ряде ИУ осужденным было предложено проранжировать 20 ценностей (профессия, спорт, общение с друзьями, интерес к общественной жизни, современная музыка, материальное благополучие, модная одежда и др.). Ранжирование осуществлялось по пятибалльной шкале с десятыми долями.

Ранжирование осужденными ценностей по всем ИУ дало такую последовательность первых 10 номеров ценностей в баллах: престиж в группе (4,7), модная одежда (4,8), общение с друзьями (4,7), материальное благополучие (4,3), спорт (4,0). Самые низкие балы имели: интерес к профессии (3,9), продолжение образования (3,5), общественная работа (3,0).

Эта система ценностей значительно отличается от системы ценностей людей вне пенитенциарного учреждения, которые на первое место ставили интерес к профессии (4,9), на второе место – продолжение образования (4,8). На третье – общественно полезный труд (4.6) и на последнее – материальное благополучие (2.8).

В экстремальных условиях малая группа отрицательной направленности также позволяет осужденным удовлетворить потребность в идеале. Негативный идеал, который группа предлагает в качестве образца, достижим более легко и требует меньших усилий, связанных с приобретением новых социально значимых навыков и усилий, связанных с нравственной перестройкой личности. Общность идеала улучшает эмоциональное состояние осужденных, которое объясняется осознанием собственного неодиночества, созданием благоприятных возможностей для негативного общения и деятельности. Это единственный, как они себе представляют, круг общения. Здесь формируется своеобразный «моральный кодекс», согласно которому наиболее ценимыми качествами являются риск, смелость, пренебрежение опасностью, непризнание собственной слабости, отсутствие предосторожности, постоянное стремление к опасности и др.

Подобный «моральный кодекс» в экстремальных условиях стандартизирует поведение правонарушителей в группе, регламентирует их поведение и деятельность. Основой такой стандартизации является тот факт, что суждения группы, общение внутри нее для всех членов значим. С группой они связывают свою психологическую защищенность, чувство моральной и физической безопасности.

Появившееся в связи с этим чувство зависимости от группы влезет за собой чувство невозможности не оправдать ее доверие. Сохранность личностного статуса в малой группе для осужденных важнее, чем осуждение их сотрудниками учреждения. Поэтому в процессе исправления осужденных необходимы воспитательные воздействия не только на личность осужденных, но и на их малые группы. При этом надо учитывать влияние микросреды пенитенциарного учреждения.

Для оздоровления микросреды в экстремальных условиях пенитенциарного учреждения ее следует довести до такого состояния, чтобы направление влияния совпадало с влиянием здорового мнения коллектива. Тогда она превращается в союзника воспитателя. Работа в этом направлении осуществляется на основе организации любой позитивной деятельности, отвечающей сохранившимся положительным традициям микросреды. Важно лишь, чтобы эта деятельность была социально и педагогически приемлема и позволяла бы осужденным активно действовать, удовлетворять потребности в общении, давала возможность получить признание окружающих. Наиболее популярной среди осужденных молодежного возраста является физкультурно-спортивная деятельность.

Второе направление нейтрализации вредного влияния микросреды заключается в выводе осужденного за пределы такого влияния и замене положительным влиянием. Важным моментом при этом является формирование здорового общественного мнения в коллективе осужденных.

Третье направление преодоления вредного влияния микросреды является выработка у осужденных иммунитета по отношению к такому

влиянию, формирование невосприимчивости по отношению к отрицательным воздействиям.

Четвертым направлением оздоровления микросреды осужденных является правильная организация свободного времени. В передовых пенитенциарных учреждениях заполнению свободного времени осужденных общественно полезными делами придается особое значение. Этому вопросу посвящаются заседания методического совета учреждения, совета воспитателей отряда. Предложения по улучшению организации свободного времени осужденных внедряются в практику работы всех сотрудников пенитенциарного учреждения.

Принимаются воспитательные меры для вовлечения актива в работу по рациональному использованию осужденными каждого часа свободного времени. Активисты оказывают шефскую помощь вновь прибывшим, помогают воспитателям в организации массовых мероприятий.

Важное место в решении этой проблемы также принадлежит библиотеке, которая постоянно организует литературные викторины, обсуждения прочитанных книг.

Особое внимание придается проведению выходных и праздничных дней. Такая работа осуществляется на основе четко разработанных планов. В них определяются время и место проведения мероприятий, назначаются лица, ответственные за их эффективность. В эти дни проводятся собрания, тематические вечера, просмотры и обсуждения кинофильмов, встречи и другие мероприятия.

Организация работы в коллективе по обеспечению полезной занятости свободного времени осужденных положительно сказывается на оздоровлении микросреды в пенитенциарном учреждении. В этих случаях значительно сокращается число грубых нарушений режима и дисциплины, почти полностью ликвидируются малые группы отрицательной направленности, нормализуется морально-психологический климат в коллективе осужденных.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[3] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[4] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[5] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[7] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[10] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[11] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[12] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-

практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[14] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[15] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

References:

[1] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[2] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[3] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[4] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[5] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[6] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[7] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[10] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[11] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[12] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[14] Vilkova A. V., Antipov A. N., Strogovich Yu. N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[15] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-79-83

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,

кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), ORCID:0000-0002-3852-3128,

e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ДЕТИ «ГРУППЫ РИСКА» И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ ОСУЖДЕННЫЕ: ИХ НРАВСТВЕННАЯ МОТИВАЦИЯ

Аннотация. *В статье на основе экспериментальных данных рассматривается близость по уровню нравственного недоразвития воспитанников воспитательных колоний и педагогически запущенных подростков, что является в настоящее время тревожным фактом. Наличие утилитарных мотивировок у тех и других заставляет предположить, что от правонарушения их удерживают лишь соображения боязни наказания или выгоды-невыгоды.*

Ключевые слова: *педагогическая запущенность, профилактика, преступление, несовершеннолетний осужденный, нравственная мотивация, прогноз, эксперимент, психолог.*

POLYAKOVA Ya.N.,

leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Psychological Sciences

CHILDREN AT RISK AND JUVENILE CONVICTS: THEIR MORAL MOTIVATION

Annotation. *The article, based on experimental data, considers the proximity in terms of the level of moral underdevelopment of pupils of educational colonies and pedagogically neglected adolescents, which is currently an alarming fact. The presence of utilitarian motivations for both suggests that they are deterred from offense only by considerations of fear of punishment or profit-disadvantage.*

Key words: *pedagogical neglect, prevention, crime, juvenile convict, moral motivation, forecast, experiment, psychologist.*

Связь трудновоспитуемости с преступностью прослеживается исследователями как отечественных, так и зарубежных психологов и криминологов. Поэтому особенно важно изучение и индивидуальное прогнозирование в отношении подростков, допускающих в своем поведении моральные проступки и мелкие правонарушения с тем, чтобы принять конкретные меры и предотвратить нарушение ими правовых норм. Определенное число таких подростков во время обучения совершают моральные проступки и мелкие правонарушения [1; 2].

Неоднократное повторение подростком аморальных поступков приводит к ослаблению нравственных мотивов, к закреплению отрицательных качеств личности.

Мы поставили задачу выявить характер нравственной мотивации подростков, учащихся колледжей и специальных учебных заведений и, кроме того, сравнить полученные данные о характере нравственной мотивации с аналогичными данными, относящимися к несовершеннолетним осужденным.

Выяснить характер нравственной мотивации человека – значит узнать, какими побуждениями он руководствуется, совершая тот или иной поступок (проступок, правонарушение) или воздерживаясь от него. Знание мотивов дает возможность в какой-то степени прогнозировать поведение индивида [3]. Особенно нас интересует наличие утилитарной мотивации. Наличие у того или иного подростка утилитарной мотивации и тем более циничной морали скорее всего будет свидетельствовать о его возможной потенциальной готовности к проступку, правонарушению.

В исследовании использовался методический прием – завершение незаконченных конфликтных рассказов: что можно сделать, следуя нравственным правилам или вопреки им. В двух рассказах, «Разбитое стекло» и «Чужие сигареты» описаны ситуации моральных проступков. В двух других – законченные ситуации уголовных преступлений: кража на пляже и

ограбление ларька. Одна кража кончается удачно, в другой – персонаж задержан.

Данным приемом предполагается выяснить отношение испытуемых к описанным проступкам и правонарушениям, начиная от нечестности и кончая кражей. Рассказ о разбитом стекле направлен на выяснение суждений испытуемых о честности в моральном смысле (не в правовом): перед персонажем стоит дилемма: сознаться или не сознаться в проступке? Рассказ «Сигареты» – о честности на уровне недопустимости мелкой кражи. «Пляж» – о краже личного имущества, кончившейся удачно, «Ларек» – о краже государственной собственности, которая кончилась поимкой вора. Таким образом, в рассказах идет нарастание аморальности – от элементарной нечестности до уголовного преступления.

Чтобы получить экспериментальный материал о неблаговидном поведении и о суждениях подростков, содержащих нравственное чувство раскаяния по поводу неблаговидного поведения, с испытуемыми проводилась беседа, в ней спрашивалось – были ли у подростка поступки, от которых кто-нибудь пострадал, были ли такие поступки, в которых бы он очень раскаивался, что это за поступки и т. д.

Суждения, высказанные по поводу выше названных рассказов, можно разделить на следующие группы:

Суждения, содержащие мотивировки отказа от кражи:

нравственные: «Я бы не взял, нехорошо воровать», «Он поступил неправильно, нельзя делать такую пакость»,

утилитарные: «Не стоило идти на такую мелочь» («Пляж»), «Его могли поймать и избить», «Не стоило – когда его поймают, он будет каяться в том, что сделал» («Ларек»). «Поступок Сергея нехороший. Я бы на это дело не пошел. А вдруг бы поймался?...» («Пляж»).

Суждения, содержащие аморальное, преступное завершение предложенных рассказов о кражах:

«Стоило украсть. Молодец. Ну если ему деньги нужны, то нужно было брать» (рассказ «Пляж»). «Если бы (Борис) был уверен, что его никто не видел, он бы не сознался. Если же он не был уверен, то надо сделаться вроде бы честным» (рассказ «Стекло»).

При анализе выявления характера нравственной мотивации мы более всего ориентировались на частоту встречающихся аморальных и утилитарных мотивировок. Это объясняется двумя соображениями: во-первых, нас более всего интересует, насколько близки трудновоспитуемые подростки и несовершеннолетние осужденные, находящиеся в воспитательной колонии по уровню их нравственного недоразвития. Во-вторых, несмотря на использование коррекционной шкалы, мы хотели, насколько это возможно, исключить неискренние ответы, а таковыми будут скорее «нравственные» («я бы не украл – это нечестно»), чем утилитарные («на пляже не стоит красть – туда много денег не берут»).

Остается еще одно сомнение, которое всегда имеется в виду при использовании моральных коллизий: идентифицируют ли испытуемые себя с персонажами рассказов?

В нашем Эксперименте, как нам кажется, об идентификации свидетельствуют высказывания подростков: «Толя стащил из пачки одну сигарету, я бы на его месте также сделал»; «Сергей поступил правильно. Конечно, стоило украсть деньги на пляже. Каждый живет, как хочет и как может, если есть возможность, то ее не надо упускать»; «На эту кражу ему идти не стоило. Можно было бы проще! А как проще – я не скажу» и т.д.

Сравнение суждений, высказанных по всем рассказам вместе учащимися, показало, что различия между этими группами статистически не значимы. Сравнение суждений, высказанных учащимися по отдельным рассказам, воспитанники ВК высказали больше, чем трудновоспитуемые подростки на свободе отрицательных и утилитарных суждений по рассказам о моральных проступках. А именно – среди несовершеннолетних осужденных каждый второй высказал нежелание признаться в проступке, среди другой группы подростков – каждый третий. Что же касается рассказов о крупных кражах, то обе группы дали равное количество утилитарных мотивировок и аморальных завершений рассказов.

Таким образом, включение в борьбу мотивов персонажа рассказа «Сигареты» элементарной (вторичной) потребности в курении сразу уравнивает ответы этих двух несколько различных категорий подростков, а именно – в той и другой группе подростки дали одинаковое количество аморально завершенных рассказов, в то время как по рассказу о разбитом стекле ответили, что не сознаются в проступке больше половины воспитанников ВК и только одна треть педагогически запущенных подростков.

На основании одних только моральных суждений исследователь не имеет права делать выводов о качествах личности испытуемых и все-таки, очевидно, мы можем предположить, что у подростков – этих категорий – имеются напряженные элементарные потребности, сила которых проявляется уже на вербальном уровне и которые могут мотивировать проступки и правонарушения. Очень наглядно это видно

из высказываний подростков. Вот, например, мотивировки испытуемых по поводу рассказа «Сигареты»: «Взял бы, так как он с малых лет курил и без курева прожить не может». «По-моему, взял, ему курить хотелось», «Я бы на Толином месте взял несколько сигарет, потому что хотелось курить». «Толя стащил из пачки пару сигарет, потому что я бы на его месте сделал также». «Взял несколько штук», «Я бы взял».

Суждения по поводу рассказов «Пляж» и «Ларек». Напомним, что кража, в первом рассказе для его персонажа кончилась удачно, а во втором – неудачно. Поэтому здесь интересны данные об утилитарных мотивировках.

Можно сделать вывод, что отношение к краже у равного количества подростков из этих группы определяется исходом кражи – ее удачей или неудачей. Они не одобряют кражу только в том случае, если она завершилась неблагополучно или если «игра не стоит свеч».

Основываясь на суждениях, высказанных по поводу рассказов на моральные и криминальные темы, можно сделать следующие выводы: есть основание, говорить о близости по уровню нравственного недоразвития воспитанников воспитательных колоний и педагогически запущенных подростков – это тревожный факт. Наличие утилитарных мотивировок у тех и других заставляет предположить, что от правонарушения их удерживают лишь соображения боязни наказания или выгоды-невыгоды [4; 5].

Характер нравственной мотивации, а именно – доминирование утилитарных мотивов поведения (и тем более циничной морали), по нашему мнению, может выступать в качестве одного из существенных критериев отрицательного индивидуального прогноза поведения педагогически запущенного подростка. Само собой разумеется, что этому должно предшествовать глубокое изучение личности подростка и выделение других критериев, например, отрицательные эмоционально-нравственные отношения в семье подростка, его неустойчивость, подверженность влиянию группы, отсутствие нравственного чувства вины, определенный «стаж» моральных проступков.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Фадеева С. А. Психолого-педагогическая система организации исправления несовершеннолетних осужденных // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2024. С. 63-71.

[2] Вилкова А. В., Литвишков В. М. Особенности социально-образовательной среды воспитательных колоний в формировании духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3. № 2. С. 97-101.

[3] Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... док-ра пед. наук: 13.00.01 / Вилкова Алевтина Владимировна. – Великий Новгород, 2016. – 444 с.

[4] Кириллова Т. В. Развитие идеи воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных в современной пенитенциарной педагогике // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь. 2025. С. 64-68.

[5] Чикалова В. С., Ковтуненко Л. В. Личностные особенности подростков с асоциальным поведением / В. С. // В сборнике: Антропоцентрические науки в образовании: вызовы, трансформации, ресурсы. Статьи II Международного форума. Воронеж, 2025. С. 275-278.

[6] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[8] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[9] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[10] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[11] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности

науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[12] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[14] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[15] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[16] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[17] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[18] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

References:

[1] Vilkova A.V., Fadeeva S.A. Psychological and pedagogical system for organizing the correction of juvenile convicts//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2024. S. 63-71.

[2] Vilkova A. V., Litvishkov V. M. Features of the socio-educational environment of educational colonies in the formation of the spiritual and moral values of female juvenile convicts/A. V. Vilkova, V. M. Litvishkov//International Penitentiary Journal. 2017. VOL. 3. № 2. S. 97-101.

[3] A. V. Vilkova. Gender concept and methodology for the formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: dis.... dock ped. Sciences: 13.00.01/Vilkova Alevtina Vladimirovna. - Veliky Novgorod, 2016. - 444 s.

[4] Kirillova T.V. Development of the idea of an educational team of juvenile convicts in modern penitentiary pedagogy//In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver. 2025. S. 64-68.

[5] Chikalova V. S., Kovtunenko L. V. Personal characteristics of adolescents with asocial behavior/V. S.//In the collection: Anthropocentric sciences in education: challenges, transformations, resources. Articles II of the International Forum. Voronezh, 2025. S. 275-278.

[6] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[8] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[9] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[10] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[11] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[12] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

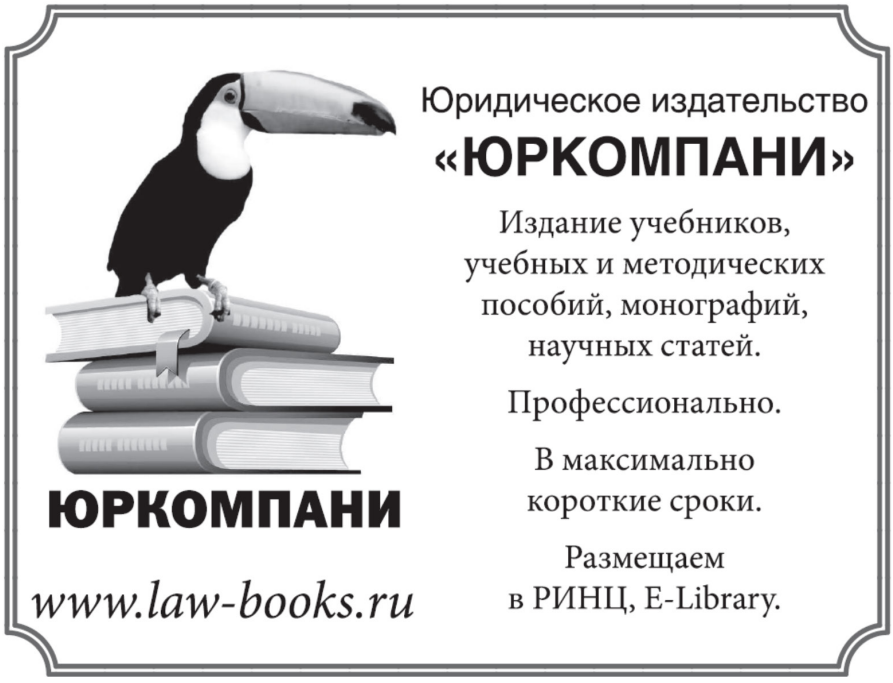
[14] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[15] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[16] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[17] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[18] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.



УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-84-90

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,

e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРАВОВЫХ ОСНОВ

Аннотация. *В статье речь идет о достижениях Совета Европы и Европейского Союза в развитии пенитенциарных правовых основ. Государства-члены Европейского Союза поставили перед собой задачу разработать схожие стандарты борьбы с преступностью и исполнения уголовных наказаний, а также оказывать друг другу тесное сотрудничество по данным вопросам.*

Ключевые слова: *правовая основа, защита прав человека, исполнение уголовных наказаний.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,

Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

DEVELOPMENT OF THE PRISON LEGAL FRAMEWORK

Annotation. *The article deals with the achievements of the Council of Europe and the European Union in the development of the penitentiary legal framework. The member states of the European Union have set themselves the task of developing similar standards for the fight against crime and the execution of criminal sentences, as well as providing each other with close cooperation on these issues.*

Key words: *legal basis, protection of human rights, execution of criminal penalties.*

Среди примеров движения за права осужденных необходимо отметить достижения двух европейских организаций: Совета Европы и Европейского Союза. Несмотря на региональный характер правовых актов данных организаций, они, несомненно, оставили значительный след в мировом правозащитном движении.

С целью создания эффективной системы защиты прав человека в Европе в 1949 году десятью западноевропейскими государствами в Лондоне были подписаны соглашение о создании Совета Европы и Устав Совета Европы. Данный шаг зафиксировал принятые государствами-основателями обязательства признать принцип верховенства права, права человека и основные свободы всех лиц в пределах их компетенции. Государствами-членами данной международной организации в настоящий момент выступают 47 стран, преимущественно расположенные на Европейском континенте. В связи с этим, Совет Европы вправе устанавливать региональные стандарты в сфере защиты прав человека и исполнения уголовных наказаний. Защита прав человека, включая лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, и усиление роли верховенства права являются основными направлениями деятельности Совета Европы по отношению к своим государствам-членам. В 1950 году в рамках Совета Европы был принят один из наиболее значимых документов организации – «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [2]».

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод представляет особое значение тем, что наряду с прочими правами человека провозглашает, так называемые, «абсолютные права». Это значит, что ратифицировавшие данную конвенцию государства, коими на данный момент являются все 47 стран-участников Совета Европы, ни при каких условиях не имеют права отступать от соблюдения этих прав и не вправе ограничить их ни при каких условиях. Среди прочих абсолютных прав в их число входят наиболее важные для

пенитенциарной сферы, такие как право на жизнь (ст. 2 и ст. 1 Протокола № 6), а также запрет пыток и бесчеловечного обращения и наказания(ст.3).

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, вступившая в силу 3 сентября 1953 года, не только провозгласила основополагающие права человека, но и создала специальный механизм их защиты, международный судебный орган, юрисдикция которого распространяется на все государства-члены Совета Европы, ратифицировавшие Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, и включает все вопросы, относящиеся к толкованию и применению конвенции. Этим особым судебным органом стал Европейский суд по правам человека, который начал свою работу в 1998 году. В целом Конвенция о защите прав человека и основных свобод играет очень важную правозащитную роль.С ее помощью любой гражданин государства-участника Конвенции имеет право подать жалобу в Европейский суд по правам человека, в арсенале которого имеется реальная возможность привлечения к ответственности государства-участника в случае доказания его вины.

Другим важным документом для соблюдения прав в сфере исполнения наказаний является Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – Конвенция), принятая Комитетом министров Совета Европы в 1987 году.

Конвенция, принятая в 1987 году, вступила в силу в 1989 году, на данный момент ее сторонами являются все 47 государств-участников Совета Европы. Документ состоит из пяти глав, преамбулы и приложения.

Ключевым инструментом функционирования Конвенции является Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Статья 1 Главы I Конвенции содержит положение об основных задачах Комитета: «Учреждается Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Комитет посредством посещений изучает обращение с лицами, лишенными свободы, в целях усиления, в случае необходимости, защиты их от пыток и от бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания». Это означает создание контролирующего органа, в полномочия которого, согласно Статье 2 Главы I, входит посещение любых государственных пенитенциарных учреждений на территории стран-участников Конвенции. Кроме того, Статья 3 Главы I говорит о том, что Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания должен сотрудничать с национальными пенитенциарными службами по вопросам применения Конвенции.

Каждая страна-участник Конвенции, согласно Главе II, должна направить для работы в Комитете по одному делегату, которые будут выполнять свои обязанности «независимо» и «беспристрастно». Также в Главе IIизложены процедура и правила отбора членов Комитета.

Глава III Конвенции содержит основные положения, касающиеся организации посещения мест лишения свободы экспертами Комитета. Статья 7 данной главы говорит о том, что минимум двое экспертов Комитета должны посещать пенитенциарные учреждения, причем, если эксперты сочтут это необходимым, они могут организовать посещения и других учреждений, не связанных с лишением свободы. В Статье 8 собраны обязанности страны-участника Конвенции для содействия выполнению экспертами своих задач: доступ в государство и неограниченное право перемещения по его территории; доступ в любые места содержания осужденных и неограниченное право передвижения по их территории; предоставление полной информации о местах лишения свободы; оказание всяческого содействия и предоставление любой помощи экспертам Комитета. Очень важно отметить замечания о том, что Комитет уведомляет о запланированном посещении правительство заинтересованного государства, но затем эксперты в праве в любое время посетить любое пенитенциарное учреждение на территории уведомленного государства. Кроме того, эксперты Комитета имеют право общаться с осужденными наедине и вступать в контакт со всеми, кто, по их мнению, располагает необходимыми для них сведениями. Согласно Статье 9, отказать в посещении выбранного экспертами места лишения свободы уполномоченные органы заинтересованного государства могут только в исключительных обстоятельствах, к которым относятся вопросы национальной обороны, общественной безопасности, серьезные беспорядки в местах содержания лиц, лишенных свободы, медицинское состояние осужденных или в случае проведения неотложного допроса в связи с совершением тяжкого уголовного преступления. До тех пор, пока посещение мест лишения свободы станет возможным, правительство заинтересованного государства обязано предоставлять Комитету любую информацию, связанную с интересующими Комитет лицами или пенитенциарными учреждениями.

В Статье 10 Главы III сообщается о порядке составления доклада об обнаруженных во время проверки фактов, который затем направляется заинтересованной Стороне для проведения консультаций с экспертами Комитета и дальнейшего устранения выявленных недостатков. Статья 11 предупреждает о том, что все сведения, собранные экспертами Комитета во время проверок, являются конфиденциальными и не могут публиковаться без согласия заинтересованных лиц. Далее Комитет предоставляет Комитету Министров Совета Европы и Консультативной Ассамблее ежегодный отчет о своей деятельности, при условии соблюдения конфиденциальности. После его принятия отчет разрешается опубликовать. На основании данного отчета Комитет министров вправе требовать от провинившегося государства-участника исправления недостатков, зафиксированных в отчете Комитета (Статья 12). В Статье 13 содержится предупреждение о неразглашении фактов и информации по истечении срока полномочий экспертов, полученных ими во время исполнения своих обязанностей.

Глава IV Конвенции сообщает о привилегиях и иммунитетах экспертов Комитета, которые перечислены в Приложении к Конвенции. В их число входят: иммунитет от задержания или ареста, от судебного преследования, ареста на личный багаж, снятие каких-либо ограничений на передвижения, неприкосновенность рабочих и официальных документов, предоставление судебно-процессуального иммунитета в отношении написанного и сказанного экспертами Комитета. Только Комитет имеет право лишать иммунитета своих экспертов.

Важной оговоркой в Главе IV является замечание о том, что Конвенция не вредит положениям внутреннего права и любых международных соглашений, которые предусматривают более широкую защиту осужденным. Конвенция строго следует положениям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и ни в коей мере не ограничивает компетенции ее органов, в первую очередь Европейского суда по правам человека и Европейской комиссии по правам человека.

Заключительная Глава V поясняет порядок ратификации Конвенции государствами-участниками. Существенной является оговорка о том, что «Комитет министров Совета Европы может пригласить любое Государство –не члена Совета Европы присоединиться к Конвенции», из чего следует вывод о том, что стороной Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания может стать любое государство в мире, для этого ему не требуется присоединяться к Совету Европы.

Помимо отчета о посещении отдельных государств Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания предоставляет ежегодный общий отчет о своей деятельности Комитету Министров Совета Европы и Консультативной Ассамблее. Общие отчеты содержат комментарии о том, как должны исполняться наказания, связанные с лишением свободы, а также описания нарушений и действий, которые Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания считает неприемлемыми.

Толкование терминов «пытки» и «бесчеловечное или унижающее достоинство обращения» в положениях Конвенции не совпадают с таковыми в принятых положениях Европейского суда по правам человека и Европейской комиссии по правам человека, вследствие чего Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания разработал собственные Стандарты [3]. Данные стандарты основаны на положениях Конвенции, практических наблюдениях и выводах из отчетов Комитета и служат постепенной оптимизации стандартов исполнения наказаний в местах лишения свободы, обмену накопленным положительным опытом в данной сфере и тем самым выполняют превентивную и профилактическую функции Конвенции. С целью распространения Стандартов Комитет выпускает брошюру «Стандарты Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания».

По своей сути брошюры представляют собой сборник выдержек и извлечений из докладов и общих докладов Комитета, касающиеся, по мнению экспертов Комитета, наилучших способов работы пенитенциарных служб. Здесь охвачены такие области, как содержание осужденных в тюрьмах, медицинское обслуживание, организация одиночного содержания, содержание в психиатрических учреждениях, обращение с лишенными свободы иностранными лицами, несовершеннолетними, женщинами, документирование сведений об осужденных, борьба с безнаказанностью, применение сдерживающих средств и оружия персоналом пенитенциарных служб.

Еще одним способом распространения стандартов в пенитенциарной сфере стали принятые Комитетом министров Совета Европы в

1987 году Европейские пенитенциарные правила [4]. В Рекомендациях к данному документу содержится положение об учете Минимальных стандартных правил обращения с заключенными ООН 1955 года. По своим значению и структуре Европейские пенитенциарные правила очень схожи с указанным документом Организации Объединенных Наций. В европейских региональных Правилах описываются требования к местам отбывания наказания, гигиене, питанию, трудовой деятельности, организации досуга, контактов с внешним миром. Кроме того, здесь приводятся стандарты для охраны и медицинского персонала, средств сдерживания, а также для обработки просьб и жалоб осужденных.

Рассматривая роль Совет Европы в рамках нашей темы, следует обратить внимание не только на функционирование данной организации в качестве контролера по соблюдению юридически обязательных договоров и документов, разработанных под ее началом, но и на более обширную роль Совета Европы в области европейской пенологической политики в целом.

В 1958 году Комитет министров Совета Европы основал в качестве специализированного органа Европейский комитет по проблемам преступности (European Committee on Crime Problems – CDPC). Основной задачей Комитета стали надзор и координация действий Совета Европы в сферах предупреждения и контроля преступности. Также начиная с 1971 года под началом Европейского комитета по проблемам преступности организуются и проводятся конференции директоров пенитенциарных служб государств Совета Европы, к которым позднее присоединились и директора служб пробации. Данные конференции стали площадками для общения и передачи положительного опыта среди действующих специалистов европейской пенитенциарной сферы.

Рассматривая развитие пенитенциарных стандартов на Европейском континенте, нельзя не обратить внимание на роль основной интеграционной организации Европы в данной сфере – Европейского союза.

Основным документом Европейского союза в измерении прав человека является Хартия Европейского Союза об основных правах, утвержденная Европейским советом в 2000 году и возведенная до уровня учредительных документов Европейского союза Лиссабонским договором 2007 года. Хартия представляет собой документ, перечисляющий и закрепляющий основные права граждан государств-членов Европейского Союза, а также лиц, находящихся в их юрисдикции. Среди прочих положений Хартии в Статье 4 содержится запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания: «Никто не может подвергаться пыткам, а равно бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и наказанию [5]».

В целом вопросы преступности и уголовных наказаний в Европейском Союзе относятся к особой компетенции Союза и являются частью «пространства свободы, безопасности и правосудия», которое государства-члены решили создавать в рамках Союза и положение о котором закрепили в учредительных документах [22]. В качестве примеров стремления к стандартизации исполнения уголовных наказаний на территории Европейского Союза можно привести Европейский ордер на арест [6] 2002 года и Конвенцию Европейского Сообщества от 13 ноября 1991 г. «О принудительном исполнении иностранных судебных приговоров по уголовным делам [2]».

Европейский ордер на арест от 2002 года, прежде всего, ввел в систему правового сотрудничества между государствами-членами Европейского Союза само понятие «европейский ордер на арест» – выдаваемое государством-членом судебное решение для задержания и передачи другим государствам-членам подозреваемого лица для осуществления уголовного преследования или для исполнения наказания или меры безопасности, связанных с лишением свободы. Создание европейского ордера на арест дает возможность автоматического признания решения о передаче некоего лица, принятого судебными органами одного государства-члена, на территории всего Европейского союза. Причем европейский ордер на арест может выдаваться как в отношении осужденных лиц, получивших обвинительный приговор, так и в отношении подозреваемых лиц на стадии предварительного расследования. Выдавать европейский ордер на арест уполномочены суды, органы прокуратуры и другие правовые инстанции государств-членов, обладающие схожими правовыми компетенциями. При помощи подобного инструмента, в виде европейского ордера на арест, Европейский союз стремится координировать деятельность судебных и правоохранительных органов государств-членов.

Конвенция Европейского Сообщества от 13 ноября 1991 г. «О принудительном исполнении иностранных судебных приговоров по уголовным делам», как установлено в Преамбуле документа, является частью политики усиления правового сотрудничества между государствами-членами Европейского Сообщества в целях создания на территории Европы пространства без внутренних границ со свободным передвижением лиц,

товаров, услуг и капиталов. Европейское Сообщество, ссылаясь на установленные формы международного сотрудничества в области уголовного правосудия, подчеркивает необходимость дополнить его положениями по исполнению иностранных судебных приговоров по уголовным делам, в частности касательно исполнения приговоров о лишении свободы и исполнению штрафов. Основная суть Конвенции заключается в признании одного государства-члена Европейского Сообщества выносимого судебного решения со стороны другого государства-члена, а также его готовность взять на себя обязательства по исполнения данного решения на собственной территории. Это требует от обеих сторон постепенного сближения норм уголовного законодательства, а также норм по исполнению наказаний, связанных с лишением свободы.

Согласно данным документам государства-члены Европейского Союза поставили перед собой задачу разработать схожие стандарты борьбы с преступностью и исполнения уголовных наказаний, а также оказывать друг другу тесное сотрудничество по данным вопросам.

Подводя итоги первой главы, можно сказать о том, что Организация Объединенных Наций, Совет Европы и Европейский Союз несомненно внесли весомый вклад в борьбу за соблюдение прав человека и стандартизацию исполнения наказаний, связанных с лишением свободы. ООН и Совет Европы представляют собой два основополагающих органа для мировой пенитенциарной сферы. В целом, создаваемые ими нормативно-правовые акты схожи и сравнимы друг с другом, разве что ООН создает универсальные правила для всего мира, а Совет Европы разрабатывает региональные стандарты для государств Европейского континента. Однако в отличие от Организации Объединенных Наций Совет Европы не только разработал нормативные документы, но и осуществляет контроль над их исполнением. Благодаря Европейскому суду по правам человека, который следит за исполнением положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также Европейскому Комитету по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, который контролирует выполнение Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания государствами-членами Совета Европы, создатели перечисленных положений имеют возможность отслеживать процесс их соблюдения и применять различные санкции по отношению к провинившимся. Самым важным является то, что благодаря стараниям Организации Объединенных Наций, Совета Европы и Европейского Союза, осужденные и в целом лица, чья свобода была ограничена, обладают средствами для защиты своих прав, а также для борьбы с произволом органов государственной власти, с которым нередко приходится сталкиваться лицам, оказавшимся в условиях ограниченной свободы.

Список литературы:

[1] Европейская Конвенция по предупреждению пыток

и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания ETS N 126 (Страсбург, 26 ноября 1987 г.);

[2] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, Rome 4.XI.1950

[3] European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) standards (CPT/Inf/E (2002) 1)

[4] Recommendation No. R (87) 3 of the Committee of Ministers to Member States on the European Prison Rules

[5] Charter of fundamental rights of the European Union (2000/c 364/01), Article 4

[6] Council Framework Decision of 13 June 2002 on the European arrest warrant and the surrender procedures between Member States (2002/584/JHA)

[7] Convention between the Member States of the European Communities on the Enforcement of Foreign Criminal Sentences, Brussels, 13 November 1991

[8] Официальный портал Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) [Электронный ресурс]. URL: http://xn--h1akkl.xn--p1ai/fsin/history/index.php?ELEMENT_ID=61462(дата обращения 18.04.2015)

[9] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[11] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы

наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[12] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[13] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[14] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[15] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[16] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[18] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[19] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[20] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[21] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[22] Dirk van Zyl Smit, Sonja Snacken. Principles of European Prison Law and Policy. Penology and human rights. – New York: Oxford University Press, 2009 – 36 с.

References:

[1] European Convention for the Prevention of Torture

and inhuman or degrading treatment or punishment ETS N 126 (Strasbourg, 26 November 1987);

[2] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, Rome 4.XI.1950

[3] European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) standards (CPT/Inf/E (2002) 1)

[4] Recommendation No. R (87) 3 of the Committee of Ministers to Member States on the European Prison Rules

[5] Charter of fundamental rights of the European Union (2000/c 364/01), Article 4

[6] Council Framework Decision of 13 June 2002 on the European arrest warrant and the surrender procedures between Member States (2002/584/JHA)

[7] Convention between the Member States of the European Communities on the Enforcement of Foreign Criminal Sentences, Brussels, 13 November 1991

[8] The official portal of the Federal Penitentiary Service (FSIN of Russia) [Electronic resource]. URL: http ://xn--h1akkl.xn--p1ai/fsin/history/index.php? ELEMENT _ ID = 61462 (accessed date 18.04.2015)

[9] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[11] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A.,

Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[12] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[13] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[14] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[15] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[16] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[17] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

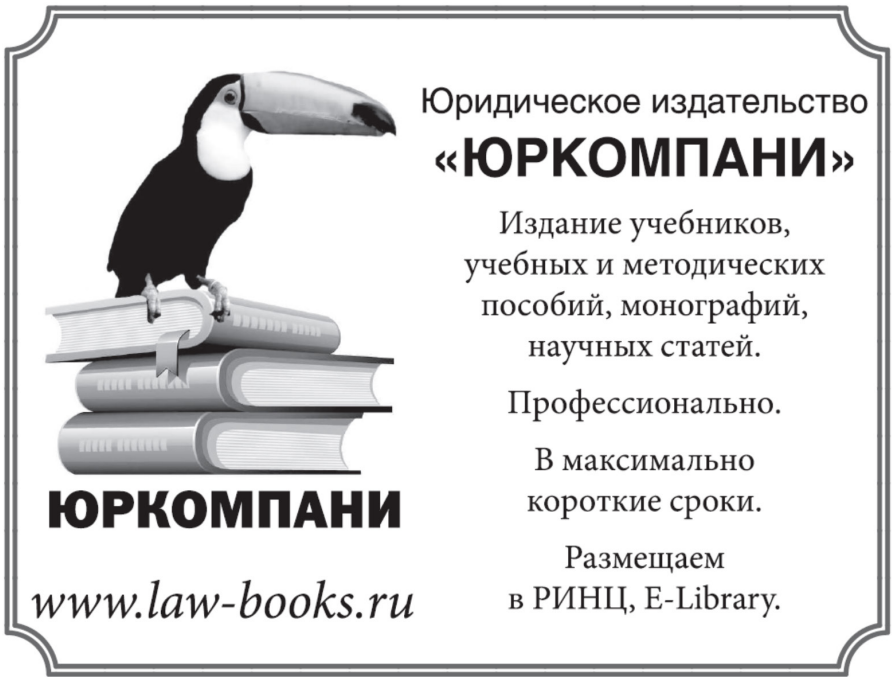
[18] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[19] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[20] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[21] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[22] Dirk van Zyl Smit, Sonja Snacken. Principles of European Prison Law and Policy. Penology and human rights. – New York: Oxford University Press, 2009 – 36 c.



Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-91-94

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, Москва, Россия,

e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОНФИСКАЦИИ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИЗЪЯТИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОВЫХ НОРМ УК РФ И УПК РФ

Аннотация. *В статье исследуется правовая природа цифровой валюты как имущества для целей уголовного права и уголовного судопроизводства после внесения изменений в ст. 104.1 УК РФ и УПК РФ Федеральным законом от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ. Обосновывается, что признание цифровой валюты имуществом устраняет лишь категориальный пробел, но не решает процессуальные вопросы установления фактического контроля, оценки, ареста, изъятия, перевода на адрес-идентификатор и хранения приватных ключей. Автор формулирует предложения по совершенствованию процессуальной модели обращения с цифровой валютой и обеспечению баланса между эффективностью расследования и гарантиями имущественных прав участников уголовного судопроизводства.*

Ключевые слова: *цифровая валюта; криптовалюта; конфискация имущества; арест имущества; вещественные доказательства; электронные носители информации; уголовное право; цифровые активы*.

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,

PhD in Law, Senior Researcher of Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

DIGITAL CURRENCY IN THE MECHANISM OF CRIMINAL-LAW CONFISCATION AND CRIMINAL-PROCEDURAL SEIZURE: PROBLEMS OF IMPLEMENTING NEW PROVISIONS OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

Annotation. *The article analyzes digital currency as property for the purposes of criminal law and criminal procedure following Federal Law No. 38-FZ of February 20, 2026. The author argues that the new legal status requires additional procedural guarantees: identification of factual control, valuation, arrest, seizure, transfer to an identifier address and safe custody of private keys. Proposals are made to improve the legal model and judicial control.*

Key words: *digital currency; cryptocurrency; confiscation; seizure of property; material evidence; criminal law; criminal procedure*.

Цифровая валюта перестала быть исключительно финансово-технологическим явлением. В уголовно-правовой сфере она выступает предметом хищения, формой преступного дохода, средством расчета за запрещенные товары и услуги, инструментом легализации, объектом ареста и потенциальной конфискации. Новейшее признание цифровой валюты имуществом для целей УК РФ и УПК РФ стало необходимой реакцией на практику, в которой следователь и суд сталкивались с активом, обладающим стоимостью, но не имеющим привычной вещной формы. Цифровая валюта соединяет признаки имущества и компьютерной информации. Традиционное имущество можно обнаружить, индивидуализировать, оценить, изъять и передать на хранение. Цифровая валюта существует в распределенной информационной системе, а фактическое распоряжение ею зависит от приватного ключа, seed-фразы, учетной записи или иной аутентификационной информации. Поэтому механическое применение обычных правил ареста и конфискации имущества способно привести либо к утрате актива, либо к нарушению прав участников процесса.

Российское законодательство использует термин «цифровая валюта», а не бытовое понятие «криптовалюта». В специальном законе она определяется через совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые могут приниматься как средство платежа или инвестиция, но не признаются

денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства либо международной расчетной единицей. Следовательно, цифровая валюта является не деньгами в публично-правовом смысле, а цифровым имущественным благом особого рода. о внесения специальных изменений правоприменитель был вынужден включать цифровую валюту в категорию «иного имущества» посредством толкования. Это позволяло квалифицировать отдельные деяния как преступления против собственности, но не давало устойчивого ответа на вопросы о конфискации, аресте, хранении, оценке и доказывании принадлежности. Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ изменил ситуацию: цифровая валюта прямо признана имуществом для целей уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Уголовно-правовое значение новой конструкции состоит в том, что цифровая валюта может рассматриваться как предмет преступления, средство совершения преступления, доход от преступления либо имущество, в которое преступный доход был преобразован. В контексте ст. 104.1 УК РФ это означает возможность конфискации цифровой валюты при наличии установленных законом оснований. Однако один и тот же цифровой актив может одновременно иметь имущественное и доказательственное значение, что требует процессуально точного определения его статуса.

Особое значение приобретает категория фактического контроля. Для обычной вещи важны владение и физическое обладание; для цифровой валюты - техническая возможность инициировать транзакцию. Юридическая принадлежность, технический доступ и фактический контроль могут не совпадать: злоумышленник может получить приватный ключ без законного права, потерпевший может утратить доступ к активу, а кастодиальный сервис может распоряжаться цифровой валютой от имени клиента. Поэтому квалификация преступления должна опираться не только на наличие цифровой валюты, но и на установление лица, реально способного распоряжаться активом.

Научная литература еще до последних изменений обоснованно указывала, что отнесение цифровой валюты к чужому имуществу позволяет квалифицировать насильственное, обманное или иное противоправное завладение доступом к ней по нормам главы 21 УК РФ. После прямого законодательного признания цифровой валюты имуществом этот вывод получает более прочную основу, но требует единообразного разъяснения момента окончания хищения: им должна считаться не только подтвержденная транзакция, но и фактическая утрата потерпевшим исключительного контроля над активом, если виновный получил реальную возможность распоряжения им. [8]

Конфискация имущества является иной мерой уголовно-правового характера, направленной на изъятие экономической базы преступления. Пленум Верховного Суда РФ исходит из того, что конфискации подлежат деньги, ценности и иное имущество, связанные с преступлением, а также орудия, оборудование и иные средства совершения преступления при соблюдении условий ст. 104.1 УК РФ. Включение цифровой валюты в эту систему является закономерным, поскольку преступный доход все чаще принимает цифровую форму. [5] В то же время конфискация цифровой валюты не должна превращаться в автоматическое последствие обнаружения криптокошелька. Необходимо установить происхождение актива, связь с конкретным преступлением, принадлежность или фактический контроль, стоимость и добросовестность возможных третьих лиц. Блокчейн-адрес сам по себе не является субъектом права, а цепочка транзакций не всегда доказывает знание последующего получателя о преступном происхождении актива.

Существенная проблема связана с волатильностью цифровой валюты. Стоимость актива на момент совершения преступления, обнаружения, ареста и постановления приговора может существенно различаться. Если арест или конфискация обеспечивают гражданский иск, штраф или иное имущественное взыскание, суд должен учитывать количество цифровой валюты, источник котировки, дату и время оценки, а также предел соразмерного ограничения имущественных прав. Следует разграничивать конфискацию как итоговую уголовно-правовую меру и изъятие цифровой валюты как процессуальное действие. Изъятие на досудебной стадии не должно предрешать вопрос о виновности и последующей конфискации. В постановлении и протоколе необходимо указывать, в каком качестве обнаружена цифровая валюта: как предмет предполагаемого преступления, как имущество для обеспечения взыскания, как вещественное доказательство либо как актив, подлежащий возможной конфискации.

НовеллыУПКРФимеютключевоезначение, поскольку впервые описывают технологический контур процессуального обращения с цифровой валютой. Закон закрепляет особенности наложения ареста, изъятия при производстве следственных действий, обязательное участие специалиста, изъятие материального носителя и возможность перевода цифровой валюты на адрес-идентификатор, позволяющий обеспечить

ее сохранность. [2] Статья 164.2 УПК РФ логически продолжает регулирование, начатое ст. 164.1 УПК РФ об особенностях изъятия электронных носителей информации. Однако ст. 164.1 УПК РФ ориентирована на носитель и копирование данных, а ст. 164.2 УПК РФ - на цифровую имущественную ценность, распоряжение которой может быть необратимым. Поэтому следователь работает не только с источником доказательств, но и с активом, который может быть утрачен в результате одной транзакции. [2] Изъятие цифровой валюты фактически может означать совершение новой транзакции. В классическом уголовном процессе изъятие вещи обычно сводится к перемещению предмета из владения лица в режим хранения. Перевод цифровой валюты на адрес-идентификатор является активным техническим действием в сети. Оно должно фиксироваться предельно подробно: вид цифровой валюты, количество, адрес отправителя и получателя, хэш транзакции, время операции, программное обеспечение, сведения о специалисте, обстоятельства доступа к кошельку и меры защиты приватных ключей.

Участие специалиста не освобождает следователя от процессуальной ответственности. Специалист обеспечивает техническую часть, но законность, пределы и доказательственную фиксацию следственного действия определяет следователь. Если требуются выводы о принадлежности кошелька, механизме транзакций, стоимости актива или связи адреса с конкретным лицом, участие специалиста не должно подменять судебную экспертизу. Судебный контроль должен распространяться не только на сам факт ареста цифровой валюты, но и на способ его исполнения. По общему правилу при аресте имущества суд должен указать фактические обстоятельства, срок и пределы ограничения. Для цифровой валюты дополнительно необходимо устанавливать конкретный актив, адрес-идентификатор, способ индивидуализации, допустимость перевода, порядок хранения, источник оценки и гарантии прав третьих лиц. [6]

Цифровая валюта создает особую доказательственную ситуацию. Запись в блокчейне обычно технически проверяема, но ее связь с конкретным лицом требует доказывания. Наличие адреса в сети не устанавливает владельца, а наличие приватного ключа у лица не всегда означает законную принадлежность актива. Поэтому технические сведения должны сопоставляться с результатами осмотра, обыска, выемки, компьютерной экспертизы, показаниями, данными обменных сервисов и иными доказательствами. Следственная ошибка часто состоит в подмене объекта исследования. Аппаратный кошелек, мобильный телефон, файл ключа, seed-фраза, скриншот биржевого аккаунта и запись в блокчейне - разные объекты с разным процессуальным режимом. Если следователь признает вещественным доказательством только материальный носитель, но не фиксирует параметры цифровой валюты, доказательственная картина остается неполной. Если же описывает цифровую валюту без надлежащего исследования носителя и источника доступа, возникает риск недопустимости доказательства.

В научной литературе до принятия ст. 164.2 УПК РФ указывалось, что прежнее регулирование не содержало специального порядка изъятия цифровой валюты из электронных носителей и ее перевода при производстве следственных действий. Законодательный ответ появился, но его необходимо наполнить криминалистическим содержанием: первичная фиксация устройства, исключение удаленного доступа, создание копии, проверка кошельков, оценка риска списания, перевод при наличии оснований, фиксация хэша транзакции и контроль целостности цифровых следов. [7] Допустимость результата будет зависеть от того, насколько следователь сможет объяснить суду технологическую сторону действия. Суду недостаточно формулы «цифровая валюта изъята». Необходимо видеть, каким способом установлен адрес, почему он связан с обвиняемым, как подтверждено количество актива, каким образом исключено вмешательство третьих лиц и почему специалист обладал достаточной квалификацией.

Во-первых, в УПК РФ целесообразно закрепить понятие фактического контроля над цифровой валютой как подтвержденной технической возможности лица самостоятельно или через посредника инициировать распоряжение цифровой валютой посредством закрытого ключа, учетной записи, аппаратного устройства, кастодиального сервиса или иной аутентификационной информации.

Во-вторых, ст. 164.2 УПК РФ следует дополнить расширенными требованиями к протоколу: адреса-идентификаторы отправителя и получателя, хэш транзакции, сеть цифровой валюты, количество актива, источник определения курса, программное обеспечение, данные специалиста, технические средства фиксации и меры, исключающие разглашение закрытых ключей.

В-третьих, необходим государственно регламентированный механизм хранения цифровой валюты. Перевод на адрес-идентификатор будет безопасным только при наличии правил генерации адресов, распределения доступа, резервного хранения

ключей, внутреннего аудита, запрета единоличного доступа должностного лица и ответственности за утрату актива.

В-четвертых, требуется стандарт оценки цифровой валюты. В судебном решении об аресте должны указываться дата и время оценки, источник котировки, рублевый эквивалент и предел ограничения. При существенном изменении стоимости заинтересованное лицо должно иметь право ходатайствовать о корректировке объема ареста.

В-пятых, Верховному Суду РФ целесообразно подготовить разъяснения о моменте окончания хищения цифровой валюты, критериях принадлежности и контроля, правилах оценки, допустимости перевода на адрес-идентификатор, пределах ареста у третьих лиц и стандартах проверки цифровых доказательств. Признание цифровой валюты имуществом для целей уголовного права и уголовного процесса является своевременным шагом. Оно устраняет прежний базовый пробел, связанный с невозможностью однозначно применять к цифровой валюте режим конфискации, ареста и изъятия. Однако категориальное решение не заменяет процессуальной модели обращения с активом, существующим в распределенной информационной среде.

Цифровая валюта не тождественна ни наличным деньгам, ни безналичным денежным средствам, ни обычной вещи, ни электронному документу. Это цифровой имущественный объект, управление которым осуществляется через криптографический доступ. Поэтому уголовный процесс должен оперировать категориями контроля, адреса-идентификатора, транзакции, приватного ключа, цифрового хранения и технологической верификации.

Оптимальная модель предполагает межотраслевую связку: уголовное право определяет основания конфискации и квалификационное значение цифровой валюты; уголовный процесс устанавливает порядок ареста, изъятия, перевода и хранения; криминалистика разрабатывает алгоритмы обнаружения и фиксации; судебная практика формирует стандарты допустимости и соразмерности. Только такая конструкция позволит повысить эффективность расследования цифровых преступлений и одновременно сохранить гарантии прав личности.

Список литературы:

[1] Гаврилин Ю. В. Уголовно-процессуальный порядок наложения ареста на цифровые валюты // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 30-33. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-2-30-33.

[2] Яковлева С. А., Аверина Е. А. Цифровая валюта - предмет взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2022. Т. 8. № 1. С. 91-102. DOI: 10.30914/2411-3522-2022-8-1-91-102.

[3] Макарова В. В. Конфискация имущества: отдельные вопросы теории и практики // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1-4). № 3. С. 393-400. DOI: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.393-400.

[4] Кайгородова О. С. Решение вопроса о возможности наложения ареста на цифровые финансовые активы, цифровую валюту // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. URL: https://sibreadings.bgu.ru/classes/pdfDL.ashx?id=24945 (дата обращения: 03.06.2026).

References:

[1] Gavrilin Yu. V. Criminal Procedure for Seizing Digital Currencies//Criminological Journal. 2023. № 2. S. 30-33. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-2-30-33.

[2] Yakovleva S. A., Averina E. A. Digital currency is the subject of the relationship between criminal law and criminal proceedings//Bulletin of Mari State University. Series “Historical Sciences. Legal sciences.” 2022. VOL. 8. № 1. S. 91-102. DOI: 10.30914/2411-3522-2022-8-1-91-102.

[3] Makarova V.V. Confiscation of property: certain issues of theory and practice//Criminal enforcement law. 2022. T. 17 (1-4). № 3. S. 393-400. DOI: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.393-400.

[4] Kaygorodova O.S. Decision on the possibility of seizure of digital financial assets, digital currency//Siberian criminal procedure and forensic readings. 2022. URL: https://sibreadings.bgu.ru/classes/pdfDL.ashx?id=24945 (access date: 03.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-95-98

КАНУБРИКОВ Виталий Алексеевич,

Начальник кафедры огневой подготовки Волгоградской академии МВД России, Кандидат юридических наук, доцент,полковник полиции,

e-mail: v.Kanubrikov@mail.ru

ВОЛОШИНА Олеся Павловна,

Старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова,

e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ДЕЗИНФОРМАЦИИ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Аннотация. *Автор в своей научной статье проводит исследование методов и способов борьбы с преступлениями, связанными с распространением недостоверной информации в сети Интернет, криминальными структурами и о применяемых правоохранительными органами эффективных мерах противодействия данному явлению в информационном пространстве.*

Ключевые слова: *дезинформация, противодействие, информация, сеть, анонимность, ответственность, криминальные структуры, правоохранительные органы, контроль, законодательство.*

KANUBRIKOV Vitaly Alekseevich,

Head of the Firearms Training Department Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel

VOLOSHINA Olesya Pavlovna,

Senior Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

ON THE ISSUE OF COUNTERING THE ACTIVITIES OF EXTREMIST ORGANIZATIONS IN THE INFORMATION SPACE: NEUTRALIZATION OF DISINFORMATION AND FALSIFICATION

Annotation. *In this research article, the author examines the methods and means of combating crimes related to the dissemination of false information online, criminal organizations, and the effective measures law enforcement agencies employ to counter this phenomenon in the information space.*

Key words: *disinformation, counteraction, information, network, anonymity, responsibility, criminal organizations, law enforcement, control, legislation.*

В условиях современных реалий динамично развивающееся информационное общество на базе информационно-телекоммуникационных технологий относится к общемировым тенденциям современности.

Сеть Интернет предоставляет широкие возможности, такие как общедоступность, высокая скорость передачи информации, независимость от местонахождения, анонимность и многие другие.

Такого вида привилегии включая и трудность в осуществлении контроля со стороны органов правопорядка, привлекают внимание и криминальных структур, и они активно используют это в своей преступной деятельности, что позволяет им стать менее уязвимыми для правоохранительных органов.

Современные информационно-коммуникационные технологии значительно ускоряют циркуляцию данных, однако одновременно создают новые векторы угроз.

Злоумышленники эксплуатируют эти технологии для несанкционированного доступа к конфиденциальной информации пользователей и

ее последующей модификации.

Ключевая опасность заключается в целенаправленном распространении фальсифицированных сведений, направленных на причинение ущерба конкретным субъектам.

Масштабное распространение такой дезинформации способно дезориентировать общественность, подорвать легитимность государственных институтов и негативно сказаться на внешнеполитической стратегии государства.

Ответственность за преступления, в том числе связанные с распространением недостоверной информации, установлена статьями уголовного кодекса Российской Федерации.

Работники прокуратуры активно занимаются просвещением молодежи в образовательных учреждениях, объясняя им опасность ложных сообщений о террористических актах. Прежде чем говорить о мерах защиты, необходимо четко определить термин выражения - недостоверная общественно значимая информация.

Федеральный закон № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», гласит, что первоочередной защите подлежит информация, которая может угрожать жизни и здоровью людей, их имуществу или общественной безопасности. Закон также предупреждает о возможности возникновения массовых протестов и беспорядков в результате распространения определенной информации.

Более того, получение злоумышленниками доступа к критически важным данным может привести к катастрофическим последствиям, включая уничтожение городской инфраструктуры, коммунальных и энергетических объектов, банков, промышленных предприятий и транспортных систем.

В Российской Федерации контроль над интернет-информацией осуществляют специализированные службы.

Их главная цель заключается в обеспечении противодействия умышленному распространению дезинформации и расследование киберпреступлений, то есть любых правонарушений, совершаемых в интернете или с использованием цифровых технологий.

Сотрудники этих служб занимаются выявлением, поиском и задержанием преступников, а также детальным изучением их поведения.

Особое внимание уделяется оперативному определению местонахождения тех, кто публикует угрожающую информацию, такую как террористические или экстремистские материалы, а также ложные сведения, направленные на подрыв государственного строя России.

В практической деятельности применяется дифференцированное количество способов генерирования и распространения такой вредоносной информации.

Дезинформация, как правило, конструируется на основе подлинных сведений. Преступники используют стратегию искусного переплетения правды и вымысла, что затрудняет их дифференциацию.

Методология включает в себя представление неопровержимых фактов в начале сообщения, за которыми следует вводящая в заблуждение информация, часто расположенная в конце.

При этом сохраняется стилистическое единство с достоверной частью текста. Подобное смешение правды с ложью приводит к формированию ложных, но достоверных нарративов, которые искажают реальные события, адаптируя их под желаемую преступниками интерпретацию.

Процесс распространения фальсифицированных данных состоит из эксплуатации, подготовительной стадии и укрытия доказательств.

Социальные сети, обладая беспрецедентной скоростью и охватом, часто используются для распространения дезинформации.

Массовая аудитория, склонная к поверхностному восприятию информации и низкому уровню критического мышления, легко поддается ложным нарративам. Ежедневные миллионные просмотры и активное распространение контента через репосты позволяют злоумышленникам эффективно влиять на общественное сознание. Это влияние может проявляться в навязывании нехарактерных для российской действительности моделей поведения, искажении представлений о политических процессах и формировании негативного отношения к институтам власти и национальным ценностям.

Распространение дезинформации, как правило, ориентировано на определенные социальные группы, в первую очередь на молодежь, и служит для препятствования внешней политике России.

Источниками таких информации, новостей могут быть как частные лица и их агенты, так и зарубежные спецслужбы и организации.

Успех злоумышленников напрямую зависит от количества людей, подвергшихся воздействию дезинформации, поскольку их конечная цель заключается в том чтобы спровоцировать беспорядки в обществе и в

достижения этой цели создаются дополнительные материалы, призванные укрепить веру аудитории в ложную информацию и исключить сомнения.

В виду чего, с целью формирования доверия используются как полностью вымышленные, так и реальные, в том числе проверенные и надежные, источники.

В выше рассмотренном случае достоверные сведения могут быть искажены или представлены в выгодном для распространителей контексте, чтобы создать иллюзию подтверждения ложных новостей.

Вместе с тем такой метод как сокрытие следов, самый важный для злоумышленников, ведь им необходимо, чтобы спецслужбы не сумели точно определить, кто создал и распространил такую информацию.

Сомнительный источник может содержать другие новости, задача которых, отвлечь внимание от ключевого вопроса и вводная информация помогает скрыть следы и направляет не только общественность, но и правоохранительные органы на ложный след, так что теряется любая зацепка.

Не всегда злоумышленникам удается осуществить данный процесс.

Существует множество методов сокрыть следы, особенно преступники используют VPN, публикуют поддельные новости в интернет-группах, используют электронные устройства, которыми они не владеют, загружают с них данные и эти устройства удаляются сразу после работы.

Для выявления подделок необходимо использовать методы проверки фактов, для чего привлекаются эксперты, которые и занимаются проверкой представленных фактов на их достоверность.

Данные алгоритмы позволяют быстро выявить различия между поступающей информацией и проверенными источниками.

С целью сравнения фактов, можно отметить, что в нашей стране используется специальная организация, в цели которой и входит отслеживание и анализ фактов.

Также практикуется сверкой фактов и утверждений в статье, так и проверкой текста с языковой точки зрения, то есть, стиль, лингвистику, оценивают аргументированность автора и непосредственно проверяют достоверность фактов и в при необходимости эти организации передают запрошенную информацию в судебные органы.

Текстовые документы, статьи и небольшие заметки могут содержать ряд признаков, указывающих на то, что написанное в них не соответствует действительности, и это первый шаг проверочной работы.

В результате организация может сделать вывод о том, что информация является фальшивой, или выпустить предупреждение, если нет 100-процентной уверенности. Фальшивые новости представляют собой ложную информацию провокационного характера, содержащая диаметрально противоположные виды информации, такие как ложь и правда.

В виду чего информация становится более реалистичной и правдоподобной, так что ее трудно отличить от реальных фактов, особенно когда с ней сталкиваются граждане, которые не знают об этом, неподкованные в данной области и неосведомленные.

В отдельных случаях информация может быть реальной и содержащей в себе достоверные факты, однако эту же информацию возможно интерпретировать также можно вырвать с корыстными намерениями с выгодой для кого-либо.

Основная задача таких сообщений заключается в том, чтобы спровоцировать и последующем возбуждать, подрывать ценности и устои государства, его авторитетность, увеличивать дистанцию между

Главная цель процесса искажения информации заключается в том, чтобы захватить первые сроки новостных лент и максимально привлечь внимание аудитории, чтобы вменить гражданам недостоверную информацию, предварительно выдав ее за достоверную, чтобы они сосредоточились на них, постоянно размышляли, производя сильное впечатление, чтобы помнить об информации.

Преступники-террористы пытаются повлиять на общественность и внушить людям определенные навязчивые идеи и убеждения в отношении определенных идей.

Такие сообщения могут использоваться для создания ажиотажа, паники, провокаций и враждебной пропаганды, особенно терроризма и экстремизма, для дискредитации политиков и создания общественных волнений, дабы разрушить в подсознании граждан привычные устои и внушить веру в новые идеи.

Основная сложность в поиске преступников заключается в использовании современных технологий по типу VPN - такие технологии затрудняют вычисление реального адреса и местонахождения преступника, потому что преступники маскируют это и превращают свой IP-адрес в подделку, делая его привязанной к другому государству.

Однако алгоритмы, используемые правоохранительными органами, все равно позволяют вычислять и задерживать злоумышленников, и если те находятся на территории Российской Федерации, то

проблем с их задержанием не возникает, но если злоумышленник физически находится за границей, то необходимо заключить соглашение, что, конечно, отнимает много времени и не способствует скорейшему раскрытию преступления, ведь не все страны дают добро на выдачу преступника и отдачу его под стражу.

Отбор и фильтрация получаемой информации, а также ее проверка различными серверами перед отправкой публикации поможет уменьшить количество фальсификаций, но это технически трудно воплотить, в связи с чем основная роль в противодействии с исследуемыми правонарушениями отводится сотрудникам компетентных служб и подразделений.

В заключении проведенного исследования целесообразно отметить, что важной составляющей в системе противодействия идеологии экстремизма и терроризма в глобальном информационном пространстве должна стать информационно-пропагандистская работа, реализуемая в основном государственными службами во взаимодействии с другими организациями в сети Интернет.

Профилактическая деятельность, осуществляемая в целях формирования антитеррористического и антиэкстремистского сознания населения, должна основываться на принципах постоянства, систематичности, комплексности и к такой работе необходимо привлекать практических работников, занимающихся проблемами противодействия данным противоправным явлениям, научных деятелей, психологов, педагогов, студентов высших учебных заведений, общественных экспертов и представителей организаций, поскольку успешное решение данной проблемы требует координации усилий по дальнейшему совершенствованию технических средств и разработке новых методов информационного противодействия деятельности экстремистских организаций в информационном пространстве мирового масштаба.

Список литературы:

[1] Сундиев И.Ю. Введение в оперативно-розыскную террологию: монография. М.: НИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 191.

[2] Ефремов М.И. Политический терроризм как форма этнического и религиозного экстремизма // Социология и социальная работа Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2010. № 2 (18). С. 23-29.

[3] Петрянин А.В., Коннов И.А., Кузнецов М.В. Понятие, признаки и виды экстремизма: учебное пособие. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019. С. 35-54.

[4] Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2024).

[5] Зубалова О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: Дис. ... к.ю.н. Специальность 12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Н. Новгород, 2013. С. 9, 22.

[6] Плотников В.В. Экстремизм как феномен современной социальной реальности: институциональные, системные и социоструктурные факторы: Автореф. дисс. ... д.социол.н. Специальность 22.00.04 - социальная структура, социальные институты и процессы. Краснодар, 2016.- С. 16.

[7] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года.

References:

[1] Sundiev I.Yu. Introduction to operational-search terrorology: monograph. M.: NITI-DANA: Law and Law, 2012. S. 191.

[2] Efremov M.I. Political terrorism as a form of ethnic and religious extremism//Sociology and social work Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Social Sciences Series, 2010. № 2 (18). S. 23-29.

[3] Petryanin A.V., Konnov I.A., Kuznetsov M.V. Concept, signs and types of extremism: a textbook. N. Novgorod: NRU RANEPA, 2019. S. 35-54.

[4] Federal Law No. 114-FZ of 25.07.2002 “On Countering Extremist Activities “//SPS” ConsultantPlus “(date of appeal: 07.04.2024).

[5] O.A. Zubalova. Criminal law measures to combat the organization of an extremist community: Dis.... Ph.D. in 12.00.08 - criminal law and criminology; penal law. N. Novgorod, 2013. S. 9, 22.

[6] Plotnikov V.V. Extremism as a phenomenon of modern social reality: institutional, systemic and sociostructural factors: Autoref. diss.... Doctor of Social Sciences Specialty 22.00.04 - social structure, social institutions and processes. Krasnodar, 2016.- S. 16.

[7] Strategy to counter extremism in the Russian Federation until 2025.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-99-104

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,

ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат физико-математических наук,

e-mail: university69@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (УИС) формируется преимущественно как технико-организационный тренд без закрепленной нормативной модели и единых правовых ограничений. Это усиливает риск фрагментарного внедрения алгоритмических решений в режимных учреждениях, прежде всего в сферах прогнозирования нарушений установленного порядка отбывания наказания, анализа данных об осужденных и эксплуатации интеллектуальных систем видеонаблюдения. В статье изложен подход к дифференциации базовых понятий («искусственный интеллект», «робот», «нейронные сети», «большие данные», «искусственная интеллектуальная система»), разработанной в современной доктрине информационного права, и адаптированной к специфике ФСИН России. Формируется концепция «слабого» ИИ как единственно допустимого уровня автоматизации в УИС. Предлагается система правовых принципов внедрения ИИ в деятельность ФСИН России, включая алгоритмическую прозрачность, сохранение «человека в контуре» для решений, затрагивающих права осужденных, риск-ориентированный дифференцированный режим регулирования для аналитических, рекомендательных и автономных аппаратных систем. Делается вывод о целесообразности разработки ведомственного акта ФСИН России о порядке экспериментального внедрения систем ИИ на базе предложенной системы принципов.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, алгоритмическая прозрачность, персональные данные, объяснимый ИИ, алгоритмическая дискриминация*.

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,

Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Physico-mathematical Sciences

CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR THE IMPLEMENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ACTIVITIES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The use of artificial intelligence (AI) technologies in the Penal System of the Russian Federation is evolving primarily as a technical and organizational trend, lacking an established regulatory model and uniform legal constraints. This increases the risk of fragmented deployment of algorithmic solutions in correctional institutions, particularly in the areas of predicting violations of the established order of serving sentences, analyzing data on convicted persons, and operating intelligent video surveillance systems. The article presents an approach to differentiating basic concepts («artificial intelligence», «robot», «neural networks», «artificial intelligence system») developed in the modern doctrine of information law, and adapts it to the specific context of the Federal Penitentiary Service of Russia. It formulates the concept of «weak AI» as the only acceptable level of automation within the penal enforcement system. A system of legal principles for the implementation of AI in the Federal Penitentiary Service of Russia is proposed, including algorithmic transparency, maintaining a «human in the loop» for decisions affecting the rights of convicted persons, and a risk-based differentiated regulatory regime for analytical, advisory, and autonomous hardware systems. The article concludes that it is advisable to develop a departmental act of the Federal Penitentiary Service of Russia governing the experimental implementation of AI systems based on the proposed system of principles.*

Key words: *artificial intelligence, Penal System of the Russian Federation, algorithmic transparency, personal data, explainable AI, algorithmic discrimination.*

За последнее десятилетие эффекты внедрения решений в области искусственного интеллекта (ИИ) вышли далеко за рамки отдельных отраслей и начали радикально менять структуры управления, включая правоохранительную сферу. Сценарий массового использования навигационных сервисов с элементами ИИ, который аккумулирует данные тысяч пользователей для оптимизации маршрутов в режиме реального времени, иллюстрирует базовую идею: алгоритм способен перерабатывать массивы данных, недоступные индивидуальному человеческому наблюдению, и возвращать управленческое решение, воспринимаемое как «оптимальное». Перенос подобной логики в пенитенциарный контекст означает возможность конструирования систем прогнозирования нарушений режима, оптимизации расстановки постов и планирования мероприятий по обеспечению безопасности в учреждениях ФСИН России [1, С.241; 2, С.330].

В зарубежной практике предиктивной аналитики преступности показательным примером является система «Series Finder», разработанная в США для анализа зарегистрированных эпизодов краж и выявления серийных преступлений на основе статистики полиции. Модель, обученная на данных о способе проникновения, типе жилья, времени и месте совершения краж, позволила авторам проекта выделить девять устойчивых паттернов преступного поведения и, как показано в эксперименте, не только восстановить известные серии, но и идентифицировать девять ранее не зафиксированных как взаимосвязанных эпизодов [3, С.190]. Для ФСИН России аналогичная архитектура прогностической системы может использовать данные о нарушениях правил внутреннего распорядка, конфликтах, изъятиях запрещенных предметов, ежедневной планировке маршрутов обхода и особенностях инфраструктуры колонии. В практических терминах это означает построение тепловых карт режимных рисков по локальным зонам учреждения, что позволяет перераспределять посты, усиливать наблюдение в конкретные временные интервалы и обосновывать ресурсные решения по инженерно-техническому укреплению.

Блок потенциальных направлений применения ИИ в деятельности ФСИН России включает несколько типов задач. Первым типом задач является прогнозирование противоправного поведения, где прототипом выступают криминалистические системы типа «Series Finder», но в случае пенитенциарного ведомства целью такой системы может являться прогнозирование деструктивного поведения осужденных, включая попытки побегов, групповые неповиновения, массовые нарушений режима или актов самоагрессии [4, С.8]. Следующий тип включает задачу оптимизации расстановки сил и средств, решение которой может опираться на алгоритмическую обработку данных о планировке объектов, истории инцидентов и персональном составе отрядов, что позволяет формировать риск-ориентированные графики несения службы, а не статичные штатные расписания. Далее, задача обработка больших данных о личности осужденного, включая сведения о судимостях, дисциплинарных взысканиях, участии в программах ресоциализации, что создает основу для индивидуализации исполнения наказания и оценки рецидивного риска по аналогии с зарубежными инструментами типа COMPAS, являющегося программой для расчета скоринга [5, С.183]. Следующий тип включает видеонаблюдение с элементами ИИ (распознавание лиц, детекция атипичного или агрессивного поведения) и системы поддержки принятия решений при рассмотрении обращений и жалоб осужденных [6, С.377]. Такие задачи образуют самостоятельный класс, где алгоритмы оперируют визуальными и текстовыми потоками данных.

Текущее состояние правового регулирования ИИ в России характеризуется сочетанием точечных технических стандартов и рамочного политико-правового документа в виде Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., где ИИ определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека…», при этом термин «комплекс технологических решений» фактически описывает «технологию искусственного интеллекта», а не сам объект, подлежащий правовой квалификации. ГОСТ Р 59276-2020 и ГОСТ Р 59277-2020 предлагают более точную техническую дефиницию, акцентируя способность системы имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, и связывая ее с комплексом программно-аппаратных средств. Для деятельности ФСИН России такое смещение к программно-аппаратной трактовке ИИ имеет практическое следствие, поскольку объектом правового регулирования и ведомственного учета должна быть не абстрактная «технология», а конкретная система, установленная на

территории учреждения и воздействующая на режим содержания.

Отсутствие специального уголовно-исполнительного регулирования ИИ формирует ситуацию, которую можно обозначить как «правовой коллапс», представляющий собой состояние, при котором понятие искусственного интеллекта выступает понятием, в которое различные акторы вкладывают несопоставимое содержание. При этом ожидание окончательного прояснения технической природы ИИ ведут к нарастанию непрозрачных рисков, а не к их снижению. Для ФСИН России такая ситуация означает, что попытки использовать ИИ-решения в пилотном режиме (например, при установке интеллектуальных камер или внедрении систем риск-скоринга осужденных) будут происходить в условиях отсутствия базовых понятий и критериев приемлемости ошибок. Соответственно, минимизация правовых рисков требует не отложения регулирования, а выстраивания системы принципов, способной охватить различающиеся по задачам классы систем без навязывания единого универсального определения.

Ключевым элементом методологического блока данного исследования является разграничение ИИ и смежных технико-правовых понятий. Искусственный интеллект может быть определен как комплекс программно-аппаратных средств, обеспечивающий полноту или фрагмент информационного цикла: восприятие, обработку, хранение информации и формирование решения. Необходимым признаком технологии выступает либо зависимость конечного решения от человека (слабый ИИ), либо автономность (сильный ИИ), причем сильный ИИ в существующей технологической парадигме пока не реализован.

Зачастую робот интерпретируется как воплощенный искусственный интеллект, однако он может функционировать и на основе элементарных алгоритмов без использования технологий ИИ, что имеет прямое значение для деятельности учреждений ФСИН России при внедрении робототехнических систем (роботы-патрульные, беспилотные летательные аппараты) поскольку формальное наличие «робота» не гарантирует применения ИИ, а следовательно, не требует специальных процедур валидации и аудита моделей.

Нейронные сети и методы машинного обучения представляют собой интеллектуальные средства, обеспечивающие итерационный поиск оптимума некоторого функционала качества решения задачи. Нейронная сеть реализуется в форме многомерной нелинейной системы, которая в ходе обучения подстраивает свои параметры с целью минимизации ошибки прогноза, а глубокое обучение и машинное обучение служат дисциплинами, изучающими построение самообучающихся алгоритмов на основе разных режимов (с учителем, без учителя, с подкреплением). В контексте внедрения искусственного интеллекта в деятельность учреждений ФСИН России внедрение данных технологий означает, что каждое применение нейросетевой модели, например, к оценке риска побега или агрессивного поведения привязано к конкретной выборке исторических данных учреждения, а следовательно, зависит от полноты и релевантности этой выборки. При этом комбинация нейронных сетей и машинного обучения не ведет к появлению сильного ИИ, поскольку подобные архитектуры решают конечные, формализуемые задачи, что снимает часть возражений о замене персонала исправительных учреждений алгоритмами.

Тезис о наличии правового коллапса подводит к выводу об отказе от поисков единого определения ИИ в пользу отраслевых дефиниций, учитывающих специфику соответствующих правоотношений. Правовая регламентация ИИ не может откладываться до момента окончательного согласования технических терминов, поскольку речь идет о рынке, который еще не сформировался, но уже создает экзистенциальные риски. Применительно к деятельности УИС это означает, что основные параметры допустимого использования ИИ, включая виды решаемых с помощью ИИ задач, допустимые уровни ошибок, требование участия человека в принятии решений, должны быть закреплены в уголовно-исполнительном законодательстве и ведомственных актах еще до массового внедрения конкретных систем. Универсальное широкое определение ИИ целесообразно сохранять на уровне федерального закона об искусственном интеллекте и Национальной стратегии, тогда как для ФСИН России целесообразна функциональная дефиниция, ориентирующаяся на слабый ИИ и конкретные прикладные задачи пенитенциарного ведомства.

С учетом вышеизложенного, целесообразно закрепление на уровне федерального закона общего понятия ИИ как совокупности информационных технологий, позволяющих решать задачи, сопоставимые с человеческим интеллектом, а технические характеристики и классификации оставлять на уровне ГОСТ и подзаконных актов. Преимущество такой модели для пенитенциарной сферы состоит в гибкости, поскольку в таком случае ведомство может обновлять перечень видов ИИ-систем, процедуры их тестирования и показатели качества через приказы и

инструкции без постоянного внесения изменений в уголовно-исполнительный кодекс. Для строгой научной формулировки достаточно указать, что широкое определение ИИ в сочетании с техническим регулированием создает многоуровневую модель, где федеральный закон задает рамки, а ведомственные акты – конкретные режимы. Может быть предложена следующая совокупность уточнений определения ИИ при его использования для решения пенитенциарных задач. Во-первых, термин «комплекс технологических решений» целесообразно заменить на «комплекс программно-аппаратных средств». Далее, в определение следует включить указание на «совокупность интеллектуально-волевых средств и способов взаимодействия с окружающей действительностью», подчеркивая наличие не только инфраструктуры обработки данных, но и автономных механизмов выбора вариантов решения внутри заданных человеком целей. Это позволит прямо зафиксировать, что объектом регулирования ИИ, применяемого в интересах ФСИН России являются установленные в пенитенциарных учреждениях программно-аппаратные комплексы, способные имитировать когнитивные функции человека и формировать выводы, используемые персоналом при оценке поведения осужденных и принятии управленческих решений.

Сопоставление российских подходов с европейским регулированием демонстрирует дополнительный аргумент в пользу риск-ориентированного, а не функционально-нейтрального подхода к ИИ. В документе «Artificial Intelligence for Europe» (2018 г.) ИИ определяется как система, демонстрирующая разумное поведение при анализе окружающей среды и действиях с определенной степенью автономности для достижения конкретных целей, при этом прямо оговаривается возможность как программной, так и аппаратной реализации. Принятый в 2024 г. Закон ЕС об искусственном интеллекте (EU AI Act) вводит категорию систем высокого риска, к которым относятся, в частности, ИИ-системы, используемые в правоохранительной и пенитенциарной деятельности, и предъявляет к ним повышенные требования по управлению данными, документации и человеческому надзору. Для пенитенциарных учреждений это означает, что любая попытка использования ИИ в оценке риска побега, классификации осужденных по режимам или автоматизированном принятии решений о переводе в иные условия отбывания наказания должна исходно рассматриваться как работа с системой высокого риска, а не как нейтральная цифровая автоматизация.

В ходе исследования выработана система правовых принципов и ограничений внедрения ИИ в УИС. Ключевой принцип состоит в алгоритмической прозрачности пенитенциарных ИИ-систем. Это означает, что любая система ИИ, используемая в учреждениях ФСИН России, должна иметь документированную архитектуру, описание входных и выходных данных, методологию обучения и показатели качества, которые подлежат ведомственному контролю и могут быть проверены при рассмотрении жалоб и обращений осужденных.

Далее, принцип сохранения «человека в контуре» (human-in-the-loop) для всех решений, затрагивающих права осужденных. С учетом невозможности реализации эмоционального интеллекта ИИ может использоваться только как инструмент поддержки, но не замены усмотрения должностного лица. Поэтому требует прямого закрепления в УИК РФ и ведомственных актах, тезисов означающих, что решения о переводе в облегченные или строгие условия, применении взысканий, поощрений, подготовке материалов об условно-досрочном освобождении принимаются комиссионно или индивидуально человеком, который несет юридическую ответственность и не вправе ссылаться на ИИ как на единственное основание. Функция ИИ сводится исключительно к предоставлению аналитических материалов, а итоговая юридически значимая оценка принадлежит сотруднику, прошедшему специальную подготовку по интерпретации выводов моделей.

Следующий принцип включает дифференцированный правовой режим для трех типов ИИ-систем во ФСИН России. Предлагается выделить следующие типы прикладных инструментов: аналитические системы (для построения прогноза нарушений, криминогенной картографии учреждений), системы поддержки принятия решений (для скоринга рецидивного риска, классификации и обработки обращений, анализа видеопотока для выдачи тревожного сообщения на пост охраны), автономные аппаратные комплексы (роботизированные платформы охраны периметра, автономные средства доставки внутри режимных зон и др.). Для первой группы достаточно предусмотреть требования к качеству данных, валидации моделей на исторических выборках и регулярному пересмотру параметров, поскольку прямое воздействие на права осужденных здесь опосредовано через последующие решения персонала. Для второй группы требуется усиление режима, включая обязательное участие человека, запрет на полную автоматизацию ключевых решений, фиксирование в делах отметок о том, была ли использована ИИ-система и как

оценена ее рекомендация. Третья группа должна рассматриваться как источник повышенной опасности по аналогии с транспортными средствами и промышленными объектами, что влечет особый уровень ответственности за ущерб, причиненный осужденным, личному составу и третьим лицам.

Четвертый принцип можно условно обозначить как принцип функциональной дифференциации дефиниций. Вместо попытки закрепить в УИК РФ универсальное понятие ИИ предлагается определить на уровне уголовно-исполнительного законодательства несколько юридически значимых категорий: «система искусственного интеллекта для анализа пенитенциарных данных», «система искусственного интеллекта для технической защиты и охраны объектов ФСИН России», «система искусственного интеллекта, используемая в воспитательной и психологической работе». Для каждой категории формулируются отдельные ограничения и требования, включая перечень допустимых задач, предельные уровни доверия к рекомендациям и обязательные процедуры аудита. Такой подход позволяет избежать ситуации, когда единая дефиниция становится либо чрезмерно широкой, либо неприменимой к конкретным пенитенциарным практикам.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о соотношении информационного обеспечения и ИИ в деятельности ФСИН России. Информационное обеспечение правоприменения понимается как совокупность данных, процедур их сбора, обработки, хранения и предоставления пользователю, обеспечивающая возможность принятия обоснованных решений. ИИ, в этой логике, выступает не самостоятельным источником информации, а инструментом, который обеспечивает более сложную, многомерную обработку уже имеющихся данных и формирование новых производных показателей. Для УИС это означает, что внедрение ИИ должно опираться на предварительное упорядочение базовых массивов, от электронных личных дел осужденных до реестров режимных инцидентов, и не может компенсировать пробелы в первичной регистрации. Иными словами, алгоритм накладывается на систему информационного обеспечения, но не заменяет ее.

С точки зрения организационного оформления набор принципов способен лечь в основу ведомственного акта, условно обозначаемого как приказ «О порядке экспериментального внедрения систем искусственного интеллекта в учреждениях УИС». В такой акт могут быть включены положения, связанные с классификацией ИИ-систем по трем типам, предложенным выше, требования к данным и процедурам валидации, порядок включения человека в контур принятия решений и документирования отношения должностного лица к рекомендациям ИИ, тезисы по регламентации аудита алгоритмов и внешней экспертизы систем высокого риска, критерии прекращения эксперимента при достижении определенных порогов ошибок или выявлении дискриминационных эффектов. При разработке такого акта может быть использована риск-ориентированная структура EU AI Act с адаптацией к отечественным реалиям и уголовно-исполнительной специфике.

Список литературы:

[1] Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025, № 1. С. 241-243.

[2] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[3] Помогалова Ю.В. Зарубежный опыт использования технологии искусственного интеллекта в контексте пенитенциарной безопасности // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2024, № 3. С. 188-194.

[4] Андреева Е.А., Беляев А.К., Еремин Ю.М., Царькова Е.Г. Методы биометрической идентификации на основе применения нейросетевых технологий / // Информационные технологии в УИС. 2019. № 3. С. 2-10.

[5] Забайкалов А.П. О регламенте Европейского Союза об искусственном интеллекте // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 24 апреля 2024 г. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2024. С. 181-185.

[6] Царькова Е.Г., Бодров Е.Н. К вопросу формирования цифровой культуры в процессе профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3(178). С. 377-379.

References:

[1] Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia//Agrarian and land law. 2025, № 1. S. 241-243.

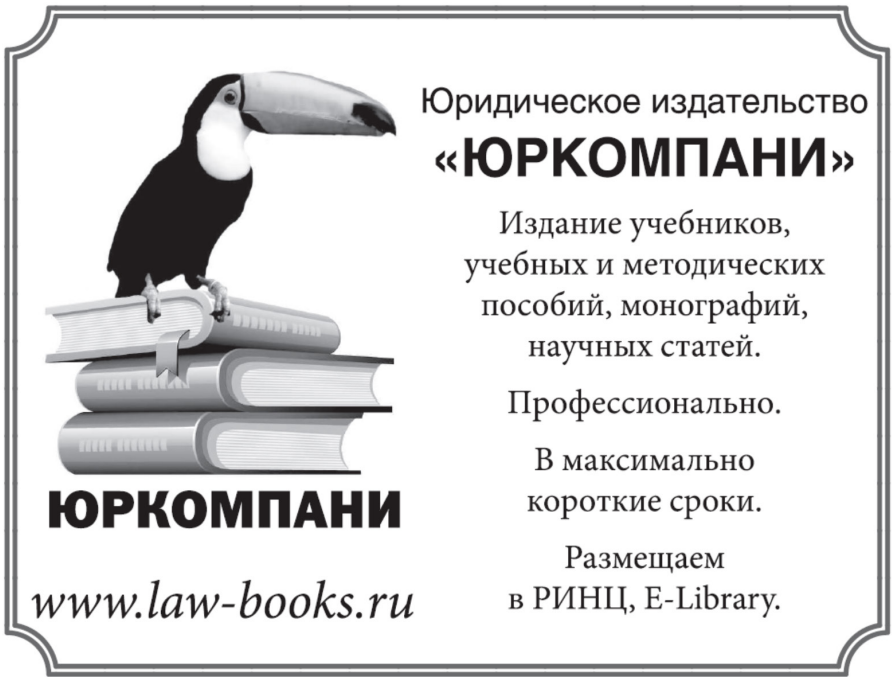
[2] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system//Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[3] Pomogalova Yu.V. Foreign experience in using artificial intelligence technology in the context of penitentiary security//Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 3. S. 188-194.

[4] Andreeva E.A., Belyaev A.K., Eremin Yu.M., Tsarkova E.G. Methods of biometric identification based on the use of neural network technologies/// Information technologies in UIS. 2019. № 3. S. 2-10.

[5] Zabaykalov A.P. On the regulations of the European Union on artificial intelligence//Spiritual and moral values as the basis of the technological sovereignty of Russia: Materials of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Lipetsk, April 24, 2024 - Voronezh: Nauka-Unipress, 2024. S. 181-185.

[6] Tsarkova E.G., Bodrov E.N. On the formation of digital culture in the process of training employees of the penitentiary system of the Russian Federation//Eurasian Legal Journal. 2023. № 3(178). S. 377-379.



Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-105-109

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,

Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук,

e-mail: mr.kazberov@mail.ru

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПЕРСОНАЛА К ДЕЙСТВИЯМ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *Проблема создания педагогической модели подготовки сотрудников пенитенциарных учреждений к выполнению служебных задач в экстремальных условиях деятельности не теряет своей актуальности. Данный вопрос рассматривается в значительном числе диссертационных исследований, учебников, монографий и т.д. Но актуальность при этом не снижается, а наоборот возрастает. Возможно причина этому динамично меняющийся криминальная субкультура, деградация ценностно-ролевых и духовно-нравственных ценностей у отдельных представителей общества, влияние дестабилизирующих общество СМИ и интернет ресурсов и т.д. Не стоит сбрасывать со счетов и то, что в пенитенциарном учреждении сотруднику противостоят не просто преступники, но и целые группы, незаконные объединения, особенно в периоды групповых неповиновений. Готовность в любой момент оказать противодействие незаконным действиям осужденных, профилактировать и эффективно действовать в период массовых беспорядков невозможно без профессиональной готовности и подготовленности, развитых компетенций в области функционирования в экстремальных условиях. Но создание эффективных моделей профессиональной подготовки невозможно без определения их организационной структуры и функционального процесса. Также к основным составляющим модели стоит отнести факторы внешней и внутренней приближенности условий выполнения служебных обязанностей сотрудниками к реальным условиям, которые им предстоят. Важным остается и методика подготовки руководителей к осуществлению руководства и контроля в процессе как самой подготовки, так и действиям в экстремальных ситуациях, организации взаимодействия отделов и служб в экстремальных ситуациях, определение полномочий и ответственности, координации, командообразованию, взаимодействию и сплоченности. Также, как показывает практика в педагогическую модель подготовки требуется включить специфические блоки направленные на развитие коммуникативных, организационных компетенций и профилактику в области противодействия развитию негативных последствий для участников экстремальных событий как со стороны персонала, так и среди осужденных, формирование умений предупреждать постстрессовые состояния.*

Ключевые слова: *структурно-функциональная модель, действия в экстремальных условиях деятельности, профессиональная подготовка, сотрудники, экстремальная устойчивость, сплоченность, исследование, метод*.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,

Leading researcher FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of psychological sciences

A STRUCTURAL AND FUNCTIONAL MODEL FOR TRAINING PENITENTIARY PERSONNEL TO OPERATE IN EXTREME CONDITIONS

Annotation. *The problem of creating a pedagogical model for training penitentiary staff to perform their duties in extreme conditions remains relevant. This issue has been addressed in a significant number of dissertations, textbooks, monographs, etc. However, its relevance is not diminishing, but rather increasing. This may be due to the dynamically changing criminal subculture, the degradation of value-role and spiritual-moral values among certain members of society, the influence of destabilizing media and internet resources, etc. It should also be taken into account that in a penitentiary institution, staff members are confronted not just by criminals but also by entire groups and illegal associations, especially during periods of group insubordination. Readiness to*

counter illegal actions by convicts at any time, prevent them, and effectively act during mass unrest is impossible without professional preparedness and training, as well as developed competencies in operating under extreme conditions. However, creating effective professional training models is impossible without defining their organizational structure and functional process. Key components of the model also include factors such as external and internal alignment of the conditions under which employees perform their official duties with the actual conditions they will face. Methods for preparing managers to exercise leadership and control during both the training process itself and during emergency response remain important, as does organizing interaction between departments and services in extreme situations, defining authority and responsibility, coordination, team building, interaction, and cohesion. Furthermore, as practice shows, the pedagogical training model must include a preventive approach to counteracting the development of negative consequences for both staff and convicts involved in extreme events, and developing skills to prevent post-stress conditions.

Key words: *structural and functional model, actions in extreme conditions, professional training, employees, extreme stability, cohesion, research, method.*

Введение. Актуальность подготовленности пенитенциарного персонала по вопросам обеспечения личной безопасности, эффективного взаимодействия (слаживания) и работе в группе, а также формированию профессиональной компетентности при выполнении профессиональных задач в экстремальных условиях деятельности требует постоянного совершенствования и внедрения передовых педагогических технологий в систему профессионального развития. Это обусловлено динамикой внешних изменений, нестабильной внешнеполитической обстановкой, изменениям личности осужденных, их ценностно-нормативной и духовно-нравственной сферах, подвергшихся влиянию националистических и экстремистских идей [2; 3; 4, с. 17; 12]. Вероятно, главная проблема диктующая необходимость постоянных новаций в данной области в том, что специфика (условия) выполнения служебных задач меняется, она динамична. Одно дело ежедневное, обыденное для сотрудников выполнение служебных задач. Другое дело, те задачи, которые сотрудники выполняют в условиях групповых неповиновений осужденных. И, наконец, третий вариант – это реалии выполнения служебных задач сотрудниками отдельных территориальных органов, где сегодня появилась угроза для жизни и здоровья, в связи с увеличением дальности обстрелов неонацистским режимом гражданских объектов [11].

Цель статьи – определение основных составляющих структурно-функциональной модели подготовки пенитенциарного персонала к действиям в экстремальных условиях.

Использованные методы: анализ проблемы в научной литературе, изучение практики организации подготовки сотрудников, анкетирование, интервьюирование.

Результаты исследования. Как показали результаты исследования практики организации обучения и подготовки сотрудников содержание программ подготовки определяется типовыми программами конкретных подразделений с привязкой к изучаемой ситуации, включая, как правило, два раздела, посвященных: 1. формированию профессиональных знаний, умений навыков и устойчивости сотрудников, умения предупреждать постстрессовые состояния, а также 2. формированию коммуникативных навыков для сплоченности и взаимодействия групп сотрудников. Обучение, согласно нормативным актам, предусматривает практическую отработку упражнений по совместимости и групповой сплоченности.

По мнению исследователей рассматриваемого вопроса, итоговый продукт экстремальной подготовки личного состава в форме комплекса личностных качеств и профессиональных компетенций можно представить двумя взаимосвязанными группами: 1. экстремальные компетенции и 2. экстремальная подготовленность [9, с. 53].

Рассмотрение вопроса качественных характеристик, состояния профессиональной подготовки, практической реализации ее основных направлений в научных исследованиях, позволяет сделать заключение, что это вопрос продолжает оставаться проблемным, о чем свидетельствует ряд эмпирических исследований [2, 3, 4, 6, 7, 8]. Исследователями вопроса указывается, что проблематика обеспечения сотрудников в области экстремальной деятельности, является наиболее сложной из всей совокупности проблем профессиональной подготовки [9, с. 33]. Связано это с тем, что данный вид подготовки затрагивает наиболее глубинные пласты личности – ее морально-личностные ценности и установки.

Работа по формированию необходимых профессиональных компетенций сотрудников, по раскрытию особенностей проявления их

профессионально-важных качеств в критических ситуациях (инцидентах) осуществляется, согласно типовых программ по подготовке личного состава, в виде теоретических и практических занятий. Особое внимание уделяется формированию экстремальной устойчивости сотрудников, а также умению предупреждать постстрессовые состояния.

По мнению исследователя проблемы экстремальной устойчивости сотрудников Белик Я.Я. «психическая саморегуляция, осуществляемая самим человеком с помощью самовнушения является эффективным средством регуляции различных состояний (в том числе и стрессовых), а также поведения человека» [1, с. 12]. Обучение саморегуляции возможно, как указывает автор, с помощью специального метода, именуемого «психорегулирующая тренировка». Анализ содержания планов и практического процесса проведения подготовки личного состава показали, что многие из разделов «психорегулирующей тренировки», в частности обучение психотехникам: аутогенная тренировка, самовнушение, упражнения самоутверждения, произвольная регуляция дыхания, медитация, биологическая обратная связь и др. используются при подготовке личного состава.

С целью определения качественных характеристик проводимой профессиональной подготовки сотрудников для выполнения ими служебных задач в экстремальных условиях были реализованы: анализ проблемного вопроса в научной литературе, проведение анкетного опроса, а также интервью с сотрудниками.

Путем анкетирования установлено, что ведомственные нормативные правовые акты не отражают содержательной структуры подготовки в целом. Содержание морально-личностных аспектов и установок профессиональной подготовки остается неопределенным. Так, данные опроса и интервью педагогов, участвовавших в подготовке сотрудников определяют, что: в нормативно-правовых актах не находит отражения должное содержание морально-личностной подготовки, необходимое для ее качественного, заблаговременного планирования и проведения. Следовательно, на практике при осуществлении планирования, перед специалистами и руководством встает не простой вопрос определения содержания и форм работы. Данное положение является серьезным упущением в системе организации профессиональной подготовки к экстремальным ситуациям сотрудников. Из общего числа специалистов указывается, что участие руководителей подразделений сводится к выполнению в основном организационной и оценочной функций. Руководители, во время подготовительного этапа чрезвычайной ситуации, как правило, вынуждены реализовывать различные организационные, кадровые и хозяйственные задачи. Указываемая в нормативных актах необходимость специального обучения руководителей методам: планирования работы с личным составом, его сплочения, формирования позитивного климата в подразделениях и т.д. не находит своего отражения в данных документах в виде обучающих программ (тем и их разделов).

Следующим проблемным аспектом проведения профессиональной подготовки к действиям в экстремальных ситуациях, выявленным исследователями этого вопроса и эмпирическими материалами нашего исследования [2, 3, 4], является то, что за отведенное время для подготовки далеко не всем сотрудникам удается в необходимой степени освоить методики психорегулирующих тренировок. Данные опроса и интервью сотрудников указывают, что: 60% считают, что полностью не осваивают необходимый объем и уровень владения методиками; 32% с ответом не определились; 8% осваивают необходимый объем и уровень. Незначительный позитивный результат как видно имеет место.

К числу достоинств данного направления подготовки личного состава, можно отнести акцентирование внимания сотрудников, прежде всего на профилактике возникновения негативных стрессовых воздействий, на их предупредительном устранении. Опросы сотрудников показали, что при подготовке личного состава осуществляется значительная работа по его информированию о возможных дистрессовых воздействиях, негативных постстрессовых состояниях и умению предупреждать их.

Таким образом, результаты праведного исследования указывают на необходимость разработки структурно-функциональной модели подготовки пенитенциарного персонала к действиям в экстремальных условиях.

Структурно-содержательная модель должна включать не только традиционные блоки: целевой, содержательный, технологический, ресурсный и оценочный, но и специфические – коммуникативный, профилактический и организационный блоки, определенные нами исходя из выявленных недостатков в практике подготовки.

Остановимся более подробно на блоках модели.

Целевой блок традиционно определяет цели, задачи результаты и критерии оцени эффективности и сформированных личностных феноменов.

Содержательный блок определяет собственно учебный материал программы подготовки, а также формируемые качества. Компетенции, навыки умения и т.д.

Технологический блок определяет методы, приемы, формы технологии и инструменты педагогического воздействия, этапы и иные составляющие модели.

Ресурсный блок включает как материально обеспечивающую базу занятий (тренажеры, оснащение полигона и т.д.), нормативно-методическое обеспечение процесса (нормативные акты, учебники и методички, компьютерные и иные стимуляторы, иные ресурсы) так и кадровый потенциал образовательной организации.

Коммуникативный блок направлен на формирование навыков выстраивания отношений между участниками образовательного процесса, компетентностей в области коммуникативных феноменов (взаимодействия в группе, групповой сплоченности, мотивации, разрешения конфликтов и т.д.).

Профилактический блок отдельно рассматривает методы и способы профилактики негативных состояний, саморегуляции, самокоррекции как самого сотрудника, так и коллег, а также выявления и помощи осужденным в данных негативных состояниях,

Организаторский блок включает управление деятельностью персонала в экстремальных условиях руководителями различного звена, это как техники и методы морально-личностной подготовки подчиненных, так и качественного, заблаговременного планирования координация ресурсов, профилактики негативных проявлений среди личного состава и осужденных и т.д.

Оценочно результативный блок как систему мониторинга формирования необходимых компетенций и навыков (оценочные инструменты, механизмы обратной связи, коррекции мотивационно-личностных установок и ценностей).

Представленная модель позволяет не просто передать знания, а сформировать устойчивые навыки и профессиональную компетентности в области действий в экстремальных ситуациях через взаимодействие структуры и функций.

Заключение. По результатам проведенного сбора эмпирического материала и исследования нами определен ряд проблемных вопросов реализации подготовки сотрудников к экстремальным условиям служебной деятельности. От своевременного и качественного разрешения этих вопросов зависит не только эффективность проводимой работы с сотрудниками, но и качество профессиональной подготовки и работы сотрудников в целом.

Список литературы:

[1] Белик Я.Я. Психическая саморегуляция в экстремальных условиях деятельности. Академия управления МВД России Москва: 1989. С. 23.

[2] Вилкова А.В., Кулакова С.В., Холопова Е.Ю. Стрессогенность: психотравмирующие педагогические факторы // Перспективы науки. 2021. № 12 (147). С. 95-97.

[3] Казберов П.Н. Психологическое обеспечение позитивных личностных изменений у сотрудников ОВД, выполнявших профессиональные задачи в экстремальных условиях: автореф. … дисс. канд. психол. наук – Москва, 2006. – 45 с.

[4] Калашникова М.М., Корсак А.А. Духовно-нравственные ориентиры сотрудников уголовно-исполнительной системы как основа их психологической устойчивости в экстремальных условиях службы // Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты, Рязань, 07 февраля 2025 года. – Тверь: ФКУ НИИ ФСИН России, 2025. – С. 261-265.

[5] Коноплева И.Н. Эффективность тренингов для подготовки сотрудников правоохранительных органов к деятельности в экстремальных условиях // Психология и право. 2011. Том 1. № 1. С. 33.

[6] Кулакова С.В. Психологическая устойчивость и готовность сотрудника уголовно-исполнительной системы к действиям в сложных профессиональных ситуациях // К 80-летию со дня рождения доктора педагогических наук, профессора Литвишкова В.М.: сборник материалов круглого стола, Рязань, 17 февраля 2023 г. Рязань: ФКУ НИИИТ, 2023. С. 194-202.

[6] Прикладная юридическая психология: Учеб. пособие для вузов / Под ред. А.М. Столяренко. Москва, 2001. – 228 с.

[7] Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей редакцией А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. - Москва: Издательство Юрайт, 2020.

[8] Пузыревский Р.В. Ткаченко Н.И., Орешкова Д.О. Позитивные и негативные изменения в психической деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в экстремальных условиях // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2022. № 34. С. 372-377.

[9] Смирнов В.Н. Особенности профессиональной экстремально-

психологической подготовки сотрудников специальных подразделений ОВД: монография / ВИПК МВД России. – Домодедово. 2003. – 288 с.

[10] Черненилов В.И. Морально-психологическая подготовка личного состава: сущность и проблемы становления в ОВД. Академия управления МВД России Москва: 2012. 128 с.

[11] 80 объектов Федеральной службы исполнения наказаний России подверглись атакам со стороны украинских формирований с начала специальной военной операции. Из выступления директора ФСИН России А.А. Гостева. Российская газета https://rg.ru/2025/03/12/direktor-fsin-neskolko-tysiach

References:

[1] Belik Y. Ya. Mental self-regulation in extreme conditions of activity. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Moscow: 1989. S. 23.

[2] Vilkova A.V., Kulakova S.V., Kholopova E.Yu. Stressogenicity: psycho-traumatic pedagogical factors//Perspectives of science. 2021. № 12 (147). S. 95-97.

[3] Kazberov P.N. Psychological support of positive personal changes in ATS employees who performed professional tasks in extreme conditions: ref.... diss. cand. psychol. sciences - Moscow, 2006. - 45 s.

[4] Kalashnikova M.M., Korsak A.A. Spiritual and moral guidelines of employees of the penitentiary system as the basis of their psychological stability in extreme conditions of service//Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects, Ryazan, February 07, 2025. - Tver: PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. - S. 261-265.

[5] Konopleva I.N. Effectiveness of trainings to prepare law enforcement officers for activities in extreme conditions//Psychology and law. 2011. Volume 1. № 1. S. 33.

[6] Kulakova S.V. Psychological stability and readiness of an employee of the penitentiary system to act in difficult professional situations//To the 80th anniversary of the birth of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Litvishkov V.M.: collection of materials from the round table, Ryazan, February 17, 2023 Ryazan: PKU NIIIT, 2023. S. 194-202.

[6] Applied legal psychology: Textbook for universities/Ed. A.M. Stolyarenko. Moscow, 2001. - 228 s.

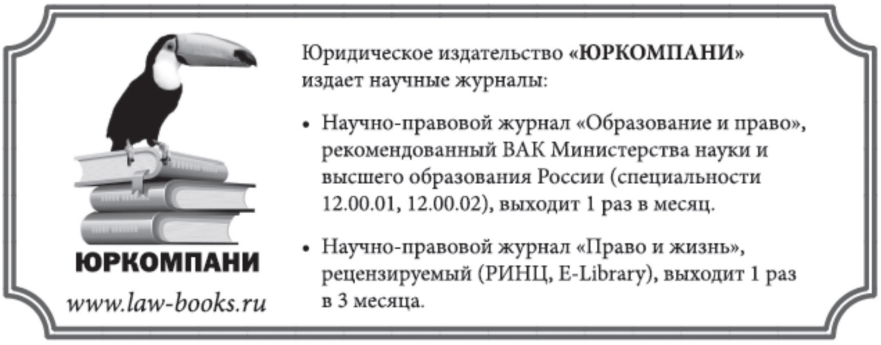
[7] Psychology of performance: textbook and workshop for universities/A.V. Kokurin [et al.]; edited by A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakova. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020.

[8] Puzyrevsky R.V. Tkachenko N.I., Oreshkova D.O. Positive and negative changes in the mental activity of employees of the penitentiary system of the Russian Federation in extreme conditions//Modern problems of linguistics and methods of teaching the Russian language at universities and schools. 2022. № 34. PP. 372-377.

[9] Smirnov V.N. Features of professional extreme psychological training of employees of special police departments: monograph/VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Domodedovo. 2003. - 288 p.

[10] Chernenilov V.I. Moral and psychological training of personnel: the essence and problems of formation in the police department. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Moscow: 2012. 128 s.

[11] 80 facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia have been attacked by Ukrainian formations since the beginning of a special military operation. From the speech of the director of the Federal Penitentiary Service of Russia A.A. Gostev . Rossiyskaya Gazeta https://rg.ru/2025/03/12/direktor-fsin-neskolko-tysiach



Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-110-115

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,

e-mail: okovalev66@gmail.com

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ЭТИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ К СОТРУДНИКАМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Целью исследования стали правовые и психологические аспекты характеристики отдельных этических требований к сотрудникам уголовно-исполнительной системы, сформулированных в Приказе ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников УИС», других законодательных и ведомственных правовых актах. Для ее осуществления реализованы принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Кроме законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России анализировались научные и учебно-методические публикации по профессиональной этике сотрудников УИС, других правоохранительных органов. Этические требования к сотрудникам УИС, опосредованно и непосредственно сформулированы в законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН. В рассматриваемом контексте правового регулирования этических требований профессиональной деятельности сотрудников УИС первостепенное внимание следует обратить на Приказ ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874, непосредственно регулирующий основные и отдельные этические требования в русле реализации этического кодекса сотрудников. Данный нормативный правовой акт впервые в теории национального уголовно-исполнительного права систематизировал, классифицировал и закрепил три основных вида этических требований сотрудников УИС. Его сравнительно-правовой анализ показал, что в настоящее время юридическое закрепление получили два вида требований к сотрудникам УИС: основные и отдельные. Первые носят так называемый общих характер, свойственны сотрудникам всех служб и подразделений, осуществляющих разнообразную профессиональную деятельность в сфере исполнения уголовных наказаний. Вторые более специфичны по своему содержанию и подразделяются, в свою очередь, на два подвида: этические требования по поддержанию внешнего вида и ношению форменной одежды, а также этические требования по обращению со служебной и личной информацией. Отдельные этические требования, в дополнение к основным, конкретизируют детали и особенности реализации функционала сотрудников служб и подразделений УИС, с опорой на этические нормы и правила, присущие профессиональной этике сотрудников правоохранительных органов.*

Ключевые слова: *сотрудники УИС, профессиональная этика, отдельные этические требования, этический кодекс, служебная деятельность, уголовно-исполнительная система, ФСИН России.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,

Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

CHARACTERISTICS OF CERTAIN ETHICAL REQUIREMENTS FOR EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

Annotation. *The purpose of the study was the legal and psychological aspects of the characteristics of certain ethical requirements for employees of the penitentiary system, formulated in the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated October 24, 2025, No. 874 "On Approval of the Code of Ethics and Official Conduct of prison Staff", other legislative and departmental legal acts. To implement it, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation are implemented. In addition to legislative and departmental legal acts*

of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific and educational publications on the professional ethics of employees of the Penitentiary Service and other law enforcement agencies were analyzed. The ethical requirements for employees of the penitentiary system are indirectly and directly formulated in the legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service. In the context of the legal regulation of the ethical requirements of the professional activities of employees of the Penitentiary system, primary attention should be paid to the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 24.10.2025. No. 874, which directly regulates the basic and individual ethical requirements in line with the implementation of the employee code of ethics. For the first time in the theory of national penal enforcement law, this normative legal act systematized, classified and consolidated three main types of ethical requirements of prison staff. His comparative legal analysis showed that currently two types of requirements for employees of the criminal justice system have been legally fixed: basic and separate. The former are so-called general in nature, characteristic of employees of all services and departments engaged in a variety of professional activities in the field of the execution of criminal penalties. The latter are more specific in their content and are divided, in turn, into two subspecies: ethical requirements for maintaining appearance and wearing uniforms, as well as ethical requirements for handling official and personal information. Individual ethical requirements, in addition to the basic ones, specify the details and features of the implementation of the functionality of employees of the services and departments of the criminal justice System, based on the ethical norms and rules inherent in the professional ethics of law enforcement officers.

Key words: *employees of the penitentiary system, professional ethics, individual ethical requirements, code of ethics, official activity, penal enforcement system, Federal Penitentiary Service of Russia.*

Введение. Этические требования к сотрудникам уголовно-исполнительной системы (далее УИС), опосредованно и непосредственно сформулированы в законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН. Здесь следует выделить положения Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», определившим содержание службы в УИС [1].

Опосредованно этические требования отражены в:

Федеральном законе от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», определившем общие концептуальные направления организации отечественной государственной службы, включая ее этические особенности [2];

Федеральном законе от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», конкретизировавшем осуществлению гражданской службы и ее основные характеристики.

Конечно, в рассматриваемом контексте правового регулирования этических требований профессиональной деятельности сотрудников УИС, первостепенное внимание следует обратить на Приказ ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874, непосредственно регулирующий основные и отдельные этические требования в русле реализации этического кодекса сотрудников. Данный нормативный правовой акт впервые в теории национального уголовно-исполнительного права систематизировал, классифицировал и закрепил три основных вида этических требований сотрудников УИС.

Несомненно, что подобная правовая регламентация имеет важное теоретико-прикладное значение, поскольку опирается на научно-методические подходы, распространенные в профессиональной этике [3]. Изучаемые и анализируемые представителями юридической науки и юридической психологии [4]. При этом положения указанного Приказа ФСИН России распространяются на представителей различных служб и подразделений УИС, реализующих разнообразные, порой весьма специфические функции. Например, оперативно-розыскную деятельность, в порядке Федерального закона 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» [5]. Или диаметрально противоположную деятельность архивных подразделений УИС, определяемую ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России [6].

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и психологических аспектов характеристики отдельных этических требований к сотрудникам уголовно-исполнительной системы, сформулированных в Приказе ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников УИС», других законодательных

и ведомственных правовых актах были реализованы принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Кроме законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России анализировались научные и учебно-методические публикации по профессиональной этике сотрудников УИС, других правоохранительных органов.

Основные результаты. Осуществлённый контент-анализ Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ и Приказа ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874 показал, что в настоящее время юридическое закрепление получили два вида требований к сотрудникам УИС: основные и отдельные. Первые носят так называемый общих характер, свойственны сотрудникам всех служб и подразделений, осуществляющих разнообразную профессиональную деятельность в сфере исполнения уголовных наказаний. Вторые более специфичны по своему содержанию и подразделяются, в свою очередь, на два подвида:

Этические требования по поддержанию внешнего вида и ношению форменной одежды.

Этические требования по обращению со служебной и личной информацией.

Этические требования по поддержанию внешнего вида и ношению форменной одежды направлены на формирование позитивного восприятия сотрудника УИС, формированию имиджа представителя учреждения и органа, исполняющего уголовные наказания. Данные требования имеют важное психолого-педагогическое значение в профессиональной деятельности сотрудников. Активно применяются при осуществлении кадровой и воспитательной работы в соответствии с Приказом ФСИН России от 17.07.2024 г. № 535 «Об утверждении Порядка организации кадровой работы, в том числе воспитательной работы, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [7]. Оказания на сотрудников служб и подразделений системного и эффективного воспитательного воздействия [8, с. 247-252]. Реализацию этого воздействия на различных этапах службы в УИС, в том числе – в процессе обучения в образовательных организациях ФСИН России [9, с. 197-201]. Формирования у сотрудников не только морально-этических качеств, но и мировоззрения, базирующегося на духовно-нравственных характеристиках сотрудников УИС [10, с. 89-93].

К этическим требованиям по поддержанию внешнего вида и ношению форменной одежды сотрудниками УИС законодатель отнес 5 требований:

достойный внешний вид сотрудника, подчеркивающий его отношение к государственной службе, формирующий уважительное отношение к нему граждан и коллег, оказывающий влияние на оценку его личностных и деловых качеств, а также самооценку [11];

ношение чистой, хорошо подогнанной и отглаженной форменной одежды, подтянутость, соблюдение правил личной гигиены;

ношение одежды и обуви строгого стиля неяркого цвета, соответствующих статусу государственного служащего при исполнении служебных обязанностей в гражданской одежде [12];

ношение короткой и аккуратной стрижки, аккуратных усов и бороды сотрудниками – мужчинами;

скромности и минимализма в использовании косметики, ношении украшений и аккуратной прически цвета естественных оттенков сотрудниками женского пола;

запрета наносить татуировки, при их наличии – запрета демонстрации на открытых частях тела [13, с. 545-548].

К другой разновидности отдельных этических требований, связанных с обращением со служебной и личной информацией, законодатель отнес 3 требования:

проявление соразмерности, разумности, корректности и сдержанности в обеспечении безопасности и конфиденциальной информации при исполнении служебных обязанностей [14, с. 299-306];

запрет на предоставление сотрудником служебной информации иным лицам и организациям, не входящее в его должностные обязанности, как показатель уровня развития правосознания сотрудника УИС [15, с. 299-303];

воздержание от публичного размещения, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на личных страницах, в социальных сетях, сайтах и агрегаторах негативных высказываний, суждений и оценок государственных органов, должностных лиц, общественных объединений и религиозных организаций. Фотографий и видеозаписей, позволяющих определить персональные данные сотрудников, их принадлежности к УИС, сведений о служебной деятельности [16, с. 179-182]. Материалов, дискредитирующих образ сотрудника, наносящий ущерб его имиджу и авторитету, деловой репутации учреждений и органов УИС.

Таким образом, сформулированные в Приказе ФСИН России 2025 г. № 874 отдельные этические требования, в дополнение к основным, конкретизируют детали и особенности реализации функционала сотрудников служб и подразделений УИС, с опорой на этические нормы и правила, присущие профессиональной

этике сотрудников правоохранительных органов.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

Всероссийской научно-практической конференции «Вклад правоохранительных органов в развитие Сибири», состоявшейся 28.09.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Особенности предупреждения коррупции как фактора обеспечения безопасности учреждений и органов УИС Сибирского федерального округа»;

XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся 18-19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

Всероссийском круглом столе «Воспитательная работа с работниками УИС», проведенном в ФКУ НИИ ФСИН России совместно с управлением кадров ФСИН России 25.10.2023. Доклад на тему: «Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС»;

Межвузовской научно-практической конференции «Перспективы развития профессиональной компетенции преподавателя высшей школы», состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28.11.2023. Доклад на тему: «К вопросу развития профессиональной компетенции преподавателя при проведении практико-ориентированного обучения курсантов»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Международной научно-практической конференции «История и перспективы исследований проблем работы с личным составом» (к 50-летию кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России), состоявшейся в Академии управления МВД России 29 ноября 2023. Доклад на тему «Психологическая подготовка сотрудников оперативных подразделений ФСИН России в свете реализации современной оперативно розыскной политики».

Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов противодействии коррупции», состоявшейся в университете ФСИН России 8 декабря 2023 года с докладом на тему: «Прокурорский надзор в системе мер противодействия коррупции в УИС».

Заключение. Этические требования к сотрудникам УИС, опосредованно и непосредственно сформулированы в законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН. В рассматриваемом контексте правового регулирования этических требований профессиональной деятельности сотрудников УИС первостепенное внимание следует обратить на Приказ ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874, непосредственно регулирующий основные и отдельные этические требования в русле реализации этического кодекса сотрудников. Данный нормативный правовой акт впервые в теории национального уголовно-исполнительного права систематизировал, классифицировал и закрепил три основных вида этических требований сотрудников УИС.

Его сравнительно-правовой анализ показал, что в настоящее время юридическое закрепление получили два вида требований к сотрудникам УИС: основные и отдельные. Первые носят так называемый общих характер, свойственны сотрудникам всех служб и подразделений, осуществляющих разнообразную профессиональную деятельность в сфере исполнения уголовных наказаний. Вторые более специфичны по своему содержанию и подразделяются, в свою очередь, на два подвида: этические требования по поддержанию внешнего вида и ношению форменной одежды, а также этические требования по обращению со служебной и личной информацией.

Отдельные этические требования, в дополнение к основным, конкретизируют детали и особенности реализации функционала сотрудников служб и подразделений УИС, с опорой на этические нормы и правила, присущие профессиональной этике сотрудников правоохранительных органов.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об

учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Garant.ru (дата обращения 21.04.2026).

[2] Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Garant.ru (дата обращения 21.04.2026).

[3] Психология. Педагогика. Этика: учебник для вузов / Под ред. проф. Ю.В. Наумкина. – Москва, 2002.

[4] Климов И.А., Ковалев О.Г. Психология оперативно-розыскной деятельности // Психология. Педагогика. Этика: учебник для вузов / Под ред. проф. Ю.В. Наумкина. – Москва, 2002.

[5] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека / Федоров А.В., Вагин О.А., Гаврилов Б.Я., Горяинов К.К., Кикоть В.Я., Ковалев О.Г., Овчинский В.С., Черников В.В. Москва, 2006. 426 с.

[6] Ковалев О.Г. Вилкова А.В., Сухарева Е.В., Семенова Н.В. Организация профессиональной деятельности сотрудников архивов учреждений или органов ФСИН России. Учебное пособие. Москва, 2021. 122 с.

[7] Приказ ФСИН России от 17.07.2024 г. № 535 «Об утверждении Порядка организации кадровой работы, в том числе воспитательной работы, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // Garant.ru (дата обращения 21.04.2026).

[8] Ковалев О.Г. Основные направления взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества в сфере патриотического воспитания работников УИС // Право и управление. 2024. № 11. С. 247-252.

[9] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Современные подходы к организации патриотического воспитания курсантов образовательных организаций ФСИН России и студентов вузов Министерства образования и науки Российской Федерации // Журнал прикладных исследований. 2024. № 11. С. 197-201.

[10] Ковалев О.Г. К вопросу духовно-нравственного воспитания сотрудников оперативных подразделений ФСИН России // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник материалов круглого стола посвященного памяти ученых-пенитенциаристов доктора педагогических наук, профессора Литвишкова В.М. и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д.В. Тверь, 2024. С. 89-93.

[11] Приказ ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников УИС» // Garant.ru (дата обращения 22.04.2026).

[12] Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Garant.ru (дата обращения 21.04.2026).

[13] Ковалев О.Г. Актуальные проблемы защиты прав сотрудников уголовно-исполнительной системы в свете реализации закона о прохождении службы в УИС // Образование и право. 2024. № 3. С. 545-548.

[14] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. К вопросу обеспечения личной безопасности персонала учреждений и органов УИС // Столыпинский вестник. 2022. Т. 4. № 1. С. 299-306.

[15] Ковалев О.Г. Особенности правосознания сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы: правовой и психологический анализ // Право и управление. 2024. № 11. С. 299-303.

[16] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Профилактика незаконного использования средств мобильной связи как одно из направлений обеспечения информационной и кибербезопасности учреждений УИС // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2022.№ 1. С. 179-182.

References:

[1] Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 “On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation “On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment” // Garant.ru (accessed 04/21/2026).

[2] Federal Law of 05/27/2003 Federal Law No. 58-FZ “On the Civil Service System of the Russian Federation” // Garant.ru (accessed 04/21/2026).

[3] Psychology. Pedagogy. Ethics: a textbook for universities / Edited by professor Yu.V. Naumkin. – Moscow, 2002.

[4] Klimov I.A., Kovalev O.G. Psychology of operational investigative activity // Psychology. Pedagogy. Ethics: a textbook for universities / Edited by professor Yu.V. Naumkin. – Moscow, 2002.

[5] Commentary to the Federal Law “On Operational Investigative Activities”. With the application of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights / Fedorov A.V., Vagin O.A., Gavrilov B.Ya., Goryainov K.K., Kikot V.Ya., Kovalev O.G., Ovchinsky V.S., Chernikov V.V. Moscow, 2006. 426 p.

[6] Kovalev O.G. Vilkova A.V., Sukhareva

E.V., Semenova N.V. Organization of professional activities of employees of archives of institutions or bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia. The training manual. Moscow, 2021. 122 p.

[7] Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 07/17/2024 No. 535 "On Approval of the Procedure for organizing personnel work, including educational work, in institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation" // Garant.ru (accessed 04/21/2026).

[8] Kovalev O.G. The main directions of interaction of institutions and bodies of the penal enforcement system with institutions of civil society in the field of patriotic education of prison staff // Law and management. 2024. No. 11. pp. 247-252.

[9] Kovalev O.G., Semenova N.V. Modern approaches to the organization of patriotic education of cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia and university students of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation // Journal of Applied Research. 2024. No. 11. pp. 197-201.

[10] Kovalev O.G. On the issue of spiritual and moral education of employees of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia // In the collection: Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of materials of the round table dedicated to the memory of penitentiary scientists, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V.M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D.V. Sochivko Tver, 2024. pp. 89-93.

[11] Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 24.10.2025 No. 874 "On approval of the Code of Ethics and Official Conduct of employees of the Penitentiary Service" // Garant.ru (date of application 04/22/2026).

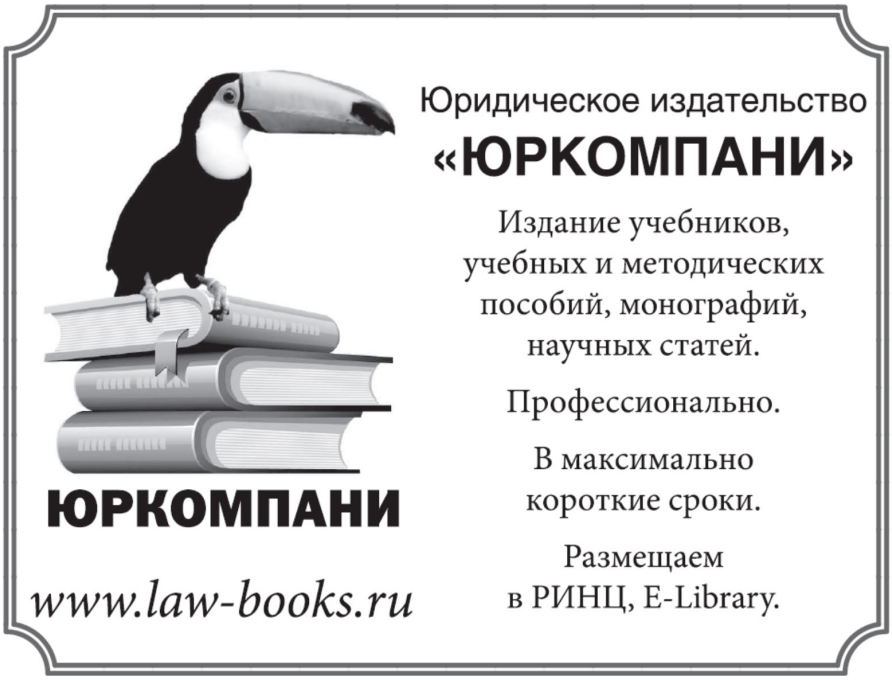
[12] Federal Law No. 79-FZ dated 07/27/2004 "On the State Civil Service of the Russian Federation" // Garant.ru (accessed 04/21/2026).

[13] Kovalev O.G. Actual problems of protecting the rights of employees of the penitentiary system in the light of the implementation of the law on military service in the penitentiary // Education and Law. 2024. No. 3. pp. 545-548.

[14] Kovalev O.G., Semenova N.V. On the issue of ensuring the personal safety of personnel of institutions and bodies of the penitentiary system // Stolypinsky Bulletin. 2022. Vol. 4. No. 1. pp. 299-306.

[15] Kovalev O.G. Features of legal awareness of employees of operational units of the penal enforcement system: legal and psychological analysis // Law and management. 2024. No. 11. pp. 299-303.

[16] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Prevention of illegal use of mobile communication facilities as one of the areas of ensuring information and cybersecurity of penitentiary institutions // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022.No. 1. pp. 179-182.



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-116-119

ПИЛЮШИН Игорь Павлович,

доцент, кандидат юридических наук, Омская академия МВД России, доцент кафедры уголовного процесса,

e-mail: igor-pilyushin1962@yandex.ru

КОМБИНИРОВАННАЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ

Аннотация. *Расследование преступления, как правило, сопровождается применением мер пресечения, которые обладают разной принудительной силой. Здесь возникает проблема о повышении их эффективности. В этой связи запреты, предусмотренные одной мерой пресечения, стали использоваться при применении другой меры пресечения. Таким образом, можно говорить о том, что в уголовном процессе появилось такое явление, как комбинирование мер пресечения или комбинированная мера пресечения.*

Ключевые слова: *Мера пресечения, запреты, эффективность, принудительная сила, комбинирование.*

PILYUSHIN Igor Pavlovich,

Associate Professor, Candidate of Law, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure

COMBINED PREVENTIVE MEASURE

Annotation. *The investigation of a crime, as a rule, is accompanied by the use of preventive measures, which have different coercive force. This raises the problem of increasing their efficiency. In this regard, the prohibitions provided for by one preventive measure began to be used when applying another preventive measure. Thus, we can say that in the criminal process there was such a phenomenon as a combination of preventive measures or a combined preventive measure.*

Key words: *Preventive measure, prohibitions, effectiveness, coercive force, combination.*

Введение в УПК РФ еще одной меры пресечения, такой как запрет определенных действий, порождает вопрос по поводу ее востребованности и эффективности. Данная мера пресечения содержит шесть запретов, которые могут быть возложены на подозреваемого или обвиняемого. Нельзя не отметить очевидную декларативность данных запретов и отсутствие приемлемого правого регулирования порядка их применения и контроля их соблюдения [1, с. 48]. На наш взгляд, данный порок заложен в самом формулировании запрета. Законодатель предложил форму запрета, но не наполнил ее соответствующим содержанием. Например, запрет обвиняемому находиться ближе установленного расстояния до определенных объектов. Закон требует, чтобы следователь указывал в постановлении конкретные условия исполнения этой меры пресечения с учетом возлагаемых запретов, а именно, данные о расстоянии, ближе которого запрещено приближаться к определенным объектам (ч. 7 ст. 105.1 УПК РФ). Наверное, эти условия касаются определения расстояния до конкретного объекта, ближе которого обвиняемый не должен к нему приближаться. Здесь неизбежно возникает ряд вопросов. Какие именно условия должен указать следователь? Какое расстояние следователь должен установить, от чего это зависит? Как рассчитать это расстояние, от какой точки или какого места объекта? Как определить точку, рубеж или место окончания расстояния? Какое нарушение установленного расстояния влечет нарушение обвиняемым данной меры пресечения? Как зафиксировать нарушение? Процессуальный закон не дает ответы на эти важные вопросы. На это обращалось внимание в юридической печати [2, с. 12].

Имеет место быть проблема о возможности эффективного контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов, возложенных на него судом. Эту деятельность осуществляют сотрудники уголовно-исполнительной инспекции (далее – Инспекция) в соответствии с межведомственным нормативным правовым актом. Это Приказ Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской

Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог». Например, в данном приказе указано, что при возложении судом запрета на общение с определенными лицами сотрудники Инспекции осуществляет сбор информации, в том числе с помощью технических средств контроля, о фактах общения с подозреваемым или обвиняемым. Здесь возникают вопросы о том, каким образом будет собрана данная информация, как зафиксировать факт общения, в чем выразилось такое общение и т.д. Имеющееся правовое регулирование порядка контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым меры пресечения в виде запрета определенных действий явно недостаточно. Аналогично можно рассуждать и по поводу других запретов, которые вправе возложить суд. Принимая во внимание вышеизложенное, приходится констатировать, что в данной мере пресечения законодатель предложил такие запреты, которые трудно соблюдать и еще труднее их контролировать. В печати обращалось внимание на отсутствие таких технологий, которые позволяют осуществить эффективный контроль за соблюдением запретов, наложенных на подозреваемого или обвиняемого [3, с. 76].

Нельзя не отметить, что избрание и применение данной меры пресечения требует от следователя (дознавателя) совершение дополнительных действий. Так, следователь (дознаватель) при направлении в суд материалов уголовного дела для рассмотрения вопроса об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде запрета определенных действий информирует Инспекцию о предстоящем судебном заседании по рассмотрению данного вопроса. Кроме того, помимо документов для предстоящего судебного заседания, следователь (дознаватель) готовит документы для Инспекции, например, справку по уголовному делу, копию документа, удостоверяющего личность обвиняемого (подозреваемого), справку о наличии или изъятии паспорта для поездок зарубеж.

При избрании залога в качестве меры пресечения или домашнего ареста суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого запреты, предусмотренные мерой пресечения в виде запрета определенных действий. Например, при домашнем аресте может быть запрещено общение с определенными лицами, отправление и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Таким образом, запрет определенных действий может быть инкорпорирован в залог и (или) домашний арест. В этой связи высказывается позиция, согласно которой часть 7 статьи 107 УПК РФ предусматривает возможность применения одновременно двух мер пресечения к одному лицу [4, с. 85]. Вряд ли можно согласиться с данной точкой зрения. В УПК РФ однозначно указано, что обвиняемому, подозреваемому может быть избрана одна из мер пресечения, предусмотренных законом. Здесь нужно говорить о комбинировании таких мер пресечения, как запрет определенных действий и залог или запрет определенных действий и домашний арест. Об этом упоминалось в печати [5, с. 101, 102]. Избирается одна мера пресечения, например, залог или домашний арест, но с элементами запрета определенных действий. Под элементами мы понимаем запреты, предусмотренные данной мерой пресечения. Правоприменитель вправе скомбинировать в любом сочетании элементы одной меры пресечения с элементами другой мерой пресечения. У следователя, дознавателя в данном случае появляется возможность подстраивать меру пресечения, комбинировать меры пресечения исходя из фактического поведения подозреваемого или обвиняемого [6, с. 187].

В этой связи, можно вести речь, образно говоря, о комбинированной мере пресечения. Особенностью комбинированной меры пресечения является то, что в ней заложена двойная принудительная сила. Например, с одной стороны обвиняемого от ненадлежащего поведения залог удерживает угрозой денежных или материальных потерь для него. С другой стороны на обвиняемого действуют возложенные на него запреты, предусмотренные мерой пресечения в виде запрета определенных действий.

Некоторое комбинирование прослеживается между мерами пресечения в виде личного поручительства и подписки о невыезде и надлежащем поведении. Так, сущность личного поручительства заключается в том, что постороннее лицо, которое заслуживает доверие, ручается в том, что обвиняемый (подозреваемый) будет соблюдать обязательства и запреты, установленные другой мерой пресечения, такой как подписка о невыезде и надлежащем поведении. Например, обвиняемый (подозреваемый) обязуется в назначенный срок

являться по вызовам дознавателя, следователя и будет соблюдать запрет препятствовать производству по уголовному делу.

Возникает вопрос о том, в чем смысл комбинирования. Если обратиться к домашнему аресту, то его сущностью является запрет обвиняемому (подозреваемому) покидать жилое помещение. Однако дополнительно ему могут быть назначены запреты, предусмотренные мерой пресечения в виде запрета определенных действий, такие как:

запрет общаться с определенными лицами;

запрет отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

запрет использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Здесь нельзя не заметить некоторые несоответствия, например, каким образом может действовать запрет общаться с определенными лицами, если обвиняемому запрещено покидать жилище. На наш взгляд, запрет выходить из жилого помещения сам по себе исключает возможность общения с определенным лицом, если это лицо само не войдет в жилище, где проживает обвиняемый. Получается, что данный дополнительный запрет дублирует, повторяет основной запрет, предусмотренный домашним арестом.

При избрании залога на обвиняемого (подозреваемого) могут быть дополнительно возложены все запреты, предусмотренные мерой пресечения в виде запрета определенных действий. По всей видимости, законодатель, понимая, что домашний арест, залог малоэффективны, их влияние на правосознание обвиняемого (подозреваемого) низкое, решил усилить эффективность воздействия данных мер пресечения, позволив возлагать по судебному решению запреты, предусмотренные другой мерой пресечения (запрет определенных действий). В этой связи возникает вопрос о том, необходимы ли меры пресечения, которые неэффективны и мало применяются. По этому поводу высказывалась радикальная точка зрения о том, что зачем придумывать новую сходную меру пресечения вместо того, чтобы совершенствовать уже действующие, применение запрета определенных действий будет бесполезным [7, с. 29].

Таким образом, можно говорить о том, что в уголовном процессе появились меры пресечения, которые могут быть, образно говоря, в чистом виде, когда не применяются дополнительные запреты из другой меры пресечения и комбинированными. Это домашний арест и залог. По всей видимости, такое комбинирование имело целью усилить превентивность данных мер пресечения, повысить их эффективность, востребованность. С другой стороны комбинирование усложняет порядок избрания и применения данных мер пресечения. Так, следователь (дознаватель) вынужден располагать основаниями не только для избрания меры пресечения, но и для применения конкретного запрета, предусмотренного запретом определенных действий. Например, в судебном заседании при рассмотрении ходатайства об избрании залога прокурор, следователь (дознаватель) должны обосновать не только необходимость избрания данной меры пресечения, но и необходимость возложения на обвиняемого дополнительного запрета, например, общаться с определенными лицами. Для этого следователь (дознаватель) должен, во-первых, собрать доказательства, подтверждающие то, что обвиняемый, например, может препятствовать производству по уголовному делу, во-вторых, собрать доказательства, подтверждающие то, что обвиняемый собирается встретиться с потерпевшим с целью склонить его к изменению своих показаний. Это, безусловно, увеличит затраты времени на подготовку следователя (дознавателя) и прокурора к судебному заседанию по рассмотрению ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога.

Таким образом, сейчас можно говорить о появлении в уголовном процессе, так называемых, комбинированных мер пресечения. Это домашний арест и залог, в которых в качестве дополнительного элемента превенции могут выступать запреты, предусмотренные такой мерой пресечения как запрет определенных действий. В этой связи, домашний арест и залог могут быть применены двояким способом, в «чистом» виде и комбинированном. Допустимость комбинирования домашнего ареста или залога с запретом определенных действий с одной стороны является неким способом усиления степени воздействия данных мер пресечения, с другой стороны является косвенным подтверждением того, что указанные меры пресечения не столь эффективны.

Список литературы:

[1] Воронина Н. Д. К вопросу о целесообразности введения запрета определенных действий как новой меры пресечения. // Известия Института систем управления СГЭУ. 2019. № 1 (19) С. 48.

[2] Андроник А. А. Некоторые проблемы применения домашнего ареста и запрета определенных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2

(34). С. 12.

[3] Дрозд Н. А., Орлов А. В. Запрет определенных действий как новая мера пресечения // Сборник: Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе. Материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с международным участием. Самарский юридический институт ФСИН России. 2019. С. 76.

[4] Рогова И. Г. Проблемы избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Сборник: Государство и право в современном мире. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2025. С. 85.

[5] Савицкая И. Г. О комбинированном подходе к применению меры пресечения в виде запрета определенных действий в отношении несовершеннолетнего // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2020. № 1 (7). С. 101, 102.

[6] Федотов И. С., Дутов Н. Ю. Актуальные проблемы применения запрета определенных действий // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 4. С. 187.

[7] Евдокимова И. С., Поддубняк А. А. К вопросу о целесообразности введения запрета определенных действий как новой меры пресечения. // Сборник: Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты. Материалы Крымского студенческого юридического форума. Ответственные редакторы М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко. 2018. С. 29.

References:

[1] Voronina N.D. To the question of the advisability of introducing a ban on certain actions as a new preventive measure .//News of the Institute of Management Systems of the SGEU. 2019. NO. 1 (19) P. 48.

[2] Andronic A. A. Some problems of the use of house arrest and the prohibition of certain actions// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (34). S. 12.

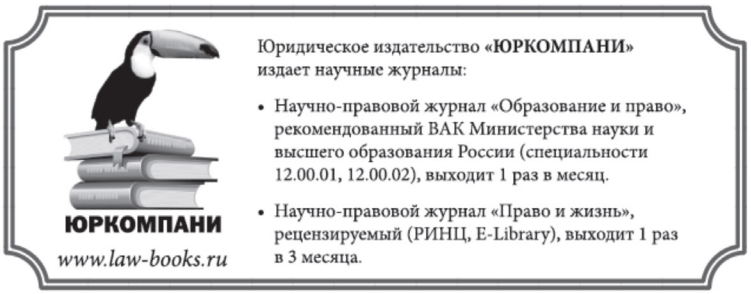
[3] Drozd N.A., Orlov A.V. Prohibition of certain actions as a new preventive measure//Collection: Problems and prospects for the development of the penitentiary system of Russia at the present stage. Materials of the All-Russian Scientific Conference of Adjuncts, Graduate Students, Cadets and Students with International Participation. Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2019. S. 76.

[4] Rogova I. G. Problems of choosing and applying a preventive measure in the form of house arrest//Collection: State and law in the modern world. Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2025. S. 85.

[5] Savitskaya I. G. On a combined approach to the application of a preventive measure in the form of a ban on certain actions against a minor//Criminal procedure protection of the rights and legitimate interests of minors. 2020. № 1 (7). S. 101, 102.

[6] Fedotov I. S., Dutov N. Yu. Actual problems of applying the prohibition of certain actions//Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4. S. 187.

[7] Evdokimova I.S., Poddubnyak A.A. On the advisability of introducing a ban on certain actions as a new preventive measure .//Collection: Ensuring human rights and freedoms in criminal proceedings: organizational, procedural and forensic aspects. Materials of the Crimean Student Legal Forum. Responsible editors M.A. Mikhailov, T.V. Omelchenko. 2018. S. 29.



Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-120-124

РАДЧЕНКО Елена Павловна,

главный научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно- исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор экономических наук,

e-mail: helenr2003@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,

e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ, РАЗРАБОТКИ РЕФОРМ И ПОИСКА БАЛАНСА МЕЖДУ НАКАЗАНИЕМ, РЕАБИЛИТАЦИЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИЕЙ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы тенденций использования тюремного заключения в мировом сообществе, которые имеют несколько ключевых целей и практических задач, связанных с улучшением функционирования пенитенциарных систем. Авторы отмечают, что проблема преступности в каждой стране уникальна, изучение глобальных тенденций в пенитенциарной практике содержания и реабилитации заключенных имеет ценность. Тюремное заключение тесно связано с уровнем экономического развития, политической стабильностью, социальным неравенством и другими факторами. Понимание этих взаимосвязей позволяет внедрять более целенаправленные реформы. Это, в свою очередь, помогает разрабатывать комплексные меры по устранению и профилактике правонарушений. Например, данные о кризисе переполненности тюрем могут стать основанием для внедрения альтернативных мер наказания или декриминализации некоторых правонарушений. Необходимо выработать методику оценки высокоэффективных примеров и распространения положительного опыта в мировом сообществе, а также для выдвижения стратегических инициатив, направленных на снижение уровня тюремного заключения и возобновление внимания к условиям содержания и реабилитации правонарушителей в тюрьмах. Изучение глобальных тенденций использования тюремного заключения позволяет не только диагностировать проблемы, но и формировать обоснованные стратегии реформирования, улучшать международное сотрудничество и двигаться к более гуманным и эффективным пенитенциарным системам.*

Ключевые слова: *пенитенциарная система, частная тюрьма, глобальные тенденции, ресоциализация осужденного.*

RADCHENKO Elena Pavlovna,

Leading Researcher, Federal State Institution «Research Institute» of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation» (Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian)

BAZHANOV Sergey Andreevich,

Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

TRENDS IN THE USE OF INCARCERATION TO UNDERSTAND THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL JUSTICE, DEVELOP REFORMS, AND FIND A BALANCE BETWEEN PUNISHMENT, REHABILITATION, AND SOCIAL INTEGRATION OF CONVICTS

Annotation. *The article examines the trends in the use of imprisonment in the global community, which have several key goals and practical tasks related to improving the functioning of penitentiary systems. The authors note that the problem of crime in each country is unique, and studying global trends in the penitentiary practice of detention and rehabilitation of prisoners is valuable. Imprisonment is closely related to the level of economic development, political stability, social inequality, and other factors. Understanding these relationships allows for more targeted reforms. This, in turn, helps to develop comprehensive measures to eliminate and prevent offenses. For example, data on the crisis of prison overcrowding may become the basis for the introduction of alternative punishment measures or the decriminalization of certain offenses. It is necessary to develop a methodology for evaluating highly effective examples and spreading positive experiences in the global community, as well as for putting forward strategic initiatives aimed at reducing the level of incarceration and resuming attention to the conditions of detention and rehabilitation of offenders in prisons. Studying global trends in the use of incarceration makes it possible not only to diagnose problems, but also to form sound reform strategies, improve international cooperation, and move towards more humane and effective prison systems.*

Key words: *penitentiary system, private prison, global trends, resocialization of the convict.*

Введение. Распределение тюремного населения неравномерно: более трети всех заключенных мира приходится на две страны – Китайскую Народную Республику (далее – КНР) и Соединенные Штаты Америки (далее – США) [1]. Согласно данным в 2024 году в мире насчитывалось около 9,4 миллиона заключенных [1]. Содержание пенитенциарных учреждений требует значительных государственных расходов. Например, в США ежегодные затраты на тюремную систему достигали 80 млрд долларов. Кроме того, лишение свободы часто ведет к социальной дезадаптации осужденных после освобождения, что повышает риск рецидивизма. Во многих странах уровень заполняемости тюрем превышает 100 % от их вместимости. Например, в Кении в 2020 году он достигал 284 % [2]. Это ухудшает условия содержания, повышает риски для здоровья и способствует росту насилия в местах лишения свободы. Исследования в этом направлении не выявили прямой связи между высоким уровнем тюремного заключения и снижением преступности. В некоторых случаях массовое лишение свободы не повышает общественную безопасность. Во многих странах наблюдается тенденция к сокращению применения лишения свободы в пользу альтернативных мер наказания (пробация, штрафы, исправительные работы, электронные браслеты и т.д.). Это связано с пониманием того, что изоляция от общества не всегда способствует реабилитации и может усиливать социальную исключенность.

Новые вызовы, такие как пандемия COVID-19, СВО, операция «Абсолютная решимость» по захвату президента Венесуэлы Николаса Мадуро и его жены, операция против Ирана «Эпическая ярость», и многие другие происходящие в мире события подтолкнули страны к рассмотрению вопросов по сокращению заключенных в тюрьмах на обеспечении у государств. Также по всему миру идет тенденция к отмене смертной казни, хотя в некоторых странах звучат призывы к ее возврату как, например, в США Дональд Трамп вернул смертную казнь на федеральном уровне [3].

В связи с чем, приобретает актуальность тема исследования вопросов использования лишения свободы для понимания эффективности уголовного правосудия, разработки реформ и поиска баланса между наказанием, реабилитацией и социальной. Необходимо отметить такие организации как Penal Reform International (PRI) и международный центр тюремных исследований (ICPS), которые постоянно работают в этой области исследования, а их статистические данные за несколько лет способствуют выявить тенденции в развитии уголовного правосудия [2].

Основная часть. Если рассматривать в глобальном плане изменения численности заключенных в мировых тюрьмах, то необходимо отметить, что в отличие от многих стран, Российская Федерация значительно сократила как число заключенных, так и уровень заключения под стражу без увеличения уровня преступности. Этому способствовало введение альтернативного, не связанное с изоляцией от общества наказания и как вариант получения трудовых навыков и успеха в социальной адаптации. Например, в России в рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года планируется дальнейшее совершенствование законодательства для улучшения условий содержания лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества [4].

Причины роста численности заключенных во всем мире сложны, но многие последствия очевидны. Чрезмерное использование тюремного заключения приводит к переполненности,

негуманным и унижающим достоинство условиям содержания под стражей. Это ограничивает возможности тюремных систем эффективно справляться с заключенными, представляющими серьезную угрозу общественной безопасности, и, по сути, увеличивает риски, создаваемые заключенными (как для себя, так и для других внутри и за пределами тюремных стен). Чрезмерное использование тюремного заключения также накладывает огромные издержки на государственный бюджет.

Одной из основных целей современных систем исполнения наказаний является ресоциализация осужденных, направленной на получение образования и профессиональных навыков в местах лишения свободы. Считается, что каждый, кто находился в местах лишения свободы может вернуться в общество при поддержки государства. Но такие факторы как экономическая нестабильность, военные конфликты, переполнение тюремных учреждений, разница в религиозных доктринах, политические взгляды и многое другое способны свести к минимум процесс ресоциализации.

В недавнем исследовании, посвященном количеству заключенных, отбывающих наказание за преступления, связанные с наркотиками, Р. Аллен обратил внимание на следующие факты: в Таиланде 65 % всех заключенных составляют лица, осужденные за преступления, связанные с наркотиками, обычно за хранение. В США аналогичные показатели составляют 16,8 % для заключенных тюрем штатов и 49 % для заключенных федеральных тюрем [5]. В сравнении с другими странами мира было установлено, что США – за некоторыми заметными исключениями – более агрессивно применяют существующие законы, запрещающие употребление наркотиков и имущественные преступления, и также более суровы в вынесении приговоров осужденным за наркопреступления и имущественные преступления [6].

Что касается типологии правонарушителей, помещенных в тюрьмы, в целом, в настоящее время глобальное тюремное население состоит из лиц, которые, вероятно, бедны; не имеют адекватной работы, образования и медицинского обслуживания; составляют меньшинство в странах, где они проживают. Хотя многие из этих лиц были заключены в тюрьму за то, что были осуждены за насильственные преступления, значительное число заключенных находятся в тюрьме из-за злоупотребления психоактивными веществами, которое либо привело к их аресту за хранение наркотиков, либо побудило их грабить, воровать и/или торговать наркотиками для поддержания своей наркотической зависимости.

Следует отметить растущую тенденцию мировых пенитенциарных систем, которая заключается в том, что значительную часть глобального тюремного населения составляют заключенные-мигранты или представители меньшинств, гражданского населения страны. Это особенно важно для стран, в которых заключенные-мусульмане в тюрьмах представлены в непропорционально большей доле по сравнению с общей численностью населения страны, как, например, в США, Испании, Нидерландах, Великобритании и Франции. Например, в Англии и Уэльсе, Соединенных Штатах и Бразилии доля чернокожих и лиц смешанной расы в тюрьмах значительно превышает таковую в общей численности населения; то же самое относится к коренным народам Австралии. Несмотря на то, что цыгане составляют всего 6 % населения Венгрии их доля в заключенных может достигать 40 % [7].

Можно выделить еще одну общую характеристику мирового тюремного населения: около 30 % заключенных ранее уже отбывали наказание [8]. Это можно рассматривать как еще один импульс к реформе пенитенциарной системы и разработке стратегий, направленных на изменение как самих правонарушителей высокого риска, так и сообществ высокого риска, в которых они проживают [9]. Возможно также, что пенитенциарная практика стран с низким уровнем тюремного заключения (например, Япония) и низким уровнем рецидивизма (например, Финляндия) должна найти отклик у политиков и законодателей в странах с высоким уровнем как тюремного заключения, так и рецидивизма [10].

Для небольшого числа стран, имеющих доступные данные о рецидивизме, трудно определить тюремную систему, которую можно было бы классифицировать как успешную, используя стандартный показатель эффективности тюремной системы (например, повторное заключение в течение трехлетнего периода наблюдения после освобождения). Скандинавские страны (Норвегия, Швеция, Финляндия и Дания) в последнее время приводятся в качестве примеров успешных тюремных, однако подробные оценки эффективности этих систем исправительных учреждений до настоящего времени не проводились. Универсального показателя, который можно было бы использовать для различения тюрем с высокими показателями эффективности от тюрем с низкими показателями не существует. Ряд исследователей предположили, что такие глобальные показатели эффективности могут быть разработаны, а полученные рейтинги лучших и худших тюремных систем мира должны

быть опубликованы, обсуждены и использованы для улучшения пенитенциарной системы [10].

Тюремные системы различаются от страны к стране по таким основным параметрам, как цель заключения, условия содержания в тюрьмах, срок заключения, доступ к лечению и медицинскому обслуживанию, степень переполненности и уровень тюремного насилия. Хотя каждый из этих показателей предоставляет важную информацию о тюремном населении, именно уровень переполненности тюрем является, пожалуй, наиболее показательным.

Еще одна набирающая популярность глобальная тенденция в сфере исправительных учреждений, которую необходимо учитывать, – это приватизация тюрем и исправительных учреждений. Частные коммерческие тюрьмы значительно расширились в последние годы, и предлагают государственным служащим альтернативу государственному управлению и контролю над тюрьмами и заключенными. По доле заключенных, находящихся под управлением частных корпораций, Австралия лидирует: 19% всех заключенных содержатся в частных тюрьмах, за ней следуют Шотландия (17 %), Англия и Уэльс (14 %) и Новая Зеландия (11 %). В США примерно 8 % федеральных и государственных заключенных содержатся в частных коммерческих тюрьмах, в то время как в Южной Африке примерно 4% находятся в частных коммерческих тюрьмах [1].

Современные зарубежные стратегии снижения уровня тюремного заключения направлены также на проведение реформ в политике вынесения приговоров и расширения альтернативных санкций. Альтернативные санкции включают штрафы и общественные работы; условное освобождение; интенсивный надзор/электронный мониторинг; исправительные учреждения в жилых районах; лагеря для трудных заключенных; использование наркосудов для управления определенными категориями наркопреступников и др. Однако, поскольку нет глобальной базы данных, подробно описывающей использование альтернативных санкций в каждой стране, не существует и оценка связи между доступностью различных стратегий, основанных на участии сообщества, и использованием тюремного заключения в той или иной стране [12].

Другие исследователи указывают на необходимость набора, обучения и удержания нового поколения сотрудников исправительных учреждений, обладающих навыками консультирования, наставничества и защиты интересов, аналогичными навыкам сотрудников исправительных учреждений в странах с выраженной реабилитационной ориентацией, (например, Австралия, Норвегия, Швеция и Великобритания) Эти и другие тенденции привели к тому, что ряд стран с наибольшей численностью заключенных – Российская Федерация, Южная Африка и Пакистан – сообщили о сокращении численности заключенных [1].

Вывод. Наряду с наличием проблем в мировой пенитенциарной системе, нельзя не отметить и глобальные тенденции поиска путей их решения. Исследователи реформ зарубежной пенитенциарной системы выявили растущее внимание к реабилитации правонарушителей, как в тюремных, так и в общинных исправительных учреждениях. Результаты проведенных исследований также продемонстрировали значительное, но относительно небольшое долгосрочное сокращение численности заключенных, при увеличении возможностей и качества лечения. В результате проведенных исследований можно прийти к выводу о необходимости разработки методологического аппарата в области исправительных учреждений, а также к найму персонала в сфере исправительных учреждений, основанной на новой цели исправительной системы: индивидуальной и общественной реабилитации.

Список литературы:

[1] Тюремная статистика: в каких странах больше всего заключенных [Электронный ресурс]. – URL:https://kun.uz/ru/news/2026/01/10/tyuremnaya-statistika-v-kakix-stranax-bolshe-vsego-zaklyuchennyx (дата обращения: 02.05.2026).

[2] Глобальные тренды в тюремной системе // Penal Reform International [Электронный ресурс]. – URL: cdn.penalreform.org (дата обращения: 02.05.2026).

[3] Трамп вернул смертную казнь в США на федеральном уровне [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/obschestvo/22932919 (дата обращения: 02.05.2026).

[4] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Консультант Плюс (дата обращения: 02.05.2026).

[5] Lynch, J. P., Pridemore, W. A. Crime in international perspective. – Crime and public policy, Volume 5, 2011, pp. 5-52.

[6] Jacobson J., Heard C., Fair H. Prison: Evidence of its use and over-use from around the world. – Institute for Criminal Policy Research, Birkbeck, University of London, 2017, 48 pp.

[7] United Nations Office of Drugs and Crime (UNDOC). 2013 global study on homicide: Trends, context, data. – Vienna, Austria: United Nations,

2014.

[8] Byrne, J. M. Global perspectives on victims, offenders, and communities. – Victims & Offenders, volume 8, 2013, pp. 347–356.

[9] Larson, D. Why scandanavian prisons are superior. // http://www.theatlantic.com/international/archive/2013/09/whyscandinavian-prisons-are-superior/279949/ (дата обращения 02.05.2026).

[10] Byrne, J. M. The future of justice reinvestment-assessing the merits of individualand community change strategies. – Victims & Offenders, volume 9, 2014, pp. 1–5.

[11] BBC News: "Brazil prison riots: What's the cause?" 7 January 2017 // www.bbc.co.uk/news/world-latin-america-38534769 (дата обращения 24.12.2025).

[12] Allen, R. Global prison trends 2015. London, UK: Penal Reform International, 2015.

References:

[1] Prison statistics: which countries have the most prisoners [Electronic resource]. – URL:https://kun.uz/ru/news/2026/01/10/tyuremnaya-statistika-v-kakix-stranax-bolshe-vsego-zaklyuchennyx (дата обращения: 02.05.2026).

[2] Global trends in the prison system//Penal Reform International [Electronic Resource]. - URL: cdn.penalreform.org (access date: 02.05.2026).

[3] Trump brought the death penalty back to the US at the federal level [Electronic Resource]. - URL: https://tass.ru/obschestvo/22932919 (access date: 02.05.2026).

[4] Order of the Government of the Russian Federation of 29.04.2021 No. 1138-r (ed. 27.05.2023) " On the Concept of the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030 "//Consultant Plus (date of appeal: 02.05.2026).

[5] Lynch, J. P., Pridemore, W. A. Crime in international perspective. – Crime and public policy, Volume 5, 2011, pp. 5-52.

[6] Jacobson J., Heard C., Fair H. Prison: Evidence of its use and over-use from around the world. – Institute for Criminal Policy Research, Birkbeck, University of London, 2017, 48 pp.

[7] United Nations Office of Drugs and Crime (UNDOC). 2013 global study on homicide: Trends, context, data. – Vienna, Austria: United Nations, 2014.

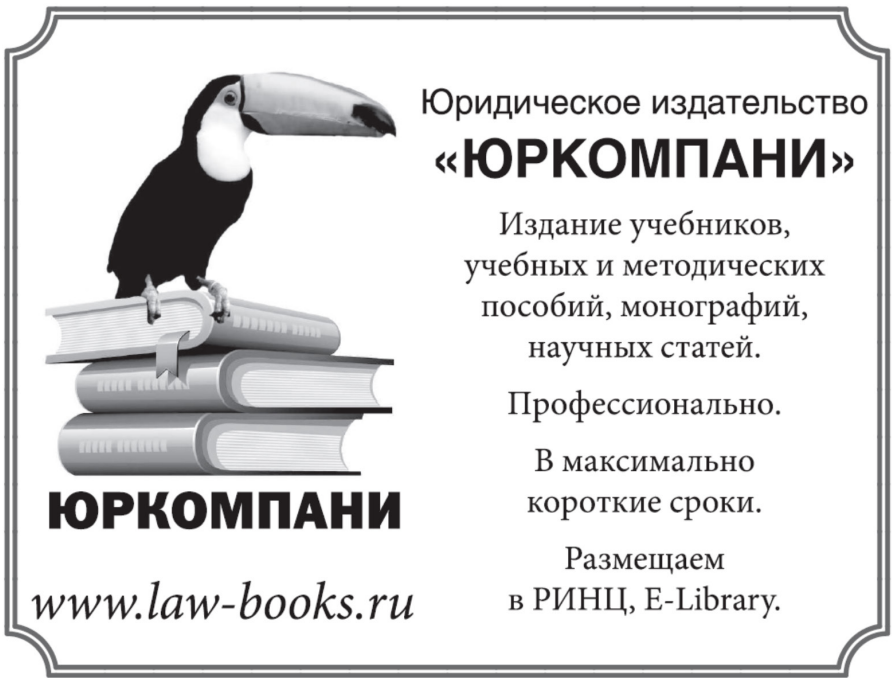
[8] Byrne, J. M. Global perspectives on victims, offenders, and communities. – Victims & Offenders, volume 8, 2013, pp. 347–356.

[9] Larson, D. Why scandanavian prisons are superior. // http://www.theatlantic.com/international/archive/2013/09/whyscandinavian-prisons-are-superior/279949/ (дата обращения 02.05.2026).

[10] Byrne, J. M. The future of justice reinvestment-assessing the merits of individualand community change strategies. – Victims & Offenders, volume 9, 2014, pp. 1–5.

[11] BBC News: "Brazil prison riots: What's the cause?" 7 January 2017 // www.bbc.co.uk/news/world-latin-america-38534769 (дата обращения 24.12.2025).

[12] Allen, R. Global prison trends 2015. London, UK: Penal Reform International, 2015.



Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-125-129

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,

ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,

e-mail: yutish@list.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЛЛЕКТИВА ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос деятельности коллектива сотрудников, от успешного взаимодействия которого зависит организация воспитательного процесса с несовершеннолетними осужденными.*

Ключевые слова: *коллектив воспитателей: коллектив воспитателей, несовершеннолетние осужденные, взаимодействие.*

TISHCHENKO Yuri Yurievich,

leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Legal Sciences

COLLECTIVE INTERACTION IN THE ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN A CORRECTIONAL INSTITUTION

Annotation. *The article considers the issue of the activities of the collective of employees, on the successful interaction of which the organization of the educational process with juvenile convicts depends.*

Key words: *collective of educators: collective of educators, juvenile convicts, interaction.*

Деятельность коллектива воспитателей во многом зависит от успешного взаимодействия между отделами и службами при решении любых вопросов, а особенно. К сожалению, во многих подразделениях уровень такого взаимодействия низок, отсутствует должная согласованность между сотрудниками при организации воспитательных воздействий, не соблюдается единство режимно-педагогических требований к осужденным. Так, сотрудники оперативного и режимного отделов при осуществлении дисциплинарной практики зачастую не учитывают мнение начальников отрядов как непосредственных организаторов воспитательного процесса, наблюдается увлечение крайними мерами наложения взысканий. Начальник учреждения, его заместители, руководители отделов и служб плохо информированы об истинном положении дел в отрядах.

Подобный подход нарушает одно из основных требований формирования коллектива сотрудников как коллектива воспитательного, именно: нацеленность его на выполнение главной задачи – исправление осужденных.

Взаимодействие, как правило, осуществляется в массовых и индивидуальных формах. К массовым формам относятся: общие собрания сотрудников, на которых решаются проблемы повышения эффективности деятельности колонии; работа в учебно-воспитательных советах, советах воспитателей отрядов; оперативные совещания при начальнике колонии, производственные совещания; педагогические советы в школах; научно-практические семинары и конференции и др. К индивидуальным формам относятся беседы руководителей учреждений с сотрудниками различных отделов и служб, в которых затрагиваются вопросы взаимодействия; беседы сотрудников между собой с целью обмена информацией о поведении и деятельности осужденных; решение вопросов посещаемости и успеваемости осужденных в общеобразовательной школе и ПУ и др.

Указанные формы взаимодействия одинаковы для работников всех подразделений учреждения. В то же время особая роль в этом процессе принадлежит отделу (отделению) воспитательной работы, который по существу является субъектом организации такого взаимодействия.

Успешное решение задач по поддержанию порядка в исправительных учреждениях и укреплению режима содержания осужденных во многом определяется деятельностью

оперативного и режимного отделов, сотрудники которых обязаны выступать перед осужденными с докладами по вопросам укрепления режима и дисциплины, разъяснения законодательства, прав и обязанностей осужденных, правил их проведения, а также знакомить их с условиями отбывания наказания, традициями учреждения, особенностями режима и т.д.

Совместно с начальниками отрядов и воспитателями сотрудники оперативно-режимного отдела: проводят цикл лекций и докладов по юридическим вопросам, индивидуальные беседы, принимают участие в выпуске стенгазет и передачах по местному радиовещанию, имеющих целью развитие правового сознания осужденных, воспитание чувств ответственности за совершенные проступки, выработку дисциплинированности, соблюдение требований администрации исправительного учреждения; следят за постоянным обновлением стендов, посвященных правовой пропаганде. Текстовые надписи, фотографии, таблицы и диаграммы на этих стендах рассказывают об основных обязанностях осужденных, о гуманности законов по отношению к твердо вставшим на путь исправления правонарушителям, о законодательных актах в этой области и о тех, кто заслужил помилование, условное или условно-досрочное освобождение; рассказывают о лицах, пришедших с повинной и досрочно погасивших иски, посвящают им выпуски стенных газет, «молнии», световые и радиогазеты, оформляют стенды под рубрикой «На свободу с чистой совестью».

Отдел (отделение) воспитательной работы, взаимодействуя с работниками оперативно-режимного отдела, активно используют воспитательные возможности коллектива осужденных, проявляет постоянную заботу о его сплоченности и авторитете, об обеспечении гласности проводимой работы по укреплению режима и ее результатов. В этих условиях в учреждениях и отрядах широко используются такие формы, как общие собрания осужденных, на которых обсуждаются состояние дисциплины и задачи по ее укреплению, заслушивание их отчетов на заседаниях наблюдательной комиссии, советов воспитателей, аттестационной комиссии, советов пенитенциарного учреждения и отрядов.

Взаимодействие сотрудников отдела (отделения) воспитательной работы, преподавателей общеобразовательных школ и профессионального училища осуществляется по нескольким направлениям:

взаимная информация: преподаватели школ постоянно информируют воспитателей об отношении того или иного учащегося к учебе, о его дисциплине, о способностях, чертах характера, склонностях, достоинствах и недостатках; начальники отрядов регулярно сообщают преподавателям ПУ и учителям школы о производственной деятельности, об особенностях личности осужденного, о его поведении в быту и на производстве, участии в общественной жизни отряда и учреждения;

совместная подготовка и поведение мероприятий в масштабе отряда, класса, школы. Сюда же можно отнести и участие воспитателей осужденных в деятельности педагогических советов школ и ПУ, где они совместно обсуждают меры поощрения и наказания тех или иных учащихся, методы совместного воздействия на них, определяют отношение отдельных лиц к учебе, выявляют особенности их поведения;

проведение совместной индивидуальной работы, совместное изучение личности осужденного-учащегося;

привлечение сотрудников производственной службы к воспитательной работе. В тесном контакте с воспитателями начальники цехов, мастера и другие инженерно-технические работники должны: разъяснять значимость рыночной экономики в современных условиях, обеспечивать участие осужденных в общественно полезном труде, в трудовом соревновании; принимать участие в организации рейдов по качеству выпускаемой продукции, экономии сырья; выпускать радиогазету, посвященную пропаганде передового опыта производства, проведению занятий в школе передового опыта; развивать рационализаторскую работу среди осужденных, создавать в отрядах группы по рационализации и изобретательству, оборудовать стенды по этой тематике и т.д.

Огромную роль в формировании у осужденных правильного отношения к труду играют такие формы, как занятия в школе по изучению основ рыночной экономики, школе передового опыта, лекции, доклады, беседы на производственно-технические и экономические темы. Начальники отрядов и сотрудники производственной службы, раскрывая перед осужденными антиобщественную сущность преступлений, воспитывают у них нетерпимость к тунеядству, показывают на конкретных примерах необходимость честной трудовой жизни.

Немаловажное значение в исправлении осужденных имеет участие в этом деле общественности. Представители трудовых коллективов и организаций оказывают помощь в проведении конкурсов профессионального мастерства, смотров за экономию и бережливость. Нередко совместно с шефами разрабатываются условия подведения итогов трудового

соревнования. Во многих исправительных учреждениях совместно с шефами организуется культурно-массовая работа.

Положительный опыт пенитенциарных учреждений доказывает, что участие шефов, представителей интеллигенции, религиозных конфессий в работе совета воспитателей, организации самовоспитания, в проведении общих собраний осужденных, их выступления с докладами, лекциями, беседами дают положительные результаты в воспитательной работе не только со взрослыми осужденными, но и несовершеннолетними.

Практика убеждает, что взаимодействие отделов и служб в процессе исправления несовершеннолетних осужденных значительно повышает результативность воспитательной работы, способствует сплочению коллективов отделов и служб в единый коллектив подразделения. Таким образом, создается новое качественное состояние – коллектив воспитателей.

Список литературы:

[1] Андреев Н.В. и др. Психологическое обеспечеие специальных операций органов внутренних дел по освобождению заложников: Методические рекомендации. - М.: МВД России, учебно-методический центр, 1995.

[2] Анцупов А.Е. Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях. -Спб: Питер, 2005.

[3] Буданов А.В. Практические рекомендации по ведению переговоров ступниками в ситуации захвата заложников (по материалам опыта правоохранительных органов США). - М., 1995.

[4] Гришина Н.А. Психология конфликта. — Спб: Питер, 2004.

[5] Дикая Л.Г., Гримак Л.П. Теоретические и экспериментальные проблемы управления психическим состоянием человека. — М., 1983.

[6] Зинин Г.Ю. Судимость как конечная стадия реализации уголовной ответственности С. 2-4 /Уголовно-исполнительная система №3 – 2013.

[7] Шерайзина Р.М. Духовно-нравственные ценности подростков как педагогический феномен / В сборнике: Теоретико-методологические и прикладные аспекты социальных институтов права, экономики, управления и образования Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Гуманитарно-социальный институт. 2016. С. 240-244.

[8] Шерайзина Р.М. Гендерный аспект духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних девочек/ Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 10 (173). С. 8-12.

[9] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[11] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[12] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[13] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[14] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[15] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[16] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[18] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической

конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[19] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[20] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[21] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

References:

[1] N.V. Andreev et al. Psychological support for special operations of internal affairs bodies to free hostages: Guidelines. - M.: Ministry of Internal Affairs of Russia, educational and methodological center, 1995.

[2] Antsupov A.E. Baklanovsky S.V. Conflict in schemes and comments. -Spb: Peter, 2005.

[3] Budanov A.V. Practical recommendations on the conduct of negotiations by stupniks in a hostage-taking situation (based on the experience of US law enforcement agencies). - M., 1995.

[4] Grishina N.A. Psychology of conflict. - St. Petersburg: Peter, 2004.

[5] Wild LG, Grimak LP Theoretical and experimental problems of human mental state management. - M., 1983.

[6] Zinin G.Yu. Criminal record as the final stage of the realization of criminal responsibility S. 2-4/Penal system No. 3 - 2013.

[7] Sherayzina R.M. Spiritual and moral values of adolescents as a pedagogical phenomenon/In the collection: Theoretical, methodological and applied aspects of social institutions of law, economics, management and education Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Humanitarian and Social Institute. 2016. S. 240-244.

[8] Sherayzina R.M. Gender aspect of spiritual and moral education of underage girls/Vedomosti of the penal system. 2016. № 10 (173). S. 8-12.

[9] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[11] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[12] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[13] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[14] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[15] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[16] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[17] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

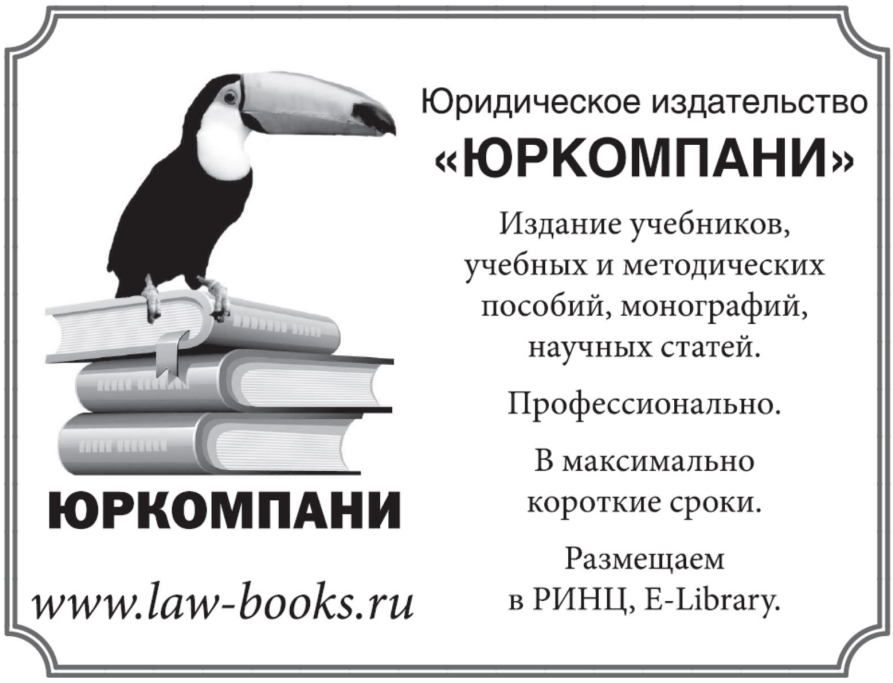
[18] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate

Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[19] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[20] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[21] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.



Дата поступления рукописи в редакцию: 17.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-130-138

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной деятельности Юридического института РУТ (МИИТ),

e-mail: 000049@bk.ru

О ВОСПИТЫВАЮЩЕМ КОЛЛЕКТИВЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *Воспитательный коллектив, являясь по своей природе социально-психологическим и педагогическим образованием, достигает в процессе развития уровня, на котором появляется моральный иммунитет по отношению к негативным воздействиям, и приобретает способность трансформировать как внешние, так и внутренние обстоятельства своей жизнедеятельности.*

Ключевые слова: *воспитание коллектива, несовершеннолетний преступник, воспитание.*

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Leading researcher of the Federal Scientific Research Institute of the Federal Penal Correction Service of Russia Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Law Enforcement at the Law Institute of RUT (MIIT)

ABOUT THE UPBRINGING TEAM OF JUVENILE CONVICTS

Annotation. *The educative collective, being by its nature a socio-psychological and pedagogical education, achieves in the development process a level at which moral immunity appears in relation to negative influences, and it acquires the ability to transform both external and internal circumstances of its vital activity.*

Key words: *educating collective, juvenile offender, education*.

Происходящие в стране демократические преобразования, обновление всех сфер жизнедеятельности связаны с повышением активности масс, ростом их самосознания, непримиримостью к нарушениям законов, со строгим и неукоснительным их исполнением, использованием всех средств в предупреждении преступлений. Однако преступность в стране продолжает расти и принимает новые формы.

В этих условиях особую значимость и ответственность приобретает деятельность пенитенциарной системы по исправлению осужденных. От правильной организации воспитательной работы в исправительных учреждениях во многом зависит успех мероприятий по борьбе с правонарушениями в обществе. Особенно актуальна задача повышения эффективности исправления осужденных в воспитательных колониях для несовершеннолетних. Научные исследования свидетельствуют о том, что если в ВК не достигнуты положительные результаты в изменении отрицательных наклонностей и поведения личности молодого человека, то появляется большая вероятность совершения им повторного преступления.

Эффективность же исправления несовершеннолетних правонарушителей в ВК во многом определяется уровнем развития коллектива воспитанников колонии, что подтверждается педагогической практикой А.С. Макаренко, В.Н. Сорока-Росинского, С.Т. Шацкого и других.

В коллективе с низким уровнем развития несовершеннолетние осужденные без должной оценки относятся к отрицательным влияниям окружающей микросреды. В их сознании и поведении, как правило, отсутствуют социально значимые принципы и установки. Это, в свою очередь, порождает у них приспособленчество, псевдоколлективизм, снижает их самостоятельность, инициативность. Упущения в работе по формированию коллектива воспитанников осложняют оперативную обстановку, негативно сказываются на трудовой деятельности, учебно-воспитательном процессе в колонии.

Актуальность и значимость данной

проблемы определяется и тем, что в подростковом и юношеском возрасте одна из существеннейших потребностей состоит в необходимости найти свое место в коллективе сверстников. Следует иметь в виду также то, что вся жизнь осужденных или большая ее часть до направления в ВК у многих из них, как правило, проходила в изоляции от благотворного влияния социально полезных групп и коллективов. В связи с этим в колонии возникает необходимость готовить воспитанников к будущей коллективной деятельности для работы в трудовых коллективах, в товарищеских объединениях, акционерных обществах после их освобождения.

Следует отметить, что в имеющейся педагогической литературе в большинстве своем рассматриваются лишь общие вопросы исправления подростков правонарушителей. Так, проблема исправления трудных подростков и несовершеннолетних правонарушителей освещена в работах М.А. Алемаскина, В.К. Андриенко, А.С .Белкина, Л.М. Зюбина, Г.П. Медведева, А.И. Кочетова, И.А. Невского, А.Ф. Никитина, В.М. Обухова, И.П. Прокопьева, А.С. Тараса и других.

Вопросы исправления несовершеннолетних осужденных в специфических условиях воспитательной колонии нашли отражение в исследованиях Е.М. Данилина, В.И. Игнатенко, А.Ф. Кудимова, С.И. Курганова, В.А. Ласточкина, Г.М. Потанина, А.В. Шамиса В.З. Фетисова, А.И. Ушатикова и других.

Педагогический анализ проблемы, отражающий специфику работы с коллективами взрослых осужденных, содержится в работах И.П. Зайцева, В.Ф. Клюкина, М.П. Стуровой и других авторов.

Изучение имеющейся литературы по данной проблеме показывает, что комплексное исследование педагогического воздействия коллектива на личность и среду несовершеннолетних осужденных в современных условиях так и не стало предметом специального исследования. До сих пор слабо изучены специфические особенности самого процесса формирования воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных. Авторы недостаточно раскрывают сущность указанного процесса, факторы, влияющие на этот процесс. В имеющихся трудах слабо прослежен характер объективных и субъективных зависимостей между процессами развития коллектива воспитанников колонии и системой их исправления, лишь частично раскрыты вопросы теории и методики управления процессом формирования коллектива. Остаются невыясненными особенности воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных мужского и женского пола, его влияние на нравственное развитие личности воспитанника колонии, взаимосвязь нравственного воспитания и развития коллектива осужденных, механизмы возникновения нравственного иммунитета воспитывающего коллектива по отношению к отрицательным влияниям.

При проведении исследования мы исходим из следующих предположений, что низкая эффективность воспитательного влияния коллектива на личность несовершеннолетних осужденных в условиях ВК обусловлена совокупностью негативных причин и факторов, к которым относятся: малые группы отрицательной направленности, уголовные традиции, педагогическая запущенность большинства воспитанников, их негативное отношение к нравственным нормам и ценностям, повышенный динамизм нравственной неустойчивости (неуравновешенность, восприимчивость к отрицательным влияниям, эффективность, цинизм, уголовно выраженный кодекс убеждений) и другие; в совокупности эти и другие причины и факторы приводят к нарушению взаимоотношений между осужденными в колонии, образуют специфическую криминогенную микросреду осужденных, которая характеризуется антиобщественной направленностью. Все воспитательные воздействия сотрудников колонии преломляются через эту микросреду, искажаются, тормозятся или отталкиваются; чтобы изменить микросреду, ликвидировать негативные факторы, предупредить возникновение отрицательных взаимоотношений, негативного общения, безнравственных проступков, повысить эффективность исправления воспитанников колонии необходима научно обоснованная система формирования воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных; коллектив несовершеннолетних осужденных становится воспитывающим, если в нем сформированы между воспитанниками положительные взаимоотношения и общение, нравственная самоорганизация, иммунитет по отношению к отрицательным влияниям, умение отстаивать в различных ситуациях (особенно конфликтных) нравственно-правовые нормы общества; если воспитанники привлекаются к социально значимой и интересной для них общественно полезной деятельности (труд, учеба, общественная работа), осуществляется дифференцированный подход к процессу исправления несовершеннолетних осужденных с учетом уровня развития коллектива, совершенствуется педагогическое управление коллективом на основе привлечения несовершеннолетних правонарушителей к

активному участию в общественной работе.

При разработке исследуемой проблемы, определении научно-теоретической концепции и построении программы исследования мы исходим из работ философов, в которых содержится научный анализ природы общественных противоречий (Г.Е. Глезерман, Р.И. Косолапов, И.М. Панюшин, П.Н. Федосеев, В.П. Чертков и др.); трудов юристов, посвященных разработке теории причин преступности (А.А. Герцензон, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, А.Б. Сахаров, А.М. Яковлев и др.); отечественных психологов, анализирующих деятельность групп и коллективов (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский. А.Н. Леонтьев,В.Н. Мясищев, А.В. Петровский, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн и др.).В исследовании мы использовали также работы Н.И. Кореева, Н.М. Корконова, Л.И. Петражицкого, Г.В. Плеханова, П.А. Сорокина, Р. Харри и других ученых, изучавших процесс формирования и развития личности в коллективе и других социальных образованиях с позиций социогенетического подхода.

Формирование воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных осуществляется на основе принципов и методов общепедагогического характера. Поэтому в ходе исследований мы опираемся на теоретические основы коллектива, разработанные Ю.К. Бабанским, Л.Ю. Гординым, Н.С. Дежниковой, Т.Е. Конниковой, В.М. Коротовым, Э.Г. Костяшкиным, Б.Т. Лихачевым, Л.И. Новиковой, Н.И. Монаховым, И.Т. Огородниковым, А.Л. Шнирман, Г.Н. Филоновым и др.

Концептуальной основой исследования проблемы воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных является обоснование процесса его поэтапного формирования, базирующегося на деятельностном подходе и системно-структурном анализе поведения, взаимоотношений и общения воспитанников колонии.

Важное место в комплексе методов исследования занимало проведение опытно-экспериментальной работы, которая осуществлялась по специальной программе. В ходе эксперимента была использована теоретическая модель исследования деятельности воспитывающего коллектива, созданная с помощью системно-структурного анализа. Системно структурный анализ как метод исследования позволяет не только выявить основные компоненты и эффективные способы организации коллективной деятельности, обеспечивающие возможность достижения высоких устойчивых результатов, но и установить ошибки и просчеты в воспитательной работе, что необходимо для коррекции педагогических воздействий.

В трудах А.С. Макаренко, В.Г. Иванова, А.Г. Ковалева, Т.Е. Конниковой, В.М. Коротова, Б.Т. Лихачева, Л.И. Новиковой, А.В. Петровского, Л.И. Уманского и других доказывается, что эта проблема отвечает не только принципу историзма, но и современным представлениям о людях, вынужденных объединяться в различные цивилизованные организации для решения совместных жизненно важных вопросов. Отмечается, что коллектив представляет собой явление нормального совокупного человеческого сообщества и, как форма делового и товарищеского взаимодействия, решение самых различных проблем, является социальным достижением человеческой цивилизации.

В главе дается оценка того, что в настоящее время в отечественной идеологии просматривается отход от коллективного воспитания, осуществляется деколлективизащя личности и различных групп. Это приводит к нежелательным последствиям в воспитании молодежи. Наблюдается ее «коммерциализация» и криминализация сознания, личности, выражающиеся в девиантном поведении: росте групповых преступлений, заказных убийств, бандитизме, использовании огнестрельного оружия в преступных действиях.

Анализ зарубежной теории и практики также свидетельствует о том, что прогрессивные ученые рассматривают систему А.С. Макаренко и его методику формирования коллектива как вполне современную и перспективную.

Отметим, что воспитывающий коллектив, будучи по своей природе социально-психологическим и педагогическим образованием, достигает в процессе развития такого уровня, при котором появляется нравственный иммунитет по отношению к отрицательным влияниям, и он приобретает способность преобразовывать как внешние, так и внутренние обстоятельства своей жизнедеятельности.

Важным свойством воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных является его нравственная самоорганизация. Она возникает в тех случаях, когда он ориентируется в большей степени не на «внешнюю опору» (санкции, указания администрации, оценки ближайшего окружения), а на выработанные или усвоенные,, но ставшие его собственными критерии и нравственно-правовые нормы.

Воздействие воспитывающего коллектива на личность в этом случае достигается за счет деятельности механизмов самоорганизации, к числу которых относятся традиции, общественное мнение, морально-психологический климат, установки, перспективы и другие. Выделяются также принципы работы этих механизмов (принципы упреждения, опережающего

отражения, цикличности и сохранения). Механизмы самоорганизации коллектива могут появляться и исчезать, но направленность, к которой они принадлежали, сохраняется.

В исследовании анализируются и другие свойства воспитывающего коллектива: целеустремленность, умение отстаивать нравственно-правовые нормы, наличие сложившегося социально ценного стиля и опыта работы, критическая оценка своей деятельности. Именно эти свойства позволяют коллективу контролировать, внутренне мотивировать свои действия, самостоятельно давать им обоснование, вырабатывать позитивную линию поведения, выбирать социально значимые способы и средства для достижения цели.

Выделим основной критерий оценки уровня развития коллектива - его воспитанность. Показателями воспитанности являются: требовательность коллектива к своим членам; умение отстаивать в конфликтных ситуациях нравственные нормы и ценности; гуманизм и демократизм деятельности, отношений и общения; строгое соблюдение правовых норм, регламентирующих деятельность колонии; недопущение противоправных деяний со стороны его членов как в период отбывания наказания, так и после освобождения.

Полученные данные позволили выделить три уровня (низкий, средний и вше среднего) развития коллектива несовершеннолетних осужденных, характеризующихся изменением в динамике показателей его воспитанности. Было установлено, что коллектив, находящийся на третьем (выше среднего) уровне развития является воспитывающим. Он характеризуется относительно высокой готовностью отстаивать нравственно-правовые нормы общества, проявляет требовательность к своим членам, открыто выступает против нарушителей дисциплины и лидеров малых групп отрицательной направленности. В нем в большей степени развиты гуманизм, демократизм и законность деятельности, отношений и общения.

Коллектив осужденных состоит из людей, личность которых деформирована в нравственно-правовом и педагогическом аспектах. За последние годы изменились ценностные ориентации воспитанников колонии, резко снизился их образовательный уровень, изменились жизненные ориентиры; желание иметь больше денег без затрат трудовых усилий составляет сущность образа мышления молодых людей.

Субьектом формирования воспитывающего коллектива является создающаяся уголовно-исполнительная система, в основу которой положены принципы гуманизма, демократии и законности. Проведенное исследование показало, что в этой системе еще немало нерешенных вопросов. Среди них: отсутствие четкой профессиональной ориентации сотрудников на работу с несовершеннолетними осужденными в новых условиях; неразработанность правовых норм, регулирующих деятельность этой системы; противоречивость между психолого-педагогическими и правовыми нормами и другие. Недооценка указанных и иных моментов нередко приводит к тому, что у сотрудников (особенно недавно вступивших в должность) обнаруживаются значительные расхождения между имеющимися представлениями о характере работы с осужденными и реальностью, между требованиями к личности воспитателя и их реальными функционально-психологическими ресурсами и возможностями. Важными показателями при этом следует считать проявления у сотрудников не только стрессовых состояний и иных функциональных расстройств, но и элементов профессиональной деформации (отчуждение от задач исправления, конфликты, пренебрежение к законным требованиям и нуждам осужденных, игнорирование их личностных особенностей).

Формирование воспитывающего коллектива осужденных проходит в негативных условиях на основе противоречий, вызываемых различными источниками. Взаимодействуя с микросредой колонии и различными негативными тенденциями, коллектив вступает в основные и второстепенные противоречия, разрешение которых не всегда обеспечивает его продвижение вперед. Раскрывая сущность процесса формирования воспитывающего коллектива мы использовали системно-структурный подход, который позволил выявить основные функциональные звенья деятельности коллектива.

В качестве таких функциональных звеньев были выделены: побудительное, антиципирующее, процессуальное или исполнительное и оценочное.

Побудительное звено включает в себя восприятие воздействующих факторов, их анализ и синтез на основе имеющегося у коллектива опыта и уровня развития.

Воздействующие факторы могут быть внешние и внутренние. К внешним мы отнесли предметы и явления окружающего мира, распоряжения администрации и воспитателей, ситуационные и обстановочные раздражители. К внутренним – интересы, желания, стремления, мотивы, потребности, то есть вся совокупность внутренних импульсов осужденных так или иначе побуждающих коллектив к определенной

деятельности и поведению.

Выявленные причины искажений в этом звене влияют на эффективность деятельности коллектива. Среди них отмечаются следующие: отрицательное эмоциональное внеколлективное отношение воспитанников к выполнению социально значимой деятельности и к воспитателям, являющимися руководителями этой деятельности; искажения в оценке общественной значимости побуждающих факторов; недостаток опыта коллективной деятельности и поведения; слабые нравственные знания, умения и навыки, непонимание значения и смысла предлагаемого коллективного задания; повышенная восприимчивость негативных групповых норм и влияний; внеколлективная направленность действий, поступков, мотивации.

Антиципирующее звено осознается как готовность к определенному способу поведения, деятельности, реализации определенных поступков (проступков). Основными причинами искажений в этом звене являются: искажения в формировании механизма социально значимых действий в предвидении путей, выборе средств и способов его совершения; в предвидении возможных промежуточных и конечных результатов коллективной деятельности и поведения; в актуализации эгоистических мотивов, связанных с самоутверждением негативными средствами и способами; в неумении строить план и программу выполнения социально значимой деятельности, отношений и общения.

Процессуальное или исполнительное звено складывается из взаимодействия средств и способов выполнения действий субьекта с обьектом. В качестве средств взаимодействия выступают знания, умения и навыки, в качестве способов – оперирование ими в приложении к обьекту действия.

Исследованием установлено, что причинами искажений в этом звене являются: отсутствие навыков (или их недостаточность) в оперировании нравственными понятиями; противоречия между желаниями, интересами, мотивами личности и требованиями коллектива; отсутствие у членов коллектива выдержки, самообладания и других положительных качеств.

Оценочное звено – это период установления соответствия между запланированными и полученными результатами. Здесь оценивается процесс выполнения деятельности, соблюдения определенного способа поведения. В оценочном звене деятельности коллектива осужденных также имеются искажения. Они проявляются: в оценке полученных результатов действия, их правильности и соответствия нравственно-правовым нормам общества; в оценке значимости выполнения действия и его результатов; в стремлении оценивать и рассматривать негативные действия, поступки как норму поведения.

Анализируя факторы, влияющих на развитие воспитывающего коллектива в колонии определено, что в первую очередь к ним относятся: микросреда колонии, взаимоотношения и общение осужденных в коллективе.

Формирование воспитывающего коллектива осужденных осуществляется в условиях педагогически неблагоприятной микросреды.

Было выявлено, что отрицательные взаимоотношения с другими осужденными вызывают угнетенное состояние у 13,8% подростков; 47,7% – возбуждают, 38,5% – озлобляют. Нередко взаимоотношения в коллективах воспитанников строятся на основе круговой поруки, ложно понимаемого чувства товарищества, бравады, угроз, запугивания, физической расправы над неугодными и т.п.

Установлено, что общение в колонии нередко имеет антиобщественную направленность. Средствами общения часто выступают вербальные и невербальные знаки: жаргон, татуировки, нарезки аббревиатуры, мимика, жесты, свист, манера ходить, стоять и т. д.

Выявлена следующая закономерность: отрицательная микросреда, негативные взаимоотношения и общение осужденных преобладают в коллективах с низким уровнем развития.

В то же время в коллективах с высоким уровнем развития взаимоотношение и общение в микросреде осужденных – это та обьективная реальность, которая способна разрушить стратификацию антигуманных неформальных образований.

Педагогическое управление – это сложная комплексная деятельность, которая охватывает решение организационных, воспитательных, правовых и других вопросов. Это специфическая деятельность воспитателя, направленная на преодоление противоречий в коллективе, поддержание дисциплины, формирование правильных взаимоотношений, культуры общения, создание благоприятного морально-психологического климата.

Педагогическое управление рассматривается нами с позиций системного подхода. Основными структурными элементами системы являются коллектив воспитателей и коллектив воспитанников.

Поступающая в подсистему «коллектив воспитателей» управляющая информация (постановления, указания, приказы, инструкции,

распоряжения вышестоящих органов) перерабатывается с учетом внутренней осведомительной информации, которая складывается из наблюдений за общением, характером взаимоотношений, поведением и деятельностью осужденных, и направляется в качестве внутренней управляющей информации (распоряжения по организации коллективной деятельности, улучшению дисциплины, порядка и . т.д.) в подсистему «коллектив воспитанников».

При этом педагогическое управление происходит с учетом обратной связи: какие изменения и в какую сторону произошли в коллективе воспитанников. При необходимости происходит коррекция такого управления.

В соответствии с концепцией о системно-структурном подходе к процессу формирования воспитывающего коллектива в исследовании выделяются структурные звенья деятельности коллектива воспитателей и коллектива воспитанников (мотивы, цели, средства, результат) и доказывается, что управление коллективом воспитанников может быть успешным при условии, если мотивы, цели, средства, результат деятельности воспитателей и воспитанников совпадают. В противном случае происходит рассогласование системы «коллектив воспитателей-коллектив воспитанников», что снижает эффективность воспитательного процесса.

Формирование воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных в экспериментальной работе осуществляется в коллективных видах деятельности (учебной, трудовой, общественной). При этом установлено, что эффективность этих видов деятельности обусловливается вычленением и наполнением определенным содержанием следующих структурных компонентов деятельности:

Побуждение к предстоящему виду деятельности, формирование положительных мотивов деятельности, положительного к ней отношения, воспитание должного отношения к требованиям сотрудников колонии на основе понимания их справедливости и целесообразности; формирование адекватной самооценки через показ воспитанникам реального уровня их подготовленности к предстоящей деятельности.

Создание внутренней готовности воспитанников колонии к деятельности путем оказания помощи в постановке соответствующих целей, в соответствии с планом предстоящей деятельности, разьяснение смысла выполняемой работы, ее полезности для окружающих и общества.

Организация исполнения, мобилизация сил и способностей для выполнения предстоящей деятельности, воспитание усидчивости, трудолюбия, любознательности, выработка навыков, приемов работы, умелого выбора и использования средств и способов деятельности.

Организация контроля и самоконтроля, воспитание должного отношения к результатам деятельности, педагогическая оценка и стимулирование деятельности правонарушителей, систематический контроль за результатами деятельности, их оценка.

Учебной деятельности принадлежит одно из ведущих мест в формировании воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных. В процессе исследования мы исходили из того, что достижение высоких результатов в области воспитывающего обучения в условиях ВК возможно при максимальной воспитательной нагрузке каждого урока, насыщение его элементами дифференцированного и проблемного обучения. При этом изменялось сочетание индивидуальных, групповых и коллективных форм организации обучения, поощрялись внимание воспитанников друг к другу, коллективу, забота об общем успехе. Все это способствовало формированию у воспитанников доброжелательности, дружбы, сопереживания, укреплению коллективных связей.

Важное значение в приобретении опыта коллективной жизни имеет трудовая деятельность воспитанников. Трудовая деятельность в экспериментальной работе организовывалась с опорой на актуальные и значимые для несовершеннолетних осужденных мотивы (приобрести престижную профессию, повысить уровень квалификации, необходимой в условиях рыночной экономики и т.д.), что давало возможность формировать у них положительное отношение к труду, людям труда, заинтересованность в выполнении заданий. Это, в свою очередь, способствовало расширению и углублению нравственных знаний, умений и навыков, повышению устойчивости и осознанности их положительной мотивации, воспитанию морально-волевых качеств.

Важное значение придается и общественной деятельности. Определены основные пути, при которых общественная деятельность может выступать как действенное средство эффективности развития воспитывающего коллектива. К числу наиболее важных из них относятся обеспечение высокой нравственно-правовой направленности содержания проводимой работы, придание ей большой социальной значимости, использование разнообразных форм деятельности, отвечающих интересам воспитанников, уровню их подготовленности, степени педагогической

запущенности, наличному уровню у них знаний, умений и навыков. Организация общественной деятельности должна отличаться систематичностью, разносторонностью, содержать элементы эмоциональной привлекательности. При правильной организации педагогического процесса, способствующего включению всех воспитанников в общественную деятельность, происходит переориентация малых групп отрицательной направленности, оздоровление микросреды осужденных, формируется воспитывающий коллектив осужденных.

Результаты исследования убеждают в том, что эффективность формирования воспитывающего коллектива осужденных достигается при соблюдении ряда условий. Это прежде всего повышение научно-теоретического и методического уровня воспитателей, учителей, мастеров колонии, целенаправленное изучение коллектива, принятие правильных, оправданных педагогических решений, правильное планирование воспитательной работы в коллективе; выявление и учет уровня развития воспитывающего коллектива в процессе исправления осужденных.

Коллективы несовершеннолетних мужского пола характеризуются повышенной жесткостью взаимоотношений, высоким уровнем скрытой конфликтности, распространением насильственных норм разрешения конфликтов. 74% обследованных нами правонарушителей без особых колебаний вступали в опасное для здоровья и жизни единоборство только затем, чтобы сохранить положительное отношение к себе членов отрицательной микрогруппы.

Установлено, что наиболее положительные результаты в коллективах для подростков и юношей дает методика интенсивного воспитания, осуществление системы мер, направленных на достижение воспитательного эффекта на основе увеличения напряженности воспитания за малый промежуток времени. Интенсификация воспитательного процесса в экспериментальной работе достигалась следующими путями: быстрейшим изучением личности и коллектива; установлением шефства над трудновоспитуемыми осужденными; включением вновь прибывших осужденных в различные общественно полезные виды деятельности; созданием обстановки нетерпимости в коллективе осужденных к нарушителям дисциплины; своевременной организацией постоянного контроля за поведением и их деятельностью; обеспечение непрерывности воспитательных воздействий как со стороны воспитателей, так и со стороны актива воспитанников.

Коллективы несовершеннолетних осужденных женского пола характеризуются большой деморализацией в сфере полового поведения. Раннее начало половой жизни становится известным в микросреде осужденных, влияет на взаимоотношения между воспитанницами, образование в коллективе колонии малых групп на почве лесбийской любви, отношение к учебе, труду, общественной работе. Конфликты в коллективе воспитанниц протекают весьма своеобразно. Они не имеют латентного периода, возникают быстро, протекают бурно, прекращаются быстрее, чем в юношеских коллективах. Разрешение конфликта очень редко выливается в открытую физическую расправу над неугодными лицами.

В экспериментальной работе формирование воспитывающего коллектива несовершеннолетних правонарушительниц осуществлялось по линии полового, эстетического воспитания, организации свободного времени, с использованием методики аутогенной тренировки и психолого-педагогической саморегуляции.

Итоги опытно-экспериментальной работы показали, что в колониях улучшилась дисциплина, сократилось число грубых нарушений установленного режима, повысилось качество производственной деятельности и учебы, активизировалась общественная работа, сократился процент рецидивной преступности среди лиц освободившихся досрочно. Кроме этого, в каждом экспериментальном коллективе произошли позитивные перемены, улучшились взаимоотношения и общение между воспитанниками, морально-психологический климат, что в конечном счете привело к значительному повышению процесса исправления личности несовершеннолетних осужденных.

Воспитывающий коллектив – главный способ организации социально значимой жизни и деятельности воспитанников колонии, это такое сообщество, в котором наиболее возможны социальная защищенность личности, демократия и гуманизм, где в основе построения взаимоотношений и общения между его членами лежат человеческие нравственные нормы и ценности.

Результаты исследования подтвердили наши предположения о том, что эффективность исправления личности в ВК зависит от уровня развития воспитывающего коллектива осужденных.

Список литературы:

[1] Васильев, В.Л. Юридическая психология: учеб. для вузов / В.Л. Васильев. – 5-е изд.; перераб. и доп. – СПб., 2008. – 556 с.

[2] Васильева, З.И. История образования

и педагогической мысли за рубежом и в России: уч. пособие / З.И. Васильева. – М.: Академия, 2001. – 415 с.

[3] Васильев, Ю.В. Педагогическое управление в школе: методология, теория, практика / Ю.В. Васильев. – М.: Педагогика, 1990. – 272 с.

[4] Верб, Л.Я. Под одним кровом. Советы семейного психолога / Л.Я. Верб. – СпбПитер, 2003. – 256 с.

[5] Верб, Л.Я Половое воспитание школьников как морально-педагогическая проблема; автореф. дис. ... канд. п. наук: / Л.Я. Верб. – Ленинград, 1972. – 19 с.

[6] Вершловский, С.Г. Общее образование взрослых: стимулы и мотивы / С.Г. Вершловский. – М.: Педагогика, 1987. – 184 с.

[7] Вершловский, С.Г. Проблемы гуманизации школьного образования / С.Г. Вершловский // Гуманизация образования. Теория. Практика. – Спб.: СпбГУПМ, 1994. – С. 5-14.

[8] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[10] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[11] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[12] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[13] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[14] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[15] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[16] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[17] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[18] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[19] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[20] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

References:

[1] Vasiliev, V.L. Legal psychology: training for universities/ V.L. Vasiliev. - 5th ed.; reworked. and add. - St. Petersburg, 2008. - 556 p.

[2] Vasilyeva, Z.I. History of education and pedagogical thought abroad and in Russia: academic allowance/Z.I. Vasilyeva. - M.: Academy, 2001. – 415

s.

[3] Vasiliev, Yu.V. Pedagogical management at school: methodology, theory, practice/Yu.V. Vasiliev. - M.: Pedagogy, 1990. - 272 p.

[4] Werb, L.Ya. Under one bed. Family Psychologist Tips/ L.Ya. Verb. - St. Petersburg, 2003. - 256 s.

[5] Werb, L. Ya Sex education of schoolchildren as a moral and pedagogical problem; autoref. dis.... Candidate of Sciences :/L.Ya. Verb. - Leningrad, 1972. - 19 s.

[6] Vershlovsky, S.G. General education of adults: incentives and motives/S.G. Vershlovsky. - M.: Pedagogy, 1987. - 184 s.

[7] Vershlovsky, S.G. Problems of humanization of school education/S.G. Vershlovsky// Humanization of education. Theory. Practice. - St. Petersburg: SpbGUPM, 1994. - S. 5-14.

[8] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[10] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[11] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[12] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[13] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[14] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[15] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[16] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[17] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[18] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[19] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[20] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-139-144

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,

e-mail: okovalev66@gmail.com

СИСТЕМА ЗАПРЕТОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ И ИХ РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Аннотация. *Целью исследования явился юридический механизм запретов, установленных национальным уголовно-исполнительным законом и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России как элемента правового положения осужденных к лишению свободы и их роли в организации исполнения наказания. Для ее реализации использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные и учебно-методические публикации по проблематике правового положения осужденных к лишению свободы и особенностях его исполнения в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Правовое положение осужденных к лишению свободы в условиях современной уголовно-исполнительной и оперативно-розыскной политики является важнейшим юридическим институтом национального уголовно-исполнительного права. Правовое положение осужденных к лишению свободы включает в себя несколько элементов, основными из которых выступают права, обязанности и запреты. В УИК РФ законодатель закрепил лишь основные права и обязанности, осужденных к лишению свободы, а в ПВР ИУ УИС, представил их расширенный, полный и исчерпывающий перечень. При этом система запретов в два раза превосходит в количественном отношении как систему прав, так и обязанностей осужденных. Данный подход законодателя закономерен и обоснован общей системой ограничений, связанной с исполнением рассматриваемого, наиболее жесткого и сурового (в сравнении с другими) вида уголовного наказания. Конкретные запреты осужденным, отбывающим лишение свободы, составляющие специфическую систему, перечислены в пункте 12 ПВР ИУ УИС. К ним относится 41 запрет. Все запреты, указанные в ведомственном правовом акте Минюста России можно условно классифицировать. Критериями возможной классификации могут служить требования: общеправовые; режимные и надзорные; инженерные, охранные и контрольные; противопожарной безопасности; морально-этические; обеспечения личной безопасности и безопасности других осужденных, персонала учреждения и лиц в нем находящихся; обеспечения безопасности инфраструктурных объектов ИУ; обусловленные соблюдением распорядка дня в ИУ; связанные с установленным законом порядка употребления пищевых продуктов, лекарственных средств, обращения вещей и предметов.*

Ключевые слова: *запреты, права и обязанности осужденных, лишение свободы, исполнение наказания, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, работники УИС.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,

Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

THE SYSTEM OF PROHIBITIONS AS AN ELEMENT OF THE LEGAL STATUS OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT AND THEIR ROLE IN THE ORGANIZATION OF THE EXECUTION OF PUNISHMENT

Annotation. *The purpose of the study was the legal mechanism of prohibitions established by the national penal enforcement law and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia as an element of the legal status of persons sentenced to imprisonment and their role in organizing the execution of punishment. To implement it, the principle*

of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were used. Legislative and departmental legal acts, scientific and educational publications on the legal status of persons sentenced to imprisonment and the specifics of its execution in correctional institutions of the penal system were analyzed. The legal status of persons sentenced to imprisonment in the context of modern penal enforcement and operational investigative policy is the most important legal institution of national penal enforcement law. The legal status of persons sentenced to imprisonment includes several elements, the main of which are rights, duties and prohibitions. In the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator fixed only the basic rights and duties of those sentenced to imprisonment, and in the Criminal Code of the Russian Federation he presented an expanded, complete and exhaustive list of them. At the same time, the system of prohibitions is twice as numerous as the system of rights and duties of convicts. This approach of the legislator is logical and justified by the general system of restrictions related to the execution of the considered, the most severe and severe (in comparison with others) type of criminal punishment. The specific prohibitions to convicts serving their sentences, which constitute a specific system, are listed in paragraph 12 of the PRA of the Criminal Code of the Criminal Code. These include 41 prohibitions. All prohibitions specified in the departmental legal act of the Ministry of Justice of Russia can be conditionally classified. The criteria for a possible classification can be the following requirements: general legal; regime and supervisory; engineering, security and control; fire safety; moral and ethical; ensuring personal safety and the safety of other convicts, the staff of the institution and persons in it; ensuring the safety of the infrastructure facilities of the detention center; due to compliance with the daily routine in the detention center; related to the procedure established by law for the consumption of food, medicines, handling of things and objects.

Key words: *prohibitions, rights and duties of convicts, imprisonment, execution of punishment, correctional institutions, penal enforcement system, prison staff.*

Введение. Правовое положение (статус) осужденных к лишению свободы в условиях современной уголовно-исполнительной и оперативно-розыскной политики является важнейшим юридическим институтом национального уголовно-исполнительного права [1, с. 81-83]. Правовое положение осужденных к лишению свободы включает в себя несколько элементов, основными из которых выступают права, обязанности и запреты.

Первые представляют систему конкретных прав осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее ИУ УИС), закрепленных в уголовно-исполнительном законе (статье 12 УИК) и ведомственном правовом акте (пункте 10 Приложения № 2 к Приказу Минюста России 2022 г. № 110) [2, с. 189-191].

Вторые – закрепленную в статье 11 УИК РФ и пункта 11 Правил внутреннего распорядка ИУ УИС 2022 г. (далее ПВР ИУ УИС) систему обязанностей, осужденных к лишению свободы [3, с. 218-224].

Наконец, третьим элементом правового положения осужденных к лишению свободы, влияющим на организацию исполнения данного вида уголовного наказания выступает система запретов. Запреты органически дополняют обязанности осужденных. Они также взаимосвязаны с правами осужденных, создавая единый правовой институт отечественного уголовно-исполнительного права, отраженного, в том числе, в директивных документах Правительства Российской Федерации (Концепции развития УИС на период до 2030 года) [4].

Теоретико-правовой анализ указанных законодательных и ведомственных правовых актов позволил определить количественное соотношение рассматриваемых элементов правового положения осужденных к лишению свободы. Так, в статье 12 УИК РФ отражены 10 основных прав. В ПВР ИУУИС конкретизированы и детализированы уже 25 конкретных прав осужденных к лишению свободы.

В статье 11 УИК РФ сформулированы лишь 5 основных обязанностей осужденных, в ПВР ИУ УИС их закреплено 26. Что касается системы запретов осужденных, то в ПВР ИУ УИС их содержится весьма значительное количество – 41.

Таким образом, можно утверждать, что в УИК РФ законодатель закрепил лишь основные права и обязанности, осужденных к лишению свободы, а в ПВР ИУ УИС, представил их расширенный, полный и исчерпывающий перечень. При этом система запретов в два раза превосходит в количественном отношении как систему прав, так и обязанностей осужденных. Данный подход законодателя закономерен и обоснован общей системой ограничений, связанной с исполнением рассматриваемого, наиболее жесткого и сурового (в сравнении с другими) вида уголовного наказания,

закрепленного в статье 56 УК РФ [5].

Методы и принципы исследования. Для изучения юридического механизма запретов, установленных национальным уголовно-исполнительным законом и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России как элемента правового положения осужденных к лишению свободы и их роли в организации исполнения наказания использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные и учебно-методические публикации по проблематике правового положения осужденных к лишению свободы и особенностях его исполнения в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Основные результаты. Конкретные запреты осужденным, отбывающим лишение свободы, составляющие специфическую систему, перечислены в пункте 12 ПВР ИУ УИС. К ним относится 41 запрет. Все запреты, указанные в ведомственном правовом акте Минюста России можно условно классифицировать. Критериями возможной классификации могут служить следующие требования:

общеправовые, сформулированные в уголовно-исполнительном законе;

режимные и надзорные;

инженерные, охранные и контрольные;

противопожарной безопасности;

морально-этические;

обеспечения личной безопасности и безопасности других осужденных, персонала учреждения и лиц в нем находящихся;

обеспечения безопасности инфраструктурных объектов ИУ;

обусловленные соблюдением распорядка дня В ИУ;

связанные с установленным законом порядка употребления пищевых продуктов, лекарственных средств, обращения вещей и предметов.

Рассмотрим основные из них. Осужденным к лишению свободы запрещается:

препятствовать законным действиям работников УИС, закрепленным не только в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве, но и международных пенитенциарных стандартах [6, с. 45-48];

приближаться без сопровождения работников УИС к ограждениям запретных зон, пересекать их, нарушать границу территории ИУ либо линию охраны объектов;

без разрешения администрации ИУ покидать помещения, нахождение в которых регламентировано распорядком дня осужденных к лишению свободы, выходить за пределы изолированных участков, камерных помещений, запираемых помещений и изолированных жилых помещений, запираемых в свободное от учебы и работы время [7];

находиться без разрешения администрации ИУ в общежитиях, в которых они не проживают, в учебных кабинетах, в которых не обучаются, либо на объектах, на территории которых не работают и не имеют права доступа в соответствии с режимными требованиями [8, с. 126-128];

разговаривать, заглядывать в камерные глазки, подходить к дверям камерных помещений при передвижении по территории ИУ, а также во время проведения массовых мероприятий без разрешения администрации учреждения [9];

закрывать объективы камер видеонаблюдения, приводить в нерабочее состояние и нарушать целостность аудиовизуальных, электронных, инженерных и иных технических средств надзора и контроля. Нажимать без основания кнопки тревожной сигнализации и дуплексной связи. Противодействовать и выводить из строя интегрированные системы безопасности, применяемые в учреждении [10, с. 98-101];

пользоваться без разрешения администрации ИУ заточным оборудованием, инструментом, электроприборами, механизмами и материалами [11];

продавать, покупать, дарить, принимать в дар, отчуждать иным способом в пользу других осужденных к лишению свободы либо присваивать вещи, предметы и продукты питания, находящиеся в личном пользовании других осужденных [12];

вести переговоры, перестукиваться или переписываться с осужденными, содержащимися в камерах и других помещениях ИУ. Изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях [13, с. 345-342];

курить до достижения восемнадцатилетнего возраста;

участвовать в азартных играх;

наносить себе и другим лицам татуировки;

занавешивать и без разрешения администрации ИУ менять спальные места, а также самовольно их оборудовать;

без разрешения администрации ИУ находиться на спальных местах в не отведенное для сна и подготовки ко сну время [14];

организовывать забастовки или иные акции группового неповиновения, а также участвовать в них [15, с. 166-174];

использовать нецензурную брань, а также жаргонные слова и выражения, применяемые в криминальной среде, допускать в отношениях

с другими людьми унижающие их честь и достоинство, поведение и обращение [16, с. 47-54];

изготавливать самодельные электрические приборы и пользоваться ими, разводить огонь без разрешения администрации ИУ [17, с. 98-103];

приближаться к изолированным участкам отрядов, в которых они не проживают [18, с. 244-248];

причинять умышленный вред оборудованию и имуществу ИУ, результатам которой является привлечение осужденных к материальной ответственности [19, с. 374-378].

Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;

V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Заключение. Правовое положение осужденных к лишению свободы в условиях современной уголовно-исполнительной и оперативно-розыскной политики является важнейшим юридическим институтом национального уголовно-исполнительного права. Правовое положение осужденных к лишению свободы включает в себя несколько элементов, основными из которых выступают права, обязанности и запреты.

В УИК РФ законодатель закрепил лишь основные права и обязанности, осужденных к лишению свободы, а в ПВР ИУ УИС, представил их расширенный, полный и исчерпывающий перечень. При этом система запретов в два раза превосходит в количественном отношении как систему прав, так и обязанностей осужденных. Данный подход законодателя закономерен и обоснован общей системой ограничений, связанной с исполнением рассматриваемого, наиболее жесткого и сурового (в сравнении с другими) вида уголовного наказания.

Конкретные запреты осужденным, отбывающим лишение свободы, составляющие специфическую систему, перечислены в пункте 12 ПВР ИУ УИС. К ним относится 41 запрет. Все запреты, указанные в ведомственном правовом акте Минюста России можно условно классифицировать. Критериями возможной классификации могут служить требования: общеправовые; режимные и надзорные; инженерные, охранные и контрольные; противопожарной безопасности; морально-этические; обеспечения личной безопасности и безопасности других осужденных, персонала учреждения и лиц в нем находящихся; обеспечения безопасности инфраструктурных объектов ИУ; обусловленные соблюдением распорядка дня в ИУ; связанные с установленным законом порядка употребления пищевых продуктов, лекарственных средств, обращения вещей и предметов.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С.81-83.

[2] Ковалев О.Г. Вопросы соблюдения прав осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2024. № 12. С. 189-191.

[3] Ковалев О.Г. Основные обязанности осужденных и их влияние на воспитательную работу в учреждениях, исполняющих наказания // Российский научный вестник. 2025. № 7. С. 218-224.

[4] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 09.04.2026).

[5] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007.

[6] Ковалев О.Г., Моторнюк Е.В. Безопасность учреждений УИС в контексте международных пенитенциарных стандартов: проблемы современной правовой имплементации // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Москва, 2024. С. 45-48.

[7] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 09.04.2026).

[8] Ковалев О.Г., Александрова А.Ю. Современные факторы, влияющие на организацию режима в исправительных учреждениях (на примере правил внутреннего распорядка ИУ и ИЦ) // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 126-128.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[10] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Применение интегрированных систем обеспечения безопасности в современных условиях развития УИС // В сборнике: Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Новосибирск-Новокузнецк. 2022. С. 98-101.

[11] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Основы комплексного обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития / Монография. Псков 2024. 199 с.

[12] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

[13] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Обысково-досмотровые мероприятия как важнейший фактор обеспечения безопасности пенитенциарных учреждений // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30. № 3. С. 345-352.

[14] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[15] Карпов А.А., Ковалев О.Г. Детерминанты совершения групповых неповиновений и массовых беспорядков в отечественных пенитенциарных учреждениях // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2023. № 3 С. 166-174.

[16] Щербаков А.В., Ковалев О.Г. Психолого-педагогические и организационно-правовые аспекты речевой агрессии как фактора, дезорганизующего деятельность исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1 (248). С. 47-54.

[17] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Совершенствование противопожарного режима учреждений как важнейшее направление обеспечения их безопасности в современных условиях // Право и образование. 2022. № 6. С. 98-103.

[18] Ковалев О.Г., Иконников Д.С. Влияние раздельного содержания осужденных к лишению свободы на особенности реализации средств обеспечения режима в исправительных учреждениях // Закон и право. 2024. № 3. С. 244-248.

[19] Ковалев О.Г. Правовые и психологические механизмы привлечения осужденных, отбывающих лишение свободы к материальной ответственности // Право и управление. 2025. № 6. С. 374-378.

References:

[1] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. The legal status of convicts and its impact on the organization of operational investigative activities in correctional institutions of the penitentiary system // Trends in the development of science and education. 2023. No. 94-4. pp.81-83.

[2] Kovalev O.G. Issues of observance of the rights of convicts in correctional institutions of the penal system // Russian Scientific Bulletin. 2024. No. 12. pp. 189-191.

[3] Kovalev O.G. The main duties of convicts and their impact on educational work in institutions

executing punishments // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 7. pp. 218-224.

[4] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant.ru (accessed 04/09/2026).

[5] Russian criminal Law. The special part: The Tutorial / Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007.

[6] Kovalev O.G., Motornyuk E.V. The security of penal institutions in the context of international penitentiary standards: problems of modern legal implementation // In the collection: Scientific papers of the Federal State Budgetary Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Moscow, 2024. pp. 45-48.

[7] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 04/09/2026).

[8] Kovalev O.G., Alexandrova A.Yu. Modern factors influencing the organization of the regime in correctional institutions (on the example of the internal regulations of correctional institutions and ITS) // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 126-128.

[9] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[10] Kovalev O.G., Semenova N.V. The use of integrated security systems in modern conditions of development of UIS // In the collection: Development of the penal enforcement system: organizational, legal and economic aspects. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Novosibirsk-Novokuznetsk. 2022. pp. 98-101.

[11] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Fundamentals of integrated security of institutions of the penal system at the present stage of its development / Monograph. Pskov 2024. 199 p.

[12] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A.Moscow, 2006. 148 p.

[13] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Search and inspection measures as the most important factor in ensuring the safety of penitentiary institutions // Man: crime and punishment. 2022. Vol. 30. No. 3. pp. 345-352.

[14] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[15] Karpov A.A., Kovalev O.G. Determinants of group disobedience and mass riots in domestic penitentiary institutions // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2023. No. 3, pp. 166-174.

[16] Shcherbakov A.V., Kovalev O.G. Psychological, pedagogical, organizational and legal aspects of speech aggression as a factor disorganizing the activities of correctional institutions providing isolation from society // Bulletin of the penal enforcement system. 2023. No. 1 (248). pp. 47-54.

[17] Kovalev O.G., Semenova N.V. Improving the fire safety regime of institutions as the most important direction of ensuring their safety in modern conditions // Law and education. 2022. No. 6. pp. 98-103.

[18] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S. The influence of the separate detention of persons sentenced to imprisonment on the specifics of the implementation of the means of ensuring the regime in correctional institutions // Law and Law. 2024. No. 3. pp. 244-248.

[19] Kovalev O.G. Legal and psychological mechanisms for bringing convicts serving imprisonment to financial responsibility // Law and management. 2025. No. 6. pp. 374-378.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-145-151

ИСАКОВА Татьяна Игоревна,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель юридического факультета ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России,

e-mail: kolesn_tanya@mail.ru

ВОЛЧЕНКО Юрий Алексеевич,

адвокат (регистрационный номер 42/1454) некоммерческая организация «Коллегия адвокатов центрального района г. Новокузнецка Кемеровской области № 38»,

e-mail: volchenko.jua@gmail.com

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СРОКОВ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: ПРОБЛЕМЫ ЕДИНООБРАЗИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. *В статье исследуются актуальные проблемы нормативно-правового регулирования первоначальных розыскных мероприятий, осуществляемых уголовно-исполнительными инспекциями в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Анализируется содержание и алгоритм проведения розыскных действий, направленных на установление местонахождения осужденных, уклоняющихся от контроля. Особое внимание уделено изменениям в сроках проведения первоначальных розыскных мероприятий: сокращению с 30 до 15 суток для отдельных категорий осужденных и отсутствию нормативного регулирования сроков в отношении лиц, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания. Выявлены коллизии между подзаконными нормативными правовыми актами и нормами Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, а также пробелы в правовом регулировании розыскной деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Обосновывается необходимость гармонизации ведомственных актов с федеральным законодательством и унификации процессуальных сроков проведения первоначальных розыскных мероприятий. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию нормативной базы, направленные на повышение эффективности розыскной деятельности и обеспечение единообразия правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная инспекция, первоначальные розыскные мероприятия, осужденные без изоляции от общества, уклонение от отбывания наказания, обязательные работы, исправительные работы, отсрочка отбывания наказания, правовое регулирование, УИК РФ.*

ISAKOVA Tatiana Igorevna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer at the Faculty of Law at the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

VOLCHENKO Yuriy Alekseevich,

Lawyer (registration number 42/1454) Non-Profit Organization “Bar Association of the Central District of Novokuznetsk, Kemerovo Region No 38”

DIFFERENTIATION OF TIME LIMITS FOR INITIAL SEARCH MEASURES: PROBLEMS OF UNIFORMITY IN LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. *This article examines current problems in the legal regulation of initial search measures conducted by criminal-executive inspections regarding convicts sentenced to punishments not involving isolation from society. The content and algorithm of search actions aimed at establishing the location of convicts evading control are analyzed. Particular attention is paid to changes in the time limits for initial search measures: the reduction from 30 to 15 days for certain categories of convicts and the lack of regulatory time limits for individuals granted a deferment of punishment. Collisions between subordinate regulatory legal acts and the norms of the Penal Executive Code of*

the Russian Federation are identified, as well as gaps in the legal regulation of the search activities of criminal-executive inspections. The necessity of harmonizing departmental acts with federal legislation and unifying procedural time limits for initial search measures is substantiated. Specific proposals for improving the regulatory framework are formulated, aimed at increasing the efficiency of search activities and ensuring uniformity in law enforcement practice.

Key words: *criminal-executive inspection, initial search measures, convicts without isolation from society, evasion of serving punishment, compulsory labor, corrective labor, deferment of serving punishment, legal regulation, Penal Executive Code of the Russian Federation.*

Процесс исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, весьма сложный, так как специфика реализации не предусматривает изоляцию от общества, у осужденного имеется большой спектр возможностей по уклонению от отбывания наказания, одним из которых является скрытие от контроля уголовно-исполнительных инспекциях [1, с. 108] (далее - УИИ).

В соответствии с Положением об УИИ, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729, к компетенции УИИ отнесена организация и осуществление первоначальных розыскных мероприятий в отношении отдельных категорий осужденных, не связанных с изоляцией от общества. В их числе — лица, осужденные условно, осужденные, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания, а также граждане, приговоренные к исправительным работам [5].

Вместе с тем, анализ норм уголовно-исполнительного законодательства свидетельствует о наличии более дифференцированного перечня категорий осужденных, в отношении которых уполномоченные органы вправе инициировать проведение первоначальных розыскных мероприятий (далее – ПРМ). К таковым, в частности, относятся лица, осужденные к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, а также условно осужденные граждане и осужденные, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания [6]. Основанием для реализации соответствующих розыскных полномочий уголовно-исполнительной инспекции выступает установленный факт уклонения указанных лиц от установленного судом контроля, что требует своевременного реагирования в целях обеспечения исполнения назначенного наказания и предотвращения дальнейшей криминализации их поведения.

Как отмечается в юридической литературе, суть проведения ПРМ заключается в осуществлении комплекса мероприятий, проводимых сотрудниками инспекции, направленных на установление местонахождения осужденного, уклоняющегося от контроля УИИ и отбывания наказания или меры уголовно-правового характера без изоляции от общества [2, с. 184].

Содержательная сторона первоначальных розыскных мероприятий, реализуемых сотрудниками УИИ, характеризуется комплексным алгоритмом действий, направленных на установление местонахождения осужденного. В рамках данного процесса уполномоченные должностные лица осуществляют следующие мероприятия:

Обследование места жительства и опрос окружения: производится посещение места проживания осужденного с целью опроса родственников, соседей и иных лиц, которые могут располагать сведениями о его вероятном местонахождении.

Работа с социальными связями: осуществляется опрос граждан, поддерживающих отношения с осужденным. Контактные данные указанных лиц устанавливаются в ходе первоначальной постановки на учет и профилактических бесед (в случае отсутствия разъяснений порядка отбывания наказания). Кроме того, при наличии соответствующих данных, опрашиваются соучастники по уголовному делу.

Запросы по месту трудовой и учебной деятельности: проводится опрос должностных лиц и сотрудников организаций, где осужденный ранее работал или обучался, для получения информации о его возможном местонахождении.

Взаимодействие с органами внутренних дел (далее - ОВД): направляется обращение в территориальный орган ОВД по месту жительства осужденного для оказания содействия в установлении его адреса пребывания.

Информирование специализированных подразделений: подразделение розыска территориального органа ФСИН России уведомляется об инициировании первоначальных мероприятий в отношении конкретного осужденного.

Проверка по ведомственным учетам: реализуется проверка информации по учетам учреждений, подведомственных ФСИН России, а также по информационным центрам ОВД.

Межведомственные запросы: направляются официальные запросы в адресно-

справочные бюро, органы ЗАГС, медицинские учреждения (по месту возможного нахождения осужденного), а также в военные комиссариаты (в отношении лиц, состоявших на воинском учете или достигших призывного возраста).

Изучение материалов судебного производства: осуществляется анализ материалов уголовного дела в суде для выявления сведений, недостающих для эффективного розыска.

Мониторинг уголовного преследования: посредством запросов или каналов межведомственного взаимодействия устанавливается информация о возбуждении новых уголовных дел в отношении разыскиваемого лица.

Использование информационно-телекоммуникационных ресурсов: при наличии технической возможности проводится мониторинг активности осужденного в социальных сетях, а также осуществляется проверка по базе данных «Розыск-Магистраль».

Иные источники: используются иные доступные законные источники информации, способствующие локализации местонахождения осужденного.

Данный перечень отражает многовекторный характер деятельности УИИ, требующий координации усилий различных государственных органов и использования широкого спектра информационных ресурсов.

Следует констатировать, что нормативное регулирование временных рамок проведения ПРМ претерпело существенные изменения. Ранее действовавший порядок, регламентированный Инструкцией по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, устанавливал тридцатидневный срок для реализации комплекса первоначальных розыскных действий [7]. Данный нормативный подход находил свое отражение и в научных исследованиях, где 30-суточный период рассматривался в качестве оптимального временного интервала, достаточного для сбора и верификации информации о местонахождении осужденного [3, с. 139].

Вместе с тем, с введением в действие нового нормативного правового акта, утвердившего Порядок организации исполнения наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, а также осуществления контроля за поведением условно осужденных и лиц, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания [8] (далее – Порядок), законодатель пересмотрел указанные временные рамки.

Данное изменение требует особого научного осмысления, поскольку сокращение временного лимита, отведенного на установление местонахождения осужденного, актуализирует вопросы эффективности розыскной деятельности, ресурсного обеспечения инспекций и соблюдения баланса между оперативностью реагирования и полнотой проводимых мероприятий.

В контексте динамичного развития уголовно-исполнительного законодательства особого догматического анализа заслуживает нормативная конструкция, определяющая временные и процедурные границы инициирования ПРМ. Законодатель формулирует данное положение следующим образом: «Первоначальные розыскные мероприятия по установлению места нахождения осужденного осуществляются со дня, когда инспекции стало известно об уклонении осужденного от отбывания наказания либо контроля, в период, не превышающий срок привлечения к отбыванию наказания в виде обязательных, исправительных работ, на основании рапорта сотрудника инспекции, утвержденного начальником инспекции».

Несомненно, что указанная законодательная дефиниция, будучи адаптированной к условиям частого реформирования нормативной базы, призвана обеспечить баланс между оперативностью реагирования на факты уклонения и гарантиями соблюдения прав лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества.

Особую научную значимость приобретает анализ дифференциации временных пределов проведения ПРМ в зависимости от категории осужденного и вида назначенного наказания. Установлено, что максимальный срок реализации ПРМ в отношении лиц, осужденных к обязательным и исправительным работам, коррелирует с периодом, предусмотренным нормативными актами для привлечения к отбыванию данных видов наказания. Однако в отношении иных категорий осужденных наблюдается существенная нормативная неопределенность. Так, законодатель не определил конкретные временные границы проведения ПРМ в отношении лиц, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания согласно ч. 1 ст. 82 УК РФ. В то же время, в отношении условно осужденных сохранен тридцатидневный срок осуществления розыскных действий. Указанная дискреция в нормативном регулировании порождает вопросы относительно единообразия правоприменительной практики и актуализирует необходимость внесения уточнений в действующее законодательство.

Обращаясь к вопросу о временных границах проведения первоначальных

розыскных мероприятий, следует выделить специфику регулирования в отношении лиц, осужденных к обязательным и исправительным работам. Для данной категории осужденных срок осуществления розыскных действий установлен в 15 суток. Подобная временная детерминация обусловлена нормативно закрепленным периодом, отведенным законодателем для привлечения осужденных к отбыванию наказания, что регламентировано положениями ст. 25 и ст. 39 УИК РФ соответственно.

При буквальном толковании нормативных положений следует констатировать, что фактический временной ресурс, отведенный на проведение ПРМ, оказывается существенно короче формально установленного пятнадцатидневного срока. Данная коллизия обусловлена необходимостью соблюдения процедурных требований, предшествующих инициированию розыскных действий.

В соответствии с п. 11 Порядка, при постановке осужденного на учет уголовно-исполнительная инспекция обязана в течение одного рабочего дня направить ему уведомление о дате и времени явки, при этом сама явка должна быть назначена на срок не позднее пяти рабочих дней с момента постановки на учет. Таким образом, административно-процедурный этап, включающий направление вызова и предоставление осужденному времени для добровольной явки, объективно сокращает период, доступный для реализации непосредственно розыскных мер.

Указанное обстоятельство актуализирует проблему дифференциации формального и фактического сроков проведения ПРМ: если законодатель устанавливает общий лимит в 15 суток, то с учетом императивных требований к порядку вызова осужденного, эффективный временной интервал для розыска может составлять менее десяти рабочих дней. Подобная временная компрессия создает дополнительные риски для полноты и качества проведения розыскных мероприятий, что требует учета в правоприменительной практике.

На основании проведенного анализа нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики целесообразно систематизировать ключевые проблемы, возникающие в сфере организации ПРМ, осуществляемых уголовно-исполнительными инспекциями:

Нормативно-правовая коллизия между актами различной юридической силы. Наблюдается существенное несоответствие положений подзаконного нормативного правового акта — Постановления Правительства РФ № 729 — нормам федерального законодательства, в частности УИК РФ, в части определения категорий осужденных, в отношении которых уполномоченные органы вправе инициировать проведение ПРМ. Указанный дисбаланс, неоднократно отмеченный в современной юридической доктрине [4, с. 9], создает препятствия для единообразного толкования и применения норм, регулирующих розыскную деятельность инспекций.

Дифференциация и фрагментарность в регламентации временных пределов проведения ПРМ. Отсутствие унифицированного подхода к установлению сроков осуществления первоначальных розыскных мероприятий в отношении различных категорий подучетных лиц детерминирует неоднородность правоприменительной практики. Особую озабоченность вызывает нормативная неопределенность в отношении лиц, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания в соответствии с ч. 1 ст. 82 УК РФ: для данной категории осужденных действующее законодательство вовсе не содержит императивных указаний на предельные сроки проведения ПРМ, что порождает риски нарушения принципа законности и единообразия в деятельности уголовно-исполнительной системы.

Недостаточность временного ресурса для реализации розыскного потенциала в отношении отдельных категорий осужденных. Установление сокращенного пятнадцатидневного срока для проведения ПРМ в отношении лиц, осужденных к обязательным и исправительным работам, при условии необходимости соблюдения предварительных процедурных требований (направление уведомления, предоставление времени для добровольной явки), объективно ограничивает возможности сотрудников инспекций по сбору, верификации и анализу информации о местонахождении разыскиваемых лиц.

В целях устранения выявленных правовых пробелов и коллизий, а также оптимизации деятельности уголовно-исполнительных инспекций, представляется целесообразным реализовать комплекс мер по совершенствованию нормативно-правового регулирования института ПРМ. В частности, предлагаются следующие направления законодательной оптимизации:

Гармонизация положений подзаконных нормативных правовых актов с нормами УИК РФ.

Необходимо устранить существующее несоответствие между подзаконными актами и федеральным законодательством в части определения компетенции УИИ. В этой связи предлагается актуализировать пункт «з» статьи 7 главы 2 Положения об уголовно-исполнительных

инспекциях, а также соответствующие нормативы штатной численности, изложив их в следующей редакции: «проведение первоначальных мероприятий в отношении осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также условно осужденных, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительных инспекций». Данная мера позволит привести перечень категорий осужденных в соответствие с актуальными требованиями уголовно-исполнительного законодательства и обеспечит правовую определенность полномочий сотрудников инспекций.

Унификация процессуальных сроков проведения первоначальных розыскных мероприятий. С целью обеспечения возможности реализации полного перечня розыскных действий и повышения их результативности необходимо установить четкие и единые временные рамки для всех категорий подучетных лиц. В частности, предлагается внести изменения в ведомственные нормативные акты, регламентирующие учет осужденных:

Изложить абзац 2 пункта 27 Порядка ведения уголовно-исполнительными инспекциями учета осужденных к обязательным работам… и абзац 2 пункта 52 Порядка ведения учета осужденных к исправительным работам… в следующей редакции: «Первоначальные розыскные мероприятия по установлению местонахождения осужденного осуществляются со дня, когда инспекции стало известно об уклонении осужденного от отбывания наказания либо контроля в течение 30 суток, на основании рапорта сотрудника инспекции, утвержденного начальником инспекции».

Дополнить Порядок осуществления уголовно-исполнительными инспекциями постановки на учет осужденных, к которым применена отсрочка отбывания наказания в соответствии с частью первой статьи 82 Уголовного кодекса Российской Федерации, контроля за их поведением, новым пунктом 39 следующего содержания: «Первоначальные розыскные мероприятия по установлению местонахождения осужденного, скрывшегося от контроля либо не прибывшего в инспекцию после освобождения из исправительного учреждения, осуществляются инспекцией, на учете которой состоит такой осужденный. Первоначальные розыскные мероприятия по установлению местонахождения осужденного осуществляются со дня, когда инспекции стало известно об уклонении осужденного от отсрочки отбывания наказания в течение 30 суток, на основании рапорта сотрудника инспекции, утвержденного начальником инспекции».

Кроме того, целесообразно привести иные структурные элементы ведомственных актов, регулирующих проведение ПРМ, в соответствие с предложенными изменениями по аналогии с Порядками учета осужденных к обязательным и исправительным работам.

Проведенное исследование нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики организации ПРМ, осуществляемых уголовно-исполнительными инспекциями, позволяет сделать следующие выводы.

Эффективность исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, напрямую зависит от способности уполномоченных органов своевременно выявлять факты уклонения осужденных от контроля и локализовать их местонахождение. Однако действующая система правового регулирования данной сферы содержит ряд существенных пробелов и коллизий, снижающих результативность деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

Во-первых, выявлено несоответствие положений подзаконного нормативного правового акта (Постановление Правительства РФ № 729) нормам федерального законодательства (УИК РФ) в части определения категорий осужденных, подлежащих розыску. Данная нормативно-правовая коллизия создает препятствия для единообразного толкования полномочий сотрудников инспекций и требует незамедлительной гармонизации ведомственных актов с уголовно-исполнительным кодексом.

Во-вторых, критическому анализу подвергнута дифференциация сроков проведения ПРМ. Сокращение временного лимита для отдельных категорий осужденных (с 30 до 15 суток) при сохранении обязательных процедурных этапов (направление уведомления, предоставление времени для явки) приводит к существенной «временной компрессии». Фактический период, доступный для реализации розыскного потенциала, сокращается до менее чем десяти рабочих дней, что объективно недостаточно для проведения комплексных мероприятий по установлению местонахождения лица. Кроме того, отсутствие законодательно закрепленных сроков для осужденных с отсрочкой отбывания наказания (ч. 1 ст. 82 УК РФ) порождает правовую неопределенность и риски нарушения принципа законности.

В целях устранения выявленных недостатков и оптимизации розыскной деятельности уголовно-исполнительных инспекций представляется целесообразным реализация предложенного комплекса мер законодательной оптимизации. Ключевыми

направлениями совершенствования должны стать:

приведение Положения об уголовно-исполнительных инспекциях в соответствие с актуальными нормами УИК РФ в части перечня категорий осужденных;

унификация сроков проведения первоначальных розыскных мероприятий для всех категорий осужденных, не изолированных от общества, с установлением единого предела в 30 суток;

восполнение правовых пробелов в регулировании розыска лиц, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания.

Реализация данных предложений позволит обеспечить баланс между оперативностью реагирования на факты уклонения и полнотой проведения розыскных действий, повысит уровень законности в деятельности уголовно-исполнительной системы и будет способствовать достижению целей уголовного наказания без изоляции осужденного от общества.

Список литературы:

[1] Климонов, П. А. Некоторые проблемные аспекты при проведении первоначальных розыскных мероприятий в отношении осужденных к альтернативным видам наказаний/П. А. Климонов // Актуальные проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних : сборник материалов межвузовского научно-практического круглого стола, посвященного памяти профессоров В. И. Игнатенко и З. С. Зарипова (ко Дню российской науки), Рязань, 10 февраля 2023 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 108-111. – EDN WTNDLG.

[2] Кравцова, Ю. В. Особенности проведения первоначальных разыскных мероприятий и задержания лиц, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций / Ю. В. Кравцова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 6. – С. 183-190.

[3] Васенков, М. В. К вопросу об организации розыска осужденных без изоляции от общества / М. В. Васенков, И. Н. Смирнова, А. С. Бузаев // Закон и право. – 2014. – № 12. – С. 138-140.

[4] Красоткин П.Н. Правовое регулирование порядка проведения первоначальных розыскных мероприятий в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества : учебное пособие / канд. юрид. наук П. Н. Красоткин. — Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2020. — 41 с.

[5] Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» от 16.06.1997 № 729 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 23.06.1997 г. - № 25. - Ст. 2947 с изм. и допол. в ред. от 23.04.2012.

[6] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025) // Собрание законодательства РФ. - 13.01.1997. - № 2. - ст. 198

[7] Приказ Минюста России «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» от 20.05.2009 № 142 // Российская газета. - 14.08.2009 г. - № 151. - утратил силу с 28.01.2026 на основании приказа Минюста России от 19.01.2026 № 6.

[8] Приказ Минюста России «Об организации исполнения наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, контроля за поведением осужденных, к которым применена отсрочка отбывания наказания, условно осужденных» от 19.01.2026 № 6 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 20.01.2026 г. - № 0001202601200018

References:

[1] Klimonov, P. A. Some problematic aspects during the initial search activities in relation to those sentenced to alternative types of punishment/P. A. Klimonov//Actual problems of juvenile crime prevention: a collection of materials from the interuniversity scientific and practical round table dedicated to the memory of professors V. I. Ignatenko and Z. S. Zaripov (on the Day of Russian Science), Ryazan, February 10 2023. - Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2024. - S. 108-111. – EDN WTNDLG.

[2] Kravtsova, Yu. V. Features of the initial search activities and detention of persons registered with the criminal executive inspections/Yu. V. Kravtsova//Humanities, socio-economic and social sciences. – 2025. – № 6. - S. 183-190.

[3] Vasenkov, M.V. On the issue of organizing the search for convicts without isolation from society/ M.V. Vasenkov, I.N. Smirnova, A.S. Buzaev//Law and Law. – 2014. – № 12. - S. 138-140.

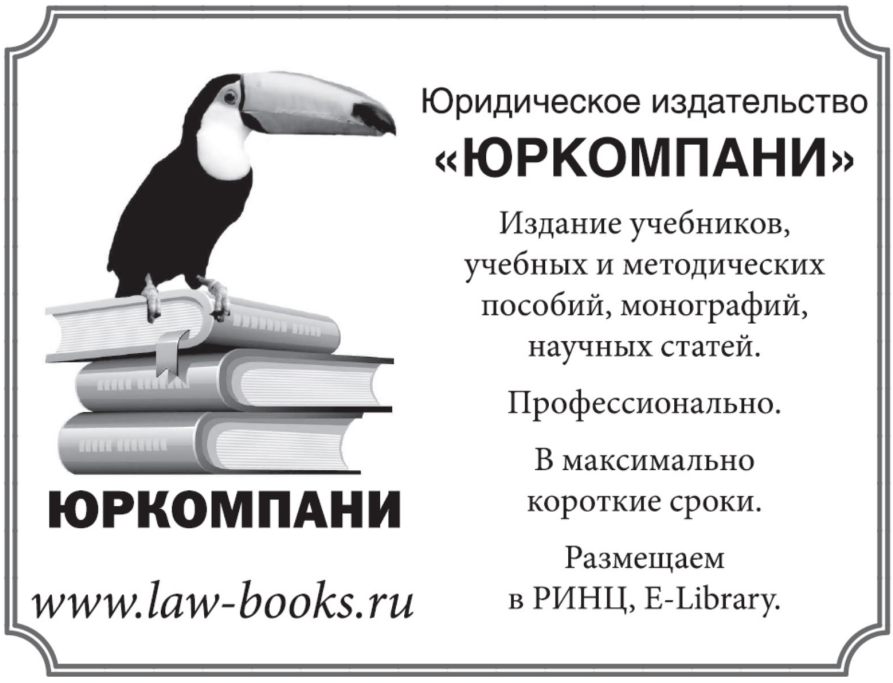
[4] Krasotkin P.N. Legal regulation of the procedure for conducting initial search activities in relation to those sentenced to punishment without isolation from society: textbook/cand. jurid. Sciences P.N. Krasotkin. - Novokuznetsk: FKOU HE Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. - 41 s.

[5] Decree of the Government of the Russian Federation “On Approval of the Regulation on Criminal Executive Inspections and the Standard of their Staffing” dated 16.06.1997 No. 729//Collection of Legislation of the Russian Federation. - 23.06.1997 - No. 25. - Art. 2947 amended and supplemented. as amended by 23.04.2012.

[6] The Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 31.07.2025, as amended on 17.12.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. - 13.01.1997. - № 2. - Art. 198

[7] Order of the Ministry of Justice of Russia “On approval of the Instructions for the organization of the execution of punishments and measures of a criminal law nature without isolation from society” dated 20.05.2009 No. 142//Rossiyskaya Gazeta. - 14.08.2009 - No. 151. - has become invalid since 28.01.2026 on the basis of the order of the Ministry of Justice of Russia dated 19.01.2026 No. 6.

[8] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation “On the Organization of the Execution of Punishments in the Form of Compulsory Work, Deprivation of the Right to Hold Certain Positions or Engage in Certain Activities, Correctional Work, Control over the Behavior of Convicts to Whom the Postponement of Serving Sentences, Conditionally Convicted is Applied” dated 19.01.2026 No. 6//Official Internet portal of legal information. - 20.01.2026 - No. 0001202601200018



Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-152-158

ЗИБОРОВА Яна Сергеевна,

студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета,

e-mail: jaziborova@yandex.ru

ЕРМАКОВА Анастасия Владимировна,

студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета,

e-mail: ermkv_nst@mail.ru

АНДРЮХИНА Вера Дмитриевна,

студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета,

e-mail: verandryuhina@yandex.ru

ТАРАН Виктория Александровна,

студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета,

e-mail: taranva17@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОСТРОЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ВЕРСИЙ

Аннотация. *Статья посвящена анализу возможностей и ограничений применения технологий искусственного интеллекта в процессе построения следственных версий. Рассмотрены теоретические основания версионной деятельности следователя, исследован зарубежный и отечественный опыт внедрения интеллектуальных информационных систем в практику расследования преступлений. Выявлены основные направления, по которым алгоритмы машинного обучения и обработки естественного языка способны оказать содействие следователю при выдвижении и проверке версий. Обозначены правовые, этические и методологические проблемы, препятствующие полноценной интеграции подобных систем в отечественный уголовный процесс. Сформулированы предложения по определению допустимых пределов использования искусственного интеллекта в следственной деятельности с учётом действующего законодательства Российской Федерации.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, следственная версия, криминалистика, машинное обучение, расследование преступлений, цифровизация уголовного судопроизводства, автоматизированные информационные системы.*

ZIBOROVA Yana Sergeevna,

Student of the Law Faculty of Southwestern State University

ERMAKOVA Anastasia Vladimirovna,

is a student at the Faculty of Law of Southwestern State University

ANDRYUKHINA Vera Dmitrievna,

is a student at the Faculty of Law of Southwestern State University

TARAN Victoria Alexandrovna,

Student of the Law Faculty of Southwestern State University

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN BUILDING INVESTIGATIVE VERSIONS

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the possibilities and limitations of using artificial intelligence technologies in the process of building investigative versions. The theoretical foundations of the versioning activity of the investigator are considered, the foreign and domestic experience of introducing intelligent information systems into the practice of crime investigation is investigated. The main directions in which machine learning and natural language processing algorithms are able to assist the investigator in the nomination and verification of versions have been identified. The legal, ethical and methodological problems that hinder the full integration of such systems into the domestic criminal process are outlined. Proposals have been formulated to determine the permissible limits of the use of artificial intelligence in investigative activities, taking into account the current legislation of the Russian Federation*.

Key words: *artificial intelligence, investigative version, criminalistics, machine learning, crime investigation, digitalization of criminal proceedings, automated information systems.*

Цифровая трансформация затронула практически все сферы государственного управления, и правоохранительная деятельность не стала исключением. В последние годы вопросы применения технологий искусственного интеллекта в расследовании преступлений обсуждаются не только в специализированных технических изданиях, но и в юридической литературе, причём интенсивность этой дискуссии возрастает. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490, утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, обозначил повышение эффективности государственного управления в качестве одного из приоритетных направлений внедрения соответствующих технологий. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 года № 2129-р, которым утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники, дополнительно подтвердило курс государства на системное освоение данных технологий.

Вместе с тем криминалистическая наука подходит к этой проблематике с определённой осторожностью, и такая осторожность представляется оправданной. Расследование преступлений, это деятельность, в которой каждое решение потенциально затрагивает права и свободы личности, а ошибка способна повлечь необратимые последствия. Построение следственных версий, составляющее интеллектуальную основу расследования, традиционно рассматривается как творческий процесс, неразрывно связанный с профессиональным опытом, интуицией и аналитическими способностями следователя. Вопрос о том, в какой мере этот процесс допускает автоматизацию и алгоритмизацию, до настоящего времени не получил исчерпывающего ответа.

Степень научной разработанности темы неоднородна. Общетеоретические вопросы построения следственных версий исследованы в трудах Р.С. Белкина, А.Г. Филиппова. Проблематика информатизации расследования в разные годы рассматривалась Е.Р. Россинской, П.С. Пастуховым, В.Б. Вехов ым. Однако публикации, непосредственно посвящённые использованию технологий искусственного интеллекта в версионной деятельности следователя, пока немногочисленны и носят преимущественно постановочный характер. Зарубежные разработки в данном направлении, напротив, продвинулись значительно дальше, однако их адаптация к условиям российской правовой системы требует самостоятельного научного осмысления.

Целью настоящей статьи является определение возможностей и пределов применения систем искусственного интеллекта при построении следственных версий в рамках действующего отечественного законодательства. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач: раскрытие криминалистической сущности следственной версии как объекта потенциальной алгоритмизации; анализ существующих технологических решений, применимых к версионной деятельности; выявление правовых и методологических ограничений внедрения подобных систем; формулирование рекомендаций по определению допустимых форм использования искусственного интеллекта в расследовании.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный. Эмпирическую базу образовали данные о функционировании автоматизированных информационных систем правоохранительных органов, опубликованные результаты зарубежных проектов по внедрению технологий искусственного интеллекта в деятельность полиции, а также нормативные правовые акты Российской Федерации.

Р.С. Белкин определяет криминалистическую версию как криминалистическое, обоснованное предположение относительно отдельного факта или группы фактов, имеющих или могущих иметь значение для дела, указывающее на наличие и объясняющее происхождение этих фактов, их связь между собой и содержание, служащее целям установления объективной истины [1, с. 31]. А.А. Топорков также подчёркивал её логическую природу: версия представляет собой разновидность гипотезы, конструируемой по правилам логического мышления и проверяемой в ходе практической деятельности [2]. А.Г. Филиппов указывал, что построение версий неразрывно связано с анализом исходной информации, её сопоставлением с криминалистическими характеристиками соответствующих видов преступлений, а также с личным профессиональным опытом следователя [3].

Процесс построения версии включает несколько этапов: собирание и оценку исходных данных, формулирование предположения, выведение из него логических следствий, планирование и осуществление проверочных действий, оценку результатов проверки. Каждый из перечисленных этапов обладает определённой степенью формализуемости. Этап формулирования самого предположения традиционно считается наименее формализуемым, поскольку требует творческого осмысления неполной и нередко противоречивой информации. Как следствие, в процессе построения версии интеллектуальное осмысление полученной информации, дополняется в сознании следователя его воображением, а логически сконструированные выводы содействуют с интуитивными догадками [4, с. 4].

Мы считаем, что именно в этой точке возникает центральный вопрос исследуемой темы: может ли искусственный интеллект заменить творческое мышление следователя при формулировании версий или его роль объективно ограничивается вспомогательными функциями? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к анализу тех технологий, которые в настоящее время объединяются понятием искусственного интеллекта.

Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года, под искусственным интеллектом в контексте настоящей статьи понимается совокупность технологических решений, позволяющих программным системам выполнять задачи, которые при их решении человеком требуют когнитивных способностей, включая распознавание закономерностей, классификацию объектов, прогнозирование и принятие решений в условиях неопределённости.

Среди технологий, потенциально применимых к построению следственных версий, следует выделить несколько направлений. Первое, машинное обучение, в том числе методы классификации и кластеризации данных. Алгоритмы машинного обучения способны анализировать массивы ранее расследованных уголовных дел, выявлять в них устойчивые взаимосвязи между исходными данными и установленными обстоятельствами преступления. [5, с. 75] Е.Р. Россинская отмечала, что применение информационных технологий и методов обработки больших данных позволяет выйти за рамки ограниченной выборки и обобщать значительно более масштабные массивы следственной информации, выявляя устойчивые закономерности совершения преступлений [6].

Второе направление, обработка естественного языка и интеллектуальный анализ текстов. Материалы уголовных дел существуют преимущественно в текстовой форме: протоколы допросов, заключения экспертов, рапорты оперативных сотрудников, объяснения. Технологии обработки естественного языка позволяют извлекать из неструктурированных текстов значимую информацию, выявлять противоречия между показаниями различных лиц, обнаруживать закономерности [7, с. 440]. В.Б. Вехов в своих работах справедливо подчёркивает, что в настоящее время невозможно представить криминалистическую технику без средств электронно-вычислительной техники и соответствующего программного обеспечения. Самыми перспективными для целей раскрытия, расследования, предупреждения преступлений являются именно информационные системы [8, с. 9].

Третье направление, сетевой анализ и визуализация связей. При расследовании преступлений, совершённых группой лиц, важным является установление структуры связей между участниками. Алгоритмы сетевого анализа позволяют строить графы взаимосвязей на основании данных о телефонных контактах, финансовых транзакциях, совместном присутствии в определённых местах. [9, с. 67]. Таким образом, полученные результаты могут послужить основанием для выдвижения версий о ролевом распределении внутри преступной группы, об организаторе преступления, о неустановленных соучастниках.

В ряде зарубежных государств правоохранительными органами используются системы предиктивной аналитики для прогнозирования мест и времени совершения

преступлений. Система PredPol, применявшаяся полицейскими департаментами нескольких городов Соединённых Штатов Америки, анализировала данные о ранее совершённых преступлениях и генерировала прогнозы относительно зон повышенного риска. Система VALCRI, разрабатывавшаяся при поддержке Европейской комиссии, была ориентирована непосредственно на содействие аналитикам полиции в изучении материалов дел и формулировании гипотез о механизме преступления, а также анализе допросов подозреваемых, фотографий с места преступления и иных данных [10, с. 66].

В Российской Федерации разработки в данном направлении находятся на более ранней стадии. Функционируют автоматизированные информационные системы, используемые в деятельности органов внутренних дел: АИПС «Папилон» для дактилоскопической идентификации, система «Портрет» для идентификации по чертам лица, АИПС «Оружие», «Автотранспорт» и другие [11]. Однако перечисленные системы решают задачи идентификационного и справочного характера и не предназначены для содействия в аналитической работе следователя, в том числе в построении версий.

П.С. Пастухов в своих исследованиях указывал на необходимость создания в Российской Федерации единой цифровой среды уголовного судопроизводства, которая позволила бы интегрировать разрозненные информационные ресурсы и обеспечить следователю доступ к аналитическим инструментам нового поколения [12]. Мы разделяем эту позицию и считаем, что без формирования такой среды внедрение технологий искусственного интеллекта в версионную деятельность останется фрагментарным и малоэффективным.

Среди отечественных научных разработок следует отметить исследования, направленные на создание экспертных систем в области криминалистики. Ещё в 1990-х годах предпринимались попытки формализовать процесс построения версий при расследовании отдельных категорий преступлений и представить его в виде алгоритма, пригодного для программной реализации. Т.С. Волчецкая, разрабатывая ситуационный подход в криминалистике, обосновывала возможность типизации следственных ситуаций и соответствующих им наборов версий, что само по себе создаёт предпосылки для алгоритмизации версионной деятельности [13].

Внедрение систем искусственного интеллекта в процесс построения следственных версий сопряжено с рядом ограничений, которые имеют как правовую, так и методологическую природу. С правовой точки зрения центральной является проблема субъекта принятия процессуальных решений. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации наделяет следователя процессуальной самостоятельностью. Согласно статье 38 данного Кодекса, следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий. Построение версий, хотя и не оформляется отдельным процессуальным актом, лежит в основе планирования расследования и непосредственно определяет направление и содержание следственных действий. Следовательно, передача этой функции программной системе, даже частичная, ставит вопрос о сохранении процессуальной самостоятельности следователя [14].

Мы полагаем, что ответ на этот вопрос зависит от того, какая модель взаимодействия между следователем и системой искусственного интеллекта будет избрана. Если система выступает исключительно в качестве аналитического инструмента, предлагающего варианты, но не принимающего решений, процессуальная самостоятельность следователя формально не нарушается. Окончательный выбор версии, определение порядка её проверки и принятие всех процессуальных решений остаются за человеком. Однако здесь возникает проблема иного рода, которую можно обозначить как проблему «алгоритмической зависимости». Исследования в области когнитивной психологии свидетельствуют о том, что человек, систематически получающий рекомендации от автоматизированной системы, с течением времени склонен доверять этим рекомендациям в большей степени, нежели собственному суждению. Применительно к деятельности следователя это означает риск постепенной утраты самостоятельности мышления и превращения из субъекта принятия решений в лицо, формально утверждающее выводы алгоритма.

Методологические ограничения связаны прежде всего с качеством данных, на которых обучаются системы искусственного интеллекта. Алгоритмы машинного обучения выявляют закономерности в тех массивах информации, которые используются при их обучении. Если эти данные содержат систематические ошибки, отражают предвзятость или являются неполными, результаты работы алгоритма будут воспроизводить и усиливать эти недостатки [15, с. 36].

Другое методологическое ограничение

обусловлено природой самой следственной версии. Как отмечал Р.С. Белкин, версия строится не только на основании типичных закономерностей, но и с учётом индивидуальных, нередко уникальных особенностей конкретного расследуемого события [1]. Алгоритмы машинного обучения ориентированы на обнаружение повторяющихся закономерностей и по своей природе хуже справляются с атипичными ситуациями. Между тем именно в таких ситуациях помощь следователю нужна более всего. Преступление, совершённое необычным способом или в нехарактерных условиях, с наименьшей вероятностью будет корректно интерпретировано алгоритмом, обученным на типичных случаях.

Помимо правовых и методологических, существуют этические ограничения, которые не могут быть оставлены без внимания. Версионная деятельность следователя непосредственно затрагивает судьбы конкретных людей. Выдвижение версии о причастности определённого лица к совершению преступления влечёт за собой производство в отношении него следственных действий, ограничивающих его права и свободы. Если основанием для выдвижения такой версии послужила рекомендация алгоритма, возникает вопрос об ответственности за возможную ошибку. Действующее законодательство Российской Федерации не содержит норм, регулирующих ответственность за вред, причинённый вследствие ошибочных рекомендаций системы искусственного интеллекта в сфере уголовного судопроизводства. Статья 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает общие основания ответственности за причинение вреда, однако их применение к рассматриваемой ситуации сопряжено с серьёзными затруднениями, связанными прежде всего с определением субъекта ответственности. Является ли таковым разработчик системы, орган, принявший решение о её внедрении, или следователь, воспользовавшийся её рекомендацией, вопрос, который отечественным законодательством пока не разрешён.

Представляется возможным предположить, что разрешение данного вопроса невозможно без введения в законодательство специальных норм, определяющих правовой режим использования систем искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Такие нормы должны, во-первых, закрепить принцип, согласно которому рекомендация системы искусственного интеллекта ни при каких обстоятельствах не может являться единственным основанием для принятия процессуального решения. Во-вторых, они должны установить обязанность фиксации в материалах дела факта использования подобной системы и содержания полученных рекомендаций, что обеспечит возможность последующего контроля. В-третьих, необходимо предусмотреть механизм сертификации и периодической верификации алгоритмов, используемых в расследовании, аналогичный тому, который существует для средств измерений в судебной экспертизе.

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов, нуждающихся в обсуждении. Прежде всего, следует сказать, что технологии искусственного интеллекта в их нынешнем состоянии не способны заменить следователя в процессе построения версий. Ни одна из существующих технологий не обладает тем сочетанием аналитических, интуитивных и оценочных способностей, которое требуется для полноценной версионной деятельности. Вместе с тем было бы ошибкой отвергать возможность их вспомогательного использования.

На наш взгляд, наиболее продуктивной моделью является такая, при которой система искусственного интеллекта выступает в роли аналитического ассистента следователя. В рамках этой модели система выполняет три основные функции. Первая - информационная: оперативный поиск, систематизация и визуализация данных, релевантных для расследования, включая сведения из баз данных ранее расследованных дел, криминалистических учётов, открытых источников. Вторая - аналитическая: выявление закономерностей, корреляций и аномалий в имеющихся данных, которые могут ускользнуть от внимания следователя в силу их объёма или неочевидности. Третья - генеративная: формирование перечня возможных версий на основании анализа исходных данных и их ранжирование по степени соответствия имеющимся доказательствам.

Список литературы:

[1] Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия. — М.: Мегатрон XXI, 2000. — 2-е изд. доп. — 334 с.

[2] Топорков, А.А. Криминалистическая методика расследования преступлений: Учебник. – Юстиция, 2018.

[3] Филиппов, А.Г. Методика расследования отдельных видов и групп преступлений (криминалистическая методика) // Криминалистика: Учебник / Под ред. А.Г. Филиппова. – М.: Спарк, 2004. - 750 с.

[4] Гунькин, И. В. Особенности построения и способы проверки криминалистических версий / И. В. Гунькин // E-Scio. – 2023. – № 1(76). – С. 432-436.

[5] Поляков, В. В. Применение методов

машинного обучения в криминалистике на примере противодействия высокотехнологичной преступности / В. В. Поляков, И. Д. Милич // Проблемы правовой и технической защиты информации. – 2020. – № 8. – С. 73-80.

[6] Россинская, Е. Р. Цифровизация справочно-информационных фондов криминалистического и судебно-экспертного назначения как часть учения о цифровизации криминалистической регистрации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина, №. 6 (70), 2020, С. 23-32.

[7] Ткаченко, Д. Г. Инновационные технологии в криминалистике / Д. Г. Ткаченко // Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации : Материалы круглого стола с международным участием, Минск, 25–26 октября 2024 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2024. – С. 437-443.

[8] Вехов, В.Б. Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, №. 3-2, 2016, С. 8-11.

[9] Бондарь, К.М., Дунин, В.С., Скрипко, П.Б., Хохлов, Н.С. Применение алгоритма спектральной бисекции для анализа преступных сообществ в социальных сетях // Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки, 51 (2), 2024, С. 62-69. doi:10.21822/2073-6185-2024-51-2-62-69

[10] Токманцева, Д.Д., Шерстяных, А.С. К вопросу о роли искусственного интеллекта в раскрытии преступлений // Научный компонент, №. 2 (22), 2024, С. 63-70.

[11]Толоконников, В.К. Применение автоматизированных поисковых систем (АИПС) в следственной практике // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право, №. 1-2 (17), 2015, С. 122-127.

[12] Пастухов, П. С. Цифровые платформы как основа электронного документооборота в уголовном судопроизводстве // Пермский юридический альманах. 2023. №6. С. 521–540.

[13] Волчецкая, Т. С. Роль, этапы и перспективы ситуационного подхода в современной криминалистике / Т. С. Волчецкая // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 4(46). – С. 9-11.

[14] Ильяшенко, А.Н., Костенко, Р.В., О возможности создания и использования ИИ-агентов в следственной деятельности // Российский следователь № 05/2025. С. 2-5.

[15] Кокин, А. В. Искусственный интеллект в криминалистике и судебной экспертизе: вопросы правосубъектности и алгоритмической предвзятости / А. В. Кокин, Ю. Д. Денисов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 30-37.

References:

[1] Belkin, R. S. Forensic Encyclopedia. - M.: Megatron XXI, 2000. - 2nd ed. add. - 334 p.

[2] Toporkov, A.A. Forensic methodology for investigating crimes: Textbook. - Justice, 2018.

[3] Filippov, A.G. Methodology for investigating certain types and groups of crimes (forensic methodology)//Forensics: Textbook/Ed. A.G. Filippova. - M.: Spark, 2004. - 750 s.

[4] Gunkin, I.V. Peculiarities of construction and methods of checking forensic versions/I.V. Gunkin//E-Scio. – 2023. – № 1(76). - S. 432-436.

[5] Polyakov, V.V. Application of machine learning methods in forensics using the example of countering high-tech crime/V.V. Polyakov, I.D. Milich//Problems of legal and technical information protection. – 2020. – № 8. - S. 73-80.

[6] Rossinskaya, E.R. Digitalization of reference and information funds for forensic and forensic purposes as part of the doctrine of digitalization of forensic registration//Bulletin of O. E. Kutafin University, No. 6 (70), 2020, S. 23-32.

[7] Tkachenko, D. G. Innovative technologies in forensics/D. G. Tkachenko//Tactics and methods of investigating crimes: theory, practice, innovation: Materials of the round table with international participation, Minsk, October 25-26, 2024. - Minsk: Belarusian State University, 2024. - S. 437-443.

[8] Vekhov, V.B. Automated methods of investigating crimes as a new direction in forensic technology//Izvestia Tula State University. Economic and legal sciences, No. 3-2, 2016, S. 8-11.

[9] Bondar, K.M., Dunin, V.S., Skripko, P.B., Khokhlov, N.S. Application of the spectral bisection algorithm for the analysis of criminal communities in social networks//Bulletin of the Dagestan State Technical University. Technical Sciences, 51 (2), 2024, pp. 62-69. doi:10.21822/2073-6185-2024-51-2-62-69

[10] Tokmantseva, D.D., Sherstyanykh, A.S. On the role of artificial intelligence in solving crimes// Scientific component, No. 2 (22), 2024, PP. 63-70.

[11] Tolokonnikov, V.K. The use of automated search engines (AIPS) in investigative practice// Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Right, No. 1-2 (17), 2015, S. 122-127.

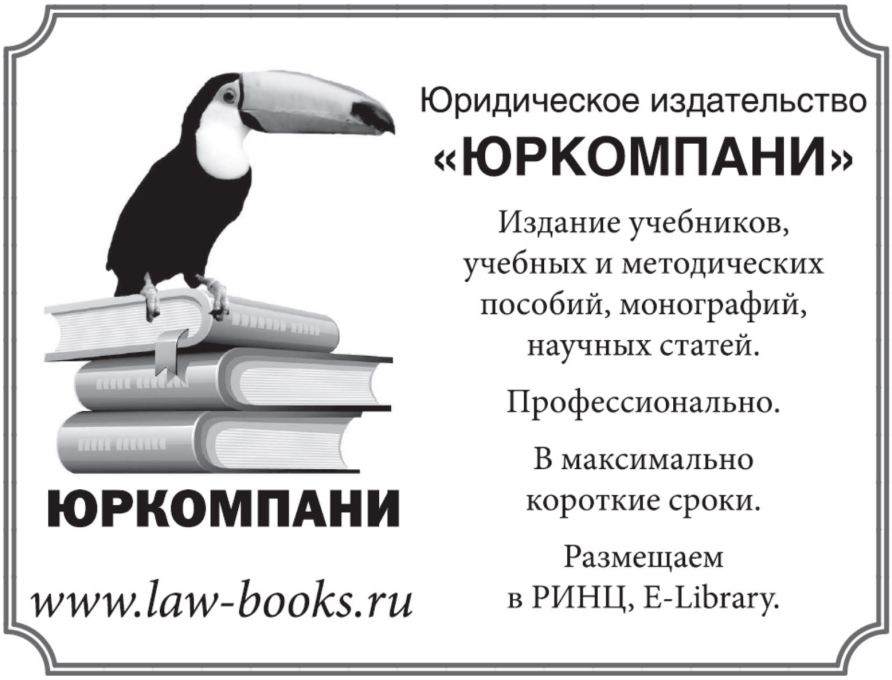
[12] Pastukhov, P. S. Digital platforms as the basis for electronic document management in criminal proceedings//Perm Legal Almanac. 2023. №6. S. 521-540.

[13] Volchetskaya, T. S. Role, stages and prospects of the situational approach in modern forensics/T. S. Volchetskaya//Bulletin of the

Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 4(46). - S. 9-11.

[14] Ilyashenko, A.N., Kostenko, R.V., On the possibility of creating and using AI agents in investigative activities//Russian investigator No. 05/2025. S. 2-5.

[15] Kokin, A.V. Artificial intelligence in forensics and forensic science: issues of legal personality and algorithmic bias/A.V. Kokin, Yu. D. Denisov//Theory and practice of forensic science. – 2023. - T. 18, NO. 2. - S. 30-37.



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-159-164

КАРАБАНОВ Ростислав Михайлович,

кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия ORCID ID : https://orcid.org/0000-0003-2798-8461,

e-mail: krm730@mail.ru

УСЛОВИЯ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Статья раскрывает нравственные основы поведения сотрудников исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, обеспечивающие в условиях устойчивости повышение эффективности служебной деятельности, соблюдение законности, справедливости, гуманности, а также способствующие исправлению и ресоциализации осужденных. Рассматривается понятие нравственности в контексте устойчивости. Обращается внимание на важность реализации нравственных норм, правил и требований, установленных в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, введенном в действие в 2025 году. Отмечается необходимость комплексного подхода к формированию у сотрудников нравственных качеств устойчивого характера. Раскрываются условия, оказывающие существенное влияние на формирование нравственных норм в коллективах исправительных учреждений. Приводятся основные принципы, направления и инструменты формирования нравственно-устойчивого поведения сотрудников исправительных учреждений*.

Ключевые слова: *исправительное учреждение, сотрудник, нравственность, устойчивость, осужденные, исправление, ресоциализация.*

KARABANOV Rostislav Mikhailovich,

candidate of technology, full professor, professor of the Department of Special Technology and Information Technologies of the Law Faculty of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia

CONDITIONS AND PRINCIPLES OF FORMING MORAL STABILITY OF CORRECTIONAL OFFICERS OF THE PENITENTIARY SYSTEM

Annotation. *The article reveals the moral foundations of the behavior of employees of correctional institutions of the penitentiary system of the Russian Federation, ensuring, in conditions of stability, an increase in the efficiency of official activities, compliance with the rule of law, justice, humanity, as well as contributing to the correction and resocialization of convicts. The concept of morality in the context of sustainability is considered. Attention is drawn to the importance of implementing the moral norms, rules and requirements established in the Code of Ethics and Official Conduct of Employees of the Penitentiary System of the Russian Federation, introduced in 2025. The need for an integrated approach to the formation of moral qualities of a sustainable nature among employees is noted. Conditions that have a significant impact on the formation of moral norms in the teams of correctional institutions are disclosed. The basic principles, directions and tools for the formation of morally sustainable behavior of correctional officers are given.*

Key words: *correctional institution, employee, morality, sustainability, convicts, correction, resocialization*.

Преобразования в пенитенциарной системе Российской Федерации, осуществляющиеся в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее: УИС) на период до 2030 года, в качестве одного из основных направлений определяют формирование стабильного, высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала [1].

Общественные ожидания в отношении пенитенциарных учреждений включают как соблюдение прав человека, так и активную

роль сотрудников в профилактике рецидива и поддержании социальной стабильности в обществе. В этих условиях важной задачей является исследование и реализация научно обоснованных принципов формирования моральных установок и нравственной устойчивости поведения сотрудников [2]. Развитие нравственной устойчивости сотрудников УИС является одним из ключевых элементов в обеспечении гуманной и эффективной системы исполнения наказаний. Вопросы воспитания и формирования нравственности сотрудников УИС рассматриваются в работах ряда исследователей [3-7]. В свете рассматриваемых вопросов необходимо определиться с понятиями устойчивости и нравственности.

Устойчивость, как проблема, являясь одной из основных в системе познания личности, в научных исследованиях представляется в различных аспектах: философском, психологическом, педагогическом, биологическом и кибернетическом, то есть, основанном на управлении собой, своими эмоциями и действиями [8-10].

С точки зрения И.С. Кона, устойчивость человека определяется внутренним единством (поведенческим, мотивационным, сознательным), позволяющим человеку самостоятельно интерпретировать любую ситуацию и реагировать на нее избирательно, по-своему [9].

В.Э. Чудновский к нравственной устойчивости личности относит способность человека сохранять и реализовывать свои нравственные позиции в различных жизненных ситуациях, преодолевая при этом как внешние, так и, особенно, внутренние трудности [10].

Обобщая понятия авторов, а также других исследователей, можно понятие нравственной устойчивости определить, как свойство личности, характеризующееся проявлением чувства долга и личной ответственности, гуманности, достоинства, самостоятельности, инициативности, верности выбранным идеалам, способности управлять своим поведением, следуя моральным принципам. Нравственная устойчивость сотрудника УИС связана с общей духовно-нравственной культурой личности и проявляется в поведении, убеждениях, мыслях, чувствах, в умении в любых ситуациях действовать в соответствии с общепринятыми моральными законами и нормами, проявлении стойкого иммунитета к отрицательным воздействиям.

На формирование нравственной устойчивости сотрудников значительное влияние оказывают организационная культура исправительного учреждения, качество профессиональной подготовки и благоприятный психологический климат в коллективе. Всестороннее обучение этическим нормам деятельности создает предпосылки для формирования моральных принципов. Позитивная рабочая атмосфера способствует сохранению эмоционального равновесия у сотрудников при исполнении ими служебных обязанностей.

К основным препятствиям на пути развития нравственной устойчивости следует отнести профессиональную деформацию, эмоциональное выгорание и недостаточную мотивацию сотрудников. Профессиональная деформация проявляется в искажении нравственных ориентиров под влиянием специфики служебной деятельности. Эмоциональное истощение снижает способность к сопереживанию и рефлексии, а отсутствие эффективных стимулов ослабляет приверженность этическим нормам [11].

Механизм исправительного воздействия на осужденных реализуется через постоянную трансляцию нравственных норм сотрудниками исправительных учреждений. Нравственно устойчивое поведение сотрудников создает основу для доверительных отношений с осужденными, что снижает их сопротивляемость исправительным процессам. Демонстрация морально зрелой позиции стимулирует осужденных к изменению своего поведения

в позитивную сторону. Стабильность нравственного поведения сотрудников напрямую коррелирует с успешностью ресоциализации осужденных. Личный пример сотрудников, демонстрирующих моральную принципиальность и эмоциональную устойчивость, становится мощным фактором позитивных изменений в сознании и поведении лиц, отбывающих наказание. Это доказывает ключевую роль нравственной зрелости сотрудников в достижении целей исправительного воздействия.

Важным этапом совершенствования кадрового состава исправительных учреждений стало принятие новой редакции Кодекса этики и служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее: Кодекс) [12]. Установленные в Кодексе этические требования основываются на принятых в российском обществе нравственных принципах и ценностях, лучших профессиональных традициях учреждений и органов УИС. Содержание Кодекса предусматривает нормы, правила и требования к сотрудникам, следование которым предполагается не только при осуществлении служебной деятельности, но и вне служебного времени.

Среди основных нравственных требований следует выделить:

признание защиты жизни, здоровья,

прав, свобод, чести, личного достоинства и законных интересов граждан в качестве высшей нравственной цели;

воздержание от оскорблений, грубости, нецензурной брани, жаргона, уголовной лексики в своей устной и письменной речи;

соблюдение общепринятых нравственных норм, исключение возможности совершения поступков, дающих основание сомневаться в честности, порядочности, а также несовместимых со статусом сотрудника;

нетерпимое отношение к любым действиям, унижающим человеческое достоинство;

доброжелательное и корректное поведение с должностными лицами и гражданами;

построение взаимоотношений с коллегами на принципах товарищества, взаимопомощи и взаимовыручки;

способствование защите и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти;

поддержание высоких нравственных идеалов, проявление гуманизма, милосердия, справедливости, коллективизма, взаимопомощи и взаимоуважения.

Реализация указанных нравственных норм в коллективах исправительных учреждений возможна на основе комплекса организационно-управленческих и объективных условий, к основным из которых можно отнести: эффективное управление, социально-психологические и коммуникационные факторы, моральное сознание, профессиональный опыт, мотивацию [2].

Эффективное управление предполагает закономерное распределение обязанностей и прозрачное принятие решений. Пример справедливости принятия решений и последовательности обоснованных действий руководителей повышает доверие к системе управления, укрепляя приверженность сотрудников этическим нормам, стабильному и ответственному выполнению служебных обязанностей.

Социально-психологические условия оказывают существенное влияние на формирование нравственно-устойчивого поведения сотрудников. Позитивная рабочая обстановка, характеризующаяся взаимопомощью, поддержкой и уважением, способствует укреплению моральных принципов, снижению вероятности возникновения деструктивного поведения и в целом – формированию общих этических норм.

Качество межличностных коммуникационных отношений в учреждении также оказывает значительное влияние на нравственную устойчивость. Возможность самовыражения, обратная позитивная связь способствуют укреплению доверия, проявлению открытости, разрешению конфликтов, что обеспечивает формирование сплоченного коллектива.

Высокий уровень морального сознания, включающий в себя сформированную систему ценностей и убеждений, определяет способность сотрудника различать добро от зла, справедливость от несправедливости, служит внутренним регулятором поведения в сложных профессиональных ситуациях.

Личностные и профессиональные детерминанты оказывают существенное влияние на нравственную устойчивость сотрудников исправительных учреждений.

Профессиональный опыт позволяет сотруднику накапливать знания и навыки, необходимые для эффективного решения этических дилемм. Опыт работы с осужденными и понимание специфики исправительного процесса способствуют развитию профессиональной интуиции и умению принимать взвешенные решения.

Психологическая готовность к этическим дилеммам, характеризующимся отсутствием однозначно правильного ответа, и требованием баланса между ценностями, профессиональными правилами и оценкой последствий, включает в себя такие личностные качества, как стрессоустойчивость, способность к саморегуляции и умение сохранять объективность в условиях эмоционального давления. Сотрудники исправительных учреждений зачастую сталкиваются с ситуациями, требующими сложного морального выбора, и их психологическая готовность к таким испытаниям напрямую влияет на их нравственную устойчивость, позволяя им действовать в соответствии с профессиональной этикой, даже находясь под существенным давлением.

Система мотивации и стимулирования нравственного поведения является важным элементом организационного влияния. Признание и поощрение этичного поведения, создание условий, способствующих профессиональному росту и развитию, способствуют укреплению нравственных принципов.

Давление криминальной субкультуры является одним из наиболее значимых внешних факторов, влияющих на сотрудников исправительных учреждений. Постоянное взаимодействие с осужденными, их ценностями и нормами может оказывать негативное воздействие на нравственное сознание сотрудников, приводя к профессиональной деформации. Сопротивление этому давлению

требует высокой степени нравственной устойчивости и профессиональной подготовки [11].

Создание благоприятной атмосферы, где преобладают нормы и ценности социально приемлемого поведения, способствуют развитию внутренней мотивации к изменению. Одновременно важна работа с психологическими барьерами, преодоление негативных установок и формирование способности к саморефлексии, позволяющей сотруднику проводить осознанный анализ личных чувств, эмоций, мыслей, поступков, оценивая себя, свои ценности и мотивы. Кроме того, благоприятная социально-психологическая и нравственная обстановка в исправительных учреждениях способствует успешной ресоциализации и предотвращению повторных правонарушений осужденных.

В качестве направлений формирования нравственно-устойчивого поведения сотрудников исправительных учреждений возможно рассмотреть следующие.

Теоретическая подготовка сотрудников – обеспечивает осознание моральных принципов и норм поведения в исправительных учреждениях, закладывает основу для формирования профессионального мировоззрения и развития мотивационной основы. Понимание нравственных чувств, как мотивирующих механизмов, формирует внутренние стимулы для этичного поведения. Знание этических основ способствует принятию обоснованных решений в сложных ситуациях, связанных с взаимодействием с осужденными, и обеспечивает устойчивость к негативным воздействиям среды исправительного учреждения.

Практико-ориентированные формы подготовки реализуются через коммуникативные тренинги и ролевые игры [4]. Эти методы позволяют в моделируемых ситуациях развить навыки взаимодействия с осужденными, умения устанавливать конструктивный диалог и разрешать конфликты. В ходе дискуссий анализируются этические дилеммы, возникающие в пенитенциарной практике, что способствует формированию единых подходов к решению морально-нравственных проблем. Практические формы подготовки способствуют переносу теоретических знаний в реальную профессиональную деятельность. В ролевых играх моделируются сложные ситуации, требующие этического выбора и нравственной оценки, а игровые ситуации в различных ролях развивают эмпатию и понимание взглядов осужденных. Отработка поведенческих сценариев в безопасной обстановке способствует снижению уровня стресса при реальном взаимодействии с осужденными, повышая уверенность сотрудников в своих профессиональных возможностях. Коммуникативные тренинги обеспечивают развитие навыков активного слушания и вербального воздействия, позволяют распознавать манипулятивные тактики осужденных и противостоять им этичными способами.

Отработка невербальных приемов общения позволяет установить психологический контакт с осужденными. Эти навыки необходимы для эффективного воспитательного воздействия в исправительных учреждениях. Моделирование сложных ситуаций включает случаи агрессии или провокаций со стороны осужденных. В ходе такой подготовки на основе этических норм отрабатываются алгоритмы прекращения конфликтов. Анализ действий после упражнений способствует рефлексии и коррекции поведения, что позволяет формировать устойчивые навыки нравственно оправданного реагирования.

Институт наставничества обеспечивает преемственность этических норм и традиций, что способствует созданию единой ценностно-нормативной среды внутри коллектива и адаптации к специфике работы в исправительном учреждении [4]. Наставничество укрепляет чувство принадлежности к профессиональному коллективу. Коллективная культура, поддерживаемая наставничеством, основана на общих моральных принципах. Коллективные ценности служат ориентиром в сложных этических ситуациях, а взаимопомощь и обмен опытом между сотрудниками разных поколений повышают сплоченность коллектива, что создает благоприятную среду для нравственного развития сотрудников исправительных учреждений.

Используемые в процессе подготовки психологические тренинги стрессоустойчивости способствуют предотвращению профессиональной деформации сотрудников, развивают навыки саморегуляции и управления эмоциональным состоянием. Техники релаксации и когнитивной переоценки ситуаций снижают уровень психологического напряжения, что позволяет сохранять профессиональную объективность в условиях повышенного стресса. Формирование стрессоустойчивости предотвращает эмоциональное выгорание и деструктивное поведение, что необходимо для сохранения нравственной устойчивости в долгосрочной перспективе.

Анализ служебной практики служит инструментом для развития морально-волевых качеств сотрудников, позволяет оценить этическую составляющую принимаемых решений. Обсуждение альтернативных вариантов действий расширяет перечень профессиональных реакций. Коллективная

рефлексия способствует выработке единых стандартов нравственного поведения. Этот метод развивает способность давать моральную оценку сложным профессиональным ситуациям. Сотрудники учатся предвидеть этические последствия своих действий. Анализ ошибок и успешных практик способствует развитию ответственного поведения, что укрепляет волевые качества, необходимые для соблюдения моральных принципов в исправительных учреждениях.

Реализация системы материальных и нематериальных стимулов является ключевым аспектом для закрепления этических норм поведения сотрудников исправительных учреждений. Система стимулов должна предполагать как поощрения, так и карьерный рост, а также профессиональное признание сотрудников.

Нематериальные стимулы могут включать общественное признание заслуг, награды, а также возможности повышения квалификации, что способствует осознанию ценности вклада сотрудников в формировании нравственного поведения в учреждении. Такая система способствует развитию позитивной коллективной культуры, где этические нормы воспринимаются как неотъемлемая часть профессиональной идентичности.

Стандартизированные процедуры оценки соответствия сотрудников моральным и этическим требованиям также являются неотъемлемой частью формирования нравственного поведения. Процедуры должны быть объективными, прозрачными, носить регулярный характер с целью обеспечения постоянного мониторинга и обратной связи. Применение мониторинга позволяет выявлять потенциальные риски и своевременно корректировать поведение сотрудников, не соответствующее установленным стандартам. Результаты мониторинга могут составлять основу планирования личного самосовершенствования.

Расширение внутриведомственного, а также межведомственного взаимодействия в целях обмена передовым опытом в сфере формирования нравственно-устойчивого поведения является эффективным способом повышения качества воспитательной работы с сотрудниками исправительных учреждений. Взаимодействие стимулирует профессиональный рост сотрудников, расширяет их кругозор и способствует единому пониманию общепризнанных этических принципов и их применению на практике. Это обеспечивает комплексный подход к воспитанию нравственно-устойчивого поведения.

Таким образом, методы и формы нравственного обучения и подготовки сотрудников исправительных учреждений представляют собой комплексный и многогранный процесс. Они должны быть направлены не только на передачу знаний и формирование навыков, необходимых для эффективного выполнения профессиональных обязанностей, но и на развитие личных высоких моральных качеств, чувства ответственности и гуманизма.

Комплексный и целенаправленный подход к формированию нравственно-устойчивого поведения может обеспечить высокое качество подготовки сотрудников исправительных учреждений, способных эффективно решать сложные задачи в сфере нравственного развития и формирования личности. По мнению автора, реализация приведенных рекомендаций позволит не только повысить профессионализм и нравственную устойчивость сотрудников, но и укрепить общественное доверие к УИС, снизить уровень конфликтности в учреждениях и способствовать успешной ресоциализации осужденных. Постоянное совершенствование методов и инструментов формирования нравственно-устойчивого поведения сотрудников должно стать приоритетом в организации деятельности исправительных учреждений УИС.

Список литературы:

[1] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/ (дата обращения: 04.04.2026).

[2] Титова О.З. Духовно-нравственная основа профессионально-ценностных ориентаций сотрудников уголовно-исполнительной системы: сущность, детерминанты и пути развития / О. З. Титова, О. Л. Никитина, А. Г. Аллаярова // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 5(66). С. 128-135.

[3] Максимова И.Р. Воспитание профессиональных ценностей будущих сотрудников ФСИН России в условиях динамичных изменений в обществе / И. Р. Максимова // Современное педагогическое образование. 2026. № 1. С. 140-142.

[4] Панова О.Б. Формы воспитательной работы в свете реализации Концепции воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года / О. Б. Панова // Журнал прикладных исследований. 2024. № 6. С. 183-191.

[5] Самойлик Н.А. Духовно-нравственная основа профессионально-ценностных ориентаций сотрудников уголовно-исполнительной системы / Н. А. Самойлик. Текст

: непосредственный // Современная психология : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань : Бук, 2016. С. 37-41. URL: https://moluch.ru/conf/psy/archive/236/11026 (дата обращения: 04.04.2026).

[6] Федорова Е.М. Духовно-нравственное воспитание сотрудников уголовно-исполнительной системы в процессе профессиональной подготовки / Е. М. Федорова. Москва : Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2007. 119 с.

[7] Кевля Ф.И. Нравственный облик сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Петербургские пенитенциарные конференции : материалы конференции В 4 т., Т. 3. СПб.: Санкт-Петербургский университет ФСИН России, 2021. С. 8-9.

[8] Божович Л.И. Устойчивость личности, процесс и условия ее формирования // XVIII Международный психологический конгресс: Симпозиум 35. М.: 1966.

[9] Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.

[10] Чудновский В.Э. Нравственная устойчивость личности. М.: Педагогика, 1981.

[11] Бутко И. В. Профессиональное выгорание сотрудников УИС / И. В. Бутко // Пермский период : Сборник материалов XII Всероссийского (с международным участием) научного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций «Пермский период», приуроченного к 25-летию со дня образования ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, Пермь, 19–23 мая 2025 года. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. С. 360-364.

[12] Об утверждении кодекса этики и служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : приказ ФСИН России от 24.10.2025 № 874. Ведомости уголовно-исполнительной системы, № 1, 2026.

References:

[1] On approval of the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/ (access date: 04.04.2026).

[2] Titova O.Z., Nikitina O.L., Allayarova A.G. Spiritual and moral basis of professional-value orientations of employees of the penitentiary system: essence, determinants and development paths / Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 5(66). pp. 128-135.

[3] Maksimova I.R.. Education of professional values of future employees of the Federal Penitentiary Service of Russia in the context of dynamic changes in society / Modern pedagogical education. 2026. № 1. pp. 140-142.

[4] Panova O.B. Forms of educational work in the light of the implementation of the Concept of educational work with employees of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030 / Journal of Applied Research. 2024. № 6. pp. 183-191.

[5] Samoilik N.A. The spiritual and moral basis of professional-value orientations of employees of the penitentiary system / Text: immediate//Modern psychology: materials IV International. scientific. conf. (Kazan, October 2016). Kazan: Beech, 2016. pp. 37-41. URL: https://moluch.ru/conf/psy/archive/236/11026 (access date: 04.04.2026).

[6] Fedorova E.M. Spiritual and moral education of employees of the penitentiary system in the process of professional training / Moscow: Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, 2007. 119 p.

[7] Kevlya F.I. The moral character of an employee of the penitentiary system of the Russian Federation//St. Petersburg penitentiary conferences: materials of conference B 4 vol., T. 3. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. pp. 8-9.

[8] Bozovic L.I. Stability of personality, the process and conditions of its formation / XVIII International Psychological Congress: Symposium 35. M.: 1966.

[9] Con I.S. In Search of Self: Identity and Its Self-Awareness. M.: Politizdat, 1984.

[10] Chudnovsky V.E. Moral stability of personality. M.: Pedagogy, 1981.

[11] Butko I.V. Professional burnout of employees of the penitentiary system / Perm period: Collection of materials of the XII All-Russian (with international participation) scientific festival of cadets and students of educational organizations “Perm period,” dedicated to the 25th anniversary of the founding of the Federal State Educational Institution of Higher Education Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, 19-23 May 2025. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2025. pp. 360-364.

[12] On the approval of the code of ethics and official conduct of employees of the penitentiary system of the Russian Federation: order of the Federal Penitentiary Service of Russia of 24.10.2025 No. 874. Statements of the penitentiary system, No. 1, 2026.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-165-170

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,

e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,

кандидат юридических наук, доцент, адвокат, Адвокатская палата Псковской области,

e-mail: olga-leshh@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ И ОСОБЕННОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. *Целью исследования выбраны цифровые права осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и способы их реализации в условиях трансформации деятельности уголовно-исполнительной системы России. Современная цифровая эпоха стремительно меняет способы взаимодействия человека с информацией, государством и обществом в целом. В таких условиях защита цифровых прав граждан становится одной из ключевых задач как национальных правовых систем, так и международного сообщества. Изучение цифровых прав осужденных имеет свои особенности, в том числе отдельные самостоятельные направления реализации. Национальное законодательство и международные стандарты, регулирующие цифровые права, направлены не только на обеспечение баланса между свободой использования цифровых технологий, но и на необходимость защиты личных данных, информационной безопасности, противодействием злоупотреблениям в цифровой среде. Базовым нормативным документом в сфере реализации цифровых прав осужденных, в том числе несовершеннолетних, является Конституция Российской Федерации. Среди специализированных законов применяются федеральные законы от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Кроме того, права и ограничения, установленные Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, а также правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, установленные приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110. Для достижения указанной цели использовались основы диалектики, всесторонности, методы логического познания (общеправовые и частноправовые): анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение, аналогия, обобщение. Авторами рассматриваются основные категории цифровых прав осужденных, структурировать которые стало возможным на основе действующих законов, указанных выше. Исследуемая тема является недостаточно изученной учеными и практиками несмотря на ее актуальность в современных условиях развития информационных технологий и их реализации в деятельности уголовно-исполнительной системы России. На национальном уровне наша страна принимает законы, направленные на регулирование вопросов цифровых прав граждан, исходя из сложившихся юридических традиций и технологий развития. При этом в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации не содержатся нормы, регламентирующие доступ осужденных к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Авторы приходят к умозаключению о том, что целесообразно повышать цифровую грамотность, которая позволяет осужденным не только качественно пользоваться информационными технологиями, но и защищать свои права с их применением. Также предлагается дополнить уголовно-исполнительное законодательство, в частности Уголовно-исполнительный кодекс РФ и приказ Министерства юстиции РФ от 04.07.2022 № 110 положениями, расширяющие права осужденных в области доступа в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».*

Ключевые слова: *информационные технологии, информационное пространство, цифровая грамотность, осужденные, несовершеннолетние, цифровая среда, цифровое право, уголовно-исполнительная система, ФСИН России.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,

Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Lawyer, Pskov Region Bar Association

MAIN CATEGORIES OF DIGITAL RIGHTS OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT AND PECULIARITIES OF THEIR IMPLEMENTATION IN A CORRECTIONAL INSTITUTION

Annotation. *The purpose of the study was to select the digital rights of convicts serving sentences in places of deprivation of liberty, and ways to implement them in the context of the transformation of the activities of the penitentiary system of Russia.The modern digital age is rapidly changing the way people interact with information, the state and society as a whole. In such conditions, the protection of the digital rights of citizens is becoming one of the key tasks of both national legal systems and the international community. The study of the digital rights of convicts has its own characteristics, including separate independent areas of implementation.*

National legislation and international standards governing digital rights are aimed not only at balancing the freedom to use digital technologies, but also at the need to protect personal data, information security, and counter abuse in the digital environment. The basic regulatory document in the field of the implementation of the digital rights of convicts, including minors, is the Constitution of the Russian Federation. Among specialized laws, federal laws of July 27, 2006 №152-FZ "On Personal Data," dated December 29, 2010 № 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" are applied. In addition, the rights and restrictions established by the Criminal Executive Code of the Russian Federation, as well as the internal regulations of correctional institutions, established by order of the Ministry of Justice of Russia of 04.07.2022 № 110. To achieve this goal, the foundations of dialectics, comprehensiveness, methods of logical cognition (general and private law) were used: analysis, synthesis, deduction, induction, comparison, analogy, generalization. The authors consider the main categories of digital rights of convicts, which have become possible to structure on the basis of the current laws mentioned above. Note that the topic under study is insufficiently studied by scientists and practitioners despite its relevance in modern conditions of the development of information technologies and their implementation in the activities of the penitentiary system of Russia. At the national level, our country adopts laws aimed at regulating the issues of digital rights of citizens, based on the prevailing legal traditions and development technologies. At the same time, the Criminal Executive Code of the Russian Federation does not contain norms governing the access of convicts to the information and telecommunication network "Internet."The authors come to the conclusion that it is advisable to increase digital literacy, which allows convicts not only to use information technologies with high quality, but also to protect their rights with their use. It is also proposed to supplement the penal legislation, in particular the Criminal Executive Code of the Russian Federation and the order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 04.07.2022 No. 110, with provisions expanding the rights of convicts in the field of access to the Internet information and telecommunication network.

Key words: *information technology, information space, digital literacy, convicts, minors, digital environment, digital law, penal system, Federal Penitentiary Service of Russia.*

Введение. В современном мире цифровые технологии не только трансформируют экономику и социальные отношения, но и становятся неотъемлемой частью повседневной жизни каждого человека. В связи с этим возрастает значимость понятия цифровых прав граждан, в том числе осужденных к лишению свободы [1, с. 155].

Под цифровыми правами авторами будет пониматься комплекс прав и свобод, которые обеспечивают пользователям возможность свободно и безопасно взаимодействовать в цифровом пространстве.

Цифровые права охватывают широкий спектр вопросов: от защиты персональных данных и приватности до доступа к интернету, свободы выражения мнений в сети и безопасности информационных систем. Понимание и соблюдение этих прав становится ключевым фактором, определяющим уровень цифровой грамотности общества и качество жизни в эпоху информационного общества [2, с. 250].

Цифровые права осужденных могут рассматриваться как развитие традиционных прав человека с учетом соблюдения режима содержания в исправительном учреждении, а также новых вызовов и возможностей, появившихся с распространением интернета и цифровых технологий в современном мире.

Если ранее права и свободы ограничивались физическим пространством, то сегодня они распространяются и на виртуальное пространство, открывая новые формы взаимодействия и коммуникации, но одновременно ставя перед людьми новые риски и вызовы [3, с. 13]. Это требует разработки специальных законодательных норм и технологий для обеспечения надежной защиты цифровой приватности, а также полноценной реализации цифровых прав осужденных в условиях изоляции от общества.

Методы и принципы исследования. Методологическую основу изучения основных категорий цифровых прав осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, а также особенностей их реализации в условиях исправительного учреждения, составили основы диалектики, всесторонности, методы логического познания (общеправовые и частноправовые): анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение, аналогия, обобщение.

Основные результаты. В современных условиях развития и трансформации деятельности уголовно-исполнительной системы Российского государства понятие «цифровые права осужденных» приобретает особую значимость, поскольку информационные технологии проникают в деятельность Федеральной службы исполнения наказаний уже достаточно давно и требуют пересмотра существующих подходов к пониманию их сущности и правоприменению [4, с. 14].

Цифровые права осужденных - это совокупность прав и свобод, которые обеспечивают лицам, отбывающим наказания в виде лишения свободы, возможность защищенно, свободно и эффективно пользоваться цифровыми технологиями и интернет-пространством. В этом контексте рассмотрим несколько основных категорий цифровых прав, обеспечивающих баланс между свободой, безопасностью и ответственностью осужденных [5, с. 26]. При этом основой предлагаемых авторами характеристик категорий цифровых прав осужденных будут являться цифровые права, присущие всем гражданам нашей страны.

Первая и основная категория охватывает право на доступ к цифровым технологиям и интернету.

В современном мире доступ к сети является необходимым условием для участия в экономической, социальной и культурной жизни. Это право подразумевает не только физический доступ, то есть наличие необходимого оборудования и подключения, но и равные возможности использования интернет-ресурсов без дискриминации и необоснованных ограничений. Государство и институты гражданского общества должны стремиться обеспечивать инфраструктуру, минимизировать цифровое неравенство и создавать условия для инклюзивного доступа, учитывая социально-экономические, географические и культурные особенности.

Вторая категория связана с правом на информационную безопасность и защиту персональных данных. В эпоху повсеместного сбора, обработки и хранения цифровой информации критически важным становится право граждан сохранять конфиденциальность своих данных и контролировать их использование [6, с. 78; 7, с. 25]. Это включает возможность ознакомления с тем, какие данные собираются, с какой целью они используются, а также право на исправление или удаление личной информации. Защита от несанкционированного доступа, кибератак, мошенничества и злоупотреблений - неотъемлемая часть данного права. Законодательство в этой сфере направлено на установление строгих правил обработки персональных данных и обеспечение прозрачности деятельности организаций и государственных структур.

Третьей значимой категорией является право на свободу выражения в цифровом пространстве. Интернет стал мощным инструментом для обмена мнениями, творческого самовыражения и участия в общественно-политической жизни. Гарантия свободы слова в цифровой среде предполагает возможность выражать свои убеждения, получать и распространять информацию без цензуры или необоснованных ограничений. Однако это право требует сбалансированного регулирования с учетом необходимости предотвращения распространения дезинформации, кибербуллинга, разжигания ненависти и иных форм вредоносного контента. Вызов заключается в том, чтобы защитить свободу слова, не ущемляя права других пользователей и соблюдая нормы права.

Четвертая категория - право на цифровое образование и повышение цифровой грамотности. Понимание основ работы с информационными технологиями, навыки критического мышления при использовании интернета и умение защищать себя от угроз в сети становятся жизненно необходимыми компетенциями. Государство

и образовательные учреждения должны обеспечивать обучение осужденных навыкам безопасного и эффективного использования цифровых ресурсов, а также содействовать развитию инфраструктуры для получения цифровых знаний [8, с. 257]. Это право связано с концепцией всеобъемлющего участия в цифровой экономике и культурном обмене.

Пятая категория касается права на цифровую идентичность и управление ею. В цифровом пространстве пользователь представлен своими цифровыми профилями, учетными записями и онлайн-персонами, которые требуют защиты от подделок, кражи или злоупотребления. Право на управление собственной цифровой идентичностью включает возможность контролировать, каким образом пользователь представлен в сети, кто и как может использовать эту информацию, а также обеспечение безопасности онлайн-коммуникаций и транзакций. Развитие технологий блокчейн и систем аутентификации способствует усилению этого права, предоставляя гражданам инструменты для безопасного взаимодействия в интернете.

Наконец, важной категорией является право на участие в цифровом управлении и принятии решений, касающихся цифровой среды. Современные технологии открывают новые возможности для взаимодействия граждан с органами власти через электронное правительство, платформы обратной связи, общественные инициативы и голосования [9, с. 260]. Это право означает возможность влиять на формирование правил и политик в области информационных технологий, участвовать в обсуждении вопросов цифровой этики, безопасности и развития инфраструктуры. Активное гражданское участие способствует устойчивому развитию цифрового общества и учитывает интересы различных групп населения.

Таким образом, основные категории цифровых прав граждан должны формировать комплексную систему, способствующую обеспечению безопасности, свободного доступа, равноправия и развития личности в информационном пространстве. При этом они должны отражать многогранные аспекты цифровой жизни и требуют постоянного внимания со стороны государства, общества и самих пользователей для адекватного реагирования на вызовы, возникающие с развитием технологий. Только путем гармоничного сочетания этих прав возможно создание инклюзивного, справедливого и безопасного цифрового общества, отвечающего потребностям каждого гражданина.

Однако, в условиях изоляции от общества осужденные не могут в полной мере реализовать свои цифровые права, которые гарантированы Конституцией Российской Федерации (ст. 29).

Во-первых, их специальные цифровые права ограничены уголовно-исполнительными запретами на использование технических средств (ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса РФ). За исключением технических устройств для чтения электронных книг (для слабовидящих и слепых осужденных, а также устройств для прослушивания аудиокниг). При этом данные устройства не должны иметь функции аудио-, видеозаписи и видеовоспроизведения, а также функции выхода в интернет.

Во-вторых, установленные запреты, в том числе в части использования технических устройств для выхода в информационно-коммуникационную сеть «Интернет», согласно позиции Конституционного суда, являются допустимыми и обоснованными, так как они связаны с необходимостью обеспечения безопасности лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы и способствуют предупреждению совершения новых преступлений.

Отсутствие доступа осужденных к Интернету в современном мире воспринимается как очень серьезное ограничение. Однако, Верховный суд Российской Федерации не поддержал наделение осужденных ограниченным и контролируемым доступом к интернету. Послаблений режима содержания лиц, осужденных к лишению свободы, в ближайшее время не ожидается [10].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах:

«Право, общество, государство: системные основы взаимодействия и развития» (2024 г.) и «Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук» (2025 г.), проведенных в Московском областном филиале Московского университета МВД России с докладами на темы: «Профилактика противоправного поведения среди несовершеннолетних, осужденным к лишению свободы и без изоляции от общества» (2024 г.), «К вопросу подростковой преступности и особенностях ее профилактики в современных условиях» (2024 г.), «Правосознание и возможные формы его деформации в условиях развития информационного пространства» (2025 г.) ;

«Уголовно-исполнительная система: история и современность», проведенного в Псковском филиале Университета ФСИН России (г. Псков, 17-18 апреля 2025 г.) с докладом на тему: «Информационные технологии в профилактике повторных преступлений среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества».

Заключение. Проведенное исследование позволило прийти к выводам о том, что важным аспектом реализации цифровых прав осужденных в условиях развития уголовно-исполнительной системы нашего государства является обеспечение доступа к интернету как базового условия для реализации многих других прав и свобод.

Сегодня информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» выступает как платформа для получения информации, образования, участия в общественной и политической жизни, а значит, ограничение доступа к ней может привести не только к социальной изоляции, но и нарушению фундаментальных прав человека. В этом контексте цифровая грамотность осужденных становится неотъемлемой составляющей образования, позволяющей им не только пользоваться цифровыми технологиями, но и защищать свои права с использованием информационных ресурсов, критически воспринимать информацию, а также грамотно управлять своими данными.

Для реализации цифровых прав осужденных к лишению свободы в условиях изоляции от общества предлагаем дополнить уголовно-исполнительное законодательство, в частности Уголовно-исполнительный кодекс РФ и приказ Министерства юстиции РФ от 04.07.2022 № 110 положениями, содержащими права осужденных на доступ в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», в том числе с использованием технических устройств.

Для реализации данного предложения считаем целесообразным Федеральной службе исполнения наказаний создать единый сервер для доступа осужденных к сайтам федеральных органов государственной власти, правовых систем, образовательных платформ, библиотек, центров занятости населения в виде закрытой сети, используя для входа в интернет индивидуальных логина и пароля. При этом администрацией исправительного учреждения необходимо обеспечить надлежащий контроль всех действий осужденного в сети [11]. Перечень информации, которая будет доступна осужденным предварительно согласовывается ФСИН России с уполномоченным органом в сфере образования [12].

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г. Применение современных информационных и цифровых технологий при исполнении наказаний без изоляции осужденных от общества // Российский научный вестник. 2025. № 3. С. 155-160.

[2] Ковалев О.Г. Использование современных цифровых и информационных технологий при осуществлении пробации учреждениями и органами УИС: опыт и перспективы // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 249-255.

[3] Соколова С.А., Олейник Д.А., Ратушняк А.Л. Цифровые права осужденных: доступ к информации и защита персональных данных в условиях пенитенциарных учреждений // Полицейская и следственная деятельность. 2026. № 1. С. 12-23.

[4] Ковалев О.Г., Багнычев М.Ю. Особенности реализации цифровой трансформации в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 4. С. 13-17.

[5] Ковалев О.Г., Вилкова А.В., Швырев Б.А. Методология формирования знаний об информационной и компьютерной безопасности учреждений УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 4. С. 25-27.

[6] Ковалев О.Г. Обеспечение информационной и компьютерной безопасности учреждений и органов УИС в условиях цифровой трансформации и научно-технического развития уголовно-исполнительной системы // В сборнике: Актуальные вопросы информатизации Федеральной службы исполнения наказаний. Сборник материалов IV круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Владимира Савельевича Харичева. Тверь, 2022. С. 78-84.

[7] Ковалев О.Г. Современные проблемы использования цифровых технологий и инноваций при обеспечении пенитенциарной безопасности // Право и образование. 2024. № 5. С. 22-28.

[8] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Влияние цифровых технологий на противоправное поведение осужденных молодежного возраста // Российский научный вестник. 2025. № 4. С. 255-261.

[9] Мельникова О.В. Искусственный интеллект и цифровая трансформация деятельности уголовно-исполнительной системы // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия: Материалы научно-практической конференции с международным участием, Псков, 11–12 ноября 2021 года. Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2022. С. 260-265.

[10] ВС не усмотрел дискриминации в запрете заключенным пользоваться Интернетом // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-ne-usmotrel-diskriminatsii-v-zaprete-zaklyuchennym-polzovatsya-internetom/ (дата обращения: 02.05.2026).

[11] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[12] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

References:

[1] Kovalev O.G. The use of modern information and digital technologies in the execution of sentences without isolating convicts from society // Russian Scientific Bulletin. 2025. № 3. pp. 155-160.

[2] Kovalev O.G. The use of modern digital and information technologies in the implementation of probation by institutions and bodies of the penal system: experience and prospects // Russian Scientific Bulletin. 2025. № 1. pp. 249-255.

[3] Sokolova S.A., Oleinik D.A., Ratushnyak A.L. Digital rights of convicts: access to information and protection of personal data in prison settings // Police and investigative activities. 2026. № 1. pp. 12-23.

[4] Kovalev O.G., Bagnychev M.Yu. Features of the implementation of digital transformation in the penal system at the present stage of its development // Penal system: law, economics, management. 2023. № 4. pp. 13-17.

[5] Kovalev O.G., Vilkova A.V., Shvyrev B.A. Methodology for the formation of knowledge about the information and computer security of penal institutions // Penal system: law, economics, management. 2022. № 4. pp. 25-27.

[6] Kovalev O.G. Ensuring information and computer security of institutions and bodies of the penal system in the context of digital transformation and scientific and technical development of the penal system // In the collection: Actual issues of informatization of the Federal Penitentiary Service. Collection of materials of the IV round table dedicated to the 100th anniversary of the birth of Vladimir Savelyevich Kharichev. Tver, 2022. pp. 78-84.

[7] Kovalev O.G. Modern problems of using digital technologies and innovations in ensuring penitentiary security // Law and education. 2024. № 5. pp. 22-28.

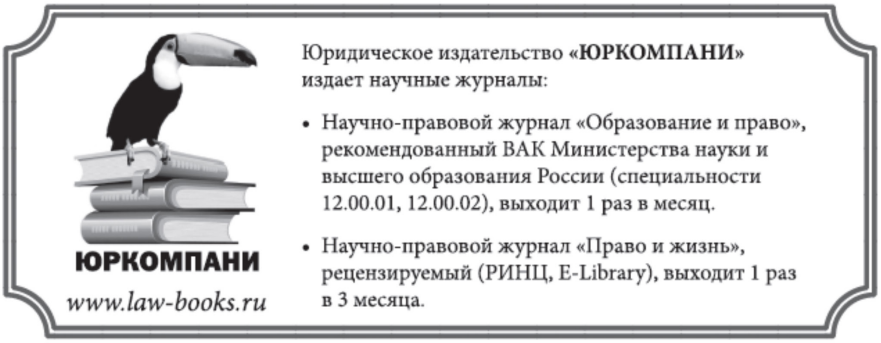
[8] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The influence of digital technologies on the unlawful behavior of convicts of youth age // Russian Scientific Bulletin. 2025. № 4. pp. 255-261.

[9] Melnikova O.V. Artificial intelligence and digital transformation of the activities of the penitentiary system // Law enforcement agencies of Russia: problems of formation and interaction: Materials of a scientific and practical conference with international participation, Pskov, November 11-12, 2021. Pskov: Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. pp. 260-265.

[10] The Supreme Court did not see discrimination in the prohibition of prisoners to use the Internet // Lawyer newspaper. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-ne-usmotrel-diskriminatsii-v-zaprete-zaklyuchennym-polzovatsya-internetom/ (access date: 02.05.2026).

[11] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[12] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.



КРИМИНОЛОГИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-171-175

РАДЖАБОВ Шамиль Раджабович,

кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,

e-mail: shamil.1503@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛ МЕЛКОГО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: ЗА ИЛИ ПРОТИВ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. *Актуальность темы. Введение в 2016 г. статьи 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество) было призвано гуманизировать ответственность за малозначительные коррупционные проявления и обеспечить неотвратимость наказания за бытовую коррупцию. Накопленный опыт выявил фундаментальную дилемму: способствует ли данная норма реальному противодействию коррупции либо лишь создаёт иллюзию борьбы.*

Методы исследования. Применены диалектический, системно структурный, формально юридический, сравнительно правовой методы, а также методы анализа статистических данных и правового прогнозирования.

Результаты исследования. Установлено, что мелкое взяточничество занимает второе место среди коррупционных преступлений (2014 осуждённых в первом полугодии 2025 г.), однако доля оправдательных приговоров составляет всего 0,2 %. Выявлены системные недостатки ст. 291.2 УК РФ: отсутствие квалифицирующих признаков, декриминализация посредничества, уравнивание общественной опасности получения и дачи мелкой взятки, отсутствие правила о суммировании неоднократных мелких взяток, риск использования нормы для завышения статистических показателей.

Теоретическая и практическая значимость. Сделанные выводы могут использоваться в учебной литературе по уголовному праву и криминологии, а также в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Новизна. Автором предложен комплексный подход к реформированию ст. 291.2 УК РФ, включающий введение квалифицирующих признаков, криминализацию посредничества, установление правила о суммировании размеров неоднократных мелких взяток и дифференциацию ответственности взяткополучателя и взяткодателя.

Ключевые слова: *мелкое взяточничество, ст. 291.2 УК РФ, дифференциация ответственности, коррупция, гуманизация, посредничество во взяточничестве, бытовая коррупция, судебная практика.*

RADJABOV Shamil Radjabovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dagestan State University

THE POTENTIAL OF PETTY BRIBERY: PROS AND CONS (CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ANALYSIS)

Annotation. *Relevance. The introduction in 2016 of Art. 291.2 of the Russian Criminal Code (petty bribery) was intended to humanize liability for minor corruption acts and ensure the inevitability of punishment for domestic corruption. Accumulated experience has revealed a fundamental dilemma: does this norm promote a real fight against corruption or only create the illusion of struggle?*

Methods. The study employed dialectical, system structural, formal legal, comparative legal methods, as well as methods of statistical data analysis and legal forecasting.

Results. It has been established that petty bribery ranks second among corruption crimes (2,014 convicts in the first half of 2025), but the acquittal rate is only 0.2 %. Systemic shortcomings

of Art. 291.2 of the Russian Criminal Code have been identified: absence of qualifying features, decriminalization of mediation, equalization of the public danger of receiving and giving a petty bribe, lack of a rule on the summation of repeated petty bribes, and the risk of using the norm to inflate statistical indicators.

Theoretical and practical significance. The conclusions can be used in educational literature on criminal law and criminology, as well as in legislative and law enforcement activities.

Novelty. The author proposes a comprehensive approach to reforming Art. 291.2 of the Russian Criminal Code, including the introduction of qualifying features, criminalization of mediation, establishment of a rule on the summation of the amounts of repeated petty bribes, and differentiation of liability of the bribe taker and the bribe giver.

Key words: *petty bribery, Art. 291.2 of the Russian Criminal Code, differentiation of liability, corruption, humanization, mediation in bribery, domestic corruption, judicial practice.*

Коррупционные преступления остаются одной из наиболее острых угроз национальной безопасности Российской Федерации. В структуре коррупционной преступности особое место занимает мелкое взяточничество – деяние, криминализированное в 2016 году путём введения в Уголовный кодекс РФ статьи 291.2. Данная норма установила уголовную ответственность за получение или дачу взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, и стала одним из наиболее заметных проявлений дифференциации уголовной ответственности за коррупционные преступления.

Однако десятилетний опыт применения ст. 291.2 УК РФ выявил фундаментальное противоречие, которое и составляет проблемное поле настоящего исследования: способствует ли институт мелкого взяточничества реальному противодействию коррупции или же он создаёт иллюзию борьбы, маскируя системные недостатки антикоррупционной политики?

Постановка вопроса о потенциале мелкого взяточничества в формате «за или против» не является риторическим приёмом. За ней стоит реальная научная и практическая дилемма. Сторонники сохранения и развития института мелкого взяточничества указывают на его роль в дифференциации ответственности, гуманизации уголовного закона и обеспечении неотвратимости наказания за наиболее массовые проявления бытовой коррупции. Противники же обращают внимание на серьёзные концептуальные недостатки действующей нормы: отсутствие квалифицирующих признаков, декриминализацию посредничества, игнорирование институционального вреда коррупции, а также на риски использования данной статьи для искусственного завышения статистических показателей борьбы с коррупцией. Как отмечает В.А. Сизов, «изменения, внесённые в уголовное законодательство в части ответственности за взяточничество, не в полной мере удовлетворяют потребностям правоохранительных органов для эффективного противодействия коррупции» [1].

Однако анализ правовой природы мелкого взяточничества выявляет концептуальную проблему, связанную с определением его общественной опасности. А.С. Пектубаева отмечает, что «практика квалификации мелкого взяточничества демонстрирует противоречие между формальной определённостью стоимостного предела и фактической многомерностью коррупционного вреда» [2].

Сторонники сохранения и развития института мелкого взяточничества выдвигают ряд весомых аргументов в его пользу.

Прежде всего, следует отметить, что ст. 291.2 УК РФ служит цели дифференциации уголовной ответственности. Законодатель справедливо исходил из того, что общественная опасность взятки в размере до десяти тысяч рублей существенно ниже, нежели взятки в крупном или особо крупном размере, и это различие должно находить отражение в санкциях. До введения ст. 291.2 УК РФ даже незначительная взятка могла квалифицироваться по ч. 1 ст. 290 или ч. 1 ст. 291 УК РФ, предусматривающим наказание до трёх или двух лет лишения свободы соответственно, что, по мнению многих исследователей, не соответствовало принципу справедливости.

Вторым важным аргументом выступает реализация принципа неотвратимости наказания. Выделение мелкого взяточничества в самостоятельный состав с относительно мягкими санкциями позволило правоохранительным органам более эффективно выявлять и расследовать массовые проявления бытовой коррупции, не опасаясь упрёков в несоразмерности уголовного преследования. Как свидетельствуют статистические данные, за первое полугодие 2025 г. по ст. 291.2 УК РФ осуждено 2014 человек, что делает данную статью второй по частоте применения среди антикоррупционных норм – после ст. 290 УК РФ

(2604 осуждённых). Эти цифры подтверждают, что норма активно применяется и реально «работает» [3].

Третий аргумент касается гуманизации уголовного закона. Санкция ч. 1 ст. 291.2 УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа до двухсот тысяч рублей, исправительных работ на срок до одного года, ограничения свободы на срок до двух лет либо лишения свободы на срок до одного года. Это значительно мягче наказаний, предусмотренных общими составами взяточничества, и позволяет судам индивидуализировать ответственность с учётом всех обстоятельств дела.

В пользу сохранения института мелкого взяточничества говорит и то обстоятельство, что он обеспечивает процессуальную экономию. Дела о мелком взяточничестве могут рассматриваться в упрощённом порядке, что снижает нагрузку на судебную систему и позволяет сосредоточить ресурсы на расследовании и рассмотрении более сложных и общественно опасных коррупционных преступлений. Как справедливо подчёркивается в судебной практике, одновременное получение должностным лицом взяток от нескольких лиц даже одной суммой через посредника не может квалифицироваться как единое продолжаемое преступление, а является их совокупностью, что дополнительно стимулирует применение ст. 291.2 УК РФ.

Однако критический анализ позволяет выявить не менее весомые аргументы против существующей модели регулирования мелкого взяточничества, которые ставят под сомнение его реальный антикоррупционный потенциал.

Первая и, пожалуй, наиболее принципиальная проблема состоит в том, что ст. 291.2 УК РФ полностью уравнивает по степени общественной опасности получение и дачу мелкой взятки. Данный подход подвергнут убедительной критике в научной литературе. Как аргументирует Р.Ш. Уразбаев, «законодатель допустил несправедливость, признав в равной степени опасными для общества дающего взятку рядового гражданина и получающего взятку должностного лица, наделённого соответствующими полномочиями» [4].

Вторым существенным недостатком является декриминализация посредничества в мелком взяточничестве. Статья 291.1 УК РФ предусматривает ответственность за посредничество во взяточничестве, однако её диспозиция отсылает только к ст. 290 и 291 УК РФ, исключая ст. 291.2. Это означает, что посредник при передаче мелкой взятки не подлежит уголовной ответственности, что создаёт очевидную законодательную лазейку. Как обоснованно указывают А.В. Сарычев и И.Н. Архипцев, «криминализация посредничества при мелком взяточничестве необходима для устранения преступных лазеек и безнаказанности совершения посреднических действий» [5]. Отсутствие такой нормы позволяет преступникам использовать посреднические схемы для минимизации рисков, что особенно актуально в условиях цифровизации взяточничества и использования криптовалютных активов.

Третья проблема связана с отсутствием квалифицирующих признаков в составе мелкого взяточничества. Действующая редакция ст. 291.2 УК РФ содержит лишь один квалифицирующий признак – наличие у субъекта судимости за совершение коррупционных преступлений. При этом такие отягчающие обстоятельства, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, вымогательство взятки, совершение преступления в крупном или особо крупном размере, не находят отражения в квалификации. Весомой представляется позиция Р.С. Дзусова, который утверждает, что рассмотренные в работе признаки повышают степень общественной опасности взяточничества в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, в связи с чем указанные признаки могли бы быть закреплены в ст. 291.2 УК РФ [6].

Четвёртый аспект касается игнорирования институционального вреда коррупции. Установленный законодателем формальный стоимостной критерий (10 000 рублей) не отражает реальную общественную опасность коррупционного деяния. Взятка, даже незначительная по размеру, может повлечь существенный вред, если она обусловливает принятие незаконного решения, затрагивающего права и законные интересы граждан. Подрыв доверия к публичной службе, искажение управленческих решений, подмена равного доступа к благам и воспроизводство неформальных «тарифов» в государственном секторе – все эти последствия не измеряются исключительно денежным эквивалентом.

Пятая проблема – риск искусственного завышения статистических показателей. Генеральная прокуратура РФ обращала внимание на то, что факты мелкого взяточничества нередко фиксировались для «раздувания отчётов по раскрываемости». При этом реальная борьба с организованной коррупцией, представляющей наибольшую общественную опасность, может отходить на второй план.

Наконец, следует отметить проблему множественности эпизодов мелкого взяточничества. Действующая редакция ст. 291.2 УК РФ и разъяснения Верховного Суда РФ не позволяют суммировать размеры неоднократных мелких взяток для их переквалификации в

общий состав взяточничества. Это означает, что систематическое получение должностным лицом взяток, каждая из которых не превышает 10 000 рублей, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 291.2 УК РФ, а не по ст. 290 УК РФ, даже если общая сумма незаконного вознаграждения исчисляется сотнями тысяч рублей. Данное обстоятельство позволяет недобросовестным должностным лицам сознательно «дробить» получаемые взятки на суммы, не превышающие 10 000 рублей, и тем самым избегать более строгой ответственности по ст. 290 УК РФ.

Обращение к эмпирическим данным позволяет взглянуть на проблему с количественной стороны. Судебная статистика за первое полугодие 2025 г., опубликованная Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, рисует следующую картину. Среди всех коррупционных преступлений лидирует взяточничество: по ст. 290 УК РФ (получение взятки) осуждено 2604 человека, по ст. 291 УК РФ (дача взятки) – 1627 человек. Мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) занимает второе место с показателем 2014 осуждённых. Обращает на себя внимание крайне низкая доля оправдательных приговоров по делам о мелком взяточничестве – всего 0,2 %, тогда как средний показатель по коррупционным делам составляет 1,8 %, а по делам о получении взятки в особо крупном размере – 0,92 % [3]. Данное расхождение может свидетельствовать как о более высокой доказанности обвинения по делам о мелком взяточничестве, так и о фактическом отсутствии состязательности в этой категории дел, когда подсудимые предпочитают соглашаться с обвинением, рассчитывая на мягкое наказание.

Статистика также подтверждает, что наиболее распространёнными остаются взятки в размере от 10 до 50 тыс. рублей, а взятки до 10 тыс. рублей занимают третье место после услуг неимущественного характера [3]. При этом отмечается рост числа осуждённых по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ (квалифицированный состав), что свидетельствует о рецидивоопасности данного преступления и необходимости усиления превентивных мер.

Криминологические исследования, основанные на региональных данных, подтверждают прямую зависимость между размером взятки и количеством совершаемых преступлений. Подавляющее большинство выявляемых взяток – это взятки, размер которых не превышает 10 000 рублей, однако, как справедливо замечает В.А. Сизов, высокая латентность более крупных взяток не должна создавать иллюзию, что мелкое взяточничество исчерпывает проблему коррупции [1].

Проведённый анализ позволяет сформулировать конкретные предложения по совершенствованию уголовно правового регулирования мелкого взяточничества.

Первое. Необходимо дополнить ст. 291.2 УК РФ квалифицирующими признаками, отражающими повышенную общественную опасность отдельных форм мелкого взяточничества. В частности, предлагается закрепить в ч. 2 ст. 291.2 УК РФ такие квалифицирующие признаки, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, сопряжённость с вымогательством взятки, а также совершение преступления должностным лицом с использованием своего служебного положения. Данное предложение корреспондирует с позицией Р.С. Дзусова, подчёркивающего, что «перечисленные признаки повышают степень общественной опасности взяточничества в размере, не превышающем десяти тысяч рублей» [6].

Второе. Следует криминализировать посредничество в мелком взяточничестве, дополнив ст. 291.1 УК РФ указанием на ст. 291.2 в перечне норм, к которым применяется институт посредничества. Как указывают А.В. Сарычев и И.Н. Архипцев, «криминализация посредничества при мелком взяточничестве необходима для устранения преступных лазеек» [5]. В качестве альтернативы может рассматриваться введение самостоятельного состава посредничества в мелком взяточничестве в рамках ст. 291.2 УК РФ.

Третье. В примечании к ст. 291.2 УК РФ необходимо закрепить правило о суммировании размеров неоднократных мелких взяток, полученных должностным лицом от разных лиц. Если общая сумма незаконного вознаграждения превышает 10 000 рублей, содеянное должно квалифицироваться по ст. 290 УК РФ. Данное предложение направлено на нейтрализацию схем дробления взяток с целью ухода от более строгой ответственности.

Четвёртое. Целесообразно дифференцировать ответственность за получение и дачу мелкой взятки, предусмотрев более строгую санкцию для взяткополучателя. Данное предложение основано на справедливой критике существующего подхода, уравнивающего общественную опасность принципиально различных по своему характеру деяний.

Пятое. Требуется расширение профилактического инструментария, направленного на предупреждение мелкого взяточничества. В качестве конкретных мер предлагается: внедрение цифровых платформ общественного контроля за деятельностью должностных лиц, уполномоченных на оказание государственных услуг; разработка и реализация

образовательных антикоррупционных программ для государственных и муниципальных служащих.

Выводы. Институт мелкого взяточничества (ст. 291.2 УК РФ), введённый в 2016 г., внутренне противоречив: с одной стороны, он обеспечивает дифференциацию ответственности и неотвратимость наказания за массовую бытовую коррупцию, с другой – содержит серьёзные дефекты (декриминализация посредничества, уравнивание опасности получения и дачи взятки, невозможность суммирования неоднократных мелких взяток), снижающие его антикоррупционный потенциал. Судебная статистика подтверждает распространённость состава: в первом полугодии 2025 г. по ст. 291.2 УК РФ осуждено 2014 человек (второе место среди коррупционных преступлений), при этом доля оправдательных приговоров составляет лишь 0,2 %, что требует анализа причин – от высокой доказанности обвинения до процессуального дисбаланса.

Основными направлениями совершенствования выступают: введение квалифицирующих признаков (группа лиц, вымогательство), криминализация посредничества, закрепление правила о суммировании сумм неоднократных мелких взяток для квалификации по ст. 290 УК РФ, дифференциация ответственности взяткополучателя и взяткодателя, а также расширение профилактического инструментария. Реализация этих мер позволит раскрыть нереализованный потенциал нормы и превратить ст. 291.2 УК РФ из преимущественно «статистического» инструмента в действенное средство защиты прав граждан и интересов государственной службы.

Список литературы:

[1] Сизов В. А. Противодействие мелкому взяточничеству как составная часть борьбы с коррупцией // Вестник Пензенского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 28–38.

[2] Пектубаева А. С. Актуальные проблемы квалификации мелкого взяточничества // Молодой учёный. – 2026. – № 5 (608). – С. 351–353.

[3] Сведения о числе лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности (за первое полугодие 2025 года) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://cdep.ru/statistics (дата обращения: 03.05.2026). – Текст : электронный.

[4] Уразбаев Р. Ш. Закон о мелкой взятке не способствует снижению коррупции // Вестник Казанского технологического университета. – 2023. – № 15. – С. 14–16.

[5] Сарычев А. В., Архипцев И. Н. Проблемы квалификации мелкого взяточничества и вопросы совершенствования ст. 291.2 УК РФ // Криминологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 12–24.

[6] Дзусов Р. С. К вопросу об отсутствии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, предусмотренных статьями 290–291 УК РФ в составах мелкого взяточничества (статья 291.2 УК РФ) // Новый юридический вестник. – 2025. – № 8 (50). – С. 31–34.

References:

[1] Sizov V. A. Countering petty bribery as an integral part of the fight against corruption//Bulletin of Penza State University. – 2024. – № 2. - S. 28-38.

[2] Pektubaeva A. S. Actual problems of qualification of petty bribery//Young scientist. – 2026. – № 5 (608). - S. 351-353.

[3] Information on the number of persons convicted of corruption-related crimes (for the first half of 2025)//Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: official website. - URL: https://cdep.ru/statistics (access date: 03.05.2026). - Text: electronic.

[4] Urazbaev R. Sh. The law on small bribes does not help reduce corruption//Bulletin of Kazan Technological University. – 2023. – № 15. - S. 14-16.

[5] Sarychev A. V., Arkhiptsev I. N. Problems of qualification of small bribery and issues of improvement of Art. 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation//Criminological journal. – 2024. – № 3. - S. 12-24.

[6] R.S. Dzusov On the absence of qualifying and especially qualifying features provided for in Articles 290-291 of the Criminal Code of the Russian Federation in the composition of petty bribery (Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)//New Legal Bulletin. – 2025. – № 8 (50). - S. 31-34.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-176-180

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, ВЮИ ФСИН России,

e-mail: krim33@mail.ru

МОРОЗОВ Роман Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых наук, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

e-mail: morozur@mail.ru

ВЛАДИМИРОВ Сергей Владиславович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями, Самарский государственный экономический университет,

e-mail: sergvladimirof@yandex.ru

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИЗЫВАМИ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация. *В статье анализируется динамика преступлений экстремистской направленности в России, совершаемых с использованием информационно телекоммуникационных технологий.*

Авторами предпринята попытка выявить особенности расследования преступлений экстремистской направленности, в том числе с использованием интернет ресурсов, и определить ключевые криминалистические и тактические приёмы, повышающие эффективность раскрытия таких преступлений.

Кроме того, систематизированы обстоятельства, подлежащие установлению в ходе допроса, определены ключевые тактико- криминалистические приёмы, способствующие полному и достоверному получению показаний допрашиваемого. Авторы полагают, что основными тактическими приемами производства допроса в условиях складывающейся бесконфликтной ситуации являлись установление психологического контакта и создание факта полной осведомленности следователя о совершенном преступном событии.

Ключевые слова: *расследование преступлений, преступления экстремисткой направленности, показания, допрос, криминалистическая тактика.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,

candidate of legal sciences, associate professor Docent at the Department of department of criminal justice and forensic science of the Faculty of Law, Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

MOROZOV Roman Mikhailovich,

candidate of legal sciences, associate professor Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences at the North-Western Institute (Branch) of the Kutafin University (MSAL)

VLADIMIROV Sergey Vladislavovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Associate Professor, Department of Organization of Combating

Economic Crimes, Samara State Economic University

TACTICAL AND FORENSIC FEATURES OF INTERROGATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO CALLS FOR EXTREMIST ACTIVITIES USING THE INTERNET

Annotation. *The article analyzes the dynamics of extremist crimes in Russia committed using information and telecommunication technologies.*

The authors attempt to identify the features of the investigation of extremist crimes, including those committed using Internet resources, and to determine the key forensic and tactical techniques that increase the effectiveness of the investigation of such crimes.

In addition, the authors systematize the circumstances that need to be established during interrogation and identify the key forensic and tactical techniques that contribute to the complete and accurate collection of evidence from the interrogated person. The authors believe that the main tactics for conducting an interrogation in a non-confrontational situation were establishing psychological contact and creating the impression that the investigator was fully aware of the criminal event.

Key words: *investigation of crimes, extremist crimes, testimonies, interrogations, forensic tactics.*

По официальным данным МВД России в 2025 году было выявлено и зарегистрировано 2241 преступление экстремисткой направленности [4], что говорит о росте количественных показателей почти на 67,2% за последние два года (2024 год - 1719 преступлений [5] и 2023 год - 1340 преступлений [6]). Около трети преступлений экстремисткой направленности в 2025 году (31,5%) составляют призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), совершенные при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе Интернет-ресурсов. В целом, не смотря на высокий уровень раскрываемости преступлений экстремистской направленности (93,8%), по мнению Председателя Следственного комитета России – А.И. Бастрыкина, необходима четкая координация действий всех противодействующих экстремизму структур [Бастрыкин, с. 839].

Поэтому процесс противодействия экстремизму должен включать не только совершенствование нормативного обеспечения выявления, предупреждения и пресечения экстремистской деятельности как одного из направления государственной деятельности, но и повышение эффективного криминалистического обеспечения расследования преступлений рассматриваемой группы.

Так, научное сообщество, отмечает, что раскрытие преступной деятельности, связанной с экстремизмом, отличается особой сложностью, проблемами разработки методики и способов раскрытия указанных преступлений [Камергоев Б.М., Абазова М.В., с. 167-168], а следственная практика испытывает дефицит в соответствующих криминалистических рекомендациях [Ложис, с.184]. Во многом, обусловленность научного мнения связана с использованием виновными лицами информационно-телекоммуникационных технологий в качестве основного средства (канала) распространения информации, содержащей экстремистские материалы, а также сложностью установления обстоятельств преступного события, в частности именно причастностью лица к размещению указанной информации.

Как правило, следственная ситуация, складывающаяся на первоначальном этапе расследования преступлений экстремисткой направленности, в том числе связанных с распространением материалов экстремисткой тематики с использованием Интернет-ресурса (социальных сетей, кроссплатформенных мессенджеров, аудио- и видео-хостингов, сайтов открытого доступа) включает алгоритм легализации (документирования) оперативной информации, полученной в условиях мониторинга телекоммуникационного пространства подразделениями территориальных органов УМВД России, а также от лиц, оказывающих негласное содействие правоохранительным структурам. Реализация полученных результатов оперативно-розыскной деятельности зачастую сопряжена с производством следующих следственных действий:

осмотром места происшествия (помещения, квартиры, дачи, в котором обнаружено техническое устройство, при помощи которого производилось размещение запрещенной информации в открытый доступ Интернет-пространства);

осмотром предметов (компьютерной техники, мобильных устройств, сопровождающихся осмотром интернет-страницы с запрещенной единицей контента);

назначением судебной экспертизы,

например, судебной лингвистической экспертизы с целью получения выводов об использовании в материалах негативно-оценочной сниженной лексики, использовании языковых обозначений, выражающих поругание, поношение, осквернение лиц (действий лиц), относящихся к какой-либо группе, объединённых по политическим, социальным, расовым, национальным или религиозным признакам.

При этом, результаты проведенных оперативных мероприятий и первоначальных следственных действий напрямую влияют на складывающуюся следственную ситуацию, которая может иметь конфликтный или бесконфликтный характер.

Анализ материалов правоприменительной практики расследования рассматриваемой группы преступлений, свидетельствует о взаимосвязи бесконфликтной следственной ситуации и заявления обвиняемым ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке на этапе ознакомления с материалами уголовного дела. Например, в рамках установления обстоятельств 11 эпизодов совершения преступления, предусмотренного ч.2 ст. 280 УК РФ, а именно совершения, публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, выразившихся в призывах к насильственным действиям (убийству) в отношении представителей действующей государственной власти, а также в отношении группы лиц, выделенной по признаку национальности (евреи), при помощи сети «Интернет», Яровиков М.В., согласившись с предъявленным ему обвинением, заявил ходатайство о постановлении в отношении него приговора без проведения судебного разбирательства [7]. Отметим, что после легализации результатов проведения оперативно-розыскных мероприятий в телекоммуникационной сети, социальных сетях «Одноклассники», «В_контакте», на стадии предварительного расследования в ходе проведения допроса, в условиях бесконфликтной ситуации, задачей следователя являлось установление обстоятельств:

Времени создания учетной записи пользователем в социальной сети («ok.ru», «Vk»).

Принадлежности учетной записи пользователя социальной сети виновному лицу.

Факта, времени, причин переименования учетной записи пользователя.

Доступности контента пользователя (изображений и иных графических материалов, текстового контента, комментариев, видео-, аудиосообщений) для просмотра неограниченному кругу другим пользователям социальной сети.

Фактического и полного наименования сетевого адреса пользователя конкретной социальной сети.

Провайдера, осуществляющего подключение в Интернет-ресурсам (например, «ПАО «Ростелеком», ООО «Сибирские сети»).

Места нахождения обвиняемого в момент размещения запрещенных материалов («по месту жительства по адресу…», «по месту временного пребывания по адресу…»).

Принадлежности устройства (компьютера, смартфона, планшета), используемого в качестве средства (канала) размещения запрещенной информации, виновному лицу

Наличия преступного умысла, направленного на совершение противоправного деяния, включая мотивы совершения преступления.

Причин возникновения ненависти и (или) вражды в отношении определенной категории лиц; причин приверженности к идеологии применения к ним насилия.

Факта осознания противоправности (наказуемости) действий, по размещению экстремистских материалов в открытом доступе (социальной сети).

Факта нахождения иных лиц (потенциальных соучастников преступного события) при размещении материалов экстремисткой тематики в сети Интернет.

Форм, содержания размещаемых экстремистских материалов.

Основными тактическими приемами производства допроса в условиях складывающейся бесконфликтной ситуации являлись установление психологического контакта и создание факта полной осведомленности следователя о совершенном преступном событии. Полнота полученных показаний, как результата верного и эффективного тактического приема при проведении допроса, повлияла и на последующий ход судебного разбирательства, согласие с предъявленным обвинением.

В условиях конфликтной ситуации, складывающейся при проведении допроса, и обусловленной отказом от дачи показаний либо полной непричастностью к совершаемому преступному событию, следователю необходимо использовать такие тактические приемы, как создание полной осведомленности о факте произошедшего события, а также предъявление доказательств («от косвенных доказательств к прямым более весомым доказательствам»). Структурно следователь может оперировать следующими доказательствами:

протокол осмотра документа (ответа на запрос (сообщение) интернет-провайдера о предоставлении услуги виновному лицу по адресу

его пребывания или проживания);

показания свидетелей (к примеру, совместно проживающих с ним лиц, о приверженности к определенной идеологии, ранее данных высказываниях обвиняемого, которые можно расценивать как мотивы совершения преступления, психоэмоциональное состояние лица);

протоколы осмотра документов, связанных с привлечением ранее к административной ответственности по смежным составам правонарушений;

протокол осмотра предметов (CD-диска с записью голоса обвиняемого в виде аудиосообщений, содержащих призывы к разжиганию ненависти и вражды к определенной группе) совместно с заключением судебной фоноскопической экспертизы, свидетельствующей об идентификации лица по голосу;

фототаблицы к протоколу осмотра предметов (мобильного устройства, ноутбука, персонального компьютера), содержащей скриншоты массовой рассылки, переписки, чатов или единицы контента, находящейся в открытом доступе, содержащих материалы экстремисткой направленности;

заключение судебной лингвистической экспертизы, заключение специалиста, полученное по итогам проведения лингвистического исследования, с выводами о лингвистической квалификации в предоставленной на экспертизу (исследование) текста или аудиозаписи.

Соблюдение перечисленных тактико-криминалистических приемов в ходе производства допроса подозреваемого (обвиняемого) будет способствовать более качественному, полному, достоверному сбору сведений в ходе предварительного расследования преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280 УК РФ, а также последующей их оценке в ходе судебного разбирательства.

Список литературы:

[1] Бастрыкин А.И. Противодействие Следственного комитета Российской Федерации терроризму и экстремизму // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 4. 2021. С. 836–846.

[2] Камергоев Б.М., Абазова М.В. Особенности выявления и расследования преступлений экстремистской направленности // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 9А. С. 167–173.

[3] Ложис З.З. Применение специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершенных в сети Интернет, а также преступлений террористического характера в практике Следственного комитета Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 178–193.

[4] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2025 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/.

[5] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/.

[6] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/.

[7] Приговор от 16.11.2020 по делу № 1-265/2020. Официальный сайт Ленинского районного суда города Кемерово. URL: https://leninsky--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=530622082&case_uid=024b4786-2d7a-49a7-8331-f26f005fc750&delo_id=1540006&new=.

References:

[1] Bastrykin A.I. Counteraction of the Investigative Committee of the Russian Federation to Terrorism and Extremism//Bulletin of St. Petersburg University. Right 4. 2021. S. 836-846.

[2] Kamergoev B.M., Abazova M.V. Features of detection and investigation of extremist crimes// Issues of Russian and international law. 2018. Volume 8. No. 9A. S. 167-173.

[3] Lozhis Z.Z. The use of special knowledge in the investigation of extremist crimes committed on the Internet, as well as crimes of a terrorist nature in the practice of the Investigative Committee of the Russian Federation//Actual problems of Russian law. 2021. T. 16. № 6. S. 178-193.

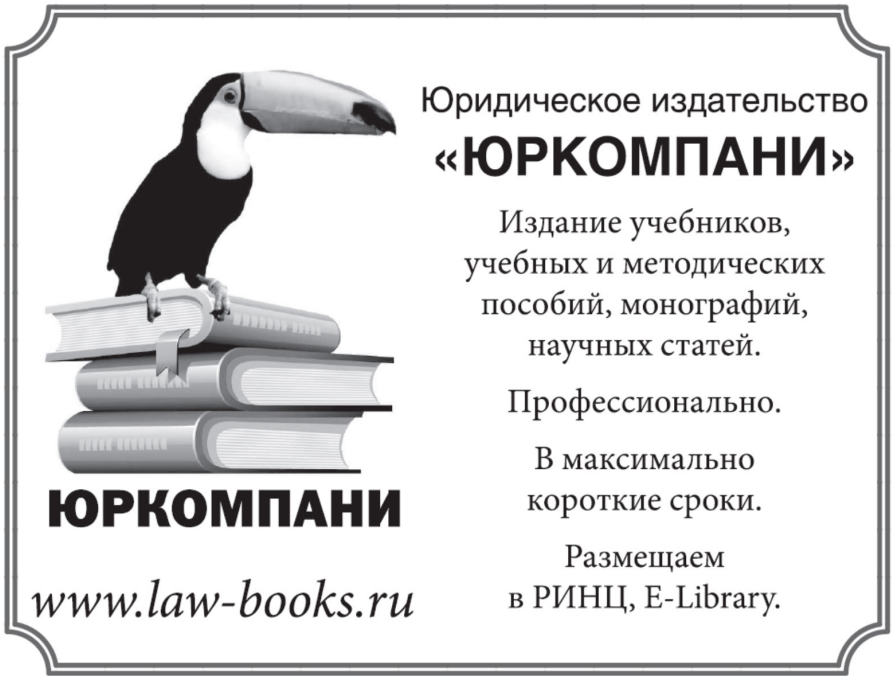
[4] A brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - December 2025//Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/.

[5] A brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - December 2024//Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/.

[6] A brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - December 2023//Official website of the Ministry of Internal

Affairs of the Russian Federation. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/.

[7] Verdict of 16.11.2020 in case No. 1-265/2020. Official website of the Leninsky District Court of Kemerovo. URL: https://leninsky--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=530622082&case_uid=024b4786-2d7a-49a7-8331-f26f005fc750&delo_id=1540006&new=.



Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-181-187

МАУЛЬ Максим Викторович,

аспирант кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,

e-mail: maksimmaul@gmail.com

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. *Предметом исследования выступают криминологические особенности личности лиц, совершающих преступные посягательства на объекты культурного наследия народов Российской Федерации, а также уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства противодействия данной категории преступлений. Анализируются нормы статей 243, 243.1, 243.2, 243.3 УК РФ, правила подследственности, закреплённые в ст. 151 УПК РФ, и механизмы специально-криминологической профилактики посягательств на памятники истории, архитектуры и археологии. В работе осуществлена типологизация субъектов рассматриваемых преступлений по критериям мотивационной направленности, социально-демографических признаков и способа совершения деяния: выделены группы лиц, занимающихся незаконным поиском и изъятием археологических предметов («чёрные копатели»), должностных лиц и предпринимателей, причиняющих вред охраняемым объектам в ходе хозяйственной деятельности, а также субъектов вандальных посягательств.*

В работе применён комплексный методологический инструментарий, включающий формально-юридический метод при анализе действующих уголовно-правовых норм и выявлении их конструктивных дефектов, сравнительно-правовой метод при сопоставлении санкций и квалифицирующих признаков смежных составов преступлений, криминологический метод типологизации личности преступника на основе обобщения судебной практики и статистических данных, а также системно-структурный анализ мер профилактического воздействия на криминогенные детерминанты в сфере охраны культурного наследия.

Научная новизна состоит в выявлении трёх системных проблем правового регулирования: отсутствия в ст. 243 УК РФ квалифицирующего признака совершения деяния в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы, что порождает неоправданную асимметрию с нормой ст. 243.2 УК РФ; дефектов подследственности уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 243, 243.1, 243.3 УК РФ, расследуемых органами дознания без учёта специфики предмета доказывания; отсутствия специальной нормы об уголовной ответственности за незаконный оборот предметов, заведомо добытых в результате посягательств на объекты культурного наследия. Сформулированы конкретные законодательные предложения: о дополнении ст. 243 УК РФ квалифицированным составом, о передаче соответствующих уголовных дел к подследственности следователей Следственного комитета Российской Федерации путём внесения изменений в п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, а также о введении в Уголовный кодекс ст. 243.4, криминализирующей приобретение, хранение, перевозку и сбыт культурных ценностей, полученных преступным путём.

Ключевые слова: *личность преступника, объекты культурного наследия, криминологический портрет, типология преступников, «чёрная археология», незаконный оборот культурных ценностей, ст. 243 УК РФ, квалифицирующие признаки, подследственность, предупреждение преступлений, специально-криминологическая профилактика, уголовно-правовая охрана памятников истории и культуры.*

MAUL Maxim Viktorovich,

graduate student of the Department of Criminal Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Southwestern State University”

IDENTITY OF THE PERPETRATOR ENCROACHING ON CULTURAL HERITAGE SITES: CRIMINOLOGICAL PORTRAIT AND PREVENTION MEASURES

Annotation. *The subject of the study is the criminological features of the personality of persons committing criminal encroachments on the objects of cultural heritage of the peoples of the Russian Federation, as well as criminal law and criminal procedure means of countering this category of crimes. The norms of articles 243, 243.1, 243.2, 243.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, the rules of jurisdiction enshrined in Art. 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and the mechanisms of special criminological prevention of encroachments on historical monuments, architecture and archeology. The work typologized the subjects of the crimes under consideration according to criteria of motivational orientation, socio-demographic characteristics and the method of committing the act: groups of persons engaged in the illegal search and seizure of archaeological objects ("black diggers"), officials and entrepreneurs who harm protected objects in the course of economic activity, as well as subjects of vandal encroachments.*

The work uses a comprehensive methodological toolkit, including a formal legal method for analyzing existing criminal law norms and identifying their design defects, a comparative legal method for comparing sanctions and qualifying signs of related offenses, a criminological method for typologizing the identity of a criminal based on a generalization of judicial practice and statistical data, as well as a system-structural analysis of preventive measures on criminogenic determinants in the field of cultural heritage protection.

The scientific novelty consists in identifying three systemic problems of legal regulation: the absence in Art. 243 of the Criminal Code of the Russian Federation of a qualifying sign of committing an act as part of a group of persons by prior conspiracy or an organized group, which creates an unjustified asymmetry with the norm of Art. 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation; defects in the jurisdiction of criminal cases of crimes under Art. 243, 243.1, 243.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, investigated by the bodies of inquiry without taking into account the specifics of the subject of evidence; the absence of a special rule on criminal liability for illegal circulation of objects knowingly obtained as a result of encroachments on cultural heritage sites. Specific legislative proposals have been formulated: on supplementing Art. 243 of the Criminal Code of the Russian Federation with qualified personnel, on transferring relevant criminal cases to the jurisdiction of investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation by amending paragraph 1 of Part 2 of Art. 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as on the introduction of Art. 243.4, criminalizing the acquisition, storage, transportation and sale of cultural property obtained by criminal means.

Key words: *the identity of the offender, objects of cultural heritage, criminological portrait, typology of criminals, "black archeology," illegal circulation of cultural property, Art. 243 of the Criminal Code of the Russian Federation, qualifying signs, jurisdiction, crime prevention, special criminological prevention, criminal law protection of historical and cultural monuments.*

Введение.

Сохранение объектов культурного наследия представляет собой одну из ключевых задач современной уголовной политики, что обусловлено невосполнимым характером ущерба, причиняемого в результате преступных посягательств на памятники истории, архитектуры и археологии. Статистические данные последних лет свидетельствуют о неуклонном росте числа уголовно наказуемых деяний в рассматриваемой сфере, причём значительная часть таких преступлений остаётся латентной ввиду специфики предмета посягательства и сложности его обнаружения [1, с. 90]. Вместе с тем отечественная криминология до настоящего времени не выработала комплексного подхода к изучению личности субъекта, совершающего подобные деяния, что существенно затрудняет разработку эффективных превентивных мер. Отсутствие систематизированных данных о мотивационной сфере, социально-демографических, нравственно-психологических и уголовно-правовых характеристиках лиц, посягающих на объекты культурного наследия, лишает правоприменителя возможности формировать адресные программы профилактического воздействия и снижает результативность противодействия указанной категории преступлений.

Необходимость криминологического исследования личности преступника в данной области определяется также тем, что субъектный состав рассматриваемых деяний крайне неоднороден и включает как лиц, действующих из корыстных побуждений — участников организованных групп, специализирующихся на хищении и незаконном обороте культурных ценностей, — так и должностных лиц, допускающих уничтожение либо повреждение охраняемых объектов вследствие ненадлежащего

исполнения возложенных на них обязанностей, а равно граждан, причиняющих вред памятникам по мотивам бытового вандализма [2, с. 29]. Каждая из названных типологических групп обладает специфическим набором криминогенных детерминант и требует дифференцированных мер предупреждения, что делает построение целостного криминологического портрета не только теоретически значимой, но и практически востребованной задачей [3, с. 291]. Изложенное позволяет утверждать, что избранная тема исследования находится в русле приоритетных направлений развития криминологической науки и отвечает насущным потребностям правоприменительной практики в сфере охраны культурного достояния Российской Федерации.

Основная часть.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает ответственность за преступные посягательства на объекты культурного наследия в нескольких нормах. Статья 243 УК РФ, расположенная в главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», устанавливает ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включённых в единый государственный реестр. Федеральным законом № 245-ФЗ Уголовный кодекс РФ был дополнен статьёй 243.1, устанавливающей ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия, включённых в реестр, либо выявленных объектов культурного наследия. Кроме того, Уголовный кодекс РФ был дополнен статьёй 243.2, предусматривающей уголовную ответственность за незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания [4]. Существенное значение имеет также ст. 243.3 УК РФ, криминализирующая уклонение от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении работ предметов, имеющих особую культурную ценность. Непосредственным объектом указанных составов выступают отношения в области общественной нравственности по сохранению, использованию и государственной охране объектов культурного наследия, имеющих историческую или культурную ценность. Однако, несмотря на расширение нормативного массива, практика его применения обнаруживает ряд существенных дефектов, о которых речь пойдёт далее.

Анализ судебной практики и криминологических исследований позволяет выделить несколько типологических групп лиц, посягающих на объекты культурного наследия, дифференцированных по мотивации, способу совершения деяния и социально-демографическим признакам [5, с. 92]. Первую, наиболее многочисленную, группу составляют так называемые «чёрные копатели» — лица, осуществляющие незаконный поиск и изъятие археологических предметов из мест залегания с целью их последующей реализации. Понятие «чёрная археология» официально не закреплено, однако можно с уверенностью сказать, что это преступная деятельность отдельных граждан, занимающихся незаконным и грабительским выкапыванием различных предметов старины с целью личного обогащения. Чёрные копатели занимаются поиском ценных предметов на археологических объектах, не имея при этом официального разрешения — «открытого листа», позволяющего выполнять раскопки, и не передают найденные артефакты государству, а продают их частным коллекционерам. Как правило, субъекты данной группы — мужчины в возрасте от 25 до 50 лет, имеющие среднее или среднее специальное образование, нередко обладающие поверхностными знаниями в области истории и археологии, полученными путём самообразования. Экономический ущерб от чёрного рынка, на котором мародёры сбывают свои «трофеи», исчисляется десятками миллионов рублей.

Вторую типологическую группу образуют должностные лица и предприниматели, причиняющие вред объектам культурного наследия в ходе осуществления строительной, хозяйственной или иной экономической деятельности. Данная категория характеризуется корыстной мотивацией, однако направленной не на извлечение дохода от самих культурных ценностей, а на минимизацию издержек при реализации коммерческих проектов: снос охраняемых зданий ради освобождения земельных участков, нарушение охранных зон, ненадлежащее проведение реставрационных работ [6, с. 224]. Социально-демографический портрет субъектов этой группы существенно отличается от предыдущей: это, как правило, лица зрелого возраста с высшим образованием, занимающие руководящие должности, обладающие высоким социальным статусом и финансовыми ресурсами. Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, при этом должностные лица, виновные в совершении указанных деяний, могут дополнительно нести ответственность по ст. 285, 286 УК РФ. Третья группа — лица, совершающие деяния вандальной направленности, мотивированные хулиганскими побуждениями, идеологической ненавистью или личной неприязнью к определённым историческим символам. Действия по

осквернению объектов культурного наследия, а также порча мемориальных досок, плит, надписей не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, а при наличии необходимых признаков могут быть квалифицированы по ст. 214 УК РФ.

Изучение криминологической характеристики лиц, посягающих на объекты культурного наследия, обнаруживает существенный дефект законодательной конструкции ст. 243 УК РФ, состоящий в отсутствии дифференциации уголовной ответственности в зависимости от формы соучастия. Практика свидетельствует, что значительная часть деяний, связанных с уничтожением или повреждением памятников истории и культуры, совершается не одиночными субъектами, а устойчивыми преступными группами, специализирующимися на хищении культурных ценностей и незаконном обороте археологических предметов [8, с. 366]. Незаконные раскопки достигли угрожающих масштабов, стирая материальную память о тысячелетиях истории; количество пострадавших от грабежа памятников выросло почти в 9 раз за последнее десятилетие [7, с. 316]. Между тем действующая редакция ст. 243 УК РФ не содержит квалифицирующего признака, связанного с совершением деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, что не позволяет адекватно оценить степень общественной опасности групповых посягательств и назначить соразмерное наказание. Данное обстоятельство особенно значимо с учётом того, что ст. 243.2 УК РФ такой квалифицирующий признак содержит, что порождает неоправданную асимметрию в системе уголовно-правовой охраны объектов культурного наследия.

Предлагается дополнить ст. 243 УК РФ частью третьей, предусматривающей повышенную ответственность за совершение деяний, указанных в частях первой и второй данной статьи, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, с установлением наказания в виде лишения свободы на срок до восьми лет с факультативным назначением дополнительного наказания в виде штрафа. Такое законодательное решение обеспечит системное единство норм главы 25 УК РФ и позволит дифференцировать ответственность сообразно повышенной общественной опасности групповых посягательств на объекты культурного наследия.

Серьёзным препятствием для эффективного противодействия рассматриваемой категории преступлений является неудовлетворительная организация их расследования, обусловленная действующими правилами подследственности. О тех, кто понёс заслуженное наказание по ст. 243 УК РФ, — «что-то не слышно»; статья не работает в полную силу, возникает вопрос, что мешает и требует изменений. В настоящее время уголовные дела, возбуждённые по ст. 243, 243.1 УК РФ, расследуются органами дознания, что не всегда обеспечивает необходимую полноту и качество следственных действий с учётом специфики предмета доказывания по данной категории дел, требующей привлечения специальных познаний в области искусствоведения, археологии, реставрации [10, с. 296]. Необходимо изменить подследственность уголовных дел, возбуждаемых по факту нарушения требований сохранения и (или) использования объектов культурного наследия; данные уголовные дела должны расследовать следователи Следственного комитета России, что должно положительно сказаться на полноте и качестве расследования. При этом в ряде регионов фактически отсутствует судебная практика по статье за уничтожение объектов культурного наследия.

Предлагается внести изменения в п. 1 ч. 2 ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, отнеся уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 243, 243.1 и 243.3 УК РФ, к подследственности следователей Следственного комитета Российской Федерации. Данная мера обеспечит единство подследственности по всему блоку преступлений, посягающих на объекты культурного наследия, повысит качество предварительного расследования и будет способствовать формированию специализированной методики расследования подобных деяний, учитывающей необходимость обязательного назначения историко-культурных экспертиз и привлечения специалистов соответствующего профиля.

Криминологический анализ мотивационной сферы лиц, совершающих посягательства на объекты культурного наследия, указывает на центральное значение корыстной составляющей, реализуемой через систему теневого оборота культурных ценностей, добытых преступным путём. Изъятые из мест залегания археологические предметы, похищенные элементы архитектурного декора, фрагменты монументальной живописи и иные предметы, обладающие исторической или художественной ценностью, поступают на нелегальный рынок, функционирующий как внутри страны, так и за её пределами. Вместе с тем действующее уголовное законодательство не содержит специальной нормы, устанавливающей ответственность за приобретение, хранение, перевозку и сбыт предметов, заведомо добытых в результате преступных посягательств на объекты культурного наследия. Формально указанные

действия могут быть квалифицированы по ст. 175 УК РФ (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём), однако данная норма не учитывает специфику предмета посягательства и не предусматривает повышенной ответственности за оборот именно культурных ценностей, что не позволяет в полной мере противодействовать экономической базе преступной деятельности в рассматриваемой сфере. По экспертным оценкам, объём теневого рынка археологических предметов в России сопоставим с рынком незаконного оборота оружия, при этом латентность данного сегмента криминальной активности остаётся чрезвычайно высокой.

Предлагается дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьёй 243.4, предусматривающей самостоятельный состав преступления — незаконные приобретение, хранение, перевозка или сбыт предметов, заведомо добытых в результате преступных посягательств на объекты культурного наследия народов Российской Федерации. Санкция данной нормы должна предусматривать наказание в виде штрафа в размере до одного миллиона рублей либо лишения свободы на срок до пяти лет, а в качестве квалифицирующих признаков целесообразно закрепить совершение деяния в крупном размере, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а равно с перемещением предметов через Государственную границу Российской Федерации. Введение данной нормы позволит криминализировать всю цепочку незаконного оборота культурных ценностей и устранить разрыв между ответственностью за само посягательство на объект культурного наследия и последующее извлечение материальной выгоды из результатов такого посягательства.

Помимо совершенствования уголовного законодательства, эффективное противодействие преступным посягательствам на объекты культурного наследия требует реализации комплекса мер общесоциальной и специально-криминологической профилактики, адресно ориентированных на выявленные типологические группы преступников. В отношении лиц, занимающихся незаконным поиском археологических предметов, приоритетное значение приобретает создание действенной системы мониторинга археологических памятников с использованием современных технических средств — систем спутникового наблюдения, беспилотных летательных аппаратов, датчиков движения, устанавливаемых на территориях объектов археологического наследия. Применительно к должностным лицам и предпринимателям, допускающим нарушение требований охраны объектов культурного наследия в ходе хозяйственной деятельности, необходимо усиление государственного контроля за соблюдением режима охранных зон, а также введение обязательной историко-культурной экспертизы на стадии проектирования строительных работ вблизи охраняемых территорий. В системе общесоциальной профилактики принципиальное значение имеет формирование в обществе ценностного отношения к культурному наследию посредством включения соответствующих образовательных модулей в программы общего и высшего образования, а также проведение информационных кампаний, разъясняющих гражданам правовые последствия посягательств на памятники истории и культуры. Целесообразно также рассмотреть возможность создания специализированных подразделений в структуре органов внутренних дел, наделённых компетенцией по выявлению и пресечению преступлений в сфере охраны культурного наследия, по аналогии с подразделениями, осуществляющими противодействие экологическим преступлениям.

Заключение

Проведённое исследование позволяет констатировать, что личность преступника, посягающего на объекты культурного наследия, не является однородной категорией: она охватывает существенно различающиеся типологические группы субъектов — от «чёрных копателей», движимых корыстной мотивацией и действующих в составе устойчивых групп, до должностных лиц, пренебрегающих требованиями охранного законодательства в угоду коммерческим интересам, и лиц, совершающих вандальные посягательства по хулиганским или идеологическим мотивам. Каждая из названных групп обусловлена специфической совокупностью криминогенных факторов и требует дифференцированного профилактического воздействия. Выявленные в ходе исследования проблемы — отсутствие в ст. 243 УК РФ квалифицирующего признака группового совершения деяния, дефекты подследственности и отсутствие специальной нормы об ответственности за незаконный оборот предметов, добытых в результате посягательств на культурное наследие, — свидетельствуют о необходимости комплексного реформирования уголовного и уголовно-процессуального законодательства в данной области. Предложенные законодательные решения — дополнение ст. 243 УК РФ квалифицированным составом, изменение подследственности соответствующих уголовных дел в пользу следователей Следственного комитета Российской Федерации, а также

введение в Уголовный кодекс самостоятельной нормы об ответственности за незаконный оборот предметов, изъятых из объектов культурного наследия, — в совокупности с мерами специально-криминологической профилактики способны существенно повысить эффективность охраны культурного достояния народов Российской Федерации и обеспечить неотвратимость ответственности виновных лиц.

Список литературы:

[1] Ионкина, В. О. Личность преступника. Структура личности преступника / В. О. Ионкина, А. А. Желтухина // Юриспруденция, правосудие и государство: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 ноября 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 89-91.

[2] Набиев, Э. Т. Личность преступника и типология личности преступника / Э. Т. Набиев // Интернаука. – 2021. – № 24-3(200). – С. 28-30.

[3] Ивинская, Д. С. Формально-догматический подход к разграничению понятий «личность преступника», «субъект преступления», «личность виновного», «личность обвиняемого» / Д. С. Ивинская // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : Сборник научных трудов / Под общ. ред. О. А. Заячковского. – Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2018. – С. 229-235.

[4] Головин, М. В. Элементы криминалистической характеристики похищения человека: личность преступника и личность потерпевшего (содержание, значение) / М. В. Головин, Д. М. Булавка // StudNet. – 2021. – Т. 4, № 4.

[5] Пестерева, Ю. С. Соотношение понятий «личность преступника» и «личность совершившего преступление»: криминологический и криминалистический аспекты / Ю. С. Пестерева, С. Е. Тимошенко // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской федерации : Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 23 апреля 2010 года. – Омск: Омская юридическая академия, 2010. – С. 90-93.

[6] Майстренко, Г. А. «Личность преступника» и «личность осужденного»: соотношение понятий / Г. А. Майстренко // Закон и право. – 2023. – № 5. – С. 223-225.

[7] Ишумбаев, К. А. Формально-догматический подход к сравнению понятий «субъект преступления», «личность обвиняемого», «личность виновного», «личность преступника» / К. А. Ишумбаев // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации : материалы межвузовской научной студенческой конференции, Иркутск, 13 апреля 2019 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2019. – С. 315-317.

[8] Кругликов, В. Д. Соотношение криминологической и криминалистической характеристик личности преступника / В. Д. Кругликов // Материалы криминалистических чтений : Сборник материалов, Барнаул, 21 ноября 2024 года. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2024. – С. 48-51.

[9] Латыпова, А. Р. Определение психологических аспектов личности преступника: основные вопросы и проблематика / А. Р. Латыпова, П. И. Спиридонова, С. С. Шевнина // Образование и право. – 2020. – № 4. – С. 364-368.

[10] Танибергенова, А. К. Общая характеристика личности типичного преступника / А. К. Танибергенова, К. Р. Сартаева // Вестник науки Южного Казахстана. – 2018. – № 4(4). – С. 295-300.

References:

[1] Ionkina, V.O. The identity of the criminal. The personality structure of the criminal/V.O. Ionkin, A.A. Zheltukhina//Jurisprudence, justice and the state: topical issues of theory and practice: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Penza, November 25, 2023. - Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.), 2023. - S. 89-91.

[2] Nabiev, E. T. The personality of the criminal and the typology of the personality of the criminal/E. T. Nabiev//Internauka. – 2021. – № 24-3(200). - S. 28-30.

[3] Ivinskaya, D. S. A formal-dogmatic approach to distinguishing the concepts of “the identity of the criminal,” “the subject of the crime,” “the identity of the perpetrator,” “the identity of the accused “/D. S. Ivinskaya//Modern problems of legal science and law enforcement practice: Collection of scientific works/Ed. O. A. Zayachkovsky. - Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, 2018. - S. 229-235.

[4] Golovin, M.V. Elements of the forensic characteristics of a person’s abduction: the identity of the criminal and the identity of the victim (content, meaning)/M.V. Golovin, D.M. Pin//StudNet. – 2021. - T. 4, NO. 4.

[5] Pestereva, Yu. S. The relationship between the concepts of “the identity of the criminal” and “the identity of the perpetrator of the crime”: criminological and forensic aspects/Yu. S. Pestereva, S. E. Timoshenko//Actual problems of criminal and

criminal procedural policy of the Russian Federation: Materials of the international scientific-practical conference, Omsk, April 23, 2010. - Omsk: Omsk Law Academy, 2010. - S. 90-93.

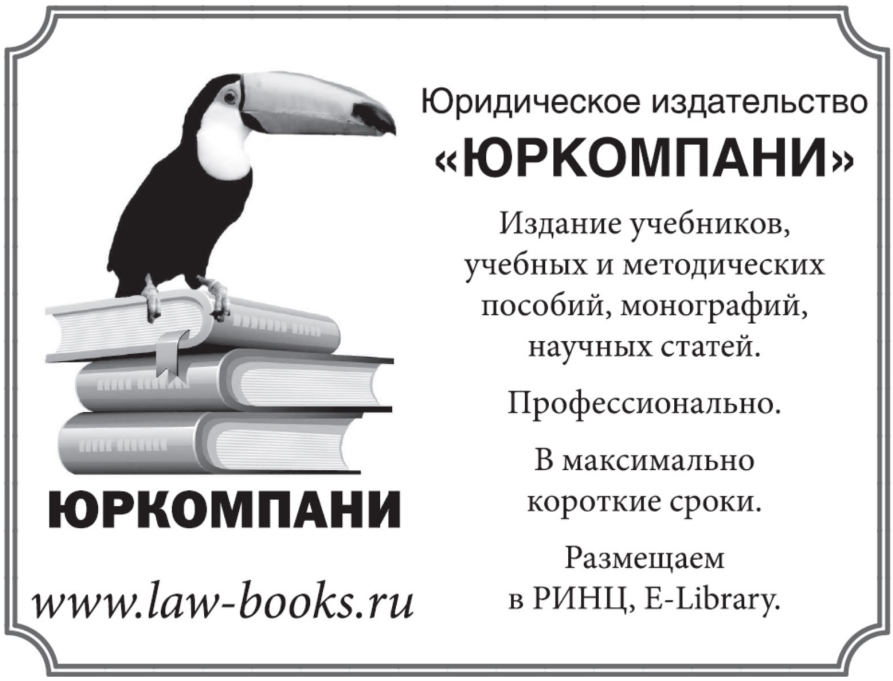
[6] Maistrenko, G. A. "The personality of the criminal" and "the personality of the convicted person": the ratio of concepts/G. A. Maistrenko//Law and law. – 2023. – № 5. - S. 223-225.

[7] Ishumbaev, K. A. A formal-dogmatic approach to comparing the concepts of "subject of crime," "personality of the accused," "personality of the guilty," "personality of the criminal "/K. A. Ishumbaev//Actual problems of lawmaking and law enforcement in the Russian Federation: materials of the interuniversity scientific student conference, Irkutsk, April 13, 2019. - Irkutsk: Irkutsk State University, 2019. - S. 315-317.

[8] Kruglikov, V. D. The ratio of criminological and forensic characteristics of the personality of the criminal/V. D. Kruglikov//Materials of forensic readings: Collection of materials, Barnaul, November 21, 2024. - Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. - S. 48-51.

[9] Latypova, A. R. Definition of the psychological aspects of the personality of the criminal: main issues and problems/A. R. Latypova, P. I. Spiridonova, S. S. Shevnina//Education and law. – 2020. – № 4. - S. 364-368.

[10] Tanibergenova, A.K. General characteristics of the personality of a typical criminal/A.K. Tanibergenova, K. R. Sartaev//Bulletin of Science of Southern Kazakhstan. – 2018. – № 4(4). - S. 295-300.



ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-188-194

ГРИМАЛЬСКАЯ Светлана Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова,

e-mail: lana_69_@bk.ru

СТЕПАНЧИКОВ Александр Максимович,

магистрант 2 курса Юридического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет просвещения»,

e-mail: info@law-books.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье авторы исследуют объект преступлений, предусмотренных статьями 280, 282.1, 282.2, 282.3 и 282.4 Уголовного кодекса Российской Федерации. Объективная сторона состава преступления представляет собой систему юридически значимых характеристик, определяющих уголовно-правовую оценку общественно опасного деяния как внешне выраженного акта поведения субъекта преступления. Серьезные сложности в правоприменении возникают при разграничении смежных составов преступлений экстремистской направленности. Наиболее яркий пример, который приводят авторы статьи, - трудность дифференциации деяний, подпадающих под часть 1 статьи 282 и часть 2 статьи 280 УК РФ.*

Ключевые слова: *экстремистское преступление, объект преступления, экстремистское сообщество, Уголовный кодекс, субъект преступления, экстремизм.*

GRIMALSKAYA Svetlana Alexandrovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University, Associate Professor, Department of State Law and Criminal Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics

STEPANCHIKOV Alexander Maksimovich,

2nd year master's student of the Faculty of Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "State University of Education"

CRIMINAL LAW CHARACTERIZATION OF EXTREMIST CRIMES: ON THE ISSUE OF THE OBJECT OF THE CRIME

Annotation. *In the article, the authors examine the object of crimes under Articles 280, 282.1, 282.2, 282.3 and 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. The objective side of the corpus delicti is a system of legally significant characteristics that determine the criminal legal assessment of a socially dangerous act as an externally expressed act of behavior of the subject of the crime. Serious difficulties in law enforcement arise when distinguishing between related offenses of an extremist nature. The most striking example cited by the authors of the article is the difficulty of differentiating acts falling under part 1 of article 282 and part 2 of article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation*.

Key words*: extremist crime, object of crime, extremist community, Criminal Code, subject of crime, extremism.*

В рамках современной уголовно-правовой доктрины не сформировался консенсус относительно непосредственного объекта преступления, установленного статьей

280 Уголовного кодекса РФ. Превалирующие в научной среде позиции трактуют его, с одной стороны, как комплекс общественных отношений, гарантирующих недопущение экстремистской активности, а с другой - как систему социальных связей, базирующихся на конституционном запрете экстремизма. Аналогичная дискуссия характерна и для определения непосредственного объекта состава, предусмотренного статьей 282 УК РФ. Ученые предлагают ряд интерпретаций, среди которых: охрана чести, достоинства и конституционных прав граждан вне зависимости от их национальной, расовой принадлежности или религиозных убеждений; обеспечение действия конституционной нормы, запрещающей разжигание расовой, национальной и религиозной розни (вражды); защита общественных отношений, направленных на поддержание межгруппового согласия и социальной интеграции в российском обществе.

Одну из дискуссионных позиций занимает А.А. Бимбинов, который полагает, что указание на унижение человеческого достоинства в диспозиции ст. 282 УК РФ является излишним, поскольку само преступление не имеет персонально определенной жертвы [1]. В противовес этой точке зрения, в рамках настоящего исследования предлагается понимать непосредственный объект данного состава преступления как совокупность общественных отношений, гарантирующих реализацию конституционного принципа равноправия.

Непосредственным объектом преступлений, предусмотренных статьями 282.1, 282.2, 282.3 и 282.4 УК РФ, выступают, на наш взгляд, общественные отношения, охраняющие реализацию конституционного принципа равноправия, который не допускает дискриминации по каким-либо социальным или демографическим признакам. Вместе с тем в доктрине уголовного права существуют и иные точки зрения на их правовую природу. Так, в частности, Л.В. Набоков определяет объект организации экстремистского сообщества как «конституционные основы межличностных отношений». Автор связывает эту позицию с конструкцией состава, указывающей на специальный мотив — политическую, идеологическую, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду [2].

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации «О безопасности» от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ [3], государственная безопасность интерпретируется как неотъемлемая часть целостной системы обеспечения защищенности, куда наравне с ней входят безопасность общества и каждого отдельного гражданина. Смысловое наполнение данной категории раскрывается через характеристику состояния, при котором гарантирована защита ключевых интересов всех участников правоотношений от широкого спектра внутренних и внешних дестабилизирующих факторов. Под этими интересами подразумевается комплекс базовых потребностей, удовлетворение которых выступает непременным условием не только для существования, но и для устойчивого развития как государства в целом, так и общества и личности в отдельности. Таким образом, центральными звеньями охраняемого правоохранительного комплекса являются личность, ее права и свободы, общество, культурное достояние, и государство, конституционные устои и суверенитет. Исходя из этой системы, считаем обоснованным выделение безопасности личности в качестве непосредственного дополнительного объекта преступлений, криминализованных статьями 280, 282, 282.1-282.4 УК РФ. Данный вывод основывается на том, что конечной целью охраняемых этими нормами отношений является именно защита личности от дискриминации, вражды и насилия.

Объективная сторона состава преступления представляет собой систему юридически значимых характеристик, определяющих уголовно-правовую оценку общественно опасного деяния как внешне выраженного акта поведения субъекта преступления.

Статья 282 УК РФ устанавливает ответственность за взаимосвязанные деяния: возбуждение ненависти или вражды, а также унижение человеческого достоинства по мотивам, связанным с дискриминацией. Ключевым для квалификации выступает способ совершения: действия приобретают уголовно-правовое значение лишь в случае, если они совершены публично или с применением средств массовой информации, включая различные информационно-телекоммуникационные сети (Интернет).

В интерпретации Д.Н. Антипова, объективную сторону данного преступления образует совокупность деяний по распространению определенной информации и призывов, которые способствуют возникновению социальной розни [4]. Исследователь подчеркивает, что подобные действия сознательно формируют общественную атмосферу отчуждения, недоверия и вражды между различными этническими, расовыми или религиозными группами, что в конечном счете может привести к открытым межгрупповым конфликтам.

Следует отметить, что Е.П.

Сергун раскрывает содержание деяний, предусмотренных частью 1 статьи 282 УК РФ, как распространение деструктивных идеологических установок, взглядов и призывов, а также совершение провокационных действий, включая инсценировки и ложные обвинения [5]. Автор указывает на возможность осуществления такой деятельности в устной, письменной или любой иной коммуникативной форме. Существенной чертой подобных действий, как мы полагаем, является их опора на ложные или предвзятые сведения, которые используются для формирования отрицательного отношения к культуре, истории, традициям и религиозным практикам определенных групп.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 Постановления № 11 от 28 июня 2011 г. [6] относит к действиям по возбуждению ненависти или вражды публичное оправдание геноцида, репрессий, депортаций и призывы к насилию против лиц определенной национальной, расовой, религиозной или социальной принадлежности. Ввиду формального характера состава ст. 282 УК РФ, обязательным признаком объективной стороны является само совершение подобных действий. Преступление окончено с момента их осуществления, даже если унижение достоинства по дискриминационным признакам не привело к каким-либо фактическим последствиям.

Составы преступлений, предусмотренных частями 1 статей 282.1 и 282.2 УК РФ, характеризуются активными действиями по созданию, руководству или координации экстремистских структур. При этом для статьи 282.2 УК РФ законодатель устанавливает специальный субъект преступления – запрещенную «экстремистскую организацию», статус которой определяется вступившим в силу судебным решением.

Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении (п. 19) разъясняет принципиальный для правоприменения момент: ответственность по данной статье может наступить только в случае, если лицо совершило противоправные действия уже после того, как информация о запрете организации была официально обнародована. Порядок такой официальной публикации закреплен распоряжением Правительства РФ и включает размещение данных в «Российской газете» и на официальном сайте Минюста РФ.

Части 1.1 статей 282.1 и 282.2 УК РФ вводят уголовную ответственность за активные действия по склонению или вербовке лиц для вовлечения их в работу организаций, запрещенных за экстремизм. Эти действия представляют собой разновидность подстрекательства, специально выделенную законодателем. Состав, предусмотренный частью 2 статьи 282.1 УК РФ, напротив, охватывает уже не вербовку, а само участие в сообществе. К нему относятся: интеграция в его структуру, участие в подготовке преступлений, их непосредственное совершение, а также выполнение обеспечивающих функций (финансовых, информационных, организационных).

Часть 2 статьи 282.2 УК РФ устанавливает ответственность за умышленное совершение действий, служащих достижению целей экстремистской организации. Однако формулировка данной нормы порождает терминологическую проблему: заголовок статьи «Организация деятельности экстремистской организации» не полностью отражает суть состава, предусмотренного частью 2, который охватывает не только организацию, но и участие в деятельности уже существующей запрещённой структуры. Согласно правовой позиции, изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», под организацией деятельности запрещенной структуры понимается, в числе прочего, возобновление её противоправного функционирования. Е.Э. Ганаева отмечает, что термин «возобновить» предполагает начало деятельности заново, после её предшествующего прекращения [7]. Следовательно, законодательная конструкция не охватывает ситуации, когда экстремистская организация продолжает функционировать, игнорируя вступившее в законную силу судебное решение о запрете.

Объективная сторона ст. 282.3 УК РФ. Формируется действиями, непосредственно связанными с материальной поддержкой экстремизма: предоставлением, сбором денежных средств или имущества, оказанием финансовых услуг, если они заведомо предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения экстремистских преступлений, а также для обеспечения функционирования экстремистских структур.

Субъект преступлений. Для всей группы преступлений, предусмотренных статьями 280, 282, 282.1-282.4 УК РФ, субъектом является общий – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Квалифицирующий признак использование служебного положения. Данный отягчающий признак характерен для большинства составов экстремистской направленности и содержится в специальных нормах: п. «б» ч. 2 ст. 282, ч. 3 ст. 282.1, ч. 3 ст. 282.2, ч. 2 ст. 282.3 УК РФ. Исключением является основной состав публичных призывов (ст. 280 УК РФ), где подобная

квалификация не предусмотрена.

Ключевое значение субъективная сторона приобретает при разграничении уголовно наказуемого деяния (ст. 282 УК РФ) и административного правонарушения (ст. 20.29 КоАП РФ) в случаях массового распространения экстремистских материалов. Решение этого вопроса судом напрямую зависит от установления направленности умысла, что требует тщательного анализа всех обстоятельств. В.М. Быков, указывая на отсутствие единообразной судебной практики, предлагает учитывать совокупность факторов: характер материалов, масштаб и неоднократность их распространения, а также иные существенные обстоятельства дела. Аналогично, для ст. 280 УК РФ определена цель побуждения к экстремистской деятельности (п. 4 того же Постановления). В отношении состава ст. 282.2 УК РФ в научном обороте нередко указывается на специальную цель — продолжение деятельности запрещенной организации. Однако представляется, что данная характеристика скорее относится к объективной стороне, поскольку законодатель не включил цель в число обязательных признаков состава. Если же формулировать целевой компонент, то его точнее было бы определить как стремление к дальнейшей пропаганде экстремистских идей.

Серьезные сложности в правоприменении возникают при разграничении смежных составов преступлений экстремистской направленности. Наиболее яркий пример, который приводят авторы статьи, - трудность дифференциации деяний, подпадающих под часть 1 статьи 282 и часть 2 статьи 280 УК РФ. Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ (п. 4 Постановления от 28.06.2011 № 11), публичные призывы по статье 280 УК РФ представляют собой обращения к неопределенному кругу лиц с целью побудить их к экстремистской деятельности. При этом возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, квалифицируемое по статье 282 УК РФ, законодателем прямо включено в легальное определение экстремистской деятельности (ст. 1 ФЗ № 114-ФЗ). Следовательно, одно и то же противоправное высказывание, например, в адрес представителей конкретной национальности, по своему содержанию может одновременно образовывать признаки как публичных призывов к экстремизму (ст. 280 УК РФ), так и действий, направленных на возбуждение вражды (ст. 282 УК РФ), что создает проблему конкуренции уголовно-правовых норм.

Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 112-ФЗ [8] в уголовное законодательство были введены статьи 282.1 «Организация экстремистского сообщества» и 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации», а позднее Федеральным законом от 28 июня 2014 года № 179-ФЗ [9] была добавлена статья 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности», в свою очередь статья 282.4 УК РФ была введена с принятием Федерального закона № 260-ФЗ от 14 июля 2022 г [10]. Рассматриваемые нормы образовали самостоятельную группу уголовно-правовых составов, предметом охраны которых являются основы конституционного строя и государственная безопасность. Легальное определение экстремистского сообщества, закрепленное в Уголовном кодексе РФ, характеризует его как организованную группу, учрежденную для подготовки либо совершения преступлений экстремистской направленности. Доктринальное развитие это определение получило в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г., где сообщество определяется как устойчивое объединение, обладающее следующими признаками: наличие организатора или руководителя, стабильность состава, согласованность действий участников и единая преступная цель. Дополнительно подчеркивается, что такая структура может быть дифференцирована на обособленные подразделения.

Наделение экстремистского сообщества и экстремистской организации самостоятельным уголовно-правовым статусом усугубляет терминологическое несоответствие между Общей и Особенной частями Уголовного кодекса Российской Федерации [11]. Это создает правоприменительные сложности, поскольку специальные составы преступлений экстремистской направленности требуют соотнесения с общими нормами о соучастии и организации преступных формирований. Повышенная общественная опасность преступного сообщества традиционно связывается с тяжестью планируемых им преступлений. Однако экстремистское сообщество по смыслу статей 282.1 и 282.2 УК РФ создается преимущественно для подготовки или совершения преступлений небольшой и средней тяжести, и лишь в отдельных случаях — тяжких. Это порождает терминологическую коллизию: понятие «экстремистское сообщество» в этих нормах не полностью соответствует легальному определению «преступного сообщества» (ч. 4 ст. 35 УК РФ), которое предполагает направленность на тяжкие или особо тяжкие деяния, а также фактической природе организованной экстремистской деятельности.

Между тем, целесообразность раздельного существования статей 282.1 и 282.2 УК РФ вызывает серьезные сомнения, поскольку экстремистская организация в

понимании законодателя не обязательно является юридическим лицом, а ее ключевым отличием от преступного сообщества выступает вступившее в законную силу судебное решение о ликвидации или запрете деятельности. Д.Н. Саркисов предлагает заменить в статье 282 УК РФ термин «экстремистское сообщество» на «экстремистское объединение» [12], распространив его действие на любые формы объединений независимо от их организационно-правового статуса. Данная позиция представляется автору более предпочтительной по сравнению с действующей законодательной конструкцией. Соглашаясь с этим, следует отметить, что в целях устранения терминологических противоречий и дублирования норм предлагается объединить составы преступлений, предусмотренных статьями 282.1 и 282.2 УК РФ, в единую норму под названием «Организация деятельности экстремистского объединения».

Статья 282.3 УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности» была введена Федеральным законом от 28 июня 2014 года № 179-ФЗ и с момента принятия не подвергалась существенным редакционным изменениям. Однако криминализация данного деяния вызывает ряд содержательных возражений, касающихся соответствия наименования статьи её фактической диспозиции; неопределённости критериев финансирования и его минимального размера; отсутствия чётких разграничений с квалифицирующими признаками части 2 статьи 282.1 и части 2 статьи 282.2 УК РФ, где финансирование включено в состав участия в экстремистских структурах. Подобная аргументация не представляется достаточным основанием для введения самостоятельного состава преступления, поскольку не демонстрирует качественного отличия данного деяния от уже криминализированных форм пособничества экстремизму. Ключевой проблемой состава преступления экстремистской направленности остается недостаточная определенность экстремистского мотива как системообразующего признака данной группы преступлений [13].

Таким образом, подводя итог исследованию уголовно-правовых аспектов составов преступлений экстремисткой направленности обосновывается необходимость структурной оптимизации уголовного закона посредством объединения норм, закрепленных в ст. 282.1 и 282.2 УК РФ, в единый состав преступления 282.1. УК РФ «Организация деятельности экстремистского объединения», поскольку данная мера позволит устранить существующую терминологическую избыточность и смысловое дублирование диспозиций, которые в настоящее время создают существенные препятствия для единообразного применения уголовно-правовых норм в аспекте противодействия объединениям экстремисткой направленности.

Список литературы:

[1] Бимбинов, А. А. Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства (статья 282 УК РФ): уголовно-правовая характеристика / А. А. Бимбинов // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем : III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция: в 4 частях, Москва, 06–09 апреля 2016 года. Том Часть 3. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2016. – С. 225.

[2] Набоков, Л. В. О некоторых вопросах преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ / Л. В. Набоков // Современная юриспруденция: теория, методология, практика : Материалы Международной научно-практической конференции, Липецк, 30 ноября 2021 года / Под общей редакцией В.В. Соловьёвой. – Воронеж: Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2022. – С. 239.

[3] Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 № 390 – ФЗ О безопасности // Собрание законодательства Российской Федерации, № 1, 03.01.2011, ст.2

[4] Антипов, Д. Н. Общественная опасность и объект преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ («возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») / Д. Н. Антипов // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 8. – С. 214.

[5] Сергун, Е. П. Экстремизм как угроза национальной безопасности России: общетеоретические и уголовно-правовые аспекты : Учебное пособие / Е. П. Сергун ; РПА Минюста России, Поволжский (г. Саратов) юридический институт (филиал). – Москва, Саратов : РПА Минюста России, Поволжский юридический институт (филиал), 2012. – 103 с.

[6] Постановление № 11 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Бюллетень верховного суда российской федерации, сборник № 8 от 25.08.2011

[7] Ганаева, Е. Э. Проблемы применения статей 282.1 УК РФ и 282.2 УК РФ / Е. Э. Ганаева // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 3. – С. 184.

[8] Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 № 112-ФЗ О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 30, 29.07.2002, ст.3029

[9] Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 года № 179 – ФЗ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, № 26 (ч.I), 30.06.2014, ст.3385

[10] Федеральный закон Российской Федерации от 14 июля 2022 года № 260 – ФЗ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, № 29 (ч.II), 18.07.2022, ст.5227

[11] Гуляев, Д. Е. Юридическая ответственность за осуществление экстремистской деятельности в Российской Федерации: проблемы и пути решения / Д. Е. Гуляев // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 866.

[12] Саркисов, Д. Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Саркисов Дмитрий Николаевич. – Москва, 2010. – 19 с.

[13] Попова, М. К. Мотивы субъектов экстремистской деятельности / М. К. Попова // Теории, школы и концепции устойчивого развития науки в современных условиях : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Омск, 15 февраля 2024 года. – Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2024. – С. 93.

References:

[1] Bimbinov, A. A. Incitement to hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity (Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law/A. A. Bimbinov//Development of Russian law: new contexts and the search for solutions to problems: III Moscow Legal Forum. X International Scientific and Practical Conference: in 4 parts, Moscow, April 06-09, 2016. Volume Part 3. - Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2016. - S. 225.

[2] Nabokov, L.V. On some issues of the crime under Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation/L.V. Nabokov//Modern jurisprudence: theory, methodology, practice: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Lipetsk, November 30, 2021/Edited by V.V. Solovyova. - Voronezh: Autonomous non-profit organization for the provision of publishing and printing services “SCIENCE-UNIPRESS,” 2022. - S. 239.

[3] Federal Law of the Russian Federation of December 28, 2010 No. 390-FZ On Security// Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 1, 03.01.2011, Article 2

[4] Antipov, D. N. Public danger and the object of a crime under Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation (“incitement to hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity”)/D. N. Antipov//Gaps in Russian legislation. – 2016. – № 8. - S. 214.

[5] Sergun, E.P. Extremism as a threat to Russia’s national security: general theoretical and criminal legal aspects: Textbook/E.P. Sergun; RPA of the Ministry of Justice of Russia, Volga (Saratov) Law Institute (branch). - Moscow, Saratov: RPA of the Ministry of Justice of Russia, Volga Law Institute (branch), 2012. - 103 s.

[6] Resolution No. 11 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 June 2011 on judicial practice in criminal cases of extremist crimes//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, collection No. 8 of 25.08.2011

[7] Ganaev, E. E. Problems of the application of Articles 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation/E. E. Ganaev//Eurasian Scientific Journal. – 2016. – № 3. - S. 184.

[8] Federal Law of the Russian Federation of 25.07.2002 No. 112-FZ On Amendments and Additions to Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law “On Countering Extremist Activities “// Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 30, 29.07.2002, Article 3029

[9] Federal Law of the Russian Federation No. 179-FZ dated June 28, 2014 On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation// Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 26 (Part I), 30.06.2014, Article 3385

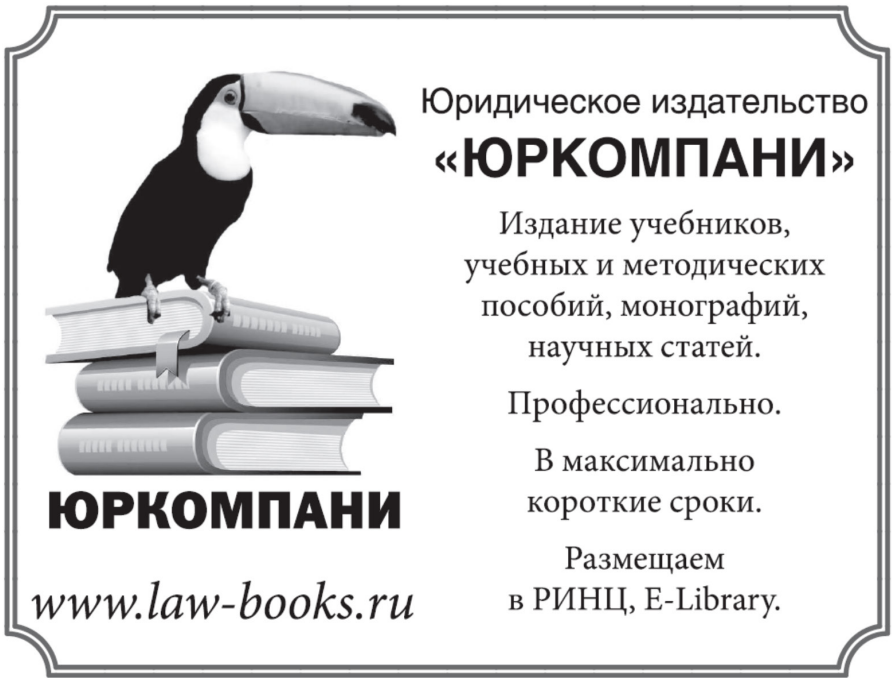
[10] Federal Law of the Russian Federation of July 14, 2022 No. 260-FZ On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation// Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 29 (Part II), 18.07.2022, Article 5227

[11] Gulyaev, D. E. Legal responsibility for carrying out extremist activities in the Russian Federation: problems and solutions/D. E. Gulyaev// Issues of Russian justice. – 2020. – № 9. - S. 866.

[12] Sarkisov, D. N. Criminal law means of countering extremist activities: specialty 12.00.08 “Criminal law and criminology; criminal executive law”: dissertation for the degree of candidate of legal

sciences/Dmitry Nikolaevich Sarkisov. - Moscow, 2010. - 19 s.

[13] Popova, M.K. Motives of subjects of extremist activity/M.K. Popova//Theories, schools and concepts of sustainable development of science in modern conditions: a collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Omsk, February 15, 2024. - Sterlitamak: International Research Agency Limited Liability Company, 2024. - S. 93.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-195-199

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,

профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент,

e-mail: viktor_shestak@mail.ru

СОРАЗМЕРНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *В статье исследуются современные доктринальные подходы о соразмерности назначения наказания в виде смертной казни за преступления, связанные с наркотиками. Анализируется необходимость сочетания защиты прав человека при совершении наркопреступлений и реализации национальной антинаркотической политики. Автор приходит к выводу о формировании глобального транзита от репрессивной парадигмы к модели восстановительного правосудия при сохранении дуализма в подходах к смертной казни и обязательным минимумам наказания как продолжающейся фрагментации международного правового пространства в вопросах наркополитики.*

Ключевые слова: *незаконный оборот наркотиков, права человека, смертная казнь, соразмерность наказания.*

SHESTAK Viktor A.,

Professor of the Criminology Department of the A. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Juridical Science, Associate Professor

THE PROPORTIONALITY OF THE DEATH PENALTY FOR DRUG OFFENSES

Annotation. *The article examines modern doctrinal approaches on the proportionality of the death penalty for drug-related crimes. The article analyzes the need to combine the protection of human rights when committing drug crimes and the implementation of a national anti-drug policy. The author comes to the conclusion about the formation of a global transit from the repressive paradigm to the restorative justice model while maintaining dualism in approaches to the death penalty and mandatory minimum sentences as a continuing fragmentation of the international legal space in drug policy issues.*

Key words: *drug trafficking, human rights, death penalty, proportionality of punishment.*

В современной доктрине уголовного права деликты, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров, а также наркосодержащих растений или их компонентов, квалифицируются как многообъектные преступления, посягающие, прежде всего, на здоровье населения и общественную нравственность. Объективную сторону данных составов преступлений образует совокупность противоправных действий, нарушающих установленный законом специальный порядок (режим) оборота указанных субстанций. Такие деяния характеризуются бланкетностью диспозиций, что требует постоянного соотнесения норм уголовного закона с нормативно-правовыми актами исполнительной власти, регулирующими легальный оборот медицинских и химических препаратов [1].

При этом существующая архитектура международного контроля над наркотиками, базирующаяся на Конвенциях ООН 1961, 1971 и 1988 годов, зачастую, подвергается ложной интерпретации как исключительно карательный инструмент. Однако при детальном экзегетическом анализе текстов данных соглашений обнаруживается отсутствие императивного требования о криминализации аддиктивного поведения как такового. По-нашему мнению, напротив, конвенции содержат эксплицитные положения, детерминирующие возможность применения альтернативных санкций за деликты, связанные с личным потреблением, включая приобретение и культивирование без цели сбыта.

Правовая доктрина, интерпретируя названные нормы, выделяет концепцию «правонарушений незначительного характера».

В отношении данной категории деяний государствам-участникам рекомендуется имплементировать механизмы депенализации, замещая меры уголовной репрессии стратегиями ресоциализации, образовательными программами и мерами медицинской реабилитации. Конвенциональный режим признает необходимость многоуровневой дифференциации ответственности, основанной на разграничении между общественно опасным деянием (сбытом) и актом самоповреждения (потреблением), учитывая номенклатуру веществ, их фармакологическую валентность и потенциальный терапевтический индекс. А наиболее острое противоречие в современной юриспруденции пролегает по линии применения смертной казни за преступления, сопряженные с незаконным оборотом наркотических средств.

Также существует и фундаментальное расхождение между позициями правозащитных институций ООН и национальной практикой ряда суверенных государств. Так, во-первых, Комитет ООН по правам человека, основываясь на телеологическом толковании статьи 6 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП), предполагает, что наркопреступления не релевантны категории «особо тяжких преступлений». Согласно такой позиции, высшая мера наказания допустима исключительно в случаях умышленного лишения жизни (англ. – intent to kill – прим. автора), а экспертные доклады свидетельствуют, что преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств не обладают той степенью моральной и правовой тяжести, которая могла бы оправдать последнее [2]. Во-вторых, это существующая позиция государств-ретентционистов: в противовес вышеназванной позиции, ряд стран (преимущественно регионов Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока) апеллирует к концепции «наркотерроризма» и масштабного вреда национальной безопасности. С этой точки зрения, крупнооптовая торговля наркотиками рассматривается как латентное массовое убийство, что, по мнению законодателей данных стран, легитимизирует применение смертной казни в качестве средства генеральной превенции. В этой связи, несмотря на призывы Международного комитета по контролю над наркотиками (далее – МККН) к гуманизации законодательства, по состоянию на начало 2020-х годов более тридцати юрисдикций сохраняют смертную казнь в своих санкционных перечнях, причем в ряде случаев она носит характер обязательного наказания [8], что исключает возможность судебного усмотрения и учета индивидуальных обстоятельств дела.

Вместе с тем, несмотря на десятилетия применения чрезмерно суровых наказаний за наркопреступления, нет никаких доказательств их эффективности в качестве сдерживающего фактора для незаконного употребления, культивирования, изготовления и оборота наркотиков. Более того, в последовательных глобальных отчетах Управления ООН по наркотикам и преступности (далее – УНП ООН) содержатся данные, свидетельствующие преимущественно о расширении и диверсификации наркопреступлений во всех регионах мира [2]. Это свидетельствует о том, что наркополитика, предусматривающая применение суровых наказаний, не только не достигла своей цели по сдерживанию деятельности, связанной с наркотиками, но и привела к пагубным последствиям для общественного здоровья, безопасности человека и развития общества. В частности, большинство лиц, приговоренных к самым строгим наказаниям за наркопреступления, включая смертную казнь, не играли серьезной роли в операциях по незаконному обороту наркотиков [3]. Следовательно, значительные ресурсы уголовного правосудия (включая полицию, прокуратуру, судей, места временной изоляции и исправительную систему) тратятся на арест и содержание правонарушителей низкого уровня.

При этом в современной юридической повестке множества стран доминирует принцип пропорциональности наказания (принцип соразмерности (англ. – proportionality – прим. автора) как детерминанта справедливости уголовного судопроизводства). Пропорциональность – это международно-признанный правовой принцип, применимый к реакции правительства на действия, причиняющие вред другим людям. Он требует, чтобы суровость любого назначенного наказания измерялась в соответствии с вредом, причиненным действиями правонарушителя, а также с учетом его вины и обстоятельств. Международные документы по правам человека, предупреждению преступности и уголовному правосудию способствуют установлению стандартов соразмерности. К примеру, статья 29(2) Всеобщей декларации прав человека определяет, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [4]. Международный пакт о гражданских и политических правах защищает многие права,

имеющие отношение к назначению наказания за преступления, связанные с наркотиками, в частности, права на жизнь, свободу, личную неприкосновенность и неприкосновенность частной жизни.

В рамках толкования применения названного Пакта Комитет по правам человека установил, что если государство принимает меры по ограничению права, защищаемого договором, оно должно «доказать необходимость ограничения и принимать только такие меры, которые соразмерны достижению законных целей для обеспечения непрерывной и эффективной защиты прав, закрепленных в Пакте» [5]. При этом меры по ограничению прав, защищаемых Пактом, должны быть наименее интрузивными – необходимыми для достижения законной цели. В этой связи соразмерная система наказаний за преступления, связанными с наркотиками, по-нашему мнению, должна быть направлена, в первую очередь, на лиц, играющих высокопоставленные роли в операциях по поставке наркотиков и наносящих наибольший вред обществу, в частности, насилием и контролем над организованной преступной деятельностью. Такая система назначения наказаний также должна быть направлена на достижение улучшенных результатов в области развития, здравоохранения и безопасности человека, а также защиты прав человека.

Данная концепция предполагает отказ от формального подхода, опирающегося исключительно на массу изъятого вещества, в пользу комплексной оценки объективной и субъективной сторон преступления [9]. Такая система соразмерных санкций в современном праве базируется на следующих критериях: степень виновности (разграничение между эпизодическим посредничеством, совершаемым в силу тяжелых жизненных обстоятельств, и профессиональным участием в транснациональных преступных синдикатах); вредоносность деяния (оценка реального ущерба, нанесенного общественному здоровью, с учетом специфики психоактивного воздействия конкретного субстрата); системная когерентность (требование, согласно которому наказание за ненасильственное наркопреступление не должно превышать санкции за тяжкие насильственные преступления против личности, что является залогом внутренней непротиворечивости правовой системы).

Тем не менее, международно-правовые принципы соразмерности редко применяются при назначении наказания за наркопреступления, что объясняется политически мотивированным развитием международной системы контроля над наркотиками в последние несколько десятилетий, отдающим предпочтение чрезмерно суровым мерам в отношении контролируемых веществ. В частности, Конвенции ООН по контролю над наркотиками содержат формулировки, подчеркивающие серьезность мировой проблемы наркотиков, что приводит к обоснованию применения непропорционально суровых санкций за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Так, в преамбуле Конвенции 1961 года утверждается, что «зависимость от наркотических средств может нанести серьезный вред человеку и чревата социальной и экономической опасностью для человечества» [6]. При этом заявленной целью каждой из конвенций ООН по наркотикам является обеспечение «здоровья и благосостояния человечества» путем ограничения немедицинского использования контролируемых веществ при одновременном обеспечении их доступности для медицинских целей [7].

В современных условиях доминирующая в ряде суверенных юрисдикций карательная модель уголовной политики привела к формированию системного кризиса пропорциональности при назначении уголовных наказаний. Стремясь реализовать превентивную функцию уголовного закона посредством жесткого государственного принуждения, многие государства установили санкции, несоразмерные реальной общественной опасности совершаемых деяний. В частности, ненасильственные преступления, сопряженные с транзакциями контролируемых веществ в незначительных объемах (включая розничный сбыт, мелкомасштабное культивирование или трансграничную транспортировку на низовом уровне исполнителей), нередко наказываются лишением свободы на сроки, сопоставимые или даже превышающие санкции за умышленные насильственные посягательства на жизнь, здоровье и половую неприкосновенность личности.

Такой подход нарушает аксиологическую (ценностную) иерархию правовых благ, охраняемых уголовным законом, при которой жизнь и телесная целостность человека должны обладать безусловным приоритетом перед государственными интересами по контролю над рынком химических веществ. А эмпирические данные, аккумулируемые на протяжении последних десятилетий, в том числе отраженные в регулярных глобальных докладах Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), дезавуируют доктрину «жесткого сдерживания» (deterrence theory) в сфере наркополитики. Сверхстрогие меры наказания не демонстрируют статистически значимой корреляции со снижением уровня наркотизации общества,

объемов культивирования сырья или масштабов нелегального трафика. Напротив, криминальный рынок демонстрирует высокую экономическую эластичность, адаптируясь к репрессивным мерам путем диверсификации логистических путей, внедрения новых синтетических аналогов и цифровизации каналов дистрибуции [8].

Кроме того, с позиции криминологической науки карательная экспансия государства влечет за собой ряд деструктивных последствий. Во-первых, это дисфункция правоохранительного ресурса. Основной массив репрессивного аппарата (органы дознания, следствия, прокуратуры и судов) расходуется на выявление, преследование и изоляцию мелких исполнителей («курьеров», «закладчиков» и потребителей), выполняющих сугубо технические функции. Обладая высокой заменяемостью в структуре наркобизнеса, эти лица оперативно замещаются новыми рекрутами, в то время как ключевые бенефициары и организаторы транснациональных преступных синдикатов остаются вне зоны досягаемости правосудия. Во-вторых, иррациональное расходование бюджетных средств, когда содержание избыточного контингента осужденных за ненасильственные наркопреступления в пенитенциарных учреждениях ложится бременем на государственные финансы, отвлекая материальные ресурсы от финансирования программ общественного здравоохранения, снижения вреда и первичной профилактики зависимости. В-третьих, это девиация приоритетов уголовного преследования, поскольку концентрация правоохранительных органов на легко выявляемых, формальных составах наркопреступлений снижает эффективность борьбы с латентными и куда более опасными угрозами национальной и человеческой безопасности — системной коррупцией, отмыванием преступных доходов, легализацией теневых капиталов и организованным насилием.

Вместе с тем принцип соразмерности (пропорциональности) является фундаментальным общеправовым императивом, признанным международным сообществом. В контексте государственного принуждения данный принцип требует, чтобы глубина вмешательства в права личности и строгость уголовной репрессии были строго адекватны характеру совершенного деяния, степени виновности лица и масштабу причиненного им вреда.

На основе проведенного доктринального и сравнительно-правового анализа полагаем возможным сформулировать следующие выводы. Так, во-первых, формируется понимание несостоятельности карательной парадигмы: исторический опыт и актуальная международная статистика доказывают неэффективность стратегии жесткой криминализации и сверхстрогого наказания мелких наркопреступников в качестве инструмента сдерживания наркорынка., поскольку такая модель не решает проблему наркопотребления, а лишь переводит её в латентную плоскость, мультиплицируя сопутствующие криминальные и социальные риски.. Во-вторых, полагаем, возникает необходимость реформирования структуры наказаний путем проведения национальными законодателями ревизии санкций за преступления, связанные с наркотиками, с целью их приведения в соответствие с аксиологической шкалой ценностей уголовного права, поскольку наказания за ненасильственные деяния в этой сфере не должны конкурировать по строгости с мерами ответственности за преступления против личности. В-третьих, рационализация уголовной политики требует перераспределение правоохранительного потенциала – смещения фокуса внимания правоохранительной и судебной систем с преследования потребителей и низшего звена (наркокурьеров) на подрыв финансово-организационных основ транснациональной наркопреступности (борьба с отмыванием денег, коррупционными связями и трансграничными каналами поставок). В-четвертых, формируется приоритет альтернативных мер медицинского характера: в отношении лиц, страдающих наркотической зависимостью и совершивших правонарушения незначительного характера, уголовное наказание систематически замещается мерами принудительного или добровольного лечения, реабилитации и социальной реинтеграции, что полностью отвечает принципам гуманизма и соразмерности правового воздействия.

Список литературы:

[1] Федоров А.В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии // Наркоконтроль. 2013. № 1. [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 25.05.2026).

[2] Reforma Constitucional Introducida Al Artículo 49 De La Constitucion Politica-No requería la realización de consulta previa a las comunidades indígenas. [Электронный ресурс] // URL: https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/ 2025/C-882-11.htm (дата обращения: 25.05.2026).

[3] IDPC Drug Policy Guide 3rd Edition. [Электронный ресурс] // URL: http://fileserver.idpc.net/library/IDPC-drug-policy-guide_3-edition_FINAL.pdf (дата обращения: 25.05.2026).

[4] Всеобщая декларация прав человека 1948г.// Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 1999. – С.39-43.

[5] Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/?ysclid=mqfo33gawj156277275 (дата обращения: 25.05.2026).

[6] Единая Конвенция о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 г. о поправках к Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 г. [Электронный ресурс] // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135628/?ysclid=mqfnupamo4549316587(дата обращения: 25.05.2026).

[7] Комментарии к Единой конвенции ООН о наркотических средствах 1961 г. — Нью-Йорк, 1999. — 411 с.

[8] Death penalty in 2025: Facts and figures. [Электронный ресурс] // Amnesty Intenational. – URL: https://www.amnesty.org/en/latest/news/2026/04/ death-penalty- in-2026-facts-and-figures/ (дата обращения: 25.05.2026).

[9] Harris G. Conviction by Numbers Threshold Quantities for Drug Policy // Series on Legislative Reform of Drug Policies Nr. 14. – 2011. Pp.15-48.

References:

[1] Fedorov A.V. Drug criminology as one of the areas of criminology//Drug control. 2013. № 1. [Electronic resource]//URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (access date: 25.05.2026).

[2] Reforma Constitucional Introducida Al Artículo 49 De La Constitucion Politica-No requería la realización de consulta previa a las comunidades indígenas. [Electronic resource]//URL: https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/ 2025/C-882-11.htm (access date: 25.05.2026).

[3] IDPC Drug Policy Guide 3rd Edition. [Electronic resource]//URL: http://fileserver.idpc.net/library/IDPC-drug-policy-guide_3-edition_FINAL.pdf (access date: 25.05.2026).

[4] Universal Declaration of Human Rights 1948//International Human Rights Instruments. Collection of documents. M., 1999. - S.39-43.

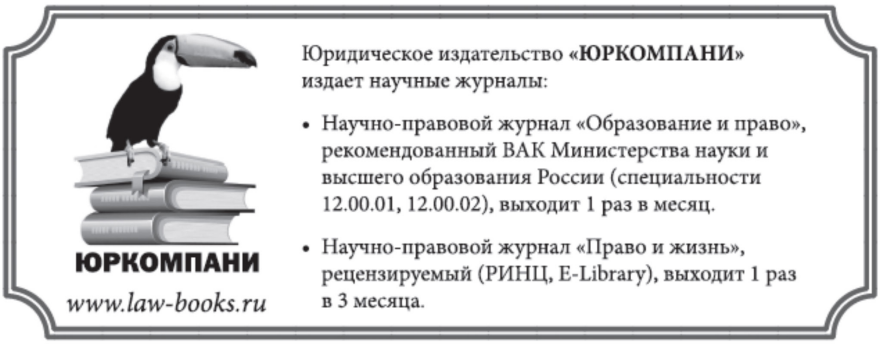
[5] International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted by 16.12.1966 Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly). [Electronic resource]//URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/?ysclid=mqfo33gawj156277275 (access date: 25.05.2026).

[6] Single Convention on Narcotic Drugs, 1961, as amended by the 1972 Protocol Amending the Single Convention on Narcotic Drugs, 1961 [Electronic Resource]// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135628/?ysclid=mqfnupamo4549316587 (accessed: 25.05.2026).

[7] Comments on the 1961 United Nations Convention on Narcotic Drugs - New York, 1999. - 411 s.

[8] Death penalty in 2025: Facts and figures. [Electronic resource]//Amnesty Intenational. - URL: https://www.amnesty.org/en/latest/news/2026/04/ death-penalty- in-2026-facts-and-figures/(access date: 25.05.2026).

[9] Harris G. Conviction by Numbers Threshold Quantities for Drug Policy // Series on Legislative Reform of Drug Policies Nr. 14. – 2011. Pp.15-48.



Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-200-204

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, Москва, Россия,

e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

КРИМИНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИПФЕЙКОВ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется криминальное использование дипфейков и иных синтетических аудио-, фото- и видеоматериалов, создаваемых с применением технологий искусственного интеллекта. Обосновывается, что дипфейк не должен превращаться в самостоятельный универсальный состав преступления: общественная опасность возникает не из факта алгоритмической генерации, а из использования результата при мошенничестве, вымогательстве, нарушении неприкосновенности частной жизни, незаконном обороте персональных и биометрических данных, фальсификации доказательств и распространении социально опасной дезинформации. Особое внимание уделено проблеме проверки цифровых материалов в уголовном судопроизводстве.*

Ключевые слова: *дипфейк, искусственный интеллект, уголовное право, уголовный процесс, цифровые доказательства, электронные следы, биометрические персональные данные, мошенничество, фальсификация доказательств, судебная экспертиза.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,

PhD in Law, Senior Researcher of Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

CRIMINAL USE OF DEEPFAKES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: QUALIFICATION AND PROOF ISSUES

Annotation. *The article examines the criminal use of deepfakes and synthetic audiovisual materials generated by artificial intelligence systems. The author argues that deepfake technology as such should not be criminalized in isolation from its socially harmful use. Criminal law should respond to the use of synthetic content as a means of fraud, extortion, privacy invasion, illegal processing of biometric data, evidence falsification and dangerous disinformation. The article also proposes procedural standards for verifying digital evidence and preserving its integrity in criminal proceedings.*

Key words: *deepfake, artificial intelligence, criminal law, criminal procedure, digital evidence, electronic traces, biometric personal data, fraud, evidence falsification, forensic examination.*

Генеративный искусственный интеллект изменил содержание цифровой преступности. Если классическая компьютерная преступность была связана преимущественно с неправомерным доступом, вредоносными программами и оборотом охраняемой информации, то современная ИИ-преступность все чаще строится на имитации доверия. Синтезированный голос руководителя, «видеозвонок» родственника, искусственное обращение должностного лица или порочащий интимный ролик воздействуют на потерпевшего сильнее, чем обычный текстовый обман. Аудиовизуальная убедительность становится самостоятельным криминальным ресурсом. Для уголовного права это создает вопрос о пределах криминализации. Технология глубокого синтеза имеет законные сферы применения: образование, кинопроизводство, реставрация архивных материалов, научная визуализация, сопровождение лиц с ограниченными возможностями. Поэтому ошибочно объявлять преступным сам дипфейк как технологический результат. Но столь же ошибочно не замечать, что реалистичная имитация голоса и лица превращается в средство хищения, давления, дискредитации, незаконной обработки биометрии и фальсификации доказательств. Действующий УК РФ уже содержит нормы, применимые к таким деяниям, включая мошенничество, вымогательство,

клевету, нарушение неприкосновенности частной жизни, преступления в сфере компьютерной информации и фальсификацию доказательств [5].

Для уголовного процесса проблема состоит в ином: суд и следствие больше не могут исходить из того, что аудио- или видеозапись сама по себе обладает повышенной доказательственной силой. УПК РФ не выделяет электронные доказательства в самостоятельный вид, а цифровые файлы обычно вводятся через категории вещественных доказательств, иных документов, протоколов следственных действий или заключений эксперта [6]. В условиях дипфейков такая конструкция сохраняет формальную пригодность, но требует дополнительных гарантий проверки происхождения, целостности и технической подлинности цифрового материала.

Дипфейк следует понимать как синтетический или существенно модифицированный аудиовизуальный материал, создающий у адресата впечатление, что конкретное лицо произнесло слова, совершило действия или находилось в обстоятельствах, которых в действительности не было. Его особенность состоит не только в недостоверности содержания, но и в присвоении идентичности. Виновный использует доверие, которое потерпевший связывает с голосом, лицом, статусом или социальной ролью другого человека. Именно поэтому дипфейк отличается от обычного монтажа, поддельного аккаунта или клеветнического сообщения.

Наиболее очевидный сценарий - это мошенничество. Синтезированный голос директора организации может использоваться для распоряжения о переводе денежных средств; «видеосообщение» родственника - для выманивания денег; имитация сотрудника банка - для получения кода доступа. Квалификация в таких случаях должна строиться по признакам хищения путем обмана или злоупотребления доверием. Пленум Верховного Суда РФ при разъяснении мошенничества исходит из значения способа введения потерпевшего в заблуждение, что позволяет включать цифровую имитацию в традиционную конструкцию состава [7]. Однако использование дипфейка повышает интенсивность обмана. Текстовое сообщение обычно воспринимается с большей осторожностью, чем голос или изображение знакомого лица. Поэтому дипфейк не должен растворяться в общем признаке обмана. В составах, где имитация личности объективно облегчает причинение вреда, ее целесообразно закреплять как квалифицирующий способ. Речь идет прежде всего о мошенничестве, вымогательстве, клевете, нарушении неприкосновенности частной жизни и фальсификации доказательств.

Второй блок рисков связан с вымогательством и принуждением. Синтетический интимный материал, «компрометирующее» видео или аудиозапись с угрозой распространения могут использоваться для получения денег, имущественных прав, передачи доступа к аккаунтам или совершения действий в интересах виновного. В зависимости от содержания угрозы содеянное может квалифицироваться по статьям о вымогательстве, нарушении неприкосновенности частной жизни, обороте порнографических материалов, клевете или незаконной обработке персональных данных.

Третий блок - публично опасные дипфейки. Синтетическое обращение должностного лица, военного командира, руководителя медицинской организации или оператора критической инфраструктуры способно вызвать панику, нарушить управление, спровоцировать незаконные действия. В литературе справедливо подчеркивается, что общественная опасность дипфейка состоит не в самой технологии, а в ее способности повышать убедительность вредоносной информации [8]. Поэтому уголовно-правовая реакция должна зависеть от содержания сообщения и наступивших последствий, а не от технологического ярлыка.

Дипфейк почти всегда использует признаки конкретного человека: лицо, голос, мимику, походку, интонацию. Эти признаки имеют двойственную природу. С одной стороны, они являются элементами индивидуального образа личности; с другой — могут использоваться для автоматизированной идентификации и аутентификации. Российское законодательство о биометрической идентификации исходит из повышенного режима охраны таких данных [9]. Поэтому криминальное использование дипфейков следует рассматривать как посягательство не только на информацию, но и на цифровую идентичность. Статья 272.1 УК РФ имеет для данной темы принципиальное значение. Она охватывает незаконные использование, передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной неправомерным путем, и предусматривает повышенную ответственность за деяния с биометрическими персональными данными [10]. При создании голосового клона или видеоимитации злоумышленник обычно использует массив исходных аудио- и видеоданных, которые могут быть получены через утечку, скрытую запись, неправомерный доступ к аккаунту или сбор из закрытых источников.

В то же время действующая

редакция статьи 272.1 УК РФ ориентирована преимущественно на незаконный оборот уже имеющейся компьютерной информации. Она не всегда прямо отвечает на вопрос, охватывается ли алгоритмическая переработка биометрических данных в новый синтетический объект, если результат не был распространен либо если исходные данные были собраны из открытых источников. Поэтому в 2026 году в Государственную Думу был внесен законопроект № 1133088-8, направленный на расширение ответственности применительно к незаконной автоматизированной обработке персональных данных при создании дипфейков [11].

Поддерживая саму постановку проблемы, необходимо предостеречь от чрезмерно широкой криминализации. Автоматизированная обработка изображения или голоса не должна становиться преступлением сама по себе. Уголовная ответственность допустима при наличии совокупности признаков: незаконность получения или использования данных, отсутствие согласия субъекта, вредоносная цель, создание угрозы существенного вреда либо использование результата в ином преступлении. Иначе уголовный закон будет распространяться на бытовые, образовательные и художественные практики, что противоречит принципу правовой определенности. Оптимальной, на наш взгляд, представляется дифференцированная модель. Если исходные биометрические данные получены незаконно, применима статья 272.1 УК РФ в совокупности с иными составами при наличии самостоятельного вреда. Если данные получены законно, но использованы вопреки цели согласия, уголовная ответственность должна наступать только при наличии обмана, вымогательства, нарушения частной жизни, клеветы или иного конкретного состава. Если данные были общедоступны, решающим должен быть не факт обработки, а вредоносное использование синтетического результата.

Главный вызов дипфейков для уголовного процесса состоит в разрушении визуальной очевидности доказательства. Видеоизображение и голосовая запись традиционно воспринимались как более убедительные источники, чем текст или пересказ. Но синтетический материал может выглядеть правдоподобнее реальной записи, а подлинная запись может быть объявлена дипфейком как линия защиты. Поэтому суд должен оценивать не только содержание файла, но и его происхождение, целостность, техническую историю и связь с иными доказательствами.

Минимальный процессуальный стандарт верификации должен включать четыре элемента. Первый - фиксация источника получения: устройство, аккаунт, ссылка, мессенджер, облачное хранилище, камера наблюдения. Второй - обеспечение целостности: создание копии, расчет контрольных сумм, описание носителя и программной среды. Третий - установление истории распространения: кем, когда и через какой канал материал был получен или передан. Четвертый - техническая проверка признаков синтетической генерации или существенной модификации. Такой стандарт не требует немедленного создания новой системы доказательств, но предполагает развитие процессуальных правил для электронных материалов. В научной литературе обоснованно отмечается, что цифровые доказательства отличаются от бумажных документов зависимостью от метаданных, формата файла, журналов событий, программного окружения и цепочки хранения. [1] Без учета этих характеристик проверка допустимости и достоверности становится формальной. Особую роль должен играть специалист. При осмотре телефона, компьютера, облачного сервиса или сетевой страницы следователь может не обладать знаниями, необходимыми для корректного изъятия данных. Ошибка при копировании способна уничтожить метаданные, изменить дату файла или создать сомнение в целостности материала. Участие специалиста в исследовании электронных доказательств поэтому является не технической услугой, а процессуальной гарантией достоверности [4].

Судебная экспертиза по делам о дипфейках должна быть комплексной. Традиционная фоноскопическая или видеотехническая экспертиза сохраняет значение, но должна дополняться анализом артефактов генерации, синхронизации голоса и мимики, следов компрессии, метаданных, сетевых журналов и признаков использования конкретных моделей синтеза. Общие основы судебно-экспертной деятельности закреплены федеральным законом, однако методики исследования синтетического аудиовизуального контента нуждаются в развитии [12]. Процессуальная проблема возникает и при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности. Если аудио- или видеоматериал был получен, очищен, усилен, реконструирован либо смонтирован с применением ИИ, это обстоятельство должно быть раскрыто при введении материала в уголовное дело. Закон об оперативно-розыскной деятельности не освобождает сторону обвинения от обязанности показать, что представленный суду объект является именно тем цифровым следом, который был зафиксирован в ходе мероприятия [13.]

Дипфейк может использоваться не только для совершения преступления, но и для

создания ложной доказательственной базы. Если синтетическая запись предъявляется как реальная фиксация события, речь может идти о фальсификации доказательств. В таких случаях техническая поддельность материала является лишь первым уровнем анализа. Следствию необходимо установить, кто создал файл, кто передал его участникам процесса, знал ли передающий о синтетическом происхождении и с какой целью материал вводился в уголовное дело.

Граница между допустимой реконструкцией и фальсификацией должна быть четкой. Реконструкция события, визуализация версии, схема движения лиц или предметов допустимы как вспомогательный материал, если их искусственный характер прямо обозначен, исходные данные раскрыты, а содержание не подменяет доказательство. Фальсификация возникает тогда, когда синтетический файл предъявляется как подлинная запись факта или как реальный результат оперативно-розыскного мероприятия. Следует закрепить процессуальное правило: любой аудио-, фото- или видеоматериал, подвергавшийся алгоритмической обработке после фиксации события, должен сопровождаться указанием на характер обработки, использованное программное средство, цель обработки и наличие исходника. Допустимыми без специального раскрытия могут быть только операции, не изменяющие содержание: копирование, архивирование, создание резервной копии, конвертация при сохранении исходного файла и контрольной суммы.

Значение имеет и международный аспект. Дипфейки часто создаются на зарубежных платформах, распространяются через трансграничные сервисы и хранятся в облачной инфраструктуре. Конвенция ООН против киберпреступности формирует рамку международного сотрудничества и обмена электронными доказательствами [14]. Для российской практики это означает необходимость описывать цифровой объект технически точно: хеш-сумма, аккаунт, ссылка, время публикации, IP-адреса, журналы доступа, параметры файла. Без такой детализации международный запрос может оказаться неисполнимым.

Список литературы:

[1] Изаксон Р.А. Цифровизация уголовного судопроизводства: цифровое уголовное дело, искусственный интеллект и электронные доказательства // CyberLeninka. 2025.

[2] Морозова И.Г. К вопросу о необходимости правового регулирования дипфейков // CyberLeninka. 2025.

[3] Стародубов А.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024.

[4] Туршин А.И. Участие специалиста в исследовании электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // NB: Административное право и практика администрирования. 2025.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

[8] Стародубов А.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. URL: https://vestnikkui.ru/ru/nauka/article/75454/view (дата обращения: 03.06.2026).

[9] Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных...» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 20.

[10] УК РФ. Ст. 272.1 «Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные...» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/deefead19003ba8266e85fbf42fc31f60ed3c698/ (дата обращения: 03.06.2026).

[11] Законопроект № 1133088-8 «О внесении изменений в статью 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1133088-8 (дата обращения: 03.06.2026).

[12] Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

[13] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

[14] Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/

RES/79/243 от 24.12.2024. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (дата обращения: 03.06.2026).

References:

[1] Isaxon R.A. Digitalization of criminal proceedings: digital criminal case, artificial intelligence and electronic evidence//CyberLeninka. 2025.

[2] Morozova I.G. On the need for legal regulation of deepfakes//CyberLeninka. 2025.

[3] Starodubov A.A. Deepfake (deepfake) and the criminal law//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.

[4] A.I. Turshin. Specialist participation in the study of electronic evidence in criminal proceedings// NB: Administrative law and administration practice. 2025.

[5] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[6] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement "//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 2.

[8] Starodubov A.A. Deepfake (deepfake) and the criminal law//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. URL: https://vestnikkui.ru/ru/nauka/article/75454/view (access date: 03.06.2026).

[9] Federal Law of 29.12.2022 No. 572-FZ "On the identification and (or) authentication of individuals using biometric personal data... "// Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. No. 1 (part I). Art. 20.

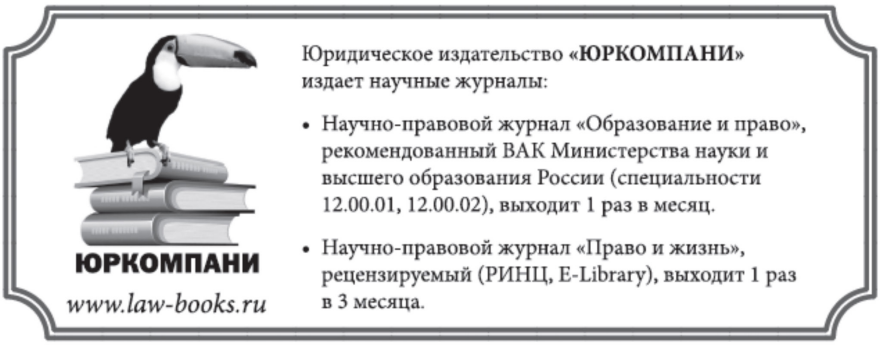
[10] OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION. Art. 272.1 "Illegal use and (or) transfer, collection and (or) storage of computer information containing personal data... "//SPS" ConsultantPlus. " URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/deefead19003ba8266e85fbf42fc31f60ed3c698/ (access date: 03.06.2026).

[11] Bill No. 1133088-8 "On Amendments to Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "//System for Ensuring the Legislative Activities of the State Duma. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1133088-8 (access date: 03.06.2026).

[12] Federal Law of 31.05.2001 No. 73-FZ "On State Judicial Expert Activities in the Russian Federation "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 23. Art. 2291.

[13] Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ "On Operational-Search Activities "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3349.

[14] United Nations Convention against Cybercrime: UN General Assembly resolution A/RES/79/243 of 24.12.2024. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (Accessed: 03.06.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-205-209

ПОСАШКОВ Антон Сергеевич,

заместитель командира взвода факультета подготовки дознавателей Бел ЮИ МВД России им. И.Д. Путилина,

e-mail: posashkov04@internet.ru

ВИНОКУРОВ Эдуард Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Бел ЮИ МВД России им. И.Д. Путилина,

e-mail: VinokurovEA@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОАКТИВОВ

Аннотация. *Эксперты в области обеспечения экономической безопасности и права обеспокоены растущим влиянием криптовалют на рынках. Основная проблема заключается в том, что нерегулируемый процесс майнинга создает каналы для неконтролируемого трансграничного движения денежных масс (капитала), что в определенный период может спровоцировать массовый отток средств из национальной экономики.*

Поэтому, процесс расследования и доказывания данной категории преступлений осложняется особенностями: децентрализацией, анонимностью, отсутствием возможности отслеживания всех транзакций, трансграничным характером, сложностью возмещения причиненного вреда потерпевшим.

Для повышения эффективности процесса расследования авторы работы предлагают комплекс мер, в том числе и дополнения УПК РФ статьей 164.2, установив общий срок исполнения запросов органов предварительного расследования в 7 рабочих дней, а для уголовных дел с криптовалютой сократить до 48 часов. Инициатива поможет оперативнее собирать доказательства, формировать доказательственную базу и защищать права потерпевших.

Ключевые слова: *цифровые следы, криптовалюты, майнинг, электронное доказательство, мошенничество, расследование преступлений, УПК РФ, носитель цифровых следов, компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные технологии.*

POSASHKOV Anton Sergeevich,

Deputy Platoon Commander, Investigator Training Department, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Named After I.D. Putilin

VINOKUROV Eduard Aleksandrovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Named After I.D. Putilin

EVIDENCE-BASED CASES OF CRYPTOCURRENCY FRAUD: SUBSTITUTE ACCOUNT SCHEMES

Annotation. *Experts in the field of economic security and law are concerned about the growing influence of cryptocurrencies on the markets. The main problem is that the unregulated mining process creates channels for the uncontrolled cross-border movement of money (capital), which in a certain period can provoke a massive outflow of funds from the national economy.*

Therefore, the process of investigating and proving this category of crimes is complicated by the following features: decentralization, anonymity, lack of ability to track all transactions, cross-border nature, complexity of compensation for harm caused to victims.

To increase the effectiveness of the investigation process, the authors propose a set of measures, including supplementing the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with Article 164.2, setting the total deadline for executing requests from preliminary investigation authorities at 7 working days, and reducing it to 48 hours for criminal cases involving cryptocurrencies. The initiative will help to collect evidence more quickly, form an evidence base and protect the rights of victims.

Key words: *digital traces, cryptocurrencies, mining, electronic evidence, fraud, crime investigation, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, digital trace carrier, computer information, information and telecommunication technologies.*

Эксперты и ученые в области экономического права выражают серьезную озабоченность в связи с растущим влиянием криптовалют, особенно в странах с развивающимися рынками. Их внимание сосредоточено на явлении майнинга – процессе, при котором вычислительные мощности конвертируются в цифровые активы, потребляя при этом значительное количество электроэнергии. Нерегулируемая деятельность по добыче электронной валюты (криптовалюты) на международном уровне создает канал для трансграничного движения капитала, который сложно или практически невозможно отследить, а, следовательно, зачастую служит инструментом для совершения преступлений.

В период наступления кризиса или экономической нестабильности институт криптовалюты может привести к масштабному и неконтролируемому оттоку средств из национальной экономики, подрывая усилия властей по стабилизации ситуации. В ответ на данный вызов МВФ призывает уполномоченные органы уравнять в правах мониторинга и контроля операции с криптовалютами и традиционные финансовые потоки.

В своем недавнем аналитическом отчете МВФ конкретизирует свои рекомендации. В них указывается, что существующие правовые рамки, регулирующие валютный контроль и движение капитала, требуют срочного пересмотра и модернизации. Официально признанные виды криптовалют должны быть законодательно включены в эти регуляторные системы, даже если их формальный статус (как финансового актива или иностранной валюты) остается предметом дискуссий.

Практическим следствием реализации такой политики может стать установление для граждан ограничений на покупку, владение и транзакции с биткоином, эфириумом и другими цифровыми валютами. Парадокс заключается в том, что ключевые признаки и технологическое преимущество криптовалют (децентрализация и высокий уровень анонимности транзакций) представляют главную правовую проблему. А.И. Савельев утверждает, что общественные отношения с криптовалютой усложняют идентификацию виновных лиц и восстановление прав [1]. Отсутствие государственного регулирования и контроля значительно затрудняет процесс уголовного преследования, значительно осложняя доказывания и раскрытие преступлений данного вида.

В контексте уголовного процесса институт доказывания, составляющий основу и определяющий цель судопроизводства, представляет собой фундамент расследования. Доказывание – это сложная деятельность уполномоченных лиц, которая заключается в системном собирании, всесторонней проверке и объективной оценке доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Основные цели данного процесса: установление события преступления, изобличение виновных лиц, выявление сопутствующих обстоятельств и обстоятельств, подлежащих доказыванию. При расследовании преступлений, связанных с использованием криптовалют, органы предварительного расследования сталкиваются с уникальными проблемами правоприменительного характера. Первоочередной задачей, как и в иных видах преступлений, является фиксация самого события преступления. Однако специфика цифровых активов предопределяет необходимость глубокого изучения и установления конкретных способов их использования в противоправных целях.

В рамках проводимого анализа необходимо, и решения возникающих проблем необходимо раскрыть сущность процесса майнинга. Майнинг – это технологический процесс генерации новых единиц криптовалюты, осуществляемый мощными компьютерными системами (майнеры, ASIC) путем решения сложных криптографических задач (хеш-функций) [2].

Процесс физического обмена криптовалюты на наличные фиатные деньги представляет собой одно из наиболее уязвимых звеньев в системе транзакций и вывода цифровых активов и порождает широкий спектр преступлений. К ним относятся различные виды мошеннических схем (обман при курсовой разнице, продажа несуществующей

криптовалюты), вымогательство с требованием перевода средств в биткоинах, а также преступления против личности, совершаемые с целью завладения криптовалютными сбережениями. Чаще всего факт незаконной добычи криптовалют выявляют при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Это связано с высокой латентностью экономических преступлений. Важно при этом отметить, что поводом к возбуждению уголовного дела служит, как правило рапорт, составленный должностным лицом, который осуществляет, как первоначальную проверку информации о совершенном преступлении, так и осуществляет сбор доказательств о механизме совершения преступления (способы хищения электроэнергии и т.д.). Решением ряда указанных задач, как правило выступают запросы в компанию по электроснабжению с целью выяснения динамики электропотребления по адресу, где было установлено оборудование, или по месту возможного расположения. При этом, следует учитывать технические характеристики устройств по добыче криптовалют, это обусловлено тем, что одна единица современного майнингового оборудования потребляет значительное количество энергии (от 2,5 кВт/ч и более), что при массовой установке приводит к заметным аномалиям в сетевой нагрузке

Ярким примером является приговор № 1-68/2025 от 27.04.2025[1]. Используя свое служебное положение, оператор энергокомпании обнаружил незаконную майнинг-ферму. Затем он ввел владельца в заблуждение, что штраф за незаконное потребление необходимо возместить ему, тем самым похитив денежную сумму размером 492 000 рублей путем злоупотребления доверием при оказании услуг. Данное преступление было выявлено сотрудниками оперативных подразделений при проверке сообщения о преступлении связанного с хищением электроэнергии. Отметим, что зачастую в рамках проверки сообщения о преступлении сотрудники правоохранительных органов, также выявляют и иные преступления.

Также поводом для возбуждения уголовных дел данной категории, являются заявления потерпевших (организации, выявившей факт незаконного подключения, сообщение от уполномоченной организации, обеспечивающее распределение электроэнергии между конечными потребителями). Сложность доказывания обуславливается анонимностью контрагентов, необходимостью отслеживания финансовых потоков, международным сотрудничеством и установлением ущерба от преступного деяния.

Основной процесс собирания доказательственной базы начинается на стадии возбуждения уголовного дела в данной сфере и имеет свою специфику. Основными трудностями на данном этапе являются: определение ущерба и состава преступления, квалификация деяния проведения неотложных следственных действий.

Осмотр места происшествия в стадии возбуждения уголовного дела является одним из первоочередных и наиболее эффективных следственных действий с точки зрения формирования доказательственной базы. В ходе него уполномоченные лица правоохранительных органов и специалисты, как правило, обнаруживают и изымают специализированное оборудование для майнинга (криптофермы, ASIC), незаконно подключенное к электрической сети. Зачастую выявляются и силовые кабели, ведущие к распределительным подстанциям или сетям, которые были присоединены в обход приборов учета (электросчетчиков), что является фактом безучетного потребления.

Доказывание на стадии предварительного расследования сопряжено с рядом особенностей и сложностей:

Цифровые доказательства (переписки в сети интернет, скриншоты и доступ в личный кабинет криптовалютных бирж, транзакции на блокчейне);

Дефицит специалистов данного направления. При производстве следственных действий во избежание ошибок по фиксации доказательств необходима помощь специалиста;

Взаимодействие с криптобиржами и отделениями банков. Наиболее остро данная проблема проявляется при ответе на запрос следователя в рамках возбужденного уголовного дела и запрос уполномоченного лица в рамках проверки сообщения о преступлении. Срок исполнения в законодательстве запросов не ограничен, что ведет к злоупотреблениям со стороны финансовых организаций и нарушений сроков производства и принципа разумного срока;

Необходимость наличия специальных знаний у субъекта, осуществляющего предварительного расследования, с целью минимизации процессуальных ошибок и недопущению утраты доказательств.

Одним из наиболее распространённых и сложных для доказывания видов преступлений экономической направленности в цифровой среде является мошенничество, совершенное с использованием цифрового актива для инвестирования. Его специфика заключается в том, что подозреваемые используют высокий уровень общественного интереса и нередко недостаточную осведомленность потенциальных жертв о механизмах работы блокчейн-технологий.

Основной массив сообщений о преступлении в данной категории связан с привлечением инвестиций в рамках проекта ICO. Данная форма представляет собой выпуск цифровых активов, когда организаторы проекта привлекают средства граждан, предлагая им приобрести новые, специально выпущенные криптовалютные токены с потенциальным ростом в будущем. Инвесторам обещают исключительную доходность и рост стоимости токенов в будущем. Однако после сбора капитала проект внезапно прекращает свое существование, его сайты и каналы связи блокируются, а организаторы исчезают вместе с криптовалютными средствами вкладчиков.

К этому же виду относится и организация противоправной деятельности по систематическому привлечению денежных средств или иного имущества граждан под ложные обещания высокой прибыли от торговли на биржах криптовалют и иного цифрового актива, участия в якобы прибыльных майнинговых пулах или от так называемого облачного майнинга. Жертвам предлагают передать свои средства или криптоактивы в управление «профессионалам», гарантирующим регулярные выплаты, где доход первым вкладчикам выплачивается за счет средств последующих, до момента неизбежной остановки привлечения новых лиц.

Опасность и массовость данного вида мошенничества подчеркивается данными аналитиков. По информации международной компании в области кибербезопасности Group-IB, более половины привлеченных средств были похищены с использованием методов фишинга. Это означает, что помимо прямого обмана с несуществующего проекта, подозреваемые активно применяют технические средства, создавая копии официальных сайтов, рассылая поддельные письма от имени известных платформ и используя иные способы для получения доступа к приватным ключам и seed-фразам кошельков доверчивых инвесторов, что ведет к полной и безвозвратной утере их активов. Речь идет о дублировании официальных веб-сайтов криптобирж, обменных сервисов или кошельков, а также о публикации в официальных магазинах приложений, таких как GooglePlay и AppStore, мошеннических программ, маскирующихся под легитимные клиенты. В постановлении № 1-578/2025 группа лиц обвиняется в создании и управлении организованной преступной группой с целью хищения денежных средств граждан в особо крупном размере. Группа создала проект Yusra, позиционируя его как инновационную IT-компанию с высокодоходным продуктом, а на самом деле - финансовую пирамиду, не имеющую реальной экономической деятельности [2].

Несмотря на то, что модераторы данных площадок, в основном, оперативно удаляют подобный вредоносный контент, но в течение временного промежутка нахождения в доступе данного приложения оно скачивается значительным числом пользователей, доверяющих репутации магазина.

Эффективность данной схемы основана на эксплуатации типичных моделей поведения пользователей и невнимательности к деталям. Основными индикаторами мошеннического веб-ресурса являются отсутствие защищенного соединения: в адресной строке браузера не отображается значок замка и протокол «https», что свидетельствует о том, что передаваемые данные не шифруются. Другим распространенным методом является использование фишинговых ссылок, ведущих на сайты с адресами, почти идентичными настоящим. Зачастую пользователи попадают на такие страницы через автоматические редиректы с других сайтов или рекламных объявлений и ссылок, не утруждая себя ручной проверкой и вводом URL-адреса доверенного сервиса вручную. После ввода своих учетных данных в фальшивом приложении жертва напрямую передает злоумышленникам полный контроль над своими денежными средствами.

При этом схемы мошенничества постоянно эволюционируют, приобретая все более изощренные гибридные формы, сочетающие социальную инженерию с техническим манипулированием информационными потоками. Ученые также отмечают, что киберпреступники часто комбинируют различные каналы связи (социальные сети, мессенджеры, звонки) и зачастую используют многоканальные атаки. Ярким примером служит так называемая «челночная» афера, которая использует репутацию легальных офлайн-обменных пунктов для прикрытия мошеннических действий в цифровой среде[5].

Сущность указанного преступления, заключается в том, что подозреваемые создают фейковый аккаунт, имитирующий службу поддержки реального обменного сервиса, а жертва, желающая обменять наличные средства на криптовалюту, выходит на связь с мошенником, который назначает встречу в действующем офисе выбранной компании, персонал которой не осведомлен о готовящемся обмане. Во время следования жертвы к месту встречи и сделки, преступник, используя скопированный аватар и данные жертвы, от ее имени связывается с настоящим оператором обменника через официальный канал, дублируя условия и время встречи. В офисе сотрудник просит клиента для подтверждения сделки отправить в чат адрес своего криптокошелька для пробного перевода. Ввиду психологического восприятия ситуации как прямого контакта, жертва отправляет

не легальному сотруднику, а своему изначальному собеседнику пробный перевод, который преступник переводит оператору обменника. После клиент переводит всю сумму денежных средств, которые похищает преступник.

На основании проведенного исследования, мы приходим к выводу, что из-за сложности расследования и доказывания данного вида преступлений и ограниченных процессуальных сроков необходимо оптимизировать деятельность следователя.

Поэтому, необходимо организовывать и стимулировать к прохождению дополнительных курсов и повышению квалификации действующих сотрудников органов предварительного расследования

Также важной особенностью является частое привлечение специалистов к проведению следственных действий совместно со следователем или дознавателем. Мы предлагаем ввести процедуру обязательного привлечения специалиста при работе с компьютеризированной техникой.

Огромным препятствием при реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства является ответа на запрос сотрудников правоохранительных органов. Выходом из данной ситуации, является внесением соответсветствующих изменений в положение УПК РФ, в частности дополнения ст. 164.2 следующим содержанием «Сроки исполнения запросов следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания», где определить срок исполнения запроса до 7 рабочих дней с момента его получения. В рамках расследования преступлений, связанных с криптовалютой, данный запрос необходимо выполнить в течение 48 часов с момента его получения. Срочность выполнения данного процессуального действия необходима ввиду влияния на возможность возмещения ущерба потерпевшим.

В результате предложенные изменения определяют, что криптобиржи из пассивных наблюдателей или труднодоступных иностранных субъектов превращаются в активных и ответственных участников уголовного процесса. Данная новелла создает действенный инструмент для защиты прав потерпевших и повышает эффективность борьбы с преступлениями в сфере цифровых активов, переводя противодействие им с декларативного уровня на практический.

Предложенный комплекс мер направлен на улучшение процесса собирания доказательственной базы, обеспечения принципа разумного срока уголовного судопроизводства и минимизации ошибок при формировании доказательственной базы.

Список литературы:

[1] Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги

/ Р.М. Янковский // Российское право: состояние, перспективы, комментарии. — Москва, 2020. — С. 43–77.

[2] Зиняков К.Ю.Принципы работы технологии блокчейн и майнинга // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mayning-kriptovalyuty-problemy-i-perspektivy/viewer (дата обращения: 20.04.2026).

[3] Приговор Левашинского районного сда Республики Дагестан от 27 апреля 2025 г. по делу № 1-68/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/JEDdRGDW0uojtxt (дата обращения: 20.04.2026).

[4] Постановление Ленинского районного суда г. Махачкалы от 11 марта 2025 г. по делу № 1-158/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/JEDdRGDW0uojtxt (дата обращения: 20.04.2026).

[5] Зотина, Е. В. Претекстинг как приём социальной инженерии, используемый телефонными мошенниками: криминологический взгляд на проблему / Е. В. Зотина // Вестник Казанского юридического института МВД России. сайт. – URL:https://vestnikkui.ru/ru/nauka/author/654816/view — 2022. — Т. 13, № 4. — С. 1-7

References:

[1] Yankovsky R.M. Cryptocurrencies in Russian law: surrogates, “other property” and digital money

/ R.M. Yankovsky//Russian law: state, prospects, comments. - Moscow, 2020. - S. 43-77.

[2] Zinyakov K.Yu. Principles of blockchain and mining technology//CyberLeninka: scientific electronic library. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mayning-kriptovalyuty-problemy-i-perspektivy/viewer (дата обращения: 20.04.2026).

[3] Verdict of the Levashinsky District Court of the Republic of Dagestan dated April 27, 2025 in case No. 1-68/2025//Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/JEDdRGDW0uojtxt (access date: 20.04.2026).

[4] Resolution of the Leninsky District Court of Makhachkala dated March 11, 2025 in case No. 1-158/2025//Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/JEDdRGDW0uojtxt (access date: 20.04.2026).

[5] Zotina, E.V. Pretexting as a social engineering technique used by telephone scammers: criminological view of the problem/E.V. Zotina//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. site. – URL:https://vestnikkui.ru/ru/nauka/author/654816/view — 2022. - T. 13, NO. 4. - S. 1-7

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-210-216

КЕРИМОВА Милана Магомедсадиковна,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Россия,

e-mail: milana7887@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Аннотация. *В статье на основе комплексного уголовно-правового и криминологического анализа раскрываются проблемы квалификации преступлений, совершаемых в состоянии аффекта. Актуальность темы обусловлена высокой сложностью установления аффективного состояния в правоприменительной практике, значительным количеством судебных ошибок и отсутствием единообразных подходов к разграничению привилегированных составов со смежными деяниями. Выявлены и систематизированы основные группы проблем квалификации аффектированных преступлений: терминологическая неопределённость, разграничение физиологического и патологического аффекта, отграничение от смежных составов, процессуальные сложности доказывания. Аргументирован вывод о том, что отсутствие легальной дефиниции аффекта и единых критериев его установления порождает противоречивую судебную практику. Обосновывается необходимость законодательного закрепления понятия «аффект» в примечании к ст. 107 УК РФ, дополнения перечня смягчающих обстоятельств указанием на аффективное состояние, разработки единых методических рекомендаций по производству судебно-психологических экспертиз и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов в области юридической психологии.*

Ключевые слова: *аффект, внезапно возникшее сильное душевное волнение, преступления, совершённые в состоянии аффекта, квалификация преступлений, уголовное право, судебно-психологическая экспертиза, привилегированные составы, патологический аффект, необходимая оборона.*

KERIMOVA Milana Magomedsadikovna,

Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Law Institute, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED IN THE STATE OF AFFECT

Annotation. *The article, based on a comprehensive criminal-legal and criminological analysis, reveals the problems of qualifying crimes committed in a state of affect. The relevance of the topic is due to the high complexity of establishing an affective state in law enforcement practice, a significant number of judicial errors, and the lack of uniform approaches to distinguishing privileged compositions from related acts. The main groups of problems of qualification of affective crimes are identified and systematized: terminological uncertainty, differentiation of physiological and pathological affect, delimitation from related compositions, procedural difficulties of proof. The conclusion is substantiated that the absence of a legal definition of affect and uniform criteria for its establishment generates contradictory judicial practice. The necessity of legislative consolidation of the concept of "affect" in a note to Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation, supplementing the list of mitigating circumstances with an indication of the affective state, developing unified methodological recommendations for the production of forensic psychological examinations and improving the qualification of law enforcement officers in the field of legal psychology is substantiated*.

Key words: *affect, sudden strong mental agitation, crimes committed in a state of affect, qualification of crimes, criminal law, forensic psychological examination, privileged compositions, pathological affect, necessary defense.*

Обеспечение справедливой уголовно- правовой оценки деяния невозможно без точного

учёта психоэмоционального состояния лица в момент его совершения. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 107 и 113 предусматривает ответственность за убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершённые в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта). Законодатель совершенно обоснованно рассматривает данное состояние как обстоятельство, существенно снижающее степень общественной опасности содеянного, поскольку лицо, действующее в состоянии аффекта, частично утрачивает контроль над своим поведением, а его реакция провоцируется противоправным или аморальным поведением самого потерпевшего. Как справедливо отмечает А.Н. Попов, «преступления против личности со смягчающими обстоятельствами занимают особое место в системе Особенной части УК РФ, поскольку отражают компромисс между необходимостью защиты личности и учётом психофизиологических особенностей человека» [1, с. 12]. Развивая эту мысль, В.И. Ткаченко подчёркивал, что «аффект представляет собой такое эмоциональное состояние, при котором способность к осознанно-волевой регуляции поведения существенно ограничена, хотя и не утрачена полностью» [2, с. 18], что и предопределяет смягчение ответственности, но не освобождение от неё.

Актуальность исследования проблем квалификации аффектированных преступлений подтверждается данными судебной статистики. Как показывают исследования, более половины дел об убийствах, совершённых в состоянии аффекта, в суде апелляционной инстанции переквалифицируются со ст. 105 УК РФ на ст. 107 УК РФ, что свидетельствует о системных ошибках, допускаемых на стадии предварительного расследования и в судах первой инстанции при установлении психического состояния виновного [3]. По данным, приведённым К.М. Солдатовой, степень соответствия установленного экспертами аффекта квалифицированным судами статьям 107, 113 УК РФ достигает 89%, а исключённого экспертами аффекта квалифицированным статьям 105, 111 УК РФ – 97%, что, однако, оставляет достаточно значительный процент случаев рассогласования экспертных и судебных оценок [4, с. 35]. Эти цифры наглядно демонстрируют масштаб проблемы и необходимость её углублённого научного осмысления. Н.А. Лопашенко обращает внимание на то, что «ошибки в квалификации аффектированных преступлений не только нарушают принцип справедливости, но и подрывают доверие к судебной системе в целом, поскольку граждане видят, что за однотипные деяния назначаются принципиально разные наказания» [5, с. 47]. Кроме того, по сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, ежегодно по ст. 107 УК РФ осуждается около 200 человек, однако это число не отражает реальной распространённости аффектированных убийств, так как многие деяния ошибочно квалифицируются по ст. 105 УК РФ [6, с. 6].

Центральной проблемой, с которой сталкивается правоприменитель, является отсутствие легального определения понятия «аффект» в тексте уголовного закона. Законодатель использует две терминологические конструкции – «внезапно возникшее сильное душевное волнение» и «аффект», не раскрывая их содержания и не определяя соотношения между ними. Конструкция ст. 107 УК РФ такова, что термин «аффект» дан в скобках после словосочетания «внезапно возникшее сильное душевное волнение», из чего можно заключить, что законодатель рассматривает их как синонимы. Однако в действительности содержание этих понятий совпадает не полностью: судебно-психологическое понятие аффекта охватывает лишь определённые виды эмоциональных состояний, тогда как внезапно возникшее сильное душевное волнение может включать и иные состояния, например, выраженное эмоциональное напряжение, не достигающее степени классического физиологического аффекта, но также существенно ограничивающее способность к осознанному контролю. Как справедливо указывают С.Н. Климов и К.А. Царёв, «состояние аффекта является важной психолого-медицинской и уголовной категорией, влияющей на вопросы определения вменяемости во время совершения преступления, однако отсутствие его чёткого определения в УК РФ порождает многочисленные проблемы при квалификации» [7, с. 85]. В результате термин «аффект» употребляется в трёх значениях: общепсихологическом, экспертном судебно-психологическом и уголовно-правовом, что порождает неизбежные разночтения. Как отмечается в специальной литературе, «в судебно-психологическое экспертное понятие аффекта вошли только те виды и признаки, которые могут быть прямо использованы при квалификации внезапно возникшего сильного душевного волнения» [8, с. 21], однако даже экспертное и уголовно-правовое понимание аффекта не всегда совпадают, что создаёт почву для судебных ошибок.

Не менее острую проблему представляет разграничение физиологического и патологического аффекта, имеющее принципиальное значение для решения вопроса о вменяемости лица. Физиологический аффект,

не исключающий вменяемости, характеризуется сужением сознания и ослаблением волевого контроля, но при этом лицо сохраняет способность осознавать фактический характер своих действий. Патологический аффект, напротив, представляет собой кратковременное психическое расстройство, при котором лицо полностью утрачивает способность осознавать свои действия и руководить ими, что влечёт признание его невменяемым в соответствии со ст. 21 УК РФ. А.А. Кузьмина справедливо указывает, что «лица, совершившие преступления в состоянии патологического аффекта, признаются невменяемыми и не могут нести уголовную ответственность, однако на практике грань между патологическим и физиологическим аффектом зачастую устанавливается лишь в ходе сложной комплексной экспертизы» [9, с. 228–229]. Особую сложность представляют случаи так называемого аномального аффекта, возникающего у лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, а также аффекта на фоне алкогольного опьянения. Современная экспертная практика выделяет целую группу подвидов аффекта, включая кумулятивный аффект, атипичный аффект и аффект на фоне простого алкогольного опьянения, каждый из которых требует особых диагностических критериев [10, с. 18–21]. При этом важно отметить, что кумулятивный аффект, формирующийся в результате накопления эмоционального напряжения под влиянием систематического противоправного или аморального поведения потерпевшего, зачастую представляет наибольшие трудности для диагностики, так как на момент совершения преступления может отсутствовать явно выраженный провоцирующий фактор, а сам аффект развивается как «последняя капля».

Дискуссионным в науке уголовного права остаётся вопрос о правовой природе аффекта. Ряд учёных, в частности Т. Ткаченко, рассматривают аффект исключительно как обстоятельство, смягчающее наказание, и полагают излишним выделение специальных привилегированных составов [11]. Другие исследователи, напротив, настаивают на необходимости сохранения ст. 107 и 113 УК РФ как самостоятельных составов, поскольку аффект влияет не только на степень общественной опасности содеянного, но и на характер вины. Следует согласиться с позицией А.Н. Попова, который обоснованно утверждает, что «преступления, совершённые в состоянии аффекта, обладают специфическими признаками субъективной стороны, обусловленными особым психоэмоциональным состоянием виновного, что требует их выделения в самостоятельные привилегированные составы» [1, с. 57]. Действительно, аффект не просто снижает степень вины, но качественно меняет её содержание: умысел в аффектированном преступлении возникает внезапно как реакция на провокацию, а не формируется постепенно в результате обдумывания. По мнению П.С. Яни, «именно внезапность возникновения умысла, его непосредственная связь с провоцирующим поведением потерпевшего и ослабление волевого контроля отличают субъективную сторону аффектированных преступлений от субъективной стороны иных умышленных деяний» [12, с. 42].

Одной из наиболее сложных в практическом отношении проблем квалификации аффектированных преступлений является их отграничение от преступлений, совершённых при превышении пределов необходимой обороны. Оба состава характеризуются ответной реакцией на противоправное поведение потерпевшего, однако имеют принципиальные различия в мотивации и целях действий виновного. Как подчёркивает К.В. Дядюн, «при разграничении анализируемых составов преступлений в правовой литературе доминирующее значение придаётся мотиву действий виновного: защита правоохраняемых интересов – в случае превышения пределов необходимой обороны; месть – в случае совершения преступления в состоянии аффекта» [13]. Вместе с тем некоторые учёные, в частности Р. Юсупов, предлагают проводить разграничение по факту «оконченности» посягательства со стороны потерпевшего: если вред причиняется в процессе посягательства – это оборона, если после его окончания – аффект [14]. Следует отметить, что данная позиция не учитывает ситуаций, когда аффект возникает непосредственно в момент посягательства, но действия виновного выходят за пределы необходимой обороны именно в силу аффективного состояния. Так, если потерпевший напал на виновного с палкой, а тот в состоянии аффекта страха и гнева схватил нож и нанёс смертельное ранение, необходимо анализировать, действовал ли виновный с целью защиты или его действия уже были продиктованы местью за испуганное состояние. Проблема усугубляется тем, что в правоприменительной практике нередко встречаются случаи одновременного наличия признаков и аффекта, и превышения пределов необходимой обороны. Как указывает А.А. Сёмик, «если лицо действует в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного неправомерным поведением пострадавшего, при этом защищаясь от общественно опасного посягательства, то необходимо тщательно анализировать все обстоятельства дела для определения приоритетного мотива и

цели действий виновного» [15, с. 108]. При этом в состоянии аффекта страха может совершаться только необходимая оборона, и если обороняющийся в силу личностных психологических особенностей преувеличил опасность, что обусловило возникновение аффекта и превышение пределов обороны, то это не меняет правовой оценки обороны как таковой. Представляется, что для разрешения подобных коллизий судам необходимо во всех случаях назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, ставя перед экспертами вопрос не только о наличии аффекта, но и о доминирующем мотиве поведения виновного в криминальной ситуации.

Значительные трудности вызывает квалификация убийства двух и более лиц в состоянии аффекта. Действующая редакция ч. 2 ст. 107 УК РФ предусматривает ответственность за убийство двух или более лиц, совершённое в состоянии аффекта. Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, «в правоприменительной практике возникают серьёзные затруднения при квалификации таких деяний, поскольку необходимо установить, что все убийства были охвачены единым аффективным состоянием, а не совершены в разное время под влиянием различных эмоциональных всплесков» [16, с. 191]. Действительно, в условиях длящегося аффекта лицо может причинить вред нескольким потерпевшим, однако в каждом конкретном случае необходимо устанавливать, не было ли между эпизодами временного разрыва, достаточного для восстановления способности к осознанному контролю. Например, если лицо после убийства одного потерпевшего переместилось в другое помещение, нашло там второго потерпевшего и причинило ему смерть, возникает вопрос, сохранялось ли аффективное состояние на протяжении всего этого времени или же первое убийство уже привело к разрядке эмоционального напряжения. Судебная практика в этом отношении противоречива: в одних случаях суды признают наличие единого аффекта и квалифицируют содеянное по ч. 2 ст. 107 УК РФ, в других – усматривают совокупность преступлений, что приводит к необоснованному ухудшению положения виновного. В.И. Гладких предлагает закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснение о том, что «убийство двух и более лиц в состоянии аффекта может квалифицироваться по ч. 2 ст. 107 УК РФ только в том случае, если все деяния совершены в рамках единого аффективного состояния, возникшего как реакция на провоцирующее поведение потерпевших» [17, с. 102].

Существенной проблемой является также отсутствие в уголовном законе норм об ответственности за иные преступления, совершённые в состоянии аффекта, помимо убийства и причинения вреда здоровью. Законодатель явно ограничил сферу действия привилегированных составов лишь наиболее тяжкими посягательствами на жизнь и здоровье, однако практика показывает, что в состоянии аффекта могут совершаться и иные деяния – уничтожение имущества, хулиганство, оскорбление. В научной литературе справедливо отмечается, что «отсутствие в УК РФ общего положения об аффекте как смягчающем обстоятельстве применительно ко всем составам преступлений является пробелом уголовного закона, который необходимо восполнить» [18, с. 17]. Представляется обоснованным предложение о дополнении перечня обстоятельств, смягчающих наказание, предусмотренного ст. 61 УК РФ, указанием на совершение преступления в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного противоправным или аморальным поведением потерпевшего, что позволит судам учитывать данное обстоятельство при назначении наказания за любые преступления, а не только за предусмотренные ст. 107 и 113 УК РФ. Т.Ю. Радионова, исследовавшая криминогенные детерминанты коррупционной преступности, также подчёркивает важность учёта эмоциональных состояний при квалификации деяний, поскольку «без адекватной оценки субъективной стороны преступления невозможно назначить справедливое наказание» [19, с. 179].

Процессуальные аспекты доказывания аффекта представляют не менее серьёзную проблему, чем материально-правовые. Основным доказательством наличия аффекта является заключение судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, проведённый К.М. Солдатовой, существуют серьёзные проблемы в интерпретации правоприменителем экспертных заключений, особенно в той части, где эксперты указывают на индивидуально-психологические особенности обвиняемого [4, с. 40–41]. Суды нередко игнорируют выводы экспертов о наличии выраженного эмоционального напряжения, оказавшего существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого, если эксперты не констатировали аффект в его классическом понимании. Между тем Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что «при квалификации внезапно возникшего сильного душевного волнения суды должны опираться не только на экспертное определение аффекта, но и на экспертную диагностику выраженного эмоционального напряжения,

оказавшего существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого в криминальной ситуации» [8, с. 23]. Критически важным является фактор времени при производстве экспертизы аффекта. Как обоснованно отмечается в литературе, «главное – это не терять время, длительные перерывы во времени с момента совершения преступления до обследования виновного снижают вероятность установления фактического состояния лица, поэтому психологи и сотрудники правоохранительных органов должны работать совместно» [18, с. 18]. Между тем на практике экспертиза зачастую назначается спустя несколько месяцев после совершения преступления, что существенно затрудняет диагностику аффективного состояния, имевшего место в момент деликта. Кроме того, важнейшее значение имеют первые допросы обвиняемого, его показания, данные непосредственно после задержания, а также показания свидетелей, наблюдавших его поведение и эмоциональное состояние. Утрата или несвоевременная фиксация этих доказательств нередко приводит к невозможности достоверного установления аффекта и, как следствие, к неправильной квалификации содеянного.

С учётом выявленных проблем представляется необходимым предложить систему конкретных мер по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Прежде всего, следует законодательно закрепить понятие «аффект» непосредственно в тексте Уголовного кодекса РФ. В отличие от распространённого в доктрине предложения поместить такое определение в Общую часть (ст. 14 УК РФ), более обоснованным представляется иной подход – дать легальную дефиницию аффекта в примечании к ст. 107 УК РФ. Аргументация данного решения сводится к следующему. Во-первых, аффект как категория имеет значение прежде всего для составов убийства и причинения вреда здоровью, именно в них он выступает конститутивным признаком, а не просто смягчающим обстоятельством. Сосредоточение определения в примечании к 107 статье, являющейся базовым привилегированным составом, логически подчёркивает его системообразующую роль. Во-вторых, помещение дефиниции в Общую часть неизбежно повлекло бы её распространение на все нормы, включая те, где аффект не может быть учтён (например, на неосторожные преступления), что породило бы новые коллизии. В-третьих, предлагаемое примечание может содержать указание, что его положения применяются также к ст. 113 УК РФ, что позволит избежать дублирования. Таким образом, ст. 107 УК РФ предлагается дополнить примечанием следующего содержания: «Под аффектом в настоящей статье и статье 113 настоящего Кодекса понимается внезапно возникшее сильное душевное волнение, представляющее собой кратковременное, интенсивно протекающее эмоциональное состояние, вызванное противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего либо длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, существенно ограничивающее способность лица к осознанно-волевой регуляции поведения и пик которого совпадает с моментом совершения преступления». Наличие такого определения устранит существующую терминологическую неопределённость и создаст правовую основу для единообразного применения ст. 107 и 113 УК РФ. Данное предложение находит поддержку в доктрине: Н.А. Лопашенко, хотя и высказывается за включение определения в Общую часть, признаёт, что «в качестве рабочего варианта возможно закрепление понятия в примечании к ст. 107, что позволит более оперативно решить проблему без масштабной ломки структуры кодекса» [5, с. 49]. Аналогичной точки зрения придерживается К.М. Солдатова, полагающая, что «конкретизация признаков аффекта в примечании к ст. 107 УК РФ будет способствовать единообразию экспертной и судебной практики» [4, с. 45].

Не менее значимым направлением является совершенствование процессуального механизма назначения и производства судебно-психологических экспертиз. Представляется необходимым на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ закрепить правило об обязательном назначении комплексной психолого-психиатрической экспертизы по всем делам об убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью, если в материалах дела имеются сведения о провоцирующем поведении потерпевшего или о необычном эмоциональном состоянии обвиняемого в момент совершения преступления. В.И. Гладких также поддерживает эту идею, указывая, что «обязательность экспертного исследования психического состояния обвиняемого в делах о преступлениях против жизни и здоровья существенно снизит вероятность судебных ошибок и необоснованного осуждения лиц, действовавших в состоянии аффекта» [17, с. 108]. Кроме того, необходимо разработать единые методические рекомендации по производству судебно-психологических экспертиз аффекта, которые содержали бы чёткие критерии диагностики как классического физиологического аффекта, так и его разновидностей – кумулятивного, аномального

аффекта и аффекта на фоне алкогольного опьянения. Это позволит минимизировать расхождения в выводах различных экспертов и повысить доказательственное значение экспертных заключений.

Третьим направлением совершенствования является повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей в области юридической психологии. Представляется необходимым введение в программы профессиональной подготовки следователей, прокуроров и судей специальных курсов по основам судебной психологии и психопатологии, с акцентом на изучение признаков аффективных состояний и иных эмоциональных реакций, имеющих уголовно-правовое значение. Как показывают эмпирические исследования, юристы неполно осведомлены о современных разработках в вопросах экспертно-психологической диагностики и квалификации эмоциональных состояний лиц в контексте совершения ими преступлений [10, с. 20]. Преодоление этого разрыва между психологической наукой и юридической практикой является необходимым условием повышения качества правосудия по делам об аффектированных преступлениях.

Наконец, требует доктринального и законодательного разрешения проблема разграничения аффекта и превышения пределов необходимой обороны. Представляется обоснованным предложение К.В. Дядюн о закреплении в постановлении Пленума Верховного Суда РФ совокупности критериев, позволяющих отграничить данные составы, включая мотив действий виновного, временной фактор (началось ли посягательство, продолжается ли оно или уже окончено), характер провоцирующего поведения потерпевшего и его связь с ответной реакцией виновного [13]. При этом в случаях конкуренции данных составов предпочтение должно отдаваться тому, который наиболее полно отражает субъективную сторону содеянного, что соответствует принципу справедливости.

Проведённое исследование позволило установить, что проблемы квалификации преступлений, совершаемых в состоянии аффекта, носят комплексный характер и охватывают материально-правовые, процессуальные и организационные аспекты. Отсутствие легального определения аффекта, терминологическая двойственность уголовного закона, сложности разграничения со смежными составами и недостатки экспертного обеспечения создают серьёзные препятствия для справедливой уголовно-правовой оценки аффектированных деяний. Предложенная система мер, включающая законодательное закрепление понятия аффекта в примечании к ст. 107 УК РФ, дополнение перечня смягчающих обстоятельств, закрепление правила об обязательном назначении экспертизы по делам о преступлениях против жизни и здоровья при наличии признаков аффекта, разработку единых экспертных методик и повышение квалификации правоприменителей, позволит существенно снизить количество судебных ошибок и обеспечить реализацию принципа справедливости при рассмотрении уголовных дел данной категории. Только системный подход, сочетающий законодательные новации с совершенствованием правоприменительной практики, способен разрешить накопившиеся противоречия и обеспечить единообразное применение норм об ответственности за преступления, совершённые в состоянии аффекта.

Список литературы:

[1] Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 463 с.

[2] Ткаченко В.И. Ответственность за умышленные преступления против жизни и здоровья, совершённые в состоянии аффекта: учебное пособие / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М.: ВЮЗИ, 1979. – 56 с.

[3] Убийство, совершенное в состоянии аффекта, ошибочно квалифицируется по ст. 105 УК РФ // Администрация Уланхольского СМО РК. – 2024. – URL: https://usmolrk.ru (дата обращения: 13.05.2026).

[4] Солдатова К.М. Анализ судебных решений по преступлениям, включающих вопрос о квалификации аффекта // Психология и право. – 2025. – Т. 15. – № 2. – С. 34–46.

[5] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики и против личности: вопросы квалификации. – М.: Норма, 2023. – 312 с.

[6] Обзор практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2024 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 3. – С. 5–12.

[7] Климов С.Н., Царёв К.А. Состояние аффекта как категория уголовного права: анализ теории и практики // Вестник Пензенского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 85–89.

[8] Сафуанов Ф.С., Макушкин Е.В. Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы: хрестоматия. – М.: Генезис, 2013. – 309 с.

[9] Кузьмина А.А. Проблема квалификации преступлений, совершённых в состоянии аффекта // Молодой учёный. – 2024. – № 2 (501).

– С. 228–229.

[10] Судебная экспертиза аффекта в практике сегодняшних дней // Российский следователь. – 2025. – № 9. – С. 18–21.

[11] Ткаченко Т. Преступление совершено в состоянии аффекта... // Адвокат. – 2025. – URL: https://online.zakon.kz (дата обращения: 13.05.2026).

[12] Яни П.С. Субъективная сторона преступлений против личности: проблемы квалификации. – М.: ЮрИнфоР, 2022. – 256 с.

[13] Дядюн К.В. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны: вопросы соотношения и разграничения составов // Адвокат. – 2013. – № 9.

[14] Юсупов Р. Соотношение аффекта и превышения пределов необходимой обороны // Российская юстиция. – 1999. – № 5.

[15] Сёмик А.А. Преступления, совершённые в состоянии аффекта и в состоянии необходимой обороны: общие и отличительные признаки в контексте психологического анализа // Право и практика. – 2023. – № 2. – С. 106–112.

[16] Забирова Р.Ю., Штефан А.В. Спорные вопросы квалификации убийств, совершённых в состоянии аффекта // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2024. – № 2. – С. 188–195.

[17] Гладких В.И. Преступления против личности: вопросы квалификации и назначения наказания. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 256 с.

[18] Проблемы квалификации преступлений, совершённых в состоянии аффекта // Юридическая психология. – 2023. – № 2. – С. 16–21.

[19] Радионова Т.Ю. Криминогенные детерминанты коррупционной преступности // Молодой учёный. – 2023. – № 6 (453). – С. 178–180.

References:

[1] Popov A.N. Crimes against the person under extenuating circumstances. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2001. - 463 s.

[2] Tkachenko V.I. Responsibility for intentional crimes against life and health committed in a state of passion: textbook/resp. ed. B.V. Zdravomyslov. - M.: VUZI, 1979. - 56 s.

[3] Murder committed in a state of passion is erroneously qualified under Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation//Administration of the Ulankholsky SMO RK. – 2024. - URL: https://usmolrk.ru (access date: 13.05.2026).

[4] Soldatova K.M. Analysis of court decisions on crimes, including the question of the qualification of affect//Psychology and law. – 2025. - T. 15. – № 2. - S. 34-46.

[5] Lopashenko N.A. Crimes in the field of economics and against the individual: issues of qualifications. - M.: Norma, 2023. - 312 s.

[6] Review of the practice of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation for 2024//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2025. – № 3. - S. 5-12.

[7] Klimov S.N., Tsarev K.A. State of affect as a category of criminal law: analysis of theory and practice//Bulletin of Penza State University. – 2022. – № 3. - S. 85-89.

[8] Safuanov F.S., Makushkin E.V. Affect: practice of forensic psychological and psychiatric examination: anthology. - M.: Genesis, 2013. - 309 s.

[9] Kuzmina A.A. The problem of qualification of crimes committed in a state of passion//Young scientist. – 2024. – № 2 (501). - S. 228-229.

[10] Forensic examination of affect in the practice of today//Russian investigator. – 2025. – № 9. - S. 18-21.

[11] Tkachenko T. The crime was committed in a state of passion ...//Lawyer. – 2025. - URL: https://online.zakon.kz (access date: 13.05.2026).

[12] Jani P.S. The subjective side of crimes against the person: problems of qualification. - M.: YurInfoR, 2022. - 256 s.

[13] Dyadyun K.V. State of affect and exceeding the limits of necessary defense: issues of correlation and delimitation of compositions// Lawyer. – 2013. – № 9.

[14] Yusupov R. The ratio of affect and exceeding the limits of necessary defense//Russian justice. – 1999. – № 5.

[15] Semik A.A. Crimes committed in a state of affect and in a state of necessary defense: general and distinctive features in the context of psychological analysis//Law and practice. – 2023. – № 2. - S. 106-112.

[16] Zabirova R.Yu., Stefan A.V. Controversial issues of qualification of murders committed in a state of passion//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2. - S. 188-195.

[17] Gladkikh V.I. Crimes against the person: issues of qualification and sentencing. - M.: Yurlitinform, 2023. - 256 s.

[18] Problems of qualification of crimes committed in a state of passion//Legal psychology. – 2023. – № 2. - S. 16-21.

[19] Radionova T.Yu. Criminogenic determinants of corruption crime//Young scientist. – 2023. – № 6 (453). - S. 178-180.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-217-221

АМИНОВ Ильдар Ринатович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России,

e-mail: Aminov76@mail.ru

ШАРИПОВА Эльмира Азгаровна,

кандидат философских наук, доцент кафедры финансового и административного права Института права Уфимского университета науки и технологий Республики Башкортостан,

e-mail: elmira.scharipova@yandex.ru

МЕТОДЫ И СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Современный этап жизни человечества характеризуется интегрированием цифровых технологий и программных обеспечений на цифровые устройства. Данный аспект несет положительный характер в области упрощения жизнедеятельности человека. Актуальность выбранной темы работы заключается в появлении и стремительном распространении в преступном мире технологии Искусственного интеллекта (далее ИИ). Автором проанализированы и выделены методы и способы совершения мошенничества с использованием искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *Искусственный интеллект, технологии, мошенничество, способы, информация, преступность, потерпевший.*

AMINOV Ildar Rinatovich,

Candidate of Law, Associate Professor Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SHARIPOVA Elmira Azgarovna,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Financial and Administrative Law Institute of Law Ufa University of Science and Technology of the Republic of Bashkortostan

METHODS AND WAYS OF COMMITTING FRAUD USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Annotation. *The modern era of human life is characterized by the integration of digital technologies and software onto digital devices. This aspect has a positive impact on simplifying human life. The relevance of this topic lies in the emergence and rapid spread of Artificial Intelligence (hereinafter AI) technology in the criminal world. The author analyzes and highlights methods and ways of committing fraud using artificial intelligence.*

Key words: *Artificial intelligence, technology, fraud, methods, information, crime, victim.*

Российское общество претерпевает масштабные изменения, связанные с повсеместным внедрением цифровых технологий. Цифровизация российской экономики привела к росту киберпреступности. Согласно статистике МВД РФ, за восемь месяцев 2024 года зафиксировано более полумиллиона правонарушений с применением ИТ-технологий [1].

Появились новые схемы мошенничества, поэтому в настоящее время следует быть бдительным и очень внимательным при совершении различных действий с использованием электронных устройств, особенно если это касается выполнения электронных платежей. Ведь при недостаточной осведомленности интернет-пользователь рискует попасть в очень сложное положение, потерять свои финансы или столкнуться с утечкой информации, своих персональных данных [2].

В науке уголовного права и криминалистики способ и метод совершения преступления занимает одну из важных составляющих в системе криминалистической характеристики преступного деяния, именно данные элементы характеризуют природу самого деяния, особенности личности преступника и специфику предмета преступного посягательства. Исследование способов и методов совершения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий несет в себе необходимый характер, вследствие стремительной цифровой трансформации в мире, злоумышленниками разрабатываются новые схемы совершения данной категории преступлений.

В современной уголовно-правовой доктрине выделяется, что применение информационно-телекоммуникационных технологий при совершении мошенничества могут выполнять различные функции. Ученый-правовед Галашина Е.А., в своей работе «Мошенничество с применением информационных технологий: уголовно-правовая оценка», выделяет две функциональные составляющие при применении информационных технологий для совершения мошенничества:

В одних случаях, информационные технологии используются мошенниками как средство связи с населением, для осуществления своих корыстных целей. В основном злоумышленниками используют методы социальной инженерии (представляются сотрудниками банковских организаций, сотовых компаний или интернет-провайдерами), которые применяются с помощью информационно-телекоммуникационных технологий.

В других случаях, цифровые устройства являются инструментом для вторжения и вмешательства в компьютерные процессы и кибер-среду, что предопределяет другую юридическую значимость, то есть, в данном случае, будет совершение других составов преступления, например, деяния, перечисленные в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» Уголовного кодекса РФ.

Анализируя научные работы, посвященные тематике цифрового мошенничества, необходимо отметить, что доминирующее положение из способов совершения данного преступного деяния, является использование методов социальной инженерии, основанные на психологическом манипулировании над потерпевшими, путем вторжения к ним в доверие или оказания психологического давления, например, запугивание или прямые угрозы. Согласно статистическим данным МВД России за последние 3 года, уровень мошенничества с применением цифровых технологий растет. При этом наблюдается устойчивое усложнение способа совершения деяния: мошенники активно используют темы, вызывающие у потерпевших лиц острые эмоции, например, затрагивают вопросы утраты личных сбережений с банковских счетов или здоровье и жизнь близких людей.

Примером такого способа совершения мошенничества является звонок мошенником потерпевшему лицу, от лица сотрудника банковской организации. Так, согласно следственно-судебной практике, существует множество случаев, когда лица, осуществляющие мошеннические действия, по предварительному сговору, систематически совершают данные телефонные звонки, с схожим содержанием, для получения денежных средств, в основном, данная методика работает на пожилую категорию граждан РФ. Под предлогом проведения проверочных мероприятий или предотвращению хищений, они убеждали потерпевших лиц, передать им код, высланный по СМС от имени банковской организации, для получения доступа в аккаунт разрабатываемого лица. В ходе проведения данных действий, банковский счет и интернет-профиль потерпевшего передавался в руки мошенников, где осуществлялись переводы с электронных счетов на другие банковские карты, принадлежавшие злоумышленникам. После получения данных денежных средств, их вкладывают в крипто-кошельки, чтобы передвижение денежных средств было скрыто и личности преступников не были раскрыты.

Особое внимание заслуживает случаи, связанные с посягательством мошенниками на недвижимое имущество населения государства. Согласно следственно-судебной практике, в Иркутской области, был зафиксирован случай, когда пострадавшая, действуя по указаниям лица, представившейся сотрудником банковской организации, обратилась в агентство по продаже недвижимости и выставила там свою квартиру на продажу на 4 миллиона рублей ниже рыночной. По изучению данного дела, правоохранительными органами была выявлена особенность, связанная с тем, что по данному случаю, не было вмешательство специальных субъектов – риэлторов, занимающихся вопросами сопровождения недвижимого имущества и выставления его на продажу. Данное обстоятельство актуализирует проблему межведомственного взаимодействия правоохранительных органов и риэлторской службы в целях профилактики подобных случаев.

Технологические способы и методы совершения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий систематически получают свое

развитие и эволюционируют. В настоящее время мошенники используют методику фишинга.

Фишинг – это вид интернет-мошенничества, при котором злоумышленники пытаются заполучить персональные данные, содержащую в себе логины и пароли от аккаунтов, реквизиты банковской карты или другую любую информацию населения, путем отправки «ложных» интернет-сайтов известных компаний, например, сайт коммерческой банковской организации «Сбербанк». Ложность сайта заключается в том, что злоумышленники создают специальный скрипт или код, вживляемый в их созданный сайт. Данная интернет-страница ничем не отличается от «оригинального» сайта организации. Переходя по полученной ссылке, человек сталкивается с авторизационным окном, где пользователь вводит свой логин и пароль для входа на страничку. Далее, получив эти данные, злоумышленник получает доступ к кабинету потерпевшего лица и тем самым мошенник может в свободном доступе, от имени пострадавшего лица, осуществлять любые действия.

Отличие фишингового-сайта от оригинального заключается в том, что мошенники могут добавить лишний символ в гиперссылку, например, поставить точку или написать вместо русской буквы английскую, тем самым поменяв символ в интернет-ссылке. Данная процедура происходит, так как домен настоящего сайта организации запатентован и находится в базе данных реестра интернет-ссылок РФ, вследствие этого, злоумышленники, для обхода данной системы, переделывают гиперссылку и преподносят её в виде «оригинального» интернет-сайта населению, чтобы заполучить их персональные данные [4].

Следующим из распространенных методов используемый мошенниками является – Вишинг. Понятие «Вишинг» встречается во многих научных работах, посвященных интернет-мошенничеству. Так, в работе научного деятеля Куренной В.О. «Фишинг и вишинг в информационной безопасности», данное понятие она раскрывает в таком виде: «Вишинг – (голосовой фишинг) является одним из способов совершения интернет-мошенничества, при котором злоумышленники использую телефон как средство совершения преступного деяния». Необходимо отметить, что вишинг, в своем роде, является одним из самых передовых способов совершения преступления, так как никаких дополнительных затрат и трудностей мошенникам не предоставляется, используя данный метод. Преступники совершают массовые телефонные звонки населению каждый день, с целью обмана или злоупотребления доверием заполучить интересующую их информацию, например, персональные данные пользователей сети-интернет, реквизиты банковских карт и счетов или личную информацию о лице. Получив эти данные, злоумышленники могут заполучить денежные средства, путем угрозы распространения личной информации в сети-интернет или шантажировать пользователей, к примеру, угрозой блокировки банковских счетов и карт. Как правило, мошенники представляются сотрудниками банковских организаций и сообщают информацию о том, что с банковской карты клиента списаны денежные средства, с целью противодействия дальнейшим незаконным переводам, злоумышленник просит данные от банковского аккаунта пользователя, с целью осуществления корыстных целей.

Необходимо отметить, что одним из новейших способов совершения данной категории преступления является мошенничество в сфере инвестиций. Согласно следственно-судебной практике и статистике МВД России за 2025 год, участились случаи обмана населения государства путем проведения телефонных звонков с предложением заниматься инвестиционной деятельностью. В данном способе пересекаются методики фишинга и вишинга, так как мошенники связываются с клиентами банковских организаций через сотовую связь и предлагают инвестировать в различные проекты или осуществлять продажи акций через биржи и торговые площадки, которые не являются настоящими, то есть ссылка на данные площадки является ложной (фишинговой), но представляется как оригинальная, посредством этого разрабатываемые лица вступают в доверие к мошеннику и осуществляют инвестирование на фишинговом сайте, не думая о дальнейшей судьбе своих денежных средств, так как злоумышленники воссоздали положительную картину «богатства» и внушили это пострадавшему лицу. В дальнейшем, лицо, желающее вывести данные денежные средства сталкивается с тем, что эти средства не перечисляются обратно на банковский счет, так как их в натуральной форме нет, существует ли цифровая форма, которая ложно демонстрируется на фишинговом сайте инвестиций. Далее, мошенники блокируют номер телефона, через который осуществлялся звонок потерпевшему и исчезают из поля зрения пострадавшего и правоохранительных органов.

Особо выделяемой методикой совершения мошенничества, которая сохраняет анонимность злоумышленника – это использование технологии искусственного интеллекта. В последнее время развивается тенденция применения данной утилиты для обмана человека, путем установки программ дип-фейков, которые могут переделывать внешность человека и

его голос. Мошенники используют данную технологию при осуществлении видеозвонков, отправлении видео-сообщений в социальных сетях и при производстве телефонных звонков. Злоумышленники перед проведением данных действий тщательно узнают информацию об интересующим их человеке, путем использования методов социальной инженерии, телеграмм-ботов (ГлазБога и ШерлокБот, которые имеют функцию сбора всей информации о личности человека, путем анализа номера телефона разрабатываемого лица) и социальных сетей (в основном страницы в онлайн-мессенджерах открыты, тем самым злоумышленник может узнать информацию через друзей или близких родственников потерпевшего). Далее, после получения интересующей их информации, мошенники осуществляют видео- или аудио-звонки, представляясь представителем какой-либо компании или близким родственником, путем изменения своей внешности и голоса, тем самым потерпевшее лицо входит в доверие к злоумышленнику и выполняет его требования, вплоть до перевода денежных средств на его банковский счет.

Также необходимо выделить, что в 2025 году, законодатель выделил новые квалифицирующие признаки совершения преступления, предусмотренного статьей 187 «Неправомерный оборот средств платежа» Уголовного кодекса РФ. Введение произошло 24.06.2025 года, разработанная норма дефиниции была законодательно закреплена в Федеральном законе от 24.06.2025 года №176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» [3]. В данном федеральном законе законодатель выделил новый квалифицирующий признак для данного состава преступления, так как преступники разработали новые способы легализации денежных средств, путем использования банковских карт, которые активно покупались у других лиц из числа мирного населения или же обманным путем заполучали реквизиты данных носителей денежных средств для осуществления отмывания средств платежей. Данный состав преступлений, согласно следственно-судебной практике получил свою неофициальную аббревиатуру «Дропперство». Как отмечается в информационных и научных материалах, основными способами совершения IT-мошенничества являются перевод денежных средств на расчетные счета «дропперов» (лица, которые используют чужие банковские карты для легализации денежных средств, полученных преступным путем, например, в ходе мошеннических действий, в крупном размере, для сохранения своей анонимности), либо передача денежных средств через специально-нанятых лиц – «курьеров». Использование данной преступной схемы позволяет мошенникам сохранять свою анонимность и минимизировать риски уголовного преследования сотрудниками правоохранительных органов.

Подводя итоги изученного параграфа, необходимо отметить, что способы и методы совершения мошенничества, путем использования информационно-телекоммуникационных технологий представляет из себя многогранно-сложную систему, включающая в себя меры психологического воздействия и технические способы вмешательства в функционирование цифровых систем мирного населения государства. Доминирующее положение в системе способов и методов совершения мошенничества занимает меры социальной инженерии, применяемые злоумышленниками. Реализация данных мер происходит посредством совершения телефонных звонков и рассылки сообщений через электронные почты и СМС. Эволюция способов и методов совершения данной категории преступления зависит от следующих факторов: анонимности, конспирации, возможность охвата большей аудитории (потерпевших) и активное использование преступниками технологий искусственного интеллекта.

Список литературы:

[1] Аминов, И. Р. Криптовалюта как предмет преступлений коррупционной направленности / И. Р. Аминов, С. В. Трусов // Международный научный вестник. – 2025. – № 1. – С. 93-97. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-1-93-97. – EDN MFDHHE;

[2] Аминов, И. Р. Криминологический анализ мошенничества с использованием электронных средств платежа / И. Р. Аминов, И. В. Голубев // Право и управление. – 2026. – № 1. – С. 524-527. – DOI 10.24412/2224-9133-2026-1-524-527. – EDN JAPFON;

[3] О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24.06.2025 года № 176-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.03.2026);

[4] Димидов Д. С. Борьба с мошенничеством, совершенным с использованием информационно-коммуникационных технологий: проблемы и пути решений // Право и государство: теория и практика. 2024. №12(240). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-moshennichestvom-sovershennym-s-ispolzovaniem-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-problemy-i-puti-resheniy (дата обращения: 30.03.2026).

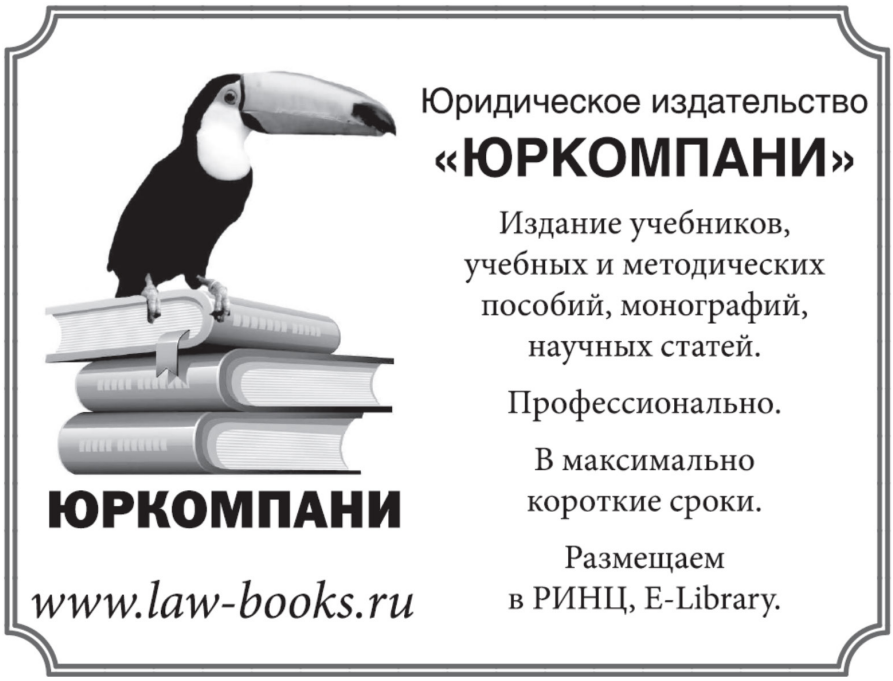
References:

[1] Aminov, I.R. Cryptocurrency as the subject of corruption-related crimes/I.R. Aminov, S.V. Trusov//International Scientific Bulletin. – 2025. – № 1. - S. 93-97. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-1-93-97. – EDN MFDHHE;

[2] Aminov, I. R. Criminological analysis of fraud using electronic means of payment/I. R. Aminov, I. V. Golubev//Law and Management. – 2026. – № 1. - S. 524-527. – DOI 10.24412/2224-9133-2026-1-524-527. – EDN JAPFON;

[3] On amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 24.06.2025 No. 176-FZ//Official Internet Portal of Legal Information [Electronic Resource]. - Access mode: http://www.pravo.gov.ru (access date: 30.03.2026);

[4] Dimidov D. S. Combating fraud committed using information and communication technologies: problems and solutions//Law and state: theory and practice. 2024. №12 (240). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-moshennichestvom-sovershennym-s-ispolzovaniem-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-problemy-i-puti-resheniy (дата обращения: 30.03.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 30.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-222-226

НУГУМАНОВ Азат Римович,

заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СВЯЗАННОЙ С ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Преступность экстремистской направленности, совершаемая несовершеннолетними лицами стала одной из наиболее острых проблем современного российского общества. Её опасность обусловлена не только непосредственным вредом от противоправных действий, но и долгосрочными негативными последствиями для социализации подростков, а также угрозой национальной безопасности. В статье рассматриваются особенности экстремистской преступности среди несовершеннолетних на современном этапе. Автор анализирует факторы, способствующие радикализации молодежи, среди которых ключевое место занимает влияние интернет-пространства. В работе предлагается комплекс мер по совершенствованию системы профилактики, включающий как общие социальные, так и специальные криминологические меры, направленные на раннее выявление деструктивного поведения.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние, экстремизм, преступность молодежи, профилактика, радикализация, интернет-пространство,* деструктивные сообщества.

NUGUMANOV Azat Rimovich,

Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law

PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY RELATED TO EXTREMIST ACTIVITIES: CRIMINOLOGICAL ASPECT

Annotation. *Extremist crime committed by minors has become one of the most acute problems of modern Russian society. Its danger is due not only to direct harm from illegal actions, but also to long-term negative consequences for the socialization of adolescents, as well as a threat to national security. The article examines the features of extremist crime among minors at the present stage. The author analyzes the factors contributing to the radicalization of young people, among which the influence of the Internet space occupies a key place. The work proposes a set of measures to improve the prevention system, including both general social and special criminological measures aimed at early detection of destructive behavior*.

Key words: *minors, extremism, youth crime, prevention, radicalization, Internet space, destructive communities.*

Экстремизм в молодежной среде является одной из наиболее острых угроз национальной безопасности и стабильности общества. Несовершеннолетние, в силу своих возрастных, психологических и социальных особенностей, являются наиболее уязвимой категорией для воздействия радикальных идеологий. В условиях глобальной цифровизации методы вовлечения подростков в экстремистскую деятельность трансформировались, что требует пересмотра классических подходов к профилактике, гарантий из защиты на основе базовых конституционных положений 8, с. 22 .

Экстремистскую преступность несовершеннолетних можно определить как совокупность преступлений экстремистской направленности, определенной в Федеральном законе РФ № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» 1 , совершенных лицами в возрасте 14 – 17 лет. Ключевыми признаками экстремистских преступлений являются приверженность крайним взглядам и методам достижения цели, побуждающим мотивом выступает ненависть или вражда по национальной, расовой, религиозной, политической или социальной принадлежности,

публичность совершения преступления с целью вызова общественного резонанса, групповой характер, использование информационных технологий для достижения преступной цели.

Преступность несовершеннолетних в Российской Федерации за последние 5 лет характеризуется следующими показателями (см.: таблица 1).

Таблица 1

Год \ Показатели преступности	2021	2022	2023	2024	2025
Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления	29126	26305	22340	21069	22231
Удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, %	3,4	3,2	3,3	3,5	3,7
из них учащихся, студентов	20743	18725	15933	15506	16285
Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления террористического характера	нет данных	30	44	98	249
Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления экстремистской направленности	нет данных	87	52	97	142

Несмотря на общую тенденцию снижения количества выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступления с 2021 г. по 2024 г., в 2025 году данный показатель показал рост на 5,5 %. При этом общее число выявленных лиц, совершивших преступления в 2025 году, составил 594917, что на 10,7 % ниже показателя 2024 года. Таким образом, доля несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления показывает рост начиная с 2023 года.

Значительно увеличилась численность несовершеннолетних, ставших участниками преступлений террористического характера (в 2025 году +154,1 %, по отношению к 2024 году), экстремистской направленности (в 2025 году +46,4 %, по отношению к 2024 году) 2 . Автором отмечался рост числа осужденных несовершеннолетних за совершение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства с 2020 г. по 2023 г. на 158 % 3 , что свидетельствует об устойчивости вектора роста подобных преступлений.

Экстремизм несовершеннолетних отличается от «взрослого» экстремизма рядом специфических черт:

Групповой характер. Большинство преступлений экстремистской направленности совершается подростками в составе неформальных групп. Желание «быть своим» и потребность в самоидентификации часто превалируют над личными убеждениями.

Стихийность и агрессивность. Подростковый экстремизм часто носит импульсивный характер, выражаясь в актах вандализма или физического насилия (преступления ненависти).

Виртуализация. Основная площадка для радикализации сегодня социальные сети, мессенджеры (Telegram, Discord) и игровые платформы, где анонимность и быстрота распространения контента создают иллюзию безнаказанности.

Факторы, способствующие росту экстремистских настроений, можно разделить на три группы:

Социально-экономические: социальное неравенство, отсутствие перспектив самореализации, деформация семейных ценностей.

Психологические: юношеский максимализм, внушаемость, возрастные кризисы, потребность в протесте против мира взрослых.

Информационные: агрессивная пропаганда в интернете, использование технологий [9] «мягкой силы» (мемы, музыка, игры), героизация экстремистов и террористов в цифровой среде.

Особую опасность представляет

технология «геймификации» экстремизма, когда реальные преступные действия преподносятся подростку как своего рода квест или выполнение миссии.

Предупреждение экстремизма среди несовершеннолетних должно носить многоуровневый характер.

Общесоциальное предупреждение. Оно направлено на оздоровление среды, в которой живет подросток. Это включает в себя создание условий для полезного досуга, поддержку молодежных инициатив, вовлечение в волонтерскую деятельность. Важнейшим аспектом является формирование «критического мышления» через образовательные программы [13], чтобы подросток мог самостоятельно распознавать манипулятивные техники вербовщиков.

Специальное (криминологическое) предупреждение.

Мониторинг цифровой среды. Разработка и внедрение автоматизированных систем на базе ИИ для выявления деструктивного контента в региональных сегментах соцсетей. Важно не только блокировать ресурсы, но и выявлять лидеров мнений, распространяющих радикальные идеи. С учетом тиражируемых в медиасреде подробностей вооруженных атак на объекты образования фиксируется повышенный интерес молодого поколения к данной теме и личностям нападавших. В поисках образов мнимых идеалов несовершеннолетние приобщаются к запрещенным движениям.

Ежедневный мониторинг оперативными подразделениями территориальных органов МВД России интернет–активности молодежи позволяет на ранних стадиях заметить их заинтересованность публикациями, которые могут свидетельствовать о суицидальных настроениях, увлечении запрещенными движениями или других потенциально опасных контентах 4 .

В 2025 году МВД России на основании изучения открытых профилей в социальных сетях устанавливаются личности несовершеннолетних, проявляющих интерес к идеологии «колумбайна», сведения о которых направлены в территориальные органы МВД России для дальнейшей отработки. Профилактическая работа организуется в том числе путем привлечения к административной ответственности по статье 20.3 «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской … символики…» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [12].

К специальным (криминологическим) мерам предупреждения следует отнести меры правового характера. Федеральным законом № 217-ФЗ «О внесении изменения в статью 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» 5 установлена административная ответственность за распространение в информационном пространстве деструктивного контента в виде «треш-стримов». В ст. 63 УК РФ введено новое обстоятельство, отягчающее ответственность, – совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационной сети (далее СМИ или ИТКС), включая сеть Интернет. В ряде составов преступлений против личности в Особенной части УК РФ повышена уголовная ответственность за их совершение с публичной демонстрацией, в том числе в СМИ или ИТКС, включая сеть Интернет 6 .

В правоприменительной сфере особое внимание уделялось вопросам пресечения экстремистской деятельности: в отчетном периоде судами принято 358 решений в 2024 году о признании информационных материалов, распространяемых посредством сети Интернет, экстремистскими 7 .

Правительством России отмечается необходимость проработки вопроса единого подхода к защите несовершеннолетних от деструктивной информации, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также механизмов индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, вовлеченными в потребление и (или) распространение такой информации. Учитывая тенденцию наращивания недружественными иностранными государствами деструктивного воздействия на граждан Российской Федерации, прежде всего на несовершеннолетних, являются актуальными вопросы профилактики негативных последствий такого явления 2 .

Работа с «группами риска». Выявление подростков, находящихся в сложных жизненных ситуациях или уже состоящих в неформальных объединениях радикального толка. Здесь ключевая роль отводится школьным психологам и социальным педагогам. Группы риска выявляются в образовательных организациях путем проведения исследований (тестирования) обучающихся. Основной проблемой проведения таких исследования является необходимость получения согласия родителей, законных представителей несовершеннолетних на проведение таких исследований. Зачастую родители негативно относятся к таким процедурам, считая, что это возможные результаты исследования, отразятся в будущем детей при поступлении в образовательные организации среднего, высшего профессионального

образования, при трудоустройстве.

Контрпропаганда. Создание качественного альтернативного контента. Официальные запреты часто вызывают обратную реакцию (эффект «запретного плода»), поэтому профилактика должна быть тонкой: через блогеров, популярную культуру и просветительские проекты.

Индивидуальная профилактика. Работа с подростками, уже совершившими правонарушения экстремистской направленности. Уголовное наказание (ст. 280, 282, 282.1 УК РФ) должно сочетаться с мерами ресоциализации [11], чтобы избежать закрепления радикальных установок в местах лишения свободы.

Криминологи возлагают на семью несовершеннолетнего главную роль в системе профилактики. Семья является первичным институтом социализации. Часто радикализация происходит из-за «эмоционального вакуума» в отношениях с родителями. Необходима реализация программ по обучению родителей основам медиабезопасности и признакам вовлечения ребенка в деструктивные сообщества (смена круга общения, использование специфического сленга, символики, резкая смена взглядов) [10]. Специалисты предлагают ввести в общеобразовательные программы уроки семьеведения, направленных на обучение выстраивания взаимоотношений в будущих своих семьях, изучения истории семьи и традиций, обучению разрешению семейных и бытовых конфликтов. В целях укрепления института семьи и духовно-нравственных традиций семейных отношений, создания условий для повышения компетентности родителей (законных представителей) несовершеннолетних в вопросах их развития, воспитания, обучения и социализации в период с 2019 по 2024 годы в рамках национального проекта «Образование» было оказано 13 млн. услуг психолого-педагогической, методической и консультационной помощи родителям (законным представителям) несовершеннолетних, а также гражданам, желающим принять на воспитание в свои семьи детей, оставшихся без попечения родителей (в 2022 году 3,2 млн. услуг, в 2023 году 5,1 млн. услуг, в 2024 году 4,7 млн. услуг). В 2024 году создан Всероссийский родительский комитет (совет) при Министерстве просвещения Российской Федерации 2 .

Востребованность консультационных услуг подчеркивает в том числе необходимость проведения системной информационно-просветительской работы с родителями (законными представителями) несовершеннолетних.

Таким образом, предупреждение экстремизма среди несовершеннолетних не может ограничиваться только карательными мерами. Основной акцент должен быть смещен с борьбы с последствиями на устранение причин социальной неустроенности, идеологического вакуума и цифровой неграмотности. Эффективная профилактика возможна только при тесном взаимодействии правоохранительных органов, образовательных организаций, институтов гражданского общества и семьи, где главная задача предложить подростку позитивный путь самореализации, альтернативный радикальному протесту.

Список литературы:

[1] О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон Рос. Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ. Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.06.2026).

[2] Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года» (вместе с «Планом мероприятий на 2026 - 2036 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года») : распоряжение Правительства РФ от 28.05.2026 № 1272-р. Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.06.2026).

[3] Нугуманов, А. Р. Особенности криминологической характеристики личности несовершеннолетнего преступника / А. Р. Нугуманов // Международный научный вестник. 2025. № 5. С. 70-73.

[4] Обзор о реализуемых подразделениями по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России профилактических мероприятиях по предупреждению совершения несовершеннолетними противоправных деяний с использованием информационно-телекоммуникационных технологий по итогам 2025 года (не опубликован).

[5] О внесении изменения в статью 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон Рос. Федерации от 23.07.2025 № 217-ФЗ. Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.06.2026).

[6] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ. Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.06.2026).

[7] Доклад о деятельности уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2024 году. Текст : электронный

// Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка : [сайт]. URL: https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/404 (дата обращения: 01.06.2026).

[8] Станкин, А. Н. Гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина / А. Н. Станкин, М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 22-28. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.003. – EDN WIKILK.

[9] Карагодина, В. И. Отмывание денег через электронные платежные системы / В. И. Карагодина // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 58-60. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.010. – EDN ZKPFDR.

[10] Хасанова, З. И. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни / З. И. Хасанова // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 82-86. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.013. – EDN LMHIUW.

[11] Бабаева, К. Р. Защита прав и интересов несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами / К. Р. Бабаева // Право и государственность. – 2025. – № 1(6). – С. 51-56. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.6.1.009. – EDN YVETXY.

[12] Миннигулова, Д. Б. Административная ответственность несовершеннолетних: правовые коллизии / Д. Б. Миннигулова // Право и государственность. – 2024. – № 3(4). – С. 55-58. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.008. – EDN MBWXBD.

[13] Адвокатская деятельность и адвокатура в России : Учебник для магистров / И. Л. Трунов, Л. К. Айвар, В. Ф. Анисимов [и др.]. – 1-е изд.. – Москва : Издательство Юрайт, 2011. – 527 с. – (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-9916-1262-3. – EDN VTSUVZ.

References:

[1] On countering extremist activity: federal law Ros. Federation of 25.07.2002 No. 114-FZ. Text: electronic//Official Internet portal of legal information: [site]. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 01.06.2026).

[2] On approval of the Concept for the development of a system for the prevention of neglect and juvenile delinquency for the period up to 2036" (together with the "Action Plan for 2026-2036 for the implementation of the Concept for the Development of a System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency for the period up to 2036"): order of the Government of the Russian Federation of 28.05.2026 No. 1272-r. Text: electronic//Official Internet portal of legal information: [site]. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 01.06.2026).

[3] Nugumanov, A. R. Features of the criminological characteristics of the personality of a minor criminal/A. R. Nugumanov//International Scientific Bulletin. 2025. № 5. S. 70-73.

[4] Review of preventive measures implemented by units for juvenile affairs of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia to prevent minors from committing illegal acts using information and telecommunication technologies by the end of 2025 (not published).

[5] On amending Article 13.15 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: federal law Ros. Federation of 23.07.2025 No. 217-FZ. Text: electronic//Official Internet portal of legal information: [site]. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 01.06.2026).

[6] On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 08.08.2024 No. 218-FZ. Text: electronic//Official Internet portal of legal information: [site]. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 01.06.2026).

[7] Report on the activities of the Commissioner under the President of the Russian Federation for the Rights of the Child in 2024. Text: electronic//Presidential Commissioner for Children's Rights: [website]. URL: https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/404 (access date: 01.06.2026).

[8] Stankin, A. N. Guarantees for the protection of human and civil rights and freedoms/A. N. Stankin, M. S. Shaikhullin//Law and statehood. – 2025. – № 2(7). - P. 22-28. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.003. – EDN WIKILK.

[9] Karagodina, V.I. Money laundering through electronic payment systems/V.I. Karagodina//Law and statehood. – 2025. – № 4(9). - P. 58-60. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.010. – EDN ZKPFDR.

[10] Khasanova, Z. I. Criminal liability for involving a minor in committing actions that pose a danger to his life/Z. I. Khasanova//Law and statehood. – 2025. – № 2(7). - P. 82-86. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.013. – EDN LMHIUW.

[11] Babaeva, K. R. Protection of the rights and interests of minors by criminal legal means/K. R. Babaeva//Law and statehood. – 2025. – № 1(6). - P. 51-56. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.6.1.009. – EDN YVETXY.

[12] Minnigulova, D. B. Administrative responsibility of minors: legal conflicts/D. B. Minnigulov// Law and statehood. – 2024. – № 3(4). - P. 55-58. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.008. – EDN MBWXBD.

[13] Advocacy and advocacy in Russia: Textbook for Masters/I. L. Trunov, L. K. Aivar, V. F. Anisimov [and others]. - 1st ed.. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2011. - 527 p. - (Bachelor. Academic course). – ISBN 978-5-9916-1262-3. – EDN VTSUVZ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-227-232

ГЕНАДЬЕВА Ольга Александровна,

преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России, майор полиции,

e-mail: mail@law-books.ru

МАЛЬЦЕВ Сергей Михайлович,

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России, полковник полиции, кандидат юридических наук,

e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ СОВЕРШАЕМЫМ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЕ: МОШЕННИЧЕСТВО И ЕГО ВИДЫ

Аннотация. *Автор научной статьи проводит комплексное исследование мошенничества в сфере информационных технологий.*

В статье анализируются как сами способы совершения преступлений в интернете, так и их причины, а также оцениваются угрозы и масштабы использования цифровой среды в противоправных целях.

Исследуются трудности, возникающие при пресечении таких преступлений, которые ставят перед правоохранительными и законодательными органами серьезные задачи.

В заключение автор предлагает законодательные пути решения проблем и рассматривает особенности раскрытия преступлений в данной области.

Ключевые слова: *кибермошенничество, цифровизация, экономика, информационно-телекоммуникационная среда, информация, преступление, противодействие, мошенничество, денежные средства, правоохранительные органы, законодательство, имущество, защита.*

GENADIEVA Olga Aleksandrovna,

Lecturer in the Department of Specialized Disciplines Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Police Major

MALTSEV Sergey Mikhailovich,

Lecturer, Department of Tactical and Specialized Training Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Police Colonel, PhD in Law

ON COUNTERING CYBERCRIMES COMMITTED IN THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS ENVIRONMENT: FRAUD AND ITS TYPES

Annotation. *The author of this scientific article conducts a comprehensive study of information technology fraud.*

The article analyzes both the methods and causes of online crimes, and assesses the threats and scale of illegal use of the digital environment.The difficulties encountered in preventing such crimes, which pose significant challenges for law enforcement and legislative bodies, are explored.

In conclusion, the author proposes legislative solutions and examines the specifics of solving crimes in this area.

Key words: *cyberfraud, digitalization, economics, information and telecommunications environment, information, crime, counteraction, fraud, funds, law enforcement, legislation, property, protection.*

С развитием цифровой экономики, когда информация стала дешевле в обработке, а интернет стал доступнее для широкого круга пользователей, преступники получили новые инструменты для своей деятельности.

В результате, мошенничество, особенно с использованием банковских карт, мобильных устройств и компьютерной техники, стало одним из самых частых преступлений. Под компьютерным мошенничеством понимаются любые действия, направленные на изменение компьютерных данных или нарушение работы систем, которые приводят к лишению кого-либо собственности.

Следовательно, главным объектом защиты в данном случае являются общественные отношения, связанные с собственностью, а предметом посягательства может выступать любое имущество, включая электронные и безналичные средства.

В рамках уголовно-правовой науки мошенничество традиционно относится к числу составов преступлений, отличающихся высокой степенью изученности.

Тем не менее, увеличение числа преступлений, совершаемых злоумышленниками посредствам информационно-телекоммуникационной среды, порождает необходимость усовершенствования мер по повышению качества по их выявлению, раскрытию и расследованию.

Наряду с этим, наблюдается рост числа зарегистрированных преступлений, при этом методы их совершения в сети Интернет создает все больше затруднений в своевременном их выявлении и пресечении.

Применение информационного пространства в противоправных целях как таковой является и серьезной угрозой современного общества , так и своего рода вызовом обращенным органам государственной власти, а также различным заинтересованным государственным ведомствам и правоохранительным органам, одним из приоритетных направлений которых является реализация установленных в статье 1 ФЗ «О полиции» №3, то есть предназначение полиции, где говорится, что полиция предназначена в том числе и для борьбы с преступностью, обеспечения общественного порядка и безопасности, а также сохранности их имущества.

На сегодняшний день, прогресс цифровых технологий в различных областях, несомненно создает все новые и новые угрозы, в том числе связанные с распространением преступлений совершаемых в интернет пространстве, при этом характеризуется своей специфичностью, международным масштабом, регулярно проявляющейся в различных формах и способах проявлений, высоким уровнем скрытности, что в последствии подтверждает применение недостаточно действенных способов и профилактических мер по противодействию данному виду преступления, во всех видах ее проявления в социальном обществе.

В целях обеспечения действенных мер, направленных на эффективное противодействие противоправным проявлениям в рассматриваемой сфере, где одним из наиболее распространенных видов латентной преступности является мошенничество, посредствам информационно-телекоммуникационной среды, требуется эффективное применение уголовно-правовых норм.

В контексте развития информационных технологий и повсеместной цифровизации, справедливо будет отметить и тот факт, что новейшие достижения науки и технические разработки несомненно упрощают определенные потребности и услуги в сфере информатизации, но именно недостаточная грамотность и защищенность своих информационных ресурсов и чрезмерное проявление доверия в особенности определенного слоя населения и способствует успешному совершению преступлению в сети Интернет и распространению такого вида противоправного действия как кибермошенничество.

В качестве примера можно выделить упрощенную систему оплаты жилищно-коммунальных и иных услуг или же совершение покупок различных товаров и вещей через онлайн магазины, которые предполагают оплату через систему электронных платежей, путем транзакции на различные счета и передача определенной информации в при совершении товаров первой необходимости через онлайн-сервисы с последующей доставкой.

Но главная проблема в том, что далеко не все представители нашего обществу, при чем в наше время, время постоянного совершенствования и развития информационных технологий и возможностей намерены применять услуги цифровизации благих целях, как качество улучшения качества своих жизненных и иных материальных потребностей, а напротив посредство преступных проявлений в данной сфере, пытаются обеспечить себя и финансово и материально, причиняя в некоторых случаях значительный ущерб своим потенциальным жертвам, тем самым представляют угрозу обществу.

Исходя из этого, можно констатировать факт зарождения преступной деятельности, в данной сфере получившее широкое распространение это есть ничто иное как средство

легкого пути к обогащению, а информационные возможности и навыки злоумышленников, это способы и ресурсы к достижению их противоправных целей, по обогащению за счет государства и определенного слоя населения располагающего значительными и иными материальными средствами и финансовыми возможностями, что требует ужесточение применения санкций за преступления в данной сфере, как один из методов профилактики противодействия этим проявлениям и способом реализации превентивных мер воздействия и на мошеннические действия.

Противодействие преступлениям в цифровой среде и по сей день остается актуальной ввиду его стремительного роста, в сравнении с другими киберпреступлениями, такими как: фишинг, киберджекинг, кибершпионаж.

Основным механизмом противодействия является превенция, предполагающая предъявление требований к поставщикам информационных услуг о предоставлении личной информации о клиентах, в целях последующего использования в преступных целях, что и есть не что иное как кибермошенничество, включающее в себя кибершантаж, утечка информации и получение выгоды.

Кибермошенничество, как вид преступления в информационном пространстве достаточно выявить, поскольку данное противоправное действие реализуется в цифровом пространстве с помощью методов шифрования, используя различные вредоносное обеспечение, что придает ему латентный характер в момент реализации злоумышленником преступных посягательств на цифровую среду потенциальной жертвы, что являет собой противоправную деятельность в информационно-телекоммуникационном пространстве.

Также следует отметить, что такие преступления совершаются с целью – нанесения значительного материального или иного ущерба путем хищения или искажения персональной информации и злоумышленники, действуя в нарушении законодательства, активно применяют компьютерные технологии, периферийные устройства, средства связи и персональные компьютеры

Одним из самых распространенных методов злоумышленников в противоправной деятельности, является заражение устройств вирусами и иными вредоносными программными обеспечениями, скрытыми под видом скачиваемых программ или рекламных баннеров.

После получения доступа, внедренный критическую информационную структуру рабочего компьютера потенциальной жертвы, вредоносное программное обеспечение в виде вируса, как клавиатурный шпион шифрует все данные пользователя и осуществляет утечку информации или под угрозой искажения или полного уничтожения конфиденциальной информации, начинает шантажировать потенциальную жертву, что называется кибершантажом в среде хакеров.

Масштабное развитие интернета и свободный оборот информации обеспечили благоприятную и доступную почву для появления новых форм кибермошенничества. Эти преступления несут серьезные риски: от потери личных данных обычных граждан до угроз государственной безопасности, включая утечку секретной информации и государственной тайны.

Иначе интерпретируя кибермошенничество, можно охарактеризовать как вид преступной деятельности, реализующейся в информационно-коммуникационном пространстве и суть «предназначения» состоит в причинении значительного материального или иного ущерба посредствам утечки информации и неправомерного завладения конфиденциальными сведениями третьего лица с целью получения выгоды или проявления себя, как это делают кибервандалы под угрозой уничтожения информации , а не для целей финансовой выгоды, а показать свои способности в данной сфере.

Преступники, нарушая законодательные нормы, используют персональные компьютеры или иные устройства, подключенные к интернету.

Часто такие преступления совершаются посредством внедрения замаскированных вирусов, которые могут выглядеть как обычные программы, скачанные из сети и заражая персональный компьютер жертвы, начинают манипулировать и требовать плату за сохранение сведений, без искажений.

Стремительный рост популярности интернета привел к тому, что огромные объемы информации стали свободно циркулировать в глобальной сети, что способствовала появлению различных видов преступлений в сети, носящих латентный характер и значительную опасность для пользователей.

Мировое сообщество в ближайшем будущем столкнется с растущей угрозой кибермошенничества, что требует незамедлительных и решительных мер противодействия. Эта проблема находится в центре внимания не только российских правоохранительных органов.

Государство признает особую опасность мошенничества с использованием электронных платежей, считая его более социально значимым, чем традиционные формы. В связи с этим, предпринимаются усилия не только по обеспечению справедливого наказания,

но и по превентивному снижению числа таких преступлений путем совершенствования законодательства.

Интересно, что более высокая общественная опасность не всегда коррелирует с более строгими санкциями: в некоторых случаях наказание за сложные виды мошенничества может быть даже мягче, чем за простые.

Тем не менее, фокусируясь на определенных видах мошенничества, государство направляет ресурсы правоохранительных органов на защиту наиболее критически важных отношений.

Процессуальные аспекты документирования таких преступлений остаются вызовом, поскольку эта категория относительно нова, и единые, отработанные механизмы еще не сформированы.

Стремительное развитие цифровых технологий и появление новых мошеннических схем требуют от правоохранителей постоянного совершенствования методов фиксации преступлений.

Значительная доля киберпреступлений приходится на мошеннические схемы, нацеленные на получение денежных средств от граждан. Преступники мастерски используют убедительные методы, имитируя доверенные роли (например, сотрудников банков), что затрудняет для граждан распознавание обмана.

Российские правоохранительные органы, включая МВД, активно развивают свои возможности в борьбе с киберпреступностью, создавая для этого специализированные структуры.

Одновременно с этим, система подготовки кадров в правоохранительной сфере трансформируется: вводятся новые образовательные программы, нацеленные на формирование специалистов по информационной безопасности и противодействию современным методам несанкционированного доступа к информации.

Проблема киберпреступности носит транснациональный характер и становится все более трудноразрешимой из-за постоянного совершенствования преступных технологий и отставания мер защиты от их темпов развития.

Типичная ситуация заключается в том, что правоохранительные органы получают информацию о преступлении постфактум, что дает киберпреступникам временное преимущество, поскольку защитные меры разрабатываются реактивно, после обнаружения уязвимостей.

Несмотря на положительную динамику в раскрываемости кибермошенничества, значительная доля преступников избегает ответственности.

Это обусловлено их способностью действовать анонимно, используя технические средства, такие как IP-адреса и VPN-серверы, зачастую расположенные за пределами национальной юрисдикции, что существенно затрудняет их идентификацию и привлечение к правосудию.

Среди всего прочего, целесообразно выделить основные направления борьбы с кибермошенничеством и распространенные схемы обмана, для чего государственные органы должны сосредоточить свои усилия на разработке и внедрении мер по пресечению кибермошенничества.

Для эффективной борьбы с подобными преступлениями первостепенное значение имеет усиление мер ответственности.

Параллельно с этим, ключевым направлением станет международное взаимодействие, включающее обмен знаниями с зарубежными правоохранительными структурами и организация и использование общих действенных мер по противодействию преступности в информационной сфере.

Среди наиболее распространенных сегодня видов мошенничества в интернете выделяются телефонные аферы и SMS-мошенничество, когда злоумышленники рассылают сообщения о якобы проблемах с банковскими картами или несанкционированных списаниях средств.

В сообщении указывается номер для связи. Когда гражданин перезванивает, мошенники, выдавая себя за сотрудников банка, выманивают конфиденциальную информацию о банковской карте.

Часто целью является получение доступа к интернет-банкингу через сервисы удаленной регистрации.

Получив доступ к мобильному приложению банка, мошенники могут беспрепятственно похищать средства со всех счетов жертвы.

Телефонные звонки о проблемах с родственниками, очень распространенный метод вхождения в доверие и завязывания диалога с потенциальной жертвой, посредствам данного метода преступники звонят на случайные номера, чаще всего пожилым людям, выдавая себя представителей правоохранительных органов и часто по мошеннической схеме сообщают своим потенциальным «клиентам» о якобы каких-либо негативных ситуациях в которые попали их близкие и под предлогам оказания помощи в разрешении проблемных обстоятельств, начинают манипулировать и предлагать платные услуги, на что они соглашаются и в процессе перевода денежных средств для оплаты, не понимая, что это мошенники сообщают свой

персональные данные и сведения о своих реквизитах и злоумышленники совершают незаконные транзакции с их счетов.

Они сообщают о задержании близкого родственника за совершение преступления и предлагают «урегулировать» вопрос за определенную сумму.

В состоянии растерянности жертвы переводят деньги по указанным реквизитам (номер телефона, карты, электронного кошелька) или передают наличные через посредника, в большинстве случаев реализуется осужденными.

Телефонные звонки о социальных выплатах, не менее распространенный вид мошенничества наряду с другими видами киберпреступлений и рассчитаны завести в заблуждение и путем обмана, злоумышленники мошенники под предлогом оказания услуг в получении различных социальных выплат, обманывают наиболее и нуждающийся слои населения.

Представляясь сотрудниками Пенсионного фонда, органов социальной защиты, полиции или банков, они выманивают данные банковских карт под предлогом перечисления средств. Если у получателя социальной помощи нет банковской карты, мошенники могут использовать другие методы для получения информации.

Злоумышленники, также действуют и на бесплатных онлайн-площадках объявлений и для осуществления своих противоправных действий используют следующую тактику: они размещают объявления с очень привлекательными ценами, чтобы заманить покупателей.

Затем, при обращении потенциального клиента, они требуют предоплату или полную оплату переводами, при этом отказываются ознакомить с покупкой, отвлекая внимания покупателя тем, что это ограниченный в количестве товар, а цена ниже рыночной и необходимо произвести быструю транзакцию.

В случае успешного проведения транзакции, соответственно преступники прекращают какую – либо переписку, удаляют или блокирую контакт.

Мошенники создают фальшивые онлайн-магазины, имитирующие известные бренды и предлагающие товары по подозрительно низким ценам.

Это делается для того, чтобы привлечь как можно больше покупателей. Люди, желающие приобрести такие товары, оставляют на сайте свои контактные данные и оформляют заказы.

Затем злоумышленники связываются с ними, подтверждают покупку и требуют предоплату.

После получения денег, они некоторое время поддерживают связь, обещая доставку и ссылаясь на непредвиденные задержки. Как только им удается обмануть достаточное количество людей, они исчезают вместе с деньгами, прекращая всякое общение.

В социальных сетях мошенники прибегают к следующей схеме: они пытаются взломать учетные записи пользователей. В случае успешного взлома, они используют аккаунт жертвы для рассылки сообщений.

Эти сообщения обычно содержат информацию о некоей неприятной ситуации, в которой якобы оказался владелец аккаунта, и содержат просьбу о финансовой помощи, например, пополнить банковскую карту или совершить перевод на указанный счет.

Анализ представленной информации позволяет констатировать возрастающую актуальность противодействия мошенничеству в информационно-телекоммуникационной сфере, обусловленную его экспоненциальным ростом.

Для эффективного решения обозначенной проблемы государству необходимо разработать адекватные правовые механизмы для квалификации действий, совершаемых в глобальном цифровом пространстве. Важно также повысить уровень ответственности за распространение запрещенного контента и создать четкие организационно-правовые структуры для борьбы с незаконной деятельностью в данной сфере и именно такой всесторонний, интегрированный подход способен обеспечить полную защиту всех направлений человеческой деятельности от мошеннических посягательств.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 01.04.2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2025. № 14. Ст. 1574; № 31. Ст. 4679.

[2] Федеральный закон от 31.07.2025 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4635.

[3] Федеральный закон от 28.12.2025 г. № 508-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2025. № 52 (ч. 1). Ст. 8295.

[4] Указ Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

[5] Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

[6] Иванова Л.В., Пережогина Г.В. Цифровое пространство как место совершения преступления в условиях глобальных ограничений // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 4 (24).

[7] Лункашу Ю.В., Макаренко И.А. Профилактика в деятельности правоохранительных органов при противодействии правонарушениям, связанным с информационными технологиями // Информационные технологии в деятельности правоохранительных органов: современное состояние, проблемы и перспективы: сб. науч. статей. Орел, 2023.

[8] Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография / под ред. А.В. Минбалеева. М., 2020.

[9] Митряев И.С. Отдельные вопросы расследования правонарушений, совершаемых с использованием современных информационных технологий // Информационные технологии в деятельности правоохранительных органов: современное состояние, проблемы и перспективы: сб. науч. статей. Орел, 2023.

[10] Николахин, А.Ю. Использование технологии VPN для обеспечения информационной безопасности // Экономика и качество связи. 2018. № 3.

[11] Новгородов Д.А. Совершение административного правонарушения в сети Интернет как квалифицирующий признак // Административное право и практика администрирования. 2022. № 2.

References:

[1] Federal Law No. 01.04.2025 of 41-FZ “On the Creation of a State Information System for Combating Offenses Committed Using Information and Communication Technologies and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (as amended by 31.07.2025) //RF NW. 2025. № 14. Art. 1574; № 31. Art. 4679.

[2] Federal Law No. 31.07.2025 of 281-FZ “On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Federal Law “On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation “//of the RF NW. 2025. № 31. Art. 4635.

[3] Federal Law of 28.12.2025 No. 508-FZ “On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation “//SZ RF. 2025. No. 52 (part 1). Art. 8295.

[4] Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 “On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation “//SZ RF. 2016. № 50. Art. 7074.

[5] Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation “//NW RF. 2021. No. 27 (part 2). Art. 5351.

[6] Ivanova L.V., Perezhogina G.V. Digital space as a crime scene under global restrictions// Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2020. T. 6, NO. 4 (24).

[7] Lunkashu Yu.V., Makarenko I.A. Prevention in the activities of law enforcement agencies in countering offenses related to information technology//Information technology in the activities of law enforcement agencies: current state, problems and prospects: Sat. scientific. articles. Eagle, 2023.

[8] Mechanisms and models of regulation of digital technologies: monograph/ed. A.V. Minbaleeva. M., 2020.

[9] I.S. Mitryaev. Individual issues of investigation of offenses committed using modern information technologies//Information technologies in the activities of law enforcement agencies: current state, problems and prospects: Sat. scientific. articles. Eagle, 2023.

[10] Nikolakhin, A.Yu. Using VPN technology to ensure information security//Economics and quality of communication. 2018. № 3.

[11] Novgorodov D.A. Committing an administrative offense on the Internet as a qualifying feature//Administrative law and administration practice. 2022. № 2.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-233-238

МАУЛЬ Максим Викторович,

аспирант кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,

e-mail: maksimmaul@gmail.com

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. *Предметом исследования выступают уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность несовершеннолетних за посягательства на объекты культурного наследия народов Российской Федерации. Анализируются положения ст. 214, ст. 243 УК РФ в их соотношении с нормами ст. 20, ст. 88 и ст. 90 УК РФ, определяющими возрастные пороги уголовной ответственности, виды наказаний и принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста. Исследуется правоприменительная практика районных судов по делам о вандализме и уничтожении (повреждении) объектов культурного наследия.*

В работе применён комплексный методологический подход, сочетающий формально-догматический метод при толковании уголовно-правовых норм, сравнительно-правовой метод при сопоставлении смежных составов преступлений (ст. 214 и ст. 243 УК РФ), системно-структурный анализ механизмов уголовно-правовой охраны историко-культурных ценностей, а также метод изучения и обобщения судебной практики для выявления типичных проблем квалификации деяний несовершеннолетних в рассматриваемой сфере.

Научная новизна заключается в выявлении трёх системных дефектов действующего уголовного законодательства: рассогласования возрастных порогов субъекта преступления по ст. 214 и ст. 243 УК РФ, образующего правовой вакуум в отношении лиц 14–15 лет; ограниченности арсенала наказаний, применяемых к несовершеннолетним за вандализм, снижающей превентивный потенциал уголовного закона; отсутствия в ст. 214 УК РФ квалифицирующего признака, учитывающего историко-культурную значимость предмета посягательства. Сформулированы конкретные законодательные предложения: о включении ст. 243 УК РФ в перечень ч. 2 ст. 20 УК РФ со снижением возраста субъекта до 14 лет; о дополнении ст. 90 УК РФ специальной принудительной мерой воспитательного воздействия в виде обязательного участия несовершеннолетнего в восстановительных работах на объектах культурного наследия с одновременным увеличением предельного срока обязательных работ в ст. 88 УК РФ; о введении в ст. 214 УК РФ части 2.1, устанавливающей повышенную ответственность за вандализм в отношении объектов, включённых в единый государственный реестр объектов культурного наследия либо являющихся выявленными объектами культурного наследия.

Ключевые слова: *объекты культурного наследия; несовершеннолетние; уголовная ответственность; вандализм; возраст уголовной ответственности; ст. 214 УК РФ; ст. 243 УК РФ; принудительные меры воспитательного воздействия; квалифицирующий признак; предупреждение преступлений; памятники истории и культуры; ювенальная уголовная политика.*

MAUL Maxim Viktorovich,

graduate student of the Department of Criminal Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Southwestern State University"

CRIMINAL LAW MEASURES TO PREVENT CRIMES OF MINORS ENCROACHING ON CULTURAL HERITAGE SITES

Annotation. *The subject of the study is the criminal law that regulates the responsibility of minors for encroachments on the cultural heritage of the peoples of the Russian Federation. The provisions of Art. 214, Art. 243 of the Criminal Code of the Russian Federation in their ratio with the*

norms of Art. 20, Art. 88 and Art. 90 of the Criminal Code of the Russian Federation, determining the age thresholds of criminal liability, types of punishments and compulsory measures of educational influence applied to persons under the age of eighteen. The law enforcement practice of district courts in cases of vandalism and destruction (damage) of cultural heritage sites is being investigated.

The work uses a comprehensive methodological approach that combines a formal dogmatic method in interpreting criminal law, a comparative legal method in comparing related offenses (Articles 214 and 243 of the Criminal Code of the Russian Federation), a systematic structural analysis of the mechanisms of criminal law protection of historical and cultural values, as well as a method of studying and generalizing judicial practice to identify typical problems of qualification of juvenile acts in the field under consideration.

The scientific novelty lies in the identification of three systemic defects in the current criminal legislation: misalignment of the age thresholds of the subject of the crime under Art. 214 and Art. 243 of the Criminal Code of the Russian Federation, which forms a legal vacuum in relation to persons 14-15 years old; the limited arsenal of punishments applied to minors for vandalism, which reduces the preventive potential of the criminal law; absence in Art. 214 of the Criminal Code of the Russian Federation of a qualifying feature that takes into account the historical and cultural significance of the subject of encroachment. Specific legislative proposals are formulated: on the inclusion of Art. 243 of the Criminal Code of the Russian Federation in the list of Part 2 of Art. 20 of the Criminal Code of the Russian Federation with a decrease in the age of the subject to 14 years; on supplementing Art. 90 of the Criminal Code of the Russian Federation with a special compulsory measure of educational influence in the form of compulsory participation of a minor in restoration work at cultural heritage sites with a simultaneous increase in the deadline for compulsory work in Art. 88 of the Criminal Code; on the introduction in Art. 214 of the Criminal Code of the Russian Federation of part 2.1, establishing increased responsibility for vandalism in relation to objects included in the unified state register of cultural heritage objects or being identified cultural heritage objects.

Key words: *objects of cultural heritage; minors; criminal liability; vandalism; age of criminal responsibility; Art. 214 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 243 of the Criminal Code of the Russian Federation; compulsory measures of educational influence; Qualifying characteristic crime prevention; historical and cultural monuments; juvenile criminal policy.*

Введение.

Проблематика уголовно-правового противодействия преступным посягательствам несовершеннолетних на объекты культурного наследия обусловлена сочетанием нескольких факторов, определяющих её научную и практическую значимость. Государственная охрана объектов культурного наследия является одной из приоритетных задач органов государственной власти, исполнительных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления [1, с. 39]. Между тем, от рук вандалов страдают объекты культурного наследия: за последние годы в России было зарегистрировано более тысячи случаев вандализма, направленного на памятники, архитектурные сооружения и другие объекты, обладающие культурной ценностью, причём среди лиц, склонных к вандализму, подавляющее большинство составляют подростки, а пик вандализма приходится на 11–13 лет [2, с. 27]. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд норм, направленных на охрану указанных объектов, в частности, субъектом преступного посягательства по ст. 243 УК РФ является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, тогда как подростковый пик вандализма приходится на 11–13 лет, именно поэтому законодатель относит вандализм к числу преступлений, за совершение которых установлен пониженный возраст привлечения к уголовной ответственности — с 14 лет. Данное рассогласование возрастных порогов ответственности по смежным составам преступлений, при которых часть деяний несовершеннолетних квалифицируется по ст. 214 УК РФ (вандализм), а часть — по ст. 243 УК РФ (уничтожение или повреждение объектов культурного наследия) с более высоким возрастным цензом субъекта, порождает пробел в уголовно-правовой защите историко-культурных ценностей и снижает превентивный потенциал соответствующих норм в отношении лиц, не достигших шестнадцати лет. При этом проявления подросткового вандализма приводят впоследствии к более серьёзным преступлениям, таким как хулиганство, умышленное уничтожение памятников культуры и истории, проявления экстремизма; по данным зарубежных исследований, более половины подростков, задержанных за вандализм, впоследствии совершают более тяжкие преступления.

Дополнительную остроту рассматриваемой проблеме придаёт комплексный характер детерминант противоправного поведения несовершеннолетних в данной сфере. Органам системы профилактики необходимо работать одновременно и с подростком, и с его родителями, воспитывая у детей уважительное отношение к национальному и культурному наследию, историческим ценностям, продуктам человеческого труда и творческой деятельности. Памятники истории с каждым годом всё больше теряют ценность в глазах российской молодёжи. В то же время МВД России обозначает профилактику правонарушений в подростковой среде в качестве одного из приоритетных направлений деятельности. Статистика фиксирует рост отдельных преступлений со стороны несовершеннолетних, в частности мошеннических действий, хотя в целом в 2024 г. выявлено некоторое снижение числа несовершеннолетних лиц, осужденных за совершение преступлений [3]. В условиях, когда по состоянию на декабрь 2024 г. 86 процентов общего количества объектов культурного наследия, включённых в реестр, поддерживаются в удовлетворительном состоянии, а государство реализует масштабную программу их сохранения на период до 2045 года, несовершенство уголовно-правовых механизмов предупреждения преступлений несовершеннолетних в данной области создаёт реальную угрозу утраты невосполнимых объектов историко-культурного достояния [4, с. 262]. Ст. 88 УК РФ содержит перечень наказаний, применяемых к несовершеннолетним, а её нормы налагают ограничения на наказание за вандализм по ст. 214 УК РФ, вследствие чего к подросткам с 14 до 18 лет, впервые совершившим акт вандализма без отягчающих признаков, арест, лишение свободы и принудительные работы не применяются [5, с. 54]. Сказанное свидетельствует о необходимости научного осмысления системы уголовно-правовых мер предупреждения преступлений несовершеннолетних, посягающих на объекты культурного наследия, в целях выработки предложений по совершенствованию действующего законодательства, повышению эффективности правоприменительной практики и обеспечению баланса между гуманизацией ювенальной юстиции и надлежащей охраной национального культурного достояния Российской Федерации.

Основная часть.

Центральным противоречием действующего уголовного закона в рассматриваемой области является несогласованность возрастных границ субъекта преступления по ст. 214 и ст. 243 УК РФ. Субъектом вандализма (ст. 214 УК РФ) является любое лицо старше 14 лет. Субъектом вандализма является вменяемое физическое лицо, достигшее 14-летнего возраста, а снижение возрастного ценза связано с высокой общественной опасностью деяния и его распространённостью среди несовершеннолетних. Между тем субъектом преступления по ст. 243 УК РФ может быть лицо, достигшее возраста 16 лет. Таким образом, несовершеннолетний в возрасте от 14 до 16 лет, умышленно повредивший объект культурного наследия, включённый в единый государственный реестр, не подлежит уголовной ответственности по ст. 243 УК РФ в силу недостижения установленного законом возраста субъекта. При этом уничтожение или повреждение памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, квалифицируется по ст. 243, а не по ст. 214 УК РФ, поскольку умышленное уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК) отличается от состава вандализма по предмету преступления. Данное обстоятельство образует правовой вакуум: подросток 14–15 лет, совершивший целенаправленное повреждение памятника архитектуры федерального значения, формально не может быть привлечён к уголовной ответственности ни по ст. 243 (не достиг 16 лет), ни по ст. 214 (предмет посягательства не охватывается диспозицией нормы о вандализме в полной мере).

Предлагается дополнить ст. 214 УК РФ частью 2.1, изложив её в следующей редакции: «Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершённые в отношении зданий, сооружений или иного имущества, являющихся объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации, включёнными в единый государственный реестр объектов культурного наследия, либо выявленными объектами культурного наследия, — наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до одного года, либо обязательными работами на срок до четырёхсот часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок». Подобное законодательное решение позволит, во-первых, дифференцировать ответственность за вандализм в зависимости от историко-культурной ценности предмета посягательства, во-вторых, обеспечить уголовно-правовую охрану объектов культурного наследия от действий, формально не достигающих степени повреждения или уничтожения (например, осквернение путём нанесения

граффити), и, в-третьих, создать правовые основания для привлечения к ответственности несовершеннолетних в возрасте от 14 лет по квалифицированному составу вандализма, посягающего на объекты культурного наследия, без необходимости установления признаков ст. 243 УК РФ.

Данный тезис подтверждается анализом конкретных судебных решений. Так, Дзержинский районный суд Санкт-Петербурга рассмотрел уголовное дело в отношении Даниила Демьяновского по ч. 1 ст. 243 УК РФ — повреждение объекта культурного наследия: причиной разбирательства послужило граффити на стене Некрасовского телефонного узла, нанесённое в июле 2024 года при помощи баллончика с чёрной краской. В суде защитник попросил прекратить уголовное дело и назначить фигуранту судебный штраф, отметив, что подсудимый ранее к суду не привлекался, вину признал и добровольно возместил материальный ущерб, а также самостоятельно закрасил рисунок. Суд прекратил уголовное преследование и назначил штраф в размере 10 тысяч рублей. Данное дело наглядно демонстрирует, что нанесение граффити на объект культурного наследия квалифицируется по ст. 243 УК РФ, однако если бы аналогичные действия совершил четырнадцатилетний подросток, привлечение к ответственности по данной норме было бы невозможным в силу недостижения установленного возраста субъекта, а квалификация по ч. 1 ст. 214 УК РФ не учитывала бы историко-культурную значимость объекта посягательства. Наличие предлагаемого квалифицирующего признака в ст. 214 УК РФ позволило бы обеспечить надлежащую уголовно-правовую оценку подобных деяний несовершеннолетних [6].

Система наказаний, применяемых к несовершеннолетним в соответствии со ст. 88 УК РФ, существенно сужает арсенал уголовно-правового воздействия на подростков, совершивших деяния, предусмотренные ст. 214 УК РФ. Вандализм наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев. Применительно к несовершеннолетним арест не назначается лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, а исправительные работы ограничены сроком до одного года. Фактически к подростку 14–15 лет, впервые совершившему акт вандализма в отношении объекта, имеющего культурную ценность, может быть применён лишь штраф (при наличии самостоятельного заработка) либо обязательные работы, что нередко воспринимается несовершеннолетними как несоразмерно мягкая реакция государства и не оказывает надлежащего превентивного воздействия.

Характерен в данном контексте приговор мирового судьи судебного участка № 302 района Измайлово г. Москвы, которым рассмотрено уголовное дело в отношении Усмонзода Умеда и Хусенова Достона, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 214 (порча имущества в общественном месте, совершенная группой лиц) Уголовного кодекса Российской Федерации [7]. Каждому из осуждённых назначено наказание в виде лишения свободы на срок 1 год с отбыванием наказания в колонии-поселении. Данное наказание было назначено совершеннолетним лицам; в случае совершения аналогичного деяния несовершеннолетними квалифицированный состав ч. 2 ст. 214 УК РФ, предусматривающий наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет, либо принудительных работ на срок до трех лет, либо лишения свободы на тот же срок, ограничен положениями ст. 88 УК РФ, что создаёт диспропорцию между степенью общественной опасности содеянного и мерой уголовно-правового воздействия.

Целесообразно дополнить ст. 90 УК РФ (принудительные меры воспитательного воздействия) специальным видом меры — обязанностью несовершеннолетнего, совершившего посягательство на объект культурного наследия, пройти программу ресоциализации, включающую обязательное участие в восстановительных работах на объектах культурного наследия под руководством специализированных организаций. Данная мера позволит, с одной стороны, обеспечить воспитательное и превентивное воздействие на подростка через непосредственное осознание последствий своих действий, а с другой — частично компенсировать причинённый ущерб. Кроме того, следует предусмотреть в ст. 88 УК РФ возможность назначения несовершеннолетним, осуждённым за преступления, предусмотренные ст. 214 и ст. 243 УК РФ, увеличенного срока обязательных работ (до 240 часов для лиц в возрасте от 14 до 16 лет), с обязательной направленностью таких работ на содержание и благоустройство территорий объектов культурного наследия.

Действующая редакция ст. 214 УК РФ не дифференцирует ответственность в зависимости от культурно-исторической значимости предмета посягательства. Между тем отдельные формы вандализма могут квалифицироваться по совокупности статей; например, осквернение

памятников Великой Отечественной войны при наличии мотивов ненависти может повлечь ответственность по ст. 243.4 УК РФ, а повреждение объектов культурного наследия квалифицируется по ст. 243 УК РФ. Однако в правоприменительной практике возникают ситуации, когда деяние подростка формально подпадает под признаки вандализма (осквернение сооружения), но совершено в отношении здания, являющегося объектом культурного наследия, притом без причинения повреждений, достаточных для квалификации по ст. 243 УК РФ (например, нанесение граффити на фасад памятника архитектуры) [8, с. 115]. Зачастую судебная практика складывается так, что суд охватывает все действия осужденного одним более тяжким составом, однако при невозможности вменения ст. 243 УК РФ (в том числе по возрастным основаниям) деяние квалифицируется по ч. 1 ст. 214 УК РФ безотносительно к тому, что предметом посягательства выступил объект, включённый в единый государственный реестр объектов культурного наследия [9, с. 65]. Санкция ч. 1 ст. 243 УК РФ предусматривает штраф в размере до трех миллионов рублей или лишение свободы на срок до трех лет, тогда как ч. 1 ст. 214 УК РФ — штраф до сорока тысяч рублей. Подобная асимметрия санкций при тождественном объекте фактического посягательства порождает ощущение безнаказанности и не способствует формированию правосознания несовершеннолетних [10, с. 73].

Предлагается дополнить ст. 214 УК РФ частью 2.1, изложив её в следующей редакции: «Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершённые в отношении зданий, сооружений или иного имущества, являющихся объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации, включёнными в единый государственный реестр объектов культурного наследия, либо выявленными объектами культурного наследия, — наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до одного года, либо обязательными работами на срок до четырёхсот часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок». Подобное законодательное решение позволит, во-первых, дифференцировать ответственность за вандализм в зависимости от историко-культурной ценности предмета посягательства, во-вторых, обеспечить уголовно-правовую охрану объектов культурного наследия от действий, формально не достигающих степени повреждения или уничтожения (например, осквернение путём нанесения граффити), и, в-третьих, создать правовые основания для привлечения к ответственности несовершеннолетних в возрасте от 14 лет по квалифицированному составу вандализма, посягающего на объекты культурного наследия, без необходимости установления признаков ст. 243 УК РФ.

Заключение

Проведённый анализ уголовно-правовых мер предупреждения преступлений несовершеннолетних, посягающих на объекты культурного наследия, позволяет констатировать наличие трёх системных проблем действующего законодательства. Первая состоит в рассогласовании возрастных порогов уголовной ответственности по ст. 214 и ст. 243 УК РФ, что ведёт к образованию правового вакуума в отношении лиц в возрасте от 14 до 16 лет, совершивших посягательства на объекты культурного наследия. Вторая проблема связана с недостаточностью и ограниченностью видов наказания, применяемых к несовершеннолетним за деяния, предусмотренные ст. 214 УК РФ, что существенно снижает превентивный потенциал уголовного закона. Третья проблема обусловлена отсутствием в ст. 214 УК РФ квалифицирующего признака, дифференцирующего ответственность с учётом историко-культурной ценности предмета посягательства. В качестве конкретных путей решения предложено: включить ст. 243 УК РФ в перечень ч. 2 ст. 20 УК РФ со снижением возраста субъекта до 14 лет; дополнить ст. 90 УК РФ специальной воспитательной мерой в виде обязательного участия несовершеннолетнего в восстановительных работах на объектах культурного наследия, а также предусмотреть увеличенный срок обязательных работ соответствующей направленности; ввести в ст. 214 УК РФ квалифицирующий признак «совершение вандализма в отношении объекта культурного наследия» с усилением санкции. Реализация указанных законодательных предложений, будет способствовать устранению существующих пробелов, повышению эффективности уголовно-правового предупреждения подростковой преступности в рассматриваемой сфере и обеспечению надлежащей охраны историко-культурного достояния Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Анощенкова, С. В. Культурное наследие как объект уголовно-правовой охраны и объект преступлений / С. В. Анощенкова // Социально-политические науки. – 2013. – № 3. – С. 38-42.

[2] Болотова, Е. Д. Уголовная ответственность за посягательство на объекты

культурного наследия, взятые под охрану государством / Е. Д. Болотова. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025. – 208 с.

[3] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 10.03.2026).

[4] Аликберов, К. Д. Тенденции уголовной политики Российской Федерации в сфере охраны культурного наследия / К. Д. Аликберов // Право и политика. – 2026. – № 1. – С. 258-268.

[5] Редчиц, М. А. Уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия / М. А. Редчиц // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 3. – С. 50-60.

[6] Объединённая пресс-служба судов Санкт-Петербурга. URL: https://tgstat.ru/channel/@SPbGS/21704/ (дата обращения: 10.03.2026).

[7] Приговор Мирового судьи судебного участка №302 района Измайлово города Москвы от 14 декабря 2017 года. URL: https://m.mos-gorsud.ru/rs/izmajlovskij/news/mirovoj-sud-vynes-prigovor-po-delu-o-vandalizme (дата обращения: 10.03.2026).

[8] Халиков, И. А. Незаконная археология. Уголовно-правовые средства противодействия / И. А. Халиков. – Казань : ИПФ «Бриг», 2020. – 206 с.

[9] Хамхоева, А. М. Правовая оценка хищения имущества из мест захоронения умерших / А. М. Хамхоева, С. А. Воропаев // Символ науки: международный научный журнал. – 2023. – № 9-2. – С. 64-70.

[10] Пузырева, Ю. В. Эволюция международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов / Ю. В. Пузырева // Московский журнал международного права. – 2023. – № 3. – С. 65-83.

References:

[1] Anoshchenkova, S.V. Cultural heritage as an object of criminal law protection and an object of crime/S.V. Anoshchenkova//Socio-political sciences. – 2013. – № 3. - S. 38-42.

[2] Bolotova, E. D. Criminal liability for encroachment on cultural heritage objects taken under state protection/E. D. Bolotova. - Moscow: Limited Liability Company “Scientific and Publishing Center INFRA-M,” 2025. - 208 s.

[3] Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - December 2024. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (access date: 10.03.2026).

[4] Alikberov, K. D. Trends in the criminal policy of the Russian Federation in the field of cultural heritage protection/K. D. Alikberov//Law and politics. – 2026. – № 1. - S. 258-268.

[5] Redchits, M. A. Criminal law protection of cultural heritage objects/M. A. Redchits//Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2016. – № 3. - S. 50-60.

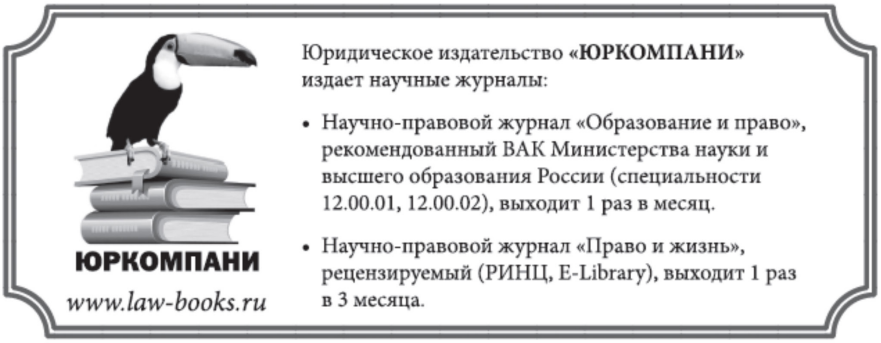
[6] Joint Press Service of the Courts of St. Petersburg. URL: https ://tgstat.ru/channel/@SPbGS/21704/(accessed: 10.03.2026).

[7] Verdict of the Magistrate of the judicial district No. 302 of the Izmailovo district of Moscow dated December 14, 2017. URL: https://m.mos-gorsud.ru/rs/izmajlovskij/news/mirovoj-sud-vynes-prigovor-po-delu-o-vandalizme (дата обращения: 10.03.2026).

[8] Khalikov, I. A. Illegal archeology. Criminal law countermeasures/I. A. Khalikov. - Kazan: IPF “Brig,” 2020. - 206 s.

[9] Khamkhoeva, A. M. Legal assessment of the theft of property from the burial places of the dead/A. M. Khamkhoev, S. A. Voropaev//Symbol of science: international scientific journal. – 2023. – № 9-2. - S. 64-70.

[10] Puzyreva, Yu. V. Evolution of international legal regulation of the protection of cultural property in armed conflicts/Yu. V. Puzyreva//Moscow Journal of International Law. – 2023. – № 3. - S. 65-83.



Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-239-245

ПОЗДНЯКОВА Виктория Игоревна,

магистрант юридического факультета Юго-Западного государственного университета,

e-mail: viktoriapozd@mail.ru

ВОВЛЕЧЕНИЕ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСРЕДСТВОМ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА АТАК С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию уголовно-правовых проблем квалификации террористических актов, совершаемых с использованием беспилотных воздушных судов, в условиях стремительного развития дистанционных технологий. В рамках предмета анализируется несоответствие действующей редакции ст. 205 УК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 современным технологическим реалиям, а именно их ориентация на «классические» способы совершения теракта (взрыв заложенного устройства, поджог) и отсутствие учёта специфики применения БВС. Особое внимание уделяется выявленному на основе анализа судебной практики фактическому сдвигу момента окончания теракта на стадию запуска дрона, не получившему закрепления в разъяснениях высшей судебной инстанции. Кроме того, в предмет исследования включены две модели использования БВС при совершении теракта («дрон как носитель взрывного устройства» и «дрон как поражающий элемент»), а также проблемы соучастия при многоуровневой организации атак, включая вопросы квалификации действий программиста и наводчика. Методологическую основу работы составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), а также частнонаучные: формально-юридический, сравнительно-правовой и метод анализа судебной практики. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на основе анализа судебной практики 2023–2025 гг. выявлен и теоретически обоснован фактический сдвиг момента окончания террористического акта с использованием беспилотных воздушных судов на стадию запуска дрона. Систематизированы две модели применения БВС в террористических целях («дрон как носитель взрывного устройства» и «дрон как поражающий элемент»), выявлены правовые пробелы при квалификации кинетического тарана. Раскрыты проблемы соучастия при многоуровневой организации атак, включая вопросы ответственности программиста и наводчика. Сформулированы авторские предложения по дополнению Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 положениями, определяющими момент окончания теракта с момента взлёта БВС в направлении цели, а также разъясняющими ответственность лица, осуществившего программирование полётного задания. Сделан вывод о необходимости адаптации судебного толкования к новым технологическим вызовам.*

Ключевые слова: *террористический акт, беспилотное воздушное судно, БВС, взрывное устройство, дрон-камикадзе, квалификация преступлений, момент окончания преступления, соучастие, дистанционные технологии, уголовно-правовое противодействие.*

POZDNYAKOVA Victoria Igorevna,

Graduate student of the Faculty of Law Southwest State University

INVOLVEMENT IN TERRORIST ACTIVITIES THROUGH REMOTE TECHNOLOGIES: CRIMINAL AND LEGAL ASSESSMENT OF ATTACKS USING UNMANNED AIRCRAFT

Annotation. *The article is devoted to the study of the criminal law problems of the qualification of terrorist acts committed using unmanned aircraft in the context of the rapid development of remote technologies. The subject analyzes the inconsistency of the current version of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation and the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/09/2012 No. 1 with modern technological realities, namely their focus on the "classic" methods of committing a terrorist act (explosion of a planted device, arson) and the lack of consideration of the specifics of the use of UAVs. Particular attention is*

paid to the actual shift of the moment of the end of the terrorist attack to the drone launch stage, which was not fixed in the explanations of the highest court, revealed on the basis of the analysis of judicial practice. In addition, the subject of the study includes two models of the use of UAVs in the commission of a terrorist attack ("drone as a carrier of an explosive device" and "drone as a striking element"), as well as problems of complicity in the multi-level organization of attacks, including issues of qualification of the actions of the programmer and the gunner. The methodological basis of the work consists of general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, a systematic approach), as well as private scientific methods: formal law, comparative law, and the method of analyzing judicial practice. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time, based on the analysis of judicial practice in 2023-2025, the actual shift of the moment of the end of a terrorist act using unmanned aircraft to the drone launch stage has been identified and theoretically justified. Two models of the use of UAVs for terrorist purposes ("drone as a carrier of an explosive device" and "drone as a striking element") are systematized, and legal gaps in the qualification of kinetic ramming are identified. The problems of complicity in the multi-level organization of attacks are revealed, including the issues of responsibility of the programmer and the gunner. The author's proposals have been formulated to supplement the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 with provisions defining the moment of the end of the terrorist attack from the moment the UAV took off in the direction of the target, as well as clarifying the responsibility of the person who carried out the programming of the flight mission. The conclusion is made about the need to adapt judicial interpretation to new technological challenges.

Key words: *terrorist act, unmanned aerial vehicle, UAV, explosive device, kamikaze drone, qualification of crimes, the moment of the end of the crime, complicity, remote technologies, criminal law counteraction*.

Стремительное развитие беспилотных технологий, совпавшее по времени с эскалацией глобальной геополитической напряжённости, поставило перед уголовно-правовой наукой и правоприменительной практикой принципиально новые задачи. Если на протяжении десятилетий террористический акт ассоциировался преимущественно с действиями, требующими физического присутствия исполнителя на месте преступления, то сегодня реальность диктует иные сценарии. Дистанционно управляемые и автономные беспилотные воздушные суда превратились в орудие поражения, способное действовать на значительном удалении от оператора, стирая привычные пространственно-временные границы преступного посягательства.

Действующая конструкция ст. 205 УК РФ, а также разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», исторически ориентированы на так называемые «классические» способы совершения террористического акта. К их числу относятся, прежде всего, взрыв заранее заложенного устройства, поджог либо совершение иных действий, предполагающих непосредственное нахождение исполнителя в месте совершения преступления или в непосредственной близости от него.

Однако на фоне текущей геополитической обстановки, а также в условиях бурного технологического прогресса в период 2023-2025 гг. произошёл качественный скачок в использовании беспилотных воздушных судов (далее - БВС) для совершения террористических актов. Атаки дронов-камикадзе, сброс взрывных устройств с коммерческих коптеров, таран объектов инфраструктуры перестали быть гипотетической угрозой и стали реальностью судебной и следственной практики. Достаточно указать на массированные атаки БВС на объекты энергетики, транспортной инфраструктуры и места массового скопления людей на территории Российской Федерации, в том числе в Курской, Белгородской и иных приграничных областях. Так, только за 2025 год на территории Российской Федерации было зафиксировано около 4 000 атак с использованием БВС, что более чем на треть превышает показатели предыдущего года [1].

Указанный разрыв порождает правовую неопределённость в вопросах квалификации подобных противоправных деяний. По смыслу разъяснений ранее обозначенного постановления Пленума № 1, взрыв традиционно предполагает предварительную закладку устройства и его последующую детонацию. При атаке же дрона-камикадзе эти этапы не просто объединяются, а напротив, оказываются разведены во времени и пространстве: момент старта (взлёт, выход на боевой курс) и момент поражения цели (взрыв, таран) могут разделять десятки секунд или даже минут [2, С. 67]. Именно этот разрыв порождает правовой «вакуум».

Обозначенная проблема находит свое

отражение также в правоприменительной практике. Обращая вектор исследования к вопросу рассмотрения судами Курской области исследуемой категории дел, логично отметить, что они явно демонстрируют как устойчивую практику квалификации атак с использованием БВС по ст. 205 УК РФ, так и фактический сдвиг момента окончания теракта на стадию запуска дрона, не закреплённый, однако, в разъяснениях Пленума.

В целом анализ судебной практики, который позволяет выделить две основные модели использования БВС при совершении теракта. Первая – «дрон как носитель взрывного устройства»: дрон доставляет заряд к цели и сбрасывает его либо сам дрон взрывается при ударе (камикадзе). В данном случае содеянное квалифицируется как взрыв. Вторая – «дрон как поражающий элемент»: дрон используется для тарана объекта без взрывчатки, но с достаточной кинетической энергией для разрушения или повреждения (например, удар по ЛЭП, обрушение конструкций). Здесь возникает вопрос о квалификации: подпадает ли такой таран под «иные действия, создающие угрозу гибели людей»? Представляется, что да, но действующие разъяснения Пленума этого прямо не предусматривают.

Указанная неопределённость порождает правовой пробел. В рамках классического понимания, отражённого в Постановлении Пленума № 1, под взрывом традиционно понимается закладка взрывного устройства в определённом месте и его последующая детонация в выбранный момент. Для дрона-камикадзе данные стадии фактически сливаются, однако сам процесс оказывается разнесён во времени и пространстве: момент «закладки» (взлёт, взятие боевого курса) и момент взрыва (достижение цели) разделены интервалом, который может составлять от нескольких секунд до десятков минут.

Для иллюстрации выявленного разрыва обратимся к двум уголовным делам, рассмотренным судами на территории Курской области.

Дело № 1 связано с атакой на пляж «Городской» г. Купска. Вечером 8 июля 2025 года неустановленными лицами из состава Вооружённых сил Украины был осуществлён запуск двух БВС самолётного типа, оснащённых взрывными устройствами. Целью атаки избрано место массового скопления людей – городской пляж. Поражение объектов осуществлялось посредством детонации взрывчатого вещества на основе гексогена с добавлением металлических поражающих элементов. В результате детонации четыре человека погибли, включая малолетнего ребёнка, ещё шесть пострадавших получили ранения различной степени тяжести.

По данному факту по решению 2-й Западного окружного военного суда в заочном порядке осуждены командиры 14-го отдельного полка беспилотных систем ВСУ Д. Коляда и Н. Зеленко. Содеянное квалифицировано по ст. 205 УК РФ как террористический акт, повлёкший тяжкие последствия. Обоим фигурантам назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы [3].

Данное дело иллюстрирует судебную практику квалификации атак с использованием БВС именно по ст. 205 УК РФ. Однако в данном случае состав признан оконченным, поскольку взрыв произошёл. Если бы дроны были сбиты на подлёте, по действующим разъяснениям квалификация была бы неочевидной.

Дело № 2 сопряжено с наведением дронов на аэропорт и вокзал (август 2023 г.). Житель Московской области Э. Марченко передал представителям ВСУ координаты аэропорта и железнодорожного вокзала в Курске для наведения дронов. В результате атаки были повреждены жилые дома, здание университета, автомобили. Пострадавших нет, поскольку дроны не достигли цели по независящим от исполнителей причинам. Суд квалифицировал действия Марченко по п. «а», «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ (теракт группой лиц с причинением значительного ущерба), в результате чего ему было назначено наказание – 16 лет колонии строгого режима [4].

Значение данного дела принципиально иное: суд признал состав преступления оконченным с момента запуска дронов, несмотря на то, что они не достигли цели. Это важнейший эмпирический аргумент в пользу позиции о необходимости переноса момента окончания теракта на более раннюю стадию. Кроме того, дело иллюстрирует ответственность пособника (наводчика), который не запускал дрон, но обеспечил преступление целеуказанием.

Сопоставление двух дел показывает, что судебная практика уже фактически сдвигает момент окончания теракта на стадию запуска дрона (дело Марченко), однако эта позиция не закреплена в разъяснениях Пленума. В деле о пляже «Городской» вопрос о моменте окончания не вставал, поскольку взрыв произошёл. Таким образом, сохраняется риск разнообразия судебной практики: одно и то же деяние (запуск дрона, сбитого на подлёте) в одном регионе может быть признано оконченным терактом, а в другом – покушением.

Обращаясь к юридической доктрине в целях уяснения позиции исследователей по затронутому вопросу, необходимо отметить, что в литературе иногда высказывается мнение о том,

что дистанционное управление дроном создаёт особые проблемы для института соучастия. Как справедливо отмечает Е.Н. Архипова, проблема заключается не в дистанционности как таковой (управление на расстоянии не меняет юридической природы действий), а в установлении ролей каждого из участников и доказывании их умысла, особенно в случаях, когда прямое управление отсутствует либо рассредоточено между несколькими лицами [5, С. 20].

Типичная схема организации атаки с использованием БВС включает несколько уровней участников. Организатор разрабатывает план атаки, координирует действия других лиц, обеспечивает финансирование, связь и логистику. Примером может служить дело об атаке на пляж «Городской», где организаторами признаны командиры 14-го отдельного полка беспилотных систем ВСУ. Пособник предоставляет дрон, взрывчатку, программное обеспечение, каналы связи либо целеуказание (координаты цели). В деле Марченко пособник передал представителям ВСУ координаты аэропорта и железнодорожного вокзала в Курске. Исполнитель – лицо, непосредственно управляющее дроном в момент атаки либо программирующее автопилот. В рассмотренных делах исполнители не были установлены либо действовали по указанию организаторов.

Стоит отметить, что наибольшие сложности возникают при доказывании умысла пособника. Например, лицо, передающее дрон или предоставляющее доступ к спутниковой навигации, может утверждать, что не знало о террористической цели. Как отмечает С.В. Маликов, отсутствие прямого указания в законе на такие формы пособничества создаёт риск необоснованного оправдания [6, С. 215]. А.Г. Кибальник также обращает внимание на то, что при технологически опосредованных преступлениях традиционные критерии соучастия требуют адаптации [7, С. 4].

Кроме того, в схемах с автоматическим наведением или предварительным программированием маршрута исполнитель может вообще отсутствовать как физическое лицо, управляющее в реальном времени. В таких случаях возникает вопрос: следует ли признавать исполнителем программиста, заложившего маршрут, или организатора, отдавшего команду на запуск? Представляется, что ответ зависит от степени контроля над действиями дрона, однако чётких критериев в законе и разъяснениях Пленума не содержится.

В данном вопросе Е.Н. Архипова абсолютно справедливо акцентирует внимание на проблемах соучастия, справедливо отмечая, что дистанционное управление размывает границы между исполнителем и пособником. Её основной довод состоит в том, что оператор, находящийся за тысячи километров, не вписывается в классическую модель «непосредственного совершения преступления», закреплённую в ч. 2 ст. 33 УК РФ [5, С. 19], поскольку традиционное понимание исполнителя предполагает его физическое присутствие в месте совершения преступления либо непосредственное воздействие на объект посягательства. Архипова доказывает, что технологическое опосредование не отменяет ответственности оператора, но требует пересмотра критериев разграничения соучастников. Вместе с тем проблема её подхода заключается в том, что автор оставляет открытым вопрос о формах соучастия лиц, которые вообще не имеют доступа к управлению дроном, например, наводчика, предоставляющего координаты, или программиста, закладывающего маршрут. Без чётких критериев эти лица могут остаться вне уголовной ответственности либо, напротив, получить необоснованно мягкую квалификацию.

Проблема квалификации террористических актов с использованием БВС начинает привлекать внимание исследователей, однако единого подхода пока не выработано. Так, в уголовно-правовой доктрине обосновывается необходимость расширительного толкования «иных действий» применительно к беспилотным технологиям, поскольку удар дрона (таран) не всегда подпадает под признаки взрыва или поджога [8, С. 61]. Основной аргумент сторонников данного подхода заключается в том, что действующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ были разработаны до массового распространения БВС и не учитывают кинетическое поражение как самостоятельный способ создания общеопасной ситуации. Однако ключевой пробел данного подхода видится в том, что в его рамках не предлагаются конкретные критерии для определения момента окончания преступления. Остаётся неясным, следует ли считать теракт оконченным в момент запуска дрона, в момент взятия им боевого курса или только в момент физического контакта с объектом. Без ответа на этот вопрос любое расширительное толкование «иных действий» остаётся декларативным.

А.Г. Кибальник, анализируя терроризм в целом, отмечает общее отставание уголовно-правовых норм от технологического прогресса. Его аргументация строится на том, что законодатель традиционно реагирует на уже сложившиеся способы совершения преступлений, тогда как новые технологии появляются быстрее, чем вносятся изменения в УК РФ [9, С. 47]. Однако главный недостаток

подхода Кибальника применительно к теме настоящего исследования заключается в том, что БВС рассматриваются им лишь как один из многих технических средств, а не как самостоятельное орудие преступления, меняющее конструкцию состава. Он не анализирует, как автономность дрона (возможность полёта по заранее запрограммированному маршруту без участия оператора) или возможность его перехвата средствами ПВО влияют на квалификацию стадий преступления, в частности, на разграничение оконченного теракта и покушения на его совершение.

Зарубежные исследователи также фиксируют разрыв между уголовным правом и беспилотными технологиями. A. Rogers обращает внимание на то, что использование дронов в немеждународных вооружённых конфликтах создает «серую зону» между военным и уголовным правом: одни и те же действия могут квалифицироваться как военное преступление, террористический акт или акт самообороны в зависимости от контекста, что порождает правовую неопределённость [10, С. 304]. M. Schmitt акцентирует проблему «автономных систем»: чем выше степень автономии дрона (способность самостоятельно принимать решение о поражении цели без участия человека), тем сложнее определить субъекта ответственности. Шмитт предлагает возлагать ответственность на лицо, которое запрограммировало дрон или отдало команду на запуск, однако признаёт, что в действующем праве многих государств такая позиция прямо не закреплена [11, С. 263].

Вместе с тем выводы зарубежных авторов базируются на иных правовых системах (общее право США и Великобритании), где момент окончания преступления часто связан с наступлением вреда, а не с созданием угрозы, как в российском формальном составе ст. 205 УК РФ. Это ограничивает применимость их подходов к российской действительности. Кроме того, зарубежные исследования преимущественно сосредоточены на международном гуманитарном праве и вооружённых конфликтах, тогда как теракт с использованием БВС может совершаться и вне военного контекста, например, против гражданских объектов в тылу.

Таким образом, на сегодняшний день отсутствует системное исследование, которое бы предложило конкретные критерии разграничения момента возникновения угрозы и момента окончания теракта применительно именно к БВС, а также адаптировало бы институт соучастия к многоуровневой структуре управления дронами. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

В целях устранения выявленного правового пробела и приведения разъяснений высшей судебной инстанции в соответствие с современными технологическими реалиями предлагается дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 новым абзацем (в рамках разъяснения по ст. 205 УК РФ) следующего содержания:

«Под использованием беспилотного воздушного судна (БВС) при совершении террористического акта (ст. 205 УК РФ) понимается управление БВС, несущим взрывное устройство, легковоспламеняющуюся или иную жидкость, горючий газ, либо оснащённым для кинетического поражения (тарана) объекта, если такое управление осуществляется с намерением создать угрозу гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общеопасных последствий.

Террористический акт с использованием БВС следует признавать оконченным с момента приведения БВС в движение (взлёта, запуска двигателя) в направлении объекта поражения при условии, что БВС оснащён поражающим элементом, способным реализовать указанную угрозу, независимо от того, достиг ли БВС цели и произошла ли детонация взрывного устройства».

Одновременно с этим, учитывая высокую степень автономности современных БВС, необходимо разъяснить вопросы соучастия. В частности, еще одно положение, которым рационально дополнить обозначенное ППВС РФ, является следующее: «Лицо, осуществившее программирование полетного задания (введение координат цели, активация режима автоматического наведения на заданный сектор) для поражения объекта, осознающее террористический характер своих действий, подлежит ответственности как исполнитель террористического акта вне зависимости от факта его непосредственного физического контакта с пультом управления в момент атаки».

Предлагаемое разъяснение не вводит новый состав преступления, а лишь уточняет применение существующего, что является классической функцией постановлений Пленума. Разъяснения Пленума обладают высокой степенью авторитетности для судов и позволяют оперативно реагировать на новые технологические вызовы без длительной законодательной процедуры. Кроме того, включение в Пленум позволит унифицировать судебную практику, избегая ситуации, когда одно и то же деяние (запуск дрона, сбитого на подлёте) в одном регионе квалифицируется как оконченный теракт, а в другом – как покушение. Наконец, разъяснение Пленума может быть принято значительно быстрее, чем внесение изменений в УК РФ, что особенно важно в

условиях сохраняющейся террористической угрозы с использованием БВС.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Действующая конструкция ст. 205 УК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ № 1 ориентированы на классические способы совершения теракта (взрыв заложенного устройства, поджог) и не учитывают технологическую специфику беспилотных воздушных судов. Использование БВС создаёт разрыв между моментом начала преступного посягательства (взлёт дрона) и моментом его юридического завершения (взрыв), что порождает три группы проблем: невозможность квалифицировать перехват дрона на подлёте как оконченный теракт, путаницу в определении способа преступления (взрыв или иные действия), а также трудности в установлении ролей соучастников.

Анализ судебной практики показывает, что суды уже фактически признают теракт оконченным с момента запуска дронов. Особенно показательно дело Марченко, где дроны не достигли цели, но состав преступления был признан оконченным. Однако эта позиция не закреплена в разъяснениях Пленума, что создаёт риск разнообразия судебной практики.

Проблема соучастия заключается не в дистанционном управлении как таковом, а в установлении ролей организатора, пособника и исполнителя, а также в доказывании умысла пособника. Наибольшие сложности возникают с квалификацией действий лиц, предоставляющих целеуказание или технические средства, а также с определением исполнителя в схемах с автоматическим наведением, где физическое лицо может отсутствовать в момент атаки.

В целях устранения выявленного пробела предлагается дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 разъяснением, согласно которому теракт с использованием БВС признаётся оконченным с момента взлёта дрона в направлении цели при наличии поражающего элемента, а кинетический таран дрона квалифицируется как «иные действия». Такое разъяснение позволит унифицировать судебную практику, квалифицировать перехват дрона на подлёте как оконченный теракт и повысить эффективность уголовно-правового противодействия новым технологическим угрозам.

Список литературы:

[1] Статистика атак БПЛА по регионам России за 2025 год (данные мониторинга открытых источников) // Европейско-Азиатские Новости. 2025. 16 декабря. — URL: https://eanews.ru/rossiya/20251216110000/pochemu-geografiya-atak-rasshiryaetsya-a-pvo-spravlyaetsya-ne-vsegda-bespilotnye-itogi-2025-goda (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Кибальник А. Г. Преступления против мира и безопасности человечества: монография. — М.: Юрлитинформ, 2004. — 256 с.

[3] Украинские командиры Зеленко и Коляда заочно приговорены к пожизненному лишению свободы // 2-й Западный окружной военный суд: официальный сайт. 2025. 10 декабря. — URL: http://2zovs--msk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=124 (дата обращения: 12.04.2026).

[4] Житель Московской области признан виновным в совершении террористического акта с использованием беспилотных летательных аппаратов на объекты гражданской инфраструктуры города Курска // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. 2025. 12 августа. — URL: https://sledcom.ru/press/smi/item/2009512/ (дата обращения: 12.04.2026).

[5] Архипова Е. Н. Проблемы соучастия при совершении преступлений с использованием дистанционно управляемых устройств // Уголовное право. — 2023. — № 6. — С. 18-25.

[6] Маликов С. В. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров. — М.: Проспект, 2022. — 456 с.

[7] Кибальник А. Г. Некоторые проблемы понимания соучастия в решениях современных международных трибуналов // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2013. — № 6. — С. 3-6.

[8] Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Посягательства на информационную систему беспилотника в этиологии дорожно-транспортных происшествий // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 1. — С. 55-67.

[9] Кибальник А. Г. Технологический прогресс и отставание уголовного закона: постановка проблемы // Государство и право. — 2023. — № 8. — С. 45-53.

[10] Rogers A. P. V. Law on the Battlefield. — 3rd ed. — Manchester: Manchester University Press, 2012. — 402 p.

[11] Schmitt M. N., Thurnher J. S. “Out of the Loop”: Autonomous Weapon Systems and the Law of Armed Conflict // Harvard National Security Journal. — 2013. — Vol. 4, no. 2. — Pp. 231-281.

References:

[1] Statistika atak BPLA po regionam Rossii za 2025 god (dannye monitoringa otkrytyh istochnikov) // Evropejsko-Aziatskie Novosti. —

2025. — 16 dekabrya. — URL: https://eanews.ru/rossiya/20251216110000/pochemu-geografiya-atak-rasshiryaetsya-a-pvo-spravlyaetsya-ne-vsegda-bespilotnye-itogi-2025-goda (data obrashcheniya: 10.04.2026).

[2] Kibal'nik A. G. (2004) Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva : monografiya. — M. : Yurlitinform, 2004. — 256 s.

[3] Ukrainskie komandiry Zelenko i Kolyada zaochno prigovoreny k pozhiznennomu lisheniyu svobody // 2-j Zapadnyj okruzhnoj voennyj sud: oficial'nyj sajt. — 2025. — 10 dekabrya. — URL: http://2zovs--msk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=124(data obrashcheniya: 12.04.2026).

[4] Zhitel' Moskovskoj oblasti priznan vinovnym v sovershenii terroristicheskogo akta s ispol'zovaniem bespilotnyh letatel'nyh apparatov na ob"ekty grazhdanskoj infrastruktury goroda Kurska // Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt. — 2025. — 12 avgusta. — URL: https://sledcom.ru/press/smi/item/2009512/ (data obrashcheniya: 12.04.2026).

[5] Arhipova E. N. (2023) Problemy souchastiya pri sovershenii prestuplenij s ispol'zovaniem distancionno upravlyaemyh ustrojstv // Ugolovnoe pravo. — 2023. — № 6. — S. 18–25.

[6] Malikov S. V. (2022) Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' : uchebnik dlya bakalavrov. — M. : Prospekt, 2022. — 456 s.

[7] Kibal'nik A. G. (2013) Nekotorye problemy ponimaniya souchastiya v resheniyah sovremennyh mezhdunarodnyh tribunalov // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. — 2013. — № 6. — S. 3–6.

[8] Chuchaev A. I., Gracheva Yu. V., Malikov S. V. (2021) Posyagatel'stva na informacionnuyu sistemu bespilotnika v etiologii dorozhno-transportnyh proisshestvij // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. — 2021. — T. 15, № 1. — S. 55–67.

[9] Kibal'nik A. G. (2023) Tekhnologicheskij progress i otstavanie ugolovnogo zakona: postanovka problemy // Gosudarstvo i pravo. — 2023. — № 8. — S. 45–53.

[10] Rogers A. P. V. (2012) Law on the Battlefield. — 3rd ed. — Manchester : Manchester University Press, 2012. — 402 p.

[11] Schmitt M. N., Thurnher J. S. (2013) "Out of the Loop": Autonomous Weapon Systems and the Law of Armed Conflict // Harvard National Security Journal. — 2013. — Vol. 4, no. 2. — Pp. 231–281.



Дата поступления рукописи в редакцию: 30.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-246-249

НАБИЕВ Ф.Ф.,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В статье анализируются современные тенденции преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации. Обосновывается комплексный подход к предупреждению киберпреступлений, включающий правовые, технические, организационные и виктимологические меры.*

Ключевые слова: *киберпреступность, информационно-телекоммуникационные технологии, компьютерная информация, предупреждение преступлений, виктимологическая профилактика, социальная инженерия, дропперы, уголовная статистика, цифровая безопасность.*

NABIEV F.F.,

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel

PREVENTION OF CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS TECHNOLOGIES: CURRENT STATUS, PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. *The article analyzes modern crime trends in the field of information and telecommunication technologies and computer information. An integrated approach to the prevention of cybercrimes is being substantiated, including legal, technical, organizational and victimological measures*.

Key words: *cybercrime, information and telecommunication technologies, computer information, crime prevention, victimological prevention, social engineering, droppers, criminal statistics, digital security*.

Противодействие киберпреступности в современных условиях представляет собой одну из наиболее сложных и динамично развивающихся задач для всей системы правоохранительных органов. За последнее десятилетие произошел кардинальный рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ). Согласно официальным данным, за 12 лет, с 2013 по 2024 год, общее число киберпреступлений в стране увеличилось почти в 70 раз — с 11 тысяч до 765 тысяч, причем только в 2024 году рост составил 13%, а доля IT-преступлений среди всех видов преступлений достигла 40%[1]. Эта тревожная динамика, сопровождающаяся материальным ущербом, исчисляемым сотнями миллиардов рублей, обусловливает необходимость не только совершенствования уголовно-правовых и оперативно-розыскных мер, но и разработки эффективной, многоуровневой системы предупреждения данных деяний.

Анализ статистических показателей последних лет демонстрирует, что проблема не теряет своей остроты, хотя и появляются первые признаки перелома негативной тенденции. За 2025 год в России зафиксировали 675 372 киберпреступлений — это на 11,8% меньше, чем за тот же период годом ранее. Основную долю киберпреступлений — 63,5 % — по-прежнему составляют хищения и мошенничества: зафиксировано 428 991 таких случаев. Замглавы МВД России Андрей Храпов, подводя итоги 2025 года, сообщил о 663 тыс. киберпреступлений, что на 12% меньше, чем годом ранее. Он также привел следующие данные: число случаев неправомерного доступа к компьютерным данным сократилось на 44%, до 58 тыс.; количество краж сократилось на 23,8%, до 80 тыс. случаев; число случаев мошенничества снизилось на 9%, до 344 тыс. При этом сумма

зарегистрированного материального ущерба незначительно сократилась — с 205 млрд руб. до 189,5 млрд руб. [2]. Таким образом, несмотря на позитивные сдвиги, проблема остается масштабной, ущерб — колоссальным, а сумма похищенных у граждан средств за 8 месяцев 2025 года уже достигла 134 млрд рублей.

Одной из ключевых особенностей киберпреступности, определяющих специфику ее предупреждения, является ее латентный, высокоадаптивный и транснациональный характер. Как справедливо отметил замминистра внутренних дел А. Храпов: «С каждой мерой, которая вступала в действие, мы фиксировали резкий спад регистрируемых преступлений с последующим частичным ростом, что говорит о том, что к этим мерам преступники приспосабливаются и понимают, как им надо дальше действовать». Эта характеристика отражает фундаментальную проблему: субъекты преступной деятельности в цифровой среде обладают высокой мобильностью и способностью быстро видоизменять способы совершения преступлений в ответ на принимаемые правоохранительные и профилактические меры. Увеличение количества преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий [9, с. 145], обуславливает появление новых криминальных проявлений, наиболее широкое распространение среди которых получили совершенные с помощью сети Интернет».

В этой связи система предупреждения противоправных деяний в сфере ИТТ не может быть ограничена исключительно уголовно-правовыми запретами. Система мер предупреждения противоправных деяний, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, включает в себя действия целенаправленного [5, с. 82] и специализированного характера [6, с. 64], непосредственно направленных на выявление, пресечение, раскрытие и расследование киберпреступлений, устранение причин и условий их совершения, минимизацию и, впоследствии, ликвидацию их последствий. В своей основе она должна носить комплексный характер, охватывая правовые, технические, организационные и, что особенно важно, виктимологические меры. Не случайно в качестве одного из наиболее эффективных способов предупреждения преступлений в данной сфере называется соблюдение элементарных требований информационной защиты [7, с. 59], что является наиболее эффективным способом по предупреждению указанных видов преступлений. К числу таких правил относятся: отказ от перехода по сомнительным ссылкам, игнорирование звонков и сообщений от незнакомцев по финансовым вопросам, неразглашение паролей и кодов доступа.

При этом преступный инструментарий постоянно совершенствуется. Злоумышленники активно используют методы социальной инженерии, когда человек под психологическим воздействием добровольно передает конфиденциальные данные или переводит свои сбережения. Многие потерпевшие впоследствии сообщают, что действовали «под гипнозом», в результате профессиональной манипуляции со стороны преступников. Главным инструментом злоумышленников остаются мессенджеры — через них в 2025 году совершено 244,6 тыс. преступлений, что на 17,5% превышает показатели за аналогичный период 2024 года.

Значительное место в системе предупреждения занимают общесоциальные меры, направленные на формирование у населения культуры кибербезопасности. В этих целях органами внутренних дел на регулярной основе проводятся встречи с гражданами, в ходе которых основной задачей по предупреждению данного вида преступлений является повышение правовой грамотности [8, с. 126] и информирование граждан о противодействии таким преступным проявлениям».

Однако очевидно, что одних лишь разъяснительных мер недостаточно. Требуется системная государственная политика, включающая создание правовых и технических механизмов противодействия. Важным шагом в этом направлении стало утверждение Правительством РФ Концепции государственной системы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий. Данный документ предусматривает разработку правовых и технических мер, создание специализированных подразделений для расследования таких преступлений, а также пересмотр уголовного законодательства, включая введение новых категорий преступлений, связанных с цифровыми технологиями». Ключевым элементом новой системы должна стать цифровая платформа, обеспечивающая быструю передачу информации между правоохранительными органами, Центральным банком и операторами связи, что позволит оперативно выявлять обстоятельства преступлений и приостанавливать подозрительные операции [3].

Реализация указанных концептуальных положений уже началась. В 2025 году вступил в силу закон об уголовной ответственности для дропперов — подставных банковских клиентов, через карты которых проводятся мошеннические операции. Правительством утвержден план

реализации концепции противодействия киберпреступности, который включает комплекс мер по совершенствованию законодательства, техническому противодействию злоумышленникам, повышению цифровой грамотности населения и синхронизирует работу всех ведомств. Принят и реализуется комплекс из 30 первоочередных мер. В частности, операторы связи и интернет-провайдеры будут обязаны уведомлять правоохранительные органы о преступлениях, совершенных с помощью цифровых технологий, а также прорабатывается вопрос об усилении ответственности за нарушения в сфере персональных данных.

Кроме того, предупреждение преступлений в сфере ИТТ немыслимо без развития научно-технического и криминалистического обеспечения данной деятельности. Как отмечается в современной научной литературе, особое значение имеет формирование на основе криминалистической характеристики указанного вида преступлений частных криминалистических методик расследования, создания криминалистических учетов цифровых доказательств, разработки специализированного программного обеспечения в виде систем поддержки принятия решений [4].

Таким образом, предупреждение преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации представляет собой многогранную и динамичную систему, эффективность которой зависит от слаженного взаимодействия уголовно-правовых, технических, организационных и виктимологических мер. Несмотря на обнадеживающую статистику 2025 года, демонстрирующую первые успехи в борьбе с этим видом преступности, полное решение проблемы невозможно без постоянного совершенствования законодательства, внедрения передовых технологий, повышения цифровой грамотности населения и тесного международного сотрудничества. Только комплексный подход, сочетающий превентивные меры с неотвратимостью уголовной ответственности, позволит создать надежную защиту личности, общества и государства от современных киберугроз.

Список литературы:

[1] Данные ГИАЦ МВД России за период с 2013 по 2025 гг. file:///C:/Users/fnabiev147/Desktop/Sbornik_dlya_UOS_07.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

[2] Выступление заместителя министра МВД России Храпова А. https://www.kommersant.ru/doc/8442339?from=horisontal_lenta (дата обращения: 17.04.2026).

[3] Концепция противодействия киберпреступлениям https://www.senatinform.ru/news/kabmin_utverdil_kontseptsiyu_protivodeystviya_kiberprestupleniyam/ (дата обращения: 18.04.2026).

[4] Харисова З.И. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/1130 (дата обращения: 18.04.2026).

[5] Мирхайдарова, М. Ю. Некоторые вопросы рабочего этапа предъявления лица для опознания по голосовым и речевым свойствам опознаваемого лица / М. Ю. Мирхайдарова // Право и государственность. – 2026. – № 1(10). – С. 82-88. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.012. – EDN MIGCFP.

[6] Шевелева, С. С. Сбалансированная цмфровизацил уголовного судопроизводства: критерии допустимости и минимизация латентных рисков / С. С. Шевелева // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 61-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.011. – EDN HWOGAY.

[7] Карагодина, В. И. Отмывание денег через электронные платежные системы / В. И. Карагодина // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 58-60. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.010. – EDN ZKPFDR.

[8] Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 Ч. Часть 1 : Учебник / И. Л. Трунов, Н. Б. Сонькин, В. А. Вайпан [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 220 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

[9] Хасанова, З. И. О некоторых вопросах установления уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан / З. И. Хасанова, М. С. Шайхуллин // Право и управление. 2025. № 12. С. 144-149. – DOI 10.24412/2224-9133-2025-12-144-149. – EDN TIOFGV.

References:

[1] Data from the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the period from 2013 to 2025 file :///C :/Users/fnabiev147/Desktop/Sbornik _ dlya _ UOS _ 07.pdf (accessed on: 17.04.2026).

[2] Speech by Deputy Minister of the Ministry of Internal Affairs of Russia A. https://www.kommersant.ru/doc/8442339?from=horisontal_lenta Khrapov (date of appeal: 17.04.2026).

[3] The concept of countering cybercrime https://www.senatinform.ru/news/kabmin_utverdil_kontseptsiyu_protivodeystviya_kiberprestupleniyam/ (accessed on: 18.04.2026).

[4] Harisova Z.I. Forensic characterization of crimes related to illegal access to computer information https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/1130 (date of appeal: 18.04.2026).

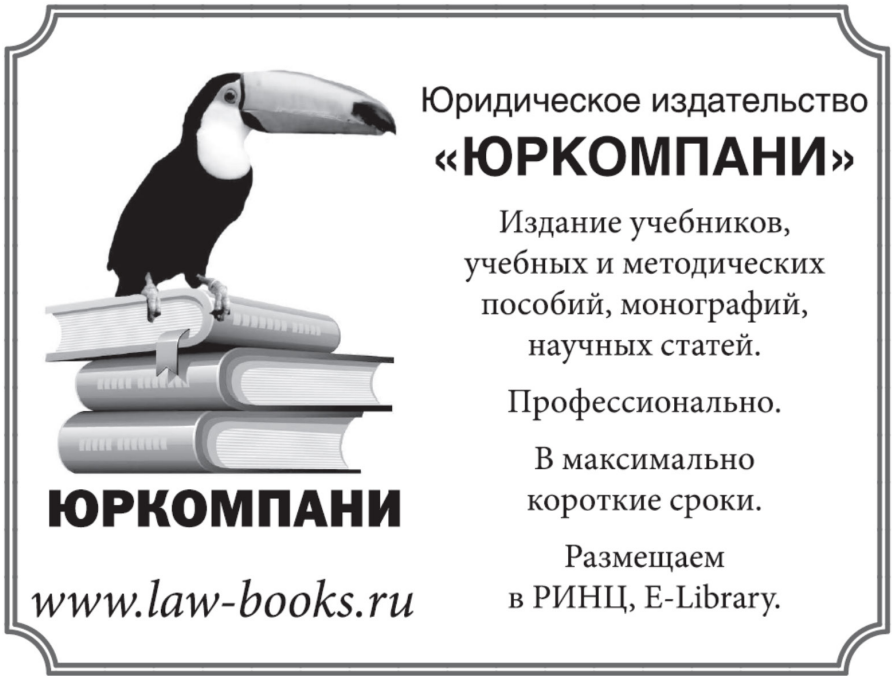
[5] Mirkhaidarova, M. Yu. Some issues of the working stage of presenting a person for identification by the voice and speech properties of the identified person/M. Yu. Mirkhaidarov // Law and statehood. – 2026. – № 1(10). - S. 82-88. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.012. – EDN MIGCFP.

[6] Sheveleva, S. S. Balanced CMF of criminal proceedings: criteria for admissibility and minimization of latent risks/S. S. Sheveleva // Law and statehood. – 2025. – № 4(9). - S. 61-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.011. – EDN HWOGAY.

[7] Karagodina, V.I. Money laundering through electronic payment systems/V.I. Karagodina // Law and statehood. – 2025. – № 4(9). - S. 58-60. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.010. – EDN ZKPFDR.

[8] Advocacy and advocacy in Russia in 2 Part 1: Textbook/I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V. A. Vaipan [and others]. - 3rd ed., Per. And add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. - 220 p. - (Higher education). – ISBN 978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

[9] Khasanova, Z. I. On some issues of establishing criminal liability for the public dissemination of knowingly false information about circumstances posing a threat to the life and safety of citizens/Z. I. Khasanova, M. S. Shaikhullin // Law and Management. 2025. № 12. S. 144-149. – DOI 10.24412/2224-9133-2025-12-144-149. – EDN TIOFGV.



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-250-256

ЧЕРНЯВСКАЯ София Кареновна,

аспирант Московского государственного лингвистического университета им. Мориса Тореза,

e-mail: sofiikaaaaa@mail.ru

ЗАОЧНОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В РОССИИ: ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ И ГАРАНТИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Аннотация. *В статье рассматриваются пределы допустимости заочного судебного разбирательства по уголовным делам в российском уголовном процессе и связанные с ним гарантии права подсудимого на защиту. Актуальность исследования обусловлена тем, что заочное рассмотрение уголовного дела затрагивает один из наиболее чувствительных элементов справедливого судебного разбирательства — возможность лица лично участвовать в процессе, давать объяснения, возражать против обвинения, заявлять ходатайства и влиять на исследование доказательств. Автор исходит из того, что заочное судебное разбирательство не может рассматриваться как обычное процессуальное упрощение, поскольку отсутствие подсудимого объективно ослабляет непосредственность судебного исследования и состязательную активность стороны защиты. В связи с этим обосновывается необходимость повышенного стандарта проверки условий применения такого порядка. Особое внимание уделяется соотношению понятий «заочное судебное разбирательство», «рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого» и «заочный приговор», а также анализу ч. 4 и ч. 5 ст. 247 УПК РФ. Делается вывод о том, что допустимость заочного разбирательства должна оцениваться через совокупность критериев: законность основания, исключительность ситуации, надлежащее извещение подсудимого, подтвержденность уклонения, обязательное участие защитника и наличие эффективного механизма последующего пересмотра судебного решения.*

Ключевые слова: *заочное судебное разбирательство, уголовный процесс, подсудимый, право на защиту, статья 247 УПК РФ, заочный приговор, состязательность, справедливое судебное разбирательство, судебный контроль, процессуальные гарантии.*

CHERNIAVSKAIA Sofiia Karenovna,

graduate student of Moscow State Linguistic University

TRIAL IN ABSENTIA IN CRIMINAL CASES IN RUSSIA: LIMITS OF ADMISSIBILITY AND GUARANTEES OF THE RIGHT TO DEFENCE

Annotation. *The article examines the limits of admissibility of trial in absentia in Russian criminal proceedings and the guarantees of the defendant's right to defence associated with this procedural form. The relevance of the study is determined by the fact that hearing a criminal case in the absence of the defendant affects one of the most important elements of a fair trial: the person's ability to participate personally in the proceedings, give explanations, object to the accusation, file motions and influence the examination of evidence. The author proceeds from the idea that trial in absentia should not be treated as an ordinary procedural simplification, since the absence of the defendant objectively weakens the immediacy of judicial examination and the adversarial activity of the defence. Therefore, a higher standard for verifying the conditions for applying this procedure is required. Particular attention is paid to the correlation between the concepts of trial in absentia, hearing a criminal case in the absence of the defendant and sentence in absentia, as well as to the analysis of parts 4 and 5 of Article 247 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The article concludes that the admissibility of trial in absentia should be assessed through a combination of criteria: legality of the ground, exceptional nature of the situation, proper notification of the defendant, proof of evasion, mandatory participation of defence counsel and an effective mechanism for subsequent review of the judgment.*

Key words: *trial in absentia, criminal procedure, defendant, right to defence, Article 247 of the*

◊ *Criminal Procedure Code of the Russian Federation, sentence in absentia, adversarial principle, fair trial, judicial control, procedural guarantees.*

Вопрос о допустимости заочного судебного разбирательства по уголовным делам всегда находится на границе двух разнонаправленных задач уголовного судопроизводства. С одной стороны, государство не может мириться с ситуацией, когда лицо, уклоняющееся от явки в суд, фактически блокирует движение уголовного дела и делает невозможным защиту публичного интереса, прав потерпевшего и целей правосудия. С другой стороны, уголовный процесс по своей природе не сводится к вынесению итогового решения: его ценность состоит в процедуре, в возможности обвиняемого быть услышанным, участвовать в исследовании доказательств и защищаться от предъявленного обвинения не только формально, но и реально.

Именно поэтому Конституция РФ закрепляет особую формулу: заочное разбирательство уголовных дел не допускается, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом [1]. В этой норме важна не только сама возможность исключения, но и общий запрет как исходная конституционная позиция. Уголовное дело, в отличие от многих иных судебных споров, связано с риском наиболее интенсивного государственного принуждения, а потому личное участие подсудимого в судебном заседании имеет значение не техническое, а гарантийное.

УПК РФ развивает данный подход через общее правило обязательного участия подсудимого в судебном разбирательстве. При неявке подсудимого рассмотрение уголовного дела подлежит отложению; суд вправе применить меры, направленные на обеспечение его явки. Вместе с тем ч. 4 и ч. 5 ст. 247 УПК РФ предусматривают случаи, когда судебное разбирательство может быть проведено без подсудимого [2]. Эти исключения различаются по своей природе: в одном случае речь идет о воле самого подсудимого, ходатайствующего о рассмотрении дела в его отсутствие по делам небольшой или средней тяжести; в другом — об исключительных ситуациях, когда подсудимый находится за пределами Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, при соблюдении иных условий, установленных законом [2].

Сложность проблемы усиливается тем, что в научной литературе и практике не всегда последовательно разграничиваются близкие, но не совпадающие категории: «заочное судебное разбирательство», «рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого», «заочное производство», «заочный приговор». Между тем точность понятий здесь имеет не только теоретическое значение. От того, как определяется правовая природа заочного разбирательства, зависит и ответ на практический вопрос: какие гарантии должны быть обеспечены отсутствующему подсудимому и насколько строгой должна быть проверка оснований для движения дела без него.

Цель настоящей статьи состоит в определении пределов допустимости заочного судебного разбирательства по уголовным делам в России и выявлении тех процессуальных гарантий, без которых данный порядок может превратиться из исключения, оправданного нуждами правосудия, в способ формального преодоления отсутствия подсудимого.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и историко-правовой методы. Теоретическую базу образуют труды Н.В. Ильютченко, Е.Г. Бендерской, А.А. Казакова, Л.М. Фатыховой, Д.Т. Арабули, М. де Сальвиа и иных авторов, исследовавших проблемы рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого.

Понятийные границы заочного судебного разбирательства

Первый вопрос, с которого необходимо начинать анализ, связан с тем, что не всякое отсутствие подсудимого в судебном заседании автоматически образует заочное судебное разбирательство в строгом смысле. В уголовном процессе возможны разные ситуации фактического отсутствия лица: рассмотрение дела по ходатайству подсудимого, уклонение от явки, удаление из зала судебного заседания за нарушение порядка, временное отсутствие при совершении отдельных процессуальных действий, рассмотрение вопроса в целях реабилитации умершего лица. Все эти случаи объединены внешним признаком — подсудимый не присутствует в заседании полностью или частично. Однако правовая природа таких ситуаций различна.

В научной литературе справедливо отмечается, что понятие «рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого» шире, чем собственно заочное разбирательство. Е.Г. Бендерская предлагает рассматривать его как более общий правовой институт, охватывающий случаи, когда подсудимый фактически не участвует в судебном разбирательстве полностью либо в определенной его части [9, с. 8–10]. Такой подход представляется обоснованным, поскольку позволяет избежать чрезмерного расширения понятия «заочности» и сохранить за ним специальное уголовно-процессуальное

содержание.

Н.В. Ильютченко также обращает внимание на то, что заочное разбирательство уголовного дела и рассмотрение дела в отсутствие подсудимого не являются тождественными явлениями. Для признания приговора заочным существенное значение имеет не только сам факт отсутствия подсудимого, но и причина такого отсутствия, а также процессуальный режим, в рамках которого суд пришел к итоговому решению [8, с. 138–140]. Эта мысль особенно важна для правоприменения: если любое отсутствие подсудимого объявлять «заочным производством», можно смешать разные по своей правовой природе ситуации и, как следствие, неправильно определить объем гарантий и порядок обжалования.

А.А. Казаков, раскрывая понятие заочного судебного разбирательства, подчеркивает его связь с изъятиями из общих условий судебного разбирательства, прежде всего из принципов состязательности сторон и непосредственности исследования доказательств [10, с. 94–95]. Данный подход позволяет увидеть заочное разбирательство не как простую организационную замену очного заседания, а как особую процессуальную форму, требующую осторожного применения. Чем меньше лицо фактически участвует в судебном процессе, тем выше риск того, что защита будет сведена к участию адвоката без живой позиции самого подсудимого.

Вместе с тем не следует чрезмерно драматизировать саму возможность заочного разбирательства. Международно-правовые стандарты не исключают рассмотрение уголовного дела в отсутствие обвиняемого при условии, что такое лицо было надлежащим образом уведомлено, имело возможность участвовать в деле, но отказалось от этой возможности либо злоупотребило своими процессуальными правами. Право на участие в судебном разбирательстве является элементом права на справедливое судебное разбирательство, но оно не должно превращаться в средство парализации правосудия [3; 4; 13; 15].

Следовательно, центральная проблема заключается не в том, допустимо ли заочное судебное разбирательство вообще, а в том, где проходят его пределы и какие гарантии должны компенсировать отсутствие подсудимого.

Пределы допустимости: исключение, а не процессуальная норма

Российская модель исходит из того, что участие подсудимого в судебном разбирательстве является общим правилом. Это правило имеет несколько смысловых уровней. Во-первых, оно обеспечивает личную защиту от обвинения. Во-вторых, позволяет суду непосредственно воспринимать позицию подсудимого, его объяснения, реакцию на доказательства и доводы сторон. В-третьих, участие подсудимого поддерживает состязательный баланс: сторона защиты не ограничивается профессиональным представителем, а сохраняет связь с лицом, чья судьба решается судом.

Заочное разбирательство нарушает эту обычную процессуальную архитектуру. Даже при участии защитника суд не получает непосредственной позиции подсудимого, а сам подсудимый не может оперативно реагировать на ход исследования доказательств. Поэтому заочное разбирательство нельзя оценивать как обычное ускорение процесса. Напротив, его допустимость должна предполагать более строгий судебный контроль.

В этом отношении особое значение имеет конструкция ч. 5 ст. 247 УПК РФ. Первоначально она была введена Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ в контексте противодействия терроризму и была связана прежде всего с делами о тяжких и особо тяжких преступлениях при нахождении подсудимого за пределами Российской Федерации и (или) уклонении от явки в суд [5]. В дальнейшем законодатель расширил сферу применения этой нормы. Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 101-ФЗ изменил ч. 5 ст. 247 УПК РФ, включив в нее также ряд преступлений небольшой и средней тяжести, если они прямо указаны в законе [6].

Такое расширение усиливает научную и практическую значимость вопроса о пределах допустимости заочного разбирательства. Если ранее ч. 5 ст. 247 УПК РФ воспринималась преимущественно как исключительный механизм для дел повышенной общественной опасности, то современная редакция нормы требует более тонкой оценки: исключительность должна определяться не только категорией преступления, но и реальной невозможностью обеспечить участие подсудимого обычными процессуальными средствами.

Не случайно Верховный Суд РФ обращал внимание на то, что рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого по правилам ч. 5 ст. 247 УПК РФ связано с исключительными обстоятельствами и требует предварительной судебной проверки соответствующих условий [7]. Хотя указанное разъяснение не устраняет всех вопросов, возникающих при применении заочного порядка, оно задает важный ориентир: решение о движении дела без подсудимого не может приниматься автоматически.

Л.М. Фатыхова, анализируя рассмотрение дел о тяжких и особо тяжких преступлениях в отсутствие подсудимого, выделяет в качестве

условий такого порядка уклонение лица от явки, отсутствие привлечения к ответственности на территории иностранного государства по тому же уголовному делу, обязательное участие защитника и исключительный характер ситуации [11, с. 10–13]. Данные критерии сохраняют значение и при оценке современной модели заочного разбирательства. Более того, после расширения ч. 5 ст. 247 УПК РФ они должны применяться еще строже, поскольку расширение законодательных оснований всегда увеличивает риск формального подхода.

Представляется, что пределы допустимости заочного судебного разбирательства должны определяться не только текстом уголовно-процессуальной нормы, но и ее конституционно-правовым смыслом. Если Конституция РФ допускает заочное разбирательство лишь как исключение из общего запрета, то суд не может ограничиваться простой ссылкой на наличие формальных признаков, перечисленных в УПК РФ. Он должен установить, что обычное рассмотрение дела невозможно или явно затруднено вследствие поведения самого подсудимого либо иных объективных обстоятельств, а применение заочного порядка не разрушает сущность права на защиту.

Особенно осторожно следует подходить к оценке уклонения. Само по себе отсутствие лица за пределами Российской Федерации не всегда означает намерение уклониться от правосудия. Уклонение предполагает осведомленность лица о судебном разбирательстве и сознательное неисполнение обязанности явиться. Поэтому суд должен проверять не только географический факт нахождения подсудимого за рубежом, но и то, каким образом лицо уведомлялось, имело ли оно реальную возможность получить информацию о процессе, существовали ли объективные препятствия для явки, предпринимались ли меры по обеспечению участия лица иным способом.

Без такой проверки заочное разбирательство рискует превратиться в процедуру, где причина отсутствия подсудимого предполагается, но не доказывается. Это противоречило бы самой природе уголовного процесса, в котором ограничение процессуальных прав должно быть мотивировано и соразмерно.

Право на защиту при заочном разбирательстве

Главная трудность заочного судебного разбирательства состоит в том, что право на защиту в такой ситуации становится более хрупким. Формально оно может быть сохранено: в деле участвует защитник, исследуются доказательства, стороны выступают в прениях, приговор может быть обжалован. Однако уголовный процесс не должен довольствоваться внешним сохранением процессуальной формы. Важно, чтобы защита оставалась содержательной.

Первой гарантией является надлежащее извещение подсудимого. Без него невозможно говорить ни о добровольном отказе лица от участия в процессе, ни об уклонении. Надлежащее извещение должно пониматься не как формальная отметка о направлении судебного уведомления, а как совокупность действий, позволяющих суду сделать убедительный вывод: лицо знало или при должной добросовестности могло знать о движении дела и последствиях своей неявки. Такой подход согласуется с самой идеей справедливого судебного разбирательства, поскольку лицо не может нести неблагоприятные последствия за неучастие в процессе, о котором оно фактически не было осведомлено.

Вторая гарантия — обязательное участие защитника. Часть 6 ст. 247 УПК РФ прямо устанавливает, что участие защитника в судебном разбирательстве, проводимом в соответствии с ч. 5 этой статьи, обязательно; при отсутствии приглашенного подсудимым защитника суд принимает меры к назначению защитника [2]. Однако сама по себе обязательность участия адвоката еще не решает проблему. Защитник должен иметь реальную возможность знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства, представлять доказательства, возражать против ходатайств стороны обвинения, участвовать в допросах и обжаловать судебное решение. Иначе участие защитника будет восприниматься не как гарантия, а как процессуальная декорация.

Третья гарантия связана с доказыванием оснований заочного разбирательства. Решение о рассмотрении дела в отсутствие подсудимого должно быть мотивированным. Суду следует отдельно оценивать: какие меры предпринимались для вызова подсудимого, имеются ли сведения о его месте нахождения, подтверждено ли уклонение, соблюдены ли условия международного сотрудничества, отсутствуют ли данные о привлечении лица к ответственности в иностранном государстве по тому же делу. Фатыхова справедливо обращает внимание на необходимость проверки факта непривлечения лица к ответственности за рубежом, поскольку это условие прямо связано с предотвращением параллельного уголовного преследования [11, с. 12–13].

Четвертая гарантия — возможность последующего пересмотра судебного решения. Часть 7 ст. 247 УПК РФ предусматривает, что в случае устранения обстоятельств, указанных в ч. 5 данной статьи, приговор или определение суда, вынесенные заочно, по ходатайству осужденного или его защитника отменяются в порядке,

предусмотренном главой 47.1 УПК РФ, а судебное разбирательство проводится в обычном порядке [2]. Эта гарантия имеет принципиальное значение: она показывает, что заочное разбирательство не должно окончательно лишать лицо возможности быть лично услышанным судом.

В то же время эффективность такой гарантии зависит от того, насколько реально осужденный может узнать о вынесенном решении и воспользоваться своим правом на отмену заочного судебного акта. Если механизм пересмотра существует только в тексте закона, но фактически затруднен из-за проблем уведомления, доступа к защитнику или неопределенности процессуальных сроков, то он не выполняет компенсационную функцию.

Особого внимания заслуживает вопрос о доказательствах, исходящих от самого подсудимого. В очном процессе подсудимый может отказаться от дачи показаний, уточнить ранее данные объяснения, возразить против их оглашения, обратить внимание суда на контекст своих слов. В заочном процессе эта возможность отсутствует. Поэтому использование показаний, данных на предварительном расследовании, должно оцениваться особенно осторожно. Представляется обоснованной позиция, согласно которой суд должен учитывать не только формальную допустимость таких доказательств, но и то, имела ли сторона защиты реальную возможность проверить их содержание в судебном заседании.

Баланс публичного интереса и прав подсудимого

Заочное судебное разбирательство возникает именно там, где обычная процедура сталкивается с сопротивлением реальности. Подсудимый может скрываться, находиться за рубежом, отказываться от явки, использовать свое отсутствие как способ затянуть процесс. В таких условиях публичный интерес в рассмотрении уголовного дела является очевидным. Уголовное судопроизводство защищает не только обвиняемого, но и потерпевшего, общество, государство, правопорядок в целом. Нельзя допустить, чтобы уклонение лица от суда становилось надежным способом ухода от ответственности.

Однако публичный интерес не отменяет процессуальных гарантий. Напротив, в уголовном процессе именно через гарантии публичный интерес приобретает правовую форму. Государство заинтересовано не просто в вынесении приговора, а в таком приговоре, который является результатом справедливой, проверяемой и состязательной процедуры. Если заочное разбирательство проводится без достаточной проверки оснований, оно может дать быстрый результат, но ослабить доверие к правосудию.

Поэтому правильнее говорить не о противопоставлении эффективности и гарантий, а об их взаимной зависимости. Эффективность уголовного процесса не измеряется только скоростью движения дела. Она предполагает способность суда рассмотреть дело в разумный срок, не разрушив при этом базовые права лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

В этом смысле заочное разбирательство должно строиться вокруг идеи компенсаторных гарантий. Если подсудимый отсутствует, суд обязан особенно тщательно проверить основания такого отсутствия. Если подсудимый не может лично защищаться, участие защитника должно быть не формальным, а активным. Если приговор вынесен без личного участия осужденного, должен существовать реальный механизм возвращения дела к обычному порядку рассмотрения. Если законодатель расширяет круг случаев заочного разбирательства, правоприменитель должен усиливать, а не ослаблять стандарты судебного контроля.

Бендерская в своем исследовании обоснованно подчеркивает, что причины, вследствие которых дело рассматривается в отсутствие подсудимого, должны иметь объективный, вынужденный характер и быть четко определены законом [9, с. 8–9]. Эта позиция остается актуальной и сегодня. Заочное разбирательство допустимо не потому, что оно удобно для суда или стороны обвинения, а потому, что при определенных обстоятельствах обычная процедура оказывается невозможной, а отказ от движения дела привел бы к еще большему нарушению интересов правосудия.

Заочное судебное разбирательство по уголовным делам в России представляет собой исключительную процессуальную форму, допустимость которой должна оцениваться через призму конституционного запрета на заочное разбирательство вне случаев, прямо предусмотренных федеральным законом. Его нельзя рассматривать как разновидность обычного или упрощенного судебного порядка. Отсутствие подсудимого в судебном заседании затрагивает непосредственность исследования доказательств, состязательность сторон и реальность права на защиту, а потому требует повышенного стандарта судебной проверки.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов.

Во-первых, необходимо последовательно разграничивать рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого, заочное судебное разбирательство и заочный приговор. Эти понятия

пересекаются, но не совпадают полностью. Их смешение может привести к неправильному определению процессуального режима и объема гарантий.

Во-вторых, пределы допустимости заочного разбирательства определяются не только формальным наличием оснований, указанных в ст. 247 УПК РФ. Суд должен проверять исключительность ситуации, подтвержденность уклонения, надлежащее извещение лица, невозможность обычного рассмотрения дела и соблюдение иных условий, препятствующих произвольному ограничению права на защиту.

В-третьих, обязательное участие защитника является необходимой, но недостаточной гарантией. Защита должна быть реальной: защитник должен обладать процессуальной возможностью активно участвовать в исследовании доказательств, заявлять ходатайства, представлять позицию стороны защиты и добиваться пересмотра решения при наличии оснований.

В-четвертых, механизм отмены заочного судебного решения и последующего рассмотрения дела в обычном порядке является ключевой компенсационной гарантией. Его значение состоит в том, что заочное разбирательство не должно окончательно лишать лицо права быть лично услышанным судом.

Таким образом, допустимость заочного судебного разбирательства должна рассматриваться не как расширение возможностей суда по рассмотрению дел без подсудимого, а как строго ограниченное исключение, требующее повышенной ответственности суда за сохранение баланса между публичным интересом и правами личности. Чем меньше фактическое участие подсудимого в процессе, тем более убедительными должны быть основания такого порядка и тем более реальными — гарантии защиты.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[3] Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

[4] Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

[5] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3452.

[6] Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 101-ФЗ «О внесении изменения в статью 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2025. 21 апреля. № 0001202504210030.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // Российская газета. 2010. № 3.

[8] Ильютченко Н.В. Заочный приговор: понятие и особенности // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 138–143.

[9] Бендерская Е.Г. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 211 с.

[10] Казаков А.А. Заочное судебное разбирательство уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 281 с.

[11] Фатыхова Л.М. Особенности рассмотрения уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях в отсутствие подсудимого: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2010. 226 с.

[12] Бендерская Е.Г. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 31 с.

[13] Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 1072 с.

[14] Арабули Д.Т. Заочное производство по уголовным делам: история и современность: учебное пособие / науч. ред. А.П. Гуськова. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2007. 150 с.

[15] Постановление Европейского суда по правам человека от 12 февраля 1985 г. по делу «Колоцца против Италии», жалоба № 9024/80.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993// Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[3] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: concluded in Rome on November 4, 1950//Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 2. Art. 163.

[4] International Covenant on Civil and Political Rights: adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) of the UN General Assembly// Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1976. № 17. Art. 291.

[5] Federal Law No. 153-FZ of July 27, 2006 "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law" On Ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism "and the Federal Law" On Countering Terrorism "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part I). Art. 3452.

[6] Federal Law of April 21, 2025 No. 101-FZ "On Amending Article 247 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "//Official Internet Portal of Legal Information. 2025. April 21. № 0001202504210030.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2009 No. 28 "On the application by the courts of the norms of criminal procedure legislation governing the preparation of a criminal case for trial "//Rossiyskaya Gazeta. 2010. № 3.

[8] N.V. Ilyutchenko. Sentence in absentia: concept and features//Judicial power and criminal process. 2018. № 1. S. 138-143.

[9] Benderskaya E.G. Consideration of a criminal case in the absence of the defendant: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2010. 211 pp.

[10] Kazakov A.A. Trial of criminal cases in absentia: dis.... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2009. 281 pp.

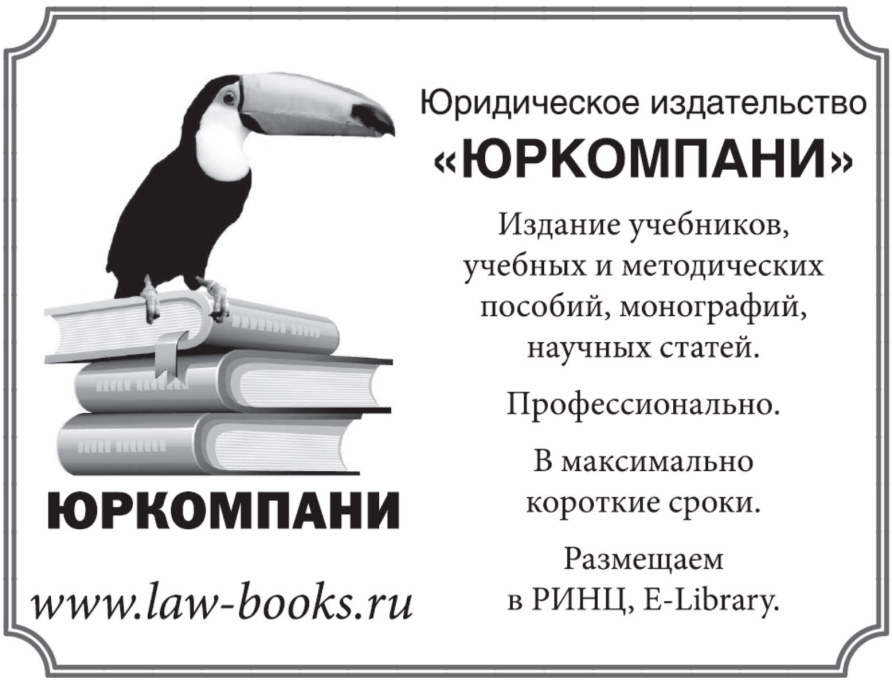
[11] Fatykhova L.M. Peculiarities of considering criminal cases of grave and especially grave crimes in the absence of the defendant: dis.... cand. jurid. sciences. Ufa, 2010. 226 pp.

[12] Benderskaya E.G. Consideration of a criminal case in the absence of the defendant: abstract. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2010. 31 pp.

[13] De Salvia M. Precedents of the European Court of Human Rights. Guidelines for jurisprudence relating to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Judicial practice from 1960 to 2002 St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. 1072 s.

[14] Arabuli D.T. Correspondence proceedings in criminal cases: history and modernity: textbook/scientific. ed. A.P. Guskova. Chelyabinsk: Polygraph Master, 2007. 150 s.

[15] Ruling of the European Court of Human Rights of 12 February 1985 in "Colozza v. Italy," Complaint No. 9024/80.



Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-257-263

ГАДЖИЭМЕНОВ Багавдиншайих Абдулкадирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридический институт Дагестанского государственного университета ул. Коркмасова, 8, г. Махачкала, Российская Федерация,

e-mail: ugpravodgu@mail.ru

ЯХЬЯЕВ Абдурашид Тимурович,

магистрант Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация,

e-mail: ugpravodgu@mail.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА, ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Аннотация. *В статье исследуется историко-правовое развитие уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, экстремистскую деятельность и преступления против мира и безопасности человечества. Рассматриваются международно-правовые предпосылки криминализации, место ст. 354.1 УК РФ в системе главы 34 УК РФ, связь этой нормы с антиэкстремистскими составами, а также влияние последних изменений законодательства 2021 и 2026 гг. На основе нормативных актов, разъяснений Верховного Суда РФ и научных работ показано, что действующее регулирование нуждается не столько в дальнейшем расширении санкций, сколько в уточнении понятий, разграничении составов и формировании специальных ориентиров судебной практики. Авторы обосновывают необходимость различать уголовно наказуемую реабилитацию нацизма, научную историческую дискуссию и иные формы противоправного экстремистского поведения.*

Ключевые слова: *реабилитация нацизма; экстремистская деятельность; уголовная ответственность; историческая память; Нюрнбергский трибунал; преступления против мира; Верховный Суд РФ.*

GADZHIEMENOV Bagavdinshayikh Abdulkadirovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology Law Institute, Dagestan State University 8 Korkmasova St., Makhachkala, Russian Federation

YAKHYAEV Abdurashid Timurovich,

Master's student, Law Institute, Dagestan State University Makhachkala, Russian Federation

HISTORICAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF CRIMINAL LIABILITY FOR REHABILITATION OF NAZISM, EXTREMIST ACTIVITY AND CRIMES AGAINST PEACE AND SECURITY OF MANKIND

Annotation. *The article examines the historical and legal development of criminal liability for rehabilitation of Nazism, extremist activity and crimes against peace and security of mankind. The study analyzes the international legal background of criminalization, the place of Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation within Chapter 34, its relationship with extremist offences, and the influence of legislative amendments adopted in 2021 and 2026. The authors argue that further development of this area should focus not only on harsher sanctions, but also on clearer statutory terminology, differentiation of offences and special interpretative guidance from the Supreme Court of the Russian Federation.*

Key words: *rehabilitation of Nazism; extremist activity; criminal liability; historical memory; Nuremberg Tribunal; crimes against peace; Supreme Court of the Russian Federation.*

Введение

Уголовно-правовая охрана исторической памяти в российском праве сложилась не сразу. В действующем виде она возникла на пересечении трех линий развития: международно-правового осуждения нацизма, внутреннего противодействия экстремистской деятельности и формирования специальных уголовно-правовых запретов, направленных против оправдания или отрицания преступлений нацизма. Эта связь требует осторожного анализа. Если рассматривать ст. 354.1 УК РФ только как норму об исторической памяти, остается вне поля зрения ее связь с преступлениями против мира и безопасности человечества. Если же свести ее к разновидности антиэкстремистского запрета, теряется международно-правовая природа осуждения нацизма.

Актуальность темы определяется не только расширением уголовного закона. После поправок 2020 г. Конституция РФ закрепляет обязанность государства чтить память защитников Отечества и обеспечивать защиту исторической правды [1]. Однако конституционное значение исторической памяти не означает, что любое ошибочное, резкое или неприемлемое высказывание о событиях Второй мировой войны должно автоматически получать уголовно-правовую оценку. Уголовное право действует в более узкой плоскости: оно реагирует на общественно опасные действия, обладающие признаками состава преступления, а не на саму по себе спорность исторического суждения.

Цель статьи состоит в том, чтобы проследить историко-правовое развитие ответственности за реабилитацию нацизма и экстремистскую деятельность, определить место ст. 354.1 УК РФ в системе преступлений против мира и безопасности человечества и предложить направления совершенствования действующего регулирования. Для достижения этой цели используются формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также анализ научных подходов и разъяснений высшей судебной инстанции.

Международно-правовая и конституционная основа уголовно-правового запрета

Правовая оценка нацизма была дана прежде всего не национальным, а международным уголовным правом. Устав Международного военного трибунала закрепил ответственность за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности [2]. Для последующего российского уголовного права это имеет принципиальное значение: запрет на реабилитацию нацизма не возник как обычная реакция на оскорбительное высказывание. Его источник связан с юридическим осуждением режима, развязавшего агрессивную войну и применявшего массовое уничтожение людей как элемент государственной политики.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него дополнительно закрепила самостоятельное значение запрета уничтожения национальных, этнических, расовых и религиозных групп [3]. В контексте современного российского права это особенно важно после включения в ст. 354.1 УК РФ отрицания факта геноцида советского народа и одобрения такого геноцида. Законодатель тем самым усилил связь рассматриваемой нормы не просто с памятью о войне, а с международно-правовой категорией преступления, направленного против существования человеческих групп.

В научной литературе эта связь обычно объясняется через особую природу нацизма. А. Ю. Иванов, исследуя уголовную ответственность за реабилитацию нацизма, исходит из того, что криминализация такой деятельности юридически оправдана именно в системе преступлений против мира и безопасности человечества, поскольку нацизм исторически проявился не только как идеология превосходства, но и как практика уничтожения [4, с. 9]. Этот вывод можно принять, но с важным уточнением: не все действия, помещенные в действующую ст. 354.1 УК РФ, одинаково очевидно посягают на безопасность человечества. Отрицание Нюрнбергского приговора и одобрение преступлений нацистов по своей природе ближе к международно-правовому объекту, чем, например, оскорбление памяти защитников Отечества, которое имеет еще и личностный, нравственный и мемориальный аспект.

Отсюда возникает первая проблема законодательной конструкции. Статья 354.1 УК РФ находится в главе 34 УК РФ, но после изменений 2021 и 2026 гг. ее содержание стало шире классического запрета на отрицание преступлений нацизма. В одной норме соединены отрицание фактов, установленных Нюрнбергским приговором, одобрение преступлений, отрицание или одобрение геноцида советского народа, распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР и ветеранах, оскорбление памяти защитников Отечества, унижение чести и достоинства ветерана, а также осквернение символов воинской славы. Законодательная цель понятна, но системность нормы от этого стала слабее.

Глава 34 УК РФ изначально включала составы, направленные против агрессивной войны, применения запрещенных средств и методов ведения войны, геноцида, экоцида,

наемничества и иных деяний, затрагивающих международную безопасность [5]. Статья 354.1 УК РФ вписывается в эту главу лишь в той мере, в какой она охраняет юридически установленные итоги Второй мировой войны и препятствует оправданию преступной идеологии. Когда же норма используется для защиты памяти ветеранов или символов воинской славы, объект становится более сложным. Это не означает, что соответствующие деяния не должны быть наказуемыми. Вопрос в другом: законодатель должен яснее показать, почему все они объединены в одной статье и каким образом соотносятся между собой.

Развитие ответственности за экстремистскую деятельность и реабилитацию нацизма

Российская антиэкстремистская модель получила нормативное оформление в начале 2000-х годов. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» закрепил широкий перечень действий, относимых к экстремизму: от насильственного изменения основ конституционного строя до возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни и пропаганды исключительности либо неполноценности человека по соответствующим признакам [6]. Уголовный кодекс в дальнейшем развивал эту линию через ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ и связанные составы [5].

Исторически эта линия отличается от развития ответственности за преступления против мира. Экстремистские составы защищают основы конституционного строя, общественную безопасность, межнациональное и межрелигиозное согласие. Реабилитация нацизма затрагивает эти объекты, но не исчерпывается ими. Л. З. Багандова удачно формулирует соотношение этих понятий: «экстремизм – лишь общее, родовое понятие для нацизма» [7, с. 11]. Такая позиция позволяет избежать двух крайностей. Нацизм нельзя сводить к обычной разновидности экстремизма, поскольку он имеет конкретный историко-правовой центр. Но и отделять нацизм от экстремистских форм поведения полностью нельзя: современная пропаганда нацизма почти всегда использует инструменты радикализации, групповой ненависти, символического насилия и цифрового распространения.

Статья 354.1 УК РФ была введена Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ [8]. Первоначальная конструкция охватывала отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, одобрение преступлений, установленных этим приговором, а также распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. В этой редакции статья была более компактной и сильнее привязанной к Нюрнбергскому процессу. Основной вопрос тогда состоял в доказывании заведомости ложных сведений и разграничении уголовно наказуемого отрицания от исторической дискуссии.

Е. В. Грибанов и И. В. Яблонский при анализе этого признака обращают внимание на необходимость установить «точное осознание виновным» ложности распространяемых сведений [9, с. 146]. Это короткая, но важная формула. Если заведомость подменяется самим фактом несоответствия высказывания официальной историко-правовой оценке, состав становится чрезмерно широким. Заведомость должна подтверждаться обстоятельствами дела: источниками информации, подготовкой лица, предыдущими публикациями, отказом исправить очевидно ложные сведения, способом подачи материала, направленностью текста или изображения.

Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 59-ФЗ изменил ст. 354.1 УК РФ существенно сильнее, чем это иногда представляется [10]. В норму были включены заведомо ложные сведения о ветеранах Великой Отечественной войны, оскорбление памяти защитников Отечества, унижение чести и достоинства ветерана, а также новые квалифицирующие признаки. Эти изменения расширили охранительный потенциал статьи, но одновременно усилили ее внутреннюю неоднородность. Память о защитниках Отечества нуждается в уголовно-правовой защите только при наличии действительно общественно опасного поведения. Но смешение такой защиты с отрицанием Нюрнбергского приговора осложняет квалификацию.

М. Г. Левандовская рассматривает реабилитацию нацизма как преступление, находящееся в общем ряду законодательных реакций на отрицание и оправдание преступлений нацистского режима. Ее анализ показывает, что российская норма не является изолированной, но имеет более широкий предмет регулирования, чем классические запреты отрицания Холокоста в ряде зарубежных правопорядков [11, с. 155–162]. Именно здесь и возникает российская специфика: законодатель охраняет не только память о жертвах нацизма, но и роль СССР в победе, статус ветеранов, символы воинской славы, память защитников Отечества. Такое расширение можно понять исторически, но юридически оно требует более четкой систематизации.

В 2026 г. ст. 354.1 УК РФ была дополнена положением об отрицании факта геноцида советского народа и одобрении геноцида советского народа [12]. Это изменение усилило

связь статьи с международно-правовой категорией геноцида, однако одновременно поставило перед правоприменением новый вопрос: какие именно факты должны считаться установленными для целей уголовной ответственности. Понятие геноцида не должно превращаться в публицистический термин. Оно имеет строгую юридическую природу, связанную с намерением уничтожить группу полностью или частично. Поэтому применение новой редакции требует опоры на установленные фактические обстоятельства, судебные акты, архивные материалы и экспертные заключения, а не только на общую оценку событий военного периода.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 имеет значение прежде всего для экстремистских составов, но его подходы применимы и к анализу публичных форм реабилитации нацизма. Верховный Суд РФ указывает, что публичные призывы окончены с момента публичного провозглашения или распространения хотя бы одного обращения, а при оценке интернет-публикаций необходимо учитывать содержание материала, контекст размещения, комментарии, направленность умысла и иные обстоятельства [13]. Этот подход важен: размещение изображения, репоста или комментария само по себе не должно заменять доказывание прямого умысла. В делах о реабилитации нацизма это особенно чувствительно, поскольку материалы часто распространяются в форме мемов, монтажей, цитат, исторических фотографий или провокационных комментариев.

Проблемы квалификации и направления совершенствования законодательства

Главный квалификационный риск состоит в смешении трех разных правовых явлений: реабилитации нацизма, экстремистского высказывания и оскорбительного отношения к памяти о войне. Они могут совпадать в одном деянии, но могут существовать отдельно. Например, публичное одобрение преступлений нацистского режима способно одновременно образовывать признаки ст. 354.1 УК РФ и содержать элементы возбуждения ненависти. Однако грубое оскорбление ветерана без отрицания преступлений нацизма и без экстремистской направленности имеет иную правовую природу. Если эти различия не проводить, ст. 354.1 УК РФ превращается в чрезмерно широкую норму.

И. В. Пикин и И. А. Тараканов обращают внимание на несоответствие между названием статьи и ее содержанием. Авторы поддерживают необходимость защиты исторической памяти, но фактически показывают, что действующая редакция статьи объединяет слишком разные действия [14, с. 140–146]. С этим выводом следует согласиться частично. Само название «реабилитация нацизма» может сохраняться как общее обозначение преступления. Но внутри статьи нужно строже разграничить составы. Отрицание Нюрнбергского приговора, одобрение преступлений нацизма и отрицание геноцида советского народа должны образовывать центральную часть нормы. Оскорбление памяти защитников Отечества и унижение чести ветерана требуют либо отдельной статьи, либо отдельной части с ясно обозначенным непосредственным объектом.

Ю. О. Гончарова, анализируя преступления против мира и безопасности человечества, пишет о слабой «насыщенности дифференцирующими обстоятельствами» в главе 34 УК РФ [15, с. 110]. В отношении ст. 354.1 УК РФ эта проблема видна особенно отчетливо. Законодатель расширяет состав и усиливает санкции, но дифференциация ответственности пока остается неровной. Использование сети Интернет уже учитывается как квалифицирующий признак. Но не менее значимыми могут быть организованный характер действий, участие устойчивого неонацистского сообщества, вовлечение несовершеннолетних, использование служебного положения, целенаправленная кампания по распространению материалов, а также искусственное изготовление доказательств исторической фальсификации.

При этом механическое ужесточение наказания не решает задачу. Уголовная политика в данной сфере должна учитывать принцип последнего средства. Там, где лицо допустило грубую ошибку, не осознавало ложность сведений, не стремилось одобрить преступления нацизма и не распространяло материал публично, уголовная ответственность будет сомнительной. Иная ситуация возникает при систематической публикации материалов, направленных на оправдание нацистской политики, отрицание установленного геноцида или героизацию преступников. Эти случаи нельзя ставить в один ряд.

Отдельного внимания требует граница между научной исторической дискуссией и уголовно наказуемым отрицанием. Историческая наука неизбежно работает с оценками, источниками, версиями и спорными интерпретациями. Уголовное право не должно вмешиваться в добросовестную исследовательскую деятельность, даже если выводы автора вызывают критику. Но ссылка на научную дискуссию не может прикрывать сознательное отрицание юридически установленных фактов или одобрение преступлений. Решение этой проблемы возможно через более точное раскрытие признака

заведомости и через специальные разъяснения Верховного Суда РФ.

Первое направление совершенствования законодательства связано с понятийным аппаратом. В примечании к ст. 354.1 УК РФ либо в постановлении Пленума Верховного Суда РФ следует раскрыть содержание терминов «одобрение преступлений», «отрицание факта геноцида советского народа», «одобрение геноцида советского народа», «заведомо ложные сведения», «оскорбление памяти защитников Отечества» и «унижение чести и достоинства ветерана». Без таких ориентиров суд будет вынужден сам наполнять оценочные признаки содержанием, что повышает риск неодинаковой практики.

Второе направление — разграничение со ст. 280, 282, 282.1 и 282.2 УК РФ. Если деяние выражается в призыве к насилию, возбуждении ненависти либо участии в деятельности запрещенной организации, квалификация должна строиться с учетом специального объекта и фактической направленности действий. Реабилитация нацизма не должна поглощать все формы неонацистской активности. В одних случаях она будет самостоятельным составом, в других — сочетаться с экстремистскими преступлениями, в третьих — уступать им место при отсутствии признаков отрицания или одобрения преступлений нацизма.

Третье направление — специальное судебное разъяснение по ст. 354.1 УК РФ. Действующее постановление Пленума № 11 полезно, но оно создавалось для экстремистских преступлений. По делам о реабилитации нацизма необходимо отдельно указать критерии публичности, момент окончания преступления, правила оценки репостов и изображений, пределы экспертного исследования, значение исторического контекста, а также признаки, по которым можно отличить исследовательскую позицию от заведомой фальсификации. Такое разъяснение не ослабит уголовно-правовую охрану. Напротив, оно сделает ее более точной.

Четвертое направление касается структуры самой статьи. Рациональным представляется разделение ст. 354.1 УК РФ на более ясные блоки: деяния, связанные с отрицанием или одобрением преступлений нацизма и геноцида; распространение заведомо ложных сведений; посягательства на память защитников Отечества и ветеранов; квалифицированные формы с использованием сети Интернет, служебного положения, организованного характера или искусственного создания доказательств. Такая редакция уменьшит риск смешения объектов и позволит применять норму предсказуемее.

Сохранение ст. 354.1 УК РФ в главе 34 УК РФ в целом оправдано. Перенос нормы в блок преступлений против общественной безопасности сузил бы ее международно-правовой смысл. Но для сохранения этой конструкции законодатель должен показать, что статья защищает не просто государственную историческую политику, а юридически установленные итоги борьбы с нацизмом, память о жертвах и защитниках, а также недопустимость повторной легитимации преступной идеологии.

Заключение

Историко-правовое развитие ответственности за реабилитацию нацизма показывает постепенное наложение нескольких правовых пластов. Сначала международное право осудило агрессивную войну, военные преступления и преступления против человечности. Затем российское уголовное право закрепило систему преступлений против мира и безопасности человечества. Позднее была создана антиэкстремистская модель, направленная на защиту конституционного строя и общественной безопасности. Наконец, в 2014 г. появилась специальная ст. 354.1 УК РФ, которая после изменений 2021 и 2026 гг. стала одним из ключевых инструментов уголовно-правовой охраны исторической памяти.

Криминализация реабилитации нацизма в целом является обоснованной. Нацизм не может рассматриваться как обычная политическая позиция, поскольку его историческое содержание связано с агрессивной войной, массовым уничтожением, расовым и национальным преследованием. Вместе с тем действующая редакция ст. 354.1 УК РФ нуждается в уточнении. Она объединяет разные по объекту и способу совершения деяния, что усложняет квалификацию и создает риск слишком широкого толкования.

Совершенствование законодательства должно идти не только по пути расширения санкций. Более важны понятийная определенность, разграничение с экстремистскими составами, специальное разъяснение Верховного Суда РФ и структурное упорядочение статьи. Такая модель позволит сохранить строгую уголовно-правовую защиту от оправдания нацизма и одновременно не превращать уголовный закон в средство реакции на любую спорную историческую оценку.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.05.2026).

[2] Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси: принят 8 августа 1945 г. // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 01.05.2026).

[3] Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него: принята Резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 01.05.2026).

[4] Иванов, А. Ю. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. Ю. Иванов. – Краснодар, 2018. – 29 с.

[5] Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: (ред. от 09.04.2026) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.05.2026).

[6] Российская Федерация. Законы. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ: (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 01.05.2026).

[7] Багандова, Л. З. Реабилитация нацизма как состав преступления по уголовному законодательству Российской Федерации: объективные признаки / Л. З. Багандова // Полицейская деятельность. – 2024. – № 5. – С. 10–23.

[8] Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 01.05.2026).

[9] Грибанов, Е. В. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: историко-правовые основания и характеристика / Е. В. Грибанов, И. В. Яблонский // Общество и право. – 2017. – № 1. – С. 145–149.

[10] Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 59-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381360/ (дата обращения: 01.05.2026).

[11] Левандовская, М. Г. Реабилитация нацизма как преступление / М. Г. Левандовская // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12 (52). – С. 155–162.

[12] Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 9 апреля 2026 г. № 100-ФЗ // СПС Гарант. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413941467/ (дата обращения: 01.05.2026).

[13] Российская Федерация. Верховный Суд РФ. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11: (ред. от 23.12.2025) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 01.05.2026).

[14] Пикин, И. В. К вопросу об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма / И. В. Пикин, И. А. Тараканов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 4. – С. 140–146.

[15] Гончарова, Ю. О. Преступления против мира и безопасности человечества (гл. 34 УК РФ): некоторые проблемы дифференциации ответственности / Ю. О. Гончарова // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 109–114.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: (with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020)//Official Internet portal of legal information. - URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 01.05.2026).

[2] Charter of the International Military Tribunal for the Trial and Punishment of the Main War Criminals of the European Axis Countries: adopted on August 8, 1945//SPS Consultant Plus. - URL: https://www.consultant.ru (access date: 01.05.2026).

[3] Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide: adopted by UN General Assembly Resolution 260 (III) of December 9, 1948//United Nations. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 01.05.2026).

[4] Ivanov, A. Yu. Criminal liability for the rehabilitation of Nazism: specialty 12.00.08 “Criminal Law and Criminology; criminal executive law”: abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences/A. Yu. Ivanov. - Krasnodar, 2018. - 29 s.

[5] Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ dated June 13, 1996: (as amended by 09.04.2026) // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date:

01.05.2026).

[6] Russian Federation. Laws. On countering extremist activity: Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002: (latest edition)//SPS Consultant Plus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (access date: 01.05.2026).

[7] Bagandova, L. Z. Rehabilitation of Nazism as a corpus delicti under the criminal legislation of the Russian Federation: objective signs/L. Z. Bagandova//Police activity. – 2024. – № 5. - S. 10-23.

[8] Russian Federation. Laws. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of May 5, 2014 No. 128-FZ// SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru (access date: 01.05.2026).

[9] Gribanov, E.V. Criminal liability for the rehabilitation of Nazism: historical and legal grounds and characteristics/E.V. Gribanov, I.V. Yablonsky// Society and law. – 2017. – № 1. - S. 145-149.

[10] Russian Federation. Laws. On amendments to Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of April 5, 2021 No. 59-FZ//SPS Consultant Plus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381360/ (access date: 01.05.2026).

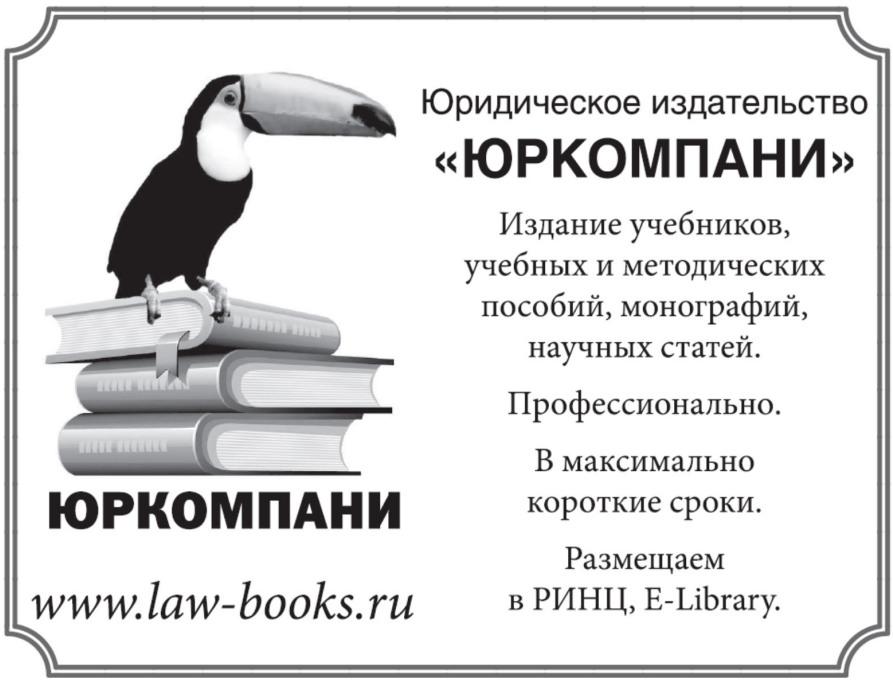
[11] Levandovskaya, M. G. Rehabilitation of Nazism as a crime/M. G. Levandovskaya//Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). – 2018. – № 12 (52). - S. 155-162.

[12] Russian Federation. Laws. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of April 9, 2026 No. 100-FZ//SPS Guarantor. - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413941467/ (access date: 01.05.2026).

[13] Russian Federation. Supreme Court of the Russian Federation. On judicial practice in criminal cases of extremist crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11: (as amended by 23.12.2025) // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (access date: 01.05.2026).

[14] Pikin, I.V. On the issue of criminal liability for the rehabilitation of Nazism/I.V. Pikin, I.A. Tarakanov//Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2022. - T. 8 (74), NO. 4. - S. 140-146.

[15] Goncharova, Yu. O. Crimes against the peace and security of mankind (Chapter 34 of the Criminal Code of the Russian Federation): some problems of differentiation of responsibility/Yu. O. Goncharova//Legal Bulletin of Samara University. – 2021. - T. 7, NO. 1. - S. 109-114.



ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-264-269

НИКИФОРОВА Варвара Евгеньевна,

независимый исследователь, г. Санкт-Петербург,

e-mail: nikiffforovaaaa@gmail.com

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАДАСТРОВОГО УЧЁТА И РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ В ОЭЗ

Аннотация. *Статья посвящена актуальной проблеме цифровизации кадастрового учёта земельных участков в особых экономических зонах Российской Федерации. По состоянию на конец 2025 года в России функционировали 59 ОЭЗ четырёх типов с совокупной площадью свыше 500 км², однако цифровая инфраструктура их кадастрового учёта сохраняет фрагментарный характер. Выявлено ключевое правовое противоречие: ОЭЗ не включены в перечень зон с особыми условиями использования территорий, предусмотренный ст. 105 ЗК РФ, вследствие чего ограничения на земельные участки в их границах не вносятся в ЕГРН автоматически, что нарушает принцип публичной достоверности реестра и порождает информационную асимметрию. Научная новизна исследования состоит в комплексном выявлении правовых коллизий и пробелов, препятствующих интеграции информационных систем управляющих компаний ОЭЗ с ФГИС ЕГРН, а также в разработке конкретных законодательных и технических мер по их устранению.*

Ключевые слова: *особые экономические зоны, цифровизация кадастрового учёта, ЕГРН, зоны с особыми условиями использования территорий, транзакционные издержки, публичная достоверность реестра, межведомственное электронное взаимодействие.*

NIKIFOROVA Varvara Evgenievna,

Independent researcher, St. Petersburg

DIGITALIZATION OF CADASTRAL REGISTRATION AND REGISTRATION OF LAND RIGHTS IN SPECIAL ECONOMIC ZONES

Annotation. *The article addresses the current problem of digitalization of cadastral registration of land plots in special economic zones (SEZs) of the Russian Federation. As of the end of 2025, 59 SEZs of four types with a total area of over 500 square kilometers operated in Russia; however, the digital infrastructure of their cadastral registration remains fragmented. A key legal contradiction has been identified: SEZs are not included in the list of zones with special conditions for the use of territories provided for by Article 105 of the Land Code of the Russian Federation, as a result of which restrictions on land plots within their boundaries are not automatically entered into the Unified State Register of Real Estate (USRRE), which violates the principle of public reliability of the register and generates information asymmetry. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive identification of legal conflicts and gaps that prevent the integration of SEZ management companies' information systems with the Federal State Information System of the USRRE, as well as in the development of specific legislative and technical measures to eliminate them.*

Key words: *special economic zones, digitalization of cadastral registration, Unified State Register of Real Estate, zones with special conditions for land use, transaction costs, public reliability of the register, interdepartmental electronic interaction.*

Введение

Особые экономические зоны (далее – ОЭЗ) занимают особое место в российской системе землепользования: земельные участки, расположенные в их границах, одновременно подпадают под действие двух правовых режимов – общего режима кадастрового учёта и специального режима управления. Согласно данным Министерства экономического развития Российской Федерации, на конец 2025 года на территории Российской Федерации функционировали 59 ОЭЗ четырёх типов с совокупной площадью свыше 500 км², а число резидентов превысило 1 000 компаний. Масштаб явления и объём привлекаемых инвестиций делают точность и полноту кадастровых данных о

земельных участках в ОЭЗ критически важными для инвестиционного климата страны в целом.

Вместе с тем цифровая инфраструктура кадастрового учёта земель ОЭЗ по-прежнему носит фрагментированный характер [10, с. 403]: информационные системы АО «Особые экономические зоны» как управляющей компании не интегрированы в Федеральную государственную информационную систему Единого государственного реестра недвижимости (далее – ФГИС ЕГРН). Следствием этого является несвоевременное отражение в реестре сведений об ограничениях и обременениях земельных участков, а также об изменениях их разрешённого использования. Практическая направленность проблематики подтверждается данными Росреестра: средний срок регистрации прав на участки в ОЭЗ в 2025 году составлял 9 рабочих дней против законодательно установленных 7 дней, а доля приостановлений регистрационных действий по участкам в ОЭЗ достигала 14% против 6% по стране в целом [11].

Причина сложившейся ситуации состоит не в техническом несовершенстве ФГИС ЕГРН, прошедшей масштабную модернизацию в 2021–2022 годах, а в правовой неопределённости полномочий по внесению информации, относящейся к зонам с особыми условиями использования территорий, применительно к ОЭЗ [7, с. 28]. Устранение данной неопределённости является необходимым условием обеспечения достоверности реестра и снижения транзакционных издержек участников земельного оборота.

Целью настоящего исследования является выявление правовых коллизий и технологических пробелов в системе кадастрового учёта земель ОЭЗ, а также обоснование комплекса мер законодательного и технического характера, направленных на интеграцию информационных систем управляющих компаний ОЭЗ с ФГИС ЕГРН.

Методы

В ходе исследования применялся комплекс методов, характерных для правовых и управленческих исследований в области цифровой трансформации государственного управления. Основным инструментом анализа нормативной базы выступил формально-юридический метод: были изучены положения Земельного кодекса Российской Федерации (прежде всего ст. 105–106) [2], Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [3], Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [4], а также подзаконные акты Росреестра и Минэкономразвития России в части регулирования кадастрового учёта и межведомственного электронного взаимодействия.

Для выявления системных противоречий в действующем законодательстве применялся метод сравнительно-правового анализа: сопоставлялись правовые режимы кадастрового учёта земельных участков в ОЭЗ Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Республики Сингапур. Выбор именно этих юрисдикций обусловлен их ведущей ролью в международной конкуренции за инвестиции в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона, а также наличием документально описанных технических решений по интеграции кадастровых и реестровых данных.

Эмпирическую основу исследования составили официальные статистические данные Росреестра о средних сроках регистрации прав и доле приостановлений регистрационных действий по участкам в ОЭЗ за 2024–2025 годы, а также технические документы, раскрывающие архитектуру ФГИС ЕГРН версий 2021–2022 годов и функциональные возможности Единой системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ 3.0). В части анализа зарубежного опыта использовались материалы, опубликованные в рецензируемых изданиях, в том числе исследование Wang Y. и Li X. [12, с. 214–231], посвящённое интеграции кадастровых данных в китайских ОЭЗ.

Интерпретация выявленных правовых коллизий осуществлялась с опорой на системный метод: каждая выявленная норма рассматривалась в контексте всей совокупности правовых актов, регулирующих отношения в сфере кадастрового учёта и управления ОЭЗ. Это позволило установить не только формальные противоречия, но и определить их место в иерархии нормативного регулирования. На завершающем этапе исследования применялся метод правового моделирования: на основе анализа действующей нормативной базы и технической архитектуры информационных систем были разработаны конкретные предложения по внесению изменений в законодательство и технические регламенты.

Результаты

Проведённый анализ позволил установить три взаимосвязанных противоречия, формирующих системный сбой в механизме кадастрового учёта земельных участков в ОЭЗ.

Первое и ключевое противоречие носит нормативный характер. В статье 106 Земельного кодекса Российской Федерации законодатель связывает юридическую силу зоны с особыми условиями использования территории с её обязательным внесением в ЕГРН. Между тем ОЭЗ не включены в перечень таких зон, установленный частью 1 статьи 105 ЗК РФ. Это означает, что

ограничения, предусмотренные соглашением об управлении ОЭЗ, в автоматическом режиме в ЕГРН не отражаются и, следовательно, формально лишены механизма обязательной публичной фиксации, обеспечивающей их действие в отношении третьих лиц.

На практике это порождает ситуацию, при которой участок в ЕГРН числится с видом разрешённого использования «для размещения промышленных объектов» (код 6.0 Классификатора видов разрешённого использования), тогда как соглашение с резидентом ОЭЗ накладывает дополнительные отраслевые ограничения, зафиксированные лишь во внутренней документации управляющей компании [8, с. 31]. При переходе прав на участок новый правообладатель не получает из выписки ЕГРН полной картины обременений, что прямо противоречит принципу публичной достоверности реестра, закреплённому в ст. 8.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

Второе противоречие связано с организацией межведомственного информационного обмена. Цифровые платформы управляющих компаний ОЭЗ – в частности, система «Резидент» АО «ОЭЗ» – функционируют в изолированном режиме без API-взаимодействия с ФГИС ЕГРН. Межведомственный обмен данными формально осуществляется через Единую систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ 3.0), однако формат передачи сведений об ограничениях в ОЭЗ нормативно не закреплён: соответствующие технологические документы Росреестра не содержат специальной XML-схемы для объектов в границах ОЭЗ. Это означает, что даже при наличии технической готовности инфраструктуры правовой механизм для автоматизированной передачи данных отсутствует.

Третье противоречие выражается в рассогласованности Классификатора видов разрешённого использования земельных участков, утверждённого Приказом Росреестра, с потребностями ОЭЗ [9, с. 284]: действующий Классификатор не предусматривает специальных кодов для участков, в отношении которых действуют ограничения, установленные соглашениями с резидентами ОЭЗ [5]. Следствием этого является то, что правовой режим таких участков не может быть корректно отражён в кадастровых данных даже в случае, если управляющая компания предпримет попытку самостоятельно внести соответствующие сведения.

Описанные противоречия наглядно иллюстрирует сравнение ключевых показателей кадастрового учёта для участков в ОЭЗ и вне их, представленное в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительные показатели регистрации прав на земельные участки в ОЭЗ и вне ОЭЗ в Российской Федерации (2025 г.)

Показатель	Участки в ОЭЗ	Участки вне ОЭЗ
Средний срок регистрации прав, рабочих дней	9	7 (норматив)
Доля приостановлений регистрационных действий, %	14	6
Доля участков с неотражёнными в ЕГРН ограничениями, %	Оценочно более 60	Менее 5
Наличие специальной XML-схемы в СМЭВ 3.0	Отсутствует	Имеется (для иных зон)

Составлено авторами по данным Росреестра и АО «Особые экономические зоны», 2025.

Обсуждение

Выявленные противоречия российского законодательства становятся более очевидными при сопоставлении с опытом стран – лидеров в области управления ОЭЗ. В Китае система управления особыми экономическими зонами с 2019 года интегрирована с национальной платформой кадастрового учёта через единый реестровый идентификатор участка, к которому «прикреплены» все соглашения с резидентами в машиночитаемом формате [12, с. 220]. Это означает, что любое изменение правового статуса участка в рамках соглашения с резидентом незамедлительно отражается в общедоступном реестре, а третьи лица вправе получить актуальные сведения об ограничениях в режиме реального времени. Сингапурская система SLA (Singapore Land Authority) реализует принцип «единой записи» (one-record principle): любое изменение правового статуса участка в индустриальной зоне немедленно отражается в «Интегрированной системе земельной

информации» (Integrated Land Information Service), что обеспечивает нулевой разрыв между фактическим правовым положением участка и его отражением в реестре.

Существенно, что российская модель технически позволяет аналогичное решение в рамках уже существующей архитектуры ФГИС ЕГРН, поддерживающей работу с объектами-«слоями» (zoning layers) начиная с версии 2022 года [6, с. 12]. Таким образом, барьер носит не технологический, а правовой характер – что принципиально отличает ситуацию в России от ряда развивающихся стран, где цифровая инфраструктура кадастра действительно требует глубокой модернизации.

В российской научной литературе проблема цифровизации кадастрового учёта исследовалась преимущественно в общем контексте, без специального внимания к ОЭЗ. Так, С. А. Липски указывает на сохраняющуюся неопределённость в перспективах законодательного обеспечения кадастрового учёта земель в условиях цифровизации [10, с. 403], однако не рассматривает специфику ОЭЗ как самостоятельный предмет исследования. А. А. Ильина выявляет общие проблемы цифровизации в сфере государственного кадастрового учёта [9, с. 27], не анализируя режим земель ОЭЗ. С. Ю. Игнатовская исследует влияние цифровизации на процессы землеустройства [7, с. 26], акцентируя внимание на технических аспектах. Таким образом, настоящая статья заполняет выявленный пробел в правовой доктрине: ранее правовые коллизии, обусловливающие информационную асимметрию в ЕГРН применительно к земельным участкам в ОЭЗ, комплексно не исследовались, а конкретные механизмы их устранения не предлагались.

Научный вклад настоящего исследования состоит, во-первых, в установлении причинно-следственной связи между отсутствием ОЭЗ в перечне зон с особыми условиями использования территорий и нарушением принципа публичной достоверности ЕГРН; во-вторых, в разработке трёх взаимосвязанных мер – нормативной, организационной и технической – достаточных для устранения выявленных противоречий без создания новых платформ или значительных бюджетных затрат.

Реализация предложенных мер представляется реалистичной с технической точки зрения. Базовая инфраструктура СМЭВ 3.0 уже поддерживает передачу пространственных данных в формате GeoJSON (JavaScript Object Notation), а ФГИС ЕГРН с версии 2022 года располагает необходимыми техническими возможностями для работы с зональными слоями. При наличии соответствующей политической воли разработка и утверждение XML-схемы межведомственного взаимодействия для ОЭЗ потребует, по экспертной оценке, 6–8 месяцев. Промедление с реформированием влечёт прямые экономические потери для инвесторов: нераскрытые обременения в ЕГРН увеличивают транзакционные издержки сделок с землёй в ОЭЗ и снижают инвестиционную привлекательность российских ОЭЗ на фоне конкурентов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Для устранения выявленных нормативных несогласованностей авторы предлагают три взаимосвязанные меры. Первая мера – законодательная. Необходимо дополнить ч. 1 ст. 105 ЗК РФ пунктом 29, включив ОЭЗ в перечень зон с особыми условиями использования территорий. Это обяжет вносить в ЕГРН все ограничения, установленные для конкретного участка в границах ОЭЗ, включая отраслевые требования соглашений с резидентами. Данное изменение не требует перестройки технической архитектуры ЕГРН – достаточно расширения действующего классификатора видов зон с особыми условиями использования территорий. Вторая мера – организационная. Следует внести в ст. 32 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» специальную норму об обязанности управляющей компании ОЭЗ в течение 5 рабочих дней с момента подписания соглашения с резидентом направлять в орган регистрации прав сведения об ограничениях в отношении конкретных кадастровых номеров участков. Аналогичная обязанность уже действует для органов охраны объектов культурного наследия (ч. 5 ст. 32 названного закона), что делает распространение данной модели на управляющие компании ОЭЗ системно обоснованным. Третья мера – техническая. Необходима разработка и утверждение Росреестром совместно с Минэкономразвития специального формата межведомственного взаимодействия через СМЭВ 3.0 для передачи сведений об ограничениях в ОЭЗ с закреплением соответствующей XML-схемы в технологических документах.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что несоответствие между цифровыми сервисами ЕГРН и автоматизированными системами управляющих компаний ОЭЗ вызвано не техническими ограничениями, а правовыми пробелами и коллизиями норм действующего законодательства. Существующая система ФГИС ЕГРН уже располагает необходимыми техническими возможностями для отражения всей совокупности ограничений и обременений

земельных участков в границах ОЭЗ, однако реализация этих возможностей заблокирована на нормативном уровне.

Научная новизна проведённого исследования состоит в комплексном выявлении трёх взаимосвязанных правовых коллизий – отсутствия ОЭЗ в перечне зон с особыми условиями использования территорий, отсутствия обязанности управляющих компаний по направлению сведений в Росреестр и отсутствия технического регламента межведомственного обмена – и в разработке точечного комплекса мер, устраняющих каждую из них в отдельности и всю систему в совокупности.

Выявленные несогласованности создают устойчивую информационную асимметрию, подрывающую принцип публичной достоверности реестра и увеличивающую транзакционные издержки для инвесторов. Предложенные меры – дополнение ч. 1 ст. 105 ЗК РФ, внесение специальной нормы в ст. 32 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» и утверждение XML-схемы межведомственного взаимодействия через СМЭВ 3.0 – носят точечный характер, не требуют создания новых платформ или значительных бюджетных затрат и могут быть реализованы в разумные сроки. Их реализация позволит устранить информационную асимметрию на рынке земельных участков в ОЭЗ, привести российское законодательство в соответствие с лучшими международными практиками в данной области и повысить инвестиционную привлекательность российских ОЭЗ на фоне конкурентов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[2] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

[3] Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4344.

[4] Федеральный закон от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3127.

[5] Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 25 декабря 2020 года № П/0489 «О порядке взимания и размерах платы за подготовку схемы расположения земельного участка или земельных участков на кадастровом плане территории в форме электронного документа с использованием официального сайта Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

[6] Варданян Н. А. Регулирование кадастрового учета недвижимости в России: от традиций прошлого к технологиям будущего // Modern Science. – 2023. – № 2-2. – С. 5-21.

[7] Игнатовская С. Ю. Влияние цифровизации на процессы землеустройства и кадастрового учета // Природообустройство и природопользование геоландшафтов. – 2024. – № 4. – С. 26–30.

[8] Ильина А. А. Проблемы цифровизации в сфере государственного кадастрового учета // Инновационное развитие экономики России: вызовы и решения: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 13 мая 2021 года. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2021. – С. 27–37.

[9] Косова А. Ю. Правовое регулирование по землеустройству по законодательству Российской Федерации: проблемы реализации и перспективы развития // Вестник науки. – 2025. – Т. 3, № 10(91). – С. 281-300.

[10] Липски С. А. Сохраняющаяся неопределенность в перспективах законодательного обеспечения кадастрового учета земель и земельных участков в условиях цифровизации // Пробелы в праве в условиях цифровизации: Сборник научных трудов. – Москва: Инфотропик Медиа, 2022. – С. 401–410.

[11] Росреестр. Статистический сборник «Государственная регистрация прав и кадастровый учет» за 2025 год. М., 2025.

[12] Wang Y., Li X. Digital Land Registry Integration in Chinese Special Economic Zones // Asian Journal of Law and Society. – 2022. – Vol. 9. – № 2. – P. 214–231.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended 31.07.2025, as amended 25.03.2026) (as amended and supplemented, entry as of 01.08.2025) //Collection of legislation of the Russian Federation.

– 1994. – № 32. - Art. 3301.

[2] Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated October 25, 2001 (as amended 30.01.2026) (as amended and supplemented, entry as of 01.03.2026) //Collection of legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 44. - Art. 4147.

[3] Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate "//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. - No. 29 (part I). - Art. 4344.

[4] Federal Law of July 22, 2005 No. 116-FZ "On Special Economic Zones in the Russian Federation "//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2005. - No. 30 (part II). - Art. 3127.

[5] Order of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography of December 25, 2020 No. P/0489 "On the procedure for charging and the amount of fees for the preparation of a scheme for the location of a land plot or land plots on the cadastral plan of the territory in the form of an electronic document using the official website of the Federal State Registration Service, cadastre and cartography in the information and telecommunication network "Internet"" [Electronic resource]//Official Internet portal of legal information. - Access mode: http://www.pravo.gov.ru (access date: 01.04.2026).

[6] Vardanyan N. A. Regulation of cadastral registration of real estate in Russia: from the traditions of the past to the technologies of the future//Modern Science. – 2023. – № 2-2. - S. 5-21.

[7] Ignatovskaya S. Yu. Impact of digitalization on the processes of land management and cadastral registration//Environmental management and nature management of geolandscapes. – 2024. – № 4. - S. 26-30.

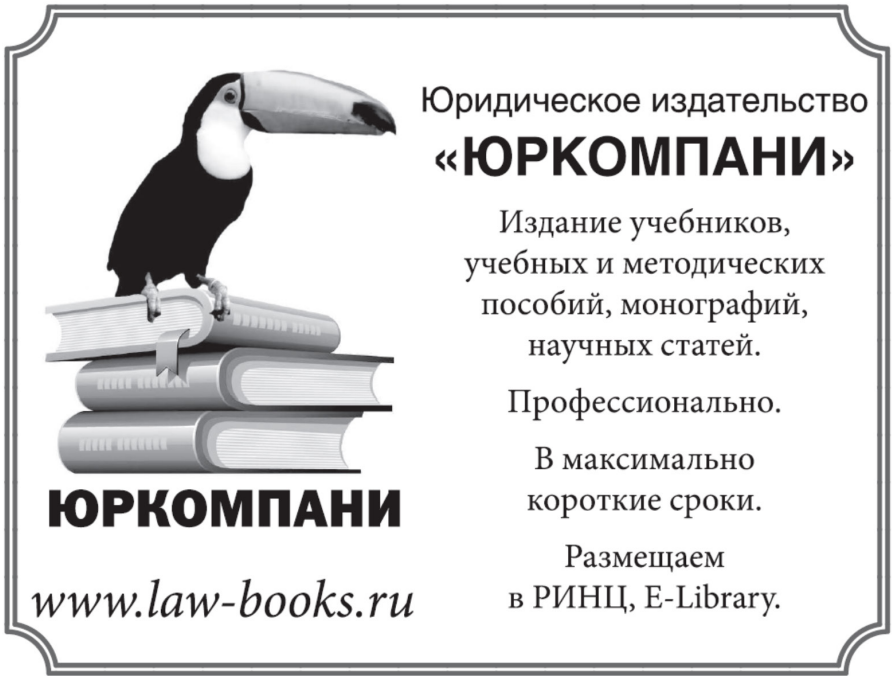
[8] Ilyina A. A. Problems of digitalization in the field of state cadastral accounting//Innovative development of the Russian economy: challenges and solutions: Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, May 13, 2021. - Moscow: Russian State University of Justice, 2021. - S. 27-37.

[9] Kosova A. Yu. Legal regulation of land management under the legislation of the Russian Federation: problems of implementation and development prospects//Bulletin of Science. – 2025. - T. 3, NO. 10 (91). - S. 281-300.

[10] Lipsky S. A. Continuing uncertainty in the prospects for legislative support of cadastral registration of land and land plots in the context of digitalization//Gaps in law in the context of digitalization: Collection of scientific papers. - Moscow: Infotropic Media, 2022. - S. 401-410.

[11] Rosreestr. Statistical collection "State registration of rights and cadastral registration" for 2025. M., 2025.

[12] Wang Y., Li X. Digital Land Registry Integration in Chinese Special Economic Zones // Asian Journal of Law and Society. – 2022. – Vol. 9. – № 2. – P. 214–231.



Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-270-274

СТРОГОВИЧ Юрий Николаевич,

старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, SPIN-код: 5188-8780, AuthorID: 729624,

e-mail: strogovich.u.n@fsin.gov.ru

МЕДВЕДЕВА Инна Николаевна,

научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, SPIN-код: 9605-9299, AuthorID: 729832,

e-mail: medvedeva.i.n@fsin.gov.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УВОЛЬНЕНИЯ РАБОТНИКОВ В АТТЕСТАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ

Аннотация. *Статья основана на анализе положений трудового законодательства Российской Федерации, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, отдельных материалов судебной практики, научных публикаций. По результатам анализа сделаны некоторые выводы об имеющихся дефектах в законодательстве, а также о типичных ошибках, совершаемых работодателями при увольнении работников в аттестационном порядке. Затронутые в статье вопросы актуальны для учреждений и иных организаций уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, немалую часть работников которых составляют лица из числа гражданского персонала.*

Ключевые слова: *работник, работодатель, увольнение, аттестация, несоответствие занимаемой должности.*

STROGOVICH Yuri Nikolayevich,

Senior researcher the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

MEDVEDEVA Inna Nikolaevna,

Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

PROBLEMATIC ISSUES OF EMPLOYEE DISMISSAL IN THE CERTIFICATION PROCEDURE

Annotation. *This article is based on an analysis of the provisions of the labour legislation of the Russian Federation, the clarifications issued by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, selected case law, and academic publications. Based on the results of the analysis, certain conclusions have been drawn regarding existing shortcomings in the legislation, as well as typical errors committed by employers when dismissing employees under the performance appraisal procedure. The issues addressed in the article are relevant to institutions and other organisations within the penal system of the Russian Federation, a significant proportion of whose staff are civilian personnel*.

Key words: *employee, employer, dismissal, performance appraisal, unsuitability for the post.*

Увольнение в аттестационном порядке, представляет собой одно из наиболее сложных оснований увольнения работника по инициативе работодателя, порождающего, как правило, трудовые споры, разрешаемые достаточно часто не в пользу работодателя. Заметим, что этот вопрос является предметом рассмотрения ряда публикаций (отметим среди них некоторые [1-7]), в которых, как правило, затрагиваются те или иные аспекты увольнения по рассматриваемому основанию. Целью настоящей статьи является критический анализ основных проблем, возникающих при увольнении работников по причине недостаточной квалификации, выявление типичных ошибок работодателей, дефектов в законодательном регулировании и недостатков судебной практики.

Рассмотрим законодательную конструкцию этого основания увольнения, базирующуюся на положениях ст. 81 Трудового

кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ). Несоответствие работника занимаемой должности по причине недостаточной квалификации должно быть подтверждено результатами аттестации, что требует от работодателя точного соблюдения требований трудового законодательства, как материального, так и процессуального характера. Т.е., ключевым элементом является результат аттестации. Никакие другие документы и факты (докладные записки, жалобы сослуживцев или третьих лиц, факты невыполнения поручений, наличие дисциплинарных взысканий и т.п.) сами по себе не могут служить основанием для увольнения по п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ.

Квалификация работника представляет собой уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы. Именно этот комплексный показатель, включающий перечисленные параметры, подлежит оценке при проведении аттестационной комиссией аттестации работника.

При этом сам порядок проведения аттестации, за исключением отдельных категорий работников (например, педагогических, научных работников), устанавливается не на федеральном, а на локальном уровне работодателем.

Итак, увольнение считается допустимым при наличии 4 обязательных условий:

несоответствия работника занимаемой должности по причине его недостаточной квалификации;

подтверждения недостатка квалификации результатами аттестации;

проведением аттестации в строго установленном порядке;

отсутствие возможности перевести работника с его письменного согласия на другую имеющуюся у работодателя работу, которую работник мог бы выполнять с учетом состояния его здоровья.

Рассмотрим теперь типичные ошибки, допускаемые работодателями при увольнении по результатам аттестации. Анализ судебной практики позволяет выделить несколько групп типичных ошибок:

Отсутствие или дефектность локального нормативного акта о порядке проведения аттестации (например, ненадлежащее содержание либо оформление, издание такого акта неуправомоченным лицом); отсутствие в нем необходимых положений (в частности, периодичности проведения аттестации, порядка и критериев оценки квалификации работника).

Нарушение процедуры проведения аттестации (несвоевременное ознакомление работника с приказом о проведении аттестации; не включение в состав аттестационной комиссии представителя выборного органа первичной профсоюзной организации (при ее наличии).

Ненадлежащий состав аттестационной комиссии, которая должна включать специалистов, имеющих высокую квалификацию и знания, необходимые для проведения оценки квалификации аттестуемых лиц. В противном случае – высока вероятность необъективной оценки профессиональной деятельности работника.

Несоответствие вопросов, задаваемых членами аттестационной комиссии, характеру выполняемой по должности работе, их произвольный характер.

Нарушение установленного порядка документирования результатов аттестации, неполнота документов, оформляемых по результатам заседания аттестационной комиссии (как правило, протокола), не ознакомление работника со всеми материалами аттестации.

Предложение работнику не всех вакантных должностей перед увольнением. Работодатель обязан предоставить полный перечень вакансий, а не отбирать те из них, которые, по его мнению, подходят работнику, а также знакомить работника с квалификационными требованиями по предлагаемым должностям.

Перейдем теперь к рассмотрению имеющихся в трудовом законодательстве дефектов. Речь в данном случае пойдет о пробелах в правовом регулировании, что объективно создает трудности для правоприменительной практики.

Первый пробел связан с отсутствием единого определения понятия аттестации работника, за исключением дефиниции этого понятия применительно к научным работникам, да и то, носящей по сути рекомендательный характер, и общего (рамочного) порядка ее проведения. Многочисленные вопросы защиты интересов работников при организации и проведении аттестации также обойдены вниманием законодателя. Подзаконные акты, принятые главным образом федеральными органами исполнительной власти и распространяющиеся только на отдельные категории работников, в целом не унифицированы, не содержат единых требований относительно сроков и процедур аттестации, критериев оценок аттестуемого и др.

Второй пробел связан с отсутствием четких критериев оценки квалификации работников. Законодательство не устанавливает конкретные методы оценки квалификации, что приводит к субъективности, а, иногда, и произволу при проведении аттестации. Работодатели вынуждены самостоятельно разрабатывать критерии и методы оценки, что создает риски признания результатов аттестации

необъективными, а ее последствие в виде увольнения – незаконным.

Третий пробел касается соотношения квалификационных требований, содержащихся в профессиональных стандартах и фактических должностных обязанностей работника. Если требования к квалификации, необходимой работнику для выполнения определенной трудовой функции, установлены нормативно (на уровне Российской Федерации, законом или иным правовым актом), квалификация работника должна соответствовать требованиям, установленным в соответствующими профессиональными стандартами. Между тем, на практике нередко возникает вопрос: может ли отсутствие у работника образования или стажа, предусмотренных профессиональным стандартом, служить основанием для признания его не соответствующим занимаемой должности? Судебная практика дает на этот вопрос отрицательный ответ: несоответствие работника требованиям профессионального стандарта само по себе не является основанием для увольнения. Недостаточная квалификация должна быть обязательно подтверждена отрицательным результатом аттестации, а причиной увольнения не может служить отсутствие у работника специального образования, если его наличие не является обязательным условием заключения трудового договора.

Четвертый пробел связан с отсутствием в трудовом законодательстве установленного срока, по истечению которого увольнение работника, признанного не соответствующим занимаемой должности, не допускается. Суды, признающие увольнение по истечению достаточно большого срока с момента аттестации незаконным, исходят из того, что увольнение в рассматриваемом случае должно быть произведено не в любой, а в разумный срок. В качестве некоего ориентира под разумным сроком суды, как правило, понимают двухмесячный срок, хотя законодательно это и не закреплено. Заметим, что в отношении государственных гражданских служащих установлен запрет на увольнение с гражданской службы по результатам аттестации по истечении одного месяца после ее проведения.

Рассмотрим также имеющие проблемы судебной практики (как правило, они связаны с нечеткостью или пробельностью правового регулирования). Анализ судебной практики по делам об увольнении работников по результатам аттестации позволяет отметить ряд проблемных моментов.

Отсутствие единообразия по вопросу о необходимости закрепления в трудовом договоре обязанности прохождения аттестации. Одна из позиций, отраженных в некоторых судебных решениях, заключается в том, что обязанность работника проходить аттестацию должна быть закреплена в трудовом договоре, в противном случае увольнение за неявку на аттестацию является незаконным. Другая позиция напротив состоит в том, что в трудовом договоре закреплена общая обязанность работника соблюдать дисциплину труда, а в локальных нормативных актах организации эта обязанность конкретизирована, поэтому обязанность прохождения аттестации может быть предусмотрена не в трудовом договоре, а в локальном нормативном акте работодателя.

Оценка судами выводов аттестационной комиссии. Выводы аттестационной комиссии о деловых качествах работника в любом случае подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами по делу (суд не связан выводами по аттестации, которые оцениваются в совокупности с другими доказательствами по делу). Это означает, что работодателю для обоснования правомерности увольнения одного лишь отрицательного заключения аттестационной комиссии недостаточно. Работодатель должен представить убедительные доказательства, свидетельствующие о том, что работник не справлялся с работой должным образом именно вследствие недостатка квалификации, и о том, что все эти обстоятельства были учтены аттестационной комиссией при принятии решения. Если суд сочтет результаты аттестации необоснованными или необъективными, увольнение будет признано незаконным. Однако на практике возникает вопрос: какие именно дополнительные доказательства должен представить работодатель? Судебная практика, к сожалению, не выработала пока единого подхода, что порождает правовую неопределенность.

Оценка судами характера нарушений процедуры проведения аттестации. Суды по-разному подходят к оценке одних и тех же нарушений: в одних случаях процедурное нарушение признается существенным и влечет признание увольнения незаконным, в других – суд не усматривает в аналогичном нарушении оснований для отмены увольнения. Например, отсутствие в протоколе аттестационной комиссии подробного описания заданных вопросов и ответов на них в одних случаях признается грубым нарушением, а в других – несущественной формальностью.

Случаи проведения внеочередной аттестации. Практика показывает, что работодатели нередко злоупотребляют правом на проведение внеочередной аттестации, используя ее как способ избавиться от неугодного работника. При этом реальных оснований для

внеочередной аттестации может и не быть. Суды вынуждены проверять обоснованность проведения внеочередной аттестации, однако четкие критерии для такой проверки в законодательстве отсутствуют.

Подводя итоги рассмотренному, можно констатировать следующее.

Во-первых, увольнение работника по п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ действительно является одним из наиболее сложных оснований расторжения трудового договора по инициативе работодателя, требующим строгого соблюдения как материальных, так и процессуальных норм трудового права.

Во-вторых, типичными ошибками работодателей при увольнении по данному основанию являются: отсутствие или ненадлежащее оформление соответствующего локального нормативного акта; нарушение процедуры проведения аттестации; предложение работнику не всех имеющихся вакансий.

В-третьих, в действующем трудовом законодательстве имеется ряд существенных пробелов: отсутствие определения понятия аттестации и единого порядка ее проведения; отсутствие четких критериев оценки квалификации; неопределенность соотношения квалификационных требований профессиональных стандартов и фактических обязанностей работника; отсутствие срока с момента проведения аттестации, по истечении которого увольнение в аттестационном порядке не допускается, и правил его исчисления.

В-четвертых, судебная практика по делам об увольнении по результатам аттестации характеризуется рядом проблем: отсутствием единообразного подхода к вопросу о необходимости указания обязанности прохождения аттестации в трудовом договоре; отсутствием четких критериев для оценки дополнительных доказательств недостаточной квалификации работника; различной оценкой характера нарушений процедуры проведения аттестации; отсутствием четких критериев для проверки обоснованности проведения внеочередной аттестации.

В целях устранения отмеченных проблем представляется необходимым, в первую очередь, совершенствование правового регулирования в рассматриваемой сфере и, во-вторую очередь, появление более подробных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемому вопросу.

Наконец, работодателям при оценке целесообразности увольнения работника в аттестационном порядке следует иметь в виду, что риски признания судом увольнения незаконным могут перевесить потенциальную выгоду от прекращения трудовых отношений с не вполне компетентным сотрудником.

Список литературы:

[1] Семенихин В.В. Увольнение работников: расторжение трудового договора по инициативе работодателя // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. 2011. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uvolnenie-rabotnikov-rastorzhenie-trudovogo-dogovora-po-initsiative-rabotodatelya (дата обращения: 06.05.2026).

[2] Ющин В.П Судебная практика по делам об увольнении по итогам аттестации // Предпринимательство и права. Информационно-аналитический портал. URL: https://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=3375 (дата обращения: 06.05.2026).

[3] Богомолова И. Как оформить увольнение за несоответствие занимаемой должности // Кадровое дело. 2023. URL: https://www.kdelo.ru/art/384640-uvolnenie-nesootvetstvie-zanimaemoy-doljnosti-18-m12 (дата обращения: 06.05.2026).

[4] Калашникова Н.С. Увольнение по всем статьям: несоответствие работника занимаемой должности или выполняемой работе (пункт 3 статьи 81 ТК РФ) // Кадры предприятия. 2004. № 4. URL: http://www.kapr.ru/articles/2004/4/3499.html (дата обращения: 06.05.2026).

[5] Гребенщиков А.В. Увольнение работника по результатам аттестации // Ежегодник трудового права. 2024. № 14. С. 249-256. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uvolnenie-rabotnika-po-rezultatam-attestatsii/viewer (дата обращения: 06.05.2026).

[6] Кучмин А.Ю. Правовое регулирование аттестации работников // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 143-148. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-attestatsii-rabotnikov (дата обращения: 06.05.2026).

[7] Татаринов А.А. Правовые основы и практика реализации выводом аттестационной комиссии. Вопросы трудового права. 2011. № 2. С. 25-34. URL: https://base.garant.ru/59601728/ (дата обращения: 06.05.2026).

References:

[1] Semenikhin V.V. Dismissal of employees: termination of the employment contract at the initiative of the employer//Accounting in the publishing house and printing. 2011. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uvolnenie-rabotnikov-rastorzhenie-trudovogo-dogovora-po-initsiative-rabotodatelya (дата обращения: 06.05.2026).

[2] Yushchin V.P. Judicial practice in cases of dismissal based on the results of certification//

Entrepreneurship and rights. Information and analytical portal. URL: https://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=3375 (access date: 06.05.2026).

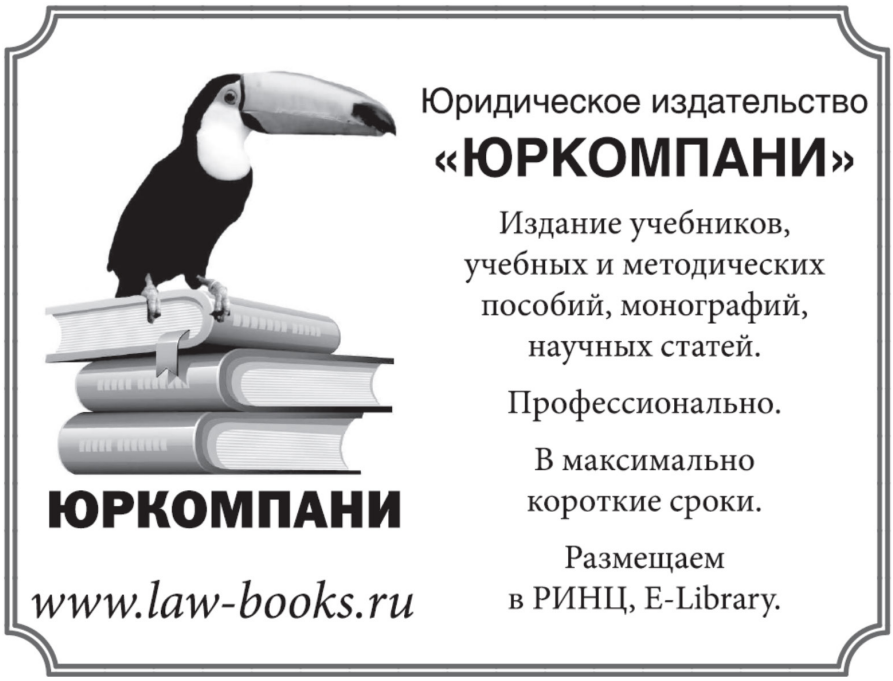
[3] Bogomolova I. How to issue a dismissal for non-compliance with the position held//Personnel business. 2023. URL: https://www.kdelo.ru/art/384640-uvolnenie-nesootvetstvie-zanimaemoy-doljnosti-18-m12 (дата обращения: 06.05.2026).

[4] Kalashnikova N.S. Dismissal in all respects: non-compliance of the employee with the position or work performed (paragraph 3 of Article 81 of the Labor Code of the Russian Federation)// Personnel of the enterprise. 2004. № 4. URL: http://www.kapr.ru/articles/2004/4/3499.html (access date: 06.05.2026).

[5] Grebenshchikov A.V. Dismissal of an employee based on the results of certification// Yearbook of labor law. 2024. № 14. S. 249-256. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uvolnenie-rabotnika-po-rezultatam-attestatsii/viewer (дата обращения: 06.05.2026).

[6] Kuchmin A.Yu. Legal regulation of certification of employees//Problems of economics and legal practice. 2018. № 4. S. 143-148. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-attestatsii-rabotnikov (дата обращения: 06.05.2026).

[7] A.A. Tatarinov. Legal Basis and Practice of Implementation of the Certification Commission Conclusion. Employment law issues. 2011. № 2. S. 25-34. URL: https://base.garant.ru/59601728/ (access date: 06.05.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-275-280

ХРУЛЕВА Евгения Александровна,

магистрант, ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», г. Москва,

e-mail: khruleva@inbox.ru

Научный руководитель:

ЗОЛОТОВ Геннадий Борисович,

ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», г. Москва,

e-mail: zolotov1753@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК КРЕСТЬЯНСКИМИ (ФЕРМЕРСКИМИ) ХОЗЯЙСТВАМИ

Аннотация. *В статье исследуются правовые особенности приобретения прав на товарные знаки крестьянскими (фермерскими) хозяйствами (далее – КФХ) по российскому праву. Актуальность темы обусловлена возрастающим значением использования средств индивидуализации при продаже сельскохозяйственной продукции в условиях конкуренции, цифровизации торговли и развития региональных брендов. Рассматриваются гражданско-правовой статус КФХ, процедура регистрации товарного знака, специфика субъектного состава правообладателей, а также практические проблемы, возникающие при приобретении исключительного права на средство индивидуализации. Делается вывод о том, что КФХ, обладая правоспособностью участвовать в гражданском обороте, вправе приобретать права на товарные знаки при соблюдении требований законодательства, однако на практике сохраняются вопросы, связанные с выбором надлежащего правообладателя, соотношением статуса главы КФХ и самого хозяйства, а также с использованием коллективных и региональных обозначений.*

Ключевые слова: *товарный знак, крестьянское (фермерское) хозяйство, исключительное право, средства индивидуализации, Роспатент, регистрация товарного знака, сельскохозяйственная продукция, интеллектуальная собственность.*

KHRULEVA Evgeniya Alexandrovna,

Master's student, Russian State Academy intellectual property", Moscow

Scientific supervisor:

ZOLOTOV Gennady Borisovich,

Russian State Academy intellectual property", Moscow

FEATURES OF THE ACQUISITION OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO A TRADEMARK BY PEASANT (FARMER) FARMS

Annotation. *The article examines the legal features of the acquisition of trademark rights by peasant (farmer) farms (hereinafter referred to as farms) under Russian law. The relevance of the topic is due to the increasing importance of using means of individualization when selling agricultural products in a competitive environment, digitalization of trade and the development of regional brands. The article considers the civil law status of the farm, the trademark registration procedure, the specifics of the subject composition of the copyright holders, as well as practical problems that arise when acquiring the exclusive right to a means of individualization. It is concluded that farms, having the legal capacity to participate in civil turnover, have the right to acquire trademark rights in compliance with legal requirements, however, in practice, issues remain related to the choice of the appropriate copyright holder, the relationship between the status of the head of the farm and the*

farm itself, as well as the use of collective and regional designations.

Key words: *trademark, peasant (farmer) farm, exclusive right, means of individualization, Rospatent, trademark registration, agricultural products, intellectual property.*

Современное развитие аграрного рынка требует от сельскохозяйственных производителей не только обеспечения качества продукции, но и ее эффективной индивидуализации. В условиях усиления конкуренции, роста электронной торговли, популяризации экологически чистых продуктов, а также государственной поддержки малых форм хозяйствования вопрос формирования узнаваемого бренда приобретает особую юридическую и экономическую значимость [7]. В этой связи особый интерес представляет институт товарного знака как одного из наиболее распространенных средств индивидуализации товаров.

Крестьянские (фермерские) хозяйства выступают самостоятельными участниками аграрных и гражданских правоотношений. Вместе с тем специфика их правового положения вызывает целый ряд вопросов при приобретении прав на товарные знаки. В частности, проблемным является определение лица, которое должно быть указано в качестве правообладателя: глава КФХ как индивидуальный предприниматель либо само хозяйство как форма осуществления предпринимательской деятельности. Например, 02.06.2020 года зарегистрировано исключительное право на товарный знак «TERRA ARIES», правообладателем которого стал индивидуальный предприниматель-глава КФХ [11]. На сегодняшний день под этим товарным знаком работает ООО «Терра Ариес». Компания объединяет несколько хозяйств с единым стандартом, в числе учредителей два физических лица, по данным из открытых источников активы компании на 31 декабря 2025 составили 20,7 млн. руб [12]. В любой момент может возникнуть конфликтная ситуация использования товарного знака, зарегистрированного на индивидуального предпринимателя. Дополнительные сложности связаны с оформлением прав на обозначения, содержащие географические указания, фамилии, описательные элементы, а также с разграничением товарного знака и иных средств индивидуализации.

Цель настоящей статьи – выявить правовые особенности приобретения прав на товарный знак крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и определить основные проблемы правоприменительной практики в данной сфере.

Правовой статус крестьянского (фермерского) хозяйства определяется положениями Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) и Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [3]. Согласно ст. 1 указанного Закона КФХ представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность [3].

При этом российское законодательство допускает создание КФХ как без образования юридического лица, так и в форме юридического лица в случаях, предусмотренных законом. Наиболее распространенной остается модель, при которой хозяйство действует без образования юридического лица, а его глава признается индивидуальным предпринимателем с момента государственной регистрации [3].

Вопрос о субъекте права на товарный знак имеет принципиальное значение. В соответствии со ст. 1477 ГК РФ товарный знак может служить для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, но законом субъектный состав лиц, имеющих право владеть товарным знаком, не ограничен [2]. Следовательно, если КФХ действует без образования юридического лица, заявителем на регистрацию товарного знака, как правило, выступает глава КФХ, зарегистрированный в статусе индивидуального предпринимателя. Если же КФХ создано в форме юридического лица, правообладателем может быть соответствующее юридическое лицо.

Таким образом, правовой статус КФХ предопределяет специфику оформления прав на товарный знак: исключительное право не возникает у хозяйства как абстрактного объединения лиц вне установленной законом организационно-правовой формы, а должно принадлежать лицу, обладающему гражданской правосубъектностью, отвечающей требованиям законодательства о товарных знаках.

Согласно ст. 1477 ГК РФ на товарный знак признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак [2].

Для регистрации товарного знака обозначение должно отвечать ряду требований. В частности, не допускается регистрация обозначений, не обладающих различительной способностью, состоящих исключительно из элементов, характеризующих товар, указывающих на его вид, качество, количество,

свойство, назначение, ценность, а также место и время производства или сбыта [2]. Особенно актуально это правило для КФХ, поскольку сельскохозяйственные производители нередко стремятся использовать в обозначениях слова «фермерский», «натуральный», «экологический», «деревенский», «молоко», «сыр», «мед» и т.п., которые могут быть признаны описательными.

Кроме того, в обозначении не должны использоваться элементы, вводящие потребителя в заблуждение относительно товара или его изготовителя. Для сельскохозяйственной продукции это особенно важно, поскольку использование указаний на определенную территорию происхождения или на органический характер продукции при отсутствии соответствующих оснований может повлечь отказ в регистрации [5].

Первая и ключевая особенность приобретения прав на товарный знак крестьянскими (фермерскими) хозяйствами связана с субъектом, на имя которого должен регистрироваться товарный знак. Для КФХ, действующего без образования юридического лица, правообладателем выступает глава хозяйства в статусе индивидуального предпринимателя. На практике это означает, что обозначение, фактически используемое всеми членами хозяйства, юридически закрепляется за одним лицом. Подобная конструкция, хотя и соответствует законодательству, способна порождать внутренние имущественные конфликты, особенно в случае прекращения деятельности главы КФХ (индивидуального предпринимателя), его выхода из хозяйства, смерти либо передачи бизнеса иным лицам. Следовательно, членам КФХ целесообразно заранее урегулировать в соглашении о создании хозяйства вопросы принадлежности исключительных прав, порядка пользования товарным знаком и последствий прекращения членства.

Если КФХ учреждено в форме юридического лица, проблема распределения прав в значительной степени снимается, поскольку правообладателем становится сама организация. Однако и в этом случае необходимо учитывать вопросы корпоративного управления, внесения прав на обозначение в имущество хозяйства, а также последующего распоряжения исключительным правом.

Для КФХ характерно стремление подчеркнуть натуральное происхождение продукции, ее связь с конкретной местностью, семейный характер производства и традиционные методы ведения хозяйства [8]. С маркетинговой точки зрения это оправдано, однако с позиции права не всякое обозначение может получить охрану в качестве товарного знака.

Так, обозначения, состоящие лишь из наименования товара («Молоко», «Сыр», «Картофель»), указания его качества («Натуральный», «Свежий», «Домашний») либо территории происхождения без достаточной различительной способности, как правило, не подлежат регистрации [2]. Для получения правовой охраны КФХ необходимо включать в обозначение оригинальные словесные или изобразительные элементы, способные индивидуализировать конкретного производителя.

Особое значение имеет использование фамилии главы КФХ или семьи фермеров. С одной стороны, такие обозначения обладают высоким потенциалом индивидуализации, особенно если продукция реализуется как семейный бренд. С другой стороны, при наличии совпадений с ранее зарегистрированными знаками либо с известными именами могут возникать препятствия к регистрации. Кроме того, при дальнейшем отчуждении бизнеса знак, основанный на фамилии, может сохранять тесную связь с личностью первоначального владельца.

Для КФХ важно разграничивать товарный знак, коммерческое обозначение, фирменное наименование, географическое указание и наименование места происхождения товара [9]. Нередко фермерские хозяйства используют обозначения, связывающие продукцию с конкретной территорией, например, названием района, села или природного объекта. Однако такая индивидуализация не всегда должна осуществляться через товарный знак.

Если уникальные свойства товара существенно обусловлены природными условиями и (или) человеческими факторами определенной территории, более оптимальным механизмом правовой охраны может выступать наименование места происхождения товара либо географическое указание[2]. Для сельскохозяйственной продукции этот институт особенно значим, поскольку способен подтверждать репутацию товара и его особые свойства, связанные с местом производства.

Следовательно, при выборе стратегии правовой охраны КФХ должно оценивать, какой объект интеллектуальных прав в наибольшей степени соответствует его интересам, включая материальную выгоду: товарный знак, коллективный знак, географическое указание, наименование места происхождения товара или их сочетание [10].

Для малых сельхозпроизводителей актуален вопрос объединения усилий в продвижении продукции. В этой связи интерес представляет коллективный знак, который может использоваться объединением лиц

для обозначения товаров, обладающих едиными качественными или иными общими характеристиками [2]. Хотя отдельное КФХ само по себе не всегда нуждается в коллективном знаке, участие в сельскохозяйственном кооперативе, ассоциации фермеров или региональном объединении может сделать этот инструмент востребованным.

Коллективный знак позволяет нескольким хозяйствам продвигать продукцию под общим брендом, сохраняя при этом установленные стандарты качества. Однако для его использования необходимы более сложные организационные механизмы, включая разработку устава коллективного знака, определение правил пользования и контроля качества. Для многих КФХ это пока затруднительно, но именно такая модель может повысить конкурентоспособность малых производителей на рынке.

Одной из основных проблем в рассматриваемой сфере является формальное несоответствие между экономической сущностью КФХ и требованиями законодательства о субъектах права на товарный знак. Несмотря на то что хозяйство воспринимается участниками оборота как единый производитель, юридическая конструкция требует регистрации права либо на индивидуального предпринимателя – главу КФХ, либо на юридическое лицо. Это может приводить к неопределенности при разрешении споров о принадлежности права на знак, заключении лицензионных договоров и передаче бизнеса по наследству.

Еще одна проблема состоит в высокой доле отказов в регистрации обозначений, выбранных сельхозпроизводителями, по мотиву их описательности либо отсутствия различительной способности. Для фермерской продукции характерно использование общеупотребительных характеристик товара, что затрудняет формирование охраноспособного обозначения. В этой связи существенную роль играет предварительная патентно-правовая экспертиза и грамотное составление заявки.

Судебная практика по делам, связанным с товарными знаками, в целом подтверждает приоритет критериев различительной способности, недопустимость монополизации общеупотребительных обозначений и необходимость учета интересов потребителей [6]. Для КФХ это означает, что попытка зарегистрировать знак, состоящий преимущественно из описания товара или его происхождения, скорее всего, не получит поддержки ни в административном, ни в судебном порядке.

Кроме того, в аграрной сфере повышенное значение имеет риск введения потребителя в заблуждение. Так, использование в знаке словесных элементов, указывающих на экологичность [4], органическое происхождение или определенную территорию, требует фактического подтверждения соответствующих характеристик. В противном случае возможно не только отказное решение Роспатента, но и возникновение споров в сфере антимонопольного законодательства и законодательства о защите прав потребителей.

Представляется, что совершенствование правового механизма приобретения прав на товарные знаки КФХ должно осуществляться по нескольким направлениям.

Во-первых, целесообразно развитие разъяснительной и консультационной поддержки сельхозпроизводителей по вопросам интеллектуальной собственности. Многие фермерские хозяйства не обладают достаточной юридической компетенцией для выбора охраноспособного обозначения и надлежащего способа его регистрации.

Во-вторых, требует дополнительного исследования вопрос регулирования специфики КФХ как формы семейного предпринимательства при закреплении исключительных прав на средства индивидуализации. Возможно, в договорной практике следует шире использовать механизмы внутреннего распределения имущественных прав между членами хозяйства.

В-третьих, перспективным является стимулирование использования коллективных знаков, географических указаний и наименований мест происхождения товаров применительно к фермерской продукции. Это особенно актуально для регионов с устойчивой репутацией определенных видов сельскохозяйственных товаров.

В-четвертых, необходимо ввести субсидирование расходов на регистрацию объектов интеллектуальной собственности для аграрных компаний и представителей сельскохозяйственной сферы.

Таким образом, приобретение прав на товарный знак крестьянскими (фермерскими) хозяйствами имеет ряд правовых особенностей, обусловленных спецификой их субъектного статуса и характера сельскохозяйственной деятельности. КФХ вправе использовать механизм товарного знака для индивидуализации своей продукции, однако правообладателем может быть только субъект, отвечающий требованиям гражданского законодательства – юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель. В случае хозяйства, действующего без образования юридического лица, таким субъектом обычно выступает глава КФХ.

Особые сложности связаны с выбором

обозначения, обладающего различительной способностью и не являющегося описательным либо вводящим в заблуждение. Для фермерской продукции характерно стремление использовать в бренде указания на натуральность, местное происхождение и традиционность, но такие элементы не всегда могут быть монополизированы в качестве товарного знака.

Эффективная правовая охрана брендов КФХ требует комплексного подхода, включающего правильное определение правообладателя, предварительную оценку обозначения на охраноспособность, а также выбор оптимального средства индивидуализации. В перспективе развитие правовой культуры в сфере интеллектуальной собственности и совершенствование механизмов поддержки малых аграрных производителей будут способствовать более активному использованию товарных знаков в фермерском секторе экономики.

Список литературы:

[1] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mns0891t8b206507919 (дата обращения 20.03.2026)

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/?ysclid=mns0ayqmn697164581 (дата обращения 20.03.2026)

[3] Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/?ysclid=mns0d3gh70375107539 (дата обращения 20.03.2026)

[4] Федеральный закон от 03.08.2018 N 280-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) Ст.7 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017/18aec46db479a3340e71ec46338f96153eb76ab7/?ysclid=mogiuxadqz414801569 (дата обращения 12.04.2026)

[5] Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков: утв. приказом Минэкономразвития России от 20 июля 2015 г. № 482 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184868/f43faad0cf46ceb4167b249ff8a63ff092f974cf/?ysclid=mnruhotggl305050090 (дата обращения 20.03.2026)

[6] Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 сентября 2015 г. /\ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186586/?ysclid=mnrupgf8y7749369051 (дата обращения 20.03.2026).

[7] Дьяченко О.Г. Интеллектуальная собственность в сельском хозяйстве. Материалы лекции // Институт мировых аграрных рынков.

[8] Кириллова О.В. Особенности брендирования при формировании спроса и стимулировании сбыта продукции фермерских хозяйств // Агропродовольственная политика России №6 (119) 2025 г. – С.88-95.

[9] Орлова В. Интеллектуальная собственность в АПК. Что следует знать аграриям при регистрации объектов патентного права, селекционных достижений, товарных знаков и НМПТ // Агроинвестор. 02.08.2021. Аналитика [Электронный ресурс] URL: https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/36286-intellektualnaya-sobstvennost-v-apk-chto-sleduet-znat-agrariyam-pri-registratsii-obektov-patentnogo/ (дата обращения 23.03.2026)

[10] Третьякова К., Дышлюк М. Интеллектуальная собственность в сельском хозяйстве как источник дохода // Агробизнес. 13.07.2016 [Электронный ресурс] URL: https://agbz.ru/articles/intellektualnaya-sobstvennost-v-selskom-hozyaystve-kak-istochnik-dohoda/?ysclid=mnstfgsfp8303940030 (дата обращения 23.03.2026

[11] Карточка товарного знака № 760173. URL: //https://www1.fips.ru/fips_servl/fips_servlet?DB=RUTM&rn=1895&DocNumber=760173 (дата обращения 10.04.2026)

[12] Сайт проверки контрагентов Синапс. URL: https://synapsenet.ru/organizacii/1210800000993-ooo-terra-aries?ysclid=mogh4c8ycx148707334 (дата обращения 14.04.2026)

References:

[1] “Civil Code of the Russian Federation (Part One)” dated 30.11.1994 N 51-FZ (rev. dated 31.07.2025, with rev. dated 25.03.2026) (with rev. and addendum, entry effective with 01.08.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mns0891t8b206507919 (date of contact 20.03.2026)

[2] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ//URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/?ysclid=mns0ayqmn697164581 (date of application 20.03.2026)

[3] Federal Law of June 11, 2003 No. 74-

FZ “On Peasant (Farm) Farming “//URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/?ysclid=mns0d3gh70375107539 (date of appeal 20.03.2026)

[4] Federal Law of 03.08.2018 N 280-FZ (rev. of 31.07.2025) “ On Organic Products and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (amended and supplemented, entry with the 01.09.2025) of Article 7//URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017 (date of reference 12.04.2026)

[5] Rules for compiling, submitting and considering documents that are the basis for committing legally significant actions for the state registration of trademarks, service marks, collective marks: approved by Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 482 dated July 20, 2015//URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184868/f43faad0cf46ceb4167b249ff8a63ff092f974cf/?ysclid=mnruhotggl305050090 (date of appeal 20.03.2026)

[6] Review of judicial practice in cases related to the resolution of disputes on the protection of intellectual rights: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation September 23, 2015/\URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186586/?ysclid=mnrupgf8y7749369051 (date of appeal 20.03.2026).

[7] Dyachenko O.G. Intellectual property in agriculture. Lecture materials//Institute of World Agricultural Markets.

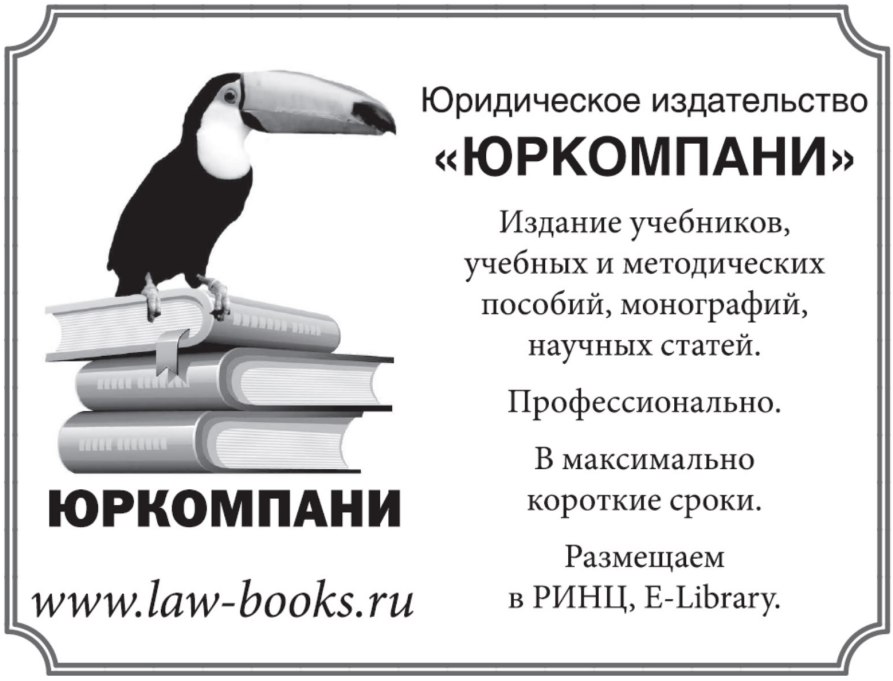
[8] O.V. Kirillova. Branding Features in Shaping Demand and Stimulating the Sale of Farm Products//Agri-Food Policy of Russia No. 6 (119) 2025 - S.88-95.

[9] Orlova V. Intellectual property in the agro-industrial complex. What farmers should know when registering objects of patent law, breeding achievements, trademarks and NMPT//Agroinvestor. 02.08.2021. Аналитика [Электронный ресурс] URL: https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/36286-intellektualnaya-sobstvennost-v-apk-chto-sleduet-znat-agrariyam-pri-registratsii-obektov-patentnogo/ (дата обращения 23.03.2026)

[10] Tretyakova K., Dyshlyuk M. Intellectual property in agriculture as a source of income// Agribusiness. 13.07.2016 [Электронный ресурс] URL: https://agbz.ru/articles/intellektualnaya-sobstvennost-v-selskom-hozyaystve-kak-istochnik-dohoda/?ysclid=mnstfgsfp8303940030 (дата обращения 23.03.2026

[11] Trademark Card No. 760173. URL :// https ://www1.fips.ru/fips _ servl/fips _ servlet? DB = RUTM&rn = 1895&DocNumber = 760173 (date of contact 10.04.2026)

[12] Synapse Counterparty Review Site. URL: https://synapsenet.ru/organizacii/1210800000993-ooo-terra-aries?ysclid=mogh4c8ycx148707334 (access date 14.04.2026)



Дата поступления рукописи в редакцию: 09.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-281-284

НЕНАХОВ Владислав Вадимович,

Заместитель декана по воспитательной работе факультета среднего профессионального образования, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: nenakhov_vv@urgau.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,

кандидат биологических наук, доцент ФГБОУ ВО Уральский ГАУ, e-mail: mail@law-books.ru

ХАРЛАП Светлана Юрьевна,

заведующий кафедрой техносферной и экологической безопасности кандидат биологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: kharlap-su@urgau.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,

Преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: barykina_10@mail.ru

САЯФАРОВА Наталья Александровна,

преподаватель кафедры зооинженерии, заместитель декана по учебной работе ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: sayafarova76@mail.ru

ЧЕБЫКИНА Анастасия Андреевна,

Преподаватель кафедры зооинженерии ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: jko10-@mail.ru

ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ВОВЛЕЧЕНИЕ В ПРОЕКТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ СТРОЙОТРЯДОВ И ВОЛОНТЕРСТВА)

Аннотация. *В статье рассматривается проблема раннего взросления студентов среднего профессионального образования (СПО) как фактор риска деструктивного поведения. Обосновывается эффективность проектной деятельности (студенческие строительные отряды, волонтерство) в качестве инструмента канализации энергии подростков в социально-значимое русло. Представлены механизмы трансформации агрессивного потенциала в конструктивную активность, а также результаты эмпирической проверки модели на базе колледжа.*

Ключевые слова: *деструктивное поведение, студенты СПО, профилактика, проектное обучение, студенческие отряды, волонтерство, канализация энергии.*

NENAKHOV Vladislav Vadimovich,

Deputy Dean for Educational Work of the Faculty of Secondary Vocational Education, Ural State Agrarian University

NEVEROVA Olga Petrovna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Ural State Agrarian University

KHARLAP Svetlana Yurievna,

Head of the Department of Technosphere and Environmental Safety, Candidate of Biological Sciences,

Associate Professor Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,

Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

SAYAFAROVA Natalia A.,

Lecturer at the Department of Animal Engineering, Deputy Dean for Academic Affairs Ural State Agrarian University

CHEBYKINA Anastasia Andreevna,

Lecturer of the Department of Zooengineering Ural State Agrarian University

PREVENTION OF DESTRUCTIVE BEHAVIOR THROUGH INVOLVEMENT IN PROJECT ACTIVITIES (USING CONSTRUCTION TEAMS AND VOLUNTEERING AS AN EXAMPLE)

Annotation. *The article considers the problem of early adulthood of students of secondary vocational education as a risk factor for destructive behavior. The authors substantiate the effectiveness of project activities (student construction teams, volunteering) as a tool for channeling the energy of adolescents into a socially approved direction. The mechanisms of transformation of aggressive potential into constructive activity are presented, as well as the results of empirical testing of the model based on a college.*

Key words: *destructive behavior, vocational students, prevention, project-based learning, student teams, volunteering, energy channeling*.

Риск развития деструктивного поведения среди несовершеннолетних вызывает обоснованную тревогу, активизирует необходимость оптимизации механизмов оценки, планирования и реализации профилактической работы на региональном и муниципальных уровнях. Деятельность образовательных организаций по профилактике деструктивного поведения обучающихся заняла приоритетное место в предупреждении социально-психологического неблагополучия детей и подростков, стала частью как воспитательной, так и сугубо профилактической практики. На сегодняшний день отсутствует нормативно закрепленное определение деструктивного поведения, чаще всего оно определяется как устойчивое поведение психически здоровой личности, отклоняющееся от наиболее значимых в конкретном обществе социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности и сопровождающееся ее социальной дезадаптацией.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что студенты системы среднего профессионального образования взрослеют раньше своих сверстников из общеобразовательных школ. Поступление в колледж в 15–16 лет сопровождается резкой сменой социальной ситуации развития: уходом от тотального контроля родителей, погружением в среду с элементами производственных отношений, необходимостью самостоятельно решать бытовые и финансовые вопросы. Однако при этом эмоционально-волевая сфера остается на подростковом уровне, что создает разрыв между потребностью в самоутверждении и легальными способами ее реализации. Этот разрыв провоцирует риск вовлечения в уличные компании, драки, агрессию и вандализм. Традиционные запретительные меры (беседы, выговоры, вызовы на комиссии) оказываются малоэффективными, так как не дают выхода базовой подростковой потребности — быть эффективным и признанным в среде сверстников. В связи с этим возникает необходимость поиска инструментов, позволяющих канализировать энергию студентов в социально одобряемое русло.

Ключевая идея предлагаемого подхода базируется на концепции сублимации (канализации энергии) [4, 7]. Деструктивное поведение рассматривается не как патология, а как искаженная форма поисковой активности. Задача педагога — не подавить, а перенаправить эту энергию в деятельность, где сохраняется «острота» и риск (необходимый для выброса адреналина), присутствует командный дух (замена уличной иерархии) и есть быстрый зримый результат. Проектная деятельность в форме студенческих строительных отрядов и волонтерства, идеально соответствует этим критериям.

Включение студентов группы риска в стройотряды позволяет трансформировать деструктивные паттерны в конструктивные формы. Физическая нагрузка и соревнование в

объеме выполненной работы замещают драки. Бригадная структура с реальным разделением ответственности предлагает легальную иерархию взамен уличной. Демонтаж старых конструкций выступает легальной формой разрушения с полезным результатом. Кроме того, «кодекс отрядного братства» формирует социальный иммунитет к употреблению психоактивных веществ [8].

Волонтерская деятельность удовлетворяет те же потребности, что и уличная компания: принадлежность к группе («мы — волонтеры поискового отряда»), легальный риск и адреналин (поиск потерявшегося в лесу, расчистка последствий ЧС), быстрое обретение статуса (нашивки, бейджи, благодарственные письма). Критически важным условием, как показала практика, является инструментальный, а не сентиментальный характер волонтерства: для студентов СПО эффективны соревновательные форматы с четкими сроками и материальным результатом («кто быстрее и качественнее расчистит парк»), все многообразие добровольческих практик может быть структурировано в десять основных типов (рис. 1).

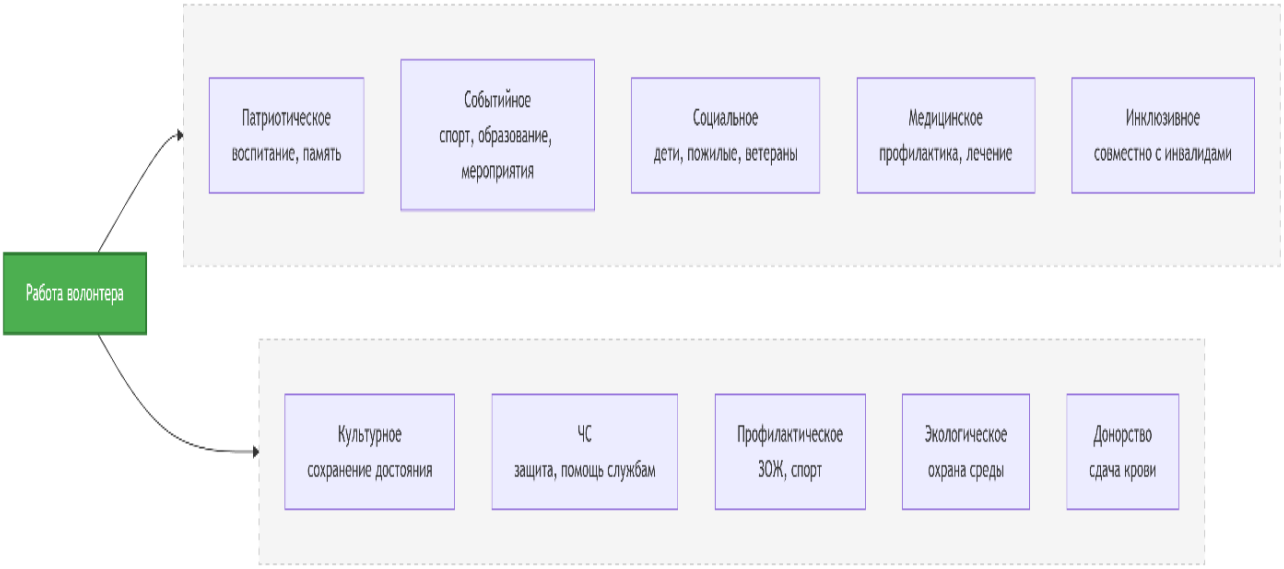


Рисунок 1 – Направления работы волонтера

На базе колледжа (n=120 студентов 1–2 курсов, отнесенных к группе риска) в течение года реализовывалась программа «Энергия действия». Контрольная группа (60 чел.) получала стандартные профилактические беседы. Экспериментальная группа (60 чел.) была вовлечена в проектную деятельность: стройотряд по ремонту школ и волонтерский проект «Городская среда». Результаты через 8 месяцев представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика показателей деструктивного поведения и самооценки

Показатель	Контрольная группа (до/после)	Экспериментальная группа (до/после)
Количество драк на 10 чел./мес	3,2 → 2,8	3,1 → 0,4
Состоят на учете в КДН (чел.)	7 → 6	8 → 1
Пропуски занятий без причины (дней)	6,5 → 5,9	6,8 → 1,2
Самооценка (тест Розенберга, баллы)	18,1 → 18,9	17,9 → 24,7

Достоверность различий между группами по окончании эксперимента подтверждена U-критерием Манна-Уитни ($p<0,01$).

Полученные данные согласуются с исследованиями Дж. Коттера о том, что успешное изменение поведения возможно только при активной позиции лидеров [11], а также с выводами Д. Пинка о ключевой роли автономии и мастерства для вовлеченности [12]. В случае студентов СПО проектную деятельность можно рассматривать как форму легальной автономии.

Важно отметить, что эффективность модели обеспечивается тремя факторами: 1) физической занятостью, снижающей энергетический потенциал для драк; 2) групповой идентичностью, альтернативной уличной; 3) быстрым социальным признанием через конкретный результат.

Профилактика деструктивного поведения у студентов СПО неэффективна без предложения реальной альтернативы уличным практикам. Проектная деятельность в форме стройотрядов и волонтерства позволяет канализировать энергию драки в энергию созидания через механизмы замещения, легальной иерархии и групповой идентичности. Рекомендуется включить обязательный проектный модуль в программу воспитания колледжей, а также создать «отряды быстрого реагирования» из студентов группы риска для участия в ликвидации последствий ЧС (что обеспечивает легальный риск и адреналин). Материальное стимулирование (заработная плата в стройотряде) является дополнительным фактором, повышающим принятие изменений со стороны рано взрослеющих студентов.

Список литературы:

[1] Березин К.А. Управление кадрами, человеческими ресурсами в организации // Вестник науки. 2023. №6 (63). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-kadrami-chelovecheskimi-resursami-v-organizatsii (дата обращения: 10.03.2025).

[2] Выготский Л.С. Педология подростка. М.: Изд-во МГУ, 1984. 320 с.

[3] Иванова Т.Ю., Приходько В.И. Теория организации: учебник. М.: Кнорус, 2010. 432 с.

[4] Фрейд З. «Я» и «Оно». М.: Азбука-классика, 2007. 288 с.

[5] Цонева К.Т. Роль менеджера для реализации изменений // Экономика и социум. 2015. №2-4 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-menedzhera-dlya-realizatsii-izmeneniy (дата обращения: 10.03.2025).

[6] Blanchard K. Leadership and Self-Deception. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2008. 288 p.

[7] De Bono E. Serious Creativity: Using the Power of Lateral Thinking to Create New Ideas. New York: HarperBusiness, 1992. 352 p.

[8] Kotter J.P. Leading Change. Boston: Harvard Business School Press, 1996. 194 p.

[9] Pink D.H. Drive: The Surprising Truth About What Motivates Us. New York: Riverhead Books, 2011. 272 p.

[10] Реан А.А. Психология личности: социализация, поведение, общение. СПб.: Прайм-Еврознак, 2021. 412 с.

References:

[1] Berezin K.A. Human resources management in the organization//Bulletin of Science. 2023. №6 (63). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-kadrami-chelovecheskimi-resursami-v-organizatsii (дата обращения: 10.03.2025).

[2] Vygotsky L.S. Pedology of a teenager. M.: Publishing House of Moscow State University, 1984. 320 s.

[3] Ivanova T.Yu., Prikhodko V.I. Theory of organization: textbook. M.: Knorus, 2010. 432 p.

[4] Freud Z. “Me” and “It.” M.: ABC Classics, 2007. 288 pp.

[5] K.T. Tsoneva. The role of a manager for the implementation of changes//Economics and Society. 2015. №2-4 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-menedzhera-dlya-realizatsii-izmeneniy (дата обращения: 10.03.2025).

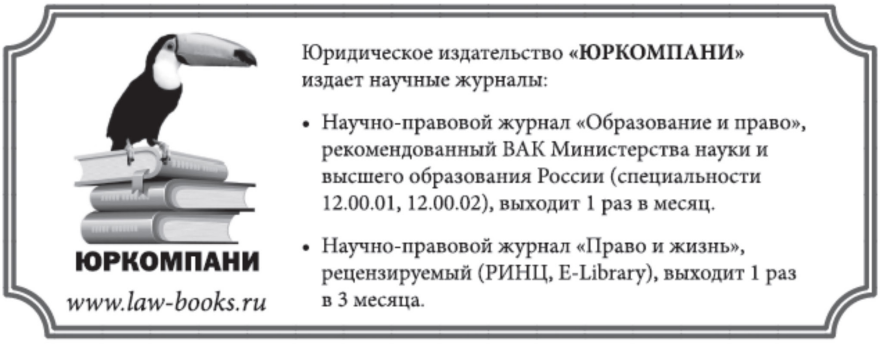
[6] Blanchard K. Leadership and Self-Deception. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2008. 288 p.

[7] De Bono E. Serious Creativity: Using the Power of Lateral Thinking to Create New Ideas. New York: HarperBusiness, 1992. 352 p.

[8] Kotter J.P. Leading Change. Boston: Harvard Business School Press, 1996. 194 p.

[9] Pink D.H. Drive: The Surprising Truth About What Motivates Us. New York: Riverhead Books, 2011. 272 p.

[10] Rean A.A. Personality psychology: socialization, behavior, communication. St. Petersburg: Prime-Euroznak, 2021. 412 s.



Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-285-294

МАКЕЕВА Инга Олеговна,

Студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный Государственный университет»,

e-mail: ingamakeeva026@gmail.com

ЯКОВЛЕВА Елена Олеговна,

Доцент кафедры УП ФГБОУ ВО «Юго-Западный Государственный университет», К.ю.н.,

e-mail: pragmatik-alenka@yandex.ru

БЫСТРОВ Иван Юрьевич,

Студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный Государственный университет»,

e-mail: bystrov.ivan05@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА НОРМАТИВНЫХ ОСНОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *На сегодняшний день особую актуальность приобретает проблема правового регулирования искусственного интеллекта в условиях его стремительного развития и использования во многих сферах жизнедеятельности человека. Предметом исследования в настоящей статье выступает ИИ, а также нормативные основы регулирования его развития и применения на национальном и международном уровне (государств и организаций). Производится глубокий анализ нормативной составляющей данной области, самого определения ИИ, проблем, представляющих интерес для общества на сегодняшний день и их перспективных путей решения. Кроме того, стоит отметить, что важную составляющую играет необходимость создания четких правовых рамок для обеспечения безопасности, этичности, а также прозрачности применения ИИ, защиты прав и свобод человека и гражданина. Методологическую основу настоящей работы представляют следующие виды: диалектический, который позволяет рассмотреть не только положительные стороны применения ИИ, но и проблемы, аналитический, который помогает исследовать составные части заявленной темы, сравнительно-правовой при исследовании зарубежного опыта, кроме того индукция и дедукция.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, персональные данные, государство, нормативно-правовая база, законы, международные стандарты, этические нормы, риски и вызовы, ответственность, национальная стратегия*

Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2026 год №075-03-2026-489

MAKEEVA Inga Olegovna,

Law student Yugo-Zapadny Federal State Budgetary Educational Institution State University”

YAKOVLEVA Elena Olegovna,

Associate Professor of the Department of the UE FGBOU VO “South-Western State University”, PhD in Law

BYSTROV Ivan Yurievich,

Law student Yugo-Zapadny Federal State Budgetary Educational Institution State University”

COMPARATIVE LEGAL ASSESSMENT OF THE REGULATORY FRAMEWORK DEVELOPMENT AND APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *Today, the problem of legal regulation of artificial intelligence is becoming particularly relevant in the context of its rapid development and use in many areas of human activity. The subject of this article is AI, as well as the regulatory framework for its development and application at the national and international levels (states and organizations). There is a deep analysis of the regulatory component of this area, the definition of AI itself, the problems of interest to society today, and their promising solutions. In addition, it is worth noting that the need to create a clear legal framework for ensuring the safety, ethics, and transparency of AI applications, as well as protecting human and civil rights and freedoms, plays an important role. The methodological basis of this work is represented by the following types: dialectical, which allows us to consider not only the positive aspects of the application of AI, but also the problems, analytical, which helps to explore the components of the stated topic, comparative legal in the study of foreign experience, in addition to induction and deduction.*

Key words: *artificial intelligence, personal data, state, legal framework, laws, international standards, ethical standards, risks and challenges, responsibility, national strategy*

Использование искусственного интеллекта (далее - ИИ) встречается повсеместно во всех сферах жизнедеятельности современного человека, приобретая все большую популярность. Масштабное количество новых областей задействуют ИИ для упрощения работы, экономии ресурсов, недопущения возможной ошибки, а также скорости.

В настоящее время ИИ становится не только важной составляющей таких сфер, как экономика, медицина и социальная сфера, но и оказывает важное влияние на повседневную жизнь людей. Важно отметить, что вместе с разнообразием сфер применения ИИ, возрастает и перечень возможных рисков, которые связаны с его использованием, например, нарушение прав и свобод личности, возможность ошибок ИИ, вопроса несения ответственности за причиненный вред.

Фундаментальным условием успешного внедрения ИИ в общество является обеспечение прозрачности его применения, безопасности и своевременного устранения существующих пробелов.

Именно установленные четкие рамки могут гарантировать функционирование ИИ в интересах человека, а не вопреки им.

Важно отметить, что правовое регулирование является не только инструментом снижения технологических угроз, но и неким вектором стремления для формирования доверия к инновациям, как со стороны граждан, так и государства в целом. Ведь как справедливо отмечает в своей работе Е.О. Яковлева [1], «человек скептически воспринимает неопознанное и, сталкиваясь с ним, первостепенно испытывает объективацию качеств, вызывающую чувства отрицания и отчуждения».

Многие исследователи, включая Ю.Г. Арзамасова [2] и Л.Н. Ладенкова [3], отмечают динамичный характер развития ИИ, что затрудняет выработку оптимального подхода к его правовому регулированию.

В свою очередь, отсутствие согласованных на международном уровне стандартов в области регулирования применения ИИ создает ряд сложностей для мирового сообщества. На данном этапе развития современного общества, различные государства создают собственные подходы к определению, классификациям и контролю ИИ, что способствует созданию пробелов нормативной базы и затруднению развития мирового технологического сотрудничества. Отсутствие единого мнения, создает новые риски, которые связаны с возникновением правовых коллизий, а также с неравномерным уровнем защиты прав и интересов граждан в разных юрисдикциях [4].

Справедливо заметить, что регулирование ИИ в современном мире на международном уровне создаётся под влиянием межгосударственных организаций, которые разрабатывают принципы, рекомендации и стандарты, направленные на обеспечение безопасного и ответственного использования ИИ для задач, которые поставлены человеком. Основное внимание уделяется вопросам защиты прав человека, безопасности, а также содействия инновациям.

В. В. Белозерцева в своей работе отмечает, что «основой создания правового регулирования общественных отношений в сфере ИИ являются этические нормы и правила» [5], однако данная область требует существенного совершенствования.

Так, в Российской Федерации имеется ряд правовых актов, в которых находит свое отражение регулирование некоторых областей применения ИИ, таких, например, как наука и образование, медицина, финансы и т. д.

Национальная стратегия развития ИИ до 2030 г., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года, содержит в себе основополагающие принципы

развития ИИ в отечественном государстве.

Важно отметить, что РФ одной из первых закрепила концепцию развития ИИ на высшем уровне.

Также рекомендованный Банком РФ, кодекс этики в сфере разработки и применения ИИ на финансовом рынке (Информационное письмо Банка России от 9 июля 2025 г. № ИН-016-13/91), определяет принципы прозрачности, справедливости, безопасности и управления рисками в данной области, однако носит рекомендательный характер.

Основным актом, регулирующим обработку персональных данных, является Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Решения, которые основываются исключительно на автоматической обработке данных при помощи ИИ, которые могут повлиять на права и интересы человека, Закон строго запрещает принимать.

Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119, а также приказы ФСТЭК России и ФСБ России детализируют особенности защиты персональных данных при автоматизированной обработке, а также статья 16 ФЗ №152-ФЗ обеспечивает защиту прав от негативных последствий решений, принятых путем автоматизации.

Рекомендации по применения ИИ в области образования и научных исследований, содержит в себе ГОСТ Р 70949-2023 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Применение искусственного интеллекта в научно-исследовательской деятельности. Варианты использования».

Использование систем нейросетей при телемедицинских консультациях при условии их регистрации в качестве медицинских изделий разрешает Приказ Минздрава России от 11 апреля 2025 г. № 193н.

Начиная с 2023 года, в РФ начались глобальные изменения в области правового регулирования ИИ. Особую актуальность приобрели вопросы авторских прав на контент, который был создан ИИ. В данном случае коллизии относительно правомочий и ответственности участников процесса создания цифровых продуктов имеют особую значимость.

Что же касается зарубежного опыта правового регулирования применения ИИ, то одной из лидеров в заявленной области выступает Великобритания.

В этой стране с начала 2015 г. разработана и действует Стратегия цифровой экономики 2015–2018, утвержденная государственной организацией Innovate UK [6].

Правительство Великобритании в апреле 2018 года опубликовало документ, где говорится о формировании Совета по ИИ, к функциям которого относится руководство деятельностью по развитию ИИ, контролю и регулированию государственной политики в данной сфере, а также консультирование по подобным вопросам [7].

В Великобритании разработан целый ряд актов, регулирующих различные области применения ИИ. Например, «Руководство по использованию ИИ в государственном секторе» [8] или «Понимание этики и безопасности ИИ» [9].

Регулирование применения ИИ в Европейском Союзе (далее - ЕС) осуществляется для устранения рисков для здоровья граждан, обеспечения верховенства закона, безопасности государства, окружающей среды и государственного строя.

Интересно, что в резолюции Европейского парламента «Нормы гражданского права о робототехнике» была рекомендация Европейской комиссии рассмотреть вопрос наделения ИИ особым статусом электронного лица. После взвешивания преимуществ и недостатков наделения ИИ правосубъектностью, ЕС отказался от реализации такого предложения.

В декабре 2023 года Европейским парламентом создан проект регламента ЕС «Об искусственном интеллекте», который предусматривает регулирование всех разновидностей ИИ и всех сфер его деятельности, в которых он может быть применен, кроме военной [10]. Кроме того, в вышеуказанном регламенте производится классификация рисков применения ИИ.

При рассмотрении правовой политики в сфере применения ИИ в странах Юго-Восточной Азии, можно отметить, что, несмотря на стремление занять лидирующие позиции и развивать конкурентоспособные технологии, все же не теряет своей актуальности вопрос защиты общественных интересов государства и национальной безопасности.

В Китае принимаются меры по поощрению инновационного развития ИИ. Политическая основа китайского общества, при этом, имеет жесткие рамки ограничения свободы общественных и частных организаций.

При сравнении российского подхода регулирования ИИ, Сингапур, в свою очередь, не акцентирует такого внимания в области безопасности. В Сингапуре осуществляется ускоренное патентирование изобретений в области ИИ, следовательно, совершенствуется законодательство для обеспечения применения новых технологий.

В Сингапуре, впервые запущенная в 2019 году, национальная стратегия в области ИИ. Она получила название «Национальная стратегия

в области искусственного интеллекта» 2.0/ Singapore National AI Strategy 2.0. Ключевыми целями данной концепции являются расширение возможностей и достижение совершения в области применения ИИ.

Следует также уделить внимание для более детального сравнительного анализа правовой политике США в области применения ИИ.

Как и во многих других зарубежных государствах, в США имеется собственно разработанная стратегия в сфере ИИ [11]. Приоритеты регулятивной политики выстаиваются двумя основными документами – это Национальный стратегический план по развитию ИИ (National Strategic Plan for the Development of Artificial Intelligence) и Стратегический план развития исследований и разработок систем ИИ (National AI R&D Strategic Plan). Законодательные акты также имеют место быть в сфере ИИ. К примеру, был принят Закон «О национальной инициативе в области искусственного интеллекта».

Таким образом, отечественное государство и международные организации разрабатывают рекомендации и стандарты, направленные на обеспечение безопасности, прозрачности, этичности и инновационности применения ИИ.

Справедливо отметить, что в национальных и международных актах даются различные определения ИИ.

Вышеуказанная Национальная стратегия развития ИИ до 2030 г., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года, содержит в себе определение ИИ в статье 5 – совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и достигать результатов, как минимум сопоставимых с человеческим интеллектом, что также включает в себя способность к самообучению и поиску решений без заранее заданных алгоритмов.

Что касается зарубежного опыта, то Международная организация труда дает следующее определение ИИ – моделирование процессов человеческого интеллекта машинами, компьютерными системами. В данном случае эти процессы представляют собой обучение, рассуждение, самокоррекцию.

Ссылаясь на Организацию экономического сотрудничества и развития, ЮНИСЭФ дает следующее определение; ИИ – машинные системы, способные учитывать набор определенных человеком целей, давать прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на реальную или виртуальную угрозу.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) считает, что ИИ определяется, как дисциплина компьютерных наук, направленная на разработку машин и систем, которые могут выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта.

Исходя из рассмотренных определений, следует, что учреждения, связанные с ООН, уделяют особое внимание автоматизации процессов, требующих человеческого интеллекта и акцентируются на улучшении различных сфер общества за счет использования новых технологий.

Что касается вопроса несения ответственности за действия ИИ, то в российском законодательстве нет норм, которые признают ИИ субъектом права. В данном случае ответственность несет либо пользователь ИИ, либо ее создатель [12].

В Китае также отсутствуют нормы о правосубъектности ИИ. Ответственность применения ИИ делится между пользователем, поставщиком и создателем. Особенность в КНР заключается в том, что имеется некое переплетение гражданской, административной и уголовной ответственности за действия ИИ. При этом возлагаются обязанности по предотвращению причинения вреда на провайдера систем ИИ.

США придерживается той позиции, что при причинении вреда с применением ИИ пострадавший может обратиться с иском к производителю, либо лицу, внедрившему ИИ. Вопрос придания правосубъектности ИИ обсуждается в США на официальном уровне. Внимание уделяется вопросу иммунитета платформ. В США действует 230 CDA, который освобождает интернет-платформы от ответственности за контент, опубликованный пользователями в мировой сети [13].

В ЕС ответственность за вред, причиненный ИИ, определяет AI Act. Он требует от создателей ИИ документировать свою работу и гарантировать человеческий надзор за системами ИИ высокой категории риска.

На законодательном уровне установлено, что нести ответственность за последствия и принятые решения должны люди. Такая мера исключает возможности переносов ответственности на ИИ.

Также важно рассмотреть, вообще в каком контексте определяется ИИ, как общественное благо в мире.

Например, в России ИИ стал неотъемлемой частью социальной природы в государстве, элементом социального блага. В преамбуле стратегии указывается на необходимость повышения доступности информационных и вычислительных ресурсов

для пользователей. Таким образом, государство нацелено на создание условий, в которых ИИ станет достоянием общества [14].

Хотя РФ и находится на начальном этапе развития ИИ как публичного блага, постепенно выстраивается концепция интересов общества, обозначенных в Указе Президента.

В КНР на сегодняшний день ИИ стал ключевым элементом для решения задач в различных сферах – городского управления, сельского хозяйства, медицины, образования, общественной безопасности.

Китай, в свою очередь, постепенно движется к тому, чтобы возможности ИИ стали такими же обыденными для применения в ключевых сферах жизнедеятельности человека, как электричество. Как отмечает В.С. Овчинский, «интеграция ИИ в систему государственного управления в КНР, особенно в рамках борьбы с коррупцией, вновь поднимает вопросы о прозрачности, этичном надзоре и конфиденциальности данных. Баланс между государственным контролем и прозрачностью ИИ представляет собой серьезную проблему, как и обеспечение беспристрастности алгоритмов».

ЕС стремится к тому, чтобы ИИ приносил наибольшую пользу обществу. Ведущим направлением выступает система социального обеспечения и публичного управления, где ИИ может замещать работников. Важно отметить, что каждый имеет право на разъяснение решений, которые были приняты при помощи ИИ, а также на альтернативу в виде рассмотрения уже человеком.

Можно сделать промежуточный вывод о том, что зарубежный опыт применения ИИ показывает, прежде всего, что ИИ должен применяться для пользы общества и упрощения работы в некоторых сферах жизнедеятельности, но люди не должны всецело от нее зависеть.

Современные подходы классификации ИИ отражают уровень развития технологий, особенности их применения в разных сферах.

Кроме того, существует большое количество классификаций, рассмотрим наиболее популярную, которая основывается на ключевых критериях:

По уровню интеллектуальных возможностей:

слабый (узкоспециализированный) ИИ. Такие системы способны решать отдельные специализированные задачи, не обладая универсальными когнитивными способностями человека. К таковым относятся голосовые помощники, системы распознания лиц, рекомендательные алгоритмы;

сильный (общий) ИИ. Гипотетические системы, обладающие универсальными интеллектуальными способностями, сравнимыми с человеческими: умением учиться, рассуждать, принимать решения в различных областях. На данный момент такие системы не реализованы и остаются предметом научных дискуссий;

суперинтеллект (Superintelligence). Теоретическая стадия развития ИИ, при которой интеллектуальные возможности системы существенно превосходят человеческие во всех областях, включая творческое мышление, социальные навыки и научные изыскания.

По степени автономности и обучаемости:

системы с жестко заданными алгоритмами, которые работают по заранее определённым правилам и не предназначены для самообучения;

системы машинного обучения. Они могут самостоятельно выявлять закономерности и совершенствовать свои алгоритмы на основе опыта;

системы с элементами самосовершенствования. Такие системы склонны к обучению и самостоятельному принятию решений в сложных условиях.

По сферам применения:

промышленные ИИ. Данный вид применяется для управления технологическими процессами, а также контроля качества продукции;

медицинские ИИ. Данный вид ИИ помогает при диагностике заболеваний, анализом медицинских данных, разработкой лечебных планов;

транспортные ИИ. Такая разновидность содержит в себе интеллектуальные системы управления движением;

финансовые ИИ. Предназначен для алгоритмической торговли и выявления мошенничества;

государственные и правовые ИИ. Содержит в себе автоматизацию документооборота, а также анализ нормативных актов.

Такая классификация помогает структурно понять, каким может быть ИИ, в какой сфере применяться и какими возможностями обладать.

Несмотря на массовое применение ИИ и его популярность, все же имеется ряд проблем, которые на сегодняшний день остаются нерешенными и препятствуют формированию эффективной и сбалансированной нормативной базы.

Во-первых, одной из ключевых проблем является отсутствие общепринятого юридического определения ИИ. На сегодняшний день собственные формулировки определения даются различными организациями и

государствами, что приводит к разночтениям при принятии правовых актов и создает определенные трудности при балансировании законодательства на международном уровне [15].

Решением заявленной проблемы является создание рабочих групп при международных организациях (ООН, СЕ, ОЭСР), которые будут специализироваться на выработке универсальных и единых понятий, признанных всеми государствами. Кроме того, следует принять соглашения, которые будут обязывать государства использовать согласованные подходы при формировании законодательства. Также важно, следить за обновлением определений в различных государствах, чтобы сохранить их актуальность.

Во-вторых, особую сложность создает определение субъектов ответственности за действия и решения, принятые при помощи ИИ. Возникают вполне реальные сложности с тем, кто несет ответственность в случае причинения вреда ИИ. При отсутствии четких рамок в данном вопросе имеется риск юридической неопределенности ответственного лица, что затрудняет защиту прав пострадавших лиц [16].

Для эффективного распределения ответственности за причиненный вред при использовании ИИ, важно установить в какой мере участники несут наказание. Следует ввести обязательное страхование рисков, связанных с применением ИИ, а также разработать механизмы компенсации ущерба пострадавшим, включая создание специальных фондов.

В-третьих, ИИ работает с большими массивами личной информации [17], без которой она попросту не сможет принять нужное пользователю решение. Здесь создается проблема угрозы приватности и соблюдения базовых стандартов по защите персональных данных. Действующее законодательство не всегда может учитывать специфику работы ИИ при защите личных данных пользователей.

В данном случае, важно ввести обязательные меры по минимизации собираемых данных для обработки ИИ, установить четкие требования к хранению, передаче и уничтожению личной информации. Регулярно проводить аудит безопасности, а также инспектировать соблюдение стандартов приватности.

В-четвертых, ИИ может неосознанно воспроизводить стереотипы и предвзятость, которые заложены самим создателем. Многие системы работают на машинном обучении и нейронных сетях, в таком случае, непрозрачная система препятствует эффективному контролю, а также усложняет судебное разбирательство и снижает доверие к ИИ со стороны общества.

Для преодоления заявленной проблемы важно разрабатывать и внедрять международные соглашения о взаимном признании стандартов и процедур сертификации ИИ. Кроме того, разрабатывать совместные инициативы по стандартизации технических и этических требований к ИИ на глобальном уровне, а также создать независимые советы, уполномоченные рассматривать спорные ситуации и давать рекомендации.

В-пятых, в силу большой популярности применения ИИ в разных сферах жизнедеятельности человека, на сегодняшний день следует восполнить пробел с отсутствием во многих государствах специализированных органов и экспертиз, которые могли бы контролировать ИИ-системы, проводить аудиторские проверки.

В данном случае для повышения уровня прозрачности работы ИИ, следует создавать специализированные государственные органы по регулированию и надзору в сфере ИИ, внедрять государственную поддержку научных исследований и образовательных программ по праву ИИ, а также поощрять взаимодействие между государствами, научным сообществом и масштабными организациями для обмена знаниями, проведения независимых экспертиз и оценки рисков.

Рассмотренные проблемы обусловлены как технологическими особенностями применения ИИ, так и недостаточной согласованностью нормативной базы на международном уровне.

Для эффективного применения ИИ без вреда для пользователей следует подойти к комплексному решению заявленных проблем, как внутри каждого отдельного государства, так и на уровне международного сотрудничества. Лишь таким методом, возможно добиться их эффективного искоренения и предотвращения.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта применения ИИ в различных сферах имеются как общие тенденции, так и существенные различия.

Среди имеющихся на сегодняшний день подходов к рассмотрению ИИ, как субъектов права, наиболее обоснованным является, построенный на аналогии с юридическим лицом.

Как отмечает в своей монографии И.Р. Бегишев, «подходы, которые предлагают обосновать правосубъектность ИИ с учетом сущности одушевленных субъектов, у которых есть реальная, а не только формально-юридическая воля, получат развитие только после того, как развитие цифровых технологий достигнет объективно высокого уровня» [18].

Проделанный анализ показывает, что из общего – признание стратегического значения

ИИ для общества, что отражается в нормативных актах и национальных стратегиях.

Кроме того, ни одна из рассмотренных стран не наделяет ИИ самостоятельной правосубъектностью, вырабатываются все больше закреплений ответственности из-за причинения вреда за человеком. Данный принцип прослеживается повсеместно, как требование человеческого надзора (ЕС), обязанность провайдера отвечать за действия по работе ИИ (Китай), страхование ответственности (Россия).

К различиям можно отнести следующее: США не имеет единого нормативного акта, как в России, ЕС или Китае. Имеется лишь набор принципов и ответственности по законам разных ведомств.

Можно сделать вывод, что такой подход имеет определенные риски, поскольку при разнообразии актов, все же могут быть упущены некоторые аспекты, которые требуют должного правового регулирования.

Китай отмечается тем, что он активно поощряет применение и развитие ИИ, но при этом и жестко контролирует его, ставя определенные запреты.

ЕС имеет правовое регулирование ИИ, которое становится образцом для многих государств. Но важно отметить, что подход ЕС все же может иметь негативные последствия, поскольку его успех зависит от согласованных действий всех членов.

Сингапур является ведущим участником в формировании стандартов АСЕАН. Он имеет достаточно гибкий уровень регулирования применения ИИ, однако четко прописывает ответственность за причиненный вред. Основной акцент делается на прозрачности применения ИИ в различных сферах, а также этических стандартах.

Россия в настоящее время находится на стадии комплексного подхода к регулированию ИИ. Она имеет собственную Стратегию, оптимальный баланс между поддержкой развития ИИ и его контроля.

Российское регулирование ИИ во многом схоже с мировыми стандартами, но при этом ориентируется на внутренние потребности страны.

Сфера применения ИИ и его регулирования является вопросом актуальным и обсуждаемым на сегодняшний день [19].

Проделанный анализ нормативно-правовых актов регулирования ИИ в России и за рубежом, помогает выявить сильные и слабые стороны, общие и различные аспекты, а также выделить имеющиеся проблемы на сегодняшний день, устранение которых поможет в дальнейшем при развитии международного сотрудничества между государствами и организациями.

При формировании и совершенствовании нормативных документов необходимо не только чётко реагировать на актуальные запросы общества, определяя степень ответственности для различных участников правовых отношений, но и активно создавать предпосылки для интеграции в правовую сферу всех передовых интеллектуальных инструментов и методик, которые способны повысить её эффективность [20].

Список литературы:

[1] Яковлева Е.О. Искусственный интеллект как вызов для криминологической науки: от исторических предпосылок к стратегии управления рисками в России / Е.О. Яковлева. – DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(6).587-597. – EDN ZLLUOL // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19, № 6. – С. 587-597.

[2] Арзамасов Ю.Г. Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта / Ю.Г. Арзамасов // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2023. – № 2 (53). – С. 133-148. – DOI: 10.17308/law/1995-5502/2023/2/133-148. – EDN ALEBSL.

[3] Ладенков Н.Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью / Н.Е. Ладенков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 3. – С. 12-20. – EDN SDDTJF.

[4] Кравченко М.А., Самсонова Д.А. Правовое регулирование в сфере применения искусственного интеллекта / М.А. Кравченко, Д.А. Самсонова // Право, бизнес, управление: проблемы теории и практики : сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции, Мариуполь, 27 марта 2025 года. – Мариуполь: Мариупольский государственный университет им. А.И. Куинджи, 2025. – С. 133-138. – EDN JQMNQP.

[5] Белозерцева В.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта / В.В. Белозерцева. – EDN HFVJXR // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 78-86.

[6] Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 14.10.2019. – № 41. – ст. 5700.

[7] Овчинников А.И., Селиванова Е.С., Конопий А.С. Правовая политика в сфере регулирования искусственного интеллекта: зарубежный опыт нормирования и выстраивания

приоритетов // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2024. – № 502.

[8] Развитие искусственного интеллекта в странах мира: США, Китай, Великобритания [Электронный ресурс] // D-Russia.ru. – 2019. – 10 April. – URL: http://d-russia.ru/razvitie-iskusstvennogo-intellekta-v-stranah-mira-ssha-kitaj-velikobritaniya.html (дата обращения: 10.03.2026).

[9] A guide to using artificial intelligence in the public sector [Электронный ресурс] // GOV. UK. – 2019. – 10 June. – URL: https://www.gov.uk/government/collections/a-guide-to-using-artificial-intelligence-in-the-public-sector (дата обращения: 07.03.2026).

[10] Understanding artificial intelligence ethics and safety [Электронный ресурс] // GOV. UK. – 2019. – 10 June. – URL: https://www.gov.uk/guidance/understanding-artificial-intelligence-ethics-and-safety (дата обращения: 26.02.2026).

[11] White paper on Artificial Intelligence-A European approach to excellence and trust [Электронный ресурс]. – 2020. – 19 February. – URL: https://commission.europa.eu/document/download/d2ec4039-c5be-423a-81ef-b9e44e79825b_en-filename=commission-white-paper-artificial (дата обращения: 15.03.2026).

[12] Конякин М.Н. Подходы к развитию регулирования технологии искусственного интеллекта в Великобритании, США и ЕС // Право и государство: теори и практика. – 2024. – № 5(233). – С. 219-222.

[13] Национальная стратегия в области искусственного интеллекта 2.0 / Singapore National AI Strategy 2.0 (NAIS 2.0) [Электронный ресурс] // Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-drugikhstranakh/2023_singapurskaya_nacionalynaya_strategiya_v_oblasti_iskusstvennogo_intellekta_2_0_singapore_national_ai_strategy_2_0_nais_2_0_smart_nation_singapore/ (дата обращения: 10.03.2026).

[14] Астапенко П.Н. Сравнительный анализ правового регулирования искусственного интеллекта в России, Китае, США и Европейском союзе // Закон и право. – 2025. – № 6. – DOI: 10.24412/2073-3313-2025-6-47-54. – EDN CKLDFC.

[15] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. И на перспективу до 2026 г.» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991 (дата обращения: 18.04.2026).

[16] Судьи в Краснодаре подтвердили принятое с помощью ИИ решение – Газета. Ru | Новости // URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/10/15/26957666.shtml (дата обращения: 22.04.2026).

[17] Суд в Ростовской области отказался принимать медицинские выводы нейросети – Новости Mail // URL: https://news.mail.ru/society/69085569/ (дата обращения: 20.03.2026).

[18] Канзачаков А.В. Правовое регулирование деятельности с использованием нейросетей // Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций. – 2024. – № 1. – DOI: 10.24412/cl-37098-2024-1-108-112. – EDN DWJNRU.

[19] Макеева И.О., Яковлева Е.О., Тарасова Д.А. Искусственный интеллект как средство обеспечения безопасности в системе противодействия преступности // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 4. С. 197-211. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.4.77003 EDN: HTTXGS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77003

[20] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // URL: https://base.garant.ru/72838946/ (дата обращения: 23.03.2026).

[21] Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон: монография. Москва: Проспект, 2021. 192 с. Виктимология, 9 (1), 127-129. – DOI: 10.31085/9785392338900-2021-192. – EDN DZCJKJ.

[22] Ершов А.В. Реформа госсовета 2023: финансовый и социальный вопросы реформирования государственных органов КНР // Исторические события в жизни Китая и современность. Вып. VIII. Материалы науч. конф. Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН (Москва, 17 апреля 2023 г.) / отв. ред., сост. Н.Л. Мамаева. М.: ИКСА РАН, 2023. – С. 35-48. – DOI: 10.48647/ICCA.2023.78.70.004. – EDN JPDPTI.

[23] Яковлева Е.О., Маслова А.В. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы соотношения / Е.О. Яковлева, А.В. Маслова // Уголовное право в эволюционирующем обществе: Сборник научных статей научно-практической конференции молодых учёных и студентов, Курск, 30 мая 2025 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 107-112. – EDN HLYSFV.

References:

[1] Yakovleva E.O. Artificial intelligence as a challenge for criminological science: from historical prerequisites to risk management strategy in Russia/E.O. Yakovleva. – DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(6).587-597. - EDN ZLLUOL//All-Russian Criminological Journal. – 2025. - T. 19, NO. 6. - S. 587-597.

[2] Arzamasov Yu.G. The optimal model of legal regulation in the field of artificial intelligence/

Yu.G. Arzamasov//Vestnik VSU. Series: Right. – 2023. – № 2 (53). - S. 133-148. – DOI: 10.17308/law/1995-5502/2023/2/133-148. – EDN ALEBSL.

[3] N.E. Ladenkov. Models for endowing artificial intelligence with legal personality/N.E. Ladenkov//Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences. – 2021. – № 3. - S. 12-20. – EDN SDDTJF.

[4] Kravchenko M.A., Samsonova D.A. Legal regulation in the field of artificial intelligence/M.A. Kravchenko, D.A. Samsonova//Law, business, management: problems of theory and practice: collection of scientific works of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Mariupol, March 27, 2025. - Mariupol: Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi, 2025. - S. 133-138. – EDN JQMNQP.

[5] V.V. Belozertseva. Legal regulation of artificial intelligence/V.V. Belozertseva. - EDN HFVJXR//Gaps in Russian legislation. – 2024. - T. 17, NO. 6. - S. 78-86.

[6] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030")//" Collection of Legislation of the Russian Federation. " – 14.10.2019. – № 41. - Art. 5700.

[7] Ovchinnikov A.I., Selivanova E.S., Konopiy A.S. Legal policy in the field of regulation of artificial intelligence: foreign experience in rationing and priority building//Vestn. Volume. state university. – 2024. – № 502.

[8] Development of artificial intelligence in the countries of the world: USA, China, Great Britain [Electronic resource]// D-Russia.ru. – 2019. – 10 April. – URL: http://d-russia.ru/razvitie-iskusstvennogo-intellekta-v-stranah-mira-ssha-kitaj-velikobritaniya.html (дата обращения: 10.03.2026).

[9] A guide to using artificial intelligence in the public sector [Электронный ресурс] // GOV.UK. – 2019. – 10 June. – URL: https://www.gov.uk/government/collections/a-guide-to-using-artificial-intelligence-in-the-public-sector (дата обращения: 07.03.2026).

[10] Understanding artificial intelligence ethics and safety [Электронный ресурс] // GOV.UK. – 2019. – 10 June. – URL: https://www.gov.uk/guidance/understanding-artificial-intelligence-ethics-and-safety (дата обращения: 26.02.2026).

[11] White paper on Artificial Intelligence-A European approach to excellence and trust [Электронный ресурс]. – 2020. – 19 February. – URL: https://commission.europa.eu/document/download/d2ec4039-c5be-423a-81ef-b9e44e79825b_en-filename=commission-white-paper-artificial (дата обращения: 15.03.2026).

[12] Konyakin M.N. Approaches to the development of regulation of artificial intelligence technology in the UK, USA and EU//Law and State: Theories and Practice. – 2024. – № 5(233). - S. 219-222.

[13] National Artificial Intelligence Strategy 2.0/Singapore National AI Strategy 2.0 (NAIS 2.0) [Electronic Resource]//National Center for the Development of Artificial Intelligence under the Government of the Russian Federation. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-drugikhstranakh/2023_singapurskaya_nacionalynaya_strategiya_v_oblasti_iskusstvennogo_intellekta_2_0_singapore_national_ai_strategy_2_0_nais_2_0_smart_nation_singapore/ (дата обращения: 10.03.2026).

[14] Astapenko P.N. Comparative analysis of the legal regulation of artificial intelligence in Russia, China, the USA and the European Union//Law and Law. – 2025. – № 6. – DOI: 10.24412/2073-3313-2025-6-47-54. – EDN CKLDFC.

[15] Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309 "On National Development Goals of the Russian Federation for the Period until 2030 And for the Future until 2026 "//URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991 (circulation date: 18.04.2026).

[16] Judges in Krasnodar confirmed the decision made using AI - Gazeta.Ru | News//URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/10/15/26957666.shtml (accessed on: 22.04.2026).

[17] The court in the Rostov region refused to accept the medical conclusions of the neural network - Mail News//URL: https://news.mail.ru/society/69085569/ (date of appeal: 20.03.2026).

[18] A.V. Kanzachakov. Legal regulation of activities using neural networks//Economics and management: experience and new solutions in the era of transformation. – 2024. – № 1. – DOI: 10.24412/cl-37098-2024-1-108-112. – EDN DWJNRU.

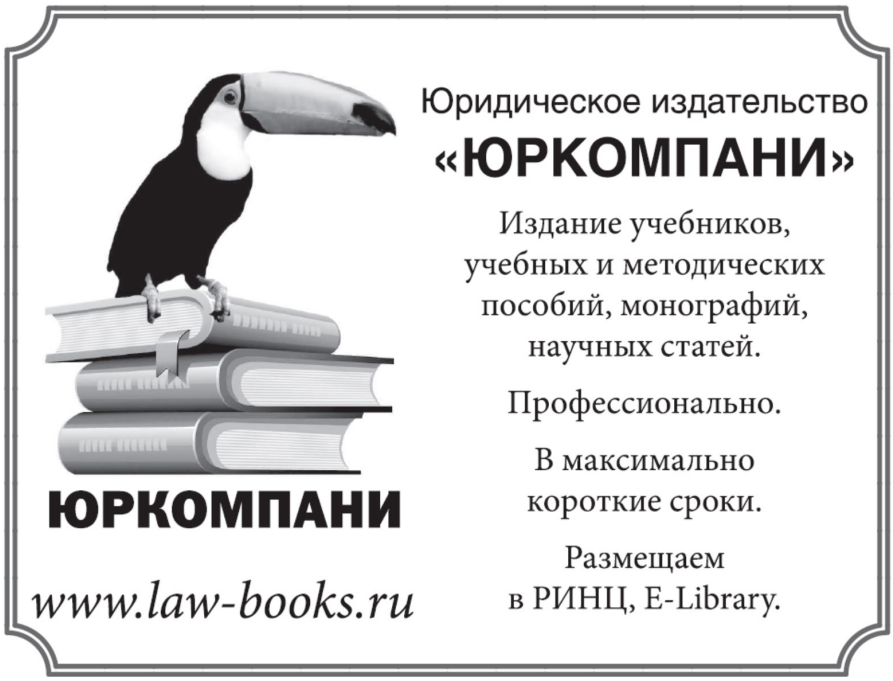
[19] Makeeva I.O., Yakovleva E.O., Tarasova D.A. Artificial intelligence as a means of ensuring security in the anti-crime system//Police and investigative activities. 2025. № 4. S. 197-211. DOI: 10.25136/2409-7810.2025.4.77003 EDN: HTTXGS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77003

[20] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation "//URL: https://base.garant.ru/72838946/ (date of appeal: 23.03.2026).

[21] Begishev I.R., Khisamova Z.I. Artificial intelligence and the criminal law: monograph. Moscow: Prospect, 2021. 192 pp. Victimology, 9 (1), 127-129. – DOI: 10.31085/9785392338900-2021-192. – EDN DZCJKJ.

[22] Ershov A.V. Reform of the State Council 2023: financial and social issues of reforming state bodies of the PRC//Historical events in the life of China and the present. No. VIII. materials scientific. conf. Center for Contemporary History of China and its Relations with Russia ICSA RAS (Moscow, April 17, 2023)/ed. ed., comp. N.L. Mamaeva. M.: IKSA RAS, 2023. - S. 35-48. – DOI: 10.48647/ICCA.2023.78.70.004. – EDN JPDPTI.

[23] Yakovleva E.O., Maslova A.V. Artificial intelligence and criminal liability: problems of correlation/E.O. Yakovleva, A.V. Maslova//Criminal law in an evolving society: Collection of scientific articles of a scientific and practical conference of young scientists and students, Kursk, May 30, 2025. - Kursk: University Book CJSC, 2025. - S. 107-112. – EDN HLYSFV.



Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-295-301

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,

e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДОПУСКА АДВОКАТА В ЗДАНИЯ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ: УДОСТОВЕРЕНИЕ СТАТУСА ИЛИ УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ?

Аннотация. *В статье исследуется проблема законодательного расширения перечня государственных органов и учреждений, доступ в которые адвокат вправе осуществлять на основании удостоверения адвоката без предъявления паспорта гражданина Российской Федерации. На примере зданий и помещений структурных подразделений Федеральной службы судебных приставов и объектов уголовно-исполнительной системы России рассматривается соотношение профессиональных прав адвоката, режима допуска в охраняемые объекты публичной власти, полномочий судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов и требования правовой определенности. Обосновывается вывод о том, что удостоверение адвоката в действующем российском регулировании прежде всего подтверждает специальный профессиональный статус, тогда как признание его самостоятельным документом, удостоверяющим личность, требует прямого и системного законодательного закрепления. Простое включение органов принудительного исполнения в перечень объектов, доступных по адвокатскому удостоверению, не устраняет проблему правоприменения, а способно породить конкуренцию норм с законодательством об органах принудительного исполнения и внутреннем режиме охраняемых государственных помещений. Предлагается рассматривать обеспечение доступа адвоката не как механическое освобождение от общих процедур идентификации, а как задачу согласования гарантий квалифицированной юридической помощи, безопасности публичных учреждений и ясности межотраслевого правового регулирования.*

Ключевые слова: *адвокат, адвокатура, удостоверение адвоката, правовой статус адвоката, Федеральная служба судебных приставов, органы принудительного исполнения, объекты УИС, пропускной режим, доступ к правосудию, правовая определенность.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,

Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL REGIME FOR ADVOCATE ACCESS TO BUILDINGS OF ENFORCEMENT AUTHORITIES: PROOF OF STATUS OR PROOF OF IDENTITY?

Annotation. *The article examines the issue of legislative expansion of the list of public authorities and institutions to which an advocate may gain access on the basis of an advocate's certificate without presenting a Russian citizen's passport. Using buildings and premises of structural subdivisions of the Federal Bailiff Service and its territorial bodies as an example, the article analyzes the correlation between the professional rights of an advocate, access control to protected public facilities, the powers of bailiffs responsible for maintaining the established order of court activities, and the requirement of legal certainty. The article substantiates the conclusion that, under current Russian regulation, an advocate's certificate primarily confirms a special professional status, while recognizing it as an independent identity document requires direct and systematic legislative consolidation. A mere inclusion of enforcement authorities in the list of facilities accessible upon presentation of an advocate's certificate does not eliminate law enforcement problems and may create a conflict of rules with legislation on enforcement authorities and internal access regimes*

of protected public premises. The article argues that ensuring advocate access should not be understood as a mechanical exemption from general identification procedures, but as a task of harmonizing guarantees of qualified legal assistance, security of public institutions, and clarity of intersectoral legal regulation.

Key words: *advocate, advocacy, advocate's certificate, legal status of an advocate, Federal Bailiff Service, enforcement authorities, access control, access to justice, legal certainty.*

В российской правовой системе адвокатура занимает особое положение: она не входит в систему органов государственной власти, но выполняет публично значимую функцию обеспечения квалифицированной юридической помощи. Именно двойственная природа адвокатской деятельности - независимая профессиональная деятельность при очевидной конституционной значимости ее результата - обусловливает необходимость точного законодательного определения объема профессиональных гарантий адвоката. Одной из таких гарантий выступает возможность фактического доступа адвоката в государственные органы, учреждения и иные места, где осуществляется защита прав доверителя. Однако проблема доступа не сводится к физическому проходу через пункт охраны. Она затрагивает более сложный вопрос: какие юридические факты подтверждаются адвокатским удостоверением, может ли оно подменять паспорт гражданина Российской Федерации, вправе ли режимный орган требовать дополнительную идентификацию лица и каким образом должны соотноситься профессиональные гарантии адвоката с обязанностью государства обеспечивать безопасность судов, органов принудительного исполнения и иных публичных учреждений.

Актуальность указанной проблемы усиливается в связи с предложениями о расширении перечня объектов, в которые адвокат допускается по удостоверению адвоката. В центре анализа находится ситуация, когда в такой перечень предлагается включить здания и помещения структурных подразделений Федеральной службы судебных приставов и ее территориальных органов. На первый взгляд подобная инициатива направлена на укрепление гарантий адвокатской деятельности: адвокат, действующий в интересах доверителя, не должен сталкиваться с необоснованными административными барьерами, особенно если его профессиональная деятельность связана с исполнительным производством, обжалованием действий должностных лиц, участием в процессуальных действиях или получением информации, необходимой для защиты прав граждан и организаций. Вместе с тем научно-правовая оценка такого подхода требует учитывать не только цель упрощения доступа, но и юридическую природу удостоверения адвоката, структуру межотраслевого регулирования и специальные полномочия судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов и органов принудительного исполнения.

В российской доктрине адвокатура традиционно рассматривается как институт гражданского общества, призванный обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина, а также представлять интересы лиц, нуждающихся в профессиональной юридической помощи [1]. Правовой статус адвоката предполагает наличие специальных квалификационных требований, членство в профессиональной корпорации, подчинение нормам законодательства об адвокатуре и профессиональной этики, а также наличие особых гарантий независимости. Как справедливо отмечается в научной литературе, статус адвоката является не только формальным допуском к профессии, но и юридическим основанием реализации комплекса профессиональных прав, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи [2]. Следовательно, любое регулирование порядка допуска адвоката в публичные учреждения должно исходить из того, что ограничение доступа может затруднить реализацию конституционного права доверителя на юридическую помощь. Однако столь же значимо и обратное положение: профессиональный статус адвоката не исключает действия общих правил безопасности и идентификации, если такие правила установлены законом, имеют легитимную цель и не препятствуют по существу осуществлению защиты.

Удостоверение адвоката в действующем законодательстве выполняет прежде всего статусно-подтверждающую функцию. Оно удостоверяет, что лицо приобрело статус адвоката и включено в соответствующий региональный реестр. В процессуальных отношениях этого нередко достаточно для возникновения специальных полномочий при одновременном предъявлении ордера или иного документа, подтверждающего поручение. Так, в уголовном судопроизводстве адвокат вступает в дело в качестве защитника при предъявлении удостоверения и ордера; в отношениях,

связанных с посещением подозреваемых и обвиняемых, также используется конструкция предъявления удостоверения адвоката и ордера. Но из этого не следует автоматический вывод, что удостоверение адвоката является универсальным документом, удостоверяющим личность во всех публично-правовых отношениях. Правовой смысл удостоверения состоит в подтверждении специального профессионального качества лица, тогда как паспорт гражданина Российской Федерации подтверждает гражданскую личность, реквизиты которой значимы для режима безопасности, учета посетителей и реализации контрольных полномочий должностных лиц.

Именно здесь возникает центральная коллизия. Если законодатель указывает, что адвокат проходит в определенные здания «по удостоверению адвоката», но при этом не определяет, заменяет ли такое удостоверение паспорт, сохраняется ли право охраны проверять личность, допускается ли регистрация посетителя по данным удостоверения, вправе ли должностное лицо сопоставить данные удостоверения с иным документом, возникает неопределенность. На практике она может разрешаться диаметрально противоположными способами. В одном случае удостоверение будет восприниматься как достаточное основание и для подтверждения статуса, и для идентификации личности. В другом - как документ, подтверждающий только статус адвоката, но не исключающий предъявления паспорта. В третьем - как основание допуска лишь при наличии ордера или иного подтверждения связи посещения с оказанием юридической помощи. Подобная вариативность правоприменения противоречит требованию определенности закона и создает риск как необоснованного ограничения профессиональных прав адвоката, так и необоснованного ослабления режима безопасности охраняемых объектов.

Научная дискуссия об удостоверении адвоката показывает, что проблема не является новой. А.В. Рагулин обоснованно указывал на необходимость уточнения законодательства об адвокатском удостоверении и прямо связывал правоприменительные затруднения с тем, что закон не закрепляет удостоверение адвоката как документ, подтверждающий не только статус, но и личность адвоката [3]. Данный подход важен для рассматриваемой темы: если законодатель действительно стремится освободить адвоката от обязанности предъявлять паспорт при посещении определенных публичных учреждений, необходимо не фрагментарно расширять перечень таких учреждений, а нормативно определить юридическую силу удостоверения адвоката как идентификационного документа. Без этого любые точечные изменения будут воспроизводить прежнюю проблему в новых институциональных условиях.

При этом нельзя игнорировать и то, что адвокатское удостоверение содержит персональные данные, фотографию и иные реквизиты, позволяющие в определенной степени идентифицировать предъявителя. Однако наличие таких реквизитов само по себе не равно признанию документа удостоверяющим личность. Российское законодательство строит режим документов, удостоверяющих личность, на специальном нормативном признании, а не на фактической возможности визуального сопоставления фотографии и лица. Поэтому довод о «нелогичности» требования паспорта к адвокату является недостаточным для научного обоснования изменения закона. Логика правового регулирования требует ответа на иной вопрос: какой именно юридический факт должен быть установлен при проходе в здание органа уголовно-исполнительной системы, наличие профессионального статуса личность посетителя, связь визита с оказанием юридической помощи или одновременно все указанные обстоятельства. Пока законодатель не различает эти элементы, норма о доступе по удостоверению остается потенциально конфликтной.

Особое значение имеет специфика зданий и помещений Федеральной службы судебных приставов и ее территориальных органов. Органы принудительного исполнения реализуют властные полномочия, связанные с исполнением судебных актов, актов иных органов и должностных лиц, обеспечением установленного порядка деятельности судов, применением мер принуждения, хранением служебной информации, организацией приема граждан и взаимодействием с участниками исполнительного производства. Научные исследования правового положения ФССП подчеркивают, что деятельность данной службы имеет одновременно правоприменительный, организационно-охранительный и обеспечительный характер [5]. Следовательно, доступ в помещения таких органов не может регулироваться исключительно через призму удобства адвокатской деятельности. Он затрагивает безопасность должностных лиц, сохранность материалов исполнительных производств, защиту персональных данных, режим служебных помещений и порядок приема посетителей.

Законодательство об органах принудительного исполнения наделяет судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов правом проверять документы, удостоверяющие личность, у лиц,

находящихся в зданиях и помещениях судов, а также в зданиях и помещениях органов принудительного исполнения. Это полномочие имеет самостоятельную правовую природу и направлено не на ограничение адвокатской деятельности, а на обеспечение установленного порядка и безопасности. Если в законодательство об адвокатуре будет включено положение о проходе адвоката в такие помещения исключительно по удостоверению адвоката, но одновременно не будет изменена или согласована норма о праве пристава проверять документы, удостоверяющие личность, возникнет межотраслевая конкуренция. Один закон будет восприниматься как исключающий предъявление паспорта, другой - как сохраняющий право должностного лица требовать документ, удостоверяющий личность. На уровне правоприменения это приведет не к расширению гарантий адвоката, а к увеличению конфликтов на входе в государственное учреждение.

Такой конфликт особенно опасен потому, что он будет возникать не в абстрактной правовой ситуации, а непосредственно в момент осуществления адвокатом профессиональной функции. Отказ в проходе или задержка допуска может повлечь пропуск процессуального срока, невозможность участия в исполнительном действии, несвоевременное обжалование постановления судебного пристава-исполнителя, невозможность оперативной консультации доверителя. Вместе с тем и должностное лицо, ответственное за пропускной режим, окажется в ситуации неопределенности: допустить адвоката без паспорта и тем самым рискнуть нарушить инструкции безопасности либо потребовать паспорт и столкнуться с обвинением в воспрепятствовании адвокатской деятельности. Правовая норма, порождающая подобный выбор без ясного критерия разрешения, не отвечает требованиям качества закона.

Принцип правовой определенности занимает особое место в российской конституционно-правовой доктрине и практике Конституционного Суда Российской Федерации. В научной литературе подчеркивается, что правовая определенность требует ясности, непротиворечивости, предсказуемости и согласованности нормативного регулирования [7]. Для сферы адвокатской деятельности это требование имеет повышенное значение, поскольку неопределенность процедур доступа к государственным органам затрагивает не только интересы адвоката как профессионального участника правоотношения, но и права доверителя. Норма, устанавливающая профессиональную гарантию, должна быть сформулирована так, чтобы ее адресаты - адвокат, судебный пристав, сотрудник охраны, должностное лицо органа принудительного исполнения и доверитель - одинаково понимали объем прав и обязанностей. Если же формула «по удостоверению адвоката» не отвечает на вопрос о допустимости дополнительной идентификации, она не обеспечивает требуемой предсказуемости.

Сравнение с доступом адвокатов в суды также демонстрирует сложность проблемы. Суды являются пространством осуществления правосудия, доступ к которому имеет самостоятельное конституционное значение. Однако даже в отношении судов действуют правила внутреннего распорядка и пропускного режима, предусматривающие предъявление документов, удостоверяющих личность. Верховный Суд Российской Федерации признавал правомерность установления пропускного режима в судах при условии, что он не нарушает права граждан на доступ к правосудию. Это означает, что наличие конституционно значимой функции не отменяет организационных правил безопасности. Следовательно, в отношении органов принудительного исполнения тем более необходимо устанавливать баланс между профессиональным доступом адвоката и полномочиями должностных лиц по обеспечению порядка.

Важным является различение права адвоката на доступ к доверителю и права прохода в административное здание. В работах, посвященных праву адвоката-защитника на беспрепятственные встречи с доверителем, обоснованно подчеркивается, что данное право имеет содержательный характер: оно связано с возможностью оказания юридической помощи, конфиденциального общения, подготовки позиции и реализации права на защиту [4]. Ограничения, фактически лишающие адвоката возможности встретиться с доверителем, могут быть признаны нарушающими существо профессиональной гарантии. Однако проход в здание органа принудительного исполнения не всегда равнозначен встрече с доверителем или участию в процессуальном действии. Адвокат может прибыть для подачи документов, ознакомления с материалами исполнительного производства, участия в приеме, получения информации, сопровождения доверителя, фиксации процессуальных нарушений. Все эти формы деятельности юридически значимы, но они различаются по степени срочности, режиму помещения и необходимому набору документов. Поэтому универсальная формула допуска без учета цели посещения может оказаться чрезмерно упрощенной.

Вместе с тем критика предлагаемого расширения не должна восприниматься как

отрицание необходимости защищать адвоката от бюрократических барьеров. Практика показывает, что требование дополнительных документов иногда используется не как средство безопасности, а как способ затруднить профессиональную деятельность. Это особенно чувствительно в публично-правовых спорах, где адвокат противостоит органу власти или должностному лицу. В подобных ситуациях государство обязано создавать такие процедуры, которые исключают произвольное усмотрение сотрудников пропускного режима. Если адвокат предъявляет удостоверение и документы, подтверждающие поручение или цель визита, отказ в доступе должен быть исключением, основанным на прямо предусмотренных законом обстоятельствах, например наличии запрещенных предметов, угрозе безопасности, нерабочем времени при отсутствии срочной процессуальной необходимости, отсутствии должностного лица, уполномоченного обеспечить прием, либо обращении в помещение с ограниченным режимом доступа. Но и эти основания должны быть сформулированы не ведомственной практикой, а нормативно определенным порядком.

Оптимальным направлением регулирования представляется не простое добавление ФССП в перечень объектов, доступных по удостоверению адвоката, а комплексное уточнение правовой природы адвокатского удостоверения и процедур допуска адвоката в публичные учреждения. Первый вариант состоит в прямом признании удостоверения адвоката документом, удостоверяющим личность адвоката при осуществлении им профессиональной деятельности. Но такой вариант требует изменения не только законодательства об адвокатуре, но и согласования с законодательством о документах, удостоверяющих личность, о персональных данных, о пропускном режиме, о судебных приставах, о содержании под стражей и о защите охраняемых объектов. Иначе признание будет декларативным. Второй вариант состоит в сохранении за удостоверением адвоката статусно-подтверждающей функции при одновременном закреплении обязанности органов принудительного исполнения обеспечивать ускоренный и недискриминационный порядок допуска адвокатов при предъявлении удостоверения и, когда это необходимо, ордера или иного документа, подтверждающего поручение. В этом случае паспорт может требоваться только для целей идентификации и регистрации, но не должен превращаться в средство отказа в реализации профессиональных прав.

Предпочтительным представляется смешанный подход. Закон может установить, что удостоверение адвоката является достаточным документом для подтверждения статуса адвоката и основанием применения специальных гарантий доступа, но не исключает проверки личности в случаях и порядке, прямо предусмотренных федеральным законом для охраняемых объектов. Одновременно следует закрепить, что такая проверка не может использоваться для воспрепятствования адвокатской деятельности, должна осуществляться незамедлительно, без изъятия удостоверения, без копирования данных сверх необходимого объема и без требования документов, не связанных с целью посещения. Для органов принудительного исполнения целесообразно предусмотреть специальное правило: адвокат допускается в зоны приема граждан и помещения, предназначенные для ознакомления с материалами исполнительного производства или участия в исполнительных действиях, при предъявлении удостоверения адвоката и документа, подтверждающего полномочие или цель визита; проверка личности допускается в пределах полномочий судебного пристава по обеспечению установленного порядка, но не может служить самостоятельным основанием отказа при отсутствии угрозы безопасности или иных прямо предусмотренных законом обстоятельств.

Такой подход позволяет сохранить баланс частного и публичного интереса. Частный интерес выражается в праве доверителя на своевременную и эффективную юридическую помощь. Публичный интерес заключается в обеспечении безопасности государственных учреждений, надлежащей организации работы органов принудительного исполнения и предотвращении злоупотреблений пропускным режимом. Адвокатура, будучи институтом гражданского общества, не должна ставиться в зависимость от произвольного административного усмотрения; однако и государственный орган, отвечающий за принудительное исполнение и безопасность, не может быть лишен базовых инструментов идентификации посетителей. Правовой компромисс должен состоять не в безусловной отмене паспортного контроля, а в исключении его избыточного и дискриминационного применения.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении удостоверения адвоката и ордера. Удостоверение подтверждает статус, ордер - связь адвоката с конкретным поручением в случаях, когда такая форма подтверждения предусмотрена законом. Если адвокат обращается в орган принудительного исполнения по вопросу доверителя, сам факт наличия статуса не всегда достаточен для доступа к материалам исполнительного

производства, содержащим персональные данные и сведения ограниченного доступа. Следовательно, при ознакомлении с материалами дела, участии в исполнительных действиях или получении информации о доверителе орган вправе проверять не только статус адвоката, но и полномочие на представление интересов конкретного лица. Однако это не тождественно проверке паспорта. Законодатель должен разграничить три самостоятельных элемента: удостоверение статуса, удостоверение личности и подтверждение полномочий. Смешение этих элементов является источником большинства практических конфликтов.

Применительно к органам ФССП такое разграничение особенно важно, поскольку исполнительное производство связано с большим количеством участников: взыскателем, должником, представителями сторон, третьими лицами, специалистами, переводчиками, понятыми, сотрудниками иных органов. Наличие у посетителя статуса адвоката не означает автоматического права доступа ко всем материалам и помещениям. Но оно означает, что при подтверждении профессиональной цели визита государственный орган обязан обеспечить режим, позволяющий адвокату реализовать поручение без необоснованной задержки. Иными словами, адвокатское удостоверение должно включать специальный механизм приоритетного профессионального доступа, но не должно превращаться в универсальный пропуск во все служебные зоны органа принудительного исполнения.

В научном смысле рассматриваемая проблема показывает пределы фрагментарного законотворчества. Внесение точечной поправки в одну статью закона об адвокатуре может казаться простым способом решения практической проблемы, но в действительности такая поправка затрагивает смежные институты административного, процессуального, конституционного и правоохранительного регулирования. Если новая норма не согласована с уже действующими полномочиями судебных приставов, правилами внутреннего распорядка, требованиями безопасности и режимом обработки персональных данных, она не повысит уровень гарантий, а лишь перенесет спор из плоскости ведомственной практики в плоскость законодательной коллизии. Для законодательства, регулирующего профессиональные гарантии адвоката, это особенно недопустимо, поскольку любая неопределенность будет разрешаться в условиях властного неравенства между адвокатом и органом публичной администрации.

Доступность правосудия и доступность юридической помощи не должны пониматься как абсолютное отрицание режимных процедур. В современной доктрине доступность правосудия раскрывается через совокупность организационных, процессуальных, территориальных, информационных и финансовых условий, позволяющих лицу реально воспользоваться судебной защитой [6]. В этой логике доступ адвоката в органы принудительного исполнения является одним из организационных условий защиты права, особенно на стадии исполнения судебного акта. Но доступность не означает отсутствие правил; напротив, она требует таких правил, которые понятны, единообразны и не создают необоснованных препятствий. Поэтому закон должен не устранять пропускной режим, а подчинять его критериям законности, соразмерности, недискриминационности и процессуальной предсказуемости.

В заключение следует отметить, что расширение перечня мест, в которые адвокат вправе проходить на основании удостоверения адвоката, само по себе не может рассматриваться как безусловно эффективная гарантия профессиональной деятельности. Проблема доступа адвоката в здания и помещения органов принудительного исполнения имеет системный характер и обусловлена неопределенностью юридической природы адвокатского удостоверения, отсутствием единого порядка идентификации адвоката при осуществлении профессиональной деятельности и конкуренцией норм законодательства об адвокатуре с нормами, регулирующими безопасность судов и органов принудительного исполнения. Удостоверение адвоката в действующей модели права подтверждает специальный профессиональный статус; признание его документом, удостоверяющим личность, требует прямого законодательного решения и межотраслевого согласования. Простая формула допуска «по удостоверению адвоката» без уточнения пределов проверки личности и полномочий судебных приставов способна породить правовую неопределенность, а значит, не отвечает задаче качественного законодательного регулирования. Наиболее обоснованным является комплексный подход, при котором адвокату гарантируется ускоренный, недискриминационный и предсказуемый доступ в органы принудительного исполнения для оказания юридической помощи, а должностные лица сохраняют строго ограниченные законом полномочия по обеспечению безопасности и идентификации посетителей. Такой подход позволяет одновременно защитить конституционное право на квалифицированную юридическую помощь, обеспечить устойчивость

режима публичных учреждений и устранить риск произвольного применения норм, регулирующих профессиональную деятельность адвоката.

Список литературы:

[1] Галушкин А. А., Тимошенко Д. Ю. Адвокатура в Российской Федерации на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 74–84.

[2] Соловьева Ю. И. Правовой статус адвоката в условиях судебной реформы в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 4. С. 289–296.

[3] Рагулин А. В. Положения российского законодательства об удостоверении адвоката нуждаются в уточнении! // Евразийская адвокатура. 2015. № 4 (17). С. 24–28.

[4] Рагулин А. В. Право адвоката-защитника на беспрепятственные встречи с доверителем: вопросы теории и практики // Евразийская адвокатура. 2015. № 1 (14). С. 31–40.

[5] Штефан Д. И. Федеральная служба судебных приставов и ведомственная охрана судебного департамента: перспективы развития // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 3 (91). С. 145–152.

[6] Тремполец Л. А. Содержание принципа доступности административного судопроизводства в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2022. № 3 (58). С. 47–54. DOI: 10.52068/2304-9839_2022_58_3_47.

[7] Ковтун Н. Н., Зорин А. А. Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 3 (28). С. 119–129.

[8] Амиров Д. С. Права и обязанности судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14. Саратов, 2007. 180 с.

References:

[1] Galushkin A. A., Tymoshenko D. Yu. Advocacy in the Russian Federation at the present stage//Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2013. № 2. S. 74-84.

[2] Solovyova Yu. I. Legal status of a lawyer in the context of judicial reform in the Russian Federation//Actual problems of Russian law. 2012. № 4. S. 289-296.

[3] A. V. Ragulin. The provisions of the Russian legislation on the certification of a lawyer need to be clarified !//Eurasian Bar. 2015. № 4 (17). S. 24-28.

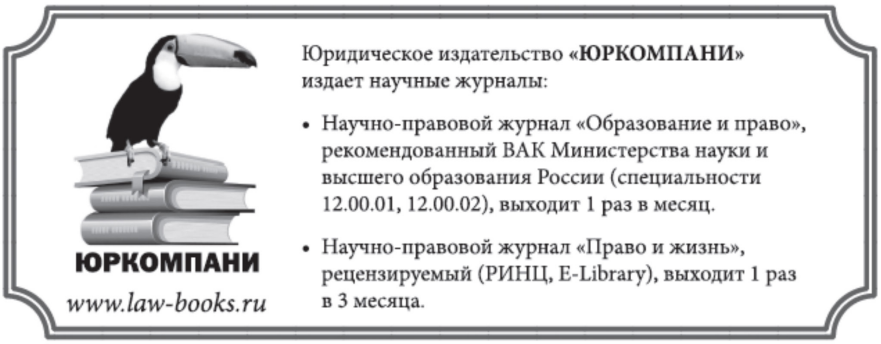
[4] Ragulin A. V. The right of a defense lawyer to unhindered meetings with the client: questions of theory and practice//Eurasian advocacy. 2015. № 1 (14). S. 31-40.

[5] Stefan D.I. Federal Bailiff Service and Departmental Security of the Judicial Department: Development Prospects//Bulletin of O. E. Kutafin University (MSLA). 2022. № 3 (91). S. 145-152.

[6] Trempolets L. A. Content of the principle of accessibility of administrative proceedings in the Russian Federation//Eurasian Bar. 2022. № 3 (58). S. 47-54. DOI: 10.52068/2304-9839_2022_58_3_47.

[7] Kovtun N. N., Zorin A. A. The principle of legal certainty in the system of legal positions and final conclusions of the Constitutional Court of the Russian Federation//Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2015. № 3 (28). S. 119-129.

[8] Amirov D. S. Rights and obligations of the bailiff to ensure the established procedure for the activities of the courts: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.14. Saratov, 2007. 180 s.



Дата поступления рукописи в редакцию: 04.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-302-306

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,

e-mail: okovalev66@gmail.com

ПОРЯДОК И ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПЛАТНЫХ УСЛУГ ПОДОЗРЕВАЕМЫМ И ОБВИНЯЕМЫМ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Целью исследования стали порядок, правовые и организационные особенности реализации права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы на получение дополнительных платных услуг. Для ее осуществления использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы деятельности СИЗО УИС по предоставлению подозреваемым и обвиняемым дополнительных платных услуг. Актуальным прикладным аспектом реализации прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС, является предоставление указанным лицам дополнительных платных услуг, направленных на реализацию их материально-бытовых потребностей. В национальном уголовно-исполнительном законодательстве создана современная нормативно-правая база по регулированию перечня и порядка предоставления указанных услуг лицам, заключенным под стражу. Теоретико-правовой анализ регулирования дополнительных платных бытовых и медико-санитарных услуг, предоставляемых подозреваемым и обвиняемым в СИЗО УИС в статье 26 Федерального закона 1995 г. № 103 показал отсылочный характер данной правовой нормы на ПВР СИЗО УИС 2022 г. Подробное регулирование перечня и порядка оказания дополнительных платных услуг подозреваемым и обвиняемым в условиях СИЗО УИС содержится в разделе 7 ПВР. Их регламентации посвящены пункты 61-70. Законодатель сформулировал перечень из 16 таких услуг. Порядок оказания дополнительных платных бытовых и медико-санитарных услуг подозреваемым и обвиняемым в условиях СИЗО УИС контролируется ФСИН России и ее территориальными органами. Органы прокуратуры надзирают за законностью оказания дополнительных платных услуг в СИЗО УИС. Принимают меры прокурорского реагирования на выявленные нарушения порядка и перечня оказания дополнительных платных услуг в изоляторе при проведении прокурорских проверок.*

Ключевые слова: *подозреваемые и обвиняемые, дополнительные платные услуги, права и законные интересы, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система, ведомственный контроль, прокурорский надзор.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,

Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

THE PROCEDURE AND SPECIFICS OF PROVIDING ADDITIONAL PAID SERVICES TO SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS IN PRE-TRIAL DETENTION FACILITIES OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The purpose of the study was the procedure, legal and organizational features of the implementation of the right of suspects and accused of committing crimes held in pre-trial detention facilities of the penitentiary system to receive additional paid services. To implement it, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were used. The legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific publications, and materials on the activities of the penitentiary detention center for providing additional paid services to suspects and defendants were analyzed. An actual applied aspect of the realization of the rights of suspects and accused of committing crimes held*

in a pre-trial detention center is the provision of additional paid services to these persons aimed at meeting their material and household needs. The national penal enforcement legislation has established a modern regulatory framework for regulating the list and procedure for providing these services to persons in custody. A theoretical and legal analysis of the regulation of additional paid household and medical-sanitary services provided to suspects and accused persons in the pre-trial detention center in Article 26 of Federal Law No. 103 of 1995 showed the reference nature of this legal norm to the pre-trial detention center in 2022. A detailed regulation of the list and procedure for the provision of additional paid services to suspects and accused persons in the conditions of a pre-trial detention center is contained in section 7 of the PRA. Paragraphs 61-70 are devoted to their regulation. The legislator has formulated a list of 16 such services. The procedure for providing additional paid household and medical-sanitary services to suspects and accused persons in the conditions of a pre-trial detention center is controlled by the Federal Penitentiary Service of Russia and its territorial bodies. The Prosecutor's Office oversees the legality of the provision of additional paid services in the pre-trial detention center. Measures are being taken by the prosecutor's office to respond to identified violations of the procedure and the list of additional paid services provided in the detention facility during prosecutorial inspections.

Key words: *suspects and accused, additional paid services, rights and legitimate interests, pre-trial detention facilities, penal enforcement system, departmental control, prosecutor's supervision.*

Введение. Важным прикладным аспектом реализации прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее СИЗО УИС) является предоставление указанным лицам дополнительных платных услуг, направленных на реализацию их материально-бытовых потребностей.

Современной правовой базой в данной сфере деятельности СИЗО являются:

положения национального уголовно-процессуального законодательства (статьи 46 и 47 УПК РФ), регулирующие правовое положение подозреваемых и обвиняемых [1];

статья 26 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ;

Федеральный закон от 21.04.2011 г. № 78-ФЗ «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ;

Постановление Правительства Российской Федерации от 23.04.2012 г. № 361 «О порядке предоставления администрацией места содержания под стражей защитнику по его требованию платных услуг по копированию материалов уголовного дела и об установлении тарифов за эти услуги» [2];

Правила внутреннего распорядка СИЗО УИС, утвержденные Приказом Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 в части обеспечения прав подозреваемых и обвиняемых на получение дополнительных платных услуг [3, с. 198-204];

Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30.09.2025 г. № 248 «О внесении изменений в Правила внутреннего распорядка СИЗО УИС [4];

часть седьмая статьи 99 УИК РФ, разрешающая расходовать па приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости осужденным собственные средства, дополнительно приобретать разрешенные одежду и обувь, в том числе спортивные, оплачивать дополнительные лечебно-профилактические и иные предоставляемые по их желанию услуги, определяемые ПВР СИЗО и ИУ. Данные положения распространяются, в том числе, на осужденных, оставленных в СИЗО для отбывания назначенного судом наказания, в порядке статьи 77 и 81 УИК РФ, участия в проведении следственных действий согласно статьи 77.1 УИК РФ [5].

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и организационных особенностей реализации права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС на получение дополнительных платных услуг, использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы деятельности СИЗО УИС по предоставлению подозреваемым и обвиняемым дополнительных платных услуг.

Основные результаты. Теоретико-правовой анализ регулирования дополнительных платных бытовых и медико-санитарных услуг, предоставляемых подозреваемым и обвиняемым в СИЗО УИС в статье 26 Федерального закона 1995 г. № 103 показал отсылочный характер данной правовой нормы на ПВР СИЗО УИС

2022 г. Вместе с тем, рассматриваемая статья предоставляет защитнику по его требованию платные услуги по копированию материалов уголовного дела в порядке и пределах тарифов, устанавливаемых Правительством РФ за счет средств федерального бюджета [6].

Более подробное и конкретное регулирование перечня и порядка оказания дополнительных платных услуг подозреваемым и обвиняемым в условиях СИЗО УИС содержится в разделе 7 ПВР. Их регламентации посвящены пункты 61-70. Законодатель сформулировал перечень из 16 таких услуг, отнеся к ним:

дополнительные лечебно-профилактические услуги, в том числе консультации [7, с. 254-260];

подбор, изготовление очков, протезов, ортопедической обуви;

приобретение разрешенных к использованию в СИЗО одежды и обуви, в том числе спортивной;

доставка литературы и изданий периодической печати и изданий периодической печати из торговой сети;

стирка, ремонт одежды и постельных принадлежностей;

ремонт обуви;

химическая чистка одежды;

парикмахерские услуги;

доставка блюд из пунктов общественного питания [8, с. 143-148];

занятия спортом в специально оборудованных для этого местах в изоляторе [9];

выдача во временное пользование электрокипятильника, электрической бритвы, электрической машинки для стрижки волос, электровентилятора, дополнительного холодильника или телевизора [10, с. 252-258];

копирование судебных документов, других документов, имеющихся в личных делах подозреваемых и обвиняемых [11, с. 158-164];

юридическая консультация;

нотариальные услуги;

выдача подозреваемым и обвиняемым (за исключением содержащихся в карцере) технических устройств для чтения электронных книг;

при наличии технической возможности отправление и получение в электронном виде писем через администрацию учреждения [12, с. 229-235].

Порядок оказания дополнительных платных бытовых и медико-санитарных услуг подозреваемым и обвиняемым в условиях СИЗО УИС контролируется ФСИН России и ее территориальными органами. Органы прокуратуры надзирают за законностью оказания дополнительных платных услуг в СИЗО УИС [13]. Принимают меры прокурорского реагирования на выявленные нарушения порядка и перечня оказания дополнительных платных услуг в изоляторе при проведении прокурорских проверок [14, с.98-103].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации», состоявшейся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 09-11.12.2022. Доклад на тему «Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России»;

XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;

Межвузовской научно-практической конференции с международным участием

«Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 16-17.10. 2024 г. в Псковском филиале Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Доклад на тему «Современные подходы обеспечения безопасности следственных изоляторов».

Заключение. Актуальным прикладным аспектом реализации прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС, является предоставление указанным лицам дополнительных платных услуг, направленных на реализацию их материально-бытовых потребностей. В национальном уголовно-исполнительном законодательстве создана современная нормативно-правая база по регулированию перечня и порядка предоставления указанных услуг лицам, заключенным под стражу.

Теоретико-правовой анализ регулирования дополнительных платных бытовых и медико-санитарных услуг, предоставляемых подозреваемым и обвиняемым в СИЗО УИС в статье 26 Федерального закона 1995 г. № 103 показал отсылочный характер данной правовой нормы на ПВР СИЗО УИС 2022 г.

Подробное регулирование перечня и порядка оказания дополнительных платных услуг подозреваемым и обвиняемым в условиях СИЗО УИС содержится в разделе 7 ПВР. Их регламентации посвящены пункты 61-70. Законодатель сформулировал перечень из 16 таких услуг.

Порядок оказания дополнительных платных бытовых и медико-санитарных услуг подозреваемым и обвиняемым в условиях СИЗО УИС контролируется ФСИН России и ее территориальными органами. Органы прокуратуры надзирают за законностью оказания дополнительных платных услуг в СИЗО УИС. Принимают меры прокурорского реагирования на выявленные нарушения порядка и перечня оказания дополнительных платных услуг в изоляторе при проведении прокурорских проверок.

Список литературы:

[1] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 23.04.2012 г. № 361 «О порядке предоставления администрацией места содержания под стражей защитнику по его требованию платных услуг по копированию материалов уголовного дела и об установлении тарифов за эти услуги» // Garant.ru (дата обращения 13.04.2026).

[3] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Принципы содержания под стражей и их влияние на обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых (сравнительно-правовой анализ) // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 198-204.

[4] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30.09.2025 г. № 248 «О внесении изменений в Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы», утвержденные Приказом Минюста России 4 июля 2022 г. № 110 в части обеспечения питанием осужденных к лишению свободы, содержащихся в ИУ УИС // Garant.ru (дата обращения 13.04.2026).

[5] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[6] Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Consultant.ru (дата обращения 13.04.2026).

[7] Ковалев О.Г. Внутренний распорядок в местах содержания под стражей и его влияние на соблюдение прав и законных интересов // Российский научный вестник. 2026. № 2 С. 254-260.

[8] Ковалев О.Г. Характеристика элементов обеспечения режима в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых // Международный научный вестник. 2025. № 12. С. 143-148.

[9] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 13.04.2026).

[10] Ковалев О.Г. Правовой статус подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в контексте соблюдения их прав и законных интересов при содержании под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 252-258.

[11] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Государственная регистрация заключения и расторжения брака с лицами, содержащимися в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы: организационно-правовые и социально-психологические аспекты // Международный научный вестник. 2025. № 6. С. 158-164.

[12] Ковалев О.Г. Роль правил внутреннего распорядка следственных изоляторов в правоохранительной и правозащитной

деятельности, реализуемой в местах содержания под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 229-235.

[13] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[14] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России // В сборнике Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации. Сборник материалов международной научно-практической конференции в 3 ч. Вологда, 2022. № 6. С. 98-103.

References:

[1] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[2] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/23/2012 No. 361 “On the procedure for Providing paid Services for Copying Criminal Case Materials by the administration of a place of detention to a defender upon his request and on Setting tariffs for these services” // Garant.ru (accessed 04/13/2026).

[3] Kovalev O.G., Semenova N.V. Principles of detention and their impact on ensuring the rights and legitimate interests of suspects and accused (comparative legal analysis) // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 198-204.

[4] Order No. 248 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 30.09.2025 “On Amendments to the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction System”, approved by Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation on July 4, 2022 regarding the provision of food to convicts to the deprivation of liberty held in the penal Institution // Garant.ru (accessed 04/13/2026).

[5] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[6] Federal Law No. 103-FZ dated July 15, 1995 “On the detention of suspects and accused of committing crimes” // Consultant.ru (accessed 04/13/2026).

[7] Kovalev O.G. Internal regulations in places of detention and its impact on the observance of rights and legitimate interests // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 2, pp. 254-260.

[8] Kovalev O.G. Characteristics of the elements of ensuring the regime in places of detention of suspects and accused persons // International Scientific Bulletin. 2025. No. 12. pp. 143-148.

[9] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 “On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system” // Garant.ru (accessed 04/13/2026).

[10] Kovalev O.G. The legal status of suspects and accused of committing crimes in the context of respect for their rights and legitimate interests during detention in pre-trial detention facilities of the penal system // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 1. pp. 252-258.

[11] Kovalev O.G., Semenova N.V. State registration of the conclusion and dissolution of marriage with persons held in pre-trial detention facilities of the penal system: organizational, legal and socio-psychological aspects // International Scientific Bulletin. 2025. No. 6. pp. 158-164.

[12] Kovalev O.G. The role of the internal regulations of pre-trial detention facilities in law enforcement and human rights activities carried out in places of detention // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 229-235.

[13] The prosecutor’s desk book in 2 parts. Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

[14] Kovalev O.G., Semenova N.V. Organizational and legal features and methods of conducting prosecutorial inspections in the pre-trial detention center of the Federal Penitentiary Service of Russia // In the collection The Russian penitentiary system in modern conditions of society development: from the paradigm of punishment to correction and re-socialization. Collection of materials of the international scientific and practical conference at 3 a.m. Vologda, 2022. No. 6. pp. 98-103.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-307-310

МЕРЗЛЯКОВА Валерия Анатольевна,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»,

e-mail: vmerzlyakova@mail.ru,

ЯСОНОВА Юлия Денисовна,

студент 4 курса, направление подготовки – судебная адвокатура и нотариальная практика, юридического факультета, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»,

e-mail: julyasonova@yandex.ru,

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКИМ ЛИЦОМ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА КАК СПОСОБА СОКРЫТИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННЫХ ИМ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются способы использования процедуры банкротства как способа легализации денежных средств и имущества, полученных физическим лицом результате преступления, уголовно-правовая характеристика данного деяния и основная проблема, возникающая при уголовно-правовой оценке указанного деяния.*

Ключевые слова: *банкротство физических лиц, легализация, уголовная ответственность, несостоятельность.*

MERZLYAKOVA Valeria Anatolyevna,

Ph.D., Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, FSAEI HE "State University of Education"

YASONOVA Yulia Denisovna,

4th year student, direction of training - judicial advocacy and notarial practice, faculty of law, FSAEI HE "State University of Education"

THE USE OF BANKRUPTCY PROCEEDINGS BY AN INDIVIDUAL AS A MEANS OF CONCEALING THE LEGALIZATION OF FUNDS AND PROPERTY OBTAINED THROUGH CRIMINAL MEANS

Annotation. *This article examines the ways of using the bankruptcy procedure as a means of legalizing funds and property obtained by an individual as a result of a crime, the criminal law characteristics of this act, and the main problem that arises in the criminal law assessment of this act.*

Key words: *personal bankruptcy, legalization, criminal liability, insolvency.*

Банкротство физических лиц как правовой институт появилось в Российской Федерации в 2015 году, путем внесения поправок в Федеральный закон от 26.10.2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», что было обусловлено экономическими и социальными факторами. Согласно статистическому бюллетеню Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс) в 2025 году количество судебных процедур банкротства граждан с реализацией имущества достигло отметки в 567 997, с реструктуризацией долга – 37 897, а количество внесудебных процедур – 68 294[5], что является показателем актуальности действующего механизма и активного его использования.

В то же время признание гражданина несостоятельным может использоваться не только как законный способ освобождения от долгов, но и как способ сокрытия преступления для придания правомерного вида отмыванию

денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, что отмечается в исследованиях научных деятелей. Нормой, устанавливающей уголовную ответственность за совершение указанных преступных деяний, является статья 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Состав преступления, предусмотренного указанной статьей УК РФ, выглядит следующим образом:

непосредственным объектом преступления являются общественные отношения в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности[2];

объективная сторона характеризуется совершением финансовых операций, других сделок с денежными средствами или иным имуществом, добытых в результате совершения преступления;

основной субъект преступления – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет;

субъективная сторона определяется виной в форме прямого умысла и целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению полученных преступным путем денежных средств или иного имущества.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» судом должно быть установлено, что денежные средства или иное имущество были получены преступным путем – необходимо доказать наличие данной связи и специальной цели по приданию правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанным имуществом. О направленности умысла на легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, не свидетельствует распоряжение ими в целях личного потребления[4], что приобретает особое значение по отношению к процедуре банкротства физических лиц. Должником могут совершаться сделки бытового характера, которые сами по себе не предполагают сокрытие происхождения имущества.

Соответственно, даже в ходе проведения процедуры банкротства должника, распоряжение им имуществом или денежными средствами, полученными преступным путем, само по себе не образует основания для привлечения к уголовной ответственности по статье 174.1 УК РФ – необходимо доказывание факта действия лица именно с целью придания правомерного вида преступно добытому имуществу, из чего можно сделать вывод о сложности разграничения преступления по легализации преступно добытого имущества по статье 174.1 и преступления, прямо связанного с банкротством физического лица.

УК РФ предусматривает несколько составов, за которые лицо, находящееся в процедуре банкротства, может понести уголовную ответственность.

Статья 195 УК РФ предусматривает уголовную ответственность должника за неправомерные действия при банкротстве, а именно за сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, любых сведений об имуществе в целом, а также за передачу его во владение иным лицам, отчуждение и уничтожение. При этом данное деяние должно причинить крупный ущерб при наличии признаков банкротства. Несмотря на отсутствие указания цели в диспозиции данной статьи, можно отметить, что совершение данных действий направлено на уменьшение конкурсной массы и нанесение ущерба правам кредиторов.

Легализация денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем и совершение должником неправомерных действий во время процедуры банкротства внешне могут выглядеть схоже, поскольку в обоих случаях лицом могут предприниматься одни и те же действия для выполнения преступных целей по обоим составам преступлений, предусмотренных статьей 195 и 174.1 УК РФ, то есть сокрытие имущества от кредиторов и финансового управляющего может одновременно скрывать его преступное происхождение.

Статья 196 УК РФ представляет собой преднамеренность банкротства физического лица, а именно совершение действия или бездействия, приведших к крупному ущербу, заведомо влекущих неспособность удовлетворения требований кредиторов в полном объеме или исполнение обязанности по уплате обязательных платежей.

Действия, предусмотренные указанной статьей, осуществляемые гражданином, находящимся в процедуре банкротства, путем намеренного создания своей неплатежеспособности, могут быть всего лишь этапом перед легализацией денежных средств и иного имущества, поскольку иногда банкротство физического лица, являясь законным способом прекращения денежных обязательств перед кредиторами, может затруднить выявление легализации имущества. В то же время объективная сторона обоих составов преступлений, предусмотренных статьей 196 и 174.1 УК РФ может выражаться в одних финансовых операциях и сделках, что создает проблему разграничения прямого умысла лица

на легализацию денежных средств и иного имущества и прямого умысла преднамеренности банкротства.

Рассматривая преступления, связанные с банкротством, необходимо выделить и самую малоприменимую на практике статью 197 УК РФ, которой устанавливается уголовная ответственность за фиктивное банкротство, то есть за заведомо ложное публичное объявление гражданина о своей несостоятельности, повлекшее за собой крупный ущерб.

Как отмечается исследователями: «публичное объявление о своем банкротстве вообще больше не встречается в законодательстве о банкротстве, не влечёт никаких правовых последствий, и, таким образом, ни на что не влияет. Заявление должника не подлежит обязательному опубликованию, значит, строго говоря, его нельзя признать публичным объявлением себя банкротом. Публичное объявление банкротом по действовавшему ранее законодательству о банкротстве влекло такие юридические последствия, которые сейчас не наступают»[1]. При этом физическое лицо не может самостоятельно объявить себя банкротом – данным полномочием наделен только Арбитражный суд, что делает содержащееся в данной статье указание на «ложное публичное объявление» лицом самим себя банкротом юридически ничтожным. Учитывая изложенное, можно сказать, что на данный момент, применение данной статьи в совокупности со статьей 174.1 УК РФ, в связи с несовершенством диспозиции статьи 197 УК РФ, является невозможным из-за ее неэффективности и общего отсутствия применимости.

Итак, на основании изложенного можно выделить два способа использования процедуры банкротства физического лица для легализации денежных средств и имущества, полученных им преступным путем:

осуществление неправомерных действий должником во время процедуры банкротства, выражающихся в сокрытии преступно добытого имущества, данных о нем и передача его другим лицам или уничтожение, которое в последующем может быть легализовано данным лицом;

совершение преднамеренных действий или бездействия до процедуры банкротства, после завершения которой имущество и денежные средства, полученные преступным путем, которые, например были переданы аффилированным лицам, возвращаются к должнику и впоследствии легализуются.

Легализация доходов, полученных преступным путем, представляет собой процесс, который можно разделить на несколько этапов. Трехэтапная модель легализации преступных доходов предполагает выделение в следующих стадий: размещение, расслоение и интеграцию денежных средств[3]. Основываясь на данном утверждении, в контексте рассмотрения процедуры банкротства как способа сокрытия данного преступления, можно разделить указанные этапы на:

размещение – лицо получает имущество или денежные средства путем осуществления преступления и вводит их в легальный финансовый оборот для придания законного вида происхождения, маскируя их под долги, которые могут быть списаны и образовав основание для предположения о том, что оно не может выплатить долги самостоятельно, а также принимает заведомо неисполнимые обязательства перед кредиторами, например, берет кредиты и микрозаймы без намерения их погашения, и впоследствии подает заявление о своем банкротстве;

расслоение – должник пытается замаскировать добытое преступным путем имущество или денежные средства путем их сокрытия, вывода через фиктивные сделки с родственниками, иными близкими людьми или аффилированными лицами и в общем использует особенности банкнотной процедуры для сокрытия следов происхождения имущества, которые могут остаться незамеченными;

интеграция – процедура банкротства гражданина завершается, он освобождается от долгов и получает обратно преступно добытое имущество или денежные средства, путем, например возвращения заранее переданного имущества и лицо начинает пользоваться указанным имуществом законно, а доказать, что данное имущество было получено преступным путем становится очень сложно – оно приобретает правомерный вид владения, пользования и распоряжения.

Таким образом, исходя из изложенного, можно сказать, что банкротство как способ сокрытия легализации имущества, полученного преступным путем, может использоваться как инструмент для отвода глаз от основного преступления. Ключевым этапом осуществления легализации является вынесение судом определения о завершении процедуры банкротства и освобождения гражданина от исполнения обязательств, который создает формальную «точку обнуления» и позволяет лицу пользоваться преступно полученными денежными средствами или иным имуществом под видом законно приобретенных, что порождает комплекс проблем, связанной со сложностью квалификации таких деяний, вызывая конкуренцию норм уголовного законодательства.

Действия должника могут содержать в

себе признаки объективной стороны статьи 195 УК РФ и 174.1 УК РФ, поскольку они направлены на сокрытие преступно добытого имущества или денежных средств, их передачу, которые могут сопровождаться сделками и уменьшать конкурсную массу. К сделкам как признаку преступлений статьи 174.1 могут быть отнесены действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а равно на создание видимости возникновения или перехода гражданских прав и обязанностей[4]. В то же время, действия, квалифицируемые по статье 196 УК РФ, тоже могут совпадать в целом или в части с действиями, направленными на легализацию денежных средств или имущества, полученных лицом преступным путем. Добавление к конструкции указанных статей статьи 174.1 УК РФ порождает усиление конкуренции составов, поскольку возникает вопрос о целесообразности квалификации по совокупности преступлений или же возможно остаться в рамках одной статьи.

В связи с отсутствием правового трактования разграничения данных составов преступлений происходят случаи, когда в схожих ситуациях принимаются различные решения – в каких-то вменяется только одна «банкротная» статья, в каких-то только легализация, а в некоторых – обе в совокупности.

Соответственно, ключевой проблемой использования банкротства физическим лицом как способа легализации денежных средств или имущества, полученного им в результате совершения преступления, является отсутствие правил разграничения квалификации данных статей, что порождает неопределенность и требует дальнейшей доработки путем вынесения разъяснений по их разделению.

Список литературы:

[1] Акопян Н. А. К вопросу о применимости статьи 197 УК РФ // Молодой ученый, 2025. № 14 (565). URL: https://moluch.ru/archive/565/123935;

[2] Боровиков В. Б. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. С/ 135

[3] Минин Д. С. Гражданско-правовые способы и причины легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем // Молодой ученый, 2019. № 11 (249). URL: https://moluch.ru/archive/249/57279;

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // «Российская газета», № 151, 13.07.2015;

[5] Статистический бюллетень Федресурса по банкротству по итогам 2025 года // Федресурс - Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. URL: https://fedresurs.ru/news/45f888c8-c368-44d8-b038-436a4fe2f923 (дата обращения: 30.03.2026).

References:

[1] Hakobyan N. A. On the applicability of Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation//Young Scientist, 2025. № 14 (565). URL: https://moluch.ru/archive/565/123935;

[2] Borovikov V. B. Criminal law. Special part: textbook for universities - 7th ed., Revised. and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. C/ 135

[3] Minin D. S. Civil law methods and reasons for legalization (laundering) of proceeds from crime// Young scientist, 2019. № 11 (249). URL: https://moluch.ru/archive/249/57279;

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.07.2015 No. 32 (ed. 09.12.2025) “On judicial practice in cases of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means “//Rossiyskaya Gazeta, No. 151, 13.07.2015;

[5] Fedresurs Statistical Bulletin on Bankruptcy at the End of 2025//Fedresurs - Unified Federal Register of Legally Significant Information on the Facts of Activities of Legal Entities, Individual Entrepreneurs and Other Economic Entities. URL: https://fedresurs.ru/news/45f888c8-c368-44d8-b038-436a4fe2f923 (access date: 30.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-311-315

РЫБКИН Роман Владиславович,

аспирант Российского государственного педагогического университета им. Герцена,

e-mail: roman1217@list.ru

КОНСТИТУИРОВАНИЕ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ПАРАОРГАНИЗАЦИЙ МЕЖДУ ДОГОВОРНОЙ ПРАКТИКОЙ И МОЛЧАЛИВЫМ ПРИЗНАНИЕМ

Аннотация. *Правосубъектность параорганизаций формируется в пространстве между договорным оформлением и фактическим признанием их самостоятельной координационной роли. Актуальность проблемы связана с распространением устойчивых межгосударственных форматов, которые не обладают полным набором признаков международной организации, но участвуют в выработке решений и внешнем взаимодействии. На основе формально-юридического, системного и функционального методов обосновывается поэтапная модель конституирования такой правосубъектности и предлагаются критерии отграничения параорганизаций от международных организаций и политических форумов.*

Ключевые слова: международная правосубъектность, параорганизации, международные организации, молчаливое признание, договорная практика, институционализация, Г.М. Вельяминов.

RYBKIN Roman Vladislavovich,

postgraduate student of Russian State Pedagogical University of Herzen

CONSTITUTING THE LEGAL PERSONALITY OF PARAORGANIZATIONS BETWEEN TREATY PRACTICE AND TACIT RECOGNITION

Annotation. *The legal personality of para-organizations has emerged within the interstitial space between their formal contractual establishment and the de facto acceptance of their autonomous coordinating activities. The relevance of this issue stems from the proliferation of enduring interstate structures that, while lacking the full set of attributes characteristic of international organizations, nonetheless participate in decision-making processes and shape the external context. Drawing upon formal-legal, systemic, and functional methodologies, this study substantiates a phased model for the constitution of such legal personality and establishes criteria for distinguishing para-organizations from both international organizations and informal forums.*

Key words: *international legal personality, paraorganizations, international organizations, tacit recognition, treaty practice, institutionalization, G.M. Velyaminov.*

Проблема международной правосубъектности параорганизаций связана прежде всего не с описанием отдельной доктринальной традиции, а с необходимостью объяснить, каким образом в современном международном праве возникают устойчивые межгосударственные форматы, которые не обладают полным набором признаков международной межправительственной организации, но тем не менее участвуют в выработке коллективных решений, координации действий государств и внешнем взаимодействии с иными акторами. Именно это промежуточное положение делает параорганизации самостоятельной теоретической и практической проблемой. Они не сводимы ни к случайным политическим форумам, ни к уже сложившимся международным организациям, а потому требуют особой аналитической модели.

Научная новизна исследования состоит в том, что правосубъектность параорганизаций рассматривается как процесс поэтапного конституирования, а не как свойство, которое либо полностью возникает в момент учреждения, либо полностью отсутствует. Если классическая международная организация получает свою правовую основу из учредительного договора, то параорганизация формируется иначе: сначала складывается устойчивая практика взаимодействия, затем возникают воспроизводимые процедуры, после чего появляется внешняя институциональная репрезентация, и уже на этой основе возможно молчаливое признание за соответствующим

форматом ограниченной самостоятельности. Следовательно, вопрос должен ставиться не только о наличии или отсутствии учредительного акта, но и о совокупности юридически значимых признаков, свидетельствующих о становлении особого международного образования.

Степень научной разработанности темы остаётся ограниченной. Русскоязычная доктрина используется в данном случае не как предмет самостоятельного анализа, а прежде всего как инструмент объяснения правовой природы параорганизаций. В этом смысле особое значение имеют работы Г. М. Вельяминова, который предложил концепт параорганизации для обозначения международных образований, по ряду внешних черт приближающихся к организациям, но не совпадающих с ними в формально-юридическом смысле [2, с. 373–375]. Такой подход позволяет использовать отечественную теорию не только для описания уже существующих научных позиций, но и для более точного объяснения самой природы параорганизаций. Аналогично работы Р. Н. Ипатовой, С. В. Черниченко, Г. В. Игнатенко, Л. П. Ануфриевой, М. Н. Алиевой и В. С. Ковалёва дают возможность раскрыть производный, функциональный и градуальный характер международной правосубъектности [3, с. 1-2; 7, с. 18; 4, с. 42; 6, с. 15; 1, с. 60; 5, с. 118]. Вместе с тем центр исследования должен быть смещён с описания взглядов указанных авторов на анализ механизма возникновения правового качества у самих параорганизаций. В зарубежной литературе сходные явления описываются через категории informal intergovernmental organizations, informal international institutions и flexible interstate formats [8; 9; 10]. Однако специальный вопрос о том, как именно у параорганизаций формируется ограниченное правовое качество в пространстве между договорной практикой и молчаливым признанием, до настоящего времени разработан недостаточно

Если исходить из традиционного подхода, международная правосубъектность институционального образования связывается с международным договором, который закрепляет цели, компетенцию, структуру органов и пределы автономии. Для международных организаций такая логика остаётся базовой. Но в отношении параорганизаций она оказывается недостаточной, поскольку значительная часть современных гибких форматов создаётся без единого учредительного акта. Их нормативная основа складывается из деклараций, совместных заявлений, регламентов встреч, процедур председательства, правил координации, отдельных соглашений организационного и технического характера [3, с. 2]. Поэтому договорная практика здесь действует не как единственный источник субъектности, а как первый слой институционального оформления.

Второй слой образует устойчивая институциональная практика. Именно она отличает параорганизацию от разового политического форума. Если формат сохраняется во времени, обладает повторяемостью встреч, вырабатывает более или менее постоянные процедуры подготовки решений, закрепляет внутреннюю координацию и формирует собственную повестку, то он приобретает качественно иной характер. Такая устойчивость не заменяет юридическую форму, но создаёт предпосылку для её постепенного возникновения. Иными словами, повторяемость процедур выступает как один из признаков того, что совместная деятельность государств начинает приобретать относительную институциональную обособленность.

Третий слой связан с внешней репрезентацией. Для конституирования правосубъектности принципиально важно, что параорганизация способна проявляться вовне не только как совокупность государств-участников, но и как определённый коллективный формат. Это выражается в наличии председательства, согласованных способов выступления, внешних документов, контактных механизмов, встреч с международными организациями и иных форм институционального присутствия. Чем устойчивее такая внешняя репрезентация, тем сложнее рассматривать соответствующий формат как исключительно неформальную площадку. В этой точке особенно важной становится категория молчаливого признания: другие акторы международного общения начинают фактически обращаться с данным форматом как с носителем ограниченной координационной идентичности.

Именно молчаливое признание и образует четвёртый, завершающий слой конституирования правосубъектности. Речь идёт не о специальном акте признания и не о прямом наделении международно-правовым статусом, а о повторяющемся поведении государств и международных институтов, из которого следует допущение определённой самостоятельной роли параорганизации. Если с ней вступают в устойчивые контакты, если её документы воспринимаются как результат деятельности особого формата, если её внутренние представители или координационные механизмы при- знаются участниками внешнего взаимодействия, то возникает основание говорить о функциональной правосубъектности. Такая правосубъектность не тождественна правосубъектности международной организации, но и не может быть сведена к нулю [5, с. 122; 8, p. 12; 9, p. 37].

В этом и заключается научная идея статьи: параорганизация предлагается рассматривать как международное образование, правосубъектность которого возникает не одномоментно, а поэтапно, на стыке фрагментарной договорной базы, устойчивой институциональной практики, внешней репрезентации и молчаливого признания. Такой подход позволяет преодолеть недостатки двух крайних позиций. Первая из них полностью отрицает правовое значение параорганизаций на том основании, что они не учреждены договором в классическом смысле. Вторая, напротив, слишком быстро приравнивает их к международным организациям. Процессуальная модель конституирования показывает, что между этими полюсами существует промежуточная зона, в которой и складывается ограниченная, функциональная и градуальная правосубъектность.

Отсюда вытекают и критерии отграничения параорганизаций от смежных форматов. Простого наличия политической координации недостаточно. Существенны по меньшей мере несколько признаков: длительность существования формата; повторяемость процедур; наличие устойчивого состава или ядра участников; формирование коллективной повестки; внешняя институциональная репрезентация; признание возможности координационного действия от имени формата; наличие хотя бы фрагментарной нормативной базы. Если эти признаки накапливаются, политический форум начинает выходить за пределы чисто дискуссионной площадки. Если же к ним добавляется устойчивое внешнее взаимодействие, можно говорить о конституировании ограниченной международной правосубъектности.

Вместе с тем вопрос о пределах правосубъектности параорганизаций, как представляется, должен ставиться достаточно осторожно. Сам по себе вывод о том, что такие образования способны приобретать отдельные международно-правовые черты, ещё не означает возможности автоматически распространять на них весь объём правоспособности, характерный для классических международных организаций. Как правило, подобные форматы не обладают полной договорной самостоятельностью, не имеют заранее закреплённой системы органов и не наделены универсальной компетенцией. Их возможности обычно носят более узкий характер и в значительно большей степени зависят от сохраняющегося согласия государств-участников. Именно поэтому, по нашему мнению, здесь корректнее говорить не о сформировавшемся завершённом статусе, а об отдельных проявлениях правосубъектности, которые возникают в связи с выполнением конкретных функций: внешним представительством формата, поддержанием рабочих контактов с международными организациями, обеспечение процедурной преемственности или координацией совместных решений. Такой подход позволяет, с одной стороны, избежать чрезмерного расширения самого понятия международной правосубъектности, а с другой - учесть реальную эволюцию гибких межгосударственных форм сотрудничества.

По этой причине важно не смешивать политическую влиятельность формата с его правосубъектностью. Сам по себе заметный вес на международной арене ещё не превращает форум в носителя самостоятельного правового качества. Но и полностью разводить эти явления было бы неверно. Когда формат действует не эпизодически, а устойчиво, когда у него появляются повторяющиеся процедуры, общая линия внешнего поведения и постоянные каналы взаимодействия с другими участниками международного общения, его политическая роль постепенно приобретает и юридическое измерение. Поэтому решающим становится не сам факт политического влияния, а то, перерастает ли оно в устойчивую институциональную практику. Именно здесь проходит граница между временной коалицией по конкретному вопросу и более стабильным межгосударственным образованием, которое уже может рассматриваться как параорганизация.

Самостоятельное значение имеет и проблема критериев внешней институциональной идентичности. Для того чтобы говорить о конституировании ограниченной правосубъектности, недостаточно лишь того, что государства регулярно собираются в одном составе. Необходимо, чтобы соответствующий формат был способен воспроизводить себя как узнаваемую форму коллективного действия. Об этом могут свидетельствовать устойчивое наименование, повторяющиеся типы итоговых документов, выработанные процедуры председательства, наличие координационных треков, встреч на разных уровнях и единообразные способы позиционирования во внешней среде. Чем более последовательно такие элементы повторяются, тем сильнее основания утверждать, что перед нами уже не просто совокупность государств, а особое межгосударственное образование с частичной институциональной индивидуализацией. Эта логика особенно хорошо согласуется с функциональным пониманием правосубъектности, в рамках которого юридическое качество выводится из реально

осуществляемых международно значимых функций [1, с. 63; 7, с. 24].

Значение предложенной модели состоит также в том, что она позволяет рассматривать институциональное развитие параорганизаций в динамике, а не как нечто изначально и окончательно определённое [10, p. 339]. Практика показывает, что такие форматы могут эволюционировать по-разному. В одних случаях постепенно закрепляются процедуры, расширяются способы внешнего представления, формируются специализированные рабочие механизмы, вследствие чего соответствующее образование всё больше приближается к более оформленному институциональному типу. В других случаях, напротив, сохраняется минимальный уровень формализации, и даже при достаточно интенсивном взаимодействии подобный формат продолжает функционировать прежде всего как политическая площадка. Именно поэтому правосубъектность параорганизаций целесообразно понимать не только как уже сложившееся состояние, но и как развивающийся процесс, при анализе которого существенное значение имеют и направление изменений, и темп институционального оформления.

Не менее существенно и прикладное значение такой конструкции для международно-правовой квалификации. Она помогает уйти от слишком категоричных выводов, которые нередко плохо соотносятся с реальной практикой. Вместо того чтобы сразу решать, является ли тот или иной формат международной организацией, логичнее определить, какие элементы правосубъектности у него уже просматриваются, какие ещё только складываются, а каких пока нет. Такой способ постановки вопроса точнее передаёт реальное положение дел и делает анализ менее схематичным.

Одновременно он открывает дальнейшую исследовательскую перспективу: через эту оптику можно отдельно рассматривать ответственность параорганизаций, пределы их внешнего представительства, специфику их участия в международном нормотворчестве и условия, при которых подобные форматы способны со временем перерасти в более оформленные международные структуры.

Именно в этом аспекте особенно наглядно проявляется различие между параорганизациями и международными межправительственными организациями. Международная организация обычно изначально создаётся как юридически оформленный институт: её существование опирается на учредительный акт, систему органов и сравнительно более определённую компетенцию. Параорганизация, напротив, в гораздо большей степени сохраняет зависимость от государств-участников; уровень её институциональной автономии ниже, а объём правосубъектности носит более ограниченный и ситуативный характер [4, с. 57; 6, с. 22]. Вместе с тем именно эта институциональная неполнота делает параорганизации особенно интересными для исследования. Она позволяет увидеть, что современное международное право всё чаще имеет дело не с простой альтернативой — либо организация, либо её отсутствие, а с более сложным кругом переходных и смешанных институциональных форм.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенная модель позволяет точнее оценивать правовой статус конкретных гибких межгосударственных форматов. Она позволяет анализировать не только их происхождение, но и динамику развития: усиливаются ли их институциональные признаки, расширяется ли внешняя репрезентация, возникает ли устойчивая практика обращения с ними как с самостоятельным форматом. Тем самым исследование может быть использовано для более точного описания переходных форм международного сотрудничества, в которых юридическая форма отстаёт от фактической институциональной функции.

Таким образом, наиболее обоснованным представляется вывод о том, что такая правосубъектность носит ограниченный, производный, функциональный и градуальный характер. Научная новизна предложенной конструкции состоит в процессуальном объяснении того, как из сочетания договорной практики, устойчивых процедур, внешней репрезентации и молчаливого признания возникает особое международное образование, занимающее промежуточное место между политическим форумом и международной организацией.

Список литературы:

[1] Алиева М. Н., Хамидова Д. А.-К. Институт правосубъектности в современном международном публичном праве: проблемы теории и практики // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. — 2025. — Т. 40, вып. 3. — С. 59-66.

[2] Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. — М. : Статут, 2015. — 748 с.

[3] Ипатова Р.Н. Роль концепции “мягкого права” в регулировании международных отношений и создании “параорганизаций” // Электронное приложение к “Российскому юридическому журналу”. 2011. № 4. С. 60-63.

[4] Игнатенко Г.В., Игнатенко А.В. Избранное. Екатеринбург: Издательский дом

“Уральская государственная юридическая академия”, 2012. — 288 с.

[5] Ковалёв В. С. Механизмы реализации международной правосубъектности ЕС и ЕАЭС : диссертация ... кандидата юридических наук : 5.1.5. / В. С. Ковалёв. Москва, 2022. — 163 с.

[6] Право ВТО: теория и практика применения: монография / под ред. Л.П. Ануфриевой. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2016. — 272 с.

[7] Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. – М. : Научная книга, 2014. — 592 с.

[8] Nijman J.E. Non-State Actors and the International Rule of Law: Revisiting the Realist Theory of International Legal Personality. Amsterdam Center for International Law Research Paper Series, 2010. — 40 p.

[9] Portmann R. Legal Personality in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — 363 p.

[10] Vabulas F., Snidal D. Informal IGOs as Mediators of Power Shifts // Global Policy. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 339-348.

References:

[1] Aliyeva M.N., Khamidova D.A.-K. Institute of Legal Personality in Modern International Public Law: Problems of Theory and Practice//Bulletin of Dagestan State University. Series 3. Social sciences. — 2025. - T. 40, no. 3. - S. 59-66.

[2] Velyaminov G.M. International law: experiments. - M.: Statute, 2015. - 748 s.

[3] Ipatova R.N. The role of the concept of “soft law” in the regulation of international relations and the creation of “para-organizations “//Electronic appendix to the” Russian Legal Journal. “ 2011. № 4. S. 60-63.

[4] Ignatenko G.V., Ignatenko A.V. Favorites. Yekaterinburg: Publishing House “Ural State Law Academy,” 2012. - 288 p.

[5] Kovalev V. S. Mechanisms for the implementation of the international legal personality of the EU and EAEU: dissertation... Candidate of Law: 5.1.5 ./V. S. Kovalev. Moscow, 2022. - 163 s.

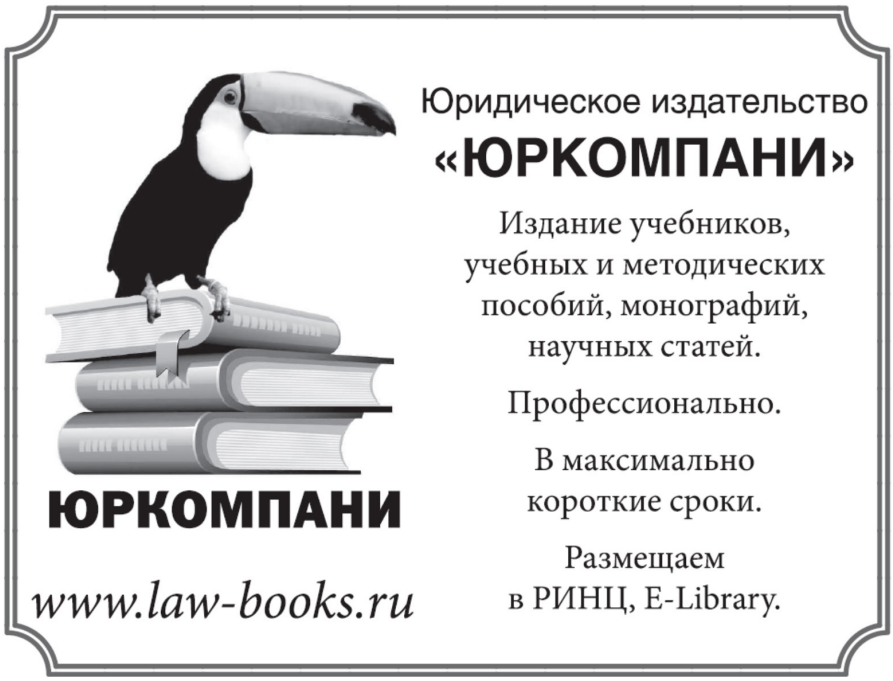
[6] WTO law: theory and practice of application: monograph/ed. L.P. Anufrieva. Moscow: Norma, INFRA-M, 2016. - 272 p.

[7] Chernichenko S.V. Contours of International Law. General questions. - M.: Scientific book, 2014. — 592 c.

[8] Nijman J.E. Non-State Actors and the International Rule of Law: Revisiting the Realist Theory of International Legal Personality. Amsterdam Center for International Law Research Paper Series, 2010. — 40 p.

[9] Portmann R. Legal Personality in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — 363 p.

[10] Vabulas F., Snidal D. Informal IGOs as Mediators of Power Shifts // Global Policy. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 339-348.



Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-316-320

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,

доктор биологических наук, профессор кафедры техносферной безопасности, Уральский государственный университет путей сообщения; профессор кафедры техносферной и экологической безопасности, Уральский государственный аграрный университет; старший научный сотрудник Уральского научно-исследовательского ветеринарного института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,

e-mail: ilyasov3@rambler.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,

старший преподаватель кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: shilovtsev@mail.ru

БЫКОВА Ольга Александровна,

доктор сельскохозяйственных наук, доцент, профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: mail@law-books.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ТРАВМАТИЗМА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. *Профессионально-ориентированный анализ производственного травматизма привлекает внимание ученых разных специализаций, каждый из которых изучает этот вопрос под уникальным углом зрения. В статье рассмотрены особенности травматизма в профессиональной деятельности работников здравоохранения.*

Ключевые слова: *травматизм, работники здравоохранения, охрана труда, здоровье, условия труда.*

ILYASOV Oleg Rashitovich,

Doctor of Biological Sciences, Professor of the Department of Technosphere Safety, Ural State University of Railway Transport, Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety, Ural State Agrarian University, Ural State Agrarian University, Senior Researcher, Ural Research Veterinary Institute, Federal State Budgetary Scientific Institution, Ural Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

SINKO Vera Nikolaevna,

senior lecturer of the philosophy department, Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey Vladimirovich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian

University, Associate Professor of the Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration Ural Federal University

BYKOVA Olga Aleksandrovna,

Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

FEATURES OF INJURIES IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF HEALTHCARE WORKERS

Annotation. *Professionally oriented analysis of occupational injuries has attracted the attention of researchers from various disciplines, each examining this issue from a unique perspective. This article examines the specifics of occupational injuries among healthcare workers.*

Key words: *injuries, healthcare workers, occupational safety, health, working conditions.*

Цель – анализ условий травматизма работников здравоохранения

Для достижения этой цели необходимо изучить теоретические аспекты безопасности труда и профессионального риска в медицинских учреждениях.

Методы исследования - аналитический метод исследования, теоретические и эмпирические методы исследования.

Для того чтобы провести тщательный теоретический анализ исследуемой проблемы, важно начать с определения ключевых терминов, таких как «производственный травматизм» и «профессиональная заболеваемость». В рамках этого изучения был проанализирован широкий спектр литературы, охватывающий как национальные, так и международные исследования. Особое внимание было уделено работам, изучающим методы уменьшения работы связанных с профзаболеваниями и травмами в энергетической отрасли. [1]

Профессионально-ориентированный анализ производственного травматизма привлекает внимание ученых разных специализаций, каждый из которых изучает этот вопрос под уникальным углом зрения.

Так, Ю.А. Александровский и А.А. Китаев-Смык акцентируют свое внимание на социально-психологическом аспекте этой проблемы, выявляя взаимосвязь между условиями труда и человеческим фактором. Г.В. Макаров и Н.Д. Золотницкий концентрируют свои научные усилия на вопросах безопасности труда, стремясь разработать эффективные подходы к предотвращению несчастных случаев на производстве.

В.И. Кузьмин и А.К. Косоуров предлагают детальный анализ отраслевого аспекта производственной безопасности, освещая особенности травматизма в различных секторах экономики, включая промышленность, сельское хозяйство и транспорт.

С.Г. Голубев и А.Н. Шабаров обращают взгляд на историю производственного травматизма, его трансформацию и причины по годам.

Важный вклад в изучение социологических аспектов производственного травматизма вносит А.А. Алексеев, рассматривая его влияние на структуру коллектива и общество в целом. В добавление к данным подходам существует общепринятое понимание производственного травматизма как нежелательной совокупности травм, случающихся на производстве, что подчеркивает необходимость развития комплексных предотвратительных стратегий в интересах обеспечения безопасности персонала.

В процессе выполнения своих трудовых функций по договору, происшествие, приведшее к физическому ущербу или ухудшению здоровья рабочего, может произойти как на рабочем месте, так и вне его. Это касается и ситуаций, когда сотрудник перемещается к рабочему месту или возвращается домой на транспорте, предоставляемом компанией.

Когда подобные инциденты заставляют переместить работника на другую должность, приводят к потере им профессиональной работоспособности на постоянной или временной основе, или в худшем случае, к смерти, это квалифицируется как несчастный случай на производстве. Численность таких инцидентов за установленный период времени образует показатель, который именуется как уровень производственного травматизма.

Производственный травматизм означает разнообразие травм, увечий и прочих вредных последствий для здоровья работника, вызванных

выполнением производственных задач. Такие травмы часто возникают из-за нарушений норм безопасности труда. Обычно этот термин ассоциируется с несчастными случаями, которые происходят в процессе работы.

Травмой, полученной в процессе труда, считается любое увечье, вызванное взаимодействием с оборудованием или инструментами на производстве, во время выполнения рабочих обязанностей. Точное определение и категории травм требуют тщательного рассмотрения и классификации.

Классификацию производственных травм удобно проводить, исходя из определенных факторов. По количеству пострадавших травмы могут быть индивидуальными, если в них пострадал один сотрудник, или групповыми, если увечье одновременно затронуло нескольких человек.

По характеру причин, вызвавших травмы, их классифицируют на производственные, напрямую связанные с выполнением работы, или на бытовые, возникающие по причинам, не относящимся к производственной деятельности.

В современных условиях развития системы здравоохранения особое значение приобретает обеспечение безопасности труда медицинских работников. Профессиональная деятельность в медицинских учреждениях сопряжена с многочисленными рисками, включая воздействие вредных и опасных факторов, таких как биологические агенты, химические вещества, психоэмоциональные нагрузки и физические перегрузки. Несмотря на значительные усилия, направленные на совершенствование системы охраны труда, уровень производственного травматизма и профессиональной заболеваемости среди медицинских работников остается высоким. [2]

Согласно статистическим данным, медицинские работники входят в группу повышенного профессионального риска. Ежегодно в медицинских учреждениях регистрируются случаи травматизма, связанные с уколами и порезами острыми инструментами, химическими ожогами, воздействием биологических материалов, а также психоэмоциональным истощением. Это не только ухудшает качество жизни медицинского персонала, но и снижает эффективность работы учреждений здравоохранения в целом.

Работники здравоохранения ежедневно сталкиваются с разного рода рисками, которые могут вызвать профессиональные травмы. Сфера оказания медицинских услуг изобилует факторами, способными нанести вред здоровью медицинского персонала. Уникальность профессионального травматизма в медицине обусловлена особыми условиями работы и связана с конкретными задачами, которые должны выполняться в данной сфере. В таблице 1 систематизированы виды травм, с которыми могут столкнуться работники здравоохранения и их краткая характеристика.

Таблица 1

Вид травмы	Краткая характеристика
Уколы и порезы от острых инструментов	Травмы, полученные от игл, скальпелей и других острых предметов, часто приводят к риску инфекционного заражения.
Заболевания опорно-двигательной системы	Хронические боли в спине, шее и других частях тела, часто возникающие от длительного пребывания в неудобных позах.
Химические ожоги	Травмы от контакта с дезинфицирующими средствами, лекарственными препаратами и другими химическими средствами.
Биологические травмы	Инфекции, передаваемые через кровь и биологические материалы, в том числе ВИЧ, гепатиты и другие.
Респираторные заболевания	Заболевания дыхательных органов, передающиеся воздушно-капельным путем
Травмы от тяжести оборудования	Травмы, связанные с использованием тяжелого оборудования, падениями, а также подъемом и перемещением пациентов и оборудования.

Психоэмоциональное истощение (синдром выгорания)	Моральное и эмоциональное истощение, приводящее к стрессу, депрессии и ухудшению качества жизни и работы.
Травмы от физического насилия	Персонал может стать целью физического насилия, как со стороны коллег, пациентов, так и родственников пациентов, что также является серьезной угрозой.

Эта таблица не является подробной, поскольку существует множество других потенциальных травм и опасностей, с которыми могут столкнуться работники здравоохранения. Важно, чтобы в медицинских учреждениях принимались меры для их предупреждения и контроля.

В медицинских учреждениях профессионалы ежедневно сталкиваются с высоким риском получения травм от острых медицинских инструментов. Практика показывает, что такие ситуации могут привести к непреднамеренному проникновению вирусов в организм через кровоток. В результате роста осведомленности о таких рисках, в медицинской сфере предпринимаются шаги для уменьшения возможности таких ситуаций. [3]

Рассмотрим случай. Хирург, который регулярно работает с скальпелем и иглами, даже при соблюдении всех мер предосторожности, имеет вероятность случайного пореза. В такой ситуации, шансы столкнуться с кровью, содержащей патогены, значительно увеличены. Воздействие может происходить не только во время операций, но и при подготовке инструментов к стерилизации или утилизации использованных материалов.

Чтобы минимизировать эти риски, медицинские учреждения внедряют протоколы безопасности и обучающие программы, направленные на то, чтобы медперсонал всегда носил средства индивидуальной защиты, такие как перчатки и защитные очки. Также специалисты разрабатывают устройства с защитными механизмами, такими как иглы с защитными капюшонами, которые помогают значительно минимизировать риск контакта с острыми концами.

Ключевая цель этих мероприятий заключается в предотвращении контакта с инфекционными заболеваниями. Благодаря этому, удастся снизить вероятность распространения таких заболеваний, как гепатиты и ВИЧ, между пациентами и медицинскими работниками. Кроме того, постоянное обновление протоколов безопасности и введение инновационных технологий в медицине служит гарантией защиты здоровья медицинских работников и пациентов.

Такие усилия содействуют созданию безопасной рабочей среды, где риск травматизма минимальный, а уход за пациентами осуществляется с высокой степенью ответственности и заботы о здоровье как медицинского персонала так и пациентов.

Еще одним риском является необходимость проводить длительное время в рамках рабочей смены. Важность сохранения здоровья среди медицинских специалистов трудно переоценить, ведь именно от их благополучия зависит качество помощи, оказываемой пациентам. Однако постоянная работа в одной позиции, особенно та, которая требует физической выносливости и точности, такая как работа хирурга, нередко приводит к серьезным проблемам со здоровьем.

Рассмотрим это на примере хирургов, которые испытывают огромные нагрузки на свой опорно-двигательный аппарат. Часы, проведенные в операционной, требуют долгой концентрации и стабильности. Такой подход неизбежно ведёт к статическому напряжению определённых групп мышц, особенно тех, что поддерживают шею и спину. В результате даже самые выносливые и подготовленные врачи могут столкнуться с болями, которые со временем могут привести к хроническим заболеваниям.

Но не только хирурги подвержены такому риску. Медсёстры, сидя долгие часы за записью медицинских документов или ассистируя при операциях, также испытывают идентичные симптомы. Продолжительные периоды времени, проведенные в неподвижной позе, могут вести к напряжению и износу мышц и суставов.

Чтобы избежать таких последствий, важно внедрить профилактические меры и программы поддержки здоровья сотрудников в больницах. К таким мерам могут относиться регулярное чередование рабочих поз, занятия физической культурой, упражнения на растяжку, использование ортопедической мебели и оборудования.

Кроме того, необходимо взять за правило устраивать небольшие перерывы во время работы, чтобы дать организму отдохнуть и восстановиться. Обучение правильной осанке и использование корсетов, а также ортопедических стульев для обеспечения правильного положения тела во время работы, могут значительно улучшить

условия труда медицинских специалистов.

Кроме того, подвергается риску не только физическое, но и психическое здоровье медработников. Психоэмоциональное перенапряжение, вызванное стрессовыми ситуациями, например, общение с пациентами, страдающими от тяжёлых заболеваний, – эти факторы оказывают негативное влияние на медицинских работников. В результате может возникнуть синдром профессионального выгорания, который негативно сказывается на состоянии здоровья и производительности труда.

Наработка стратегий предотвращения травматизма и снижения его уровня является критически важной задачей для управления здравоохранением. Это включает в себя создание безопасной рабочей среды, разработку и внедрение процедур, предназначенных для минимизации опасностей, организацию обучающих программ для персонала, а также обеспечение использования соответствующих средств индивидуальной защиты.

В целом, учитывая специфику работы в здравоохранении, необходимо особое внимание уделять предотвращению травм и профессиональных заболеваний, чтобы в первую очередь обеспечить безопасность самих медицинских работников, а также повысить качество и эффективность медицинской помощи населению.

Выводы:

Профессиональная деятельность медицинских работников сопряжена с множеством опасностей, включая биологические, химические, психоэмоциональные и физические факторы. Несмотря на предпринимаемые усилия, уровень производственного травматизма и профессиональной заболеваемости остается высоким.

Список литературы:

[1] Артемьев, В. Б. Производственная травма и производственный травматизм: явление и сущность, случайность и закономерность / В. Б. Артемьев, В. В. Лисовский, И. Л. Кравчук, А. В. Галкин, А. Ю. Перятинский // Уголь. — 2020. — № 5 (1130). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvennaya-travma-i-proizvodstvennyy-travmatizm-yavlenie-i-suschnost-sluchaynost-i-zakonomernost (дата обращения: 23.04.2025).

[2] Вредные условия труда медицинских работников [Электронный ресурс] // Академия профессиональных стандартов. – URL: https://dpoaps.ru/blog/vrednye-usloviya-truda-medicinskih-rabotnikov/ (дата обращения: 20.04.2025).

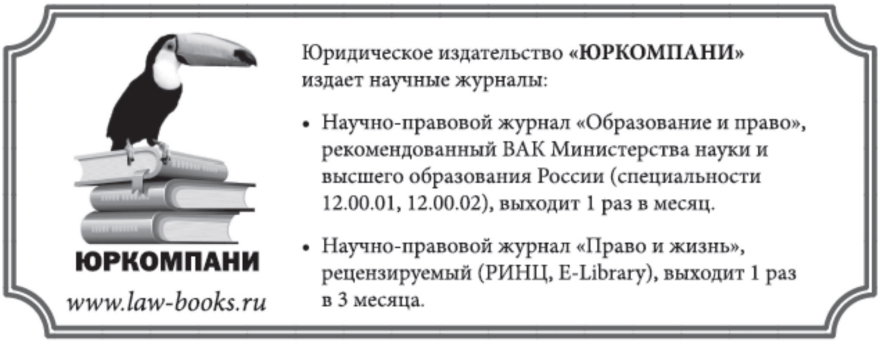
[3] Влияние условий и характера труда на здоровье медицинских работников / И. И. Березин, Г. А. Никифорова, Ю. М. Бабушкин [и др.] // Охрана труда и техника безопасности в учреждениях здравоохранения. – 2019. – № 1-2. – С. 10-23. – EDN HEBQPB.

References:

[1] Artemyev, V. B. Industrial injury and industrial injuries: phenomenon and essence, chance and pattern / V. B. Artemyev, V. V. Lisovsky, I. L. Kravchuk, A. V. Galkin, A. Yu. Peryatinsky // Ugol. - 2020. - No. 5 (1130). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvennaya-travma-i-proizvodstvennyy-travmatizm-yavlenie-i-suschnost-sluchaynost-i-zakonomernost (date of access: 04/23/2025).

[2] Harmful working conditions for medical workers [Electronic resource] // Academy of professional standards. – URL: https://dpoaps.ru/blog/vrednye-usloviya-truda-medicinskih-rabotnikov/ (date of access: 04/20/2025).

[3] The Impact of Working Conditions and Nature of Work on the Health of Healthcare Workers / I. I. Berezina, G. A. Nikiforova, Yu. M. Babushkin [et al.] // Occupational Health and Safety in Healthcare Institutions. - 2019. - No. 1-2. - P. 10-23. - EDN HEBQPB.



Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-321-324

КУХАРЕВ Юрий Станиславович,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета,

e-mail: yurij.kuharev@yandex.ru

БУКАЛОВА Мария Андреевна,

студент Юго-Западного государственного университета,

e-mail: masiabukalova@yandex.ru

ГАЛАЕВА Лиза Мовлатгириевна,

студент Юго-Западного государственного университета,

e-mail: galaeva-liza2005@mail.ru

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ФИКЦИЕЙ КАК ДЕФЕКТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию злоупотребления правовой фикцией как одного из дефектов юридической техники. Целью работы является выявление сущности правовой фикции, определение пределов её допустимого использования и анализ негативных последствий чрезмерного или необоснованного применения в законодательстве. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и системный методы. В результате установлено, что правовая фикция является важным инструментом правового регулирования, однако её чрезмерное использование может приводить к искажению правовой реальности. Сделан вывод о необходимости более взвешенного применения фикций в правотворческой деятельности.*

Ключевые слова: *правовая фикция, юридическая техника, дефекты законодательства, правотворчество, правовая конструкция, законодательная техника.*

KUKHAREV Yuri Stanislavovich,

Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Southwestern State University

BUKALOVA Maria Andreevna,

student at Southwestern State University

GALAEVA Liza Movlatgirievna,

student at Southwestern State University

ABUSE OF LEGAL FICTION AS A DEFECT IN LEGAL TECHNIQUE

Annotation. *The article is devoted to the study of the abuse of legal fiction as one of the defects of legal technology. The purpose of the work is to identify the essence of legal fiction, determine the limits of its permissible use and analyze the negative consequences of excessive or unreasonable application in legislation. The methodological basis of the study is formal-legal and systemic methods. As a result, it was established that legal fiction is an important tool of legal regulation, but its excessive use can lead to a distortion of legal reality. It was concluded that a more balanced application of fictions in law-making activities is necessary*.

Key words: *legal fiction, legal technique, legal defects, legal creation, legal construction, legislative technique.*

Правовая фикция является одним из традиционных инструментов юридической техники, используемых законодателем для упрощения регулирования общественных

отношений. Сущность данного явления заключается в признании юридически существующим факта или обстоятельства, которые в действительности отсутствуют либо имеют иное содержание. Несмотря на условный характер, правовые фикции играют значительную роль в обеспечении стабильности правового регулирования и позволяют устранить пробелы в праве [1, с. 163].

Институт правовой фикции имеет глубокие исторические корни. Ещё в римском праве фикции применялись преторами для преодоления жесткости цивильного права и обеспечения справедливости правоприменения. В дальнейшем данный механизм получил широкое распространение в правовых системах континентальной традиции. В современной юридической науке правовая фикция рассматривается как особый способ правового конструирования, позволяющий создать нормативную модель, упрощающую регулирование сложных общественных [2, с. 17].

Вместе с тем использование правовых фикций не всегда является безусловно оправданным. Нередко в правотворческой практике наблюдается чрезмерное или необоснованное применение данного инструмента, что может привести к возникновению дефектов юридической техники. Подобные дефекты проявляются в искажении фактических обстоятельств, усложнении правоприменения и снижении уровня правовой определенности отношений [3, с. 260].

Злоупотребление правовой фикцией можно определить как такое использование фиктивных конструкций, при котором они выходят за пределы своего функционального назначения и начинают препятствовать достижению целей правового регулирования. В отличие от обоснованных фикций, направленных на упрощение правовых конструкций, злоупотребление ими приводит к возникновению противоречий между юридической и фактической реальностью.

Одним из наиболее распространенных проявлений злоупотребления правовой фикцией является подмена реальных юридических механизмов условными конструкциями. Законодатель, стремясь упростить регулирование, иногда прибегает к фиктивному признанию определённых фактов, которые в действительности требуют более детального правового регулирования. В результате формируется нормативная модель, не отражающая реальных общественных отношений.

Еще одной проблемой является использование правовой фикции в тех случаях, когда возможно применение иных средств юридической техники, например правовых презумпций или специальных юридических конструкций. В отличие от фикции, презумпция допускает возможность опровержения и тем самым обеспечивает большую гибкость правового регулирования. Фикция же носит безусловный характер и не предполагает проверки соответствия действительности [4, с. 199].

Злоупотребление правовыми фикциями может приводить к ряду негативных последствий. Прежде всего это снижение уровня правовой определенности. Если законодатель активно использует фиктивные конструкции, правоприменителю становится сложнее установить реальные обстоятельства дела и правильно интерпретировать норму права [5, с. 141].

Это, в свою очередь, может привести к неоднозначности судебной практики и снижению доверия к правовой системе.

Кроме того, чрезмерное использование фикций способно искажать структуру правового регулирования. Право должно отражать реальные общественные отношения, а фикции допустимы лишь в той мере, в какой они способствуют упорядочению этих отношений. Когда фиктивные конструкции начинают заменять реальные правовые механизмы, право утрачивает связь с социальной действительностью.

Особое значение имеет вопрос о пределах допустимости правовых фикций. Представляется, что их использование оправдано лишь при соблюдении нескольких условий. Во-первых, фикция должна быть направлена на устранение объективных пробелов или противоречий в правовом регулировании [6, с. 699]. Во-вторых, она не должна существенно искажать фактическую сторону регулируемых отношений. В-третьих, применение фикции должно быть ясно и однозначно сформулировано в нормативном акте.

С точки зрения юридической техники правовые фикции должны обладать высокой степенью ясности и определенности. Законодатель обязан четко обозначить условный характер используемой конструкции и пределы ее действия. В противном случае возникает риск расширительного толкования, что может привести к неправомерному применению нормы.

В научной литературе также отмечается необходимость разграничения правовой фикции и иных средств юридической техники [7, с. 42]. В частности, следует отличать фикцию от правовой презумпции, юридической модели и правовой аксиомы. Подобное разграничение имеет важное значение для обеспечения системности

законодательства и предотвращения дефектов правового регулирования.

Таким образом, правовая фикция является важным инструментом юридической техники, однако ее использование требует особой осторожности. Неправомерное или чрезмерное применение фиктивных конструкций может привести к возникновению дефектов законодательства, усложнению правоприменительной практики и снижению эффективности правового регулирования.

В современных условиях совершенствование законодательства предполагает более взвешенный подход к использованию правовых фикций. Законодатель должен учитывать не только удобство нормативного конструирования, но и соответствие создаваемых моделей реальным общественным отношениям [8, с. 87]

Проведённое исследование позволяет заключить, что правовая фикция выступает значимым инструментом юридической техники, обеспечивающим функциональную завершённость правового регулирования. Её применение обусловлено необходимостью упрощения нормативных конструкций, а также преодоления пробелов и коллизий в законодательстве.

В то же время чрезмерное и необоснованное использование правовых фикций следует квалифицировать как проявление дефектов юридической техники, поскольку оно способно искажать правовую действительность, снижать уровень правовой определённости и негативно сказываться на единообразии правоприменительной практики. В целях повышения качества нормативного регулирования представляется обоснованным ограничение применения правовых фикций рамками объективной правовой необходимости, при условии их чёткого, формально определённого закрепления в законодательстве. Реализация данного подхода способствует укреплению принципа правовой определённости, повышению эффективности правового регулирования и минимизации рисков возникновения дефектов юридической техники.

Список литературы:

[1] Григоров, Д. О. Теоретические аспекты правовой фикции / Д. О. Григоров // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – № 6-1. – С. 162-165.

[2] Сорокина, Ю. В. Юридические конструкции, фикции и аксиомы как правовые феномены // Российский журнал правовых исследований. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 17-24.

[3] Лукашова, В. Э., Борзенков П.Е. К вопросу о понятии и правовой природе «юридической фикции» в отечественной правовой системе // Юго-Западный государственный университет. Том Выпуск 1. – Курск: Юго-Западный государственный университет. – 2021. – С. 260-263.

[4] Козак, А. А. К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРЕЗУМПЦИЯ» И «ФИКЦИЯ» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №9-2 (96). – С. 197-200.

[5] Цуканов, Н. Н. Фактическая ложность как ключевой критерий правовой фикции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 4(41). – С. 137-142.

[6] Анчишина Е. А. РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ФИКЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2020. – №5. – С. 697-705.

[7] Зацепина, О. Е. ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ И ПРАВОВЫЕ ФИКЦИИ КАК СРЕДСТВА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – №1 (80). – С. 39-43

[8] Петрова, А. Е. Роль презумпций и фикций в механизме правового регулирования // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики : сборник статей заочной научно-практической конференции, Астрахань, 01 января – 2023 года. – Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2023. – С. 85-87.

References:

[1] Grigorov, D. O. Theoretical aspects of legal fiction/D. O. Grigorov//Humanitarian scientific journal. – 2025. – № 6-1. - S. 162-165.

[2] Sorokina, Yu. V. Legal constructions, fictions and axioms as legal phenomena//Russian Journal of Legal Research. – 2025. - T. 12, NO. 4. - S. 17-24.

[3] Lukashova, V. E., Borzenkov P.E. To the question of the concept and legal nature of “legal fiction” in the domestic legal system//Southwestern State University. Volume Issue 1. - Kursk: Southwestern State University. – 2021. - S. 260-263.

[4] Kozak, A. A. ON THE QUESTION OF THE DISTINCTION BETWEEN THE CONCEPTS OF “PRESUMPTION” AND “FICTION “//International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – №9-2 (96). - S. 197-200.

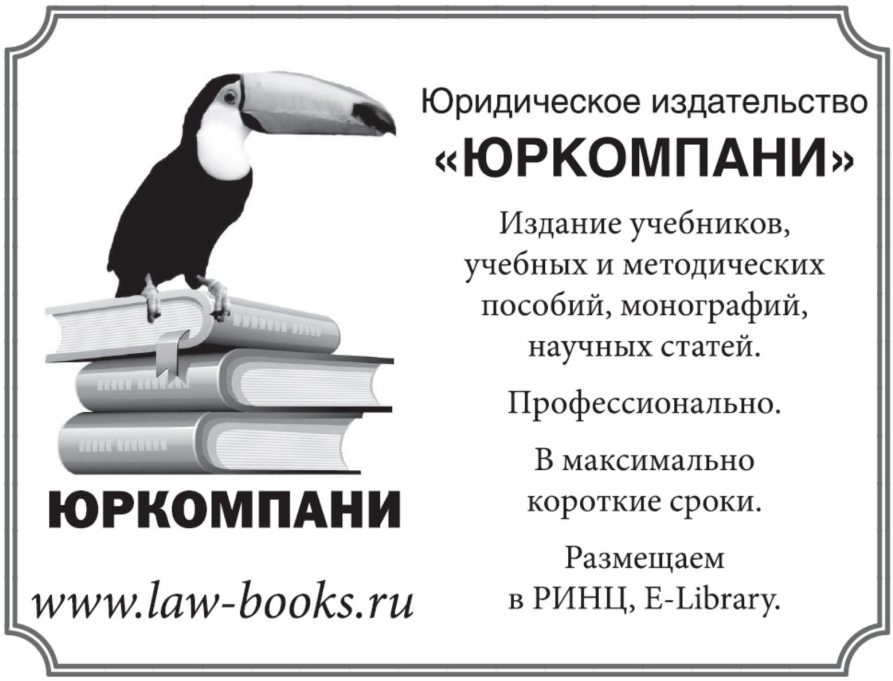
[5] Tsukanov, N. N. Factual falsity as a key criterion for legal fiction//Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 4(41). - S. 137-142.

[6] Anchishina E. A. THE ROLE OF LEGAL FICTIONS IN MODERN LAW ENFORCEMENT PRACTICE//Bulletin of Udmurt University.

"Economics and Law" series. – 2020. – №5. - S. 697-705.

[7] Zatsepina, O. E. LEGAL PRESUMPTIONS AND LEGAL FICTIONS AS MEANS OF LEGAL TECHNOLOGY//Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – №1 (80). - S. 39-43

[8] Petrova, A.E. The role of presumptions and fictions in the mechanism of legal regulation//Actual problems of modern legal science and practice: a collection of articles from a correspondence scientific and practical conference, Astrakhan, January 01-2023. - Astrakhan: Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, 2023. - S. 85-87.



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-325-330

НИКИФОРОВА Варвара Евгеньевна,

независимый исследователь, г. Санкт-Петербург,

e-mail: nikiffforovaaaa@gmail.com

ПРАВОВЫЕ РИСКИ ИНВЕСТОРА ПРИ АРЕНДЕ ЗЕМЛИ В ОЭЗ: ПРОБЛЕМЫ СУБАРЕНДЫ И ПЕРЕНАЙМА

Аннотация. *Правовой режим аренды земельных участков в особых экономических зонах формирует специфические риски для инвесторов, обусловленные коллизией норм гражданского, земельного и специального законодательства. Настоящее исследование направлено на выявление и систематизацию правовых рисков, возникающих при субаренде и перенайме земельных участков в границах особых экономических зон. На основе анализа действующего законодательства и материалов арбитражной практики установлено, что отсутствие чёткого законодательного разграничения между субарендой и перенаймом, неурегулированность судьбы субарендных отношений при утрате арендатором статуса резидента, а также отсутствие легального определения понятия «группа резидентов» носят системный характер и влекут реальные имущественные потери для инвесторов. Научная новизна исследования состоит в комплексной квалификации выявленных правовых рисков и разработке конкретных предложений по совершенствованию законодательства об особых экономических зонах.*

Ключевые слова: *арендные отношения, особая экономическая зона, резидент, субаренда, перенаём, коллизия норм, инвестиционные риски, группа лиц, арбитражная практика.*

NIKIFOROVA Varvara Evgenievna,

Independent researcher, St. Petersburg

LEGAL RISKS OF AN INVESTOR WHEN LEASING LAND IN AN SEZ: ISSUES OF SUBLEASE AND LEASE REASSIGNMENT

Annotation. *The legal regime for leasing land plots in special economic zones creates specific risks for investors due to conflicts between civil, land, and special legislation. This study aims to identify and systematize the legal risks arising from sublease and lease reassignment of land plots within special economic zones. Based on the analysis of current legislation and arbitration case law, it has been established that the lack of clear legislative distinction between sublease and lease reassignment, the unresolved fate of sublease relations upon the tenant's loss of resident status, and the absence of a legal definition of «resident group» are systemic in nature and entail real property losses for investors. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive qualification of the identified legal risks and the development of specific proposals for improving legislation on special economic zones.*

Key words: *lease relations, special economic zone, resident, sublease, lease reassignment, conflict of norms, investment risks, group of persons, arbitration practice.*

Введение

Особые экономические зоны (далее – ОЭЗ) занимают всё более значимое место в системе инструментов государственной инвестиционной политики Российской Федерации. Предоставляя резидентам налоговые льготы, таможенные преференции и упрощённые административные процедуры, ОЭЗ ориентированы на привлечение долгосрочных капиталовложений в приоритетные отрасли экономики. Неотъемлемым элементом данного механизма является земельное обеспечение инвестиционной деятельности: именно предоставление земельного участка на льготных условиях служит материальной основой присутствия инвестора в зоне. По данным Минэкономразвития России, по итогам 2025 года площадь земельных участков, переданных резидентам в аренду, составила около 8 700 га совокупно по всем типам ОЭЗ. При этом срок аренды ограничен сроком существования ОЭЗ,

но не более 49 лет, что само по себе создаёт инвестиционную неопределённость [10, с. 102].

Вместе с тем именно в сфере земельных арендных отношений сосредоточена острая практическая проблематика. Режим субаренды и перенайма земельных участков в ОЭЗ находится на пересечении норм гражданского, земельного и специального законодательства, которые нередко вступают в прямое противоречие друг с другом. Только за период 2023–2025 годов арбитражными судами рассмотрено не менее 10 дел, связанных с оспариванием сделок субаренды и перенайма земельных участков в ОЭЗ, что свидетельствует о системном, а не случайном характере проблемы. Высокая частота подобных споров, влекущих реальные имущественные потери для инвесторов, обусловливает актуальность настоящего исследования.

Цель настоящей работы состоит в выявлении и систематизации правовых рисков инвестора, возникающих при субаренде и перенайме земельных участков в границах ОЭЗ, а также в формулировании конкретных законодательных предложений по устранению выявленных пробелов и коллизий.

Методы

Исследование проводилось с использованием комплекса общенаучных и специально-юридических методов. Формально-юридический метод применялся при анализе текстов нормативных правовых актов, прежде всего Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) [2], Федерального закона от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (далее – ФЗ об ОЭЗ) [3] и подзаконных актов, принятых в его развитие. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления диспозитивных норм общего законодательства об аренде с императивными ограничениями специального режима ОЭЗ, а также для выявления коллизий между указанными уровнями правового регулирования.

Метод системного анализа позволил рассмотреть выявленные правовые риски в их взаимосвязи и установить их общую структурную обусловленность единым законодательным пробелом. Эмпирическую базу исследования составили материалы арбитражной практики судов первой, апелляционной и кассационной инстанций за период 2022–2025 годов по делам, связанным с оспариванием сделок субаренды и перенайма земельных участков в ОЭЗ. Поиск судебных актов осуществлялся в автоматизированной системе «КонсультантПлюс» и в картотеке арбитражных дел Федеральных арбитражных судов с использованием ключевых слов «субаренда», «перенаём», «особая экономическая зона», «резидент», «земельный участок». Всего в рамках исследования было проанализировано 10 судебных актов, принятых в обозначенный период. Метод толкования правовых норм – систематического, телеологического и буквального – применялся при квалификации выявленных пробелов и коллизий, а также при обосновании законодательных предложений.

Результаты

Проведённый анализ позволяет констатировать наличие системных правовых пробелов и коллизий в регулировании субаренды и перенайма земельных участков в ОЭЗ, которые образуют три самостоятельных правовых риска для инвесторов.

Первый риск связан с отсутствием законодательного разграничения между субарендой и перенаймом применительно к земельным участкам в ОЭЗ. Положениями ГК РФ и ЗК РФ устанавливается общее правило, согласно которому арендатор земельного участка вправе передать его в субаренду либо осуществить перенаём без согласия арендодателя при условии направления ему предварительного уведомления. Данное диспозитивное регулирование ориентировано на типичные арендные правоотношения и не учитывает специфику особых правовых режимов. Согласно ст. 31.1 ФЗ об ОЭЗ резидент вправе осуществить передачу прав и обязанностей, вытекающих из договора аренды земельного участка, третьему лицу исключительно при соблюдении двух условий: третье лицо является резидентом той же ОЭЗ и получено письменное согласие органа управления ОЭЗ [7, с. 52]. При этом ни субаренда нерезиденту, ни перенаём в пользу лица, утратившего статус резидента, законом прямо не запрещены – они просто не упомянуты, что и порождает правовую неопределённость.

Именно этот пробел стал источником конфликта в деле № А40-286584/2025 (Арбитражный суд г. Москвы): резидент ОЭЗ «Технополис Москва» заключил договор субаренды с аффилированным лицом, не имевшим статуса резидента, мотивируя это тем, что ст. 31.1 ФЗ об ОЭЗ регулирует перенаём, но не субаренду [6]. Суд первой инстанции поддержал такую аргументацию, однако апелляционная инстанция (9 ААС, постановление от 14.02.2022) квалифицировала сделку как ничтожную по ст. 168 ГК РФ, указав, что ограничительное толкование нормы противоречит целям специального режима ОЭЗ. Кассационная инстанция оставила постановление апелляции в силе, однако не сформулировала универсального критерия разграничения субаренды и перенайма

применительно к ОЭЗ. Таким образом, расхождение позиций судов различных инстанций наглядно демонстрирует отсутствие единообразного подхода к квалификации подобных сделок, что непосредственно порождает риск признания договора субаренды недействительным.

Второй риск обусловлен неурегулированностью судьбы субарендных отношений при утрате арендатором статуса резидента. В соответствии со ст. 19 ФЗ об ОЭЗ при утрате статуса резидента договор аренды земельного участка прекращается. Однако норма не решает вопрос о судьбе субарендных отношений, возникших до утраты статуса. Пункт 1 ст. 618 ГК РФ устанавливает, что в случае досрочного прекращения договора аренды субарендатор вправе требовать заключения с ним договора непосредственно с арендодателем. Применение этой нормы к отношениям в ОЭЗ означало бы, что субарендатор-нерезидент мог бы претендовать на прямой договор аренды с органом управления ОЭЗ, что прямо противоречит ст. 31 ФЗ об ОЭЗ, допускающей предоставление участков исключительно резидентам [8, с. 374]. Таким образом, коллизия между нормами общегражданского и специального законодательства создаёт для инвестора реальный риск утраты права на земельный участок в случае прекращения статуса резидента.

Третий риск связан с правовой неопределённостью в отношении внутригрупповых передач арендных прав. На практике крупные инвесторы нередко структурируют присутствие в ОЭЗ через группу юридических лиц: резидентом выступает «проектная компания», тогда как производственную деятельность ведёт операционная компания группы, не обладающая статусом резидента. Такая схема де-факто реализуется через субаренду. ФЗ об ОЭЗ не содержит понятия «группа лиц» применительно к вопросам аренды, что исключает возможность легального обхода ограничений через внутригрупповые передачи. Постановление Правительства РФ от 06.06.2025 № 846 «Об утверждении Правил передачи арендатором земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, являющимся резидентом особой экономической зоны или управляющей компанией особой экономической зоны, арендных прав в залог» разъяснило, что передача прав аренды внутри группы аффилированных лиц также требует соблюдения условий ст. 31.1 ФЗ об ОЭЗ [5]. Вместе с тем в указанном акте не раскрывается содержание понятия «аффилированности», а критерии «группы лиц», отражённые в антимонопольном законодательстве, не адаптированы к арендным отношениям в ОЭЗ [9, с. 79]. Это создаёт риск квалификации любой внутригрупповой субаренды как нарушения режима ОЭЗ с последующим расторжением договора и утратой инвестиций в инфраструктуру участка.

Для наглядности выявленные правовые риски систематизированы в таблице 1.

Таблица 1. Правовые риски инвестора при аренде земельных участков в ОЭЗ

№	Правовой риск	Источник коллизии	Правовые последствия
1	Признание договора субаренды недействительным	Пробел в ст. 31.1 ФЗ об ОЭЗ: субаренда и перенаём не разграничены	Ничтожность сделки (ст. 168 ГК РФ); имущественные потери
2	Утрата права на земельный участок при прекращении статуса резидента	Коллизия ст. 19 ФЗ об ОЭЗ и п. 1 ст. 618 ГК РФ	Невозможность трансформации субаренды в прямую аренду; потеря участка
3	Квалификация внутригрупповой уступки как нарушения режима ОЭЗ	Отсутствие понятия «группа резидентов» в ФЗ об ОЭЗ	Расторжение договора аренды; утрата инвестиций

Обсуждение

Выявленные правовые риски вписываются в более широкую дискуссию об эффективности специального правового режима ОЭЗ как инструмента инвестиционной политики. В зарубежных правопорядках данная проблема решается по-разному: в ряде государств (КНР, ОАЭ) специальное законодательство об ОЭЗ прямо устанавливает исчерпывающий перечень допустимых форм передачи арендных прав, тогда как нормы общегражданского законодательства применяются субсидиарно лишь в той мере, в

какой это прямо предусмотрено специальным законом. Такой подход устраняет саму возможность коллизии между двумя уровнями правового регулирования.

В российской доктрине вопрос о соотношении общего и специального законодательства применительно к арендным отношениям в ОЭЗ остаётся дискуссионным. Д. В. Кобякова, исследуя правовой режим предоставления земельных участков в ОЭЗ, констатирует неполноту специального регулирования и указывает на необходимость более чёткого разграничения полномочий между общим и специальным законодательством [7, с. 52]. А. А. Рига, анализируя динамику землепользования в ОЭЗ, приходит к выводу, что действующий механизм управления земельными ресурсами в зонах нуждается в системной модернизации с учётом интересов инвесторов [8, с. 374; 9, с. 79].

Позиция, отражённая в постановлении 9 ААС по делу № А40-286584/2025, свидетельствует о том, что правоприменительные органы склонны к телеологическому толкованию норм специального закона и расширительному применению ограничений, предусмотренных ФЗ об ОЭЗ. Такой подход, с одной стороны, обеспечивает соответствие правоприменения целям специального режима, однако, с другой стороны, создаёт условия правовой непредсказуемости для инвесторов, поскольку конкретный исход спора зависит не от буквального содержания нормы, а от усмотрения суда при её толковании.

Примечательно, что кассационная инстанция, соглашаясь с выводом апелляции о ничтожности конкретной сделки, тем не менее воздержалась от формулирования универсального правила, которое могло бы служить ориентиром для последующей правоприменительной практики. Это обстоятельство само по себе свидетельствует о пробельности законодательного регулирования: суды констатируют нарушение, но лишены нормативного основания для его системного предотвращения.

Научная новизна настоящего исследования состоит в комплексной квалификации трёх самостоятельных правовых рисков инвестора при аренде земли в ОЭЗ – риска недействительности субаренды, риска утраты земельного участка при прекращении статуса резидента и риска квалификации внутригрупповых передач как нарушения режима ОЭЗ – в их системной взаимосвязи, обусловленной единым законодательным пробелом. Помимо этого, впервые предлагается комплекс согласованных законодательных поправок, направленных на устранение всех трёх рисков в рамках единой концепции совершенствования ФЗ об ОЭЗ.

Выявленные коллизии позволяют сформулировать конкретные предложения с точки зрения желательного (необходимого) закона. Во-первых, необходимо дополнить ст. 31.1 ФЗ об ОЭЗ отдельными нормами о субаренде, прямо разграничив её правовой режим с перенаймом. Предлагается установить, что субаренда допускается только в пользу иного резидента той же ОЭЗ с уведомлением органа управления – по аналогии с п. 6 ст. 22 ЗК РФ, но с адаптацией к специальному субъектному составу.

Во-вторых, следует прямо урегулировать судьбу субарендных отношений при утрате арендатором статуса резидента, исключив применение ст. 618 ГК РФ к данным отношениям путём включения специальной нормы в ФЗ об ОЭЗ. Данная мера позволит устранить несогласованность между двумя уровнями правового регулирования и повысит предсказуемость правоприменения.

В-третьих, считается необходимым закрепить в ФЗ об ОЭЗ понятие «группы резидентов» – по аналогии со ст. 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» – и допустить упрощённый порядок передачи прав аренды внутри такой группы при условии, что все её участники обладают статусом резидента соответствующей ОЭЗ.

Реализация изложенных предложений в комплексе позволит устранить системную правовую неопределённость в данной сфере и сформировать предсказуемую инвестиционную среду в ОЭЗ.

Заключение

Проведённое исследование позволяет прийти к следующим метавыводам. В действующей системе правового регулирования субаренды и перенайма земельных участков в ОЭЗ сосредоточены три взаимосвязанных, но самостоятельных по своей юридической природе правовых риска для инвесторов: риск признания договора субаренды недействительным, риск утраты права на земельный участок при прекращении статуса резидента и риск квалификации внутригрупповых уступок арендных прав в качестве нарушения режима ОЭЗ. Все три риска обусловлены единой структурной причиной – отсутствием в ФЗ об ОЭЗ самостоятельного, внутренне согласованного механизма регулирования производных арендных отношений, достаточного для вытеснения диспозитивных норм общего законодательства.

Анализ арбитражной практики

убедительно демонстрирует, что существующая правовая неопределённость носит не случайный, а системный характер: расхождение позиций судов различных инстанций по одним и тем же вопросам квалификации сделок субаренды в ОЭЗ свидетельствует о невозможности устранить выявленные пробелы посредством судебного толкования без законодательного вмешательства.

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что впервые в отечественной правовой науке три указанных риска рассмотрены в системном единстве как проявление одного законодательного пробела, а не как разрозненные частные проблемы правоприменения. Это позволило сформулировать согласованный комплекс законодательных предложений, направленных на одновременное устранение всех трёх рисков: разграничение субаренды и перенайма в тексте ст. 31.1 ФЗ об ОЭЗ, специальное урегулирование судьбы субарендных отношений при утрате статуса резидента и закрепление легального определения понятия «группа резидентов». Дополнительным необходимым условием формирования единообразной правоприменительной практики является выработка Верховным Судом РФ соответствующей правовой позиции по обозначенным вопросам.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[2] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

[3] Федеральный закон от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3127.

[4] Закон РСФСР от 22.03.1991 №948-1 (ред. от 31.07.2025) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Российская газета. – 1991. – Ст. 212.

[5] Постановление Правительства РФ от 06.06.2025 №846 «Об утверждении Правил передачи арендатором земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, являющимся резидентом особой экономической зоны или управляющей компанией особой экономической зоны, арендных прав в залог» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

[6] Дело № А40-286584/2025 Арбитражный суда города Москвы «О неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по договорам аренды» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

[7] Кобякова Д. В. Правовой режим предоставления земельных участков в особых экономических зонах // Государственная власть и местное самоуправление в современный период: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Стерлитамак, 22 апреля 2022 года / Отв. редактор Н.Н. Бойко. Том Выпуск XII. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий, 2022. – С. 51-53.

[8] Рига А. А. Анализ эффективности использования земельных ресурсов особых экономических зон // Московский экономический журнал. – 2025. – Т. 10, № 1. – С. 369-383.

[9] Рига А. А. Динамика и эффективность использования земельных ресурсов в особых экономических зонах Российской Федерации // International Journal of Professional Science. – 2025. – № 6-1. – С. 75-85.

[10] Рига А. А. Землепользование в особых экономических зонах // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: Сборник статей по материалам CXIV международной научно-практической конференции, Новосибирск, 30 июня 2025 года. 6 (106). – Новосибирск: ООО «Сибирская академическая книга», 2025. – С. 100-108.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended 31.07.2025, as amended 25.03.2026) (as amended and supplemented, entry as of 01.08.2025) //Collection of legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[2] Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated October 25, 2001 (as amended 30.01.2026) (as amended and supplemented, entry as of 01.03.2026) //Collection of legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 44. - Art. 4147.

[3] Federal Law of July 22, 2005 No. 116-FZ “On Special Economic Zones in the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2005. - No. 30 (part II). - Art. 3127.

[4] Law of the RSFSR of 22.03.1991 No. 948-1 (ed. 31.07.2025) “ On Competition and Restriction of Monopolistic Activities in Commodity Markets “//

Rossiyskaya Gazeta. – 1991. - Art. 212.

[5] Decree of the Government of the Russian Federation of 06.06.2025 No. 846 “On approval of the Rules for the transfer by the tenant of a land plot in state or municipal ownership, which is a resident of a special economic zone or a management company of a special economic zone, rental rights as collateral” [Electronic resource]//Official Internet portal of legal information. - Access mode: http://www.pravo.gov.ru (access date: 01.04.2026).

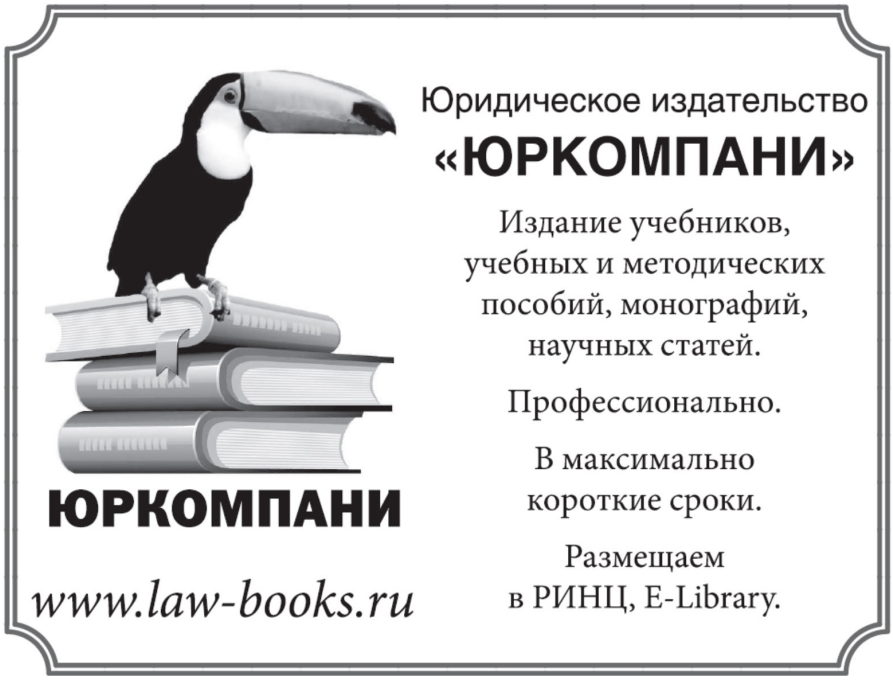
[6] Case No. A40-286584/2025 of the Moscow Arbitration Court “On non-fulfillment or improper fulfillment of obligations under lease agreements” [Electronic resource]//Official Internet portal of legal information. - Access mode: http://www.pravo.gov.ru (access date: 01.04.2026).

[7] Kobyakova D.V. Legal regime for the provision of land plots in special economic zones// State power and local self-government in the modern period: collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference, Sterlitamak, April 22, 2022/Otv. editor N.N. Boyko. Volume Issue XII. - Sterlitamak: Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology, 2022. - S. 51-53.

[8] Riga A. A. Analysis of the effectiveness of the use of land resources of special economic zones//Moscow Economic Journal. – 2025. - T. 10, NO. 1. - S. 369-383.

[9] Riga A. A. Dynamics and efficiency of land resources use in special economic zones of the Russian Federation//International Journal of Professional Science. – 2025. – № 6-1. - S. 75-85.

[10] Riga A. A. Land use in special economic zones//Experimental and theoretical research in modern science: Collection of articles based on the materials of the CXIV international scientific and practical conference, Novosibirsk, June 30, 2025. 6 (106). - Novosibirsk: Siberian Academic Book LLC, 2025. - S. 100-108.



АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-331-337

ПЕРМИНОВА Анна Сергеевна,

Аспирант кафедры гражданского права и процесса, Вятский государственный университет,

e-mail: ivanov@mail.ru

МЕХАНИЗМ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСУДЕБНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные элементы механизма административно-правового регулирования досудебного обжалования в Российской Федерации. Проводится анализ действующего законодательства, регулирующего подачу, рассмотрение и правовые последствия досудебных жалоб в сфере государственно-административного управления. Особое внимание уделяется соотношению общего и специального порядка обжалования, установленного Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», а также иными специальными нормативными правовыми актами. Основной акцент делается на характеристике процедур подачи жалобы, сроков ее рассмотрения, содержания решений, принимаемых по результатам досудебного обжалования, и их значения для дальнейшей защиты прав заявителя. Выявляются основные проблемы правового регулирования данного института, связанные с фрагментарностью нормативной базы, формальным подходом к рассмотрению жалоб, недостаточной мотивированностью ответов и сложностями исполнения принятых решений.*

Кроме того, обосновывается необходимость дальнейшей систематизации законодательства о досудебном обжаловании и унификации административных процедур в данной сфере. Подчеркивается, что досудебное обжалование выступает важным инструментом оперативного восстановления нарушенных прав граждан и организаций, а также средством снижения нагрузки на судебную систему. Особое внимание уделяется правовым последствиям рассмотрения жалобы, включая обязательность исполнения принятого решения административным органом, возможность последующего обращения в суд и доказательственное значение ответа по жалобе в судебном разбирательстве. Делается вывод о том, что повышение эффективности механизма досудебного обжалования требует не только совершенствования нормативной базы, но и формирования единообразной правоприменительной практики, ориентированной на полноту и своевременность административного реагирования.

Ключевые слова: *досудебное обжалование, административная жалоба, административные процедуры, порядок подачи жалобы, порядок рассмотрения жалобы, государственные услуги, государственно-административное управление, судебная защита, механизм регулирования, административно-правовое регулирование.*

PERMINOVA Anna Sergeevna,

Postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure, Vyatka State University

MECHANISM OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF PRE-TRIAL APPEAL

Annotation. *The article examines the main elements of the mechanism of administrative and legal regulation of pre-trial appeal in the Russian Federation. An analysis is made of the current legislation governing the filing, consideration and legal consequences of pre-trial complaints in the field of public administration. Particular attention is paid to the correlation between the general and special appeal procedures established by Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006 "On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation", Federal Law No. 210-FZ of July 27, 2010 "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services", as well as other special regulatory legal acts. The main emphasis is placed on the characteristics of complaint filing*

procedures, the time limits for their consideration, the content of decisions adopted as a result of pre-trial appeal, and their significance for the further protection of the applicant's rights. The main problems of legal regulation of this institution are identified, including the fragmentation of the regulatory framework, the formal approach to complaint consideration, the insufficient reasoning of responses, and the difficulties in executing the decisions adopted.

In addition, the need for further systematization of legislation on pre-trial appeal and unification of administrative procedures in this area is substantiated. It is emphasized that pre-trial appeal acts as an important tool for the prompt restoration of violated rights of citizens and organizations, as well as a means of reducing the burden on the judicial system. Particular attention is paid to the legal consequences of complaint consideration, including the binding nature of the decision adopted for the administrative body, the possibility of subsequent recourse to court, and the evidentiary significance of the response to the complaint in judicial proceedings. It is concluded that increasing the effectiveness of the pre-trial appeal mechanism requires not only improvement of the regulatory framework, but also the formation of uniform law enforcement practice focused on completeness, timeliness and reasoned administrative response.

Key words: *pre-trial appeal, administrative complaint, administrative procedures, complaint filing procedure, complaint review procedure, public services, public administration, judicial protection, legal consequences, administrative and legal regulation.*

Защита прав и законных интересов граждан и организаций в отношениях с органами публичной власти представляет собой одну из ключевых задач современного административного права. В условиях расширения сферы государственного управления и усложнения административных процедур особое значение приобретает механизм досудебного обжалования, позволяющий устранить допущенные нарушения без обращения в суд. Его значение определяется не только возможностью оперативного восстановления нарушенного права, но и способностью обеспечивать внутренний контроль в системе публичного администрирования, снижать уровень конфликтности между заявителем и административным органом, а также сокращать нагрузку на судебную систему [3, с. 14].

Действующее законодательство закрепляет право заинтересованных лиц на обжалование решений, действий и бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, многофункциональных центров, а также иных субъектов, наделенных публичными полномочиями. При этом нормативная база досудебного обжалования носит фрагментарный характер: общие положения содержатся в Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», тогда как специальные процедуры закреплены в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», Налоговом кодексе Российской Федерации, Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и иных актах. Такое многообразие источников затрудняет формирование единого подхода к пониманию сущности и содержания досудебного обжалования, а также к определению места данного института в системе административного права [1, с. 187].

В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что отсутствие единого федерального закона о досудебном обжаловании препятствует систематизации соответствующих процедур и снижает эффективность защиты прав заявителей. Как отмечает Д. В. Леонов, институт досудебного обжалования представляет собой самостоятельный административно-правовой институт, объединяющий совокупность материальных и процессуальных норм, регулирующих подачу, рассмотрение и разрешение жалоб в административном порядке [9, с. 76]. Аналогичного подхода придерживаются И. В. Панова, С. Д. Хазанов, П. И. Кононов и С. Ю. Тихомиров, указывающие на необходимость унификации административных процедур и разработки единой модели административного производства в Российской Федерации [10; 7; 14; 15].

Для характеристики механизма административно-правового регулирования досудебного обжалования необходимо определить его основные элементы. К ним относятся нормативная основа, процедура подачи жалобы, порядок ее рассмотрения, правовые последствия принятого решения, а также гарантии исполнения результатов досудебного разбирательства. Субъекты и объекты досудебного обжалования имеют также важное значение для общей конструкции рассматриваемого института. В самом общем

виде заявителями выступают граждане, организации, индивидуальные предприниматели и их представители, права и законные интересы которых затронуты административным актом, действием или бездействием органа публичной власти [8, с. 91].

Одним из центральных элементов рассматриваемого механизма является порядок подачи досудебной жалобы. Законодательство закрепляет возможность направления жалобы в письменной, электронной форме, через многофункциональный центр, официальный сайт органа власти либо посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг. В ряде случаев подача жалобы допускается через представителя, полномочия которого должны быть подтверждены в установленном порядке. По общему правилу жалоба должна содержать сведения о заявителе, указание на обжалуемое решение, действие или бездействие, изложение доводов, подтверждающих нарушение права, а также требования заявителя. Специальные нормативные акты могут предусматривать дополнительные требования к форме и содержанию жалобы, что особенно характерно для налоговых, таможенных и контрольно-надзорных споров [4, с.15].

Как справедливо отмечают современные исследователи, развитие электронных форм подачи жалоб существенно расширяет доступность досудебного обжалования, однако одновременно создает новые проблемы, связанные с техническими ошибками, различием ведомственных цифровых платформ и отсутствием единообразных стандартов фиксации момента подачи обращения [7, с. 46]. В этой связи цифровизация досудебного обжалования требует не только технического совершенствования электронных сервисов, но и четкой правовой регламентации юридически значимых действий, совершаемых в электронной форме [11, с.147].

Особое значение имеет вопрос об обязательности соблюдения досудебного порядка. В ряде категорий споров предварительное обращение с жалобой в административный орган выступает необходимым условием последующего обращения в суд. Долгое время подобный подход наиболее последовательно был выражен в налоговом законодательстве, однако в последующие годы перечень таких правоотношений был существенно расширен. Так, Федеральный закон № 248-ФЗ закрепил обязательное досудебное обжалование решений, действий и бездействия органов государственного и муниципального контроля. Кроме того, в развитии законодательства о государственных и муниципальных услугах последовательно расширяется круг разрешительных и лицензионных процедур, по которым досудебное обжалование становится обязательным этапом защиты права [12, с. 95].

Судебная практика подтверждает значимость соблюдения обязательного досудебного порядка. При его несоблюдении заявление может быть возвращено, оставлено без движения либо без рассмотрения в зависимости от вида судопроизводства и характера спорного правоотношения. Так, в ряде дел суды указывали, что обращение в суд без прохождения установленной административной процедуры не соответствует требованиям закона и препятствует рассмотрению спора по существу. Это свидетельствует о том, что досудебное обжалование в современной правовой системе приобретает не вспомогательное, а во многих случаях обязательное процессуальное значение [16, с.92].

Следующим элементом механизма административно-правового регулирования выступает порядок рассмотрения досудебных жалоб. В сфере предоставления государственных и муниципальных услуг базовые правила закреплены в статье 11.2 Федерального закона № 210-ФЗ. Жалоба подлежит регистрации и рассмотрению, как правило, в течение пятнадцати рабочих дней со дня ее регистрации, а в случаях обжалования отказа в приеме документов, отказа в исправлении опечаток и ошибок либо нарушения срока их исправления — в течение пяти рабочих дней. Аналогичные по своей логике, хотя и отличающиеся по содержанию, специальные сроки предусмотрены в законодательстве о государственном контроле, налоговых и иных административных процедурах [13, с. 98].

По результатам рассмотрения жалобы орган принимает решение об удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении. Удовлетворение жалобы может выражаться в отмене ранее принятого решения, исправлении допущенных ошибок, возврате неправомерно взысканных денежных средств, возложении обязанности совершить определенные действия, а также в иных формах восстановления нарушенного права. При отказе в удовлетворении жалобы заявителю должен быть направлен мотивированный ответ, содержащий правовое и фактическое обоснование принятого решения, а также разъяснение порядка его дальнейшего обжалования. Именно требование мотивированности позволяет отличить реальное административное рассмотрение жалобы от формального ответа, не обеспечивающего эффективной защиты права [35, с. 93].

В научной литературе подчеркивается

обязательность исполнения решения, принятого по результатам досудебного обжалования, для того органа или должностного лица, чьи действия, бездействие либо акты были предметом проверки. Д. В. Леонов указывает, что решение по жалобе не может рассматриваться как консультативный документ, поскольку его назначение состоит в реальном устранении нарушения и восстановлении положения заявителя [9, с. 63]. Аналогичная позиция прослеживается в работах В.А. Будариной и других исследователей, рассматривающих административную процедуру как форму внутреннего самоконтроля исполнительной власти [3, с. 15]. Следовательно, удовлетворение жалобы должно влечь обязанность незамедлительно исполнить принятое решение в установленный срок.

При этом следует учитывать, что решение по жалобе не обладает для суда преюдициальной силой в смысле процессуального законодательства. Суд не связан выводами административного органа и вправе самостоятельно исследовать все обстоятельства дела, оценить законность первоначального акта, а также правомерность ответа по жалобе. Вместе с тем такое решение имеет самостоятельное доказательственное значение. Оно фиксирует позицию административного органа по спору, подтверждает соблюдение досудебного порядка, если он обязателен, и содержит мотивировку, которая подлежит оценке в ходе последующего судебного разбирательства. На данное обстоятельство обращают внимание как Д. В. Леонов, так и В. А. Бударина, подчеркивающие двойственную — материально-правовую и процессуальную — природу решения по досудебной жалобе [9, с. 24; 3, с. 11].

Значительный интерес представляет вопрос о правовых последствиях рассмотрения досудебной жалобы. Во-первых, решение по жалобе может привести к полному прекращению спора, если требования заявителя удовлетворены, а допущенные нарушения устранены в полном объеме. Во-вторых, возможно частичное удовлетворение жалобы, при котором спор сохраняется лишь в той части, в которой права заявителя не были восстановлены. В-третьих, отказ в удовлетворении жалобы либо уклонение от исполнения принятого решения создают предпосылки для перехода спора в судебную стадию.

Такое понимание правовых последствий позволяет рассматривать досудебное обжалование не как формальное приложение к судебной защите, а как самостоятельный этап развития административного конфликта.

Особое внимание в современной правоприменительной практике уделяется качеству мотивированного ответа на жалобу. Именно мотивировка позволяет установить, были ли исследованы все доводы заявителя, дана ли им надлежащая правовая оценка и действительно ли орган рассмотрел обращение по существу. Отсутствие развернутого анализа доводов жалобы либо использование шаблонных формулировок о «законности действий» без ссылки на фактические обстоятельства и нормы права все чаще признается судами нарушением установленного порядка рассмотрения обращения. Подобный подход соответствует позиции Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой надлежащее рассмотрение жалобы предполагает полноту исследования обстоятельств и оценку всех доводов заявителя [5, с. 14].

Судебная практика демонстрирует, что неисполнение решения, принятого по результатам рассмотрения жалобы, также признается самостоятельным нарушением прав заявителя. Так, в деле № А45-13582/2022 (Постановление Арбитражного суда Западно Сибирского округа от 13.02.2023) Арбитражный суд Западно-Сибирского округа указал на неправомерность неисполнения органом собственного решения в установленный срок и связал такое бездействие с нарушением требований законодательства о рассмотрении обращений и о государственном контроле. Подобные примеры подтверждают, что эффективность досудебного обжалования зависит не только от формального принятия решения, но и от его реального исполнения.

Одновременно в судебной практике прослеживаются случаи формального подхода органов публичной власти к содержанию ответов на жалобы. Так, по делу № А40-30012/2023 (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.08.2023), в рамках которого заявитель аргументированно указал на отсутствие у органа компетенции для принятия спорного правового акта, а также на нарушение установленной процедуры его издания. Однако в ответе на жалобу данные доводы не получили содержательной правовой оценки: решение сводилось к шаблонной ссылке на «законность действий» без приведения конкретных аргументов и нормативных оснований. Суд, рассматривая спор, признал подобное поведение недопустимым и отменил оспариваемое решение, обязав орган повторно рассмотреть обращение с обязательной оценкой всех доводов заявителя и приведением развернутых правовых оснований, подтверждающих законность и обоснованность принимаемого решения.

Приведенная правовая позиция суда находит прямое подтверждение в действующих нормативных актах и разъяснениях высших

судебных инстанций. В частности, пункт 6.5 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 30.01.2013 № 45 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» прямо предписывает органам при отказе в удовлетворении обращения давать развернутую мотивировку, включающую оценку каждого довода, изложенного заявителем. Это позволяет сделать вывод о том, что административно-процессуальные гарантии в механизме досудебного обжалования имеют самостоятельное значение и подлежат судебной защите наравне с материальными правами заявителя.

В то же время судебная практика содержит примеры эффективного досудебного урегулирования споров. Так, в деле № А40-234672/2022 (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.01.2023) орган, рассмотрев жалобу на отказ в выдаче разрешения, признал допущенную ошибку, отменил первоначальное решение и выдал заявителю требуемый документ. Более того, ответственное должностное лицо было привлечено к дисциплинарной ответственности, что подчеркивает системный характер реагирования на нарушения. В другом деле жалоба была удовлетворена частично: орган устранил выявленные нарушения по двум требованиям и представил мотивированный отказ по третьему требованию, что позволило ограничить дальнейший спор лишь неурегулированной частью. Подобные примеры подтверждают, что при добросовестном исполнении обязанностей досудебное обжалование действительно способно выполнять правовосстановительную функцию.

Существенным последствием досудебного обжалования является и его влияние на возможность дальнейшего обращения в суд. При соблюдении обязательного досудебного порядка заявитель сохраняет право на судебную защиту как после получения ответа по жалобе, так и по истечении срока, установленного для ее рассмотрения. Кроме того, период досудебного урегулирования может иметь значение для исчисления срока исковой давности. В соответствии со статьей 202 Гражданского кодекса Российской Федерации течение срока исковой давности приостанавливается на период использования предусмотренной законом внесудебной процедуры урегулирования спора.

Нарушение порядка рассмотрения жалобы либо неисполнение принятого по ней решения влечет юридическую ответственность должностных лиц. В зависимости от характера нарушения возможны дисциплинарная ответственность, применение статьи 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также иные меры реагирования. Как подчеркивает В. Н. Южаков, реальность механизма досудебного обжалования напрямую зависит от того, насколько эффективно обеспечивается ответственность за его формальное или ненадлежащее применение [16, с. 88].

Таким образом, механизм административно-правового регулирования досудебного обжалования представляет собой совокупность взаимосвязанных правовых средств, обеспечивающих подачу, рассмотрение и разрешение жалоб в сфере государственно-административного управления. Его значение определяется не только возможностью оперативного устранения нарушений, но и тем, что он формирует самостоятельный уровень административной защиты прав, предшествующий судебному контролю либо дополняющий его. В современной правовой системе данный механизм приобретает все более значимую роль в условиях расширения обязательных процедур обжалования, цифровизации административного взаимодействия и роста требований к качеству государственного управления.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что эффективность досудебного обжалования зависит от нескольких ключевых факторов: четкости нормативного регулирования, доступности процедуры подачи жалобы, соблюдения сроков рассмотрения, полноты и мотивированности ответа, а также обязательности исполнения принятого решения. Сохраняющаяся фрагментарность законодательства, различие специальных процедур и формальный подход отдельных органов к рассмотрению обращений свидетельствуют о необходимости дальнейшей систематизации правового регулирования в данной сфере. Создание единых процедурных стандартов, унификация требований к жалобам и усиление ответственности за нарушения порядка их рассмотрения позволят повысить эффективность административной защиты прав граждан и организаций, а также укрепить доверие к институтам публичной власти.

Список литературы

[1] Бессонов И. В. Досудебное обжалование в административном процессе: организация и проблемы реализации // Журнал российского права. – 2023. – № 5. – С. 185–193.

[2] Бирюкова М. И. Формализация досудебных жалоб: практика и возможные пути преодоления // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 8. – С. 97–101.

[3] Бударина В.А. Административная

жалоба: материальное и процессуальное правовое исследование: дисс. … канд. юрид. наук. – Воронеж, 2007. – 24 с.

[4]Давыдов К. В. Административная процедура: стадии пересмотра административного дела и исполнения административного акта // Административное право и процесс. – 2017. – № 11. – С. 13–17.

[5] Давыдов К. В. Современное состояние и перспективы развития российского законодательства об административных процедурах. Проект федерального закона «Об административных процедурах и административных актах в Российской Федерации» // Журнал административного судопроизводства. – 2017. – № 1. – С. 48–69.

[6] Кононов П. И. О необходимости разработки и принятия федерального закона «Об административном производстве в Российской Федерации» // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по материалам ежегод. Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2017. – С. 164–174.

[7] Кононов П. И., Стахов А. И. О проекте федерального закона «Об административном производстве в Российской Федерации» // Журнал административного судопроизводства. – 2017. – № 3. – С. 40–68.

[8] Курындин П. А. Право на досудебное обжалование актов и действий административных органов: особенности реализации в России и Франции // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 4 (89). – С. 77–94.

[9] Леонов Д. В. Административно-правовой институт досудебного обжалования: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2020. – 166 с.

[10]ПановаИ.В.Внесудебныйидосудебный порядок рассмотрения административных дел // Вестник ВАС РФ. – 2013. № 7. – С. 126–161.

[11] Петрова Е. В. Электронные формы обращений и жалоб как фактор развития досудебного обжалования // Информационное право. – 2023. – № 6. – С. 146–150.

[12] Сергеева Л. А. Правовые основы досудебного обжалования в российской административной юстиции // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 1. – С. 93–100.

[13] Сидорова Н. А. Цифровизация процедур досудебного обжалования: перспективы и вызовы // Правовые исследования. – 2023. – № 3. – С. 97–102.

[14] Тихомиров С. Ю. Досудебное обжалование в российском административном процессе: проблемы и направления развития // Государство и право. – 2022. – № 8. – С. 43–47.

[15] Хазанов С. Д. Административные процедуры: определение и систематизация // Российский юридический журнал. – 2003. – № 1. – С. 58–63.

[16] Южаков В. Н. Возможности и перспективы правового регулирования досудебного обжалования действий (решений) государственных и муниципальных органов, их должностных лиц гражданами и организациями / Центр стратегических разработок. – М., 2005. – С. 88–94.

References

[1] Bessonov I.V. Pre-trial appeal in the administrative process: organization and problems of implementation//Journal of Russian Law. – 2023. – № 5. - S. 185-193.

[2] Biryukova M. I. Formalization of pre-trial complaints: practice and possible ways to overcome//Constitutional and municipal law. – 2023. – № 8. - S. 97-101.

[3] Budarina V.A. Administrative complaint: material and procedural legal research: diss.... cand. jurid. sciences. - Voronezh, 2007. - 24 s.

[4] Davydov K. V. Administrative procedure: stages of revision of the administrative case and execution of the administrative act//Administrative law and process. – 2017. – № 11. - S. 13-17.

[5] Davydov K. V. Current state and prospects for the development of Russian legislation on administrative procedures. Draft Federal Law “On Administrative Procedures and Administrative Acts in the Russian Federation “//Journal of Administrative Proceedings. – 2017. – № 1. - S. 48-69.

[6] Kononov P. I. On the need to develop and adopt a federal law “On administrative proceedings in the Russian Federation “//Actual problems of administrative and administrative procedural law: Sat. Art. based on materials every year. All-Russia. scientific-practical. conf. St. Petersburg, 2017. - S. 164-174.

[7] Kononov P. I., Stakhov A. I. On the draft federal law “On Administrative Proceedings in the Russian Federation “//Journal of Administrative Proceedings. – 2017. – № 3. - S. 40-68.

[8] Kuryndin P.A. Right to pre-trial appeal of acts and actions of administrative bodies: peculiarities of implementation in Russia and France//Actual problems of Russian law. – 2018. – № 4 (89). - S. 77-94.

[9] Leonov D. V. Administrative and Legal Institute of Pre-trial Appeal: dis.... cand. jurid. sciences. - M., 2020. - 166 s.

[10] Panova I.V. Out-of-court and pre-trial procedure for considering administrative cases// Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2013. № 7. - S. 126-161.

[11] E.V. Petrova. Electronic forms of appeals and complaints as a factor in the development of

pre-trial appeal//Information Law. – 2023. – № 6. - S. 146-150.

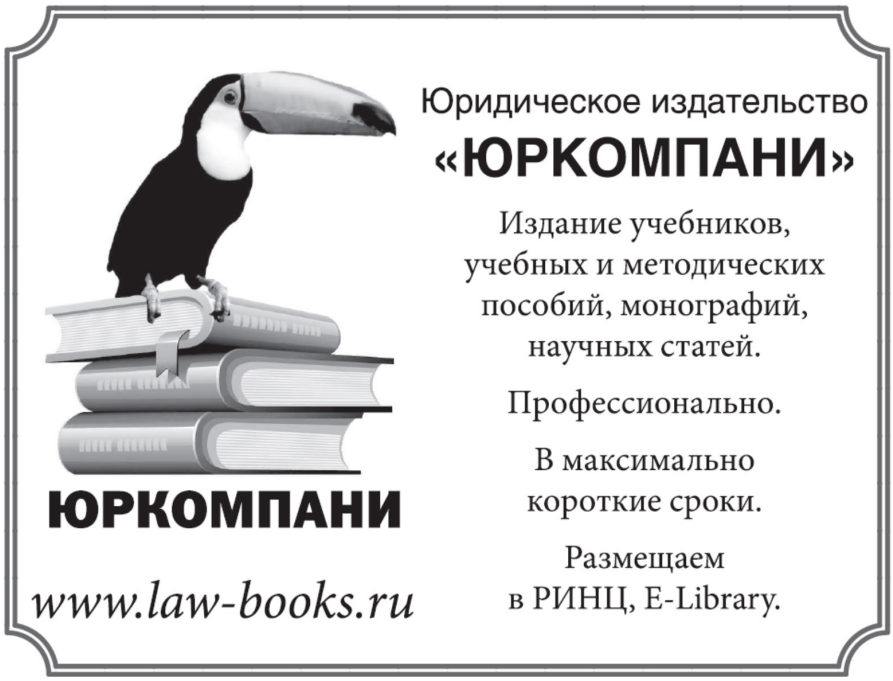
[12] Sergeeva L. A. Legal foundations of pre-trial appeal in the Russian administrative justice// State power and local self-government. – 2024. – № 1. - S. 93-100.

[13] Sidorova N. A. Digitalization of pre-trial appeal procedures: prospects and challenges//Legal research. – 2023. – № 3. - S. 97-102.

[14] Tikhomirov S. Yu. Pre-trial appeal in the Russian administrative process: problems and directions of development//State and law. – 2022. – № 8. - S. 43-47.

[15] S. D. Khazanov. Administrative Procedures: Definition and Systematization//Russian Law Journal. – 2003. – № 1. - S. 58-63.

[16] Yuzhakov V. N. Opportunities and prospects for legal regulation of pre-trial appeal of actions (decisions) of state and municipal bodies, their officials by citizens and organizations/Center for Strategic Research. - M., 2005. - S. 88-94.



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-338-342

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,

e-mail: viktor_shestak@mail.ru

ПОЛИТОВ Георгий Константинович,

военнослужащий, Министерство обороны Российской Федерации,

e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВО ВНОВЬ ПРИСОЕДИНЕННЫХ СУБЪЕКТАХ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности классификации статуса граждан в условиях его разнообразия и сложности на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, а также комплексы мер и мероприятий, проводимых государственными органами для обеспечения успешной интеграции рассматриваемых территорий в правовое пространство Российской Федерации. Делается вывод о том, что граждане Российской Федерации во вновь присоединенных субъектах обладают общим административно-правовым статусом физического лица, а также специальным статусом, отражающим особенности правового положения в переходный период. Комплексный же подход, реализуемый государственными органами, позволяет обеспечить высокое качество предоставляемых социальных и образовательных услуг, равно как и высокую эффективность их деятельности*.

Ключевые слова*: граждане, интеграция, правовое пространство, новые субъекты Российской Федерации, государственные органы*.

SHESTAK Viktor A.,

Doctor of Juridical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

POLITOV Georgy K.,

Military personnel, The Ministry of Defense of the Russian Federation

FEATURES OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE NEWLY ACCREDITED SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the specifics of classifying the status of citizens in terms of its diversity and complexity in the territories of the DPR, LPR, Zaporizhia and Kherson regions, as well as the complex of measures and measures carried out by government agencies to ensure the successful integration of the territories in question into the legal space of the Russian Federation. It is concluded that citizens of the Russian Federation in the newly annexed subjects have the general administrative and legal status of an individual, as well as a special status reflecting the specifics of the legal situation during the transition period. The integrated approach implemented by government agencies ensures the high quality of social and educational services provided, as well as the high efficiency of their activities.*

Key words: *citizens, integration, legal space, new subjects of the Russian Federation, government agencies.*

Административно-правовой статус граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, обладает рядом особенностей, обусловленных спецификой переходного периода интеграции указанных субъектов в состав Российской Федерации [1].

Введение режима военного положения на данных территориях [2], а также сохранение действия отдельных ранее принятых нормативных правовых актов до их приведения в соответствие с законодательством Российской Федерации формируют особый порядок реализации прав, обязанностей и гарантий граждан [3]. Указанные обстоятельства свидетельствуют о наличии специального административно-правового режима, который характеризуется сочетанием общих конституционных принципов с временными механизмами правового регулирования, направленными на обеспечение безопасности, устойчивости государственного управления и социальной защиты населения.

Специфика административно-правового статуса граждан [4] на рассматриваемых территориях проявляется также в реализации комплекса мер социальной поддержки и финансового обеспечения, предусмотренных федеральным законодательством [5]. Государством создаются дополнительные гарантии в сфере социального обслуживания, пенсионного обеспечения, здравоохранения и предоставления государственных услуг. Одновременно осуществляется адаптация действующих правовых механизмов к условиям интеграции новых субъектов, что позволяет обеспечить постепенное включение населения в единое правовое пространство Российской Федерации [6]. Исходя из изложенного административно-правовой статус граждан приобретает не только общий характер, присущий всем гражданам Российской Федерации, но и содержит специальные элементы, обусловленные особенностями переходного периода и необходимостью правовой стабилизации общественных отношений [7].

Вместе с тем статус граждан новых субъектов России подразделяется на ряд категорий, что свидетельствует о разнообразии и сложности правового положения на данных территориях. Так, исходя из особенностей функционирования, выделяют:

вынужденные переселенцы [8] - эта категория граждан, столкнувшаяся с необходимостью покинуть свои прежние места жительства из-за боевых действий;

лица, осуществляющие территориальную оборону и лишившиеся жилья [9] - эта категория включает в себя граждан, которые активно участвуют в защите территорий от вражеских действий, при этом сталкиваются с риском лишения жилья и другими сложностями;

иностранные граждане, отказавшиеся от гражданства РФ [10] - эта категория представляет собой специфическую группу, которая проживает на территории указанных субъектов на легальных основаниях, но не приняла гражданство России;

граждане, проживающие в период действия военного положения [11] - данная категория включает граждан, которые находятся на территориях под военным положением. Их правовое положение может быть ограничено или изменено из-за особых условий экстраординарного правового режима.

В современных условиях интеграция населения новых субъектов Российской Федерации в единую систему государственного и правового регулирования продолжает оставаться одной из приоритетных задач публичной власти [12]. В этих целях уполномоченными органами реализуется комплекс мер, направленных на обеспечение стабильности общественных отношений [13], повышение уровня социальной защищенности граждан и формирование единых правовых механизмов взаимодействия государства и населения. Особую роль в рассматриваемом процессе играет проведение информационно-разъяснительной работы среди жителей указанных территорий. Разъяснение содержания действующего законодательства, порядка реализации предусмотренных законом прав и получения государственных услуг [14] способствует повышению уровня правовой осведомленности населения и обеспечивает более эффективное взаимодействие граждан с органами государственной власти.

Не менее важным направлением является совершенствование системы социальных гарантий [15]. Реализация дополнительных мер поддержки в сфере образования, профессиональной подготовки и социальной адаптации населения [16] направлена на формирование необходимых условий для устойчивого развития территорий. Предоставление гражданам возможностей для получения образования, повышения квалификации и профессиональной переподготовки способствует укреплению кадрового потенциала регионов и постепенной стабилизации социально-экономической обстановки.

Отдельное внимание уделяется созданию условий для возвращения граждан к прежнему месту проживания. В этих целях применяются различные меры государственной поддержки, включая предоставление льготного кредитования, компенсационных выплат, субсидий и иных форм материального обеспечения. Использование указанных механизмов позволяет ускорить восстановление жилищных условий населения, снизить уровень социальной напряженности и обеспечить восстановление инфраструктуры на соответствующих территориях.

Одновременно реализуются меры, направленные на восстановление

экономической активности новых субъектов Российской Федерации. Государственная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства посредством налоговых льгот, финансовых преференций и иных стимулирующих механизмов способствует развитию предпринимательской деятельности, созданию дополнительных рабочих мест и укреплению региональной экономики. Представляется, что совокупность указанных мер позволяет не только обеспечить правовую интеграцию новых субъектов, но и создать предпосылки для их дальнейшей социально-экономической стабилизации.

На практике существенное значение приобретает направление опытных государственных и муниципальных служащих в новые субъекты Российской Федерации для оказания организационной и методической помощи органам власти на местах. Основной целью такого механизма выступает оказание организационной, методической и практической помощи при реализации государственных полномочий и формировании устойчивой системы управления на местах. Привлечение специалистов, обладающих опытом работы в различных регионах страны, позволяет обеспечить более эффективную организацию деятельности органов государственной власти и ускорить выработку единых управленческих подходов.

Одновременно такая форма взаимодействия способствует обмену практическим опытом между регионами и созданию единых механизмов реализации государственных полномочий. Это, в свою очередь, положительно влияет на уровень профессиональной подготовки должностных лиц и позволяет укрепить кадровую основу органов публичной власти. В этой связи, временное направление специалистов в новые субъекты Российской Федерации представляется обоснованной мерой, направленной на обеспечение стабильной деятельности органов государственной власти и повышение эффективности государственного управления.

Кроме того, в целях обеспечения эффективной работы государственных органов и улучшения качества предоставляемых социальных услуг осуществляется постоянный контроль своевременности и качества предоставления социальных льгот. Каждая ситуация требует индивидуального подхода, чтобы гарантировать гражданам получение необходимой поддержки и помощи. Здесь одним из ключевых аспектов является обеспечение доступности образования всех уровней для подрастающего поколения, что позволит им получить качественные знания и навыки для успешного будущего, а также возможности переобучения взрослым гражданам в случае необходимости, для адаптации к изменяющимся условиям рынка труда [17].

Для повышения эффективности своей деятельности государственные органы в рассматриваемой сфере реализуют следующие меры:

инновационные образовательные программы - разработка современных образовательных программ, которые соответствуют потребностям рынка труда и обеспечивают гражданам актуальные знания и навыки;

гибкие формы обучения - предоставление возможности обучения в различных форматах (онлайн, очно-заочное обучение, курсы повышения квалификации).

партнерство с бизнес-сообществом – сотрудничество с предприятиями и работодателями для создания образовательных программ, которые востребованы на рынке труда и способствуют повышению профессиональной подготовки граждан;

мониторинг и анализ результатов – регулярный контроль и анализ эффективности образовательных программ и социальных услуг в целях их оперативной корректировки.

Таким образом, правовое положение граждан Российской Федерации, проживающих на территориях вновь присоединённых субъектов, характеризуется сочетанием общего административно-правового статуса гражданина Российской Федерации и специальных элементов, обусловленных особенностями переходного периода интеграции указанных территорий в единое правовое пространство государства. Установленный федеральными конституционными законами порядок признания гражданства Российской Федерации лицам, постоянно проживающим на данных территориях, направлен на обеспечение правовой определённости, укрепление государственной безопасности и последовательное включение населения в систему публично-правовых отношений Российской Федерации.

Представляется обоснованным, что жители новых субъектов Российской Федерации обладают тем же объёмом прав, свобод и обязанностей, который предусмотрен для всех граждан государства, что свидетельствует о действии принципа равенства правового статуса независимо от территории проживания [18]. Принимаемые государством меры в административной и социальной сферах направлены прежде всего на обеспечение устойчивой работы системы публичной власти,

а также на создание условий для дальнейшего развития новых субъектов Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6930.

[2] Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

[3] Правовое регулирование интеграции новых субъектов Российской Федерации в единое правовое пространство // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 45–52.

[4] Старилов Ю.Н. Административное право : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2005. С. 214–219.

[5] Федеральный закон от 17.02.2023 № 18-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере социальной защиты и социального обслуживания граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 8. Ст. 919.

[6] Старилов Ю.Н., Бахрах Д.Н., Россинский Б.В. Административное право : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2005. С. 112–118.

[7] Атаманчук Г.В. Теория государственного управления : курс лекций. 4-е изд. М.: Омега-Л, 2006. С. 287–291.

[8] Закон Российской Федерации от 19.02.1993 № 4530-I (в действ. ред.) «О вынужденных переселенцах» // Электронный ресурс. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 15.05.2026).

[9] Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // Собрание законодательства РФ.1996. № 23. Ст. 2750.

[10] Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (в действ. ред.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Электронный ресурс. - URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 15.05.2026).

[11] Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (в действ. ред.) «О военном положении» // Электронный ресурс. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 15.05.2026).

[12] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6930.

[13] Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

[14] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

[15] Федеральный закон от 17.02.2023 № 18-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере социальной защиты и социального обслуживания граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 8. Ст. 919.

[16] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

[17] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6930.

[18] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок) // Российская газета. 2020. № 144.

References:

[1] Federal Constitutional Law of 04.10.2022 No. 5-FKZ “On the Admission to the Russian Federation of the Donetsk People’s Republic and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Donetsk People’s Republic “// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 41. Art. 6930.

[2] Federal Constitutional Law of 30.01.2002 No. 1-FKZ “On Martial Law “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 5. Art. 375.

[3] Legal regulation of the integration of new constituent entities of the Russian Federation into a single legal space//Journal of Russian Law. 2023. № 11. S. 45-52.

[4] Starilov Yu.N. Administrative law: textbook. 2nd ed., Rev. and add. M.: Norma, 2005. S. 214-219.

[5] Federal Law of 17.02.2023 No. 18-FZ "On the peculiarities of legal regulation of relations in the field of social protection and social services of citizens living in the territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhzhya Region and Kherson Region "// Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. № 8. Art. 919.

[6] Starilov Yu.N., Bakhrakh D.N., Rossinsky B.V. Administrative law: textbook. 2nd ed., Rev. and add. M.: Norma, 2005. S. 112-118.

[7] Atamanchuk G.V. Theory of public administration: a course of lectures. 4th ed. M.: Omega-L, 2006. S. 287-291.

[8] Law of the Russian Federation of 19.02.1993 No. 4530-I (in effect ed.) "On internally displaced persons "//Electronic resource. - URL: http://pravo.gov.ru/ (access date: 15.05.2026).

[9] Federal Law of 31.05.1996 No. 61-FZ "On Defense "//Collection of RF.1996 Legislation. № 23. Art. 2750.

[10] Federal Law of 25.07.2002 No. 115-FZ (in effect ed.) "On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation "//Electronic resource. - URL: http://pravo.gov.ru/ (access date: 15.05.2026).

[11] Federal Constitutional Law of 30.01.2002 No. 1-FKZ (in effect ed.) "On martial law "//Electronic resource. - URL: http://pravo.gov.ru/ (access date: 15.05.2026).

[12] Federal Constitutional Law of 04.10.2022 No. 5-FKZ "On the Admission to the Russian Federation of the Donetsk People's Republic and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Donetsk People's Republic "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 41. Art. 6930.

[13] Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 No. 208 "On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030 "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. № 20. Art. 2902.

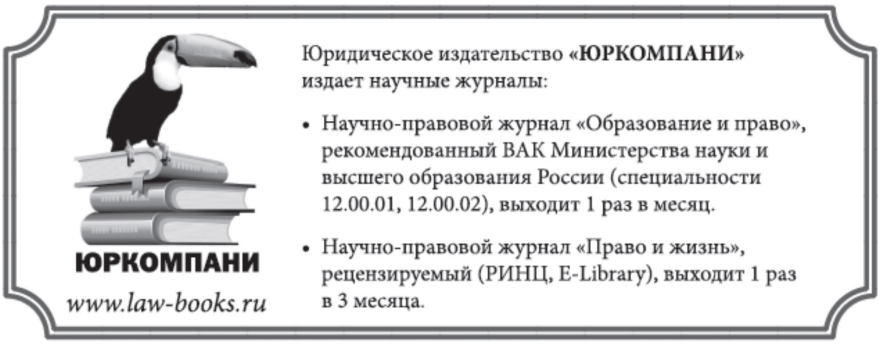
[14] Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. № 31. Art. 4179.

[15] Federal Law of 17.02.2023 No. 18-FZ "On the peculiarities of legal regulation of relations in the field of social protection and social services of citizens living in the territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhzhya Region and Kherson Region "// Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. № 8. Art. 919.

[16] Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (part I). Art. 7598.

[17] Federal Constitutional Law of 04.10.2022 No. 5-FKZ "On the Admission to the Russian Federation of the Donetsk People's Republic and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Donetsk People's Republic "// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 41. Art. 6930.

[18] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote in 12.12.1993 (as amended)//Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 144.



Дата поступления рукописи в редакцию: 30.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-343-345

ПАНИН Юрий Иванович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, г.Рязань, Российская Федерация,

e-mail: panin61@mail.ru

БИРМАМИТОВА Светлана Альбертовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: birmamitova.s.a@apu.fsin.gov.ru

ЧЕЧЕНОВА Ляна Залимовна,

научный сотрудник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Университета ФСИН России, г.Санкт-Петербург, Российская Федерация,

e-mail: chechrnova.lin-ka@ mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ УИС ЗА НАРУШЕНИЯ ПДД, ВЫЯВЛЕННЫЕ СРЕДСТВАМИ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. *В настоящей статье исследуются вопросы, связанные с привлечением сотрудников ФСИН России к административной ответственности за нарушение ПДД РФ, выявленные в результате фото- или видеофиксации. Обращено внимание на проблемные аспекты, связанные с организационно-техническими особенностями вынесения постановлений об административных правонарушениях Центрами автоматической фиксации административных правонарушений в области дорожного движения и законном порядке их обжалования.*

Ключевые слова: *административная ответственность, административное правонарушение, обжалование, автоматизированная фиксация административных правонарушений.*

PANIN Yuriy Ivanovich,

Candidate of Law, Associate Professor Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

BIRMAMITOVA Svetlana Albertovna,

Candidate of Law, Associate Professor Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

CHECHENOVA Liana Zalimovna,

Researcher of the Organizational-Scientific and Editorial-Publishing Department of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

ADMINISTRATIVE LIABILITY OF CORRECTIONAL SERVICE EMPLOYEES FOR ROAD TRAFFIC VIOLATIONS DETECTED BY AUTOMATIC ADMINISTRATIVE VIOLATION RECORDING DEVICES

Annotation. *This article examines the issues related to the administrative liability of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia for violations of the Russian Federation Traffic Regulations, which are identified through photo or video recording. Attention is drawn to the problematic aspects related to the organizational and technical features of issuing administrative penalty orders by the Centers for Automatic Recording of Administrative Offenses in the Field of*

Traffic and the legal procedure for their appeal.

Key words: *administrative liability, administrative offense, appeal, automated recording of administrative offenses.*

Общественный вред и опасность возрастающего с годами количества совершаемых в Российской Федерации административных правонарушений в области дорожного движения очевидны и требуют эффективных правовых механизмов их минимизации и устранения. Ведь в основном нарушения Правил дорожного движения могут быть причиной дорожно-транспортных происшествий, которые ставят под угрозу жизнь и здоровье людей, наносят ущерб как конкретному гражданину, так и всему обществу. Значительные размеры социальных и экономических потерь от дорожно-транспортных происшествий на российских дорогах придают задаче обеспечения безопасности дорожного движения государственную значимость [1, С.999]. Стратегия повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утвержденная Указом Президента РФ от 14.11.2025 № 841 постулирует, что девять из десяти дорожно-транспортных происшествий происходят из-за нарушения правил дорожного движения водителями транспортных средств. ФСИН России в своих обзорах также отмечает основную причину ДТП с участием сотрудников - несоблюдение ПДД РФ.

Как показывает статистика Госавтоинспекции 9 месяцев 2025 г., основными видами нарушений ПДД, способствующим совершению дорожно-транспортных происшествий, являются:

выбор небезопасной скорости движения транспортного средства. (23,3 %),

несоблюдение очередности проезда перекрестков (20,5%),

нарушение правил расположения ТС на проезжей части (12,3%),

неправильный выбор дистанции (10,5%),

выезд на полосу встречного движения (8,4%),

нарушение правил проезда пешеходного перехода (7,9%) [2].

В Стратегии повышения безопасности дорожного движения поставлены задачи для дальнейшего снижения количества ДТП и их последствий, посредством ужесточения контроля за соблюдением ПДД РФ участниками дорожного движения.

Учитывая, что большинство нарушений ПДД РФ (93% в 2025 г.) выявляется камерами, хотелось бы сегодня уделить внимание этому вопросу.

В России использование камер видеофиксации началось в рамках Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 - 2012 годах». К 1 июля 2008 года введены в действие стационарные комплексы фотовидеофиксации административных правонарушений в области дорожного движения с централизованной обработкой информации.

На сегодняшний день, на территории Российской Федерации используется комплексы, работающие в автоматическом режиме: «Кордон», «Гром», «Скат», «Арена», «Оракул» и другие. Одни фиксируют административные правонарушения (до 60 видов), другие прохождение транспортных средств и ряд из них, имеют активный радар-детектор, используемый в качестве муляжей.

Основными видами административных правонарушений, выявленных автоматизированной фиксацией являются те, которые являются основными причинами ДТП:

превышение установленной скорости движения ст. 12.9 (в среднем более 90 % правонарушений);

движение по полосе, предназначенной для маршрутных ТС ч.1.1 ст.12.17 КоАП РФ:

проезд на запрещающий сигнал светофора ч.1 ст.12.12 КоАП РФ;

несоблюдение направления движения по полосам (разметка) ч.1 12.16 КоАП РФ и другие.

Как показывает статистика, сотрудники ФСИН России также в большинстве случае совершают административные правонарушения, связанные с превышением установленной скорости движения. Информацию о вынесенном постановлении об административном правонарушении, предусмотренном главой 12 КоАП РФ сотрудники УИС как и все граждане узнают из портала Госуслуг, сервисов, предоставляемых кредитными организациями и т.п. Помимо общих требований об исполении административного наказаний в установленный законом срок, с 2020 г. сотрудникамУИС предписывается «В письменной форме уведомлять начальника учреждения (органа) УИС в течение рабочего дня, следующего за днем получения протокола об административном правонарушении, либо судебного решения (в указанный срок не включаются периоды временной нетрудоспособности сотрудника, нахождение его в отпуске или в командировке) через своего непосредственного руководителя о фактах привлечения к административной

ответственности за правонарушения, предусмотренные главой 12 «Административные правонарушения в области дорожного движения» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также об их рассмотрении в органах судебной власти Российской Федерации». [3, С. 128]. И большинство сотрудников УИС, не ознакомившись с содержанием постановления об административном правонарушении, предпочитают уплатить штраф и доложить об этом руководству. Подобное поведение не является правильным, так как технические средства не всегда фиксируют информацию о правонарушении достоверно.

Среди типичных организационно-технических проблем выделяется следующие:

ошибочная идентификация, на которую влияют солнечные блики, плохие погодные условия,

дублирование штрафа (когда одно и то же нарушение зафиксировано двумя камерами, расположенными на минимальном расстоянии друг от друга);

технический сбой (неправильный расчет скорости или ошибочное определению вида нарушения);

«двойник» (когда в условиях плотного потока камера может сделать снимок, на котором плохо различимы индивидуальные особенности автомобиля, а радар «привязал» к автомобилю чужую скорость. На постановлении может быть ваш номерной знак, но автомобиль на фото окажется другим, очень похожим на ваш).

человеческий фактор.

Поэтому, при поступлении информации о факте нарушения ПДД РФ, водителю транспортного средства необходимо обязательно изучить постановление по делу об административном правонарушении, изучить фотоматериал по делу и в случае выявления каких либо несоответствий, собрать доказательства, подготовить жалобу и направить ее в ЦАФАП БДД в течение 10 дней с момента получения постановления.

Список литературы:

[1] Бирмамитова С.А. Предпосылки совершенствования административного законодательства в области обеспечения безопасности дорожного движения // В сб: Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний. Рязань, 2022. С. 999-1003.

[2] Аналитический обзор за 2025 г. // https://нцбдд.мвд.рф/dop_stranici/аналитические-обзоры-за-2025-год

[3] Сенатова Е.В. Целесообразность уведомления сотрудником уголовно-исполнительной системы руководителя о совершении административного правонарушения, предусмотренного главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Государственная служба и кадры, №. 4, 2023, С. 126-129.

References:

[1] Birmamitova S.A. Prerequisites for improving administrative legislation in the field of road safety//B sat: The penal system at the present stage, taking into account the implementation of the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030. Collection of abstracts of speeches and reports of participants in the International Scientific and Practical Conference on the Problems of the Execution of Criminal Sentences. Ryazan, 2022. P. 999-1003.

[2] 2025 Analyst Review// https://нцбдд.мвд.рф/dop_stranici/аналитические-обзоры-за-2025-год

[3] E.V. Senatova. Expediency of notification by an employee of the penitentiary system of the head about the commission of an administrative offense under Chapter 12 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation//State Service and Personnel, No. 4, 2023, S. 126-129.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-346-350

СОБАКАРЕВА Екатерина Валерьевна,

научный сотрудник научно-исследовательского отдела Ростовского юридического института МВД России,

e-mail: n.manikin@mail.ru

КОПЕИН Алексей Федорович,

преподаватель кафедры огневой подготовки Санкт-Петербургского университета МВД России,

e-mail: kurkin @yandex.ru

ПРАВОВЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ МВД

Аннотация. *Статья посвящена изучению правовых и теоретических основ огневой подготовке как важному аспекту профессионального образования сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Автор подчеркивает, что огневая подготовка включает обучение навыкам обращения с оружием, обеспечению безопасности и развитию психологической готовности к его использованию. Значение данной подготовки связано с особенностями работы правоохранительных органов, где компетентное владение оружием критически важно для выполнения служебных задач и защиты граждан. В условиях усложнения оперативных ситуаций и новых угроз акцентируется необходимость совершенствования образовательных процессов в этой области.*

Ключевые слова: *огневая подготовка сотрудников ОВД РФ, штатное и служебное оружие, безопасность обращения с оружием, психологическая готовность, профессиональное образование.*

SOBAKAREVA Ekaterina Valerievna,

Researcher, Research Department, Rostov Law Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia

KOPEIN Alexey Fedorovich,

Lecturer, Department of Fire Training, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

LEGAL AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF FIRE TRAINING FOR MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS EMPLOYEES

Annotation. *The article focuses on the legal and theoretical foundations of fire training as an important aspect of professional education for employees of the Internal Affairs bodies of the Russian Federation. The author emphasizes that fire training includes teaching skills for handling weapons, ensuring safety, and developing psychological readiness for their use. The significance of this training is related to the specific nature of law enforcement activities, where competent handling of weapons is crucial for carrying out official tasks and protecting citizens. In the context of increasingly complex operational situations and emerging threats, there is a need to improve educational processes in this area.*

Key words*: document management, patrol and guard service, educational institutions, regulatory framework, electronic document management, office management, and information protection.*

Значимость огневой подготовки обусловлена спецификой работы сотрудников правоохранительных органов, для которых владение оружием является неотъемлемым элементом профессиональной компетенции. Качество и эффективность этой подготовки напрямую влияют на успешность выполнения служебных задач, защиту жизни и здоровья граждан, а также на предотвращение правонарушений. В условиях роста сложности оперативных ситуаций и появления новых угроз возрастает необходимость совершенствования

образовательных процессов, связанных с огневой подготовкой.

Объектом исследования выступают огневая правовые и теоретический основы огневой подготовки сотрудников МВД. Она включает в себя комплекс учебных мероприятий, направленных на формирование у сотрудников умений и навыков владения штатным и служебным оружием, обеспечение безопасности при обращении с ним, а также развитие психологической готовности к использованию огнестрельного оружия в служебной деятельности.

Актуальность работы проявляется в необходимости комплексного анализа существующих методик, нормативных основ и практических реалий огневой подготовки, а также выявления направлений ее усовершенствования с учетом современных технических и педагогических достижений. В настоящее время в системе профессионального образования органов внутренних дел наблюдается потребность в интеграции инновационных подходов, которые обеспечивают повышение качества обучения и соответствие современным требованиям профессиональной деятельности.

В рамках исследования будут рассмотрены теоретические основы огневой подготовки, включающие исторический контекст и современные концепции, а также правовые и нормативные документы, регламентирующие данный учебный процесс.

Поэтому, работа направлена на системный обзор и критический анализ теоретических и правовых основ огневой подготовки в профессиональном образовании сотрудников органов внутренних дел с целью определения эффективных путей развития данного направления обучения.

Исторические этапы развития огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел России отражают трансформацию подходов к формированию профессиональных навыков владения оружием в условиях меняющихся требований службы. В первые периоды формирования системы внутренних войск и полиции обучение стрельбе основывалось на стандартизированных наставлениях, ориентированных на базовую теоретическую подготовку и практические упражнения с табельным оружием. Эти наставления закладывали принципы безопасности и техники обращения с огнестрельным оружием, что являлось фундаментом формирования доверия и дисциплины среди личного состава.

С развитием профессионального образования в МВД и его институтах в послевоенный период была создана более систематизированная методическая база, включающая комплексные учебно-методические материалы и пособия, сформированные на педагогических принципах и адаптированные к специфике оперативной деятельности. Важным веховым событием стало введение учебников и руководств, активно формировавших теоретическую основу и ориентированных на практическое применение техники стрельбы в нестандартных ситуациях [5].

Согласно архивным приказам и нормативно-правовым актам, начиная с начала 2000-х годов, особое внимание уделялось стандартизации и унификации процедур огневой подготовки. Важнейшим шагом в этой сфере стал приказ МВД России № 880 от 2017 года, установивший единую систему оценивания практических упражнений, регламентировавший организацию занятий и требования к квалификации инструкторского состава. Однако уже в 2018 году этот и ряд других приказов были признаны утратившими силу приказом № 637, что свидетельствует о динамике развития нормативной базы и стремлении к модернизации системы обучения [6,8].

В теоретическом плане огневая подготовка рассматривается как многокомпонентный процесс, включающий формирование умений не только технического владения оружием, но и морально-психологической устойчивости, способствующей принятию адекватных решений в экстремальных условиях. Современные концепции выделяют значимость интеграции физических, когнитивных и эмоциональных компонентов, что требует развития комплексных образовательных подходов, основанных на научных данных педагогики и психологии [5].

Исторический анализ показывает, что огневая подготовка постоянно эволюционировала под воздействием как внутренних педагогических инноваций, так и внешних факторов — изменений в законодательстве, техническом оснащении и уровне угроз. Применение новых технологий, компьютерных тренажёров и средств виртуальной реальности, которые уже начинают внедряться, знаменует переход к качественно новому этапу обучения и подтверждает необходимость системного подхода к совершенствованию методик [3].

На основе рассмотренных исторических и теоретических аспектов очевидна потребность в разработке и внедрении современных подходов к огневой подготовке, способных обеспечить всестороннюю профессиональную готовность сотрудников органов внутренних дел. Такой переход подразумевает не только обновление содержательного и методического наполнения учебных программ, но и адаптацию их к новым

вызовам, возникающим в области безопасности и применения оружия

Правовая регламентация огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации базируется на федеральном законодательстве и ведомственных нормативных актах, которые обеспечивают правовую основу для проведения учебных мероприятий и закрепляют рамки применения огнестрельного оружия в служебной деятельности.

Основополагающим документом в данной сфере является Федеральный закон «О полиции», в статьях 23 и 24 которого чётко определены условия и порядок применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия. Эти положения устанавливают правовые рамки для действий сотрудников, регламентируя случаи, когда использование оружия является законным, и обеспечивают законодательную основу для планирования и проведения огневой подготовки, направленной на обеспечение законопослушного и безопасного использования оружия при выполнении служебных задач [4].

В ведении Министерства внутренних дел находится комплекс нормативных правовых актов, конкретизирующих порядок организации и проведения огневой подготовки. Ключевым из них является приказ МВД России от 23.11.2017 № 880 «Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации». Данный норматив установил структуру учебных занятий, включающую теоретическую подготовку, нормативы и практические упражнения по стрельбе, а также процедуры проведения стрельб и оценивания результатов. Наставление отражает требования к уровню подготовки и действиям инструкторского состава, что обеспечивает системность и стандартизацию образовательного процесса [7].

Кроме того, приказы № 50 (от 01.02.2018) «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» и № 275 (от 05.05.2018) «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в ОВД» дополняют правовую базу, регламентируя условия профессиональной подготовки и порядок прохождения службы. Эти документы обеспечивают методическое взаимодействие между огневой подготовкой и процессами кадрового обеспечения, что позволяет интегрировать учебные мероприятия в систему профессионального роста сотрудников [7].

Однако существующая нормативная база имеет ряд ограничений с практической точки зрения. Например, приказ № 880 не учитывает региональные особенности, что сказывается на реализации программы огневой подготовки в территориальных подразделениях. Кроме того, материальное обеспечение зачастую не соответствует предъявляемым требованиям: не все подразделения располагают необходимыми средствами для полноценного обучения, такими как тиры и огневые полигоны. Это создает препятствия для эффективного усвоения навыков владения оружием и требует внесения изменений в нормативы и организационные меры [8].

Особое внимание уделяется нормативному закреплению должностей инструкторов по огневой подготовке. Несмотря на важность таких специалистов для качественной подготовки, в нормативных актах отсутствует четкое оформление этих позиций, что затрудняет их широкое внедрение и развитие. В МВД обсуждаются пилотные проекты по введению штатных должностей инструкторов в отдельных регионах, что потенциально повысит уровень подготовки и системность обучения [8].

Отмечается также корректировка критериев оценки огневой подготовки: приказом № 880 снижена минимальная точность стрельбы до 50%, а количество контрольных упражнений сокращено. Данные изменения направлены на адаптацию требований к современным условиям службы и реалиям обучения, однако вызывают дискуссии относительно эффективности таких послаблений и их влияния на профессиональные стандарты [2].

В итоге, нормативно-правовые документы формируют правовой каркас огневой подготовки, устанавливая функциональные задачи по формированию у сотрудников органов внутренних дел физической подготовки, а также знаний и умений обращения с огнестрельным оружием. В то же время выявленные недостатки в региональной адаптации, материально-техническом обеспечении и кадровом обеспечении инструкторским составом свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования данной области и внедрения комплексных мероприятий по повышению качества учебного процесса [1].

Наконец, переход от теоретических основ огневой подготовки к конкретным правовым требованиям позволяет сформировать целостное представление о существующей нормативной базе, ее сильных сторонах и проблемах, что послужит основой для анализа и совершенствования образовательных стандартов и практических механизмов обучения в системе органов внутренних дел.

Таким образом, в ходе исследования была всесторонне рассмотрена роль огневой

подготовки как неотъемлемой составляющей профессионального образования сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Анализ исторического развития и теоретических основ позволил установить, что эффективность владения огнестрельным оружием формируется не только через практические занятия, но и посредством устойчивого интегрированного подхода, включающего обучение психологическим аспектам и адаптивной тактике.

Юридико-нормативный анализ выявил существующие законодательные рамки и стандарты, которые направляют организацию огневой подготовки, однако показал и ряд ограничений, связанных с недостаточной региональной адаптацией и материально-техническим обеспечением. Исследование действующих стандартов высветило необходимость унификации и обновления содержания учебных программ с учётом современных требований и инновационных технологий.

Список литературы:

[1] Сайт: cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovye-osnovy-organizatsii... [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovye-osnovy-organizatsii-ognevoy-podgotovki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del/viewer, свободный. - Загл. с экрана .

[2] Абидов Р. Р. Правовые основы организации огневой подготовки сотрудников полиции // Журнал прикладных исследований. 2021. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-organizatsii-ognevoy-podgotovki-sotrudnikov-politsii (23.03.2026).

[3] Карданов А.К. Актуальные проблемы огневой и физической подготовки сотрудников полиции // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №74-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-ognevoy-i-fizicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-politsii (30.01.2025).

[4] Козлова Е.А. , Тутова А.С. Нормативно-правовые основы организации огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел // Вестник науки. 2024. №12 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovye-osnovy-organizatsii-ognevoy-podgotovki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del (23.02.2025).

[5] Корягин С. В., Выштикалюк В. Ф. О содержании и развитии огневой подготовки сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. №3 (66). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-i-razvitii-ognevoy-podgotovki-sotrudnikov-politsii (21.01.2025).

[6] Федин В.А., Сорокоусов А.В. Анализ факторов, влияющих на эффективность обучения огневой подготовке // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. №1 (12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-vliyayuschih-na-effektivnost-obucheniya-ognevoy-podgotovke (14.01.2025).

[7] Шишалов А.О., Старосельцева М.М. Правовые основы организации огневой и физической подготовки сотрудников территориальных органов МВД России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-organizatsii-ognevoy-i-fizicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-territorialnyh-organov-mvd-rossii (09.12.2024).

[8] Черменев Д.А., Толстихин А.Н. Анализ состояния огневой подготовки в органах внутренних дел Российской федерации // Научный компонент. 2019. №4 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sostoyaniya-ognevoy-podgotovki-v-organah-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii (27.12.2024).

References:

[1] Сайт: cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovye-osnovy-organizatsii... [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovye-osnovy-organizatsii-ognevoy-podgotovki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del/viewer, свободный. - Zagl. from the screen.

[2] Abidov R. R. Legal foundations of the organization of fire training of police officers// Journal of Applied Research. 2021. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-organizatsii-ognevoy-podgotovki-sotrudnikov-politsii (23.03.2026).

[3] Kardanov A.K. Actual problems of fire and physical training of police officers//Problems of modern pedagogical education. 2022. №74-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-ognevoy-i-fizicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-politsii (30.01.2025).

[4] Kozlova E.A., Tutova A.S. Regulatory and legal basis for the organization of fire training of employees of internal affairs bodies//Bulletin of Science. 2024. №12 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovye-osnovy-organizatsii-ognevoy-podgotovki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del (23.02.2025).

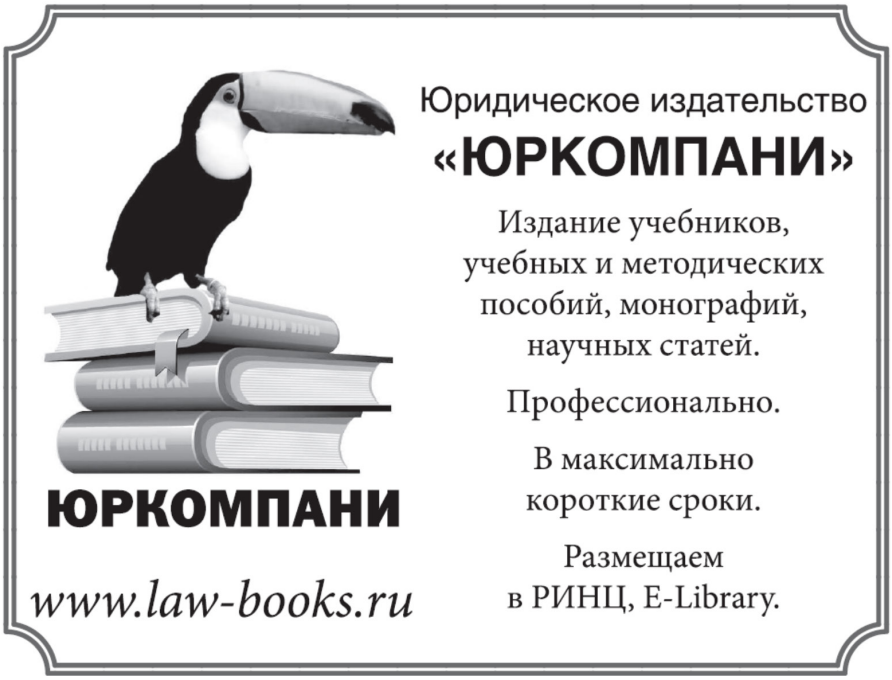
[5] Koryagin S.V., Vyshtikalyuk V.F. On the content and development of fire training of police officers//Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2016. №3 (66). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-i-razvitii-ognevoy-podgotovki-sotrudnikov-politsii (21.01.2025).

[6] Fedin V.A., Sorokousov A.V. Analysis of

factors affecting the effectiveness of fire training// Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. №1 (12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-vliyayuschih-na-effektivnost-obucheniya-ognevoy-podgotovke (14.01.2025).

[7] Shishalov A.O., Staroseltseva M.M. Legal foundations of the organization of fire and physical training of employees of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Problems of law enforcement. 2020. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-organizatsii-ognevoy-i-fizicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-territorialnyh-organov-mvd-rossii (09.12.2024).

[8] Chermenev D.A., Tolstikhin A.N. Analysis of the state of fire training in the internal affairs bodies of the Russian Federation//Scientific component. 2019. №4 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sostoyaniya-ognevoy-podgotovki-v-organah-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii (27.12.2024).



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-351-356

КАРПОВА Александра Владимировна,

преподаватель кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, канд. полит. наук,

e-mail: av_karpova@list.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы и перспективы формирования готовности сотрудников органов внутренних дел к взаимодействию со средствами массовой информации в системе профессиональной подготовки. Актуальность исследования обусловлена возрастанием роли информационно-пропагандистской работы в деятельности ОВД, необходимостью противодействия распространению недостоверной информации и формирования позитивного имиджа правоохранительных органов. На основе анализа нормативных правовых актов и научной литературы раскрывается структура готовности сотрудников к взаимодействию со СМИ, включающая когнитивный, коммуникативно-поведенческий, ценностно-мотивационный и эмоционально-волевой компоненты. Систематизируются основные направления совершенствования профессиональной подготовки в данной сфере: уточнение содержания понятий информации и пропаганды в цифровую эпоху; выявление социально-психологических условий эффективности пропаганды; исследование психологических условий восприятия пропагандистских материалов; овладение формами и методами информационно-пропагандистской работы; педагогическое сопровождение контрпропаганды и борьбы с фейками. Представлены результаты апробации программы повышения квалификации, демонстрирующие значительное повышение уровня компетенций слушателей. Обосновывается вывод о необходимости целенаправленной и системной подготовки сотрудников ОВД к взаимодействию со СМИ в рамках курсов повышения квалификации и дополнительного профессионального образования.*

Ключевые слова: *готовность к взаимодействию со СМИ; информационно-пропагандистская работа; профессиональная подготовка; сотрудники органов внутренних дел; повышение квалификации; коммуникативная компетентность.*

KARPOVA Alexandra Vladimirovna,

Lecturer in the departments of special disciplines of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences

DEVELOPING THE READINESS OF LAW ENFORCEMENT OFFICIALS TO INTERACT WITH THE MEDIA DURING PROFESSIONAL TRAINING

Annotation. *The article examines the problems and prospects of developing the readiness of law enforcement officers to interact with the media within the professional training system. The relevance of the study is determined by the increasing role of information and propaganda work in the activities of internal affairs bodies, the need to counter the dissemination of false information and the formation of a positive image of law enforcement agencies. Based on the analysis of regulatory legal acts and scientific literature, the structure of employee readiness to interact with the media is revealed, including cognitive, communicative-behavioral, value-motivational and emotional-volitional components. The main areas of improving professional training in this area are systematized: clarification of the content of the concepts of information and propaganda in the digital age; identification of the socio-psychological conditions for the effectiveness of propaganda; study of the psychological conditions of perception of propaganda materials; mastery of the forms and methods of information and propaganda work; pedagogical support of counter-propaganda and the fight against fakes. The results of the advanced training program testing are presented, demonstrating a significant increase in the level of competencies of trainees. The conclusion is*

substantiated on the need for targeted and systematic training of police officers for interaction with the media within the framework of advanced training courses and additional professional education.

Key words: *readiness for interaction with the media; information and propaganda work; professional training; law enforcement officers; advanced training; communicative competence.*

В современных условиях информационное противоборство приобретает особую значимость для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Правоохранительные органы — и прежде всего система МВД — находятся на передовой этой борьбы. Они одновременно выступают и мишенью для информационных атак, и главной силой, ведущей контрпропаганду и разъяснительную работу. Как отмечается в научной литературе, «в условиях роста деструктивного влияния социальных сетей и распространения фейковых новостей традиционные методы пропаганды нуждаются в переосмыслении и адаптации к реалиям цифровой экономики» [1, с. 232]. Ситуация усугубляется внешнеполитическими осложнениями и целенаправленным информационным давлением на российские правоохранительные органы. Здесь взаимодействие со средствами массовой информации уже не может оставаться вспомогательным инструментом. Оно становится одним из магистральных направлений деятельности, от которого зависит не только информационная безопасность, но и сохранение общественного доверия к полиции.

Практика работы подразделений, отвечающих за связи с общественностью и СМИ, свидетельствует: заметная доля сотрудников сталкивается с устойчивыми трудностями. Речь идет как о непосредственном контакте с журналистами, так и о составлении информационных материалов и выступлениях перед аудиторией. По признанию руководства МВД России, «сегодня многие сотрудники действительно не умеют общаться со СМИ и не умеют правильно излагать свои мысли. Им трудно сосредоточиться и логически выстроить слова в окружении телекамер и микрофонов» [2]. Это делает проблему профессиональной подготовки в сфере медиакоммуникаций особенно острой.

Подготовка сотрудников к взаимодействию со СМИ сегодня не может ограничиваться информированием о правовых нормах и обучением технике подготовки материалов. Ключевой элемент — развитие личностных качеств, которые позволяют человеку не теряться перед камерами и грамотно выстраивать диалог даже в стрессовой ситуации. Это ставит перед системой профессионального обучения новую задачу: пересмотреть сложившиеся подходы и разработать программы, отвечающие реальным вызовам информационной сферы. Готовность сотрудника органов внутренних дел к взаимодействию со средствами массовой информации представляет собой интегративное профессионально-личностное качество, включающее систему взаимосвязанных компонентов. Анализ теоретических источников и практики деятельности подразделений по связям со СМИ позволяет выделить четыре ключевых компонента.

1. Когнитивный компонент: что именно должен знать сотрудник.

Знания, входящие в этот компонент, тоже в свою очередь делятся на несколько групп. Каждая из них необходима для того, чтобы сотрудник мог осмысленно и профессионально выстраивать отношения с медиа.

Первая группа — правовые основы. Речь идет не просто об общих принципах, а о конкретных нормах. Сотрудник должен знать, что разрешено журналисту, что запрещено, где проходят границы между свободой слова и ответственностью за распространение ложной информации. Важно понимать порядок взаимодействия с редакциями: как направить официальный ответ, как опровергнуть недостоверные сведения, как действовать, если журналист нарушает закон во время съемки или интервью. Без этого любой разговор с прессой превращается в зону правового риска.

Вторая группа — профессиональная журналистская среда. Не зная, как работают разные типы СМИ, невозможно выстроить эффективную коммуникацию. Одно дело — информационное агентство, которому нужна скорость и фактура. Другое — телеканал, где важна картинка и эмоция. Третье — печатное издание, которое может позволить себе аналитику и детали. Четвертое — интернет-СМИ и блогеры, живущие по своим, часто сетевым законам. Сотрудник, понимающий эту специфику, не будет предлагать телевизионщикам многостраничный отчет, а газетчикам — короткий, ни о чем не говорящий спич.

Третья группа — технологическая. Умение подготовить пресс-релиз — это особый жанр, которому надо учить. Не каждый оперативник или следователь может написать короткую, ёмкую заметку о раскрытом преступлении так, чтобы она заинтересовала редакцию. То же касается информационных сообщений для соцсетей, комментариев для оперативных лент, постов для официальных аккаунтов. Здесь важен

не только смысл, но и форма, объем, стиль, даже заголовок.

Четвертая группа — защита от недостоверной информации. Это одна из самых острых тем сегодня. Сотрудник должен знать основные типы фейков и способы их доказывания. Понимать, как работает анонимный источник, как отличить реальный факт от интерпретации, как не подхватить и не разогнать ложную новость. Важно знать алгоритм официального опровержения и понимать, когда это необходимо делать, а когда не стоит — чтобы не привлекать лишнего внимания к заведомо пустому сообщению.

Пятая группа — информационно-психологическое противодействие. Здесь речь идет уже о более высоком уровне. Знание методов манипуляции, приемов скрытого воздействия, способов выявления дезинформации, технологий отстройки от чужой повестки. Сотрудник, работающий в публичном поле, должен не только сам не поддаваться манипуляциям, но и помогать аудитории их распознавать. Это предполагает понимание психологии масс, механизмов формирования общественного мнения, приемов создания информационных кампаний.

Все перечисленные группы знаний когнитивного компонента не существуют отдельно. Они образуют единую систему, без которой любые попытки выстроить отношения с прессой будут либо неэффективными, либо опасными для самого сотрудника и ведомства в целом.

2. Коммуникативно-поведенческий компонент: от знания к действию.

Знания, какими бы глубокими они ни были, остаются мертвым грузом, если человек не умеет применять их на практике. Коммуникативно-поведенческий компонент как раз и отвечает за переход от «знаю, как надо» к «могу сделать». Коммуникативно-поведенческий компонент включает несколько ключевых умений.

Первое — конструктивный диалог с журналистом. Это не просто умение говорить, а способность вести разговор так, чтобы он был продуктивным для обеих сторон. Журналисту нужна информация — сотрудник полиции должен ее дать, но так, чтобы не нарушить закон, не раскрыть служебную тайну, не поставить под удар коллег и не испортить репутацию ведомства. Это требует:

понимания, какие вопросы можно и нужно комментировать, а от каких лучше вежливо уклониться;

навыка удерживать свою линию в диалоге, не поддаваясь на провокации и уловки интервьюера;

способности объяснить сложные вещи простым языком, не уходя в бюрократическую лексику;

умения завершить разговор, если он заходит в тупик, не испортив отношения.

Конструктивный диалог с журналистом — это не дружеская беседа, а деловое взаимодействие с четкими правилами, которых должны придерживаться обе стороны.

Второе — подготовка и распространение информационных материалов. Это самостоятельная область, требующая отдельного набора навыков. Сотрудник должен уметь написать пресс-релиз так, чтобы редакция его не выбросила в корзину. Подготовить пост для соцсетей — коротко, ёмко, без канцеляризмов, но с соблюдением субординации и официального тона. Составить комментарий для оперативной ленты — быстро, по факту, без лишних деталей.

Важно не только подготовить материал, но и правильно его распространить. Кому отправить пресс-релиз — всем подряд или выборочно? В какое время суток лучше публиковать пост в ведомственном аккаунте? Как реагировать на негативные комментарии под официальной публикацией? Все это требует навыков, которые не формируются сами собой.

Третье — публичные выступления, особенно в условиях видеосъёмки. Это, пожалуй, самый сложный элемент компонента, потому что здесь добавляется фактор стресса и публичности. Перед камерой многие люди теряются, даже если отлично знают тему. Коммуникативно-поведенческий компонент предполагает:

навык держаться перед камерой спокойно и уверенно, не отводить глаза, не суетиться;

умение говорить четко, внятно, спокойно, неторопливо;

способность уложить мысль в короткий временной отрезок, потому что в новостях редко дают больше минуты;

понимание, как работает монтаж, представление, что в записи важны не только слова, но и внешний вид, и интонация.

Видеосъёмка — это всегда дополнительное давление, и сотрудник должен быть к нему готов. Он не может сказать: «выключите камеру, мне так неудобно». Он обязан научиться работать в этих условиях.

Четвертое — эффективное использование официальных аккаунтов в соцсетях. Это уже не новость, а повседневная реальность. Ведомства ведут страницы во «ВКонтакте», в «Одноклассниках», в «МАХ». Сотрудник, отвечающий за эти аккаунты, должен:

понимать специфику каждой платформы (в «МАХ» — одни форматы, во «ВКонтакте» — другие);

уметь адаптировать один и тот же материал под разные площадки без потери

смысла;

знать, как оформлять посты, какие картинки выбирать, как привлекать внимание;

понимать, когда нужно выложить официальное сообщение, когда — репост, когда — экстренное уведомление.

Запустить аккаунт мало. Нужно его вести, наполнять, мониторить реакцию, отвечать на комментарии. Все это — отдельные компетенции, которые не входят в традиционную подготовку полицейского.

Пятое — оперативное реагирование на распространение недостоверной информации. Фейки сегодня появляются в информационном пространстве со скоростью звука. Задача сотрудника — не пропустить момент. Он должен:

быстро определить, что сообщение ложное;

понять, требует ли оно официального опровержения;

подготовить опровержение максимально оперативно, не дожидаясь, пока фейк разлетится по всем каналам;

выбрать правильный канал для опровержения (в канале ведомства лучше, чем в бумажной газете).

Здесь скорость и точность решают все. Запоздалое опровержение не работает, а неподготовленное — еще хуже. Оно или не убеждает, или, того хуже, привлекает излишнее внимание к малозначительному фейку.

Все перечисленные умения — не врожденные. Они формируются только через практику, через многократное повторение, через разбор ошибок, через тренинги и реальные выходы в публичное поле. Как отмечается в учебном пособии С.В. Новик, «большое внимание следует уделять различным направлениям связей с общественностью, особенностям коммуникаций в цифровой среде, современным кейсам и инструментам в сфере PR» [3, с. 45]. Без целенаправленной подготовки сотрудник, даже имеющий хорошие теоретические знания, в реальной ситуации растеряется, наговорит лишнего или, наоборот, промолчит там, где надо было ответить.

3. Ценностно-мотивационный компонент: внутренние движущие силы.

Знания и умения, какими бы прочными они ни были, не заработают в полную силу, если у человека нет внутренней готовности их применять. Ценностно-мотивационный компонент как раз и отвечает за эту внутреннюю сторону. Он включает три ключевых элемента.

Первый — понимание важности открытости и публичности как принципов деятельности полиции. Это не просто знание того, что написано в законе, а личное, выстраданное убеждение. Сотрудник должен для себя решить: открытость — это не слабость и не уступка, а профессиональная необходимость. Принципы, закрепленные в статье 8 Федерального закона «О полиции», работают только тогда, когда они перестают быть абстрактными лозунгами и становятся руководством к действию. Если сотрудник считает, что «без скандалов в газетах лучше», что «чем меньше люди знают, тем спокойнее спят», — никакие тренинги и лекции не помогут. Сначала должно прийти понимание: публичность — это инструмент защиты, а не враг.

Второй — осознание значимости позитивного имиджа ведомства для общественного доверия. Здесь важно уйти от абстрактных рассуждений к конкретике. Доверие граждан измеримо: оно влияет на готовность людей сотрудничать, сообщать о преступлениях, помогать следствию, давать показания. Имидж полиции — это не пиарщики придумали, а складывается из тысяч мелких контактов граждан с конкретными сотрудниками. У каждого из этих контактов есть информационное отражение. Если человек ушел от разговора с полицейским оскорбленным, он расскажет об этом соседям, напишет пост в соцсетях, позвонит на радио. Имидж ведомства рушится не от громких скандалов, а от вот таких ежедневных мелочей. Понимание этой связи — ключевой элемент ценностной основы.

Третий — мотивация к постоянному совершенствованию коммуникативных навыков. Коммуникация не бывает «освоена раз и навсегда». Меняются журналисты, меняются медиа, меняется аудитория. То, что работало пять лет назад, сегодня может не сработать. Сотрудник должен сам хотеть учиться новому: осваивать незнакомые соцсети, пробовать новые форматы подачи информации, анализировать свои ошибки, учиться на чужом опыте. Если этого желания нет, любые курсы повышения квалификации будут формальностью. Мотивация здесь — критически важный элемент, без которого все остальные компоненты теряют силу.

4. Эмоционально-волевой компонент: управление собой в сложной ситуации.

Даже зная, как надо, и желая это делать, человек может сорваться в стрессовой ситуации. Эмоционально-волевой компонент — это то, что позволяет сохранить контроль над собой, когда все идет не по плану. Он включает два основных элемента.

Первый — психологическая устойчивость при взаимодействии с представителями СМИ, особенно в конфликтных ситуациях. Журналист может задавать неудобные вопросы, провоцировать, перебивать, выводить из себя. Он может быть откровенно враждебным, искажать

факты, передергивать. В такой ситуации сотрудник должен сохранять спокойствие. Не потому, что он не чувствует раздражения (чувствует, и еще как), а потому что он умеет с ним справляться. Устойчивость здесь — это не равнодушие, а способность отделить профессиональный разговор от личной обиды. Журналист нападает не на тебя, а на твою должность. Не принимай на свой счет. Это требует тренировки, самоанализа, умения «выключать» эмоции в нужный момент.

Второй — способность к саморегуляции при публичных выступлениях и интервью. Публичность — это всегда стресс. Даже опытные люди волнуются перед камерой. Саморегуляция — это умение управлять своим состоянием: успокоить дыхание, снять мышечное напряжение, вернуть ясность мысли. Конкретные техники могут быть разными — дыхательные упражнения, аутогенная тренировка, мысленный настрой. Важно, чтобы сотрудник владел хотя бы несколькими из них и мог применить в нужный момент, незаметно для окружающих.

Кроме того, саморегуляция включает умение вовремя остановиться. В пылу интервью, когда тебя задели, хочется ответить резко, сказать лишнее, сорваться. Человек, владеющий саморегуляцией, вовремя чувствует этот момент и тормозит себя. Он может сказать: «Давайте вернемся к этому вопросу позже», или просто взять паузу, сделать глоток воды. Это выглядит профессионально и позволяет не наломать дров.

Эмоционально-волевой компонент — самый трудно формируемый из всех. Знания можно передать на лекции, умения отработать на тренинге, ценности проговорить в беседе. А вот устойчивость и саморегуляция требуют многократной тренировки в условиях, приближенных к реальным. Невозможно научиться держать удар, читая учебник. Нужна практика, нужны острые ситуации, нужно, чтобы кто-то со стороны сказал: «А сейчас ты сорвался, давай разберем, почему». Без этого эмоционально-волевой компонент останется слабым местом, какими бы сильными ни были остальные.

Эмпирические исследования показывают, что до начала целенаправленной подготовки уровень сформированности данных компетенций у сотрудников ОВД, как правило, является недостаточным. Как отмечается в публикациях по результатам апробации программ повышения квалификации, «особенно значительный прогресс был достигнут в области идентификации фейковой информации (с 39 до 97 % правильных ответов) и ведения контрпропагандистской работы (с 47 до 96 %)» [4, с. 231]. В научной литературе обосновывается необходимость использования комплекса методологических подходов при организации подготовки сотрудников к информационно-пропагандистской работе [5, с. 238–239]. В основе профессиональной подготовки к работе с медиа лежат три взаимодополняющих подхода.

Первый — личностно-развивающий. Он переносит центр тяжести с простой передачи информации на формирование личности сотрудника. Важны не только знания, но и его ценности, мотивы, умение анализировать собственные действия.

Второй — субъектно-деятельностный. Он требует, чтобы обучающийся не оставался в роли пассивного слушателя. Имитационные диалоги с журналистами, подготовка реальных текстов, разбор конкретных случаев, учебные пресс-конференции — все это делает обучение активным. Навык закрепляется только через действие, а не через созерцание.

Третий — герменевтический. Он дает ключ к пониманию того, что скрывается за словами журналистов и ожиданиями аудитории. Позволяет видеть манипуляцию и противостоять ей.

Каждый из подходов важен сам по себе, но только их интеграция дает тот результат, который нужен ведомству: сотрудник, обладающий знаниями, умениями и личностной готовностью работать в публичном поле.

Подготовка к работе с медиа строится на сочетании теории и практики. Теоретическая часть — это лекции и семинары, где изучают правовые нормы, регулирующие деятельность журналистов, основы журналистики и медиариторики, технологию подготовки информационных материалов, методы отражения манипуляций.

Практическая часть опирается на активные методы. Моделирование ситуаций помогает отработать поведение в диалоге с журналистом, особенно в тех случаях, когда обстановка накалена и требует быстрой реакции. Кейс-метод — разбор реальных случаев из практики взаимодействия органов внутренних дел с редакциями — развивает аналитическое мышление и умение находить верное решение. Тренинги, особенно с участием действующих журналистов, позволяют в безопасной обстановке отточить коммуникативные навыки. Занятия с приглашенными специалистами — сотрудниками пресс-служб, пиарщиками, медиаэкспертами — дают актуальную информацию из первых рук.

Только комплексное использование всех этих форм дает целостный результат: сотрудник, готовый к реальному, а не учебному контакту с прессой.

Проведенный теоретический анализ и данные эмпирического исследования

позволяют сформулировать следующие выводы. Подготовка сотрудников органов внутренних дел к взаимодействию со средствами массовой информации должна рассматриваться как одна из приоритетных задач системы профессионального образования. От того, насколько сотрудник умеет выстраивать диалог с журналистом, грамотно подать информацию и противостоять попыткам манипуляции, напрямую зависит общественное восприятие деятельности всего ведомства.

Готовность к такой работе не сводится к простой сумме знаний. Она включает в себя четыре взаимосвязанных компонента: когнитивный (знание законов и технологий), коммуникативно-поведенческий (практические умения), ценностно-мотивационный (понимание смысла и важности этой работы) и эмоционально-волевой (способность сохранять самообладание в стрессовых ситуациях). Только соединение всех четырех составляющих дает полноценный результат.

Эффективное обучение невозможно без соединения трех методологических подходов. Личностно-развивающий отвечает за внутренние установки, субъектно-деятельностный — за практическое освоение навыков через действие, герменевтический — за умение понимать неявные смыслы и распознавать манипуляции. Порознь они не работают, вместе — создают целостную систему.

Ключевые направления совершенствования такой подготовки лежат в нескольких плоскостях. Это переосмысление понятий информации и пропаганды в условиях цифровой среды. Это изучение того, как и почему одни сообщения убеждают аудиторию, а другие нет. Это освоение конкретных форм и методов информационной работы — от подготовки пресс-релиза до ведения официального канала в мессенджерах. И, наконец, это выработка навыков выявления фейков и грамотного опровержения ложных сведений. Апробация разработанных программ показывает, что целенаправленное обучение дает измеримый результат. Число сотрудников, способных уверенно работать с информацией и противостоять дезинформации, возрастает в разы. Это подтверждает: проблема не в неспособности людей, а в отсутствии системной подготовки.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на создание надежных инструментов оценки готовности сотрудников, адаптацию образовательных программ к специфике российского медиаполя, изучение долгосрочных эффектов обучения, а также поиск эффективных дистанционных форматов для подготовки сотрудников, несущих службу в удаленных регионах.

Список литературы:

[1] Информационно-пропагандистская работа в органах внутренних дел: направления и методы совершенствования // epinb.ru. – 2025. – С. 230–241.

[2] Для офицеров российской полиции ввели новую дисциплину — общение с прессой // ПЛН. – 2010. – URL: https://pln-pskov.ru/allworld/91177.html (дата обращения: 10.05.2026)

[3] Новик С.В. Технологии эффективных коммуникаций сотрудников органов внутренних дел с общественностью: учебное пособие. – М.: УрЮИ МВД России, 2022. – 109 с.

[4] Кравцун И.А. Содержание и технология подготовки пропагандистов для органов внутренних дел // Вектор науки педагогики и психологии. – 2025. – № 3. – С. 25–37.

[5] Методологические основания подготовки сотрудников, осуществляющих информационно-пропагандистскую работу в подразделениях органов внутренних дел // Российский девиантологический журнал. – 2025. – С. 230–241.

References:

[1] Advocacy in the internal affairs bodies: directions and methods for improvement// epinb.ru. – 2025. - S. 230-241.

[2] A new discipline has been introduced for Russian police officers - communication with the press//PLN. – 2010. - URL: https://pln-pskov.ru/allworld/91177.html (accessed on: 10.05.2026)

[3] Novik S.V. Technologies of effective communications of employees of internal affairs bodies with the public: a textbook. - M.: UrYuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. - 109 s.

[4] Kravtsun I.A. Content and technology of training propagandists for internal affairs bodies// Vector of science of pedagogy and psychology. – 2025. – № 3. - S. 25-37.

[5] Methodological grounds for training employees carrying out outreach work in subdivisions of internal affairs bodies//Russian Deviantological Journal. – 2025. - S. 230-241.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-357-361

ВИТУШКИН Александр Викторович,

кандидат технических наук, доцент кафедры физической и огневой подготовки ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России,

e-mail: mail@law-books.ru

НОВИКОВ Вячеслав Александрович,

старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта факультета психологии и пробации, доцент Академии ФСИН России (г. Рязань),

e-mail: mail@law-books.ru

ТИХОВ Владислав Валерьевич,

начальник кафедры физической, физической, огневой и тактико-специальной подготовки, доцент Самарского юридического института ФСИН России,

e-mail: mail@law-books.ru

КОМИССАР Илья Николаевич,

старший преподаватель кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки инженерно-технического факультета Университета ФСИН России,

e-mail: mail@law-books.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ, ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СТРЕЛЬБЫ ИЗ БОЕВОГО ОРУЖИЯ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются современные технические средства контроля результатов стрельбы и анализа ошибок стрелка, играющие ключевую роль в повышении эффективности огневой подготовки, так как традиционные способы оценки (визуальный контроль, подсчёт очков) не позволяют в полной мере выявить причины промахов и системные ошибки в технике стрельбы.*

Ключевые слова: *стрельба, технические средства, траектория, тренировка.*

VITUSHKIN Aleksandr Viktorovich,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Physical and Firearms Training, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

NOVIKOV Vyacheslav Aleksandrovich,

Senior Lecturer, Department of Physical Training and Sports, Faculty of Psychology and Probation, Associate Professor, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan)

TIKHOV Vladislav Valerievich,

Head of the Department of Physical, Physical, Firearms, and Tactical-Special Training, Associate Professor, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

KOMISSAR Ilya Nikolaevich,

Senior Lecturer, Department of Physical, Firearms, and Tactical-Special Training, Engineering and Technical Faculty, University of the Federal Penitentiary Service of Russia

USING MODERN TECHNOLOGICAL SOLUTIONS AND TEACHING METHODS TO IMPROVE

PERFORMANCE IN SHOOTING WITH COMBAT WEAPONS WHEN ORGANIZING THE EDUCATIONAL PROCESS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *This article examines modern technical means for monitoring shooting results and analyzing shooter errors. These tools play a key role in improving the effectiveness of firearms training, as traditional assessment methods (visual inspection, scoring) do not fully identify the causes of misses and systematic errors in shooting technique.*

Key words: *shooting, technical means, trajectory, training.*

Современные достижения в области технологического процесса обучения и науки оказывают значительное влияние на различные сферы профессиональной деятельности человека. Одной из таких служебно-профессиональных областей является стрельба, где точность и эффективность являются ключевыми факторами не только успеха, но и гарантией личной безопасности. В современном мире наблюдается активное внедрение технических достижений, которые позволяют контролировать результаты стрельбы и проводить широкий анализ ошибок стрелка. Это становится особенно актуальным в условиях проведения первенств и турниров по служебно-прикладным видам спорта, где даже малейшие нюансы могут оказать решающее влияние на итоговый результат.

Технические средства [1, с. 7] контроля результатов стрельбы включают в себя широкий спектр устройств и программного обеспечения, таких как электронные мишени, системы отслеживания траектории пули и специализированные программные решения для анализа данных. Эти технологии предоставляют стрелкам возможность получать точную и объективную информацию о своих действиях, что, в свою очередь, способствует более глубокому пониманию собственных ошибок и недостатков в образовательной деятельности, так и при организации тренировочного процесса. Важно отметить, что подготовка стрелка требует не только определенных физических качеств, наработки моторных навыков и умений обращения с огнестрельным оружием, но и сочетает в комплексе способность анализировать свои результаты и действия при производстве выстрела, что делает использование современных технологий неотъемлемой частью тренировочного процесса.

Современные технологии контроля результатов стрельбы значительно изменили подход к образовательному процессу и организации тренировок. Например, использование учебных комплексов и интерактивных тренажеров в виде различных модификаций «электронного тира», а именно стрельба по электронным мишеням из специализированного учебного оружия, представляет собой одно из современных решений, обеспечивающих отработку высокого уровня точности выстрела. Данное оборудование позволяет фиксировать каждое попадание и предоставляет мгновенные данные о результатах стрельбы. Такие системы помогают обучающимся анализировать свои результаты, в том числе производить анализ допущенных ошибок, получая возможность корректировать технику воспроизводства выстрела по разделениям, используя различные элементы и приемы и проводить анализ эффективности их применения.

Так же стоит отметить, что современный тренажер для стрелковой подготовки, сочетает в себе безопасные технологии и передовые методики обучения. В основе его работы лежат лазерные и компьютерные технологии, благодаря которым занятия проходят без использования боевого оружия и боеприпасов, что обеспечивает безопасное обучение с минимальными затратами на расходные материалы.

В состав данных комплексов как правило входят макеты оружия в различном исполнении. Это могут быть как макеты автомата Калашникова и пистолета Макарова, предназначенные только для стрельбы, так и массогабаритные макеты того же оружия с установленными на них лазерными насадками. Исполненный в таком варианте макет оружия позволяет не только осваивать науку меткого выстрела, но и изучать материальную часть оружия.

Системы [2, с. 57] отслеживания координат и траектории полета пули также безусловно важны в процессе обобщения и контроля результатов. Они исполнены в виде комбинации датчиков и камер для точного измерения скорости и направления движения пули. Такая информация помогает стрелкам лучше понять, какие внешние факторы и в какой степени влияют на воспроизводство выстрела. Эффективность этих систем заключается в их способности производить сбор данных, которые в дальнейшем могут храниться и использоваться для индивидуальной подготовки стрелка.

Преимущества этих технологий очевидны: они позволяют детализировано отслеживать прогресс стрелка, что способствует более глубокому пониманию своих сильных и слабых

сторон. Однако, несмотря на их очевидные плюсы, необходимо учитывать и недостатки. Например, высокотехнологичные решения могут быть дороже традиционных методов. Также необходимо определенное время для освоения правильного использования и эксплуатации сложного оборудования и комплектующих его устройств.

Для большей эффективности сбора информации с помощью технических средств есть метод анализа, а именно построение графиков, демонстрирующих корреляцию между различными параметрами стрельбы. К примеру, обобщение данных о времени реакции стрелка, его дыхательных циклах и положениях в различных изготовках на графике позволяет наглядно увидеть взаимосвязи.

Анализ данных и их применение в тренировочном процессе играют важную роль в совершенствовании стрелковых навыков. Современные технические средства контроля результатов стрельбы представляют разнообразные методы, которые можно использовать для объективной оценки личных успехов и выявления ошибок при стрельбе. Каждый выстрел, зафиксированный устройствами, может быть подвергнут детальному анализу, что позволяет стрелкам понять, какой фактор воспроизводства прицельного выстрела повлиял на результат.

Одним из самых информативных методов анализа является построение графиков, демонстрирующих корреляцию между различными переменными в стрельбе. К примеру, соединение данных о времени реакции стрелка, его дыхательных циклах, обработки спускового крючка, использовании прицельного приспособления при прицеливании на графике позволяет наглядно увидеть взаимосвязи. Такие графики дают возможность выявлять закономерности и изменения в поведении стрелка на различных этапах стрелковой тренировки, а также в зависимости от условий выполнения упражнений стрельб. Пошаговый подход к интерпретации этих данных облегчает коррекцию ошибок.

Статистические данные являются не менее полезными. Сравнительный анализ результатов тренировок может выявить достижения и изменения во времени, интенсивности и точности стрельбы, что, в свою очередь, открывает возможности для дальнейшего улучшения методики обучения. Систематическое ведение статистики укореняет привычку к самоконтролю и повышает ответственность стрелка за свои результаты.

Реальный опыт [3, с. 80] стрелков демонстрирует, что такие данные позволяют оперативно корректировать методику тренировок. Например, стрелок, опирающийся на данные о том, что его точность снижается при выполнении стрельбы во время стресса, может внести коррективы в свои тренировки, сосредоточившись на совершенствовании контроля нервной системы и методов психологической устойчивости. Важно, что данные становятся основой для целенаправленных действий, вне зависимости от уровня мастерства стрелка.

Рассмотрим несколько конкретных примеров успешного применения технологий контроля результатов стрельбы, которые продемонстрировали значительные достижения отдельных спортсменов.

Одним из таких примеров является опыт знаменитого стрелка из Канады, который использовал систему видеонаблюдения и автоматизированного анализа своих тренировок. В результате внедрения этой технологии ему удалось выявить неточности в технике выполнения выстрелов, которые сначала не бросались в глаза. Использование программного обеспечения для анализа траектории пули позволило ему существенно улучшить свою точность, что впоследствии отразилось на его результатах на международных соревнованиях. Его успех стал возможен благодаря детальному изучению данных о каждом выстреле, включая влияние погодных условий и состояния оружия.

Создание программ тренировок, основанных на анализе ошибок, становится важным элементом совершенствования навыков. На основе собранной информации можно выделить частые негативные тенденции, такие как неправильный хват оружия, ошибки допускаемые при выборе изготовки для стрельбы или недостаточная реакция при воспроизводстве выстрела. Было доказано, что фокусировка на конкретных аспектах в конкретный период тренировки приводит к более высоким результатам. Это позволяет стрелку не просто совершенствовать свое мастерство, но и работать над устранением системных ошибок.

Стрельба требует не только технического мастерства, но и психологической подготовки. Эмоциональное состояние стрелка непосредственно влияет на его уверенность, концентрацию и способность справляться со стрессом. Стрелок должен уметь контролировать свои эмоции, что позволяет минимизировать возникновения ошибок при стрельбе. Спокойствие и сосредоточенность позволяют лучше воспринимать внешние факторы, что, в свою очередь, способствует более точному воспроизводству выстрела.

Уверенность в себе формируется не

только через успешные результаты, но и через опыт работы с ошибками. Каждая возникающая ошибка при воспроизводстве выстрела должна восприниматься как возможность для персонального обучения. Стрелок, анализируя свои ошибки, развивает навыки саморефлексии, что в дальнейшем способствует улучшению его стрелковых качеств. Важно обеспечить себе адекватную обратную связь, анализируя результаты и принимая во внимание факторы, влияющие на выполнение задачи. Как правило, успешные стрелки умеют извлекать уроки из неудач, что позволяет им избежать повторения тех же ошибок в будущем.

Проблема восприятия собственных недостатков является ключевой для успешного формирования психологической стойкости. Отношение к ошибкам и неудачам может варьироваться в зависимости от личных установок стрелка. Способность воспринимать ошибки как нормальную часть процесса обучения, а не как признаки неудачи, способствует повышению самооценки и улучшению результатов. Психологическая подготовка включает в себя тренировки по управлению эмоциями и стрессом, что может стать важным этапом на пути к достижению высоких результатов.

Техники визуализации также играют немаловажную роль в подготовке [4, с. 144] стрелка. Мысленное повторение процесса стрельбы и успешных выстрелов помогает укрепить уверенность, а также снизить уровень тревожности, например перед соревнованиями.

Также важным аспектом является создание комфортной психоэмоциональной среды при проведении тренировок. Эмоциональная поддержка со стороны преподавателя способствует снижению уровня тревожности и формированию уверенности. Открытое общение с преподавателем о переживаниях, трудностях, а также успехах может оказать положительное влияние на психологическое состояние стрелка.

Для повышения психологической устойчивости полезно использовать методы медитации и релаксации. Они помогают стрелку научиться справляться с волнением и создавать оптимальные условия для выполнения стрелковых задач. Когда стрелок научится управлять своим внутренним состоянием, он сможет добиться более стабильных результатов.

Таким образом, осознание важности психологических аспектов стрельбы становится неотъемлемой частью подготовки стрелка. Развитие эмоциональной устойчивости, уверенность в себе и работа с ошибками — это ключевые составляющие, способствующие успешной реализации навыков статики в стрельбе.

Развитие технологий контроля результатов стрельбы открывает новые горизонты в профессиональной подготовке стрелков. В ближайшие годы можно ожидать внедрения более совершенных и доступных решений, которые призваны усовершенствовать образовательный процесс. Одним из них является использование искусственного интеллекта и алгоритмов машинного обучения. Эти технологии позволят не только автоматически обрабатывать и анализировать данные, но и адаптироваться к индивидуальным характеристикам стрелков, подсказывая оптимальные стратегии выполнения упражнения.

Специализированные симуляторы на основе виртуальной и дополненной реальности также могум стать неотъемлемой частью тренировки. Они создадут возможность для стрелка тренироваться в различных условиях и сценариях, моделируя реальную ситуацию, без необходимости нанесения ущерба материалам или окружающей среде. Это расширит возможности тренировки, позволяя заниматься в условиях, которые ранее были недоступны.

Сенсорные технологии, которые могут отслеживать движения стрелка и обеспечивать обратную связь в реальном времени, также продолжат развиваться. Использование миниатюрных датчиков и носимых устройств может создать возможность детализированного мониторинга техники стрельбы. Таким образом, стрелок сможет быстро получить визуальную и аудиовизуальную информацию о допущенных ошибках, что является важным элементом для улучшения результата.

Тенденции в области нейробиологии и психологии [5, с.148] также окажут влияние на будущие технологии контроля. Усовершенствованные методы визуализации и нейрофидбэка будут применяться для анализа психоэмоционального состояния стрелка в момент выполнения стрельбы. Это позволит не только выявлять стрессовые факторы, мешающие концентрации, но и прямую работу с психическими установками, что в свою очередь повысит уровень устойчивости и уверенности.

Кросс-дисциплинарный подход, объединяющий физику, психологию и технику, также будет способствовать развитию системы контроля. Например, интеграция данных о физических показателях стрелка с результатами его стрельбы может выявить корреляции, которые раньше оставались незамеченными. Эти нововведения смогут помочь тренерам и стрелкам в разработке более четких и персонализированных учебных программ.

Поскольку наука и техника стремительно развиваются, будущие направления в области

технологий контроля результатов стрельбы будут обеспечивать стрелков более значимыми и комплексными инструментами для самоанализа. Каждый из этих аспектов будет оказывать влияние не только на технику стрельбы, но и на общую психологическую готовность стрелка, что является важным фактом, поскольку успешное владение оружием требует как технического мастерства, так и высоких эмоциональных показателей.

К объединению технологий и психологии [6, с. 29] в тренировочном процессе добавляется новый уровень сложности и детальности, что в конечном итоге приведет к более высокому уровню подготовки стрелков. Поскольку процесс обучения становится более точным и адаптивным, стрелки получат уникальные инструменты для достижения своих целей, что превратит каждую тренировку в целенаправленный шаг к совершенствованию.

Таким образом, методы тренировки стрелка, основанные на использовании современных технологий, позволяют оптимально прорабатывать индивидуальные аспекты подготовки, разрабатывать более эффективные программы тренировок и устранять привычные ошибки. Адаптация тренировочного процесса под стандарты высоких технологий становится обязательной частью формирования сотрудника УИС, как квалифицированного стрелка с высокими показателями результатов.

Будущие направления развития технологий контроля результатов стрельбы обещают еще больше возможностей для стрелков. С развитием искусственного интеллекта и машинного обучения можно ожидать появления более совершенных систем анализа, которые будут способны не только фиксировать ошибки, но и предлагать индивидуализированные рекомендации по их исправлению. Это откроет новые горизонты для тренировки и позволит стрелкам достигать еще более высоких результатов.

Список литературы:

[1] Гофман, А. А. Внедрение современных образовательных технологий в процесс обучения стрельбе из боевого оружия курсантов образовательных организаций ФСИН России / А. А. Гофман // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2014. – № 10(149). – С. 6-12. – EDN SXDDKR.

[2] Огневая подготовка: учебное пособие / А. А. Гофман, М. И. Ключников, К. С. Колочихин [и др.]. – Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. – 80 с. – ISBN 978-5-93035-844-5. – EDN AARMGM.

[3] Дорошенко, И. С. Психологическая готовность к службе с оружием в органах внутренних дел / И. С. Дорошенко // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2016. – № 1(2). – С. 26-30. – EDN WCKRKX.

[4] Иноземцев, С. В. Совершенствование огневой подготовки путем внедрения новейших инновационных разработок / С. В. Иноземцев // Автономия личности. – 2021. – № 3(26). – С. 54-59. – EDN JFASBI.

[5] Кокурин, А. В. Совершенствование психологического сопровождения сотрудников отделов охраны уголовно-исполнительной системы России / А. В. Кокурин, Е. В. Овчарова // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. – 2013. – № 1. – С. 141-150. – EDN PZRNFJ.

[6] Торопов, В. А. Современные методики обучения стрельбе из боевого оружия в органах внутренних дел / В. А. Торопов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – № 3(35). – С. 141-145. – EDN KGXXQL.

References:

[1] Hoffmann, A. A. Introduction of modern educational technologies in the process of training cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia/A. A. Hoffmann// Vedomosti of the penal system from military weapons. – 2014. – № 10(149). - S. 6-12. – EDN SXDDKR.

[2] Fire training: textbook/A. A. Hoffmann, M. I. Klyuchnikov, K. S. Kolochikhin [and others]. - Vladimir: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2025. - 80 p. - ISBN 978-5-93035-844-5. – EDN AARMGM.

[3] Doroshenko, I. S. Psychological readiness for service with weapons in the internal affairs bodies/I. S. Doroshenko//Modern problems of law, economics and management. – 2016. – № 1(2). - S. 26-30. – EDN WCKRKX.

[4] Inozemtsev, S.V. Improving fire training by introducing the latest innovative developments/S.V. Inozemtsev//Autonomy of the individual. – 2021. – № 3(26). - S. 54-59. – EDN JFASBI.

[5] Kokurin, A.V. Improving psychological support for employees of the security departments of the penitentiary system of Russia/A.V. Kokurin, E.V. Ovcharova//Psychological science and education www.psyedu.ru. – 2013. – № 1. - S. 141-150. – EDN PZRNFJ.

[6] Toropov, V. A. Modern methods of training in shooting from military weapons in the internal affairs bodies/V. A. Toropov//Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2007. – № 3(35). - S. 141-145. – EDN KGXXQL.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-362-366

АБРАМОВ Максим Олегович,

Студент Магистратуры Московского Университета им. С.Ю.Витте,

e-mail: mail@law-books.ru

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ

Аннотация. *В данной статье проводится исследование направления развития и современного состояния системы защиты прав и свобод субъектов предпринимательской деятельности в условиях осуществления государственного контроля в Российской Федерации. Рассматриваются механизмы осуществления контрольно - надзорной функции государственного аппарата за бизнесом в России и их влияние на деятельность предпринимателей и бизнес в целом. Тема статьи выбрана в связи с постоянным реформированием законодательной и нормативной базы в сфере взаимодействия государственного контроля и предпринимательства, вследствие чего, возникает необходимость более детального рассмотрения отдельных субъектов правоотношений этих сфер для наиболее эффективной систематизации и оптимизации мер осуществления государственного регулирования и осуществления предпринимательской деятельности как отдельно, так и в процессе их взаимодействия с контролирующими органами. Также в статье рассматриваются различные механизмы по обеспечению защиты прав и свобод субъектов предпринимательской деятельности. Правовая база и практика применения различных мер и механизмов по защите прав субъектов предпринимательской деятельности также требует определённой доработки и реформирования в связи с постоянным редактированием и изменениями в сфере осуществления государственного контроля за деятельностью предпринимателей. Тема статьи также обусловлена необходимостью создания равноправного и сбалансированного подхода как к сфере регулирования со стороны государства деятельности предпринимательского сектора и обеспечения законности и безопасности, так и снижения давления на субъекты предпринимательской деятельности и предоставления возможности в современных экономических реалиях осуществления максимально эффективной деятельности без искусственного торможения деятельности предпринимателя со стороны контролирующих органов. Таким образом, обращаясь к различным нормативным базам, опыту как применения механизмов осуществления контроля, так и защиты, исследуя различные мнения о состоянии институтов защиты прав предпринимателя и методах осуществления контрольно - надзорной функции государственных органов, было сформировано мнение о необходимости доработки процесса взаимодействия представителей надзорных инстанций с субъектами предпринимательской деятельности для отображения максимально объективной оценки действий последних и недопущения злоупотребления полномочиями надзорной инстанции.*

Ключевые слова: *Государственный надзор, защита прав предпринимателя, взаимодействие, государственный орган, надзорная инстанция, субъект предпринимательства, права предпринимателя, Российская Федерация, реформы.*

ABRAMOV Maksim Olegovich,

Master's Student, Moscow Witte University

MECHANISMS FOR PROTECTING THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS DURING THE IMPLEMENTATION OF STATE CONTROL IN RUSSIA

Annotation. *This article examines the development direction and current state of the system for protecting the rights and freedoms of business entities under state control in the Russian Federation. It examines the mechanisms for implementing the control and supervisory function of the state apparatus over business in Russia and their impact on the confidence of entrepreneurs and business in general. The topic of the article was chosen in connection with the ongoing reform*

of the legislative and regulatory framework in the sphere of interaction between state control and entrepreneurship, as a result of which there is a need for a more detailed examination of individual subjects of legal relations in these areas for the most effective systematization and optimization of measures for implementation. State regulation And implementation Entrepreneurial activity, both individually and in their interactions with regulatory authorities. The article also examines various mechanisms for ensuring the protection of the rights and freedoms of business entities. The legal framework and practical application of various measures and mechanisms for protecting the rights of business entities also require some revision and reform due to the constant revision and changes in the implementation of state control over entrepreneurial activities. The topic of the article is also determined by the need to create an equal and balanced approach to the sphere of regulation by the state. The aim of this approach is to improve the business sector's activities, ensure the rule of law and security, and reduce pressure on business entities, while also providing the opportunity to maximize their effectiveness in today's economic realities without artificially impeding entrepreneurial activity by regulatory authorities. Thus, by examining various regulatory frameworks, the experience of both implementing control and protection mechanisms, and exploring various opinions on the state of institutions protecting entrepreneurs' rights and the methods of implementing the control and oversight functions of state bodies, a conclusion was reached regarding the need to refine the process of interaction between supervisory authorities and business entities to provide the most objective assessment of the latter's actions and prevent abuse of supervisory authority.

Key words*: State supervision, protection of entrepreneurs' rights, interaction, state body, supervisory authority, business entity, entrepreneurs' rights, Russian Federation, reforms.*

Введение

В наши дни эффективное взаимодействие экономического сектора в лице субъектов предпринимательства и органов государственного и надзорного контроля является основополагающим фактором развития национальной экономики.

Важным и даже ключевым аспектом вышеуказанного взаимодействия является правильное функционирование надзорного механизма контролирующего аппарата государства. Он создан для обеспечения законности и безопасности всех аспектов предпринимательской деятельности, но в современных реалиях не редко становится источником искусственного торможения развития предпринимательской деятельности.

Актуальность: Актуальность данной темы важна и в современных экономических условиях России играет немаловажную стратегическую роль. Для этого необходимо проанализировать изменения в нормативной и законотворческой базе надзорного аппарата для нахождения оптимального условия взаимодействия государственного аппарата контроля и деятельности предпринимателей, снижения давления со стороны надзорных органов и оптимизации процесса регулирования бизнеса со стороны государства.

Объект исследования: Объектом данного исследования являются общественные отношения, которые возникают в процессе взаимодействия контрольно - надзорного органа государства и всех субъектов предпринимательской деятельности в Российской Федерации.

Предмет исследования: нормативные и законотворческие базы, нормы права, механизмы по обеспечению защиты прав и свобод субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении контрольно - надзорной функции государства.

Цель работы: Целью работы является исследование и анализ современной системы защиты прав предпринимателей, оценка взаимодействия представителей государственного органа и субъектов предпринимательства при осуществлении надзорной функции и выявление пропусков в правоприменительной практике для разработки предложений по дальнейшей доработке и оптимизации процесса взаимодействия обеих сторон.

Основа: Методологическую основу статьи составили такие методы как: синтез, дедукция и анализ нормативно базы и правоприменительной практики.

Теоретическая значимость: Теоретическая значимость исследования заключается в компоновке и структурировании системы нормативной и правоприменительной основ для лучшего понимания статуса предпринимателя и субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении контроля со стороны государства. Выводы, сформированные в данной статье помогут дополнить нормы административного и предпринимательского права для сбалансирования механизма регулирования предпринимательской деятельности и ограничения неправомерных

действий по искусственному торможению деятельности предпринимательского сектора со стороны контролирующего органа в России.

Основная часть

Переходя к основной части данной статьи, необходимо затронуть тему современного состояния и путей развития области государственного контроля за деятельностью предпринимателей РФ. Сейчас реформирование области государственно - надзорной области РФ связано с осуществлением Федерального закона 31.07.2020 №248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и направлено в сторону риск - ориентированного подхода. Предполагается что данный подход направлен на концентрирование внимания надзорных органов на объекты с повышенным риском, что позволит менее опасным и законопослушным областям предпринимательства оптимизировать свою деятельность для максимального повышения производительности и как отмечает А.В. Спиридонов - направлен на приоритет профилактических мер над контрольными. Однако данный подход нередко приводит к ошибкам и проблемам, связанным с реформированием нормативной базы и постоянной необходимостью адаптации бизнеса в РФ.

Механизм взаимодействия органов государственного контроля и субъектов предпринимательства осуществляется различными способами, такими как плановые и внеплановые проверки, осуществление профилактических визитов представителей надзорной инстанции и осуществление мониторинга. Однако, как отмечает в своих докладах Уполномоченный при Президенте РФ по правам предпринимателей, субъекты предпринимательского сектора зачастую сталкиваются с размытостью формулировок требований надзорных органов и возможностью их размытого и субъективного толкования самим надзорным органом. На практике все эти способы взаимодействия носят негативный и карательный характер, хотя должны не только выявлять и пресекать нарушения, но и осуществлять меры по предотвращению ещё не совершенных правонарушений. Также нельзя не отметить что искусственное торможение деятельности проверяемого бизнеса, различные меры, применяемые в ходе осуществления проверок - блокировка счетов, изъятие документации, приостановка деятельности и другие, наносят зачастую крупный ущерб предпринимателю, а не редко и служат причиной дальнейшей ликвидации бизнеса в связи с потерей времени и ресурсов на разрешение сложившегося конфликта между надзорной инстанцией и предпринимателем.

Защита прав предпринимателей осуществляется различными способами, к которым можно отнести:

Досудебное обжалование (в том числе через портал «Госуслуги») - это механизм обжалования решений контрольных органов, направленный на разгрузку судебной системы и для исправления ошибок, допущенных в ходе осуществления мер государственного контроля.

Судебная защита - механизм обжалования актов государственных органов и действий должностных лиц через арбитражный суд.

Институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей - это инструмент защиты, направленный на медиацию конфликтных ситуаций и нахождение системных проблем в законодательстве.

Однако, не смотря на вышеуказанные механизмы защиты прав предпринимателей, многие эксперты отмечают необходимость дополнения и расширения системы защиты прав предпринимателей при осуществлении государственного контроля, в том числе потому, что нередко случается проявление так называемой «солидарности» при которой решения нижестоящих представителей надзорных инспекций остаются в силе, что в свою очередь может затягивать процесс разрешения конфликта - тем самым нанося дополнительный ущерб предпринимателю, это же отмечает - Б.В. Волженкин.

Исследуя вопрос о защите прав предпринимателей, нельзя не рассмотреть правоприменительную и судебную практики. Судебная практика нередко показывает, что суды во многих случаях стремятся защитить интересы предпринимателя и его бизнеса от неправомерного вмешательства и избыточного давления со стороны государства, во многом основанием этого является Постановления Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2022 № 21 в котором ясно указано , что нарушение процедурных требований при организации и проведении проверки может являться самостоятельным основанием для отмены решения контролирующего органа. Ярким тому примером является дело Арбитражного суда №40 - 123456/22 в котором предписание надзорного органа было признанно незаконным потому, что проверка была проведена без уведомления субъекта и не имело законных оснований для проведения внеплановой проверки. Также суд указал что формальный подход к соблюдению и защите прав предпринимателя не допустим в условиях действия моратория на осуществления проверки.

Также исследуя выбранный вопрос стоит упомянуть и случаи превышения должностными

лицами своих полномочий и способы ограничения «вседозволенности» со стороны должностных лиц. Как отмечает Б.В. Волженкин - вероятность подобных правонарушений довольна высока. Поэтому, стоит упомянуть и институт ответственности со стороны проверяющей инстанции. Законодательно закреплены различные меры ответственности должностных лиц за нарушение прав предпринимателей и неправомерные действия в их сторону, также данные меры носят роль барьеров для недопущения совершения неправомерных действий со стороны проверяющего органа.

КоАП РФ Статья 19.6.1. Несоблюдение должностными лицами органов государственного контроля (надзора), органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, публично-правовых компаний, наделённых полномочиями по осуществлению государственного контроля (надзора), муниципального контроля, требований законодательства о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле - данная статья устанавливает санкцию в виде наложения штрафа, а при повторном нарушении - отстранение на срок до 1 года.

УК РФ ст.169 - в наиболее тяжких случаях применяются меры уголовного наказания - УК РФ Статья 169. Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности. Данная статья применяется при необоснованном вмешательстве или незаконном ограничении деятельности юридических лиц. Наказание включает в себя невозможность занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до 5 лет и наложение штрафа.

Также нельзя не отметить процессуальные гарантии при рассмотрении дел об административной ответственности. Из судебной практики примером можно выделить Обзор судебной практики Верховного суда РФ, где указывалось неоднократно о необходимости применения статьи 4.1.1 КоАП РФ, позволяющей заменить наложение штрафа на предупреждение для субъектов малого и среднего бизнеса если правонарушение совершенно впервые и не нанесло вреда жизни и здоровью граждан.

Не смотря на вышеуказанные меры, многие эксперты, в том числе и В.В. Кванина отмечают, что случаи привлечения должностных лиц к ответственности по ст. 169 УК РФ крайне редки из-за сложности в доказании умысла на совершение преступления и оценки нанесённого ущерба.

Заключение

Подводя итог исследования вопроса о защите прав предпринимателей при осуществлении государственного контроля в России можно сделать следующие выводы:

Современное состояние института контрольно - надзорной деятельности требует балансировки и сглаживания некоторых аспектов перехода к риск - ориентированным моделям. В том числе необходимо закрепление правоприменительной практики, исключающей возможность давления на предпринимателя со стороны проверяющей инстанции.

Способы и механизмы по защите прав предпринимателя работают и доказывают свою пригодность, но также некоторые из них - институт уполномоченного по защите прав предпринимателя требуют доработки для увеличения доверия со стороны предпринимателя. Также необходимо усиления контроля со стороны общественных организаций.

В законодательстве закреплены различные меры ответственности должностных лиц, но не все из них в силу различных факторов применяются рационально и объективно. В связи с этим необходимо более детально раскрыть критерии о «воспрепятствованию предпринимательской деятельности» для более точного доказывания вины со стороны проворящего.

Исходя из вышеуказанных выводов можно сформировать некоторые рекомендации для реформирования и дополнения нормативной базы и правоприменительной практики в области защиты прав предпринимателей.

Необходимость исключения контакта предпринимателя и должностного лица при осуществлении надзорной функции для минимизации возможности злоупотребления должностными полномочиями, также необходимость применения фото и видео фиксации процесса проведения контрольного мероприятия.

Усиление механизмов цифровизации механизмов по защите прав предпринимателя для оптимизации самого процесса и разгружения судебной системы.

Закрепление в судебной практике использования статьи 4.1.1 КоАП РФ при отсутствии прямого вреда жизни и здоровью граждан если правонарушение совершенно впервые.

Таким образом использование данных рекомендаций позволит исправить возможные ошибки, пресечь правонарушения с обеих сторон и позволит выстроить более равноправный сценарий взаимодействия проверяющего органа государства и субъекта предпринимательской деятельности.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс российской федерации от 13.06.1996 № 63-фз (ред. от 06.04.2024).https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.04.2024). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

[3] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/

[4] Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145997/

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420838/

[6] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463125/

[7] Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). — СПб.: Юридический центр Пресс, 2021. https://law.bsu.by/pub/30/Shidlovsky_1.pdf

[8] Кванина В. В. Государственный контроль и надзор в сфере предпринимательской деятельности: монография. — М.: Юстицинформ, 2022 https://cyberleninka.ru/article/n/2015-01-024-kvanina-v-v-zaschitnye-instituty-v-sfere-predprinimatelskoy-i-professionalnoy-deyatelnosti-m-yuniti-dana-2014-167-s/viewer

[9] Спиридонов А. В. Реформа контрольно-надзорной деятельности: от теории к практике // Журнал российского права. — 2023. — № 4. https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-kontrolno-nadzornoy-deyatelnosti-v-rossii-analiz-protsessa-i-voznikayuschie-problemy/viewer

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-fz (as amended by 06.04.2024) .https ://www.consultant.ru/document/cons _ doc _ LAW _ 10699/

[2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 30.12.2001 dated 195-FZ (as amended by 06.04.2024) .https ://www.consultant.ru/document/cons _ doc _ LAW _ 34661/

[3] Federal Law of 31.07.2020 No. 248-FZ “On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation” (as amended on 25.12.2023). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/

[4] Federal Law of 07.05.2013 No. 78-FZ “On Commissioners for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Russian Federation.” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145997/

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2022 No. 21 “On Certain Issues of Application by Courts of the Provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420838/”

[6] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2023) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463125/

[7] Volzhenkin B.V. Crimes in the field of economic activity (economic crimes). - St. Petersburg: Legal Center Press, 2021. https://law.bsu.by/pub/30/Shidlovsky_1.pdf

[8] Kvanina V.V. State control and supervision in the field of entrepreneurial activity: monograph. — M.: Юстицинформ, 2022 https://cyberleninka.ru/article/n/2015-01-024-kvanina-v-v-zaschitnye-instituty-v-sfere-predprinimatelskoy-i-professionalnoy-deyatelnosti-m-yuniti-dana-2014-167-s/viewer

[9] Spiridonov A.V. Reform of control and supervisory activities: from theory to practice// Journal of Russian Law. — 2023. — № 4. https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-kontrolno-nadzornoy-deyatelnosti-v-rossii-analiz-protsessa-i-voznikayuschie-problemy/viewer

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-367-374

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,

e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВО ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ЛИЧНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ (ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Аннотация. *Целью исследования явились организационно-правовой и психологический аспекты соблюдения права осужденных к лишению свободы на личную безопасность. Для ее достижения выбраны диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): сравнительно-правовой анализ, синтез, сравнение, аналогия и обобщение, включенное наблюдение. Анализировались положения законодательных и ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научных и учебно-методических публикаций регламентирующих и рассматривающих различные аспекты обеспечения личной безопасности осужденных. В системе прав осужденных к лишению свободы приоритетное место занимает фундаментальное конституционное право на личную безопасность. Оно регулируется отдельной статьей 13 УИК РФ, разделом 4 (пунктами 26-38) ПВР ИУ ИУС. Оказывает существенное влияние на правовое положение (правовой статус) указанной категории осужденных. Личную безопасность осужденных следует рассматривать в качестве компоненты пенитенциарной безопасности наряду с безопасностью персонала УИС и лиц, находящихся на территории ИУ, их инфраструктурных объектов, информационной и кибербезопасности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Закон наделил осужденных правом обращения с заявлением с просьбой обеспечения личной безопасности к любому должностному лицу учреждений, в которых они отбывают наказания, закрепил обязанность должностных лиц принять незамедлительно меры по обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного. Начальник ИУ, по заявлению осужденного, а также по своей инициативе принимает решение о его переводе в безопасное место, либо принимает другие меры по устранению угрозы личной безопасности осужденного. В качестве наиболее распространенной угрозы личной безопасности осужденных выступает противоправное поведение других осужденных, угрожающих их здоровью, жизни и нарушению правового статуса. Как правило, указанной угрозе предшествует межличностный конфликт осужденного с другим осужденным (осужденными), спровоцированный определенными действиями (бездействием), вербальными, мимическими и пантомимическими проявлениями. Профилактика и устранение угроз личной безопасности осужденных, соблюдение их анализируемого права, имеет выраженное психологическое содержание, предполагающее наличие у сотрудников ИУ УИС специальных психологических познаний, развитых профессиональных компетенций. Развитие отечественной системы исполнения наказания в виде лишения свободы в настоящее время позволяет использовать современные подходы в организации личной безопасности осужденных, содержащихся в ИУ, интегрированные системы безопасности, телекоммуникационные комплексы контроля и надзора за поведением осужденных, видео наблюдения в БМ и других режимных местах учреждения. Своевременность и порядок перевода осужденного к лишению свободы в БМ, принятие исчерпывающих мер по обеспечению его личной безопасности является предметом постоянного, системного ведомственного контроля со стороны ФСИН России и ее территориальных органов. Надзора, осуществляемого специализированными прокурорами прокуратур субъектов федерации*.

Ключевые слова: *лишение свободы, право осужденных на личную безопасность, пенитенциарная безопасность, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, ведомственный контроль, прокурорский надзор.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,

Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

THE RIGHT OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT TO PERSONAL SAFETY (ORGANIZATIONAL, LEGAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS)

Annotation. *The purpose of the study was the organizational, legal and psychological aspects of observing the right of persons sentenced to imprisonment to personal safety. To achieve this goal, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were chosen: comparative legal analysis, synthesis, comparison, analogy and generalization, included observation. The provisions of legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific and educational publications regulating and considering various aspects of ensuring the personal safety of convicts were analyzed. The fundamental constitutional right to personal security takes priority in the system of rights of persons sentenced to imprisonment. It is regulated by a separate Article 13 of the Criminal Code of the Russian Federation, Section 4 (paragraphs 26-38) of the Law Code of the Russian Federation. It has a significant impact on the legal status of this category of convicts. The personal safety of convicts should be considered as a component of penitentiary security along with the safety of prison personnel and persons located on the territory of the penitentiary, their infrastructure facilities, information and cybersecurity of institutions and bodies executing criminal penalties. The law gave convicts the right to apply for personal safety to any official of the institutions in which they serve their sentences, and established the duty of officials to take immediate measures to ensure the personal safety of the convicted person who applied. The head of the Detention center, at the request of the convicted person, as well as on his own initiative, decides on his transfer to a safe place, or takes other measures to eliminate the threat to the personal safety of the convicted person. The most common threat to the personal safety of convicts is the unlawful behavior of other convicts, threatening their health, life and violation of their legal status. As a rule, this threat is preceded by an interpersonal conflict between the convicted person and another convicted person(s), provoked by certain actions (inaction), verbal, facial and pantomimic manifestations. The prevention and elimination of threats to the personal safety of convicts, the observance of their analyzed right, has a pronounced psychological content, suggesting the presence of special psychological knowledge and developed professional competencies among the staff of the IU UIS. The development of the domestic system for the execution of sentences in the form of imprisonment currently allows the use of modern approaches to the organization of personal security of convicts held in detention centers, integrated security systems, telecommunication systems for monitoring and supervising the behavior of convicts, video surveillance in the BM and other security facilities of the institution. The timeliness and procedure for transferring a convicted person to a medical facility, as well as the adoption of comprehensive measures to ensure his personal safety, are the subject of constant, systematic departmental control by the Federal Penitentiary Service of Russia and its territorial bodies. Supervision carried out by specialized prosecutors of the prosecutor's offices of the subjects of the Federation.*

Key words: *deprivation of liberty, the right of convicts to personal safety, penitentiary security, correctional institutions, penal enforcement system, departmental control, prosecutorial supervision.*

Введение. В системе прав осужденных к лишению свободы приоритетное место занимает фундаментальное конституционное право на личную безопасность. Оно регулируется отдельной статьей 13 УИК РФ, разделом 4 (пунктами 26-38) Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы (далее ПВР ИУ ИУС) [1]. Оказывает существенное влияние на правовое положение (правовой статус) указанной категории осужденных [2, с. 81-83].

Личную безопасность осужденных следует рассматривать в качестве компоненты пенитенциарной безопасности наряду с безопасностью персонала УИС и лиц, находящихся на территории ИУ, их инфраструктурных объектов, информационной и кибербезопасности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания [3].

Теоретико-методологические подходы изучения личной безопасности осужденных к лишению свободы в научных публикациях рассматриваются в контексте правовых парадигм и комплексного обеспечения пенитенциарной

безопасности [4, с. 46-53].

Таким образом, теоретико-правовой анализ законодательных, ведомственных правовых актов и научных источников по вопросам обеспечения права осужденных на личную безопасность показывает значимость и приоритетность анализируемого права в системе других прав осужденных, его влияние на правовое положение осужденных в условиях исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы (далее ИУ УИС). Осуществления успешной уголовно-исполнительной политики, применения средств исправления осужденных, их ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации [5, с. 232-237].

Эффективная реализация права на личную безопасность осужденных предполагает комплексное междисциплинарное исследование его организационно-правовых и психологических аспектов.

Методы и принципы исследования. Для изучения организационно-правовых и психологических аспектов соблюдения права осужденных к лишению свободы на личную безопасность выбраны диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): сравнительно-правовой анализ, синтез, сравнение, аналогия и обобщение, включенное наблюдение. Анализировались положения законодательных и ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научных и учебно-методических публикаций регламентирующих и рассматривающих различные аспекты обеспечения личной безопасности осужденных.

Основные результаты. Общие правовые предпосылки обеспечения права осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы в ИУ УИС сформулированы законодателем в статье 13 УИК РФ. Закон наделил осужденных правом обращения с заявлением с просьбой обеспечения личной безопасности к любому должностному лицу учреждений, в которых они отбывают наказания. В то же время, закрепил обязанность должностных лиц принять незамедлительно меры по обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного [6].

Начальник ИУ, по заявлению осужденного, а также по своей инициативе принимает решение о его переводе в безопасное место, либо принимает другие меры по устранению угрозы личной безопасности осужденного [7].

В качестве наиболее распространенной угрозы личной безопасности осужденных выступает противоправное поведение других осужденных, угрожающих их здоровью, жизни и нарушению правового статуса [8, с. 195-201]. Как правило указанной угрозе предшествует межличностный конфликт осужденного с другим осужденным (осужденными), спровоцированный определенными действиями (бездействием), вербальными, мимическими и пантомимическими проявлениями.

Другим видом угрозы личной безопасности, согласно субъективному восприятию осужденных, может явиться оказание на них психологического воздействия со стороны осужденных и персонала учреждения, которому предшествует и которое сопровождается вербальными проявлениями и речевой агрессией [9, с. 47-54]. При этом отмечается существенное влияние внешних психологических факторов на формирование и развитие негативного эмоционального состояния осужденных (страха, стресса, фрустрации и депрессии). Одним выходом из которого, по данным проведенного в ИУ и следственных изоляторах УИС теоретико-эмпирического исследования, может явиться попытка суицидального поведения, как ответная реакция на угрозы и сопровождающие их противоправные действия, нарушающие личную безопасность осужденных [10, с. 20-23].

Таким образом, профилактика и устранение угроз личной безопасности осужденных, соблюдение их анализируемого права, имеет выраженное психологическое содержание, предполагающее наличие у сотрудников ИУ УИС специальных психологических познаний, развитых профессиональных компетенций.

Законодатель в части четвертой статьи 13 УИК РФ предусмотрел применение к осужденным, являющимися участниками уголовного судопроизводства мер безопасности начальником учреждения, исполняющего лишение свободы и принудительные работы на основании мотивированного постановления суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя в соответствии с положениями Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». [11].

В ПВР ИУ УИС, утвержденных Приказом Минюста России 2022 г. № 110 содержаться 13 пунктов, регулирующих организационно-правовые особенности и детали обеспечения личной безопасности осужденных к лишению свободы. Некоторые из них (пункты 26 и 27) дублируют части первую и вторую статьи 13 УИК РФ. Другие пункты детализируют и конкретизируют организацию личной безопасности в ИУ, в частности, перечисляют помещения, используемые администрацией

учреждения в качестве безопасного места (камеры ДИЗО, ШИЗО, ПКТ и ЕПКТ, одиночные камеры).

Законодатель определил порядок и процедуру перевода осужденного в безопасное место (далее БМ). Он производится по постановлению начальника ИУ или лица, его замещающего, на срок не превышающий 90 суток, в случаях, не терпящих отлагательства, - дежурного помощника начальника ИУ (далее ДПНУ), до прихода начальника или лица его замещающего, но не более чем на 24 часа. В выходные и праздничные дни ДПНУ может продлить срок содержания в БМ еще на 24 часа. При этом следует учитывать, что такой перевод осужденного не может рассматриваться как мера взыскания [12, с. 274-279]. Поэтому он содержится в тех же условиях, в которых отбывал наказание до перевода в БМ, ему, в частности, разрешается пользоваться продуктами питания, личными вещами и предметами. Ограничения, предусмотренные в главе 34 ПВР ИУ УИС на осужденного к лишению свободы, переведенного в БМ не распространяются [13, с. 203-208].

Осужденным, содержащимся в БМ предоставляется ежедневная прогулка продолжительностью 3 часа в любое время суток за исключением ночного. ЕЕ время может увеличиваться решением начальника ИУ или лицом его замещающим. Вывод на прогулку осуществляется с учетом желания осужденного.

Во время действия режима особых условий при захвате заложников, массовых беспорядках, или групповом неповиновении осужденных к лишению свободы, наличии реальной угрозы вооруженного нападения на ИУ, ежедневная прогулка осужденным в БМ предоставляется после окончания срока введения данного режима [14, с. 166-174].

При нарушении осужденным, находящимся в БМ установленного порядка отбывания наказания при выводе на прогулку и во время ее проведения она прекращается и считается проведенной. Осужденный возвращается в БМ. Также прогулка может быть прекращена по просьбе осужденного [15].

В БМ ежедневно производится их уборка, а также санитарного узла, осужденными в них содержащимися, в порядке очередности и с использованием соответствующего инвентаря, получаемого и сдаваемого в установленном порядке.

Осужденным, содержащимся в БМ разрешается курение только во время прогулки на специально оснащенных местах. Сигареты и табачные изделия и спички для курения сдаются на хранение сотруднику ИУ после окончания прогулки [16, с. 126-128].

В случае, если предпринятые администрацией ИУ меры обеспечения личной безопасности осужденного путем его перевода в БМ не дали ожидаемого результата, начальником учреждения (лицом его замещающим) принимается решение о его переводе в другое ИУ, либо лиц, угрожающих личной безопасности [17, с. 87-92]. Подобные переводы являются крайней мерой, поскольку требуют согласования и разрешения руководителей ИУ в которые они переводятся в рамках одного субъекта, а в случае отсутствия в ГУФСИН (УФСИН) России субъекта федерации исправительной колонии требуемого режима – на основании разрешения ФСИН России. Нормативно-правовой базой переводов осужденных из одного ИУ в другой в целях обеспечения личной безопасности являются статья 81 УИК РФ и Приказ Минюста России от 26.01.2018 № 17 «Об утверждении Порядка направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в исправительные учреждения и их перевода из одного исправительного учреждения в другое» [18].

Развитие и совершенствование системы исполнения наказания в виде лишения свободы в настоящее время позволяет использовать современные подходы в организации личной безопасности осужденных, содержащихся в ИУ [19, с. 78-81]. Например, интегрированных систем безопасности, возможностей современных телекоммуникационных систем контроля и надзора за поведением осужденных, видео наблюдения в БМ и других режимных местах учреждения [20, с. 98-101].

Необходимо отметить, что своевременность и порядок перевода осужденного к лишению свободы в БМ, принятие исчерпывающих мер по обеспечению его личной безопасности является предметом постоянного, системного ведомственного контроля со стороны ФСИН России и ее территориальных органов. Надзора, осуществляемого специализированными прокурорами прокуратур субъектов федерации [21].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;

XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04.2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений»;

XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк), с докладом на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Заключение. В системе прав осужденных к лишению свободы приоритетное место занимает фундаментальное конституционное право на личную безопасность. Оно регулируется отдельной статьей 13 УИК РФ, разделом 4 (пунктами 26-38) ПВР ИУ ИУС. Оказывает существенное влияние на правовое положение (правовой статус) указанной категории осужденных.

Личную безопасность осужденных следует рассматривать в качестве компоненты пенитенциарной безопасности наряду с безопасностью персонала УИС и лиц, находящихся на территории ИУ, их инфраструктурных объектов, информационной и кибербезопасности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Теоретико-методологические подходы изучения личной безопасности осужденных к лишению свободы в научных публикациях рассматриваются в контексте правовых парадигм и комплексного обеспечения пенитенциарной безопасности.

Закон наделил осужденных правом обращения с заявлением с просьбой обеспечения личной безопасности к любому должностному лицу учреждений, в которых они отбывают наказания. В то же время, закрепил обязанность должностных лиц принять незамедлительно меры по обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного. Начальник ИУ, по заявлению осужденного, а также по своей инициативе принимает решение о его переводе в безопасное место, либо принимает другие меры по устранению угрозы личной безопасности осужденного.

В качестве наиболее распространенной угрозы личной безопасности осужденных выступает противоправное поведение других осужденных, угрожающих их здоровью, жизни и нарушению правового статуса. Как правило, указанной угрозе предшествует межличностный конфликт осужденного с другим осужденным (осужденными), спровоцированный определенными действиями (бездействием), вербальными, мимическими и пантомимическими проявлениями. Профилактика и устранение угроз личной безопасности осужденных, соблюдение их анализируемого права, имеет выраженное психологическое содержание, предполагающее наличие у сотрудников ИУ УИС специальных психологических познаний, развитых профессиональных компетенций.

Законодатель определил порядок перевода осужденного в безопасное место в ИУ, предоставления ему ежедневной прогулки, соблюдения его других прав в сфере материально-бытового обеспечения.

Развитие отечественной системы исполнения наказания в виде лишения свободы в настоящее время позволяет использовать современные подходы в организации личной безопасности осужденных, содержащихся в ИУ, интегрированные системы безопасности, телекоммуникационные комплексы контроля и надзора за поведением осужденных, видео наблюдения в БМ и других режимных местах учреждения.

Своевременность и порядок перевода осужденного к лишению свободы в БМ, принятие исчерпывающих мер по обеспечению его личной безопасности является предметом постоянного, системного ведомственного контроля со стороны ФСИН России и ее территориальных органов. Надзора, осуществляемого

специализированными прокурорами прокуратур субъектов федерации.

Список литературы:

[1] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[2] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С. 81-83.

[3] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Основы комплексного обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития // Монография. Псков 2024. 199 с.

[4] Ковалев О.Г., Кононова Е.Н., Семенова Н.В. Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы: современные парадигмы и комплексный подход // В сборнике Актуальные вопросы обеспечения безопасности УИС. Сборник материалов круглого стола с международным участием. Псков, 2021. С. 46-53.

[5] Ковалев О.Г. Современные подходы ресоциализации осужденных: теоретико-правовой и сравнительный анализ // Право и управление. 2024. № 10. С. 232-237.

[6] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[7] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

[8] Ковалев О.Г. Признаки противоправного поведения осужденных к принудительным работам (правовой и психологический анализ) // Российский научный вестник. 2025. № 12. С. 195-201.

[9] Щербаков А.В., Ковалев О.Г. Психолого-педагогические и организационно-правовые аспекты речевой агрессии как фактора, дезорганизующего деятельность исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1 (248). С. 47-54.

[10] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.Е. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.

[11] Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Consultant ru. (дата обращения 15.04.2026)

[12] Ковалев О.Г. Применение к осужденным, отбывающим лишение свободы мер взыскания (организационно-правовой и психологический анализ) // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 274-279

[13] Ковалев О.Г. Ограничение прав осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа и одиночных камерах исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы (сравнительно-правовой анализ) // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 203-208.

[14] Карпов А.А., Ковалев О.Г. Детерминанты совершения групповых неповиновений и массовых беспорядков в отечественных пенитенциарных учреждениях // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2023. № 3 С. 166-174.

[15] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 15.04.2026).

[16] Ковалев О.Г., Александрова А.Ю. Современные факторы, влияющие на организацию режима в исправительных учреждениях (на примере правил внутреннего распорядка ИУ и ИЦ) // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 126-128.

[17] Ковалев О.Г. Отбывание всего срока лишения свободы в одном исправительном учреждении как обязанность и право осужденных (юридическая природа и психологические аспекты) // Международный научный вестник. 2025. № 5. С. 87-92.

[18] Приказ Минюста России от

26.01.2018 № 17 (ред. от 19.09.2023) «Об утверждении Порядка направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в исправительные учреждения и их перевода из одного исправительного учреждения в другое» // Consultant ru. (дата обращения 15.04.2026)

[19] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Современные подходы в обеспечении безопасности осужденных в ИУ и лиц, содержащихся в СИЗО // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 82-4. С. 78-81.

[20] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Применение интегрированных систем обеспечения безопасности в современных условиях развития УИС // // В сборнике: Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Новосибирск-Новокузнецк. 2022. С. 98-101.

[21] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

References:

[1] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[2] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. The legal status of convicts and its impact on the organization of operational investigative activities in correctional institutions of the penitentiary system // Trends in the development of science and education. 2023. No. 94-4. pp. 81-83.

[3] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Fundamentals of integrated security of institutions of the penal system at the present stage of its development // Monograph. Pskov 2024. 199 p.

[4] Kovalev O.G., Kononova E.N., Semenova N.V. Ensuring the security of the penal enforcement system: modern paradigms and an integrated approach // The collection contains Current issues of ensuring the security of the UIS. Collection of materials of the round table with international participation. Pskov, 2021. pp. 46-53.

[5] Kovalev O.G. Modern approaches to the resocialization of convicts: theoretical, legal and comparative analysis // Law and management. 2024. No. 10. pp. 232-237.

[6] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[7] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A.Moscow, 2006. 148 p.

[8] Kovalev O.G. Signs of unlawful behavior of those sentenced to forced labor (legal and psychological analysis) // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 12. pp. 195-201.

[9] Shcherbakov A.V., Kovalev O.G. Psychological, pedagogical, organizational and legal aspects of speech aggression as a factor disorganizing the activities of correctional institutions providing isolation from society // Bulletin of the penal enforcement system. 2023. No. 1 (248). pp. 47-54.

[10] Balamut A.N., Kovalev O.G., Dikopoltsev D.E. Theoretical analysis of complex psychocorrective programs aimed at suicidal prevention of suspects, accused and convicted (organizational, social and psychological aspects) // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 1. pp. 20-23.

[11] Federal Law No. 119-FZ dated 08/20/2004 “On State Protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings” // Consultant ru. (accessed 04/15/2026).

[12] Kovalev O.G. The application of punitive measures to convicts serving imprisonment (organizational, legal and psychological analysis) // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 1. pp. 274-279.

[13] Kovalev O.G. Restriction of the rights of persons sentenced to imprisonment serving sentences in penal isolation cells, cell-type rooms, single cell-type rooms and single cells of correctional institutions of the penal system (comparative legal analysis) // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 1. pp. 203-208.

[14] Karpov A.A., Kovalev O.G. Determinants of group disobedience and mass riots in domestic penitentiary institutions // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2023. No. 3, pp. 166-174.

[15] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 “On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions

and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 04/15/2026).

[16] Kovalev O.G., Alexandrova A.Yu. Modern factors influencing the organization of the regime in correctional institutions (on the example of the internal regulations of the IU and IC) // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 126-128.

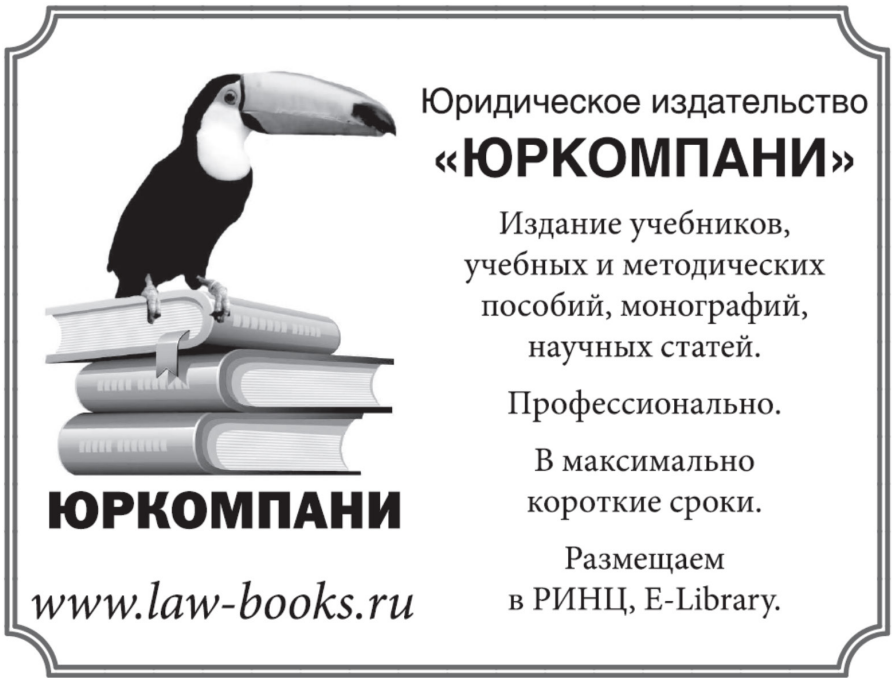
[17] Kovalev O.G. Serving the entire term of imprisonment in one correctional institution as a duty and right of convicts (legal nature and psychological aspects) // International Scientific Bulletin. 2025. No. 5. pp. 87-92.

[18] Order of the Ministry of Justice of Russia dated January 26, 2018 No. 17 (as amended on September 19, 2023) "On approval of the Procedure for sending persons sentenced to imprisonment to serve their sentences in correctional institutions and their transfer from one correctional institution to another" // Consultant ru. (accessed 04/15/2026)

[19] Kovalev O.G., Semenova N.V. Modern approaches to ensuring the safety of prisoners in detention centers and persons held in pre-trial detention // Trends in the development of science and education. 2022. No. 82-4. pp. 78-81.

[20] Kovalev O.G., Semenova N.V. The use of integrated security systems in modern conditions of the development of penal institutions // // In the collection: Development of the penal system: organizational, legal and economic aspects. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Novosibirsk-Novokuznetsk. 2022. pp. 98-101.

[21] The prosecutor's desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-375-379

ЦАРЬКОВА Дарья Владимировна,

аспирант 2 курса кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена,

e-mail: darya.tss@mail.ru

Научный руководитель:

ДОРСКАЯ Александра Андреевна,

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена,

e-mail: adorskaya@yandex.ru

ПРАВО НА СЕМЬЮ В УНИВЕРСАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМАХ ПРАВА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. *Семья, как основа общества, находится под сильным воздействием экономических, миграционных и цифровых тенденций. Происходящие изменения приводят к переосмыслению традиционных правовых подходов и выработки новых механизмов охраны семейных ценностей в условиях глобализации. Для исследования необходимо обратиться к национальной и региональной системе права, которые представлены соответствующими международными документами. Рассматриваемые документы универсальной системы права устанавливают базовые, незыблемые принципы защиты семьи, признавая её право на государственную поддержку, социальное обеспечение и охрану от произвольного вмешательства. Региональные же нормы конкретизируют эти принципы с учётом местных исторических, культурных и правовых особенностей, сохраняя при этом высокий уровень гарантий. Такая многоуровневая структура позволяет гармонично сочетать универсальные стандарты с национальной спецификой. В итоге, на международном уровне действует комплексная система защиты семьи, где универсальные и региональные нормы работают вместе, взаимодополняя друг друга и обеспечивая эффективную защиту семейных прав в современных условиях.*

Ключевые слова: *защита семьи, право на семью, универсальная система права, региональная система права, права человека*

TSARKOVA Daria Vladimirovna,

Postgraduate Student, Department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia

Academic Supervisor:

DORSKAYA Aleksandra Andreevna,

Doctor of Law, Professor of the Department of International Law at the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

THE RIGHT TO A FAMILY IN UNIVERSAL AND REGIONAL LEGAL SYSTEMS: GENERAL AND SPECIFIC FEATURES

Annotation. *The family, as the foundation of society, is deeply influenced by economic, migration, and digital trends. These ongoing changes are leading to a rethinking of traditional legal approaches and the development of new mechanisms for protecting family values in the context of globalization. This study requires examining national and regional legal systems, as represented by relevant international documents. These universal legal documents establish fundamental, immutable principles for protecting the family, recognizing its right to state support, social security, and protection from arbitrary interference. Regional norms, on the other hand, flesh out these*

principles, taking into account local historical, cultural, and legal specifics, while maintaining a high level of guarantees. This multi-layered structure allows for a harmonious blend of universal standards and national specifics. As a result, a comprehensive system of family protection operates at the international level, where universal and regional norms work together, complementing each other and ensuring the effective protection of family rights in today's world.

Key words: *protection of the family, right to the family, universal legal system, regional legal system, human rights.*

1.Введение

Если задаться вопросом, что же объединяет миллионы людей разного социального статуса, вероисповедания, культурных традиций, то единым связующим звеном будет принадлежность к семье. Каждый индивид вкладывает в это понятие субъективное свойство, для кого-то семья это родители или один родитель, дети, для кого-то многочисленные родственники или только лишь супруг. История также трактовала свои характеристики для института семьи. Например, в Древнем мире семья включала в себя обширные категории: племя, община, численность которых могла превышать тысячу человек. Но любая категоризация имеет общий признак – родство, когда-то приобретенное по крови, а когда-то в брачном союзе.

На современном этапе характер семейных отношений специфичен, национальное законодательство любого из государств содержит в себе множество различных определений семьи, которое касается различных аспектов: роль родителей и детей, статус супругов, признание незарегистрированных союзов, учет детей, включение не родственников, возрастные ограничения.

Хотя данный термин является многосоставным и не закреплен в доктрине, все же он определенно несет в себе основы, которые понятны и принимаемы в международном пространстве. Не зная национального определения в законодательстве любого государства можно с большей долей уверенности сказать о наличии существующих в нем признаков.

Безусловно, как и любая другая категория, семья подвержена изменениям, которые затрагивают не только внутренние взаимоотношения участников, но и внешние категории прав.

Например, мировая тенденция на сокращение численности семей, а также изменение состава семьи. Уменьшение размера семьи многие ученые объясняют процессами индустриализации и урбанизации общества, которые сопровождаются распадом больших, сложных, многопоколенных семей и появлением семей нового типа - нуклеарных [6].

При подходе к рассмотрению понятия права на семью необходимо затрагивать и смежные отрасли. Различные национальные и международные аспекты в изменении семейной политики, развитие перинатальной и репродуктивной медицины, а также взгляд на решение вопросов, которые входят в рассматриваемую категорию с точки зрения психологии, экономики, социологии и многих других областей науки.

Все вышеперечисленные условия влияют на главное - социальную функцию семьи и невозможность ее реального осуществления. Так как сама по себе категория семья включает множество подкатегорий которые не всегда могут охватываться лишь национальным законодательством.

Такие подкатегории могут включать в себя вопросы миграционной политике в контексте воссоединения семьи, определения понятий семей иностранных граждан, беженцев и апатридов.

Определение любого понятия включает в себя классификацию категорий и характеризующих признаков, которые определяют область его применения. В национальных системах категория «семья» имеют общие элементы, но существенно различается в подходах к защите в зависимости от особенностей государства, где оно применяется. Эта комплексность в содержании данного понятия и заключает в себе неразрешенный правовой пробел на данный момент. Между термином семья и правом на семью, как основополагающей категорией прав человека можно поставить знак равенства, ведь это основополагающие понятия, которые присуще любому государству и являются защищаемой ценностью [2].

Переходя к вопросу осуществления права на семью в универсальной системе права, необходимо отметить, что изначально в теории права универсальная система зачастую рассматривается как совокупность значений. Не имея общепризнанного, конкретизирующего понятия, она раскрывается через теоретико-правовую доктрину, сравнительное правоведение и также через институциональное значение.

В контексте международно-публичного права реализация происходит через особую

подсистему, которая была создана Организацией Объединенных Наций (далее ООН), включая ее специализированные учреждения (комитеты ООН), международные договоры (пакты, конвенции) и глобальный характер, который реализуется в требовании обязательного принятия и имплементации правовых стандартов в национальное законодательство.

Важно отметить, что изначально государства не имели международно-правовых обязательств по защите прав человека. Напротив, любые сообщения о нарушениях прав человека в какой-либо стране могли рассматриваться как вмешательство в ее внутренние дела или как ограничение ее суверенитета [11].

Так как универсальная система права имеет двухуровневую структуру, где первый уровень это нормативный (источники права), то по иерархии нормативно-правовых актов анализ необходимо начать с Всеобщей декларации прав человека 1948 года, а именно статья 16, которая задаёт фундаментальную парадигму понимания семьи, обозначая её как «естественную и основную ячейку общества». Эта формулировка предполагает не только признание семьи в качестве объекта правовой защиты, но и утверждение её в статусе до-юридической, первоестественной социальности. Именно из этой антропологической предпосылки выводится обязанность государства не создавать препятствий для реализации семейных отношений.

Позитивные обязательства устанавливает Международный пакт о гражданских и политических правах. МПГПП институционализирует право на семью через набор конкретных гарантий (ст. 23), причём ключевым является принцип широчайшей возможной защиты семьи. Такая формулировка представляется наиболее удачной для расширения круга позитивных обязательств государства, существует возможность развития данного подхода для формирования целостного понимания семейной жизни, которое значится как автономное пространство, которое требует уважение и поддержку со стороны государств.

Статья 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. рассматривает семью с учетом социального и материального статуса. Эта норма конкретизирует то, что семья многосоставная категория прав человека и зашита которого должна осуществятся не только с вопроса наличия правоспособности.

Безусловно существующие механизмы универсальной защиты права на семью тоже необходимо учитывать при рассмотрении данного вопроса. Отдельного внимания заслуживают существующие договорные органы [1].

Комитеты ООН выполняют роль своеобразных «метаюридических» интерпретаторов, формирующих нормативные стандарты через общие комментарии и решения по индивидуальным сообщениям. Эти органы расширяют содержание права на семью, включая в него: запрет на произвольное вмешательство в семейную жизнь, обязательство государства содействовать воссоединению семьи, защиту семей мигрантов, обеспечение равноправия супругов. Пункт третий первой статьи Устава ООН определяет одну из главных задач деятельности ООН, касающиеся прав, он предписывает осуществлять сотрудничество на международном уровне, с уважением относиться к правам и свободам человека, при этом не учитывая половые, расовые или национальные признаки.

Специальные процедуры ООН фокусируются на тех аспектах семейной жизни, которые выходят за пределы классической юридической защиты: цифровые угрозы, государственное наблюдение.

Международное право активно развивает это понятие, расширяя его за пределы простой автономии семьи и включая в него социально-экономические и культурные факторы. Несмотря на существующие механизмы, их положения, касающиеся различных аспектов права на семью, требуют более глубокого анализа.

Региональные системы защиты, включающие законодательную базу, правопорядок и совокупность государственных и негосударственных органов, играют значительную роль в обеспечении прав человека[12].

Национальные механизмы государства имеют первостепенное значение для реализации права на семью, а обращение в правоохранительные и судебные органы является универсальным способом защиты прав в любой правовой системе.

То есть с точки зрения правовых институтов присутствует общепринятая тенденция, которая зародилась задолго до специальных норм защиты. Но то, как именно государство обеспечивает контроль за защитой права человека на семью есть существенные отличия, которые обусловливаются особенностями правовой культуры, традиций народов и исповедуемой семьей религией.

Конвенция о защиты прав человека и основных свобод 1950 г, Американская конвенция о правах человека 1969 г., Американская хартия прав человека и народов 1981 г. это основные существующие акты региональной системы права, в соответствии с которыми происходит реализация и защита права на семью[3;4;7].

Для фактической реализации норм данных конвенций были созданы специальные органы, международные комиссии и суды, которые также обеспечивают реализацию и защиту прав, созданными специальными договорами.

Так, Европейский суд по правам человека действует на основании Европейской конвенции по правам человека и основных свобод. Аналогично, Африканская комиссия по правам человека и народов функционирует в рамках Африканской хартии прав человека и народов. Реализация положений Американской конвенции о правах человека осуществляется через Межамериканскую комиссию по правам человека и Межамериканский суд по правам человека [13].

В рамках настоящего исследования представляется целесообразным провести обобщение существующих норм региональных правовых систем, не прибегая к детальному анализу их внутренней структуры.

В качестве иллюстрации можно привести практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), чьи официальные толкования Конвенции играют значимую роль в определении круга общественных отношений, подпадающих под действие рассматриваемого института. В контексте права на семью, официальное толкование таких дефиниций, как «семья» и «право на семью», может быть непосредственно использовано для дальнейшего становления данного института [5;8;9;10].

Следовательно, семья, как и любая иная категория, подвержена трансформации, затрагивающей как внутренние взаимоотношения ее участников, так и внешние правовые аспекты.

Единое легальное определения «семьи», «права на семью» отсутствует, что усложняет, но не препятствует выявлению универсальных признаков данного института.

В данном случае именно междисциплинарных подход позволит всеобъемлюще раскрыть сущность данного права на семью как фундаментального, появляющегося с рождения права, которое является ценностью для всех рас и народов.

Влияние универсальных и региональных механизмов на защиту и реализацию права на семью является невероятно великим. Универсальная система права под эгидой ООН представляет право на семью как многослойную конструкцию, объединяющую индивидуальную автономию, социально-экономические гарантии и культурную укорененность.

К наиболее эффективным мерам защиты на региональном уровне следует отнести формирование региональных судов, поскольку их решения обеспечиваются публично-властными полномочиями по восстановлению нарушенных прав. Суды обладают компетенцией по принуждению государств к выплате компенсаций лицам, пострадавшим от нарушений прав, гарантированных международным договором. Европейский суд по правам человека, активно толкующий понятия «семья» и «семейная жизнь», выступает наиболее развитым механизмом.

Таким образом, право на семью сегодня представляет собой не статичный набор формальных гарантий, а развивающуюся систему правовых стандартов, учитывающую изменения в репродуктивной медицине, миграционной политике и цифровых угрозах. Существующая система региональных механизмов защиты прав человека еще не совершенна, однако процессуальные нормы не являются статичными и подвергаются постоянным изменениям

Список литературы:

[1] Абашидзе, А. Х. Укрепление системы договорных органов по правам человека / А. Х. Абашидзе, А. Е. Конева // Московский журнал международного права. – 2013. – № 4(92). – С. 19-37.

[2] Абашидзе А. Х., Клишас А. А. Защита семьи по международному праву в свете современных реалий // Правовое государство: теория и практика. 2014. №4 (38).

[3] Американская конвенция о правах человека (Заключена в г. Сан-Хосе 22.11.1969) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. Изд. 2.- М.: Норма-ИНФРА-М, 2002. - С. 867 - 886.

[5] Беррехаб против Нидерландов (Berrehab v. Netherlands): Постановление Европейского суда по правам человека от 21.06.1988 (жалоба N 10730/84); Гаврикова против России: Постановление Европейского Суда по правам человека от 15.03.2007 (жалоба N 42180/02).

[6] Векленко Василий Владимирович, Акиев Арби Русланович Юридическая природа понятия «Семья» // Общество и право. 2016. №2 (56). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-priroda-ponyatiya-semya (дата обращения: 09.05.2026.

[7] Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) (вместе с «Положением о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств», утв. 24.09.1993) // Российская газета, N 120, 23.06.1995.

[8] Маркс против Бельгии (Marckx v. Belgium): Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 июня 1979 (жалоба N 6833/74).

[9] Кроон и другие против Нидерландов (Kroon and Others v. The Netherlands): Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 ноября 1994 года (жалоба N 18535/91).

[10] Шофман (Shofman) против Российской Федерации: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.11.2005 (жалоба N 74826/01).

[11] Скороходов, И. О. Универсальная система международной защиты прав и свобод человека: история возникновения и сущность основных механизмов / И. О. Скороходов // Academy. – 2021. – № 6(69). – С. 51-56.

[12] Утяшев, М.М. Права человека в современной России [Электронный ресурс]: учеб. для вузов. Кн.1 / М.М. Утяшев, Л.М. Утяшева. — 2-е изд. — Уфа: РИО БашГУ, 2006.

[13] Шишенина, И. В. Региональные механизмы защиты права человека на семью / И. В. Шишенина // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. – 2021. – № 2(18). – С. 88-97.

References:

[1] Abashidze, A. Kh. Strengthening the human rights treaty body system/A. Kh. Abashidze, A. E. Koneva//Moscow Journal of International Law. – 2013. – № 4(92). - S. 19-37.

[2] Abashidze A. Kh., Klishas A. A. Protection of the family under international law in the light of modern realities//Rule of law: theory and practice. 2014. №4 (38).

[3] American Convention on Human Rights (Concluded in San Jose 22.11.1969) //International Human Rights Acts. Collection of documents. Ed. 2. - M.: Norma-INFRA-M, 2002. - S. 867-886.

[5] Berrehab v. Netherlands: Ruling of the European Court of Human Rights of 21.06.1988 (Complaint No. 10730/84); Gavrikova v. Russia: Ruling of the European Court of Human Rights of 15.03.2007 (Complaint No. 42180/02).

[6] Veklenko Vasily Vladimirovich, Akiev Arbi Ruslanovich The legal nature of the concept of "Family "//Society and law. 2016. №2 (56). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-priroda-ponyatiya-semya (дата обращения: 09.05.2026.

[7] The Commonwealth of Independent States Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Minsk 26.05.1995) (together with the "Regulation on the Commission on Human Rights of the Commonwealth of Independent States," approved by 24.09.1993) //Rossiyskaya Gazeta, N 120, 23.06.1995.

[8] Marx v. Belgium: Judgment of the European Court of Human Rights of 13 June 1979 (complaint No. 6833/74).

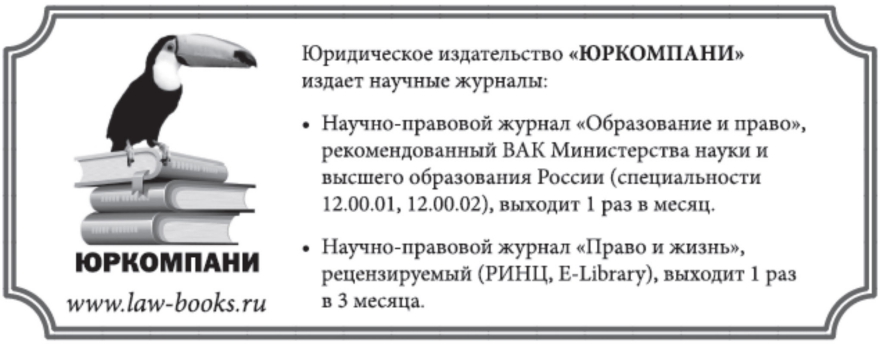
[9] Kroon and Others v. The Netherlands: Ruling of the European Court of Human Rights of 27 November 1994 (complaint N 18535/91).

[10] Shofman v. Russian Federation: Judgment of the European Court of Human Rights of 24.11.2005 (Complaint No. 74826/01).

[11] Skorokhodov, I.O. The universal system of international protection of human rights and freedoms: the history and essence of the main mechanisms/I.O. Skorokhodov//Academy. – 2021. – № 6(69). - S. 51-56.

[12] Utyashev, M.M. Human rights in modern Russia [Electronic resource]: study. for universities. Kn.1/M.M. Utyashev, L.M. Utyasheva. - 2nd ed. - Ufa: RIO BashSU, 2006.

[13] Shishenina, I.V. Regional mechanisms for the protection of the human right to a family/I.V. Shishenina//Bulletin of the Branch of M.V. Lomonosov Moscow State University in Dushanbe. – 2021. – № 2(18). - S. 88-97.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-380-382

ДИВАЕВА Ирина Рафаэловна,

начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского ЮИ МВД России кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции,

e-mail: mail@law-books.ru

СООТНОШЕНИЕ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Аннотация. *Статья посвящена вопросам правового режима обеспечения конфиденциальности сведений о происхождении ребенка в контексте усыновления и применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Автор исследует коллизию между правом человека на личную тайну и правом ребенка на знание своих биологических родителей. Особое внимание уделяется уголовно-правовой охране тайны усыновления (ст. 155 УК РФ) и защите частной жизни (ст. 137 УК РФ) применительно к суррогатному материнству и донорству гамет. Делается вывод о необходимости оптимизации законодательства в условиях цифровизации и доступности генетического тестирования.*

Ключевые слова: *тайна усыновления, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, частная жизнь, уголовная ответственность, права ребенка, биоэтика.*

DIVAEVA Irina Refaelovna,

Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel

THE RELATIONSHIP BETWEEN ADOPTION SECRECY AND THE CONFIDENTIALITY OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES: CRIMINAL LAW AND ETHICAL ASPECTS OF PROTECTING PRIVACY

Annotation. *This article examines the legal framework for ensuring the confidentiality of information about a child's origin in the context of adoption and the use of assisted reproductive technologies (ART). The author explores the conflict between a person's right to privacy and a child's right to know their biological parents. Particular attention is paid to the criminal protection of adoption secrecy (Article 155 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the protection of privacy (Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation) as they apply to surrogacy and gamete donation. The article concludes that legislation needs to be optimized in the context of digitalization and the availability of genetic testing*.

Key words: *adoption secrecy, assisted reproductive technologies, surrogacy, private life, criminal liability, children's rights, bioethics.*

Развитие биомедицинских технологий в XXI веке привело к трансформации традиционных представлений о родстве. Сегодня родительство может быть генетическим, гестационным (вынашивание) и социальным. В связи с этим возникают вопросы о сохранении «тайны происхождения» ребенка. Если институт тайны усыновления имеет многолетнюю историю и закреплен в уголовном законе, то правовой режим сведений о применении вспомогательных репродуктивных технологий остается фрагментарным. В научном сообществе дискутируются проблемы, касающиеся соотношения тайны усыновления и конфиденциальности при применении вспомогательных репродуктивных технологий, правового статуса эмбриона, донора, суррогатной матери и ребенка, понятие «генетического сиротства» и права человека «на идентичность» и др [2,3,4]. Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), такие как экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), суррогатное материнство, криоконсервация генетического материала, стали обыденной медицинской практикой. Однако применение данных методов сопряжено с накоплением огромного массива

сверхчувствительной информации о частной жизни граждан, что может влиять на степень гарантированности основных прав и свобод человека и гражданина [5, с. 19].

В условиях цифровизации здравоохранения и коммерциализации медицины вопросы уголовно-правовой охраны этой информации приобретают особую остроту. В отечественном праве тайна усыновления охраняется законом (ст. 139 Семейного кодекса Российской Федерации), а ее разглашение вопреки воле усыновителя влечет уголовную ответственность по ст. 155 Уголовного кодекса Российской Федерации. Объектом данного преступления являются интересы семьи и нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетнего. Законодатель исходит из концепции «правовой фикции»: усыновленный ребенок юридически полностью приравнивается к кровному, и сохранение тайны призвано обеспечить психологический комфорт в семье и предотвратить вмешательство третьих лиц.

Однако современная доктрина все чаще подвергает ст. 155 УК РФ критике. В эпоху массового распространения коммерческих ДНК-тестов сохранение абсолютной тайны становится практически невозможным. Более того, международные стандарты (в частности, ст. 7 Конвенции ООН о правах ребенка [8]) провозглашают право ребенка «знать своих родителей». Таким образом, возникает этический конфликт между правом усыновителей на частную жизнь и правом ребенка на идентичность.

Применение ВРТ (ЭКО, донорство эмбрионов, суррогатное материнство) также порождает потребность в конфиденциальности. Родители, прибегающие к помощи доноров или суррогатных матерей, зачастую стремятся скрыть этот факт от общества и самого ребенка.

В отличие от усыновления, в российском уголовном праве нет специальной статьи за «разглашение тайны рождения ребенка при помощи ВРТ». Данные отношения регулируются режимом врачебной тайны (ст. Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [9]), за нарушение которой возможна ответственность по ч. 2 ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни с использованием служебного положения), а также общим режимом защиты персональных данных.

Особенность суррогатного материнства (В литературе отмечается, что термин «суррогат» (от лат. Surrogates – продукт, заменяющий натуральный продукт, товар, обладающий лишь некоторыми свойствами заменяемого) создает ощущение противоестественности, когда речь идет о рождении ребенка, пусть не биологической матерью, а женщиной, которая выносила его) заключается в том, что формально «тайны усыновления» здесь нет, так как нет факта усыновления. Однако социальные риски и психологические травмы при раскрытии этой информации идентичны тем, что возникают при разглашении тайны усыновления.

Сравнительный анализ позволяет выделить несколько проблемных моментов. По ст. 155 УК РФ ответственность несет любое лицо, обязанное хранить тайну как по службе, так и иное лицо из корыстных или иных низменных побуждений. В случае с ВРТ (например, если о суррогатном материнстве рассказала соседка) привлечь лицо к ответственности по ст. 137 УК РФ гораздо сложнее, так как требуется доказать факт «незаконного сбора или распространения сведений о частной жизни», составляющих личную или семейную тайну. Возникает этическая асимметрия, связанная с тем, что государство защищает тайну «социального родительства» при усыновлении угрозой уголовной ответственности, но не предоставляет аналогичной специальной защиты родителям, использовавшим донорские клетки? Разница между этими способами появления ребенка в семье минимальна, однако уровень правовой защиты [6, с. 126] разнится.

Что касается уголовно-правовой охраны частной жизни в контексте цифровизации, то статья 137 УК РФ в контексте репродуктивных технологий становится «универсальным», но труднопримененимым инструментом. Основная проблема заключается в определении границ «частной жизни» [7, с. 90]. Является ли информация о том, что женщина не сама вынашивала ребенка, ее личной тайной? Безусловно [1, с. 12]. Но современная судебная практика показывает, что доказать состав преступления при разглашении такой информации без явного использования «документов и баз данных» крайне сложно.

Подводя итог, можно констатировать, что институт тайны усыновления в его нынешнем виде (ст. 155 УК РФ) постепенно устаревает, в то время как сфера ВРТ нуждается в более четких правовых гарантиях конфиденциальности. Необходимо признать, что тайна усыновления и тайна применения ВРТ (в случаях, когда отсутствует генетическая связь хотя бы с одним из родителей) имеют единый объект охраны – стабильность семейных отношений и право ребенка на гармоничное развитие. Существующий разрыв в степени уголовно-правовой защищенности этих институтов (ст. 155 против ст. 137 УК РФ) является несправедливым и требует унификации законодательного подхода.

Представляется целесообразным рассмотреть возможность изменения ст. 155

УК РФ в более широкую норму, охраняющую «тайну происхождения и рождения ребенка», независимо от того, было ли это усыновление или ВРТ, определить пределы тайны: на уровне семейного законодательства предусмотреть возможность доступа ребенка по достижении совершеннолетия к неперсонифицированной медицинской информации о биологических родителях (в случае донорства), сохраняя при этом уголовно-правовой запрет на разглашение этой информации третьими лицами.

Защита частной жизни в сфере репродукции – это баланс между интересами родителей, правом ребенка на правду и обязанностью государства пресекать деструктивное вмешательство в дела семьи. Уголовный закон должен служить своего рода щитом для семейного спокойствия, не игнорируя при этом достижения науки и изменяющиеся социальные нормы.

Список литературы:

[1] Диваева, И. Р. Уголовно-правовая охрана права на неприкосновенность частной (личной) жизни человека в России : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Сам. гос. ун-т. Самара, 2004. 17 с..

[2] Романовский Г. Б. Анонимность доноров половых клеток и современное семейное право // Семейное и жилищное право. 2010. № 5. С 3-8.

[3] Токмашова Н.Ю. К вопросу о необходимости получения генетическими родителями согласия суррогатной матери для приобретения родительских прав на ребенка // Семейное и жилищное право. 2013. № 4. С. 15–18.

[4] Цуканова Е. Ю., Хоборова К. Р. «Искусственные» семьи: суррогатное материнство и усыновление в контексте защиты прав ребенка // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2017. №10 (259). С. 123-126.

[5] Шайхуллин, М. С. Правовая природа конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. 2023. № 1 (1). С. 18-23. – EDN QHXPYJ.

[6] Адвокатская деятельность и адвокатура в России: Учебник для магистров / И. Л. Трунов, Л. К. Айвар, В. Ф. Анисимов [и др.]. – 1-е изд.. – Москва: Издательство Юрайт, 2011. 527 с. (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-9916-1262-3. – EDN VTSUVZ.

[7] Уголовное право. Особенная часть: Курс лекций в 2-х частях / М. С. Шайхуллин, Б. З. Маликов, И. Р. Диваева [и др.]. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 2023. 320 с. ISBN 978-5-7247-1162-3. – EDN OMCGBX.

[8] «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). https://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 12.06.2026).

[9] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) https://www.consultant.ru/document/(дата обращения: 12.06.2026).

References:

[1] Divaeva, I. R. Criminal law protection of the right to inviolability of a person's private (personal) life in Russia: abstract dis.... Candidate of Law: 12.00.08 / Sam. state. un-t. Samara, 2004. 17 s..

[2] Romanovsky G. B. Anonymity of germ cell donors and modern family law // Family and housing law. 2010. № 5. FROM 3-8.

[3] Tokmashova N.Yu. On the issue of the need for genetic parents to obtain the consent of a surrogate mother to acquire parental rights to a child // Family and housing law. 2013. № 4. S. 15-18.

[4] Tsukanova E. Yu., Khoborova K. R. "Artificial" families: surrogacy and adoption in the context of protecting the rights of the child // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right. 2017. №10 (259). S. 123-126.

[5] Shaikhullin, M. S. The legal nature of constitutional guarantees of human and civil rights and freedoms/M. S. Shaikhullin // Law and statehood. 2023. № 1 (1). S. 18-23. – EDN QHXPYJ.

[6] Advocacy and advocacy in Russia: Textbook for Masters / I. L. Trunov, L. K. Aivar, V. F. Anisimov [and others]. - 1st ed.. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2011. 527 p. (Bachelor. Academic course). – ISBN 978-5-9916-1262-3. – EDN VTSUVZ.

[7] Criminal law. Special part: Course of lectures in 2 parts / M. S. Shaikhullin, B. Z. Malikov, I. R. Divaeva [and others]. - Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. 320 pp. ISBN 978-5-7247-1162-3. – EDN OMCGBX.

[8] "Convention on the Rights of the Child" (approved by the UN General Assembly 20.11.1989) (entered into force for the USSR 15.09.1990). https://www.consultant.ru/document/ (accessed on: 12.06.2026).

[9] Federal Law No. 323-FZ of 21.11.2011 (as amended 29.12.2025) " On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" (amended and supplemented, entry effective from 01.04.2026) https://www.consultant.ru/document/ (accessed on: 12.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-383-387

РАДЧЕНКО Елена Павловна,

главный научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения

проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно- исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор экономических наук,

e-mail: helenr2003@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,

e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются пути взаимодействия уголовно-исполнительной системы Российской Федерации с бизнес-сообществом, а также вопросы организационно-правовой среды деятельности исправительных центров. В статье отмечается, что принудительные работы закреплены в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве как альтернатива лишению свободы и рассматриваются как более гуманный и экономически целесообразный вид наказания, направленный на ресоциализацию осужденных и компенсацию причиненного ущерба. Для решения этих проблем, авторы приходят к выводу, что требуется комплексный подход, включающий совершенствование нормативной базы, увеличение финансирования, повышение квалификации персонала, развития сотрудничества с бизнесом и органами местного самоуправления, а также усиление контроля за соблюдением прав осужденных. Также авторы отмечают, что сохраняется дискуссионность правовой природы самого наказания: формально оно включено в перечень основных наказаний, однако по своей конструкции фактически выступает альтернативой лишению свободы и применяется в тесной связи с ним. Эта особенность предопределяет многие дальнейшие трудности правоприменения.*

Ключевые слова: *принудительные работы, исправительный центр, правовое регулирование, бизнес, трудовые навыки, исковые требования, уголовно-исполнительная система.*

RADCHENKO Elena Pavlovna,

Leading Researcher, Federal State Institution «Research Institute» of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation» (Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian)

BAZHANOV Sergey Andreevich,

Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF CORRECTIONAL CENTERS

Annotation. *The article discusses ways of interaction of the penal enforcement system with the business community, as well as issues of the organizational and legal environment of correctional centers. The article notes that forced labor is enshrined in criminal and penal enforcement legislation as an alternative to imprisonment and is considered as a more humane and economically feasible*

form of punishment aimed at the re-socialization of convicts and compensation for the damage caused. To solve these problems, the authors conclude that an integrated approach is required, including improving the regulatory framework, increasing funding, improving staff skills, developing cooperation with businesses and local governments, as well as strengthening control over the observance of the rights of convicts. The authors also note that the legal nature of the punishment itself remains controversial: formally, it is included in the list of basic punishments, but by its design it actually acts as an alternative to imprisonment and is applied in close connection with it. This feature determines many further difficulties of law enforcement.

Key words: *forced labor, correctional center, legal regulation, business, labor skills, claims, and the penal system.*

Введение. Исправительные центры (далее – ИЦ) в России это учреждения, исполняющие наказание в виде принудительных работ. Их деятельность регулируется комплексом правовых норм и организационных механизмов, направленных на обеспечение правопорядка, исправление осужденных и их социальную адаптацию. К октябрю 2025 года сеть ИЦ и участков обеспечивали около 50 тыс. мест для осужденных к принудительным работам [1, 2]. Важной характеристикой экономической эффективности исполнения наказания в виде принудительных работ является уровень занятости осужденных, размер их заработной платы, объем погашенных исковых требований и динамика замены принудительных работ лишением свободы. Необходимо отметить, несмотря на увеличение численности осужденных к принудительным работам, существует ряд вопросов, которые носят дискуссионный характер. В связи с этим отметим ряд современных ученых, занимающихся правовыми и организационными аспектами деятельности ИЦ, среди них можно выделить следующих исследователей: Н.Д. Хмелев в своей научной работе анализирует правовой статус ИЦ, включая их цели, задачи, функции и полномочия. Автор выявляет проблемы правового регулирования, такие как отсутствие четкой ответственности работодателей за контроль над осужденными, недостаточность психологической поддержки и ограниченные механизмы надзора. Предлагает внести изменения в Уголовно-исполнительный кодекс РФ, обязав работодателей контролировать осужденных, а также создать в штатах ИЦ психологические службы [3]. Л.Ю. Буданова, Б.Б. Казак, И.Н. Смирнова, В.Б. Шабанов. Авторы монографии «Правовые и организационные основы деятельности исправительных центров» в своей работе провели комплексный анализ правовых и организационных аспектов функционирования ИЦ в РФ [4]. А.Ш. Габараев, В.В. Дулепов, рассматривали проблемы правового регулирования и правоприменительной практики в определения правового статуса осужденных и сотрудников учреждений [5]. Исследования в этой области продолжают развиваться в рамках научных школ Академии ФСИН России, ФКУ НИИ ФСИН России, а также в других вузах.

Основная часть. Необходимо акцентировать внимание на том, что ИЦ, (УФИЦ) функционируют на пределе своих возможностей. Это обусловлено различиями в демографической и криминогенной ситуации в разных регионах России, а также спецификой судебной практики в отношении применения уголовных наказаний в виде принудительных работ. Организационно-правовая среда деятельности ИЦ в России определяется комплексом нормативных актов, регулирующих их создание, функционирование, структуру, полномочия администрации и права осужденных. Основу правового регулирования составляет Уголовно-исполнительный кодекс РФ (УИК РФ), а также подзаконные акты Министерства юстиции РФ и ФСИН России. Решение о создании ИЦ или его участка принимает ФСИН России. Для создания участка необходимо направить в ФСИН России обращение с приложением ряда документов, включая: копию соглашения между ИЦ и организацией, готовой трудоустроить осужденных; расчет численности персонала и планируемый лимит наполнения участка осужденными; обоснование целесообразности создания участка; схему размещения, перечень объектов и экспликацию зданий; финансово-экономическое обоснование и перечень мероприятий по созданию участка с указанием сроков. Организационно-правовая среда деятельности ИЦ представляет собой систему нормативных актов, регулирующих их создание, функционирование, полномочия администрации, права и обязанности осужденных, а также контроль за деятельностью этих учреждений.

Вместе с тем сохраняется дискуссионность правовой природы самого наказания: формально оно включено в перечень основных наказаний, однако по своей конструкции фактически выступает альтернативой лишению свободы и применяется в тесной связи с ним. Эта особенность предопределяет многие дальнейшие трудности правоприменения [6].

Современное состояние системы

исполнения принудительных работ характеризуется существенным расширением сети исправительных центров и УФИЦ. В 2024 году проведен значительный комплекс мероприятий в целях совершенствования деятельности ИЩ (УФИЦ) в результате которых достигнуто увеличение: уровня привлечения к труду осужденных к принудительным работам, чему способствует бизнес-сообщество [7].

В контексте функционирования исправительных центров с бизнес-сообществом как формы государственно-частного партнерства может проявляться в следующих формах:

размещение ИЦ (УФИЦ) на базе имущества, предоставленного организацией в безвозмездное пользование или на льготных условиях;

организация рабочих мест на производственных площадках предприятий с использованием труда осужденных;

совместная реконструкция или строительство общежитий и объектов коммунальной инфраструктуры для размещения осужденных;

долгосрочные договоры на обеспечение осужденных работой и участие предприятий в финансировании социально бытовых условий;

комплексные инфраструктурные проекты по созданию новых исправительных центров или модернизации существующих с участием частного капитала.

Динамика контингента также показывает быстрый рост применения данного вида наказания [8]. Эта модель исполнения принудительных работ все в большей степени связывается с взаимодействием УИС и внешних организаций. Именно поэтому вопрос о том, вправе ли учреждения УИС использовать труд осужденных на хозяйственном обслуживании собственных объектов, приобретает не частный, а системный характер.

Одновременно статистика демонстрирует и обратную сторону расширения института. Следовательно, количественное развитие системы не всегда сопровождается равномерным повышением качества исполнения наказания.

Наиболее важная правовая проблема состоит в том, что действующая редакция статьи 60.7 УИК РФ и статьи 17 Закона об учреждениях и органах допускает неоднозначное толкование понятия «организации любой организационно-правовой формы». Формально широкая формулировка может провоцировать вывод о допустимости привлечения осужденных к оплачиваемым хозяйственным работам внутри учреждений УИС.

Однако системное толкование норм, ссылка на организационно-правовую форму федеральных казенных учреждений, а также отсутствие соответствующих положений в правилах внутреннего распорядка ИЦ позволяют сделать иной вывод: под такими организациями следует понимать прежде всего организации, не входящие в состав УИС.

Именно здесь проявляется основная коллизия: законодатель, изменив наименование и сферу действия Закона об учреждениях и органах, не привел в полное соответствие используемый понятийный аппарат. В результате в правоприменении возникают риски расширительного толкования, способные затронуть принцип правовой определенности.

Труд осужденных к принудительным работам регулируется одновременно нормами уголовно-исполнительного и трудового законодательства. Такая межотраслевая конструкция сама по себе допустима, однако при отсутствии специальных уточнений порождает практические противоречия.

Наиболее заметно это в вопросе удержаний из заработной платы и порядка ее выплаты. С одной стороны, труд осуществляется в соответствии с Трудовым кодексом РФ, с другой — УИК РФ устанавливает специальные правила о размерах удержаний и гарантируемой части заработка, выплачиваемой осужденному. Отсюда возникает необходимость четко определить субъекта, ответственного за удержания и перечисления, а также порядок взаимодействия между исправительным центром и работодателем [9].

Обоснованно ставится вопрос о назначении принудительных работ лицам, страдающим социально значимыми заболеваниями. За период 2017–2019 годов на учетах ИЦ и УФИЦ состояло 1 586 лиц данной категории, в том числе 136 больных туберкулезом (из них 28 — с открытой формой) и 167 лиц, имеющих инфекции, передающиеся половым путем. Поскольку в системе исполнения данного наказания отсутствуют специализированные исправительные центры для таких лиц, их направление в общие УФИЦ создает риски, как для самих осужденных, так и для других лиц, находящихся в учреждении или на производстве [9].

Из этого логично вытекает предложение о законодательном закреплении перечня заболеваний, исключающих возможность назначения принудительных работ либо требующих специального порядка их исполнения.

Отдельной проблемой является недостаточная гибкость перечня оснований увольнения осужденных с работы. Если осужденный объявлен в розыск или водворен в помещение для нарушителей до решения суда,

работодатель и администрация учреждения фактически сталкиваются с ситуацией, когда рабочее место занято формально, но не используется фактически. Это снижает эффективность занятости и осложняет трудоустройство других осужденных.

Без устойчивой мотивации внешних работодателей дальнейшее расширение системы ИЦ и УФИЦ будет затруднено. При этом действующее налоговое законодательство не создает достаточно ясных и обязательных льгот для организаций, использующих труд осужденных к принудительным работам.

Предлагаются разные варианты решения: налоговые льготы, региональные механизмы понижения налоговой ставки либо федеральные субсидии. Наиболее последовательным представляется путь прямого закрепления мер стимулирования на федеральном уровне, поскольку именно он обеспечивает единообразие условий для работодателей в разных регионах [10].

Анализ статистики показывает, что расширение сети ИЦ и УФИЦ не снимает автоматически проблемы уклонений, розыска и повторной преступности. Это означает, что успешность исполнения принудительных работ должна оцениваться не только по числу созданных мест, но и по качеству отбора осужденных, надзора, трудоустройства и сопровождения их ресоциализации.

Рассматриваемая проблематика охватывает несколько взаимосвязанных направлений: допустимость привлечения осужденных к хозяйственному обслуживанию объектов УИС, медицинские ограничения, организационные трудности трудоустройства, финансово-правовые вопросы удержаний и экономическое стимулирование работодателей.

В совокупности эти обстоятельства показывают, что современная проблема принудительных работ имеет трехуровневый характер. На первом уровне находится доктринально-нормативная проблема: неполная согласованность УИК РФ, трудового законодательства и Закона об учреждениях и органах. На втором уровне — организационная проблема: ограниченность инфраструктуры, уклонения, розыск и перегруженность исправительных центров. На третьем уровне — экономическая проблема: недостаточная мотивация работодателей и не до конца урегулированные расчеты по оплате труда.

Отсюда следует, что дальнейшее развитие института принудительных работ требует не одной точечной поправки, а комплексной модернизации. Нужны: нормативное уточнение перечня допустимых мест трудоустройства; согласование специальных правил оплаты труда и удержаний; установление критериев медико-санитарной допустимости назначения принудительных работ; а также федеральные экономические стимулы для организаций, участвующих в трудоустройстве осужденных.

Особо важно подчеркнуть: использование труда осужденных к принудительным работам внутри самой УИС в отсутствие прямой, четкой и недвусмысленной законодательной регламентации представляется юридически спорным. Следовательно, до внесения соответствующих изменений приоритет должен отдаваться более узкому и безопасному для правоприменения толкованию закона.

Таким образом, институт принудительных работ в России находится на стадии активного развития, но еще не достиг полной нормативной и организационной устойчивости. С одной стороны, расширяется сеть ИЦ и УФИЦ, увеличивается число мест и укрепляется взаимодействие с внешними работодателями. С другой стороны, сохраняются серьезные пробелы, связанные с правовой определенностью допустимых форм труда, режимом оплаты и удержаний, состоянием здоровья осужденных, основаниями увольнения и экономическим стимулированием организаций [11, 12].

Вывод. Практика создания ИЦ (УФИЦ) на основе взаимодействия УИС, региональных органов власти и бизнеса демонстрирует высокий потенциал для расширения занятости осужденных и их социальной реинтеграции, а также для покрытия дефицита рабочей силы в отдельных отраслях [7]. В то же время эффективность принудительных работ зависит не только от количества созданных мест, но прежде всего от качества правового регулирования. Для решения этих проблем требуется комплексный подход, включающий совершенствование нормативной базы, увеличение финансирования, повышение квалификации персонала, развитие сотрудничества с бизнесом и органами местного самоуправления, а также усиление контроля за соблюдением прав осужденных. Без устранения выявленных коллизий и пробелов дальнейшее расширение практики применения данного наказания может сопровождаться ростом конфликтов в правоприменении и снижением его исправительного потенциала.

Список литературы:

[1] Сайт ФСИН России [Электронный ресурс]. – URL: https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/ (дата обращения: 02.05.2026).

[2] В России организовали места для принудительных работ для 50 тыс. осужденных // Коммерсант. ру [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.kommersant.ru/doc/8213744?ysclid=mn73cpigv1772772160 (дата обращения: 02.11.2025).

[3] Хмелев Н.Д. О некоторых элементах правового статуса исправительных центров // Вестник Самарского Юридического института научно-практический журнал. - Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2025. - № 3 (64). - 148

[4] Буданова Л.Ю., Казак Б.Б., Смирнова И.Н., Шабанов В.Б. Правовые и организационные основы деятельности исправительных центров // НИЦ ИНФРА-М. 2023. 178 с.

[5] Габараев А.Ш. Актуальные проблемы реализации принудительных работ исправительными органами уголовно-исполнительной системы / А.Ш. Габараев, В.В. Дулепов // Государственная служба и кадры. - 2018. - № 3. - С. 95-98.

[6] Крымов А.А., Лядов Э.В., Грушин Ф.В. Принудительные работы в Российской Федерации: некоторые проблемы и пути их решения // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2017. № 4 (33). С. 65-71.

[7] В России организовали места для принудительных работ для 50 тыс. осужденных // Коммерсант. ру [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8213744?ysclid=mn73cpigv1772772160 (дата обращения: 02.11.2025).

[8] Зубова А.О., Симагин А.О. Проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ в Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2020. № 1 (37). С. 45-52.

[9] Давыденко А.В. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ // Российская юстиция. 2018. № 10. С. 37-40.

[10] Татаров К.Ю. Принудительные работы на предприятии: экономический аспект // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2017. № 1. С. 96-102.

[11] Радченко, Е. П. К вопросу о внесение в законодательство ряда изменений, направленных на эффективное функционирование проектов государственно-частного партнерства / Е. П. Радченко, С. А. Бажанов // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 431-433. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_4_431. – EDN XARJYF.

[12] Радченко, Е. П. О возможностях развития производственного сектора в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации / Е. П. Радченко, А. Н. Вдовина // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2024. – № 12. – С. 507-509. – EDN LNFVCN.

References:

[1] Website of the Federal Penitentiary Service of Russia [Electronic resource]. - URL: https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/ (access date: 02.05.2026).

[2] In Russia, organized places for forced labor for 50 thousand convicts//Kommersant. ru [Electronic Resource]. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/8213744?ysclid=mn73cpigv1772772160 (access date: 02.11.2025).

[3] Khmelev N.D. On some elements of the legal status of correctional centers//Bulletin of the Samara Law Institute scientific and practical journal. - Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. - № 3 (64). - 148

[4] Budanova L.Yu., Kazak B.B., Smirnova I.N., Shabanov V.B. Legal and organizational foundations of the activities of correctional centers//SIC INFRA-M. 2023. 178 pp.

[5] Gabaraev A.S. Actual problems of the implementation of forced labor by the correctional authorities of the penitentiary system/A.S. Gabaraev, V.V. Dulepov//State Service and Personnel. - 2018. - № 3. - S. 95-98.

[6] Krymov A.A., Lyadov E.V., Grushin F.V. Forced labor in the Russian Federation: some problems and ways to solve them//Bulletin of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2017. № 4 (33). S. 65-71.

[7] In Russia, organized places for forced labor for 50 thousand convicts//Kommersant. ru [Electronic Resource]. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/8213744?ysclid=mn73cpigv1772772160 (access date: 02.11.2025).

[8] Zubova A.O., Simagin A.O. Problems of execution of punishment in the form of forced labor in the Russian Federation//Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2020. № 1 (37). S. 45-52.

[9] Davydenko A.V. Problems of execution of criminal punishment in the form of forced labor//Russian justice. 2018. № 10. S. 37-40.

[10] Tatarov K.Yu. Forced labor at the enterprise: economic aspect//Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 1: Economics and Management. 2017. № 1. S. 96-102.

[11] Radchenko, E.P. On the issue of introducing a number of amendments to the legislation aimed at the effective functioning of public-private partnership projects/E.P. Radchenko, S. A. Bazhanov//Agrarian and land law. – 2025. – № 4. - S. 431-433. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_4_431. – EDN XARJYF.

[12] Radchenko, E.P. On the possibilities of developing the production sector in the penitentiary system of the Russian Federation/E.P. Radchenko, A.N. Vdovina//Competitiveness in the global world: economics, science, technology. – 2024. – № 12. - S. 507-509. – EDN LNFVCN.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-388-394

ДОРСКАЯ Александра Андреевна,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», профессор кафедры международного права ФГБОУВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», SPIN-код: 9965-3211, AuthorID: 314268,

e-mail: adorskaya@yandex.ru

КОПЧЁНОВ Арсений Михайлович,

студент 4 курса бакалавриата факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридического факультета) Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,

e-mail: arseniykopchenov@yandex.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОСМИЧЕСКОГО ТУРИСТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И США

Аннотация. *В статье исследуется правовой статус космического туриста как участника пилотируемого космического полета. Актуальность темы обусловлена тем, что развитие коммерческих миссий постепенно выводит человека, не являющегося профессиональным космонавтом, в сферу отношений, где обычные конструкции пассажирской перевозки и потребительской услуги оказываются недостаточными. Цель работы состоит в выявлении правовой природы космического туриста и в сравнении российского и американского подходов к регулированию его допуска, информирования, подготовки и ответственности. На основе анализа международных договоров, законодательства Российской Федерации, норм США об участниках космических полетов и практики частных астронавтских миссий обосновывается вывод о смешанном характере статуса космического туриста. Предлагается рассматривать его не как космонавта и не как обычного пассажира, а как участника космического полета, обладающего специальным набором прав, обязанностей и заранее раскрытых рисков.*

Ключевые слова: *космический турист, космический туризм, правовой статус, участник космического полета, коммерческий космический полет, Российская Федерация, США, информированное согласие, ответственность, безопасность космической деятельности.*

DORSKAYA Aleksandra Andreevna,

Doctor in Law, Professor, Head of the Department of Theoretical Legal Disciplines of North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Professor at the Department of International Law of Herzen University

KOPCHENOV Arseniy Mikhailovich,

4th-year Bachelor's student at the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Law Faculty) of the North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

LEGAL STATUS OF A SPACE TOURIST: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE APPROACHES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES

Annotation. *The article examines the legal status of a space tourist as a participant in human space flight. The relevance of the study is determined by the growth of commercial missions, in which a person who is not a professional astronaut enters a field where ordinary passenger transportation and consumer-service models are insufficient. The purpose of the article is to identify the legal nature of a space tourist and to compare Russian and U.S. approaches to admission, information disclosure, training and liability. Based on international treaties, Russian legislation, U.S. rules on the space flight participant and NASA private astronaut missions, the article substantiates the mixed*

nature of the status of a space tourist. The author proposes to consider a space tourist neither as an astronaut nor as an ordinary passenger, but as a participant in space flight with a special set of rights, obligations and disclosed risks.

Key words*: space tourist, space tourism, legal status, space flight participant, commercial human space flight, Russian Federation, United States, informed consent, liability, safety of space activities.*

Космический туризм долго воспринимался как эффектный сюжет научной фантастики, однако современное развитие пилотируемых программ показывает, что речь идет уже не о будущем, а о складывающемся правовом явлении. Полет частного лица в космическое пространство перестал быть единичным исключением, связанным только с государственной космической программой, и постепенно становится разновидностью коммерчески организованной деятельности. Для права это означает появление участника, который физически находится в зоне космического риска, но не является профессиональным космонавтом, военнослужащим, инженером экипажа или государственным астронавтом.

Именно в этой двойственности заключается основная проблема темы. Космический турист не укладывается в привычную для гражданского права категорию пассажира, потому что полет совершается не в обычной транспортной среде, а в сфере деятельности с повышенной опасностью, международной ответственностью государства, специальным режимом регистрации космического объекта и особыми требованиями к безопасности. Вместе с тем он не может быть безоговорочно приравнен к космонавту: профессиональный космонавт выполняет функции экипажа, имеет длительную подготовку и действует в рамках служебного статуса. Турист же вступает в отношения на иной правовой основе.

Цель настоящей статьи состоит в определении правовой природы космического туриста через сопоставление подходов Российской Федерации и США. Для достижения указанной цели необходимо, во-первых, установить, какие элементы статуса частного лица уже следуют из международных космических договоров; во-вторых, определить особенности российского регулирования; в-третьих, рассмотреть американскую конструкцию space flight participant; в-четвертых, сформулировать авторский вывод о том, какая модель могла бы быть полезной для российского права. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы.

Международные договоры о космосе не знают термина «космический турист», что объяснимо исторически. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. создавался в условиях, когда космическая деятельность имела преимущественно государственный, научный и военно-стратегический характер. Тем не менее именно этот договор задает базовую рамку: государства отвечают за национальную деятельность в космосе, включая деятельность негосударственных субъектов, а государство регистрации сохраняет юрисдикцию и контроль над объектом и персоналом, находящимся на нем [1].

Для статуса туриста это положение имеет принципиальное значение. Частный характер участия в полете не устраняет публично-правовой связи между космической деятельностью и государством. Даже если билет приобретается у коммерческого оператора, а миссия организуется не как государственная экспедиция, государство не может полностью отойти в сторону. Оно сохраняет обязанность разрешать, контролировать и надзирать за национальной космической деятельностью. Следовательно, статус космического туриста формируется не только договором с оператором, но и публичной обязанностью государства обеспечить правовой порядок и безопасность такой деятельности.

Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1968 г. также было принято до появления коммерческого космического туризма. Его язык построен вокруг категории космонавта и обязанности оказания помощи, спасания и возвращения лиц, оказавшихся в аварийной ситуации [2]. Однако узкое толкование этого соглашения, при котором помощь предоставляется только профессиональному космонавту, а участник полета оказывается вне защиты, противоречило бы гуманитарной цели акта. Смысл спасания состоит не в подтверждении служебного статуса лица, а в охране жизни человека в исключительных условиях космического риска.

Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. закрепляет

особую модель ответственности запускающего государства [3]. Ее значение для исследуемой темы состоит в том, что вред, причиненный космическим объектом, не становится исключительно частноправовым делом оператора и туриста. Если ущерб причиняется третьим лицам, включается международный механизм ответственности. Но отношения между туристом и оператором, особенно при вреде жизни или здоровью самого участника полета, требуют дополнительных правил, потому что конвенционная модель ориентирована преимущественно на межгосударственный уровень.

Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1975 г. подчеркивает другую сторону проблемы: космический турист находится не в абстрактном «космосевообще», а на борту конкретного объекта, связанного с государством регистрации [4]. Через регистрацию определяется юрисдикционная привязка, а вместе с ней – применимое право, компетентные органы и режим контроля. Поэтому вопрос о статусе туриста невозможно решать только через договор оказания услуги. Он связан с регистрацией объекта, государственным допуском деятельности и пределами юрисдикции в космическом пространстве.

Российское законодательство сохраняет государственно-ориентированное понимание космической сферы. Закон Российской Федерации «О космической деятельности» устанавливает правовые и организационные основы деятельности под юрисдикцией Российской Федерации и связывает ее с развитием экономики, науки, техники, обороны, безопасности и международного сотрудничества [5]. Такая конструкция закономерна для отрасли, в которой технологический риск, стратегическое значение и международные обязательства не позволяют строить регулирование исключительно по логике рынка услуг.

При этом в российском праве отсутствует специальное определение космического туриста или частного участника космического полета. Закон регулирует космическую деятельность, управление ею, лицензирование, безопасность, страхование и ответственность, однако само физическое лицо, которое не входит в профессиональный экипаж, но участвует в полете на договорной основе, остается описанным косвенно. На раннем этапе развития отрасли такой подход мог казаться достаточным: количество подобных полетов было ограниченным, а их организация происходила под жестким контролем государственных структур.

Однако дальнейшее развитие частных миссий меняет ситуацию. Если полеты непрофессиональных лиц станут регулярнее, отсутствие специальной категории начнет создавать практические сложности. Неясными остаются минимальные требования к объему информации, которую должен получить турист, соотношение медицинского допуска и добровольного принятия риска, пределы ответственности оператора, вопрос страхования, порядок поведения туриста на борту космического объекта. Пока эти вопросы могут разрешаться договором и внутренними правилами оператора, но для устойчивого рынка такой модели недостаточно.

В законодательстве США используется понятие space flight participant (участник космического полета). Согласно 51 U.S.C. § 50902, таким участником является лицо, которое не является экипажем или государственным астронавтом и находится внутри космического корабля или возвращаемого космического аппарата [6]. Сильная сторона этой формулы состоит в том, что законодатель не пытается искусственно подвести частное лицо под старые категории. Он прямо признает третью фигуру: не экипаж, не государственный астронавт, но лицо, находящееся на борту космического корабля.

Американская модель возникла как ответ на развитие коммерческих запусков. Commercial Space Launch Amendments Act 2004 г. сформировал основу для регулирования коммерческих полетов в космос и в том числе определил порядок допуска лиц к участию в них [8]. Для США характерно сочетание предпринимательской свободы оператора с государственным лицензированием и раскрытием рисков. Иными словами, государство не заменяет собой оператора, но устанавливает рамки, в которых частное лицо должно понимать опасность участия в полете.

Центральным элементом этой модели является информированное согласие. Федеральные правила требуют, чтобы оператор до получения оплаты или заключения соглашения сообщил участнику сведения о рисках запуска и возвращения, в том числе об известных опасностях, неизвестных опасностях, а также о возможности смерти, серьезного вреда здоровью или утраты физических и психических функций [7]. В юридическом смысле это не просто предупреждение. Информированное согласие превращает риск из скрытого обстоятельства в предмет осознанного выбора.

Вместе с тем американский подход не следует понимать как полный отказ государства от защиты участника. Информированное согласие не должно превращаться в универсальное освобождение оператора от ответственности. Оно подтверждает, что участник знает о природе

объективного космического риска, но не может оправдать нарушение обязательных требований безопасности, недостоверное информирование, сокрытие данных или грубую организационную ошибку. Поэтому правильная модель должна различать принятый риск и вред, вызванный неправомерным поведением оператора.

Практика NASA, связанная с коммерческими космическими полетами, дополнительно показывает, что современный участник таких полетов не всегда является «туристом» в бытовом смысле. NASA указывает, что частные астронавтские миссии являются частью стратегии формирования коммерческой экономики на низкой околоземной орбите; после прибытия на Международную космическую станцию такие астронавты могут выполнять научные, просветительские и коммерческие задачи [9]. Следовательно, термин «космический турист» удобен, но не всегда точен.

Из этого следует важное терминологическое различие. «Космический турист» указывает прежде всего на личную, рекреационную или имиджевую цель полета. «Участник космического полета» является более широкой категорией. В нее могут входить туристы, представители образовательных проектов, медиаперсоны, исследователи, оплачивающие участие в миссии, и иные лица, не являющиеся профессиональным экипажем. Для российского законодательства предпочтительнее именно широкая формулировка, а космического туриста можно рассматривать как один из ее видов.

Сравнение российского и американского подходов позволяет выделить несколько критериев различия. Первый критерий – терминологическая определенность. Российское право пока не выделяет непрофессионального участника полета в самостоятельную фигуру, тогда как право США прямо использует категорию «участник космического полета». Второй критерий – способ распределения риска. В российской модели он преимущественно выводится из общих норм безопасности, договора и страхования, в американской – специально связан с информированным согласием. Третий критерий – роль частного оператора. В США он является центральным организатором коммерческого полета, в России космическая деятельность традиционно сильнее связана с государственным контролем.

При этом не следует противопоставлять эти модели как правильную и неправильную. Российский подход имеет собственное преимущество: он исходит из высокой публичной значимости космической деятельности и не позволяет рассматривать ее как обычный рынок впечатлений. Для отрасли, где одна ошибка может повлечь международные последствия, государственный контроль является не пережитком, а условием правовой устойчивости. Недостаток заключается не в самом публичном характере регулирования, а в том, что в нем пока недостаточно четко описан статус частного участника.

Американская модель, напротив, обладает большей гибкостью и терминологической ясностью, но ее нельзя механически перенести в российское право. В США развитие коммерческого космоса связано с иной структурой рынка, большим числом частных операторов и другим балансом между государственным контролем и предпринимательским риском. Для России более убедительным был бы не полный импорт американского регулирования, а заимствование отдельных юридических механизмов: определения частного участника, обязательного раскрытия риска, специальной подготовки и договорного закрепления обязанностей.

Представляется, что правовой статус космического туриста должен состоять из нескольких взаимосвязанных элементов. Первый элемент – допуск. Он должен включать медицинскую оценку, проверку способности участника выполнять команды экипажа, ознакомление с режимом космического объекта и подтверждение отсутствия обстоятельств, создающих недопустимый риск. Допуск не равен профессиональному отбору космонавта, но должен быть более строгим, чем обычная проверка пассажира перед перевозкой.

Второй элемент – информирование. Участнику необходимо заранее сообщать не только общую информацию о повышенной опасности, но и конкретный набор сведений: характер миссии, этапы запуска и возвращения, основные факторы риска, правила поведения, возможные медицинские последствия, ограничения на перемещение, порядок связи с экипажем, условия страхования и пределы ответственности оператора. Только при таком объеме информации согласие может иметь правовое значение, а не быть формальной подписью в договоре.

Четвертый элемент – ответственность и страхование. Право должно разграничивать объективный риск, добровольно принятый туристом после надлежащего информирования, и вред, причиненный нарушением обязательных требований. Если оператор скрыл существенную информацию, допустил лицо без необходимой подготовки или нарушил правила безопасности, ссылка на добровольное принятие риска не должна освобождать его от ответственности. Напротив, если вред связан с объективным риском, о котором участник был надлежаще

предупрежден, распределение последствий может быть иным.

Такой подход соответствует и общей логике развития низкой околоземной орбиты. NASA прямо связывает частные астронавтские миссии с формированием коммерческой экономики на низкой околоземной орбите и расширением круга людей и организаций, получающих доступ к космосу [10]. Это означает, что космический туризм становится не изолированной забавой для отдельных состоятельных лиц, а частью более широкой трансформации космической деятельности: от закрытой государственной сферы к смешанной системе, где рядом с государством действуют компании, университеты, медиаорганизации и частные исследователи.

Научная литература также подчеркивает, что традиционное космическое право не было специально создано для массового участия частных лиц. С. Хобе относит к ключевым проблемам космического туризма разграничение воздушного и космического пространства, авторизацию деятельности, регистрацию объекта, ответственность и статус пассажиров [11]. С. Фриланд связывает коммерческий космический туризм с необходимостью развития специальных правил безопасности, ответственности и этики использования космоса [12]. В исследованиях Ф. фон дер Дунка, М.-В. Карминати, Д. Гриффита, М. Кэмпбелла, Р. Джакху и других авторов дополнительно раскрываются вопросы государственной ответственности, информированного согласия и регистрации космических объектов [13; 14; 15].

С учетом изложенного российскому законодателю целесообразно закрепить определение участника космического полета. Под ним можно понимать физическое лицо, не входящее в профессиональный экипаж космического объекта и участвующее в космическом полете на основании договора с оператором или иной уполномоченной организацией после прохождения установленного медицинского, технического и информационного допуска. Космический турист в таком случае будет разновидностью такой категории участников, когда основная цель полета имеет личный, рекреационный или иной непрофессиональный характер.

Введение указанной категории позволило бы решить сразу несколько задач. Во-первых, отделить участника от космонавта и пассажира. Во-вторых, закрепить минимальный объем информации, которую оператор обязан раскрыть до заключения договора. В-третьих, связать допуск с подготовкой и медицинской оценкой. В-четвертых, установить правила страхования и распределения ответственности. В-пятых, создать более предсказуемую модель для будущих российских проектов в сфере орбитальных и суборбитальных полетов.

При этом развитие регулирования не должно идти по пути избыточного ограничения. Если правовой режим будет построен только как запретительный, коммерческий сегмент не получит пространства для развития. Задача права состоит не в том, чтобы сделать космический туризм невозможным, а в том, чтобы не допустить его превращения в непрозрачную и опасную услугу. Баланс должен строиться на трех основаниях: публичный контроль государства, профессиональная ответственность оператора и осознанное принятие риска участником.

Таким образом, правовой статус космического туриста имеет смешанную природу. В нем соединяются элементы публичного космического права, гражданско-правового договора, технического регулирования, медицинского допуска, страхования и специальных правил поведения. Ошибкой было бы искать единственный «главный» источник статуса. Международные договоры определяют рамку ответственности и юрисдикции, национальное законодательство устанавливает порядок допуска и контроля, оператор формирует правила миссии, а договор конкретизирует права и обязанности конкретного участника.

Сравнительный анализ показывает, что российская модель сильна государственным контролем, но нуждается в большей терминологической и процедурной определенности. Американская модель сильна тем, что прямо выделяет участника космических полетов и связывает его статус с раскрытием риска, однако ее рыночная логика не может быть перенесена в российские условия без адаптации. Оптимальным представляется развитие российской модели через точечное закрепление категории участника космического полета, обязательного информированного согласия, минимальных требований к подготовке и правил ответственности оператора.

В заключение следует отметить, что космический турист является новой самостоятельной правовой фигурой, возникшей в результате перехода космической деятельности от почти исключительно государственной модели к смешанной государственно-коммерческой системе. Он не является обычным пассажиром, потому что участвует в деятельности с повышенным космическим риском и публично-правовыми последствиями. Он не является и полноценным космонавтом, поскольку не выполняет профессиональных функций экипажа. Наиболее точной является квалификация

космического туриста как участника космического полета, обладающего специальными правами, обязанностями и информацией, раскрывающей объем принимаемого риска.

Список литературы:

[1] Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г. // ООН. URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/outerspacetreaty.html (дата обращения: 15.06.2026).

[2] Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство от 22 апреля 1968 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/astronauts_rescue.shtml (дата обращения: 15.06.2026).

[3] Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 15.06.2026).

[4] Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство от 14 января 1975 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml (дата обращения: 15.06.2026).

[5] Закон РФ от 20.08.1993 № 5663-1 (ред. от 29.12.2025) «О космической деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Российская газета. № 186. 06.10.1993.

[6] 51 U.S.C. § 50902. Definitions // Legal Information Institute. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/51/50902#20 (дата обращения: 15.06.2026).

[7] 14 CFR § 460.45 – Operator informing space flight participant of risk // Legal Information Institute. URL: https://www.law.cornell.edu/cfr/text/14/460.45 (дата обращения: 15.06.2026).

[8] Commercial Space Launch Amendments Act of 2004 // Federal Aviation Administration. URL: https://www.faa.gov/about/office_org/headquarters_offices/ast/media/pl108-492.pdf (дата обращения: 15.06.2026).

[9] Private Astronaut Missions // National Aeronautics and Space Administration. URL: https://www.nasa.gov/humans-in-space/private-astronaut-missions/ (дата обращения: 15.06.2026).

[10] Low Earth Orbit Economy // National Aeronautics and Space Administration. URL: https://www.nasa.gov/humans-in-space/commercial-space/low-earth-orbit-economy/ (дата обращения: 15.06.2026).

[11] Hobe S. Legal Aspects of Space Tourism // Nebraska Law Review. 2007. Vol. 86. No. 2. P. 439-458.

[12] Freeland S. Fly Me to the Moon: How Will International Law Cope with Commercial Space Tourism? // Melbourne Journal of International Law. 2010. Vol. 11. P. 1-29.

[13] Von der Dunk F.G. The Origins of Authorisation: Article VI of the Outer Space Treaty and International Space Law // National Space Legislation in Europe: Issues of Authorisation of Private Space Activities in the Light of Developments in European Space Cooperation. Leiden: Nijhoff, 2011, P. 3-28.

[14] Carminati M.-V., Griffith D., Campbell M.R. Sub-orbital commercial human space flight and informed consent in the United States // Acta Astronautica. 2013. Vol. 92. No. 2. P. 263-265.

[15] Jakhu R.S., Jasani B., McDowell J.C. Critical issues related to registration of space objects and transparency of space activities // Acta Astronautica. 2018. Vol. 143. P. 406-420.

References:

[1] Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies of January 27, 1967//UN. URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/outerspacetreaty.html (дата обращения: 15.06.2026).

[2] Agreement on the rescue of astronauts, the return of astronauts and the return of objects launched into outer space of April 22, 1968//UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/astronauts_rescue.shtml (дата обращения: 15.06.2026).

[3] Convention on International Liability for Damage Caused by Space Objects of March 29, 1972//UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 15.06.2026).

[4] Convention on Registration of Objects Launched into Outer Space of January 14, 1975// UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml (дата обращения: 15.06.2026).

[5] Law of the Russian Federation of 20.08.1993 No. 5663-1 (as amended by 29.12.2025) “ On Space Activities” (amended and supplemented, entry in force since 01.01.2026) //Rossiyskaya Gazeta. № 186. 06.10.1993.

[6] 51 U.S.C. § 50902. Definitions // Legal Information Institute. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/51/50902#20 (access date: 15.06.2026).

[7] 14 CFR § 460.45 – Operator informing space flight participant of risk // Legal Information Institute. URL: https://www.law.cornell.edu/cfr/

text/14/460.45 (access date: 15.06.2026).

[8] Commercial Space Launch Amendments Act of 2004 // Federal Aviation Administration. URL: https://www.faa.gov/about/office_org/headquarters_offices/ast/media/pl108-492.pdf (дата обращения: 15.06.2026).

[9] Private Astronaut Missions // National Aeronautics and Space Administration. URL: https://www.nasa.gov/humans-in-space/private-astronaut-missions/ (дата обращения: 15.06.2026).

[10] Low Earth Orbit Economy // National Aeronautics and Space Administration. URL: https://www.nasa.gov/humans-in-space/commercial-space/low-earth-orbit-economy/ (дата обращения: 15.06.2026).

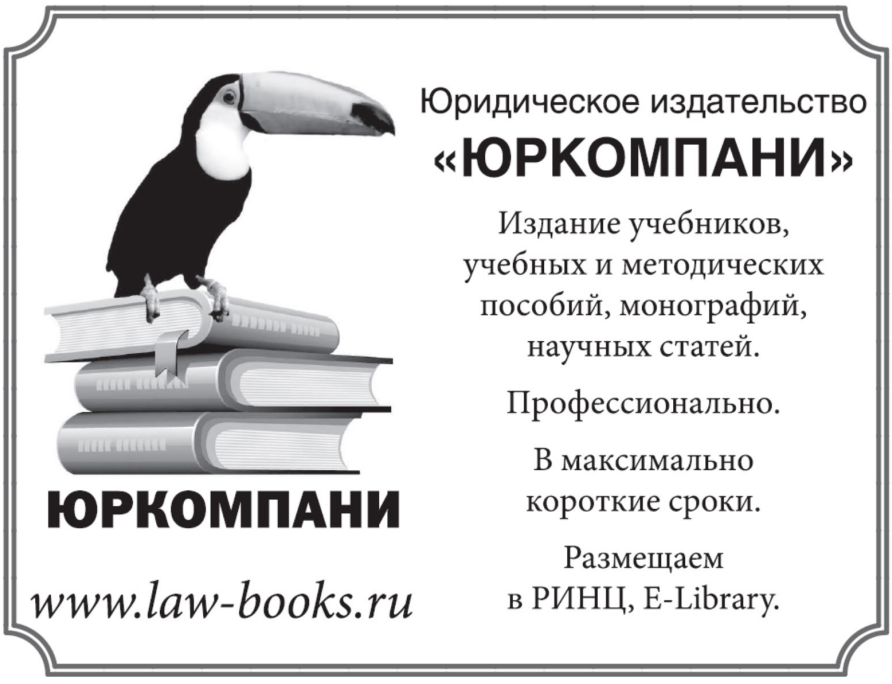
[11] Hobe S. Legal Aspects of Space Tourism // Nebraska Law Review. 2007. Vol. 86. No. 2. P. 439-458.

[12] Freeland S. Fly Me to the Moon: How Will International Law Cope with Commercial Space Tourism? // Melbourne Journal of International Law. 2010. Vol. 11. P. 1-29.

[13] Von der Dunk F.G. The Origins of Authorisation: Article VI of the Outer Space Treaty and International Space Law // National Space Legislation in Europe: Issues of Authorisation of Private Space Activities in the Light of Developments in European Space Cooperation. Leiden: Nijhoff, 2011, P. 3-28.

[14] Carminati M.-V., Griffith D., Campbell M.R. Sub-orbital commercial human space flight and informed consent in the United States // Acta Astronautica. 2013. Vol. 92. No. 2. P. 263-265.

[15] Jakhu R.S., Jasani B., McDowell J.C. Critical issues related to registration of space objects and transparency of space activities // Acta Astronautica. 2018. Vol. 143. P. 406-420.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-395-406

КУЗЬМИН Максим Андреевич,

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, референт Департамента международного права и сотрудничества Министерства юстиции Российской Федерации,

e-mail: mail@law-books.ru

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ ЮСТИЦИИ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ

Аннотация. *В статье проводится анализ теоретико-правовых основ трансграничного электронного взаимодействия в сфере юстиции. Автор исследует понятийный аппарат, а также виды электронного взаимодействия в сфере юстиции.*

Ключевые слова: *трансграничное электронное взаимодействие, цифровизация юстиции, электронное правосудие, международное сотрудничество.*

KUZMIN Maxim Andreevich,

graduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, referent of the Department of International Law and Cooperation of the Ministry of Justice of the Russian Federation

CROSS-BORDER ELECTRONIC INTERACTION IN THE FIELD OF JUSTICE: CONCEPT AND TYPES

Annotation. *The article analyzes the theoretical and legal foundations of cross-border electronic interaction in the field of justice. The author explores the conceptual apparatus, as well as types of electronic interaction in the field of justice.*

Key words: *cross-border electronic interaction, digitalization of justice, e-justice, international cooperation.*

Введение

Современная эпоха цифровой трансформации кардинально меняет традиционные подходы к осуществлению правосудия и международному сотрудничеству в сфере юстиции. Процессы глобализации и технологического прогресса сподвигают развивать новые формы взаимодействия между государствами в различных сферах, среди которых особое место занимает трансграничное электронное взаимодействие учреждений юстиции.

Особая актуальность исследования данного вопроса обусловлена несколькими факторами. Во-первых, интенсивное развитие цифровых технологий создает новые возможности для оптимизации судебных процедур. Во-вторых, существующее правовое регулирование зачастую не успевает за технологическими изменениями, что создает правовые пробелы и коллизии. В-третьих, отсутствие единых международных правил и стандартов затрудняет выстраивание эффективного сотрудничества между юрисдикциями, особенно при электронном обмене чувствительной информацией.

Целью настоящего исследования является анализ теоретико-правовых основ трансграничного электронного взаимодействия в сфере юстиции, его понятийного аппарата, а также выработка авторского определения и классификации видов трансграничного электронного взаимодействия в сфере юстиции.

Методологическую основу исследования составляют: диалектический метод познания, методы системного и сравнительно-правового анализа, формально-юридический метод, а также методы правового моделирования и прогнозирования.

Идеи цифровизации сферы юстиции активно звучат на различных площадках. Переход к трансграничному электронному взаимодействию в сфере юстиции становится одним из приоритетных направлений международного сотрудничества [32,37].

Во исполнение пункта 11.1 Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024 – 2026 годы, утвержденных Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 2, минюстами России и Беларуси сформирована Рабочая группа для подготовки предложений по оказанию правовой

помощи по гражданским, хозяйственным (экономическим) делам в электронном виде [35].

25 июня 2025 г. на площадке девятнадцатого заседания Совета министров юстиции государств – участников Содружества Независимых Государств министрами юстиции России, Армении, Беларуси, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана утверждена Концепция создания Единой электронной системы обмена информацией между министерствами юстиции государств – участников СНГ, а также принято решение о формировании Рабочей группы Совета по выполнению мероприятий Дорожной карты по реализации названной Концепции [32].

В рамках двенадцатого Совещания министров юстиции государств – членов ШОС Министр юстиции Российской Федерации Константин Чуйченко «отметил необходимость проработки вопроса о создании единой цифровой платформы для оказания международной правовой помощи на площадке ШОС» [34].

На сегодняшний день международное взаимодействие российских и иностранных компетентных и центральных органов в сфере юстиции преимущественно ведется на бумажных носителях. Однако такой способ взаимодействия имеет ряд недостатков. Во-первых, традиционные процедуры направления запросов о правовой помощи и документов по результатам их исполнения в бумажной форме являются крайне длительными: срок исполнения запроса может достигать нескольких месяцев, а в некоторых случаях и превышать год. Такая продолжительность не соответствует современным потребностям правосудия, особенно в условиях, когда субъекты правоотношений осуществляют трансграничную деятельность с использованием цифровых технологий, а доказательства по делам могут находиться в различных юрисдикциях. Во-вторых, бумажный документооборот создает риски утраты документов, а также их повреждения при пересылке. В-третьих, стоимость традиционного взаимодействия создает дополнительную финансовую нагрузку как на государственные органы, так и на участников процесса. Более того, в случае возврата запроса или обращения к запрашивающей стороне за дополнительной информацией указанные затраты увеличиваются кратно. В результате затрудняется трансграничная защита прав и законных интересов граждан и организаций.

В связи с этим вопрос о переходе к трансграничному электронному взаимодействию в сфере юстиции заслуживает детальной проработки.

Переход к электронным формам трансграничного взаимодействия порождает комплекс правовых, технических и организационных проблем, требующих научного осмысления. Отсутствие единообразного понятийного аппарата, фрагментарность правового регулирования, различия в технических стандартах и уровне цифровизации национальных систем юстиции создают препятствия для масштабного внедрения электронного взаимодействия. Особую актуальность приобретает проблема обеспечения доверия к электронным документам, передаваемым в трансграничном контексте, поскольку традиционные механизмы удостоверения подлинности документов (апостиль, консульская легализация) не всегда применимы к электронной форме.

В этой связи первостепенное значение для настоящего исследования имеет формирование четкого понятийного аппарата, определение сущности трансграничного электронного взаимодействия в сфере юстиции, его особенностей, а также разработка научно обоснованной классификации данного термина.

Электронное взаимодействие как общая категория получило широкое распространение в правовой науке и законодательстве Российской Федерации [12-21].

Следует, однако, отметить, что зачастую формулировка «электронное взаимодействие» в российском законодательстве используется либо как указание на «систему межведомственного электронного взаимодействия» (СМЭВ [9-11]), либо указывает на участников электронного взаимодействия и отношения между такими участниками [17,19].

Вместе с тем федеральное законодательство не раскрывает дефиницию понятия «электронное взаимодействие».

В доктрине правовые аспекты электронного взаимодействия, в том числе в юридической сфере, соотношение с категорией «информационное взаимодействие» рассматривались в работах Бачило И.Л., Бойченко И.С., Карандашевой Н.Н., Нагаевой А.А., Талапиной Э.В., Туманова А.А. [24,27,28,29].

Нагаева А.А. определяет электронное взаимодействие как совокупность действий субъектов договорных правоотношений, осуществляемых ими при помощи определенных аппаратно-программных технических средств и стандартов связи в целях передачи данных отправителем адресату в электронной форме без фиксации на материальном носителе и направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Туманов А.А. приходит к выводу, что электронное взаимодействие является формой

информационного взаимодействия.

Карандашева Н.Н. предлагает использовать термин «трансграничное цифровое судебное поручение», которое одновременно указывает как на форму поручения, так и на способ его передачи [26].

Обобщенно, с учетом положений Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», под электронным взаимодействием можно понимать «обмен информацией в электронной форме, осуществляемый государственными органами, органами местного самоуправления, организациями, индивидуальными предпринимателями, а также гражданами».

Также в российском законодательстве и юридической доктрине мы встречаем определение понятия «трансграничное электронное взаимодействие».

Так, в статье 2 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке признания электронной подписи (электронной цифровой подписи) в электронном документе при трансграничном электронном взаимодействии [6] закреплено, что «трансграничное электронное взаимодействие» - это информационное взаимодействие в электронной форме между отправителем (получателем) информации, зарегистрированным в государстве одной Стороны, и получателем (отправителем) информации, являющимся зарегистрированным в государстве другой Стороны.

Несмотря на то, что Соглашение не регламентирует межгосударственный электронный документооборот (пункт 3 статьи 1 Соглашения), его положения служат отличным примером, поскольку содержащееся в нем определение «трансграничного электронного взаимодействия» фиксирует ключевой признак – нахождение участников информационного обмена под юрисдикцией разных государств. Данный признак является универсальным как для узкого понимания признания юридической значимости электронных документов, так и для более широкого института межгосударственного документооборота.

Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 3 к Договору о Евразийском экономическом союзе) [3] закрепляет определение следующих терминов, имеющих важное значение для понимания сущности трансграничного электронного взаимодействия в сфере юстиции.

Во-первых, закрепляется определение «электронной формы взаимодействия», под которой понимается «способ информационного взаимодействия, основанный на применении информационно-коммуникационных технологий».

Во-вторых, определяется понятие «трансграничного пространства доверия» как «совокупности правовых, организационных и технических условий, согласованных государствами-членами с целью обеспечения доверия при межгосударственном обмене данными и электронными документами между уполномоченными органами, а также между хозяйствующими субъектами и уполномоченными органами в процессе составления, отправления, передачи и получения электронных документов, информации в электронном виде».

Категория «трансграничное пространство доверия» имеет ключевое значение для сферы юстиции, поскольку именно доверие к электронным документам и идентификации участников составляет основу юридической значимости трансграничного обмена. В отличие от коммерческого электронного обмена, при взаимодействии судов, нотариусов и других учреждений юстиции требуется не только техническая совместимость, но и юридическая значимость пересылаемой информации, взаимное признание процессуальных последствий. Следовательно, формирование такого пространства является не вспомогательным, а обязательным условием внедрения электронного взаимодействия в сфере юстиции.

Концепция трансграничного информационного взаимодействия, утвержденная Решением Евразийского межправительственного совета от 9 августа 2019 года № 7 [38], содержит определение понятия «трансграничное информационное взаимодействие», раскрывая его как «процесс обмена информацией между субъектами - резидентами различных государств-членов, который начинается на территории государства-члена, резидентом которого является отправитель информации, и заканчивается на территории государства-члена, резидентом которого является получатель информации».

Также под термином «трансграничное электронное взаимодействие» предлагается понимать «осуществляемый с помощью информационных систем обмен электронными сообщениями и (или) электронными документами между участниками трансграничного пространства доверия» [25].

Здесь важен акцент на использование информационных систем. Электронное взаимодействие в правовой сфере не может сводиться к пересылке файлов по электронной почте. Оно предполагает наличие защищенных

информационных систем, которые обеспечивают фиксацию факта отправки, получения, целостности документа и неизменности его содержания. Именно такой подход отличает электронное правосудие от простого замещения бумажного носителя цифровым.

Комплексный анализ указанных определений позволяет выделить ключевые признаки трансграничного электронного взаимодействия, а именно:

трансграничный характер взаимодействия, означающий движение информации в рамках юрисдикций двух и более государств;

обмен информацией, то есть любыми сведениями (сообщениями, данными) [18];

обмен в электронной форме, означающий способ такого обмена, а также использование аппаратно-программных технических средств;

участниками электронного взаимодействия могут быть как государственные и муниципальные органы, так и физические и юридические лица.

Таким образом, определив ключевые характеристики трансграничного электронного взаимодействия как такового, необходимо конкретизировать вторую составляющую исследуемого понятия – сферу юстиции в ее международно-правовом измерении.

Для целей настоящего исследования под ней предлагается понимать взаимодействие по вопросам:

Международной правовой помощи по гражданским, семейным, трудовым, арбитражным и уголовным делам.

Передачи лиц, осужденных к лишению свободы.

Выдачи лиц для осуществления уголовного преследования, вынесения или исполнения приговора.

Новых развивающихся форм международного сотрудничества в сфере юстиции, например, таких как передача наказаний, не связанных с лишением свободы.

В широком смысле понятие «юстиция» охватывает всю систему органов и учреждений, осуществляющих правосудие, включая вопросы исполнительного производства, а также уголовно-исполнительную систему.

Однако для целей настоящего исследования необходимо понимание сферы юстиции в ее международно-правовом преломлении, которая при этом будет включать не только судебную деятельность в узком смысле, но и весь комплекс правоприменительных и правоохранительных функций, связанных с: осуществлением правосудия по гражданским, семейным, трудовым, арбитражным, уголовным и иным делам; досудебным производством по уголовным делам; признанием и исполнением судебных решений; нотариальной деятельностью; регистрацией актов гражданского состояния; осуществлением исполнительного производства; передачей осужденных лиц и выдачей [33].

На международном уровне изложенные выше вопросы урегулированы в многосторонних международных договорах, заключенных в рамках ООН, Гаагской конференции по международному частному праву, СНГ, Совета Европы, а также на двустороннем уровне. Высокой практической значимостью на пространстве СНГ обладают Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г.

Международная правовая помощь – это особый институт, который позволяет судам, правоохранительным и иным компетентным органам одного государства запрашивать содействие компетентных органов на территории иностранных государств. Например, по российским запросам об оказании правовой помощи по уголовным делам иностранные органы собирают и направляют в Россию доказательства, устанавливают местонахождение лиц и имущества, проводят обыски и допросы, возбуждают уголовные дела, разыскивают и конфискуют преступные активы. Российские компетентные органы, в свою очередь, исполняют в России запросы иностранных коллег.

Международная правовая помощь по гражданским делам схожа по функционалу и включает, в частности, истребование доказательств, получение официальных документов об имущественных, личных неимущественных, социальных, трудовых и иных правах, извещение участников судебных процессов и совершение процессуальных действий с их участием, поиск за рубежом имущества должника, трансграничное исполнение судебных решений. Данные инструменты востребованы среди широких групп населения: от граждан до крупнейших коммерческих предприятий.

Механизм передачи осужденных позволяет вернуть иностранца, отбывающего наказание в виде лишения свободы, в государство его гражданства, где он продолжит отбывать наказание в местном исправительном учреждении. Это разгружает пенитенциарную систему от содержания иностранных граждан и одновременно повышает шансы на исправление осужденного на родине, ближе к семье и привычной для него социокультурной среде.

Институт выдачи предусматривает задержание лица, совершившего преступление, на территории одного государства, и его передачу в другое государство для привлечения к уголовной ответственности или исполнения обвинительного приговора.

Такое широкое понимание сферы юстиции обусловлено тем, что трансграничное электронное взаимодействие может затрагивать различные аспекты правоприменения и требует комплексного подхода к регулированию. Например, для разрешения трансграничного гражданского спора может потребоваться получение документов из торговых реестров иностранного государства, направление судебных извещений, получение доказательств, признание и исполнение судебного решения. Все эти действия относятся к различным аспектам сферы юстиции, но составляют единую цепочку взаимодействия, которая должна быть обеспечена на электронном уровне.

Однако для обоснования автономности и самостоятельности рассматриваемого понятия предлагается сформулировать особенности сведений, пересылаемых в рамках взаимодействия в сфере юстиции.

Разнородные вопросы взаимодействия по форме, содержанию запросов, компетентным и центральным органам и используемым информационным системам, операторам, каналам передачи. Международное сотрудничество в сфере юстиции охватывает широкий круг вопросов, отнесенных к компетенции различных органов, включая суды, органы нотариата, ЗАГС, принудительного исполнения, следствия, безопасности и прокуратуры.

Даже в рамках конкретной процедуры взаимодействия требуется формировать пакет документов с участием различных структур. Например, для организации признания и приведения в исполнение в иностранном государстве судебного решения требуется представить примерно следующий пакет документов: [2]

ходатайство о признании и приведении в исполнение;

судебное решение или его заверенная копия;

официальный документ о том, что решение вступило в законную силу и подлежит исполнению;

документ, из которого следует, что сторона, против которой было вынесено решение, не принявшая участия в процессе, была в надлежащем порядке и своевременно вызвана в суд;

документ, подтверждающий частичное исполнение решения на момент его пересылки;

документ, подтверждающий соглашение сторон по делам договорной подсудности.

Данные документы формируются разными субъектами в различных информационных системах, включая информационные системы частных лиц, органов судебной власти и принудительного исполнения. Пересылку запроса, к которому эти документы должны быть приложены, как правило, осуществляют территориальные органы или центральный аппарат Минюста России, что предполагает также интеграцию их информационных систем при формировании и пересылке запроса на внутригосударственном уровне.

Человек, его права и свободы как непосредственный предмет взаимодействия в сфере юстиции. Непосредственным результатом процедур международного сотрудничества в сфере юстиции является осуществление процессуальных действий, напрямую затрагивающих права и свободы человека, таких как задержание, выдача лица, проведение обысков и выемок, арест и конфискация имущества, привлечение лица в качестве стороны по делу, трансграничное принудительное исполнение судебных решений. Официальные документы, истребованные из-за рубежа, определяют возможность граждан, в том числе из социально уязвимых групп, подтвердить семейные отношения, трудовые и социальные права. Поэтому гарантии подлинности документов должны быть предельно прозрачны и понятны для граждан.

Повышенный стандарт проверки подлинности документов. Трансграничный обмен информацией по линии конкретных ведомств в ряде случаев носит оперативный характер и предназначен в первую очередь для внутриведомственного использования, осуществления оперативно-разыскных и иных мероприятий, материалы которых не связаны напрямую с судопроизводством и не предназначены для непосредственного приобщения к материалам судебного дела в качестве доказательств.

В свою очередь, при трансграничном взаимодействии в сфере юстиции многие документы специально предназначены для приобщения

к материалам уголовного или гражданского дела (такие как судебные извещения, доказательства, судебные акты, сведения об иностранном законодательстве), использования для принятия официальных решений об установлении, изменении и прекращении имущественных, семейных, социальных, трудовых и иных прав. Документы, полученные в рамках взаимной правовой

помощи, приобретают ту же юридическую силу, что и официальные документы, полученные на территории Российской Федерации с соблюдением требований российского процессуального законодательства [11].

В связи с этим документы, полученные из-за рубежа, могут быть представлены в суд в качестве письменных доказательств только при условии прохождения процедуры легализации или иной процедуры проверки их подлинности и юридической силы, установленной международным договором Российской Федерации [11].

В части иностранных внесудебных документов, определяющих имущественные, личные неимущественные, социальные и иные права гражданина, юридическая сила документа также должна быть обеспечена аналогичным образом, чтобы гражданин или организация имели гарантии судебной защиты прав, зафиксированных в этих документах.

Таким образом, технологические и правовые решения по трансграничному взаимодействию в сфере юстиции должны обеспечивать не только передачу данных по каналу связи, но и возможность широкого круга субъектов, включая суды, иные государственные органы, физические или юридические лица, которым предъявляются разнородные по содержанию и источникам иностранные документы, в каждом случае использования могли самостоятельно убедиться в их подлинности.

На основании изложенного предлагается сформулировать следующее определение.

Трансграничное электронное взаимодействие в сфере юстиции — это урегулированная нормами международного и национального права деятельность компетентных органов и иных уполномоченных субъектов различных государств по обмену информацией в электронном виде для целей сотрудничества в сфере осуществления правосудия, досудебного производства, признания и исполнения судебных решений, нотариальной деятельности, регистрации актов гражданского состояния, исполнительного производства, передачи лиц, осужденных к лишению свободы, и выдачи лиц для осуществления уголовного преследования, вынесения или исполнения приговора, осуществляемая с соблюдением требований информационной безопасности и обеспечением юридической значимости передаваемых данных.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что предложенное определение позволяет выделить внутреннюю структуру изучаемого явления, в частности, оно охватывает: (а) подготовку, направление, исполнение, хранение электронных запросов; (б) безопасную трансграничную электронную коммуникацию учреждений юстиции; (в) трансграничное признание юридической значимости передаваемых данных.

Первый аспект – процедурный – охватывает полный цикл оказания международной правовой помощи в электронной форме: от формирования юридически значимого запроса компетентным органом одного государства до его передачи на территорию иностранного государства, а также получения и хранения документов по результатам исполнения запроса. Второй аспект – организационный (коммуникационный) – предполагает создание защищенных и совместимых каналов связи, которые обеспечивают целостность и конфиденциальность взаимодействия между учреждениями юстиции разных стран. Третий аспект – юридический – требует выработки механизмов взаимного доверия к электронным документам, включая признание иностранных электронных подписей, соблюдение эквивалентных стандартов аутентификации и обеспечение доказательственной силы переданных в электронном виде сведений в национальных судебных процессах. Только при одновременной реализации всех трех аспектов трансграничное электронное взаимодействие в сфере юстиции приобретает полноценный юридический эффект, не уступающий традиционному бумажному документообороту, но существенно превосходящий его по скорости, экономичности и удобству для правоприменителей и граждан.

Предложенное определение, в отличие от узкотехнических трактовок, акцентирует нормативную урегулированность данной деятельности и ее целевую направленность на обеспечение именно юридической значимости данных, что является системообразующим признаком для сферы юстиции. Оно охватывает весь спектр сотрудничества, выделенный в рамках функционального понимания сферы юстиции, и служит базой для последующей классификации.

Классификация видов трансграничного электронного взаимодействия в сфере юстиции.

Многообразие форм трансграничного электронного взаимодействия в сфере юстиции требует их систематизации на основе различных классификационных критериев. Научно обоснованная классификация позволяет не только упорядочить знания об исследуемом явлении, но и выявить специфику правового регулирования различных видов взаимодействия, определить общие закономерности и особенности.

Классификация видов трансграничного электронного взаимодействия в сфере юстиции

во многом схожа с классификацией видов международного сотрудничества учреждений юстиции. Однако исследуя межгосударственное взаимодействие органов юстиции, авторы затрагивают, как правило, лишь отдельные аспекты такого взаимодействия. К примеру, отдельные авторы приводят виды межгосударственного сотрудничества по уголовным делам [10], которыми являются: 1) международная правовая помощь; 2) выдача лиц (экстрадиция); 3) передача уголовного судопроизводства. Другие авторы, [9] исходя из содержания трансграничных судебных поручений, разделяют их на: 1) судебные поручения о запросе доказательств (включают запросы на предоставление информации, экспертные заключения, свидетельские показания, а также осуществление других процессуальных действий, связанных с доказательствами); 2) извещения (уведомления о проведении судебных процедур за пределами территории государства); 3) судебные поручения о взыскании судебных расходов.

В связи с этим представляется важным привести комплексную систематизацию видов трансграничного взаимодействия учреждений юстиции, в том числе электронного.

По субъектному составу

Субъектный критерий является одним из наиболее важных для классификации трансграничного электронного взаимодействия, поскольку от характера субъектов зависят правовой режим взаимодействия, порядок его осуществления и юридические последствия.

Взаимодействие судебных органов. Данный вид взаимодействия охватывает самый широкий перечень осуществляемых действий. Так, взаимодействие в гражданском процессе охватывает направление судебных извещений и вызовов участникам процесса, находящимся за рубежом, получение доказательств, находящихся в иностранном государстве, обеспечение участия свидетелей и экспертов посредством видеоконференц-связи, признание и исполнение иностранных судебных решений, обеспечительные меры в отношении имущества, находящегося за рубежом, обмен информацией о законодательстве и практике его применения.

Сотрудничество судов в уголовном процессе включает обмен информацией о преступлениях и подозреваемых, получение доказательств по уголовным делам, розыск лиц и имущества, конфискацию доходов от преступной деятельности, передачу осужденных для отбывания наказания и оказание иной правовой помощи на стадии судебного разбирательства.

Особое значение в контексте такого взаимодействия приобретает соблюдение фундаментальных прав участников процесса, что порождает дискуссии о пределах допустимости электронных процедур. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 17 июля 2025 г. № 1840-О указал на невозможность проведения допроса обвиняемого, находящегося за рубежом, посредством видеоконференц-связи, поскольку это могло бы нарушить принцип равенства перед законом и судом [31]. Данная позиция иллюстрирует, что внедрение электронного взаимодействия требует тщательного соотнесения с традиционными процессуальными гарантиями.

Взаимодействие правоохранительных органов. Полиция, прокуратура, следственные органы различных государств осуществляют интенсивное сотрудничество в области борьбы с преступностью, особенно с транснациональной организованной преступностью, терроризмом, киберпреступностью. Электронное взаимодействие правоохранительных органов включает оперативный обмен информацией о подозреваемых и разыскиваемых лицах, получение доказательств по уголовным делам, проведение совместных операций.

Специфика судопроизводства и сотрудничества правоохранительных органов обусловливает повышенные требования к конфиденциальности и безопасности электронного взаимодействия, поскольку полученные документы станут письменными доказательствами по делу и будут положены в основание для вынесения судебного решения. Помимо этого, разглашение информации может поставить под угрозу жизнь и здоровье свидетелей, сорвать расследование, позволить обвиняемым скрыться от правосудия.

Взаимодействие органов принудительного исполнения.

Международные договоры Российской Федерации о правовой помощи не содержат непосредственного указания на возможность направления запросов органами принудительного исполнения, что вызвало необходимость разработки дополнительных международных соглашений, регулирующих эти вопросы [26].

Однако органы принудительного исполнения выполняют важную роль, участвуя в реализации судебных постановлений, иными словами – они претворяют то, ради чего затевалось судебное разбирательство.

Взаимодействие судебных приставов и иных органов принудительного исполнения включает: розыск должников и их имущества, находящегося за рубежом, наложение ареста на имущество, обмен информацией о ходе исполнительного производства и выполнение иных действий.

Взаимодействие нотариусов.

Поскольку международные договоры Российской Федерации, регулируют вопросы не только правовой помощи, но и правовых отношений, в частности, наследственных правоотношений (например, часть V Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 года, статьи 28-36 Договора между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам 1997 года), то необходимо и предоставить возможность направления и исполнения запросов о правовой помощи, инициированных нотариусами.

Нотариусы могут взаимодействовать с нотариусами других государств для проверки подлинности документов, удостоверения фактов, истребования информации о наследственных делах; проверку правоспособности и дееспособности лиц и прочее.

Взаимодействие органов записи актов гражданского состояния, учреждений пенсионного и социального страхования в целях истребования личных документов.

Положения международных договоров [11] о правовой помощи, как правило, закрепляют важное положение, в соответствии с которым государства-участники договора обязуются пересылать друг другу документы о регистрации актов гражданского состояния и иные документы, касающиеся имущественных и личных неимущественных прав и интересов граждан (об образовании, о трудовом стаже, о пенсионном обеспечении и другие).

Органы регистрации актов гражданского состояния, учреждения пенсионного и социального страхования могут обмениваться информацией о рождении, смерти, заключении и расторжении брака, иных актах гражданского состояния, справках о трудовом стаже и заработной плате и другими сведениями для целей оформления документов, имеющих юридическое значение в другом государстве.

Взаимодействие центральных органов.

Министерства юстиции и иные назначенные центральные органы государств традиционно выполняют функции координаторов международного сотрудничества в сфере юстиции. Они осуществляют получение и передачу иностранных запросов, контролируют соблюдение международных обязательств, обеспечивают проверку документов на предмет их соответствия требованиям национального законодательства и международных договоров.

Но вместе с этим центральные органы также могут инициировать запросы, в частности, об истребовании информации о действующем и действовавшем внутреннем законодательстве и практике его применения [5].

По функциональному назначению

Функциональный критерий основан на целях, для достижения которых осуществляется трансграничное электронное взаимодействие.

Вручение документов (извещений, вызовов). Одной из наиболее распространенных форм международного сотрудничества является вручение судебных и внесудебных документов лицам, находящимся за рубежом. Это необходимо для обеспечения права на судебную защиту и соблюдения принципа состязательности процесса.

Основной проблемой электронного извещения в трансграничном контексте является обеспечение достоверности факта получения документа адресатом и защита от злоупотреблений (когда адресат утверждает, что не получал извещение). Некоторые государства допускают электронное извещение только при условии предварительного согласия адресата или его представителя, другие — при наличии надежной системы идентификации получателя.

Получение доказательств. Получение доказательств, находящихся в иностранном государстве, является одной из наиболее частых форм международной правовой помощи. Электронное взаимодействие при обмене доказательствами включает получение показаний от сторон, свидетелей, экспертов и иных лиц, участвующих в деле, в том числе с использованием видеоконференц-связи, представление письменных, вещественных и других доказательств, проведение экспертизы и любые другие формы истребования необходимых доказательств.

Особую актуальность приобретает проблема получения электронных доказательств, хранящихся на серверах, расположенных в различных государствах. Облачные технологии и распределенное хранение данных создают ситуации, когда неясно, в какой юрисдикции находятся доказательства и к какому государству следует обращаться с запросом.

Признание и исполнение судебных решений. Электронное взаимодействие в этой сфере включает: направление ходатайств о признании и исполнении решений в электронной форме; предоставление электронных копий судебных решений и иных необходимых документов; получение экзекватуры (разрешения на исполнение) в электронной форме; обмен информацией о ходе исполнения.

Признание и исполнение иностранных судебных решений является одним из ключевых элементов международного правопорядка, поскольку обеспечивает эффективность

правосудия и защиту прав, признанных в одном государстве, на территории другого государства. Электронное взаимодействие существенно ускоряет процесс признания и снижает издержки, связанные с подготовкой и пересылкой документов.

Информационный обмен предлагается в отдельный вид трансграничного взаимодействия.

Особенностью информационного обмена является то, что предоставляется информация достаточно однотипного характера, связанного с истребованием различных документов и справок о гражданстве, личных, семейных, имущественных и трудовых правах.

Перевод этого значительного потока документов позволит разгрузить центральные органы, автоматизировать и ускорить получение гражданами нужных документов.

Важно отметить, что трансграничное электронное взаимодействие не является простым технологическим усовершенствованием традиционных процедур, а представляет собой качественно новое явление, которое может потребовать переосмысления некоторых традиционных институтов международного сотрудничества в сфере юстиции. В частности, возникают вопросы о возможности отказа от посредничества центральных органов в случае использования защищенных электронных систем; о создании новых форм взаимодействия, например, совместных виртуальных судебных заседаний с участием судей и сторон из различных государств.

Наконец, трансграничное электронное взаимодействие не может рассматриваться изолированно от общих процессов цифровизации правосудия и государственного управления. Эффективность трансграничного взаимодействия во многом зависит от уровня цифровизации национальных систем юстиции. Государство, не имеющее развитой системы электронного взаимодействия компетентных органов на национальном уровне, будет испытывать трудности при подключении к международным системам электронного взаимодействия. Поэтому развитие трансграничного электронного взаимодействия должно осуществляться параллельно с развитием внутригосударственной цифровизации юстиции и в координации с ней.

Проведенный анализ теоретико-правовых основ трансграничного электронного взаимодействия в сфере юстиции позволяет сформулировать следующие выводы:

Во-первых, в статье сформулировано авторское определение понятия «трансграничное электронное взаимодействие в сфере юстиции», под которым предлагается понимать урегулированную нормами международного и национального права деятельность компетентных органов и иных уполномоченных субъектов различных государств по обмену информацией в электронном виде для целей сотрудничества в сфере правосудия, досудебного производства, признания и исполнения судебных решений, нотариальной деятельности, регистрации актов гражданского состояния, исполнительного производства, передачи осуждённых и выдачи лиц, осуществляемую с соблюдением требований информационной безопасности и обеспечением юридической значимости передаваемых данных.

Во-вторых, выявлены сущностные особенности данной деятельности: разнородность формируемых пакетов документов, непосредственное воздействие на права и свободы человека, а также повышенный стандарт проверки подлинности документов, предназначенных для использования в судопроизводстве.

В-третьих, разработана научно обоснованная классификация видов трансграничного электронного взаимодействия по субъектному составу (судебные, правоохранительные, принудительного исполнения, нотариусы, органы ЗАГС и социального обеспечения, центральные органы) и по функциональному назначению (вручение документов, получение доказательств, признание и исполнение решений, информационный обмен).

Таким образом, трансграничное электронное взаимодействие в сфере юстиции представляет собой не просто техническую модернизацию, а качественно новое явление, способное трансформировать традиционные процедуры международной правовой помощи. Дальнейшие исследования в этой области, как представляется, должны быть направлены на разработку конкретных механизмов обеспечения юридической значимости электронных документов и унификацию технических стандартов на международном уровне.

Список литературы:

[1] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22 января 1993 г.).

[2] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 7 октября 2002 г.).

[3] Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.): приложение № 3 «Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза».

[4] Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам (заключен в г. Каире 23 сентября 1997 г.).

[5] Договор между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (заключен в г. Москве 25 августа 1998 г.).

[6] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке признания электронной подписи (электронной цифровой подписи) в электронном документе при трансграничном электронном взаимодействии.

[7] Концепция трансграничного информационного взаимодействия: утверждена Решением Евразийского межправительственного совета от 9 августа 2019 г. № 7.

[8] Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы: утверждены Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 2

[9] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ.

[10] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.

[11] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

[12] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ.

[13] Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ.

[14] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ.

[15] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ.

[16] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

[17] Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

[18] Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

[19] Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 414-ФЗ «О центральном депозитарии».

[20] Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

[21] Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

[22] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-I).

[23] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2025 г. № 1840-О.

[24] Бойченко, И. С. Информационно-правовое обеспечение системы электронного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.13 / Бойченко Игнат Сергеевич. – Москва, 2017. – 177 с.

[25] Домрачев, А. А. Электронное взаимодействие: юридически значимые аспекты / А. А. Домрачев, А. С. Дупан, С. Н. Евтушенко, В. Б. Исаков, С. А. Кирюшкин, А. В. Сазонов, И. А. Фургель. – Санкт-Петербург : Газинформсервис, 2016.

[26] Карандашева, Н. Н. Исполнение иностранных судебных поручений в условиях цифровизации : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 5.1.3 / Карандашева Наталья Николаевна. – Москва : Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – 26 с.

[27] Нагаева, А. А. Особенности договорных отношений в условиях электронного взаимодействия их участников : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Нагаева Альбина Алексеевна. – Москва, 2006. – 208 с.

[28] Талапина, Э. В. Модернизация государственного управления в информационном обществе: информационно-правовое исследование : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.13 / Талапина Эльвира Владимировна. – Москва, 2015. – 469 с.

[29] Туманов, А. А. Электронное взаимодействие субъектов трудовых и непосредственно связанных с ними отношений: правовой аспект : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.05 / Туманов Александр Александрович. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2018. – 211 с.

[30] Чуйченко К. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НОРМОТВОРЧЕСТВА В СФЕРЕ ЮСТИЦИИ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ, КОНСТИТУЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ // Вестник Российской академии наук. – 2025. – Номер выпуска 11 Том 95 С. 27-35 . URL: https://heraldras.ru/s3034520025110039-1/?version_id=124250. DOI: 10.7868/S3034520025110039.

[31] Щербаков, В. В. Реализация норм международного права в деятельности органов

предварительного расследования : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Щербаков Владислав Валериевич. –

Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. - Москва, 2004.

[32] Концепция создания Единой электронной системы обмена информацией между министерствами юстиции государств – участников СНГ : утверждена на девятнадцатом заседании Совета министров юстиции государств – участников СНГ 25 июня 2025 г. – URL: https://e-cis.info/cooperation/3136/129573/ (дата обращения: 18.04.2026).

[33] Министерство юстиции Российской Федерации. Состоялись очередные российско-киргизские экспертные консультации по вопросу цифровизации трансграничного взаимодействия в сфере юстиции. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/49784/ (дата обращения: 18.04.2026).

[34] Министерство юстиции Российской Федерации. Выступление Министра юстиции Российской Федерации Константина Чуйченко на двенадцатом Совещании министров юстиции государств – членов ШОС. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/50966/ (дата обращения: 18.04.2026).

[35] Министерство юстиции Республики Беларусь. Минюсты Беларуси и России создают рабочую группу по оказанию правовой помощи в электронном виде. – URL: https://belrus.ru/info/minyusty-belarusi-i-rossii-sozdayut-rabochuyu-gruppu-po-okazaniyu-pravovoj-pomoshhi-v-elektronnom-vide/ (дата обращения: 18.04.2026).

[36] Соглашение о сотрудничестве по обмену информацией при осуществлении принудительного исполнения судебных актов, актов иных уполномоченных органов и должностных лиц (в рамках СНГ, подписано Президентом Российской Федерации в июне 2025 г.). – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/62881/ (дата обращения: 18.04.2026)

[37] Сайт: https://rapsinews.ru/international_news/20250529/310910194.html

[38] Официальный сайт Евразийского экономического союза www.eaeunion.org, 12.08.2019 (https://docs.eaeunion.org/documents/343/4595/ Дата обращения 27.04.2026).

References:

[1] Convention on Legal Assistance and Legal Relations in civil, family and criminal cases (concluded in Minsk on January 22, 1993).

[2] Convention on Legal Assistance and Legal Relations in civil, family and criminal cases (concluded in Chisinau on October 7, 2002).

[3] Eurasian Economic Union Treaty (signed in Astana May 29, 2014): Appendix No. 3 “Protocol on Information and Communication Technologies and Information Interaction within the Eurasian Economic Union.”

[4] Treaty between the Russian Federation and the Arab Republic of Egypt on Mutual Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Commercial and Family Matters (concluded in Cairo on September 23, 1997).

[5] Agreement between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam on legal assistance and legal relations in civil and criminal cases (concluded in Moscow on August 25, 1998).

[6] Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on the procedure for recognizing an electronic signature (electronic digital signature) in an electronic document in cross-border electronic interaction.

[7] The concept of cross-border information interaction: approved by the Decision of the Eurasian Intergovernmental Council of August 9, 2019 No. 7.

[8] The main directions for the implementation of the provisions of the Treaty on the Establishment of the Union State for 2024-2026: approved by Decree of the Supreme State Council of the Union State of January 29, 2024 No. 2

[9] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002.

[10] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002.

[11] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001.

[12] Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated October 25, 2001.

[13] Forest Code of the Russian Federation No. 200-FZ dated December 4, 2006.

[14] Town Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated December 29, 2004.

[15] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001.

[16] Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 “On Information, Information Technology and Information Protection.”

[17] Federal Law No. 63-FZ of April 6, 2011 “On Electronic Signature.”

[18] Federal Law No. 210-FZ of July 27, 2010 “On the Organization of the Provision of State and Municipal Services.”

[19] Federal Law No. 414-FZ of December 7, 2011 “On the Central Depository.”

[20] Federal Law No. 129-FZ of August 8, 2001 “On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs.”

[21] Federal Law No. 229-FZ of October 2,

2007 “On Enforcement Proceedings.”

[22] Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by RF Armed Forces February 11, 1993 No. 4462-I).

[23] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 17, 2025 No. 1840-O.

[24] Boychenko, I. S. Information and legal support of the system of electronic interaction of federal executive bodies of the Russian Federation: dissertation... Candidate of Law: 12.00.13/ Boychenko Ignat Sergeevich. - Moscow, 2017. - 177 s.

[25] Domrachev, A. A. Electronic interaction: legally significant aspects/A. A. Domrachev, A. S. Dupan, S. N. Yevtushenko, V. B. Isakov, S. A. Kiryushkin, A. V. Sazonov, I. A. Furgel. - St. Petersburg: Gazinformservice, 2016.

[26] Karandasheva, N. N. Execution of foreign judicial orders in the context of digitalization: abstract of the dissertation... Candidate of Law: 5.1.3/Natalya Nikolaevna Karandasheva. - Moscow: Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law Academy), 2024. - 26 s.

[27] Nagaeva, A. A. Features of contractual relations in the conditions of electronic interaction of their participants: dissertation... Candidate of Law: 12.00.03/Nagaeva Albina Alekseevna. - Moscow, 2006. - 208 s.

[28] Talapina, E. V. Modernization of public administration in the information society: information and legal research: dissertation... Doctor of Law: 12.00.13/Talapina Elvira Vladimirovna. - Moscow, 2015. - 469 p.

[29] Tumanov, A. A. Electronic interaction of subjects of labor and directly related relations: legal aspect: dissertation... Candidate of Law: 12.00.05/ Tumanov Alexander Alexandrovich. - Yekaterinburg: Ural State Law University, 2018. - 211 s.

[30] Chuichenko K. PROMISING AREAS OF RULE-MAKING IN THE FIELD OF JUSTICE: DOCTRINAL GROUNDS, CONSTITUTIONAL CHALLENGES AND DIGITAL TRANSFORMATION// Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2025. - Issue number 11 Volume 95 C. 27-35. URL: https://heraldras.ru/s3034520025110039-1/?version_id=124250. DOI: 10.7868/S3034520025110039.

[31] Shcherbakov, V. V. Implementation of the norms of international law in the activities of preliminary investigation bodies: dissertation... Candidate of Law: 12.00.09/Shcherbakov Vladislav Valerievich. –

Mosk. state university named after M.V. Lomonosov. - Moscow, 2004.

[32] The concept of creating a Unified Electronic System for the Exchange of Information between the Ministries of Justice of the CIS member states: approved at the nineteenth meeting of the Council of Ministers of Justice of the CIS member states on June 25, 2025 - URL: https://e-cis.info/cooperation/3136/129573/ (date of appeal: 18.04.2026).

[33] Ministry of Justice of the Russian Federation. Regular Russian-Kyrgyz expert consultations were held on the issue of digitalization of cross-border interaction in the field of justice. - URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/49784/ (access date: 18.04.2026).

[34] Ministry of Justice of the Russian Federation. Speech by the Minister of Justice of the Russian Federation Konstantin Chuichenko at the twelfth Meeting of Ministers of Justice of the SCO member states. - URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/50966/ (access date: 18.04.2026).

[35] Ministry of Justice of the Republic of Belarus. The Ministry of Justice of Belarus and Russia are creating a working group on the provision of legal assistance in electronic form. – URL: https://belrus.ru/info/minyusty-belarusi-i-rossii-sozdayut-rabochuyu-gruppu-po-okazaniyu-pravovoj-pomoshhi-v-elektronnom-vide/ (дата обращения: 18.04.2026).

[36] Agreement on cooperation in the exchange of information in the implementation of the enforcement of judicial acts, acts of other authorized bodies and officials (within the CIS, signed by the President of the Russian Federation in June 2025). – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/62881/ (дата обращения: 18.04.2026)

[37] Сайт: https://rapsinews.ru/international_news/20250529/310910194.html

[38] Official website of the Eurasian Economic Union www.eaeunion.org, 12.08.2019 (https://docs.eaeunion.org/documents/343/4595/ Circulation Date 27.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-407-413

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ», г. Екатеринбург,

e-mail: nikolina73@yandex.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,

доктор экономических наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ», г. Екатеринбург,

e-mail: irinacupina716@gmail.com

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ», г. Екатеринбург,

e-mail: ethos08@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,

кандидат исторических наук, доцент Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: zhuravleva08@gmail.com

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ», г. Екатеринбург,

e-mail: nikolina73@yandex.ru

ЧЕРНОВ Сергей Александрович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ», г. Екатеринбург,

e-mail: nikolina73@yandex

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Аннотация. *Изучение земельного законодательства в Западной Европе приобретает особую актуальность на фоне глобализации, изменения климата и урбанизации. Эти процессы непосредственно влияют на правовой регламент владения, использования и охраны земель, особенно в контексте устойчивого развития и защиты прав частной собственности. Земельное законодательство здесь - это не просто набор правил, это фундамент, на котором строятся экономика и социальная структура. Так, изменения в земельном законодательстве могут оказывать значительное влияние на сельское хозяйство, строительство, экологическое право и даже на миграционную политику.*

Западноевропейские страны принимают все более сложные и всеобъемлющие меры для регулирования использования земли, что отражает их стремление совместить экономическое развитие с охраной окружающей среды и социальной справедливостью. Основные изменения касаются ужесточения требований к землепользованию, введения новых экологических стандартов и расширения общественного участия в принятии земельных решений. Также важную роль играет прозрачность и доступ к информации о земельных ресурсах, что становится крайне важным в условиях растущего информационного общества.

Актуальность земельного права в Западной Европе также обусловлена масштабными экономическими проектами, такими как создание трансграничных инфраструктур или разработка новых урбанистических проектов, требующих координации земельных правил между странами. Это подчеркивает важность адаптации законодательства к международным стандартам и практикам, чтобы обеспечить эффективное и справедливое использование ресурсов.

Ключевые слова: *Германское гражданское уложение, кодекс Наполеона, частная собственность на землю, правомочия собственника, земельное законодательство, континентальное европейское право, гражданское европейское законодательство.*

SIMACHKOVA Natalia Nikolaevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Economic Theory, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

CHUPINA Irina Pavlovna,

Doctor of Economics, Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

ZARUBINA Elena Vasilyevna,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

EGOROV Sergey Georgievich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov Vladimirovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Departments of Philosophy, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

CHERNOV Sergey Aleksandrovich

PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Management and Economic Theory, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LAND LEGISLATION IN WESTERN EUROPE

Annotation. *The study of land legislation in Western Europe is becoming particularly relevant against the background of globalization, climate change and urbanization. These processes directly affect the legal regulation of land ownership, use and protection, especially in the context of sustainable development and protection of private property rights. The land legislation here is not just a set of rules, it is the foundation on which the economy and social structure are built. Thus, changes in land legislation can have a significant impact on agriculture, construction, environmental law, and even migration policy.*

Western European countries are taking increasingly complex and comprehensive measures to regulate land use, reflecting their desire to combine economic development with environmental protection and social justice. The main changes relate to stricter requirements for land use, the introduction of new environmental standards and the expansion of public participation in land decision-making. Transparency and access to information about land resources also play an important role, which is becoming extremely important in a growing information society. The relevance of land law in Western Europe is also driven by large-scale economic projects, such as the creation of cross-border infrastructures or the development of new urban projects that require coordination of land rules between countries. This highlights the importance of adapting legislation to international standards and practices in order to ensure efficient and equitable use of resources.

Key words*: German civil code, the Napoleonic Code, private ownership of land, the rights of the owner, land legislation, continental European law, European civil legislation.*

Земельное право Западной Европы прошло через значительные этапы развития начиная с средневековья. В это время земля, как правило, считалась собственностью короля или высшей аристократии. Система феодальной зависимости доминировала в земельных отношениях, где крестьяне владели землёй лишь условно и обязаны были отрабатывать часть своего времени на земле, принадлежащей феодалу.

С наступлением Нового времени, особенно после серии революций и формирования национальных государств, начинают формироваться и утверждаться более современные принципы земельного права. Существенное влияние оказали промышленная революция и урбанизация, которые требовали пересмотра подходов к распределению и использованию земли.

В XVIII-XIX веках ряд европейских стран провел земельные реформы, целью которых было устранение феодальных пережитков и оптимизация сельскохозяйственного производства. Примером такой реформы стала раздача земель крестьянам во Франции после Французской революции или реформы в Прюссии, которые легализовали куплю и продажу земель.

В XX веке основное внимание в законодательстве обращалось на регулирование использования земли в городских и сельских районах, что включало введение планирования землепользования и строгие ограничения на зонирование. Послевоенный период ознаменовался активизацией государственного вмешательства в земельные отношения. Это было связано с необходимостью восстановления и новой индустриализацией.

Последние десятилетия XX и начало XXI веков характеризуются растущей осведомленностью о необходимости устойчивого управления земельными ресурсами. Законодательство стало включать положения о защите окружающей среды, что значительно повлияло на процессы управления землей и землепользования в Европе.

История земельного законодательства в Германии берет свое начало еще в средние века, когда были установлены первые нормы и правила относительно владения и использования земель. В течение веков влияние римского права, католической церкви, феодальной системы и местных обычаев формировало основы земельного законодательства в различных немецких регионах. С развитием германских государств в XIX веке, различные законы и указы начали систематизироваться и унифицироваться.

В процессе объединения Германии в 1871 году была создана общенемецкая система права, которая затронула и земельное законодательство.

Одним из ключевых моментов в истории земельного законодательства в Германии было принятие Германского гражданского уложения (далее - ГГУ) в 1900 году, который включал в себя раздел, посвященный земельным отношениям. Этот кодекс закрепил основные принципы об операциях с недвижимостью, праве собственности, обременениях земель и других важных аспектах. Законодательство регулирующее земельно-правовые отношения продолжало совершенствоваться во время Веймарской республики и впоследствии в период национал-социализма, установления фашисткой диктатуры[4].

После окончания Второй мировой войны и разделения Германии на Восточную и Западную части, каждая из них разработала собственное законодательство в области земельных отношений. Восточная Германия приняла ряд законов, связанных с национализацией земель и коллективизацией сельского хозяйства, в то время как Западная Германия усовершенствовала и унифицировала свою систему земельного права[3].

Единое земельное законодательство для объединенной Германии было определено в едином Гражданском кодексе ФРГ. Этот кодекс устанавливает одинаковые правила для всех земельных отношений по всей стране, включая вопросы собственности, аренды, использования и регулирования земель. В последующие годы в законодательстве были внесены коррективы и дополнения в связи с изменяющейся социально-экономической ситуацией.

Особенности права собственности на землю в Германии урегулированы ГГУ. По мнению Раймо- на Леже, разработанное с большими усилиями ГГУ противостоит Гражданскому кодексу Франции (Наполеона) (далее – ГКФ) как по форме, так и по содержанию. Составление ГГУ свидетельствует о стремлении к достижению определенности, которая переходит в научную точность: каждый термин выбирался таким образом, чтобы он использовался только с одним значением (в ГКФ, наоборот, большинство терминов обладают несколькими значениями). Что касается содержания, Кодекс далек от того, чтобы базироваться на новаторских, политических и социальных принципах. Он находится в гармонии с идеалами либерального индивидуализма XIX в.[2].

Содержание права собственности отражено в ст. 905 ГГУ. Право собственности на участок земли распространяется на пространство над и под поверхностью земли. Однако собственник не может запрещать деятельность,

осуществляемую на такой высоте или глубине, которая не вызывает у него интереса[2].

Специально урегулирован вопрос о соотношении права собственности на землю и права собственности на диких животных (ст. 960 ГГУ). Дикие животные не имеют собственника, пока находятся на свободе. Это означает, что в Германии нет права собственности на диких животных, находящихся в состоянии естественной свободы. Однако дикие животные в зоопарке и рыба в прудах или других водах, находящихся в частной собственности, не являются бесхозными, т. е. при таких условиях они признаются объектами права собственности[2].

Сегодня земельное законодательство в Германии представлено современной системой норм и правил, которая стремится учитывать интересы всех сторон: собственников, арендаторов, государства и общества в целом. Этот законодательный фреймворк актуализируется и улучшается с целью эффективного управления землями, поддержания устойчивого развития и обеспечения баланса между коммерческими и социальными интересами. В свете изменяющихся вызовов и требований современного мира, Германия постоянно работает над дальнейшим совершенствованием своего земельного законодательства для достижения оптимального социально-экономического развития страны[5].

Современное состояние земельного законодательства в Германии отражает сложные процессы изменений и приспособления к современным вызовам. В последние годы наблюдается интенсивное стремление к улучшению законодательства с целью облегчения доступа к земельным ресурсам, защите окружающей среды и повышения эффективности земельного использования.

Одной из ключевых проблем, с которыми сталкивается развитие земельного законодательства в Германии, является необходимость балансировки интересов частных лиц, общественности и государства. С одной стороны, частные лица стремятся к максимальной выгоде от использования земли, в то время как общественность требует социальной справедливости и устойчивого развития. Государство, в свою очередь, должно гарантировать соблюдение законов и нормативов, а также обеспечивать планирование и контроль над земельным использованием[6].

Для решения этих противоречий в Германии активно внедряются механизмы государственного регулирования земельных отношений. Ключевыми инструментами здесь являются земельные кодексы, позволяющие устанавливать правовые основы для управления земельными ресурсами. В современном состоянии земельного законодательства Германии прослеживается тенденция к усилению роли правительства в предоставлении земли для различных целей, таких как жилищное строительство, сельское хозяйство, промышленность и туризм.

Одним из ключевых аспектов современного земельного законодательства Германии является уделяемое внимание вопросам устойчивого развития. В последние годы стремление к соблюдению экологических норм и принципов стало немаловажным при разработке и принятии новых законов в области землепользования. Государственные органы активно принимают участие в формировании политики по охране окружающей среды и устойчивому использованию земли[7].

Еще одной важной тенденцией развития земельного законодательства в Германии является стремление к внедрению современных технологий и цифровизации процессов управления земельными ресурсами. В последние годы активно разрабатываются онлайн-сервисы, позволяющие эффективно управлять земельными отношениями и обеспечивать прозрачность и доступность информации о земельных участках.

Одной из основных проблем, это необходимость совершенствования законов и регуляций, регулирующих земельные отношения. Несмотря на то, что Германия входит в число стран с развитой системой права и законодательства, вопросы, связанные с земельными правами, иногда вызывают недопонимание и споры.

Сравнение практик земельного законодательства в других странах может помочь выявить недостатки и проблемы существующей системы в Германии. Например, в России земельные права строго регулируются на уровне федерального законодательства, что обеспечивает единообразие и четкость в правовом регулировании. Несмотря на то, что система земельных отношений длительное время находилась в процессе реформирования, удалось стабилизировать и привести к единообразию систему земельного права[8].

Важным правовым аспектом было установление равенства перед законом в сфере земельных отношений. Французское законодательство закрепило принцип равноправия всех граждан в доступе к земельным ресурсам, что сняло барьеры перед теми, кто стремился приобрести, унаследовать или арендовать землю. Эта мера содействовала развитию аграрного сектора и увеличению производства сельскохозяйственной продукции, способствуя экономическому развитию страны[6].

Классическим примером того, как

определяется содержание права собственности на землю, является Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона), в ст. 552 которого отражено содержание права собственности на землю. Право собственности на землю включает право собственника на то, что находится над и под ней. По общему правилу собственник на поверхности земли вправе производить любые посадки и возводить любые сооружения[1].

Под поверхностью земли собственник может возводить любые сооружения, производить выемку грунта и извлекать из этого грунта любые продукты, какие в нем содержатся, соблюдая ограничения, предусмотренные законами и правилами о недрах и безопасности[5]. Основой определения содержания права собственности на землю является право приобретения, сформулированное в ст. 516 ГКФ. Право собственности на движимую или недвижимую вещь дает право на все, что она производит, и на все ее принадлежности природного или искусственного происхождения. Это право называется правом приобретения. Природные или выращенные плоды земли, годовой доход, увеличение содержимого принадлежат обладателю права приобретения[3]. Плодами естественного происхождения считаются непосредственно плоды природы. Плоды и приплод животных — также природные плоды. Культивируемыми плодами недвижимости (продукцией) являются плоды, получаемые в результате их выращивания (ст. 583 ГКФ) [1].

Все сооружения, растения и результаты произведенных работ на участке земли или внутри него считаются произведенными его собственником за его счет; они принадлежат собственнику, пока не доказано обратное.

Именно в ГКФ была изложена доктрина прав прибрежных собственников земли, основные принципы которой были основаны на римском праве. В 1831 — 1849 гг. эта доктрина была воспринята английскими судами и стала частью английского общего права[3].

В ГКФ детально урегулированы вопросы, связанные с правом «приращения». Осадки и приращения, которые последовательно и незначительно накапливаются в недвижимости на берегу реки, называются наносами. Наносы принадлежат собственнику прибрежного земельного участка независимо от того, являются река или ручей судоходными или нет, при условии, что собственник оставляет свободной пешеходную дорожку и бечевник согласно установленным правилам (ст. 556 ГКФ).

Такое же правило должно применяться в отношении песчаных берегов, формируемых потоком воды, который смывает песок одного берега и переносит его на другой, собственник которого приобретает право собственности на эти наносы. Собственник прибрежного земельного участка на противоположном берегу не вправе требовать землю, которую он утратил. Такого права не возникает также в отношении морской береговой полосы, затапливаемой приливом (ст. 557 ГКФ) [1].

Наносы не возникают в озерах и прудах, собственники которых всегда содержат землю, покрытую водой, на уровне стока из пруда, даже в случае уменьшения объема воды. Соответственно собственник пруда не приобретает права на прибрежные земли, которые вода случайно покрывает в течение чрезвычайных наводнений (ст. 558 ГКФ) [1]. Согласно ст. 559 ГКФ, когда река или водный поток, независимо от того, судоходные они или нет, внезапно сносит течением значительную часть прибрежного участка на нижележащий участок или противоположный берег, собственник снесенной части земли может потребовать свое имущество. Срок предъявления такого иска — один год. По истечении этого срока иск не подлежит удовлетворению, если собственник земельного участка, на который произошел нанос, не вступил во владение им[1].

По общему правилу острова, островки, отмели, которые образуются на дне водных потоков независимо от того, судоходные они или сплавные, принадлежат государству. Острова и отмели, которые образуются на несудоходных потоках и несплавных реках, принадлежат собственникам прибрежных земельных участков того берега, к которому примыкают образовавшиеся острова и отмели. Если образовавшийся остров не примыкает к берегу, он принадлежит прибрежным собственникам с обеих берегов, начиная от линии, проведенной по середине реки (ст. 561 ГКФ) [1].

Кодекс Наполеона внес важный вклад в защиту собственности и прав собственников земли. Законодатель установил четкие нормы по защите собственности и обязательствах собственников по уходу за земельными участками. Это способствовало укреплению правовой защиты собственников и предотвращению незаконного завладения землей, что обеспечивало стабильность в земельных отношениях и экономической сфере[7].

Кодекса Наполеона установил основы современной системы земельных отношений, обеспечивая прозрачность, защиту прав и стабильность в сфере земельной собственности. С этого времени законодательство Кодекса Наполеона остается важной составляющей французского правового порядка в области земельных отношений.

Сам по себе Кодекс Наполеона является

памятником истории и культуры Франции, однако его нормы не всегда соответствуют современным вызовам и потребностям общества. Возникают сложности в разрешении споров, связанных с землепользованием, наследованием земельных участков, а также в вопросах регулирования земельных отношений в целом[8].

Кроме того, современные вызовы, такие как изменение климатических условий, устойчивое развитие и управление земельными ресурсами, требуют новых подходов к земельному законодательству. Необходимо учитывать экологические аспекты использования земель, продвигать концепцию устойчивого землепользования и обеспечивать равные права на доступ к земельным ресурсам.

Для решения этих проблем во Франции предпринимаются шаги по модернизации земельного законодательства. Происходит пересмотр норм и положений Земельного кодекса, внедрение новых инструментов и механизмов правового регулирования земельных отношений. Важным направлением является содействие устойчивому развитию, улучшение условий землепользования и поддержка соблюдения прав земельных владельцев и пользователей.

Таким образом, современные вызовы и проблемы в земельном законодательстве Франции требуют системных изменений и адаптации законодательства к новым реалиям. Необходимо учитывать интересы всех заинтересованных сторон и стремиться к созданию более справедливой и эффективной системы правового регулирования земельных отношений в стране.

Интеграция стран Западной Европы в рамках Европейского Союза оказала значительное влияние на сферу земельного законодательства. Ключевым аспектом европейской интеграции является гармонизация национального законодательства стран-членов с нормами и стандартами, принятыми на уровне ЕС. Это касается и земельного права, которое подверглось изменениям под давлением необходимости обеспечения свободы перемещения товаров и услуг, устойчивого развития территорий и рационального использования природных ресурсов.

Применение общих подходов к регулированию земельных отношений способствовало унификации правил пользования землей, что важно для инвесторов и предпринимателей, работающих в масштабах нескольких стран. Особенно это заметно в правилах приобретения земли иностранными лицами, экологических ограничениях, использовании земель сельскохозяйственного назначения и урбанистическом планировании.

Еще одним значимым аспектом воздействия интеграционных процессов на земельное право стало повышение прозрачности и доступности информации о земельных участках. Страны ЕС активно развивают системы государственного земельного кадастра, что упрощает процесс покупки, продажи и иного вида сделок с землей.

Тем не менее, несмотря на стремление к унификации, местное земельное законодательство каждой страны все еще сохраняет свои особенности, отражающие национальные интересы и культурные традиции.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011)

[2] «Гражданское уложение Германии» (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013)

[3] Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. 397 с.

[4] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Междунар. отношения, 1999. 400 с.

[5] Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. 9-е изд. Т. 1-2. Ч.: Социум, 2004. С.1030.

[6] Agriculture and Economic Development in Europe Since 1870 / Edited by P. Lains, V. Pinilla. Routledge, 2009. P. 108.

[7] Agriculture, Trade and Food Security Issues and Options in the WTO Negotiations from the Perspective of Developing Countries. FAO 2000. Vol. II Chapter

[8] Johnson D. G. The Role of Agriculture in Economic Development. Clawson, 1963. P. 5.

References:

[1] The French Civil Code (the Napoleonic Code) of 03/21/1804 (as amended and supplemented as of 01.09.2011)

[2] “The Civil Code of Germany” (GSU) dated 08/18/1896 (as amended on 01/02/2002) (as amended and supplemented on 03/31/2013)

[3] The history of the European state. Moscow: Nauka, 1994. 397 p.

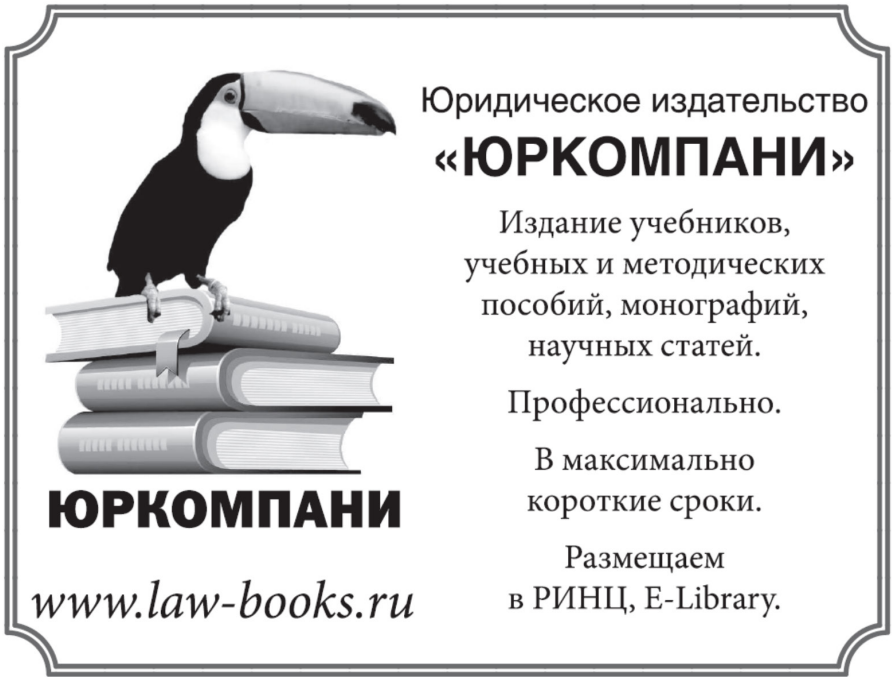
[4] David R., Geoffrey-Spinosi K. The main legal systems of modernity. Moscow: Mezhdunarod. relations, 1999. 400 p.

[5] Kulisher I. M. The history of economic life in Western Europe. 9th ed. Vol. 1-2. Ch.: Socium, 2004. p.1030.

[6] Agriculture and economic development in Europe since 1870 / Edited by P. Lanes, V. Pinilla. Routledge, 2009. p. 108.

[7] Issues of agriculture, trade and food security and their solutions in the WTO Negotiations from the perspective of developing countries. FAO, 2000. Vol. Chapter II

[8] Johnson D. G. The role of agriculture in economic development. Clawson, 1963. p. 5.



Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-414-418

НАЛБАНДЯН Виолетта Ашотовна,

Студентка 2 курса магистратуры Института открытого образования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по направлению подготовки 40.04.01 - Юриспруденция,

e-mail: halbanday@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЯ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ, КОНТРАФАКТНЫХ И НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. *В статье рассматривается правовой режим обращения фальсифицированных, контрафактных и недоброкачественных лекарственных средств в Российской Федерации в сопоставлении с моделями Европейского союза, Соединённых Штатов Америки и положениями Конвенции Совета Европы по контрафактной медицинской продукции и аналогичной преступной деятельности, представляющей угрозу для здравоохранения. Автор разграничивает три смежные категории препаратов, оценивает достаточность административных и уголовно-правовых санкций, анализирует институт прослеживаемости (систему МДЛП и зарубежные аналоги — EMVS, DSCSA) и формулирует предложения по гармонизации национальных норм с международными стандартами.*

Ключевые слова: *фальсифицированные лекарственные средства; контрафактные лекарственные препараты; недоброкачественные лекарственные средства; Конвенция «Медикрим»; статья 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации; Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств».*

NALBANDIAN Violetta Ashotovna,

2nd-year Master's Student, Institute of Open Education, Financial University under the Government of the Russian Federation Field of study: 40.04.01 — Jurisprudence

LEGAL REGULATION OF THE CIRCULATION OF FALSIFIED, COUNTERFEIT AND SUBSTANDARD MEDICINES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Annotation. *The article examines the legal regime for the circulation of falsified, counterfeit, and substandard medicines in the Russian Federation in comparison with the models of the European Union, the United States of America, and the provisions of the Council of Europe Convention on the counterfeiting of medical products and similar crimes involving threats to public health (Medicrime Convention). The author differentiates between three related categories of medications, assesses the adequacy of administrative and criminal sanctions, analyzes the institution of traceability (the Russian MDLP system and its foreign counterparts — EMVS, DSCSA), and formulates proposals for harmonizing national norms with international standards*.

Key words: *falsified medicines; counterfeit medicines; substandard medicines; Medicrime Convention; Article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; Federal Law No. 61-FZ of April 12, 2010, "On the Circulation of Medicines".*

Рынок лекарственных средств лежит на пересечении публичного здравоохранения, гражданского оборота и уголовной политики, и каждое из этих измерений требует отдельного юридического языка. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, в странах с низким и средним уровнем доходов до 10% препаратов, попадающих в обращение, не соответствуют заявленному качеству [8]. Цифра усреднённая, и всё же она обозначает масштаб проблемы, к которой национальные правовые нормы подходят неравномерно.

Россия, как и большинство государств-членов Совета Европы, исходит из самостоятельного регулирования трёх смежных категорий: фальсифицированных, контрафактных и недоброкачественных лекарственных средств. В теории различия между категориями существенные, но в правоприменении границы более размыты. В

связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько действующая модель способна выдержать давление быстро меняющегося фармацевтический рынок, цифровой логистики и трансграничной онлайн-торговли? Настоящая работа отвечает на него через сопоставление российских норм с правилами Европейского Союза, США и положениями Конвенции Совета Европы по контрафактной медицинской продукции и аналогичной преступной деятельности, представляющей угрозу для здравоохранения 2011 года (далее - Конвенция «Медикрим»).

Первично необходимо акцентировать внимание на проблематике понятийного аппарата и его правовой нагрузке. От точности дефиниций зависит, какая статья Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) будет применена, какой орган проведёт проверку, какая мера ответственности предусмотрена.

Теоретические аспекты в рамках исследуемой тематики закреплены в статье 4 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее – Закон об обращении лекарственных средств). В законе указано, что: фальсифицированный препарат сопровождается ложной информацией о составе или производителе; недоброкачественный – не соответствует требованиям нормативной документации; контрафактный – выпущен в обращение с нарушением исключительных прав [1]. Формально данные категории не пересекаются, но одно и то же незаконно произведенное лекарственное средство нередко подпадает сразу под две из них.

Здесь следует сделать оговорку: в научном дискурсе и правоприменительной практике «фальсификат» и «контрафакт» нередко используют в качестве синонимов, подчиняя обе категории общему понятию «подделка». Подобный вариант упоминания некачественных лекарственных средств допускается в публицистике, но для правоприменителя он опасен, поскольку меняет квалификацию.

Преступления против здоровья населения и преступления против интеллектуальной собственности регулируются принципиально разными нормами права. Европейский подход, закреплённый в Директиве 2011/62/EU, а до неё в Конвенции «Медикрим», прямо различает «фальсификат» и «контрафакт» («falsified medicinal products» и «counterfeit goods»), оставляя последние в плоскости норм об интеллектуальной собственности [6]. Европейский Союз избрал публично-правовую модель: подделанный лекарственный препарат рассматривается, прежде всего, как угроза здоровью, а уже потом – как нарушение прав владельца марки. Российский законодатель пошёл схожим путём, хотя и с более выраженной опорой на уголовно-правовой инструментарий.

Каркас отечественного правового регулирования некачественных лекарственных средств формировался в два этапа. Первым стало принятие профильного Закона об обращении лекарственных средств, заменившего разрозненные акты 1990-х [1]. Вторым этапом является введение в 2014 году статьи 238.1 УК РФ «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок» [2]. До этой реформы фальсификация в фармацевтической отрасли квалифицировалась через статьи об обмане потребителей, о незаконном предпринимательстве или нарушении правил оборота: по нормам, плохо приспособленным к специфике медицины [9, с.115-116].

В настоящее время российский законодатель при получении статуса общественно опасного деяния использует такую меру ответственности за нарушение исследуемых норм права, как лишение свободы до восьми лет при тяжких последствиях, и до двенадцати – при гибели двух и более лиц по неосторожности (в рамках статьи 238.1 УК РФ) [2]. Параллельно действует статья 14.4.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, охватывающая нарушения, не достигшие порога общественной опасности, включающая административные штрафы для граждан, должностных или юридических лиц, а также предпринимателей [4].

Между двумя нормами – заметный «серый коридор»: продажа просроченных препаратов через маркетплейсы, фасовка субстанций без лицензий, аптечный самоизготовленный «аналог» дорогостоящего оригинала. Судебная практика подтверждает, что разграничение часто опирается на размер партии и наличие умысла на введение в оборот, хотя прямо такой критерий нигде не закреплён.

Отдельный пласт борьбы с проблемой реализации занимает система мониторинга движения лекарственных препаратов (МДЛП), действующая с 1 июля 2020 года. В рамках использования МДЛП каждая изготавливаемая упаковка лекарств получает уникальный код Data Matrix, благодаря которому путь от производителя до потребителя фиксируется в государственной информационной системе.

Используемая мера во многом способствовала ликвидации канала «вторичного» оборота – перепродажи льготных препаратов и переупаковки списанных партий. Однако

новая модель борьбы с фальсификатом и контрафактом в медицине не лишена слабых мест. Правоприменительная практика демонстрирует негативную статистику: значительная часть обращений по-прежнему завершается административной квалификацией; уголовные дела по 238.1 УК РФ исчисляются десятками в год, тогда как объём сомнительных партий, выявляемых Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзором), – сотнями. Судебная практика не выработала устойчивого подхода и к регулированию интернет-продаж через сторонние площадки: продавец может быть зарегистрирован за рубежом, склад – в одной юрисдикции, покупатель – в другой, а пострадавший от употребления лекарственных препаратов зачастую выявляется лишь по факту госпитализации.

Европейская модель правового регулирования обращения фальсифицированных, контрафактных и недоброкачественных лекарственных средств строится на трёх опорах: гармонизированной директиве, Едином хранилище данных и Конвенции «Медикрим». Директива 2011/62/EU обязала государства-члены ввести защитные элементы упаковки – уникальный идентификатор и устройство контроля первого вскрытия (anti-tampering device). На её основе создана Европейская система верификации лекарств (EMVS), объединяющая национальные хранилища (NMVS) в единую сеть. Согласно этой верификации, аптека, отпуская препарат, обязана сверить код с базой: расхождение автоматически приостанавливает продажу лекарства.

Конвенция Совета Европы по контрафактной медицинской продукции и аналогичной преступной деятельности, представляющей угрозу для здравоохранения (CETS 211, открыта к подписанию в Москве 28 октября 2011 года) – первый международный договор, криминализировавший фальсификацию лекарств как самостоятельный состав [5]. Россия подписала её, но к 2026 году так и не ратифицировала, что регулярно отмечается в литературе как пробел, ограничивающий участие страны в международных операциях.

Правоприменительная практика Европейского Союза также демонстрирует необходимость урегулирования правовых пробелов. Так, в деле GSK v. Pharmacy Wholesalers (Nederland, 2019) Высший суд Нидерландов признал, что параллельный импорт препарата с переклеенной этикеткой, нарушающий целостность защитного элемента, попадает под действие FMD независимо от того, является ли товар оригинальным по составу [14]. Применяемый подход, при котором приоритет публично-правовой защиты преобладает над товарно-знаковой логикой, прямо противоречит распространённому в российской практике рассуждению: «состав соответствует – фальсификация отсутствует» [10, с 48-49].

Американская система правового регулирования лекарственных препаратов по структуре проще, но отличается большей суровостью. Базовый акт системы – Federal Food, Drug, and Cosmetic Act 1938 года в редакции Drug Supply Chain Security Act (DSCSA, 2013) [7]. Он закрепил десятилетний переход к полной электронной прослеживаемости на уровне индивидуальной упаковки, завершившийся в ноябре 2024 года.

В связи с принятием DSCSA в США FDA, Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов, получило расширенные полномочия по изъятию партий без судебного решения. Нарушение его норм грозит большими сроками: ввоз фальсификата квалифицируется как federal felony с санкцией до 20 лет лишения свободы (21 U.S.C. § 331, § 333) [7]. Показательна и линия разрешения дел против сетей «грязных» онлайн-аптек. Так, в деле United States v. RxProfits Network (E.D.N.Y., 2018) суд оценил оборот контрафактного «Avastin» в 78 миллионов долларов и приговорил организаторов к срокам от 7 до 17 лет [13].

В целом, подход FDA опирается на принцип «personal jurisdiction over the supplier». Для американского законодательства необходимо, чтобы хотя бы один заказ был доставлен на территорию США: одного нарушения для возбуждения уголовного производства против иностранного продавца вполне достаточно. В российской системе подобные меры пока что не нашли отклика, а в международных операциях страна ограничивается каналами поиска правонарушителей среди Интерпола и СНГ.

Резюмируя, можно отметить следующее. В Российской Федерации регулирование обращения фальсифицированных, контрафактных и недоброкачественных лекарственных средств отличается развитой системой прослеживаемости, сопоставимой по охвату с EMVS и DSCSA, но уступает в части материально-правовых инструментов. Уголовно-правовая защита сосредоточена, преимущественно, в одной статье, тогда как ЕС и США оперируют связкой норм: таможенных, фармацевтических, антимонопольных и потребительских. Вдобавок Российская Федерация все еще не ратифицировала Конвенцию «Медикрим», что лишает отечественные правоохранительные органы ряда международных процессуальных возможностей – доступными остаются лишь международные каналы Интерпола и

правоохранительных органов стран СНГ.

Стоит упомянуть и о преимуществах контроля над обращением фальсифицированных, контрафактных и недоброкачественных лекарственных средств. Применяемая на национальном уровне маркировка «Честный знак» технологически опережает европейские аналоги: у EMVS нет прямой интеграции с фискальными данными, тогда как российская система привязывает движение упаковки к чеку конкретной аптеки [12]. Однако возможности ресурса не использованы в полной мере: результаты расследования по базам «Честного знака» редко становятся доказательственной базой в уголовных делах, несмотря на наличие указанной возможности в соответствии с нормами статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3].

Онлайн-торговля медикаментами в Российской Федерации требует отдельного внимания. После расширения в 2023 году перечня препаратов, разрешённых для отпуска по дистанционным каналам, число административных дел о продаже рецептурных медикаментов без рецепта врача значительно увеличилось: по данным Росздравнадзора, рост составил около 300% [11]. Это не доказывает увеличение торгового оборота фальсификата лекарственных средств напрямую, однако, указывает на ослабление контроля, что на практике влечёт за собой рост количества подделок среди медикаментов.

Таким образом, сравнение трёх правопорядков демонстрирует, что российская модель регулирования обращения фальсифицированных, контрафактных и недоброкачественных лекарственных средств в целом соответствует современным международным стандартам по архитектуре, однако, уступает по гибкости санкций и глубине международного сотрудничества. Ратификация Конвенции «Медикрим», расширение круга субъектов ответственности в статье 238.1 УК РФ за счёт администраторов цифровых площадок, а также прямое признание данных МДЛП источником доказательств – три практических шага, после которых отечественная модель приблизится к уровню «лучших практик» Европейского Союза и США.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 16. Ст. 1815.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ № 25 от 17 июня 1996 г. Ст. 89.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

[5] Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (CETS № 211). Москва, 28.10.2011 г.

[6] Иванов А. Н. Уголовно-правовая охрана здоровья населения от оборота фальсифицированных лекарственных средств // Российский юридический журнал. 2022. № 4. С. 112–124.

[7] Планы и показатели деятельности. Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения // Официальный сайт [Интернет-ресурс] URL: https://roszdravnadzor.gov.ru/about/plans (дата обращения – 28.04.2026).

[8] Система «Честный знак» // Официальный сайт [Интернет-ресурс] URL: https://xn--80ajghhoc2aj1c8b.xn--p1ai/ (дата обращения – 28.04.2026).

[9] Доступ к законодательству Европейского союза // Официальный сайт [Интернет-ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62006CJ0501 (дата обращения – 28.04.2026).

[10] Directive 2011/62/EU of the European Parliament and of the Council of 8 June 2011 // Official Journal of the European Union. L 174. 1 July 2011.

[11] Drug Supply Chain Security Act, Pub. L. 113-54, 27 November 2013 // U.S. Statutes at Large. Vol. 127. P. 587–636.

[12] WHO. Substandard and falsified medical products: Global Surveillance and Monitoring System Report. Geneva: World Health Organization, 2023. 78 p.

[13] Habl C., Bachner F. Falsified Medicines: A Threat to Public Health in the EU // European Journal of Public Health. 2020. Vol. 30. P. 47–52.

[14] Department of Justice // Официальный сайт [Интернет-ресурс] URL: https://www.justice.gov/usao-dc/media (дата обращения – 28.04.2026).

References:

[1] Federal Law of 12.04.2010 No. 61-FZ “On Circulation of Medicines “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. № 16. Art. 1815.

[2] Criminal Code of the Russian Federation No. 13.06.1996 dated 63-FZ//Collection of Legislation

of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation No. 25 of June 17, 1996 Art. 89.

[4] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 30.12.2001 dated 195-FZ// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part I). Art. 1.

[5] Council of Europe Convention on the Suppression of Falsification of Medical Products and Similar Crimes Endangering Public Health (CETS No. 211). Moscow, 28.10.2011

[6] A.N. Ivanov. Criminal Law Protection of Public Health from Trafficking in Counterfeit Medicines//Russian Law Journal. 2022. № 4. S. 112-124.

[7] Plans and performance indicators. Federal Service for Surveillance in Healthcare// Official website [Internet resource] URL: https://roszdravnadzor.gov.ru/about/plans (accessed on 28.04.2026).

[8] Honest Sign System//Official Website [Internet Resource] URL: https ://xn--80ajghhoc2aj1c8b.xn--p1ai/(Accessed on 28.04.2026).

[9] Access to European Union law//Official website [Internet resource] URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62006CJ0501 (accessed on 28.04.2026).

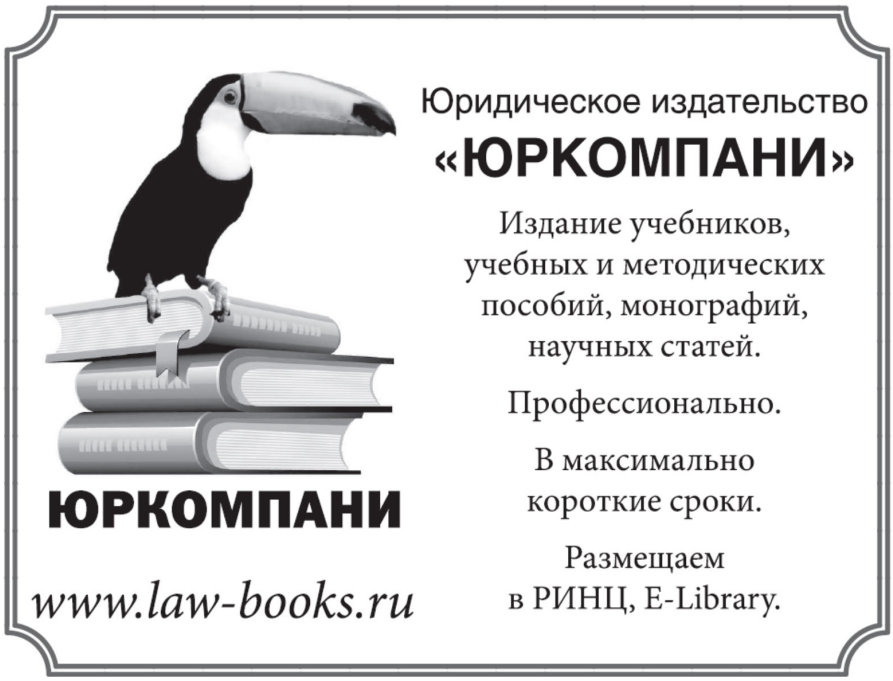
[10] Directive 2011/62/EU of the European Parliament and of the Council of 8 June 2011 // Official Journal of the European Union. L 174. 1 July 2011.

[11] Drug Supply Chain Security Act, Pub. L. 113-54, 27 November 2013 // U.S. Statutes at Large. Vol. 127. P. 587–636.

[12] WHO. Substandard and falsified medical products: Global Surveillance and Monitoring System Report. Geneva: World Health Organization, 2023. 78 p.

[13] Habl C., Bachner F. Falsified Medicines: A Threat to Public Health in the EU // European Journal of Public Health. 2020. Vol. 30. P. 47–52.

[14] Department of Justice//Official site [Internet resource] URL: https://www.justice.gov/usao-dc/media (date of contact - 28.04.2026).



МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-419-423

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,

доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерации,

e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. *Статья посвящена подготовке квалифицированных специалистов для пенитенциарной системы Республики Казахстан, порядку и условиям отбора кандидатов в резерв руководящих кадров, требованиям, предъявляемым к кандидатам.*

Ключевые слова: *пенитенциарная система, руководящие кадры, учреждения, отбор и подготовка, переподготовка, повышение квалификации.*

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich,

Chief Researcher of the Research Institute of the Russian Federal Penitentiary Service, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow, Russian Federation

PENITENTIARY SYSTEM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Annotation. *The article is devoted to the preparation of qualified specialists for the penitentiary system of the Republic of Kazakhstan, the procedure and conditions for the selection of candidates for the reserve of leading cadres, the requirements for candidates.*

Key words: *penitentiary system, leading cadres, institutions, selection and training, retraining, advanced training.*

История уголовно-исполнительной системы (УИС) является неотъемлемой частью истории Республики Казахстан. Пенитенциарная система, словно зеркало, отражала в своем развитии те перемены, которые происходят в политической, социально-экономической и культурной жизни.

Во все времена и в любой стране пенитенциарная система, или, как еще ее часто называют, служба исполнения наказания, была и остается важной составляющей государственного механизма.

И хотя отношение к ней в обществе не всегда однозначное, даже самые ярые приверженцы демократических ценностей не возьмутся отрицать ее необходимость.

За последние четверть века своего развития пенитенциарная система претерпела большие изменения. Проводимые реформы приобрели динамичный и комплексный характер. Осуществлен целый ряд позитивных нововведений в правовом обеспечении, совершенствуется законодательство. В полном объеме проводится медицинское обслуживание, улучшены бытовые условия осужденных, улучшилось питание, проводится реконструкция и ремонт исправительных учреждений.

Основная заслуга в реализации всех этих положительных моментов принадлежит сотрудника и работникам уголовно-исполнительной системы. Как здесь не вспомнить слова Главы государства, сказанные в Послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050». Новый политический курс состоявшегося государства», где он отметил, что именно кадры являются локомотивом новых экономических реформ.

В УИС отбор и расстановка профессионально подготовленных сотрудников – одна из самых важных задач, на решение которой нацелены кадровые подразделения.

В целях формирования кадрового состава правоохранительного органа, обеспечения комплектования должностей службы в правоохранительном органе создается кадровый резерв.

Приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 2 декабря 2015 года № 977«Об утверждении Правил формирования кадрового резерва, требований к квалификации сотрудников, зачисляемых в кадровый резерв, и работы с ведомственным банком данных сотрудников, зачисленных в кадровый резерв органов внутренних дел» утверждены правила формирования кадрового резерва и та необходимая работа, которая должна

проводиться с сотрудниками, зачисленными в кадровый резерв органов внутренних дел Республики Казахстан.

Кадровый резерв создается в целях формирования кадрового состава органов внутренних дел (далее – ОВД) и обеспечения качественного комплектования вакантных руководящих должностей в ОВД и формируется в каждом ОВД на плановой основе для последующего замещения вакантных руководящих должностей из расчета не менее двух кандидатур на каждую должность, подлежащую замещению [2].

Кадровый резерв формируется из сотрудников:

по результатам аттестации рекомендованных к выдвижению на руководящие должности;

проявивших организаторские способности при исполнении служебных обязанностей либо при выполнении специальных заданий на основании рекомендаций непосредственных руководителей подразделений ОВД, с учетом показателя конкурентоспособности.

При зачислении сотрудников в кадровый резерв соблюдаются квалификационные требования к категориям должностей органов внутренних дел в соответствии с Законом Республики Казахстан «О правоохранительной службе» (далее - Закон) [1], где учитывается следующее:

показатель конкурентоспособности сотрудника;

наличие соответствующей профессиональной подготовки и опыта работы по предлагаемому виду деятельности;

знание нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность соответствующей службы;

состояние здоровья;

результаты профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

Зачисление лиц в кадровый резерв производится путем включения их в список сотрудников, зачисленных в кадровый резерв. Срок пребывания сотрудника в кадровом резерве не должен превышать три года.

В кадровую службу направляются протокол аттестационной комиссии, представление о зачислении в кадровый, послужной список сотрудника, служебная характеристика и справка об отсутствии компрометирующих сведений, выданная подразделениями собственной безопасности.

В случаях наложения на сотрудника дисциплинарного взыскания за коррупционное правонарушение он исключается из кадрового резерва.

Исключение из кадрового резерва оформляется путем составления списка сотрудников, исключенных из кадрового резерва, а в кадровую службу направляются представление руководителя ОВД об исключении из кадрового резерва, послужной список сотрудника, материалы служебного расследования, копия приказа о наложении дисциплинарного взыскания.

Списки сотрудников, зачисленных и исключенных из кадрового резерва по соответствующим категориям должностей, утверждаются уполномоченным руководителем ОВД и вносятся в ведомственный банк данных.

Ведомственный банк данных содержит сведения о сотрудниках, зачисленных в кадровый резерв, и функционирует на основе автоматизированной информационной системы.

Кадровые службы ОВД ведут ведомственный банк данных сотрудников, зачисленных в кадровый резерв, с отражением их показателя конкурентоспособности, а также на них возлагается ответственность за полноту и достоверность информации, своевременность обновления списка сотрудников, зачисленных в кадровый резерв, возлагается на кадровую службу.

В автоматизированной информационной системе в послужном списке сотрудника автоматически появляется запись о дате зачисления в кадровый резерв с указанием категории должности.

Сотрудники, зачисленные в кадровый резерв, назначаются на должность соответствующей категории при условии наличия вакантной должности, соответствия квалификационным требованиям и их согласия.

В перспективе потребность в сот¬рудниках будет планироваться на основе Перечня специальностей для удовлетворения потребностей в кад-рах, в том числе со специальными знаниями и навыками (религиоведы, психологи, IT-специалисты и другие).

Для успешного выполнения задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой республики Казахстан важную роль играетповышение квалификации сотрудников правоохранительных органов а также их переподготовка.

Приказом МВД РК № 36 от 23 июня 1997 года в Костанайском тогда еще юридическом институте был создан факультет повышения квалификации и переподготовки. В соответствии с Постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 декабря 2012 года № 1692 факультет переименован в Институт повышения

квалификации и переподготовки.

Институт повышения квалификации и переподготовки Костанайской академии МВД РК реализует дополнительные профессиональные образовательные программы, к которым относятся программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки сотрудников органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы.

Организация деятельности Института по повышению квалификации и переподготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел осуществляетсяс учетом постоянного повышения предъявляемых к ним требований в связи с изменениями, происходящими в правоприменительной практике, путем углубления профессиональных знаний.

Ежегодно в Институте на курсах повышения квалификации проходят обучение свыше трехсот сотрудников уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел.

За 12 учебных дней для слушателей Института повышения квалификации проводится лекционных, семинарских, практических занятий в объеме 72 часов. Тематические планы включают в себя следующие разделы:

Юридическая подготовка.

Специальная подготовка.

Каждому, проходившему обучение на курсах повышения квалификации выдается информация на электронный носитель, включающая в себя правовую базу, учебно-методическую и практическую литературу, фильмы, видеосюжеты для последующего применения в практической деятельности.

По итогам обучения после сдачи экзамена слушателям выдаются сертификаты установленного образца об окончании курсов повышения квалификации.

Основными задачами Института являются:

организация учебно-методического обеспечения учебного процесса в Институте;

создание необходимых условий для эффективного и творческого обучения слушателей;

взаимодействие с Департаментом кадровой работы МВД РК, Управлением кадров Комитета УИС МВД РК, с подразделениями территориальных органов с целью непрерывного совершенствования качества переподготовки специалистов и повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел;

осуществление целенаправленной систематической работы по повышению профессиональной компетентности сотрудников УИС и ОВД МВД РК;

разъяснения основных положений вновь принятых кодексов Республики Казахстан;

внедрение в практику работы современных инновационных, педагогических технологий;

обеспечение высокого методического уровня проведения всех видов занятий путем внедрения в практику информационных технологий, научно-методического сопровождения учебного процесса;

переработка всех учебно-методических материалов в соответствии с новым законодательством.

Данные задачи, стоящие перед Институтом повышения квалификации и кафедрами Академии необходимо отрабатывать на каждом учебном занятии, ведь от уровня профессионализма сотрудников уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел, его компетентности в рамках их квалификации, зависит реализация требований, предъявляемых обществом к сотрудникам правоохранительной службы и исполнении своих служебных обязанностей по профилю деятельности. Подготовке сотрудников для уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан уделяется огромное внимание в целях совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков.

Список литературы:

[1] Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV «О правоохранительной службе» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.)

[2] Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 2 декабря 2015 года № 977 «Об утверждении Правил формирования кадрового резерва, требований к квалификации сотрудников, зачисляемых в кадровый резерв, и работы с ведомственным банком данных сотрудников, зачисленных в кадровый резерв органов внутренних дел»

[3] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[4] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров

высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[5] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[6] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[7] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[8] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[9] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[11] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[12] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[13] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144

[14] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[15] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

References:

[1] Law of the Republic of Kazakhstan dated January 6, 2011 No. 380-IV “On Law Enforcement Service” (as amended as of 11.07.2017)

[2] Order of the Minister of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan dated December 2, 2015 No. 977 “On approval of the Rules for the formation of a personnel reserve, requirements for the qualifications of employees enrolled in the personnel reserve, and work with the departmental data bank of employees enrolled in the personnel reserve of internal affairs bodies”

[3] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[4] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[5] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[6] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[7] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[8] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[9] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

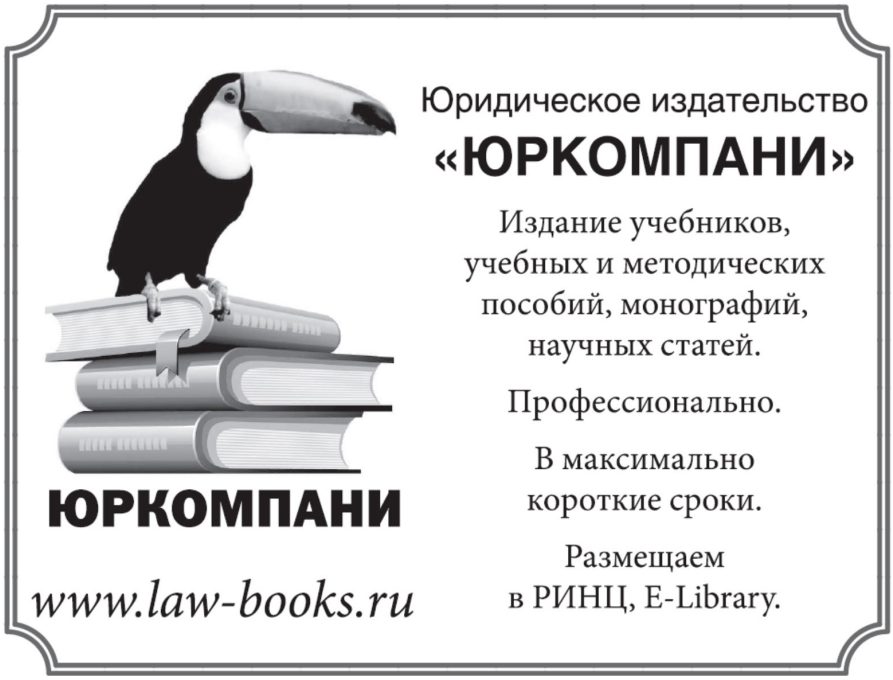
[11] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[12] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[13] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144

[14] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[15] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-424-427

КОСОВСКАЯ Виктория Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, https://orcid.org/0000-0001-9727-5219,

e-mail: vkosovskaya@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО: СУЩНОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ СПОСОБОВ СОЗДАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ

Аннотация. *В статье предпринята попытка выявить сущность нормотворческого процесса в международном праве. Подчеркиваются объективные трудности, возникающие перед субъектами международного права в процессе создания норм. Отдельное внимание уделено вопросам эффективности нормотворческого процесса в современных условиях развития международных отношений. Коллизии норм международного права вполне могут быть преодолены еще на стадии их создания при условии консолидированных подходов государств к данной проблеме.*

Ключевые слова: *нормы международного права, международное нормотворчество, международные договоры, международные обычаи, международные организации.*

KOSOVSKAYA Viktoria Aleksandrovna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law of The Herzen State Pedagogical University of Russia

INTERNATIONAL RULEMAKING: THE ESSENCE AND EFFECTIVENESS OF MODERN WAYS OF CREATING LEGAL NORMS

Annotation. *The article attempts to identify the essence of the rule-making process in international law. The objective difficulties faced by subjects of international law in the process of creating norms are emphasized. Special attention is paid to the effectiveness of the rule-making process in modern conditions of the development of international relations. Conflicts of norms of international law may well be overcome even at the stage of their creation, provided consolidated approaches of States to this problem.*

Key words: *norms of international law, international rulemaking, international treaties, international customs, international organizations.*

Нормы, регулирующие отношения между государствами и другими субъектами международного права, проходят в последние годы испытания на прочность. Современное состояние международных отношений характеризуется полным неприятием и неисполнением отдельными странами коллективного Запада существующих международно-правовых норм, принятием решений и совершением действий, которые напрямую противоречат основным принципам и нормам международного права.

На всем протяжении истории международных отношений, их регулирование осуществлялось путем создания единообразных унифицированных правил. Доктринально признано, что нормы международного права являются результатом согласования воли государств и создаются самими субъектами международного права. С.В. Черниченко называл спецификой создания норм международного права то, «… что они всегда являются плодом соглашения, выражением соглашения» [1, с.21]. Как отмечал Г.И. Тункин, «…такая особенность делает процесс нормообразования в международном праве гораздо более сложным по сравнению с процессом нормообразования в национальном праве отдельных государств» [2, с. 75].

Отдельные исследователи указывают, что выделение этой главной особенности порядка создания нормативных регуляторов международных отношений, оставляет за скобками такие важные для нормотворческой деятельности моменты, как содержание понятий нормообразования, этапов и стадий создания норм, форм согласования воли, приемов

юридической техники и т.д. [3, с. 98]. Тем самым, данные аспекты нормотворчества на международном уровне требуют их тщательной проработки с учетом методологии теории права, а также сравнения с процессом создания норм на национальном уровне.

Сущность нормотворческого процесса в международном праве, несомненно, должна определяться исходя из разработанных в теории права подходов к данному процессу как к особому виду деятельности специально уполномоченных государственных органов по созданию обязательных правил поведения.

В.В. Шаханов и А.А. Снегирев дают, в частности, такое определение: «…международное нормотворчество – это вид юридической деятельности, носящий творческий характер, осуществляемый уполномоченными субъектами международного права, в результате которого их воля взаимосогласуется и выражается в виде нормы международного права в определенном источнике международного права (как правило, в форме международно-правового договора или международно-правового обычая)» [4, с. 147].

Формами закрепления международно-правовых норм, действительно, в первую очередь, являются международные обычаи (норма появляется в результате признанной государствами практики) и международные договоры (формально выстроенные соглашения между государствами). В качестве вспомогательных источников закрепления норм выступают решения международных межправительственных организаций, рассчитанные на неоднократное применение и носящие согласно учредительным документам обязательных характер, решения международных судов и доктрина.

В.П. Талимончик обращает внимание на необходимость разграничения понятий «международное нормотворчество» и «международное правотворчество». Наряду с созданием таких результатов нормотворческой деятельности, как международные договоры, международные обычаи и акты международных организаций, в процессе международного правотворчества создаются также и иные гибкие формы регулирования международных отношений [5, с. 128].

Многие специалисты указывают на то, что современные международные отношения, характеризующиеся множеством разнообразных участников, сложно регулировать, используя исключительно классические формы закрепления норм международного права. Регуляторы «мягкого» права, которые создаются, помимо всего прочего, и неклассическими субъектами, в различных формах (типовых законов, регламентов, решений и других формах) широко используются в сфере регулирования информационно-коммуникационных технологий, международной охраны интеллектуальной собственности, международного торгового права и других активно развивающихся сферах.

Многие авторы призывают к сохранению за международным договором роли основополагающего источника международного права, поскольку именно в нем может быть зафиксирована воля равноправных участников межгосударственных отношений. Строгое исполнение государствами своих обязательств, закрепленных в международном договоре, является гарантией мирового правопорядка.

А. Малиновский и Е. Трикоз считают, что «…процесс межгосударственного нормотворчества должен представлять собой процедуру конвенционного преобразования норм международного права, а не способ юридического оформления директивы государств-лидеров, обязательной для исполнения остальными государствами реципиентами» [6, с.23].

Наличие разных видов создаваемых в процессе международного нормотворчества норм (договорных и обычных, универсальных, региональных и двусторонних, общих и специальных и т.д.) могут порождать определенные коллизии между ними. Несмотря на сложность нормотворческого процесса, в его ходе государствам было бы целесообразно учитывать возможные коллизии и не создавать норм, которые могут противоречить уже существующим нормам, отменять действие ранее принятых норм, при этом учитывать интересы других государств, например, участвующих в том или ином международном договоре.

Ю.С. Ромашев, подчеркивая трудности процесса создания норм в международном праве, отмечает, что «… усиливающая фрагментация международного права приводит к трудностям при выявлении связей между различными его областями, источниками международного права, отдельными нормами или их группами, поэтому увеличивается количество норм, содержащих коллизии. Выявление коллизий норм, разработка предложений по их разрешению и недопущению в будущем становится весьма трудным процессом как для лиц, применяющих нормы международного права, так и участвующих в международном нормотворчестве. Возможны также коллизии между договорными нормами и нормами общего международного права (нормами международных обычаев и общими принципами права)» [7, с. 209].

Субъектами нормотворческой деятельности в международном праве выступают, в первую очередь, сами государства

и создаваемые ими различные международные организации. Практически с начала деятельности ООН в рамках ее структуры была создана Комиссия международного права, на которую были возложены функции по созданию международно-правовых норм, их кодификации.

Специалисты отмечают, что современный этап деятельности Комиссии международного права ООН отличается принципиально иным подходом к созданию норм международного права. Пройдя длительный путь в качестве органа, занимающегося кодификацией и созданием проектов статей и международных договоров, Комиссия выбрала новый путь.

А.С. Гуласарян говорит о том, что «… сегодня критика деятельности Комиссии, связываемая с принятием проектов в иных формах, нежели проекты статей или проекты конвенций, с отказом от разработки в последующем на их основе международных договоров (конвенций), должна быть уравновешена признанием объективного влияния, в конечном счете, оказываемого такими проектами на практику правоприменения в разных областях, на развитие международного права в целом» [8, с. 63].

Процесс создания норм международного права на сегодняшний день претерпевает значительные структурные изменения. Традиционные механизмы создания норм путем длительной процедуры выработки государствами содержания норм, их оформления в виде взаимосвязанной системы статей международных соглашений, сегодня требуют применения более мобильных способов. В условиях нестабильности современных международных отношений для оперативного решения насущных задач государства могут использовать возможность заключения договоров в устной форме.

Такая форм международных договоров не противоречит конвенционным нормам права международных договоров, о чем, в частности, говорится в ст. 3 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., и регулируется в первую очередь сложившимися обычаями. Ю.С. Ромашев и Н.В. Остроухов, подробно исследуя генезис и природу устных международных договоров, отмечают, что они должны соответствовать общепризнанным принципам международного права, не противоречить внутреннему законодательству государств-участников и заключатся уполномоченными лицами [9, с. 265-266].

Несмотря на критические оценки устной формы международных договоренностей, в первую очередь, из-за сложной идентификации их в качестве юридически обязательных и возможности отграничения от личных договоренностей, политических сговоров и иных форм, а также применения их лишь на двустороннем, в редких случаях, региональных уровнях, при наличии выраженной воли на создание обязательных норм, государства могли бы обращать к такой форме взаимодействия.

Еще одним направлением повышения эффективности процесса нормотворчества на межгосударственном уровне можно рассматривать возможность упрощения принятия дополнений и поправок к уже действующим международным договорам. В первую очередь, это касается правил о вступлении в силу различного рода протоколов к конвенциями, которые создаются в рамках международных организаций. Например, в учредительном документе ИМО (п. b Конвенции о Международной морской организации 1948 г.) установлен порядок принятия решения путем голосования большинством присутствующих представителей государств, на практике решения в рамках организации принимаются при условии отсутствия формальных возражений. Такой подход активно используется и рядом других международных организаций, например, ВТО.

Таким образом, следует отметить, что международное нормотворчество отличается рядом сущностных особенностей. Субъектами создания норм, их применения и исполнения являются одни и те же участники международных отношений. С одной стороны, данное обстоятельство создает определенные трудности, с другой стороны, на наш взгляд, дает субъектам возможность более гибко реагировать на сегодняшние вызовы, используя в процессе создания норм международного права разнообразные способы и формы.

Список литературы:

[1] Черниченко С.В.. Теория международного права. В 2-х томах. Том 1: Современные теоретические проблемы. – М.: Издательство «НИМП», 1999. – 336 с.

[2] Тункин Г.И. Теория международного права. Под общ. ред. проф. Л.Н. Шестакова. – М.: Издательство «Зерцало», 2000. – 416 с.

[3] Асонова Е.С., Зяблова Т.Е., Комарова Я.Б. Теория нормотворчества и международное право // Modern Science. 2022. № 3-1. С. 98-104.

[4] Шаханов В.В., Снегирёв А.А. Международное нормотворчество: доктринальные основания, принципы, понятие, метатеория // Ученые записки. 2021. № 2 (38). С. 144-148.

[5] Талимончик В.П. Отдельные кризисные явления в международном правотворчестве, связанные с развитием информационно-коммуникационных систем // Кризисы международно-правовой системы и пути их

преодоления: история и современность. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. СПб.: Астерион, 2024. С. 126-136.

[6] Малиновский А., Трикоз Е. Международное договорное нормотворчество как политический процесс: историко-теоретический обзор // Международные процессы. 2020. Том 18. № 2 (61). С. 6–30.

[7] Ромашев Ю.С. Иерархия норм международного права при их применении и в нормотворческом процессе // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 3. С. 180–211.

[8] Гуласарян А.С. Комиссия международного права ООН: quo vadis? (к 80-летию ООН) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 12 (136). С. 56-63.

[9] Ромашев Ю.С., Остроухов Н.В. Правовая природа устных международных договоров // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-ustnyh-mezhdunarodnyh-dogovorov (дата обращения: 14.05.2026).

References:

[1] Chernichenko S.V. Theory of International Law. In 2 volumes. Volume 1: Modern theoretical problems. - M.: Publishing house “NIMP,” 1999. - 336 p.

[2] Tunkin G.I. Theory of international law. Under the general. ed. Prof. L.N. Shestakova. - M.: Publishing house “Mirror,” 2000. - 416 s.

[3] Asonova E.S., Zyablova TE, Komarova Y.B. Theory of rulemaking and international law// Modern Science. 2022. № 3-1. S. 98-104.

[4] Shakhanov V.V., Snegirev A.A. International rulemaking: doctrinal foundations, principles, concept, metatheory//Scientific notes. 2021. № 2 (38). S. 144-148.

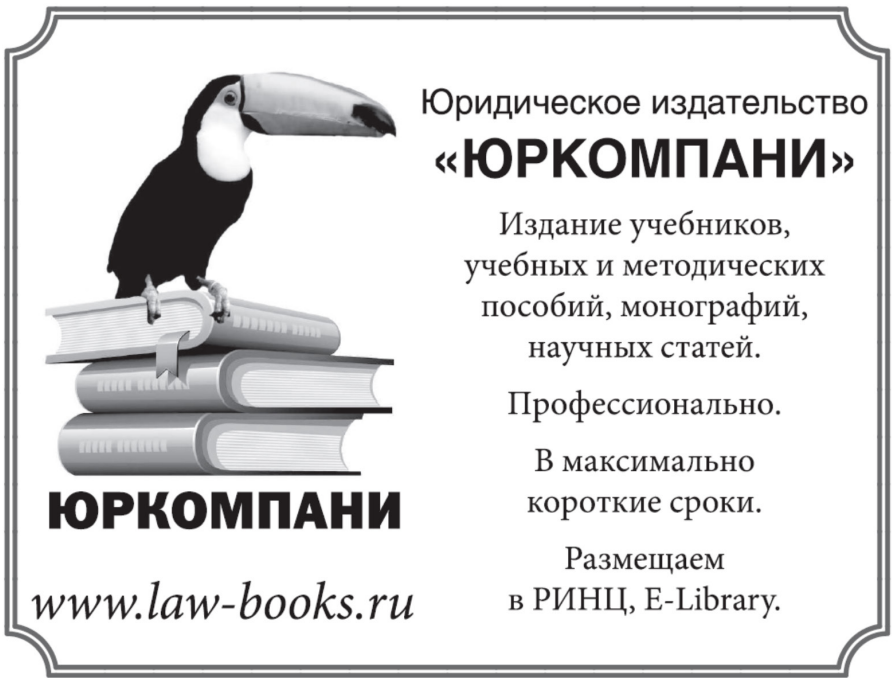
[5] Talimonchik V.P. Individual crisis phenomena in international law-making related to the development of information and communication systems//Crises of the international legal system and ways to overcome them: history and modernity. Collection of scientific articles of the International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg: Asterion, 2024. S. 126-136.

[6] Malinovsky A., Trikoz E. International treaty rulemaking as a political process: historical and theoretical review//International processes. 2020. Volume 18. № 2 (61). S. 6-30.

[7] Romashev Yu.S. Hierarchy of rules of international law in their application and in the rule-making process//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Volume 17. № 3. S. 180-211.

[8] A.S. Gulasaryan. UN International Law Commission: quo vadis? (to the 80th anniversary of the UN)//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2025. № 12 (136). S. 56-63.

[9] Romashev Yu.S., Ostroukhov N.V. Legal nature of oral international treaties//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-ustnyh-mezhdunarodnyh-dogovorov (дата обращения: 14.05.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-428-430

АЛЕШИНА Александра Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена,

e-mail: aaleshina23@mail.ru

ПРИНЦИП СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Аннотация. *Данная статья посвящена вопросам, связанным с принципом сотрудничества государств как одним из основных принципов международного права, на основе которого осуществляется межгосударственное взаимодействие в разнообразных сферах жизнедеятельности. Проводится анализ его реализации как эффективного инструмента в рамках правотворчества.*

Ключевые слова: *международное право, основные принципы международного права, принцип сотрудничества государств, международное взаимодействие, правотворчество.*

ALESHINA Aleksandra Vladimirovna,

Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of Department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

THE PRINCIPLE OF STATE COOPERATION AS THE BASIS FOR EFFECTIVE INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF LAW-MAKING

Annotation. *This article is devoted to issues related to the principle of cooperation between states as one of the basic principles of international law, on the basis of which interstate interaction is carried out in various spheres of life. The analysis of its implementation as an effective tool within the framework of lawmaking is carried out.*

Key words: *iinternational law, the basic principles of international law, the principle of state cooperation, international interaction, law-making.*

С давних времен взаимодействие государств между собой являлось важнейшим фактором для их полноценного развития и процветания в различных сферах жизнедеятельности. Незря принцип сотрудничества государств является одним из основных принципов международного права, в результате реализации которого государства достигают различных целей и решают сложные многомерные и многоплановые задачи.

Конечно, данный принцип является началом и основой развития любых межгосударственных взаимоотношений, а само качество его реализации напрямую влияет на процесс правотворчества и как следствие наилучшего достижения положительных результатов во взаимопонимании, закрепляя договоренности в документальной форме.

Как отмечают Н.Г. Полякова и Е.Н. Чепелева, «... в широком понимании анализируемый принцип всегда будет идеей, напрямую связанной с глобальными целями: мир и безопасность, экология, здравоохранение и др. При этом слово «идея» ключевое, а смысл ее сводится к налаживанию благоприятных отношений между государствами для полноценной возможности добиваться положительных целей и результатов. Необходимо отметить, что конкуренция государств, построенная на неравенстве, негативно влияет на построение взаимоотношений между государствами и соответственно на реализацию международного принципа сотрудничества государств, поскольку для его применения также следует учитывать возможность каждого субъекта международного права на возможности финансовые, материальные и иные ресурсы» [3, с. 85].

Принцип сотрудничества государств применяется, как уже упоминалось, в различных сферах, в частности, в международном космическом праве, что подтверждает О.А. Попова, говоря о том, что «... в Договоре по космосу прямо закреплено положение, в соответствии с которым государства-участники должны в своей деятельности руководствоваться принципом сотрудничества. Принцип

международного сотрудничества не является специальным принципом международного космического права, но имеет особенности в рамках данной отрасли, которые включают в себя осуществление международного сотрудничества в соответствии с положениями международного права, в том числе Устава ООН и Договора по космосу; на благо и в интересах всех государств с особым учетом потребностей развивающихся стран (в частности, государства должны на равных основаниях рассматривать просьбы других государств — участников Договора по космосу о предоставлении им возможности для наблюдения за полетом запускаемых этими государствами космических объектов и информировать международное сообщество о своей космической деятельности); на справедливой и взаимоприемлемой основе с использованием наиболее эффективных и надлежащих форм сотрудничества; в области исследования и использования космического пространства в мирных целях» [4, с. 165].

А.Х. Абашидзе, А.А. Амирова и В.И. Михеева подтверждают, что «... принцип сотрудничества государств является основополагающим и эффективным средством для решения глобальных проблем, которое применяется широко в международных отношениях. Более того, данный принцип в контексте решения конкретных проблем в различных отраслях международного права послужил и продолжает служить нормативной и концептуальной основой для появления новых концепций и подходов. В этом отношении уже отличаются такие отрасли, как международное право прав человека, особенно применительно к защите экономических, социальных и культурных прав, и международное экономическое право по делению суверенных государств на категории с целью обоснования правомерных преференций для ряда групп государств» [1, с. 247].

Н.Г. Полякова и Е.Н. Чепелева отмечают, что «... сферы налаживания сотрудничества с каждым годом расширяются в зависимости их значимости и актуальности. Целесообразно привести пример, а именно Раздел XVIII Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации (принят 18.12.2001 № 174-ФЗ), регламентирующий взаимный процесс сотрудничества между субъектами процессуального права Российской Федерации и другими государствами. В данном случае под субъектами понимаются, с одной стороны, – судьи, прокуроры, следователи и органы дознания, с другой стороны, компетентные органы иностранных государств» [3, с. 86].

Также необходимо упомянуть вопросы, связанные с природопользованием и охраной окружающей среды, которые сегодня находятся на повестке дня, в связи с чем Д.И. Нургалиева четко обозначила, что «... принцип международного сотрудничества находится на стадии разработки международных нормативных правовых актов, а национальное законодательство не набрало достаточный объем правового регулирования в экологических правоотношения, соответственно автором даны следующие актуальные и необходимые предложения для становления надлежащего сотрудничество в обозначенных сферах:«… - выработать общие межгосударственные подходы по решению возникающих проблем, утвердить правовые основы политики 87 сотрудничества стран в многостороннем соглашении в сфере охраны окружающей среды и природопользования; - гармонизировать национальное законодательство с лучшими международными практиками в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности населения; - принимать меры, направленные на предупреждение загрязнения различных сред, таких как воздух, вода, почва, различными веществами, в том числе опасными и твердыми отходами, стойкими органическими загрязнителями и другими токсичными веществами; - принять дополнительные меры по повышению уровня экологической культуры населения, совершенствованию системы экологического образования, просвещения, воспитания, а также информирования населения о состоянии окружающей среды, привлекать к этой деятельности как можно больше общественных объединений.» [2, с. 91-92].

Как справедливо отмечают А.Х. Абашидзе, А.А. Амирова и В.И. Михеева «... принцип сотрудничества государств и его важность не раз были подтверждены Международным Судом ООН и другими международными судебными органами. В частности, Международный трибунал по морскому праву в своем решении по одному делу счел принцип сотрудничества государств в качестве «основополагающего принципа режима предотвращения загрязнения морской среды», согласно части XII Конвенции ООН по морскому праву [1, с. 246].

Таким образом, мы видим, что без принципа сотрудничества государств никакие межгосударственные взаимоотношения невозможны и хочется верить, что государства будут следовать ему несмотря на различные негативные факторы современных реалий.

Список литературы:

[1] Абашидзе А.Х., Амирова А.А., Михеева В.И. Принцип сотрудничества государств – концептуально-нормативная

основа прогрессивного развития отраслей международного права // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. №7. С. 243-251.

[2] Нургалиева, Д. И. Реализация принципа международного сотрудничества в праве природопользования / Д. И. Нургалиева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 4-4. – С. 89–93.

[3] Полякова Н.Г., Чепелева Е.Н. О международном принципе сотрудничества государств // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы IX научной конференции. Донецк, 2024. С. 84-88.

[4] Попова О.А. Принцип сотрудничества в международном космическом праве // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2020. № 12. С. 159-170.

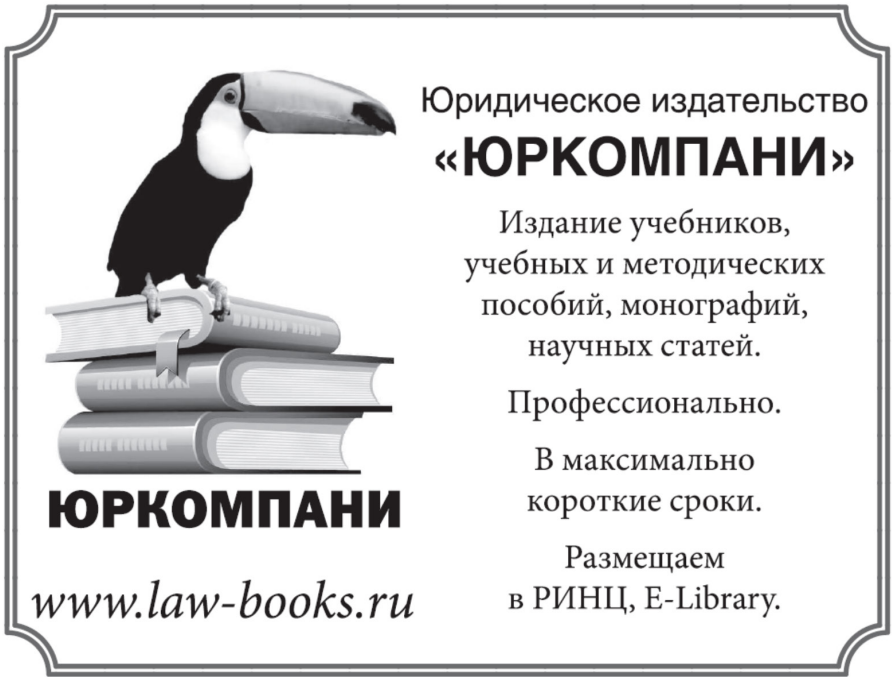
References:

[1] Abashidze A.Kh., Amirova A.A., Mikheeva V.I. The principle of cooperation between states is the conceptual and normative basis for the progressive development of the branches of international law// Gaps in Russian legislation. 2021. T. 14. №7. S. 243-251.

[2] Nurgalieva, D. I. Implementation of the principle of international cooperation in the law of nature management/D. I. Nurgalieva//International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. – № 4-4. - S. 89-93.

[3] Polyakova N.G., Chepeleva E.N. On the international principle of cooperation between states//Donetsk readings 2024: education, science, innovation, culture and the challenges of our time. Materials of the IX scientific conference. Donetsk, 2024. S. 84-88.

[4] O.A. Popova, Principle of Cooperation in International Space Law//Kutafin University Bulletin. 2020. № 12. S. 159-170.



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-431-441

АНТОНОВА Наталья Владиславовна,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Ответственный секретарь Комиссии по юридической науке АЮР,

e-mail: natalli_an@mail.ru

БАСАНГОВ Денис Анатольевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник лаборатории правового мониторинга и социологии права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,

e-mail: report.izak@yandex.ru

БУЙ Данг Хьеу,

доктор юридических наук, доцент, старший советник Юридического факультета Nguyen Tat Thanh University (Ho Chi Minh City, Vietnam), член Ученого Совета Министерства юстиции Вьетнама, лектор гражданского права,

e-mail: bdhieu@ntt.edu.vn

РОЛЬ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Аннотация. *В статье на основе сравнительно-правового метода исследуется влияние правовых традиций на культуру правотворчества в Российской Федерации и Социалистической Республике Вьетнам. Авторами обосновывается положение, согласно которому правовые традиции представляют собой не пассивное историческое наследие, а являются активным фактором, детерминирующим качество и эффективность законодательства. Подробно рассматриваются исторические условия формирования правовых систем обеих стран: для России – византийское наследие, советский опыт и постсоветские реформы; для Вьетнама – конфуцианско-китайская основа, французское колониальное право, советско-социалистическая модель и современная политика «правового универсализма» эпохи Đổi Mới. Анализируются такие аспекты правотворческой культуры, как иерархия источников права, роль политических партий и идеологии, участие гражданского общества, состояние юридического образования и профессиональной правовой культуры. Делается вывод о том, что, несмотря на общее социалистическое прошлое, правовые традиции России и Вьетнама имеют существенные различия, обусловленные несовпадением культурно-цивилизационных оснований. Учет правовых традиций рассматривается как необходимое условие для создания легитимного и эффективного права, способного восприниматься населением не только под угрозой принуждения, но и в силу внутреннего убеждения в его справедливости.*

Ключевые слова: *правовые традиции, культура правотворчества, Российская Федерация, Социалистическая Республика Вьетнам, правовой нигилизм, конфуцианство, социалистическое право, французское колониальное право, Đổi Mới (обновление), правовой универсализм, обычай, источники права, кодификация, партийно-централизованная модель.*

ANTONOVA Natalia Vladislavovna,

Candidate of Law, Senior Researcher of the Social Legislation Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Executive Secretary of the Commission on Legal Science of the AYR

BASANGOV Denis Anatolyevich,

Candidate of Law, Senior Researcher, Laboratory of Legal Monitoring and Sociology of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

BUI Dang Hieu,

Doctor of Law, Associate Professor, Senior Advisor, Faculty of Law, Nguyen Tat Thanh University (Ho Chi Minh City, Vietnam), Member of the Academic Council of the Ministry of Justice of Vietnam, Lecturer of Civil Law

THE ROLE OF LEGAL TRADITIONS IN THE FORMATION OF A CULTURE OF LAWMAKING: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIAN FEDERATION AND THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Annotation. *The article uses a comparative legal method to examine the influence of legal traditions on the culture of lawmaking in Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam. The authors substantiate the position that legal traditions do not represent a passive historical legacy, but are an active factor determining the quality and effectiveness of legislation. The historical conditions for the formation of the legal systems of both countries are examined in detail: for Russia - the Byzantine legacy, the Soviet experience and post-Soviet reforms; for Vietnam - the Confucian-Chinese foundation, French colonial law, the Soviet-socialist model and the modern policy of "legal universalism" of the Đổi Mới era. Such aspects of lawmaking culture as the hierarchy of sources of law, the role of political parties and ideology, the participation of civil society, the state of legal education and professional legal culture are analyzed. It is concluded that, despite the common socialist past, the legal traditions of Russia and Vietnam have significant differences due to the mismatch of cultural and civilizational foundations. Taking legal traditions into account is seen as a necessary condition for the creation of legitimate and effective law that can be accepted by the population not only under the threat of coercion, but also by virtue of an internal conviction of its fairness.*

Key words: *legal traditions, lawmaking culture, Russian Federation, Socialist Republic of Vietnam, legal nihilism, Confucianism, socialist law, French colonial law, Đổi Mới (renewal), legal universalism, custom, sources of law, codification, party-centralized model.*

В процессе эволюции каждого национального правопорядка складываются устойчивые модели правового мышления, поведения и оценки нормативных предписаний, которые в юридической науке принято обозначать термином «правовые традиции» [12; 16; 18]. Данный феномен представляет собой исторически обусловленный, передаваемый из поколения в поколение комплекс правовых идей, институтов, процедур и стереотипов правосознания, образующий глубинный каркас любой правовой системы. Игнорирование правовых традиций в правотворческой деятельности приводит к принятию норм, которые не воспринимаются обществом как легитимные и, как следствие, не реализуются либо реализуются лишь под угрозой государственного принуждения [18; 27].

В условиях глобализации и активного заимствования правовых моделей вопрос о сохранении национальных правовых традиций и их интеграции в современный законотворческий процесс приобретает особую актуальность. Сравнительный анализ Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам в данном контексте представляет значительный интерес. Оба государства прошли через социалистическую фазу развития, осуществили переход к рыночной экономике и реформирование правовых систем, однако при этом сохранили ярко выраженную национально-культурную специфику. Российская правовая система традиционно относится к романо-германской правовой семье, но испытала глубокое влияние византийской и советской правовых традиций. Правовая система Вьетнама, как будет показано далее, представляет собой уникальный многослойный синтез конфуцианско-китайской основы, французского колониального права, советской социалистической модели и современных глобализационных тенденций.

В настоящем исследовании предлагается выявить механизмы влияния правовых традиций на культуру правотворчества в России и во Вьетнаме, определить сходства и различия в данном процессе, а также обосновать тезис о том, что учет правовых традиций является необходимым условием эффективности законодательства.

Для достижения указанной цели применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой) методы исследования.

1. Теоретико-методологические основания анализа правовых традиций и

культуры правотворчества.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу необходимо определиться с содержанием ключевых понятий. В юридической литературе под правовой традицией понимается исторически сложившийся, устойчивый элемент правовой культуры, обеспечивающий преемственность в развитии права и включающий в себя определенные правовые идеи, институты, принципы, процедуры, а также стереотипы правового поведения и правосознания. Как отмечал Г.Ф. Шершеневич, «человек соблюдает законы, несмотря на то что у него имеются побуждения, благородные или низкие, поступать несогласно с нормальным поведением. При этом он поступает согласно с законом не потому, что опасается невыгодных последствий, которыми угрожает ему закон за уклонение, а в силу усвоенной им привычки следовать законным предписаниям» [31, с. 8]. Это не что иное, как элемент правовой традиции.

Правовые традиции выполняют ряд важнейших функций в правовой системе. Во-первых, они обеспечивают связь поколений, передавая накопленный правовой опыт. Во-вторых, они служат стабилизирующим фактором, препятствующим чрезмерно радикальным и необоснованным правовым реформам. В-третьих, традиции легитимируют право, делая его близким и понятным населению, поскольку нормы,основанныенатрадиционных представлениях о справедливости, соблюдаются добровольно.

Культура правотворчества представляет собой часть общей правовой культуры и включает в себя: а) уровень профессиональной подготовки субъектов правотворчества; б) качество планирования законодательной деятельности; в) соблюдение демократических процедур при обсуждении и принятии законопроектов; г) правила законодательной техники; д) учет общественного мнения и правовых традиций. По верному замечанию Д.А. Пашенцева, правотворческая традиция является составной частью общей правовой традиции и выражается в нормах, принципах, институтах, процедурах, а также соответствующем поведении субъектов правотворчества [17, с. 6]. Содержание правотворческой традиции формируется под воздействием целого ряда факторов, среди которых история развития государства, сложившаяся модель осуществления власти, соотношение права с иными социальными регуляторами, иерархия источников права, принятые в обществе ценности [16, с. 169].

2. Историческая эволюция правовых традиций в России и во Вьетнаме.

Понимание современного состояния правотворческой культуры невозможно без обращения к историческому генезису правовых традиций каждой из сравниваемых стран. Исторические пути России и Вьетнама обнаруживают как общие черты, так и существенные различия.

Российская правовая традиция складывалась под воздействием нескольких разнонаправленных факторов. Первым из них следует назвать византийское влияние, воспринятое вместе с православием. Византийская правовая культура принесла на Русь представление о законе как об императивном велении верховной власти, а также идею гармоничного сочетания властей (светской и духовной), что впоследствии трансформировалось в устойчивую традицию этатизма – приоритета государства над личностью и обществом [9].

Вторым значимым этапом стали реформы Петра I, открывшие «окно в Европу» и положившие начало заимствованию западноевропейских правовых институтов. Как справедливо отмечает И.А. Исаев, «поворот к Европе» в отечественной правовой культуре того времени проявлялся «в переходе от казуального описательства, идущего от конкретного случая (казуса), к абстрактному и отвлеченному языку норм» [9, с. 28]. В этот период были приняты Воинские артикулы 1715 года, Краткое изображение процессов 1715 года, Табель о рангах 1722 года – акты, выстроенные по романо-германской традиции обобщений и логической стройности изложения норм.

Однако, несмотря на формальное сближение с западноевропейской правовой семьей, в России не сформировалось характерного для Запада уважения к закону как к высшей ценности. Основная масса населения –крестьянство – на протяжении столетий проживала в условиях общинного самоуправления, руководствуясь не писаными законами, а обычаями и «миром». Публичный интерес крестьянской общины превалировал над интересами частного лица [10, с. 155–156]. Это породило феномен правового нигилизма, который А.И. Герцен охарактеризовал следующим образом: «Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно, совершенно так же поступает и правительство» [3, т. 7, с. 251].

Советский период внес в российскую правовую традицию новые черты. Право стало рассматриваться исключительно как инструмент классового господства и строительства социализма, что привело к его идеологизации и прагматизации. Частная собственность была упразднена, а общественные и государственные интересыокончательновозобладалинадличными.

Многие права человека, провозглашенные в советских конституциях, носили декларативный характер. По верному замечанию Б.Н. Топорнина, «де-юре граждане обладали широким спектром прав, де-факто – многие из них не соблюдались» [24, с. 17]. Тем не менее, советский период оставил в наследство и позитивную традицию – систему кодифицированных актов, охватывающих все основные отрасли законодательства.

Постсоветская Россия провозгласила курс на построение правового государства. Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила принципы верховенства закона, разделения властей, приоритета прав и свобод человека и гражданина. Однако, как показывают исследования, эти ценности до сих пор не укоренились в массовом правосознании. Сохраняется разрыв между прогрессивными конституционными положениями и правоприменительной практикой [11, с. 103–104]. Правотворческая культура характеризуется, с одной стороны, стремлением к систематизации и кодификации, а с другой – частой сменой законодательства, его противоречивостью и недостаточным учетом общественного мнения.

Правовая традиция Вьетнама представляет собой уникальный синтез четырех исторических пластов, каждый из которых оставил глубокий след в правовой культуре и правотворчестве страны.

Первый пласт – конфуцианско-китайский. В течение тысячелетнего периода китайского господства вьетнамское право формировалось под сильным воздействием китайской правовой традиции, основанной на конфуцианском учении. Как отмечает профессор Ву Ван Мау, старое вьетнамское право сохраняло свои древнейшие особенности, несмотря на китайское влияние. Среди основных характеристик древневьетнамского права он выделял «отсутствие разделения властей; господство концепции смешения гражданского и уголовного права; преемственность из китайского права пяти видов наказаний и гуманизм, присущий конфуцианскому обществу» [44, tr. 118]. В рамках конфуцианской парадигмы мораль первична, а закон рассматривается лишь как вспомогательное средство поддержания социального порядка. Нарушение моральных норм влекло юридическую ответственность. Например, согласно статье 160 Кодекса Зя Лонга, лица, не соблюдавшие траур по отцу, матери, мужу или жене, наказывались 60 ударами палкой и годом каторжных работ [5, с. 115].

Наиболее значительным памятником феодального права Вьетнама является Кодекс династии Ле (1483 г.), состоявший из 722 статей и 12 глав. Как указывает Нгуен Хыу Конг, «Кодекс Ле отражал правовое наследие, национальный дух, традиционные правовые ценности и культуру вьетнамцев» [13, с. 5]. Кодекс содержал нормы, освобождавшие от ответственности при стихийных бедствиях (ст. 634), а также предусматривавшие ответственность в зависимости от возраста и физического состояния лица [13, с. 140].

Кодекс Зя Лонга (1815 г.), принятый династией Нгуен, был разработан на основе китайского кодекса династии Цин, но сохранил национальные особенности. Он детально регламентировал смягчающие обстоятельства и обстоятельства, исключающие преступность деяния. Так, лица старше семидесяти лет и моложе пятнадцати, а также калеки могли заменять наказание выкупом [5, с. 115]. Лица старше девяноста лет и младше семи лет не подлежали ответственности как «не обладающие достаточной силой и суждением для самостоятельного совершения преступления» [36, t. 1, p. 186]. Показательно, что кража, совершенная слугой у хозяина, считалась смягчающим обстоятельством: согласно вьетнамской традиции, хозяин недостаточно хорошо выполнял свой долг перед слугой [5, с. 118].

Второй пласт – французский колониальный. С 1884 года Тонкин (Северный Вьетнам) находился под протекторатом Франции. Французские власти внедрили в правовую практику свои правовые институты и идеи [6; 41]. В 1922 году был введен в действие Уголовный кодекс Тонкина, созданный французскими властями с привлечением местных чиновников. Статья 55 данного кодекса, как и статья 66 Уголовного кодекса Франции 1810 года, устанавливала возраст наступления уголовной ответственности – 16 лет. Статья 54 УКТ закрепляла невменяемость и совершение преступления под принуждением в качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния [38, p. 148].

Наиболее ярким примером учета местных традиций в колониальном законодательстве стал Гражданский кодекс Тонкина 1931 года. Как отмечает профессор Ву Ван Мау, обнародование этого кодекса нарушало условия договора 1884 года, однако он сохранил уникальные обычаи и традиции этнических меньшинств [43, tr. 285]. Статья 4 Гражданского кодекса Тонкина устанавливала: «При отсутствии подходящей нормы судья должен выносить решение в соответствии с обычаями, а если обычаев нет, он должен судить согласно разуму и справедливости, принимая во внимание обстоятельства, а также намерения сторон. Судья принимает решение в соответствии с доктриной и судебной практикой»

[37, p. 1]. Данная норма не только расширила виды источников права, но и определила иерархию их применения [40].

Третий пласт – социалистический (советский). После Августовской революции 1945 года и провозглашения Демократической Республики Вьетнам начался процесс перестройки правовой системы по социалистическому образцу. Указом Председателя временного правительства № 90/SL от 10 октября 1945 года предписывалось использовать на всей территории Вьетнама действующие законы до обнародования единых кодексов [42]. Однако постепенно колониальное законодательство заменялось.

Ключевым документом в сфере семейно-брачных отношений стал Закон о браке и семье 1959 года, который запрещал многоженство, устанавливал свободу вступления в брак без согласия родителей и повышал минимальный брачный возраст до 18 лет для девушек и 20 лет для юношей [39, ст. 6]. Как подчеркивает Нгуен Шон Нам, правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в этот период основывалось на идеях президента Хо Ши Мина о религиозной солидарности и национальном единстве [14, с. 133]. Советское влияние было особенно сильным на Севере страны и сохранялось вплоть до начала реформ Đổi Mới.

Четвертый пласт – эпоха Đổi Mới (обновления) и правовой универсализм. С 1986 года Вьетнам осуществляет переход к рыночной экономике под руководством Коммунистической партии. Это потребовало коренного обновления законодательства, прежде всего в сфере гражданского, предпринимательского, инвестиционного и финансового права [6]. В 1995 году был принят первый Гражданский кодекс Социалистической Республики Вьетнам, затем его новые редакции в 2005 и 2015 годах. Как отмечает Ngô Huy Cương, «хотя особенная часть Гражданского кодекса Вьетнама 2015 года была разработана в соответствии с пандектной моделью, тень французского и советского права все еще сохраняется» [40].

В научной литературе современный этап развития вьетнамского права характеризуется как «правовой универсализм» – стремление формально привести национальное законодательство в соответствие с международными стандартами (ВТО, АСЕАН, соглашения о свободной торговле) при одновременном сохранении фундаментальных социалистических принципов и ведущей роли Коммунистической партии. Это порождает структурное напряжение между формальной прогрессивностью многих законов и ограниченными институциональными возможностями их реального применения.

3. Сравнительный анализ современной правотворческой культуры России и Вьетнама.

Проведенный исторический анализ позволяет перейти к сравнению современного состояния правотворческой культуры в России и во Вьетнаме по ряду ключевых параметров.

В обеих странах основным источником права является закон (нормативный правовой акт), принятый высшим законодательным органом. Иерархия источников в целом соответствует континентальной модели: Конституция – законы – подзаконные акты. Однако имеются существенные различия.

В России судебный прецедент формально не признается источником права, хотя постановления Пленума Верховного Суда РФ и решения Конституционного Суда РФ фактически обладают прецедентным значением. Обычай делового оборота допускается в гражданском праве, но его роль невелика. Российский законодатель стремится к максимально полной формализации правовых норм, чтобы свести к минимуму усмотрение правоприменителя.

Во Вьетнаме, благодаря французской колониальной традиции, обычай имеет более высокий нормативный статус. Как уже отмечалось, Гражданский кодекс Тонкина 1931 года прямо отсылал к обычаю. В современном вьетнамском праве эта традиция частично сохранилась. Например, Земельный кодекс СРВ 2013 года учитывает обычаи общин при распределении земельных участков, а семейное законодательство допускает применение традиционных норм у некоторых этнических меньшинств. Кроме того, Вьетнам активно имплементирует международные договоры, которые становятся частью национальной правовой системы.

Наиболее заметное различие между двумя странами заключается в роли политических партий и идеологии в правотворческом процессе.

В России Конституция 1993 года закрепляет политический плюрализм и многопартийность. Ни одна партия не имеет конституционно закрепленного руководящего статуса. Законодательная власть принадлежит Федеральному Собранию, состоящему из двух палат. На практике, разумеется, парламентское большинство (обычно пропрезидентская партия) определяет законодательную повестку, однако это влияние опосредовано и не закреплено формально-юридически.

Во Вьетнаме ситуация принципиально иная. Конституция СРВ 2013 года в статье 4 закрепляет ведущую роль Коммунистической

партии Вьетнама. Стратегические направления законодательной политики определяются решениями партийных съездов и пленумов, после чего Национальное собрание (парламент) оформляет их в законы. При этом правительство обладает широкими полномочиями по инициированию законопроектов и разработке подзаконных актов. На уровне правовой идеологии ключевыми выступают принципы «социалистической законности» (pháp chế xã hội chủ nghĩa) и «демократического централизма» (tập trung dân chủ). Первый подчеркивает необходимость строгого исполнения законов всеми органами и гражданами; второй – сочетание централизованного партийного руководства с элементами представительной демократии.

В России традиция публичного обсуждения законопроектов сложилась лишь в постсоветский период. Указ Президента РФ от 9 февраля 2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» предусматривает процедуры оценки регулирующего воздействия и публичных слушаний, однако на практике они часто носят формальный характер. Граждане и их объединения слабо вовлечены в правотворческий процесс, что является одним из факторов правового нигилизма.

Во Вьетнаме традиция широкого обсуждения законопроектов с населением была заложена ещё при Хо Ши Мине. Вьетнамский Фронт Отечества – массовая общественно-политическая организация – играет роль посредника между партией, государством и народом, организуя сбор мнений по проектам законов. На местном уровне в рамках деревенских общин сохранились элементы самоуправления. Как отмечает Е.А. Есаева, «деревня сохранила элементы самоуправления, поддерживая интересы государства» [4, с. 3]. Это наследие традиционной вьетнамской модели, где община («супердеревня») была тесно связана с государством.

Качество правотворческой культуры напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки юристов. В советский период и в России, и во Вьетнаме юридическое образование было сильно идеологизировано и ориентировано на подготовку кадров для государственного аппарата.

В современной России юридическое образование стало массовым, что привело к снижению его качества. Многие образовательные программы оторваны от практики, недостаточно внимания уделяется законодательной технике и сравнительному правоведению [7; 18; 26].

Во Вьетнаме переход от идеологизированных программ к практико-ориентированным происходит более динамично, особенно в сфере экономического, инвестиционного и международного права. Расширяется корпус адвокатов, корпоративных юристов, юридических консультантов [30; 35]. Появляются новые учебные курсы по сравнительному праву, праву ВТО, международному коммерческому арбитражу. Это постепенно меняет профессиональную правовую культуру: юристы начинают воспринимать себя не как часть бюрократического аппарата, а как независимых экспертов, защищающих права клиентов [35]. Однако, как и в России, сохраняется значительный разрыв между столичными юридическими школами и периферийными учебными заведениями.

4. Современные вызовы и перспективы развития правотворческой культуры.

Как Россия, так и Вьетнам сталкиваются с рядом общих вызовов, которые требуют адаптации сложившихся правовых традиций к новым реалиям.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий в правовую сферу (электронное правосудие, онлайн-сервисы, искусственный интеллект в юридической деятельности) ставит вопрос о совместимости цифровых инструментов с традиционными правовыми процедурами [1; 7; 8; 20; 22; 25; 26; 27; 29; 32; 34; 35]. В России распространение электронных сервисов сдерживается, в том числе, недоверием части населения к цифровым технологиям и опасениями по поводу защиты персональных данных [15; 19; 21; 23; 30; 33; 35]. Во Вьетнаме, где уровень проникновения интернета выше (особенно среди молодежи), цифровизация идет быстрее, однако старшее поколение и жители отдаленных регионов также испытывают трудности.

Участие России в Евразийском экономическом союзе, а Вьетнама – в АСЕАН, ВТО и ряде соглашений о свободной торговле (включая соглашение с ЕС) требует гармонизации национального законодательства с международными стандартами [2; 28]. Для Вьетнама это означает активное заимствование правовых моделей, что иногда вступает в противоречие с социалистическими принципами и местными традициями. Возникает напряжение между «правовым универсализмом» (стремлением к глобальной интеграции) и необходимостью сохранения «социалистического ядра» и национальной идентичности. Для России, особенно после 2022 года, характерен противоположный тренд, а именно отказ от ряда международных обязательств и акцент на правовой суверенитет.

Как в России, так и во Вьетнаме государство активно использует законодательство для защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. В России Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Во Вьетнаме аналогичную роль играет государственная пропаганда идей Хо Ши Мина и социалистической морали, а также законодательные ограничения, направленные на защиту традиционной семьи. В правотворчестве это выражается в запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, ограничениях на искусственное прерывание беременности, поддержке религиозных организаций традиционных конфессий. Однако, если в России данная политика часто воспринимается как реакция на западное либеральное влияние, то во Вьетнаме она органично продолжает конфуцианскую этическую традицию, исторически присущую обществу.

5. Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Правовые традиции России и Вьетнама, несмотря на общее социалистическое прошлое, обнаруживают существенные различия, обусловленные несовпадением культурно-цивилизационных оснований. Российская правовая традиция характеризуется сочетанием заимствованных западных правовых форм (кодексы, абстрактные нормы, формальное равенство) с устойчивым этатизмом, коллективизмом и правовым нигилизмом, коренящимися в общинном укладе и советском наследии.

Вьетнамская правовая традиция представляет собой уникальный многослойный синтез. Конфуцианский пласт привил уважение к иерархии и писаным правилам; французский колониальный пласт – гибкость, допустимость обычая и кодифицированную технику; советский пласт –идеологизированность и приоритет публичного интереса; современный пласт эпохи Đổi Mới – ориентацию на международные стандарты при сохранении партийно-государственного контроля. Ключевым вызовом для Вьетнама является разрыв между формально прогрессивным законодательством и реальными институциональными возможностями его реализации.

Для совершенствования культуры правотворчества в России представляется целесообразным заимствовать вьетнамский опыт более широкого учета местных обычаев и традиций (особенно в сфере семейного и земельного права), а также практику публичного обсуждения законопроектов с участием массовых общественных организаций. Вьетнаму, в свою очередь, мог бы быть полезен российский опыт детальной законодательной регламентации и систематизации, позволяющий минимизировать пробелы в правовом регулировании.

Таким образом, правовые традиции являются не пассивным историческим наследием, а активным фактором, определяющим эффективность правотворческой деятельности. Учет сложившихся в обществе правовых традиций при разработке и принятии законов повышает их легитимность, снижает уровень правового нигилизма и способствует добровольному соблюдению правовых предписаний. Игнорирование же правовых традиций, напротив, ведет к принятию неработающих, неэффективных норм и подрывает доверие к праву как социальному регулятору.

Список литературы:

[1] Басангов, Д. А. Развитие высоких технологий в соотношении с обеспечением конституционных прав личности / Д. А. Басангов // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность : Материалы VI Международной научно-практической конференции , Краснодар, 19 июня 2021 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 20-24. – EDN SBOGLF.

[2] Басангов, Д. А. Цифровизация в праве Евразийского экономического союза: правовой мониторинг и вопросы методологии / Д. А. Басангов // Образование и право. – 2025. – № 5. – С. 118-127. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-5-118-127. – EDN HAEDCC.

[3] Герцен А.Г. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954–1966.

[4] Есаева Е.А. Первые памятники права во Вьетнаме // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 39-45.

[5] Есаева, Е. А. Влияние французского уголовного права на гуманизацию вьетнамского уголовного законодательства XX века / Е. А. Есаева // Образование и право. – 2024. – № 2. – С. 114-118. – DOI 10.24412/2076-1503-2024-2-114-118.

[6] Есаева, Е. А. Право Вьетнама в условиях дихотомии Запада и Востока / Е. А. Есаева // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2024. – № 3(8). – С. 35-42.

[7] Залоило, М. В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности / М. В. Залоило // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 4(92). – С. 65-73. – DOI 10.17803/2311-

5998.2022.92.4.065-073. – EDN EXGUDM.

[8] Залоило, М. В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 20-29. – DOI 10.12737/jrl.2019.9.2. – EDN SFJMHY.

[9] Исаев И.А. Правовая культура России. М.: Проспект, 2014.

[10] Краснова М.В. Духовно-нравственные ценности русской общины и правосознание крестьян // Философия права: Материалы Международной научной конференции. СПб., 2007. С. 155–158.

[11] Мецгер, А. А. Сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных стран о гарантиях прав граждан в правоприменительной деятельности / А. А. Мецгер // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 3. – С. 92-96. – DOI 10.56539/23120444_2023_3_92.

[12] Научные концепции развития российского законодательства / Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, В. Р. Авхадеев [и др.]. – 8-е издание переработанное и дополненное. – Москва : Норма, 2024. – 656 с. – ISBN 978-5-00156-353-2. – EDN VJUIJQ.

[13] Нгуен Хыу Конг. Кодекс Ле – выдающийся памятник права в истории вьетнамского общества: Дис. … канд. юрид. наук. М., 1998. – 232 с.

[14] Нгуен, Ш. Н. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений во Вьетнаме с 1945 Г. По 1975 г / Ш. Н. Нгуен // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2020. – Т. 22, № 1. – С. 131-141. – DOI 10.24866/1813-3274/2020-1/131-141.

[15] Основы социального страхования: становление, развитие и правовое регулирование : Научно-практическое пособие / Е. Г. Азарова, Н. В. Антонова, Ю. В. Воронин [и др.]. – Москва : ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2025. – 440 с. – ISBN 978-5-16-020611-0. – DOI 10.12737/2185786. – EDN NIYEKR.

[16] Пашенцев, Д. А. Роль религии в формировании российской правовой традиции / Д. А. Пашенцев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 6(293). – С. 168-173.

[17] Пашенцев, Д. А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса / Д. А. Пашенцев // Журнал российского права. – 2018. – № 8(260). – С. 5-13. – DOI 10.12737/art_2018_8_1.

[18] Пашенцев, Д. А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации / Д. А. Пашенцев // Юридическая наука. – 2016. – № 1. – С. 29-32. – EDN TLHPTJ.

[19] Правовой статус личности на современном этапе научно-технологического прогресса: формирование, реализация, защита : научно-практическое пособие / Н. В. Антонова, Х. И. Гаджиев, С. А. Грачева [и др.]. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 200 с. – ISBN 978-5-16-018300-8. – EDN LFMYXS.

[20] Степанов, О. А. О цифровизации судебной деятельности в Китайской Народной Республике / О. А. Степанов, Д. А. Басангов // Российская юстиция. – 2024. – № 7. – С. 50-56. – DOI 10.52433/01316761_2024_07_50. – EDN IFYPVX.

[21] Степанов, О. А. О правовых особенностях и рисках реализации цифрового профилирования / О. А. Степанов, Д. А. Басангов // Российская юстиция. – 2024. – № 1. – С. 59-69. – DOI 10.52433/01316761_2024_01_59. – EDN JJSSAU.

[22] Степанов, О. А. Обзор возможностей использования цифровых технологий в целях противодействии коррупции / О. А. Степанов, Д. А. Басангов // Российский журнал правовых исследований. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 49-54. – DOI 10.17816/RJLS430140. – EDN ULVODG.

[23] Степанов, О. А. Цифровая трансформация управленческой сферы деятельности в регионах Российской Федерации / О. А. Степанов, Д. А. Басангов // Российская юстиция. – 2023. – № 7. – С. 50-58. – DOI 10.52433/01316761_2023_07_50. – EDN HPKNVY.

[24] Топорнин Б.Н. Декларация прав человека: новые подходы // Права человека: проблемы и перспективы. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1990. – С. 5-27.

[25] Хабриева, Т. Я. Правовые очерки технологической революции / Т. Я. Хабриева. – Москва : Норма, Инфра-М, 2025. – 144 с. – ISBN 978-5-00156-401-0. – EDN OCKFXY.

[26] Хабриева, Т. Я. Представление о кризисе в правовой науке несколько преувеличено / Т. Я. Хабриева // Закон. – 2016. – № 11. – С. 6-16. – EDN XBJMJP.

[27] Хабриева, Т. Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2015. – № 8(224). – С. 5-13. – DOI 10.12737/12222. – EDN UHLAOH.

[28] Хабриева, Т. Я. БРИКС - цивилизационный феномен в координатах права и юридической доктрины / Т. Я. Хабриева // БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций : Материалы XXII Международных Лихачевских научных чтений, Санкт-Петербург, 12–13 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2025. – С. 197-200. – EDN RQMZUF.

[29] Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 5-16. –

DOI 10.12737/art_2018_9_1. – EDN OZGIAV.

[30] Цифровая трансформация — ключ к уверенному вступлению Вьетнама в новую эру: 1-я статья: Распознавание возможностей и вызовов в процессе цифровой трансформации во Вьетнаме // Vietnam+ (VietnamPlus), URL.: https://ru.vietnamplus.vn/tsifrovaja-transformatsija-kljuch-k-uverennomu-vstupleniju-v-etnama-v-novuju-eru-1-ja-stat-ja-raspoznavanie-vozmozhnostei-i-vizovov-v-protsesse-tsifrovoi-transformatsii-vo-v-etname-post81113.vnp

[31] Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / вводные замечания Ю. Н. Старилова. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018 – 36 с.

[32] Эффективность научной деятельности: критерии правовой оценки / Н. В. Антонова, Н. С. Волкова, О. В. Гутников [и др.]. – Москва : Юридическое издательство «Норма», 2023. – 208 с. – ISBN 978-5-16-018270-4. – DOI 10.12737/1949067. – EDN ILCXWB.

[33] Басангов, Д. А. Риски реализации прав человека в условиях развития цифровых технологий / Д. А. Басангов // Формы и методы публичного управления : сборник статей: в 2 томах. Том 1. – Москва : ООО «Издательский дом «Юриспруденция», 2026. – С. 107-113. – EDN HIAHSC.

[34] Юридическая концепция роботизации / Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба, А. А. Головина [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. – 240 с. – ISBN 978-5-392-37583-7. – DOI 10.31085/9785392306404-2019-240. – EDN CCWOYV.

[35] Юрист ХОАНГ ХА, Коллегия адвокатов Хошимина // Цифровая трансформация во вьетнамской правовой системе, URL.: https://www.sggp.org.vn/chuyen-doi-so-trong-he-thong-phap-luat-viet-nam-post837489.html

[36] Code annamite: nouvelle traduction complète, comprenant les commentaires officiels du Code, traduits pour la première fois; de nombreuses annotations extraites des commentaires du Code chinois. Tome 1 / par P.-L.-F. Philastre. Paris, 1909.

[37] Code civil à l'usage des juridictions indigènes du Tonkin, Gouvernement général de l'Indochine. Impr. d'extrême orient, 1931. Hanoi, 1931.

[38] Codes applicables devant les juridictions annamites du Tonkin. Hanoi, Empimerie d'extrême-Orient Editeur, 1922.

[39] Luật hôn nhân và gia đình năm 1959 (Закон о браке и семье 1959 г.). URL: https://thukyluat.vn/vb/luat-hon-nhan-va-gia-dinh-1959-8ff9.html (дата обращения - 10.04.2026).

[40] Ngô Huy Cương. Sự ảnh hưởng của pháp luật Pháp tới luật tư ở Việt Nam // Tạp chí Nghiên cứu Lập pháp. 2016. № 12 (316).

[41] Phan Van Truong. Essai sur la Code Gia-Long. Paris, Librairie moderne de droit et de jurisprudence, 1922.

[42] Sắc lệnh của Chủ tịch Chính phủ lâm thời số 47 ngày 10 tháng 10 năm 1945. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Sac-lenh-so-47-giu-tam-thoi-luat-le-hien-hanh-Bac-Trung-Nam-bo-ban-hanh-nhung-bo-luat-phap-duy-nhat-toan-quoc-35893.aspx (дата обращения: 27.06.2024).

[43] Vũ Văn Mẫu. Dân luật khái luận. In lần thứ hai. Sài Gòn: Bộ Quốc gia giáo dục xuất bản, 1960.

[44] Vũ Văn Mẫu. Cổ luật Việt Nam thông khảo và tư pháp sử. Quyển thứ nhất, Tập nhất. Sài Gòn, 1974.

References:

[1] Basangov, D. A. Development of high technologies in relation to ensuring the constitutional rights of the individual/D. A. Basangov//Life of law: legal theory, legal tradition and legal reality: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, June 19, 2021. - Krasnodar: Kuban State University, 2021. - S. 20-24. – EDN SBOGLF.

[2] Basangov, D. A. Digitalization in the law of the Eurasian Economic Union: legal monitoring and issues of methodology/D. A. Basangov// Education and law. – 2025. – № 5. - S. 118-127. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-5-118-127. – EDN HAEDCC.

[3] Herzen A.G. Collected Works: In 30 vol. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954-1966.

[4] Yesaeva E.A. The first monuments of law in Vietnam//Journal of legal anthropology and conflictology. 2022. № 1. S. 39-45.

[5] Esaeva, E. A. The influence of French criminal law on the humanization of Vietnamese criminal law of the 20th century/E. A. Esaeva// Education and law. – 2024. – № 2. - S. 114-118. – DOI 10.24412/2076-1503-2024-2-114-118.

[6] Esaev, E. A. The law of Vietnam in the conditions of the dichotomy of the West and the East/E. A. Esaev//Journal of legal anthropology and conflictology. – 2024. – № 3(8). - S. 35-42.

[7] Zaloilo, M.V. Post-industrial culture of lawmaking: a new image of reality/M.V. Zaloilo// Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). – 2022. – № 4(92). - S. 65-73. – DOI 10.17803/2311-5998.2022.92.4.065-073. – EDN EXGUDM.

[8] Zaloilo, M.V. The advanced nature of lawmaking and the problem of synchronization of legal regulation/M.V. Zaloilo//Journal of Russian Law. – 2019. – № 9. - S. 20-29. – DOI 10.12737/jrl.2019.9.2. – EDN SFJMHY.

[9] I.A. Isaev. Legal culture of Russia. M.: Prospect, 2014.

[10] Krasnova M.V. Spiritual and moral values of the Russian community and the legal consciousness of peasants//Philosophy of law: Materials of the International Scientific Conference. St. Petersburg, 2007. S. 155-158.

[11] Metzger, A. A. Comparative legal analysis of the legislation of foreign countries on guarantees of the rights of citizens in law enforcement/A. A. Metzger//Public Service and Personnel. – 2023. – № 3. - S. 92-96. – DOI 10.56539/23120444_2023_3_92.

[12] Scientific concepts for the development of Russian legislation/T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov, V. R. Avkhadeev [and others]. - 8th edition revised and supplemented. - Moscow: Norma, 2024. - 656 p. - ISBN 978-5-00156-353-2. – EDN VJUIJQ.

[13] Nguyen Huy Cong. The Code of Le is an outstanding monument of law in the history of Vietnamese society: Dis.... cand. jurid. sciences. M., 1998. - 232 s.

[14] Nguyen, Sh. N. Legal regulation of state-confessional relations in Vietnam from 1945 to 1975/ Sh. N. Nguyen//Asia-Pacific region: economics, politics, law. – 2020. - T. 22, NO. 1. - S. 131-141. – DOI 10.24866/1813-3274/2020-1/131-141.

[15] Fundamentals of social insurance: formation, development and legal regulation: Scientific and practical manual/E. G. Azarova, N. V. Antonova, Yu. V. Voronin [and others]. - Moscow: Infra-M Scientific and Publishing Center LLC, 2025. - 440 p. - ISBN 978-5-16-020611-0. – DOI 10.12737/2185786. – EDN NIYEKR.

[16] Pashentsev, D. A. The role of religion in the formation of the Russian legal tradition/D. A. Pashentsev//News of higher educational institutions. Jurisprudence. – 2010. – № 6(293). - S. 168-173.

[17] Pashentsev, D. A. Russian legislative tradition: ontology of the process/D. A. Pashentsev// Journal of Russian Law. – 2018. – № 8(260). - S. 5-13. – DOI 10.12737/art_2018_8_1.

[18] Pashentsev, D. A. Russian legal tradition before the challenge of globalization/D. A. Pashentsev//Legal science. – 2016. – № 1. - S. 29-32. – EDN TLHPTJ.

[19] The legal status of a person at the present stage of scientific and technological progress: formation, implementation, protection: scientific and practical manual/N.V. Antonova, Kh. I. Hajiyev, S. A. Grachev [and others]. - Moscow: INFRA-M, 2024. - 200 p. - ISBN 978-5-16-018300-8. – EDN LFMYXS.

[20] Stepanov, O. A. On the digitalization of judicial activity in the People's Republic of China/O. A. Stepanov, D. A. Basangov// Russian Justice. – 2024. – № 7. - S. 50-56. – DOI 10.52433/01316761_2024_07_50. – EDN IFYPVX.

[21] Stepanov, O. A. On the legal features and risks of implementing digital profiling/O. A. Stepanov, D. A. Basangov//Russian Justice. – 2024. – № 1. - S. 59-69. – DOI 10.52433/01316761_2024_01_59. – EDN JJSSAU.

[22] Stepanov, O. A. Review of the possibilities of using digital technologies to combat corruption/O. A. Stepanov, D. A. Basangov//Russian Journal of Legal Research. – 2023. - T. 10, NO. 2. - S. 49-54. – DOI 10.17816/RJLS430140. – EDN ULVODG.

[23] Stepanov, O. A. Digital transformation of the managerial sphere of activity in the regions of the Russian Federation/O. A. Stepanov, D. A. Basangov// Russian Justice. – 2023. – № 7. - S. 50-58. – DOI 10.52433/01316761_2023_07_50. – EDN HPKNVY.

[24] Topornin B.N. Declaration of Human Rights: New Approaches//Human Rights: Challenges and Perspectives. - M.: Publishing house IGiP of the USSR Academy of Sciences, 1990. - S. 5-27.

[25] Khabrieva, T. Ya. Legal essays on the technological revolution/T. Ya. Khabrieva. - Moscow: Norma, Infra-M, 2025. - 144 p. - ISBN 978-5-00156-401-0. – EDN OCKFXY.

[26] Khabrieva, T. Ya. The idea of a crisis in legal science is somewhat exaggerated/T. Ya. Khabrieva//Law. – 2016. – № 11. - S. 6-16. – EDN XBJMJP.

[27] Khabrieva, T. Ya. Modern jurisprudence and the tasks of legal science/T. Ya. Khabrieva// Journal of Russian Law. – 2015. – № 8(224). - S. 5-13. – DOI 10.12737/12222. – EDN UHLAOH.

[28] Khabrieva, T. Ya. BRICS - a civilizational phenomenon in the coordinates of law and legal doctrine/T. Ya. Khabrieva//BRICS as a new space for the dialogue of cultures and civilizations: Materials of the XXII International Likhachev Scientific Readings, St. Petersburg, April 12-13, 2024. - St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2025. - S. 197-200. – EDN RQMZUF.

[29] Khabrieva, T. Ya. Right before the challenges of digital reality/T. Ya. Khabrieva//Journal of Russian Law. – 2018. – № 9(261). - S. 5-16. – DOI 10.12737/art_2018_9_1. – EDN OZGIAV.

[30] Digital Transformation - Key to Vietnam's Confident Entry into a New Era: Article 1: Recognizing Opportunities and Challenges in the Process of Digital Transformation in Vietnam//Vietnam+ (VietnamPlus), URL.: https://ru.vietnamplus.vn/tsifrovaja-transformatsija-kljuch-k-uverennomu-vstupleniju-v-etnama-v-novuju-eru-1-ja-stat-ja-raspoznavanie-vozmozhnostei-i-vizovov-v-protsesse-tsifrovoi-transformatsii-vo-v-etname-post81113.vnp

[31] Shershenevich G.F. On a sense of legality: a public lecture delivered on March 10, 1897/ introductory remarks by Yu. N. Starilov. - Voronezh: VSU Publishing House, 2018 - 36 p.

[32] Effectiveness of scientific activity: criteria for legal assessment/N. V. Antonova, N. S. Volkova, O. V. Gutnikov [and others]. - Moscow:

Legal Publishing House “Norma,” 2023. - 208 p. - ISBN 978-5-16-018270-4. – DOI 10.12737/1949067. – EDN ILCXWB.

[33] Basangov, D. A. Risks of the realization of human rights in the context of the development of digital technologies/D. A. Basangov//Forms and methods of public administration: collection of articles: in 2 volumes. Volume 1. - Moscow: Publishing House Jurisprudence LLC, 2026. - S. 107-113. – EDN HIAHSC.

[34] Legal concept of robotization/Yu. A. Tikhomirov, S. B. Nanba, A. A. Golovin [et al.]. - Moscow: Prospekt Limited Liability Company, 2023. - 240 p. - ISBN 978-5-392-37583-7. – DOI 10.31085/9785392306404-2019-240. – EDN CCWOYV.

[35] Lawyer HOANG HA, Ho Chi Minh City Bar Association//Digital Transformation in the Vietnamese Legal System, URL: https://www.sggp.org.vn/chuyen-doi-so-trong-he-thong-phap-luat-viet-nam-post837489.html

[36] Code annamite: nouvelle traduction complète, comprenant les commentaires officiels du Code, traduits pour la première fois; de nombreuses annotations extraites des commentaires du Code chinois. Tome 1 / par P.-L.-F. Philastre. Paris, 1909.

[37] Code civil à l’usage des juridictions indigènes du Tonkin, Gouvernement général de l’Indochine. Impr. d’extrême orient, 1931. Hanoi, 1931.

[38] Codes applicables devant les juridictions annamites du Tonkin. Hanoi, Empimerie d’extrême-Orient Editeur, 1922.

[39] Luệt hôn nhân và gia đình năm 1959 (Marriage and Family Act 1959). URL: https://thukyluat.vn/vb/luat-hon-nhan-va-gia-dinh-1959-8ff9.html (access date - 10.04.2026).

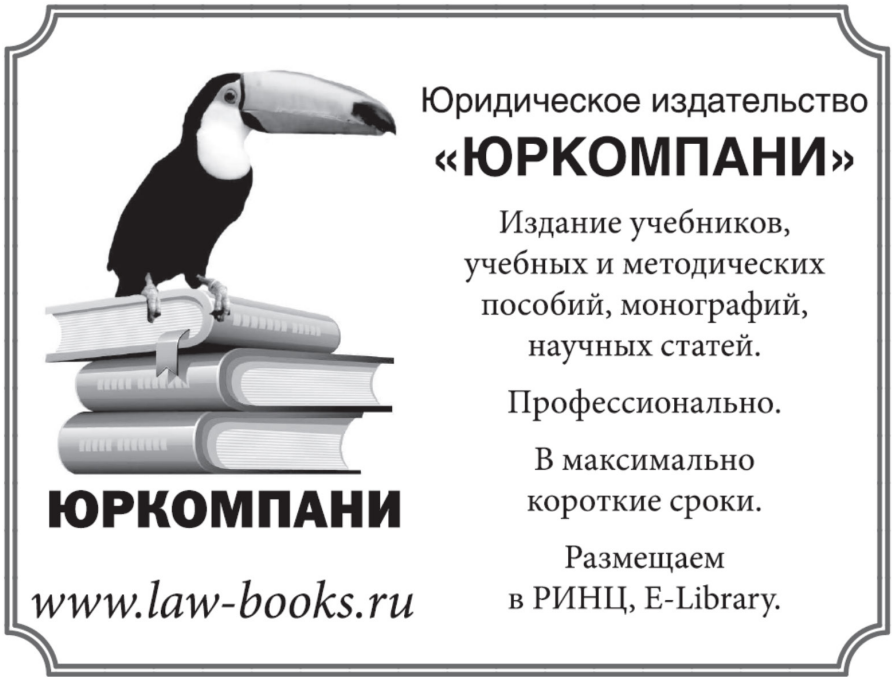
[40] Ngô Huy Cương. Sự ảnh hưởng của pháp luật Pháp tới luật tư ở Việt Nam // Tạp chí Nghiên cứu Lập pháp. 2016. № 12 (316).

[41] Phan Van Truong. Essai sur la Code Gia-Long. Paris, Librairie moderne de droit et de jurisprudence, 1922.

[42] Sắc lệnh của Chủ tịch Chính phủ lâm thời số 47 ngày 10 tháng 10 năm 1945. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Sac-lenh-so-47-giu-tam-thoi-luat-le-hien-hanh-Bac-Trung-Nam-bo-ban-hanh-nhung-bo-luat-phap-duy-nhat-toan-quoc-35893.aspx (дата обращения: 27.06.2024).

[43] Vũ Văn Mẫu. Dân luật khái luận. In lần thứ hai. Sài Gòn: Bộ Quốc gia giáo dục xuất bản, 1960.

[44] Vũ Văn Mẫu. Cổ luật Việt Nam thông khảo và tư pháp sử. Quyển thứ nhất, Tập nhất. Sài Gòn, 1974.



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-442-447

ШАЛАМОВ Александр Андреевич,

адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России,

e-mail: shalamov.mvd@yandex.ru

ДОБРОВОЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация. *В статье исследуется категория добровольности как условие применения поощрительных норм в уголовном законодательстве государств постсоветского пространства (Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан, Казахстан, Грузия, Армения, Молдова). На основе сравнительно-правового анализа выявлены общие черты (добровольный отказ, деятельное раскаяние, добровольная сдача оружия и наркотических средств) и оригинальные положения: специальные основания освобождения от ответственности за отдельные преступления против собственности, побег из мест лишения свободы, легализацию доходов, а также установление временных пределов добровольности (от 72 часов до 30 суток). Отмечены различия в структурном размещении норм о добровольном отказе и отсутствие поощрительных механизмов за освобождение похищенного или заложника в ряде стран. Сделан вывод о возможности использования изученного опыта для совершенствования российского уголовного законодательства.*

Ключевые слова: *уголовное законодательство, ближнее зарубежье, сравнительное правоведение, поощрительные нормы, добровольность, освобождение от ответственности.*

SHALAMOV Alexander Andreevich,

Associate Professor Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

VOLUNTARINESS IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF NEIGHBORING COUNTRIES

Annotation. *The article examines the category of voluntariness as a condition for the application of incentive norms in the criminal legislation of the post-Soviet states (Azerbaijan, Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Georgia, Armenia, Moldova). Based on a comparative legal analysis, common features (voluntary refusal, active repentance, voluntary surrender of weapons and narcotic drugs) and original provisions have been identified: special grounds for exemption from liability for certain crimes against property, escape from places of imprisonment, legalization of income, as well as the establishment of time limits for voluntary service (from 72 hours to 30 days). Differences in the structural placement of rules on voluntary renunciation and the absence of incentive mechanisms for the release of abductees or hostages in a number of countries are noted. The conclusion is made about the possibility of using the studied experience to improve Russian criminal legislation.*

Key words: *criminal law, the Near Abroad, comparative jurisprudence, incentive norms, voluntariness, exemption from liability*.

Введение. Отличительной особенностью действующего уголовного законодательства является то, что в нем систематически увеличивается количество поощрительных норм, связанных, главным образом с появлением новых общих и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. Институт оснований освобождения от уголовной ответственности в целом подробно изучен в правовой доктрине, однако отдельным его аспектам до сих пор уделялось недостаточное внимание. В частности, не удостаивалось самостоятельного межинституционального осмысления такое условие действия поощрительных норм как добровольность. Под добровольностью в филологических источниках понимается действие по собственному желанию, без принуждения [1, с. 363]; совершение чего-либо самостоятельно, не насильственно [2, с. 169].

Эта категория характеризует отношение лица к совершаемым постпреступным действиям и наступившим последствиям. В настоящий момент условие добровольности сопровождает функционирование не только института оснований освобождения от ответственности, но и механизма добровольного отказа от

преступления и обстоятельств, смягчающих наказание. При этом следует отметить, что несмотря на кажущуюся не нормативность обсуждаемого понятия, в некоторых случаях его презюмируемость, оно имеет важное значение для реализации поощрительных мер к лицу, готовящемуся, совершающему или совершившему преступление. Его наличие / отсутствие в юридическом составе той или иной поощрительной нормы отчасти определяет и порядок действий должностных лиц правоохранительных органов в момент проверки отдельных фактов, связанных с квалификацией содеянного. По этой причине добровольность заслуживает самостоятельного комплексного рассмотрения в целях формирования унифицированного подхода к своему закреплению в тексте уголовного закона и повышению его качества.

Одним из значимых аспектов любой уголовно-правовой категории, нуждающихся в научном рассмотрении, является зарубежный опыт ее использования. Для решения этой задачи необходимо прибегнуть к методологии сравнительного уголовного правоведения, базирующейся на ряде непреклонных принципов, ключевое значение среди которых принадлежит принципу системности изучения иностранных правовых систем. В соответствии с ним, выбор стран должен основываться на каком-либо критерии. Мы избрали критерий общности историко-правового развития и подвергли изучению уголовное законодательство государств постсоветского пространства, входивших некогда на правах самостоятельных Союзных Республик в состав СССР. Исследовательский интерес представляет то, как названные страны ближнего зарубежья за последние почти четыре десятилетия построения независимых и суверенных национальных правовых систем используют признак (условие) добровольности в своих уголовных законах. Это позволит обнаружить особые схожие и отличительные черты, выявить достоинства и недостатки, могущие стать основой для формулирования мер по совершенствованию механизма уголовно-правового воздействия [17, с. 24].

Основная часть. Уголовное законодательство Азербайджанской Республики включает условие добровольности в «традиционную» норму о добровольном отказе (ст. 30), смягчении наказания (ст. 59), деятельном раскаянии (ст. 72), а также многочисленные специальные основания освобождения от уголовной ответственности [3]. Выгодно отличаются от российских нормы, предусматривающие освобождение за добровольную сдачу оружия, боеприпасов и т.п. (ст. 228, 229 УК Азербайджана), только если в поведении лица нет иного состава преступления (в УК РФ законодатель второе обозначенное условие не формализовал, ограничившись лишь добровольной сдачей, породив многолетнюю дискуссию). Деятельная добровольность в азербайджанском уголовном законе распространяет свое действие не только на случаи сдачи наркотических средств и психотропных веществ, но и сильнодействующих и ядовитых веществ (в ст. 234 УК РФ такой возможности нет).

Особенностью законодательства Республики Таджикистан выступает отсутствие поощрительной нормы (и соответственно условия добровольности) в составах наркотических преступлений. Это следует связывать с непростой ситуацией, сложившейся в области оборота наркотических средств в Таджикистане и непримиримо жесткой политикой государства в этой сфере [4, 5]. Напротив, добровольность присутствует (в отличие от УК РФ) в норме о легализации доходов, полученных преступным путем (ст. 262), побеге из мест лишения свободы или из-под стражи (ст. 365), а также участии в вооруженных подразделениях / военных действиях на территории других государств (ст. 401 (1) [6]. Не объяснимо размещение информационно-познавательной добровольности в конструкциях коммерческого подкупа (ст. 279) и дачи взятки (ст. 320) и отсутствие таковой в смежных составах о подкупе участников и организаторов спортивных соревнований (ст. 280) и подкупе служащего (ст. 325).

Уголовный кодекс Республики Узбекистан включает освобождение от ответственности за добровольную явку с повинной в нетипичных для УК РФ составах преступлений: незаконный оборот алкогольной и табачной продукции (ст. 1861), нарушение законодательства о градостроительстве (ст. 2293), массовые беспорядки (ст. 244), незаконный оборот беспилотных летательных аппаратов (ст. 2444), нарушение законодательства в сфере оборота крипто-активов (ст. 2788), противоправное осуществление деятельности по майнингу (ст. 2789) [7]. Недостатком следует признать отсутствие альтернативы в виде добровольного освобождения похищенного (ст. 137) / заложника (ст. 245) как условия для поощрения субъекта преступления.

Оригинальным представляется положение о временном пределе (30 суток), в течение которого взяткодатель может добровольно заявить о содеянном (ст. 1929, 211, 212, 213, 2142) и не привлекаться к ответственности.

В уголовном законодательстве Туркменистана норма о добровольном отказе от

преступления структурно размещается в главе X «Освобождение от уголовной ответственности» и соседствует с основаниями в виде чистосердечного раскаяния (ст. 70), примирения с потерпевшим (ст. 71), изменения обстановки (ст. 72) и так далее [8] (аналогичная ст. 31 УК РФ, исходя из ее места в содержании закона, является частью института неоконченного преступления). В ст. 257 закрепляется основание освобождения от ответственности за уничтожение или повреждение имущества по неосторожности, если лицо добровольно возместит причиненный ущерб. При этом подобное условие отсутствует в тождественном деянии, совершенном умышленно (ст. 256). Добровольное возмещение в полном объеме крупного ущерба, нанесенного вследствие нарушения правил дорожного движения, в том числе лицом, находящимся в состоянии опьянения или оставившим место происшествия, выступает еще одним нетипичным для российских реалий самостоятельным основанием для поощрения субъекта преступления в Туркменистане (ст. 364).

В принятом в 2021 году Уголовном кодексе Кыргызской Республики встречается немало оригинальных регламентов, связанных с добровольностью, отличных от российских. Например, добровольное освобождение похищенного человека считается лишь привилегированным признаком, влекущим назначение более мягкого наказания, но не освобождающим от ответственности (ч. 3 ст. 165) [9]. Если по основному составу похищения (ч. 1 ст. 165) предусматривается лишение свободы на срок от пяти до семи лет, то по ч. 3 этой же статьи – общественные работы от ста до трехсот часов, исправительные работы на срок от одного года до трех лет или штраф (такой же подход избран в норме о захвате заложников (ст. 257 УК Кыргызстана). Признаком добровольности, понижающим, по смыслу законодателя, общественную опасность посягательства, снабжена ч. 4 ст. 169 «Незаконное лишение свободы» (в УК РФ оно отсутствует), при этом оговаривается срок, когда обязано произойти освобождение – 72 часа. Если субъект освободил потерпевшего по истечении этого времени, то он будет подлежать ответственности по основному (ч. 1) или квалифицированным (ч. 2 или 3) составам преступления.

Компенсаторно-возместительная добровольность помещена в конструкции мошенничества (ст. 209), присвоения и растраты (ст. 210) и причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 215). При этом в примечании к ст. 209 добровольное возмещение ущерба относится только к случаям мошенничества, выражающегося в преднамеренном неисполнении договорных обязательств, на иные случаи оно не распространяется.

Непоследовательно отражена информационно-познавательная добровольность в нормах о подкупе, что выражается в обозначении различных ее адресатов. По смыслу ст. 250 «Коммерческий подкуп» добровольное сообщение должно быть осуществлено следователю или прокурору, в ст. 344 «Посредничество во взяточничестве» и ст. 345 «Дача взятки» в орган, имеющий право на возбуждение уголовного дела. В примечаниях к ст. 368 и 369 освобождение от ответственности связывается с добровольным возвращением в трехдневный срок в места лишения свободы или под стражу.

Уголовный закон Республики Казахстан содержит множество поощрительных норм, базирующихся на компенсаторно-возместительной добровольности (ст. 214, 214-1, 214-2, 217, 218, 218-1, 221, 222, 233, 236, 244, 245) [10]. В 2025 году примечание о возможности исключения ответственности в случае добровольного освобождения похищенного (ст. 125) признано утратившим силу [11]. Это решение детерминировано ужесточением уголовной политики в области противодействия насильственному вступлению в брак (сопровождающемуся похищением невесты), до сих пор широко распространенному в стране (особенно в сельской местности и в южных районах Казахстана). Помимо этого, УК Казахстана дополнен ст. 125-1 «Принуждение к вступлению в брак». Одновременно с этим ст. 261 «Захват заложника» продолжила, как и ранее, содержать в себе возможность добровольного освобождения. Ст. 426 предлагает лицу, совершившему побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи добровольно возвратиться в семидневный срок для освобождения от ответственности.

В Особенной части уголовного закона Грузии добровольность встречается в преюдиционной норме об обороте некачественного бензина и дизельного топлива (ст. 1981), членстве в «воровском» сообществе (ст. 2231), поддержке деятельности «воровского сообщества» (ст. 2233), изготовлении, производстве, рекламировании, ввозе в Грузию карты, отражающей нарушение территориальной целостности страны (ст. 3431) [12]. При этом обращает на себя внимание формулировка адресата добровольного заявления во всех соответствующих нормах – орган, осуществляющий уголовный процесс.

В ст. 322 «Деятельное раскаяние о совершении преступления против государства», оригинально с технико-юридической точки

зрения, перечисляется перечень преступлений, добровольное и своевременное сообщение о которых может явиться основанием для освобождения от ответственности. В 2008 году законодатель Грузии существенно ужесточил ответственность за различные посягательства на административно-юрисдикционное производство. В частности, ст. 3481 закрепляет преступность ложного показания или заключения, а также заведомо ложного перевода в ходе административного процесса. Примечание статьи включает информационно-познавательную добровольность (к слову, тождественная ст. 17.9 КоАП РФ такой поощрительной возможности не предоставляет [13]).

Норма о добровольном отказе от преступления в Уголовном кодексе Армении 2021 года, также, как и в Туркменистане расположена в главе, посвященной освобождению от ответственности (глава 12) [14]. В 2023 году норма о деятельном раскаянии претерпела существенное дополнение: она, в исключительных случаях действует в отношении лиц, совершивших тяжкие и даже особо тяжкие преступления (в большинстве стран постсоветского пространства, том числе и УК РФ, деятельное раскаяние в Общей части касается только преступлений небольшой и средней тяжести) [15, с. 78]. Условие добровольности возмещения вреда сопровождается оценочной категорией – наличие исключительных обстоятельств.

Непоследовательным представляется подход, принятый армянским законодателем, связанный с тем, что добровольность отсутствует в норме о похищении человека (ст. 191), но предусматривается при захвате и удержании заложника (ст. 315). Уникальностью добровольности в ст. 315 является то, что помимо добровольного освобождения субъект должен отказаться от предъявляемых им требований и ранее к нему не применялось это примечание (то есть не допускается повторная реализация такого поощрения). В ст. 461 говорится об освобождении лица от ответственности за уклонение от прохождения срочной военной или альтернативной службы, если оно добровольно явилось и в итоге оказалось призвано на службу. Однако данное поощрение не действует во время военного положения, войны, а также в период мобилизации.

В уголовном законе Республики Молдова добровольный отказ от преступления называется в одном ряду с основаниями освобождения от уголовной ответственности (ст. 53) [16]. При похищении человека (ст. 164), похищении несовершеннолетнего близкими родственниками (ст. 164-1) и захвате заложника (ст. 280) законодатель не предоставил субъекту альтернативы позитивного добровольного поведения как условия для его не привлечения к ответственности. Однако такая возможность предусмотрена в норме об использовании рабского труда (ст. 165-1).

Специфичное положение, включено в ст. 185-1 «Нарушение авторского права и смежных прав», гласящее: лицо освобождается от ответственности если оно добровольно сдало произведения или объекты смежных прав, указало на источник их приобретения и возместило причиненный материальный ущерб. Аналогичный механизм встречается в ст. 185-2 «Нарушение прав на объекты промышленной собственности». В остальном уголовный закон Молдовы в части описания условия добровольности не отличается какими-либо неординарными чертами и имеет немало сходств с УК РФ в этой части.

Выводы. Обзорное исследование добровольности в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья способствует выдвижению следующих обобщенных выводов:

Уголовные кодексы всех без исключения стран ближнего зарубежья включают отдельные (и содержательно похожие) нормы о добровольном отказе от преступления. Исходя из структурного размещения в тексте закона, они относятся преимущественно к институту неоконченного преступления, однако в Армении, Туркменистане и Молдавии расположены в главе, посвященной освобождению от уголовной ответственности.

Еще одной схожей чертой, объединяющей уголовное законодательство почти всех постсоветских государств, обусловленной общностью политико-правового развития, является то, оно заключает в себе одинаковое специальное основание освобождения от ответственности за государственную измену и подкуп, базирующееся на информационно-познавательной добровольности (добровольном сообщении лицом о совершенном деянии). Кроме того, во всех странах ближнего зарубежья деятельное раскаяние и возмещение ущерба зиждется на добровольности. Последнее также считается обстоятельством, смягчающим наказание. Практически в каждом рассмотренном уголовном законе добровольная сдача оружия, боеприпасов, наркотических средств и психотропных веществ является основным или альтернативным условием для освобождения от ответственности.

Наряду с этим изученные уголовные законы обладают оригинальными и отличными от УК РФ положениями. Их осмысление может стать основой для его будущего совершенствования. В частности, предусматриваются специальные основания освобождения от уголовной ответственности, неотъемлемым условием

которых служит добровольность:

за отдельные преступления против собственности: предпринимательское мошенничество, уничтожение или повреждение чужого имущества по неосторожности, присвоение и растрату, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, угон, (Туркменистан, Киргизия), легализацию доходов, полученных преступным путем (Таджикистан, Казахстан);

за побег из мест лишения свободы / из-под ареста (Таджикистан, Казахстан, Киргизия);

за преступления против военной службы: самовольное оставление части или места службы, дезертирство, уклонение от призыва или явки на сборы (Армения, Казахстан);

за преступление против мира и безопасности человечества – наемничество (Таджикистан).

В силу различных причин культурно-религиозного и уголовно-политического характера не оговаривается возможность добровольного освобождения, как условия применения поощрения, похищенного лица (Армения, Казахстан, Молдавия) или захваченного заложника (Грузия, Узбекистан);

В уголовном законодательстве Казахстана, Киргизии и Узбекистана условие деятельной добровольности связывается с конкретными временными пределами, в течение которых она должна найти свое отражение (например, 72 часа для освобождения похищенного, 30 суток для заявления о даче взятки, 7 дней для возвращения после побега в места лишения свободы).

Список литературы:

[1] Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А-Кюрины / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Изд. центр «Терра», 1996. 781 с.

[2] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: «А ТЕМП», 2004. 944 с.

[3] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ) // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики, 2000. № 4.

[4] Указ Президента Республики Таджикистан от 20 марта 2021 г. № 145 «О Национальной стратегии по контролю за наркотиками в Республике Таджикистан на 2021-2030 годы» // Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан. URL: https://akn.tj/ru/2021/04/15/national-drug-control-strategy-of-the-republic-of-tajikistan-for-2021-2030/ (дата обращения: 10.02.2026).

[5] Гуломова Ф.А. Таджикистан в контексте регионального подхода к проблемам борьбы с незаконным оборотом наркотиков: опыт социально-политического анализа: автореф. дис. …канд. полит. наук. Душанбе, 2012. 23 с.

[6] Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 // Ахбори Маджлиси оли Республики Таджикистан, 1998. № 9. Ст. 68-70.

[7] Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан, 1995. № 1.

[8] Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I // Ведомости Меджлиса Туркменистана, 1997. № 2. Ст. 9.

[9] Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 // Эркин Тоо, 2021. № 122-123.

[10] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V // Казахстанская правда, 2014. № 132.

[11] Закон Республики Казахстан от 16 июля 2025 г. № 210-VIII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации уголовного законодательства Республики Казахстан» // Казахстанская правда, 2025. № 133.

[12] Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. № 2287-вс // Законодательный Вестник Грузии, 1999. № 41.

[13] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета, 2001. № 256.

[14] Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 г. № 3Р-199 // Официальные ведомости Республики Армения, 27 мая 2021 г.

[15] Саргсян А.А. Радикальное преобразование нормы о деятельном раскаянии в новом Уголовном кодексе Республики Армения // Лоббирование в законодательстве. 2025. Т. 4. № 1. С. 75-81.

[16] Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV // Официальный монитор Республики Молдова, 2002. № 128-129/1012.

[17] Маликов, Б. З. Онтология социальной опасности: ее значение в оценке преступного поведения и в реализации цели исправления осужденного / Б. З. Маликов // Право и государственность. – 2024. – № 1(2). – С. 88-94. – EDN PJQWAB.

References:

[1] Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 1: Curines / edited by D.N. Ushakov. Moscow: Publishing center “Terra”, 1996. 781 p.

[2] Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., expanded. Moscow: “A TEMP”, 2004. 944 p.

[3] The Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated December 30, 1999, No. 787-IQ) // Collection of Legislative Acts of the Republic of Azerbaijan, 2000, No. 4.

[4] Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated March 20, 2021 No. 145 “On the National Drug Control Strategy in the Republic of Tajikistan for 2021-2030” // Agency for Drug Control under the President of the Republic of Tajikistan. URL: https://akn.tj/ru/2021/04/15/national-drug-control-strategy-of-the-republic-of-tajikistan-for-2021-2030 / (date of access: 02/10/2026).

[5] Gulomova F.A. Tajikistan in the context of a regional approach to the problems of combating drug trafficking: experience of socio-political analysis: abstract of the dissertation. ...Candidate of Political Sciences. sciences’. Dushanbe, 2012. 23 p.

[6] The Criminal Code of the Republic of Tajikistan dated May 21, 1998, No. 574 // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan, 1998, No. 9, Articles 68-70.

[7] The Criminal Code of the Republic of Uzbekistan (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan dated September 22, 1994, No. 2012-XII) // Bulletin of the Supreme Council of the Republic of Uzbekistan, 1995, No. 1.

[8] Criminal Code of Turkmenistan No. 222-I dated June 12, 1997 // Vedomosti of the Mejlis of Turkmenistan, 1997, No. 2, art. 9.

[9] Criminal Code of the Kyrgyz Republic dated October 28, 2021, No. 127 // Erkin Too, 2021, No. 122-123.

[10] Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V // Kazakhstanskaya Pravda, 2014. No. 132.

[11] Law of the Republic of Kazakhstan dated July 16, 2025 No. 210-VIII “On Amendments and Additions to certain legislative acts of the Republic of Kazakhstan on optimization of criminal legislation of the Republic of Kazakhstan” / Kazakhstanskaya Pravda, 2025. No. 133.

[12] Criminal Code of Georgia dated July 22, 1999, No. 2287-vs // Legislative Bulletin of Georgia, 1999. No. 41.

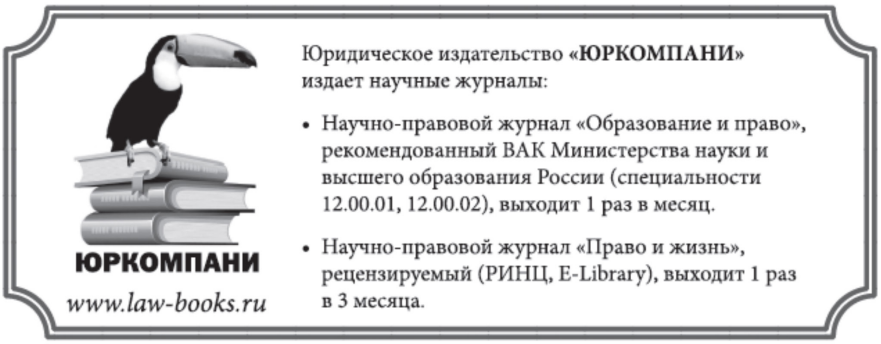
[13] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 // Rossiyskaya Gazeta, 2001, No. 256.

[14] Criminal Code of the Republic of Armenia dated May 27, 2021, No. 3P-199 // Official Gazette of the Republic of Armenia, May 27, 2021.

[15] Sargsyan A.A. Radical transformation of the norm on active repentance in the new Criminal Code of the Republic of Armenia // Lobbying in legislation. 2025. Vol. 4. No. 1. pp. 75-81.

[16] Criminal Code of the Republic of Moldova dated April 18, 2002 No. 985-XV // Official Monitor of the Republic of Moldova, 2002. No. 128-129/1012.

[17] Malikov, B. Z. Ontology of social danger: its significance in assessing criminal behavior and in realizing the goal of correcting the convict/B. Z. Malikov//Law and statehood. – 2024. – № 1(2). - S. 88-94. – EDN PJQWAB.



Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-448-454

ХАРАТЯН Наталья Грайровна,

Выпускник (бакалавр) РЭУ им. Г.В. Плеханова,

e-mail: nata.haratyan@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ (НАДЗОР) ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ РЕГЛАМЕНТОВ ЕАЭС: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются международно-правовые основы государственного контроля (надзора) за соблюдением технических регламентов Евразийского экономического союза. Обосновывается, что технические регламенты ЕАЭС формируют единые обязательные требования к продукции, однако их фактическое обеспечение осуществляется преимущественно через национальные контрольные механизмы государств-членов. Раскрывается двойственная природа такого контроля: национальная по форме и интеграционная по функциональному назначению. Особое внимание уделено проблеме фрагментации национальных контрольных процедур, цифровых реестров, мер реагирования и подходов к оценке риска. На примере Российской Федерации показано значение современной модели государственного контроля, основанной на профилактике, риск-ориентированном подходе и цифровизации. Сформулирован вывод о необходимости согласованной гармонизации контрольных механизмов ЕАЭС без подмены национальной компетенции государств-членов*.

Ключевые слова: *ЕАЭС, технические регламенты, государственный контроль, государственный надзор, обязательные требования, техническое регулирование, гармонизация законодательства, общий рынок, риск-ориентированный подход.*

KHARATYAN Natalia Grayrovna,

Graduate (bachelor) of the PRUE named after G.V. Plekhanov

STATE CONTROL (SUPERVISION) OVER COMPLIANCE WITH EAEU TECHNICAL REGULATIONS: INTERNATIONAL LEGAL FOUNDATIONS AND NATIONAL IMPLEMENTATION MECHANISMS

Annotation. *The article examines the international legal foundations of state control (supervision) over compliance with technical regulations of the Eurasian Economic Union. It substantiates that EAEU technical regulations create uniform mandatory requirements for products, while their practical enforcement is mainly carried out through national control mechanisms of the Member States. The article reveals the dual nature of such control: national in form and integration-oriented in its functional purpose. Particular attention is paid to the fragmentation of national control procedures, digital registers, response measures and risk assessment approaches. The Russian Federation is used as an example to show the importance of a modern control model based on prevention, risk-oriented regulation and digitalization. The article concludes that coordinated harmonization of EAEU control mechanisms is necessary without replacing the national competence of the Member States.*

Key words: *EAEU, technical regulations, state control, state supervision, mandatory requirements, technical regulation, harmonization of legislation, common market, risk-oriented approach.*

Введение

Формирование общего рынка товаров в Евразийском экономическом союзе объективно требует не только принятия единых обязательных требований к продукции, но и наличия действенных механизмов их обеспечения. Технические регламенты ЕАЭС выступают одним из ключевых инструментов евразийской экономической интеграции, поскольку позволяют установить общий уровень безопасности продукции и устранить избыточную множественность национальных требований. Вместе с тем сам

факт принятия технического регламента еще не гарантирует его надлежащее исполнение на территории всех государств-членов.

Актуальность темы обусловлена противоречием между наднациональным характером обязательных требований, устанавливаемых в рамках ЕАЭС, и национальной природой государственного контроля (надзора), посредством которого такие требования фактически обеспечиваются. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. закрепляет общие принципы технического регулирования, предусматривает принятие технических регламентов Союза в целях защиты жизни и здоровья человека, имущества, окружающей среды, животных, растений и потребителей, а также указывает на необходимость гармонизации законодательства государств-членов в сфере контроля и ответственности [1].

Цель статьи состоит в определении международно-правовых основ государственного контроля за соблюдением технических регламентов ЕАЭС и выявлении особенностей их реализации через национальные механизмы государств-членов. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи: раскрыть правовую природу технических регламентов ЕАЭС, определить место государственного контроля в механизме обеспечения права Союза, охарактеризовать российскую модель контроля как национальный механизм реализации обязательных требований, выявить проблемы фрагментации контрольных процедур и предложить направления их гармонизации.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и функциональный методы. Их применение позволяет рассматривать государственный контроль не изолированно как институт национального административного права, а как элемент более широкого международно-правового механизма исполнения интеграционных обязательств в рамках ЕАЭС.

Технические регламенты ЕАЭС как источник единых обязательных требований

Правовое регулирование общего рынка товаров в ЕАЭС основано на сочетании интеграционного нормотворчества и национального правоприменения. Одним из наиболее показательных проявлений такого сочетания является институт технических регламентов Союза. В отличие от классических международно-правовых обязательств, ориентированных преимущественно на межгосударственный уровень реализации, технические регламенты ЕАЭС направлены на регулирование поведения хозяйствующих субъектов, выпускающих продукцию в обращение на территории государств-членов.

В соответствии со статьей 51 Договора о ЕАЭС техническое регулирование в рамках Союза осуществляется на основе установления обязательных требований к продукции либо к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования, производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации [1]. Тем самым Договор о ЕАЭС закрепляет не только предмет технического регулирования, но и его функциональную направленность. Речь идет не о формальном сближении национальных стандартов, а о создании общего нормативного режима безопасного обращения продукции.

Статья 52 Договора о ЕАЭС определяет цели принятия технических регламентов Союза: защита жизни и здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и здоровья животных и растений, предупреждение действий, вводящих в заблуждение потребителей, обеспечение энергетической эффективности и ресурсосбережения. Существенное значение имеет указание на то, что принятие технических регламентов Союза в иных целях не допускается [1]. Данная норма позволяет рассматривать технический регламент как специальный публично-правовой механизм охраны наиболее значимых общественных благ.

Из этого следует важный международно-правовой вывод. Технические регламенты ЕАЭС выступают не только средством устранения технических барьеров во взаимной торговле, но и формой согласованного ограничения экономической свободы в публичных интересах. Общий рынок не может строиться исключительно на принципе свободного движения товаров. Он предполагает общий уровень доверия к безопасности продукции, выпускаемой в обращение в любом государстве-члене.

Технический регламент одновременно выполняет рыночную, защитную и интеграционную функции. Рыночная функция выражается в устранении множественности национальных обязательных требований к одной и той же продукции. Защитная функция состоит в закреплении минимально необходимого уровня безопасности продукции. Интеграционная функция проявляется в формировании единого юридического стандарта, применимого на территории государств-членов.

Особое значение имеет статья 53 Договора о ЕАЭС, согласно которой продукция, выпускаемая в обращение на территории Союза, должна быть безопасной [1]. Эта норма связывает режим обращения продукции не только с

формальным соблюдением процедур оценки соответствия, но и с материальным требованием безопасности. Следовательно, технический регламент ЕАЭС должен рассматриваться как элемент более широкого правового режима, включающего установление обязательных требований, оценку соответствия, выпуск продукции в обращение, государственный контроль и меры реагирования.

В российском правопорядке общие основы технического регулирования закреплены в Федеральном законе от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (далее – Федеральный закон № 184-ФЗ). Данный закон регулирует отношения, возникающие при разработке, принятии, применении и исполнении обязательных требований к продукции, а также к связанным с ней процессам [3]. Однако после формирования ЕАЭС национальное техническое регулирование не может рассматриваться изолированно от права Союза, поскольку значительная часть обязательных требований к продукции формируется на интеграционном уровне.

Государственный контроль как механизм обеспечения права ЕАЭС

Государственный контроль за соблюдением технических регламентов ЕАЭС является национальным по форме, но интеграционным по функциональному назначению механизмом. Его национальный характер проявляется в том, что контрольные полномочия осуществляются органами государств-членов на основании внутреннего законодательства. Интеграционный характер выражается в том, что предметом контроля могут выступать требования, сформированные в рамках права ЕАЭС.

Такая конструкция обусловлена природой ЕАЭС как международной организации интеграционного типа. Союз формирует единые правила в отдельных сферах экономического взаимодействия, однако не подменяет национальные публичные администрации государств-членов. Поэтому реализация многих норм права ЕАЭС зависит от того, насколько эффективно государства-члены способны обеспечить их применение на своей территории.

Статья 51 Договора о ЕАЭС предусматривает, что техническое регулирование осуществляется на основе гармонизации законодательства государств-членов в сфере государственного контроля за соблюдением требований технических регламентов Союза [1]. Это положение подтверждает, что государственный контроль не является внешним по отношению к техническому регулированию институтом. Он включен в правовую архитектуру технического регулирования как необходимый элемент обеспечения обязательных требований.

Договор о ЕАЭС не устанавливает полной унификации национальных контрольных процедур. Он исходит из модели гармонизации. Такая модель отличается от унификации тем, что допускает сохранение национальных особенностей при условии согласования ключевых принципов, подходов и результатов правового регулирования. Для ЕАЭС это особенно важно, поскольку государства-члены сохраняют суверенную компетенцию в сфере организации публичной власти, административных процедур и юридической ответственности.

Государственный контроль выполняет правообеспечительную, превентивную и интеграционную функции. Правообеспечительная функция состоит в проверке фактического соблюдения обязательных требований технических регламентов. Превентивная функция предполагает предупреждение причинения вреда охраняемым законом ценностям. Интеграционная функция выражается в поддержании доверия между государствами-членами к продукции, обращающейся на общем рынке.

Интеграционная функция контроля имеет трансграничное значение. Продукция, выпущенная в обращение в одном государстве-члене, может перемещаться на территории других государств-членов. Если контрольные механизмы одного государства недостаточно эффективны, последствия могут возникать за пределами его территории. Поэтому качество национального контроля влияет не только на внутренний рынок конкретного государства, но и на состояние общего рынка ЕАЭС в целом.

Российская модель государственного контроля закреплена в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ). Закон регулирует отношения по организации и осуществлению государственного контроля и муниципального контроля, устанавливает общие принципы контрольной деятельности, виды контрольных и профилактических мероприятий, порядок принятия решений и оформления результатов [4].

Федеральный закон № 248-ФЗ исходит из ориентации контроля на минимизацию риска причинения вреда охраняемым законом ценностям. Это позволяет соотнести российский контрольный механизм с целями технических регламентов ЕАЭС. И технические регламенты Союза, и современная модель российского контроля направлены на защиту жизни и здоровья граждан, имущества, окружающей среды и иных публичных интересов.

Право ЕАЭС также содержит элементы риск-ориентированного подхода. В типовых схемах оценки соответствия учитываются характер продукции, ее потенциальная опасность, особенности производства и необходимость подтверждения соответствия установленным требованиям [5]. Следовательно, сближение национальных систем государственного контроля может развиваться не путем механического копирования процедур, а через согласование подходов к оценке риска, профилактике нарушений и определению приоритетов контрольной деятельности.

Национальная реализация контрольных полномочий в Российской Федерации

Российская Федерация как государство-член ЕАЭС реализует обязательные требования технических регламентов Союза через систему национального законодательства, компетенцию уполномоченных органов и процедуры государственного контроля. Такая модель не является простой формой административного сопровождения права ЕАЭС. Она представляет собой самостоятельный национальный механизм публичного управления, который одновременно обеспечивает реализацию интеграционных обязательств России.

Федеральный закон № 248-ФЗ имеет системообразующее значение для российской контрольно-надзорной деятельности. Он закрепляет риск-ориентированный подход, профилактику нарушений, цифровизацию контрольной деятельности и ориентацию на общественно значимый результат [4]. Для темы ЕАЭС это важно потому, что именно национальный контроль превращает обязательные требования технического регламента из нормативного предписания в реально действующий правовой механизм.

В российской системе техническое регулирование и государственный контроль имеют самостоятельное нормативное оформление. Федеральный закон № 184-ФЗ отвечает на вопрос о том, каким требованиям должна соответствовать продукция [3]. Федеральный закон № 248-ФЗ определяет, каким образом публичная власть проверяет соблюдение обязательных требований и реагирует на нарушения [4]. Такое разделение отражает функциональную дифференциацию правовых институтов.

Категория обязательных требований имеет ключевое значение. Если технический регламент ЕАЭС устанавливает обязательные требования к продукции, их соблюдение может становиться предметом соответствующего вида государственного контроля при наличии компетенции уполномоченного органа. Тем самым требования, сформированные на уровне ЕАЭС, включаются в практическую деятельность национальных контрольных органов.

Однако такое включение должно быть юридически корректным. Недопустимо рассматривать любой акт ЕАЭС как автоматически порождающий произвольные контрольные полномочия национального органа. Контрольная деятельность требует четкого определения компетенции, предмета контроля, контролируемых лиц, объектов контроля, процедур и мер реагирования. Поэтому национальная реализация права ЕАЭС предполагает не только признание обязательности технических регламентов, но и создание надлежащей административно-правовой инфраструктуры их обеспечения.

Деятельность России по цифровизации государственного контроля имеет интеграционное значение. Реестры обязательных требований, цифровые инструменты фиксации контрольных мероприятий, информационное сопровождение профилактики и риск-ориентированной модели могут использоваться как элементы национального исполнения обязательных требований ЕАЭС. В перспективе именно такие инструменты способны обеспечить более высокий уровень прозрачности и сопоставимости контрольной деятельности в рамках Союза.

Профилактическое направление российского контроля также имеет интеграционное значение. Профилактика нарушений позволяет снижать вероятность несоблюдения обязательных требований до наступления вредных последствий. Для общего рынка ЕАЭС это особенно важно, поскольку нарушение требований технического регламента может проявиться не только в государстве выпуска продукции в обращение, но и в другом государстве-члене, куда такая продукция впоследствии перемещена.

Проблемы фрагментации контрольных механизмов в ЕАЭС

При единстве технических регламентов ЕАЭС сохраняется множественность национальных систем государственного контроля. Такая ситуация является объективным следствием распределения компетенции между Союзом и государствами-членами. ЕАЭС устанавливает единые обязательные требования в определенных сферах, однако организация контрольной деятельности, административные процедуры, полномочия органов и меры ответственности во многом остаются в национальной компетенции.

Фрагментация не должна оцениваться исключительно негативно. Она отражает правовую природу ЕАЭС как интеграционного

объединения, в котором государства-члены сохраняют значительный объем суверенных полномочий. Вместе с тем чрезмерная фрагментация способна снижать эффективность единых обязательных требований и создавать риски для общего рынка.

Первая форма фрагментации связана с различием национальных процедур контроля. Один и тот же технический регламент ЕАЭС может обеспечиваться различными видами контрольных мероприятий, основаниями их проведения, сроками, правилами фиксации результатов и формами взаимодействия с контролируемыми лицами. Внутри национального правопорядка такие различия могут быть обоснованы, однако в интеграционном пространстве они создают вопрос о сопоставимости контрольного воздействия.

Вторая форма фрагментации связана с различием информационных систем и цифровых реестров. Современный государственный контроль зависит от качества данных. Для оценки риска, планирования контрольных мероприятий, выявления небезопасной продукции и принятия мер реагирования необходимы достоверные сведения. Если такие сведения остаются внутри национальных информационных контуров и не имеют согласованного правового режима обмена, эффективность контроля на уровне Союза снижается.

Третья форма фрагментации проявляется в различии мер реагирования. Нарушение требований технического регламента может повлечь выдачу предписания, ограничение обращения продукции, отзыв продукции, административную ответственность и иные меры. Поскольку Договор о ЕАЭС предусматривает гармонизацию ответственности за нарушение требований технических регламентов, такая сфера не может рассматриваться как полностью автономная национальная компетенция [1].

Четвертая форма фрагментации касается различного уровня доверия к результатам национального контроля. Единый рынок невозможен без взаимного доверия. Если одно государство сомневается в эффективности контроля другого государства, оно может стремиться к дополнительным проверочным механизмам на своей территории. Формально такие меры могут объясняться защитой публичных интересов, но при отсутствии согласованных критериев они способны превращаться в скрытые барьеры во взаимной торговле.

Следовательно, фрагментация контрольных механизмов имеет многоуровневый характер. Она затрагивает процедуры, данные, меры реагирования, правоприменительную практику и доверие между государствами-членами. Ее преодоление не может быть сведено к принятию одного универсального акта. Необходима последовательная гармонизация ключевых элементов национальных контрольных систем в тех сферах, где риск причинения вреда имеет трансграничное значение.

Перспективы гармонизации государственного контроля в еаэс

Перспективы развития государственного контроля за соблюдением технических регламентов ЕАЭС должны рассматриваться через категорию гармонизации, а не унификации. Унификация предполагает установление единообразных правил. Гармонизация допускает сохранение национальных особенностей, но требует согласования ключевых целей, принципов и правовых результатов. Для ЕАЭС именно гармонизация представляется наиболее соответствующей моделью.

Первым направлением гармонизации является сближение принципов государственного контроля. Если технические регламенты ЕАЭС устанавливают единые обязательные требования, то контроль за их соблюдением должен строиться на сопоставимых принципах. К таким принципам относятся законность, соразмерность, риск-ориентированность, профилактическая направленность, недискриминационность, прозрачность и учет добросовестности контролируемого лица.

Вторым направлением является развитие обмена контрольной информацией. Для общего рынка ЕАЭС важно, чтобы сведения о небезопасной продукции, нарушениях требований технических регламентов, недостоверных документах об оценке соответствия и принятых мерах реагирования могли использоваться всеми заинтересованными государствами-членами. При этом обмен информацией должен быть правовым, а не только техническим.

Третьим направлением является развитие цифровой совместимости национальных систем контроля. Совместимость должна строиться не только на технологических решениях, но и на единых юридических понятиях. Если государства-члены по-разному определяют объект контроля, результат контрольного мероприятия, статус предписания или критерии риска, цифровой обмен будет затруднен даже при наличии технической возможности передачи данных.

Четвертым направлением является повышение взаимного доверия к результатам национального контроля. Доверие требует процедурных и информационных гарантий. Государство-член должно понимать, что контрольный орган другого государства действует на основе прозрачных процедур, обладает достаточной компетенцией, использует

сопоставимые критерии риска и надлежащим образом фиксирует результаты контроля.

Пятым направлением является согласование подходов к ответственности за нарушение требований технических регламентов. Договор о ЕАЭС прямо предусматривает гармонизацию законодательства государств-членов в области установления ответственности за нарушение требований технических регламентов Союза и процедур оценки соответствия [1]. Такая гармонизация должна быть направлена не на формальное совпадение санкций, а на достижение сопоставимого уровня правовой реакции.

Шестым направлением является развитие профилактической составляющей контроля. Профилактика нарушений требований технических регламентов должна рассматриваться как общий интерес государств-членов ЕАЭС. Для хозяйствующих субъектов она обеспечивает правовую определенность. Для государства она снижает вероятность причинения вреда. Для Союза она укрепляет устойчивость общего рынка.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о двойственной правовой природе государственного контроля за соблюдением технических регламентов ЕАЭС. По форме такой контроль остается национальным, поскольку осуществляется органами государств-членов на основании внутреннего законодательства. По функциональному назначению он имеет интеграционный характер, поскольку обеспечивает реализацию обязательных требований, сформированных в рамках права ЕАЭС.

Технические регламенты Союза создают единый нормативный стандарт безопасности продукции, но не исчерпывают всего механизма правового обеспечения общего рынка. Их практическая эффективность зависит от оценки соответствия, государственного контроля, мер профилактики, цифровых инструментов, обмена информацией и юридической ответственности. Поэтому международно-правовая результативность технического регулирования ЕАЭС определяется не только качеством наднациональных актов, но и согласованностью национальных контрольных механизмов.

Фрагментация контрольных процедур государств-членов является объективным следствием распределения компетенции внутри ЕАЭС. Вместе с тем чрезмерное различие процедур, цифровых реестров, мер реагирования и подходов к оценке риска способно снижать уровень взаимного доверия и создавать угрозу появления скрытых барьеров на общем рынке. В этих условиях задача Союза состоит не в создании единой наднациональной инспекционной системы, а в согласованной гармонизации ключевых элементов национального контроля.

Наиболее перспективными направлениями такой гармонизации являются сближение принципов государственного контроля, развитие обмена юридически значимой контрольной информацией, цифровая совместимость национальных систем, согласование подходов к оценке риска и ответственности, а также укрепление профилактической составляющей. Для России данное направление имеет не только интеграционное, но и практическое значение, поскольку отечественная контрольно-надзорная реформа может выступать одним из ориентиров для выработки современных подходов к обеспечению обязательных требований в рамках ЕАЭС.

Таким образом, государственный контроль за соблюдением технических регламентов ЕАЭС следует рассматривать как самостоятельный элемент международно-правового механизма евразийской экономической интеграции. Его развитие способно укрепить правовую устойчивость общего рынка, повысить уровень защиты граждан и потребителей, а также обеспечить более предсказуемые условия обращения продукции на пространстве Союза.

Список литературы:

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: https://eaeunion.org/ (дата обращения: 04.06.2026).

[2] Протокол о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза. Приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: https://eaeunion.org/ (дата обращения: 04.06.2026).

[3] Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40241/ (дата обращения: 04.06.2026).

[4] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 04.06.2026).

[5] Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 18 апреля 2018 г. № 44 «О типовых схемах оценки соответствия» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: https://eaeunion.org/ (дата обращения:

04.06.2026).

[6] Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2012 г. № 293 «О единых формах сертификата соответствия и декларации о соответствии требованиям технических регламентов Евразийского экономического союза и правилах их оформления» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: https://eaeunion.org/ (дата обращения: 04.06.2026).

[7] О техническом регулировании и стандартизации // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/deptexreg/tr/ (дата обращения: 04.06.2026).

[8] Кашкин С. Ю., Четвериков А. О. Право Евразийского экономического союза: учебник / отв. ред. С. Ю. Кашкин. М.: Проспект, 2016. 192 с.

[9] Техническое регулирование экономики и предпринимательской деятельности: монография / под общ. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2016. 144 с.

[10] Кондратьева Н. Б. Сравнительный анализ технического регулирования ЕС и ЕАЭС // Современная Европа. 2018. № 4. С. 87-96.

[11] Туманьян Н. Г. Техническое регулирование в странах - членах ЕАЭС: новое в 2023 г. Обзор // Вестник евразийской науки. 2024. № 1.

References:

[1] Eurasian Economic Union Treaty of May 29, 2014//Official website of the Eurasian Economic Union. URL: https://eaeunion.org/ (access date: 04.06.2026).

[2] Protocol on technical regulation within the Eurasian Economic Union. Appendix No. 9 to the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014//Official website of the Eurasian Economic Union. URL: https://eaeunion.org/ (access date: 04.06.2026).

[3] Federal Law No. 184-FZ of December 27, 2002 “On Technical Regulation “//SPS” ConsultantPlus. “ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40241/ (access date: 04.06.2026).

[4] Federal Law No. 248-FZ dated July 31, 2020 “On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation “//SPS” ConsultantPlus. “ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (access date: 04.06.2026).

[5] Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of April 18, 2018 No. 44 “On standard conformity assessment schemes “//Official website of the Eurasian Economic Union. URL: https://eaeunion.org/ (access date: 04.06.2026).

[6] Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated December 25, 2012 No. 293 “On uniform forms of the certificate of conformity and declaration of compliance with the requirements of technical regulations of the Eurasian Economic Union and the rules for their registration “// Official website of the Eurasian Economic Union. URL: https://eaeunion.org/ (access date: 04.06.2026).

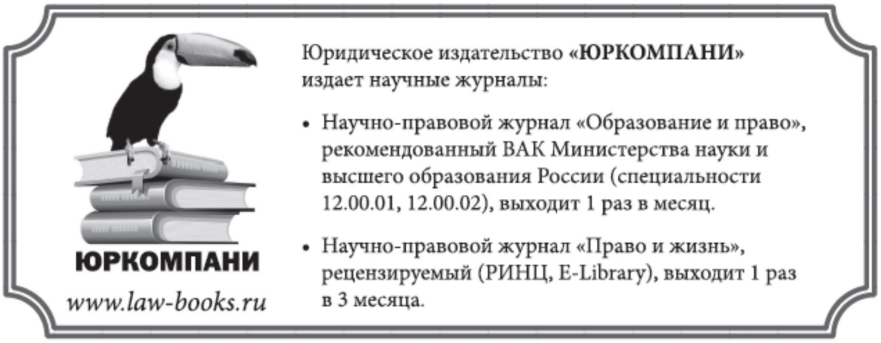
[7] On technical regulation and standardization//Official website of the Eurasian Economic Commission. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/deptexreg/tr/ (дата обращения: 04.06.2026).

[8] Kashkin S. Yu., Chetverikov A. O. Law of the Eurasian Economic Union: textbook/ed. ed. S. Yu. Kashkin. M.: Prospect, 2016. 192 p.

[9] Technical regulation of economics and entrepreneurial activity: monograph/under the general. ed. V. S. Belykh. M.: Prospect, 2016. 144 p.

[10] Kondratieva N. B. Comparative analysis of the technical regulation of the EU and the EAEU// Modern Europe. 2018. № 4. S. 87-96.

[11] Tumanyan N. G. Technical regulation in the EAEU member countries: new in 2023. Overview// Bulletin of Eurasian Science. 2024. № 1.



Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-455-463

ИВАНОВА София Сергеевна,

Студентка 4 курса бакалавриата по специальности 40.03.01 "Юриспруденция" Северо-Западного филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,

e-mail: ivanovasofiya063@gmail.com

Научный руководитель:

ТАЛИМОНЧИК Валентина Петровна,

Доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», ORCID: 0000-0002-5302-460X,

e-mail: talim2008@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ РЕГУЛИРОВАНИЯ БИОТЕХНОЛОГИЙ: НА ПРИМЕРЕ ЕС И АНДСКОГО СООБЩЕСТВА

Аннотация. *Целью исследования является выявление особенностей региональных механизмов регулирования биотехнологий на примере Европейского Союза и Андского Сообщества. Использованы сравнительно-правовой метод и методы анализа и синтеза. В результате исследования были выявлены основные черты правового регулирования биотехнологий в обоих интеграционных объединениях. Системы двух объединений имеют множество особенностей, делающих их уникальными. По-разному формируется и практика интеграционных судов.*

Ключевые слова: *международное право, биотехнологии, Европейский Союз, Андское Сообщество, генетические ресурсы, охрана биотехнологий*.

IVANOVA Sofia Sergeevna,

4th year bachelor's student majoring in 40.03.01 'Jurisprudence' at the North-West branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev"

Supervisor:

TALIMONCHIK Valentina Petrovna,

Doctor of Law, Professor, Senior Research Fellow, Department of General Theoretical Legal Disciplines, North-West Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'V.M. Lebedev Russian State University of Justice', ORCID: 0000-0002-5302-460X

FEATURES OF REGIONAL BIOTECHNOLOGY REGULATION SYSTEMS: A CASE STUDY OF THE EUROPEAN UNION AND THE ANDEAN COMMUNITY

Annotation. *The purpose of the study is to identify the specifics of regional biotechnological regulatory mechanisms using the example of the European Union and the Andean community. The comparative legal method and methods of analysis and synthesis are used. As a result of the study, the main features of the legal regulation of biotechnologies in both integration associations were identified. The systems of the two associations have many features that make them unique. The practice of integration courts is also shaped in different ways*.

Key words: *international law, biotechnologies, European Union, Andean Community, genetic resources, protection of biotechnologies.*

Введение

В XXI в. роль биотехнологий с каждым годом все больше возрастает, о чем свидетельствует и анализ рынка данной группы технологий. Так, в 2025 г. размер рынка биотехнологий составил 152.65 млрд долларов США; к апрелю 2026 г.- 165.43 млрд долларов США; а к 2035 г. прогнозируется- объем анализируемого рынка будет составлять 371.45 млрд. долларов США при ожидаемом среднегодовом темпе роста 9.3 %. Наиболее перспективными сегментами рынка биотехнологий считаются фармацевтическая промышленность, регенеративная медицина, оптогенетика, диагностические и биологические датчики, биоэлектроника и точная медицина [13].

Однако правовое регулирование биотехнологий в различных областях человеческой деятельности происходит в основном либо на национальном (нормы патентного права; нормы, регулирующие сферу здравоохранения, нормы, направленные на охрану традиционных знаний коренных народов в области генетических ресурсов), либо на универсальном (декларации ЮНЕСКО и Всемирной Медицинской Ассоциации,; документы, разработанные и принятые в рамках ООН, а также её специализированных учреждений) уровнях. К настоящему времени практически не существует механизмов регулирования биотехнологии в рамках региональных объединений. Более или менее достаточное регулирование данной области человеческой деятельности нормами права в масштабах отдельного регионального объединения сформировалось только в Европейском Союзе (далее - ЕС) и Андском Сообществе (далее - АС). Однако даже в двух названных объединениях правовое регулирование биотехнологий осуществляется по-разному.

Вопросы правового регулирования биотехнологий являются предметом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых. К наиболее качественно разработанным направлениям можно отнести следующие вопросы: биотехнологии как объект интеллектуальной собственности [1; 2; 3], ограничение использования биотехнологий в целях минимизации негативного влияния на различные сферы хозяйственной деятельности, здоровье человека и окружающую среду [4; 5; 6], проблемы биоэтики и сохранение биологического разнообразия [7]. В большинстве источников исследователями проводится сравнительный анализ норм права отдельных государств, регулирующих биотехнологии (как правило, США, Японии, государств-участников ЕС), а также универсальных норм. Особое внимание в научной литературе уделяется ЕС [8; 9]. Затрагивались и общие вопросы интеграции в Латинской Америке [10; 11; 12].

Цель настоящего исследования - выявить системные черты регулирования правоотношений в биотехнологической сфере в Европейском Союзе и Андском Сообществе.

Основная часть.

Необходимо отметить, что перечень областей использования биотехнологий в рамках конкретного интеграционного объединения находится в непосредственной зависимости от основных направлений его экономической деятельности. Так, наиболее существенными сферами хозяйственной деятельности в ЕС, в которых применение биотехнологии целесообразно, являются сфера здравоохранения; "зеленые" технологии; сельское хозяйство, особенно в области агрономии; охрана биотехнологических изобретений патентами; экологическая безопасность. Несколько, хотя и несущественно, отличаются приоритеты в развитии экономики в АС, что отражает специфику региона. Так, в рамках объединения успешная интеграция производится в следующих сферах: здравоохранение, признание и защита прав коренных народов, а также интересов бизнеса; охрана прав интеллектуальной собственности; сельское хозяйство.

Таким образом, следует отметить схожесть большинства направлений экономической интеграции в двух указанных объединениях, с учетом некоторых исключений. Однако следует также заметить, что подходы к регулированию вышеуказанных сфер экономической деятельности в каждом из объединений вырабатываются с учетом индивидуальных особенностей каждого из двух рассматриваемых региональных объединений.

К наиболее значимым чертам регулирования биотехнологий в рамках ЕС можно отнести охрану биотехнологических изобретений, в том числе порядок получения патента, признания его недействительным и аннулирования патента, критерии патентоспособности биотехнологий; определение пределов использования биотехнологий. Среди существенных черт в отношении регулирования биотехнологий в АС - общий режим охраны биотехнологических изобретений, в том числе единая процедура выдачи патентов, общий перечень критериев их патентоспособности, а также определение пределов использования биотехнологий в различных сферах деятельности; установление единого режима доступа к традиционным знаниям, связанных с генетическими ресурсами; обеспечение охраны здоровья человека, в том числе путем обеспечения надлежащего состояния сельскохозяйственных растений и

животных, средств личной гигиены.

Рассмотрим наиболее существенные черты правового регулирования биотехнологий в каждом из указанных интеграционных объединений подробнее.

Во-первых, для определения направления развития биотехнологий, а значит и их правового регулирования, необходимо определить цели деятельности каждого из объединений. Ст. 3 договора ЕС называет несколько целей, наиболее значимыми из которых являются содействие благосостоянию народов; создание внутреннего рынка с учетом того, что он способствует научно-техническому прогрессу, экономическому росту и обеспечению занятости населения государств-членов ЕС; значимую роль играет защита прав человека [14].

Согласно ст. 1 Андского соглашения о субрегиональной интеграции 1969 г. целью соглашения является содействие развитию сбалансированного и гармоничного взаимодействию государств-членов на справедливых условиях посредством интеграции экономического и социального сотрудничества [15]. Все разрабатываемые в Андском Сообществе нормы направлены на формирование единого экономического пространства. Для достижения данной цели АС уже выработаны унифицированные нормативно-правовые акты, в том числе и связанные с регулированием биотехнологий. среди них особое место занимают: решение Комиссии АС № 486 от 01.12.2000 «Общий режим в отношении промышленной собственности»; решение Комиссии АС от 02.07.1996 № 391 «Общая система доступа к генетическим ресурсам»; резолюция № 2120 от 17.12.2019 «Технический регламент государств АС по техническим характеристикам микробиологических методов производства косметических средств», а также являющаяся дополнением к нему резолюция № 2151 от 26.05.2020 «О внесении поправок в постановление 2120 “Андский технический регламент по техническим характеристикам микробиологии косметических продуктов». Другой целью деятельности объединения является необходимость способствовать снижению уязвимости и улучшить положение государств-членов в экономическом контексте на международном уровне [16]. Для этого нормы Сообщества разрабатываются с учетом стандартов и процедур, выработанных на универсальном уровне, в частности, принятых в рамках международных организаций (например, в отношении промышленной собственности, в том числе и биотехнологических изобретений, государства-участники АС предоставляет режим не менее благоприятный, чем тот, который оно предоставляет своим гражданам не только правообладателям из других государств-членов сообщества, но также и из государств-участников ВТО и Парижской Конвенции по охране промышленной собственности 1883 г [17].

Таким образом, правовое регулирование биотехнологий в Андском Сообществе осуществляется не только непосредственно региональными актами, но и универсальными.

Исходя из целей обоих объединений, направления деятельности ЕС являются более разнообразными, что связано с тем, что оно достигло более высокого уровня интеграции; в то же время АС стремится к налаживанию крепких связей не только между государствами внутри объединения, но и с государствами за его пределами, а также с другими интеграционными объединениями, в том числе и с ЕС. Все это не может не оказывать влияния на виды деятельности, связанные с биотехнологиями, которые наиболее развиты в пределах каждого из объединений.

Во-вторых, в государствах-участниках Сообщества, в отличие от государств-членов ЕС, проживает большое количество общин коренных народов, являющихся носителями традиционных знаний, в том числе связанных с генетическими ресурсами (далее - ГР). Как следствие, в Сообществе выработан особый режим доступа к такой информации, который широко применяется. Однако в ЕС действует принятый резолюцией № 511 от 16.02.2014 г. документ, регулирующий доступ к генетическим ресурсам, связанным с традиционными знаниями, но он был разработан только в целях имплементации Нагойского протокола от 2010 г. к Конвенции ООН о биологическом разнообразии, принятой в 1992 г. Упомянутый протокол является универсальным документом, то есть ЕС не стремился к разработке своего механизма регулирования ГР, связанных с традиционными знаниями.

Режим наибольшего благоприятствования в отношении промышленной собственности, предусмотренный ст. 1 решения № 486 Комиссии АС, не распространяется на биотехнологии, разработанные с использованием традиционных знаний, являющихся ГР. Для данной категории изобретений в рамках АС предусмотрен особый режим охраны: при предоставлении охраны элементам промышленной собственности, составляющим биологическое и генетическое наследие, а также традиционные знания коренных общин, устанавливается особый порядок приобретения исключительных прав на изобретения, созданные на основе таких знаний. Порядок регистрации прав на изобретения закреплен в решении Комиссии АС «Общая

система доступа к генетическим ресурсам».

В основе предоставления доступа к ГР и производным от них продуктам лежит принцип справедливого и равноправного распределения выгод, притом как между государствами-участниками АС, так и общинами коренных народов, традиционно использовавших ГР. В соответствии с этим принципом провозглашается суверенитет государств над ГР и устанавливается, что они являются собственностью государства или нации. Документ АС устанавливает только единый порядок предоставления доступа к рассматриваемым ГР. Процедура предоставления права доступа к ГР заключается в следующем: государство предоставляет разрешение на доступ к ГР и заключает с хозяйствующим субъектом контракт на использование ГР для производства на их основе конечного продукта- конкретной биотехнологии [18]. При этом государства-участники предоставляют друг другу национальный режим доступа к ГР. То же может быть реализовано и в отношении третьих государств, однако права, предоставленные одному государству, не должны носить дискриминационный характер, то есть в отношении права доступа действует режим наибольшего благоприятствования. Все хозяйствующие субъекты, заключившие с государством-участником контракт и получившие право доступа, обязаны предоставлять дубликаты используемых ими материалов и раскрывать результаты научных исследований в данной области специально уполномоченному органу, функционирующему в каждом государстве-члене АС.

Итак, данная особенность присуща только АС, так как именно на его территории проживает большое количество коренных народов-носителей традиционных знаний, связанных с применением ГР; хотя унифицированный акт был принят и в ЕС, однако он направлен только на имплементацию универсального правового акта, а не направлен на выработку собственного подхода по данному вопросу.

В-третьих, в своей деятельности как ЕС, так и АС, особое внимание уделяют сохранению биологического разнообразия, минимизации неблагоприятного воздействия на окружающую среду и обеспечение охраны здоровья человека. В ЕС особое внимание в данном вопросе уделяется распространению и разведению ГМО. В рамках объединения были разработаны регламенты, содержащие требования к производителям ГМО продуктов. Так, производители ГМО обязаны уведомлять о применении в своей деятельности продуктов ГМО независимо от того, осуществляют ли пользователи научно-исследовательскую деятельность или используют продукты ГМО для посева или в качестве корма для сельскохозяйственных животных [19]. При этом в уведомлении должны быть указаны все способы такого использования. Данная процедура позволяет ограничить попадание организмов, являющихся результатом применения биотехнологии в естественную среду и минимизации рисков для существования биоразнообразия, а также сохранению экосистемы. Вред же продуктов ГМО здоровью человека также до сих пор не исключен.

В АС эти критерии являются ключевыми при определении пределов использования биотехнологий государствами-членами АС. Так, доступ к ГР или их производным может быть ограничен или запрещен полностью на законодательном уровне, если существует угроза исчезновения видов (подвидов), условия уязвимости структуры или функций экосистемы, неблагоприятное воздействие деятельности по использованию ГР на здоровье человека, неконтролируемое или неблагоприятное ее воздействие на окружающую среду, а также в случае, если осуществление доступа может повлиять на коренные народы путем его воздействия на культурную самобытность [20]. Другим важным аспектом в пределах рассматриваемой особенности является создание единой системы здравоохранения и сельского хозяйства в АС. Она призвана обеспечить сохранение биологического разнообразия путем избежания неконтролируемого распространения искусственно выведенных культур растений и животных, а также направлена на минимизацию негативного воздействия живых организмов, обитающих в естественной среде, на искусственно выведенные сорта растений и породы животных. Все это в совокупности позволяет обеспечить достаточно эффективные меры охраны здоровья человека через осуществление контроля за качеством сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, сохранение биоразнообразия, окружающей среды и охрана здоровья человека являются наиболее значимыми направлениями деятельности АС в области биотехнологий, а в ЕС особый упор сделан на контроль за использованием ГМО, что объясняется более высоким уровнем развития технологий в ЕС.

В-четвертых, биотехнологии являются объектом интеллектуальной собственности, что влечет их регистрацию в таком качестве. Европейский патент, выданный Европейским патентным ведомством, предоставляет охрану изобретению одновременно в нескольких государствах-членах ЕС, в то время как предоставление патентной охраны в одном из государств-участников АС предоставляет

только право приоритета патентной заявки в других государствах-участниках АС. Согласно Европейской патентной конвенции 1973 г. не являются патентоспособными объекты, не обладающие новизной, изобретательским уровнем и промышленной применимостью, а также объекты, представляющие собой простое предоставление информации и научные теории; не могут быть признаны в качестве объекта охраны следующие: изобретения, коммерческое использование которых противоречило бы общественному порядку или морали (при этом такое ограничение не может быть сделано только исходя из норм существующего законодательства всех или нескольких государств-членов ЕС); сорта растений или породы животных, а также преимущественно биологические способы их выведения, за исключением микробиологических способов, регулируемых Будапештским договором от 1977 г.

В АС в отношении биотехнологических изобретений помимо общепринятых требований к новизне, изобретательскому уровню и промышленной применимости, существует перечень дополнительных требований к их патентоспособности: необходимость депонирования живых организмов в случае, если отсутствует техническая возможность приложить к патентной заявке описание биотехнологического изобретения (депонирование может быть осуществлено в международном учреждении, находящемся на территории государства-участника АС, в патентное ведомство которого была подана заявка); необходимо согласие общины коренного народа на патентование биотехнологии, если она была разработана на основе ГР, связанных с традиционными знаниями; в отдельных случаях могут потребоваться экспертизы на наличия или отсутствие потенциального ущерба биологическому разнообразию, окружающей среде или человеку от патентуемой биотехнологии [21]. Документом АС также предусмотрен перечень непатентоспособных объектов (живые существа, естественные биологические процессы и естественный биологический материал, встречающиеся в природе; биологический материал, который может быть выделен, включая геном или зародышевую плазму любого существа) [22] и неохраноспособных объектов (изобретения, коммерческое использование которого признано противоречащим общественному порядку или морали, а также может повлечь вред жизни или здоровью человека, животных, растений или наносит ущерб окружающей среде, терапевтические, хирургические методы лечения людей или животных, методы диагностики, применяемые к людям или животным) [23].

Итак, патентные системы рассматриваемых объединений по способу организации различны, однако совпадают общие требования к патентоспособности изобретений, а также перечень не патентоспособных и не подлежащих охране объектов. Однако перечень неохраноспособных объектов в АС является более широким и конкретным, что положительно сказывается на правоприменении. Это отражается в судебной практике как Суда ЕС, так и Суда правосудия АС. Так, если в первом объединении наиболее частыми являются споры об охраноспособности биотехнологии вообще, то в АС наиболее часто предметом спора является соответствие объекта, для которого испрашивается охрана, критериям патентоспособности: новизне, изобретательскому уровню, промышленной применимости. Актуальным для Суда правосудия АС является ситуация, когда национальные суды государств-участников обращаются с запросами о даче толкования той или иной нормы, содержащейся в нормативно-правовых актах АС. Еще одной группой споров, связанных с предоставлением охраны биотехнологиям, является регистрация растений в качестве селекционных достижений в АС. Речь также идет о соответствии критериям, необходимым для признания сорта растения объектом охраны, подтверждаемой сертификатом.

Рассмотрим указанные категории судебных споров на конкретных примерах. Достаточно распространенным в ЕС является иск в суд ЕС об оспаривании патента на биотехнологическое изобретение в связи с противоречием его коммерческого использования нормам морали и принципам биоэтики. Так, в 2014 г. был открыт способ борьбы с некоторыми неврологическими заболеваниями, в том числе и с болезнью Паркинсона. Для этого используются стволовые клетки, получаемые из неоплодотворенных человеческих яйцеклеток, ядро которых было заменено на ядро соматической клетки взрослого человеческого организма. При этом происходило непродолжительное развитие (в течение 5 дней) данной клетки в группу клеток, которые при обычном эмбриональном развитии называются стадией бластоцисты, то есть моментом, когда при обычном оплодотворении эмбрион прикрепляется к матке материнского организма. В патентовании данной технологии было отказано сначала судом ФРГ, а затем и Судом ЕС, так как он был признан не соответствующим биоэтическому запрету редактирования эмбриона человека в коммерческих и промышленных целях, действующий на территории Европейского Союза и закрепленный ст. 6.2 С и ст. 10 Директивы ЕС

№ 9844 «О правовой защите биотехнологических изобретений». Возник вопрос, с какого момента клетки необходимо признавать эмбрионом. К определению момента, когда клетка начинает считаться эмбрионом применимо два подхода. С одной стороны, половая клетка может считаться эмбрионом только в том случае, если она способна к развитию в полноценный организм. В данном же случае яйцеклетка, лишенная ядра, не может быть признана эмбрионом. Во-вторых, эмбрионом может быть признана любая половая клетка, в том числе и неоплодотворенная, в том числе и ядро которой перенесено в ядро взрослой соматической клетки человека. Тогда в нашем случае предоставление патента на рассматриваемую биотехнологию будет нарушать биоэтический принцип.

В АС в 1990-2000-е гг. частыми были споры по поводу соблюдения патентного законодательства объединения, в частности, учет всех критериев и ограничений патентоспособности объекта. К примеру, в 2000 г. Генеральный Секретариат АС подал иск против Республики Перу в связи с несоблюдением ею ст. 16 решения Комиссии № 344 и резолюции № 406. Спор возник потому, что патентное ведомство Перу выдало так называемый вторичный патент на продукт второго использования “ПИРАЗАЛоПИРИМИДИНОНИ”, то есть произошла выдача патента на то же самое изобретение, но использование иным, не известным и, следовательно, не указанном в первой заявке способом. В данном случае вещество использовалось для лечения одного заболевания, а затем был открыт метод лечения другой болезни, но лекарственное средство также создавалось на основе указанного вещества. Суд правосудия АС счел такую регистрацию вторичной, а решение о выдаче патента неправомерным, так как выдача вторичного патента запрещена резолюцией № 486. Однако в последние десятилетия подобные споры судом АС практически не рассматриваются. Основу его деятельности в отношении биотехнологий составляет деятельность по толкованию норм интеллектуальной собственности в отношении 2 категорий объектов: биотехнологических изобретений и селекционных достижений. В 2016 г. Окружной суд Республики Эквадор обратился к суду АС для получения толкования некоторых положений решения № 486 Комиссии АС в целях урегулирования внутреннего спора, возникшего по поводу оспаривания решения патентного ведомства Республики об отказе в регистрации конкретного кислотного полимера. В регистрации было отказано на основании того, что регистрируемое вещество является полиморфом. Суд АС для дачи ответа на поставленный вопрос, соответствует ли полиморф критериям патентоспособности, установил следующее: патентоспособность каждого конкретного полиморфа определяется индивидуально, поэтому задача по принятию решения о патентоспособности данного полиморфа лежит на национальном суде, однако суд АС выработал общий подход к пониманию того, как определять соответствие вещества критериям патентоспособности изобретения [24]. С аналогичным запросом суд Республики Перу обратился в суд АС за толкованием норм ст. 8 решения 345 Комиссии АС, только по поводу селекционного достижения. Также необходимо было разрешить вопрос о возможности предоставления охраны сорту растений в соответствии с определенными в решении критериями. Суд АС также не разрешил дело по существу, однако определил общий подход к решению возникшей проблемы [25].

Таким образом, судебная практика обоих объединений является достаточно обширной, однако характер обращений и круг спорных вопросов различны.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что и в ЕС, и в АС разработана система норм, регулирующие правоотношения в области биотехнологий. Однако системы двух объединений имеют множество особенностей, делающих их уникальными. По-разному формируется и практика интеграционных судов.

Список литературы

[1] Mariani M. The Intersection of International Law, Agricultural Biotechnology, and Infectious Disease. Leiden: Brill, 2007. 245 p.

[2] Singh K.K. Biotechnology and Intellectual Property Rights: Legal and Social Implications. London: Springer, 2015. 270 p.

[3] Томашевская Е. А. Анализ определений «традиционные знания» в дискурсе работы Межправительственного комитета по интеллектуальной собственности, генетическим ресурсам, традиционным знаниям и фольклору // Культура: теория и практика. 2022. № 5 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-opredeleniy-traditsionnye-znaniya-v-diskurse-raboty-mezhpravitelstvennogo-komiteta-po-intellektualnoy-sobstvennosti (дата обращения: 29.04.2026).

[4] Francioni F., Scovazzi T. (eds.). Biotechnology and International Law. Oxford: Hart Publishing, 2006. 470 p.

[5] Stasi A. Biotechnology Law and Policy: Emerging Legal Issues, Cases and Materials. London, Springer, 2023. 159 p.

[6] Алешкова И. А. Принципы биобезопасности и права человека: современные направления научных исследований // Социальные

и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право. 2024. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-biobezopasnosti-i-prava-cheloveka-sovremennye-napravleniya-nauchnyh-issledovaniy (дата обращения: 26.04.2026).

[7] Арутюнян Д. Г. Международно-правовой опыт по созданию комитетов по биоэтике: их роль и значение // Сборник тринадцатой годичной научной конференции. 2019. С. 17-22. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49867962 . (Дата обращения: 29.04.2026).

[8] Гетьман А. П., Лозо В. И. Правовое регулирование развития биотехнологии и использования генетически модифицированных организмов (ГМО) в Европейском Союзе // Проблемы законности. 2011. № 117. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-razvitiya-biotehnologii-i-ispolzovaniya-geneticheski-modifitsirovannyh-organizmov-gmo-v-evropeyskom-soyuze (дата обращения: 29.04.2026).

[9] Щербакова А. И. Правовое обеспечение разработки и внедрения биотехнологий в Европейском Союзе и России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М.: МГИМО. 2023. URL: https://mgimo.ru/science/diss/shherbakova-a-i.php?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (Дата обращения: 28.04.2026).

[10] Алексеев Г.В., Гапеев А.А. Интеграционное правосудие: опыт Южной Америки // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. №2 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/integratsionnoe-pravosudie-opyt-yuzhnoy-ameriki (дата обращения: 26.04.2026).

[11] Атрашевская А.М. Международно-правовые механизмы обеспечения доступа к генетическим ресурсам и совместного использования выгод от их применения на примере государств Латинской Америки. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2024. URL: https://www.rudn.ru/storage/media/science_dissertation/299c729e-faa4-4e36-b59c-0e3ac7cd969f/9QCiAj2KdLlZHR8CLGDeRJhSQkSKXiRJ7DwZKwMa.pdf. (Дата обращения: 20.04.2026).

[12] Яковлев П.П. Интеграция в Латинской Америке: центростремительные и центробежные тренды // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-v-latinskoy-amerike-tsentrostremitelnye-i-tsentrobezhnye-trendy (дата обращения: 28.04.2026).

[13] Размер и доля рынка биоконвергенции, тенденции роста до 2035 года // https://www.researchnester.com/ru/reports/bioconvergence-market/7616 (Дата обращения: 20.04.2026).

[14] Договор о Европейском Союзе от 7 февраля 1992 года // https://docs.cntd.ru/document/901771690 (Дата обращения: 18.04.2026).

[15] Соглашение об Андской субрегиональной интеграции от 26 мая 1969 года // https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/393 (Дата обращения: 15.04.2026).

[16] Соглашение об Андской субрегиональной интеграции от 26 мая 1969 года // https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/393 (Дата обращения: 15.04.2026).

[17] Соглашение об Андской субрегиональной интеграции от 26 мая 1969 года // https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/393 (Дата обращения: 15.04.2026).

[18] Решении Комиссии АС от 2 июля 1992 года № 391 «Общая система доступа к генетическим ресурсам» // https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/501 (Дата обращения: 20.04.2026).

[19] Регламент Европейского Союза от 22 сентября 2003 года № 1829 относительно отслеживаемости и маркировки генетически модифицированных организмов и отслеживаемости пищевых продуктов и кормов, произведенных из генетически модифицированных организмов // https://docs.cntd.ru/document/420321614 (Дата обращения: 21.04.2026).

[20] Решение Комиссии АС от 14 сентября 2000 г. № 486 «Об установлении общего режима в отношении промышленной собственности» // https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9451 (Дата обращения: 22.04.2026).

[21] Решение Комиссии АС от 14 сентября 2000 г. № 486 «Об установлении общего режима в отношении промышленной собственности» // https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9451 (Дата обращения: 22.04.2026).

[22] Решение Комиссии АС от 14 сентября 2000 г. № 486 «Об установлении общего режима в отношении промышленной собственности» // https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9451 (Дата обращения: 22.04.2026).

[23] Решение Комиссии АС от 14 сентября 2000 г. № 486 «Об установлении общего режима в отношении промышленной собственности» // https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9451 (Дата обращения: 22.04.2026).

[24] Решение суда Правосудия Андского Сообщества от 16 июля 2018 № 604-IP-2016 // https://www.wipo.int/wipolex/ru/members/profile/CAN?activeCollection=laws&collection=laws&collection=treaties&collection=judgments (Дата обращения: 21.04.2026).

[25] Решение суда Правосудия Андского Сообщества от 3 декабря 2018 № 314-IP-20187 // https://www.wipo.int/wipolex/ru/members/profile/CAN?activeCollection=laws&collection=laws&collection=treaties&collection=judgments (Дата обращения: 21.04.2026).

References

[1] Mariani M. The Intersection of International Law, Agricultural Biotechnology, and Infectious Disease. Leiden: Brill, 2007. 245 p.

[2] Singh K.K. Biotechnology and Intellectual Property Rights: Legal and Social Implications. London: Springer, 2015. 270 p.

[3] Tomashevskaya E. A. Analysis of the definitions of "traditional knowledge" in the discourse of the Intergovernmental Committee on Intellectual Property, Genetic Resources, Traditional Knowledge and Folklore//Culture: Theory and Practice. 2022. № 5 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-opredeleniy-traditsionnye-znaniya-v-diskurse-raboty-mezhpravitelstvennogo-komiteta-po-intellektualnoy-sobstvennosti (дата обращения: 29.04.2026).

[4] Francioni F., Scovazzi T. (eds.). Biotechnology and International Law. Oxford: Hart Publishing, 2006. 470 p.

[5] Stasi A. Biotechnology Law and Policy: Emerging Legal Issues, Cases and Materials. London, Springer, 2023. 159 p.

[6] Aleshkova I. A. Principles of biosafety and human rights: modern areas of scientific research//Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Series 4. State and law. 2024. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-biobezopasnosti-i-prava-cheloveka-sovremennye-napravleniya-nauchnyh-issledovaniy (дата обращения: 26.04.2026).

[7] D. Harutyunyan. International legal experience in creating bioethics committees: their role and significance//Collection of the thirteenth annual scientific conference. 2019. S. 17-22. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49867962. (Accessed: 29.04.2026).

[8] Getman A.P., Lozo V.I. Legal regulation of the development of biotechnology and the use of genetically modified organisms (GMOs) in the European Union//Problems of legality. 2011. № 117. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-razvitiya-biotehnologii-i-ispolzovaniya-geneticheski-modifitsirovannyh-organizmov-gmo-v-evropeyskom-soyuze (дата обращения: 29.04.2026).

[9] Shcherbakova A. I. Legal support for the development and implementation of biotechnology in the European Union and Russia. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. M.: MGIMO. 2023. URL: https://mgimo.ru/science/diss/shherbakova-a-i.php?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (Дата обращения: 28.04.2026).

[10] Alekseev G.V., Gapeev A.A. Integration justice: the experience of South America//Eurasian integration: economics, law, politics. 2019. №2 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/integratsionnoe-pravosudie-opyt-yuzhnoy-ameriki (дата обращения: 26.04.2026).

[11] A.M. Atrashevskaya. International legal mechanisms for ensuring access to genetic resources and sharing the benefits of their use on the example of Latin American states. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. M., 2024. URL: https://www.rudn.ru/storage/media/science_dissertation/299c729e-faa4-4e36-b59c-0e3ac7cd969f/9QCiAj2KdLlZHR8CLGDeRJhSQkSKXiRJ7DwZKwMa.pdf. (Accessed: 20.04.2026).

[12] Yakovlev P.P. Integration in Latin America: centripetal and centrifugal trends//Contours of global transformations: politics, economics, law. 2017. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-v-latinskoy-amerike-tsentrostremitelnye-i-tsentrobezhnye-trendy (дата обращения: 28.04.2026).

[13] Bioconvergence Market Size and Share, Growth Trends to 2035// https://www.researchnester.com/ru/reports/bioconvergence-market/7616 (Accessed: 20.04.2026).

[14] Treaty on European Union of 7 February 1992// https://docs.cntd.ru/document/901771690 (Accessed: 18.04.2026).

[15] Andean Subregional Integration Agreement of 26 May 1969// https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/393 (Accessed 15.04.2026).

[16] Andean Subregional Integration Agreement of 26 May 1969// https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/393 (Accessed 15.04.2026).

[17] Andean Subregional Integration Agreement of 26 May 1969// https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/393 (Accessed 15.04.2026).

[18] Decision of the AU Commission of July 2, 1992 No. 391 "General system of access to genetic resources "// https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/501 (Date of reference: 20.04.2026).

[19] European Union Regulation No. 1829 of 22 September 2003 concerning the traceability and labelling of genetically modified organisms and the traceability of food and feed produced from genetically modified organisms// https://docs.cntd.ru/document/420321614 (Accessed on: 21.04.2026).

[20] Decision of the AU Commission of September 14, 2000 No. 486 "On the establishment

of a general regime in relation to industrial property "// https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9451 (Date of appeal: 22.04.2026).

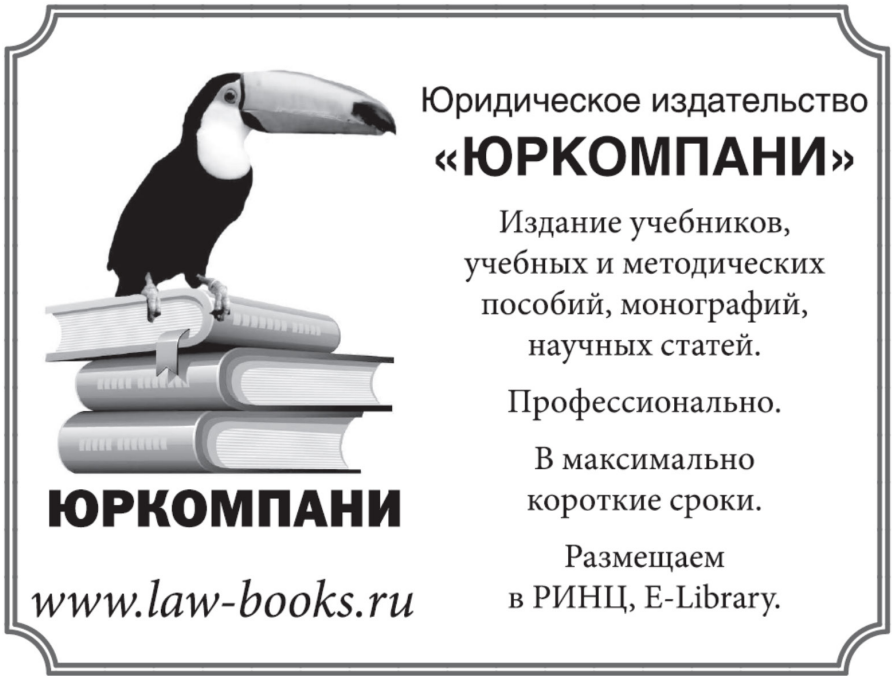
[21] Decision of the AU Commission of September 14, 2000 No. 486 "On the establishment of a general regime in relation to industrial property "// https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9451 (Date of appeal: 22.04.2026).

[22] Decision of the AU Commission of September 14, 2000 No. 486 "On the establishment of a general regime in relation to industrial property "// https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9451 (Date of appeal: 22.04.2026).

[23] Decision of the AU Commission of September 14, 2000 No. 486 "On the establishment of a general regime in relation to industrial property "// https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9451 (Date of appeal: 22.04.2026).

[24] Decision of the Court of Justice of the Andean Community of July 16, 2018 No. 604-IP-2016// https://www.wipo.int/wipolex/ru/members/profile/CAN (Date of appeal: 21.04.2026).

[25] Decision of the Court of Justice of the Andean Community of December 3, 2018 No. 314-IP-20187// https://www.wipo.int/wipolex/ru/members/profile/CAN (Date of appeal: 21.04.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 17.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-464-471

ДОРСКАЯ Александра Андреевна,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», профессор кафедры международного права ФГБОУВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», SPIN-код: 9965-3211, AuthorID: 314268,

e-mail: adorskaya@yandex.ru

ЛАРИОНОВ Александр Сергеевич,

студент 1 курса магистратуры юридического факультета ФГБОУВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», SPIN-код: 5678-2397, AuthorID: 1326809,

e-mail: sanya.larionov.03@inbox.ru

РОЛЬ КОНВЕНЦИЙ МОТ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье исследуется непосредственное влияние рекомендаций Международной организации труда на формирование и развитие российского трудового законодательства, подчеркивается неоспоримая роль данной организации в совершенствовании отечественного трудового права. Проанализированные дополнительно доктринальные позиции подтверждают факт перманентной интеграции конвенций МОТ в правовую систему Российской Федерации, вследствие чего усиливаются социальные, культурные, экономические связи России с мировым сообществом.*

Ключевые слова: *законодательство о труде, Международная организация труда, трудовое право, право на труд, принцип равенства и дифференциации, трудовые отношения.*

DORSKAYA Aleksandra Andreevna,

Doctor in Law, Professor, Head of the Department of Theoretical Legal Disciplines of North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Professor at the Department of International Law of Herzen University

LARIONOV Alexander Sergeevich,

1st-year master's student of the Faculty of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia"

THE ROLE OF THE ILO CONVENTIONS IN THE FORMATION OF NATIONAL LABOR LEGISLATION: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article examines the direct influence of the International Labour Organization's recommendations on the formation and development of Russian labour legislation, empha sizing the undeniable role of this organization in improving domestic labour law. The additional doctrinal positions analyzed confirm the fact of the permanent integration of ILO conventions into the legal system of the Russian Federation, which strengthens Russia's social, cultural, and economic ties with the global community.*

Key words: *labor legislation, International Labour Organization, labor law, right to work, principle of equality and differentiation, labor relations.*

Трудовое законодательство является одной из немногочисленных отраслей, которая оказывает существенное влияние на людей, в том числе и посредством защиты их прав, интересов. В определенной степени законодательство РФ о труде формирует и закладывает основы отношений к базовым трудовым категориям, в числе которых рабочее время и время отдыха,

запрет дискриминации и рабского труда, право на труд, заключение и расторжение трудовых отношений, но не только для целей защиты прав работников, но и для целей защиты экономических интересов работодателя. И.А. Кузнецова вполне обоснованно подчеркивает, что «труд позволяет человеку обогащаться, следовательно, развитие любого общества напрямую зависит от вложенных сил его участников, от их работы и стремлений» [3, с. 6]. Без сомнений, значимость человеческого труда неоспорима.

Закрепление и признание прав трудящихся в России получило закрепление только в 1918 г., когда в Конституции РСФСР впервые появился раздел «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» [6]. Редакция 1925 г. признавала труд обязанностью советских граждан, и только в конце 1936 г. на государственном уровне было провозглашено право на труд, которое подкреплялось гарантиями оплаты труда согласно качеству выполненных трудовых задач и количеству отработанного времени (ст. 118 Конституции СССР 1937 г.) [7].

По справедливому утверждению А.В. Потапова, столь последовательному закреплению права на труд предшествовали революционные перевороты, сопровождавшиеся кровопролитными столкновениями, человеческими жертвами [4, с. 28]. Аналогичным образом приходилось бороться людям за свое право на труд и в других странах мира, что не могло не привлечь внимание мировой общественности.

Следует сказать, что Международной организации труда (далее – МОТ) пришлось достаточно непросто: решение многих проблем в трудовой сфере всегда требовало взвешенного подхода. Другими словами, любые международные рекомендации, исходящих от МОТ, должны были быть одновременно мягкими, гибкими и универсальными. В противном случае, организация рисковала столкнуться с масштабным отрицанием существующих противоречий и проблем.

В настоящем исследовании не удастся в полной мере осветить и оценить в достаточной степени роль МОТ в формировании российского трудового законодательства. В этой связи сосредоточимся на нескольких, наиболее актуальных аспектах трудовой сферы, которые, как представляется, преисполнены проблемами и в настоящее время.

Осуществление трудовой деятельности всегда базируется на таких основополагающих категориях, как рабочее время и время отдыха. Российское законодательство в данном контексте полностью ориентировано на международно-правовые стандарты, сформулированные во Всеобщей Декларации прав человека (ст. 24 о праве на отдых) [8] и в конвенциях МОТ .(Конвенция МОТ № 29 о принудительном или обязательном труде от 28 июня 1930 года [9], Конвенция МОТ о ежегодных оплачиваемых отпусках 1936 года [10]).

Международно-правовые нормы о рабочем времени и времени отдыха имплементированы в российское законодательство путем закрепления как в основном законе страны гарантий по реализации права на труд, так и конкретизации их непосредственно в трудовом законодательстве.

Так, в Конституции Российской Федерации [11] гарантии реализации права на труд содержатся в ст. ст. 7, 27, 30, 35, 37, 46, 72, особое место среди которых занимает ст. 37, посвященная праву на отдых.

В Трудовом кодексе Российской Федерации [12] (далее – ТК РФ) общие положения о рабочем времени представлены в Разделе IV. При чем, вопросы регулирования рабочего времени в отношении особых категорий работников размещены в специальных правовых актах. В соответствии со ст. 91 ТК РФ «…рабочим временем является время, в течение которого работник обязан исполнять свои трудовые обязанности, а также иные периоды времени, которые отнесены к рабочему времени».

Понятие рабочего времени имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение. С точки зрения Т.Л. Адриановской, «…определение границ рабочего времени и времени отдыха позволяет эффективно использовать трудовые ресурсы без причинения вреда отдельным гражданам, а также защищать работников от негативных последствий длительной трудовой деятельности» [1, с. 26].

Не менее значимым является эффективное регулирование и времени отдыха (ст. 106 ТК РФ), поскольку только оптимальное соотношение рабочего времени и времени отдыха может гарантировать полноценное исполнение работником своих профессиональных обязанностей, без ущемления его трудоспособности и здоровью.

В Рекомендации МОТ № 116 «О сокращении продолжительности рабочего времени» (1962) [13] время отдыха рассматривается двояко. Во-первых, оно представляет собой календарное время, физиологически необходимое для восстановления работником своей трудоспособности после длительного и систематического труда. Несоблюдение нормативов времени отдыха или его полное отсутствие может привести к весьма серьезным последствиям, в частности, ухудшению качества

выполняемых работником обязанностей в результате снижения работоспособности и ухудшения состояния здоровья.

Во-вторых, время отдыха необходимо рассматривать и как социальную категорию, влияющую на статус работника как обычного человека. Время отдыха может использоваться для урегулирования каких либо проблем, решение которых требуется для исполнения социальных обязательств в сфере семейных, бытовых, общественных или иных отношений.

Роль МОТ в развитии российского законодательства о труде не ограничивается исключительно вопросами организации рабочего времени и времени отдыха. Значимую роль упомянутая организация сыграла и продолжает играть в вопросах равенства, равной оплаты труда. Так, в российском трудовом праве к числу приоритетных принципов, сдерживающим проявления гендерной дискриминации, является принцип равенства, который структурно представлен рядом элементов – реальным равенством возможностей, формальным равенством и равенством обращения.

Суть равенства обращения в законодательстве не упоминается, однако, данный принцип имеет важное практическое значение, когда речь идет о повышении квалификации работников, о выборе той или иной кандидатуры для продвижения по службе, о предложении вакансии для определенного работника.

ТК РФ содержит несколько положений, закрепляющих принцип равенства: в отношении равного вознаграждения за труд равной ценности (ст. 22 ТК РФ), право работника на получение заработной платы, размер которой в полной мере должен соответствовать качеству и количеству выполненной работы, сложности труда и непосредственно квалификации работника (ст. 21 ТК РФ).

Здесь следует напомнить, что первое упоминание о равенстве трудовых возможностей прозвучало еще в 1919 г. – в Уставе МОТ [14]. К настоящему времени МОТ не разработала самостоятельную конвенцию или свод рекомендаций, которые бы касались проблемы гендерного равенства, однако, в 2019 г. был опубликован доклад, в котором были затронуты фундаментальные вопросы занятости женщин. В определенной степени положения доклада пересекаются с Конвенцией МОТ № 168 «О содействии занятости и защите от безработицы» [15].

Вернемся к упомянутым нормам ст. ст. 21-22 ТК РФ, которые, как видится, в достаточной степени соответствуют базовым положениям ст. 2 ТК РФ, относящим равенство прав и возможностей работника к числу фундаментальных принципов российского трудового права. Кроме того, согласно ст. 2 ТК РФ, трудовые отношения должны исключать любые проявления дискриминации по отношению к работнику.

Трудовые отношения, согласно российскому трудовому законодательству (ст. 2 ТК РФ), осуществляются с учетом принципа равноправия всех участников – работников и работодателей, что было подтверждено в Обзоре судебной практики Президиума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2020 г. [16].

Международно-правовые стандарты запрета дискриминации, в том числе по признаку пола, а также положения ст. 19 Конституции РФ о запрете любых форм ограничения прав граждан, в том числе и по половому признаку, нашли свое отражение в виде императивного запрета в ст. 3 ТК РФ с указанием на существующие способы защиты нарушенных прав и интересов работников, которые пострадали от дискриминационных действий со стороны работодателя. Также в данной статье Основного закона РФ говорится о безоговорочном равенстве прав мужчин и женщин.

В качестве специальной нормы о запрете дискриминации в трудовых отношениях можно рассматривать ч. 3 ст. 37 Конституции РФ, в которой провозглашается запрет дискриминации в трудовых отношениях. Иными словами, все работники вправе на законных основаниях получать вознаграждение за свой труд. Какие-либо половые, возрастные, социальные характеристики не должны препятствовать реализации данного права [1, с. 28].

Следует помнить и о том, что в трудовых отношениях обе участвующие стороны наделены одинаковыми правами в части недискриминации, и работодатели также имеют права, которые не должны нарушаться. Закрепленные в ч. 3 ст. 11 и ст. 20 ТК РФ вышеуказанные положения также подтверждаются правовым позициям Верховного Суда РФ, нашедшими свое отражение в соответствующем Обзоре № 1 от 10 июня 2020 г. [17] - все работники и все работодатели без каких-либо исключений обязаны соблюдать нормы законодательства о труде, а также положения всех других правовых актов, которые имеют непосредственное отношение к регламентации трудовых отношений.

Е.Л. Фарафонтова вполне обоснованно поясняет, что «…государство, гарантируя гражданам трудовые права и свободы, особым образом акцентирует внимание на достижение согласия между участниками трудовых отношений, в которых немаловажную роль играет именно работодатель» [5, с. 144].

Залогом стабильного развития трудовых отношений в обществе выступает возможность поддержания строго баланса интересов работодателей и работников, создание правовых гарантий для взаимной выгоды всех сторон трудовых отношений. В некоторых случаях в целях поддержания и развития экономического уровня для защиты своих интересов работодатель вправе сокращать численность или штат работников. Несомненно, при этом не ставиться под сомнение принцип недискриминации в сфере труда. Также работодатель может исходить при приеме на работу из соображений целесообразности выбора наиболее высококвалифицированных специалистов, обладающих соответствующим уровнем образования, умения, практического опыта кандидатов.

Также следует подчеркнуть, что в разделе XII ТК РФ законодатель закрепил особенности регулирования труда отдельных категорий работников, в числе которых отдельный интерес представляет труд женщин. Начиная с 1 января 2021 г., благодаря Приказу Минтруда России, был сокращен перечень «неженских» профессий (ранее перечень насчитывал более 450 позиций, после изменений последних лет он сократился на 100 пунктов). Согласно нововведениям, женщины уже с начала 2021 г. могут работать на тракторах, садиться за руль самосвалов. При желании женщина может работать на судне, например, матросом, шкипером или боцманом. Также женщины могут теперь трудиться на производствах тяжелой промышленности; их допустимо по закону привлекать к сложному производству [18].

Учитывая обозначенные аспекты, нельзя отрицать тот факт, что параллельно с принципом равенства в российском трудовом законодательстве действует и принцип дифференциации. В широком смысле дифференциация – это разделение процессов, явлений на отдельные части. Применительно к трудовому праву, дифференциация может иметь весьма разнообразные проявления. Например, в течение последних лет достаточно активно обсуждается проблема дифференциации доходов, существование которой подтверждают явные различия в уровне доходов мужчин и женщин, их неоднородность.

Следует отметить, что в России у женщин более низкие зарплаты по сравнению с мужчинами. Данная тенденция наблюдается практически на всех должностях и во всех видах деятельности. В среднем женщина зарабатывает 72% от заработной платы мужчины, в наибольшей степени это проявляется на руководящих должностях (67%). Среди отраслей экономики можно выделить добычу полезных ископаемых (68%), которую сложно представить без тяжелого физического труда. Больше мужчин женщины зарабатывают только как квалифицированные специалисты сельского и лесного хозяйства [4, с. 55]. Отметим, что в соответствии со ст. 3 ТК РФ, дискриминация в трудовой сфере находится под запретом. При этом ч. 1 ст. 3 ТК РФ указывает, что каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав. Соответственно, в трудовых правах и свободах никто не может быть ограничен без каких-либо веских оснований, либо получать преимущества по половому признаку, национальности, цвету кожи, социальному и должностному положению, возрастным характеристикам, религиозным и политическим убеждениям.

В частности, согласно нормам ч. 2 ст. 3 ТК РФ и ч. 2 ст. 64 ТК РФ, недопустимо дискриминировать работников по обстоятельствам, которые не связаны с его деловыми качествами. Кроме того, ч. 3 ст. 64 ТК РФ устанавливает, что недопустимо отказывать в заключении трудового договорам женщинам, находящимся в положении, либо уже имеющим детей.

В широком смысле дискриминация в трудовой сфере – это ограничение трудовых прав, либо их несоблюдение, нарушение по признакам и обстоятельствам, которые не касаются профессиональных качеств и навыков работника. В данном контексте необходимо отметить, что проблема дискриминации в современном мире не нова. В то же время нельзя не отметить, что любые дискриминационные проявления можно ограничить, либо минимизировать при условии соблюдения принципов равенства, единства и дифференциации в трудовом праве.

Явление равенства, единства и дифференциации свойственно всем отраслям отечественного права, ведь фактически без них не будет полноценно функционировать ни одна система. Единство представляет собой совокупность черт, которые присущи нескольким объектам. Именно единые черты позволяют выделять из общей массы объектов группы сходных между собой. Единство как самостоятельную категорию можно применять не только к сфере права, но и для характеристики мировых связей. Внутри государства именно единство позволяет одновременно и целенаправленно функционировать различным органам государственной власти, имеющим различные полномочия.

О единстве и дифференциации можно говорить и при исследовании принципа разделения властей на три ветви. То есть, несмотря на то, что каждая ветвь власти функционирует в четко определенном направлении, все они

одновременно находятся в единстве между собой. Дополнительно для урегулирования различных отношений устанавливаются определенные правила, которые заключены в многочисленных нормах права.

О проблеме единства и дифференциации можно говорить и тогда, когда следует определиться с верховенством существующих правовых норм. Можно утверждать, что единство и дифференциация не существуют порознь друг от друга, они всегда пребывают в тесной взаимосвязи, поскольку призваны обеспечивать некий баланс.

В трудовом праве воплощение принципа равенства мужчин и женщин сложно обеспечить без соблюдения единства и дифференциации, применение которых обуславливается некоторыми проблемами. Прежде всего, трудовое право – достаточно сложная, многоаспектная отрасль. В ст. 37 Конституции РФ закреплено положение о свободе труда, в частности, право на труд без дискриминационных проявлений провозглашено ч. 3 ст. 37 Основного Закона России.

Право на труд считается ненарушенным в том случае, если соблюдены все необходимые условия – требования гигиены и безопасности, присутствует достаточное вознаграждение, работник не подвергается дискриминации. Соответственно, право на труд можно отнести к одним из наиболее важных и значимых прав человека, что обязывает государство соблюдать, охранять и поддерживать данное право.

Для полноценного регулирования права на труд существует целая совокупность различных норм, которые регулируют при равных условиях трудовые отношения мужчин и женщин. Такие нормы могут иметь различную принадлежность – одни из них находятся в Конституции РФ, другие нашли отражение в ТК РФ, третьи могут возникнуть на локальном уровне. Тем не менее, количество правовых норм огромно, и все они должны быть приведены в соответствие с общими принципами правовой системы России и отраслевыми положениями законодательства о труде.

Собственно, основная сложность и заключается в поиске баланса такого соответствия. В законодательстве Российской Федерации о труде достаточно много положений, отражающих принцип единства правового регулирования.

Например, в ст. 1 ТК РФ значится, что защита прав и интересов работников и работодателей – это главная цель трудового законодательства. То есть защита прав, свобод и интересов работников обеспечивается обязанностью работодателя соблюдать законодательство о труде. Как видим, трудовая дисциплина предполагает взаимное соблюдение прав и интересов работодателя и работника. Права и интересы трудовых сторон регламентируются нормами ст. ст. 21 и 22 ТК РФ. Данные нормы содержат общие положения, при этом, законодательно не запрещено в дозволенных рамках вносить определенные коррективы в права и обязанностей сторон, отражая их в трудовом договоре.

На рубеже поиска соответствия всех норм общим принципам и сохранения их самостоятельности в отношении регулирования определенных отношений находится не только категория единства, но и дифференциации, понимание которой особенно важно в разрезе гендера. По мнению Ю.В. Кима, дифференциация в трудовом праве представляет собой устойчивый признак отрасли, который сформировался буквально сразу с возникновением первых отраслевых норм. Пределы дифференциации ограничены функциями трудового права и принципом запрета дискриминации [2, с. 31]. То есть, принцип дифференциации в трудовом праве предполагает определенные разграничения, отличия и неравенство.

С одной стороны, дифференциация – это целостная система разнообразных связей, а, с другой стороны, в этой системе находится огромное количество объектов, которые отличаются друг от друга. Отчасти, в качестве отличий выступают различные основания, которые характеризуют и метод единства – некоторые признаки различают нормы, а некоторые их объединяют. Безусловно, в государстве и в правовой системе, в частности, дифференциация сопровождается определенными проблемами. Все связи внутри государства люди вынуждены регулировать самостоятельно, в то время как в природе связи дифференциации налажены естественным путем.

В трудовом праве дифференциация производится, как правило, по объективным и субъективным факторам. Объективными факторами, например, являются характер и особенности производства, месторасположение организации. К числу субъективных факторов относятся физиологические особенности работника, его половозрастные признаки и квалификационные особенности. Например, положения ст. 253 и 265 ТК РФ, запрещающие применение труда женщин и несовершеннолетних на отдельных работах, обусловлены особой заботой государства об данных категориях ра¬ботников и потому не будут дискриминацией.

Таким образом, к настоящему времени с уверенностью можно утверждать, что МОТ как играла, так и продолжает играть важную роль в становлении, развитии российского

законодательства о труде. Нормотворческая деятельность данной международной организации дает четкие ориентиры для национальных законодательств и определяет вектор развития регулирования в сфере труда как отсутствие дискриминации, равные права и возможности, нормативный баланс интересов и прав участников трудовых отношений.

Анализ отдельных рекомендаций МОТ свидетельствует о том, что лишь свободное общество способно обеспечить реализацию права каждого трудоспособного гражданина на участие в конкурентной борьбе. Достаток людей должен определяться его квалификацией, способностями, затраченными усилиями и личным трудом, а не половой принадлежностью. При этом нельзя не обратить внимание на стабилизацию трудовых отношений, складывающихся между работниками и работодателями, при условии четкого соблюдения принципов равенства, единства и дифференциации, которые исключают любые проявления дискриминации.

Кроме того, следует подчеркнуть, что утвердившийся в трудовом праве РФ принцип равенства исключает любые проявления дискриминации, в том числе и по половому признаку. В то же время следует понимать, что юридическая природа гендерного равенства в российском трудовом праве раскрывается через совокупность следующих элементов – реального равенства, формального равенства, равенства обращения.

Последний из элементов, а именно равенство обращения, имеет немаловажное значение при оценке действий работодателя в тех случаях, когда законодатель о равенстве молчит. В этой связи представляется целесообразным ст. 2 ТК РФ дополнить такой юридической категорией как «равенство обращения», что, на наш взгляд, позволит укрепить позиции гендерного равенства в трудовых отношениях.

Список литературы:

[1] Адриановская Т.Л. Некоторые проблемы правового регулирования рабочего времени и времени отдыха совместителей // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 4. С. 25-29.

[2] Ким Ю.В. О понятиях правозащитной деятельности и правозащитной системы или же к вопросу об организационно-правовых предпосылках «всенародного счастья» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 26-38.

[3] Кузнецова И.А. Право на труд: конституционный и международный аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 2. С. 6-7.

[4] Потапов А.В. Актуальные проблемы правового регулирования труда в государственных корпорациях и корпоративных объединениях: монография. Москва: Проспект, 2023. 128 с.

[5] Фарафонтова Е.Л. Проблемы правового регулирования неформальных отношений при заключении трудового договора // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 143-149.

[6] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10.07.1918) (прекратила действие). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/ (дата обращения: 09.04.2026).

[7] Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937) (прекратила действие). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/ (дата обращения: 09.04.2026).

[8] Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Росс. газета. 1995. № 67 (дата обращения: 09.04.2026).

[9] Конвенция № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда», принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-ой сессии Генеральной конференции МОТ // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957-1990. Т. II. Женева: Международное бюро труда, 1991 (дата обращения: 09.04.2026).

[10] Конвенция № 52 Международной организации труда «О ежегодных оплачиваемых отпусках» от 24.06.1936 // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957-1990. Т. II. Женева: Международное бюро труда, 1991 (дата обращения: 09.04.2026).

[11] Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом посл. поправок // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398 (дата обращения: 09.04.2026).

[12] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3 (дата обращения: 09.04.2026).

[13] Рекомендация МОТ № 116 «О сокращении продолжительности рабочего времени» (1962 г.) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957-1990. Т. II. Женева: Международное бюро

труда, 1991 (дата обращения: 09.04.2026).

[14] Устав МОТ (1919 г.) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919-1956. Т. I. Женева: Международное бюро труда, 1991 (дата обращения: 09.04.2026).

[15] Конвенция МОТ № 168 «О содействии занятости и защите от безработицы» от 21.06.1988 // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957-1990. Т. II. Женева: Международное бюро труда, 1991 (дата обращения: 09.04.2026).

[16] Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 4 (дата обращения: 09.04.2026).

[17] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10 (дата обращения: 09.04.2026).

[18] Приказ Минтруда России от 18.07.2019 № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru (дата обращения: 09.04.2026).

References:

[1] Adrianovskaya T.L. Some problems of legal regulation of working time and rest time of part-timers//Labor law in Russia and abroad. 2024. № 4. S. 25-29.

[2] Kim Yu.V. On the concepts of human rights activities and the human rights system, or on the question of the organizational and legal prerequisites for “national happiness “//Constitutional and municipal law. 2021. № 1. S. 26-38.

[3] Kuznetsova I.A. Right to work: constitutional and international aspects//Labor law in Russia and abroad. 2022. № 2. S. 6-7.

[4] Potapov A.V. Actual problems of legal regulation of labor in state corporations and corporate associations: monograph. Moscow: Prospekt, 2023. 128 s.

[5] E.L. Farafontova. Problems of legal regulation of informal relations when concluding an employment contract//Russian Law Journal. 2018. № 1. S. 143-149.

[6] Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets in a meeting of 10.07.1918) (terminated). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/ (access date: 09.04.2026).

[7] The Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (approved by the resolution of the Extraordinary XVII All-Russian Congress of Soviets of 21.01.1937) (terminated). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/ (access date: 09.04.2026).

[8] Universal Declaration of Human Rights, adopted by the UN General Assembly 10.12.1948 //Ross. newspaper. 1995. No. 67 (accessed on: 09.04.2026).

[9] International Labour Organization Convention No. 29 concerning Forced or Compulsory Labour, adopted in Geneva 28.06.1930 at the 14th session of the ILO General Conference//Conventions and recommendations adopted by the International Labour Conference. 1957-1990. T. II. Geneva: International Labour Office, 1991 (accessed: 09.04.2026).

[10] International Labour Organization Convention No. 52 on Annual Paid Leave of 24.06.1936 //and recommendations adopted by the International Labour Conference. 1957-1990. T. II. Geneva: International Labour Office, 1991 (accessed: 09.04.2026).

[11] The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote 12.12.1993, taking into account the following. amendments// Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 31. Art. 4398 (accessed on: 09.04.2026).

[12] Labor Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 07.04.2026) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 1. Art. 3 (accessed on: 09.04.2026).

[13] ILO Recommendation No. 116 On Reducing Working Hours (1962)//Conventions and Recommendations adopted by the International Labour Conference. 1957-1990. T. II. Geneva: International Labour Office, 1991 (accessed: 09.04.2026).

[14] ILO Constitution (1919)//Conventions and Recommendations adopted by the International Labour Conference. 1919-1956. T. I. Geneva: International Labour Office, 1991 (accessed: 09.04.2026).

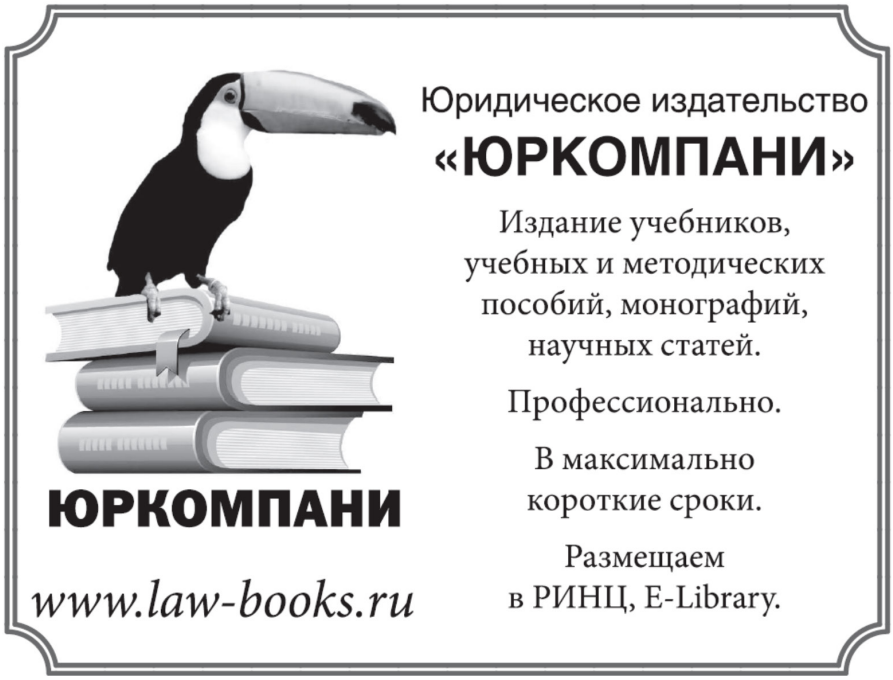
[15] ILO Convention No. 168 on the Promotion of Employment and Protection against Unemployment of 21.06.1988 //Conventions and Recommendations adopted by the International Labour Conference. 1957-1990. T. II. Geneva: International Labour Office, 1991 (accessed: 09.04.2026).

[16] Review of the practice of consideration by the courts of disputes related to the termination of an employment contract at the initiative of the employer, approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 09.12.2020 //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation.

2021. No. 4 (accessed on: 09.04.2026).

[17] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2020), approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 10.06.2020 //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 10 (accessed on: 09.04.2026).

[18] Order of the Ministry of Labor of Russia dated 18.07.2019 No. 512n "On approval of the list of industries, works and positions with harmful and (or) dangerous working conditions in which the use of women's labor is limited "//Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru (date of appeal: 09.04.2026).



МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-472-475

ОБИДОВ Муродулложон,

Аспирант МГИМО МИД России,

e-mail: obidov_9797@bk.ru

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу влияния искусственного интеллекта на развитие международной цифровой экономики и связанных с этими вопросами трансформации международного права. Рассматривается воздействие технологий ИИ на ключевые правовые институты, международное частное право и механизмы распределения ответственности за трансграничный вред. Особое внимание уделяется проблеме фрагментации международно-правового регулирования ИИ, а также роли универсальных и региональных подходов, формируемых в рамках деятельности Организация Объединённых Наций и других международных институтов. Делается вывод о необходимости адаптации международно-правовых норм к цифровой реальности и усилении координации международно-правовых норм к цифровой реальности и усиления координации государств для обеспечения справедливого и устойчивого развития глобальной цифровой экономики*.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; международное право; цифровая экономика; международное частное право; трансграничные данные; фрагментация права; международные организации; ответственность; цифровая трансформация.*

OBIDOV Murodullozhon,

Graduate student of MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL DIGITAL ECONOMY

Annotation. *The article analyzes the impact of artificial intelligence on the development of the international digital economy and the resulting transformations in international law. It examines how AI Technologies affect core legal institutions, including private international law, and liability allocation mechanisms for cross-border harm. Particular attention is given to the fragmentation of international legal regulation of AI and the role of universal and regional approaches developed within the framework of the United Nations and other international institutions. The study concludes that international legal norms must adapted to digital realities, and interstate coordination must be strengthened to ensure equitable and sustainable development of the global digital economy.*

Key words: *artificial intelligence; international law; digital economy; private international law; cross-border date; legal fragmentation; international organizations; liability; digital transformation.*

Введение

Современный этап развития международных экономических отношений характеризуется стремительной цифровой трансформацией, ключевым драйвером которой выступают технологии искусственного интеллекта (ИИ).

Данный феномен создает принципиально новую реальность для системы международного права, поскольку темпы технологических изменений существенно опережают способность традиционных правовых институтов адаптироваться к новым вызовам.

В научной литературе обоснованно отмечается, что ИИ воздействует на экономические и правовые порядки, однако его выгоды и издержки остаются крайне неравномерно распределенными между государствами.

В этих условиях особую актуальность приобретает международно-правовой анализ последствий внедрения ИИ в международную цифровую экономику, поскольку именно нормы международного права призваны обеспечить баланс между стимулированием технологических инноваций, защитой фундаментальных прав человека и поддержанием справедливой конкуренции среды в глобальном масштабе.

Основное содержание

Распространение технологий искусственного интеллекта порождает фундаментальные права. Наиболее значимые трансформации происходят в сфере международного частного права.

Классические коллизионные привязки, разработанные для регулирования отношений, имеющих материально выраженный объект, оказываются малопригодными в контексте цифровой экономики, где данные и иные цифровые активы могут одновременно существовать в множестве юрисдикций.

Как отмечается в доктрине, существующее применение норм международного частного права предполагает наличие реального локального местоположения, которое не может существовать в трансграничном цифровом контексте [4].

Особую сложность представляют споры, связанные с обработкой данных через системы искусственного интеллекта и облачные вычисления, что создает феномен, определяемый Гаагской конференцией по международному частному праву как «юрисдикционная неопределенность» [5].

Показательным примером служат продолжающиеся разногласия между Европейским Союзом и Соединенными Штатами Америки относительно трансграничного регулирования искусственного интеллекта [9].

Указанное создает ситуацию правовой неопределенности для транснациональных корпораций, которые вынуждены функционировать в условиях несовместимых правовых режимов, что также порождает юридические последствия.

С точки зрения теории международного публичного права, проблема усугубляется фрагментацией правового регулирования искусственного интеллекта. Отсутствие универсального международного договора, который бы комплексно регулировал разработку и применение ИИ, приводит к формированию множества разнонаправленных национальных и региональных подходов.

Европейский Союз в этом отношении продвинулся наиболее далеко, приняв в марте 2024 года Регламент об искусственном интеллекте (AI Act), который классифицирует системы искусственного интеллекта по категориям риска и устанавливает соответствующие требования [2].

Китай, Соединенные Штаты и иные государства следуют собственными путями, что создает риски не только технологической фрагментации, но и правовой несовместимости, способной существенно затруднить международное экономическое сотрудничество [6].

В этой связи особое значение приобретает деятельность международных организаций по выработке универсальных нормативных ориентиров. В апреле 2024 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла первую резолюцию, посвященную искусственному интеллекту (Резолюция 78/265), которая, хотя и носит рекомендательный характер, подтверждает приверженность государств принципам Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека и применяет «сквозной» подход к регулированию искусственного интеллекта, охватывающий весь жизненный цикл технологии — от разработки до внедрения.

Кроме того, Международная ассоциация права в мае 2025 года учредила специальный комитет по праву искусственного интеллекта и технологий, который призван в течение четырех лет разработать руководящие принципы и модельные инструменты, охватывающие такие области, как глобальные нормы, управление и сравнительное регулирование, права человека, подотчетность и трансграничное управление [1].

Наряду с этим, доктрина международного права вырабатывает различные подходы к решению обозначенных проблем. В научной литературе обосновывается позиция, согласно которой преодоление цифрового разрыва в сфере искусственный интеллект является не вопросом благотворительности, а обязанностью международного сотрудничества, вытекающей из Международного пакта об экономических социальных культурных правах.

Предлагаются конкретные механизмы реализации данной обязанности, включающие справедливое распределение выгод от использования искусственного интеллекта, участие развивающихся государств в разработке технических стандартов, а также целенаправленное наращивание их технологического потенциала.

Исследователи также отмечают, что существующая ситуация характеризуется взаимозависимостью, при котором стандарты, выработанные развивающимися государствами, могут быть применены развивающимися, которые только формируют собственную экосистему развития искусственного интеллекта [8].

Отдельного внимания заслуживает проблема распределения юридической ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта в процессе международной экономической деятельности.

Классические институты деликтной ответственности международного частного права сложно применимы к ситуациям, когда

автономная система действует без прямого человеческого контроля, а ее решения не могут быть с достаточной степенью определенности предсказаны [10].

Как подчеркивается в доктрине, обеспечение правового регулирования и распределение ответственности в связи с развитием технологий искусственного интеллекта стало одной из ключевых правовых проблем современности в контексте международного права и прав человека [7].

Международный совет по вопросам интеллектуальной собственности и иные организации обращают внимание на необходимость выработки гибких, подотчетных и соответствующих правам человека механизмов на международном и национальном уровнях [3].

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что влияние искусственного интеллекта на развитие международной цифровой экономики создает комплекс фундаментальных вызовов для системы международного права.

Традиционные правовые институты, разработанные для регулирования материальных отношений в условиях территориально-определенного суверенитета, обнаруживают свою ограниченную применимость в цифровую эпоху.

Наиболее остро стоят вопросы адаптации коллизионных норм международного частного права к реалиям цифровых механизмов распределения ответственности за вред, причиняемый системами ИИ при осуществлении трансграничной экономической деятельности.

Современное международное право характеризуется высокой степенью фрагментации в сфере регулирования искусственного интеллекта при параллельном формировании «мягких» универсальных нормативных ориентиров в рамках Организации Объединенных Наций и специализированных международных организаций.

Дальнейшее развитие международно-правового регулирования, вероятно, будет идти по пути заключения универсального договора об искусственном интеллекте, реформирования институтов международного частного права с учетом цифровой реальности, а также расширения участия развивающих государств в формировании глобальных стандартов к выгодам цифровой экономики и предотвращения углубления глобального технологического неравенства, которое может привести к консервации асимметричного распределения экономической и политической власти в международных отношениях.

Список литературы:

[1] Абдулатипова, Ф. А. Правовое регулирование систем искусственного интеллекта в международном частном праве / Ф. А. Абдулатипова // Научные революции как ключевой фактор развития науки и техники : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 29 декабря 2025 года. – Стерлитамак: ООО «Агентство международных исследований», 2025. – С. 180-183. – EDN QAPWIF.

[2] Васячкин, Ю. А. Искусственный интеллект и международное право: проблемы регулирования / Ю. А. Васячкин, М. А. Дериглазова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2025. – № 12(112). – С. 249-254. – EDN WIJUHY.

[3] Диденко, А. Н. Необходимость международного соглашения о правах на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при работе с искусственным интеллектом / А. Н. Диденко, А. Д. Кудаков, Е. А. Кудакова // Образование и право. – 2023. – № 6. – С. 105-111. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-6-105-111. – EDN LOYPNL.

[4] Загайнов, М. Р. Подходы к определению искусственного интеллекта в международных исследованиях и в праве / М. Р. Загайнов // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 100-105. – DOI 10.33693/2223-0092-2024-14-2-100-105. – EDN GIWTHX.

[5] Колоярова, А. А. Международные споры об искусственном интеллекте: вопросы юрисдикции и применимого права / А. А. Колоярова, Н. А. Тирюханова // МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ ГОДА 2025 : сборник статей XXI Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 05 декабря 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 152-156. – EDN HJSDHV.

[6] Куньчжань, Ц. Коллизионно-правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта в международном частном праве: автономия воли и границы выбора права / Ц. Куньчжань, С. Пу // Современный ученый. – 2026. – № 3. – С. 411-415. – EDN BSQBGR.

[7] Пакшин, П. К. Правовое регулирование систем искусственного интеллекта в международном частном праве / П. К. Пакшин // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 99-105. – DOI 10.33693/2072-3164-2023-16-6-099-105. – EDN LHAHFI.

[8] Умнова-Конюхова, И. А. Искусственный интеллект и международное право: настоящее и будущее / И. А. Умнова-Конюхова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Фадеев, Е. Ю. Международное право в

области применения искусственного интеллекта /

[9] Фадеев, Е. В. // Российская наука: актуальные исследования и разработки: Сборник научных статей XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 24 октября 2024 года. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2024. – С. 284-288. – EDN LBIWDY. – 2025. – № 3. – С. 63-75. – DOI 10.31249/iajpravo/2025.03.05. – EDN TRJHNZ.

[10] Шальнева, Е. В. Правовое регулирование ответственности за действия искусственного интеллекта в международном частном праве / Е. В. Шальнева // Праксиология. – 2025. – № 2. – С. 124-127. – EDN CUJSZJ.

References:

[1] Abdulatipova, F. A. Legal regulation of artificial intelligence systems in international private law/F. A. Abdulatipova//Scientific revolutions as a key factor in the development of science and technology: Collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, December 29, 2025. - Sterlitamak: International Research Agency LLC, 2025. - S. 180-183. – EDN QAPWIF.

[2] Vasyachkin, Yu. A. Artificial intelligence and international law: regulatory problems/Yu. A. Vasyachkin, M. A. Deriglazova//Skif. Student science issues. – 2025. – № 12(112). - S. 249-254. – EDN WIJUHY.

[3] Didenko, A. N. The need for an international agreement on the rights to the results of intellectual activity created when working with artificial intelligence/A. N. Didenko, A. D. Kudakov, E. A. Kudakova//Education and law. – 2023. – № 6. - S. 105-111. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-6-105-111. – EDN LOYPNL.

[4] Zagainov, M. R. Approaches to the definition of artificial intelligence in international studies and in law/M. R. Zagainov//Socio-political sciences. – 2024. - T. 14, NO. 2. - S. 100-105. – DOI 10.33693/2223-0092-2024-14-2-100-105. – EDN GIWTHX.

[5] Koloyarova, A. A. International disputes about artificial intelligence: issues of jurisdiction and applicable law/A. A. Koloyarova, N. A. Tiryukhanova// YOUNG SCIENTIST OF THE YEAR 2025: collection of articles of the XXI International Research Competition, Penza, December 05, 2025. - Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.), 2025. - S. 152-156. – EDN HJSDHV.

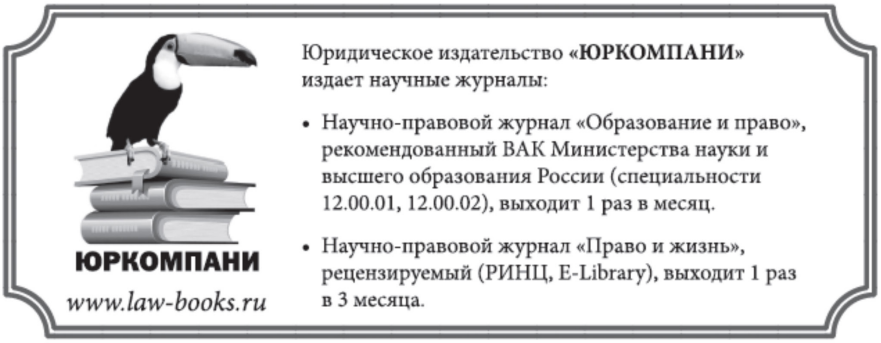
[6] Kunzhan, C. Conflict of law aspects of the regulation of artificial intelligence in private international law: autonomy of will and boundaries of choice of law/C. Kunzhan, S. Pu//Modern scientist. – 2026. – № 3. - S. 411-415. – EDN BSQBGR.

[7] Pakshin, P.K. Legal regulation of artificial intelligence systems in private international law/P.K. Pakshin//Gaps in Russian law. – 2023. - T. 16, NO. 6. - S. 99-105. – DOI 10.33693/2072-3164-2023-16-6-099-105. – EDN LHAHFI.

[8] Umnova-Konyukhova, I. A. Artificial intelligence and international law: present and future/I. A. Umnova-Konyukhova//Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law. Fadeev, E. Yu. International law in the field of artificial intelligence/

[9] Fadeev, E.V.//Russian science: actual research and development: Collection of scientific articles of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Samara, October 24, 2024. - Samara: Samara State University of Economics, 2024. - S. 284-288. – EDN LBIWDY. – 2025. – № 3. - S. 63-75. – DOI 10.31249/iajpravo/2025.03.05. – EDN TRJHNZ.

[10] Shalneva, E.V. Legal regulation of responsibility for the actions of artificial intelligence in international private law/E.V. Shalneva//Praxiology. – 2025. – № 2. - S. 124-127. – EDN CUJSZJ.



ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-476-485

КОБЛОВ Феликс Черменович,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, полковник полиции, Краснодарский университет МВД России,

e-mail: mirvowsemire@yandex.ru

О НЕКОТОРОМ ОПЫТЕ ФАКУЛЬТЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ ПО ОБУЧЕНИЮ СОТРУДНИКОВ, ВПЕРВЫЕ ПРИНЯТЫХ НА СЛУЖБУ В ОВД РФ

Аннотация. *Профессиональная подготовка, грамотно осуществляемое обучение сотрудников полиции является одной из важнейших проблем и одним из приоритетных направлений деятельности полиции на сегодняшний день. По мнению автора профессиональное обучение впервые принятых на службу в ОВД сотрудников будет более эффективным при условии применения передовых педагогических технологий в совокупности с морально-психологическим обеспечением, ориентированным на формирование у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, воспитания их в духе преданности Отечеству, личной ответственности за его историческую судьбу.*

Ключевые слова: *передовые педагогические технологии, морально-психологическое обеспечение, ситуационно-средовый подход, метод визуализации двигательного образа, работа с символами, междисциплинарные связи, миниполигон «комната сюрпризов», нейрогимнастические упражнения, формирующий эксперимент, чувство патриотизма, мотивация.*

KOBLOV Felix Chermenovich,

Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Tactical and Special Training, Police Colonel, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE EXPERIENCE OF THE FACULTY OF PROFESSIONAL TRAINING AT THE KRASNODAR UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN TRAINING OFFICERS WHO HAVE BEEN FIRST RECRUITED TO THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *Professional training and competently conducted training of police officers is one of the most important problems and one of the priorities of the police today. According to the author, professional training of newly recruited police officers will be more effective if advanced pedagogical technologies are used in combination with moral and psychological support aimed at forming a state-patriotic worldview among employees, educating them in the spirit of devotion to the Fatherland, personal responsibility for its historical fate.*

Key words: *advanced pedagogical technologies, moral and psychological support, situational and environmental approach, method of visualizing a motor image, working with symbols, interdisciplinary connections, mini-polygon “surprise room”, neurohymnastical exercises, formative experiment, sense of patriotism, motivation.*

Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел (далее - ОВД) было и остается одним из приоритетных направлений деятельности МВД России. И связано это, в первую очередь, с необходимостью подготовки квалифицированных кадров для правоохранительной деятельности, обладающих не только знаниями, умениями и навыками, но и сформированной профессиональной компетентностью.

Целью профессиональной подготовки является обучение сотрудников, впервые принятых на службу, умелым и эффективным действиям, обеспечивающим успешное выполнение оперативно-служебных и служебно-боевых задач. Обучение направлено, также на формирование профессионального самосознания сотрудников, чувства ответственности за свои действия, стремления к постоянному совершенствованию профессионального мастерства. [1]

В современный период вопросы совершенствования форм и методов обучения сотрудников полиции требуют ответов в различных аспектах современного образования. Новые методы обучения сотрудников полиции все более широко применяются в процессе организации учебно-воспитательной работы в ведомственных образовательных организациях.

Исходя из того, что высокий уровень профессионализма является интегральным свойством личности и может рассматриваться как цель, результат и критерий подготовки [2], мы предполагаем, что профессиональное обучение впервые принятых на службу в ОВД сотрудников будет более эффективным при условии применения передовых педагогических технологий в совокупности с морально-психологическим обеспечением, ориентированными на формирование у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, воспитания их в духе преданности Отечеству, личной ответственности за его историческую судьбу, обеспечение глубокого понимания и поддержки личным составом политики, проводимой государством, обеспечение морально-психологической готовности сотрудников к качественному выполнению оперативно-служебных задач и вооруженной защите Отечества, формирование их профессиональной надежности, готовности и способности к толерантности и доброжелательному взаимодействию с гражданами в ходе выполнения повседневных служебных обязанностей.

В соответствии с приказом МВД России от 27 августа 2024 № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» морально-психологическое обеспечение деятельности ОВД РФ включает в себя согласованный по целям, задачам и времени процесс формирования (достижения) и поддержания у сотрудников ОВД РФ профессионально значимых морально-политических, нравственных и психологических качеств, позволяющих успешно выполнять оперативно-служебные задачи в любых условиях обстановки. [3]

В образовательных организациях МВД России морально-психологическое обеспечение осуществляют профессорско-преподавательский (преподавательский) состав, начальники факультетов (институтов-факультетов), курсов, их заместители, командиры учебных групп (взводов), заместители командиров учебных групп (взводов), командиры отделений (в составе учебных групп (взводов). Одним из основных направлений политико-воспитательной работы является патриотическое и профессиональное воспитание. [3]

На примере факультета профессиональной подготовки КрУ МВД России (далее – ФПП) рассмотрим положительный опыт организации профессионального обучения сотрудников, впервые принятых на службу в ОВД.

Вклад факультета профессиональной подготовки Краснодарского университета МВД России (далее – ФПП) в охрану правопорядка по Краснодарскому краю сложно переоценить. В период с января 2025 года по февраль 2026 года прошли профессиональное обучение более одной тысячи сотрудников, овладевших в полном объеме теоретическими знаниями, приобретшие навыки и умения несения службы на высоком профессиональном уровне, что подтверждается отзывами командиров подразделений об уровне подготовки выпускников и выполнении ими поставленных оперативно-служебных задач.

Необходимо, также отметить, что на протяжении продолжительного времени профессорско-преподавательским составом (далее–ППС) факультета в рамках патриотического воспитания проводится профориентационная работа с учениками старших классов средних общеобразовательных школ по формированию у них чувства патриотизма, любви к Родине через знакомство с профессией, связанной с со служением Отечеству.

С учениками младших классов проводится работа, направленная на соблюдение общепринятых правил поведения, правил дорожного движения.

Проводимая работа высоко ценится как родителями, так и администрацией каждой из школ, где проходят подобные встречи.

В связи с участившимися в стране случаями обнаружения замаскированных взрывных устройств в общественных местах, представляющих непосредственную угрозу для детей и подростков, организовано периодическое проведение занятий с администрацией и тренерским штабом Академии футбола г. Краснодара. На занятиях сотрудники факультета обучают тренерский состав правилам поведения при обнаружении взрывных устройств, действиям при обнаружении беспилотных летательных аппаратов в воздухе и на земле, алгоритму действий для обеспечения личной безопасности и воспитанников в случае беспилотной, либо ракетной опасности.

В соответствии с приказом МВД РФ, регламентирующим Порядок организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации

граждане, впервые принятые на службу в органы внутренних дел, до самостоятельного выполнения служебных обязанностей (за исключением выполнения служебных обязанностей по должности курсанта) проходят обучение по программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский» в целях приобретения основных профессиональных знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для выполнения служебных обязанностей, в том числе в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. [4]

Обучение осуществляется в соответствии с рабочими программами, разработанными на основе примерных программ, утвержденными ГУРЛС МВД России.

Учебные планы программ по направлениям подготовки составлены с учетом специфики профессиональной деятельности каждой из категорий. Содержание и тематика изучаемых дисциплин в полном объеме отвечают требованиям руководящих документов по подготовке сотрудников ОВД, соответствующих замещаемым должностям и отвечающих сегодняшним требованиям рынка труда.

В период обучения слушатели факультета изучают дисциплины, вооружающими их необходимыми знаниями, прививающими им необходимые навыки и умения. Тематика и содержание изучаемых дисциплин, программ в целом, составлены на основе междисциплинарных связей, что в свою очередь, способствует планомерному и более эффективному достижению образовательных целей. Наличие междисциплинарных связей способствует совместному проведению занятий ППС кафедр огневой подготовки (далее ОП), физической подготовки (далее - ФП), специальных дисциплин (далее - СД). Занятия, совместно проводимые ППС кафедр, активное внедрение ситуационно-средового подхода, метода визуализации двигательного образ [5], работа с символами (описание и изображение выполнения технического действия), проводимые на миниполигоне «комната сюрпризов» [6] в стандартных условиях и с использованием прибора страбоскопа и звукового сопровождения вызывают неподдельный интерес у слушателей, мотивируют к достижению более высоких результатов в учебной деятельности, что подтверждалось результатами проводимых исследований.

Педагогическое мастерство вкупе с богатым практическим и жизненным опытом ППС ФПП способствует проведению учебных занятий на высоком организационном и методическом уровне, что не раз отмечалось при проведении педагогического контроля руководящим составом университета, учебно-методического управления и ФПП. Педагогическое мастерство ППС ФПП, на наш взгляд, образуют ряд составляющих, ниже нами рассмотренных.

Приобретению столь высокого педагогического уровня проведения занятий во многом способствует регулярное прохождение ППС ФПП курсов повышения квалификации в образовательных организациях МВД России. По завершении обучения преподаватель, прошедший повышение квалификации, в соответствии с устоявшейся практикой, делится полученными знаниями с ППС ФПП. В дальнейшем, приобретенный педагогический опыт активно внедряется в учебный процесс в экспериментальных группах. По истечении определенного времени, на межкафедральных заседаниях кафедр, анализируются результаты нововведения. Положительный опыт получает дальнейшее распространение.

Положительную роль в приобретении педагогического опыта, способствует также регулярное участие ППС ФПП в конкурсах профессионального мастерства для педагогических работников университета, ежегодно проводимых в университете и филиалах. Работы, занявшие первые места и признанные лучшими изучаются, все инновационное и передовое внедряется в учебный процесс.

Важную роль в повышении преподавательского мастерства имеет также опыт, перенимаемый ППС ФПП при посещении занятий, проводимых не только коллегами по кафедре. ППС ФПП регулярно посещает занятия, проводимые ППС как своей кафедры, так и ППС других кафедр ФПП. Результаты посещений рассматриваются и подробно анализируются на заседаниях кафедр, где отмечаются положительные стороны проведенного занятия, обращается соответствующее внимание на недостатки, допущенные преподавателем, упущения в методике и т.д.

Практика обсуждения показательных и открытых занятий в рамках университета и филиалов в режиме онлайн при участии первого заместителя начальника университета, также направлена на выявление и распространение передового педагогического опыта, внедряемого впоследствии в учебный процесс как университета, так и факультета в целом.

ППС ФПП постоянно участвует в режиме онлайн во всероссийских научно-практических конференциях, межвузовских семинарах.

Представляет интерес и практика организации викторин, материалы которых построены на межкафедральных связях. По прошествии двух-трех месяцев обучения ППС

кафедр совместно с сотрудниками учебного отдела на регулярной основе организуется проведение викторин между учебными взводами, заметно подстегивающими и мотивирующими обучающихся на достижение более высоких результатов в обучении. Характерной особенностью команд-участниц является их состав, формирующийся, как правило, не только из слушателей одного учебного взвода, но и других взводов. Регулярное проведение подобных мероприятий, применяемый метод формирования команд способствует сплочению личного состава не только отдельно взятой группы, но и всего курса в целом.

Представленный выше опыт ППС ФПП обозначим как составляющие педагогического мастерства.

Учитывая важность уровня профессиональной подготовки сотрудников, впервые принятых на службу в ОВД, при формировании преподавательского корпуса факультета руководством университета учитываются, в первую очередь, профессиональный опыт, уровень педагогического мастерства и организаторские способности кандидата. Как правило, состав ППС ФПП формируется из числа наиболее подготовленных сотрудников университета. На сегодняшний день ППС факультета составляют доктора наук, кандидаты наук, адъюнкты, соискатели ученой степени кандидата наук. Среди них чемпионы мира, мастера спорта международного класса и России, кандидаты в мастера спорта по различным видам спорта, сотрудники, награжденные почетными грамотами МВД России, МВД субъектов РФ, участники специальной военной операции, ветераны боевых действий, сотрудники, за плечами которых большой опыт практической работы на ответственных должностях.

Проведение констатирующего и формирующего экспериментов.

На базе ФПП в период с февраля 2025 года по февраль 2026 года в два этапа проводилось исследование.

Гипотеза исследования основывалась на предположении о том, что применение в образовательном процессе составляющих педагогического мастерства в совокупности с морально-психологическим обеспечением, ориентированным на формирование у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, воспитания их в духе преданности Отечеству, личной ответственности за его историческую судьбу, обеспечение глубокого понимания и поддержки личным составом политики, проводимой государством будет способствовать более эффективному достижению учебно-воспитательных целей.

В проводимом эксперименте приняли участие 150 обучающихся, из числа которых 75 слушателей составили – контрольные группы и 75 – экспериментальные группы. Исследование проводилось в два этапа. Первый этап: февраль – май, приняли участие 50 слушателей, из числа которых были сформированы одна контрольные и одна экспериментальная группа. Второй этап: август – декабрь, приняли участие 100 слушателей. Для участия в эксперименте были сформированы две контрольные и две экспериментальные группы.

С сотрудниками, прибывающими на обучение проводилось тестирование с целью определения уровня развитости: познавательно-психических процессов, таких как - восприятие, внимание, память; умения мыслить логически; чувства патриотизма; уровня мотивации поступления на службу в ОВД. Во всех группах полученные результаты были примерно одинаковые.

Для диагностики уровня развитости познавательно-психических процессов, применялись: тесты «Корректурная проба», методики «Память на числа», «Память на образы».

Для диагностики уровня развитости логического мышления применялись тесты: Липпмана «Логические закономерности».

Для диагностики сформированности чувства патриотизма, гражданско-патриотических проявлений использовались методики: анкетирование, недописанное предложение и ранжирования.

Анкета «Патриот» состоит из восьми основных блоков с суждениями, вопросами и незаконченными предложениями. На каждое из суждений или вопрос предложено несколько альтернативных вариантов ответов. [7]

Методика – «Недописанное предложение» (Методика «Свободный выбор») направлено на выявление общего взгляда на понимание окружающей действительности и позволяющее определить, как позитивное, так и негативное отношение к миру. [7]

Методика ранжирования направлена на определение ценностных предпочтений личности, предлагающее расположить понятия, выражающие человеческие ценности, в порядке возрастания или убывания их значимости для субъекта. [7]

С целью определения уровня мотивации поступления на службу в ОВД использовался блок вопросов, позволяющих выявить как позитивные мотивы поступления на службу в органы внутренних дел (например, «бороться с преступностью»), так и негативные («использовать служебное положение в корыстных целях»,

«оказывать помощь криминальным структурам» и т.д.), предложенные В.А. Варламовым в книге «Детектор лжи». [8]

В дальнейшем учебный процесс во всех учебных группах строился в соответствии с программой обучения и требованиями руководящих документов. За контрольными и экспериментальными группами был закреплен один и тот же ППС.

В соответствии с п. 16 приказа МВД России от 27 августа 2024 № 500, мероприятия морально-психологического обеспечения могут включаться в организационные документы, разрабатываемые вне рамок планирования (программы, перечни, графики, «дорожные карты»), что позволило разработать специальную программу для слушателей экспериментальных групп, направленную на формирование и повышение чувства патриотизма и уровня мотивации поступления на службу, выше обозначенных ПВК.

С началом проведения эксперимента в часы самоподготовки психологом ФПП в контрольных и экспериментальных группах, следуя устоявшейся практике, проводились занятия по развитию внимания, памяти, логического мышления. Для достижения более высоких результатов слушателям давались также задания для самостоятельной работы, направленные на совершенствование обозначенных выше ПВК. Задание включало выполнение определенных нейрогимнастических упражнений, направленных на активизацию мозговой деятельности и в обязательном воспроизведении в памяти перед отходом ко сну всего алгоритма действий и событий за прошедший день.

С целью повышения мотивации поступления на службу в ОВД, развития чувства патриотизма на встречи со слушателями экспериментальных групп кураторами учебных взводов и офицерами курсов под непосредственным руководством и контролем начальника ФПП приглашались участники СВО, участники боевых действий, ветераны ОВД, демонстрировались фильмы патриотической направленности с последующим обсуждением и участием психолога, кураторов групп и начальников курса ФПП. Встречи всегда проходили с огромным интересом, эмоционально-возвышенно и одновременно оживленно, мотивируя слушателей на достижение более высоких показателей в учебе, желании служить Отчизне.

Проводимые мероприятия стали носить традиционный характер и способствовали повышению мотивации поступления на службу, служения правопорядку, привитию чувства патриотизма, укреплению служебной дисциплины.

Значима роль в воспитании слушателей в духе патриотизма и офицеров курсов, участников специальной военной операции, воспитывающих слушателей на личном примере служения Отечеству, отношением к профессиональному долгу, исполнением служебных обязанностей на высоком уровне.

Еженедельно на общем построении озвучивались итоги обучения за прошедшую неделю, соблюдения служебной дисциплины и результатов несения службы по ООП в составе приданных сил.

По итогам обучения, слушателями экспериментальных групп в отличие от контрольных групп, за период обучения не было получено ни одного замечания за нарушение служебной дисциплины и правил ношения форменной одежды.

С целью определения результатов формирующего эксперимента перед окончанием обучения в контрольных и экспериментальных группах проводилось повторное тестирование с применением методик и тестовых заданий, что и в начале обучения. Так же были проанализированы результаты итоговой аттестации.

Результаты эксперимента выразились:

Тест «Корректурная проба»

Производительность	Кол-во правильно отмеченных букв	Баллы	КГ %(75 чел.): на входе/на выходе	ЭГ %(75 чел.): на входе/на выходе	Достоверность степени различий за период проведения эксперимента на выходе (%)
низкая	1000-1200	1	-	-	-
	1201-1350	3	-	-	-

удовлетворительная	1351-1500	4	11 (8,25 %)/7 (5,25%)	10 (7,5 %)/3 (2,25 %)	3 %
	1501-1700	5	27 (20,25%)/26 (19,5 %)	25(18,75%)/21 (15,75%)	3,75 %
	1701-1850	6	34 (25,5%)/37 (27,75%)	35 (26,25%)/43 (32,25%)	4,5 %
высокая	1851-2000	7	3 (2,25 %)/5 (3,75)	5 (3,75%)/6 (4,5%)	0,75 %
	2001-2150	8	0/0	0 (0%)/2 (1,5%)	1,5 %
	более 2150	9	-	-	-

Методика «Память на числа» (оценка кратковременной зрительной памяти)

Кол-во чисел	Количество правильно воспроизведенных чисел		Достоверность степени различий за период проведения эксперимента на выходе (%)
	КГ %(75 чел.): на входе/на выходе	ЭГ %(75 чел.): на входе/на выходе	
1-3	-	-	-
4	3 (2,25%)/0 (0%)	4 (3%)/0 (0%)	0 %
5	12 (9%)/2 (1,5%)	11 (8,25%)/0 (0%)	1,5 %
6	25 (18,75%)/8 (6%)	28 (21%)/4 (3%)	3 %
7	30 (22,5%)/42 (31,5 %)	28 (21%)/34 (25,5%)	6 %
8	4 (3%)/18 (13,5%)	2 (1,5%)/20 (15%)	1,5 %
9	1 (0,75%)/2 (1,5%)	2 (1,5%)/8 (6%)	4,5 %
10	0 (0%)/2 (1,5%)	0 (0%)/6 (4,55)	3 %
11	0 (0%)/1 (0,75%)	0 (0%)/2 (1,5%)	0,75 %
12	-	0 (0%)/1 (0,75%)	0,75 %

Методика «Память на образы»(оценка образной памяти)

Кол-во образов	Количество правильно воспроизведенных образов		Достоверность степени различий за период проведения эксперимента на выходе (%)
	КГ %(75 чел.): на входе/на выходе	ЭГ %(75 чел.): на входе/на выходе	
1-3	-	-	-
4	4 (3%)/0 (0%)	6 (4,5%)/0 (0%)	0 %
5	24 (18%)/8 (6%)	23 (17,25%)/2 (1,5%)	4,5 %
6	30 (22,5%)/39 (29,25%)	31 (23,25%)/44 (33%)	3,75 %

7	10 (7,5%)/16 (12%)	11 (8,25%)/18 (13,5%)	1,5 %
8	5 (3,75%)/8 (6%)	3 (2,25%)/6 (4,5%)	1,5 %
9	2 (1,5%)/4 (3%)	1 (0,75%)/4 (3%)	0 %
10	-	0 (0%)/1 (0,75%)	0,75 %
11	-	-	-
12	-	-	-
13-14	-	-	-
15-16	-	-	-

Тест Липпмана «Логические закономерности»

Время выполнения задания	Кол-во ошибок	Баллы	Уровень развития логического мышления (%)	КГ %(75 чел.): на входе/на выходе (%)	ЭГ %(75 чел.): на входе/на выходе (%)	Достоверность степени различий за период проведения эксперимента на выходе (%)
2 мин. и менее	0	5	очень высокий	0/0	0(0%)/2(1,5%)	1,5 %
2 мин. 10 сек. – 4 мин. 30 сек.	0	4	Хороший уровень, выше, чем у большинства людей	2 (1,5%)/4 (3%)	2 (1,5)/5 (3,75)	0,75 %
4 мин. 35 сек. – 9 мин. 50 сек.	0	3+	Хорошая норма большинства людей	31 (23,25%)/32 (24%)	36 (27%)/53 (39,75%)	15,75 %
4 мин. 35 сек. – 9 мин. 50 сек.	1	3	Средняя норма	38 (28,5%)/39 (29,25%)	35(26,25%)/15 (11,25%)	18 %
4 мин. 35 сек. – 9 мин. 50 сек.	2-3	3-	Низкая норма	4 (3%)/0 (0%)	2 (1,55)/0 (0%)	0 %

При ответах на блок вопросов по установлению мотивов поступления на службу в ОВД были получены ответы:

Ваши мотивы поступления на службу:				
п/п	Вопрос:	КГ % (75 чел.): на входе/на выходе	ЭГ % (75 чел.): на входе/на выходе	Достоверность степени различий за период проведения эксперимента на выходе (%)
1.	Близко от дома?	14 (10,5%)/8 (6%)	12 (9%)/1 (0,75 %)	5,25 %
2.	Иметь стабильный заработок?	14 (10,5%)/12 (9%)	10 (7,5%)/2 (1,5 %)	7,5 %

3.	Случайно?	2 (1,5%)/0 (0%)	-	0 %
4.	Иметь власть над людьми?	8 (6%)/8 (6%)	10 (7,5 %)/2 (1,5 %)	4,5 %
5.	Брать взятки?	-	-	-
6.	Бороться с преступностью?	19 (14,25%)/35 (26,25 %)	18 (13,5%)/70 (52,5 %)	26,25 %
7.	Оказывать помощь криминальным структурам?	-	-	-
8.	Использовать оружие в корыстных целях?	-	-	-
9.	Получать побочные доходы?	-	-	-
10.	Удобный режим работы?	12 (9%)/10 (7,5%)	15 (11,25 %)/0 (0%)	7,5 %
11.	Другие причины?	6 (4,5 %)/2 (1,5%)	10 (7,5 %)/0 (0%)	1,5 %
12.	Изменились ли мотивы поступления на службу за период обучения?	35 (26,25%)	70 (52,5 %)	26,25 %

Результаты экзаменов:

Наименование учебной дисциплины	КГ				ЭГ			
	Оценка/кол-во (%)				Оценка/кол-во (%)			
	Отл.	Хор.	Уд-но.	Неуд.	Отл.	Хор.	Уд-но.	Неуд.
Огн. подготовка	23 (17,25%)	28 (21%)	18 (13,5%)	6 (4,5%)	28 (21%)	34 (25,5%)	12 (9%)	1 (0,75 %)
Физ. подготовка	18 (13,5%)	31 (23,25%)	23 (17,25%)	3 (2,25%)	21 (15,75%)	43 (32,25%)	11 (8,25%)	-
Адм-я деятельность	14 (10,5%)	38 (28,5%)	23 (17,25%)	-	21 (15,75%)	36 (27%)	18 (13,5%)	-
Итоговая аттестация (квал. экз.)	15 (11,25%)	38 (28,5%)	22 (16,5%)	-	20 (15%)	43 (32,25%)	12 (9%)	-
Кол-во оценок (%)	70	135	86	9	90	156	53	1

При проведении сравнительного анализа результатов тестирования, показанных на входе и на выходе, мы диагностируем рост всех показателей познавательно-психических процессов у слушателей, как контрольных, так и экспериментальных групп. Работа, направленная на повышение познавательно-психических процессов, проводимая психологом, выразилась в повышении уровня внимания, памяти, логического мышления в контрольных и экспериментальных группах. Но, при этом, результаты тестирования экспериментальных групп заметно отличаются в лучшую сторону по всем параметрам.

Мотивы поступления на службу, так же у слушателей экспериментальных групп за период обучения меняются коренным образом. На выходе, в качестве мотива поступления на службу в ОВД при повторном тестировании ими указывается – борьба с преступностью, практически полным составом.

Результаты итоговых экзаменов, также наглядно демонстрируют более высокий уровень знаний, умений и навыков слушателей экспериментальных групп.

Полученные результаты проводимого исследования подтверждают правильность выдвинутой нами гипотезы исследования. Профессиональное обучение впервые принятых на службу в ОВД сотрудников будет более эффективным при условии применения передовых педагогических технологий в совокупности с морально-психологическим обеспечением, ориентированными на формирование у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, воспитания их в духе преданности Отечеству.

Список литературы:

[1] Галстян Р.Р. Реализация организационно-андрологического обеспечения профессиональной подготовки сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, в образовательных организациях МВД России. Прикладная психология и педагогика. Том 10 №1, 2025

[2] Коблов Ф.Ч. Совершенствование профессионального обучения рядового и младшего начальствующего состава органов внутренних дел в условиях региона. Дисс. канд. пед. наук. – Владикавказ, 2015. – 284 с.

[3] Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 20.10.2025 № 777 «О внесении изменений в Положение о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденное приказом МВД России от 27 августа 2024 г. № 500»

[4] Приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 “Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации”

[5] Куров А.И., Клименко А.А., Лунин А.А., Никитин Ю.П. Формирование двигательного образа в процессе обучения боевым приемам борьбы // Научно-методический журнал. Физическая культура, спорт – наука и практика. № 1 – 2022. С. 89-94.

[6] А.И. Куров, Л.Л. Тумасян, С.А. Хованский, А.А. Лунин, А.Н. Новиков. Алгоритм построения программы формирования двигательного образа при отработке боевых приемов борьбы в различных ситуациях // Научно-методический журнал. Физическая культура, спорт – наука и практика. № 2 – 2024. С. 60-64.

[7] И.Г. Куликова. Методики диагностирования уровня сформированности гражданско-патриотических качеств личности, обучающихся старшего школьного возраста. Методические рекомендации. Материал опубликован в группе «Гражданско-патриотическое воспитание» г. Самара, 2025

[8] В.А. Варламов. Издательство «Когито-Центр». Издание: 2-е, переработанное и дополненное. 2024 г. С. 545.

References:

[1] R.R. Galstyan. Implementation of organizational and andrological support for professional training of employees who were first hired by the internal affairs bodies of the Russian Federation, in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Applied psychology and pedagogy. Volume 10 No. 1, 2025

[2] Koblov F.Ch. Improving the professional training of ordinary and junior commanding officers of the internal affairs bodies in the region. Diss. cand. ped. sciences. - Vladikavkaz, 2015. - 284 s.

[3] Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 20.10.2025 No. 777 “On Amendments to the Regulation on the Procedure for Organizing the Moral and Psychological Support of the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, approved by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of August 27, 2024 No. 500”

[4] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of February 2, 2024 No. 44 “On approval of the Procedure for organizing training for filling positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation”

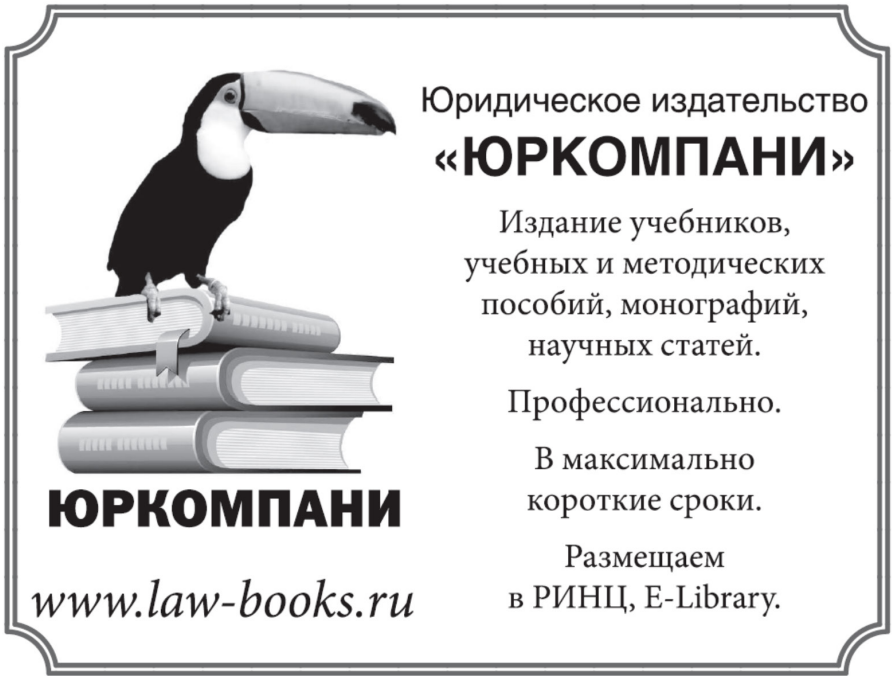
[5] Kurov A.I., Klimenko A.A., Lunin A.A., Nikitin Yu.P. Formation of motor image in the process of training in combat techniques of struggle// Scientific and methodological journal. Physical

education, sports - science and practice. № 1 – 2022. S. 89-94.

[6] A.I. Kurov, L.L. Tumasyan, S.A. Khovansky, A.A. Lunin, A.N. Novikov. Algorithm for constructing a program for forming a motor image when practicing combat techniques of struggle in various situations// Scientific and Methodological Journal. Physical education, sports - science and practice. № 2 – 2024. S. 60-64.

[7] I.G. Kulikova. Methods for diagnosing the level of formation of civil-patriotic personality qualities of high school students. Guidelines. The material was published in the group “Civil-patriotic education” Samara, 2025

[8] V.A. Varlamov. Publishing house “Kogito-Center.” Edition: 2nd, revised and supplemented. 2024 P. 545.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-486-492

ГАЛУШИНА Полина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: sid-polina@yandex.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,

к.б.н., доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: opneverova@mail.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович,

к.с.-х.н., доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: alexeystepanow@mail.ru

РАЖИНА Ева Валерьевна,

к.б.н., доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: eva.mats@mail.ru

ПАВЛОВА Яна Сергеевна,

кандидат с.-х.н., доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: yana.laborant.pavlovova@mail.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: barykina_10@mail.ru

КОУЧИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИНИЦИАТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема формирования инициативности студентов высших учебных заведений с помощью технологии коучинга. Актуальность исследования обусловлена высокими требованиями работодателей к личностным качествам выпускников. Традиционная система образования не в полной мере способствует развитию инициативности, поэтому внедрение коучинга представляется перспективным решением. На основе экспериментального исследования показана эффективность коучинговых практик в развитии самостоятельности, креативности и ответственности студентов. Результаты эксперимента демонстрируют значительный рост показателей инициативности при использовании коучинга*.

Ключевые слова: *инициативность студентов, коучинг в образовании, личностное развитие, профессиональная подготовка, высшее образование, педагогические технологии, студенческая активность, формирование компетенций.*

GALUSHINA Polina Sergeevna,

Senior Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

NEVEROVA Olga Petrovna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

STEPANOV Alexey Vladimirovich,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

RAZHINA Eva Valeryevna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

PAVLOVA Yana Sergeevna,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,

Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

COACHING AS A TOOL FOR DEVELOPING STUDENTS' INITIATIVE

Annotation. *The article examines the problem of developing students' initiative in higher education institutions using coaching technology. The relevance of the research is due to the high demands of employers on the personal qualities of graduates. The traditional education system does not fully contribute to the development of initiative, so the introduction of coaching seems to be a promising solution. Based on experimental research, the effectiveness of coaching practices in the development of independence, creativity and responsibility of students is shown. The results of the experiment demonstrate a significant increase in indicators of initiative when using coaching.*

Key words: *student initiative, coaching in education, personal development, professional training, higher education, pedagogical technologies, student activity, competence formation.*

Современное общество предъявляет высокие требования к выпускникам высших учебных заведений. Работодатели ожидают не только высокого уровня профессиональных компетенций, но и развитых личностных качеств, среди которых особое место занимает инициативность - способность самостоятельно ставить цели, предлагать и реализовывать новые идеи, проявлять активность в решении разнообразных задач. Традиционная система высшего образования, сосредоточенная преимущественно на передаче знаний, зачастую не в полной мере способствует формированию этих качеств. В связи с этим особую актуальность приобретает поиск и внедрение новых педагогических технологий, среди которых перспективным инструментом выступает коучинг [2,8,12].

Проблема исследования заключается в том, что коучинговые технологии пока недостаточно используются в вузах для целенаправленного формирования инициативности у студентов, несмотря на их значительный потенциал в развитии личностных ресурсов обучающихся [9].

Инициативность представляет собой интегративное качество личности, проявляющееся в способности самостоятельно ставить цели, предлагать и реализовывать новые идеи, проявлять активность в решении различных задач. Это комплексное явление включает несколько взаимосвязанных компонентов: самостоятельность как способность действовать без внешней поддержки, ответственность как готовность отвечать за принятые решения, креативность как умение находить нестандартные решения, целеполагание как способность формулировать чёткие цели и активность как готовность к целенаправленным действиям [1].

Значение инициативности для профессионального становления студента трудно переоценить. Она способствует более глубокому освоению будущей профессии, развитию лидерских качеств, умению работать в команде и адаптироваться к быстро меняющимся условиям современного рынка труда. Инициативный студент проявляет больший интерес к учёбе, активнее участвует в научной и общественной жизни вуза, успешнее осваивает профессиональные компетенции и быстрее адаптируется к требованиям будущей работы [2].

Студенты вуза находятся в возрасте ранней взрослости (18-25 лет), который характеризуется рядом психологических особенностей, создающих благоприятную почву для целенаправленного развития инициативности. В этот период происходит активное формирование профессиональной идентичности, развивается критическое мышление, усиливается стремление к самореализации и потребность в признании и автономии. Молодые люди начинают осознавать свою ответственность за выбор жизненного пути

и профессионального развития, что делает их особенно восприимчивыми к педагогическим воздействиям, направленным на развитие инициативности.

Коучинг в образовательном процессе представляет собой особую технологию сопровождения личностного и профессионального развития, основанную на принципах партнёрства и активизации внутренних ресурсов обучающегося. В отличие от традиционного обучения, консультирования или наставничества, коучинг не даёт готовых ответов, а помогает студенту самостоятельно найти решения и разработать план действий. Ключевые принципы коучинга включают партнёрство, предполагающее равенство позиций коуча и студента, отсутствие оценочного отношения с фокусом на решении, а не на критике, опору на ресурсы личности с акцентом на сильных сторонах обучающегося и фокус на действии, ориентирующий на практические шаги и конкретные результаты [12].

В образовательном контексте коучинг может применяться в различных формах. Индивидуальный коучинг предполагает работу один на один с коучем и позволяет глубоко проработать личные цели и барьеры конкретного студента. Групповой коучинг проводится с небольшой группой обучающихся и способствует развитию командных навыков, обмену опытом и взаимной поддержке. Командный коучинг ориентирован на поддержку студенческих команд в реализации совместных проектов и помогает развивать навыки совместной работы, распределения ролей и достижения коллективных целей [7].

Влияние коучинга на развитие инициативности осуществляется через ряд взаимосвязанных механизмов. Прежде всего, коучинг способствует развитию осознанности: в процессе коучинговых сессий студент начинает чётче понимать свои цели, возможности и приоритеты. Это осознание становится фундаментом для проявления инициативы, поскольку человек может действовать целенаправленно только тогда, когда ясно представляет, чего хочет достичь.

Важным механизмом является формирование ответственности за принятые решения. В рамках коучингового взаимодействия студент самостоятельно выбирает пути достижения целей и осознаёт последствия своих решений. Такая позиция способствует развитию внутренней ответственности, которая является неотъемлемой частью инициативности. Коуч не диктует, что делать, а помогает обучающемуся самому принять решение и взять на себя ответственность за его реализацию[9,10].

Раскрытие внутреннего потенциала и ресурсов - ещё один значимый механизм влияния коучинга. Опытный коуч помогает студенту обнаружить скрытые возможности, компетенции и сильные стороны, о которых тот мог не подозревать. Это открытие придаёт обучающемуся уверенности в своих силах и стимулирует проявление инициативы в различных сферах деятельности [8,12].

Преодоление психологических барьеров и страхов, мешающих проявлению инициативы, также осуществляется в процессе коучинга. Многие студенты испытывают неуверенность в себе, боятся ошибок или критики, что сдерживает их активность. Коучинговая работа помогает осознать эти барьеры, проанализировать их причины и разработать стратегии преодоления. Создаваемая в ходе сессий атмосфера доверия и поддержки позволяет студенту постепенно преодолевать свои страхи и становиться более активным [4].

Усиление мотивации через постановку и достижение значимых целей - ещё один важный механизм. Коучинг помогает студенту формулировать цели, которые действительно важны для него лично, а не просто навязаны извне. Когда цель соответствует внутренним ценностям и стремлениям, мотивация к её достижению значительно возрастает. Постепенное продвижение к цели и фиксация промежуточных успехов укрепляют веру в собственные силы и стимулируют дальнейшую инициативную деятельность [3,6].

Ключевыми инструментами коучинга, способствующими развитию инициативности, являются модель GROW (Goal - Reality - Options - Will), предполагающая последовательную работу над постановкой цели, анализом текущей реальности, поиском вариантов действий и разработкой конкретного плана; открытые вопросы, стимулирующие самостоятельное мышление и рефлексию; техники визуализации, помогающие представить успешный результат и усилить мотивацию; работа с ценностями, позволяющая связать учебные и профессиональные цели с личными приоритетами; рефлексивные практики, направленные на анализ успехов и ошибок и корректировку стратегии развития [6].

Для эффективного применения коучинга в образовательном процессе необходимо создать определённые педагогические условия. Прежде всего, требуется создание доверительной атмосферы, в которой студент чувствует себя комфортно и безопасно, может открыто выражать свои мысли и идеи без страха критики. Существенную роль играет поддержка со стороны преподавателей коучей, которые должны выступать не в роли контролёров, а

в качестве партнёров и наставников, готовых помочь в нужный момент [11].

Поэтапное усложнение задач позволяет студентам постепенно наращивать уровень инициативности, начиная с небольших самостоятельных действий и переходя к более сложным проектам. Включение обучающихся в социально значимую деятельность даёт возможность применить развиваемые качества на практике, увидеть реальную пользу от своей инициативы и получить признание со стороны общества. Регулярная обратная связь и рефлексия помогают студентам осознавать свой прогресс, корректировать стратегию развития и закреплять успешные модели поведения [6].

Процесс внедрения коучинговой работы целесообразно выстраивать поэтапно. На мотивационном этапе, который длится 1-2 недели, происходит пробуждение интереса к развитию инициативности, знакомство с принципами коучинга и постановка личных целей. Познавательный этап (3-4 недели) посвящён освоению навыков целеполагания, планирования и принятия решений через коучинговые сессии и тренинги. Деятельностный этап (5-8 недель) предполагает реализацию инициатив в учебных и социальных проектах при поддержке коуча. Завершающий рефлексивный этап (9-10 недель) включает анализ достигнутых результатов, корректировку стратегии развития и планирование дальнейших шагов по совершенствованию инициативности [6,11].

Исследование по внедрению коучинга как инструмента формирования инициативности проводилось на базе кафедры биотехнологии и пищевых продуктов ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ» со студентами третьего курса бакалавриата направления подготовки «Технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции» (40 человек). Эксперимент охватывал период в 10 недель, что соответствует одному учебному семестру. Для обеспечения объективности результатов были сформированы две группы: контрольная (20 человек), обучавшаяся по традиционной программе, и экспериментальная (20 человек), участвовавшая в коучинговых сессиях.

В рамках эксперимента студентам экспериментальной группы предлагались различные коучинговые задания, способствующие развитию инициативности. Одним из ключевых заданий стала разработка личного плана развития инициативности на семестр, в котором каждый студент формулировал конкретные цели по развитию самостоятельности, креативности и ответственности, а также определял шаги по их достижению. Другим важным заданием была подготовка и реализация мини проекта с элементами социальной инициативы, например, организация благотворительной акции или просветительского мероприятия. Групповые коучинговые сессии были посвящены постановке учебных целей и поиску нестандартных решений для сложных задач, что способствовало развитию творческого мышления и анализу учебных ситуаций.

Для диагностики уровня инициативности до и после эксперимента применялся комплекс методов. Прежде всего, использовалась адаптированная методика диагностики инициативности М. С. Неймарк, позволяющая оценить выраженность ключевых компонентов инициативности: самостоятельности, креативности и ответственности [5]. Дополнительно проводилось педагогическое наблюдение за активностью студентов на занятиях с фиксацией таких показателей, как частота самостоятельных высказываний, инициативность в постановке вопросов, готовность предлагать нестандартные решения.

Экспертные оценки преподавателей формировались на основе специально разработанной 5 балльной шкалы, где оценивались три основных параметра: уровень самостоятельности в выполнении заданий, степень креативности подходов к решению задач и уровень ответственности за результаты работы. Каждый параметр оценивался отдельно, а затем выводился общий показатель инициативности. Самооценка студентов осуществлялась через ведение рефлексивного дневника, в котором обучающиеся фиксировали свои успехи, трудности и планы по развитию инициативности.

Результаты исследования продемонстрировали значительную динамику показателей инициативности в экспериментальной группе. По параметру самостоятельности зафиксирован рост на 35 % - с 2,8 до 3,8 баллов. Студенты стали чаще проявлять инициативу в выборе тем для докладов, предлагать собственные форматы выполнения заданий и брать на себя роль координаторов в групповых проектах.

Показатель креативности увеличился на 28 % - с 3,0 до 3,8 баллов. Обучающиеся начали предлагать более оригинальные решения учебных задач, использовать нестандартные подходы к анализу информации и активно применять междисциплинарные знания. В частности, при разработке социальных проектов студенты интегрировали элементы маркетинга, психологии и цифровых технологий, что ранее наблюдалось редко.

Уровень ответственности вырос на 30 % - с 3,2 до 4,2 баллов. Это проявилось в более тщательном планировании этапов работы,

своевременном выполнении обязательств перед командой и готовности брать на себя дополнительные задачи для достижения общего результата. В контрольной группе, обучавшейся по традиционной программе, изменения были минимальными: рост показателей составил лишь 5-7 %, что укладывается в рамки естественной вариативности.

Качественные данные, полученные в ходе интервьюирования, подтвердили положительную динамику. Студенты экспериментальной группы отмечали, что коучинговые сессии помогли им лучше понять свои цели и приоритеты. Один из участников поделился: «Раньше я ждал указаний от преподавателя, а теперь сам предлагаю идеи и беру на себя ответственность за их реализацию. Коучинг научил меня видеть возможности там, где раньше я видел только препятствия». Другой студент отметил: «Работа с коучем помогла мне структурировать свои амбиции. Теперь я не просто мечтаю о карьере, а составляю чёткий план действий».

В процессе внедрения коучинга возникли определённые трудности, потребовавшие корректировки методики. Низкая первоначальная мотивация у части студентов была преодолена через включение игровых элементов в сессии и систему поощрений за активность. Нехватка навыков самоорганизации решалась проведением коротких тренингов по тайм менеджменту и целеполаганию. Сопротивление изменениям со стороны скептично настроенных обучающихся преодолевалось через демонстрацию успешных кейсов и вовлечение их в роли лидеров мини проектов. Ограниченность времени на индивидуальные сессии компенсировалась использованием онлайн форматов коучинга и созданием групповых чатов для постоянной поддержки.

Проведённое исследование убедительно подтвердило эффективность коучинга как инструмента формирования инициативности студентов высших учебных заведений. Ключевые выводы можно сформулировать следующим образом: во первых, коучинг способствует осознанному развитию инициативности через активизацию внутренних ресурсов обучающихся. В отличие от традиционных методов, он не даёт готовых решений, а учит студентов самостоятельно формулировать цели, анализировать возможности и принимать решения. Это формирует устойчивую мотивацию к проявлению инициативы в учебной и профессиональной деятельности. Во вторых, разработанная модель внедрения коучинга продемонстрировала значительный рост показателей самостоятельности, креативности и ответственности - на 28-35 %. Особенно важным является то, что изменения носили системный характер: студенты не просто выполняли задания, а начинали видеть связь между своей инициативой и реальными результатами, что укрепляло их веру в собственные силы. В третьих, наиболее результативным оказалось сочетание индивидуального и группового коучинга с проектной деятельностью. Индивидуальные сессии позволяли проработать личные барьеры и цели, групповые - развить командные навыки, а проекты давали возможность применить полученные компетенции на практике.

На основании полученных результатов можно сформулировать практические рекомендации для вузов. Прежде всего, необходимо активно внедрять коучинговые практики непосредственно в учебный процесс. Особенно эффективным представляется их использование на семинарских занятиях и в рамках проектной работы, где студенты имеют возможность сразу же применять на практике навыки инициативного поведения.

Важным аспектом успешной реализации коучинга является организация специального обучения преподавателей основам данной технологии. В ходе такого обучения педагоги должны освоить ключевые техники коучинга, включая методику постановки открытых вопросов, работу с моделью GROW и создание особой доверительной атмосферы во взаимодействии со студентами.

Для достижения максимального эффекта рекомендуется интегрировать коучинг с другими образовательными технологиями. Особенно перспективным представляется сочетание его с наставничеством и проблемно-ориентированным обучением, что позволяет усилить положительное влияние на развитие студентов.

Эффективным организационным решением становится создание специальных студенческих коучинговых групп. Данные группы должны функционировать под руководством опытных кураторов, которые обеспечивают необходимую поддержку студенческих инициатив не только в рамках аудиторных занятий, но и во внеучебное время. Такой подход способствует формированию устойчивой среды для развития инициативности и самостоятельности обучающихся.

Таким образом, коучинг представляет собой перспективную педагогическую технологию, способную существенно повысить уровень инициативности студентов и подготовить их к успешной профессиональной деятельности в условиях динамично меняющегося мира.

Список литературы:

[1] Гревцева, Г. Я. Педагогические

условия формирования креативности студентов / Г. Я. Гревцева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. - 2022. - Т. 14, № 3. - С. 15-25. - DOI 10.14529/ped220302. - EDN GHGIRV.

[2] Журавлева, Н. П. Формирование инициативности студентов-первокурсников в ситуациях учебно-профессиональной деятельности : специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Журавлева Надежда Петровна. - Волгоград, 2006. - 205 с. - EDN NOHNTX.

[3] Короткевич, Э. Р. Учебная мотивация современного студента в контексте теории достижения целей / Э. Р. Короткевич // Образовательные ресурсы и технологии. – 2019. – № 3(28). – С. 27-32. – DOI 10.21777/2500-2112-2019-3-27-32. – EDN YXZYXD.

[4] Манина, В.А. Психолого-педагогические условия преодоления психологических барьеров у студентов / В. А. Манина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 12(161). – С. 46-51. – EDN RTAWRT.

[5] Неймарк, М. С. Направленность личности: взгляд из 2012 года / М. С. Неймарк, Н. Н. Толстых // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2013. – № 1. – С. 5-13. – EDN PXDGAH.

[6] Овчаренко, М. С. Коучинг как метод обучения повышению мотивации к учебной деятельности курсантов высших военных учебных заведений / М. С. Овчаренко // Молодой ученый. – 2020. – № 27(317). – С. 236-239. – EDN KDADTB.

[7] Павлов, А. В. Коучинг в образовании / А. В. Павлов, Е. С. Койава // Успехи в химии и химической технологии. – 2012. – Т. 26, № 8(137). – С. 131-135. – EDN RCCIHD.

[8] Павлова, Т. В. Технология коучинга в образовании и бизнесе. Сходства и различия / Т. В. Павлова // Иностранные языки в современном мире : Сборник материалов I Казанского международного лингвистического форума, Казань, 10-13 марта 2020 года / Под редакцией Д.Р. Сабировой, И.Г. Кондратьевой. - Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. - С. 253-257. - EDN FEYUVR.

[9] Плотников, П. В. Коучинг и перспективы его использования в современном высшем образовании / П. В. Плотников // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. - 2018. - № 4(38). - С. 45-48. - EDN YSIJQD.

[10] Развитие способности учиться как задача университета: коучинг обучающихся / А. Л. Шевякова, Е. С. Петренко, А. К. Уразбеков, Ж. К. Косе // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11, № 4. – С. 999-1016. – DOI 10.18334/epp.11.4.111878. – EDN EQSEXN.

[11] Рыбина, О. С. Образовательный коучинг для личной эффективности и профессиональной компетентности студентов / О. С. Рыбина // Актуальные вопросы современной педагогики : Материалы Международной заочной научной конференции, Уфа, 20–23 июня 2011 года / Ответственный редактор: О.А. Шульга; Под общей редакцией Г.Д. Ахметовой. – Уфа: Лето, 2011. – С. 112-114. – EDN WECHPJ.

[12] Ушенко, С. Г. Коучинг как инструмент повышения эффективности образовательного процесса / С. Г. Ушенко // Педагогическое образование и наука. - 2018. - № 2. - С. 139-142. - EDN YAIXJJ.

References:

[1] Grevtseva, G. Ya. Pedagogical conditions for the formation of creativity of students/G. Ya. Grevtseva//Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical sciences. - 2022. - T. 14, NO. 3. - S. 15-25. - DOI 10.14529/ped220302. - EDN GHGIRV.

[2] Zhuravleva, N.P. Formation of initiative of first-year students in situations of educational and professional activity: specialty 13.00.08 “Theory and methodology of professional education”: dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences/ Zhuravleva Nadezhda Petrovna. - Volgograd, 2006. - 205 c. - EDN NOHNTX.

[3] Korotkevich, E. R. The educational motivation of a modern student in the context of the theory of achieving goals/E. R. Korotkevich// Educational resources and technologies. – 2019. – № 3(28). - S. 27-32. – DOI 10.21777/2500-2112-2019-3-27-32. – EDN YXZYXD.

[4] Manina, V. A. Psychological and pedagogical conditions for overcoming psychological barriers in students/V. A. Manina//Bulletin of Orenburg State University. – 2013. – № 12(161). - S. 46-51. – EDN RTAWRT.

[5] Neymark, M. S. Orientation of personality: a look from 2012/M. S. Neymark, N. N. Tolstykh// Bulletin of St. Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy. – 2013. – № 1. - S. 5-13. – EDN PXDGAH.

[6] Ovcharenko, M. S. Coaching as a method of teaching to increase motivation for the educational activities of cadets of higher military educational institutions/M. S. Ovcharenko//Young scientist. – 2020. – № 27(317). - S. 236-239. – EDN KDADTB.

[7] Pavlov, A. V. Coaching in Education/A. V. Pavlov, E. S. Koyava//Successes in chemistry and chemical technology. – 2012. - T. 26, NO. 8 (137). - S. 131-135. – EDN RCCIHD.

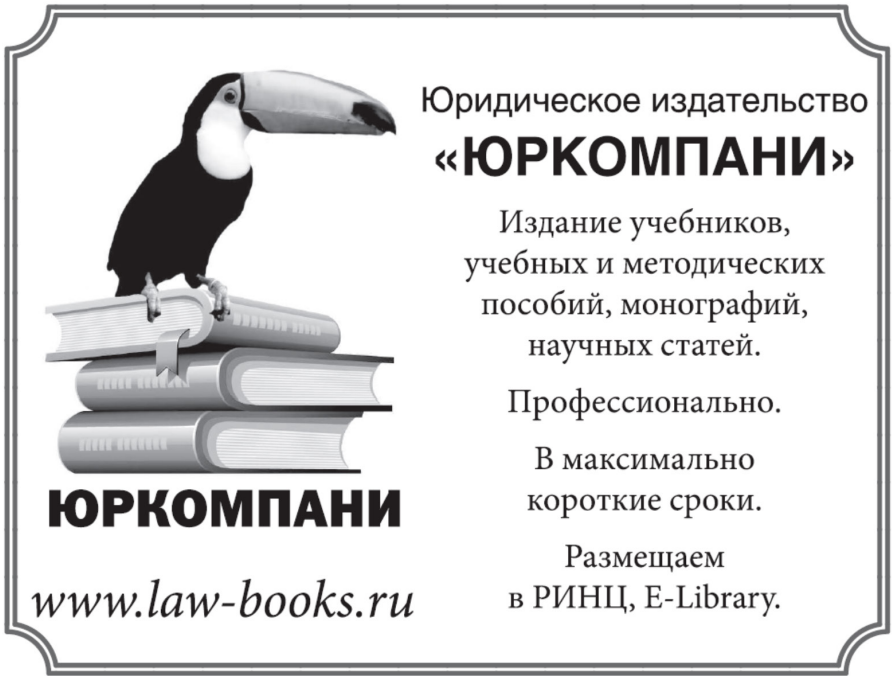
[8] Pavlova, T. W. Coaching technology in education and business. Similarities and differences/ T.V. Pavlova//Foreign languages in the modern world: Collection of materials of the I Kazan International Linguistic Forum, Kazan, March 10-13, 2020/Edited by D.R. Sabirova, I.G. Kondratieva. - Kazan: Kazan (Volga) Federal University, 2020. - S. 253-257. - EDN FEYUVR.

[9] Plotnikov, P.V. Coaching and the prospects for its use in modern higher education/P.V. Plotnikov// Theory and practice of service: economics, social sphere, technology. - 2018. - № 4(38). - S. 45-48. - EDN YSIJQD.

[10] Developing the ability to learn as a university task: coaching students/A. L. Shevyakova, E. S. Petrenko, A. K. Urazbekov, J. K. Kose// Economics, Entrepreneurship and Law. – 2021. - T. 11, NO. 4. - S. 999-1016. – DOI 10.18334/epp.11.4.111878. – EDN EQSEXN.

[11] Rybina, O.S. Educational coaching for personal efficiency and professional competence of students/O.S. Rybina//Current issues of modern pedagogy: Materials of the International Correspondence Scientific Conference, Ufa, June 20-23, 2011/Executive Editor: O.A. Shulga; Edited by G.D. Akhmetova. - Ufa: Summer, 2011. - S. 112-114. – EDN WECHPJ.

[12] Ushenko, S. G. Coaching as a tool to increase the efficiency of the educational process/S. G. Ushenko//Pedagogical education and science. - 2018. - № 2. - S. 139-142. - EDN YAIXJJ.



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-493-497

ТАТАРЧУК Анна Петровна,

Преподаватель кафедры овощеводства и плодоводства имени Н.Ф. Коняева ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: brassica@inbox.ru

ИВАНОВА Мария Сергеевна,

кандидат сельскохозяйственных наук, Старший преподаватель кафедры растениеводства и селекции ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: m-ivaivanova@yandex.ru

САДОВ Артём Александрович,

Кандидат технических наук, доцент кафедры технологических и транспортных машин ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: Artemsadov@ya.ru

ШОРОХОВ Павел Николаевич,

Старший преподаватель кафедры технологических и транспортных машин ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: pasha-shorohov@mail.ru

БАБКИНА Анна Анатольевна,

Старший преподаватель кафедры математики и ИТ ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: anna-alikieva@mail.ru

ГОЛДИНА Ирина Игоревна,

Старший преподаватель кафедры сервис транспортных и технологических машин и оборудования в АПК ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: ir.goldina@mail.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В АГРАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. *Виртуальная реальность (VR) в аграрном образовании представляет собой инновационный подход, который значительно меняет методы обучения будущих специалистов в области сельского хозяйства.*

Данная статья исследует применение VR для симуляции агрономических процессов, визуализации данных и организации дистанционного обучения. Основные преимущества включают безопасность, доступность и интерактивность обучения, что способствует более глубокому усвоению материала. Однако внедрение VR в аграрное образование сталкивается с вызовами, такими как высокие затраты на оборудование и необходимость технических навыков. В перспективе ожидается развитие специализированных VR-курсов и интеграция новых технологий, что может привести к качественным изменениям в подготовке кадров для аграрного сектора.

Ключевые слова: *Виртуальная реальность, студент, аграрное образование, симуляция процессов, визуализация данных, образование, перспективы развития, навык.*

TATARCHUK Anna Petrovna,

Lecturer of the Department of Vegetable and Fruit Growing named after N.F. Konyaev Ural State Agrarian University

IVANOVA Maria Sergeevna,

Candidate of Agricultural Sciences Senior lecturer of the Department of Crop Production and Breeding Ural State Agrarian University

SADOV Artyom Alexandrovich,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Technological and Transport Machines Ural State Agrarian University

SHOROKHOV Pavel Nikolaevich,

Senior Lecturer at the Department of Technological and Transport Machines Ural State Agrarian University

BABKINA Anna Anatolyevna,

Senior Lecturer of the Department of Mathematics and Mathematics Ural State Agrarian University

GOLDINA Irina Igorevna,

Senior lecturer at the Department of Service of transport and technological machinery and equipment in agriculture Ural State Agrarian University

VIRTUAL REALITY IN AGRICULTURAL EDUCATION

Annotation. *Virtual reality (VR) in agricultural education is an innovative approach that significantly changes the training methods of future agricultural professionals.*

This article explores the use of VR to simulate agronomic processes, visualize data, and organize distance learning. The main advantages include safety, accessibility and interactivity of learning, which contributes to deeper learning of the material. However, the introduction of VR in agricultural education faces challenges such as high equipment costs and the need for technical skills. In the future, the development of specialized VR courses and the integration of new technologies is expected, which may lead to qualitative changes in personnel training for the agricultural sector.

Key words: *Virtual reality, student, agricultural education, process simulation, data visualization, education, development prospects, skill.*

В последние годы виртуальная реальность (VR) становится всё более важным инструментом в образовательном процессе, особенно в аграрном образовании. Аграрный сектор требует от специалистов не только теоретических знаний, но и практических навыков, которые можно эффективно развивать с помощью технологий VR.

Почему VR так важна для будущих аграриев?

Сельское хозяйство сегодня – это не только лопата и поле. Это высокотехнологичная отрасль, требующая глубоких знаний в области инженерии, биологии, информационных технологий и управления. И VR становится мощным инструментом, который помогает студентам и специалистам осваивать эти сложные навыки:

Практика без риска и затрат: VR позволяет отрабатывать сложные операции, такие как управление дорогостоящей техникой, проведение хирургических вмешательств на животных или диагностика заболеваний растений, в безопасной виртуальной среде. Это исключает риск поломки оборудования, травм или порчи урожая, а также значительно экономит ресурсы.

Глубокое погружение и понимание: Вместо абстрактных схем и описаний, студенты получают наглядный и интерактивный опыт. Они могут исследовать сложные системы, наблюдать за процессами в динамике и лучше понимать причинно-следственные связи.

Доступ к уникальным возможностям: VR открывает двери к изучению редких видов растений и животных, посещению удаленных ферм или лабораторий, которые недоступны в реальной жизни.

Развитие критического мышления и принятия решений: Симуляции в VR позволяют студентам сталкиваться с различными

сценариями, принимать решения в условиях неопределенности и учиться на своих ошибках, не опасаясь реальных последствий.

Повышение мотивации и вовлеченности: Интерактивный и игровой формат VR делает процесс обучения более увлекательным и запоминающимся, что способствует лучшему усвоению материала.

Особую значимость они приобрели в настоящий период, в связи с использованием информационных технологий в процессе дистанционного обучения и необходимостью представления учебной информации на экране компьютера. Данная проблема осложняется еще и тем, что в последние годы значительно увеличился и продолжает интенсивно расти объем информации по всему циклу учебных дисциплин почти каждой специальности, а время, отводимое на их изучение, практически не изменяется. Иначе говоря, увеличилась и продолжает расти плотность потока учебной информации, изучение которой требуется для подготовки специалистов на всех уровнях современной системы высшего профессионального образования [1].

Поскольку сельское хозяйство требует наличия квалифицированных специалистов, использование VR-систем для обучения становится актуальным. Будущие агрономы могут пройти симуляцию различных процессов, таких как посев, ухаживание за растениями, сбор урожая и применение удобрений. Это позволяет не только сэкономить время и ресурсы, но и создать менее стрессовую обучающую среду, где неудачи не приводят к реальным последствиям.

Несмотря на очевидно высокий дидактический потенциал этой технологии большинство аграрных вузов по-прежнему не прибегают к ее системному применению. Возможно, это объясняется убежденностью некоторых исследователей в наличии тех положительных эффектов, сущность которых неоспорима и мыслима только лишь в классическом академическом исполнении, ввиду технической ограниченности информационно-коммуникационных технологий. Так, С. И. Максимов отмечает высокий уровень социальной интерактивности классических занятий в учебной группе за счет интенсивной и непосредственной коммуникации, недостижимой в настоящее время средствами информационно-коммуникационных технологий [7, с. 95].

Применение виртуальной реальности в аграрном образовании позволяет решить ряд критических проблем, связанных с высокой стоимостью сельскохозяйственной техники, сезонностью полевых работ и рисками, возникающими при эксплуатации дорогостоящих агрегатов неопытными пользователями. Использование иммерсивных технологий обеспечивает возможность многократного повторения сложных технологических операций, моделирования аварийных ситуаций и детального изучения внутреннего устройства механизмов без необходимости их демонтажа. Это способствует не только повышению качества усвоения материала, но и значительному сокращению материальных затрат образовательных организаций на содержание парка реальных машин и закупку расходных материалов. Интеграция VR-решений становится стратегическим направлением развития аграрных вузов, стремящихся соответствовать глобальным трендам технологического прогресса [2].

Сельское хозяйство сегодня – это не только лопата и поле. Это высокотехнологичная отрасль, требующая глубоких знаний в области инженерии, биологии, информационных технологий и управления. И VR становится мощным инструментом, который помогает студентам и специалистам осваивать эти сложные навыки:

Практика без риска и затрат: VR позволяет отрабатывать сложные операции, такие как управление дорогостоящей техникой, проведение хирургических вмешательств на животных или диагностика заболеваний растений, в безопасной виртуальной среде. Это исключает риск поломки оборудования, травм или порчи урожая, а также значительно экономит ресурсы.

Глубокое погружение и понимание: Вместо абстрактных схем и описаний, студенты получают наглядный и интерактивный опыт. Они могут исследовать сложные системы, наблюдать за процессами в динамике и лучше понимать причинно-следственные связи.

Доступ к уникальным возможностям: VR открывает двери к изучению редких видов растений и животных, посещению удаленных ферм или лабораторий, которые недоступны в реальной жизни.

Развитие критического мышления и принятия решений: Симуляции в VR позволяют студентам сталкиваться с различными сценариями, принимать решения в условиях неопределенности и учиться на своих ошибках, не опасаясь реальных последствий.

Повышение мотивации и вовлеченности: Интерактивный и игровой формат VR делает процесс обучения более увлекательным и запоминающимся, что способствует лучшему усвоению материала.

В сельхозпроизводстве технологию ВР сравнивают с внедрением интернета в бизнес–пространство. Сравнительно недорогой инструмент уже приводит к революционным изменениям в растениеводстве и животноводстве

Фермерам уже не нужно тратить много усилий, чтобы оценить, как идет процесс созревания и оценить предполагаемый объём урожая. Ситуацию можно протестировать и скорректировать с помощью BP–технологий.

Дроны периодически облетают поля и загружают данные в систему, сюда же добавляются сводки о прогнозах погоды и оптимальные приёмы ухода за растениями. Актуальная информация по поливу, внесению удобрений и другим приёмам культивации помогает сократить расходы и сберечь урожай.

С приходом цифровых технологий аграрный сектор рассматривается как одна из самых привлекательных отраслей для инвесторов, заинтересованных в автоматизации отрасли. Потенциал этой сферы превосходит строительство, торговлю и страхование. Сегодня сельхозпроизводители могут не только масштабировать производство, но и снижать риски своей деятельности

Таким образом, VR стирает географические и временные барьеры. Студенты из любой точки мира могут получить доступ к лучшим образовательным программам и симуляторам, которые ранее были доступны лишь в ведущих аграрных центрах. Представьте себе возможность «побывать» на экспериментальной ферме в Нидерландах, изучая передовые методы гидропоники, или «поучаствовать» в полевых исследованиях в Бразилии, наблюдая за ростом экзотических культур. VR делает это возможным, демократизируя доступ к знаниям и опыту.

Интеграция VR в учебные программы также способствует развитию навыков командной работы и коммуникации. Виртуальные среды могут быть спроектированы для совместной работы нескольких пользователей, где студенты, находясь в разных локациях, могут вместе решать задачи, например, управлять виртуальной фермой или проводить комплексную диагностику сельскохозяйственной проблемы. Это имитирует реальные рабочие процессы, где специалисты различных направлений должны эффективно взаимодействовать для достижения общей цели.

Виртуальная реальность представляет собой мощный инструмент для аграрного образования, открывающий новые возможности для обучения и практической подготовки специалистов. Несмотря на существующие вызовы, потенциал VR в этой области значительно превышает ограничения, что делает её важным направлением для будущих исследований и разработок. Инвестиции в эту технологию могут привести к качественному улучшению образовательного процесса и подготовке высококвалифицированных кадров для аграрного сектора.

Список литературы:

[1] Асмаков С. Игровые манипуляторы // КомпьютерПресс, 2003, № 6. – http://www.compress.ru/Article.asp?id=4587.

[2] Башмаков А.И., Башмаков И.А. Разработка компьютерных учебников и обучающих систем. – М.: Информационно-издательский дом «Филинъ», 2003.

[3] Григорьев С.Г., Гриншкун В.В. Мультимедиа в образовании. – http://www.ido.edu.ru/open/mm/.

[4] Джонатан Л. Виртуальная реальность в Unity. Л. Джонатан; перевод с английского Р. Н. Рагимов. — Москва: ДМК Пресс. 2016. – 316 с. Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/93271 (дата обращения: 09.04.2026).

[5] Ефимова И.А. Повышение качества высшего образования в Российской Федерации // Российское предпринимательство. — 2011. — № 5 Вып. 1 (183). — с. 151¬154. — http://old.creativeconomy.ru/articles/11716/.

[6] Кучер М.О. Функционально-территориальный анализ и диагностика агропромышленных связей (на примере города Краснодара): специальность 25.00.24 «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география»: диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. Краснодар, 2004 196 с.EDN NNALGL.

[7] Максимов С. И. Цифровая трансформация высшей школы: цели, задачи, технологические и педагогические проблемы и перспективы развития // Высшая школа: проблемы и перспективы: сб. материалов15-й Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 18 ноября 2021 г. Минск: Респ. ин-т высш. шк., 2021 С. 94–96.

[8] Мамонова А.В., Кучер М.О. Виртуальный туризм как инновационное направление туриндустрии // Туристско-рекреационный комплекс в системе регионального развития: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Краснодар, 21–25 апреля 2021 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021 С. 260–264. EDN YUEDFR.

[9] Нужнов, Е. В. Часть 2: Виртуальная реальность, создание мультимедиа продуктов, применение мультимедиа технологий в профессиональной деятельности – 2016. 180 с. Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/114455 (дата обращения: 10.04.2026)

[10] Симбирских Е. С., Рачеев Н. О. VR-лаборатория как компонент организационно-

педагогических условий подготовки обучающихся в аграрном вузе // Агроинженерия. 2021 № 4 (104). С. 76–82. https://doi.org/10.268997/2687-1149-2021-4-76-82.

References:

[1] Asmakov S. Game manipulators// ComputerPress, 2003, No. 6. – http://www.compress.ru/Article.asp?id=4587.

[2] Bashmakov A.I., Bashmakov I.A. Development of computer textbooks and training systems. - M.: Filin Information and Publishing House, 2003.

[3] Grigoriev S.G., Grinshkun V.V. Multimedia in Education. – http://www.ido.edu.ru/open/mm/.

[4] Jonathan L. Virtual Reality at Unity. L. Jonathan; translation from English by R. N. Ragimov. - Moscow: DMK Press. 2016. - 316 p. Text: electronic// Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/book/93271 (accessed: 09.04.2026).

[5] Efimova I.A. Improving the quality of higher education in the Russian Federation//Russian entrepreneurship. — 2011. - No. 5 Issue 1 (183). — c. 151¬154. — http://old.creativeconomy.ru/articles/11716/.

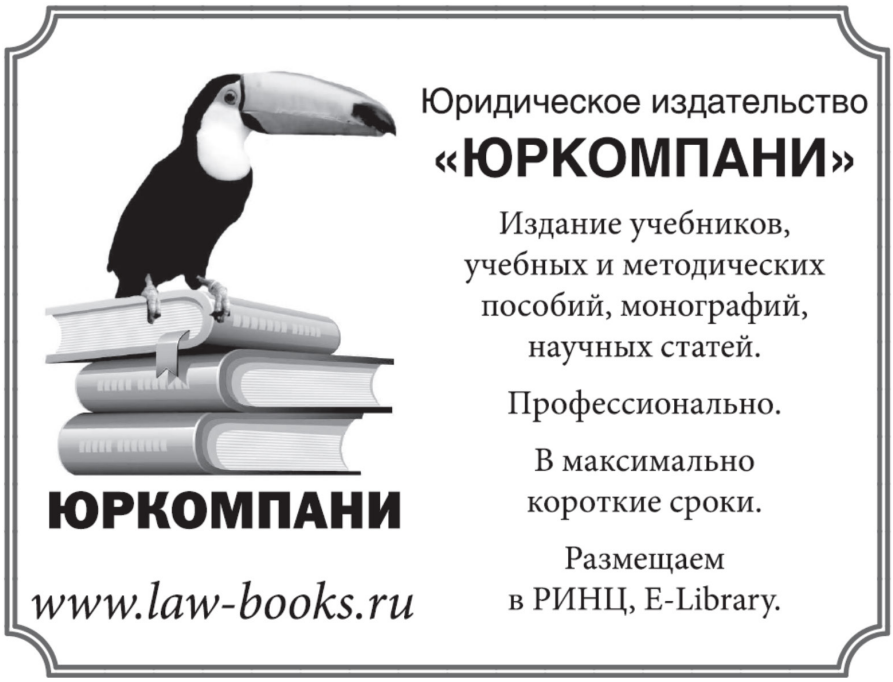
[6] Kucher M.O. Functional-territorial analysis and diagnostics of agro-industrial relations (on the example of the city of Krasnodar): specialty 25.00.24 “Economic, social, political and recreational geography”: dissertation for the degree of candidate of geographical sciences. Krasnodar, 2004 196 p. EDN NNALGL.

[7] Maksimov S.I. Digital transformation of higher education: goals, objectives, technological and pedagogical problems and development prospects// Higher education: problems and prospects: Sat. materials 15th International. scientific-method. conf., Minsk, November 18, 2021 Minsk: Rep. Institute of Higher School, 2021 P. 94-96.

[8] Mamonova A.V., Kucher M.O. Virtual tourism as an innovative direction of the tourism industry//Tourist and recreational complex in the regional development system: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, April 21-25, 2021. Krasnodar: Kuban State University, 2021 S. 260-264. EDN YUEDFR.

[9] Nuzhnov, E.V. Part 2: Virtual reality, creation of multimedia products, application of multimedia technologies in professional activities - 2016. 180 s. Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/book/114455 (Accessed: 10.04.2026)

[10] Simbirskikh E.S., Racheev N.O. VR laboratory as a component of organizational and pedagogical conditions for training students at an agricultural university//Agroengineering. 2021 № 4 (104). S. 76-82. https://doi.org/10.268997/2687-1149-2021-4-76-82.



Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-498-502

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,

старший преподаватель кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: vsinko71@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: palamit@rambler.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,

доктор биологических наук, профессор кафедры «Техносферная и экологическая безопасность» Уральский государственный аграрный университет, профессор кафедры «Техносферная безопасность» Уральский государственный университет путей сообщения, ст. научный сотрудник УрНИВИ ФГБНУ УрФАНИЦ УрОРАН,

e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ

Аннотация. *Проблема дистанционного обучения становится все более актуальной. Для многих людей оно является единственным выходом в ситуации ограниченных возможностей. Да и для успешного человека именно дистанционное образование часто становится удачным решением в мире тотальной занятости, дороговизны, нехватки времени.*

Ключевые слова: *дистанционное обучение, образование, молодые люди, студент, успех.*

KOSHELENKO Lyubov V.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey V.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

SINKO Vera N.,

Senior lecturer at the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey G.,

Candidate of historical sciences, associate Professor, Associate professor of the Department of philosophy, Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg R.,

Doctor of Biological Sciences, Professor of the Department of Technosphere Safety, Ural State University of Railway Transport, Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety, Ural State Agrarian University, Senior Researcher, Ural Research Veterinary Institute, Federal State Budgetary Scientific Institution, Ural Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

DISTANCE LEARNING FOR UNIVERSITY STUDENTS IN THE TEACHING PROCESS

Annotation. *The problem of distance learning is becoming more and more urgent. For many people, it is the only way out in a situation of limited opportunities. And for a successful person, distance education often becomes a successful solution in a world of total employment, high cost, and lack of time.*

Key words: *distance learning, education, young people, student, success.*

Дистанционное обучение в нашей стране появилось относительно недавно. Оно дало возможность людям получать образование без отрыва от работы, без посещений занятий, возможность обучаться по индивидуальному графику – все это представляет собой значительные удобства для каждого человека. «Дистанционное обучение – педагогическая технология, это форма обучения на расстоянии, в ходе которой студент получает знания с помощью современных технических средств, в основном из компьютерной сети» [1, с. 142].

Можно предположить, что именно дистанционное образование в ближайшем будущем станет преобладать над другими формами обучения. Дело в том, что оно гораздо дешевле, не требует огромного штата сотрудников, оборудования, общежитий для обучающихся, ограничений приема студентов. Многие люди сегодня выбирают именно дистанционные формы обучения, так это удобно, просто, дешево, да и заниматься образованием оно позволяет тогда, когда есть время и настроение. Цифровые технологии дают возможность не сидеть часами в библиотеках и ожидать нужную книгу, а найти ее в электронной системе; не торопиться на лекции, которые можно посмотреть и послушать в любое удобное время, кроме того, задавать вопросы преподавателю на расстоянии. Видеолекции, дополнительные учебные материалы, методические рекомендации, учебники, учебные пособия и многое другое – все это находится в распоряжении студента постоянно.

Обратимся к истории возникновения дистанционного обучения. В середине XX века в США, Японии в странах Западной Европы с появлением аудиовизуальных средств телевидения, видеотехники, компьютеров, интернета в учебных заведениях постепенно начинает развиваться дистанционное обучение. Кризисные явления в экономике вызвали необходимость приобретения работниками новых и дешевых квалификаций.

Особый интерес для обучающихся по дистанционной системе обучения представляет организация дистанционного обучения, а именно: непрерывность обучения; индивидуальный подход, централизм, с центром дистанционного обучения, на базе вуза или учебно-консультационного центра, наличие преподавателей-консультантов (тьюторов). Сущность дистанционного обучения заключается в организации обмена между преподавателем и студентом учебными материалами, домашними заданиями и результатами обучения по электронной почте или мессенджеру, без личного контакта. Студент получает учебные материалы, задания, которые необходимо выполнить и вопросы, на которые необходимо ответить. Затем студент посылает все выполненные задания и получает оценку. Обмен информацией может происходить по почте, мессенджеру, телефону, факсу, компьютерным сетям.

Дистанционное образование, в основном, исключает непосредственный контакт преподавателя и студентов. Каждое конкретное применение систем дистанционного образования (СДО) требует точного определения своего варианта обучения. «Архитектура конкретной СДО определяется набором методического, организационного, программного, информационного, аппаратного обеспечения» [2, с. 269-276]. Классификация СДО предполагает определенный набор критериев: высшее или среднее специальное образование; дополнительное образование или повышение квалификации; профессиональная подготовка или переподготовка; обучение с дипломом или без диплома; возрастная категория обучаемых: взрослые, студенты, дети; безработные или обучающиеся новой профессии.

Важными условиями дистанционного

обучения являются следующие: студенты должны быть высоко дисциплинированными, иметь способности к самообучению, а в разработке учебного материала должны принимать участие высококвалифицированные преподаватели-разработчики. После успешного собеседования студент получает набор учебных материалов (кейс). На первом установочном занятии тьютор объясняет правила обучения по системе дистанционного обучения.

В системе дистанционного образования содержание обучения представлено в печатных учебниках, учебно-методических пособиях, справочниках, видеофильмах и других электронных изданиях учебного назначения. Глобальная сеть Интернет активно используется в дистанционном обучении. Дистанционное обучение (ДО) предполагает, что студент обучается самостоятельно. Вот почему ДО требует хорошо подготовленных учебных материалов. «Для самостоятельного обучения необходимо подготовить: введение, учебную программу дисциплины, цель и задачи изучения дисциплины, методические указания к самостоятельному изучению дисциплины, оглавление, основное содержание, практические задания, проблемные задания, тематику научно-исследовательских работ, вопросы-тесты-задания для контроля усвоения материала, ответы на задания, тесты, словарь терминов, список литературы, хрестоматию» [3, с. 295]. «К средствам обучения относятся: электронные издания, компьютерные обучающие системы, аудио- и видео- учебные материалы, компьютерные сети» [4, с. 306-308].

«Обучение студентов по системе дистанционного образования в 8-10 раз дешевле, чем в обычных дневных вузах. Например, в Англии на стационаре обучение стоит 3000 фунтов стерлингов, а в системе дистанционного образования – 300 фунтов стерлингов. Резко сокращаются расходы на эксплуатацию зданий, оборудования, лабораторий, сокращается штат преподавателей, администрации и обслуживающего персонала» [2, с. 267]. Контакты с обучающимися проводятся через телестудии, электронные и компьютерные сети. В США и Англии индивидуальные ЭВМ имеют возможность подключения к сети колледжей, институтов и университетов. В системе дистанционного образования все необходимые учебники и учебные пособия представлены студентам в виде книг, рабочих тетрадей, аудио- и видеокассет. Уровень подготовки специалистов довольно высок и дает право на получение квалификации бакалавра, магистра, доктора наук. Дистанционное обучение – это всегда четкие и продуманные обучающие программы, учебные пособия, учебники и хрестоматии.

Обратимся к статистике. Так, в Докладе о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования за 2024 год — официальном документе, указывается, что количество студентов, использующих электронный формат обучения, с 2020 года выросло в 1,5 раза. В 2024 году онлайн-формат применялся в 28,1 тыс. программ высшего образования, на которых обучалось 2 млн. 283,2 тыс. студентов (50,97% от общего числа). С использованием дистанционных образовательных технологий (ДОТ) реализовывалось 27,67 тыс. программ, на которых обучалось более 2 млн. человек (более 46% от общей численности студентов).

По данным Росстата — федерального органа статистики, в 2024 году объем рынка образовательных услуг (включая онлайн-образование) составил 1,135 трлн. рублей — максимум за последние семь лет. В 2024 году доля граждан, использовавших интернет для дистанционного обучения, составила 6,9 % опрошенных. Это на 1,7 % меньше, чем за два предыдущих года. Исследование, проведенное среди 60 тысяч домохозяйств во всех субъектах РФ, показало, что пик использования онлайн обучения пришелся на 2020 год — тогда показатель достигал 9,6 %, а в 2019 году составлял лишь 3,4 %.

В нашей стране, к сожалению, отношение к дистанционному обучению скорее негативное. Однако многие ВУЗы страны уже перешли на эту форму обучения и демонстрируют неплохие результаты. Теперь занятые люди больные, инвалиды, небогатые семьи могут позволить себе высшее образование. Конечно, технологии дистанционного обучения необходимо совершенствовать, исключать досадные ошибки, к сожалению, частые, но в дистанционном обучении можно увидеть массу перспектив: сокращение числа преподавателей, материальных затрат, экономию времени, психологический комфорт.

В настоящее время очень быстро совершенствуются старые и появляются новые технологии обмена информации. Серьезно увеличилось разнообразие инструментов коммуникаций: почта, факс, телефон, телевидение, компьютерные сети. Появились различные формы и варианты дидактического материала: текстовая информация, CD-диски, дискеты, аудиокассеты, видеокассеты, программное обеспечение и др. Следует отметить, что все системы дистанционного образования всегда учитывают интересы обучаемого и удобство для него. Каждый студент, независимо от своих возможностей, должен

чувствовать комфорт в процессе обучения. Поэтому в образовательных организациях предусматриваются дидактические материалы для слепых, глухих и студентов с другими ограничениями. Учебные курсы учитывают методические, технические, организационные и экономические вопросы. При этом, «учебный процесс в СДО предполагает гибкость, адаптивность, модульность, экономическую эффективность, ориентацию на потребителя, опору на передовые коммуникационные и информационные технологии» [2, с. 276].

Отметим, что «организация дистанционного обучения строится по следующим направлениям: концептуальные идеи, дидактические аспекты, преподаватели – консультанты, способы взаимодействия с обучаемым, контроль качества, тестирование, способы передачи информации, оснащение региональных центров СДО» [3]. Ряд авторов: Челнокова Елена Александровна, Челноков Александр Сергеевич, Максимова Ксения Алексеевна, Лапшина Ирина Александровна, Барабина Ирина Евгеньевна отмечают «основные требования к методике контроля курсов дистанционного образования:

курсы СДО необходимо строить по модульному принципу;

элементы модулей должны быть построены на самостоятельном обучении;

содержание модуля должно учитывать уровень подготовленности обучаемого;

в состав каждого модуля должны входить компоненты входного и выходного контроля знаний;

в состав модулей и элементов курсов должны входить наборы экспертных правил» [4]. Следует отметить, что дополнительные требования определяются спецификой каждого отдельного курса.

Большой интерес представляет технология планирования учебного процесса. Учебная программа подготовки должна быть построена с учетом элементов дистанционного обучения. Разработка базовой структуры курсов СДО предполагает наличие модульного принципа построения. В построении учебного процесса с использованием СДО можно выделить следующие этапы:

«1. Определение целей и задач подготовки с использованием СДО (требования к набору знаний и навыков, требования к качеству подготовки, временные ограничения, требования к набору знаний и навыков, характеристика контингента).

Оценка возможного использования курсов СДО и их общей доли в учебном процессе (формирование общей программы подготовки, выделение разделов подготовки, реализуемых в дистанционной системе.).

Выбор (разработка) базовых курсов СДО, которые могут быть использованы в учебной программе (определение перечня базовых курсов СДО, формирование требований к контекстам курсов СДО с учетом общей программы подготовки).

Адаптация курсов СДО целям и структуре подготовки (разработка контекстного содержания курсов СДО), разработка расписаний (регламентов обучения).

Реализация системы подготовки обучения с использованием курсов СДО (оценка результатов обучения, выработка рекомендаций по использованию курса СДО)» [5, с. 283-284].

На первом этапе необходимо определить, кого, чему и зачем мы собираемся обучать. Что мы хотим получить на выходе? Поэтому необходим четкий план обучения, квалификационная характеристика обученного специалиста, учебный план, образовательные программы и так далее.

На втором этапе необходимо определить целесообразность использования СДО, сформировать общую программу обучения, какие разделы программы буду изучаться в системе СДО.

На третьем этапе определение и разработка базовых курсов учебной программы для СДО. Разработка к требованиям и содержанию этих курсов в контексте общей образовательной программы.

На четвертом этапе необходимо разработать содержание курсов СДО и формирование регламента обучения.

На пятом этапе реализация программы обучения, ее мониторинг, разработка рекомендаций, исправление ошибок.

Таким образом, практика СДО в высших учебных заведениях показала свои недостатки и достоинства. Одним из важных преимуществ явилась гибкость обучения. Студенты получили возможность самостоятельно планировать свое время, а именно совмещать обучение с работой или с чем-то другим. Преподаватели также освободили достаточное количество времени, получили возможность уделять больше внимания на научную работу, учебные задачи и др.

Во-вторых, образование стало более доступным для более широкого круга лиц. СДО устранило географические барьеры, сделало обучение более доступным.

В-третьих, освоение новых цифровых технологий стало актуальным и для преподавателей, и для студентов. И те, и другие становятся все более грамотными в плане цифровизации.

В-четвертых, структурирование учебных курсов по отдельным блокам-модулям позволило адаптировать образовательные программы под индивидуальные потребности каждого студента.

В-пятых, интернет и цифровые ресурсы значительно ускорили процесс передачи информации, повысили скорость актуализации учебных материалов, сделали эти процессы более гибкими.

Однако отметим и недостатки СДО. В первую очередь, необходимо отметить снижение мотивации к обучению. Студенты часто отвлекаются от занятий, формально выполняют задания, само обучение в этих случаях становится менее качественным.

Кроме того, практически полностью отсутствует личное «живое» общение между людьми. Это также негативно сказывается на качестве обучения: понимании учебного материала, успеваемости, а также, на социализации человека.

Далее отметим трудности контроля авторства учебной работы студентов. А это значит, что реальный уровень знаний студентов вызывает вопросы. Вместе с тем, отметим техническую составляющую процесса обучения: качество интернета, технические неисправности, сбои связи.

Обратимся и усвоению практических навыков. Искусство, медицина, другие технологически сложные для усвоения профессии невозможно полностью обеспечить СДО.

Необходимо отметить и проблемы самоорганизации студентов. Эффективная организации времени, самодисциплина в условиях СДО становятся серьезной проблемой. Не каждый студент способен к подобным испытаниям, которые зависят от серьезных волевых усилий. Преподаватель, соответственно вынужден работать в условиях информационной перегруженности, что сказывается на его эмоциональном и общепсихологическом состоянии.

Несмотря на достаточно большое количество негативных факторов СДО, рассмотрим перспективы их применения в будущем. Дистанционное обучение доказало свою эффективность, как серьезный инструмент в системе образования. Конечно, СДО не может полностью заменить очное обучение, однако, наиболее эффективным сегодня признается смешанный формат обучения, который предполагает наличие очного и дистанционного обучения.

Для повышения эффективности СДО возможно внедрение интерактивных форматов взаимосвязи; разработка комфортных образовательных порталов, в которых возможно размещать дидактические материалы и контактировать со студентами; использовать творческие задания для студентов, что минимизирует списывание или копирование.

Таким образом, можно отметить, что СДО являются ценным инструментом образования. Однако, для эффективного применения этого инструмента необходимо учитывать специфику преподаваемых дисциплин, особенностей студентов, технических возможностей образовательного учреждения и студентов. К сожалению, не всех образовательных организациях нашей страны существуют такие возможности. Однако со временем, они существенно расширятся и будут активно совершенствовать образовательный процесс.

Список литературы:

[1] Педагогика: Большая современная энциклопедия / Сост. Е.С. Рапацевич. Мн. «Современное слово», 2005. 720 с.

[2] Педагогические технологии: Учебное пособие для студентов / Под общей редакцией И.С. Кукушина. М.: ИКЦ «МарТ». Ростов н/Д: издат. центр «МарТ», 2006. 336 с.

[3] История. ЕГЭ – 2018. Тематический тренинг: Все типы заданий: учебно-методическое пособие / Под редакцией О.Г. Веряскиной. Ростов н/Д: Легион, 2017. 528 с. (ЕГЭ).

[4] Челнокова Е. А., Челноков А. С., Максимова К. А., Лапшина И. А., Барабина И. Е. Проектирование и разработка дистанционного курса // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2020. №2 (44). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-i-razrabotka-distantsionnogo-kursa (дата обращения: 16.04.2026).

References:

[1] Pedagogy: A great modern encyclopedia / Comp. E.S. Rapatsevich. Mn. “Modern word”, 2005. 720 p.

[2] Pedagogical technologies: A textbook for students / Under the general editorship of I.S. Kukushin. Moscow: ICC “March”. Rostov n/A: izdat. The March Center, 2006. 336 p.

[3] History. EGE – 2018. Thematic training: All types of tasks: educational and methodological manual / Edited by O.G. Veryaskina. Rostov n/D: Legion, 2017. 528 p. (EGE).

[4] Chelnokova E. A., Chelnokov A. S., Maksimova K. A., Lapshina I. A., Barabina I. E. Design and Development of a Distance Course // Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement.2020. No. 2 (44). [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-i-razrabotka-distantsionnogo-kursa (date of access: 16.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-503-506

ГОРЕЛИК Артём Сергеевич,

кандидат биологических наук, преподаватель кафедры Уральский институт ГПС МЧС России, Екатеринбург, Россия, Orcid 0000-0002-3362-2514; AuthorID: 863150,

e-mail: temae077ex@mail.ru

ХАРЛАП Светлана Юрьевна,

доцент, кандидат биологических наук, заведующая кафедры техносферной и экологической безопасности, Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия. Orcid. 0000-0002-3651-8835$ AuthorID: 832931,

e-mail: proffuniver@yandex.ru

НЕНАХОВ Владислав Вадимович,

Заместитель декана по воспитательной работе факультета среднего профессионального образования, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: nenakhov_vv@urgau.ru

САЯФАРОВА Наталья Александровна,

преподаватель кафедры зооинженерии, заместитель декана по учебной работе Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: mail@law-books.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,

Магистр кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: barykina_10@mail.ru

СМЕРНЯГИН Леонид Игоревич,

преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Уральский государственный аграрный университет 0009-0008-2145-4374,

e-mail: smerniagin_li@urgaul.ru

ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ЭКЗАМЕН КАК ФОРМА ПРОМЕЖУТОЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ В КОЛЛЕДЖАХ АГРАРНОГО СЕКТОРА

Аннотация. *В статье рассматривается демонстрационный экзамен как современная форма промежуточной аттестации обучающихся в колледжах аграрного сектора. Анализируются его преимущества перед традиционными формами контроля, особенности организации и проведения в условиях аграрного образования, а также влияние на качество подготовки специалистов. Особое внимание уделяется соответствию экзамена требованиям профессиональных стандартов и запросам работодателей. Результаты исследования показывают, что использование демонстрационного экзамена способствует повышению уровня практической подготовки студентов и их конкурентоспособности на рынке труда.*

Ключевые слова: *демонстрационный экзамен, промежуточная аттестация, колледжи аграрного сектора, профессиональные стандарты, практическая подготовка, компетенции, качество образования.*

GORELIK Artyom Sergeevich,

Candidate of Biological Sciences, Lecturer at the Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg

KHARLAP Svetlana Yurievna,

Associate Professor, Candidate of Biological Sciences, Head of the Department of Technosphere and Environmental Safety, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

NENAKHOV Vladislav Vadimovich,

Deputy Dean for Educational Work, Faculty of Secondary Vocational Education, Ural State Agrarian University

SAYAFAROVA Natalya Aleksandrovna,

Lecturer, Department of Zooengineering, Deputy Dean for Academic Affairs Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,

Master of Science, Department of Biotechnology and Food Products, Lecturer, Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

SMERNYAGIN Leonid Igorevich,

Lecturer, Department of Physical Education and Sports, Ural State Agrarian University

DEMONSTRATION EXAM AS A FORM OF INTERMEDIATE CERTIFICATION IN COLLEGES OF THE AGRICULTURAL SECTOR

Annotation. *The article examines the demonstration exam as a modern form of interim assessment for students in agricultural colleges. The study analyses its advantages over traditional forms of assessment, specific features of organisation and implementation in agricultural education, and its impact on the quality of specialist training. Particular attention is paid to the exam's compliance with professional standards and employers' requirements.. The research results demonstrate that using demonstration exams enhances students' practical training level and their competitiveness in the labour market.*

Key words: *demonstration exam, interim assessment, agricultural colleges, professional standards, practical training, competencies, education quality.*

Введение

Современное аграрное образование сталкивается с необходимостью подготовки квалифицированных специалистов, способных эффективно работать в условиях технологического развития отрасли. Традиционные формы промежуточной аттестации (зачёты, экзамены в форме устных/письменных ответов) не всегда позволяют объективно оценить уровень сформированности профессиональных компетенций. В связи с этим особую актуальность приобретает внедрение демонстрационного экзамена — формы контроля, основанной на моделировании реальных производственных задач.

Демонстрационный экзамен представляет собой форму оценки уровня освоения обучающимся образовательной программы и сформированности профессиональных навыков через выполнение практических заданий в условиях, максимально приближённых к производственным. Его ключевые особенности включают: соответствие требованиям профессиональных стандартов, ориентацию на реальные профессиональные задачи аграрного сектора (работа с сельхозтехникой, агрохимическими анализами, зоотехническими процедурами и т.д.), независимую экспертизу результатов экспертами от работодателей, использование единых оценочных материалов с чёткими критериями оценки.

Организация демонстрационного экзамена требует комплексного подхода. Прежде всего, необходима подготовка материально технической базы: создание учебно производственных полигонов (поля, фермы, лаборатории), обеспечение современным оборудованием (сельхозтехника, аналитические приборы, ПО для агроменеджмента) и организация цифровых платформ для мониторинга выполнения заданий.

Разработка заданий должна учитывать

специфику аграрного сектора: они должны моделировать типовые задачи агрономов, зоотехников, механизаторов и других специалистов с учётом региональной специфики (климат, типы почв, ведущие культуры/животные). Например, для специальности «Агрономия» задания могут включать анализ почвы, расчёт норм внесения удобрений, составление севооборота и оценку фитосанитарного состояния посевов, а для «Зоотехнии» — оценку кондиции животных, составление рационов и проведение ветеринарно санитарных мероприятий.

Важнейшим элементом успешного внедрения экзамена является вовлечение работодателей: их привлечение к разработке заданий и оценке результатов, проведение стажировок экспертов колледжа на предприятиях, заключение соглашений о целевом обучении. Это позволяет обеспечить соответствие подготовки специалистов реальным запросам отрасли.

Преимущества демонстрационного экзамена очевидны и многогранны. Прежде всего, он обеспечивает объективность оценки компетенций за счёт чётких критериев оценивания и независимой экспертизы со стороны работодателей. Практическая направленность обучения повышается, поскольку студенты осваивают работу с современным оборудованием и решают реальные производственные задачи, такие как диагностика неисправностей комбайна или вакцинация животных.

Экзамен также способствует повышению мотивации студентов: понимание связи обучения с будущей работой усиливает вовлечённость, а возможность получить обратную связь от экспертов работодателей стимулирует саморазвитие. Лучшие результаты могут учитываться при распределении на практику или трудоустройстве.

Одним из значимых преимуществ является сокращение периода адаптации выпускников на рабочем месте. Например, после внедрения экзамена в колледже Татарстана срок адаптации зоотехников сократился с 6 до 2 месяцев. Работодатели получают «готовых» специалистов с подтверждёнными навыками, что снижает затраты на дообучение.

Демонстрационный экзамен укрепляет связь образования и производства: работодатели участвуют в разработке заданий, колледжи получают доступ к базам предприятий для проведения экзамена и практики. Это создаёт условия для целевого обучения и гарантированного трудоустройства.

Прозрачность и стандартизация процесса оценки позволяют сравнивать уровень подготовки между колледжами, а родители и абитуриенты видят чёткие требования к выпускникам. Внедрение экзамена также стимулирует модернизацию колледжей: обновление материально технической базы, внедрение цифровых инструментов (видеофиксация выполнения заданий, электронные портфолио студентов) и повышение квалификации педагогов через обучение на тренингах экспертов демонстрационного экзамена.

Кроме того, экзамен способствует формированию не только профессиональных, но и «мягких» навыков: командной работы, коммуникации, тайм менеджмента.

Однако внедрение демонстрационного экзамена сопряжено с рядом проблем, требующих системного решения. Основной сложностью являются высокие затраты на материально техническую базу: закупка сельхозтехники, аналитического оборудования, создание учебно производственных полигонов требует значительных инвестиций. Решением может стать привлечение средств работодателей через целевое обучение, участие в федеральных программах (гранты Минсельхоза, Минпросвещения) и кооперация колледжей для совместного использования оборудования.

Другой проблемой выступает дефицит квалифицированных экспертов — преподавателей и работодателей, обученных методологии оценки демонстрационного экзамена. Для её преодоления целесообразно организовывать межрегиональные стажировки, создавать пулы сертифицированных экспертов на уровне региона и использовать дистанционное обучение через платформы ФИРПО.

Сложность унификации заданий из за региональной специфики АПК (различия между зерновыми и животноводческими районами) решается разработкой модульных заданий с вариативными блоками. Например, для агрономов можно создать модуль «Растениеводство» с опциями «Зерновые» и «Овощеводство», адаптированными под климатические и экономические особенности региона.

Организационные сложности, связанные с координацией графиков работы колледжей и предприятий, решаются заключением долгосрочных соглашений с агрохолдингами и использованием мобильных лабораторий и тренажёров. Риск формализации процедуры при массовом внедрении минимизируется внедрением видеофиксации и онлайн наблюдения, а также регулярным аудитом оценочных материалов независимыми организациями.

Психологическая нагрузка на студентов из за присутствия экспертов работодателей и жёстких временных рамок снижается проведением тренировочных экзаменов, включением элементов психологической

подготовки в учебные программы и разделением экзамена на этапы с перерывами.

Правовые и административные барьеры (отсутствие чётких нормативов по участию работодателей в оценке) преодолеваются разработкой типовых соглашений на уровне региона и внесением изменений в локальные акты колледжей. Ограниченная применимость для теоретических дисциплин решается комбинированием форм аттестации (демонстрационный экзамен + тестирование) и интеграцией теории в практику (например, расчёт норм удобрений через задачи по химии).

Технические риски (поломка оборудования, сбои в работе ПО) минимизируются резервированием техники и каналов связи, а также обучением персонала быстрому устранению неполадок. Сопротивление педагогов, привыкших к традиционным формам контроля, преодолевается мотивацией через повышение квалификации и надбавки за роль эксперта, а также демонстрацией успешных кейсов из других колледжей.

Перспективные направления развития включают цифровизацию (внедрение VR тренажёров для отработки опасных операций), модульность (разделение экзамена на блоки по компетенциям с возможностью пересдачи отдельных модулей), международную интеграцию (адаптацию заданий к стандартам EuroSkills) и аналитику данных (использование Big Data для корректировки учебных планов на основе типичных ошибок студентов).

Выводы

Демонстрационный экзамен — эффективный инструмент промежуточной аттестации в колледжах аграрного сектора, который:

обеспечивает соответствие подготовки специалистов требованиям профессиональных стандартов;

повышает практическую направленность обучения;

укрепляет партнёрство образовательных организаций и работодателей;

стимулирует модернизацию материально технической базы колледжей;

создаёт прозрачную систему оценки компетенций.

Для масштабирования опыта необходимо:

разработать отраслевые рекомендации с учётом региональной специфики АПК;

предусмотреть грантовую поддержку колледжей для обновления инфраструктуры;

создать банк единых оценочных материалов по ключевым специальностям;

внедрить систему цифровой верификации результатов;

организовать межрегиональные стажировки для экспертов.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273 ФЗ (ред. от 24.04.2024).

[2] Приказ Минпросвещения России от 08.11.2021 № 800 «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего профессионального образования».

[3] Методические рекомендации по организации и проведению демонстрационного экзамена (утв. Союзом «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)», 2023).

[4] Профессиональные стандарты в сфере АПК (приказы Минтруда России № 524н, № 534н и др.).

[5] Абрамова, Н. А. Практико ориентированное обучение в аграрном колледже: опыт внедрения демонстрационного экзамена // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2022.

Refertences:

[1] Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated December 29, 2012 No. 273 FZ (as amended on 04/24/2024).

[2] Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 11/08/2021 No. 800 “On Approval of the Procedure for conducting State final certification of secondary vocational education programs”.

[3] Methodological recommendations on the organization and conduct of the demonstration exam (approved by the Union of Young Professionals (Worldskills Russia), 2023).

[4] Professional standards in the field of agriculture (orders of the Ministry of Labor of Russia No. 524n, No. 534n, etc.).

[5] Abramova, N. A. Practice-oriented education in an agricultural college: the experience of implementing a demonstration exam // Vocational education in Russia and abroad. — 2022.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-507-511

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: darya.ukrozhenkozoo@mail.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: opneverova@mail.ru

ЛОПАЕВА Надежда Леонидовна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: lopaeva77@mail.ru

ПАВЛОВА Яна Сергеевна,

кандидат сельскохозяйственных наук, биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: yana.laborant.pavlovova@mail.ru

ЧЕБЫКИНА Анастасия Андреевна,

преподаватель кафедры зооинженерии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: jko-10@mail.ru

КАНЕВ Прокопий Николаевич,

преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: kanevxok@mail.ru

СООТВЕТСТВИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ТРЕБОВАНИЯМ РАБОТОДАТЕЛЕЙ

Аннотация. *Статья посвящена теоретическому анализу проблемы соответствия образовательных программ высшего образования требованиям работодателей в условиях трансформации рынка труда и перехода к компетентностной парадигме. Рассматривается эволюция запросов нанимателей от формальной квалификации к комплексу общекультурных и личностных компетенций, включая гибкие навыки, цифровую грамотность и профессиональную мобильность. Выявляются и систематизируются устойчивые разрывы между академической подготовкой и реальными задачами деятельности: содержательный, компетентностный, временной и психологический. Анализируются модели взаимодействия вузов и работодателей, включая договорной и институционализированный подходы с участием координирующих органов. Раскрывается процедура формализации запросов бизнеса в языке образовательных результатов через паспортизацию компетенций и уровневые дескрипторы. Представлен зарубежный опыт синхронизации образования с рынком труда на примере Германии, США и Сингапура. В заключении предлагается модель непрерывного обновления образовательных программ на основе двух контуров обратной связи — педагогического и внешнего от работодателей.*

Ключевые слова: *образовательные программы, требования работодателей, компетентностный подход, профессиональные стандарты, рынок труда, гибкие траектории обучения, непрерывное обновление.*

UKROZHENKO Daria Sergeevna,

Lecturer, of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

NEVEROVA Olga Petrovna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

LOPAEVA Nadezhda Leonidovna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

PAVLOVA Yana Sergeevna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

CHEBYKINA Anastasia Andreevna,

Lecturer, of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

KANEV Prokopiy Nikolaevich,

Lecturer, Department of Physical Education and Sports, Ural State Agrarian University

COMPLIANCE OF EDUCATIONAL PROGRAMS WITH EMPLOYER REQUIREMENTS

Annotation. *This article provides a theoretical analysis of how higher education programs align with employer requirements in the context of a transforming labor market and the transition to a competency-based paradigm. It examines the evolution of employer demands from formal qualifications to a range of general cultural and personal competencies, including soft skills, digital literacy, and professional mobility. Persistent gaps between academic preparation and real-world work objectives are identified and systematized, including content, competency, time, and psychological gaps. Models of interaction between universities and employers are analyzed, including contractual and institutionalized approaches involving coordinating bodies. A procedure for formalizing business demands in the language of educational outcomes through competency certification and level descriptors is described. International experience in synchronizing education with the labor market is presented, using examples from Germany, the United States, and Singapore. Finally, a model for continuously updating educational programs is proposed based on two feedback loops: pedagogical and external, from employers.*

Key words: *Educational programs, employer requirements, competency-based approach, professional standards, labor market, flexible learning paths, continuous renewal.*

Современный этап развития высшего образования характеризуется усилением ориентации на запросы рынка труда. В условиях динамичных изменений экономики, технологического обновления производства и появления новых профессиональных областей традиционная академическая модель подготовки специалистов всё чаще вступает в противоречие с актуальными потребностями работодателей. Это выражается в разрыве между формируемыми компетенциями выпускников и реальными задачами, которые им предстоит решать на рабочих местах.

Проблема соответствия образовательных программ (ОП) требованиям работодателей носит комплексный характер, затрагивая вопросы структуры и содержания учебных планов, методов обучения, системы оценки результатов, а также механизмов взаимодействия университетов с бизнесом и государственными структурами. Несмотря на внедрение компетентностного подхода и профессиональных стандартов, остаётся нерешённым ряд теоретических и практических вопросов: как формализовать запросы работодателей в языке образовательных результатов, как сбалансировать фундаментальность и прикладную направленность подготовки, каким образом выстроить обратную связь и оперативно обновлять программы.

Результаты опросов работодателей Московского региона, представленные в статье Е.В. Манаковой, свидетельствуют о трансформации требований к выпускникам: от

формальной квалификации, подтверждённой дипломом, к комплексу актуальных компетенций. Эмпирически установлено, что для нанимателей наиболее значимыми являются не столько узкопрофессиональные знания, сколько общекультурные и личностные компетенции — способность к командной работе, стрессоустойчивость, восприимчивость к инновациям, навыки руководства и адаптации к изменяющимся условиям. При этом выявлен устойчивый разрыв между ожиданиями работодателей и реальным уровнем подготовки выпускников, особенно в части практической применимости знаний и сформированности «гибких» навыков, что фиксирует переход от квалификационной парадигмы к компетентностной [7].

Профессиональные стандарты рассматриваются в научной литературе как ключевой механизм сопряжения рынка труда и системы высшего образования. В условиях перехода к компетентностной парадигме профстандарты позволяют перевести запросы бизнеса в язык конкретных трудовых функций, необходимых выпускнику. При этом работодатели, не будучи специалистами в области педагогики, задают лишь исходные данные для проектирования образовательных программ, но не определяют логику фундаментальной подготовки. Профстандарты служат не только содержательным ориентиром при разработке учебных планов, но и инструментом кадровой политики, позволяя конкретизировать виды профессиональной деятельности, результаты обучения и методы их оценки. Вместе с тем профстандарт не следует понимать как жёсткую норму, механически переносимую в образовательные программы; его назначение — служить источником данных о запросах экономики, на основе которых при участии университетского сообщества формируются компетентностно-ориентированные программы. Эффективность данного инструмента напрямую зависит от паритетного взаимодействия вузов и бизнеса на всех этапах проектирования образовательных программ [1, 8].

Анализ системы непрерывного образования позволяет выделить несколько устойчивых разрывов между подготовкой выпускников и запросами практики. Первый разрыв фиксируется между содержанием вузовской подготовки и потребностями бизнес-среды: выпускники овладевают преимущественно теоретическим инструментарием, тогда как работодатели ориентированы на практические навыки. Второй разрыв связан с несоответствием компетенций ожиданиям нанимателей — социальные, информационные компетенции и способности к саморазвитию оказываются наименее сформированными. Третий разрыв обусловлен временным лагом: от составления требований работодателей до выпуска специалиста проходит около девяти лет, тогда как инновационный цикл во многих отраслях сократился до двух-трёх лет. Кроме того, выявляется разрыв между планируемым объёмом самостоятельной работы студентов и реальной учебной активностью — лишь 7% обучающихся занимаются самостоятельно в соответствии с учебным планом. Существенным является также разрыв психологического характера: неосознанный выбор профессии абитуриентами порождает дисбаланс на рынке труда, где при наличии безработицы значительное число вакансий остаётся незакрытым. Совокупность перечисленных разрывов свидетельствует о необходимости перестройки взаимодействия образования, бизнеса и государства [3].

В научной литературе выделяются два основных подхода к организации взаимодействия вуза с работодателями. Первый ориентирован на описание сложившейся практики с позиций отдельного вуза, где связи носят договорной характер и реализуются через целевые договоры с конкретными предприятиями, однако такой формат не становится полноправным партнёрством. Второй подход предполагает введение координирующего института (органа власти или общественного совета), который формирует сбалансированный региональный заказ на подготовку кадров с учётом потребностей экономики. Эффективная система включает три субъекта: вуз (поставщик), работодателей (потребитель) и органы власти (регулятор). Целевыми установками работодателей выступает получение качественных специалистов, для вуза — подготовка востребованных кадров, для органов власти — реализация кадровой политики в соответствии с потребностями региона. Системное взаимодействие, в отличие от разовых договорённостей, требует создания координационного органа, обеспечивающего обратную связь и согласование информационных потоков между всеми участниками [2].

Ключевой задачей проектирования компетентностно ориентированных программ выступает перевод требований работодателей в формализованный перечень компетенций с заданными уровнями освоения. Исходными данными служат федеральные стандарты, профиль подготовки и результаты исследования актуальности компетенций с участием основных работодателей. Процедура формализации включает несколько этапов: выбор из стандарта обязательных компетенций, соответствующих видам деятельности; формулировку профильно-

специализированных компетенций согласно требованиям работодателей; определение уровня важности каждой компетенции (пороговый, средний, высокий) с помощью анкетирования. Таким образом, запросы бизнеса получают операциональное выражение в виде дескрипторов, структурированных по принципу «от простого к сложному» — от знания через умение к оценке. Паспортизация компетенций (карта компетенции с компонентным составом «знания, умения, владения», содержательная структура с привязкой к дисциплинам и матрица оценки) позволяет не только зафиксировать запросы работодателей, но и обеспечить их реализацию в образовательном процессе [6].

В условиях инновационной экономики ключевым требованием к системе профессионального образования выступает формирование профессиональной мобильности выпускников. Решение данной задачи связано с внедрением гибких индивидуализированных траекторий обучения, позволяющих студенту самостоятельно выбирать образовательный маршрут. Важнейшими принципами организации содержания образования признаются дифференциация и вариативность, обеспечиваемые различным содержанием, объёмом и скоростью освоения программы. Вариативная часть ОП выступает механизмом учёта актуальных запросов рынка труда, через неё формируются профильно-специализированные компетенции, согласованные с потребностями работодателей. При сохранении базовой конструкции программы расширяется свобода манёвра в освоении дисциплин, а наполнение отдельных сегментов варьируется в соответствии с образовательным запросом. Опыт личного участия студента в конструировании программы формирует умение учиться самостоятельно, что коррелирует с концепцией непрерывного образования и повышает конкурентоспособность выпускника [9].

Оценка соответствия образовательных программ запросам рынка труда требует системного подхода, включающего количественные показатели результативности и качественную оценку «зрелости» взаимодействия вуза с работодателями. Ключевыми критериями выступают: доля выпускников, трудоустроенных по специальности, удовлетворённость работодателей уровнем компетенций выпускников, доля дисциплин вариативной части, разработанных с участием нанимателей. Методы сбора обратной связи предполагают регулярное анкетирование работодателей и выпускников, проведение фокус-групп, анализ карьерных траекторий. Интегральный показатель эффективности формируется путём соотнесения количественной результативности (процент трудоустройства) с качественной оценкой зрелости партнёрства, что позволяет выделить уровни от формального выполнения требований до активного вовлечения работодателей в проектирование программ [10].

Международная практика демонстрирует различные модели согласования образования с запросами рынка труда. В Германии сформированы жёстко регулируемые государством системы профессионального обучения с активным участием бизнес-ассоциаций и отраслевых советов. США передают управление подготовкой кадров рыночным механизмам, где работодатели и индивиды самостоятельно выстраивают стратегии формирования компетенций. Сингапур представляет собой централизованную экосистему: государственный комитет SkillsFuture Singapore объединяет министерства, университеты, индустриальные советы и работодателей. Ключевыми функциями оператора выступают прогнозирование спроса на навыки (включая онлайн-порталы с данными о востребованных профессиях), стимулирование непрерывного обучения через субсидии граждан, а также оценка эффективности инициатив. Элементом сингапурской модели являются компетентностные карты граждан — цифровые навигаторы, фиксирующие портфолио навыков и предлагающие индивидуальные планы обучения, что выступает договором между рынком труда и системой образования [4].

Модель непрерывного обновления образовательной программы базируется на проектно-ориентированном обучении, интегрированном с потребностями инновационных предприятий и научных центров. Выбор тематики проектов осуществляется совместно с профилирующими кафедрами и предприятиями, что обеспечивает трансфер актуальных запросов работодателей в содержание обучения. Образовательный процесс выстраивается как преемственная цепочка «школьник – бакалавр – магистр» с обратной связью через систему автоматизированной педагогической поддержки. Механизм обновления включает два контура: внутренний — на основе данных тестирования (переход к следующему этапу при 80% успешных ответов) и внешний — через отбор студентов по итогам исследовательской деятельности для работы в инновационных центрах. Цикл обновления замыкается: требования работодателей транслируются в тематику проектов, результаты освоения верифицируются в практической деятельности студентов, а данные об эффективности возвращаются для коррекции образовательных модулей [5].

Заключение. Проведённый теоретический анализ показывает, что проблема соответствия образовательных программ требованиям работодателей носит системный характер и не решается точечными изменениями. Установлено

наличие устойчивых разрывов между академической подготовкой и запросами рынка труда — содержательного, компетентностного, временного и психологического. Преодоление этих разрывов требует перехода от формальных договорённостей к институционализированному партнёрству вузов, бизнеса и государства. Профессиональные стандарты должны выполнять функцию источника данных для проектирования программ, а не жёсткой нормы. Наиболее перспективным направлением является внедрение гибких индивидуализированных траекторий обучения, где вариативная часть ОП и проектное обучение выступают механизмами оперативного учёта запросов работодателей.

Список литературы:

[1] Профессиональные стандарты как инструмент формирования и реализации кадровой политики образовательной организации / В. И. Блинов [и др.] // Высшее образование в России. – 2016. – № 10 (205). – С. 16–23.

[2] Гринкруг Л. С., Василенко В. С. Обновление образовательной системы вуза: модель взаимодействия с внешней средой // Университетское управление: практика и анализ. – 2011. – № 3 (73). – С. 46–52.

[3] Зайцева И. А. Разрывы в системе непрерывного образования // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=19995 (дата обращения: 12.04.2026).

[4] Иващенко Н. П., Энговатова А. А. Инновации для рынка труда: международный опыт формирования национальных систем компетентностей // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – № 106. – С. 38–50.

[5] Ларионов В. В., Лисичко Е. В., Постникова Е. И. Модель непрерывного образовательного процесса на основе проектно-ориентированного обучения // Человек и образование. – 2010. – № 3. – С. 51–55.

[6] Лобов Н. В. Компетентностная модель выпускника: опыт проектирования / Н. В. Лобов, И. Д. Столбова, В. Ю. Столбов, А. Н. Данилов // Высшее образование сегодня. – 2013. – № 6. – С. 25–33.

[7] Манакова Е. В. Требования работодателей к выпускникам вузов: компетентностный подход // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. – 2014. – № 1 (25). – С. 15–25.

[8] Пак Ю. Н., Шильникова И. О., Пак Д. Ю. Профессиональные стандарты — основа проектирования образовательных программ нового поколения // Университетское управление: практика и анализ. – 2014. – № 2 (90). – С. 101–106.

[9] Привалова Ю. В. Вопросы внедрения гибких индивидуализированных траекторий обучения в условиях инновационности современного образования // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2011. – № 10. – С. 110–116.

[10] Сладкова Н. М., Воскресенская О. А. Мониторинг и оценка результативности кадровых процессов государственных органов в условиях внедрения стандартов клиентоцентричности // Лидерство и менеджмент. – 2023. – № 4. – С. 1397–1418.

References:

[1] Professional standards as a tool for the formation and implementation of the personnel policy of an educational organization/V.I. Blinov [et al.]//Higher education in Russia. – 2016. – № 10 (205). - S. 16-23.

[2] Grinkrug L.S., Vasilenko V.S. Updating the educational system of the university: a model of interaction with the external environment//University management: practice and analysis. – 2011. – № 3 (73). - S. 46-52.

[3] Zaitseva I. A. Gaps in the system of continuing education//Modern problems of science and education. – 2015. – № 1–2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=19995 (access date: 12.04.2026).

[4] Ivaschenko N.P., Engovatova A.A. Innovations for the labor market: international experience in the formation of national competence systems//Public administration. Electronic bulletin. – 2024. – № 106. - S. 38-50.

[5] Larionov V.V., Lisichko E.V., Postnikova E.I. Model of a continuous educational process based on project-oriented training//Person and education. – 2010. – № 3. - S. 51-55.

[6] Lobov N.V. Competence model of a graduate: design experience/N.V. Lobov, I.D. Stolbova, V. Yu. Stolbov, A.N. Danilov//Higher education today. – 2013. – № 6. - S. 25-33.

[7] Manakova E.V. Requirements of employers for university graduates: a competence approach// Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Economics. – 2014. – № 1 (25). - S. 15-25.

[8] Pak Yu. N., Shilnikova I.O., Pak D. Yu. Professional standards are the basis for the design of new generation educational programs//University management: practice and analysis. – 2014. – № 2 (90). - S. 101-106.

[9] Privalova Yu. V. Issues of introducing flexible individualized learning paths in the context of the innovativeness of modern education//Izvestia of the Southern Federal University. Technical sciences. – 2011. – № 10. - S. 110-116.

[10] Sladkova N. M., Voskresenskaya O. A. Monitoring and evaluation of the effectiveness of personnel processes of state bodies in the context of the introduction of customer centricity standards// Leadership and Management. – 2023. – № 4. - S. 1397-1418.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-512-517

ГАЛУШИНА Полина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: sid-polina@yandex.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: barykina_10@mail.ru

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: darya.ukrozhenkozoo@mail.ru

ПАВЛОВА Яна Сергеевна,

кандидат с.-х.н., доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: yana.laborant.pavlovova@mail.ru

КОПАРУЛИНА Александра Евгеньевна,

мастер производственного обучения кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: plhfdcndeqnt_cfif@mail.ru

САМОЙЛОВА Софья Александровна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: sofyasam0ilova@yandex.ru

SMART SKILLS: ВЕДУЩИЕ НАВЫКИ СТУДЕНТА ВЫПУСКНОГО КУРСА БАКАЛАВРИАТА

Аннотация. *В статье рассматривается актуальность развития smart skills у выпускников бакалавриата в условиях стремительных технологических и социальных изменений. Обосновывается, что традиционные узкоспециализированные знания (hard skills) уже не обеспечивают долгосрочную конкурентоспособность специалиста. Подробно раскрываются ключевые компоненты smart skills: критическое и системное мышление, креативность, цифровая грамотность, коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект, адаптивность, навыки самоорганизации и командной работы. Описываются эффективные методы формирования этих компетенций в образовательном процессе: проектное и проблемно ориентированное обучение, менторство, стажировки, междисциплинарные курсы и др. Подчёркивается, что развитие smart skills - насущная необходимость, определяющая успешность профессионального старта и долгосрочную конкурентоспособность молодого специалиста на глобальном рынке труда.*

Ключевые слова: *smart-skills, выпускники бакалавриата, профессиональные компетенции, критическое мышление, цифровая грамотность, эмоциональный интеллект.*

GALUSHINA Polina Sergeevna,

Senior Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,

Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

UKROZHENKO Darya Sergeevna,

Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

PAVLOVA Yana Sergeevna,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

KOPARULINA Alexandra Evgenievna,

Master of Industrial Training Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

SAMOILOVA Sofia Alexandrovna,

Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

SMART SKILLS: THE LEADING SKILLS OF A BACHELOR'S DEGREE STUDENT

Annotation. *The article examines the relevance of developing smart skills among bachelor's degree graduates in the context of rapid technological and social changes. It is argued that traditional narrow specialised knowledge (hard skills) no longer ensures a specialist's long term competitiveness. The key components of smart skills are described in detail: critical and systems thinking, creativity, digital literacy, communication skills, emotional intelligence, adaptability, self organisation and teamwork skills. Effective methods for fostering these competencies in the educational process are outlined, including project based and problem oriented learning, mentoring, internships, and interdisciplinary courses. It is emphasised that developing smart skills is an urgent necessity that determines the success of a professional start and the long term competitiveness of young specialists in the global labour market.*

Key words: *smart-skills, bachelor's degree graduates, professional competencies, critical thinking, digital literacy, emotional intelligence.*

Современное общество переживает период стремительных технологических и социальных изменений, что существенно трансформирует требования к профессиональным компетенциям выпускников высших учебных заведений. В условиях цифровизации экономики, глобализации рынков и высокой динамики профессиональных задач традиционные узкоспециализированные знания (hard skills) уже не обеспечивают долгосрочную конкурентоспособность специалиста [4].

Актуальность рассмотрения smart skills для студентов выпускного курса обусловлена целым комплексом взаимосвязанных факторов. Динамичные изменения на рынке труда требуют от молодых специалистов не просто наличия профильной подготовки, но и гибкости, способности оперативно перестраиваться под новые условия работы, осваивать смежные компетенции и адаптироваться к постоянно обновляющимся технологиям. Работодатели всё чаще отдают предпочтение кандидатам с развитыми навыками критического мышления и способностью решать комплексные, многоаспектные задачи, где недостаточно применить стандартный алгоритм - необходимо проанализировать ситуацию в целом, учесть множество факторов и предложить взвешенное решение [1,2,5,6].

Интеграция цифровых компетенций в профессиональную деятельность перестала быть прерогативой IT специалистов: сегодня владение современными технологиями и понимание их возможностей необходимо практически в любой сфере - от медицины и образования до промышленности и государственного управления. При этом важно не просто уметь пользоваться конкретными программами или инструментами, но и понимать логику цифровых процессов, видеть возможности автоматизации рутинных операций и оценивать потенциал новых технологий для оптимизации рабочих задач [3].

Особую значимость приобретает способность к самоорганизации и непрерывному образованию. В мире, где знания устаревают с беспрецедентной скоростью, выпускник должен уметь самостоятельно планировать своё развитие, находить релевантные источники информации, структурировать полученные знания и применять их на практике. Это напрямую влияет на его профессиональную устойчивость и карьерный рост: специалист, который не останавливается в развитии, остаётся востребованным даже при кардинальных изменениях в отрасли [2].

Не менее важным аспектом является эффективность коммуникации и командной

работы. Современные проекты всё чаще реализуются в мультидисциплинарных и мультикультурных коллективах, где успех зависит не только от индивидуальных компетенций каждого участника, но и от их способности слаженно взаимодействовать, учитывать разные точки зрения, договариваться и совместно находить оптимальные решения. Выпускник, владеющий навыками эффективной коммуникации, способен быстрее интегрироваться в коллектив, выстраивать продуктивные отношения с коллегами и клиентами, а также успешно представлять свои идеи и отстаивать профессиональную позицию [6,7].

Таким образом, выпускники бакалавриата, обладающие развитыми smart skills, демонстрируют более высокую скорость адаптации к профессиональной деятельности, быстрее продвигаются по карьерной лестнице и лучше справляются с вызовами современной рабочей среды. Формирование этих компетенций становится не просто желательным дополнением к академическому образованию, а насущной необходимостью, определяющей успешность профессионального старта и долгосрочную конкурентоспособность молодого специалиста на глобальном рынке труда.

Термин «smart skills» представляет собой интеграцию различных типов компетенций, необходимых для успешной профессиональной и социальной адаптации в современном мире. В отличие от традиционных soft skills, smart skills включают в себя не только коммуникативные и личностные качества, но и цифровые компетенции, а также способность к непрерывному обучению и адаптации [2,5].

К ключевым компонентам smart skills относятся:

Критическое мышление - способность анализировать информацию, выявлять логические связи, оценивать достоверность источников и принимать обоснованные решения. Этот навык позволяет выпускнику эффективно работать с большими объёмами данных, отсеивать недостоверную информацию и формировать аргументированные выводы.

Креативность и инновационное мышление - умение генерировать новые идеи, находить нестандартные подходы к решению задач и предлагать инновационные решения. В условиях высокой конкуренции этот навык становится ключевым преимуществом специалиста [5].

Цифровая грамотность - владение современными информационными технологиями, понимание принципов работы цифровых инструментов и способность их применять в профессиональной деятельности. Сюда входят навыки работы с офисными приложениями, инструментами анализа данных, системами управления проектами и другими цифровыми ресурсами.

Коммуникативные навыки - способность эффективно взаимодействовать с коллегами, клиентами и партнёрами, вести переговоры, аргументировать свою позицию и слушать других. Включает в себя как вербальную, так и невербальную коммуникацию, а также навыки публичных выступлений.

Эмоциональный интеллект - понимание собственных эмоций и эмоций других людей, способность управлять эмоциональными состояниями и использовать их для достижения целей. Высокий уровень эмоционального интеллекта способствует эффективной командной работе и разрешению конфликтов.

Адаптивность и гибкость - готовность к изменениям, способность быстро осваивать новые знания и навыки, приспосабливаться к новым условиям работы. В динамичной профессиональной среде этот навык критически важен.

Навыки самоорганизации и тайм менеджмента - умение планировать своё время, расставлять приоритеты, ставить цели и достигать их. Включает в себя навыки управления проектами, делегирования и контроля выполнения задач [5].

Командная работа и коллаборация - способность эффективно работать в коллективе, распределять роли, учитывать мнения других и достигать общих целей. Особенно важно в условиях проектных и кросс функциональных команд [5].

Глобальное и системное мышление - понимание взаимосвязей между различными элементами системы, способность видеть картину в целом и учитывать глобальные тренды при принятии решений.

Непрерывное обучение (learning agility) - готовность и способность постоянно обновлять свои знания и навыки, осваивать новые области и адаптироваться к меняющимся требованиям профессиональной среды.

Эти навыки взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, формируя целостный набор компетенций, необходимый современному выпускнику для успешной профессиональной реализации [1,4,7].

Механизмы и методы развития smart skills у студентов-выпускников бакалавриата. Формирование smart skills у студентов выпускного курса требует комплексного подхода, сочетающего различные педагогические методы и образовательные технологии. Рассмотрим основные механизмы и методы, доказавшие свою

эффективность на практике.

В рамках учебного процесса значительную роль играют интерактивные методы обучения. Кейс методы, деловые игры и симуляции позволяют студентам применять теоретические знания к реальным ситуациям, развивая критическое мышление и навыки решения проблем. Разбор конкретных кейсов из профессиональной практики помогает увидеть практическое применение теоретических концепций и развить аналитические способности [1].

Проектное обучение является одним из наиболее эффективных инструментов формирования smart skills. Работа над реальными проектами, особенно междисциплинарными, развивает навыки командной работы, коммуникации, планирования и управления временем. Выпускники учатся распределять роли в команде, ставить задачи, контролировать их выполнение и представлять результаты.

Проблемно ориентированное обучение стимулирует развитие критического мышления и креативности. Постановка сложных, открытых вопросов и задач, не имеющих однозначного решения, побуждает студентов искать нестандартные подходы и анализировать различные варианты [1].

Важную роль играет внедрение цифровых технологий в образовательный процесс. Использование онлайн платформ для совместной работы, инструментов визуализации данных, систем управления проектами не только повышает цифровую грамотность студентов, но и формирует навыки эффективной организации работы в цифровой среде. Виртуальные лаборатории и симуляторы позволяют отрабатывать профессиональные навыки в безопасной среде [3].

Менторство и наставничество со стороны преподавателей и практикующих специалистов даёт студентам возможность получить обратную связь от опытных профессионалов, перенять лучшие практики и развить навыки самоанализа. Регулярные консультации с наставником помогают выпускникам определить свои сильные и слабые стороны, поставить цели развития и разработать индивидуальный план совершенствования компетенций.

Стажировки и практики на предприятиях предоставляют бесценный опыт реального взаимодействия с профессиональной средой. Работа в реальных командах, участие в проектах компании, решение актуальных задач - всё это способствует развитию коммуникативных навыков, адаптивности и понимания специфики будущей профессии.

Самостоятельная работа и рефлексия являются неотъемлемой частью формирования smart skills. Ведение дневника саморазвития, анализ собственных успехов и неудач, постановка индивидуальных целей развития - эти практики помогают студентам осознанно подходить к своему профессиональному росту.

Междисциплинарные курсы и факультативы расширяют кругозор выпускников и способствуют развитию системного мышления. Изучение смежных областей знаний помогает видеть взаимосвязи между различными дисциплинами и применять комплексный подход к решению задач.

Участие в научных конференциях, конкурсах и хакатонах развивает навыки публичных выступлений, презентации идей и работы в условиях ограниченного времени. Соревновательная среда стимулирует креативность и побуждает искать инновационные решения.

Обратная связь и оценка прогресса через регулярные тестирования, самооценки и 360 градусную оценку позволяют студентам отслеживать развитие своих компетенций и корректировать траекторию обучения. Использование инструментов цифровой аналитики помогает визуализировать прогресс и мотивировать на дальнейшее развитие.

Развитые smart skills дают выпускникам бакалавриата существенные преимущества на рынке труда и способствуют их успешной профессиональной адаптации. Рассмотрим, как конкретные навыки применяются в трудовой деятельности [2].

Критическое мышление позволяет молодому специалисту анализировать большие объёмы информации, выделять ключевые аспекты задач и принимать обоснованные решения даже в условиях неопределённости. В реальной работе это проявляется при анализе рыночных тенденций, оценке эффективности бизнес процессов, разработке стратегий развития и решении сложных технических задач [1].

Креативность и инновационное мышление помогают выпускникам предлагать новые идеи для улучшения продуктов и услуг, оптимизировать рабочие процессы и находить нестандартные решения проблем. В условиях высокой конкуренции способность генерировать инновационные идеи становится ключевым конкурентным преимуществом.

Цифровая грамотность необходима практически в любой профессиональной сфере. Выпускники, владеющие современными цифровыми инструментами, быстрее осваивают корпоративные информационные системы, эффективнее работают с данными и могут

применять технологии автоматизации для повышения производительности [3].

Коммуникативные навыки обеспечивают успешное взаимодействие с коллегами, руководством, клиентами и партнёрами. Чёткое изложение мыслей, умение слушать и понимать других, навыки ведения переговоров и разрешения конфликтов - всё это напрямую влияет на эффективность командной работы и достижение бизнес целей.

Эмоциональный интеллект помогает выпускникам лучше понимать мотивы и эмоции окружающих, управлять конфликтами, создавать позитивную рабочую атмосферу и выстраивать долгосрочные профессиональные отношения. Специалисты с высоким уровнем эмоционального интеллекта чаще становятся эффективными лидерами и успешными командными игроками [5].

Адаптивность и гибкость позволяют быстро осваивать новые технологии, приспосабливаться к изменениям в рабочих процессах и эффективно работать в условиях неопределённости. В современной динамичной среде эти навыки критически важны для долгосрочного карьерного роста [4].

Навыки самоорганизации и тайм менеджмента помогают выпускникам эффективно планировать свою работу, расставлять приоритеты и достигать поставленных целей в установленные сроки. Умение грамотно управлять своим временем повышает личную продуктивность и способствует достижению карьерных целей.

Командная работа и навыки коллаборации необходимы для успешной реализации любых проектов, требующих взаимодействия нескольких специалистов. Выпускники с развитыми командными навыками быстрее интегрируются в коллектив, эффективно распределяют задачи и достигают общих целей [8].

Глобальное и системное мышление позволяет видеть взаимосвязи между различными аспектами бизнеса, учитывать макроэкономические тренды и принимать стратегические решения с учётом долгосрочной перспективы.

Способность к непрерывному обучению обеспечивает выпускникам возможность оставаться востребованными специалистами на протяжении всей карьеры. В условиях быстрого устаревания знаний и технологий готовность постоянно учиться становится необходимым условием профессионального успеха.

Анализ роли smart skills в подготовке выпускников бакалавриата позволяет сделать следующие выводы. Во первых, в современной профессиональной среде надпрофессиональные компетенции играют не менее важную роль, чем узкоспециальные знания. Во вторых, развитие smart skills должно быть системным и целенаправленным процессом, интегрированным в образовательный процесс на всех этапах обучения.

Список литературы:

[1] Беркович, М. И. Soft skills (мягкие компетенции) бакалавра: оценка состояния и направления формирования / М. И. Беркович, Т. А. Кофанова, С. С. Тихонова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2018. – № 4. – С. 63-68. – EDN YYJFHN.

[2] Галушина, П. С. Soft skills - навыки конкурентоспособного выпускника вуза / П. С. Галушина // Интеграция науки в эпоху кризиса: проблемы, решения : Материалы IX всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 09 июня 2022 года. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Манускрипт», 2022. – С. 78-80. – EDN WTOUYX.

[3] Кандаурова, А. В. Роль надпрофессиональных компетенций в профессиональном развитии обучающихся / А. В. Кандаурова, С. В. Михайлова // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2021. – № 4(56). – С. 78-86. – DOI 10.36906/2311-4444/21-4/08. – EDN SVXXCZ.

[4] Копытова, С. М. Надпрофессиональные компетенции как признак эффективности специалиста / С. М. Копытова // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2023. – № 5. – С. 26-30. – DOI 10.17513/srps.2500. – EDN QFLJTE.

[5] О важности развития надпрофессиональных компетенций / П. С. Галушина, Е. В. Ражина, О. П. Неверова [и др.] // Российский научный вестник. – 2025. – № 1. – С. 281-285. – DOI 10.24412/2782-3830-2025-1-281-285. – EDN NDQDUO.

[6] Развитие «мягких навыков» студентов системы высшего образования / А. В. Степанов, П. С. Галушина, Д. С. Укроженко [и др.] // Российский научный вестник. – 2024. – № 12. – С. 209-213. – EDN EHRYVW.

[7] Сагитов, Е. Б. Универсальные компетенции студентов: рынок труда vs высшее образование / Е. Б. Сагитов // Университетское управление: практика и анализ. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 56-67. – DOI 10.15826/umpa.2024.03.025. – EDN DEJFDU.

[8] Хасанова, З. С. Формирование soft skills у студентов как часть профессиональной подготовки в вузе / З. С. Хасанова // Журнал прикладных исследований. -2026. - № 1. - С. 109-114.

References:

[1] Berkovich, M. I. Soft skills (soft competencies) bachelor: assessment of the state and direction of formation/M. I. Berkovich, T. A. Kofanova, S. S. Tikhonova//Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management. – 2018. – № 4. - S. 63-68. – EDN YYJFHN.

[2] Galushina, P. S. Soft skills - skills of a competitive university graduate/P. S. Galushin// Integration of science in the era of crisis: problems, solutions: Materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, June 09, 2022. - Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Manuscript," 2022. - S. 78-80. – EDN WTOUYX.

[3] Kandaurova, A. V. The role of supra-professional competencies in the professional development of students/A. V. Kandaurova, S. V. Mikhailova//Bulletin of Nizhnevartovsk State University. – 2021. – № 4(56). - S. 78-86. – DOI 10.36906/2311-4444/21-4/08. – EDN SVXXCZ.

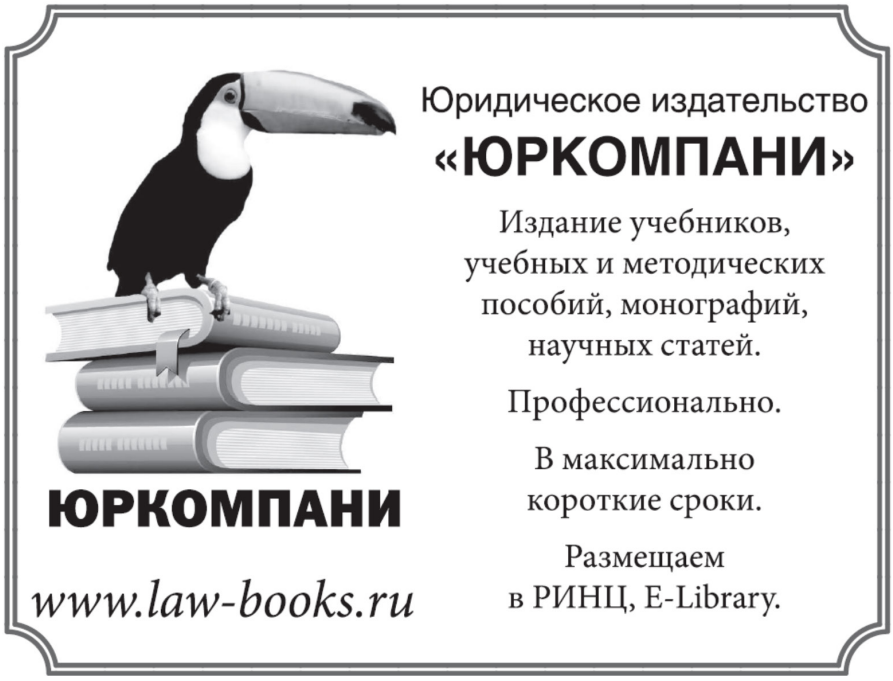
[4] Kopytova, S. M. Supra-professional competencies as a sign of the effectiveness of a specialist/S. M. Kopytova//Scientific Review. Pedagogical sciences. – 2023. – № 5. - S. 26-30. – DOI 10.17513/srps.2500. – EDN QFLJTE.

[5] On the importance of developing supra-professional competencies/P. S. Galushin, E. V. Razhin, O. P. Neverova [et al.]//Russian Scientific Bulletin. – 2025. – № 1. - S. 281-285. – DOI 10.24412/2782-3830-2025-1-281-285. – EDN NDQDUO.

[6] Development of "soft skills" of students of the higher education system/A. V. Stepanov, P. S. Galushina, D. S. Ukrozhenko [et al.]//Russian Scientific Bulletin. – 2024. – № 12. - S. 209-213. – EDN EHRYVW.

[7] Sagitov, E. B. Universal competencies of students: labor market vs higher education/E. B. Sagitov//University management: practice and analysis. – 2024. - T. 28, NO. 3. - S. 56-67. – DOI 10.15826/umpa.2024.03.025. – EDN DEJFDU.

[8] Khasanova, Z. S. Formation of soft skills among students as part of vocational training at the university/Z. S. Khasanova//Journal of Applied Research. -2026. - № 1. - S. 109-114.



Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-518-522

САЯФАРОВА Наталья Александровна,

преподаватель кафедры зооинженерии, заместитель декана по учебной работе Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: sayafarova76@mail.ru

ХАРЛАП Светлана Юрьевна,

Кандидат биологических наук, доцент, зав. Кафедрой техносферной и экологической безопасности, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: Proffuniver@ya.ru

НЕНАХОВ Владислав Вадимович,

заместитель декана по воспитательной работе, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: nenakhov_vv@urgay.ru

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: darya.ukrozhenkozoo@mail.ru

ЧЕБЫКИНА Анастасия Андреевна,

преподаватель кафедры зооинженерии, Уральский государственный аграрный университет, 0009-0008-5269-8304,

e-mail: jko-10@mail.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail:barykina_10@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН ЕСТЕСТВЕННО - НАУЧНОГО ЦИКЛА НА ФАКУЛЬТЕТЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается актуальная проблема повышения качества преподавания дисциплин естественно-научного цикла (физики, химии, биологии, экологии) на факультете среднего профессионального образования (СПО). Обосновывается необходимость пересмотра традиционных методов обучения, которые не в полной мере обеспечивают формирование профессиональных компетенций и устойчивой познавательной мотивации у студентов с неоднородным уровнем базовой подготовки. В статье раскрываются дидактический потенциал проблемного обучения как средства развития научного мышления, кейс-технологии для формирования навыков решения реальных профессиональных задач, проектной деятельности, обеспечивающей связь фундаментальных знаний с жизненными ситуациями, а также информационно-коммуникационных технологий, включая виртуальные лаборатории и платформы дистанционного обучения. Особое внимание уделяется технологии контекстного обучения, позволяющей преодолеть разрыв между академическими знаниями и их применением в будущей профессии, и интерактивным методам.*

Ключевые слова: *среднее профессиональное образование, естественно-научные дисциплины, современные образовательные технологии, проблемное обучение, кейс-метод,*

проектная деятельность, контекстное обучение, интерактивные методы, информационно-коммуникационные технологии.

SAYAFAROVA Natalia Aleksandrovna,

lecturer at the Department of Animal Engineering, Deputy Dean for Academic Affairs Ural State Agrarian University

HARLAP Svetlana Yurievna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Technosphere and Environmental Safety, Ural State Agrarian University

NENAKHOV Vladislav Vadimovich,

Deputy Dean for Educational Work, Ural State Agrarian University

UKROZHENKO Darya Sergeevna,

Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

CHEBYKINA Anastasia Andreevna,

Lecturer at the Department of Animal Engineering, Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,

Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

MODERN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES FOR TEACHING NATURAL SCIENCE DISCIPLINES AT THE FACULTY OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Annotation. *This article examines the pressing issue of improving the quality of teaching natural science subjects (physics, chemistry, biology, and ecology) at the Faculty of Secondary Vocational Education (SVE). It substantiates the need to revise traditional teaching methods, which do not fully support the development of professional competencies and sustainable cognitive motivation in students with diverse backgrounds. The article explores the didactic potential of problem-based learning as a means of developing scientific thinking, case studies for developing skills for solving real-life professional problems, project-based activities that connect fundamental knowledge with real-life situations, and information and communication technologies, including virtual laboratories and distance learning platforms. Particular attention is given to contextual learning technologies, which help bridge the gap between academic knowledge and its application in future professions, and interactive methods.*

Key words: *secondary vocational education, natural sciences, modern educational technologies, problem-based learning, case method, project-based learning, contextual learning, interactive methods, information and communication technologies.*

Современная система среднего профессионального образования (СПО) требует пересмотра подходов к преподаванию дисциплин естественно-научного цикла (физика, химия, биология, экология), поскольку традиционные методы не в полной мере обеспечивают формирование необходимых профессиональных компетенций и познавательной активности студентов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью интеграции фундаментальной научной подготовки с практико-ориентированным обучением, что возможно только через внедрение инновационных образовательных технологий. Цель данной теоретической статьи — систематизировать и теоретически обосновать применение современных образовательных технологий (проблемное и контекстное обучение, кейс-метод, проектную деятельность, ИКТ и интерактивные методы) на факультете СПО, выявив их дидактический потенциал и условия эффективного использования в естественно-научном цикле.

Контингент студентов СПО отличается неоднородностью базовой подготовки и слабой сформированностью познавательных интересов, что напрямую связано с пробелами в школьном образовании и дефицитом навыков самоорганизации. В условиях ФГОС требования к естественно-научной

подготовке смещаются от простого усвоения фактов к формированию целостного научного мировоззрения и общекультурных компетенций: способности анализировать информацию, критически оценивать псевдонаучные концепции и интегрировать знания в единую картину мира. Учитывая высокие риски отсева из-за разочарования в специальности и непонимания практической ценности дисциплин, ключевым становится практико-ориентированный подход. Именно он позволяет увязать фундаментальные законы природы с будущей профессией, активизировать познавательный интерес и способствовать сохранению контингента [7, 8].

Анализ теоретических подходов показывает, что существующие классификации образовательных технологий строятся на различных основаниях, что позволяет преподавателю естественно-научных дисциплин в системе СПО выбирать инструментарий в зависимости от целей и содержания обучения. Согласно одному из наиболее полных обобщений, технологии делят по уровню применения (от общепедагогических до локальных), по философской основе (материалистические, гуманистические, технократические) и по ведущему фактору психического развития (биогенные, социогенные, психогенные). Для естественно-научного цикла особое значение имеют классификации по методам и способам обучения, где выделяются проблемные, поисковые, исследовательские и компьютерные технологии, а также по организационным формам — от традиционных лекционно-семинарских до дифференцированных и индивидуальных. Кроме того, в зависимости от дидактических целей различают технологии, формирующие систему знаний, операционные (развивающие умственные действия), а также технологии саморазвития и эвристические, что напрямую коррелирует с задачами естественно-научной подготовки. Важным критерием выступает также характер управления познавательной деятельностью: от классического традиционного обучения с помощью лекций и книг до автоматизированных компьютерных и дистанционных систем, что особенно актуально для организации лабораторных практикумов и самостоятельной работы студентов СПО. Такая многоаспектная классификация позволяет адаптировать технологии под специфику физики, химии или биологии, сочетая, например, имитационные игровые модели для профессиональных задач и проблемно-модульные методы для усвоения фундаментальных закономерностей [10].

Проблемное обучение строится на создании таких учебных ситуаций, в которых учащийся сталкивается с познавательным затруднением, требующим самостоятельного поиска решения, что принципиально отличает данный подход от простой передачи готовых знаний. В ходе разрешения проблемных ситуаций у обучающихся активизируется мыслительная деятельность, формируется устойчивый интерес к изучаемому материалу и развивается способность нестандартно подходить к анализу явлений. Решая задачи, содержащие внутренние противоречия, ученик учится не просто запоминать, а самостоятельно выдвигать гипотезы, сопоставлять факты и аргументировать выводы, что напрямую способствует становлению научного мышления. При этом ключевую роль играет групповая организация работы, в процессе которой укрепляются межличностные отношения и формируются навыки коллективного обсуждения проблем, а также самостоятельная деятельность по обработке разнообразных источников информации, повышающая мотивацию и чувство ответственности за полученный результат [6].

Кейс-технология представляет собой эффективный инструмент активизации познавательной деятельности учащихся на уроках химии и биологии, поскольку она предполагает работу с пакетом документов различной степени сложности, моделирующих реальные ситуации. Данный метод способствует развитию у обучающихся социальных и коммуникативных навыков, самостоятельности, а также умений творческой и практической работы. Применение ситуационного анализа на уроках позволяет школьникам не только легче усваивать новый материал, но и свободнее вести себя в коллективных обсуждениях и диспутах, а главное — успешнее применять полученные знания в реальной жизни. В ходе педагогического эксперимента, проведённого с учащимися 8-х классов, было установлено, что после использования кейс-метода 72% опрошенных отметили высокий интерес к уроку, а количество столкнувшихся с трудностями составило лишь 18%, что подтверждает формирование у школьников креативного мышления и способности самостоятельно принимать решения при постановке проблемных вопросов [1].

Проектная деятельность в системе среднего профессионального образования позволяет студентам выйти за рамки простого усвоения готовых знаний и включиться в активный процесс проблематизации, целеполагания и самостоятельного поиска решений. В рамках естественно-научных дисциплин (химии, биологии, экологии) студенты выполняют практико-ориентированные исследования, такие как анализ качества молока, определение содержания витамина С в соках

или экологическая оценка водных объектов, что напрямую связывает академические знания с реальными жизненными ситуациями. Работа над проектами, будь то исследовательские (с выдвижением гипотезы и проведением эксперимента), информационные или творческие, ведётся индивидуально или в малых группах, что развивает коммуникативные навыки и умение работать в команде. Важно, что студенты не только собирают и анализируют информацию, но и учатся презентовать результаты, защищать свои выводы перед аудиторией, а преподаватель при этом выполняет роль консультанта и наставника. Такой подход формирует у будущих специалистов социальную, коммуникативную, информационную и предметную компетенции, а также приносит конкретные результаты, что подтверждается успешными выступлениями студентов на научно-практических конференциях различного уровня [5].

Современные цифровые и информационно-коммуникационные технологии позволяют организовать активное обучение и удалённый обмен данными между всеми участниками образовательного процесса. Используя электронные портфолио, ментальные карты, дашборды и веб-квесты, студенты учатся собирать, критически оценивать информацию из интернет-источников и представлять её в виде мультимедийных проектов (PowerPoint, Adobe Photoshop и др.). Технология «перевёрнутой аудитории» и образовательные платформы (Moodle, Uniweb, Zillion и др.) обеспечивают свободу выбора индивидуальной траектории, возможность работать в личном темпе и получать доступ к курсам ведущих вузов, преодолевая пространственно-временные ограничения, что полностью поддерживает концепцию непрерывного образования [2].

Контекстное обучение строится на интегративном единстве четырёх логик: учебно-познавательной деятельности студента, педагогической деятельности преподавателя, развёртывания научного знания и, что особенно важно для естественно-научных дисциплин в СПО, логики осваиваемой профессиональной деятельности, где теоретические знания выступают не самоцелью, а средством решения практических задач. В отличие от традиционного понимания образования как простой «передачи» готовых знаний, контекстный подход рассматривает обучающегося как полноценного субъекта деятельности. При наложении учебной информации на канву профессионально-предметной деятельности происходит усвоение знаний на уровне личностных смыслов, а не формальных значений. Таким образом, технология контекстного обучения позволяет преодолеть разрыв между фундаментальными естественно-научными закономерностями и их реальным применением в будущей профессии [3].

Интерактивное обучение ориентировано на широкое сотрудничество студентов друг с другом и доминирование их активности, к таким методам относятся дискуссии, «мозговой штурм», деловые игры, кейс-метод и метод проектов. При освоении химии, физики и биологии они позволяют не только усваивать предметные знания, но и формировать ключевые компетенции: умение решать проблемы, работать в команде, применять теорию на практике. Например, в технических колледжах используются практико-ориентированные проекты («Пищевые добавки и здоровье человека») и исследовательские лабораторные работы, где студенты самостоятельно выдвигают гипотезы. Проектные и кейс-технологии целесообразно применять для обобщения материала или во внеаудиторной работе, а дискуссии и «мозговой штурм» — непосредственно на занятиях для активизации познавательной деятельности [4].

Выбор образовательных технологий в системе среднего профессионального образования должен основываться на ряде дидактических условий и критериев, обеспечивающих гарантированный результат, соответствующий требованиям государственного образовательного стандарта. Ключевым критерием выступает воспроизводимость технологии — её способность давать устойчивые положительные результаты независимо от индивидуальных особенностей преподавателя, а также возможность переноса с одной учебной дисциплины на другую. Технология должна представлять собой целостный проект будущего учебного процесса, включающий концептуальную основу, содержательную часть (цели и учебный материал), процессуальную составляющую (организацию занятий, методы и формы работы преподавателя) и диагностику результатов. Эффективность выбора также определяется наличием системы различных видов контроля (входного, текущего, рубежного, итогового), позволяющей оперативно отслеживать уровень усвоения знаний и своевременно корректировать учебный процесс. Кроме того, при отборе технологий для СПО необходимо учитывать преемственность уровней непрерывного образования, практико-ориентированную направленность подготовки, а также способность технологии обеспечивать развитие у студентов целостной профессиональной позиции через использование личностно значимых ситуаций, творческих заданий и гибкого управления познавательной деятельностью [9].

Заключение. Таким образом,

проведенный теоретический анализ позволяет утверждать, что успешная реализация естественно-научной подготовки на факультете СПО невозможна без системного внедрения современных образовательных технологий, таких как проблемное, контекстное и интерактивное обучение, кейс-метод, проектная деятельность и цифровые инструменты, поскольку интеграция этих подходов позволяет не только преодолеть разрыв между фундаментальными знаниями и их практическим применением в будущей профессии, но и существенно повысить познавательную активность студентов, сформировать у них критическое мышление и ключевые профессиональные компетенции.

Список литературы:

[1] Арюкова Е. А., Кривошеева В. С., Пирогова А. С. Исследование кейс-технологий в образовательном процессе на уроках естественно-научного цикла: обзор отечественных исследований // БГЖ. — 2020. — № 4 (33). — С. 13–15.

[2] Бойченко О. В., Смирнова О. Ю. Информационно-коммуникационные и цифровые технологии в образовании // Проблемы современного педагогического образования. — 2019. — № 64-2. — С. 29–33.

[3] Вербицкий А. А. Педагогическая технология в контекстном обучении // Педагогика и психология образования. — 2009. — № 3. — С. 48–54.

[4] Двуличанская Н. Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций // Машиностроение и компьютерные технологии. — 2011. — № 4. — С. 13.

[5] Журавлева Т. К. Использование метода проектов в преподавании естественнонаучных дисциплин [Электронный ресурс] // ПрофОбразование : международное интернет-издание. — 2021. — 6 декабря. — URL: https://проф-обр.рф/blog/2021-12-06-1825 (дата обращения: 30.04.2026).

[6] Кортунова Л. Н. Концепция проблемного обучения как средство формирования познавательных интересов и творческого мышления обучающихся при изучении предметов гуманитарного цикла // Проблемы науки. — 2015. — № 2 (32). — С. 64–69.

[7] Ломтева Е. В., Бедарева Л. Ю. Выбытие обучающихся и вопросы сохранности контингента в системе СПО // Профессиональное образование и рынок труда. — 2025. — № 3 (62). — С. 62.

[8] Макеева Е. Д. Особенности организации естественнонаучной подготовки будущих педагогов в условиях перехода на ФГОС третьего поколения // СНВ. — 2014. — № 1 (6). — С. 71–74.

[9] Сергеева М. Г. Выбор технологий профессионального обучения // Профессиональное образование и рынок труда. — 2015. — № 7. — С. 22–25.

[10] Современные образовательные технологии в учебном процессе вуза : методическое пособие / авт.-сост. Н. Э. Касаткина [и др.] ; отв. ред. Н. Э. Касаткина. — Кемерово : ГОУ «КРИРПО», 2011. — 237 с.

References:

[1] Aryukova E. A., Krivosheeva V. S., Pirogova A. S. Study of case technologies in the educational process in the lessons of the natural science cycle: a review of domestic research//BGJ. — 2020. — № 4 (33). - S. 13-15.

[2] Boychenko O. V., Smirnova O. Yu. Information and communication and digital technologies in education//Problems of modern pedagogical education. — 2019. — № 64-2. - S. 29-33.

[3] Verbitsky A. A. Pedagogical technology in contextual learning//Pedagogy and psychology of education. — 2009. — № 3. - S. 48-54.

[4] Duplichanskaya N. N. Interactive teaching methods as a means of forming key competencies// Mechanical engineering and computer technology. — 2011. — № 4. - S. 13.

[5] Zhuravleva T.K. Use of the project method in teaching natural science disciplines [Electronic resource]//ProfEducation: international online publication. — 2021. - Dec. 6. - URL: https://проф-обр.рф/blog/2021-12-06-1825 (access date: 30.04.2026).

[6] L. N. Kortunova. The concept of problem learning as a means of forming cognitive interests and creative thinking of students in the study of subjects of the humanitarian cycle//Problems of science. — 2015. — № 2 (32). - S. 64-69.

[7] Lomteva E. V., Bedareva L. Yu. Retirement of students and issues of contingent safety in the open source system//Vocational education and the labor market. — 2025. — № 3 (62). - S. 62.

[8] Makeeva E. D. Peculiarities of the organization of natural science training of future teachers in the context of the transition to the third generation GEF//START. — 2014. — № 1 (6). - S. 71-74.

[9] Sergeeva M. G. Choice of vocational training technologies//Vocational education and labor market. — 2015. — № 7. - S. 22-25.

[10] Modern educational technologies in the educational process of the university: methodological manual/aut.-com. N. E. Kasatkina [et al.]; resp. ed. N.E. Kasatkina. - Kemerovo: GOU “CRIRPO,” 2011. - 237 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-523-527

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,

кандидат психологических наук, доцент кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России,

e-mail: mail@law-books.ru

ТУМАНОВА Екатерина Владимировна,

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Псковского филиала Университета ФСИН России,

e-mail: mail@law-books.ru

КРАПИВИН Олег Владимирович,

Доцент Института Академии ФСИН России кафедра физической подготовки и спорта,

e-mail: o.krapivin@list.ru

СИРЯКОВА Елена Олеговна,

МИРЭА – Российский технологический университет, кафедра государственно-правовых дисциплин (г. Москва), кандидат юридических наук, доцент,

e-mail: mail@law-books.ru

ГОЛУБКИНА Анна Михайловна,

Преподаватель кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук,

e-mail: mail@law-books.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У КУРСАНТОВ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ ФСИН И МВД РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты формирования цифровых компетенций у курсантов ведомственных образовательных организаций ФСИН и МВД России в условиях цифровой трансформации образования и профессиональной деятельности. На основе анализа современной научной литературы и эмпирических исследований автором раскрывается сущность цифровой компетентности как ключевого компонента профессиональной подготовки сотрудников правоохранительной системы. Особое внимание уделяется коммуникативному компоненту цифровой культуры, методике управляемого самообучения с применением информационных технологий, а также перспективным трендам профессиональной подготовки в условиях цифровизации. В статье представлены результаты апробации онлайн-курса по формированию цифрового этикета курсантов и обоснована эффективность использования электронной информационно-образовательной среды ведомственного вуза.*

Ключевые слова: *цифровые компетенции, цифровая культура, курсанты, ФСИН России, МВД России, цифровая трансформация образования, электронная информационно-образовательная среда, управляемое самообучение.*

KAZNACHEEV Valery Aleksandrovich,

Candidate of Psychological Sciences Associate Professor, Department of Physical, Firearms, and Tactical-Special Training Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

TUMANOVA Ekaterina Vladimirovna,

Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

KRAPIVIN Oleg Vladimirovich,

Associate Professor, Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia Department of Physical Training and Sports

SIRYAKOVA Elena Olegovna,

MIREA – Russian Technological University, Department of State and Legal Disciplines (Moscow), Candidate of Law, Associate Professor

GOLUBKINA Anna Mikhailovna,

Lecturer, Department of Pedagogy Educational and Scientific Complex of Service Psychology Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Candidate of Pedagogical Sciences

DEVELOPMENT OF DIGITAL COMPETENCIES IN CADETS OF DEPARTMENTAL UNIVERSITIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE AND THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Annotation. *This article analyzes psychological and pedagogical methods for preventing terrorist ideology among inmates in Russian penal institutions. Based on empirical experience testing specialized psychocorrectional programs, the need for a targeted, person-centered approach to working with those convicted of terrorist and extremist crimes is substantiated. Key areas of psychological correction (cognitive, emotional-affective, and behavioral) and pedagogical methods of educational intervention aimed at deradicalization are highlighted. Recommendations for improving the preventive work system in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia are offered*.

Key words: *digital competencies, digital culture, cadets, Federal Penitentiary Service of Russia, Ministry of Internal Affairs of Russia, digital transformation of education, electronic information and educational environment, guided self-learning.*

Цифровая трансформация, охватившая все сферы общественной жизни, предъявляет принципиально новые требования к системе профессионального образования, в том числе к ведомственным образовательным организациям ФСИН и МВД России. В условиях стремительного развития информационных технологий, внедрения искусственного интеллекта, систем электронного документооборота и цифровых платформ во все сферы государственного управления, формирование цифровых компетенций у будущих сотрудников правоохранительных органов становится не просто желательным, но обязательным условием их профессиональной готовности.

Цель настоящей статьи – теоретически обосновать и эмпирически подтвердить эффективность модели формирования цифровых компетенций у курсантов ведомственных вузов ФСИН и МВД России.

В современной научной литературе утвердилось понимание иерархической структуры цифровой культуры личности. Как справедливо отмечает П.А. Гагарина, цифровая грамотность выступает базовым уровнем, включающим умение читать, писать и считать с использованием инфокоммуникационных технологий. Следующий, более высокий уровень – цифровая компетентность – предполагает способность применять на практике знания, умения и навыки эффективного использования цифровых технологий.

Наконец, цифровая культура представляет собой интегративное качество личности, включающее не только компетенции, но и ценностные ориентации, нормы и принципы поведения в цифровой среде.

Применительно к курсантам ведомственных вузов формирование цифровой культуры приобретает специфические черты. Курсант, по справедливому замечанию исследователей, уже сегодня является активным пользователем цифрового пространства: он участвует в образовательном процессе на онлайн-площадках, использует социальные сети для личных и служебных целей, проводит культурно-досуговые мероприятия в сети Интернет. В связи с этим формирование цифровой культуры становится не столько необходимостью для личности, сколько служебной обязанностью курсанта как будущего сотрудника правоохранительных органов.

Структура цифровой культуры курсанта включает несколько взаимосвязанных

компонентов: коммуникативный, технологический, информационно-аналитический, нормативно-правовой и рефлексивный. Коммуникативный компонент, предполагающий владение нормами цифрового этикета, умение эффективно взаимодействовать в электронной среде, является одним из наиболее значимых, поскольку профессиональная деятельность сотрудника МВД и ФСИН неразрывно связана с коммуникацией – как с гражданами, так и с коллегами и руководством.

В Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя было проведено экспериментальное исследование, направленное на формирование коммуникативного компонента цифровой культуры курсантов. В эксперименте приняли участие 48 курсантов второго курса. Уровень сформированности коммуникативного компонента определялся посредством методики «Индекс цифровой компетентности» (авторы: Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова) .

На этапе формирующего эксперимента была разработана и внедрена программа развития цифровой культуры курсантов в формате онлайн-курса, реализованного на технологической платформе CoreApp. Особое внимание в курсе уделялось модулю «Цифровой этикет», который включал теоретическую интерактивную часть и практическую часть с решением кейс-заданий.

Теоретическая часть реализовывалась с использованием интерактивных лекций, предполагающих подключение опросов и голосований курсантов, виртуальных демонстраций мультимедийных материалов, поддержание обратной связи в коммуникации «педагог – обучающийся» в режиме online и offline.

Практическая часть включала решение кейс-заданий по трем направлениям:

Лингвистическое направление – развитие способности к распознаванию жанров и субжанров социальных медиапространств, грамотное использование символики, замещающей эмоции, мимику и жесты в онлайн-среде.

Коммуникативное направление – компетентное управление поступающей информацией, социальными связями, уровнями приватности и форматом контента.

Практико-нормативное направление – освоение правил использования цифрового этикета для качественного взаимодействия в сети, включая правила бесконфликтного общения и ответственности за распространяемую информацию.

Результаты экспериментальной работы подтвердили эффективность предложенной методики. У курсантов, участвовавших в формирующем эксперименте, значительно повысились показатели по всем шкалам коммуникативного компонента цифровой компетентности. Наиболее существенные изменения произошли в овладении нормами цифрового этикета и способности к бесконфликтной коммуникации в цифровой среде.

Другим перспективным направлением формирования цифровых компетенций курсантов является методика управляемого самообучения, разработанная М.Н. Хуторовой и И.Н. Блудовой. Данная методика базируется на дидактических принципах модульности, мотивации, фундаментальности и прикладной направленности, обратной связи, интерактивности на основе информационных и коммуникационных технологий.

Методика управляемого самообучения информатике включает следующие этапы:

Диагностический – определение исходного уровня сформированности цифровых компетенций.

Мотивационный – формирование у курсантов осознанной потребности в развитии цифровых навыков.

Обучающий – освоение учебного материала в индивидуальном темпе с использованием электронных образовательных ресурсов.

Контрольно-корректирующий – регулярная проверка результатов обучения и коррекция индивидуальной траектории.

Внедрение данной методики в образовательный процесс Могилёвского института МВД Республики Беларусь и Омской академии МВД России показало повышение уровня компетенций, необходимых сотруднику органов внутренних дел, и способствовало росту качества образовательного процесса как непосредственно в вузе, так и в практических подразделениях МВД.

Анализ современных аспектов профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы в условиях цифровой трансформации образования позволяет выделить следующие перспективные тренды.

Применение дистанционных образовательных технологий. Обучение с использованием дистанционных технологий способствует формированию актуальных профессиональных цифровых компетенций, прививает навыки работы с информационными системами и программными средствами, которые будут использоваться в дальнейшем в профессиональной (служебной) деятельности.

Регулярное интерактивное

взаимодействие посредством электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС). Организация ЭИОС в гипертекстовом формате позволяет четко задать направление изучения тем и разделов, освоить гипертекстовый поиск и навигацию в рамках учебного курса, способствует развитию ответственности и дисциплинированности у обучающихся.

Использование мультимедийных технологий. Применение мультимедиа повышает уровень и качество восприятия учебной информации, увеличивает задействование объема зрительной информации, расширяет обращение к когнитивным компонентам восприятия.

Обучение вопросам информационной гигиены. Знание норм и требований информационной гигиены обеспечивает не только личную безопасность при взаимодействии с цифровым миром, но и безопасность информационных ресурсов Федеральной службы исполнения наказаний.

Использование интеллект-тренажеров. Развитие познавательных процессов (внимания, памяти, мышления) у обучающихся посредством использования интеллект-тренажеров открывает новые возможности для профессиональной подготовки, особенно психологов силовых структур.

Персонализированное обучение. Цифровая трансформация образования создает предпосылки для реализации персонализированного подхода, учитывающего индивидуальные особенности, темп и стиль учебной деятельности каждого курсанта.

Можно выделить три этапа непрерывного цифрового образования сотрудников:

Пропедевтический этап – реализация профориентационных мероприятий с использованием цифровых технологий для привлечения школьников к поступлению в ведомственные вузы.

Основной этап – получение высшего образования с активным использованием ЭИОС и цифровых образовательных технологий.

Дополнительный этап – реализация программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки для действующих сотрудников в контексте формирования актуальных цифровых компетенций.

Направления работы по формированию профессиональной цифровой компетентности в контексте непрерывного образования могут быть реализованы путем: участия в тематических семинарах и практикумах; проведения мастер-классов со специалистами в сфере информационных технологий; использования инновационных педагогических практик; проведения занятий в области искусственного интеллекта, аналитики данных и цифровой гигиены.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Во-первых, формирование цифровых компетенций у курсантов ведомственных вузов ФСИН и МВД России является объективной необходимостью, обусловленной процессами цифровой трансформации всех сфер государственной деятельности. Цифровая компетентность выступает неотъемлемым компонентом профессиональной готовности современного сотрудника правоохранительных органов.

Во-вторых, структурно цифровые компетенции включают коммуникативный, технологический, информационно-аналитический, нормативно-правовой и рефлексивный компоненты. Особое значение для курсантов имеет коммуникативный компонент, предполагающий владение нормами цифрового этикета и способность к эффективному взаимодействию в электронной среде.

В-третьих, экспериментально подтверждена эффективность онлайн-курса по формированию коммуникативного компонента цифровой культуры, построенного на принципах интерактивности, практико-ориентированности и рефлексивности. Применение кейс-заданий по лингвистическому, коммуникативному и практико-нормативному направлениям позволяет сформировать устойчивые навыки цифрового этикета.

В-четвертых, методика управляемого самообучения, базирующаяся на принципах модульности, мотивации и интерактивности, является эффективным средством повышения уровня профессиональных цифровых компетенций курсантов. Индивидуализация темпа и траектории обучения при сохранении управляющего воздействия преподавателя создает оптимальные условия для освоения цифровых технологий.

В-пятых, перспективными трендами профессиональной подготовки в условиях цифровизации являются: применение дистанционных образовательных технологий, интерактивное взаимодействие в ЭИОС, использование мультимедиа, обучение информационной гигиене, применение интеллект-тренажеров и персонализация обучения.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку межведомственных стандартов цифровых компетенций сотрудников, создание единой электронной информационно-образовательной

среды для ведомственных вузов ФСИН и МВД России, а также на изучение возможностей использования технологий искусственного интеллекта в профессиональной подготовке курсантов.

Список литературы:

[1] Гагарина, П.А. Формирование коммуникативного компонента цифровой культуры курсанта / П.А. Гагарина // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2024. – Т. 29, № 1(96). – С. 74-81.

[2] Хуторова, М.Н. Формирование профессиональных компетенций курсантов образовательных организаций МВД посредством применения методики управляемого самообучения / М.Н. Хуторова, И.Н. Блудова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2023. – Т. 28, № 4(95). – С. 438-446.

[3] Современные перспективные тренды профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы в условиях цифровизации образования / [авторы] // Наука и образование: электронное научное издание. – 2024. – № 4. – С. 149-161.

[4] О непрерывном образовании сотрудников ФСИН России в цифровом обществе / [авторы] // Наука и образование: электронное научное издание. – 2025. – № 2. – С. 148-161.

[5] Павлова, С.А. Современные информационные технологии в процессе формирования компетентности курсантов Академии ФСИН России / С.А. Павлова // Организация образовательного процесса в учреждении высшего образования: научные и методические аспекты: сборник статей. – Могилев: Могилевский институт МВД, 2023. – С. 179-183.

[6] Цифровая компетентность подростков и родителей: результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. – М.: Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.

References:

[1] Gagarin, P.A. Formation of the communicative component of the digital culture of the cadet/P.A. Gagarin//Psychopedagogy in law enforcement agencies. – 2024. - T. 29, NO. 1 (96). - S. 74-81.

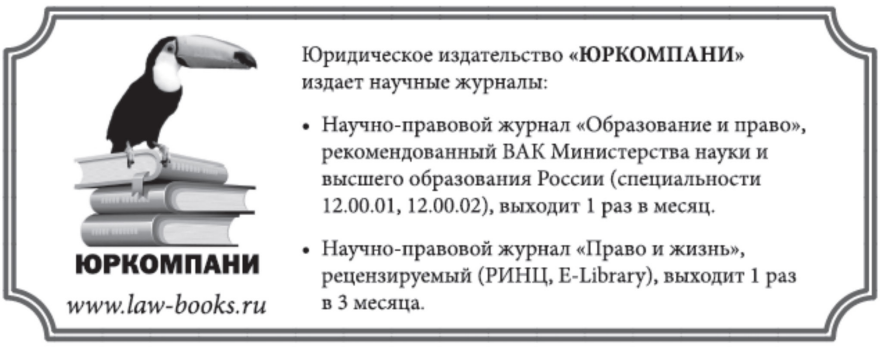
[2] Khutorova, M.N. Formation of professional competencies of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs through the use of guided self-study methods/M.N. Khutorova, I.N. Bludova//Psychopedagogy in law enforcement agencies. – 2023. - T. 28, NO. 4 (95). - S. 438-446.

[3] Modern promising trends in the professional training of employees of the penitentiary system in the context of digitalization of education/ [authors]//Science and education: electronic scientific publication. – 2024. – № 4. - S. 149-161.

[4] On the continuous education of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia in a digital society/[authors]//Science and education: electronic scientific publication. – 2025. – № 2. - S. 148-161.

[5] Pavlova, S.A. Modern information technologies in the process of forming the competence of cadets of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia/S.A. Pavlova// Organization of the educational process in a higher education institution: scientific and methodological aspects: collection of articles. - Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2023. - S. 179-183.

[6] Digital competence of adolescents and parents: results of an all-Russian study/G.U. Soldatova, T.A. Nestik, E.I. Rasskazova, E.Yu. Zotova. - M.: Internet Development Fund, 2013. - 144 s.



Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-528-532

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,

старший преподаватель кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: vsinko71@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: palamit@rambler.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,

доктор биологических наук, профессор кафедры «Техносферная и экологическая безопасность» Уральский государственный аграрный университет, профессор кафедры «Техносферная безопасность» Уральский государственный университет путей сообщения, ст. научный сотрудник УрНИВИ ФГБНУ УрФАНИЦ УрОРАН,

e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ К ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ У МОЛОДЕЖИ

Аннотация. *Данная статья посвящена мотивации к здоровому образу жизни. Студентам первого и второго курсов приходится проходить процесс адаптации. Для одних он простой, для других – очень сложный. Многим из них приходится переезжать в другой город, жить отдельно без родителей, становиться более взрослыми. Чем быстрее студент адаптируется к новой жизни, тем увереннее и оптимистичнее он будет чувствовать себя в период обучения и позже – в профессиональной деятельности. Тем сильнее он будет мотивирован к здоровому образу жизни. Однако в новых условиях появляется множество рисков и соблазнов: связаться с нехорошей компанией, приобрести вредные привычки, в попытке самореализоваться (показать себя) совершить неблаговидные поступки. Более слабые молодые люди часто попадают под влияние более сильных, уверенных в себе. Они способны преступить черту дозволенного, только бы получить одобрение своих сверстников, что помогает им чувствовать себя уверенно и комфортно.*

Ключевые слова: *студенты, молодежь, здоровье, мотивация, ценностное отношение.*

KOSHELENKO Lyubov V.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey V.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

SINKO Vera N.,

Senior lecturer at the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey G.,

Candidate of historical sciences, associate Professor, Associate professor of the Department of philosophy, Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg R.,

Doctor of Biological Sciences, Professor of the Department of Technosphere Safety, Ural State University of Railway Transport, Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety, Ural State Agrarian University, Senior Researcher, Ural Research Veterinary Institute, Federal State Budgetary Scientific Institution, Ural Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

EDUCATIONAL SPACE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF MOTIVATION FOR A HEALTHY LIFESTYLE FOR YOUNG PEOPLE

Annotation. *This article is devoted to motivation for a healthy lifestyle. First and second year students have to go through the adaptation process. For some it is simple, for others it is very complicated. Many of them have to move to another city, live separately without parents, and become more mature. The faster a student adapts to a new life, the more confident and optimistic they will feel during their studies and later in their professional activities. The more motivated he will be to lead a healthy lifestyle. However, in the new conditions, there are many risks and temptations: to contact a bad company, to acquire bad habits, to commit unseemly acts in an attempt to self-actualize (to show oneself). Weaker young people often fall under the influence of stronger, more confident ones. They are able to cross the line of what is allowed, just to get the approval of their peers, which helps them feel confident and comfortable.*

Key words: *students, youth, health, motivation, value attitude.*

Современное образовательное пространство отличается многозадачностью. Любой человек, получая образование, приобретает не только знания, умения и навыки (компетенции), но и новые характеристики личности, новые взгляды на различные явления, новые человеческие черты. Он начинает все легче адаптироваться к среде, все более комфортно чувствует себя в обществе. Однако общество диктует ему свои традиционные ценности. Сегодня одной из таких важнейших ценностей является здоровье и здоровый образ жизни, как главный инструмент самосохранения. К сожалению, все больше появляется больных людей среди молодежи. Естественно, что заболевают не только те, кто совсем не заботится о себе. Однако стремление к здоровому образу жизни показывают не все. Практически везде можно наблюдать курящих молодых людей, да и курящие дети сегодня, к сожалению, не редкость. Кроме этого, существует еще множество вредных привычек, нездоровой еды, питья, плохая экология и много чего еще.

В нашем мире необходима серьезная мотивация, особенно молодых людей, к здоровому образу жизни. С самого детства ребенок наблюдает и положительно оценивает поведение взрослых, которые являются для него безусловным авторитетом. Даже если те демонстрируют негативные поступки. В детском саду, школе, колледже, ВУЗе он продолжает наблюдать и оценивать поведение других. При этом он положительно оценивает поведение тех, кто сильнее, авторитетнее. К сожалению, детский сад и школа в основном не служат образцами нравственного поведения. Дети растут, становятся более ответственными, социализируются в обществе и все глубже понимают положительные и отрицательные явления в нем.

Молодые люди, сильные, здоровые часто не обращают внимания на предупреждения более взрослых: «надень шапку», «помой руки», «не ешь чипсы», «не кури, это плохо» и так далее. Им необходимо выглядеть в глазах своих сверстников «героями», самостоятельными, практически «взрослыми» людьми. Психологический комфорт для подростков и уже молодых людей становится самым важным. Они не думают о зрелости и старости, для них это не характерно. Те последствия, которые наступят когда-то, в этом возрасте их не волнуют.

Игнорирование, пренебрежение ко всему, что мешает молодежи самовыразиться – это характерная черта данного возраста. Некоторые студенты уходят в депрессию, часто даже уходят из учебного заведения, потому что не могут мотивировать себя на положительное построение своей реальности: учебу, работу и отдых. В этой ситуации им необходимо продемонстрировать, что трудности им по силам, а все остальные – преподаватели, воспитатели, студенты – им помогут и поддержат их.

Нужно отметить, что многие студенты мотивированы к сохранению своего здоровья. Мотивация студентов к здоровому образу жизни в этом случае выражается в стремлении к спокойствию, правильному распределению своего времени, самовыражению, соблюдению гигиенических требований, поддержанию хорошего настроения, оптимизма. Студент создает вокруг себя ситуацию успеха, а задача окружения – помочь ему в этом. Часто студент делает это неосознанно. Однако стремиться жить здоровой жизнью. Даже может эффективно бороться с вредными привычками.

В большой современной энциклопедии Е.С. Рапацевич говорится о том, что «Мотивация является стержнем психологии личности, в которой заключаются особенности поведения человека и деятельности человека как личности ... Мотивация – это своеобразный барометр общественных отношений в учебном коллективе» [1]. Мотивация действительно является «стержнем психологии личности» [1], она задает характер человека, его способности и направленность личности, вплоть до поведения человека. Существуют следующие различные трактовки мотивации. Это «побуждения к деятельности, это удовлетворения потребностей индивида, это предметно-направленная активность молодого человека, это конкретный выбор направленности личности, это осознанная причина поведения человека, лежащая в основе выбора поступков молодого человека» [1].

В настоящее время мы склоняемся к понятию, что мотивы – это осознанные побуждения человека, его поведения и деятельности. Мотивы лежат в результатах учебной, производственной деятельности людей они определяют результаты работы человека. Мотивационная сфера имеет довольно сложную структуру.

Рассмотрим типы мотивов учения. П.М. Якобсон выделил три очень разных типа мотивации учения.

«Под отрицательной мотивацией подразумевается побуждения учащихся, вызванные осознанием неудобств и неприятностей, которые могут возникнуть, если он не будет учиться» [2]. Это может быть осознанный выбор студента, он учится с удовольствием, ему нравится процесс, он планирует работать в данной сфере. Но мотивация может быть связана и с неприятными переживаниями: заставляют родители или существует другая необходимость. В этом случае, студент постоянно чувствует давление, дискомфорт, становится психологически слабее. И в этот момент он может приобщиться к вредным привычкам, «чтобы найти в них отдушину».

Положительная мотивация связана с мотивами, заложенными вне учебной деятельности, «такая мотивация связана с жизненной перспективой, обязанность учиться подкрепляется чувством долга перед родственниками, близкими людьми» [2]. Такая установка дает силы ученику.

Мотивация, заложенная в самом процессе учебной деятельности. Часто сам «процесс овладения знаниями опирается на любознательность обучаемого» [2].

Образовательная среда помимо обучения, несет в себе огромный потенциал в воспитательном плане. Она способна формировать мировоззрение обучающихся, направлять их на истинные ценности. Беречь и сохранять свое здоровье – одна главных задач современного общества. Мотивировать молодежь к этой ценности, значит сохранить молодое поколение здоровым и деятельным. Каждый молодой человек должен мотивировать себя на здоровый образ жизни. Эту идею ему нужно внушать с самого раннего детства, ведь альтернатив быть не может. В семье, детском саду, школе, колледже, ВУЗе и далее, на работе, на пенсии – на каждом возрастном этапе человек должен стремиться сохранять собственное здоровье. Эта мотивация естественно сопровождает нас всю жизнь. Задача любого образовательного учреждения – сформировать мотивацию к здоровому образу жизни у своих подопечных.

Так, Т.В. Карасева и Е.В. Руженская утверждают: «Формирование здорового образа жизни (ЗОЖ) населения является одной из актуальных задач. Рост числа исследований в сфере научного знания требует систематизации методических подходов, неотъемлемой частью которого является понятие мотивации, позволяющее раскрыть механизмы развития и пути формирования ЗОЖ. Комплексный характер явления способствует широкому толкованию этого понятия» [4]. Конечно, необходимо четко понимать, что такое здоровый образ жизни. Так, Я.И. Вигдорчик пишет: «Само понятие ЗОЖ весьма обширно и охватывает множество аспектов жизни человека, бесспорно, что это такой образ жизни, который соответствует определенным

критериям и приводит к максимально возможному отдалению возникновения ряда заболеваний, а также наиболее длительному сохранению различных видов активности, в том числе и социальной. Соответственно, для того, чтобы осознанно вести ЗОЖ и мотивировать к этому граждан, необходимо иметь четкие и подробные критерии эталонного образца поведения, признанного здоровым» [3].

Как студенту выстроить свои мотивы, чтобы не навредить своему здоровью и физическому, и психическому?

Для проведения исследования мы разработали методику – опросный лист, который включал в себя пять вопросов: 1. Постоянно ли Вы находитесь в стрессе? 2. Стараетесь ли Вы соблюдать гигиену? 3. Рационально ли у Вас построен рабочий день? 4. Посильны ли для Вас учебные требования? 5. Находят ли применение Ваши индивидуальные способности? Эти вопросы были заданы респондентам, исходя из новых условий их жизни, поступления и обучения в колледже, изменения их жизни, вступления в новую, более взрослую и ответственную жизнь. В октябре 2026 года было опрошено 100 студентов первого и второго курсов дневного обучения УрГАУ.

Так, по первому вопросу, 62% студентов, ответили, что не испытывают стресс постоянно, справляются с ним. Мы предполагаем, что они обладают таким важным качеством, как самостоятельность и уверенность в себе. Они умеют не впадать в стресс, потому, что учебный процесс им знаком, они хорошо себя чувствуют в нем и не склонны к панике. 25% студентов отметили, что постоянно находятся в стрессе. Эти ответы вызывают массу опасений. Однако нужно разобраться в причинах этого постоянного стресса у студентов. Они, особенно первый курс, полностью изменили свою жизнь. Учеба стала занимать почти их все время, а правильно его распределять они просто еще не научились. Можно предположить, что постоянный стресс они испытывают именно поэтому. Потому, что не успевают ничего, на что постоянно жалуются. К сожалению, даже ко второму курсу не все студенты умеют правильно распоряжаться своим временем. 13% респондентов обозначили неуверенность по этому вопросу. Наверное, их переход из школы, семьи в новые условия – ВУЗ, возможно, самостоятельная жизнь, пока не дали им почувствовать себя уверенно – они еще проходят процесс адаптации.

На второй вопрос, о соблюдении гигиены, 91% студентов утверждают, что стараются соблюдать гигиену в колледже, заботятся о своей чистоте. У них сформированы гигиенические представления о поведении в общественных местах, и они знают об опасностях несоблюдения гигиены, постоянно стараются соблюдать ее. 7% студентов ответили отрицательно. Почему они не хотят постоянно следить за собой? Дело в том, что в ВУЗе есть все условия, чтобы соблюдать гигиенические требования: помыть руки не только перед едой, но и после каждой пары, после посещения туалетной комнаты, выхода на улицу и так далее. Наверное, у этой части студентов не сформирована культура здорового образа жизни, и они пока об этом не задумываются, к своим решениям относятся небрежно. 2% выборки ответили «не знаю». Видимо они не задумывались над этим вопросом и просто растерялись. Однако с ними необходимо работать, объяснять, формировать у них мотивацию и культуру здорового образа жизни.

По третьему вопросу 44% студентов не чувствуют, что рационально распределяют свое время. Они еще не научились это делать, а ведь именно сейчас им это необходимо, так как на них в большей степени лежит ответственность за их учебную работу и за сбережение своего здоровья. 31% студентов ответил «да». Они считают, что их распорядок дня рационален, они успевают сделать почти все (и учиться и отдыхать, а некоторые – еще и работать). Наверное, они умеют распределять свое время. 25% студентов ответили «не знаю». Они, вероятно, не задумывались над этим вопросом и не уверены в рациональности своего рабочего графика. Они нуждаются в помощи взрослых людей.

74% студентов сказали, что настоящие учебные требования для них посильны, что они справляются с учебной нагрузкой. Большинство студентов колледжа справляются достаточно легко с новыми условиями жизни. 14% студентов сомневаются в своей успеваемости. Они не уверенны в своих силах и требуют дополнительной поддержки со стороны окружающих. 12% студентов утверждают, что не справляются с новой учебной нагрузкой. Возможно, они просто ленятся, не делают все вовремя и поэтому не успевают. Их жизнь – постоянное стремление не ошибиться, успеть. Они также нуждаются в посторонней помощи.

По пятому вопросу 44% студентов успешно находят применение своим способностям в колледже. В процессе учебы, творческой и общественной работы. Мы считаем их успешными уже с юношеского возраста, они успевают и работать, и отдыхать. 31% студентов сомневаются, востребованы ли они? Возможно, они просто необщительны и не могут заявить о себе. Необходимо обращать на них особое внимание в воспитательной работе. 25% студентов отрицают применение своих способностей в новой студенческой жизни.

Ощутимая часть студентов не находит свою нишу в общественной и творческой работе ВУЗа. Этих студентов необходимо выявлять и приобщать к жизни студенческого сообщества, давать им ответственные поручения.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы и предложить следующие рекомендации:

Студенты вступили в новую, более взрослую жизнь. Они нуждаются в поддержке педагогов, воспитателей, более взрослых студентов и более уверенных однокурсников.

Необходимо учитывать характер и темперамент студентов 1 и 2 курсов, чтобы «расшевелить» наиболее стеснительных студентов с самого начала обучения в колледже.

Необходимо воспитывать у «слабых» студентов практические жизненные умения: оптимизм, рационализм, уверенность в своих силах, формировать в студенческой среде ситуации успеха во всех сферах деятельности колледжа.

Список литературы

[1] Педагогика: Большая современная энциклопедия / Сост. Е.С. Рапацевич. Мн., «Современное слово», 2005. 720 с.

[2] Психологические проблемы мотивации поведения человека. М.: Просвещение, 1969.

[3] Вигдорчик Я.И. О мотивировании к здоровому образу жизни // Менеджер здравоохранения. 2021. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-motivirovanii-k-zdorovomu-obrazu-zhizni (дата обращения: 18.04.2026).

[4] Карасева Т.В., Руженская Е.В. Особенности мотивации ведения здорового образа жизни // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-motivatsii-vedeniya-zdorovogo-obraza-zhizni (дата обращения: 18.04.2026).

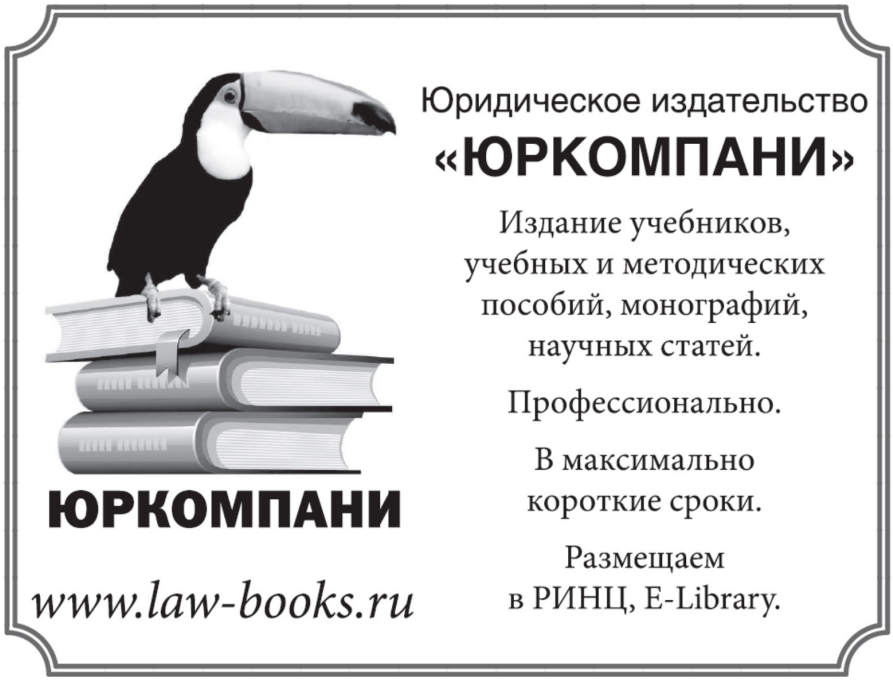
References:

[1] Pedagogy: The Great Modern Encyclopedia / Compiled by E.S. Rapatsevich. Minsk, Sovremennoe Slovo, 2005. 720 p.

[2] Psychological Problems of Human Behavior Motivation. Moscow: Prosveshchenie, 1969.

[3] Vigdorchik Ya.I. On motivation for a healthy lifestyle // Healthcare Manager. – 2021. – No. 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-motivirovanii-k-zdorovomu-obrazu-zhizni (accessed: 18.04.2026).

[4] Karaseva T.V., Ruzhenskaya E.V. Features of Motivation for a Healthy Lifestyle // Problems of Social Hygiene, Healthcare, and Medical History. 2013 No. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-motivatsii-vedeniya-zdorovogo-obraza-zhizni (accessed: 18.04.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 01.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-533-538

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: darya.ukrozhenkozoo@mail.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: alexeystepanow@mail.ru

ЧЕБЫКИНА Анастасия Андреевна,

преподаватель кафедры зооинженерии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: jko-10@mail.ru

САЯФАРОВА Наталья Александровна,

преподаватель кафедры зооинженерии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: sayafarova76@mail.ru

НЕНАХОВ Владислав Вадимович,

замдекана по воспитательной работе, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: spo-yrgay@mail.ru

КАНЕВ Прокопий Николаевич,

преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: kanevxok@mail.ru

РЕЙТИНГОВАНИЕ ВУЗОВ: ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена теоретическому анализу влияния рейтингования университетов на качество высшего образования. Рассматривается эволюция рейтинговых систем от информационных справочников к платформенным решениям, интегрированным в цифровую среду управления вузом. Анализируются методологические различия глобальных (QS, THE, ARWU) и национальных рейтингов, выявляется доминирование наукометрических показателей над образовательными результатами. Выделяются модели влияния рейтингов на стратегии университетов: рейтинговая адаптация, макдональдизация образования, тирания показателей и институциональное давление. Рассматриваются позитивные эффекты (стимулирование конкуренции, повышение прозрачности) и негативные деформации (манипуляции с данными, перекос в сторону научной активности, имитация качества). Обосновывается необходимость гармонизации рейтингования с принципами менеджмента качества, включая переход от оценки входных характеристик к выходным результатам и ориентацию на потребителя образовательных услуг.*

Ключевые слова: *рейтингование вузов, качество образования, наукометрические показатели, рейтинговая адаптация, менеджмент качества, университетские рейтинги, институциональное давление*

UKROZHENKO Daria Sergeevna,

Lecturer, of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

STEPANOV Alexey Vladimirovich,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

CHEBYKINA Anastasia Andreevna,

Lecturer, of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

SAYAFAROVA Natalia Alexandrovna,

Lecturer, of the Department of Animal Engineering, Ural State Agrarian University

NENAKHOV Vladislav Vadimovich,

deputy dean for educational work Ural State Agrarian University

KANEV Prokopiy Nikolaevich,

Lecturer, Department of Physical Education and Sports, Ural State Agrarian University

UNIVERSITY RANKINGS: IMPACT ON EDUCATION QUALITY

Annotation. *This article provides a theoretical analysis of the impact of university rankings on the quality of higher education. It examines the evolution of ranking systems from information directories to platform solutions integrated into the digital university management environment. It analyzes the methodological differences between global (QS, THE, ARWU) and national rankings, revealing the dominance of scientometric indicators over educational outcomes. It identifies models of rankings' influence on university strategies: ranking adaptation, the McDonaldization of education, the tyranny of indicators, and institutional pressure. Positive effects (stimulating competition, increasing transparency) and negative distortions (data manipulation, bias toward research activity, and imitation of quality) are considered. The need to harmonize rankings with quality management principles is substantiated, including a shift from the assessment of input characteristics to output results and a focus on the consumer of educational services*.

Key words: *University rankings, education quality, scientometric indicators, ranking adaptation, quality management, university rankings, institutional pressure*.

В современном глобальном образовательном пространстве рейтингование университетов стало неотъемлемым инструментом оценки их деятельности. Международные рейтинги (QS, THE, ARWU), национальные и отраслевые ранжирования активно используются абитуриентами и их семьями при выборе вуза, работодателями — при оценке привлекательности выпускников, государственными органами — при распределении финансирования и определении стратегических приоритетов, а самими университетами — для позиционирования на рынке образовательных услуг.

Однако вопрос о влиянии рейтингования на реальное качество образования остаётся дискуссионным. Проблема усугубляется тем, что большинство глобальных рейтингов опираются на показатели научной продуктивности (публикации, цитируемость), академической репутации и международного сотрудничества, тогда как непосредственные образовательные результаты — уровень сформированности компетенций, удовлетворённость студентов качеством преподавания, успешность трудоустройства — занимают в них подчинённое место. Это порождает риск «академического капитализма», когда университеты переориентируют ресурсы с учебной деятельности на наукометрические показатели в ущерб качеству образования.

Эволюция рейтинговых систем может быть рассмотрена как частный случай перехода от информационных систем к платформенным решениям. На начальном этапе рейтинги вузов выполняли функцию информационных справочников, предоставляя статичные данные. Однако современные рейтинговые системы приобретают свойства «живых», постоянно обновляемых инструментов, интегрированных в единую информационную среду. Ключевым фактором трансформации выступает переход от модели «зависимых участников» (вуз как объект

оценки) к модели «взаимовыгодных отношений независимых участников». В этой парадигме рейтинговая система не только фиксирует достижения, но и через алгоритмизированную обратную связь позволяет идентифицировать зоны развития и выявлять области, требующие корректировки. Приобретение платформой таких ценностей, как цифровые технологии обработки больших данных и снижение транзакционных издержек, преобразует рейтинг из пассивного справочника в активный инструмент стратегического управления вузом. Эволюция рейтинговых систем отражает общий тренд цифровизации образования: от статичных информационных систем к динамичным платформам, обеспечивающим управление качеством на основе непрерывно актуализируемых данных [9].

Современные рейтинги базируются на оценке образовательной, научно-исследовательской, международной и предпринимательской активности вузов. Методологические подходы различных систем существенно различаются по набору индикаторов и их весовым коэффициентам. В QS World University Rankings индекс цитирования составляет 30% от общего балла, в Times Higher Education — 20%. Российский рейтинг «Эксперт РА» включает 16 критериев, тогда как Шанхайский (ARWU) — всего три. Глобальные рейтинги стремятся к упрощению для доступности широкой аудитории, национальные — к многоаспектному измерению. Критической проблемой остаётся ориентация на традиционную модель исследовательского университета с доминированием публикационной активности, тогда как «третья миссия» (инновационная и социально-экономическая роль вуза) слабо поддаётся формализованной оценке и учитывается лишь через экспертные опросы [4].

В научной литературе выделяются несколько моделей влияния рейтингов на стратегии университетов. Первая основана на «рейтинговой адаптации»: вузы целенаправленно перестраивают политику под критерии рейтинговых систем, форсируя публикационную активность, увеличивая долю англоязычных работ и привлекая иностранных студентов, что порождает риски манипуляций и приоритизацию формальных показателей. Вторая описывает «макдональдизацию» высшего образования — перенос принципов эффективности, количественных показателей и жёсткого контроля в образовательную практику, что ведёт к утрате ценностного смысла обучения и замещению понятия «образованный человек» понятием «человек, имеющий диплом». Третья модель («тирания показателей») фиксирует, что одержимость количественными индикаторами вынуждает руководителей выжимать из нематериальных активов всё возможное в краткосрочной перспективе в ущерб долгосрочным задачам. Наконец, модель институционального давления рассматривает рейтинги как инструмент косвенной регуляции, принуждающий вузы к унификации стратегий под угрозой потери конкурентоспособности и финансирования. Парадоксально, но академическая репутация всё чаще определяется не реальными результатами, а степенью узнаваемости бренда. В ответ ведущие университеты (Гарвард, Стэнфорд) публично заявляют о выходе из рейтинговой гонки, однако ранжирование на основе открытых данных продолжается, делая полный отказ от влияния рейтингов практически невозможным [3, 10].

Применение рейтингов в высшем образовании даёт ряд положительных эффектов. Во-первых, рейтинги упрощают выбор вуза для абитуриентов, инвесторов и партнёров, выполняя важную информационную функцию. Во-вторых, для университетов рейтинг выступает маркетинговым инструментом, обеспечивающим узнаваемость и формирование положительного имиджа. В-третьих, рейтингование стимулирует повышение результативности научных исследований, поскольку публикационная активность и цитируемость напрямую влияют на позиции в глобальных рейтингах. Кроме того, рейтинги способствуют улучшению сбора и систематизации статистических данных в сфере высшего образования. Наконец, конкурентная среда, создаваемая рейтингами, служит драйвером институциональных изменений, направленных на повышение качества образовательной и научной деятельности [1].

Рейтинговые системы способны порождать устойчивые деформации в оцениваемых объектах. Ключевой механизм связан с эффектом обратной связи: когда показатели рейтинга становятся известны участникам, начинается смещение активности в сторону улучшения формальных индикаторов в ущерб содержательной деятельности. Примеры из практики: манипуляции с количеством регистрируемых преступлений в органах внутренних дел, девальвация школьных аттестатов и медалей в 1970–1980-е годы, от учёта которых при поступлении в вузы пришлось отказаться. В высшем образовании это проявляется в «рейтинговой адаптации»: вузы наращивают публикационную активность и привлекают иностранных студентов не потому, что это повышает качество, а потому, что это учитывается в рейтингах. Показатели, не входящие в рейтинговые формулы (воспитательная

работа, индивидуализация обучения), остаются без внимания. Особую проблему составляет огрубление шкалы: разрыв между исходными данными нивелируется до одного шага рейтинга, создавая иллюзию существенных различий там, где их нет. «Высокие ставки» (распределение финансирования, престиж) вынуждают учреждения концентрироваться на формальных критериях, что ведёт к искажению реальной картины качества образования и подрыву доверия к рейтингованию [11].

Анализ рейтинговых данных выявляет устойчивое расхождение между формальными позициями стран и университетов в глобальных рейтингах и реальным состоянием образовательного пространства. Индекс уровня образования не коррелирует с абсолютным объёмом финансирования: увеличение расходов на образование не приводит автоматически к повышению места в рейтингах. Выявлена отрицательная связь между затратами на образование и показателями социально-экономического развития: при более высоких расходах наблюдаются более низкие позиции в рейтингах человеческого развития и экономической свободы. Для стран постсоветского пространства обнаружена значительно меньшая корреляция образования с развитием предпринимательства (67,8% против 84,4% в мире), что указывает на ослабленную связь между формальными образовательными достижениями и реальной экономической активностью. Следовательно, высокие рейтинговые позиции не служат надёжным индикатором качества образования, а управленческие решения, основанные исключительно на рейтингах, могут противоречить объективной картине [7].

Рейтинговое давление формирует у университетов устойчивые поведенческие стратегии, направленные на улучшение формальных позиций. Для российских вузов приоритетными становятся наращивание интернационализации (увеличение доли иностранных студентов и преподавателей), продвижение программ на мировом рынке и активизация рекрутинга. В рамках государственной программы вхождения пяти вузов в топ-100 QS университеты перестраивают кадровую политику и концентрируют ресурсы на учитываемых рейтингами показателях. При этом первая сотня рейтинга QS относительно стабильна: ежегодно выбывает не более 10% участников, а быстрого перемещения из четвёртой сотни в первую практически не наблюдается. Университеты из развивающихся стран (Китай, Корея, Бразилия) демонстрируют примеры вхождения в топ-100, что создаёт ориентиры для России. Как показал опрос абитуриентов ННГУ, 59,4% считают рейтинг важным показателем при выборе вуза, а 15,5% отметили, что вхождение вуза в топ-601+ QS повлияло на их выбор. Таким образом, вузы вынуждены адаптировать внутренние процессы под рейтинговые критерии и одновременно активно коммуницировать свои рейтинговые достижения как конкурентное преимущество для привлечения абитуриентов [6].

Рейтингование выступает инструментом государственного управления, позволяющим оценить деятельность региональных систем, сравнить результаты и выявить диспропорции развития. В контексте обеспечения технологического суверенитета рейтинги научно-технологического развития (Национальный рейтинг Минобрнауки, рейтинг РИА Рейтинг, рейтинг SMART) дают возможность оценить потенциал исследований и среду для наукоёмкого бизнеса. Несмотря на различия в методиках, все три рейтинга демонстрируют близость по составу лидеров и аутсайдеров, что подтверждает их валидность. Результаты рейтингования используются для выработки стимулирующих мер, определения приоритетов инвестиционной привлекательности и распределения бюджетных средств. Регионы-лидеры (Москва, Санкт-Петербург, Татарстан) получают системную поддержку, тогда как аутсайдеры нуждаются в адресных программах. Таким образом, рейтингование становится не только оценочной, но и распределительной процедурой, влияющей на бюджетную и инвестиционную политику [5].

Современные подходы к управлению качеством образования, базирующиеся на принципах ISO 9000, требуют пересмотра роли рейтингов. Вместо простого ранжирования по формальным показателям рейтингование должно быть интегрировано в систему менеджмента качества как механизм обратной связи. Ключевое направление гармонизации — переход от оценки «входных» характеристик (материально-техническая база, доля преподавателей с учёными степенями) к оценке «выходных» результатов: сформированности компетенций выпускников и удовлетворённости работодателей. Второе направление — реализация принципа «ориентации на потребителя»: рейтинг должен отражать соответствие программ запросам студентов, бизнеса и государства. Третье — отказ от одномерных рейтингов в пользу многофакторных моделей (подобных BSC), где каждый критерий имеет содержательное обоснование. Важным условием выступает прозрачность методологии и синхронизация рейтингования с процедурами внутреннего аудита и самооценки вуза, что позволяет запускать корректирующие действия. Рейтинги не должны подменять лицензирование

и аккредитацию, а выступать дополнительным инструментом внешней гарантии качества. Только при этих условиях рейтингование становится механизмом постоянного улучшения в соответствии с циклом PDCA [8].

Заключение. Проведённый анализ показывает двойственное влияние рейтингования на качество образования. С одной стороны, рейтинги стимулируют конкуренцию, повышают прозрачность вузов и выполняют информационную функцию. С другой — доминирование наукометрических показателей порождает «рейтинговую адаптацию»: переориентацию ресурсов с учебной деятельности на формальные индикаторы. Высокие рейтинговые позиции не служат надёжным индикатором реального качества подготовки выпускников. Преодоление этого противоречия требует перехода от одномерных ранжирований к многофакторным моделям оценки со смещением акцента с «входных» характеристик (инфраструктура, кадры) на «выходные» результаты (компетенции, трудоустройство, удовлетворённость работодателей). Только при этом условии рейтингование станет механизмом постоянного улучшения качества образования, а не инструментом давления.

Список литературы:

[1] Васкевич Т. В. Рейтинг вузов: объективная оценка качества образования или метод конкурентной борьбы? / Т. В. Васкевич // Педагогический журнал Башкортостана. — 2018. — № 4 (77). — С. 74–86.

[2] Влияние рейтингов на эффективность управления деятельностью вузов и подготовки высококвалифицированных кадров / М. В. Полевая [и др.] // Экономика. Налоги. Право. — 2024. — № 4. — С. 42–52.

[3] Возникновение и функционирование современной общемировой системы рейтинга высших учебных заведений / М. А. Алламырадов [и др.] // Современное образование. — 2025. — № 2. — С. 1–13.

[4] Глезман Л. В., Исаев С. Ю., Федосеева С. С. Рейтингование как метод оценки инновационного и научно-технологического развития регионов России / Л. В. Глезман [и др.] // Вопросы инновационной экономики. — 2023. — Т. 13, № 2. — С. 927–940. — DOI: 10.18334/vinec.13.2.117950.

[5] Ефимова И. Н., Маковейчук А. В. Анализ влияния роли рейтинговых позиций вуза на мотивацию абитуриентов при выборе места обучения: прикладной аспект / И. Н. Ефимова, А. В. Маковейчук // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 4 (1). — С. 18–26.

[6] Иванова С. В., Бебенина Е. В. Рейтинговый подход к изучению образовательного пространства / С. В. Иванова, Е. В. Бебенина // Ценности и смыслы. — 2017. — № 5. — С. 8–19.

[7] Концепция обеспечения качества образования : метод. рук. / Владим. гос. ун-т ; сост. А. Г. Сергеев. — Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2009. — 140 с. — С. 68–86.

[8] Максименко А. Ю. Образование в XXI веке: от информационных систем к цифровым платформам / А. Ю. Максименко // ЭПП. — 2024. — № 5. — С. 2253–2268.

[9] Троцук И. В. Рейтинг вузов: идеология и методология составления (российская практика) / И. В. Троцук // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2009. — № 1. — С. 90–97.

[10]. Чепурных Е. Е., Майоров А. Н. Рейтинг заблуждения или заблуждения рейтинга / Е. Е. Чепурных, А. Н. Майоров // Вопросы образования. — 2007. — № 2. — С. 251–267.

References:

[1] Vaskevich T.V. University rating: an objective assessment of the quality of education or a method of competition ?/T.V. Vaskevich// Pedagogical Journal of Bashkortostan. — 2018. — № 4 (77). - S. 74-86.

[2] The influence of ratings on the effectiveness of university management and training of highly qualified personnel/M.V. Polevaya [et al.]// Economics. Taxes. Right. — 2024. — № 4. - S. 42-52.

[3] The emergence and functioning of a modern global rating system for higher educational institutions/M. A. Allamyradov [et al.]//Modern education. — 2025. — № 2. - S. 1-13.

[4] Glezman L. V., Isaev S. Yu., Fedoseeva S. S. Rating as a method for assessing the innovative and scientific and technological development of the regions of Russia/L. V. Glezman [et al.]//Issues of an innovative economy. — 2023. - T. 13, NO. 2. - S. 927-940. — DOI: 10.18334/vinec.13.2.117950.

[5] Efimova I.N., Makoveychuk A.V. Analysis of the impact of the role of university rating positions on the motivation of applicants when choosing a place of study: applied aspect/I.N. Efimova, A.V. Makoveychuk//Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. — 2014. — № 4 (1). - S. 18-26.

[6] Ivanova S.V., Bebenina E.V. Rating approach to the study of the educational space/S.V. Ivanova, E.V. Bebenina//Values and meanings. — 2017. — № 5. - S. 8-19.

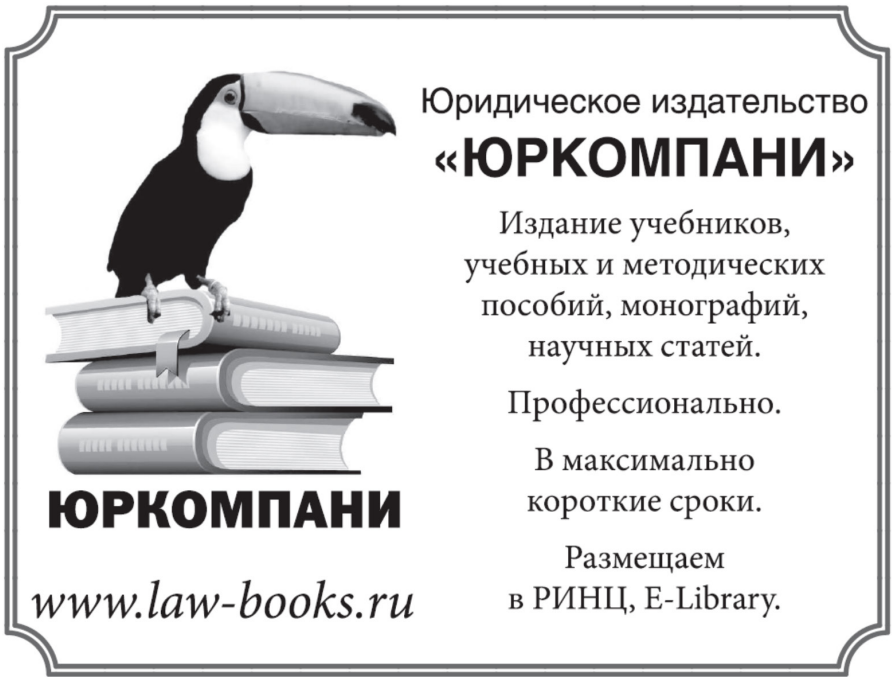
[7] Education Quality Concept: Method. hands ./Own. state. university; comp. A. G. Sergeev. - Vladimir: Publishing House Vladim. state university, 2009. - 140 p. - S. 68-86.

[8] Maksimenko A. Yu. Education in the

XXI century: from information systems to digital platforms/A. Yu. Maksimenko//EPP. — 2024. — № 5. - S. 2253-2268.

[9] Trotsuk I.V. Rating of universities: ideology and methodology of compilation (Russian practice)/I.V. Trotsuk//Bulletin of RUDN University. Series: Sociology. — 2009. — № 1. - S. 90-97.

[10] Chepurnykh E. E., Mayorov A. N. Rating of delusion or delusion rating/E. E. Chepurnykh, A. N. Mayorov//Education issues. — 2007. — № 2. - S. 251-267.



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-539-543

БАБКИНА Анна Анатольевна,

Старший преподаватель кафедры математики и ИТ ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: anna-alikieva@mail.ru

САЛИХОВА Марина Николаевна,

Старший преподаватель кафедры технологии металлов и ремонта машин ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: salikhova_mn@urgau.ru

САДОВ Артём Александрович,

Кандидат технических наук, доцент кафедры технологических и транспортных машин ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: Artemsadov@ya.ru

ШОРОХОВ Павел Николаевич,

Старший преподаватель кафедры технологических и транспортных машин ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: pasha-shorohov@mail.ru

ТАТАРЧУК Анна Петровна,

Преподаватель кафедры овощеводства и плодоводства имени Н.Ф. Коняева ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: brassica@inbox.ru

ИВАНОВА Мария Сергеевна,

кандидат сельскохозяйственных наук, Старший преподаватель кафедры растениеводства и селекции ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: m-ivaivanova@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ОДАРЁННЫХ СТУДЕНТОВ АГРАРНЫХ ВУЗОВ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ РАЗЛИЧНЫХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация. *Педагогическая поддержка одарённых студентов в аграрных университетах требует особого подхода к преподаванию математики. Обычные методы, рассчитанные на широкую аудиторию, оказываются недостаточными: таким студентам быстро становится скучно, если учебный материал не соответствует их уровню и темпу освоения. Чтобы они могли реализовать свой потенциал, важно не просто углублять темы, а строить обучение с опорой на их способности и интересы.*

В данной статье дана оценка эффективности такой поддержки требует нестандартных подходов. Помимо традиционных тестов, учитываются уровень вовлечённости студентов, их исследовательская самостоятельность, умение работать с неопределённостью и выдерживать интеллектуальную нагрузку. Отслеживаются изменения в отношении к предмету, устойчивость к скуке и прокрастинации. Всё это позволяет судить о глубине реального образовательного эффекта, а не только о формальных знаниях.

Ключевые слова: *одарённые студенты; аграрный университет; высшая математика; дифференциация; контекстные задачи; математическая грамотность; цифровые технологии; исследовательское обучение; ускорение и обогащение; наставничество.*

BABKINA Anna Anatolyevna,

Senior Lecturer of the Department of Mathematics and Mathematics Ural State Agrarian University

SALIKHOVA Marina Nikolaevna,

Senior Lecturer at the Department of Metal Technology and Machine Repair Ural State Agrarian University

SADOV Artyom Alexandrovich,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Technological and Transport Machines Ural State Agrarian University

SHOROKHOV Pavel Nikolaevich,

Senior Lecturer at the Department of Technological and Transport Machines Ural State Agrarian University

TATARCHUK Anna Petrovna,

Lecturer of the Department of Vegetable and Fruit Growing named after N.F. Konyaev Ural State Agrarian University

IVANOVA Maria Sergeevna,

Candidate of Agricultural Sciences Senior lecturer of the Department of Crop Production and Breeding Ural State Agrarian University

PEDAGOGICAL SUPPORT FOR GIFTED STUDENTS OF AGRICULTURAL UNIVERSITIES IN TEACHING VARIOUS DISCIPLINES

Annotation. *Annotation. Pedagogical support for gifted students at agricultural universities requires a special approach to teaching mathematics. Conventional methods designed for a wide audience turn out to be insufficient: such students quickly become bored if the educational material does not match their level and pace of learning. In order for them to realize their potential, it is important not just to deepen the topics, but to build learning based on their abilities and interests.*

This article provides an assessment of the effectiveness of such support that requires non-standard approaches. In addition to traditional tests, the level of student engagement, their research independence, the ability to work with uncertainty and withstand intellectual stress are taken into account. Changes in attitude to the subject, resistance to boredom and procrastination are monitored. All this allows us to judge the depth of the real educational effect, and not just formal knowledge.

Key words*: gifted students; agrarian University; higher mathematics; differentiation; contextual tasks; mathematical literacy; digital technologies; research training; acceleration and enrichment; mentoring*.

Современные аграрные вузы сталкиваются с необходимостью адаптировать учебные курсы по математике к уровню студентов, обладающих высокой познавательной активностью, абстрактным мышлением и стремлением к исследовательской деятельности. Одарённые обучающиеся, будучи включёнными в массовые формы подготовки, испытывают дефицит когнитивных стимулов, что приводит к снижению мотивации, академической скуке и формальному усвоению материала.

Подготовка студентов в аграрной сфере должна не только обеспечивать базовый уровень профессиональной компетентности, но и служить инструментом осмысления и моделирования природно-технологических процессов. Это требует поиска педагогических решений, способных удовлетворить образовательные потребности одарённых студентов и сформировать устойчивую познавательную мотивацию.

В центре подхода лежит раннее выявление одарённых студентов, после чего для них выстраивается индивидуальная образовательная траектория. Она включает задачи, связанные с профессиональной сферой — агропромышленным комплексом.

Такие задания не абстрактны: они связаны с реальными проблемами сельского хозяйства, что делает обучение более осмысленным.

Например, студенты могут рассчитывать оптимальные дозы удобрений с помощью

линейного программирования, моделировать потери влаги в почве, прогнозировать урожай по спутниковым данным или анализировать риски в животноводстве с помощью вероятностных методов.

Важную роль играет и формат самого курса. Лекции здесь выполняют функцию методической опоры, но основное внимание сосредоточено на проектной работе. Студенты вовлекаются в короткие, но насыщенные практикой исследовательские модули — так называемые проектные спринты, которые реализуются в партнёрстве с профильными кафедрами университета. Это позволяет не только глубже осваивать различныеметоды, но и учиться применять их в реальных профессиональных задачах.

Используются цифровые инструменты — симуляторы, интерактивные задания, визуализация данных. Они делают математику более наглядной и вовлекающей. Применение геймификации (элементов игры) способствует повышению интереса к предмету, при этом уровень тревожности у студентов не возрастает.

Одаренные студенты часто обладают рядом особенностей, которые требуют внимания:

Быстрое усвоение материала: Они могут скучать, если темп обучения слишком медленный, и терять интерес.

Глубокое понимание: Им недостаточно поверхностных знаний, они стремятся докопаться до сути, задают много вопросов.

Креативность и нестандартное мышление: Они могут предлагать оригинальные решения, которые выходят за рамки привычного.

Высокая мотивация к саморазвитию: Они готовы учиться самостоятельно, искать дополнительную информацию.

Потенциальная уязвимость: Иногда одаренные студенты могут испытывать трудности с адаптацией, быть слишком самокритичными или испытывать давление от своих же ожиданий.

Проблема организации самостоятельной работы подробно рассматривается в статье С.Н. Буркова. Автор справедливо отмечает, что традиционные домашние задания не отвечают познавательным запросам студентов с высоким уровнем академической мотивации. Предлагается выстраивать самостоятельную деятельность как цепочку исследовательских действий, начиная с постановки задачи и заканчивая интерпретацией результатов. При этом акцент переносится с проверки факта выполнения на развитие логики рассуждений и умения работать с неопределённостью [2].

В рамках цифровизации образовательной среды определённое внимание уделяется трансформации преподавания математических дисциплин. Н.В. Пчелинцева и С.А. Пчелинцев обобщают практики, в которых математическое обучение строится на анализе реальных данных, визуализации численных моделей и использовании геоинформационных сервисов. Подчёркивается необходимость продуманного педагогического сопровождения —в ситуациях, когда цифровые платформы становятся основной формой взаимодействия со студентами [7, с. 2].

Работы М.А. Приходько и О.Б. Смирновой касаются формирования у студентов метапредметных умений - прежде всего, навыка структурировать учебный материал. Это представляется важным применительно к одарённым учащимся, способным выстраивать сложные логические связи и осмысленно управлять процессом усвоения. Авторы предлагают включать в образовательный процесс задания, направленные не только на решение, но и на реконструкцию понятийных схем, выявление связей между разделами курса [8].

Педагогическая поддержка одаренных студентов – это не просто дополнительные задания. Это комплексный подход, который включает в себя:

Дифференциация обучения:

Углубленные задания: Вместо стандартных упражнений предлагать задачи, требующие анализа, синтеза и оценки. Например, при изучении почвоведения – разработка комплексной программы мелиорации для конкретного участка с учетом всех факторов.

Проектная деятельность: Давать возможность работать над исследовательскими проектами, которые выходят за рамки учебной программы. Это может быть разработка нового сорта культуры, оптимизация технологии выращивания или анализ рыночных тенденций.

Индивидуальные траектории обучения: Позволять студентам выбирать темы для более глубокого изучения, предлагать альтернативные формы контроля знаний (например, презентации, научные статьи вместо традиционных тестов).

Стимулирование познавательной активности:

Открытые вопросы и дискуссии: Создавать атмосферу, где студенты не боятся высказывать свое мнение, задавать «неудобные» вопросы и участвовать в оживленных дискуссиях.

Проблемное обучение: Ставить перед студентами реальные проблемы из аграрной сферы и предлагать им найти пути их решения. Например, как повысить урожайность зерновых в условиях засухи, используя современные технологии.

Использование современных технологий: Интегрировать в учебный процесс интерактивные симуляторы, виртуальные лаборатории, онлайн-

курсы от ведущих мировых экспертов.

Развитие исследовательских навыков:

Вовлечение в научную работу: Привлекать студентов к участию в научных исследованиях кафедры, помогать им публиковать свои первые научные статьи.

Менторство: Назначать студентам опытных преподавателей или старших коллег, которые будут направлять их в научной работе, помогать с выбором темы, методологией.

Участие в конференциях и конкурсах: Поощрять студентов к участию в студенческих научных конференциях, олимпиадах, конкурсах научных работ.

Создание поддерживающей среды:

Позитивная обратная связь: Отмечать успехи студентов, давать конструктивную критику, которая помогает им расти, а не демотивирует.

Развитие навыков саморегуляции: Помогать студентам учиться управлять своим временем, справляться со стрессом, ставить реалистичные цели.

Формирование сообщества: Создавать условия для общения одаренных студентов между собой, чтобы они могли обмениваться идеями, поддерживать друг друга.

Разработка эффективной педагогической модели для одарённых студентов аграрных вузов требует системного пересмотра структуры математического курса, его содержательных акцентов и форм учебной организации. В условиях, когда математика рассматривается не как изолированная дисциплина, а как инструмент профессионального анализа и принятия решений, обучающая траектория должна опираться на задачи, требующие построения моделей, анализа ограничений и обоснованного выбора методов. Пространство учебной деятельности, ориентированное на таких студентов, должно быть насыщено контекстами, где математика выступает как язык описания реальности - с её неопределённостью, вариативностью и необходимостью прогноза.

Одной из эффективных форм представляется модульная организация курса, где каждый тематический блок строится вокруг профессионально значимой проблемной ситуации.

Например, в модуле «Оптимизация» рассматривается задача планирования минерального питания растений. Студенты анализируют исходные данные по структуре посевов, нормам внесения удобрений, агрохимическим ограничениям и финансовым лимитам хозяйства. На этой основе формулируется задача линейного программирования, решение которой не только даёт конкретный результат, но и требует анализа двойственных переменных, интерпретируемых как предельные значения ресурсов или скрытые факторы эффективности системы [1].

Таким образом, представленная модель педагогической поддержки одарённых студентов в аграрных вузах ориентирована на развитие их интеллектуального и исследовательского потенциала в условиях профильной и математической подготовки.

Педагогическая поддержка одаренных студентов – это не разовое мероприятие, а непрерывный процесс. Преподавателям важно постоянно совершенствовать свои методики, изучать новые подходы к работе с талантливыми учащимися и быть открытыми к их идеям. Сотрудничество с другими вузами, научными центрами и аграрными предприятиями также может обогатить образовательный процесс и предоставить одаренным студентам новые возможности для развития.

Список литературы:

[1] Ахапкина Е.Н., Крохмаль Л.А. К проблеме развития аграрного образования в России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. №2-1 (22). С. 129-136.

[2] Бурков С. Н. К вопросу об организации и реализации самостоятельной работы студентов аграрного университета по курсу «Математика» // Электрон. дан. 2021. URL: https://profed.edubiotech.ru/

[3] Григорьев С.Г., Гриншкун В.В. Мультимедиа в образовании. – http://www.ido.edu.ru/open/mm/.

[4] Дунихина Н.В. Модель системы развития ключевых компетенций студентов аграрного вуза // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2007. №4. С. 34-37.

[5] Кибыш А.И., Наринян А.А. Междисциплинарный подход в преподавании гуманитарных дисциплин в аграрном вузе. ИЗВЕСТИЯ Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. Психолого-педагогические науки. 2025;(2(72)):83-91. https://doi.org/10.46845/2071-5331-2025-2-72-83-91

[6] Короткова Е. А. Профессиональная реализация талантливых студентов в Уральском государственном аграрном университете // Аграрное образование и наука. 2021. № 1. С. 11.

[7] Мягких А.А. Проблемы развития интеллектуального потенциала Российской Федерации // Вестник факультета управления СибГЭУ. 2018. № 3(1). С. 200-206.

[8] Малахова О.Н. Саморазвитие студента в структурах дистанционных образовательных технологий: к вопросу об успешности // Образовательная среда сегодня и завтра:

сборник науч.трудов IX Междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 30-31 октября, 2014). М.: Изд-во политех.ун-та, 2014. - С.135-136.

[9] Современные педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е. С. Полат. - М.: Академия, 2010. - 272 с.

[10] Шевхужев А.Ф., Арова О.З. Перспективные направления развития аграрных вузов в России // Фундаментальные исследования. 2013. №8-6. С. 1455-1460.

References:

[1] Akhapkina E.N., Krokhmal L.A. To the problem of the development of agricultural education in Russia//MIR (Modernization. Innovation. Development). 2015. №2-1 (22). S. 129-136.

[2] Burkov S. N. On the organization and implementation of independent work of students of the agrarian university in the course “Mathematics “// Electron. dan. 2021. URL: https://profed.edubiotech.ru/

[3] Grigoriev S.G., Grinshkun V.V. Multimedia in Education. – http://www.ido.edu.ru/open/mm/.

[4] Dunikhina N.V. Model of the development system of key competencies of students of an agrarian university//Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov. 2007. №4. S. 34-37.

[5] Kibysh A.I., Narinyan A.A. Interdisciplinary approach in teaching humanities at an agrarian university. NEWS of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet. Psychological and pedagogical sciences. 2025;(2(72)):83-91. https://doi.org/10.46845/2071-5331-2025-2-72-83-91

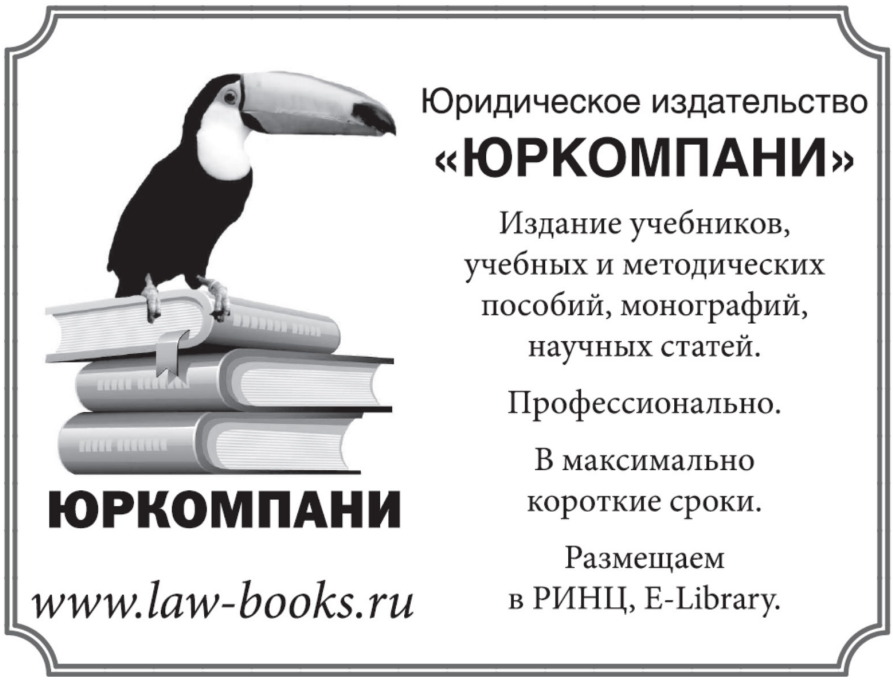
[6] Korotkova E. A. Professional implementation of talented students at the Ural State Agrarian University//Agrarian education and science. 2021. № 1. S. 11.

[7] Myagkikh A.A. Problems of developing the intellectual potential of the Russian Federation// Bulletin of the Faculty of Management of SibSEU. 2018. № 3(1). S. 200-206.

[8] Malakhova O.N. Student self-development in the structures of distance educational technologies: to the question of success//Educational environment today and tomorrow: collection of scientific works IX International. scientific-practical conf. (Moscow, October 30-31, 2014). M.: Publishing House Polytechnic, 2014. - P.135-136.

[9] Modern pedagogical and information technologies in the education system/ed. E. S. Polat. - M.: Academy, 2010. - 272 p.

[10] Shevkhuzhev A.F., Arova O.Z. Promising directions for the development of agricultural universities in Russia//Fundamental research. 2013. №8-6. S. 1455-1460.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-544-548

ГОЛДИНА Ирина Игоревна,

Старший преподаватель кафедры «Сервис транспортных и технологических машин и оборудования в АПК» ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: ir.goldina@mail.ru

ИОВЛЕВ Григорий Александрович,

Кандидат экономических наук, доцент, Заведующий кафедрой «Сервис транспортных и технологических машин и оборудования в АПК» ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: gri-iovlev@yandex.ru

ЗОРКОВ Владимир Сергеевич,

Кандидат экономических наук, доцент кафедры «Сервис транспортных и технологических машин и оборудования в АПК» ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: zorkov1956@mail.ru

БАБКИНА Анна Анатольевна,

Старший преподаватель кафедры математики и Информационных технологий ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: anna-alikieva@mail.ru

ПИЛЬНИКОВ Леонид Николаевич,

Старший преподаватель кафедры техносферной и экологической безопасности ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: pilnikov960@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ АГРАРНЫХ ВУЗОВ: СОСТОЯНИЕ, ПРАКТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема формирования предпринимательских компетенций у студентов аграрных вузов в условиях импортозамещения и роста значимости агропромышленного комплекса (АПК) России. Представлены педагогические подходы, методы и инструменты развития предпринимательского потенциала будущих аграриев, а также предложены практические рекомендации для дальнейшего развития предпринимательских компетенций у студентов аграрных ВУЗов.*

Ключевые слова: *предпринимательские компетенции, аграрное образование, педагогические технологии, агробизнес, практико-ориентированное обучение.*

GOLDINA Irina Igorevna,

Senior Lecturer of the Department “Service of Transport and Technological Machines and Equipment in the AIC” FGBOU VO Ural State Agrarian University

IOVLEV Grigory Aleksandrovich,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department “Service of Transport and Technological Machines and Equipment in the AIC” FGBOU VO Ural State Agrarian University

ZORKOV Vladimir Sergeevich,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department “Service of transport and technological machinery and equipment in the agro-industrial complex” Ural State Agrarian University

BABKINA Anna Anatolyevna,

Senior Lecturer at the Department of Mathematics and Information Technology, Ural State Agrarian University

PILNIKOV Leonid Nikolaevich,

Senior Lecturer Departments of Technosphere and Environmental Safety Ural State Agrarian University

DEVELOPING ENTREPRENEURIAL COMPETENCIES IN STUDENTS OF AGRARIAN UNIVERSITIES: CURRENT STATUS, PRACTICES, AND PROSPECTS

Annotation. *This article examines the development of entrepreneurial competencies in students of agricultural universities in the context of import substitution and the growing importance of the Russian agro-industrial complex (AIC). Pedagogical approaches, methods, and tools for developing the entrepreneurial potential of future farmers are presented, along with practical recommendations for further developing entrepreneurial competencies in students of agricultural universities.*

Key words: *entrepreneurial competencies, agricultural education, pedagogical technologies, agribusiness, practice-oriented learning.*

Устойчивое развитие сельских территорий и агропромышленного комплекса России напрямую зависит от уровня предпринимательской деятельности в АПК. В условиях политики импортозамещения и обеспечения продовольственной безопасности особую актуальность приобретает подготовка специалистов, обладающих не только профессиональными навыками, но и предпринимательскими компетенциями. Эти компетенции включают навыки ведения переговоров, управления проектами, анализа рынка и принятия стратегических решений. Именно предприниматели способны создавать эффективные проекты, внедряющие современные технологии и обеспечивающие конкурентоспособность отечественных производителей на мировом рынке. Формирование коммерческих компетенций у студентов аграрных вузов становится стратегической задачей государственной образовательной политики. В 2025 году в программе «Приоритет-2030» нацпроекта «Молодежь и дети» принимают участие 8 аграрных вузов: Белгородский, Ставропольский, Кубанский, Дальневосточный и Башкирский ГАУ, Бурятская ГСХА, Тимирязевская академия и МВА им. Скрябина. Цель программы - сформировать в России к 2030 году более 100 университетов, которые станут научно-технологическими и социально-экономическими центрами развития регионов [1].

Цель статьи: обосновать необходимость формирования предпринимательских компетенций у студентов аграрных ВУЗов и рассмотреть эффективные педагогические и научные методы их формирования.

Задачи:

определить сущность и структуру предпринимательских компетенций для аграрного сектора;

проанализировать существующие подходы к формированию предпринимательских навыков у студентов;

дать рекомендации по внедрению различных методов формирования предпринимательских компетенций у студентов аграрных ВУЗов.

Предпринимательские компетенции - это комплекс знаний, умений и личностных качеств, позволяющих успешно организовывать и развивать бизнес в аграрной сфере. В их структуру входят:

профессиональные знания: основы агрономии, ветеринарии, агроинженерии, экономики АПК;

управленческие навыки: планирование, организация, мотивация, контроль, принятие решений, правовая грамотность, умение работать с цифровыми инструментами;

финансово экономические компетенции: бюджетирование, управление затратами, привлечение инвестиций;

маркетинговые навыки: анализ рынка, продвижение продукции, работа с клиентами;

личностные качества: инициативность, креативность, готовность к обоснованному риску, способность принимать стратегические решения в условиях неопределенности.

Эти компетенции формируются в результате комплексного подхода к обучению, включающего как теоретические, так и практические элементы.

Международные исследования (в частности, с использованием методики GET2) показывают, что у значительной части обучающихся аграрных специальностей наблюдается высокий уровень интереса к

созданию собственного бизнеса в сфере АПК, однако их «потребность в автономии», то есть готовность самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность, часто остается недостаточно развитой. Таким образом, акцент в образовательных программах должен смещаться с теоретической подготовки на формирование конкретных поведенческих установок и практических бизнес-навыков [2].

Системный анализ существующих практик позволяет выделить несколько наиболее эффективных уровней работы по развитию предпринимательских компетенций у студентов аграрных вузов: первый уровень - базовый, включает изучение основ предпринимательства, экономики и управления в рамках учебных дисциплин; второй уровень - практико-ориентированный, реализуется через стажировки, учебные и производственные практики на сельхозпредприятиях, участие в реальных бизнес проектах, в тренингах, акселераторах и проектных интенсивах; третий уровень - интеграционный, предполагает создание студенческих стартапов, привлечение грантовой поддержки и коммерциализацию разработок с участием индустриальных партнеров.

Базовый уровень включает в образовательный процесс кейс-занятия, проектную деятельность и практические задания в рамках учебных дисциплин «Теоретические основы предпринимательства», «Экономическая культура», «Проектирование в профессиональной деятельности», «Организация дилерской и торговой деятельности», «Риск-менеджмент» и др. Полученные знания, способствуют формированию у студентов не только экономической грамотности, но и предпринимательского мышления, умения оценивать коммерческую жизнеспособность агропроектов, планировать финансовые потоки и разрабатывать маркетинговые стратегии.

Разработка эффективных педагогических технологий предполагает применение комплексных мероприятий, позволяющих интенсифицировать процесс освоения учащимися актуальных практических навыков: применение методологии case-study, ориентирована на решение конкретных бизнес-задач и моделирование ситуаций реальной деловой активности; моделирование хозяйственных ситуаций, приближенных к реальности, стимулирует выработку оптимальных решений и освоение техник проектного менеджмента; организация специализированных тренингов и мастер-классов, нацелены на совершенствование коммуникативных способностей и разрешение конфликтов [3].

Практико-ориентированный формат предполагает привлечение представителей бизнеса к преподаванию и консультированию студентов, что значительно улучшает качество подготовки. Компании могут предложить студентам стажировки, менторскую поддержку и даже финансирование стартапов. Такое сотрудничество создает уникальную среду, в которой теория соединяется с практикой, а студенты приобретают ценные профессиональные контакты.

Например, компания «Мираторг» активно сотрудничает с аграрными вузами, предлагая целевые места для студентов и обеспечивая их практическую подготовку на собственных предприятиях (REGNUM) [8]. Подобные инициативы способствуют повышению привлекательности аграрного образования. Расширение сотрудничества с предприятиями агросектора обеспечивает студентам доступ к реальным задачам и дает возможность опробовать свои идеи на практике. Привлечение бизнесменов к преподаванию создает атмосферу реального опыта и рост мотивации студентов к созданию собственного дела в АПК.

В России активно развиваются программы стажировок на базе агрохолдингов и фермерских хозяйств. Студенты проходят учебно-производственную практику на предприятиях, где знакомятся с современными агротехнологиями, организацией производства, логистикой и сбытом продукции. Такой опыт позволяет не только закрепить теоретические знания, но и приобрести навыки работы в команде, управления проектами и взаимодействия с работодателями.

Современные образовательные форматы включают проектную деятельность, работу в агроклассах, участие в конкурсах бизнес-идей и программах наставничества [4].

Интегрированные практики реализуются, например, в рамках федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства» на базах аграрных вузов, которые позволяют студентам менять мышление с «потребительского» на «созидательное» и создавать реальные бизнес-проекты. Проект инициирован Минобрнауки России в 2022 году для поддержки и развития технологического предпринимательства и создания в стране высокотехнологичных стартапов на базе университетов. В 2025 году Платформа стала частью нового федерального проекта «Технологии» национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика».

В 2025 году в конкурсе «Студенческий стартап» приняло участие свыше 11,6 тысячи заявок, из которых было отобрано 2,5 тысячи лучших проектов, каждый из которых получил

грант в размере 1 млн рублей на реализацию своей бизнес-идеи [5].

Уральский государственный аграрный университет запустил в 2025 году акселератор «УралАгроСтартап», получив федеральный грант в размере 6 млн рублей. Программа включала три направления: «ТехНет», «ФудНет» и «ХелсНет» (ветеринария, пищевая безопасность и новые продукты, инженерия, роботизация и ИИ в АПК). Участниками стали более 300 студентов-аграриев со всего региона. Финал акселератора выявил три команды-победителя, чьи инициативы впечатлили экспертов, включая проект инженерного устройства для БПЛА, превращающего дроны в мобильных ветеринарных помощников [9]. Всего было собрано 38 инициативных команд из Уральского и Южно-Уральского аграрных университетов. Эксперты отметили, что студенты показали отличное знание ключевых проблем аграрной отрасли и умение предлагать креативные обоснованные идеи.

Всероссийский образовательный проект Россельхозбанка «Школа фермера», реализуемый при поддержке региональных министерств сельского хозяйства на базе ведущих аграрных вузов, зарекомендовал себя как эффективный инструмент подготовки квалифицированных кадров для АПК. В 2025 году проект выпустил 2,8 тыс. аграриев, в том числе более 750 ветеранов СВО и членов их семей.

В Уральском ГАУ учебный план «Школы фермера» включает широкий круг вопросов - от правовых норм и маркетинговых основ до зоотехнии и стажировок на передовых сельхозпредприятиях региона. Программа строится на интеграции теории с практическими занятиями, причем особый акцент сделан на инновационных агротехнологиях и бизнес-стратегиях. Обучение длится три месяца, по окончании слушатели проходят профессиональную переподготовку, разрабатывают и защищают собственные бизнес-проекты. За пять лет работы этого направления более 100 выпускников успешно защитили бизнес-планы, получили дипломы и сегодня ведут собственные фермерские хозяйства.

В целом, современные аграрные вузы активно внедряют программы предпринимательского образования, сочетая теоретическое обучение с практикой, проектной работой и инновационной деятельностью. Такой подход позволяет выпускникам быть конкурентоспособными на рынке труда и успешно реализовывать себя в агробизнесе [6].

Несмотря на наличие успешных практик, системное развитие предпринимательских компетенций в аграрных вузах РФ сдерживается рядом факторов: недостаточной интеграцией между учебными курсами и внеучебными активностями, нехваткой преподавателей, имеющих реальный опыт ведения собственного агробизнеса, слабой связью между выпускниками стартап-школ и системой грантовой поддержки, а также «горизонтальным разрывом» между разработкой бизнес-идеи и ее реализацией на практике. При этом ключевым условием успеха становится не фрагментарная реализация отдельных тренингов или конкурсов, а системное объединение усилий университета, бизнеса и государства [7].

Рекомендации для дальнейшего развития предпринимательских компетенций у студентов аграрных ВУЗов:

совершенствование образовательных программ, включение дисциплин или модулей, связанных с развитием предпринимательских навыков;

повышение мотивации студентов с помощью специальных стипендий, грантов, конкурсов, стартапов аграрной направленности;

системное объединение усилий ВУЗа, бизнеса, государства;

использование современных технологий: онлайн-курсы, виртуальные лаборатории и симуляторы, программное обеспечение, нейросети и искусственный интеллект дают возможность студентам получить доступ к передовым знаниям и инструментам, используемым на производстве;

поддержка разработок и исследований, направленных на изучение вопросов формирования предпринимательских компетенций. Создание центров компетенций и лабораторий позволит проводить эксперименты и тестировать новые подходы к обучению.

Выводы. Цифровая и технологическая трансформация агропромышленного комплекса России требует пересмотра подходов к подготовке кадров. Развитие коммерческих компетенций у студентов аграрных вузов становится не дополнительной опцией, а обязательным элементом образовательного процесса. Перспективы развития предпринимательских компетенций у студентов аграрных ВУЗов связаны с разработкой методик оценки уровня сформированности коммерческих компетенций, изучением долгосрочных эффектов участия студентов в предпринимательских программах на их карьерные траектории, а также анализом факторов успешной коммерциализации студенческих разработок. Реализация системного подхода к формированию экосистемы агропредпринимательства в вузах является важным вкладом в обеспечение кадрового суверенитета и технологического лидерства России в агропромышленном комплексе.

Список литературы:

[1] Андрюшечкина Н. А., Бабкина А. А., Садов А. А. и др. Приоритеты образовательной политики в сфере образования студентов аграрных вузов // Российский научный вестник. 2025. № 11. С. 49-52. DOI 10.24412/2782-3830-2025-11-49-52. EDN NQLKFA.

[2] Asante I. K., et al. Agripreneurial Potential of University Agricultural Science Students. Journal of Agribusiness and Rural Development, 2025 DOI: https://doi.org/10.17306/j.jard.2025.00006r1

[3] Улимбашев А.З. Предпринимательское образование в аграрных университетах России// Университетское управление: практика и анализ. 2025. Т. 29. № 3. С. 134–148.

[4] Ансоров Н. Н. Проектно-исследовательская деятельность молодежи как инструмент развития креативной экономики региона// Государственное управление. 2025. № 4-1(75). С. 48-56. EDN AOUBUA.

[5] Харламов К.Н., Петрова М.А. Функция поддержки предпринимательства в университетах и появление технологических студенческих стартапов // BENEFICIUM. 2025. № 1(54). С. 80-88. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.

[6] Воротников И.Л., Путивская Т.Б., Моренова Е.А ПРАКТИКА Технологического предпринимательства в аграрных вузах на основе проектного подхода// Инновационная деятельность. 2024. № 3 (70). С. 90-10

[7] Заякина Р.А. Положение университета в инфраструктуре, поддерживающей технологическое предпринимательство// Высшее образование в России. 2023. Том. 32.№ 4. С. 65-82. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-65-82

[8] Из школы в агробизнес: как «Мираторг» готовит кадры для АПК России - ИА REGNUM// https://regnum.ru/news/4032788

[9] Акселерация идей: будущее агропрома решают уральские студенты — Информио// https://www.informio.ru/news/id46741/Akseleracija-idei-budushee-agroproma-reshayut-uralskie-studenty

References:

[1] N. A. Andryushechkina, A. A. Babkina, A. A. Sadov et al. Priorities of educational policy in the field of education of students of agricultural universities//Russian Scientific Bulletin. 2025. № 11. S. 49-52. DOI 10.24412/2782-3830-2025-11-49-52. EDN NQLKFA.

[2] Asante I. K., et al. Agripreneurial Potential of University Agricultural Science Students. Journal of Agribusiness and Rural Development, 2025 DOI: https://doi.org/10.17306/j.jard.2025.00006r1

[3] Ulimbashev A.Z. Entrepreneurial education in agricultural universities in Russia// University management: practice and analysis. 2025. VOL. 29. № 3. S. 134-148.

[4] Ansorov N. N. Design and research activities of young people as a tool for the development of the creative economy of the region// Public administration. 2025. № 4-1(75). S. 48-56. EDN AOUBUA.

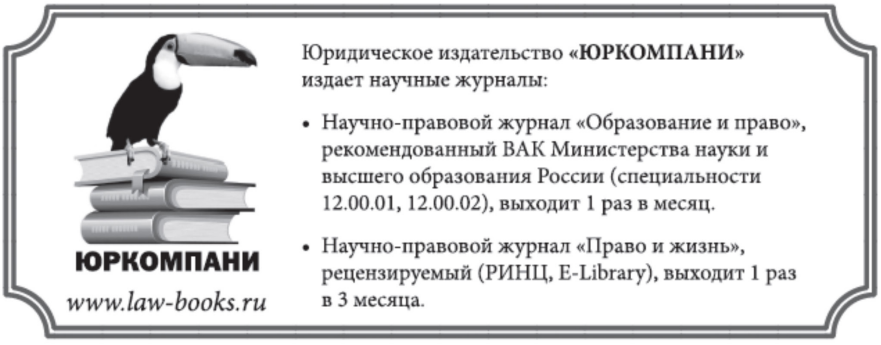
[5] Kharlamov K.N., Petrova M.A. The function of supporting entrepreneurship in universities and the emergence of technological student startups// BENEFICIUM. 2025. № 1(54). S. 80-88. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.

[6] Vorotnikov I.L., Putivskaya TB, Morenova E.A. 2024. № 3 (70). S. 90-10

[7] R.A. Zayakina. Position of the university in the infrastructure supporting technological entrepreneurship//Higher education in Russia. 2023. Volume. 32.№ 4. S. 65-82. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-65-82

[8] From school to agribusiness: how Miratorg prepares personnel for the agro-industrial complex of Russia - IA REGNUM// https://regnum.ru/news/4032788

[9] Acceleration of ideas: the future of the agricultural industry is decided by Ural students - Informio// https://www.informio.ru/news/id46741/Akseleracija-idei-budushee-agroproma-reshayut-uralskie-studenty



Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-549-553

ГАЛУШИНА Полина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: sid-polina@yandex.ru

ЛОРЕТЦ Ольга Геннадьевна,

д.б.н., профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: olga-loretts@yandex.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,

к.б.н., доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: opneverova@mail.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович,

к.с.-х.н., доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: alexeystepanow@mail.ru

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: darya.ukrozhenkozoo@mail.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: barykina_10@mail.ru

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПРОКРАСТИНАЦИЯ У СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА: АНАЛИЗ ПРИЧИН, ПОСЛЕДСТВИЙ И СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается феномен академической прокрастинации у студентов бакалавриата - добровольное откладывание учебной деятельности вопреки осознанию негативных последствий. Анализируются ключевые причины прокрастинации, включая когнитивные искажения, мотивационные кризисы, личностные особенности (тревожность, перфекционизм), социально организационные и физиологические факторы. Оцениваются последствия прокрастинации для академической успеваемости и психологического благополучия обучающихся. Предлагаются научно обоснованные стратегии преодоления прокрастинации: развитие навыков тайм менеджмента, формирование позитивной мотивации, психологическая поддержка, внедрение цифровых инструментов планирования и создание поддерживающей образовательной среды. Подчёркивается необходимость комплексного подхода к решению проблемы.*

Ключевые слова: *академическая прокрастинация, студенты бакалавриата, тайм менеджмент, мотивация, психологическое благополучие, образовательная среда, саморегуляция, стресс, перфекционизм, когнитивные искажения.*

GALUSHINA Polina Sergeevna,

Senior Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

LORETZ Olga Gennadievna,

Doctor of Biological Sciences, Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State

Agrarian University

NEVEROVA Olga Petrovna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

STEPANOV Alexey Vladimirovich,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

UKROZHENKO Darya Sergeevna,

Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,

Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

ACADEMIC PROCRASTINATION IN UNDERGRADUATE STUDENTS: AN ANALYSIS OF CAUSES, CONSEQUENCES, AND COPING STRATEGIES

Annotation. *The article examines the phenomenon of academic procrastination among undergraduate students - the voluntary postponement of academic activities despite awareness of negative consequences. Key causes of procrastination are analysed, including cognitive distortions, motivational crises, personal traits (anxiety, perfectionism), socio organisational and physiological factors. The impact of procrastination on academic performance and psychological well being is assessed. Evidence based strategies to overcome procrastination are proposed: developing time management skills, fostering positive motivation, psychological support, implementing digital planning tools, and creating a supportive learning environment. The necessity of a comprehensive approach to addressing the issue is emphasised.*

Key words: *academic procrastination, undergraduate students, time management, motivation, psychological well being, learning environment, self regulation, stress, perfectionism, cognitive distortions.*

Академическая прокрастинация - добровольное откладывание учебной деятельности, несмотря на осознание негативных последствий, - стала одной из ключевых проблем современного высшего образования. Особенно остро она проявляется у студентов бакалавриата, когда обучающиеся впервые сталкиваются с необходимостью самостоятельной организации учебного процесса [1,2].

Актуальность исследования обусловлена ростом уровня прокрастинации в студенческой среде, что негативно сказывается на академической успеваемости, психологическом благополучии и формировании профессиональных компетенций. Цель данной работы - провести комплексный анализ причин академической прокрастинации, оценить её последствия для образовательного процесса и предложить научно обоснованные стратегии преодоления [2,3].

Причины академической прокрастинации. Академическая прокрастинация у студентов бакалавриата формируется под влиянием сложного комплекса взаимосвязанных факторов, которые можно разделить на несколько ключевых групп: когнитивные, мотивационные, личностные, социально организационные и физиологические [4].

На когнитивном уровне прокрастинация часто связана с искажённой оценкой задач и неспособностью эффективно структурировать работу. Многие студенты воспринимают учебные задания как чрезмерно объёмные или сложные, что вызывает психологический дискомфорт и запускает механизм избегания. Неумение разбивать крупные задачи на этапы усугубляет ситуацию: курсовая работа, подготовка к экзамену или большой реферат кажутся непреодолимыми препятствиями. Кроме того, студенты могут испытывать трудности с определением приоритетов - не всегда ясно, какие задания требуют немедленного внимания, а какие можно отложить. Это приводит к параличу решений: вместо того чтобы начать действовать, студент тратит время на размышления о том, с чего начать [1,2,6].

Мотивационные аспекты играют не менее важную роль. На первых курсах бакалавриата многие студенты переживают кризис мотивации, вызванный расхождением между ожиданиями от

обучения и реальной академической нагрузкой. Разочарование в выбранной специальности, отсутствие чёткого понимания профессиональных перспектив и преобладание внешней мотивации (стремление получить зачёт или хорошую оценку) над внутренней (интерес к знаниям, развитие навыков) способствуют формированию прокрастинационных паттернов. Когда учебная деятельность не приносит удовлетворения, а воспринимается исключительно как обязанность, вероятность откладывания дел резко возрастает [4,6].

Особое место в системе мотивационных факторов занимает страх неудачи. Студенты, особенно первокурсники, часто испытывают повышенное давление из за необходимости соответствовать ожиданиям родителей, преподавателей и сверстников. Опасение получить низкую оценку или не справиться с заданием парализует активность: проще отложить работу, чем столкнуться с возможным провалом. В некоторых случаях прокрастинация становится своеобразной стратегией самозащиты: если задание выполнено в последний момент и результат оказался неудовлетворительным, студент может оправдать это нехваткой времени, а не собственными способностями [1,2].

Личностные особенности также оказывают существенное влияние на склонность к прокрастинации. Тревожность, перфекционизм и низкая самооценка часто коррелируют с высокой вероятностью откладывания дел. Перфекционисты, например, могут бесконечно дорабатывать мельчайшие детали, откладывая сдачу работы, или вовсе не приступать к ней из за страха не достичь идеального результата. Их внутренний девиз нередко звучит так: «Если не можешь сделать что то идеально, лучше не делать этого вовсе». Тревожные студенты, в свою очередь, откладывают выполнение заданий из за опасения совершить ошибку или получить негативную оценку. Низкая самооценка усугубляет ситуацию: студент может считать, что у него недостаточно знаний или навыков для успешного выполнения задачи, и поэтому избегает её [1,2].

Социально организационные факторы создают дополнительные условия для развития прокрастинации. Распространение цифровых технологий и социальных сетей формирует привычку к мгновенному получению удовольствия, что вступает в конфликт с необходимостью длительной концентрации на учебных задачах. Лёгкий доступ к развлекательному контенту создаёт постоянные отвлекающие стимулы: проверка уведомлений, просмотр коротких видео или общение в мессенджерах становятся более привлекательными, чем работа над курсовой или подготовка к семинару.

Не менее значимы и структурные особенности образовательного процесса. Нечёткое планирование учебного графика, отсутствие промежуточных дедлайнов по ряду заданий, недостаточная обратная связь от преподавателей - всё это создаёт условия, в которых прокрастинация становится практически неизбежной. Когда студент не имеет ясных ориентиров и не понимает, на каком этапе выполнения задания он находится, вероятность откладывания дел возрастает. Кроме того, высокая учебная нагрузка в сочетании с необходимостью совмещать учёбу с работой или общественной деятельностью усиливает стресс и снижает способность к эффективной самоорганизации [6].

Физиологические и психофизиологические факторы нередко остаются вне фокуса внимания, но играют важную роль. Хроническая усталость, недосып, несбалансированное питание и малоподвижный образ жизни снижают когнитивные ресурсы и способность к концентрации. В условиях постоянного стресса организм может активировать механизмы психологической защиты, одним из проявлений которых становится прокрастинация. Студент, испытывающий физическое истощение, подсознательно откладывает выполнение задач, чтобы сохранить оставшиеся ресурсы [1,2].

Наконец, стоит отметить культурно поколенческие особенности современного студенчества. Представители поколения Z, к которому относится большинство нынешних бакалавров, выросли в условиях информационного изобилия и многозадачности. Привычка переключаться между множеством задач и источников информации снижает способность к глубокой концентрации на одной деятельности. Кроме того, в цифровой среде успех часто ассоциируется с лёгкостью и мгновенными результатами, что противоречит сути академического труда, требующего времени, усилий и терпения.

Таким образом, академическая прокрастинация - не просто проявление лени, а сложный феномен, обусловленный взаимодействием когнитивных, мотивационных, личностных, социальных и физиологических факторов. Понимание этих причин необходимо для разработки эффективных стратегий преодоления прокрастинации и создания условий, способствующих продуктивной учебной деятельности студентов бакалавриата [3].

Стратегии преодоления академической прокрастинации. Преодоление академической прокрастинации требует комплексного

подхода, сочетающего индивидуальные методы саморегуляции и институциональные меры поддержки [3,5].

На индивидуальном уровне ключевую роль играет развитие навыков тайм менеджмента. Разбиение крупных задач на более мелкие этапы позволяет снизить когнитивную нагрузку и сделать работу более управляемой. Например, написание курсовой работы можно разделить на подбор литературы, составление плана, написание отдельных глав и редактирование. Каждый этап должен иметь чёткий дедлайн, что помогает избежать ощущения неопределённости [3].

Формирование позитивной мотивации также необходимо. Студентам полезно осознавать не только внешние цели (получение зачёта, хорошая оценка), но и внутренние - приобретение знаний, развитие навыков, которые пригодятся в будущем. Визуализация конечного результата, например, представление себя успешно защитившим проект, может стать дополнительным стимулом к действию [4].

Работа с эмоциональным состоянием включает техники релаксации, такие как дыхательные упражнения или короткие медитации, которые помогают снизить тревожность и улучшить концентрацию. Регулярная физическая активность способствует выработке эндорфинов, повышающих общий уровень энергии и мотивации [5].

Институциональные меры должны быть направлены на создание поддерживающей образовательной среды. Преподаватели могут способствовать снижению прокрастинации, чётко формулируя требования к заданиям и устанавливая промежуточные дедлайны. Регулярная обратная связь, даже в форме кратких комментариев, помогает студентам чувствовать себя увереннее и снижает страх ошибки [3].

Внедрение цифровых платформ для планирования учебного процесса может стать эффективным инструментом. Такие платформы позволяют визуализировать нагрузку, отслеживать прогресс и получать напоминания о приближающихся сроках. Важно, чтобы эти инструменты были интегрированы в образовательный процесс, а не существовали изолированно.

Развитие культуры взаимопомощи среди студентов также способствует снижению прокрастинации. Групповые проекты, взаимное рецензирование работ и коллективное планирование задач не только снижают уровень стресса, но и формируют чувство ответственности перед однокурсниками. В таких условиях прокрастинация становится менее вероятной, поскольку студент осознаёт, что его действия влияют на других [3].

Наконец, психологическая поддержка играет важную роль. Консультации с психологом, тренинги по управлению стрессом и семинары по развитию навыков саморегуляции должны стать неотъемлемой частью студенческой жизни. Осознание того, что прокрастинация - это не лень, а сложный психологический феномен, помогает студентам относиться к проблеме конструктивно и искать пути её решения [2,5].

Заключение

Академическая прокрастинация студентов бакалавриата представляет собой многогранную проблему, требующую глубокого научного осмысления и практических решений. Её причины кроются в когнитивных, мотивационных, личностных и социально организационных факторах, а последствия затрагивают не только академическую сферу, но и психологическое благополучие обучающихся.

Преодоление прокрастинации возможно лишь при условии комплексного подхода, сочетающего индивидуальную работу над навыками самоорганизации и создание поддерживающей образовательной среды. Внедрение чётких механизмов планирования, развитие позитивной мотивации, психологическая поддержка и формирование культуры взаимопомощи - все эти меры способны существенно снизить уровень прокрастинации и повысить качество образовательного процесса.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на изучение долгосрочных эффектов применяемых стратегий, а также на разработку персонализированных программ поддержки для студентов с различными типами прокрастинационного поведения. Только так можно создать условия, в которых каждый студент сможет реализовать свой потенциал без излишнего стресса и самоограничений.

Список литературы:

[1] Маковецкая, Е. Н. Феномен академической прокрастинации в студенческой среде / Е. Н. Маковецкая // Образовательные ресурсы и технологии. – 2023. – № 4(45). – С. 7-15. – DOI 10.21777/2500-2112-2023-4-7-15. – EDN YJDKYB.

[2] Медведева, Н. И. Психологический анализ причин и последствий прокрастинации студентов / Н. И. Медведева // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72-2. – С. 338-341. – EDN FRSSEA.

[3] Миназова, З. М. Прокрастинация как психологический феномен в студенческой среде: причины и коррекционные стратегии / З. М. Миназова, М. И. Хажбикарова // Журнал

прикладных исследований. – 2025. – № S2. – С. 290-295. – DOI 10.26118/3563.2025.18.80.033. – EDN HFHTHX.

[4] Попова, Д. И. Влияние смысловой установки как причина академической прокрастинации студентов высших учебных заведений / Д. И. Попова // Северо-кавказский психологический вестник. – 2020. – № 18/1. – С. 5-19. – EDN MXZYCA.

[5] Рыбакова, Л. А. Профилактика прокрастинации у студентов / Л. А. Рыбакова, Л. Г. Шамсутдинова // Модернизация педагогического образования : сборник научных трудов Международного форума, Казань, 03–05 июня 2015 года / под ред. Р.А. Валеевой. – Казань: Бриг, 2015. – С. 325-331. – EDN UNLRAN.

[6] Симонова, Ж. Г. Академическая прокрастинация: проблема или стиль жизни студентов / Ж. Г. Симонова // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 4. – С. 70. – DOI 10.17513/spno.31969. – EDN LZKWZZ.

References:

[1] Makovetskaya, E. N. Phenomenon of academic procrastination in the student environment/E. N. Makovetskaya//Educational resources and technologies. – 2023. – № 4(45). - S. 7-15. – DOI 10.21777/2500-2112-2023-4-7-15. – EDN YJDKYB.

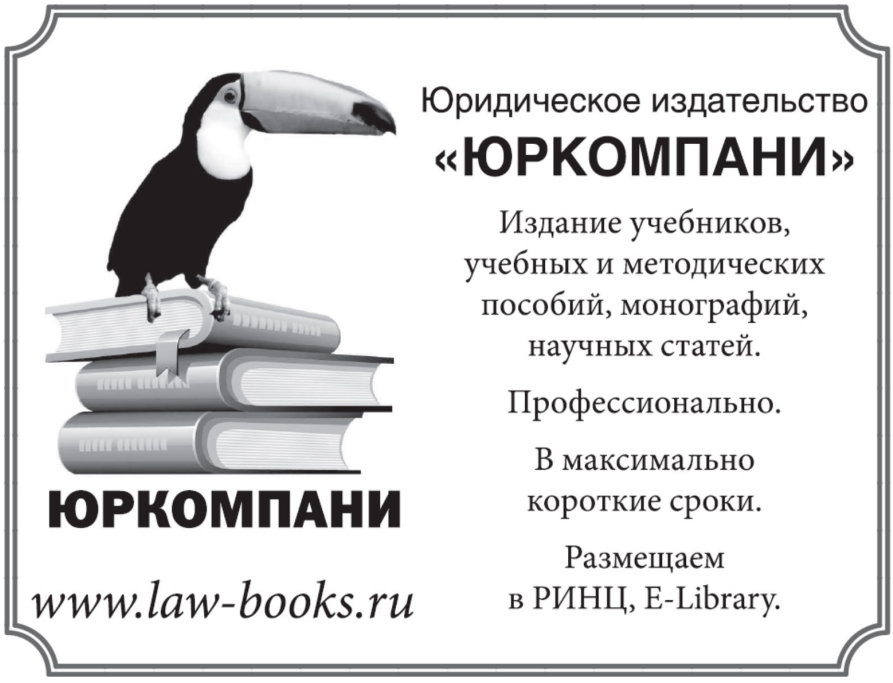
[2] Medvedev, N. I. Psychological analysis of the causes and consequences of procrastination of students/N. I. Medvedev//Problems of modern pedagogical education. – 2021. – № 72-2. - S. 338-341. – EDN FRSSEA.

[3] Minazova, Z. M. Procrastination as a psychological phenomenon in the student environment: reasons and correctional strategies/Z. M. Minazova, M. I. Khazhbikarova//Journal of Applied Research. – 2025. – № S2. - S. 290-295. – DOI 10.26118/3563.2025.18.80.033. – EDN HFHTHX.

[4] Popova, D. I. The influence of the semantic attitude as a reason for the academic procrastination of students of higher educational institutions/D. I. Popov//North Caucasian Psychological Bulletin. – 2020. – № 18/1. - S. 5-19. – EDN MXZYCA.

[5] Rybakova, L. A. Prevention of procrastination among students/L. A. Rybakov, L. G. Shamsutdinov//Modernization of pedagogical education: collection of scientific works of the International Forum, Kazan, June 03-05, 2015/ed. R.A. Valeeva. - Kazan: Brig, 2015. - S. 325-331. – EDN UNLRAN.

[6] Simonova, J. G. Academic procrastination: a problem or lifestyle of students/J. G. Simonova// Modern problems of science and education. – 2022. – № 4. - S. 70. – DOI 10.17513/spno.31969. – EDN LZKWZZ.



Дата поступления рукописи в редакцию: 26.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-554-558

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: darya.ukrozhenkozoo@mail.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: alexeystepanow@mail.ru

ГАЛУШИНА Полина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: sid-polina@yandex.ru

САЯФАРОВА Наталья Александровна,

преподаватель кафедры зооинженерии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: sayafarova76@mail.ru

НЕНАХОВ Владислав Вадимович,

замдекана по воспитательной работе, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: spo-yrgay@mail.ru

КАНЕВ Прокопий Николаевич,

преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: kanevxok@mail.ru

ПРАКТИКА И СТАЖИРОВКИ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. *Статья посвящена анализу практики и стажировок как ключевых элементов образовательного процесса, обеспечивающих формирование профессиональных компетенций у студентов. Рассматриваются различные виды практической подготовки (учебная, производственная, стажировка), их цели, формы организации и влияние на готовность выпускников к реальной трудовой деятельности. Особое внимание уделяется роли работодателей в этом процессе, проблемам формального подхода к организации практик, а также зарубежному опыту. На основе анализа выявлены основные причины разрыва между теоретическими знаниями и практическими навыками, предложены пути повышения эффективности практической подготовки через цифровые платформы, усиление взаимодействия вузов с предприятиями и снижение бюрократических барьеров. В работе подчёркивается, что только системный подход к организации практик и стажировок способен обеспечить подготовку востребованных специалистов, готовых к эффективной работе в современных условиях.*

Ключевые слова: *практическая подготовка, стажировка, профессиональные компетенции, учебная практика, производственная практика, работодатели, практико-ориентированное обучение.*

UKROZHENKO Daria Sergeevna,

Lecturer, of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

STEPANOV Alexey Vladimirovich,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

GALUSHINA Polina Sergeevna,

senior lecturer of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

SAYAFAROVA Natalia Alexandrovna,

Lecturer, of the Department of Animal Engineering, Ural State Agrarian University

NENAKHOV Vladislav Vadimovich,

deputy dean for educational work Ural State Agrarian University

KANEV Prokopiy Nikolaevich,

Lecturer, Department of Physical Education and Sports, Ural State Agrarian University

INTERNSHIPS AND PRACTICAL TRAINING AS AN ELEMENT OF THE EDUCATIONAL PROCESS

Annotation. *This article analyzes practical training and apprenticeship as key elements of the educational process that ensure students' professional competence. It examines various types of practical training (academic, industrial, and internship), their objectives, organizational forms, and their impact on graduates' readiness for employment. Particular attention is paid to the role of employers in this process, the challenges of formally adhering to organizational practices, and international experience. Based on this analysis, the key differences between conceptual definitions and practical skills are identified, and ways to improve the effectiveness of practical training through digital platforms, the level of interaction between universities and enterprises, and the reduction of bureaucratic barriers are proposed. The paper emphasizes that only a systematic approach to organizing practical training and internships can ensure the development of sought-after specialists prepared for effective work in today's environment.*

Key words: *Practical training, internship, professional competencies, educational practice, industrial practice, employers, practice-oriented learning*.

Современное высшее образование сталкивается с растущим разрывом между теоретическими знаниями студентов и практическими навыками, требуемыми работодателями. Традиционная модель обучения, делающая акцент на усвоении информации, не готовит выпускников к решению реальных профессиональных задач. В этих условиях практика и стажировки выходят на первый план как ключевой элемент подготовки кадров, позволяя студенту погрузиться в рабочую среду, освоить необходимые технологии и развить коммуникативные навыки. Статья посвящена анализу роли практической подготовки в образовательном процессе, её форматам, влиянию на формирование компетенций, а также взаимодействию учебных заведений с работодателями [10].

Практические занятия занимают ключевое место в образовательном процессе, особенно в системе среднего профессионального и высшего образования, поскольку теоретические знания, не подкреплённые практикой, теряют свою ценность. Главная цель практической подготовки — формирование у обучающихся профессиональных умений и навыков, необходимых для будущей трудовой деятельности. В учреждениях среднего профессионального образования выделяют такие виды практических занятий, как семинары (включая выступления с докладами, круглые столы, групповые опросы) и уроки производственного обучения, которые максимально приближают студентов к реальным рабочим условиям. В системе высшего образования различают учебную практику, направленную на получение первичных профессиональных навыков, и производственную, ориентированную на закрепление компетенций непосредственно на рабочем месте. По характеру выполняемых заданий практические занятия делятся на ознакомительные (закрепление изученного), аналитические (обобщение

и систематизация знаний) и творческие (самостоятельный поиск решений). Независимо от вида, любое практическое занятие требует чёткой регламентации, понимания студентами целей и временных рамок, а также активного участия преподавателя, который создает комфортную среду для раскрытия способностей каждого обучающегося [1, 3].

Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», стажировка является формой практической подготовки, направленной на формирование профессиональных компетенций при выполнении видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью. Теоретические основы организации стажировок, разработанные в педагогической науке, выделяют компетентностный и системно-деятельностный подходы, которые находят прямое отражение в федеральных государственных образовательных стандартах, требующих закрепления теоретических знаний и отработки практических навыков. Стажировка может быть как самостоятельной дополнительной профессиональной программой, так и разделом учебного плана при повышении квалификации или профессиональной переподготовке. Она организуется на базе профильной организации, где за каждым обучающимся закрепляется руководитель-наставник от предприятия, а также руководитель от образовательной организации. В основе стажировки лежит индивидуальная программа, учитывающая уровень подготовки обучающегося и запросы работодателя. Применяемые в ходе стажировки активные и интерактивные формы (семинары, круглые столы, включенное наблюдение, проектные задания) обеспечивают непрерывность, открытость и практико-ориентированность обучения. По завершении стажировки обучающийся сдаёт зачёт или защищает отчёт, что служит основанием для выдачи документа об образовании и о квалификации. Таким образом, стажировка, регламентируемая как нормами Федерального закона, так и педагогическими подходами, выступает ключевым звеном в подготовке конкурентоспособного специалиста, способного к эффективной профессиональной деятельности [8, 9].

Современное производство стремительно меняется: внедряются цифровые технологии и роботизированные системы, что требует новых профессиональных навыков. Однако существует значительный разрыв между обучением и реальными потребностями производства. Выпускники обладают теоретическими знаниями, но практически не имеют практических навыков, что вызывает стресс, снижает производительность и увеличивает риск брака. Молодой специалист требует дополнительного обучения на месте и постоянного контроля, что негативно сказывается на рентабельности предприятия. Формирование компетенций начинается в школе и достигает пика в период профессионального обучения. Эффективная подготовка возможна через организацию практик, внедрение профессионально-ориентированных технологий и решение реальных производственных задач. Только при тесной взаимосвязи государства, бизнеса и образования можно достичь максимального результата в подготовке конкурентоспособных кадров [4].

Работодатели — ключевые потребители образовательных услуг, но многие отмечают низкий уровень практической подготовки выпускников, их неумение работать с современным оборудованием и психологическую неготовность к реальному труду. Главная причина — оторванность знаний от практики. Работодатели видят выход в увеличении сроков и углублении практик, привлечении специалистов-практиков к преподаванию. Наиболее распространённые формы сотрудничества: обучение на реальных рабочих местах, проведение мастер-классов, участие в аттестации, создание базовых кафедр и совместных предприятий. Однако связи вузов с работодателями часто остаются формальными. Эффективность взаимодействия растёт, когда работодатели становятся не пассивными наблюдателями, а заинтересованными участниками образовательного процесса через заключение договоров, экспертизу программ и интеграцию теории с практикой [6].

Экстремальная ситуация пандемии, потребовавшая быстрого перехода на дистанционные формы обучения, обнажила глубинные противоречия между управленческими структурами и непосредственными исполнителями образовательного процесса. Как показал опыт вынужденной удалённой работы, в нормальных условиях бюрократизация и избыточная отчётность нередко подменяют собой реальное улучшение качества подготовки специалистов. В чрезвычайной ситуации, когда общая цель — сохранить непрерывность обучения — временно объединила администрацию и преподавателей, удалось снизить контрольные функции и сократить формальную отчётность, что позволило оперативно осваивать цифровые инструменты. Однако по мере стабилизации ситуации разногласия вернулись: администрация стала требовать размещения всех учебных материалов на контролируемых площадках и подготовки полного дистанционного курса к началу учебного года, что увеличило нагрузку

преподавателей и привело к формальному подходу. Этот пример показывает, что главная проблема организации практического обучения — не отсутствие технологий, а рассогласование целей управления и ценностей образования. Эффективное практическое обучение возможно лишь при условии, что контроль не становится самоцелью, а содержание и формы взаимодействия со студентами определяются профессионалами, а не бюрократическими нормативами [2].

Интеграция российских вузов в европейское образовательное пространство открывает новые возможности для студентов. Участие в программах позволяет проходить стажировки в зарубежных университетах, например, в Техническом университете Брно (Чехия). Кандидаты должны иметь высокую успеваемость, владеть английским языком, а обучение для них бесплатно. Стажёры становятся полноправными студентами: получают доступ к библиотекам, Wi-Fi и льготам. Учебный процесс построен на кредитной системе (от 2 до 7 кредитов за предмет, минимум 20 для допуска к сессии). Международный студенческий клуб помогает адаптироваться через совместные мероприятия и презентации культур. Главный итог стажировки — понимание того, что современный рынок требует мобильности, а обучение за рубежом расширяет кругозор и даёт возможность сравнивать профессиональные подходы разных стран [5].

Практическая подготовка студентов часто оказывается малоэффективной из-за формального подхода: обучающихся оформляют на практику при самом учебном заведении или перекладывают поиск места на самих студентов, что приводит к прохождению практики в компаниях не по профилю либо к выполнению заданий, не связанных с формированием новых профессиональных компетенций. Для повышения эффективности этого процесса предлагается использовать специализированную веб-платформу, которая обеспечивает взаимный парный выбор студента и компании на основе компетенций. Платформа автоматически подбирает для обучающегося подходящие компетенции в зависимости от направления подготовки, отображает расписание практик и своевременно информирует всех участников на всех этапах. Ролевая модель предусматривает участие студента, компании, ответственного от кафедры, представителя службы карьеры и наблюдателя. Студент получает доступ к личному кабинету, может просматривать вакансии, отправлять и получать заявки. Представитель службы карьеры управляет организациями, группами обучающихся, соглашениями, графиками практик, компетенциями и направлениями подготовки, а также обрабатывает заявки от организаций [7].

Заключение. Проведённый анализ подтверждает, что практика и стажировки являются неотъемлемым условием качественной подготовки конкурентоспособных специалистов, позволяя студенту не только освоить профессиональные навыки, но и адаптироваться к реальной рабочей среде. Ключевым фактором эффективности выступает тесное взаимодействие образовательных учреждений и работодателей, однако на практике это сотрудничество часто носит формальный характер. Решением проблемы могут стать внедрение цифровых платформ для подбора мест практик на основе компетенций и снижение бюрократической нагрузки на преподавателей. Зарубежный опыт показывает, что международные стажировки расширяют профессиональный кругозор и формируют мобильность студентов, но их полноценное использование требует системной поддержки. Таким образом, повышение качества практической подготовки возможно лишь при комплексном подходе, объединяющем усилия государства, бизнеса, образовательных организаций и самих студентов.

Список литературы:

[1] Арзамасцева Н. Г., Курочкина Л. В. Учебная практика как условие формирования профессиональных компетенций студентов // Вестник Марийского государственного университета. — 2020. — № 1 (37). — С. 11–17.

[2] Бекарев А. М., Пак Г. С. Вызовы современности и проблемы российского образования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2023. — № 3 (71). — С. 68–74.

[3] Быстрова Н. В., Спиридонова Д. А., Чеснокова П. Н. Практические занятия как форма организации обучения в системе среднего профессионального образования // Проблемы современного педагогического образования. — 2022. — № 77-4. — С. 61–63.

[4] Влияние практики на формирование компетенций будущих специалистов / Н. Л. Лопаева [и др.] // Право и управление. — 2024. — № 12. — С. 114–117.

[5] Грахов В. П., Кислякова Ю. Г. Из опыта зарубежной стажировки студентов инженерно-строительного факультета ИжГТУ в техническом университете г. Брно // Образование и наука. — 2015. — № 2 (121). — С. 86–93.

[6] Давыденко Т. М., Пересыпкин А. П., Верзунова Л. В. Роль работодателей в процессе развития профессиональных компетенций

студентов при реализации учебных и производственных практик [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 2. — URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=5753 (дата обращения: 27.04.2026).

[7] Елькин Д. М., Веселов Г. Е. Повышение эффективности практической подготовки студентов за счет применения веб-платформы для организации процесса прохождения практик // Преподавание информационных технологий в Российской Федерации : сборник научных трудов Двадцать третьей открытой Всероссийской конференции, Омск, 15–16 мая 2025 года. — Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2025. — С. 118–121.

[8] Жижина И. В. Организационно-методические условия проведения стажировок в системе повышения квалификации // Концепт. — 2014. — № 8. — С. 136–140.

[9] Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.03.2026).

[10] От теории к практике: разрыв между академическими знаниями и реальной жизнью [Электронный ресурс] / Р. Р. Сибгатова, К. Ш. Мухаметшина, Д. А. Лоскутова // Материалы XVII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». — URL: https://scienceforum.ru/2025/article/2018037188 (дата обращения: 27.04.2026).

References:

[1] Arzamastseva N. G., Kurochkina L. V. Educational practice as a condition for the formation of professional competencies of students//Bulletin of Mari State University. — 2020. — № 1 (37). - S. 11-17.

[2] Bekarev A.M., Pak G.S. Challenges of our time and problems of Russian education//Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. — 2023. — № 3 (71). - S. 68-74.

[3] Bystrova N.V., Spiridonova D.A., Chesnokova P.N. Practical exercises as a form of organization of education in the system of secondary vocational education//Problems of modern pedagogical education. — 2022. — № 77-4. - S. 61-63.

[4] The influence of practice on the formation of competencies of future specialists/N. L. Lopaev [et al.]//Law and management. — 2024. — № 12. - S. 114-117.

[5] Grakhov V.P., Kislyakova Yu. G. From the experience of foreign internship of students of the Faculty of Civil Engineering of IzhSTU at the Technical University of Brno//Education and Science. — 2015. — № 2 (121). - S. 86-93.

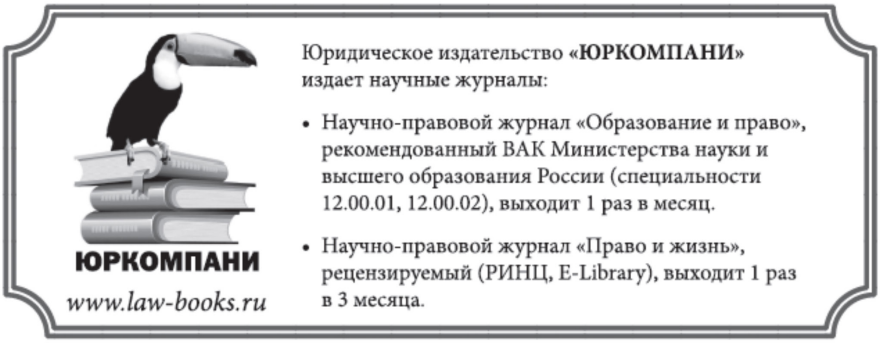
[6] Davydenko T.M., Peresypkin A.P., Verzunova L.V. The role of employers in the development of professional competencies of students in the implementation of educational and production practices [Electronic resource]//Modern problems of science and education. — 2012. — № 2. - URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=5753 (access date: 27.04.2026).

[7] Yelkin D.M., Veselov G.E. Increasing the efficiency of practical training of students through the use of a web platform to organize the process of passing practices//Teaching information technologies in the Russian Federation: collection of scientific works of the Twenty-third Open All-Russian Conference, Omsk, May 15-16, 2025. - Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, 2025. - S. 118-121.

[8] Zhizhina I.V. Organizational and methodological conditions for conducting internships in the advanced training system//Concept. — 2014. — № 8. - S. 136-140.

[9] Education in the Russian Federation: Federal Law No. 29.12.2012 of 273-FZ (as amended 08.03.2026).

[10] From theory to practice: the gap between academic knowledge and real life [Electronic resource]/R. R. Sibgatova, K. Sh. Mukhametshina, D. A. Loskutova//Materials of the XVII International Student Scientific Conference “Student Scientific Forum.” - URL: https://scienceforum.ru/2025/article/2018037188 (access date: 27.04.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-559-565

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,

старший преподаватель кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: vsinko71@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: palamit@rambler.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация. *В настоящее время особенно видна необходимость в облагораживании труда и быта, одухотворении внутреннего мира человека, формировании потребности в прекрасном и возвышенном. Мы убеждены, что формирование профессионально-эстетической культуры студентов сельскохозяйственных факультетов является важной задачей воспитания и обучения будущих специалистов, а главное – закрепления молодых кадров на селе.*

Статья посвящена современным проблемам образования. Здесь исследуется роль и значение профессионально-эстетической культуры в системе обучения и воспитания в высшей школе. Кроме того, сделан анализ студенческих проектов на основе критерия «профессионализм».

Ключевые слова: *профессия, специалист, профессионально-эстетическая культура, проектирование, студент, успех.*

KOSHELENKO Lyubov V.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey V.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

SINKO Vera N.,

Senior lecturer at the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey G.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

SMIRNOVA Ekaterina S.,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

FORMATION OF PROFESSIONAL AND AESTHETIC CULTURE AMONG FUTURE SPECIALISTS OF AGRICULTURAL ENTERPRISES

Annotation. *At present, the need for the ennobling of work and everyday life, the spiritualization of the inner world of man, the formation of the need for the beautiful and sublime is especially visible. We are convinced that the formation of a professional and aesthetic culture of students of agricultural faculties is an important task of educating and training future specialists, and most importantly, securing young personnel in rural areas.*

The article is devoted to modern problems of education. It examines the role and importance of professional and aesthetic culture in the system of education and upbringing in higher education. In addition, the analysis of student projects is based on the criterion of "professionalism".

Key words: *profession, specialist, professional and aesthetic culture, design, student, success.*

Профессионально-эстетическая культура является важным компонентом любой зрелой личности. Несомненно, это качество необходимо профессионалам-специалистам, руководителям разных уровней. В современной системе образования можно наблюдать проявления профессионально-эстетической культуры во внешнем виде, поведении, манере речи у многих, особенно авторитетных людей – руководителей, преподавателей и студентов. Вопрос о формировании профессионально-эстетической культуры будущих специалистов является актуальным уже довольно долго.

При разработке технологии формирования профессионально-эстетической культуры перед нами встал вопрос о том, как сделать эту технологию максимально эффективной. Предполагалось, что она должна была сочетать в себе жизненный опыт студента, эстетическое воспитание в вузе, творческое развитие студентов. При этом, нам хотелось сделать эту технологию интересной для молодых людей, основанной на активной самостоятельной работе. В работу были включены методы студенческого проектирования в самостоятельной работе студентов.

В нашем понимании профессионально-эстетическая культура специалиста сельского хозяйства – это процесс и результат созидательной деятельности специалиста на высоком профессионально-эстетическом уровне, предполагающем проявление положительных результатов эстетического обучения, воспитания и поведения в труде, быте и отдыхе; сформированность эстетических понятий, вкусов и оценок; воспитание эстетических чувств и представлений, знание различных видов искусства; проявление потребности творить по законам красоты и любви к прекрасному в природе и в сельскохозяйственном труде; а также творческую самореализацию человека в создании материальных и духовных ценностей и способов их создания, умение использовать их для дальнейшего прогресса человечества, что является показателем уровня развития творческих сил и способностей специалиста, выраженным в типах и формах организации жизни и деятельности людей. Наряду с этим определением студентам были предложены определения культуры в контексте каждой дисциплины: философская, историческая, педагогическая, физическая и т. д. Этот прием помогал студентам наглядно представить конечный результат работы.

Для более глубокого понимания проблемы исследования, дадим характеристику студенческой молодежи, поступающей в сельскохозяйственный вуз из сельской местности. В первую очередь отметим, что личность сельского школьника формируется в условиях близких к природе, к естественной среде. Школьник способен видеть прекрасное в повседневном и обыденном, но часто, из-за привыкания не осознает этого. Такая личность

более проста и открыта для восприятия, кроме того, она уже обладает некоторыми профессиональными знаниями и умениями.

Следует отметить, что полная средняя школа планирует следующие задачи эстетического воспитания: развитие чувств, эмоций, образно-ассоциативного мышления и художественно-творческих способностей; воспитание художественно-эстетического вкуса, потребности в изучении ценностей мировой культуры; освоение знаний о стилях и направлениях в мировой художественной культуре, их характерных особенностях; овладение умением анализировать произведения искусства, оценивать их художественные особенности, высказывать о них собственное суждение.

Тем не менее, сельские школьники ограничены в сфере восприятия различных видов искусства, а также информации по сравнению с городскими школьниками. Все дело в том, что современное село не обладает богатой инфраструктурой. В селах просто нет театров, выставочных залов, музеев и др. В лучшем случае, имеется сельский клуб, который одновременно является многофункциональным помещением. В нем зачастую сосредоточены кинозал, кружки по интересам, аптека, детский сад, административные помещения и др. В подобной ситуации сегодня находится подавляющее большинство сел нашей страны.

Выезд в город у жителей села в большинстве случаев связан не с посещением культурных учреждений, а с конкретными покупками. В этих условиях сельский школьник довольствуется местными дискотеками, привозными фильмами, телепрограммами, прессой (если читает), книгами, радио и, если есть, интернетом. Кроме этого, он общается с учителями, сверстниками, родителями и другими окружающими его людьми. Можно сказать, что это достаточно широкий диапазон потребления информации. Но если мы будем сравнивать эти возможности с возможностями городского школьника, то легко отметим огромную разницу в их возможностях.

Процесс обучения в вузе включает молодых людей из села в систему новых социальных отношений, что является условием развития их социальной активности. Они заняты в следующих видах деятельности: образование, труд, социальная активность, досуг, создание семьи и др. Включаясь в систему высшего образования, молодой человек получает большую независимость и самостоятельность, к чему не всегда бывает готов. «Адаптация в социологическом понимании – говорит В. М. Выдрин, – это приобщение личности к определенным видам социальной деятельности, к новым условиям в конкретной социальной среде. В процессе адаптации студенты творчески приобщаются к будущей специальности, устанавливают новые связи, строят жизненные планы в той области деятельности, которую они избрали для себя в качестве профессии» [1, с. 24]. По мнению И. А. Зимней, отношение к студенту влияет на формирование мировоззрения, а значит и личности каждого студента [2, с. 186].

Важным для нас является то, что период молодости – это время поиска и самоопределения себя в жизни, время выбора жизненного пути. Как отмечают В. Н. Колюцкий и И. Ю. Кулагина, «в это время человек чувствует ответственность за собственный выбор перед самим собой» [3]. Мы согласны с утверждениями В. М. Выдрина и И. А. Зимней, которые определяют студенчество как особую социальную категорию людей, являющуюся органичной частью молодежи и объединенную институтом высшего образования.

В период обучения в сельскохозяйственных вузах сельская молодежь активно постигает различные виды искусства. Искусство в эстетическом воспитании – мощное средство познания жизни, духовного обогащения человека, форма общественного сознания. Способность видеть прекрасное, чувствовать возвышенное, стремиться жить и работать по законам красоты, формировать адекватные идеалы и ценности – важнейшие жизненные цели каждого человека. В этой связи исследователи Л. Ф. Беликова, Е. Л. Бодренкова, Ю. Р. Вишневский, С. Г. Заец, С. И. Кривов, Е. А. Лебедева отмечают, что современные студенты, как и вся молодежь, ориентируются на культурно-развлекательный досуг, который порой дезориентирует их в новых ценностных приоритетах [4, 5, 6, 7, 8, 9]. Необходимость приобщения молодежи к искусству должна осуществляться всеми возможными средствами. Особенно в этом нуждается сельская молодежь, возможности которой в потреблении продуктов высокого искусства в детстве были ограничены.

Руководитель сельскохозяйственного предприятия или подразделения такого предприятия в своей работе реализует знания и умения в различных видах деятельности. Он формирует в своем коллективе общекультурные и профессиональные интересы; воспитывает определенный уровень общей и профессиональной культуры: знание и соблюдение служебного этикета; воспитывает чувство прекрасного в людях, сельскохозяйственном труде, в повседневной жизни; стимулирует оформление рабочих мест подчиненных с позиции высокого уровня эстетической культуры; размещает, где это возможно, репродукции лучших образцов

реалистической живописи, транслирует народную музыку, литературные произведения на темы сельской жизни; формирует эффективный имидж предприятия и своего собственного как высококультурного.

В начале исследования было необходимо определить наполненность гуманитарных дисциплин эстетическим содержанием. Дифференциация гуманитарных дисциплин по их наполнению эстетическим содержанием велась нами по пятибалльной шкале. В результате проектной работы студентов определилось эстетическое наполнение дисциплин.

Проекты по тем дисциплинам, которые набрали максимальное количество баллов, по эстетическому наполнению явились самыми объемными. Естественным для нас было то, что дисциплина «Культурология» в этом списке заняла первое место (4,92 балла). Это обстоятельство позволяет утверждать, что содержание культурологии действительно в большей степени, чем все остальные дисциплины содержит эстетический компонент. И действительно, изучая культурологию, мы рассматриваем явления жизни через призму эстетических категорий.

Психология, оказавшись на втором месте по эстетическому наполнению, набрала 4,68 балла. Психические проявления человека в разных ситуациях, возрасте предполагает значительный эстетический компонент, множество характеристик психических качеств, поступков людей с позиции эстетических категорий.

На третьем месте уверенно закрепилась дисциплина «Педагогика» (4,64 балла). Процессы обучения, воспитания, развития, естественно, включают в себя довольно много эстетического содержания, начиная теорией дисциплины и заканчивая ее практическим содержанием.

Четвертое место в нашей шкале заняла дисциплина «Философия» (4,60 балла). Говоря о философии, надо отметить ее большой потенциал в плане эстетики. Это, прежде всего, заметно при изучении эстетических воззрений людей различных эпох, рассмотрение человеческих ценностей и рассуждения о них, представления об идеальном и материальном, оценивание явлений действительности, поиски первоосновы бытия и т. д.

На пятом месте оказалась дисциплина «Русский язык и культура речи». Грамотная русская литературная речь сама является признаком эстетической характеристики. Литература рассматривается как один из видов искусства: проза и поэзия являются одним из величайших творений человечества. Совершенство языка, его выразительность, его находки для конкретных ситуаций, интонации, темп, ритм – все это является предметами изучения данной дисциплины и составляет часть общей культуры любого человека. Эта дисциплина набрала 4,44 балла.

Шестой дисциплиной оказалась «Отечественная история» (4,24 балла). Конечно, она обладает достаточно большим эстетическим потенциалом. Эта дисциплина известна ребятам еще со школьной скамьи. Она рассказывает о различных эпохах, культурах, представлениях людей, их деятельности, поступках, решениях, иллюстрирует материальную и духовную культуру различных исторических периодов жизни человечества, их совершенствование и уникальность.

На последнем месте оказалась дисциплина «Физическая культура». Она набрала всего три балла. Для нас оказалось несколько странным, что ребята не увидели уровень эстетического компонента этой дисциплины в гораздо большем объеме. Например, красота тела в представлении разных времен и народов, физическое совершенствование, желание стать физически прекрасным, отношения взаимоуважения, взаимовыручки, дружбы в спорте; виды спорта, отличающиеся огромным эстетическим потенциалом; такие качества как пластика, ловкость, точность, гибкость, красота движений. К сожалению, студенты не совсем глубоко увидели эту дисциплину с позиции красоты, тем не менее, их работы, как и работы по другим дисциплинам, представляют большой интерес для исследования.

Далее проведем анализ студенческих проектов на основе критерия «профессионализм». Для подробного анализа студенческих работ опишем критерий «профессионализм». Одним из важнейших качеств в проектировании было отмечено владение вербальными и невербальными средствами общения, умение располагать к себе, формирование желания помочь у своего собеседника, тактичность, уважение в обращении с людьми, искренность своих желаний, речевая свобода и непринужденность. Здесь нельзя не упомянуть о ситуации соперничества, наблюдавшейся у самых активных студентов с начала работы. Они с гордостью демонстрировали свои результаты товарищам, держали в секрете свои придумки до самой защиты. Это соперничество сыграло положительную роль, направляя, заинтересовывая студентов в качестве выполнения работы. Успех дела во многом зависел от умения расположить к себе живые источники информации, вызвать желание у людей помочь, при этом, конечно, проявить такие нравственные качества, как уважение, такт,

непринужденность и искренность.

Убедительность и доказательность текстового материала наблюдается практически у всех студентов. Они показали себя как убедительные, эмоционально насыщенные, оснащенные наглядностью и готовые отвечать на вопросы – хорошо подготовленные студенты. Например, один из студентов, высказывая собственное мнение, подчеркнул: «Мне кажется, что главный агроном должен быть знающим и образованным человеком, ему необязательно владеть всеми видами искусства, все зависит от интересов, которыми он увлекается».

Хочется отметить такое качество, как «Общая культура и нравственный облик», необходимое любому человеку, а особенно специалисту. Специалист характеризуется как высококультурный человек с богатым набором морально-нравственных качеств, если он стремиться к общечеловеческим духовным ценностям, интеллигентен. Отрадно, что это качество проявлялось на высоком уровне общей культуры личности студентов, богатом духовном мире, воспитанности, тактичности.

Нужно отметить веру студентов в успех, их оптимизм, умение пошутить над собой, энтузиазм, стремление помочь товарищам, подсказать им правильный вариант решения. Постоянно подбадривая студентов, создавая благоприятный психологический климат для работы и общения, мы формировали устойчивость к неудачам, легкое к ним отношение, и в то же время, ответственность за добротное выполнение проектов. Естественно, что актив группы постоянно вносил коррективы, предложения по оформлению и содержанию работы. Обмен информацией в процессе споров, дискуссий шел за счет коммуникабельности, энтузиазма, оптимизма студентов. Это сплотило группу, значительно улучшило взаимоотношения в ней. Материал телепередач на бытовые, семейные, досуговые темы широко использовались студентами. Они приводили примеры, зарисовки. Их разработки планов и дизайнов помещений, анализа музыкальных, живописных произведений – все это подкреплялось информацией телевидения.

Проявление постоянного интереса к достижениям науки и техники, попытки реализовать свои знания в этой сфере в проектах, чтение журналов, интернет-сайтов, просмотр телепрограмм, посвященных новым открытиям, изобретениям, достижениям – все это обозначилось как «Интерес к новейшим достижениям науки и техники».

Молодежи присуще стремление к неизвестному. Качество «Интерес к неизвестному» отмечается у студентов в 94 % случаях. Он предполагает стремление к новым знаниям, пытливость ума, проявление большого интереса к предложенной работе в незнакомых сферах деятельности, поиск необходимого материала в библиотеках, у специалистов, в интернете, любознательность. В проектах отчетливо прослеживается стремление к новым знаниям, пытливость ума, проявление большого интереса к предложенной работе в незнакомых сферах деятельности, поиск необходимого материала в библиотеках, у специалистов, в интернете, любознательность, поиск.

В свою очередь, 78 % работ отличаются «Уникальностью решений». Неповторимость решения проектных задач новыми, неизвестными еще способами, изобретенными студентом. Кроме того, в проектах демонстрируется широту кругозора студентов, позволяющую привлекать их знания из смежных наук. В этом плане проекты несли в себе черты ярких индивидуальных находок.

Несомненно, мы стремились к тому, чтобы проектная деятельность увлекла ребят. И, как нам кажется, эта задача была решена в полной мере. «Удовлетворенность работой» у студентов проявлялась в подавляющем большинстве. Это наглядно просматривалось в чувстве комфорта в студенческих группах, уверенности в успехе дела, проявлении активного интереса. Практически все студенты испытывали радость от работы, понимали ее ценность для специалиста сельского хозяйства, предполагали участие в подобной работе в будущем. Обсуждая свои проекты на консультациях, студенты высказывали мнения о том, что они, возможно, внесут большой вклад в российское образование и их идеи когда-нибудь будут востребованы.

Таким образом, проведенная работа помогла сформировать профессионально-эстетическую культуру студентов, эффективно подготовить их к будущей профессиональной деятельности. Будущая профессия теперь для молодых людей означает не только хорошие знания специальных сфер сельскохозяйственной деятельности. Важное место среди непосредственных умений теперь занимает культура, эстетика их труда. И этот аспект понимания профессии специалиста сельского хозяйства, мы надеемся, у студентов экспериментальной группы останется на всю жизнь.

После анализа проектной работы студентов рассмотрим динамику формирования профессионально-эстетической культуры студентов. Чтобы выявить результаты нашей экспериментальной работы по формированию профессионально-эстетической культуры студентов, мы исследовали динамику уровня

профессионально-эстетической культуры в процессе нашего эксперимента. Для этого были разработаны семь критериев оценивания профессионально-эстетической культуры студентов: 1. «Точность понимания термина «профессионально-эстетическая культура». 2. «Умение определить сущность каждой гуманитарной дисциплины». 3. «Способность определить значение каждой гуманитарной дисциплины для СХП». 4. «Умение выделить профессионально-эстетические ценности специалиста в каждой гуманитарной дисциплине». 5. «Способность выявить эстетический компонент в содержании гуманитарных дисциплин». 6. «Умение видеть на практике в бытовой, досуговой деятельности эстетический компонент, присущий каждой гуманитарной дисциплине». 7. «Отношение к профессии как к прекрасному виду деятельности: «Мой труд – он прекрасен».

По результатам нашего исследования рассмотренные критерии распределились по следующим позициям (по убыванию): первое место занял критерий – «Отношение к профессии как к прекрасному виду деятельности: «Мой труд – он прекрасен» – 2,48 балла. Второе место занял критерий – «Умение определить сущность каждой гуманитарной дисциплины» – 2,28 балла. Третье место принадлежит критерию – «Способность определить значение каждой гуманитарной дисциплины для СХП» – 2,16 балла. Четвертое место занял критерий – «Точность понимания термина «профессионально-эстетическая культура» – 2,12 балла. Пятое место досталось критериям – «Умение выделить профессионально-эстетические ценности специалиста в каждой гуманитарной дисциплине» и «Умение видеть на практике в бытовой, досуговой деятельности эстетический компонент, присущий каждой гуманитарной дисциплине» – по 2 балла. Шестое место занял критерий – «Способность выявить эстетический компонент в содержании гуманитарных дисциплин» – 1,6 балла.

В данном случае, необходимо отметить, что студенты демонстрируют хорошее отношение к своей профессии, они видят в ней эстетическое начало, определяя ее, как прекрасный вид деятельности. Они умеют определять сущность гуманитарных знаний, которые изучили и способны это объяснить. Студенты адекватно понимают профессионально-эстетическую культуру как необходимый компонент деятельности высококвалифицированного специалиста. Они имеют довольно четкие представления о профессионально-эстетических ценностях, присутствующих в гуманитарных дисциплинах. Студенты готовы применять полученные знания и умения на практике в повседневной жизни, а также способны видеть красоту в обыденном, в новом через призму эстетики и профессии.

Таким образом, процесс формирования профессионально-эстетической культуры опирается не только на тесное взаимодействие с искусством, но и на развитие мышления обучающихся, их речи и аналитических способностей. Если постоянно и комплексно воздействовать на обучающихся посредством всех этих аспектов, то можно получить значительный эффект. В результате чего подготовить не только отличного специалиста конкретной отрасли хозяйства, но и разностороннего, интеллектуально и культурно развитого человека.

Список литературы

[1] Выдрин В.М. Введение в специальность: Учеб. пос. для ин-тов физ. культ. / В.М. Выдрин. 2-е изд., перераб. М.: Физкультура и спорт, 1980. 119 с.

[2] Зимняя И.А. Педагогическая психология: Учебник для вузов / И.А. Зимняя. М.: Логос, 2001. 384 с.

[3] Кулагина И.Ю. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. Учеб. пос. для студентов вузов / И.Ю. Кулагина, В.Н. Колюцкий. М.: ТЦ «Сфера», при участии «Юрайт – М», 2001. 464 с.

[4] Беликова Л.Ф. Отношение студентов к внеучебной деятельности в вузе / Л.Ф. Беликова // Социс. 2000. № 6. С. 51-57.

[5] Бодренкова Е.Л. Педагогические возможности социализации студентов-технологов средствами социально-культурной деятельности: Дис. … канд. пед. наук. / Е.Л. Бодренкова. Калуга, 2002. 194 с.

[6] Вишневский Ю.Р. Основные подходы к разработке концепции внеучебной работы со студентами в УГТУ / Ю.Р. Вишневский // Проблемы воспитания студентов в современном вузе: Тез. докл. Всероссийской науч.-практ. конф., 4 – 6 декабря 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 24-25.

[7] Заец С.Г. Внеучебная деятельность как фактор педагогизации студенческого социума: Дис. … канд. пед. наук. / С.Г. Заец. Калуга, 2002. 197 с.

[8] Кривов С.И. Педагогическое краеведение в профессиональной подготовке будущих технологов пищевой промышленности: Дис. … канд. пед. наук. / С.И. Кривов. Калуга, 2001. 190 с.

[9] Лебедева Е.А. Педагогические условия социальной адаптации студентов технического вуза: Дис. … канд. пед. наук. / Е.А. Лебедева. Калуга 2001. 189 с.

References:

[1] Vydrin V.M. Introduction to the specialty:

Educational settlement for the Institutes of Physics. cult. / V.M. Vydrin. 2nd ed., revised. M.: Physical culture and sport, 1980. – 119 p.

[2] Zimnaya I.A. Pedagogical psychology: A textbook for universities / I.A. Zimnaya, Moscow: Logos, 2001– 384 p.

[3] Kulagina I.Y. Age psychology: The full life cycle of human development. Educational settlement for university students / I.Y. Kulagina, V.N. Kolutsky. – M.: Shopping center “Sphere”, with the participation of “Yurayt – M”, 2001. – 464 p.

[4] Belikova L.F. The attitude of students to extracurricular activities in higher education / L.F. Belikova // Socis. 2000. № 6. pp. 51-57.

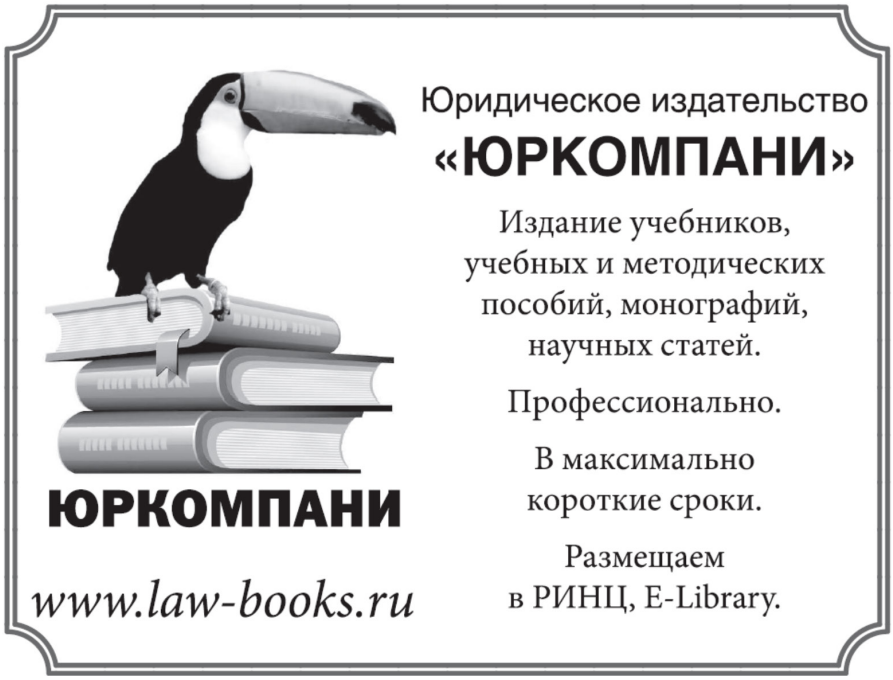
[5] Bodrenkova E.L. Pedagogical possibilities of socialization of technological students by means of socio-cultural activity: Dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences / E.L. Bodrenkova. Kaluga, 2002. 194 p.

[6] Vishnevsky Yu.R. The main approaches to the development of the concept of extracurricular work with students at USTU / Yu.R. Vishnevsky // Problems of student education in a modern university: Thesis. dokl. All–Russian Scientific and Practical Conference, December 4-6, 1998. Yekaterinburg 1998, pp. 24-25.

[7] Zayets S.G. Extracurricular activities as a factor of pedagogization of student society: Dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences / S.G. Zaets. Kaluga, 2002. 197 p.

[8] Krivov S.I. Pedagogical local history in the professional training of future food industry technologists: Dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences / S.I. Krivov. Kaluga, 2001. 190 p. (in Russian).

[9] Lebedeva E.A. Pedagogical conditions of social adaptation of technical university students: Dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences / E.A. Lebedeva. Kalu-ga 2001. 189 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 17.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-566-570

ВИЛКОВА Алевтина Владимировна,

доктор педагогических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, заместитель начальника ФКУ НИИ ФСИН России г. Москва, Российская Федерация старший научный сотрудник научно-исследовательского центра Военной академии РВСН имени Петра Великого, г. Балашиха, Российская Федерация,

e-mail: mavlad67@mail.ru

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,

кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), ORCID:0000-0002-3852-3128,

e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ МОТИВАЦИИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ФСИН РОССИИ К ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемные вопросы мотивации курсантов образовательных организаций высшего образования ФСИН к познавательной деятельности, цель которой – существенное повышение уровня подготовки офицерских кадров и приводит к желаемому результату – умению проявлять интерес к познанию нового, решая задачи, направленные на формирование и развитие познавательного интереса к осваиваемой специальности с учетом специфики будущей профессиональной деятельности с помощью теоретических методов исследования - анализ и синтез результатов научных исследований, нормативных документов и законодательных актов, моделирование, историко-педагогический метод; эмпирических методов – анкетирование, тестирование, контент-анализ, беседа, интервью, педагогическое включенное наблюдение, констатирующий и формирующий эксперименты.*

Ключевые слова: *курсант, познавательная активность, образовательные организации высшего образования ФСИН.*

VILKOVA Alevtina Vladimirovna,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Deputy Head of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, Senior Researcher at the Research Center of the Peter the Great Strategic Missile Forces Military Academy, Balashikha, Russian Federation

POLYAKOVA Yanina Nikolaevna,

Candidate of Psychological Sciences, Leading Researcher of the NITs-2 PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Institute (branch) of VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

THE PROBLEM OF MOTIVATION OF CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF HIGHER EDUCATION THE FSIN TO COGNITIVE ACTIVITY

Annotation. *This article discusses the issues motivating the cadets of educational organizations of higher education the FSIN to cognitive activity, the aim of which is to significantly increase the level of training of the officers ' staff and lead to the desired result - ability to show interest in new knowledge by solving tasks aimed at the formation and development of cognitive interest in specialty trade taking into account the specifics of future careers through theoretical research methods - analysis and synthesis of results of scientific research, regulatory, and legislative acts, modeling, historical-pedagogical method; empirical methods-questionnaires, testing, content analysis,*

interview, interviews, participant observation, ascertain pedagogical and formative experiments.

Key words*: cadet, cognitive activity, educational institutions of higher education (FSIN).*

Переход от количественных показателей к качественным в обучении курсантов образовательных организаций высшего образования ФСИН требует в первую очередь существенного повышения уровня подготовки офицерских кадров.

Определяющая роль в подготовке офицера принадлежит вузу. Вместе с тем излишняя регламентация жизни и быта курсанта может приводить к снижению его личной активности и самостоятельности в усвоении учебных дисциплин. То есть в ходе обучения прослеживаются две противоречивые тенденции: с одной стороны, невозможно подготовить офицера без моделирования в вузе его будущей профессиональной деятельности, а с другой – такое моделирование, прежде всего в плане формирования высочайшей дисциплинированности и исполнительности, может снижать личную активность и инициативность отдельных обучающихся. Разрешение этого противоречия может быть достигнуто реализацией в учебном процессе процедур, обеспечивающих активизацию познавательной деятельности курсантов.

К сожалению, у большинства выпускников современной средней школы слабо сформировано такое качество, как проявление интереса к познанию нового. Решение этих задач оказалось возложенным на высшую школу. Отметим, что непременным условием формирования у курсантов познавательной активности является активизация их познавательной деятельности, которая рассматривается как побуждение к стимулированию активной работы через формы, методы, приемы и средства обучения.

Активизировать познавательную деятельность возможно при изменении концептуального подхода к обучению, суть которого заключается в том, чтобы обучаемого (вчерашнего школьника) трансформировать в обучающегося, заинтересованного в высоких результатах усвоения знаний, необходимых для овладения профессией офицера. Для формирования и тем более развития профессионального познавательного интереса необходима комплексная программа, мотивирующая «интересное» учение, реализующая новые методы обучения с применением современных информационно-коммуникационных средств и организацией всех видов практик в соответствии с профессиональными задачами.

Образовательный процесс должен быть построен таким образом, чтобы мотивация курсанта была как можно более глубокой и разносторонней, формируемой и актуализируемой в ходе обучения не только предоставлением новой информации, но также и обучением действиям. При этом условия, в которых осуществляется учебная деятельность курсанта, сами могут являться мотивообразующими факторами. В дальнейшем мотивы постепенно преобразуются в более сложную структуру с централизованной сознательно-волевой системой управления поведением. Благодаря возникающему определенному соподчинению мотивов обучающиеся начинают действовать исходя из нравственно более высоких и значимых из них, сопротивляясь сиюминутным желаниям, противоречащим основным целям обучения.

Качество образования является обязательным компонентом любой образовательной системы. Отметим, что при оценке качества образования необходимо также учитывать условия, при которых оно будет обеспечиваться и совершенствоваться. В этом случае диагностирование образовательного процесса позволит определить истинное состояние объектов (процессов, результатов), выявить причины этого состояния, определить средства и условия, способствующие преобразованию педагогической действительности и выведению ее на новый, более высокий уровень.

Элементом стимулирования учебной работы является текущий контроль успеваемости и промежуточная аттестация обучающихся. Существующая система оценки качества подготовки курсантов абсолютизирует результаты экзаменов. Это объективно ведет к работе над учебными дисциплинами по методу «штурма» в сессию и делает текущую работу между экзаменационными сессиями второстепенным и менее значимым элементом обучения.

Активизация познавательной деятельности может быть достигнута разработкой таких процедур контроля, которые побуждали бы обучающихся к систематической работе не только в период сессии, но и на протяжении всего семестра. Для реализации этого необходима система контроля, которая позволяет иметь количественную оценку степени усвоения учебного материала каждым курсантом в любой момент времени. При этом результаты работы курсанта в течение семестра должны влиять на оценку по дисциплине в целом. Данное

положение позволит обеспечить оперативную реакцию не только преподавателей, но и каждого обучающегося в случае низких результатов при текущем контроле успеваемости.

В настоящее время в ряде образовательных организаций высшего образования ФСИН предпринимаются попытки изменить существующее положение. В частности, введением в процесс обучения модульно-рейтинговой технологии обучения (МРТО). С точки зрения активизации познавательной деятельности обучающихся, технологии присущ ряд положительных моментов: дифференциация при оценке уровня знаний; запрет на допуск к сдаче экзамена в результате низкой успеваемости; учет текущей успеваемости при формировании итоговой оценки по дисциплине.

Однако эта технология наряду с достоинствами, на наш взгляд, имеет ряд существенных недостатков, одним из которых является ее громоздкость.

Исходя из вышеизложенного назрела необходимость разработки и использования методики оценки качества усвоения учебного материала, свободной от недостатков, присущих традиционной системе контроля и оценки и понятной всем участникам образовательного процесса.

Список литературы:

[1] Vilkova A.V. FORMATION OF A TOLERANT WORLDVIEW BY REDUCTION OF DESTRUCTIVE AGGRESSION / Tsahaeva A.A., Onzimba Legnungo Zh.B., Bratanovskiy S.N., Vilkova A.V., Kadyrov M.A. Ponte. 2018. Т. 74. № 1. С. 81-87.

[2] Полякова Е.Н. Основные формы и методы индивидуально-воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы / А.В. Вилкова, Е.Н. Полякова / Глобальный научный потенциал №2(83). 2018, С.5-6.

[3] Смородинскова И.А. Совершенствование профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы / А.В. Вилкова, И.А. Смородинскова // Перспективы науки № 3(102). 2018 С.85-88.

[4] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[5] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[6] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[7] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[8] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[9] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[10] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[11] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[13] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[14] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[15] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике:

Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[16] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[18] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[19] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

References:

[1] Vilkova A.V. FORMATION OF A TOLERANT WORLDVIEW BY REDUCTION OF DESTRUCTIVE AGGRESSION / Tsahaeva A.A., Onzimba Legnungo Zh.B., Bratanovskiy S.N., Vilkova A.V., Kadyrov M.A. Ponte. 2018. T. 74. № 1. S. 81-87.

[2] Polyakova E.N. Basic forms and methods of individual educational work with employees of the penitentiary system/A.V. Vilkova, E.N. Polyakova/ Global scientific potential No. 2 (83). 2018, S.5-6.

[3] Smorodinskova I.A. Improving the professional training of employees of the penitentiary system/A.V. Vilkova, I.A. Smorodinskova//Prospects of Science No. 3 (102). 2018 S.85-88.

[4] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[5] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/ Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[6] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[7] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[8] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[9] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[10] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[11] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[12] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[13] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[14] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[15] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[16] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the

collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[17] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[18] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[19] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures “Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.



ИННОВАЦИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-571-575

ЛОПАЕВА Надежда Леонидовна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: Lopaeva77@mail.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович,

кандидат с.-х. наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: mail@law-books.ru

ПАВЛОВА Яна Сергеевна,

доцент, к.б.н., кафедра биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: mail@law-books.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,

доцент, к.б.н., кафедра биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,

Преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,

e-mail: barykina_10@mail.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,

доцент, к.б.н., кафедра биотехнологии и пищевых продуктов проректор по международной деятельности и дополнительному профессиональному образованию ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: mail@law-books.ru

АНТРОПОГЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРИРОДНЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ

Аннотация. *В данной статье рассматривается гололёд явления. Это является одной из острых проблем в зимнее время года как в Свердловской области, так и в России в целом. В современном мире к противогололедным реагентам прибегают практически повсеместно. Так как это единственный способ уменьшить количество аварий на дорогах и защитить граждан от падения. Загрязнение окружающей природной среды антигололедными веществами оказывает огромное влияние на живую и неживую природу. Именно поэтому тема является актуальной.*

Ключевые слова: *гололёд, урбанизация, реагенты, влияние реагентов на окружающую среду, экология.*

LOPAEVA Nadezhda Leonidovna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

STEPANOV Alexey Vladimirovich,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Department of Biotechnology and Food Products,

Ural State Agrarian University

PAVLOVA Yana Sergeevna,

Associate Professor, PhD in Biology, Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,

Associate Professor, PhD in Biology, Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,

Lecturer of the Department of Biotechnology and Food Products

NEVEROVA Olga Petrovna.

Associate Professor, PhD in Biology, Department of Biotechnology and Food Products Vice-Rector for International Affairs and Continuing Professional Education Ural State Agrarian University

ANTHROPOGENIC IMPACT ON NATURAL ECOSYSTEMS

Annotation. *This article discusses the phenomenon of black ice. It is a pressing winter problem both in the Sverdlovsk region and throughout Russia. In today's world, the use of anti-icing agents is almost universal. Because this is the only way to reduce road accidents and protect citizens from falls. Pollution of the environment with de-icing agents has a huge impact on wildlife and non-living nature. This is why this topic is so relevant.*

Key words*: ice, urbanization, reagents, impact of reagents on the environment, ecology.*

В условиях научно-технического прогресса и интенсификации промышленного производства, урбанизации территорий проблемы охраны окружающей среды стали одной из важнейших общегосударственных задач, решение которых неразрывно связано с охраной здоровья людей. В последние годы начали появляться необратимые изменения природной среды или возникать опасные явления. Одним из таких опасных явлений является отрицательное влияние антигололедных реагентов на окружающую среду. Гололёд, одна из самых актуальных проблем зимнего сезона, которая влечет за собой не только повышенный риск травматизма, но и огромные убытки. Гололёдом называют слой льда, появляющийся на разнообразных поверхностях, в частности на дорогах проезжей части и тротуарах городов, при переходе от оттепели к заморозку, от плюсовой к отрицательной температуре, происходит вымерзание подтаявшего снега и выпавшей атмосферной влаги. С ростом городов и увеличением сети дорожного полотна возрастает необходимость в увеличении количество применяемых противогололедных реагентов. Способов борьбы с гололедом великое множество. От самых простых и не дорогих с использованием обычного карьерного песка (применение технической соли для дорог, гранитной крошки), до самых современных антигололёдных реагентов различных марок и производителей. Которые по своему составу бывают разные это хлориды металлов, таких как натрий, магний, кальций, применяемые для борьбы со льдом и гололедицей в зимний период. Химические, комбинированные и фрикционные противогололёдные материалы, применяются в твёрдом или жидком виде для борьбы с зимней скользкостью [4].

Все реагенты имеют одно общее свойство — понижать точку плавления снега. В снежную, слякотную погоду реагенты чаще всего используются твёрдые, а в сухую погоду, при гололёде — жидкие химические вещества. При попадании твердого антигололёдного реагента на ледяную поверхность снега или льда, его кристаллы начинают активно впитывать (поглощать) влагу из окружающей среды. При переходе из твёрдой фазы в жидкую реагент начинает выделять тепло, которое и используется для растопления снега. Образовавшаяся из растопленного снега, льда и реагента масса называется рассолом, имеющий температуру замерзания ниже температуры замерзания воды. Именно раствор антигололедного реагента пока его концентрация такова, растапливает лед и предотвращает возникновение гололёдных образований [2].

Цель работы: изучение отрицательного влияния противогололёдных реагентов на рост растений.

В соответствии с поставленной целью

решались следующие задачи:

познакомиться с литературой по данной проблеме;

изучить состав противогололёдных реагентов;

провести исследование влияния противогололёдных реагентов на окружающую природную среду;

Материалы и методы

Объектами исследования выступают пробы снега и почва.

Место проведения исследования п. м. Исток. Использовались стандартные методики санитарно-гигиенического исследования талой снеговой воды.

Результаты исследований

История антигололедных реагентов начинается в середины прошлого века, когда сразу после войны начали впервые использовать вещества для топления льда. В Европе применение хлоридов началось в Швеции с 1947 года, в Великобритании – с 1960 года. В России противогололедные добавки впервые стали использовать в 1966 году: к песку добавлялись хлориды натрия и кальция в количестве 2% по весу. До середины 60-х годов на территории СССР применение чистых солей на дорогах почти не практиковалось. В зимний период использовались только фрикционные материалы в смеси с солью или без нее. Лед частично подтапливался, а оставшаяся часть ледового покрытия теряла свое проскальзывающее свойство, в результате чего дороги оставались в относительном эксплуатационном состоянии. Это было достаточно просто и вполне дешево, поэтому использовалось повсеместно, начиная от малых городов и заканчивая советскими мегаполисами. Однако такая смесь, которая, честно говоря, не являлась антигололедным реагентом в современном понимании этого термина, имела большое количество недостатков. Так, песок сильно забивал ливневые канализации, и требовалось достаточно много времени и денег для того, чтобы очистить стоки. Забитые канализации снижали эффективность такого антигололедного реагента: во время дневного таяния льда вода собиралась на дорогах, но не проходила в канализацию, а уже ночью дороги покрывал новый слой льда, поверх песка, и все приходилось делать сначала. Количество песка стали сокращать. При этом долю технической соли (NaCl – техн.) стали повышать. Спустя несколько десятков лет появились первые «плоды»: в результате широкого использования соли, почва серьезно изменила свой состав, что сказалось на здоровье и развитии растений. Если учесть, что в Европе или США соль строго дозируется – не более 30 грамм на один квадратный метр дорожного полотна, то в России норму превышали в несколько раз, раскидывая соль точно так же, как ранее - пескосоляную смесь. Доходило до того, что снег со льдом сходили, а дорога оставалась белой – от соли. Подобный перерасход соли приводил к тому, что соль начинала разъедать не только лед, но и колеса и кузова автомобилей, обувь пешеходов и даже контактные сети троллейбусов и трамваем. Постепенно соль из средства борьбы со льдом сама стала проблемой. В немалой степени страдал общественный транспорт – пары соли разъедали электропровода, вследствие чего водителям троллейбусов приходилось постоянно останавливаться, чтобы перекинуть штанги токоприемника на целые участки проводов, что не могло не приводить к появлению заторов. В результате слишком большого содержания соли в почве начали гибнуть зеленые насаждения. Экологическая ситуация в крупных города стремительно ухудшалась – есть данные, что в Москве соляные пары поднимались на высоту до 15 метров [1,4].

В настоящее время существует несколько разновидностей борьбы с гололёдом Существуют механический, химический и комбинированный способы борьбы с ним. Посыпание смесью соли с песком самый распространённый и самый опасный способ:

Механическая защита

Механический способ защиты от гололёда заключается в повышении коэффициента сцепления шин машины или подошвы обуви со льдом. Для этой цели возможно применение песка, но такой способ малоэффективен, так как песок довольно быстро сдувается ветром с дорожек и тротуаров, разбрасывается машинами и сносится к обочине. Более того, постоянное применение песка плохо влияет на окружающую среду и на человека. Песок, смешиваясь с водой образует грязь, которая покрывает обувь и одежду человека при ходьбе, а затем, высыхая, превращается в пыль на тротуарах, обуви и верхней одежде, которую вдыхают люди, что способствует различным респираторным заболеваниям. Большое количество песка в почве становится причиной её уплотнения, уменьшается количество кислорода и питательных веществ, почва становится всё менее плодородной и растения перестают расти на такой почве.

Лучшего результата можно добиться при посыпке другого материала: мраморная крошка, мелкий гравий шлак. Такая насыпь тяжелее песка и дольше сохраняется на поверхности льда. Но и эти абразивные материалы, применяемые в большом количестве, загрязняют почву и приводят к её эрозии[3].

Комбинированная защита

В качестве комбинированного способа защиты применяют смесь песка и соли в соотношении 1:1. В данный момент является наиболее распространённым способом в России. Поваренная или техническая соль способствует плавлению ледяной корочки, а песок улучшает сцепление обуви с дорожной поверхностью.

Однако, раствор соли, получающийся при плавлении, имеет очень агрессивную щелочную среду, которая разъедает шины, обувь, вызывает коррозию корпуса машин, приводит к раздражению и даже ожогам конечностей животных. Помимо этого, огромное ежегодно количество соли с дорог и тротуаров попадет в почву, что приводит к её засолению. В результате засоления почвы деревья, кустарники, цветы и прочие городские насаждения испытывают угнетение: ухудшается рост и общее состояние растений и как итог – гибель. Так же соль попадает в грунтовую воду и реки, что приводит к их чрезмерному засолению.

Химическая защита

В последние несколько лет стало очень распространено использование химических реагентов. Антигололёдные реагенты быстро и эффективно действуют на ледяную корку, расплавляя её, независимо от погодных условий. Более распространённой является смесь солей хлора, натрия и магния. Принцип действия реагентов основывается на том, что температура замерзания воды с подмешанными в неё солями хлоридов ниже, чем выпавшей с осадками. И хотя пропорции солей в реагентах подбираются так, чтобы их вредное воздействие на окружающую среду было минимальным, обильное их применение приводит также к негативным последсвиям.

Уборка снега

Параллельно с механическими, химическими и комбинированными способами защиты от гололёда происходит уборка и вывоз снега. Снег, во время пребывания на улицах, дорогах и тротуарах городов покрывается и пропитывается антигололёдными реагентами, механическими примесями, тяжёлыми металлами, оседающими из выхлопных газов машин, возможно попадание бензина масел и других жидкостей из машин. И накую снежную смесь вывозят на поля, где все эти примеси попадают в землю и грунтовые воды, из-за чего происходит заражение воды и земли, а в последствие и эрозия почвы[1-4].

В последнее время всё большую популярность набирает применение химических реагентов, таких как «Бионорд», разработанный российскими учеными для борьбы с гололёдом на дорогах. В его состав входят:

хлорид кальция -20-50%

хлорид калия или карбамид -5-15%

хлорид натрия -20-65%

Производители «Бионорда» утверждают, что данный реагент представляет собой оптимально подобранный состав компонентов, способный добиться плавления ледяных и снежных поверхностей при очень низких температурах (до -30 градусов).

Нами установлено присутствие в талой снеговой воде легко – и среднерастворимых соединений которые входят в состав противогололедных реагентов. Именно эти вещества являются наиболее опасными для окружающей среды В особенности легкорастворимые соединения как сода (Na_2CO_3), хлориды (NaCl, $MgCl_2$, $CaCl_2$) и сульфат натрия (Na_2SO_4). Эти соединения находятся в почве на обочине дорог (проба №1), за счет оседания пыли от эксплуатации дорог и особенно мощного потока автотранспорта, в котором присутствуют продукты сгорания бензина и продукты амортизации самих машин. Для того чтобы минимизировать негативные последствия необходимо применять альтернативные способы борьбы с гололёдом, использовать опыт зарубежных стран. Например, в Швеции и Финляндии дороги посыпают мраморно-гранитной крошкой, остающейся в карьерах, а весной собирают и промывают для повторного использования. В некоторых Европейских странах кладут асфальтовое покрытие уже обладающее антигололёдным эффектом. Дорожное покрытие содержит компоненты способствующее таянию льда, такие как соль, и это облегчает чистку дорог. В США в ход идут отходы с ликёро-водочного завода. Сладкий сироп смешивают с солью. Такая структура лучше удерживается на дорожной поверхности и расходуется на много меньше соли.

Выводы

В процессе работы изучена литература по данному вопросу.

Изучен состав противогололёдных реагентов и установлено их влияние на окружающую природную среду.

Список литературы:

[1] Юлия бабушкина, Солевые «ванны»: чем посыпают дороги Екатеринбурга, вредно ли это для здоровья, и можно ли обойтись без «химии».//Облгазета.ru – 2022 - №10 – С. 3-6.

[2] Лопаева Н.Л., Неверова О.П., Чепуштанова О.В., Шаравьев П.В. Экологические аспекты урбанизированных территорий статья в сборнике трудов конференции. «От инерции к развитию: научно-инновационное обеспечение АПК». -2020. С. 111-113

[3] Подольский В. П. Экологические

аспекты зимнего содержания дорог. Текст. // В. П. Подольский, Т. В. Самодурова, Ю. В. Федорова; ВГАСА. Воронеж, 2000. - 152 с.

[4] Скорченко В. Ф. Исследование влияний дорожных условий на загрязнение окружающей среды автомобилями Текст. : дис. . канд. техн. наук //Скорченко В. Ф. Киев, 2020.-229 с.

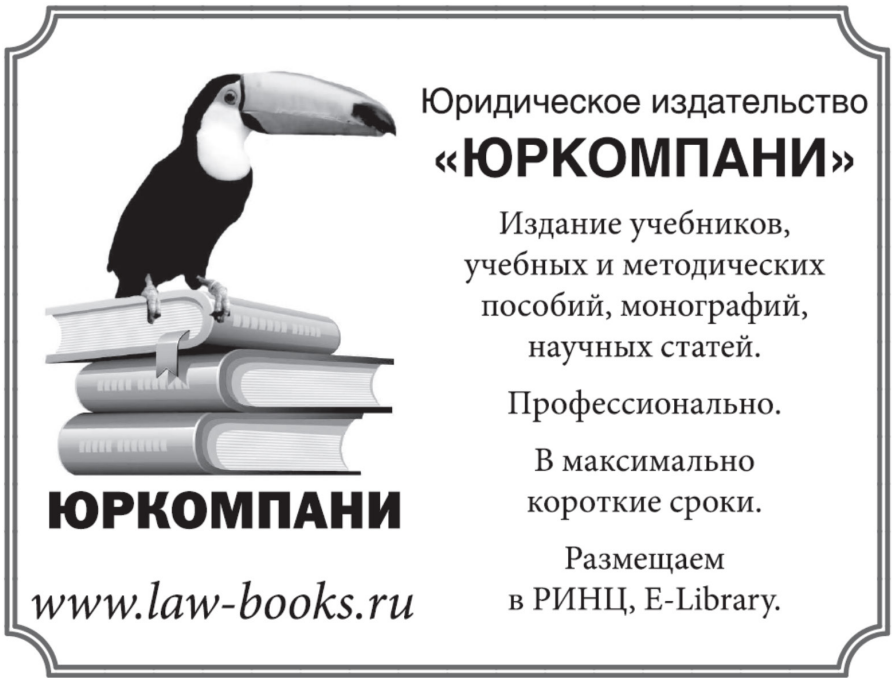
References:

[1] Yulia Babushkina, Salt “baths”: what sprinkles the roads of Yekaterinburg, is it harmful to health, and is it possible to do without “chemistry. “// Oblgazeta.ru - 2022 - No. 10 - S. 3-6.

[2] Lopaeva N.L., Neverova O.P., Chepushtanova O.V., Sharaviev P.V. Environmental aspects of urbanized territories article in the collection of conference proceedings. “From inertia to development: scientific and innovative support for the agro-industrial complex.” -2020. S. 111-113

[3] Podolsky V.P. Environmental aspects of winter road maintenance. Text .//V.P. Podolsky, T.V. Samodurova, Yu. V. Fedorova; VGASA. Voronezh, 2000. - 152 s.

[4] Skorchenko V.F. Study of the effects of road conditions on environmental pollution by cars Text.: dis. Candidate of Technology Sciences// Skorchenko V.F. Kyiv, 2020.-229 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 01.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-576-580

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: darya.ukrozhenkozoo@mail.ru

ГАЛУШИНА Полина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: sid-polina@yandex.ru

ЧЕБЫКИНА Анастасия Андреевна,

преподаватель кафедры зооинженерии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: jko-10@mail.ru

САЯФАРОВА Наталья Александровна,

преподаватель кафедры зооинженерии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: sayafarova76@mail.ru

НЕНАХОВ Владислав Вадимович,

замдекана по воспитательной работе, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: spo-yrgay@mail.ru

КАНЕВ Прокопий Николаевич,

преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: kanevxok@mail.ru

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ КЛАСС: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В статье анализируется модель смешанного обучения «перевернутый класс» как альтернатива традиционной классно-урочной системе в условиях цифровой трансформации образования. Рассматриваются исторические противоречия между коллективной формой обучения и индивидуальными особенностями усвоения знаний учащимися. Раскрывается сущность модели, основанная на инверсии учебного процесса: самостоятельное освоение теории дома с использованием видеолекций и последующая практическая работа в аудитории. Обобщаются результаты эмпирических исследований, подтверждающие повышение академической успеваемости и уровня мотивации студентов при использовании данной модели. Определяются ключевые компоненты «перевернутого урока», роль цифровых технологий, критерии эффективности модели, включая формирование критического мышления, коммуникативных компетенций и учебной мотивации. Систематизируются основные риски (цифровое неравенство, временные затраты преподавателей, недостаточная самоорганизация студентов). Формулируются методические рекомендации по внедрению модели.*

Ключевые слова: *перевернутый класс, смешанное обучение, индивидуализация обучения, цифровые технологии, учебная мотивация, критическое мышление, инверсия учебного процесса.*

UKROZHENKO Daria Sergeevna,

Lecturer, of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

GALUSHINA Polina Sergeevna,

senior lecturer of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

CHEBYKINA Anastasia Andreevna,

Lecturer, of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

SAYAFAROVA Natalia Alexandrovna,

Lecturer, of the Department of Animal Engineering, Ural State Agrarian University

NENAKHOV Vladislav Vadimovich,

deputy dean for educational work Ural State Agrarian University

KANEV Prokopiy Nikolaevich,

Lecturer, Department of Physical Education and Sports, Ural State Agrarian University

FLIPPED CLASSROOM: EFFECTIVENESS OF APPLICATION

Annotation. *This article analyzes the "flipped classroom" blended learning model as an alternative to the traditional classroom system in the context of the digital transformation of education. It examines the historical contradictions between collaborative learning and the individual learning styles of students. It reveals the essence of the model, based on the inversion of the educational process: independent theoretical mastery at home using video lectures, followed by practical work in the classroom. The results of empirical studies confirming the improved academic performance and motivation of students using this model are summarized. The key components of the "flipped classroom," the role of digital technologies, and the criteria for the model's effectiveness are identified, including the development of critical thinking, communicative competencies, and academic motivation. The main risks (digital inequality, teacher time expenditures, and insufficient student self-organization) are systematized. Methodological recommendations for the implementation of the model are formulated.*

Key words: *flipped classroom, blended learning, individualized learning, digital technologies, learning motivation, critical thinking, inversion of the learning process.*

Современная система образования находится в состоянии глубокой трансформации, вызванной цифровизацией, сменой поколений учащихся и нарастающим противоречием между традиционной классно-урочной системой и потребностями информационного общества. Классическая модель, где учитель транслирует знания, а ученик пассивно воспринимает их на уроке, а дома выполняет однотипные упражнения, не в полной мере способствует развитию критического мышления, самостоятельности и умению применять знания в нестандартных ситуациях. В поиске эффективных альтернатив педагогическое сообщество обращается к смешанным формам обучения. Одной из наиболее инновационных моделей является «перевернутый класс» (Flipped Classroom), суть которой заключается в инверсии образовательного процесса: теоретический материал учащиеся осваивают дома самостоятельно (чаще всего с помощью видео-лекций), а аудиторное время используется для активной практической работы, дискуссий и индивидуальной помощи преподавателя. Несмотря на растущую популярность модели, вопрос об ее эффективности остается дискуссионным.

Исторически сложившаяся классно-урочная система, пришедшая на смену индивидуальному обучению, изначально заключала в себе глубокое противоречие между коллективной формой организации занятий и уникальными, присущими каждому ученику темпами усвоения материала. Как отмечается в исследованиях по истории педагогики, с самого начала применения фронтальных методов обучения остро встала проблема несоответствия единого для всех ритма работы разноуровневой готовности учащихся. В результате такого подхода значительная часть обучающихся оказывается в позиции пассивных наблюдателей: сильные ученики теряют интерес

из-за отсутствия вызова, а слабые накапливают пробелы, пытаясь подстроиться под заданный темп, что неизбежно ведет к снижению успеваемости и нивелированию индивидуальных способностей. Современные исследователи также подчеркивают, что традиционная модель не в полной мере соответствует требованиям цифровой трансформации образования и потребностям подготовки специалистов для высокотехнологичных отраслей, поскольку она ориентирована на «усредненного» обучающегося и не учитывает необходимость развития самостоятельности, критического мышления и активной субъектной позиции ученика [4, 8].

В основе модели «перевернутый класс» лежит инверсия ключевых компонентов учебного процесса: самостоятельное освоение учащимися нового теоретического материала вне аудитории, как правило с использованием видеолекций и мультимедийных технологий, и последующая аудиторная работа, которая отводится на практическое применение полученных знаний, дискуссии и творческую деятельность. Однако, как подчеркивает автор, сводить данную технологию лишь к пространственно-временной перестановке домашней и классной работы было бы упрощением. Концепция предполагает более глубокие изменения: радикальное переосмысление роли преподавателя, который смещается с позиции «мудреца на сцене» к «наставнику рядом», а также трансформацию позиции учащегося из пассивного получателя знаний в активного субъекта образовательного процесса. Важным теоретическим обоснованием такого подхода служит когнитивная пирамида Б. Блума: вынос начальных этапов освоения материала (запоминание) на самостоятельную работу позволяет высвободить аудиторное время для когнитивной деятельности более высокого уровня — понимания, применения, анализа, синтеза и оценки [2].

Архитектура «перевернутого урока» строится на четком разделении двух взаимосвязанных этапов: внеаудиторной самостоятельной работы и аудиторной практической деятельности. На первом этапе студенты самостоятельно знакомятся с новым теоретическим материалом вне класса, используя для этого видеолекции, мультимедийные ресурсы, электронные образовательные платформы и дополнительные источники информации. Второй этап, аудиторный, посвящается активному обсуждению изученных концепций, решению практических задач, выполнению лабораторных работ, дискуссиям и проектным заданиям под руководством преподавателя, который выступает в роли наставника и координатора. Такая структура позволяет перераспределить учебное время: освоение материала на уровне запоминания выносится на самостоятельную работу, а аудиторные часы используются для когнитивной деятельности более высокого уровня — анализа, синтеза, оценки и творческого применения знаний. Ключевым условием успешной реализации модели является наличие качественного видеоконтента, системы управления обучением, обеспечивающей обратную связь, и готовности студентов к активной самостоятельной работе [1].

Цифровые технологии и инструменты выступают важным ресурсом повышения эффективности образовательного процесса, однако их воздействие на обучение не является автоматическим и напрямую зависит от грамотной педагогической интеграции. Использование мультимедиа открывает перед обучающимися путь к более самостоятельному изучению предмета, а правильно организованная мультимедийная работа позволяет учителю активизировать процессы присвоения знаний. При этом ключевым условием успешной цифровизации выступает владение технологической культурой как со стороны педагога, так и со стороны ученика. Важно понимать, что цифровые инструменты не замыкаются сами на себе: они не будут полезны исключительно благодаря самому факту их применения. Именно то, как учителя берут на себя ответственность и включают технологии в интересный образовательный проект, повышает эффективность цифрового инструмента и открывает новые возможности в методике обучения. Кроме того, цифровые технологии позволяют адаптировать преподавание к разнообразным потребностям учащихся, в том числе с ограниченными возможностями здоровья, предоставляя им доступ к специальным системам (синтез речи, виртуальные клавиатуры, адаптация символов), что способствует индивидуализации обучения и позволяет ученикам двигаться в собственном темпе [5].

В теоретическом плане эффективность модели «перевернутый класс» оценивается через призму формирования у студентов ряда ключевых компетенций, соответствующих требованиям цифровой экономики. К числу таких компетенций относятся способность к коммуникации и кооперации в цифровой среде, креативное мышление, критическое мышление, а также саморазвитие в условиях неопределенности и управление информацией и данными. Исследователи отмечают, что «перевернутый класс» обеспечивает более высокую эффективность процесса обучения за счет рационального распределения аудиторного времени: большая часть занятия посвящается проверке понимания,

анализу и обсуждению учебного материала с преподавателем, что позволяет ликвидировать пробелы в знаниях. Кроме того, критериями эффективности выступают повышение мотивации и удовлетворенности студентов от изучения дисциплины, а также изменение роли преподавателя, который выступает в роли «помощника», «наставника» и «проводника», делегируя обучающимся часть своих полномочий и создавая ситуацию успеха. Важным показателем также является способность студентов переходить от пассивной позиции получателей информации к активной позиции субъектов образовательного процесса [7].

Ключевой проблемой современного образования выступает противоречие между декларируемой в федеральных государственных образовательных стандартах целью формирования субъекта учебной деятельности — учащегося, проявляющего активность, инициативность и самостоятельность в познании, — и реальной образовательной практикой, в которой ученик нередко сохраняет пассивную позицию объекта педагогического воздействия. Как показывают результаты эмпирических исследований, у младших школьников субъектная позиция действительно оказывается достаточно выраженной, однако одновременно наблюдается устойчивая тенденция к снижению всех типов учебной мотивации от третьего к четвертому классу, включая внутреннюю познавательную мотивацию и мотивацию саморазвития. Причина данного феномена может быть связана с доминированием традиционной образовательной парадигмы, в рамках которой ученик занимает позицию «обучаемого», а не «учащегося», что не позволяет сформировать подлинную учебно-познавательную мотивацию [6].

Реализация модели сопряжена с рядом существенных рисков и ограничений. Прежде всего, возникает проблема цифрового неравенства: не все учащиеся имеют доступ к компьютеру или стабильному Интернету, что делает невозможным самостоятельное освоение видеоматериалов. Кроме того, успех обучения напрямую зависит от добросовестности студентов при подготовке к занятию; если они не изучают материал дома, аудиторная работа теряет эффективность. Со стороны преподавателей требуются серьезные временные затраты на создание качественного видеоконтента и освоение новых цифровых компетенций. Студенты же нередко жалуются на потерю привычных очных лекций и не сразу осознают ценность практической аудиторной работы. Наиболее оправданным методом внедрения модели признается постепенное изменение курса вместо полного инвертирования [9].

Модель «перевернутого класса» демонстрирует высокую эффективность при изучении широкого спектра дисциплин, включая программирование, бухгалтерский учет, естественные науки (физика, химия), технические специальности, фармацию и медицину. Особенно успешно она применяется в областях, требующих отработки практических навыков. Однако эффективность напрямую зависит от добросовестной подготовки студентов: если они не просматривают видеолекции дома, аудиторная работа теряет смысл. Модель может оказаться малоэффективной для студентов, привыкших к пассивной роли слушателей. Критики также указывают на невозможность оперативно задать вопросы лектору, но защитники парируют, что эту потребность компенсируют многократный просмотр сложных фрагментов и обсуждение с однокурсниками [10].

Для успешного применения метода «перевернутого класса» необходимо соблюдение ряда условий и методических рекомендаций. Прежде всего, студентам следует предоставлять теоретический материал до занятия в нескольких форматах (текстовый документ, презентация с аудиокомментариями, видеоурок), чтобы они могли выбрать наиболее подходящий с учетом индивидуальных особенностей восприятия информации. На аудиторном же занятии (вебинаре) преподавателю стоит отводить время исключительно на разбор самых сложных практических заданий, инициировать обсуждение неоднозначных вопросов и формировать навыки выполнения заданий высокого уровня сложности, а не пересказывать теорию. Важно обеспечить обучающимся возможность обратной связи и повторного просмотра пропущенных занятий в записи. Кроме того, целесообразно использовать дополнительные привычные для молодежи цифровые каналы коммуникации (например, социальные сети) для публикации краткого теоретического материала в интерактивной форме, выполнения тестовых заданий и неформального общения, что способствует превращению обучения в непрерывный процесс и повышает мотивацию студентов [3].

Заключение. Модель «перевернутого класса» представляет собой трансформацию образовательной парадигмы, требующую пересмотра ролей преподавателя и обучающегося. Эффективность модели подтверждена ее применением в различных дисциплинах, где ключевым фактором является отработка практических навыков в аудиторное время. Реализация модели сопряжена с ограничениями: цифровое неравенство, высокие временные затраты преподавателей на создание видеоконтента, зависимость

результата от самоорганизации студентов. Критики указывают на потерю очных лекций, однако преимущества индивидуализации темпа и повышения вовлеченности студентов делают модель востребованной. Устойчивая эффективность достигается при соблюдении условий: предоставление материала в нескольких форматах, организация обратной связи, использование цифровых каналов коммуникации и постепенное инвертирование курса. «Перевернутый класс» рассматривается как методически обоснованная альтернатива традиционным формам обучения.

Список литературы:

[1] Воронина М. В. «Перевернутый» класс — инновационная модель обучения // Открытое образование. — 2018. — № 5. — С. 40–51.

[2] Гнутова И. И. От «перевернутого класса» к «перевернутому обучению»: эволюция концепции и ее философские основания // Высшее образование в России. — 2020. — Т. 29, № 3. — С. 86–95.

[3] Золотарева С. А. Метод «перевернутого класса»: история и опыт применения // МНКО. — 2022. — № 2 (93). — С. 29–32.

[4] Исследование проблем и тенденций развития высшего образования в современной России: сборник научных трудов. — Вып. 5 / авт.-сост. Г. А. Бордовский, Н. Д. Подуфалов, А. Д. Шматко. — СПб.: Изд-во БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, 2025. — 271 с. — С. 115-116.

[5] Колобова Л. В., Ксенофонтова А. Н., Мороз В. В. О цифровизации в образовательном процессе // Вестник ОГУ. — 2024. — № 4 (244). — С. 44–51.

[6] Конокотин А. В. Особенности субъектной позиции и мотивации учебной деятельности учащихся младшего школьного возраста / А. В. Конокотин, А. В. Лобанова, Н. П. Радчикова, С. П. Санина // Психолого-педагогические исследования. — 2026. — Т. 18, № 1. — С. 3–19.

[7] Эффективность модели «перевернутый класс» при формировании ключевых компетенций у студентов / Н. Х. Савельева [и др.] // Гуманитарные науки. — 2024. — № 4 (68). — С. 61–65.

[8] Скибина Я. В. Проблема индивидуализации обучения: история и современность // НАУ. — 2015. — № 9-1 (14). — С. 51–53.

[9] Урусова Л. Х. Перевернутое обучение: преимущества и недостатки // Право и управление. — 2023. — № 11. — С. 195–198.

[10] Цепов А. Л. «Перевернутый» класс // Смоленский медицинский альманах. — 2019. — № 3. — С. 175–184.

References:

[1] Voronina M.V. “Inverted” class - an innovative learning model//Open education. — 2018. — № 5. - S. 40-51.

[2] Gnutova I. I. From “inverted class” to “inverted learning”: the evolution of the concept and its philosophical foundations//Higher education in Russia. — 2020. - T. 29, NO. 3. - S. 86-95.

[3] S. A. Zolotareva. The “inverted class” method: history and experience of application// MNCO. — 2022. — № 2 (93). - S. 29-32.

[4] Study of problems and trends in the development of higher education in modern Russia: a collection of scientific works. - Issue 5/auto-station G. A. Bordovsky, N. D. Podufalov, A. D. Shmatko. - St. Petersburg: Publishing House of BSTU “VOENMEKH” named after D.F. Ustinov, 2025. - 271 p. - S. 115-116.

[5] Kolobova L.V., Ksenofontova A.N., Moroz V.V. On digitalization in the educational process// Bulletin of OSU. — 2024. — № 4 (244). - S. 44-51.

[6] Konokotin A.V. Features of the subject position and motivation of educational activities of primary school students/A.V. Konokotin, A.V. Lobanova, N.P. Radchikova, S.P. Sanina// Psychological and pedagogical research. — 2026. - T. 18, NO. 1. - S. 3-19.

[7] Effectiveness of the “inverted class” model in the formation of key competencies among students/N. Kh. Savelyev [et al.]//Humanities. — 2024. — № 4 (68). - S. 61-65.

[8] Skibina Y. V. The problem of individualization of training: history and modernity// NAU. — 2015. — № 9-1 (14). - S. 51-53.

[9] Urusova L. Kh. Inverted learning: advantages and disadvantages//Law and management. — 2023. — № 11. - S. 195-198.

[10] A. L. Tsepov “Inverted” class//Smolensky medical almanac. — 2019. — № 3. - S. 175-184.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-581-587

ГАЛУШИНА Полина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: sid-polina@yandex.ru

ЛОРЕТЦ Ольга Геннадьевна,

д.б.н., профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: olga-loretts@yandex.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,

к.б.н., доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: opneverova@mail.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович,

к.с.-х.н., доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: alexeystepanow@mail.ru

ШАРАВЬЕВ Павел Викторович,

к.с.-х.н., доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: spv2388@mail.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: barykina_10@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ ВОВЛЕЧЁННОСТИ СТУДЕНТОВ В ОБУЧЕНИЕ

Аннотация. *В статье анализируются педагогические подходы к повышению вовлечённости студентов в условиях цифровизации образования. Обосновывается необходимость отказа от традиционных лекционных методов в пользу инновационных методик: проблемно ориентированного и проектного обучения, геймификации, модели «перевёрнутого класса», персонализации и наставничества. Рассматривается роль поддерживающей образовательной среды (психологическая безопасность, обратная связь, инклюзивность) и цифровых технологий (VR/AR, интерактивные платформы). Описываются инструменты измерения вовлечённости и основные препятствия внедрения инноваций (сопротивление преподавателей, ограниченные ресурсы и др.). В заключение обозначаются перспективные тренды: использование ИИ, гибридные форматы обучения и акцент на развитии soft skills. Подчёркивается необходимость комплексного подхода для повышения вовлечённости.*

Ключевые слова: *вовлечённость студентов, педагогические подходы, проблемно ориентированное обучение, геймификация, персонализация обучения, наставничество, поддерживающая образовательная среда, гибридное обучение.*

GALUSHINA Polina Sergeevna,

Senior Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

LORETZ Olga Gennadievna,

Doctor of Biological Sciences, Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

NEVEROVA Olga Petrovna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

STEPANOV Alexey Vladimirovich,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

SHARAVIEV Pavel Viktorovich,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,

Lecturer at the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

PEDAGOGICAL APPROACHES TO INCREASING STUDENT ENGAGEMENT IN LEARNING

Annotation. *The article analyses pedagogical approaches to enhancing student engagement amidst digitalisation. It justifies shifting from traditional lectures to innovative methods: problem based and project based learning, gamification, flipped classroom, personalisation, and mentoring. The role of a supportive learning environment (psychological safety, feedback, inclusivity) and digital tools (VR/AR, interactive platforms) is examined. Tools for measuring engagement and key barriers to innovation adoption (teacher resistance, limited resources, etc.) are outlined. Emerging trends — AI use, hybrid learning, and soft skills development — are highlighted. A comprehensive approach is emphasised as essential for boosting student engagement.*

Key words: *student engagement, pedagogical approaches, problem based learning, gamification, personalised learning, mentoring, supportive learning environment, hybrid learning*.

Современное образование сталкивается с серьёзным вызовом: снижением вовлечённости обучающихся в образовательный процесс. В условиях цифровизации, обилия информационных стимулов и трансформации социальных приоритетов традиционные методы преподавания зачастую не обеспечивают необходимого уровня мотивации студентов. Это актуализирует поиск и внедрение новых педагогических подходов, способных повысить вовлечённость и сделать обучение более продуктивным [3,8].

Вовлечённость студентов в обучение - многомерный феномен, включающий когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Когнитивная вовлечённость отражает степень интеллектуальных усилий, прилагаемых студентом для освоения материала. Эмоциональная вовлечённость связана с позитивным отношением к учебному процессу, интересом к предмету и ощущением принадлежности к академическому сообществу. Поведенческая вовлечённость проявляется в активности на занятиях, своевременном выполнении заданий и участии во внеучебной деятельности [1,6].

Традиционная лекционная модель обучения, доминировавшая в вузах на протяжении десятилетий, всё чаще подвергается критике за пассивность, которую она культивирует у студентов. Слушатель в такой системе выступает преимущественно в роли реципиента информации, что снижает его мотивацию и не способствует развитию критического мышления. В связи с этим педагогическая наука активно разрабатывает и апробирует альтернативные подходы, ориентированные на активизацию учебной деятельности [3,4].

Одним из наиболее перспективных направлений является проблемно ориентированное обучение (Problem Based Learning, PBL). Его суть заключается в том, что студенты осваивают материал через решение реальных или смоделированных профессиональных задач. Преподаватель в этой модели выполняет роль фасилитатора, направляющего поиск решений, а не транслирующего готовые знания. Исследования показывают, что PBL способствует развитию аналитических навыков, учит работать в команде и повышает личную ответственность за результат. Например, в медицинских вузах использование кейсов из клинической практики позволяет студентам не только усваивать теорию, но и сразу применять её в контексте будущей профессии, что усиливает мотивацию [4].

Близким по духу является проектное

обучение (Project Based Learning), при котором студенты работают над долгосрочными проектами, требующими интеграции знаний из разных дисциплин. Такой подход особенно эффективен в технических и инженерных специальностях, где итоговый продукт (прототип устройства, программное обеспечение, архитектурное решение) становится наглядным результатом учебной деятельности. Проектное обучение развивает навыки планирования, тайм менеджмента и презентации результатов, а также создаёт условия для междисциплинарного взаимодействия [3,4,9].

Значительный потенциал для повышения вовлечённости имеет геймификация - внедрение игровых элементов в образовательный процесс. Баллы, уровни, достижения, рейтинги и квесты превращают рутинное освоение материала в увлекательное состязание. При грамотном использовании геймификация не только стимулирует соревновательность, но и формирует культуру непрерывного прогресса: студенты видят свой рост в наглядной форме, что подкрепляет их усилия [10]. Важно отметить, что эффективность геймификации зависит от её органичного встраивания в учебный план: игровые механики должны служить инструментом достижения образовательных целей, а не заменять их.

Перевёрнутый класс (Flipped Classroom) - ещё одна инновационная модель, меняющая традиционную последовательность обучения. Студенты самостоятельно изучают теоретический материал (через видеолекции, статьи, интерактивные модули) до занятия, а на семинарах фокусируются на практическом применении знаний: разборе кейсов, дискуссиях, экспериментах. Такой подход позволяет использовать аудиторное время для глубокой проработки сложных тем и индивидуальной работы с преподавателем. Исследования фиксируют, что перевёрнутый класс повышает успеваемость и улучшает понимание предмета, поскольку студенты приходят на занятие подготовленными и готовыми к активному взаимодействию [3,9].

Особое внимание в современной педагогике уделяется персонализации обучения. Адаптивные образовательные платформы, использующие алгоритмы машинного обучения, позволяют выстраивать индивидуальные траектории освоения материала с учётом темпа, стиля обучения и пробелов в знаниях конкретного студента. Например, если система выявляет, что обучающийся испытывает трудности с определённой темой, она предлагает дополнительные упражнения или альтернативные объяснения. Персонализация снижает фрустрацию от слишком сложного или, наоборот, излишне упрощённого контента, что напрямую влияет на вовлечённость.

Создание поддерживающей образовательной среды. Создание поддерживающей образовательной среды - фундаментальное условие для роста вовлечённости [6,8,10]. Такая среда характеризуется следующими ключевыми параметрами:

Психологическая безопасность. Студенты должны чувствовать, что могут выражать своё мнение, задавать вопросы и даже ошибаться без страха осуждения или насмешек. Преподаватель, демонстрирующий терпимость к ошибкам как части учебного процесса, формирует атмосферу доверия. Например, фразы типа «Хороший вопрос, он помогает прояснить тему» или «Давайте разберём, почему этот подход не сработал» снижают тревожность и стимулируют активность.

Эмпатия и уважение. Преподаватель, проявляющий искренний интерес к успехам и трудностям студентов, создаёт эмоциональную связь. Это может выражаться в индивидуальных беседах, внимании к личным обстоятельствам или готовности скорректировать сроки сдачи работы в исключительных случаях.

Прозрачность ожиданий. Чёткие критерии оценивания, заранее озвученные цели занятий и понятные инструкции к заданиям уменьшают неопределённость и позволяют студентам сосредоточиться на содержании, а не на угадывании требований.

Обратная связь. Регулярные комментарии к работам, устные замечания на семинарах и рефлексивные сессии («что получилось? что вызвало сложности?») помогают студентам осознавать прогресс и корректировать стратегию обучения. Особенно эффективна обратная связь, фокусирующаяся не только на ошибках, но и на сильных сторонах: «Вы отлично проанализировали данные, теперь давайте подумаем, как усилить аргументацию».

Инклюзивность. Поддержка студентов с особыми образовательными потребностями (например, адаптация материалов для слабовидящих или предоставление дополнительных ресурсов для тех, кто изучает язык как иностранный) демонстрирует, что среда учитывает разнообразие аудитории.

Социальное взаимодействие. Организация групповых проектов, дискуссионных клубов или неформальных встреч укрепляет связи внутри группы, создавая чувство принадлежности к сообществу.

Физическая среда. Эргономичная мебель, естественное освещение, зоны для групповой

работы и интерактивные доски не только снижают утомляемость, но и стимулируют гибкость форматов занятий. Например, расстановка столов кругом вместо традиционной схемы «преподаватель - аудитория» подсознательно подчёркивает равенство участников диалога.

Исследования подтверждают, что в поддерживающей среде студенты чаще проявляют инициативу, задают вопросы и готовы браться за сложные задачи. Это напрямую коррелирует с ростом когнитивной и эмоциональной вовлечённости.

Наставничество в вузах как инструмент вовлечённости. Наставничество (mentoring) - система индивидуального сопровождения студента более опытным участником образовательного процесса (преподавателем, аспирантом или старшекурсником). В отличие от формального преподавания, оно фокусируется на долгосрочном развитии, карьерном ориентировании и адаптации к академической культуре [4].

Преимущества наставничества проявляются в нескольких ключевых аспектах. Прежде всего, оно способствует снижению отсева: первокурсники, имеющие наставников, реже бросают учёбу, поскольку быстрее адаптируются к требованиям вуза. Кроме того, благодаря наставничеству наблюдается рост академической успеваемости - персональные рекомендации по изучению сложных тем и управлению временем помогают студентам улучшать учебные результаты.Не менее значимо и развитие так называемых «мягких навыков»: наставник обучает студентов презентовать идеи, вести переговоры и эффективно работать в команде - то есть формирует компетенции, которые высоко ценятся на современном рынке труда. Параллельно укрепляется связь студентов с вузом: ощущая поддержку со стороны наставника, обучающиеся активнее включаются в университетскую жизнь - участвуют в работе научных кружков, занимаются волонтёрством и принимают участие в других внеучебных мероприятиях. Наконец, наставничество играет важную роль в ранней профориентации: благодаря знакомству с профессиональными стандартами и актуальными отраслевыми трендами студенты получают возможность сделать более осознанный выбор будущей карьеры, лучше понимая специфику своей специальности и перспективы развития в выбранной сфере [11].

Цифровые технологии расширяют арсенал педагогических инструментов. Виртуальная и дополненная реальность (VR/AR) позволяют моделировать лабораторные эксперименты, исторические события или архитектурные объекты, делая абстрактные концепции наглядными. Интерактивные онлайн платформы (например, Moodle, Google Classroom) обеспечивают асинхронное взаимодействие, групповую работу над документами и мгновенную проверку заданий. Однако внедрение технологий требует осторожности: чрезмерное увлечение цифровыми инструментами может привести к информационной перегрузке и снижению концентрации. Оптимальным решением является смешанное обучение (Blended Learning), сочетающее очные занятия с онлайн компонентами. Коллективное обучение, основанное на принципах сотрудничества, также способствует росту вовлечённости. Методы, такие как взаимное рецензирование работ, групповые проекты и дискуссии в малых группах, развивают коммуникативные навыки и учат учитывать разные точки зрения. Особенно эффективны подходы, предполагающие взаимное обучение (Peer Teaching), когда студенты объясняют материал друг другу. Это не только углубляет понимание темы, но и укрепляет социальные связи внутри группы, создавая чувство общности [3,9,10].

Важным аспектом является связь учебного материала с реальной жизнью. Студенты проявляют больше интереса к дисциплинам, если видят их прикладное значение. Например, курс по экономике становится увлекательнее, если анализировать актуальные кейсы компаний, а изучение иностранного языка - если использовать аутентичные тексты из профессиональной сферы. Преподаватели могут усиливать эту связь через приглашение экспертов практиков, организацию стажировок или включение в программу заданий, имитирующих рабочие задачи [2].

Оценка и система мотивации также влияют на вовлечённость. Традиционные экзамены, фокусирующиеся на запоминании фактов, уступают место форматам, проверяющим компетенции: портфолио, презентации, защита проектов. Критериальное оценивание, при котором студенты заранее знают параметры успеха, снижает тревожность и направляет усилия на развитие навыков. Кроме того, важно поощрять не только результат, но и процесс: старание, креативность, готовность экспериментировать.

Наконец, нельзя игнорировать роль физической среды. Пространственная организация аудитории - мобильные столы, зоны для групповой работы, интерактивные доски - может стимулировать взаимодействие и гибкость форматов занятий. Эргономичная мебель и естественное освещение снижают утомляемость, позволяя дольше сохранять концентрацию [2].

Инструменты измерения вовлечённости.

Для эффективной реализации педагогических подходов необходимо регулярно оценивать уровень вовлечённости студентов. Современные методики включают: Анкетирование: стандартизированные опросники позволяют количественно оценить поведенческую, эмоциональную и когнитивную вовлечённость по пятибалльной шкале. Наблюдение: фиксация активности студентов на занятиях: частота вопросов, участие в дискуссиях, инициативность при выполнении заданий. Анализ академических показателей: динамика успеваемости, своевременность сдачи работ, посещаемость служат косвенными индикаторами вовлечённости. Цифровые следы: платформы электронного обучения фиксируют время, проведённое в системе, частоту обращений к материалам, активность в форумах - эти данные помогают выявить паттерны поведения. Индивидуальные беседы: глубинные интервью позволяют понять субъективные переживания студентов, их отношение к учебному процессу и возможные барьеры [6]. Регулярный мониторинг помогает своевременно корректировать педагогические стратегии.

Препятствия и пути их преодоления. Несмотря на доказанную эффективность инновационных подходов, их внедрение сталкивается с рядом проблем:

Сопротивление преподавателей. Консервативные педагоги могут скептически относиться к новым методикам, предпочитая традиционные лекции. Решение - организация обучающих семинаров, демонстрация успешных кейсов и постепенное внедрение изменений [5].

Ограниченные ресурсы. Не все вузы располагают достаточными средствами для закупки VR оборудования или лицензирования адаптивных платформ. Приоритет следует отдавать малозатратным методам: перевёрнутому классу, наставничеству, проектному обучению.

Информационная перегрузка. Избыток цифровых инструментов может демотивировать студентов. Важно соблюдать баланс: сочетать онлайн и офлайн активности, давать чёткие инструкции по работе с платформами.

Формализм в реализации. Наставничество или геймификация, внедрённые «для галочки», не дают эффекта. Необходимо прописывать чёткие цели, критерии оценки и механизмы поддержки кураторов [5].

Разный уровень подготовки. В одной группе могут быть как мотивированные, так и демотивированные обучающиеся. Персонализация и дифференцированные задания помогают нивелировать этот разрыв [5].

Перспективы развития. В ближайшие годы ключевые тренды в повышении вовлечённости будут связаны с рядом значимых направлений. Прежде всего, важную роль начнёт играть искусственный интеллект: алгоритмы смогут анализировать цифровые следы обучающихся и на этой основе прогнозировать риски отсева, а также предлагать персонализированные рекомендации для каждого студента.

Не менее существенным станет распространение гибридных форматов обучения. Сочетание традиционных очных занятий с возможностями виртуальных лабораторий (VR) и онлайн менторством позволит существенно расширить доступ к качественному образованию, сделав его более гибким и адаптированным к потребностям разных категорий обучающихся.

Ещё одним значимым вектором развития станет усиленный акцент на развитии soft skills. В учебные программы всё активнее будут интегрироваться задачи, нацеленные на формирование критического мышления, креативности и эмоционального интеллекта - компетенций, которые сегодня особенно востребованы как в профессиональной сфере, так и в повседневной жизни.

Кроме того, наметится переход к модели устойчивого вовлечения. Фокус сместится с краткосрочной мотивации на выстраивание долгосрочных образовательных стратегий: студенты будут ориентироваться не только на освоение текущей программы, но и на непрерывное обучение после выпуска, что позволит им оставаться конкурентоспособными в быстро меняющемся мире.

Таким образом, повышение вовлечённости студентов требует комплексного подхода, сочетающего инновационные методики, цифровые инструменты и гуманистические принципы педагогики. Успешность такого подхода будет определяться несколькими ключевыми факторами. Во первых, необходимо сместить акцент с простой трансляции знаний на их самостоятельное конструирование обучающимися - это стимулирует познавательную активность и развивает навыки самообразования. Во вторых, важно опираться на практическую значимость изучаемого материала и междисциплинарные связи, чтобы студенты видели реальную ценность получаемых знаний.

В третьих, принципиально значимо создание психологически комфортной образовательной среды, в которой каждый студент чувствует поддержку и может свободно проявлять инициативу. В четвёртых, технологии следует использовать как вспомогательный инструмент обучения, а не как его самоцель - это поможет избежать информационной перегрузки и сохранить фокус на образовательных результатах.

В пятых, необходимы индивидуализация и гибкость образовательных траекторий: учёт личных особенностей, темпа обучения и профессиональных интересов позволяет повысить мотивацию и эффективность освоения материала. Наконец, важнейшим условием успеха выступает системное наставничество и всесторонняя поддержка обучающихся на всех этапах их образовательного пути - от адаптации первокурсников до подготовки выпускников к профессиональной деятельности.

Реализация этих принципов требует от преподавателей не только владения методическим арсеналом, но и готовности к постоянному профессиональному развитию. В свою очередь, вузы должны обеспечивать условия для внедрения инноваций: повышать квалификацию педагогов, модернизировать инфраструктуру и поддерживать исследовательские инициативы в области педагогики. Только так можно сформировать образовательную экосистему, в которой вовлечённость станет естественным состоянием студента, а обучение - осмысленным и продуктивным процессом.

Список литературы:

[1] Анисимова, О. А. Психологические ресурсы и информационно- технологические средства учителя по вовлечению учащихся в учебный процесс / О. А. Анисимова, Г. В. Митин // Вестник практической психологии образования. – 2024. – Т. 21, № 2-1. – С. 69-77. – DOI 10.17759/bppe.2024210209. – EDN IFLCAG.

[2] Архаров, Е. В. О некоторых теоретических аспектах прикладной направленности обучения высшей математике студентов / Е. В. Архаров, Л. Ю. Катаева // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 6. – С. 78. – DOI 10.17513/spno.29433. – EDN WVESKI.

[3] Багаутдинова, А. Ш. Инновационные образовательные технологии в высшем образовании / А. Ш. Багаутдинова, И. В. Клещева // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2014. – № 1. – С. 10. – EDN THCGVJ.

[4] Веремчук, А. С. О мотивации студентов как необходимом условии повышения качества обучения / А. С. Веремчук // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2020. – № 2. – С. 34-38. – EDN AJYYFF.

[5] Галуцкая, М. Ю. Особенности внедрения педагогических инноваций в образовании / М. Ю. Галуцкая, Т. Ю. Чехлыстова, Н. А. Телепнева // Современные научные исследования и инновации. – 2021. – № 10(126). – EDN ODLCMF.

[6] Елькина, И. Ю. Факторы вовлеченности студентов в учебный процесс в условиях дистанционного обучения / И. Ю. Елькина // Образовательные ресурсы и технологии. – 2022. – № 1(38). – С. 7-13. – DOI 10.21777/2500-2112-2022-1-7-13. – EDN OADHQW.

[7] Институт наставничества в высших учебных заведениях / П. С. Галушина, О. П. Неверова, Е. В. Ражина [и др.] // Российский научный вестник. – 2025. – № 4. – С. 308-312. – DOI 10.24412/2782-3830-2025-4-308-312. – EDN ZKUFRE.

[8] Мельничук, М. В. Вовлеченность студентов как фактор повышения эффективности образовательного процесса / М. В. Мельничук, М. А. Белогаш // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13, № S1. – С. 93-99. – DOI 10.26794/2226-7867-2023-13-c-93-99. – EDN WCPOOG.

[9] Оринчук, В. А. Практика применения инновационных образовательных технологий в высшей школе / В. А. Оринчук, В. Е. Туватова // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2014. – № 4(16). – С. 137-140. – EDN TFTJFH.

[10] Повысить мотивацию студентов к обучению: 18 приёмов [Электронный ресурс] // Лань : электронно библиотечная система. - URL: https://lala.lanbook.com/povysit-motivaciyu-studentov-k-obucheniyu-18-priemov (дата обращения: 04.05.2026).

[11] Табуева, И. Н. Эффективность наставничества как инструмента адаптации студентов в техническом вузе / И. Н. Табуева, Д. С. Ганигина // Мир педагогики и психологии. – 2025. – № 4(105). – С. 223-229. – EDN FGAIBD.

References:

[1] Anisimova, O. A. Psychological resources and information and technological means of the teacher to involve students in the educational process/O. A. Anisimova, G. V. Mitin//Bulletin of Practical Psychology of Education. – 2024. - T. 21, NO. 2-1. - S. 69-77. – DOI 10.17759/bppe.2024210209. – EDN IFLCAG.

[2] Arkharov, E. V. On some theoretical aspects of the applied direction of teaching higher mathematics to students/E. V. Arkharov, L. Yu. Kataev//Modern problems of science and education. – 2019. – № 6. - S. 78. – DOI 10.17513/spno.29433. – EDN WVESKI.

[3] Bagautdinova, A. Sh. Innovative educational technologies in higher education/A. Sh. Bagautdinova, I. V. Kleshcheva//Scientific Journal of NRU ITMO. Series: Economics and Environmental Management. – 2014. – № 1. - S. 10. – EDN THCGVJ.

[4] Veremchuk, A.S. On student motivation as a necessary condition for improving the quality of education/A.S. Veremchuk//Scientific Review. Pedagogical sciences. – 2020. – № 2. - S. 34-38. –

EDN AJYYFF.

[5] Galutskaya, M. Yu. Features of the introduction of pedagogical innovations in education/M. Yu. Galutskaya, T. Yu. Chekhlystova, N. A. Telepneva//Modern scientific research and innovation. – 2021. – № 10(126). – EDN ODLCMF.

[6] Yelkina, I. Yu. Factors of student involvement in the educational process in the conditions of distance learning/I. Yu. Yelkin// Educational resources and technologies. – 2022. – № 1(38). - S. 7-13. – DOI 10.21777/2500-2112-2022-1-7-13. – EDN OADHQW.

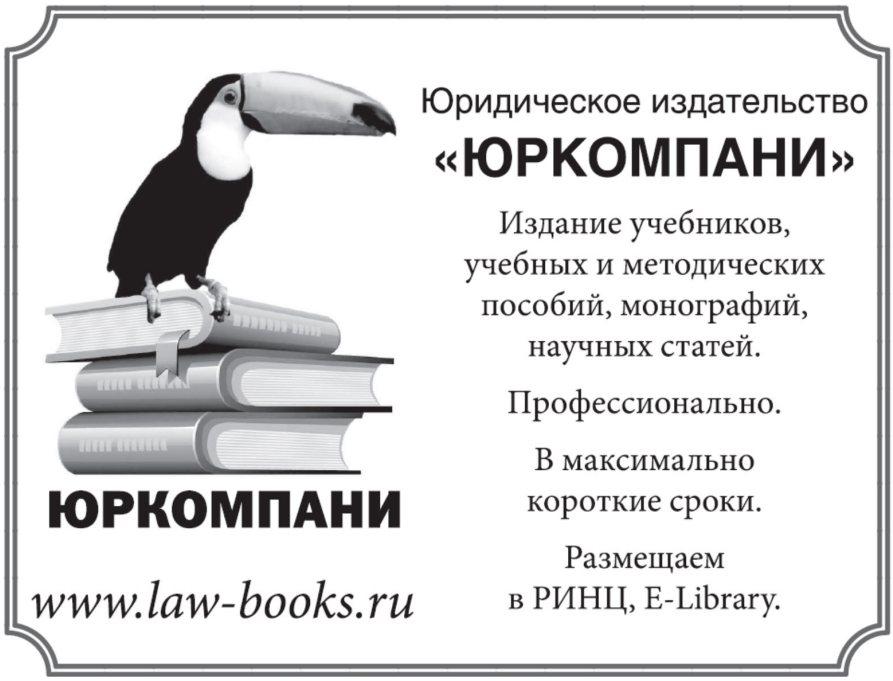
[7] Institute of mentoring in higher educational institutions/P. S. Galushina, O. P. Neverova, E. V. Razhina [et al.]//Russian Scientific Bulletin. – 2025. – № 4. - S. 308-312. – DOI 10.24412/2782-3830-2025-4-308-312. – EDN ZKUFRE.

[8] Melnichuk, M.V. Student involvement as a factor in improving the effectiveness of the educational process/M.V. Melnichuk, M.A. Belogash//Humanities. Bulletin of the University of Finance. – 2023. - VOL. 13, NO. S1. - S. 93-99. – DOI 10.26794/2226-7867-2023-13-c-93-99. – EDN WCPOOG.

[9] Orinchuk, V. A. Practice of applying innovative educational technologies in higher education/V. A. Orinchuk, V. E. Tuvatova//Vocational education in Russia and abroad. – 2014. – № 4(16). - S. 137-140. – EDN TFTJFH.

[10] Increase student motivation to study: 18 techniques [Electronic resource]//Doe: electronic library system. - URL: https://lala.lanbook.com/povysit-motivaciyu-studentov-k-obucheniyu-18-priemov (дата обращения: 04.05.2026).

[11] Tabueva, I. N. The effectiveness of mentoring as a tool for adapting students at a technical university/I. N. Tabueva, D. S. Ganigina// World of pedagogy and psychology. – 2025. – № 4(105). - S. 223-229. – EDN FGAIBD.



Дата поступления рукописи в редакции: 28.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-588-592

АСТРАХАНЦЕВА Арина Сергеевна,

к.э.н., доцент, Иркутский государственный университет путей сообщения (ИрГУПС), ORCID ID 0000-0003-3307-4770,

e-mail: arinasemail@yandex.ru

ДЕФИЦИТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КАК ФАКТОР СДЕРЖИВАНИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Проделанная работа направлена на исследование одной из наиболее актуальных проблем, связанных с логистикой и управлением цепями поставок – сформировавшимся отраслевым кадровым дефицитом. В процессе раскрытия предмета исследования последовательно рассматривается ряд актуальных макроэкономических факторов, оказывающих давление не только на мировую торговлю, но и на отечественную сферу обращения. Произведена попытка отразить связь между внешними и внутренними факторами, усиливающими негативные эффекты в современной глобальной логистике. Сформулирован ряд условий, оказывающих негативное воздействие на рынок труда, в части образовавшегося дефицита кадрового потенциала относительно вакансий, связанных с оптимизацией процесса движения материальных потоков. Сделан вывод о необходимости государственного участия в решении задач восполнения кадрового дефицита в сфере логистики и управления цепями поставок. Приведены направления, оказание содействия в которых позволило бы обеспечить решение текущих задач в кратчайшие сроки. В качестве основных методов исследования был использован факторный и сравнительный анализ, позволившие обеспечить должную репрезентативность выводов и рекомендаций. Работа может заинтересовать исследователей современной макроэкономической ситуации в целом, и процессов управления цепями поставок в частности.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, логистика, материальный поток, рынок труда, управление цепями поставок.*

ASTRAKHANTSEVA Arina Sergeevna,

Candidate of economic sciences, associate professor, Irkutsk State Transport University

HUMAN CAPITAL SHORTAGE AS A LOGISTICS DEVELOPMENT HOLDING BACK FACTOR

Annotation. *This study aims to address one of the most pressing issues related to logistics and supply chain management – the current industry-wide talent shortage. It consistently examines a number of relevant macroeconomic factors that exert pressure not only on global trade but also on domestic trade. It attempts to reflect the relationship between external and internal factors that exacerbate the negative effects in modern global logistics. A number of conditions identified that negatively impact the labor market, particularly in terms of the resulting talent shortage for positions related to optimizing material flow processes. It concludes that government involvement is essential in addressing the talent shortage in logistics and supply chain management. It also identifies areas where assistance could help address these challenges as quickly as possible. Factor and comparative analysis used as the primary research methods, ensuring the appropriate representativeness of the findings and recommendations. The work may be of interest to researchers of the modern macroeconomic situation in general, and supply chain management processes in particular.*

Key words: *human capital, logistics, material flow, labor market, supply chain management.*

На сегодняшний день мировая экономика переживает процесс трансформации, связанной, прежде всего, с изменением привычных цепей поставок. События, происходящие в Персидском заливе затронули практически все страны, в той или иной степени. Конфликт, который был весьма предсказуем по мнению множества отечественных экспертов, стал тем не менее, неожиданностью в части его последствий, для значительного количества лиц, принимающих решения о транспортировке грузов. Внимание специалистов традиционно фокусируется на

стоимости энергоносителей и сырьевых рынках, однако первым ударом стало аномально быстрое изменение стоимости фрахта судов, приведшее не только к росту стоимости перевозок, но и к состоянию полной неопределенности относительно физического прохождения грузов через Ормузский пролив. В результате падения трафика морского сообщения до исторического минимума, мировая торговля получила удар, последствия которого правомерно соотносить с тем, что переживали мировые рынки в начале пандемии, однако первопричина кризиса, безусловно, имеет совершенно другую основу. Стоимость страхования достигла своего экономического предела, и в результате, значительное количество судов были вынуждены изменить маршруты там, где это было возможно, преимущественно локализуясь в продолжительной африканской петле, которая увеличивает длительность транспортировки в среднем на две недели. Таким образом, рост цен на все виды транспортируемых ресурсов беспрестанно растет, что вызывает системный рост инфляции по всему миру, влияя в том числе и на логистический потенциал трансграничной торговли [1]. В настоящее время потребитель не ощущает резкого роста цен, поскольку инфляция сфокусирована преимущественно в производственном секторе, однако так называемая производственная инфляция, в конечном счете, приходит на потребительский рынок, что не может не отразиться на личной инфляции граждан в той или иной степени уже до конца текущего года. Отдельное место в данной проблеме отводится росту стоимости топлива, поскольку транспортная составляющая, прежде всего, связана с затратами на горюче-смазочные материалы. Рост стоимости топлива удваивает эффект кризисного воздействия чрезвычайно значительно, поскольку дефицит материальных ресурсов, вызванный задержками поставок, вкупе с ростом стоимости энергии, приводит к двойному эффекту роста себестоимости производства единицы продукции.

Говоря о ситуации на российских рынках необходимо отметить, что невзирая на значительную энергетическую защищенность отечественной экономики, а также эффект локализации, связанный с действующими санкциями, который, безусловно, положительно влияет на сдерживание негативного влияния обозначенных макроэкономических факторов, наша страна прочно встроена в матрицу мировой экономики, и полностью избежать последствий кризиса, безусловно, не удастся [2]. В краткосрочной перспективе с горизонтом планирования до конца текущего года представляется необходимым решение следующих задач:

борьба с ростом внутренней инфляции на фоне укрепления курса отечественной валюты;

оказание противодействия росту стоимости импорта непродовольственных товаров, таких как средства производства, автомобильные комплектующие, элементы электроники и полупроводники;

сдерживание роста стоимости продовольствия, в большей степени овощей и фруктов;

учет возможных сбоев поставок компонентов, необходимых для производства средств производства, а также строительства;

необходимость разработки мер специфической поддержки отечественного агрокомплекса в части содействия обеспечению льготным кредитованием, удобрениями, расходными материалами и др.

На фоне внешних угроз существуют и внутренние проблемы, требующие решения с целью снижения возможного негативного синергетического эффекта от последствий мирового кризиса. Говоря о логистической деятельности в России традиционно указывают на недостаточную развитость транспортной инфраструктуры, подвижного состава, объектов жизнеобеспечения потребительских рынков и др. [3,4]. Проблеме объективного дефицита человеческого капитала в сфере логистики и управления цепями поставок обычно упоминают крайне редко, однако недостаток линейного персонала является одной из наиболее актуальных проблем [5]. По данным Росстата общий кадровый дефицит по отрасли составляет от 2 до 4 млн. человек [6]. Основной причиной такого положения дел называют демографический кризис конца прошлого века. С другой стороны, в настоящее время стало очевидным, что в период с 2022 года отечественный рынок труда столкнулся со значимым оттоком квалифицированных кадров, следовательно, миграция экономически активного населения также является чрезвычайно значимым фактором [7].

Рассмотрим основные направления дефицита человеческого капитала в области логистики и управления цепями поставок в России в текущем году, представленные в таблице.

Таблица. Данные о дефиците человеческого капитала в области логистики 2025 г. [8]

Уровень	Ключевые должности	Доля вакансий
Базовый	Водители категорий С и Е, курьеры, комплектовщики, упаковщики	300 000 вакансий
Базовый	Кладовщики, упаковщики, погрузчики	>
Средний	Координаторы поставок, экспедиторы	Стабильный дефицит
Высокий	Аналитики данных по логистике и управлению цепями поставок, IT-аналитики, специалисты по цифровой логистике	Стабильный дефицит

Таким образом, в отечественной сфере обращения объективно присутствует дефицит квалифицированных кадров в области логистики и управления цепями поставок, где особенно остро ощущается нехватка линейного персонала [9]. В качестве дополнительных причин возникновения подобной тенденции можно выделить следующие факторы:

относительно малую популярность образования в этой области со стороны множества абитуриентов;

существенной рост доли рынка электронной коммерции в период с 2020 года, сформировавший относительно новый сегмент рынка труда в части современного развития IT-технологий;

усиление доли использования искусственного интеллекта, требующего специалистов способных объединять в себе квалификационные навыки в области управления цепями поставок и оперирования с помощью применения искусственного интеллекта;

рост доли нагрузки на складские и разгрузочно-погрузочные терминальные комплексы частных компаний (маркетплейсов);

значительная физическая нагрузка и специфика логистической деятельности в целом по отрасли и др.

В качестве подходов к решению сформулированной задачи видится использование системного подхода в части учета степени влияния решений на возможные результаты. Например, традиционным решением проблемы дефицита линейного персонала является аутсорсинг, когда провайдер услуг такого рода формирует базу сотрудников, способных закрывать растущую потребность в пиковые периоды востребованности, обычно организации такого рода успешно организуют дополнительное обучение персонала по требованию заказчика, а также способны нивелировать невыходы посредством своевременных замен. С целью оптимизации процессов такого рода также часто предлагается внедрение WMS, конвейеров и/или сортировочных систем, однако работа с ними вызывает необходимость организации упомянутых ранее курсов по обучению работе с оборудованием, а также вызывает спрос на недостающих на рынке труда специалистов в области информационных технологий в логистике.

С точки зрения привлечения линейного персонала в сферу логистики и управления цепями поставок единственно верным решением остается повышение заработной платы, стабильность условий работы, наличие гибкого графика и социального пакета [10, 11]. Все перечисленное, безусловно, увеличивает затраты на персонал и, как следствие, вызывает рост и без того существенно повышающихся логистических затрат.

Отдельного внимания заслуживает признание факта того, что современная логистика и управление цепями поставок превратилось в быстрорастущую и высокотехнологическую отрасль народного хозяйства [12]. Все больше востребованы специалисты смежных отраслей, например, аналитики больших данных и оптимизации процессов управления материальными потоками. Отечественная система образования на всех уровнях попросту не успевает за отраслевым развитием. Частично проблема может быть решена посредством организации непрерывного контроля и актуализации навыков через организацию корпоративных центров обучения персонала, однако это доступно как правило только крупным участникам рынка.

Дистанционные технологии обучения открывают перспективы для возможности получения дополнительной квалификации специалистами одной отрасли в смежной, однако данный процесс также требует значительных финансовых и временных затрат.

Институт наставничества является одним из наиболее распространенных и

проверенных временем инструментов решения задачи повышения квалификации сотрудников без отрыва от процесса, однако значительная текучесть кадров в области логистики и управления цепями поставок, связанная преимущественно с физической напряженностью труда, существенно снижает положительный эффект данного метода.

Еще одной значимой проблемой, существенно влияющей на текучесть кадров является понимание участниками рынка труда объективного кадрового дефицита. В погоне за лучшими условиями и большим гонораром многие сотрудники уходят в другие компании невзирая на нематериальные мотивационные факторы. Примечательно, что рост доходов специалистов по логистике составляет предел от 20 до 40%, однако это не влияет на решение поставленной задачи должным образом. Единственный инструмент, который способен в некотором роде изменить сложившуюся тенденцию – разработка гибкой системы премирования специалистов с обеспечением связи с KPI. Показатели такого рода чаще всего рассчитываются от объемов обработанных грузов, реализованной продукции, увеличения проходимости цепи поставок и др.

Ситуация сложившегося кризиса в области логистики и управления цепями поставок чрезвычайно сложна, поскольку одновременно присутствуют беспрецедентные внешние и достаточно сложные внутренние факторы, усиливающие друг друга, что особенно выражено на транспортном рынке [13].

Решение задачи дефицита человеческого капитала в отечественной сфере обращения является первостепенной задачей в противостоянии внешнему кризисному воздействию. Сложность ее решения заключается в том, что большая часть частных проблем в отрасли является прерогативой независимых компаний, которые в большей степени фокусируются на поиске путей сокращения затрат. Разработка мер по предотвращению дефицита человеческого капитала в области логистики и управления цепями поставок со стороны государства, могла бы существенно снизить тот спектр проблем, которые окажут беспрецедентное давление на потребительский рынок в ближайшем будущем.

Среди мер государственной поддержки рынка труда в секторе логистики и управления цепями поставок можно выделить следующие:

во-первых, организация мер по содействию занятости населения с привлечением людей непосредственно в сектор логистики и управления цепями поставок;

во-вторых, разработка мероприятий по изменению общественного мнения и повышению престижа профессий, связанных с логистикой и управлением цепями поставок;

в-третьих, экономическое стимулирование отечественного бизнеса в целом, рассмотрение вопроса о снижении налогового бремени посредством введения новых категорий налоговых льгот;

в-четвертых, развитие международного сотрудничества и привлечение квалифицированных кадров из-за рубежа.

Необходимо понимать, что логистика в целом, и логистический подход в частности, получили столь широкое распространение по причине их использования в качестве эффективного инструмента по оптимизации всех видов затрат, связанных с материальным потоком. Недостаток квалифицированного персонала в данной области на фоне ожесточающейся ситуации мирового кризиса способны привести к необратимым последствиям, которые неминуемо коснутся большинство граждан, именно поэтому государственное участие в решение данной задачи представляется единственно верным решением.

Список литературы:

[1] Кабанов, С. Е. Факторы развития логистического потенциала российско-китайской трансграничной торговли / С. Е. Кабанов // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2023. – Т. 14, № 4(61). – С. 40-48. – EDN BSVVWW.

[2] Каськова, С. Ю. Перспективы развития транспортно-логистического рынка России в условиях санкционного давления / С. Ю. Каськова // Экономика железных дорог. – 2025. – № 5. – С. 94-102. – EDN RHHZXY.

[3] Рейтинговые оценки инвестиционной привлекательности регионов Российской Федерации / И. Ю. Сольская, О. И. Русакова, Н. В. Яковлева, С. А. Головань // Вопросы новой экономики. – 2021. – № 4(60). – С. 79-88. – DOI 10.52170/1994-0556_2021_60_79. – EDN TYIIQY.

[4] Инфраструктурные аспекты управления социально-экономическими системами / И. Ю. Сольская, О. И. Русакова, А. С. Меркулов [и др.]. – Иркутск : Иркутский государственный университет путей сообщения, 2022. – 310 с. – ISBN 978-5-98710-386-9. – EDN DNQYLU.

[5] Литвиненко, А. Н. Современные тренды логистического процесса в условиях устойчивого развития / А. Н. Литвиненко, И. Д. Бекмурзаев, С. В. Лаптиев // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 1(162). – С. 1374-1377. – DOI 10.34925/EIP.2024.162.1.267. – EDN WVCJJD.

[6] Росстат. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 25.03.2026).

[7] Росбизнесконсалтинг. Официальный сайт. Тренд на релокацию: отток специалистов из России в цифрах. [Электронный ресурс]. – URL:https://trends.rbc.ru/trends/social/627281909a7947226d950a63 (дата обращения: 26.03.2026).

[8] Самозанятые.рф. Электронный журнал. Официальный сайт. Кадровый дефицит в логистике в России: причины и варианты решений. [Электронный ресурс]. –https://xn--80aapgyievp4gwb.xn--p1ai/blog/nekhvatka-kadrov-v-logistike (дата обращения: 10.04.2026).

[9] Галоян, Д. Индексы человеческого капитала и человеческого развития как инструменты измерения человеческого капитала / Д. Галоян, К. Едигарян // Вестник Армянского государственного экономического университета. – 2022. – № 3. – С. 9-28. – DOI 10.52174/1829-0280_2022.3-9. – EDN LRJESK.

[10] Носкова, К. А. Влияние индивидуального человеческого капитала на формирование регионального человеческого капитала / К. А. Носкова, С. В. Носкова // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2014. – № 11(38). – С. 119-124. – EDN TBHYHB.

[11] Бородавко, Л. С. Развитие страхования жизни в современных условиях / Л. С. Бородавко, О. А. Рябущенко // Финансовая экономика. – 2022. – № 11. – С. 94-98. – EDN ZSIGKC.

[12] Астраханцева, А. С. Актуальные проблемы развития «зеленой» логистики в России / А. С. Астраханцева, А. И. Кортикова // Молодая наука Сибири. – 2021. – № 1(11). – С. 634-641. – EDN MOOCXR.

[13] Арышева, А. Е. Влияние особенностей различных видов транспорта на формирование цифровой платформы транспортного комплекса страны / А. Е. Арышева, А. О. Безматерных, Е. В. Файзрахманова // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 3(140). – С. 378-380. – DOI 10.34925/EIP.2022.140.03.069. – EDN ACDREP.

References:

[1] Kabanov, S. E. Factors in the Development of the Logistics Potential of Russian-Chinese Cross-Border Trade / S. E. Kabanov // Scientific Works of the North-West Institute of Management, RANEPA. - 2023. - Vol. 14, No. 4 (61). - Pp. 40-48. - EDN BSVVWW.

[2] Kas'kova, S. Yu. Prospects for the Development of the Transport and Logistics Market in Russia under Sanctions Pressure / S. Yu. Kas'kova // Railway Economics. - 2025. - No. 5. - Pp. 94-102. - EDN RHHZXY.

[3] Rating Assessments of the Investment Attractiveness of Regions of the Russian Federation / I. Yu. Solskaya, O. I. Rusakova, N. V. Yakovleva, S. A. Golovan // Issues of the New Economy. – 2021. – No. 4(60). – P. 79-88. – DOI 10.52170/1994-0556_2021_60_79. – EDN TYIIQY.

[4] Infrastructure aspects of managing socio-economic systems / I. Yu. Solskaya, O. I. Rusakova, A. S. Merkulov [et al.]. – Irkutsk: Irkutsk State University of Transport, 2022. – 310 p. – ISBN 978-5-98710-386-9. – EDN DNQYLU.

[5] Litvinenko, A. N. Modern trends in the logistics process in the context of sustainable development / A. N. Litvinenko, I. D. Bekmurzaev, S. V. Laptiev // Economy and entrepreneurship. – 2024. – No. 1(162). – P. 1374-1377. – DOI 10.34925/EIP.2024.162.1.267. – EDN WVCJJD.

[6] Rosstat. Official website of the Federal State Statistics Service. [Electronic resource]. – URL: https://rosstat.gov.ru (accessed: 25.03.2026).

[7] Rosbusinessconsulting. Official website. Relocation trend: outflow of specialists from Russia in figures. [Electronic resource]. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/627281909a7947226d950a63 (accessed: 26.03.2026).

[8] Samozanyatye.rf. Electronic journal. Official website. Personnel shortage in logistics in Russia: causes and solutions. [Electronic resource]. – https://xn--80aapgyievp4gwb.xn--p1ai/blog/nekhvatka-kadrov-v-logistike (accessed: 10.04.2026).

[9] Galoyan, D. Human capital and human development indices as tools for measuring human capital / D. Galoyan, K. Edigaryan // Bulletin of the Armenian State University of Economics. – 2022. – No. 3. – pp. 9-28. – DOI 10.52174/1829-0280_2022.3-9. – EDN LRJESK.

[10] Noskova, K. A. The Impact of Individual Human Capital on the Formation of Regional Human Capital / K. A. Noskova, S. V. Noskova // Economy and Management of Innovative Technologies. - 2014. - No. 11 (38). - Pp. 119-124. - EDN TBHYHB.

[11] Borodavko, L. S. Development of Life Insurance in Modern Conditions / L. S. Borodavko, O. A. Ryabushchenko // Financial Economics. - 2022. - No. 11. - Pp. 94-98. - EDN ZSIGKC.

[12] Astrakhantseva, A. S. Actual Problems of Development of "Green" Logistics in Russia / A. S. Astrakhantseva, A. I. Kortikova // Young Science of Siberia. - 2021. - No. 1 (11). – P. 634-641. – EDN MOOCXR.

[13] Arysheva, A. E. The influence of the characteristics of various modes of transport on the formation of a digital platform for the country's transport complex / A. E. Arysheva, A. O. Bezmaternykh, E. V. Fayzrakhmanova // Economy and entrepreneurship. – 2022. – No. 3(140). – P. 378-380. – DOI 10.34925/EIP.2022.140.03.069. – EDN ACDREP.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-593-596

ЛОПАЕВА Надежда Леонидовна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: Lopaeva77@mail.ru

ПАВЛОВА Яна Сергеевна,

доцент, к.б.н., кафедра биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: mail@law-books.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,

доцент, к.б.н., кафедра биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,

Преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,

e-mail: barykina_10@mail.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,

доцент, к.б.н., кафедра биотехнологии и пищевых продуктов проректор по международной деятельности и дополнительному профессиональному образованию ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: mail@law-books.ru

ШАРАВЬЕВ Павел Викторович,

кандидат биологических наук, декан факультета биотехнологии и пищевой инженерии, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: dek.bipi@urgau.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА ЧЕРНОСЛИВА

Аннотация. *Статья посвящена изучению технологии производства чернослива из слив сортов Венгерка. Рассмотрены особенности сорта слив Венгерка, нюансы сбора плодов для изготовления чернослива. Описан тоннельный аппарат для сушки плодов и технология процесса сушки продукта. Изучен способ кондиционирования чернослива. Особое внимание уделено упаковке, способу и сроку хранения готового продукта. Представлены полезные свойства чернослива на организм человека.*

Ключевые слова: *чернослив, технология производства чернослива, сорт Венгерка, сушка слив, тоннельные сушилки, хранение слив.*

LOPAEVA Nadezhda Leonidovna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

PAVLOVA Yana Sergeevna,

Associate Professor, PhD in Biology, Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,

Associate Professor, PhD in Biology, Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,

Lecturer of the Department of Biotechnology and Food Products

NEVEROVA Olga Petrovna,

Associate Professor, PhD in Biology, Department of Biotechnology and Food Products Vice-Rector for International Affairs and Continuing Professional Education Ural State Agrarian University

SHARAVYEV Pavel Viktorovich,

Candidate of Biological Sciences, Dean of the Faculty of Biotechnology and Food Engineering, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

TECHNOLOGY OF PRUNE PRODUCTION

Annotation. *The article is devoted to the study of the technology of production of prunes from Hungarian plums. The features of the Hungarian plum variety, the nuances of harvesting fruits for the production of prunes are considered. A tunnel apparatus for drying fruits and the technology of the product drying process are described. The method of conditioning prunes has been studied. Special attention is paid to the packaging, method and shelf life of the finished product. The beneficial properties of prunes on the human body are presented.*

Key words: *prunes, prune production technology, Hungarian variety, plum drying, tunnel dryers, plum storage.*

Чернослив - это сливы, которые подвергли сушке в определенных условиях. Благодаря сушке сливы дольше хранятся, сохраняют свои полезные свойства, не теряя при этом витамины, макроэлементы и микроэлементы.

Технология производства чернослива начинается со сбора плодов. Для чернослива используют разновидности сортов Венгерка, они богаты большим количеством сахара, это очень важный показатель при выборе сорта, так как большое содержание сахара позволяет лучше проходить процессу консервирования при сушке слив, Сахар отлично связывает воду, снижает процессы жизнедеятельности патогенных микроорганизмов, при этом увеличивая срок хранения данного продукта. Плоды сортов Венгерка имеют плотную мякоть, что в дальнейшем благоприятном сказывается на качестве чернослива. У данных сортов хорошая засухоустойчивость, транспортабельность. Для получения чернослива, сбор начинают в конце сентября, после полной спелости плода и максимальной степени сахаристости. Собранные сливы укладывают на брезент находящийся на земле и дают им дозреть на солнце. Для дальних перевозок сливы собирают вручную и складывают в маленькие контейнеры, для того чтобы не помять плоды. Собранные плоды хранятся не более 3х суток при температуре более +20, 5-7 суток при температуре +3 [1].

Следующим этапом является приемка, сортировка, калибровка слив. На этом этапе производят визуальный осмотр плодов, для производства чернослива используются плоды массой не менее 30гр, кожура должна иметь хорошую плотность, а мякоть сочность. Косточка должна не быть более чем 4% от веса сливы. Органолептические показатели: цвет фиолетового или даже сине-черного оттенка. Вкус кисло-сладкий. Запах спелой сливы, без аромата плесени и других гнилостных процессов. Требования к химическому составу слив поступающих на производство: сухое вещество не менее 20%. Сахара не менее 12%. Яблочная кислота не менее 1%. Полифенольных соединений не менее 600 мг/100 г. Витамина С не менее 15 мг/100 г.

При сортировке слив из общей массы удаляют треснувшие или помятые при транспортировке плоды, подгнившие, не дозревшие, поврежденные вредителями. Далее их калибруют по размеру [2; 3].

Третьим этапом необходимо промыть сырьё под душем с холодной водой. После чего бланшировать в кипящей воде в течение 2-3 минут, далее погрузить плоды в воду с 0,1% раствором щелочи и держать в течении 1 минуты, а затем промыть под проточной водой. За счет бланширования со слив удаляется восковой налет, а за счет щелочной обработки

на сливах образуются трещины, через которые в дальнейшем влаге будет легче выходить [2].

После обработки слив можно переходить к их сушке. Сушку производят в туннельных сушилках, это аппарат непрерывного действия для сушки сухарей, овощей, фруктов, макарон и других пищевых продуктов. Аппарат имеет удлиненный корпус, в которых по рельсам перемещаются тележки с полками на которых находятся равномерно в один ряд разложенные сливы. Аппарат предварительно нагревают до температуры 78 градусов. Далее загружают первую партию тележек со сливами в количестве двух штук, после чего постепенно в течение 7,5 часов с периодичностью 1,5 загружаются остальные тележки, так же по две штуки. Всего такой аппарат может вместить до 12 тележек. Воздух к тележкам подается за счет вентилятора, который подает воздух на калорифер, а затем в саму сушилку. Туннельные сушилки обычно работают с частичной рециркуляцией сушильного агента. Тележки перемещаются при помощи троса и механической лебедки. В тоннельной сушилке имеются самоотворяющиеся двери, которые служат для регулирования температуры и влажности в аппарате. Время сушки зависит от сорта, размера плодов [2].

После сушки чернослив дают время для стабилизации его температуры до комнатной.

Затем происходит кондиционирование чернослива, этот этап имеет огромное значение, так как во время него чернослив приобретает улучшение таких качеств как мягкость и эластичность. На этом этапе чернослив приобретает товарный вид и в дальнейшем не пересыхает. При кондиционировании продукт разложенный на поддонах, помещают в специальную комнату на срок до 7 дней, где обязательно соблюдается температура 15-25 градусов и влажность воздуха 70-80%. Так же в таких комнатах обеспечивают хорошую циркуляцию воздуха, с помощью вентиляторов.

Заключительным этапом в производстве чернослива является сортировка, упаковка и хранения готовой продукции. При сортировке удаляются поврежденные при сушке плоды или чернослив не подходящий по кондиции, такой как пересушенный или не досушенный. После сортировки чернослив упаковывают в герметичные пакеты или контейнеры, маркируют, после чего реализуют или хранят в сухом, темном помещение при температуре воздуха не выше 20 градусов с влажность не более 70% в течение не более 18 месяцев

Чернослив - это уникальный продукт, который при правильных условиях технологии производства может хранится долгое время, сохраняя свои вкусовые качества и полезные свойства такие как улучшение пищеварения, снижение уровня холестерина, поддержание иммунитета за счет своих антисептических свойств, укрепление нервной системы благодаря витаминам группы В. Чернослив является самым полезным сухофруктом для организма [3].

Список литературы:

[1] «Магомедов М. Г.Производство плодоовощных консервов и продуктов здорового питания» (Магомедов, М. Г. Производство плодоовощных консервов и продуктов здорового питания / М. Г. Магомедов. — Санкт-Петербург : Лань, 2024. — ISBN 978-5-507-48966-4. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/367499

[2] «Цинцадзе О. Е., Яичкин В. Н., Архипова Н. А., Павлова О. Г., Живодерова С. П.Практикум по технологии переработки продукции растениеводства» (Практикум по технологии переработки продукции растениеводства : учебное пособие / О. Е. Цинцадзе, В. Н. Яичкин, Н. А. Архипова [и др.]. — Оренбург : Оренбургский ГАУ, 2024. — ISBN 978-5-6051301-4-7. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/418865

[3] Контроль качества продуктов питания: сборник трудов по материалам Региональной научно-практической конференции. Ярославль, 08 ноября 2023 г.» (Инновации в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции и контроль качества продуктов питания: сборник трудов по материалам Региональной научно-практической конференции. Ярославль, 08 ноября 2023 г : материалы конференции. — Ярославль : Ярославский ГАУ, 2023. — ISBN 978-5-98914-260-6. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/342815

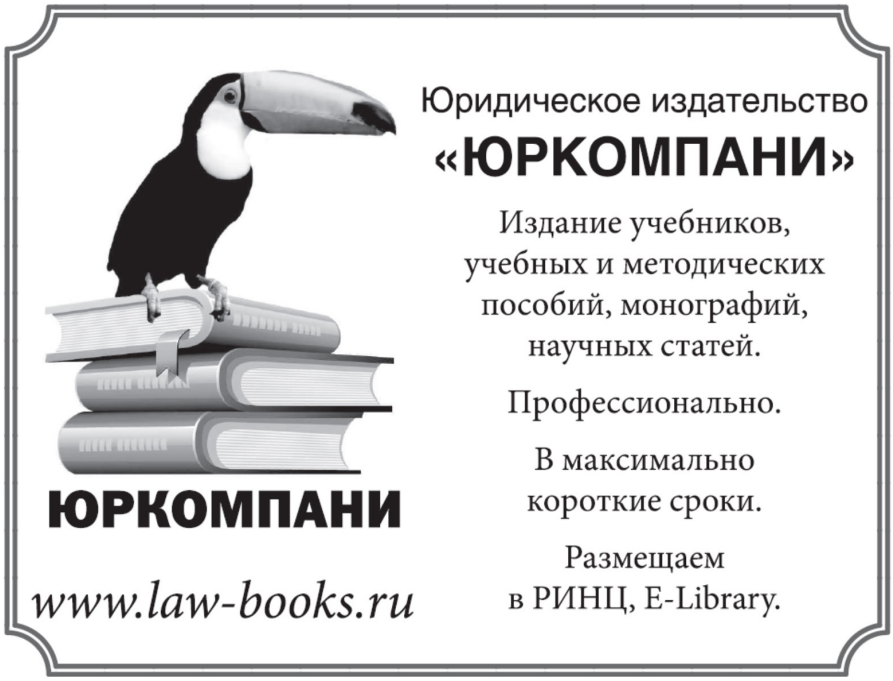
References:

[1] “Magomedov M. G. Production of canned fruits and vegetables and healthy food” (Magomedov, M. G. Production of canned fruits and vegetables and healthy food/M. G. Magomedov. - St. Petersburg: Doe, 2024. — ISBN 978-5-507-48966-4. - Text: electronic//Doe: electronic library system. — URL: https://e.lanbook.com/book/367499

[2] “Tsintsadze O. E., Yetskin V. N., Arkhipova N. A., Pavlova O. G., Zhivoderova S. P. Praktikum on the technology of processing crop production” (Workshop on the technology of processing crop production: a textbook/O. E. Tsintsadze, V. N. Yatskin, N. A. Arkhipova [et al.]. - Orenburg: Orenburg GAU, 2024. — ISBN 978-5-6051301-4-7. - Text: electronic//Doe: electronic library system. — URL:

https://e.lanbook.com/book/418865

[3] Food quality control: a collection of works based on the materials of the Regional Scientific and Practical Conference. Yaroslavl, November 08, 2023" (Innovations in the production and processing of agricultural products and food quality control: a collection of works based on the materials of the Regional Scientific and Practical Conference. Yaroslavl, November 08, 2023: conference materials. - Yaroslavl: Yaroslavl GAU, 2023. — ISBN 978-5-98914-260-6. - Text: electronic//Doe: electronic library system. — URL: https://e.lanbook.com/book/342815



Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-597-601

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: darya.ukrozhenkozoo@mail.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: opneverova@mail.ru

ЛОПАЕВА Надежда Леонидовна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: lopaeva77@mail.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

ЧЕБЫКИНА Анастасия Андреевна,

преподаватель кафедры зооинженерии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: jko-10@mail.ru

КАНЕВ Прокопий Николаевич,

преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: kanevxok@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ LMS-СИСТЕМ В СПО И ВО

Аннотация. *Статья посвящена теоретическому анализу использования систем управления обучением (LMS) в среднем профессиональном и высшем образовании. Рассматриваются дидактические возможности LMS, модели их интеграции в учебный процесс, а также нормативно-правовые предпосылки внедрения. Выявляются различия в применении LMS в СПО и ВО. Особое внимание уделяется сравнительному анализу требований к LMS со стороны преподавателей и обучающихся, а также перспективам развития систем в контексте геймификации, адаптивности и формирования образовательных экосистем. На основе анализа зарубежных и отечественных исследований автором обосновывается необходимость перехода от репозиторной модели использования LMS к гибридному обучению и внедрению стандартов xAPI для фиксации практико-ориентированных действий обучающихся. В статье также рассматриваются проблемы и ограничения внедрения LMS.*

Ключевые слова: *LMS, системы управления обучением, СПО, высшее образование, дидактические функции, смешанное обучение, геймификация*.

UKROZHENKO Daria Sergeevna,

Lecturer, of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

NEVEROVA Olga Petrovna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

LOPAEVA Nadezhda Leonidovna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

CHEBYKINA Anastasia Andreevna,

Lecturer, of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

KANEV Prokopiy Nikolaevich,

Lecturer, Department of Physical Education and Sports, Ural State Agrarian University

USE OF LMS SYSTEMS IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION AND HIGHER EDUCATION

Annotation. *This article provides a theoretical analysis of the use of learning management systems (LMS) in secondary vocational and higher education. It examines the didactic capabilities of LMS, models for integrating them into the educational process, and the regulatory and legal prerequisites for their implementation. Differences in LMS implementation in secondary vocational and higher education are identified. Particular attention is paid to a comparative analysis of LMS requirements from instructors and students, as well as prospects for system development in the context of gamification, adaptability, and the formation of educational ecosystems. Based on an analysis of international and domestic research, the author substantiates the need to transition from a repository-based LMS model to hybrid learning and the implementation of xAPI standards to record students' practice-oriented actions. The article also examines the challenges and limitations of LMS implementation.*

Key words: *LMS, learning management systems, open source software, higher education, didactic functions, blended learning, gamification.*

Современный этап развития профессионального образования характеризуется активной цифровой трансформацией образовательной среды. Одним из ключевых элементов этой трансформации выступают системы управления обучением (LMS – Learning Management Systems), которые из вспомогательного инструмента постепенно превращаются в базовую платформу организации учебного процесса. В системе среднего профессионального (СПО) и высшего образования (ВО) LMS-системы решают широкий спектр задач: от обеспечения доступа к контенту и фиксации результатов обучения до реализации смешанных и дистанционных образовательных технологий, автоматизации контроля и персонализации траекторий обучения.

Несмотря на общую функциональную основу, внедрение и использование LMS в СПО и ВО имеет существенные различия, обусловленные спецификой контингента обучающихся, структурой образовательных программ, соотношением теории и практики, а также сложившимися педагогическими традициями. В то время как в высшей школе LMS часто интегрируется в научно-исследовательскую деятельность и проектное обучение, в системе СПО на первый план выходят вопросы моделирования профессиональной деятельности, организации практико-ориентированного взаимодействия и контроля формирования конкретных трудовых функций.

Современные системы управления обучением (LMS) эволюционировали от простых инструментов учёта успеваемости до сложных цифровых экосистем, интегрирующих педагогические, административные и коммуникационные процессы. Как показывают исследования, ключевыми функциональными категориями LMS являются интерфейс, навигация, оценочные средства, дидактические ресурсы, коммуникация, координация и административная поддержка, причём на практике чаще всего востребованы именно контролирующие

функции, тогда как стратегический потенциал персонализации обучения остаётся недоиспользованным. Классификация LMS традиционно делит их на проприетарные (Blackboard) и открытые (Moodle, Sakai), при этом современные решения всё чаще переходят на облачные архитектуры (SaaS), обеспечивающие масштабируемость и кроссплатформенность. В рамках экосистемного подхода (EeL) LMS рассматривается не изолированно, а как «цифровое местообитание», встроенное в дисциплинарный биом (преподаватели, студенты, тьюторы) и внешний институциональный контекст, где ключевую роль играет не технология сама по себе, а качество педагогического посредничества и выстраивание взаимосвязей между участниками образовательного процесса [8, 9, 10].

Внедрение LMS в СПО и ВО опирается на нормативно-правовую базу, задающую организационные рамки для дистанционных технологий. Федеральный закон «Об образовании в РФ» закрепляет воспитание как обязательную часть образования, в том числе в удалённом формате. ФГОС СПО требует единства обучения и воспитания, что при использовании LMS означает необходимость не только контроля знаний, но и формирования компетенций в цифровой среде. Стратегия развития воспитания ориентирует на обновление воспитательного процесса, а Письмо Минобрнауки № ВК-1013/06 обязывает создавать электронную информационно-образовательную среду (ЭИОС) для освоения программ независимо от места учащихся. Организационными предпосылками выступают законодательное признание дистанционных технологий, требование единства обучения и воспитания в LMS, а также нормативное закрепление цифровой среды как базового элемента инфраструктуры СПО и ВО [5].

Современные LMS в профессиональном образовании выполняют ключевые дидактические функции: информационную (распространение учебных материалов с совместным доступом), контролирующую (автоматизированная проверка знаний и корректировка траекторий), коммуникативную (синхронное и асинхронное взаимодействие) и организационно-административную (планирование курсов, учёт цифровых следов, отчётность). В корпоративном секторе (ПАО «Газпром нефть», «Сбербанк») LMS также обеспечивает развитие «soft skills», элементы геймификации (прогресс-бары, награды) и интеграцию с внешними платформами, превращая систему из репозитория материалов в среду персонализированного профессионального роста [3].

Анализ внедрения LMS Moodle в высшей школе позволяет выделить несколько моделей интеграции, эволюционирующих от простейших форм к гибридному обучению. На начальном уровне система используется как репозиторий — электронное хранилище материалов, дублирующее очный формат. Промежуточный этап характеризуется внедрением контролирующих функций: тестирования, комментирования заданий и взаимного оценивания студентов. Наиболее продвинутая модель — смешанное обучение (blended learning), при которой LMS органично интегрируется в аудиторную работу: часть занятий переносится в электронную среду, используются онлайн-сервисы для коммуникации. Именно гибридная конфигурация позволяет стимулировать познавательную активность, вывести контроль знаний на новый уровень и обеспечить непрерывную обратную связь [4].

Анализ экосистем электронного обучения показывает, что в системе СПО внедрение LMS сталкивается с вызовами, связанными с практико-ориентированным характером подготовки. Согласно опросу студентов и преподавателей, доминирующими форматами контента в LMS остаются статические PDF (24%) и видео (16%), тогда как доля интерактивных симуляций и кейсов не превышает 25%. Это указывает на недоиспользование потенциала LMS для моделирования профессиональной деятельности, критически важного для СПО. Дополнительный барьер — инструментарий преподавателей: 30% создают материалы в PowerPoint, а профессиональные системы авторинга (Adobe Captivate) использует лишь 8% педагогов. 38% респондентов не согласны, что электронные материалы улучшают обучение, что может быть следствием отрыва контента от реальных задач. Для СПО это означает необходимость перехода к интерактивным практико-ориентированным модулям, поддерживающим стандарты xAPI и cmi5, которые фиксируют не просто факт прохождения курса, а конкретные действия обучаемого, имитирующие трудовые операции [7].

Опыт использования LMS Moodle в Хабаровском государственном университете экономики и права показывает, что в высшем образовании платформа эффективно поддерживает проектную и научно-исследовательскую деятельность студентов. В рамках курсов («Проектный практикум», «Интеллектуальный анализ данных») Moodle позволяет структурировать материалы по модульному принципу, включая тексты лекций, презентации, видеоресурсы и пособия для самостоятельной работы. Для реализации проектного компонента важны форум, чат,

семинары и инструменты оценивания заданий. Применение Moodle с Adobe Captivate и Camstudio даёт возможность создавать интерактивные учебно-методические комплексы (ЭУМКД), поддерживающие балльно-рейтинговую систему: преподаватель видит сводную ведомость, студент — свои результаты. Опыт исследователей показывает, что LMS Moodle соответствует требованиям ФГОС, активизирует познавательную деятельность и повышает мотивацию студентов при решении проектных и исследовательских задач [2].

Сравнительный анализ требований к LMS со стороны преподавателей и обучающихся, основанный на опросе педагогов, выявляет как общие, так и специфические ожидания. Студенты ценят удобство платформы (87,1%), наглядность и информативность материала, а также инструменты взаимодействия: форумы, взаимооценку, чаты, викторины и геймификацию, повышающие вовлечённость. Преподаватели же фокусируются на простоте использования (64,5%), гибкости настроек (64,5%), управлении контентом (58,1%) и доступности информации для студентов. Им также важны управление пользователями, статистика, отчёты и лицензионная политика. При этом обе группы сходятся в выборе Moodle (87,1%) как предпочтительной LMS благодаря бесплатности, открытому коду и широким коммуникационным возможностям. Для СПО и ВО это означает необходимость учитывать двойной вектор требований: интерактивная среда для студентов и гибкие инструменты проектирования и аналитики для преподавателей [1].

Как показывает анализ практики внедрения систем управления обучением в деятельность корпоративных университетов и образовательных структур, данный процесс сопряжен с рядом существенных барьеров. Одним из ключевых ограничений выступает длительность и высокая стоимость реализации таких проектов, что особенно критично для организаций с ограниченным бюджетом. Авторы отмечают, что значительная часть российских компаний, в особенности малого и среднего бизнеса (около 79% согласно приведенным данным), вовсе не используют LMS-платформы, часто из-за нехватки финансовых ресурсов и дефицита времени у сотрудников на повышение квалификации. Кроме того, серьезной проблемой является сложность адаптации универсальных LMS-решений под специфические задачи конкретного корпоративного университета или учебного заведения: нередко наблюдается несоответствие между стратегическими целями организации и реальными возможностями внедряемой системы. Дополнительными рисками выступают технологическое сопротивление персонала, необходимость реинжиниринга сложившихся бизнес-процессов, а также вероятность того, что система после первоначального энтузиазма перейдет в разряд «архивных» решений и будет простаивать без реального применения.

Несмотря на перечисленные ограничения, эволюция LMS-систем демонстрирует устойчивый вектор в сторону формирования полноценных образовательных экосистем, где на смену традиционной концепции электронного обучения (E-Learning) приходит парадигма коллективного и социального взаимодействия (We-Learning). Перспективным направлением является переход от классических LMS к платформам обучающего опыта (LXP), которые за счет алгоритмов машинного обучения способны автоматически подбирать контент и выстраивать персонализированные траектории развития сотрудника без жесткого административного назначения курсов. Особое внимание уделяется интеграции LMS с другими корпоративными системами (CRM, HRM, ERP), что позволяет не просто фиксировать прохождение обучения, но и оценивать реальное влияние образовательной активности на ключевые показатели эффективности персонала. Кроме того, развитие инструментов предиктивной аналитики, внедрение игровых механик (рейтинги, виртуальные валюты, магазины поощрений) и адаптивных интерфейсов призвано сделать процесс обучения не только обязательным, но и увлекательным, превратив LMS из формального инструмента отчетности в драйвер социальной мобильности трудового капитала [6].

Заключение. Проведённый теоретический анализ позволяет утверждать, что LMS-системы эволюционировали от вспомогательных инструментов учёта успеваемости до базовых элементов цифровой образовательной экосистемы, однако на практике их потенциал используется не в полной мере: доминируют контролирующие функции, тогда как персонализация, интерактивность и практико-ориентированные модули остаются недостаточно развитыми, особенно в системе СПО. Выявлены существенные различия в применении LMS: в высшем образовании платформы эффективно интегрируются в научно-исследовательскую и проектную деятельность, а в СПО приоритетными выступают моделирование профессиональной деятельности и формирование трудовых функций, что требует перехода к современным стандартам xAPI и cmi5. Сравнительный анализ требований показал двойной вектор ожиданий: студенты ценят удобство, наглядность и геймификацию, преподаватели — гибкость настроек, управление контентом и аналитику, при этом обе группы сходятся в выборе Moodle как предпочтительной открытой платформы. Перспективными направлениями развития LMS являются переход к платформам обучающего опыта (LXP) с

элементами ИИ, интеграция с корпоративными системами, развитие предиктивной аналитики и геймификации, что позволит превратить LMS из формального инструмента отчётности в драйвер профессионального развития обучающихся.

Список литературы:

[1] Бадретдинова Р. Р. Критерии использования системы управления обучением для создания электронных курсов // Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. — 2023. — № 1. — С. 8–14.

[2] Белозерова С. И., Чуйко О. И. Опыт применения LMS Moodle для создания и сопровождения учебных курсов // Современные проблемы науки и образования. — 2019. — № 1. — С. 1–8.

[3] Давиденко П. В., Давиденко Л. М. Информатизация процесса обучения: исследование LMS-систем // Grand Altai Research & Education. — 2021. — № 2. — С. 93–100.

[4] Ковшура Т. Е., Ковшура Е. О., Власова З. Н., Плотникова С. С. Интеграция LMS Moodle в систему обучения в образовательных организациях высшего образования по дисциплине «Физическая культура и спорт» / Т. Е. Ковшура, Е. О. Ковшура, З. Н. Власова, С. С. Плотникова // Ученые записки университета Лесгафта. — 2022. — № 2 (204). — С. 222–223.

[5] Козырь З. О. Нормативно-правовая база организации и проведения дистанционного обучения и воспитания учащихся колледжа // Символ науки. — 2023. — № 7-1. — С. 63–66.

[6] Мамедгулиев Р. И., Фризен С. А., Гаврилюк Е. С. Функциональный анализ и методика внедрения LMS-систем для стимулирования социальной мобильности трудового капитала в образовательных экосистемах корпоративных университетов // Экономика труда. — 2024. — Т. 11, № 5. — С. 673–694. — DOI: 10.18334/et.11.5.121055.

[7] Camacho M. E., Rodriguez-Hernandez A. A., Avella Forero F. Overview and assessment of e-learning ecosystems in higher education: standards, strengths, weaknesses, and recommendations for an enhanced e-learning experience // Russian Law Journal. — 2024. — № 1. — С. 176–183.

[8] Gorshenin A. K. Toward modern educational IT-ecosystems: from learning management systems to digital platforms // Системы и средства информатики. — 2018. — Т. 28, № 2. — С. 60–69.

[9] Learning management systems (LMS) and e-learning management: an integrative review and research agenda / P. C. de Oliveira, C. J. C. de A. Cunha, M. K. Nakayama // JISTEM: Journal of Information Systems and Technology Management. — 2016. — Vol. 13, No. 2. — P. 157–180. — DOI: 10.4301/S1807-17752016000200001.

[10] The ecosystem of e-learning model for higher education / V. Van de Heyde, A. Siebrits // South African Journal of Science. — 2019. — Vol. 115, No. 5/6. — Art. № 5808. — 6 p. — DOI: 10.17159/sajs.2019.5808.

References:

[1] Badretdinova R. R. Criteria for using the learning management system to create electronic courses//Science and practice in education: an electronic scientific journal. — 2023. — № 1. - S. 8-14.

[2] Belozerova S.I., Chuiko O.I. Experience in using LMS Moodle to create and support training courses//Modern problems of science and education. — 2019. — № 1. - S. 1-8.

[3] Davidenko P.V., Davidenko L.M. Informatization of the learning process: research of LMS systems//Grand Altai Research & Education. — 2021. — № 2. - S. 93-100.

[4] Kovshura TE, Kovshura EO, Vlasova ZN, Plotnikova S. S. Integration of LMS Moodle into the training system in educational institutions of higher education in the discipline “Physical Culture and Sports “/TE Kovshura, EO Kovshura, Z. N. Vlasova, S. S. Plotnikova//Scientific notes of the University of Lesgaft. — 2022. — № 2 (204). - S. 222-223.

[5] Trump Z. O. Regulatory framework for organizing and conducting distance learning and education of college students//Symbol of science. — 2023. — № 7-1. - S. 63-66.

[6] Mammadguliev R.I., Friesen S.A., Gavrilyuk E.S. Functional analysis and methodology for the implementation of LMS systems to stimulate the social mobility of labor capital in the educational ecosystems of corporate universities//Labor Economics. — 2024. - T. 11, NO. 5. - S. 673-694. — DOI: 10.18334/et.11.5.121055.

[7] Camacho M. E., Rodriguez-Hernandez A. A., Avella Forero F. Overview and assessment of e-learning ecosystems in higher education: standards, strengths, weaknesses, and recommendations for an enhanced e-learning experience // Russian Law Journal. — 2024. — № 1. — С. 176–183.

[8] Gorshenin A. K. Toward modern educational IT-ecosystems: from learning management systems to digital platforms // Системы и средства информатики. — 2018. — Т. 28, № 2. — С. 60–69.

[9] Learning management systems (LMS) and e-learning management: an integrative review and research agenda / P. C. de Oliveira, C. J. C. de A. Cunha, M. K. Nakayama // JISTEM: Journal of Information Systems and Technology Management. — 2016. — Vol. 13, No. 2. — P. 157–180. — DOI: 10.4301/S1807-17752016000200001.

[10] The ecosystem of e-learning model for higher education / V. Van de Heyde, A. Siebrits // South African Journal of Science. — 2019. — Vol. 115, No. 5/6. — Art. № 5808. — 6 p. — DOI: 10.17159/sajs.2019.5808.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-602-612

СЕМЕНОВ Александр Александрович,

научный сотрудник ФКУ НПО «СТиС» МВД России,

e-mail: mail@law-books.ru

АВЕТИСЯН Карэн Рафаелович,

Старший преподаватель кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,

e-mail: Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

МЕТОДЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И АРХИТЕКТУРА ТРАНСФОРМЕРОВ В ЗАДАЧАХ ОБРАБОТКИ ЯЗЫКА

Аннотация. *Статья посвящена методам преобразования текстовой информации в числовую форму, включая токенизацию и эмбэддинги. Рассматриваются алгоритмы Word2Vec и BPE, а также подробно описывается механизм внимания и архитектура трансформеров. Отдельное внимание уделено большим языковым моделям, их обучению и ограничениям, включая проблему галлюцинаций.*

Ключевые слова: *обработка текста, токенизация, эмбэддинги, Word2Vec, BPE, механизм внимания, трансформер, attention, большие языковые модели, генерация текста, нейросети.*

SEMENOV Aleksandr Aleksandrovich,

Chief Researcher, Federal State Budgetary Institution "STIS" of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

AVETISYAN Karen Rafaelovich,

Senior Lecturer, Department of Information Technology and Cybercrime Investigation Organization Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

METHODS OF REPRESENTING TEXT INFORMATION AND TRANSFORMER ARCHITECTURE IN LANGUAGE PROCESSING PROBLEMS

Annotation. *This article discusses methods for converting textual information into numerical form, including tokenization and embedding. The Word2Vec and BPE algorithms are discussed, along with a detailed description of the attention mechanism and Transformer architecture. Special attention is given to large language models, their training, and limitations, including the problem of hallucinations.*

Key words*: text processing, tokenization, embedding, Word2Vec, BPE, attention mechanism, Transformer, attention, large language models, text generation, neural networks.*

Очевидная сложность применения нейросетей для анализа или генерации текста заключается в том, что текстовая информация сама по себе не поддается измерению. Очевидно, что если просто назначить каждому слову в словаре какое-то числовое значение, то никакая нейросеть не сможет выучиться на такого рода данных, так как близость двух номеров отнюдь не будет означать смысловую близость двух слов. Можно сказать, что текстовая информация сама по себе обладает нулевой аналитичностью, поэтому построение нейросети, которая бы обрабатывала такую информацию в исходном виде, совершенно бессмысленно. Отсюда возникает необходимость сначала как-то превратить текстовую информацию в информацию, обладающую какой-то аналитичностью.

Наиболее примитивный подход заключается в том, чтобы вместо одного

текстового (или любого другого не числового) значения передавать в нейросеть несколько числовых значений, каждое из которых будет отвечать за конкретное возможное значение текстового параметра, равняться 1 в случае равенства ему переданного текстового значения и 0 в обратном случае. Например, если нейросеть обрабатывает текстовый параметр «автомобиль», который может принимать только значения «легковой», «грузовой» и «пассажирский транспорт», то вместо одного текстового параметра можно передавать нейросети три числа: (1,0,0) для легкового автомобиля, (0,1,0) для грузового и (0,0,1) для пассажирского транспорта. Этот подход кажется избыточным, однако он позволяет нейросети математическим образом «почувствовать» влияние каждого из параметров на результат. Однако для обработки текстов, в которых могут встречаться сотни тысяч разных слов, этот подход не очень хорош, так как неизбежно ведет к раздутию нейросети до огромных размеров.

В случае, если текстовые входные данные могут принимать множество разных значений, правильнее научиться ставить каждому значению некоторый числовой вектор ассоциаций. Например, если мы возьмем большое множество фильмов, то их названия не будут говорить совершенно ничего человеку, их не смотревшему. С другой стороны, если, например, каждому фильму сопоставить вектор из значений от 0 до 1, где каждое значение будет говорить о степени выраженности в фильме некоторого жанра или тематики, то эти вектора уже могут быть математически обработаны: с их помощью можно находить близкие по содержанию фильмы и, соответственно, давать рекомендации новых фильмов на основе просмотренных.

Итак, для применения нейросетей к задачам с текстовой информацией нужно сначала поставить каждой единице текстовой информации некоторый эмбэддинг, именно эмбэддинги будут обрабатываться (или генерироваться) нейросетью. При этом нет однозначно лучшего способа определить эту самую единицу информации. Если определить в качестве единицы информации одну букву, то каждая такая единица не будет нести в себе никакого смысла, поскольку носителями смысла все же являются слова. Можно определить в качестве единицы информации слово, но у одного слова может быть множество форм. Казалось бы, можно предварительно привести по словарю все слова к своим наиболее простым формам (глаголы к неопределенной форме, прилагательные к мужскому роду и т. д.), чтобы сократить объем работы.

Однако такой прием может работать по-разному в разных языках. Например, в английском языке форм слов немного и порядок членов предложения в большинстве случаев определен, поэтому такое упрощение предложений может показаться относительно безвредным; напротив, в русском языке масса форм слов и произвольный порядок членов предложения, поэтому приведение всех слов в предложении к простейшим формам легче приведет к потере содержания. Человечество пробовало разные подходы. В настоящее время наиболее распространенным является смешанный подход, при котором единицами представления информации могут быть наравне как отдельные буквы или символы, так и слоги, слова или даже словосочетания.

Токен – единица представления текстовой информации.
Токенизация – процесс разбиения текста на токены.

Корпус текстов – синоним выражения «набор текстов».

Byte-pair encoding/BPE – широко применяемый алгоритм токенизации, где заранее определяется число токенов, на которое будет разбит текст, а выбор букв, символов, слогов или слов, которым будут назначены свои собственные токены, делается на основе того, насколько часто соответствующие буквы, символы, слоги или слова встречаются в корпусе текстов, на котором выполняется алгоритм. При необходимости алгоритмом гарантируется, что все содержимое корпуса можно будет представить через выбранные алгоритмом токены.

Word2vec – алгоритм назначения эмбеддингов токенам, в котором на основе анализа того, какие токены с какими другими токенами имеют тенденцию встречаться рядом в корпусе текстов, выделяют ряд числовых признаков Word2vec.

Отметим, что, помимо букв, символов, слогов, слов и словосочетаний вводятся еще специальные «технические» токены. Например, токены начала и конца предложения. После того, как токены определены, нужно назначить им значения эмбэддингов. Этот процесс в каком-то смысле напоминает начальную инициализацию весов. Можно применить специальные приемы для выбора значений эмбэддингов (примером алгоритма является word2vec), а можно задать их случайно.

На практике эмбэддинги чаще задают случайным образом и интерпретируют их как веса нейросети, соответственно, позволяют им изменяться в процессе обучения, для чего во время градиентного спуска доводят процесс обратного распространения ошибки до входных значений, т. е. вычисляют производные лосса L по значениям эмбэддинга e и вычитают соответствующее значение на шаге градиентного спуска, как будто это тоже веса (рисунок 1).

$$e \leftarrow e - a \cdot L'_e$$

Рисунок 1. Формула эмбэддинга.

Теперь представим себе рекуррентную нейросеть, классифицирующую текст. Слов в языке сотни тысяч, для их передачи понадобятся большие эмбэддинги, например, из 1000 числовых значений. Это число определяет характерный размер матриц, возникающих в рекуррентных слоях, которых наверняка несколько. Обработка одного текста потребует вызова нейросети столько раз, на сколько токенов разбит текст. Для небольшого абзаца текста это значение может быть равно, например, нескольким сотням. Рекуррентная нейросеть, конечно, предоставляет определенные удобства при обработке текста по сравнению с полносвязной нейросетью, ведь последней пришлось бы передать на вход один большой вектор из сразу всех эмбэддингов текста, к тому же пришлось бы длину текста зафиксировать. Однако она представляет собой противоположную крайность, так как предполагает, что очередной токен зависит в первую очередь от предыдущего. С алгоритмической точки зрения это не безупречная конструкция, к тому же обучение такой нейросети неудобно распараллеливать. В попытке найти для работы с текстами какое-то более совершенное решение, чем рекуррентные нейросети, попробовали применить так называемый механизм внимания.

Механизм внимания/attention (в контексте нейросетей) – идея, заключающаяся в том, чтобы позволить нейросети каким-то математическим образом определять из множества обрабатываемых внутри слоя данных наиболее содержательный фрагмент. Эта идея может реализовываться в самых разнообразных формах.

Можно сказать, что в полносвязном и сверточном слоях механизм внимания полностью отсутствует, так как в них все данные входного тензора обрабатываются одинаково. В рекуррентных слоях ворота (рисунок 4) можно в каком-то смысле интерпретировать как механизм внимания, ведь они по задумке должны какие-то данные обнулять, а какие-то выводить на первый план. В то же время про рекуррентные нейросети в целом можно сказать, что в них реализован своего рода механизм внимания, указывающий на результаты обработки последнего входного значения.

Более совершенный механизм внимания смогли разработать, отталкиваясь от идеи поиска нужной информации по базе данных. Представим себе простую систему поиска, которая по запросу q обращается в базу данных и ищет ключ k,

равный запросу q, и выдает значение v, которое в базе данных соответствует данному ключу k (обозначения Q, K и V являются типовыми и часто встречаются, они происходят от слов «query», «key» и «value» и применяются для того, чтобы условно выделить в механизме внимания что (K) ищется для чего (Q), и что будет результатом (V). Например, база данных может содержать названия городов мира в качестве ключей и названия стран, где эти города находятся, в качестве значений. Следовательно, если мы обратимся к базе данных с запросом в виде названия города, она найдет его в базе и выдаст соответствующее название страны. Такая схема для каждого запроса q выдает соответствующее ему значение v (рисунок 2, слева), но не сможет дать значение, если запросу не равен ни один ключ k. Представим себе теперь, что вместо непосредственно текстовой информации мы храним в базе в качестве ключей и значений эмбэддинги слов, равно как и запрос передаем в виде эмбэддинга. Это не мешает использовать прежнюю схему поиска, но позволяет ее расширить. Представим себе, что некоторая строительная компания хранит информацию о построенных объектах, где в качестве ключа хранится вектор характеристик строительного объекта, а в качестве соответствующего ключу значения – вектор потраченных при строительстве объекта материалов. С помощью некоторой функции f можно определить, насколько запрос q похож на каждый ключ k, и вычислить некоторый весовой коэффициент, полученный коэффициент умножить на вектор значений v, все полученные таким образом вектора сложить и выдать сумму в качестве результата поиска (рисунок 2, справа).

В примере со строительной компанией такой механизм позволит по информации о свойствах объекта оценивать приблизительно объем материалов, нужный для его строительства. При этом ни один из ключей в базе данных может быть не равен исходному запросу; получаемый результат не будет равен никакому из значений в базе, а будет представлять собой некоторую их комбинацию.

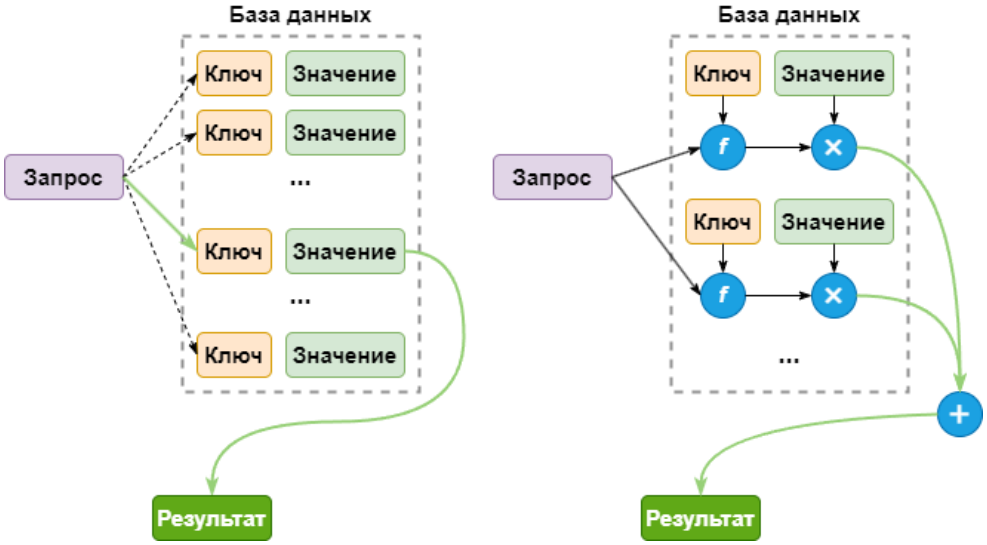


Рисунок 2. Схема для каждого запроса q.

Обратим внимание, что в предложенной схеме векторы запроса и ключей должны обладать одинаковой размерностью dK, а размерность векторов значений dV может от них отличаться. Формула для вычисления результата A может быть следующей (обратим внимание, что q, ki и vi – это целые вектора) (рисунок 3).

$$A(q) = \sum_i softmax_i\left(\frac{q \cdot k_i}{\sqrt{d_K}}\right) \cdot v_i$$

Рисунок 3. Формула для вычисления результата A.

В приведенной формуле используется операция софтмакс, примененная к вектору скалярных произведений вектора q на каждый из векторов ki для того, чтобы сумма множителей, стоящих перед векторами vi, была равна единице. Скалярное произведение выбрано в качестве меры похожести векторов ровно по той же причине. Деление скалярного произведения на корень из длины вектора добавлено авторами оригинального подхода без необходимости.

Описанный формулой на рисунок 3 механизм внимания авторами был назван «scaled dot-product attention», т. е. «механизм внимания на основе скалярного произведения с масштабированием».

Казалось бы, чтобы применить описанный механизм внимания нужно определить, что с чем будет сравниваться и зачем, т. е. какое значение будет придаваться входным и выходным значениям в формуле на рисунке 3. Вспомним теперь, что в машинном обучении не пытаются задать конкретные значения всем параметрам алгоритма, а позволяют машине найти для них значения. Также и интерпретацию механизма внимания при его применении в составе нейросети можно оставить открытым.

Для этого входные векторы перед применением механизма формулы на рисунке 3 подвергаются умножению на соответствующие им матрицы весов, результат вычислений также умножается на матрицу весов. В процессе машинного обучения для этих весов будут определены какие-то оптимальные значения, которые будут нести в себе какую-то непотную человеку трактовку происходящих внутри механизма внимания вычислений. Авторы этого подхода также обнаружили, что лучше иметь несколько параллельных наборов таких матриц, что можно примерно понимать, как наличие одновременно нескольких параллельных механизмов внимания, которым придан разный смысл (рисунок 4).

На рисунке 4 кружком с буквой «A» обозначается применение механизма внимания, описанного на рисунке 3, а под Q, K и V понимаются матрицы «запросов», «ключей» и «значений» составленные из некоторых векторов.

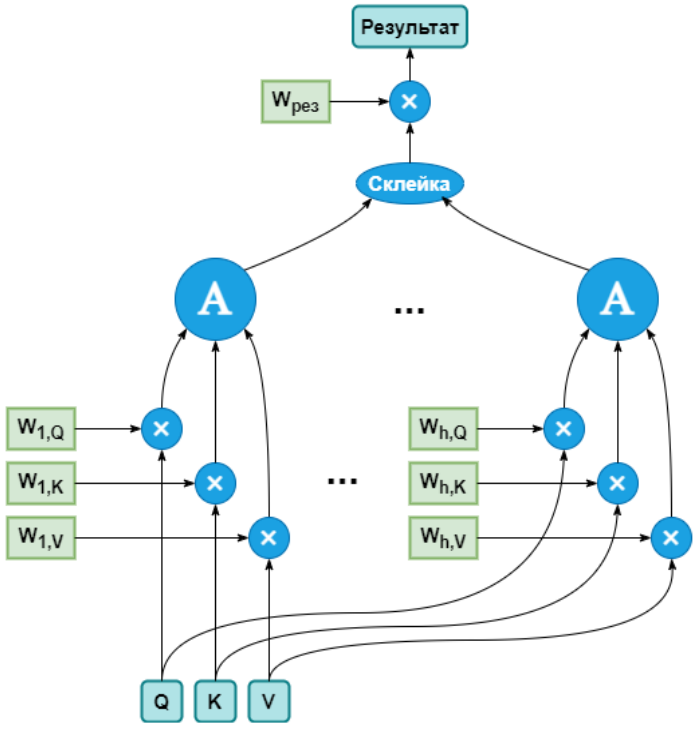


Рисунок 4. Наличие одновременно нескольких параллельных механизмов внимания.

Длины этих векторов уже необязательно должны быть одинаковы, достаточно, чтобы были одинаковыми длины векторов, получающихся после матриц весов Wi,Q и Wi,K. Результат применения операции A для одного вектора q является вектором, соответственно, если применить эту операцию к матрице Q из нескольких векторов, то результатом будет некоторая матрица. Описанный блок назван авторами «multi-head attention», т. е. «многоголовый механизм внимания», под числом «голов» при этом понимается значение h, т. е. число параллельно задействованных механизмов внимания.

Трансформер – архитектура нейросети, построенная на базе механизма внимания. В настоящее время наиболее продвинутые нейросети, применяемые для анализа или генерации текстов, имеют эту архитектуру.

Первая нейросеть с этой архитектурой15F была предназначена для перевода текстов с одного языка на другой, разберем ее устройство подробнее (далее, пока не оговорено обратное, рисунок 5).

Нейросеть состоит из двух частей – энкодера (слева) и декодера (по середине). В контексте трансформеров использование терминов «энкодер» и «декодер» несколько искажает смысл и используется по аналогии с предыдущими поколениями нейросетей. Более правильно понимать так: задача энкодерной части – проанализировать входные данные, а задача декодерной – сгенерировать выходные. Энкодер может обрабатывать весь исходный текст (на языке, с которого переводят), а декодер сделали таким образом, чтобы он генерировал выходной текст (на языке, в который нужно осуществить перевод) по одному токену за раз на основе информации от энкодера и всех ранее сгенерированных им самим выходных токенов. Таким образом, энкодер полностью лишен рекурсии, а в декодере она частично присутствует в том смысле, что каждый выходной токен генерируется на основе всех предыдущих.

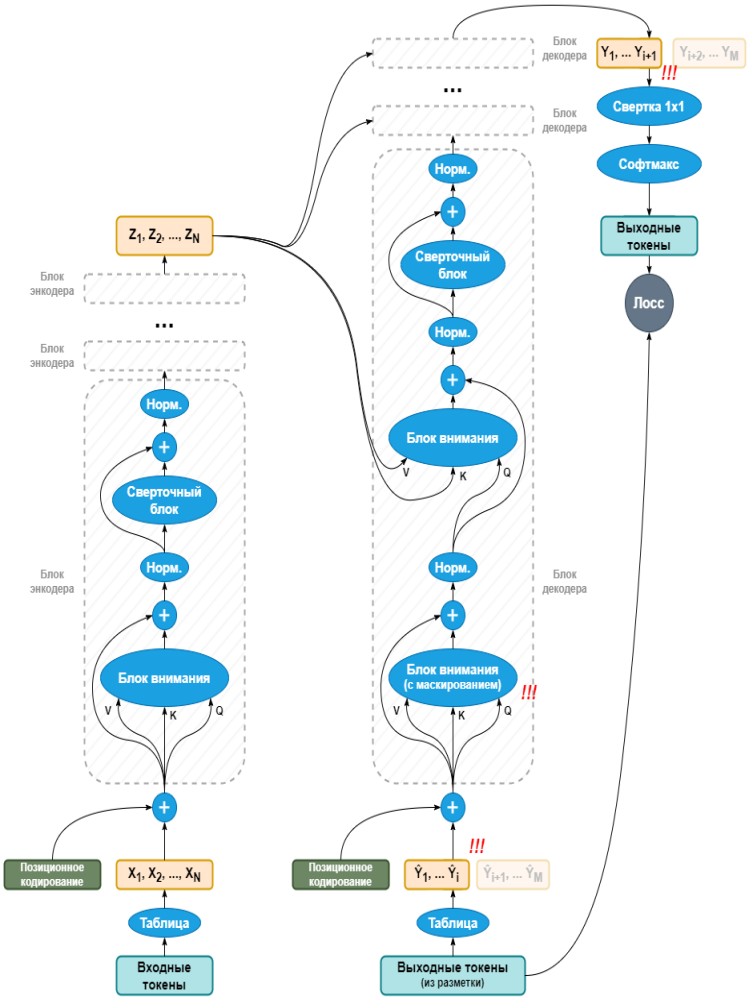


Рисунок 5. Устройство нейросети для перевода текстов с одного языка на другой.

Сначала входной текст в соответствии с выбранным алгоритмом токенизации разбивается на токены, каждому из которых по таблице ставится в соответствие эмбэддинг. Таким образом, получается последовательность из N векторов Xi некоторой длины d, объединяющими в матрицу. В этой матрице номер строки соответствует номеру токена в тексте. Очевидно, что позиция токена в тексте имеет значение для восприятия смысла предложения и должна учитываться нейросетью. Чтобы нейросеть могла отличать друг от друга одинаковые слова, стоящие в разных местах в предложении, используют следующий прием: к каждому эмбэддингу прибавляют некоторый вектор, вычисляемый по заданному алгоритму, который избыточно кодирует внутри себя информацию о номере токена в предложении. Данный прием кажется очень контринтуитивным, поскольку фактически он засоряет каждое значение

эмбэддинга лишней информацией вместо того, чтобы просто прибавить к эмбэддингу одно дополнительное значение номера токена. Однако следует помнить, что нейросеть – не человек, и если некоторая лишняя информация добавляется понятным обратимым алгоритмом, то нейросети с полученной информацией иметь дело проще, чем человеку может казаться.

Полученная матрица передается в энкодер. Энкодер состоит из нескольких одинаковых блоков (имеющих, разумеется, свои наборы весов). В начале блока расположен блок внимания, реализующий схему, проиллюстрированную на рисунке 4. Может показаться странным, что входная матрица блока энкодера используется в качестве каждой из трех матриц «запросов», «ключей» и «значений», однако следует помнить, что в начале блока внимания каждая из матриц домножается на свои собственные весовые матрицы. Результат работы блока внимания складывается с его выходным значением для того же, для чего в нейросети ResNet, - для улучшения способности градиентного спуска «проталкивать» изменение весов к первым слоям. После этого применяется нормализация, приводящая все выходные значения в диапазон от −1 до 1. Полученный результат передается в сверточный блок, т. е. в последовательность из нескольких сверточных слоев, разделенных нелинейностью типа ReLU. Результат вычислений сверточного блока складывается с входной матрицей, далее опять применяется нормализация. На этом вычисления энкодерного блока заканчиваются, при этом размеры входной и выходной матрицы энкодерного блока совпадают.

Важно отметить, что при описании нейросетей, отличных от сверточных, существует определенная каша, разные люди называют одни и те же слои кто «полносвязными» или «линейными», а кто «сверточными» в зависимости от того, как удобнее их воображению. Автор старается называть полносвязным слой, который представляет собой умножение весовой матрицы на вектор, а сверточным слой, в котором входные данные представляют собой как минимум двумерный массив, а вычисления слоя представляют собой, соответственно, перемножение двух матриц. В оригинальной статье сверточный блок называется feedforward network.

Если блок внимания выполняет сопоставление эмбэддингов разных токенов друг с другом и как бы обогащает информацию о каждом токене информацией о его взаимосвязях с другими токенами, то сверточный блок обрабатывает каждый эмбэддинг одинаково, но отдельно от других. Считается, что именно в сверточных блоках выполняется основная содержательная обработка информации, в связи с чем размеры промежуточных карт признаков, возникающих внутри сверточного блока, устанавливают побольше, в результате чего именно веса слоев сверточных блоков составляют основной объем весов всей нейросети.

Результат вычислений последнего энкодерного блока передается в каждый декодерный блок. Декодерный блок обрабатывает последовательность не входных токенов, а выходных (во время обучения – из разметки, во время инференса – ранее сгенерированных). Так же, как с входными токенами, выходным токенам ставятся в соответствии некоторые эмбэддинги $\hat{Y}j$ (но уже другие, так как выходные токены вообще взяты из другого языка), к которым добавляется позиционное кодирование (опять же другое, в общем случае число слов N во входном тексте и число слов M в выходном тексту не совпадают). Далее матрица из эмбэддингов попадает в декодер, состоящий из нескольких декодерных блоков. Декодерный блок выполняет те же действия, что и энкодерный, но, чтобы использовать информацию от энкодера, в него добавлен еще один блок внимания. В этом блоке внимания, в отличие от первого, в качестве матрицы «запросов» используется полученная от предыдущего блока матрица, а в качестве матриц «ключей» и «запросов» используется матрица значений, полученнаЯ энкодером. Таким образом, информация о взаимосвязях между токенами во входном тексте попадает в промежуточную сущность, из которой декодер должен сделать выходной текст.

Вспомним, что декодеру ставится задача сгенерировать один следующий токен выходного текста на основе всех ранее сгенерированных токенов. Это означает, что во время инференса число эмбэддингов во входной матрице для декодера будет определяться числом уже сгенерированных токенов, а сам инференс будет запускаться, как у рекуррентной нейросети, несколько раз. В результате j-го инференса нейросети будет получаться некоторый эмбэддинг Yj+1, которому нужно сопоставить токен. Если использовать таблицу, сопоставляющую токены выходного текста с эмбэддингами, в ней в общем случае не будет эмбэддинга, в точности равного Yj+1, поскольку нейросеть выдает результат с некоторыми погрешностями, т. е. понадобиться еще найти в этой таблице эмбэддинг, больше всего похожий на Yj+1. На практике так не делают, вместо этого в нейросети после декодера добавляют сверточный слой (матричное умножение), весовая матрица которого после умножения на вектор-эмбэддинг дает вектор вероятностей того, что

эмбэддинг относится к токену, для каждого токена в используемом алгоритме токенизации. Решается задача классификации полученного эмбэддинга, при этом каждому токену соответствует свой класс, который определяется после применения софтмакса. Соответственно, в лоссе оценивается, был ли очередной токен определен правильно или нет.

Обратим внимание на то, что в описанной архитектуре преобладают операции умножения матричного умножения, это теоретически позволяет эффективно использовать TPU для выполнения вычислений этих нейросетей.

Чтобы распараллелить процесс обучения (это на самом деле и было целью разработчиков оригинальной нейросети), во время обучения нейросети на вход декодеру подается сразу вся выходная последовательность токенов, на выходе также ожидается генерация этой же самой последовательности. На первый взгляд это кажется нелепым, но здесь подразумевается, что нейросеть параллельно учится предсказывать второй токен по первому, третий по первым двум, четвертый по первым трем и т. д. Чтобы реализовать эту схему, в первом блоке внимания в каждом блоке декодера маскируется (блокируется) учет взаимосвязи токена с токенами, идущими после него (но не наоборот). Модифицированный таким образом механизм внимания называется masked multi-head attention.

На самом деле именно в том, используется маскирование или нет, заключается разница между энкодером и декодером. Для решения задач, отличных от перевода текста с языка на язык, может использоваться только энкодерная или только декодерная часть. Например, для классификации текстов можно использовать только энкодер, для обработки выходных значений которого приделаны полносвязный слой с софтмаксом. Для генерации текстов используют, наоборот, только декодерную часть (при этом из декодерных блоков пропадают механизмы внимания, использующие данные от энкодера).

Большая языковая модель/large language model – общее название, которым называют нейросети, генерирующие тексты. В настоящее время такие модели, как правило, представляют собой трансформер, состоящий только из декодера.

К большим языковым моделям относится семейство популярных нейросетей для чат-ботов Chat GPT. Такие нейросети в общем случае учатся в две стадии. На наиболее трудоемкой первой стадий (чаще всего ее называют pre-train) нейросеть учат предсказывать следующее слово в тексте (получается, текст автоматически содержит в себе разметку).

При этом используют огромный корпус текстов, чаще всего из всего подряд, что можно найти в интернете. После этого нейросеть становится способной продолжить любой текст человекоподобным образом, но бесцельно. Чтобы от нейросети могла быть какая-то польза, на второй стадии ее целенаправленно учат быть стороной диалога. Общение с нейросетью реализуется так: человек начинает диалог, его текст преобразуется в последовательность токенов, на их основе нейросеть генерирует еще некоторое количество токенов, при этом токены из пользовательского текста и токены, сгенерированные нейросетью, хранятся и обрабатываются в виде единой последовательности. Отсюда становится интуитивно понятно ключевое отличие трансформера-декодера от трансформера-энкодера: в живом диалоге нейросеть не знает заранее, как продолжит диалог человек, соответственно, она не может генерировать свой ответ, опираясь на токены, которые возникнут в диалоге позже, поэтому должна опираться только на предыдущие токены.

Обратим внимание, что на практике число токенов в последовательности, сформированной в результате общения нейросети с человеком, все же ограничивают, иначе возникает необходимость раздуть до бесконечности некоторые весовые матрицы. После того, как диалог преодолевает этот предел, добавление новых токенов становится возможным только за счет забывания такого же числа токенов в начале последовательности. Поскольку нейросеть обучена вести диалог в динамике, в некоторых случаях она может продолжать успешно выполнять свою задачу, в других же случаях, когда начало диалога содержало какую-нибудь ключевую информацию, осмысленность генерируемого текста может резко уменьшиться. Переполнение контекста, который помнит языковая модель, – наиболее простой способ ее «сломать».

Галлюцинирование нейросети – явление, при котором нейросеть выдает не просто неточный, а очевидно бессмысленный результат. В контексте больших языковых моделей галлюцинирование может наблюдаться в виде генерации несуществующих слов или заведомо ложных фактов, как будто она «сломана».

Наблюдение за галлюцинированием нейросети – наиболее простой способ почувствовать разницу между интеллектуальными способностями человека и искусственным интеллектом нейросети. Следует помнить, что даже самая продвинутая нейросеть не умеет думать, она только подражает этому процессу, а ее знания ограничены той массой информации, которая получилась в результате сжатия обучающего датасета.

Для нейросетей, обрабатывающих тексты, нашли способ бороться с ограниченностью ее знаний путем добавления специальных технических токенов, которые инициируют определенные действия программного обеспечения, реализующего вычисления нейронной сети. Так, например, учат нейросеть в особых случаях генерировать специальный токен, указывающий на то, что последнее сгенерированное предложение должно быть использовано в качестве поискового запроса в интернете. При появлении такого токена программное обеспечение осуществляет запрос в интернет, после чего нужный результат передает обратно нейросети, опять-таки, в виде токенов. Таким способом можно организовывать взаимодействие нейросети с множеством различных инструментов, в том числе, например, позволять ей вызывать другие нейросети.

Взаимосвязи слов в тексте являются наиболее естественным для человека способом выражения мысли. Даже творческий человек с преимущественно образным мышлением не может совсем обойтись без размышлений в форме речи как бы вслух у себя в голове. Поэтому способность нейросетей обрабатывать и генерировать текст в большей степени приближает их к интеллектуальным способностям человека, чем обработка или генерация информации любого другого вида. Этим объясняется повышенный интерес к такого рода нейросетям. На их основе можно создавать более сложные нейросетевые комбинации, обрабатывающие или генерирующие информацию другого вида с лучшим качеством, нежели предыдущие нейросети. Например, можно обучить сверточную нейросеть находить на изображении объекты и создавать их эмбеддинги, после чего эти эмбэддинги будут обрабатываться трансформером для создания текстового описания картинки. Такое текстовое описание,

В свою очередь, может само быть подвергнуто анализу, в том числе, например, с учетом текстовых подсказок от человека, и т. д. В частности, это теоретически может позволить отказаться от огромных датасетов для обработки изображений и использовать вместо них небольшие датасеты с текстовыми пояснениями.

Большие языковые модели представляют особый интерес по той причине, что они позволяют человеку взаимодействовать с нейросетями не просто через процесс машинного обучения, а с помощью естественного для него способа общения.

В погоне за большими интеллектуальными способностями разработчики пробуют все более и более сложные большие языковые модели. Некоторые современные трансформеры содержат триллионы весов (т. е. в миллионы раз больше, чем у некоторых сверточных нейросетей), и**Х** обучение может занимать недели на суперкомпьютерах, состоящих из десятков и сотен видеокарт. Даже обученная такая нейросеть может поместиться не на каждом компьютере, в связи с чем наравне с наиболее продвинутыми вариантами нейросетей создают их меньшие аналоги, содержащие меньшее количество весов и, соответственно, обладающие более скромным характеристиками.

Список литературы:

[1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication /343702579_Video_Object_Detection_With_ Two-Path_ Convolutional_LSTM_ Pyramid/

fulltext/5f3b2658928 51cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf/ (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Hanson A., Koutilya PNVR, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. – URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10 /html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_Detection_of_ Violence_in_ Videos_ ECCVW_2018_paper.html (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. – URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04861/ (дата обращения: 11.01.2026).

[4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J.,

Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published as a conference paper at ICLR. 2015. – URL: https://www. researchgate.net/publication/ 301878495_SqueezeNet_AlexNet-level_accuracy_ with_50x_fewer_ parameters_ and_05MB_model_size (дата обращения: 10.01.2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. –

URL: https://arxiv.org/pdf/1502.03167/ (дата обращения: 13.01.2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. –

URL: https://arxiv.org/pdf/1512.03385 (дата обращения: 11.01.2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1406.4729/ (дата обращения: 11.01.2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. Imagenet classification with deep convolutional neural networks. 2012. – URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/c399862d3b9d6b76c8436e 924a68c45b-Paper.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for Convolutional Neural Networks. 2015. – URL: https://arxiv.org/abs/1509.09308 (дата обращения: 11.01.2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. –

URL: https://arxiv.org/abs/1301.3781 (дата обращения: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others In-Datacenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. –

URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04760 (дата обращения: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. –

URL: https://arxiv.org/pdf/1505.04597/ (дата обращения: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rabinovich Going Deeper with Convolutions. 2014. –

URL: https://arxiv.org/pdf/1409.4842 (дата обращения: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1409.1556 (дата обращения: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. –

URL: https://arxiv.org/pdf/1512.02325 (дата обращения: 11.01.2026).

[16] Официальный сайт ONNX. – URL: https://onnx.ai/.

[17] Основы технологий искусственного интеллекта: учебное пособие/ А.А. Семенов, В.В. Гончар, А.С. Эрдниев. – Московский университет МВД России имени В.Я, Кикотя, 2025. – 190с.

[18] Финансовый мониторинг: учебное пособие / В.И. Глотов, А.У. Альбеков, О.Н. Тисен и др. – КноРус, 2022. – 198 с.

[19] Тисен О.Н. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации // Российская юстиция. 2018, №9. С. 51-54.

[20] Гончар В.В. О важности формирования единообразного понятийного аппарата необходимого для расследования преступлений в сфере компьютерной информации// Вестник Экономической безопасности. 2018. №1. С. 225-230.

[21] Орлова А.А., Гончар В.В. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий // Безопасность бизнеса. 2021. № 4. С. 25-29.

References:

[1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication /343702579_Video_Object_Detection_With_ Two-Path_ Convolutional_LSTM_ Pyramid/fulltext/5f3b2658928 51cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf/ (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Hanson A., Koutilya PNVR, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. – URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10 /html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_Detection_of_ Violence_in_ Videos_ ECCVW_2018_paper.html (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. - URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04861/ (access date: 11.01.2026).

[4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J.,

Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published as a conference paper at ICLR. 2015. – URL: https://www. researchgate.net/publication/ 301878495_SqueezeNet_AlexNet-level_accuracy_ with_50x_fewer_ parameters_ and_05MB_model_size (дата обращения: 10.01.2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. –

URL: https://arxiv.org/pdf/1502.03167/ (access date: 13.01.2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. –

URL: https://arxiv.org/pdf/1512.03385 (access date: 11.01.2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. - URL: https://arxiv.org/pdf/1406.4729/ (access date: 11.01.2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. Imagenet classification with deep convolutional neural networks. 2012. - URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/c399862d3b9d6b76c8436e 924a68c45b-Paper.pdf (accessed on: 12.01.2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for Convolutional Neural Networks. 2015. - URL: https://arxiv.org/abs/1509.09308 (access date: 11.01.2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. –

URL: https://arxiv.org/abs/1301.3781 (access date: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others In-Datacenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. –

URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04760 (access date: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. –

URL: https://arxiv.org/pdf/1505.04597/ (access date: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rabinovich Going Deeper with Convolutions. 2014. –

URL: https://arxiv.org/pdf/1409.4842 (accessed on: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. - URL: https://arxiv.org/pdf/1409.1556 (access date: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. –

URL: https://arxiv.org/pdf/1512.02325 (access date: 11.01.2026).

[16] ONNX official website. – URL: https://onnx.ai/.

[17] Fundamentals of artificial intelligence technologies: a textbook/A.A. Semenov, V.V. Gonchar, A.S. Erdniev. - Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya, Kikotya, 2025. - 190s.

[18] Financial monitoring: training manual/V.I. Glotov, A.U. Albekov, O.N. Tisen et al. - KnoRus, 2022. - 198 s.

[19] Tisen O.N. Countering modern methods and methods of recruitment to international terrorist organizations//Russian Justice. 2018, №9. S. 51-54.

[20] Gonchar V.V. On the importance of forming a uniform conceptual apparatus necessary for investigating crimes in the field of computer information//Bulletin of Economic Security. 2018. №1. S. 225-230.

[21] Orlova A.A., Gonchar V.V. Features of the investigation of crimes committed in the field of information technology//Business security. 2021. № 4. S. 25-29.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-613-618

РАЖИНА Ева Валерьевна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: eva.mats@mail.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,

доктор биологических наук, профессор кафедры техносферной безопасности, Уральский государственный университет путей сообщений; профессор кафедры техносферной и экологической безопасности, Уральский государственный аграрный университет, старший научный сотрудник Уральского научно-исследовательского ветеринарного института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,

e-mail: ilyasov3@rambler.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: opneverova@mail.ru

ГАЛУШИНА Полина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: sid-polina@yandex.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ ОХЛАЖДЕННОЙ РЫБЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются ключевые аспекты оценки качества и безопасности охлаждённой рыбы, включая методы оценки свежести, органолептические и физико-химические, микробиологические характеристики. Учитываются стандарты и нормативы, регулирующие рынок охлаждённой рыбы, а также важность обеспечения контроля качества и безопасности рыбной продукции.*

Ключевые слова: *охлажденная рыба, нормативные документы, методы оценки качества и безопасности.*

RAZHINA Eva Valeryevna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University,

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg Rashitovich,

Doctor of Biological Sciences, Professor of the Department Technosphere Safety, Ural State University of Railways Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety, Ural State Agrarian University, Senior Researcher at the Ural Veterinary Research Institute of the Federal State Budgetary Scientific Institution URFANITS Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

NEVEROVA Olga Petrovna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor Departments of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University,

GALUSHINA Polina Sergeevna,

Senior lecturer of the Department Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey Vladimirovich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

FEATURES OF QUALITY AND SAFETY ASSESSMENT OF COOLED FISH

Annotation. *The article discusses key aspects of assessing the quality and safety of chilled fish, including methods for assessing freshness, organoleptic, physical-chemical, and microbiological characteristics. It also considers the standards and regulations governing the chilled fish market, as well as the importance of ensuring the quality and safety of fish products*.

Key words: *quality assessment, fish, regulatory documents, and methods for assessing quality and safety.*

Введение

Рыбная промышленность в современной России имеет стратегическое значение для обеспечения качества и безопасности страны.

В зависимости от метода холодовой обработки продукция из рыбы классифицируется как охлаждённая, подмороженная или мороженая. К категории охлаждённой продукции относятся рыба, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли, прочие водные организмы — как в целом виде, так и после разделки, имеющие температуру в толще мышц не выше 5 °C, но не достигшие точки замерзания тканевого сока (обычно около −1 °C), что соответствует установленным нормативным требованиям. Такую рыбу можно использовать как для прямой реализации, так и для переработки — как целиком, так и в разделанном виде. Разделанная рыба выпускается в потрошёном состоянии — с разрезом по брюшной полости до анального отверстия, с удалёнными внутренними органами, икрой, молоками, очищенными сгустками крови; она может быть с головой или без неё [1]. Процесс охлаждения представляет собой быстрое снижение температуры тела сырья в глубинных слоях до диапазона от −2 °C до +5 °C с дальнейшим хранением при температуре окружающего воздуха от 0 °C до −1 °C. При этом большинство гнилостных микроорганизмов при температуре ниже 4–5 °C практически не размножаются, а возбудители пищевых интоксикаций, такие как Clostridium botulinum и Staphylococcus aureus, прекращают синтез токсинов. Холодовая обработка сопровождается одновременным тепловым и массовым обменом — например, испарением влаги с поверхности рыбы во время охлаждения в воздухе. Поэтому охлаждение следует воспринимать как многоэтапный процесс, сочетающий тепло- и массопередачу. В ходе этого процесса в мясе рыбы происходят значительные физико-биохимические преобразования. К физическим изменениям относятся повышение плотности тканей и вязкости тканевых жидкостей, а также потеря массы вследствие испарения влаги с поверхности при охлаждении в воздушной среде — так называемая усушка. Уровень усушки зависит от характеристик самой рыбы, условий охлаждения, параметров окружающей среды, а также от особенностей упаковки — её плотности, размеров, типа и состояния в процессе хранения.

Методы охлаждения рыбы различны, однако по свойствам охлаждающей среды их условно делят на два типа: первый включает охлаждение в однородной среде — например, в холодном воздухе либо жидкой среде, а второй

— охлаждение во льду. Применение воздуха с температурой от –2 до –3 °С для охлаждения рыбы встречается крайне редко, поскольку этот процесс протекает медленно, а также приводит к ухудшению внешнего вида продукта как в период охлаждения, так и при дальнейшем хранении. Наиболее часто используемые промышленные методы — это погружение рыбы в холодную жидкость, обливание её холодным рассолом и использование дроблёного льда.

Наибольшей популярностью пользуется охлаждение дроблёным льдом. В подготовленную ёмкость — коробку, бочку или бункер — насыпается слой мелкозубого чистого льда, поверх которого равномерно раскладывается отсортированная и подготовленная свежая рыба. Затем снова накладывается слой льда, и так продолжают до полного заполнения тары. Благодаря высокой исходной температуре рыбы и контакту с льдом происходит интенсивный теплообмен, в результате чего охлаждается продукция и тает лед. Образовавшаяся вода стекает через отверстия в дне тары. При этом используется лёд, полученный из пресной или морской воды [2].

Правила приемки и методы отбора проб. Продукцию принимают партиями, под которыми понимают определенное количество продукции одного наименования, способа обработки и сорта, одного предприятия-изготовителя и даты выработки, оформленной одним документом, удостоверяющим качество [3]. Согласно ТР ТС 022/2011 маркировка упакованной пищевой рыбной продукции должна содержать [4]:

обозначение пищевого товара;

наименование и место пребывания производителя или ФИО и место нахождения ИП;

номер партии;

даты выработки;

чистый вес товара;

численность и разновидность транспортной тары;

результаты ветеринарно-санитарной экспертизы;

итоги паразитологической проверки продукции;

сроки и условия хранения и перевозки;

регламентирующий документ;

дата отгрузки;

пункт отгрузки и назначения, наименование предприятия-получателя.

Для определения качества продукта производят случайным образом выборку из разных мест партии из неповрежденной транспортной тары, по возможности каждой даты выработки, по три точечных пробы из разных мест каждой вскрытой транспортной тары с продукцией и составляют объединенную пробу массой не более 3,0 кг. После тщательного осмотра объединенной пробы из нее выделяют среднюю пробу массой не более 3 кг. Масса средней пробы рыбы должна составлять:

0,3–0,5 кг при массе экземпляра рыбы 0,1 кг и менее;

6 рыб (по 2 наиболее, наименее и среднеупитанных) при массе экземпляра более 0,1–0,5 кг;

3 рыбы (наиболее, наименее и среднеупитанную) при массе экземпляра более 0,5–1 кг.

Если масса одного экземпляра более 1 кг, то из трех рыб вырезают близ приголовка, средней и предхвостовой части на глубину до половины тела (из полурыбы — филе) по три поперечных куска мяса, при этом общая масса вырезанных кусков должна быть не более 1 кг [5].

Качество охлажденной рыбы должно соответствовать требованиям ГОСТ 814-2019 [6].

Требования к качеству рыбы по органолептическим показателям

Доброкачественная рыба должна быть без повреждений кожи, с чистой поверхностью, естественной окраски, с жабрами от темно-красного до розового цвета. Консистенция мяса плотная или слегка ослабленная, но не дряблая, запах типичный для свежей рыбы, без порочащих признаков. Допускается в партии сбитость чешуи, покраснение поверхности у отдельных (или некоторых) рыб как результат кровоизлияния (лещ, сазан, вобла, сом). У всех рыб (кроме осетровых) допускается слабый кисловатый запах в жабрах, легко удаляемый при промывании водой. Аромат и прозрачность бульона устанавливают пробой варкой. Бульон из доброкачественной свежей рыбы (при пробе варкой) прозрачный, на поверхности его обнаруживаются большие блестки жира, запах специфический приятный, мясо хорошо разделяется на мышечные пучки [6].

Лабораторные методы контроля качества и безопасности рыбы

При сомнении в степени свежести рыбы по органолептическим показателям проводят лабораторные исследования.

Определение величины pH. 5 г чистой мышечной ткани измельчают в ступке с помощью ножниц и пестика, после чего смешивают с небольшим количеством дистиллированной воды — около 50 мл в общей сложности. Полученную массу переносят в колбу, а ступку промывают остатком жидкости, который также сливают в ту же колбу. Содержимое герметично закрывается пробкой и экстрагируется при постоянном перемешивании в течение 30 минут. После этого вытяжку фильтруют в стаканчик, а её pH определяют с использованием электродов

потенциометра — показатель считывается по шкале устройства. У свежей рыбы значение pH составляет 6,5–6,9; у рыбы сомнительной свежести — 7,0–7,2; при значении 7,3 и более — рыба уже считается некачественной.

Реакция на пероксидазу с вытяжкой из жабр (по А.М. Полуэктову). Берут 1 часть жабр и 10 частей дистиллированной воды, смесь выдерживают 15 минут при комнатной температуре. В пробирку помещают 2 мл профильтрованной вытяжки, добавляют 5 капель 0,2% спиртового раствора бензидина и 2 капли 1% раствора перекиси водорода. При этом у жабр свежей рыбы наблюдается окрашивание в сине-зелёный цвет, который за 1–2 минуты изменяется на коричневый. У рыбы сомнительной свежести окраска менее выражена, а переход к коричневому цвету затягивается на 3–4 минуты. Жабры поражённой рыбы дают отсутствие изменения цвета.

Метод определения продуктов первичного распада белков в бульоне (реакция с сернокислой медью). Из мышечной ткани рыбы готовят водную вытяжку в пропорции 1:3. Колбу с полученным раствором прогревают 10 минут в кипящей водяной бане. Горячую массу фильтруют в пробирку, предварительно поместив её в стакан с холодной водой. При наличии осадка белка фильтрацию повторяют. Затем к 2 мл фильтрата добавляют 3 капли 5% раствора сернокислой меди, смесь несколько раз встряхивают и через 5 минут наблюдают результат. У бульона из свежей рыбы наблюдается лёгкая муть; при сомнительной свежести — сильно мутный вид; у несвежей рыбы — образование хлопьев либо желеобразных сгустков голубо-синеватого оттенка.

Определение аммиака по Эберу. В пробирку добавляют 1 мл реактива Эбера, затем её тщательно встряхивают и герметизируют пробкой с продетой сквозь неё проволокой, завершающейся крючком. К крючку подвешивают небольшой кусочек испытуемой рыбы так, чтобы он находился примерно на расстоянии 1 см от поверхности реагента. При наличии в мясе выделенного аммиака в пробирке формируется белое облачко нашатыря — оно становится заметнее при вертикальных движениях палочки, особенно при извлечении образца. У свежей рыбы наблюдается отрицательная реакция (облачко не появляется). У рыбы сомнительной свежести — слабоположительная (кратковременное облачко возникает в момент изъятия куска). У несвежей рыбы — положительная реакция (устойчивое облачко появляется спустя несколько секунд после погружения образца) [7].

Редуктазная проба. Этот тест позволяет косвенно оценить степень микробной загрязнённости мяса. Навеску рыбного фарша массой 5 г помещают в пробирку, заливают двойным объёмом дистиллированной воды, интенсивно встряхивают и выдерживают 30 минут. Добавляют 1 мл 0,1% раствора метиленового синего, снова перемешивают до равномерного окрашивания. Полученный экстракт покрывают слоем вазелинового масла толщиной около 1 см. Пробирку ставят в термостат при температуре +37 °C и наблюдают за изменением цвета. У несвежей рыбы обесцвечивание происходит уже через 20–40 минут; у рыбы сомнительной свежести — от 40 минут до 2,5 часов; у свежей — позже чем через 2,5 часа.

Гельминтологические исследования

При необходимости проводят исследования на обнаружение личинок гельминтов.

Исследование на дифиллоботриоз. Идентификацию видов дифиллоботриид осуществляют на основе живых паразитов (продолжительность их жизнеспособности во внешней среде), а также с помощью тотальных препаратов, окрашенных квасцовыми красителями либо гематоксилин-эозином, и при анализе гистологических срезов. Стадию зрелости плероцеркоидов и особенности ответной реакции тканей хозяина оценивают по гистологическим образцам. Для этого плероцеркоиды в сопровождении капсулы фиксируют в 10% нейтральном формалине, после чего включают в парафин. Готовые срезы окрашивают по методу Эрлиха-гематоксилин-эозин и по Маллори. Измерение размеров плероцеркоидов выполняют на паразитах, заранее развернутых и закрепленных в спирте концентрацией 70% [8].

Исследование на описторхоз. Метацеркарии этого паразита извлекают путём обработки мышечной ткани рыбы искусственным желудочным соком в лаборатории санитарной паразитологии. При проведении дифференциальной диагностики метацеркариев трематод используют комбинированный метод — морфологическую идентификацию под световым микроскопом с применением справочной литературы, исследование в условиях вивария посредством биопробы и ПЦР-диагностику [9].

Упаковка и маркировка. Товар упаковывают в тару со льдом. Массовая доля льда в момент выпуска с предприятий должна быть не менее 50% по отношению к массе рыбы. Допускается упаковывание прудовой рыбы без льда при транспортировании в рефрижераторах. Продукцию упаковывают: в ящики деревянные не более 75 кг; в бочки вместимостью не более 150 дм3, для рыбы длинной более 50 см — вместимостью не более 250 дм3 [1].

Транспортировка и хранение. Продукцию доставляют всеми видами транспорта в соответствии с правилами перевозок скоропортящихся грузов при температуре от 0 до –3°С. Охлажденная рыба хранится при температуре от 0 до –2°С в специальных «отделах свежести» холодильника или со льдом. Срок годности зависит от размера: крупная рыба хранится дольше, чем мелкая. В 1-ом и 4-ом квартале крупные экземпляры хранятся 12 дней, мелкие — 9 суток. Во 2-ом и 3-ем кварталах большая рыба хранится 10 дней, мелкая — 7 суток [1].

Заключение. Оценка качества и безопасности охлаждённой рыбы представляет собой сложный и многоступенчатый процесс, который требует внимательного подхода и применения современных методов оценки. Учитывая важность этого продукта в рационе человека, обеспечение его свежести и безопасности является приоритетной задачей как для производителей, так и для контролирующих органов. Ключевыми аспектами экспертизы являются соблюдение температурного режима на всех этапах хранения и транспортировки, а также использование органолептических, физико-химических и микробиологических методов анализа. Эти меры позволяют не только выявлять возможные нарушения в качестве и безопасности рыбы, но и гарантировать сохранение её питательных свойств. Таким образом, комплексный подход к оценке качества и безопасности охлаждённой рыбы является залогом успешного функционирования отрасли и удовлетворения потребительского спроса на безопасные и высококачественные продукты.

Список литературы:

[1] Товароведение и экспертиза рыбы и рыбной продукции: учебное пособие / составители Т. И. Шпак [и др.]. — Персиановский: Донской ГАУ, 2020. — 164 с. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система.

[2] Рязанова О. А., Дацун В.М., Позняковский В.М. Экспертиза рыбы, рыбопродуктов и нерыбных объектов водного промысла. Качество и безопасность: учебник для вузов; под редакцией В. М. Позняковский. — 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург: Лань, 2024. — 572 с. — ISBN 978-5-507-47603-9. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система.

[3] Асфондьярова И. В., Шевченко В.В. Товароведение и экспертиза качества мясных и рыбных товаров: учебное пособие. — Санкт-Петербург: Троицкий мост, 2018. — 140 с. — ISBN 978-5-4377-0109-6. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система.

[4] ТР ТС 022/2011 Пищевая продукция в части ее маркировки. Утвержден решением комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года. - 2011. – 22 С.

[5] ГОСТ 31339-2006 Рыба, нерыбные объекты и продукция из них. Правила приемки и методы отбора проб. – Москва: Стандартинформ, 2010. – 18 С.

[6] ГОСТ 814-2019 Рыба охлаждённая. Технические условия. – Москва: Стандартинформ, 2019. – 15 С.

[7] Козубов А.С., Гвоздева Ю.М., Каратунов В.А., Кобыляцкий П.С. Ветеринарно-санитарная экспертиза охлаждённой и мороженой рыбы в ветеринарной лаборатории // Актуальные направления инновационного развития животноводства, современные технологии производства продуктов питания и их безопасность: материалы междунар. научно-практ. конф. Том Часть 1. – пос. Персиановский. – 2021. – С. 158 – 161.

[8] Пронина С.В., Пронин Н.М., Зубин А.А., Кудряшов А.С. Исследование зараженности байкальских подкаменщиковых рыб (Cottoidei) плероцеркоидами Diphyllobothrium dendriticum. Паразитология. – 1992. - С. 53-61.

[9] Шибитов С. К. Распространение и комплексная диагностика описторхоза у непромысловых карповых рыб в Центральной России // Российский паразитологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 36 – 43.

References:

[1] Commodity science and expertise of fish and fish products: textbook/compilers T. I. Shpak [et al.]. - Persianovsky: Donskoy GAU, 2020. - 164 p. - Text: electronic//Doe: electronic library system.

[2] Ryazanova O. A., Datsun V.M., Poznyakovsky V.M. Examination of fish, fish products and non-fish objects of water fishing. Quality and safety: textbook for universities; edited by V. M. Poznyakovsky. - 2nd ed., Erased - St. Petersburg: Doe, 2024. - 572 p. - ISBN 978-5-507-47603-9. - Text: electronic//Doe: electronic library system.

[3] Asfondyarova I.V., Shevchenko V.V. Commodity science and quality examination of meat and fish products: a textbook. - St. Petersburg: Trinity Bridge, 2018. - 140 p. - ISBN 978-5-4377-0109-6. - Text: electronic//Doe: electronic library system.

[4] TR CU 022/2011 Food products in terms of their labeling. Approved by the decision of the Customs Union Commission of December 9, 2011. - 2011. - 22 C.

[5] GOST 31339-2006 Fish, non-fish objects and products from them. Acceptance rules and sampling methods. - Moscow: Standartinform, 2010. - 18 C.

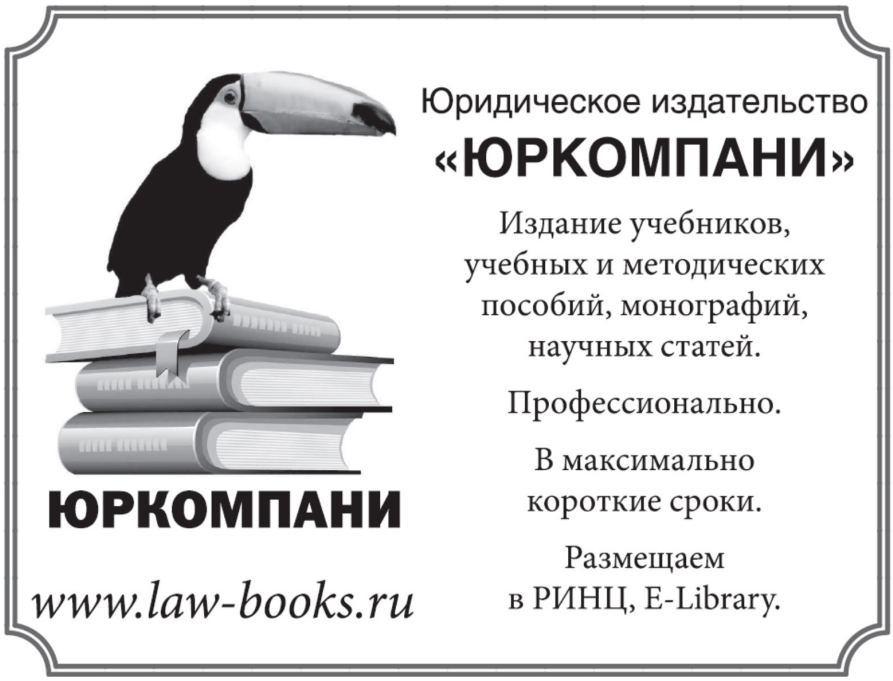
[6] GOST 814-2019 Chilled fish.

Specifications. - Moscow: Standartinform, 2019. - 15 C.

[7] Kozubov A.S., Gvozdeva Yu.M., Karatunov V.A., Kobylyatsky P.S. Veterinary and sanitary examination of chilled and frozen fish in a veterinary laboratory//Current directions of innovative development of animal husbandry, modern food production technologies and their safety: international materials. Scientific practice. conf. Volume Part 1. - pos. Persianovsky. – 2021. - S. 158-161.

[8] Pronina S.V., Pronin N.M., Zubin A.A., Kudryashov A.S. Study of infection of Baikal subsurface fish (Cottoidei) with Diphyllobothrium dendriticum plerocercoids. Parasitology. – 1992. - S. 53-61.

[9] Shibitov S.K. Distribution and comprehensive diagnosis of opisthorchiasis in non-industrial cyprinid fish in Central Russia//Russian Parasitological Journal. – 2019. – № 2. - S. 36-43.



Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-619-626

ЧУПИНА Ирина Павловна,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры философии Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: irinacupina716@gmail.com

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и экономической теории Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: nikolina73@yandex.ru

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,

кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: ethos08@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: palamit@rambler.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры философии Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: staheeva53@mail.ru

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКЦИИ РАСТЕНИЕВОДСТВА В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ РОССИИ

Аннотация. *Анализ региональной специфики производства продукции растениеводства в федеральных округах России всегда являлся одной из основных задач национальной безопасности. Самообеспеченность регионов страны необходимыми продуктами питания отрасли растениеводства зависит от климатических условий федеральных округов. Данная тема актуальна тем, что грамотное распределение продукции растениеводства по регионам дает высокие показатели и показывает рентабельность производства, что является необходимым условием для продовольственной безопасности страны. Цель статьи заключается в изучении и анализе распределения продукции растениеводства по регионам страны. В таблице 1 приведены природно – климатические факторы территориального развития АПК федеральных округов РФ. В таблице 2 рассмотрены основные условия для растениеводческой продукции. В таблице 3 проанализированы меры по адаптации растений к климатическим изменениям производства. Таблица 4 раскрывает проблемы и перспективы территориального развития АПК. В заключении отмечается, что растениеводство в регионах страны развивается неравномерно и имеет свою специфику, которая определяется, в первую очередь, климатическими условиями.*

Ключевые слова: *региональная специфика производства, продукция растениеводства, климатические условия, территориальное развитие, сельскохозяйственная продукция, специализация сельскохозяйственного производства, системы земледелия, методы обработки почвы.*

CHUPINA Irina Pavlovna,

Doctor of Economics, Associate Professor Professor, Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Associate Professor of the Department of Management and Economic Theory Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena Vasilievna,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head Department of Philosophy Ural State Agrarian University

YEGOROV Sergey Georgievich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Associate Professor of the Department of Philosophy Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov Vladimirovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Associate Professor of the Department of Philosophy Ural State Agrarian University

STAHEEVA Lyubov Mikhailovna,

PhD in Economics, Associate Professor Associate Professor, Department of Economics, Accounting and Financial Control Ural State Agrarian University

ANALYSIS OF REGIONAL SPECIFICS OF CROP PRODUCTION IN THE FEDERAL DISTRICTS OF RUSSIA

Annotation. *Analyzing the regional specifics of crop production in Russia's federal districts has always been a key national security objective. The self-sufficiency of the country's regions in essential crop production depends on the climatic conditions of the federal districts. This topic is relevant because the proper distribution of crop products across regions yields high yields and demonstrates production profitability, which is essential for the country's food security. The purpose of this article is to study and analyze the distribution of crop products across the country's regions. Table 1 summarizes the natural and climatic factors affecting the territorial development of the agro-industrial complex in the federal districts of the Russian Federation. Table 2 examines the key conditions for crop production. Table 3 analyzes measures to adapt crops to climate change in production. Table 4 reveals the challenges and prospects for the territorial development of the agro-industrial complex. The conclusion notes that crop production develops unevenly across the country's regions and has its own specific characteristics, determined primarily by climatic conditions*.

Key words: *regional specifics of production, crop products, climatic conditions, territorial development, agricultural products, specialization of agricultural production, farming systems, soil cultivation methods.*

Под территориальным развитием АПК понимается комплекс факторов, к которым, прежде всего, относятся природные, экономические, инфраструктурные и государственные. Территориальное развитие направлено на рациональное размещение сельскохозяйственного производства в регионах страны, исходя, в первую очередь, от географических условий производства сельскохозяйственной продукции. В таблице 1 проанализируем природно - климатические факторы территориального развития АПК федеральных округов России.

Таблица 1 – Природно – климатические факторы территориального развития АПК федеральных округов РФ [9]

№ п/п	Федеральные округа	Специализация федеральных округов
1.	Центральный федеральный округ (ЦФО)	Растениеводство является главной отраслью сельского хозяйства. В структуре посевных площадей преобладают зерновые и зернобобовые культуры, особенно в южных регионах
2.	Приволжский федеральный округ (ПФО)	Считается «житницей страны» по зерну и подсолнечнику
3.	Южный федеральный округ (ЮФО)	В растениеводстве преобладают зерновые культуры: пшеница (Ставропольский край), кукуруза, рис. Из технических культур выращивают сахарную свёклу, горчицу, подсолнечник, табак
4.	Северо – Кавказский федеральный округ (СКФО)	Развитыми отраслями считаются зерновое хозяйство, виноградарство, садоводство, овощеводство
5.	Уральский федеральный округ (УФО)	Выращивают яровую пшеницу, сахарную свёклу и подсолнечник благодаря серым лесным и чернозёмным почвам
6.	Сибирский федеральный округ (СФО)	Растениеводство в СФО развито неравномерно. Лидером является Алтайский край, где выращивают пшеницу, рожь, тритикале, ячмень, овёс, гречиху, кукурузу, просо, подсолнечник
7.	Дальневосточный федеральный округ (ДФО)	Специализируется на производстве ряда сельскохозяйственных культур, среди которых доминирующей остаётся соя. Также значимую роль играют кукуруза, рис, гречиха, пшеница
8.	Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)	Основные направления растениеводства в округе включают картофелеводство, овощеводство, кормопроизводство, выращивание льна и рапса

Проанализируем некоторые показатели таблицы 1. В Центральном федеральном округе благоприятные климатические условия для выращивания зерновых культур. Здесь выращивают пшеницу, ячмень, рапс, подсолнечник, лён - долгунец, сахарную свёклу. В Смоленской и Тверской областях в основном выращивают лен – долгунец для льняной промышленности. В округе развито и картофелеводство. В Московской и Калужской областях быстро растёт тепличная отрасль. На долю ЦФО приходится до 10% общероссийского валового сбора зерна и овощей, около 20% картофеля и более 20% рапса.

Для Приволжского федерального округа основными культурами являются пшеница, рожь, ячмень, сахарная свекла и подсолнечник. В Башкортостане и Татарстане развито плодоводство. В Оренбургской, Саратовской и Самарской областях выращивают просо, а в поймах и на орошаемых землях помимо овощеводческой продукции и картофелеводства выращивают арбузы и дыни.

В Южном федеральном округе Краснодарский край и Республика Адыгея являются единственными в России регионами, где выращивают чай. На ЮФО приходится 95% сбора винограда в стране. На Краснодарский край выращивание и сбор винограда приходится 53%, на Республику Дагестан - 16%, Республику

Крым - 12%, на Ставропольский край - 10%, на Кабардино-Балкарскую Республику - 4%.

Северо – Кавказский федеральный округ считается одним из основных зерновых регионов страны. В Ставропольском крае зерновые культуры занимают около 83% посевных площадей. Здесь выращивают в основном озимую пшеницу и ячмень, а в засушливых районах засухоустойчивые культуры - овёс, нут, сорго. В более увлажнённых зонах выращивают кукурузу, подсолнечник, гречиху, сою, сахарную свёклу. Помимо этого федеральный округ является крупным центром виноградарства и виноделия. В регионе расположены четыре винодельческих района: Ставропольский край, Республики Дагестан, Кабардино-Балкария и Северная Осетия - Алания. Лидером по площади виноградников является Республика Дагестан.

В Уральском федеральном округе основой растениеводства являются зерновые культуры. Ведущая культура - яровая пшеница, особенно твёрдые сорта, которые используются для производства макарон. Также выращивают рожь, овёс, ячмень, кукурузу и гречиху. Овощи выращивают как в открытом, так и в защищённом грунте. Челябинская область лидирует в УФО по производству тепличных овощей.

Сибирский федеральный округ характеризуется активным развитием садоводства. Республика Тыва в основном представлена производством овощных культур и картофеля, а также выращиванием кормовой базы для животных. Значительная доля растениеводства отмечена в Томской и Иркутской областях.

В Дальневосточном федеральном округе ведущей культурой в растениеводстве является соя, которая занимает в среднем более 50 % посевных площадей в регионах округа. Ежегодно увеличиваются и объемы выращивания кукурузы. В Приморском крае возделывают рис, а Забайкальский край лидирует по производству гречихи. В ДФО также выращивают овёс, рапс, картофель, овощи.

В Северо-Западном федеральном округе одной из основных культур является картофель. Основными производителями картофеля являются мелкотоварные хозяйства, хотя крупные и средние организации также участвуют в производстве. Ведущая роль на пашне принадлежит кормовым культурам, которые представлены многолетними злаковыми и бобовыми травами, травосмесями с их участием, а также силосными и зерновыми культурами, включая кукурузу в южных областях. Эффективное развитие кормопроизводства для крупного рогатого скота определяется рациональным использованием многолетних трав [8].

Льносеющими регионами являются Вологодская, Новгородская и Псковская области, где агроклиматические условия наиболее благоприятны для получения высокого стеблестоя с повышенным содержанием волокна хорошего качества. В Северо-Западном федеральном округе большое значение имеет и выращивание рапса, так как климатические условия являются подходящими для выращивания этой культуры.

Природно – климатические факторы являются основными в территориальном развитии сельскохозяйственного производства. Именно они определяют возможности или ограничения для ведения сельского хозяйства в регионах страны. Также данные факторы влияют на выбор культур в растениеводстве для определенных регионов, на методы обработки почвы и на территориальное размещение отраслей растениеводства и животноводства [7]. В таблице 2 рассмотрим основные природно – климатические условия.

Таблица 2 - Основные природно – климатические условия для растениеводческой продукции

№ п/п	Природно – климатические условия	Краткая характеристика
1.	Температурный режим	Сумма активных температур, продолжительность вегетационного периода, зимние температурные минимумы, глубина промерзания почвы
2.	Условия увлажнения	Годовая сумма осадков, их распределение по сезонам, испаряемость, коэффициент увлажнения - отношение годового количества осадков к испаряемости
3.	Температурный режим	Сумма активных температур, продолжительность вегетационного периода, зимние температурные минимумы, глубина промерзания почвы

4.	Условия увлажнения	Годовая сумма осадков, их распределение по сезонам, испаряемость, коэффициент увлажнения - отношение годового количества осадков к испаряемости
5.	Световой режим	Обеспеченность солнечной радиацией. Некоторые культуры требовательны к обилию солнца (сахарная свёкла, виноград), другие предпочитают прохладную и облачную погоду
6.	Вероятность экстремальных явлений	Засухи, заморозки, суховеи, ураганы, наводнения, град
7.	Продолжительность безморозного периода	Определяет длительность периода, в течение которого возможно выращивание культур
8.	Топографические условия местности	Рельеф, экспозиция склонов, которые влияют на распределение тепла, влаги и света

Природно – климатические условия определяют:

размещение и специализацию сельскохозяйственного производства. Например, в степных и лесостепных зонах с плодородными почвами и достаточным теплым климатом большое развитие получило зерновое хозяйство, в то время как в лесной зоне преобладают культуры с коротким периодом созревания (рожь, ячмень, овёс) и молочно - мясное скотоводство;

выбор культур. В южных регионах страны выращивают теплолюбивые культуры (кукурузу, виноград, цитрусовые), а в северных регионах в основном выращивают холодостойкие культуры, такие, как овёс и ячмень;

методы обработки почв и системы земледелия. В засушливых регионах требуется внедрение капельного орошения, почвозащитных методов, минимальной или нулевой обработки почвы для сохранения влаги и предотвращения эрозии, и, наоборот, в районах с избыточным увлажнением может потребоваться осушение;

развитие животноводства. На него влияют наличие пастбищ, их размеры, состав растительности и продолжительность периода использования. Наиболее зависимым от природно-климатических условий является пастбищное животноводство, к которому относятся овцеводство, скотоводство, оленеводство, коневодство [11].

На производство продукции растениеводства влияют и другие факторы, к которым относят государственную поддержку данной отрасли, внедрение новых технологий, погодные условия и обеспеченность ресурсами, к которым относятся удобрения, достаточный и качественный семенной фонд, а также необходимая сельскохозяйственная техника.

В регионах, где климат более благоприятный, растениеводство занимает ключевые позиции по производству продукции. В северных районах объемы производства ниже. Кроме того, экстремальные погодные условия могут негативно повлиять на производство продукции в регионах страны [5].

Последствия изменения климата также существенно начинают влиять на продукцию растениеводства. В наиболее северных регионах страны повышение температурных режимов приводит к расширению плодородных площадей под посевы. Но, в то же время, изменение климата ведет к усилению засухи в южных регионах – Кубани и Ставрополья. Адаптацию к изменениям климата проанализируем в таблице 3.

Таблица 3 – Меры по адаптации к климатическим изменениям

№ п/п	Меры по адаптации к климатическим изменениям
1.	Выведение засухоустойчивых, морозостойких, жаростойких или скороспелых сортов и гибридов растений
2.	Внедрение мелиоративных мероприятий - орошение, осушение, снегозадержание

3.	Переход к ресурсосберегающим технологиям земледелия - капельное орошение, микродождевание, точное земледелие
4.	Развитие адаптивно-ландшафтных систем земледелия с учётом рельефа, типов почв и ожидаемых климатических изменений
5.	Агрострахование для компенсации потерь от засух и заморозков
6.	Формирование стратегических запасов аграрной продукции для обеспечения продовольственной безопасности

Успешное развитие АПК в условиях меняющегося климата зависит от скорости адаптации к новым условиям, включая внедрение инноваций, климатического мониторинга и комплексного подхода, сочетающего технические, экономические и управленческие меры [10].

Помимо успешной адаптации к новым климатическим условиям, большую роль играют экономические и инфраструктурные факторы, которые включают близость к крупным городам, что одновременно является близостью к рынкам сбыта, и, в свою очередь, минимизирует логистические издержки. Важной составляющей является и достаточное количество перерабатывающих предприятий и овощехранилищ. Существенным фактором также является развитая социальная инфраструктура в сельской местности и достаточное количество квалифицированных кадров в сельскохозяйственных предприятиях.

Проблемы и перспективы территориального развития АПК рассмотрим в таблице 4.

Таблица 4 - Проблемы и перспективы территориального развития АПК

№ п/п	Проблемы территориального развития АПК	Перспективы территориального развития АПК
1.	*Деградация земель.* Выведение из оборота более 30 млн. га сельскохозяйственных земель, упадок мелиоративных систем, рост площади закисленных почв	*Цифровизация и внедрение инноваций.* Использование спутниковых данных для прогнозирования погоды, внедрение устойчивых к экстремальным условиям сортов растений и пород животных
2.	*Износ техники и нехватка квалифицированных кадров.* Дефицит молодых специалистов, готовых работать в сельской местности, и старение населения в сельских районах.	*Поддержка малых форм хозяйствования.* Развитие сельской кооперации, гранты для начинающих фермеров, субсидии на развитие семейных животноводческих ферм
3.	*Логистические сложности.* Удалённость некоторых регионов от рынков сбыта, недостаточно развитая транспортная инфраструктура	*Развитие инфраструктуры.* Строительство дорог, хранилищ, перерабатывающих предприятий, улучшение условий жизни в сельской местности
4.	*Неравномерность развития.* Разрыв между регионами-лидерами (Краснодарский край, Белгородская область и др.) и территориями с низким уровнем поддержки и производства	*Кластерная модель развития.* Формирование агропромышленных кластеров, объединяющих производство, переработку и сбыт продукции, что повышает конкурентоспособность регионов [6]
4.	*Климатические риски.* Экстремальные погодные явления (засухи, заморозки, ливни) негативно влияют на урожайность	*Развитие экспортного потенциала.* Выход на новые рынки (Юго-Восточная Азия, Африка, Латинская Америка), расширение ассортимента экспортируемой продукции

Государственная политика играет основную роль в поддержке сельскохозяйственных отраслей. Господдержка направляется по регионам с учетом приоритетных направлений развития, к которым относятся отечественное семеноводство, технологическая модернизация и производство овощей в защищенном грунте. Государственная поддержка включает:

Стратегию устойчивого развития сельских территорий до 2030 года, которая направлена на улучшение инфраструктуры в сельской местности [3];

Государственную программу эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения, нацеленную на увеличение площадей обрабатываемых земель [2];

Федеральную научно – техническую программу развития сельского хозяйства до 2030 года, где основное внимание уделяется продовольственной безопасности страны и ее регионов [1];

Программу комплексного развития сельских территорий [4].

Таким образом, нужно отметить, что растениеводство в федеральных округах РФ развивается неравномерно и имеет свою региональную специфику, которая определяется природно – климатическими условиями, почвами, развитой структурой сельскохозяйственных отраслей.

Список литературы:

[1] Федеральная научно – техническая программа развития сельского хозяйства до 2030 года - [Электронный ресурс]: https://specagro.ru/fntp (дата обращения 20.04. 2026).

[2] Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения, нацеленная на увеличение площадей обрабатываемых земель - [Электронный ресурс]: https://docs.cntd.ru/document/603604725 (дата обращения 21.04.2026).

[3] Стратегия устойчивого развития сельских территорий до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р - [Электронный ресурс]: https://mcx.gov.ru/upload/iblock/b8d/b8d191bd05d8b4ca208620b726246ede.pdf

[4] Программа комплексного развития сельских территорий. Утверждена постановлением Правительства от 31 мая 2019 года № 696. - [Электронный ресурс]: http://government.ru/rugovclassifier/878/events/ (дата обращения 20.04.2026).

[5] Аникиенко Н. Н., Савченко И. А. Особенности развития сельского хозяйства в регионе // Продовольственная политика и безопасность. 2025. Т. 12, № 3. С. 789 - 804.

[6] Вицко Е.А. Анализ и оценка развития агропромышленных кластеров СЗФО в условиях импортозамещения // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 2. С. 17-30.

[7] Закшевский В.Г., Богомолова И.П., Василенко И.Н. и др. Продовольственная независимость России: современное состояние, риски безопасности, перспективные тренды // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Т. 10, № 1. С. 9 - 28.

[8] Китаёв Ю. А., Громов Е. И., Ужик В. Ф., Китаёва О. В. Специфика развития агропромышленного производства в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2024. Т. 17, № 4. С. 198 – 206.

[9] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. Москва: Росстат, 2023. 1128 с.

[10] Смыслова О.Ю., Юрова П.Н., Иванова А.А. Особенности развития аграрного производства в России в современных условиях // Фундаментальные исследования. 2022. № 10. С. 96 - 104.

[11] Хрючкина Е.А., Якунина В.Н. Современное состояние регионального агропромышленного комплекса // Материалы Афанасьевских чтений. 2023. № 3. С. 52 - 56.

References:

[1] Federal Scientific and Technical Program for the Development of Agriculture until 2030 - [Electronic resource]: https://specagro.ru/fntp (date of access 04/20/2026).

[2] State Program for the Effective Involvement of Agricultural Land in Circulation, Aimed at Increasing the Area of Cultivated Land - [Electronic resource]: https://docs.cntd.ru/document/603604725 (date of access 04/21/2026).

[3] Strategy for Sustainable Development of Rural Areas until 2030. Approved by the Order of the Government of the Russian Federation of February 2, 2015, No. 151-r - [Electronic resource]: https://mcx.gov.ru/upload/iblock/b8d/b8d191bd05d8b4ca208620b726246ede.pdf

[4] The Program for the Comprehensive Development of Rural Areas. Approved by the Government Resolution of May 31, 2019, No. 696. - [Electronic resource]: http://government.ru/rugovclassifier/878/events/ (date of access 04/20/2026).

[5] Anikienko N. N., Savchenko I. A. Features of the development of agriculture in the region //

Food Policy and Security. 2025. Vol. 12, No. 3. pp. 789-804.

[6] Vitsko E. A. Analysis and assessment of the development of agro-industrial clusters of the Northwestern Federal District in the context of import substitution // Bulletin of the Humanitarian University. 2023. No. 2. pp. 17-30.

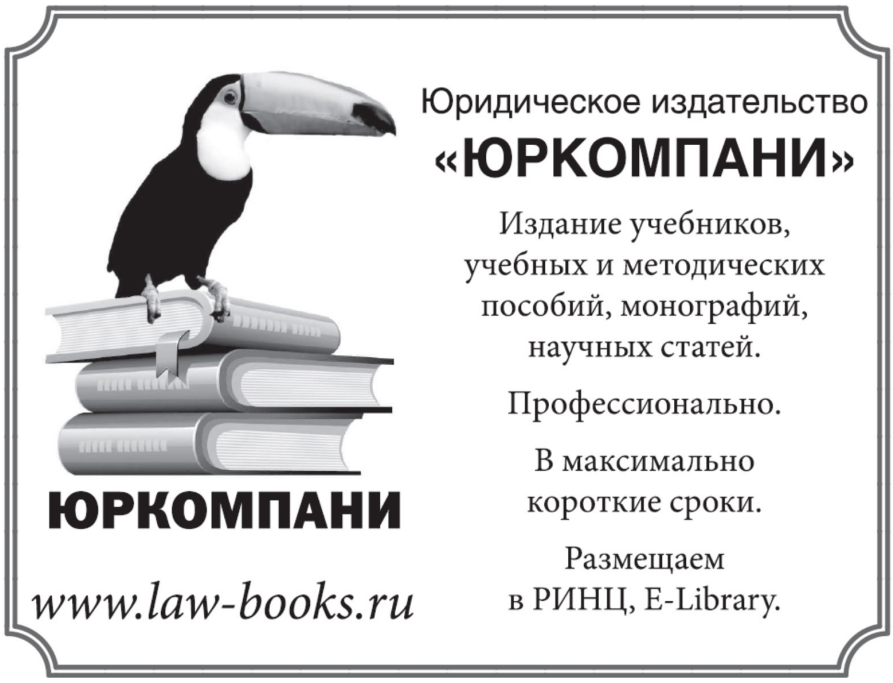
[7] Zakshevsky V. G., Bogomolova I. P., Vasilenko I. N. et al. Food independence of Russia: current state, security risks, promising trends // Food Policy and Security. 2023. Vol. 10, No. 1. Pp. 9–28.

[8] Kitaev Yu. A., Gromov E. I., Uzhik V. F., Kitaeva O. V. Specifics of the Development of Agro-Industrial Production in the Northwestern Federal District of the Russian Federation // Bulletin of the Voronezh State Agrarian University. 2024. Vol. 17, No. 4. Pp. 198–206.

[9] Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2023: Stat. collection. Moscow: Rosstat, 2023. 1128 p.

[10] Smyslova O. Yu., Yurova P. N., Ivanova A. A. Features of the development of agricultural production in Russia under modern conditions // Fundamental research. 2022. No. 10. pp. 96-104.

[11] Khryuchkina E. A., Yakunina V. N. Current state of the regional agro-industrial complex // Materials of the Afanasyev readings. 2023. No. 3. pp. 52-56.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-627-634

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: palamit@rambler.ru

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: ethos08@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: nikolina73@yandex.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: staheeva53@mail.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,

доктор экономических наук, профессор кафедры философии Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: irinacupina716@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ СОВРЕМЕННЫМИ СТУДЕНТАМИ

Аннотация. *Проблема эффективного использования времени является актуальной для каждого человека. Особенно актуальной сегодня она является для студентов, график учебы и работы которых довольно насыщен. Каждый из них должен многое успевать каждый день. Как именно студенты распределяют собственное время, на что они ориентируются и каковы их предпочтения сегодня?*

Предметом исследования в статье являются навыки тайм-менеджмента у современных студентов на примере студентов Уральского государственного аграрного университета. Методами исследования были выбраны анализ литературы, анализ локальных нормативных актов, устный опрос и письменное анкетирование студентов, а также экспертные интервью.

Анализ результатов проведенного социологического исследования показал, что только 20% студентов имеют устойчивые навыки тайм-менеджмента. Такие студенты, как правило, хорошо учатся, большинство из них являются отличниками. 70% респондентов показали, что их навыки управления своим временем не являются устойчивыми, часто такие студенты недостаточно эффективно используют свое время. 10% студентов показали низкий результат,

что свидетельствует о том, что они находятся в кризисном состоянии, что отражается на их самочувствии, самооценке и отношении с окружающими.

В качестве рекомендации по проведенному исследованию было предложено вводить изучение тайм-менеджмента в образовательных учреждениях либо как самостоятельной учебной дисциплины, либо как блока других учебных дисциплин с отработкой навыков управления своим временем на практических занятиях.

Ключевые слова: *время, управление временем, тайм-менеджмент, эффективность планирования, стрессовые ситуации, здоровье, режим труда и отдыха, социологическое исследование, опрос.*

KOSHELENKO Lyubov Vladimirovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey Georgievich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Philosophy Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena Vasilyevna,

PhD, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalia Nikolaevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department management and economic theory Ural State Agrarian University

STAKHEEVA Lyubov Mihailovna,

PhD in Economics, Associate Professor of Accounting and Auditing Department Ural State Agrarian University

CHUPINA Irina Pavlovna,

Doctor of Economics, Professor of Philosophy of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

STUDY OF THE EFFECTIVENESS OF TIME USE BY MODERN STUDENTS

Annotation. *The problem of effective use of time is relevant for every person. It is especially relevant today for students, whose study and work schedules are quite busy. Each of them must manage a lot every day. How do students allocate their time, what do they focus on, and what are their preferences today?*

The subject of this article is the time management skills of modern students, as exemplified by students at the Ural State Agrarian University. The research methods included literature analysis, analysis of local regulations, oral and written surveys of students, and expert interviews.

An analysis of the results of the conducted sociological research showed that only 20% of students have stable time management skills. Such students tend to be good students, and most of them are top students. 70% of the respondents showed that their time management skills are not stable, and they often do not use their time effectively. 10% of the students showed a low result, which indicates that they are in a crisis state, which affects their well-being, self-esteem, and relationships with others.

As a recommendation based on the study, it was suggested that time management should be introduced in educational institutions either as a standalone subject or as a block of other subjects, with practical training in time management.

Key words: *time, time management, time-management, planning efficiency, stressful situations, health, work and rest regime, sociological research, survey.*

В настоящее время, в эпоху высокого уровня технических достижений, которые позволяют нам экономить время за счет скоростных транспортных средств, четкого удобного расписания занятий и др., многие студенты отмечают постоянную нехватку времени и, как следствие, – возникновение множества проблем из-за этого. Ускорение темпа жизни, стремление успеть, все чаще приводит к стрессовым ситуациям, перегрузкам, напряжению, дискомфорту, ущербу своему здоровью. Какова же эффективность использования рабочего и свободного времени студентов? «Время – важнейший ресурс каждого человека. Именно оно упорядочивает нашу жизнь, определяет ее смысл, дает возможности для самореализации. Часто мы тратим его, не замечая, ждем, когда же закончится определенный период нашей жизни, не вкладываем в него никаких целей и смысла. Просто тратим свою жизнь и не знаем, зачем. Одна из главнейших ценностей нашего существования – время – часто не ценится нами, не воспринимается, как вся наша жизнь» [7].

Наша жизнь – это время, которое нам дано, чтобы расти и развиваться, чтобы достигать жизненных целей, чтобы оставить после себя память. Поэтому время – наш главный ресурс – необходимо тратить эффективно, рационально, а не «в пустую». Счастье, любовь, милосердие, добро, долг, а также самореализация, – необходимы человеку в его жизни. В процессе своего развития и роста, человек должен понять, что жизнь прекрасна, что жить без эстетических категорий нельзя. «В отечественной литературе идут споры о необходимости давать студентам знания об эстетической составляющей, в то время как другие ученые считают, что студенты нуждаются в практических навыках в сфере эстетики в профессиональной деятельности специалиста» [6, с. 153].

Студенты – это молодые люди, постигающие будущую профессию. Они только определяют собственные цели, однако их профессиональное становление также требует определенного времени и сил. Время в университете они тратят по-разному: учатся, занимаются физкультурой, получают опыт самостоятельности, работают, отдыхают, обустраивают свой быт. Определиться в поиске себя бывает очень непросто, однако, будущая профессия, выбранная молодым человеком, направляет его по жизни. «Проблема дефицита времени – это повсеместное явление, которое возникает вовсе не от того, что в сутках только 24 часа, а от неумения эти часы рационально распределить» [4, с. 31].

Конечно, студентам очень трудно вступать в новый, самостоятельный мир после обучения в школе и проживания вместе с родителями. Теперь они почти взрослые люди и им приходится принимать самостоятельные решения, совершать поступки взрослых людей. Ответственности становится больше, меняется поведение, привычки, стереотипы, происходит переоценка ценностей.

«Молодые люди в студенческие годы ищут себя. Не только профессионально, но и личностно. Они все еще формируют свою систему ценностей, опираясь на ценности общества, авторитетных для себя людей, ищут примеры успешной самореализации, ориентируются на них, выбирают свой собственный путь» [4, с. 35].

В этой ситуации молодым людям нужно становиться более дисциплинированными, учиться планировать свое время. Им нужно успеть обучиться профессии, построить карьеру, создать семью, свой дом, воспитать детей и так далее. Однако не все молодые люди успевают это сделать. Многие исследователи отмечают довольно позднее взросление новых поколений. Они не хотят взрослеть. Многие из них постоянно живут с родителями, долго находятся под их покровительством и контролем. Это происходит в силу разных причин: финансовых проблем в семье, инфантильности детей и отсутствия самостоятельности. Но время – это наш главный ресурс. А это значит, что только оно определяет наши возможности. «Человек, умеющий эффективно распоряжаться своим временем, всегда будет более успешен, добьется больших высот в жизни и в конечном итоге сможет наиболее полным образом себя реализовать. В конечном итоге неумение распоряжаться временем влечет за собой множество неприятных факторов и проблемы со здоровьем» [8].

С раннего детства необходимо воспитывать и формировать в человеке умение рационально и эффективно распоряжаться временем. Только так человек будет осознанно и эффективно проживать свою жизнь, то время, которое у него есть. Мы знаем множество великих людей, успевавших за свою недолгую жизнь оставить после себя огромное наследие. Знаем и такие примеры, которые могут «просто проживать» свое время и не думать ни о чем, кроме комфорта. Многие факторы, не зависящие от нас, поглощают наше время, независимо от наших желаний. Так, исследователи: Москалюк А.М., Сиренко Д.П., Некрасова О.О. отмечают внутренние и внешние причины дефицита времени. «Внешние причины связаны с воздействиями окружающей среды и не зависят от личных качеств и способностей:

Нагромождение работ – сводится к принципу «сделай сам», поэтому он стремится делать всю работу сам и за выполнением мелких

и незначительных дел не успевает заняться наиболее важными.

Неэффективный информационный обмен – низкая организация информирования занимает дополнительное время на получение необходимой информации.

Слабая мотивация труда – отсутствие стремления эффективно наладить свой рабочий процесс, что в результате способствует несвоевременному выполнению заданий и хронической нехватке времени» [8].

Можно добавить еще и стояние в пробках, постоянные телефонные звонки или сообщения, компьютерные игры, социальные сети, «ничего не делание» – вид досуга, который сегодня становится все более популярным. «Внутренние причины зависят от характеристик личности. К ним относятся:

Постоянная спешка – данная причина свидетельствует о неорганизованности. Студент постоянно спешит и никуда не успевает, тем самым показывает своим однокурсникам неправильную модель поведения, что, в свою очередь, приводит к ошибкам в работе и негативно сказывается на общих результатах деятельности.

Постоянные доработки дома – отсутствие достаточного времени для отдыха сказывается на его работоспособности.

Суетливость – студент мечется от одного дела к другому и в конце рабочего дня остается ощущение, что не сделано ничего.

Нежелание видеть проблему – студент склонен к отрицанию постоянной нехватки времени в деятельности и оправдывает это накоплением большого количества дел.

Все это отнимает много времени и отвлекает от действительно важных дел» [8].

Время – самое дорогое, что есть у каждого человека. Оно измеряет нашу жизнь, устремления, поступки. Образование сегодня – это необходимое условие успешного существования. Оно требует много времени. И чем эффективнее мы его используем, тем качественнее становится наша жизнь. Студенту было трудно во все времена: нужно многое успеть, обиходить себя, усвоить много информации и др. «Учеба в высшем учебном заведении ставит перед студентами очень сложные задачи, которые предполагают не только усвоение большого количества информации, но и обучение качественной концентрации этой информации для того, чтобы человек мог буквально превзойти свои прежние возможности. ... Всему этому необходимо учиться и очень быстро. Студент должен научиться планировать свой рабочий день так, чтобы ему можно было бы заниматься не только учебой, но и увеличить количество свободного времени для вне учебной деятельности и отдыха» [1].

В настоящее время большой популярностью пользуется тайм-менеджмент. «Тайм-менеджмент – это не просто «управление физическим временем», а, прежде всего, организация и самоорганизация человека или группы людей для того, чтобы в отведенное для работы или учебы время, порученные задания не только были бы выполнены, но и было бы достигнуто удовлетворение выполняемой работой так, чтобы не было каких бы то ни было субъективных препятствий, барьеров для продолжения работы. Кроме того, в процессе выполнения этой работы, возникали бы резервы для повышения эффективности использования имеющихся ресурсов в следующий аналогичный период времени, когда ему будет поручаться аналогичная задача» [1].

«Тайм-менеджмент (англ. управление временем) – это учёт, распределение и оперативное планирование собственных ресурсов времени. Современный тайм-менеджмент – это комплексная система управления собой и своей деятельностью, основанная на принципах:

Время – невосполнимый ресурс.

Успешен тот, кто успевает.

Успевать – значит делать все вовремя» [3].

Человек сам учится управлять своим временем, а значит и жизнью. Однако, этот путь довольно трудный. «У него (студента) не хватает времени для подготовки к учебным занятиям, к экзаменам и зачетам, выполнения заданий практики, написания отчетов или выполнения курсовой работы. Именно в этих обстоятельствах эффективной помощью в работе с такими студентами является использование технологии «тайм-менеджмент» [5, с. 135]. «Тайм-менеджмент» – это технология рациональной организации времени для решения поставленных проблем и достижения личных целей» [10, с. 15].

«В России вместо термина «тайм-менежмент» существует понятие НОТ (научная организация труда) и оно начинает широко использоваться в 80-е годы. С переходом к рыночной экономике в России появился термин «time management», и соответствующие тренинги. Первым основателем технологии «Тайм-менеджмет» в России стал Глеб Архангельский, который возглавил консалтинговую компанию «Организация времени» и написал много книг, связанных с проблемой управления временем» [2].

Для более глубокого изучения проблемы, мы обратились к самим студентам, которые поделились своим опытом распределения времени. Нами было проведено исследование по выявлению эффективности использования рабочего времени. В исследовании приняло участие 100 человек. В этой работе была

применена методика тестирования, которую предложили в своем учебном пособии авторы: С.Д. Резник, С.Н. Соколов и В.В. Бондаренко. Эта методика представляла собой оценку эффективности труда и отдыха работника. Она включала в себя 16 вопросов, в которых было по три варианта ответов. Полученные результаты были подвергнуты следующему анализу.

По первому вопросу о выяснении обязательности студентов при необходимости вставать рано утром, было определено, что 80% студентов чувствуют эту ответственность и обязательно страхуют себя, заводя будильник в таких случаях. Остальные 20%, к сожалению, не показали высокий уровень ответственности. Они отметили, что не чувствуют напряжения, если опаздывают куда-либо.

Второй вопрос определял особенности поведения ребят во время утреннего вставания. 60% студентов любят понежиться под одеялом, что говорит об отсутствии четкого распределения времени и наличии слабости в характере. Только 5% респондентов встают и делают гимнастику. 35% быстро вскакивают с постели и включаются в работу. При этом, 35% респондентов способны проснуться рано утром и бодро себя чувствовать.

Следующий вопрос касался полноценности завтрака студентов. 70% опрошенных показали, что обычно на завтрак у них кофе и бутерброды – то есть быстрый завтрак. 20% респондентов отметили добротный полноценный завтрак в виде каши или мясного блюда, кофе или чая. 10% предпочитают не завтракать вообще, а перекусить в институте на первой или второй перемене. Эти результаты обусловлены не только основательностью студентов, но и помощью их родителей: студенты, проживающие дома, пользуются уже приготовленными их родителями завтраками, что конечно, экономит много их утреннего времени.

Четвертый вопрос о предпочитаемом графике работы был воспринят студентами однозначно. Все они хотели бы работать по гибкому графику. Мы полагаем, что это неплохо, так как студенты выразили инициативу самостоятельно распределять свое рабочее время. При этом, стремление к самостоятельности отмечается у большинства молодых людей. Но дистанционный или смешанный графики работы с неизбежностью порождают проблемы вопросы профессиональной социализации и трудовой дисциплины сотрудников [10, с. 83].

Следующий вопрос о регламенте обеденного перерыва показал, что студентам в обеденное время хотелось бы успевать не только поесть, но еще и отдохнуть. Варианты отдыха предлагались разные. Студенты склонялись и к активному, и к пассивному отдыху, что зависит от основного вида деятельности.

Шестой вопрос был посвящен анализу возможности пошутить с друзьями в напряженной рабочей обстановке. 90% респондентов отметили, что делают это постоянно. Вызывают тревогу остальные 10%, которые отметили невозможность шутить каждый день. Они подчеркнули, что делают это редко. Возможно, это вызвано складом их характера и другими личностными качествами.

Свое поведение в споре в виде активных дискуссий отметили 60% респондентов. Самоустраняются в таких ситуациях обычно 40% ребят. Не вступают в споры вообще 20% студентов. Здесь необходимо отметить не очень высокий уровень культуры делового взаимодействия у студентов. С одной стороны, это нормальное явление, так как они еще только учатся этому взаимодействию. С другой стороны, они уже достаточно взрослые люди, чтобы вести себя более сдержанно в одних ситуациях и раскованно в других.

Средний интервал времени, на которое студенты способны задержаться в университете составил не более 20 минут. Этот показатель отметили 55% студентов. На 1 час способны задержаться 35% ребят. По этим результатам можно судить об усталости и стремлении скорее отправиться домой, там отдохнуть, а может быть о недостаточной сплоченности ребят в студенческих группах и наличии у них разных интересов и друзей вне университета. Те, кто часто остается в университете на время более часа – 20%. Это говорит о том, что им интересно в университете, что здесь у них есть друзья, они стремятся к общению.

Хобби и домашние дела явились основным компонентом свободного времени студентов. 60% студентов заняты домашними делами, 38% – имеют свое хобби. 2% опрошенных отметили, что занимаются общественной работой. Это соотношение говорит о том, что необходимость выполнения домашней работы часто превращает их досуг в вынужденные дела, которые требуют больших потерь времени и сил. Те студенты, которые имеют собственное хобби, скорее всего, жители города, они занимаются любимыми делами дома или посещают секции и кружки. У тех же, у кого не хватает на это времени, скорее всего – иногородние студенты. Им некогда отвлекаться, так как они часто находятся в дороге, или вынуждены выполнять домашние дела: готовить, убираться, стирать и др.

Вопрос об отношении к приходу гостей вызвал неоднозначные ответы. Мнения студентов разделились. Так, 45% респондентов отметили, что любят приход гостей, так как считают это возможностью пообщаться, отдохнуть от

повседневности и отключиться от нее, а также весело провести время. 55% опрошенных отметили, что приход гостей обычно для них означает потерю времени и денег. С позиции рационализма – это не совсем желательное для них явление, они предпочитают сами сходить к кому-нибудь в гости.

Регулярный отход ко сну отвергли все респонденты. Основная масса студентов отметила, что идет спать по настроению и таких 65% случаев. 25% показали, что считают возможным идти спать только тогда, когда все дела сделаны. Эти мнения характеризуются недостатком ответственности среди молодежи, но возможно, это естественно в их молодом возрасте. 10% респондентов отмечают, что спать ложатся только под утро. Они любят общаться ночью в социальных сетях или играть в интернет игры. Конечно, они знают о вреде здоровью такого режима, однако, признают свою зависимость и невозможность справиться с такой привычкой.

90% студентов предпочитают использование каникул полностью в одно и то же время. 10% респондентов хотели бы отдыхать в два раза меньше, но два раза в год. Это показывает, что насыщенность и загруженность их в университете часто сводит их учебу в большей степени к ожиданию каникул. Кто-то предпочитает отдыхать долго, но редко, а кто-то – часто и небольшими порциями.

Отношение к спорту практически у всех студентов положительное. Тем не менее, все они подчеркивают свою нехватку времени для занятий спортом. Специально отводят время на спорт лишь 20% обучающихся. Следует отметить силу воли у этих ребят, так как они уже занимаются спортом постоянно и целенаправленно. Роль болельщика выбрали 20% студентов, так как предпочитают наблюдать спортивные состязания по телевизору или на стадионе, чем бегать по стадиону самим. Остальные студенты – 60% – довольствуются повседневными нагрузками и считают их вполне достаточными для поддержания формы.

В течение двух последних недель студенты успели потанцевать – таких было 60%, позаниматься физическим трудом или просто пройтись пешком смогли 40%. Несмотря на нехватку времени, студенты все же ведут активный образ жизни. Они посещают дискотеки, гуляют по улице, организуют свой круг друзей, а их отдых обычно имеет подвижный характер.

Летние каникулы студенты проводят по-разному. 20% гуляют и занимаются спортом, 30% трудятся в саду или на даче, 50% отдыхают пассивно или работают. Здесь нужно учитывать и возможности студентов во время каникул. Многое зависит от материального уровня семьи. Поедет студент в путешествие, проведет каникулы дома или устроится на работу – это чаще всего вопрос финансовых возможностей.

20% студентов в ходе исследования показали хорошие результаты. Так они правильно организуют свой режим дня, оставляют резервы времени для непредвиденных ситуаций. Эти студенты действительно являются успевающими, большинство из них – отличники учебы, активисты, участники общественной работы, просто ответственные люди. Некоторые из них планируют свое время на неделю, фиксируют необходимые для выполнения дела, самостоятельно контролируют себя, делают самоотчеты. При этом, они отмечают, что отдых для них – это смена деятельности. Они говорят о том, что мало смотрят телевизор – если смотрят, то только любимые передачи, которые активно воспринимают и анализируют. Данные студенты не проводят время «просто так», они всегда стараются потратить время с пользой. Они менее подвержены стрессам, неадекватным реакциям, противоречиям в контактах с собеседниками. Как правило, они – оптимисты.

70% респондентов показали, что они еще не достигли совершенства в эффективном использовании своего времени. У этих студентов, возможно, недостаточно проявляется воля, сила характера, они не занимаются четким планированием времени, не контролируют себя и не делают самоотчетов. Несмотря на эти факторы, у них есть все предпосылки сформировать в себе правильное, рациональное отношение к использованию собственных временных ресурсов. Если они поставят перед собой такую цель.

10% студентов показали низкий результат. Это говорит о том, что они находятся в кризисном состоянии, что отражается на их самочувствии, самооценке и отношении с окружающими. Этим студентам необходима помощь извне и, конечно, желание изменить свой образ жизни.

«В целом, необходимо отметить, что данная работа по организации учебной деятельности студентов вуза уже сейчас дает им возможность отработать навыки эффективной организации профессиональной деятельности специалиста, которые им пригодятся в дальнейшем. Поэтому, необходимо в профессиональной подготовке специалистов уделять внимание данному вопросу» [5, с. 131].

Таким образом, отметим, что время – это важнейший ресурс нашей жизни. От того, как мы им распоряжаемся, зависит наша жизнь и, часто жизнь других людей. Умение распоряжаться временем, планирование, распределение жизненных ресурсов позволяет значительно повысить его эффективность. При этом привычка

рационально и эффективно использовать свое и чужое время закладывается в детстве [9, с. 33].

Сегодня многие молодые люди учатся управлять временем самостоятельно, бессистемно. Однако, мы надеемся, что в ближайшем будущем, этим умениям будут обучать в образовательных учреждениях с самого раннего возраста.

Список литературы:

[1] Авраменко М.А. Использование тайм-менеджмента студентами // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2020. - №12-4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-taym-menedzhmenta-studentami

[2] Архангельский Г.А. Тайм-драйв. Как успевать жить и работать. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 272 с.

[3] Горшенина Е.В. Рациональное использование ресурса времени // Экономические исследования. 2023. – №1.- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnoe-ispolzovanie-resursa-vremeni

[4] Исмагилов Р. Х., Фаттахов Х. И. Повышение эффективности планирования и контроля производственных процессов на промышленных предприятиях за счет применения инструмента бережливого производства «Shop floor management» // Организатор производства. - 2014. – №1. – С. 30-36.

[5] Кошеленко Л.В. Изучение смысла жизни подрастающего поколения // Междисциплинарные аспекты современной науки: социокультурные и духовные основы философии, экономики, туризма: материалы Всероссийской национальной научно – практической конференции. Уральский государственный аграрный университет. 11 ноября 2025 года. – Екатеринбург, 2025. – Часть 1. – С. 129 – 135.

[6] Кошеленко Л.В. Организация досуга студенческой молодежи // Междисциплинарные аспекты современной науки: социокультурные и духовные основы философии, экономики, туризма: материалы Всероссийской национальной научно – практической конференции. Уральский государственный аграрный университет. 11 ноября 2025 года. – Екатеринбург, 2025. – Часть 1. – С. 151 – 158.

[7] Максимова А.А., Митичева Е.В., Феоктистова Е.А. Технология «Тайм-менеджмент» в организации учебной деятельности студентов университета // Приволжский научный вестник. - 2014. – № 12 - 4 (40). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-taym-menedzhment-v-organizatsii-uchebnoy-deyatelnosti-studentov-universiteta

[8] Москалюк А.М., Сиренко Д.П., Некрасова О.О. Причины дефицита времени и методы их устранения // Вестник молодежной науки. - 2017. - № 3 (10) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-defitsita-vremeni-i-metody-ih-ustraneniya

[9] Трейси Б. Мастер времени. – М.: Попурри, 2022. – 144 с.

[10] Хайнц М. Позитивный тайм-менеджмент. – М.: Альпина, 2019. – 128 с.

References:

[1] Avramenko M.A. The Use of Time Management by Students // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2020. - № 12-4. – [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-taym-menedzhmenta-studentami

[2] Arkhangelsky G.A. Time-drive. How to manage to live and work. – M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2012. – 272 p.

[3] Gorshenina E.V. Rational use of time resource // Economic research. 2023. – № 1. - [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnoe-ispolzovanie-resursa-vremeni

[4] Ismagilov R. Kh., Fattakhov Kh. I. Improving the efficiency of planning and control of production processes at industrial enterprises by using the lean production tool “Shop floor management” // Organizer of Production. - 2014. – № 1. – Pp. 30-36.

[5] Koshelenko L.V. Studying the Meaning of Life of the Younger Generation // Interdisciplinary Aspects of Modern Science: Sociocultural and spiritual foundations of philosophy, economics, and tourism: materials of the All-Russian National Scientific and Practical Conference. Ural State Agrarian University. November 11, 2025. – Yekaterinburg, 2025. – Part 1. – Pp. 129 – 135.

[6] Koshelenko L.V. Organization of Leisure Activities for Student Youth // Interdisciplinary Aspects of Modern Science: Sociocultural and Spiritual Foundations of Philosophy, Economics, and Tourism: Materials of the All-Russian National Scientific and Practical Conference. Ural State Agrarian University. November 11, 2025. – Yekaterinburg, 2025. – Part 1. – C. 151 – 158.

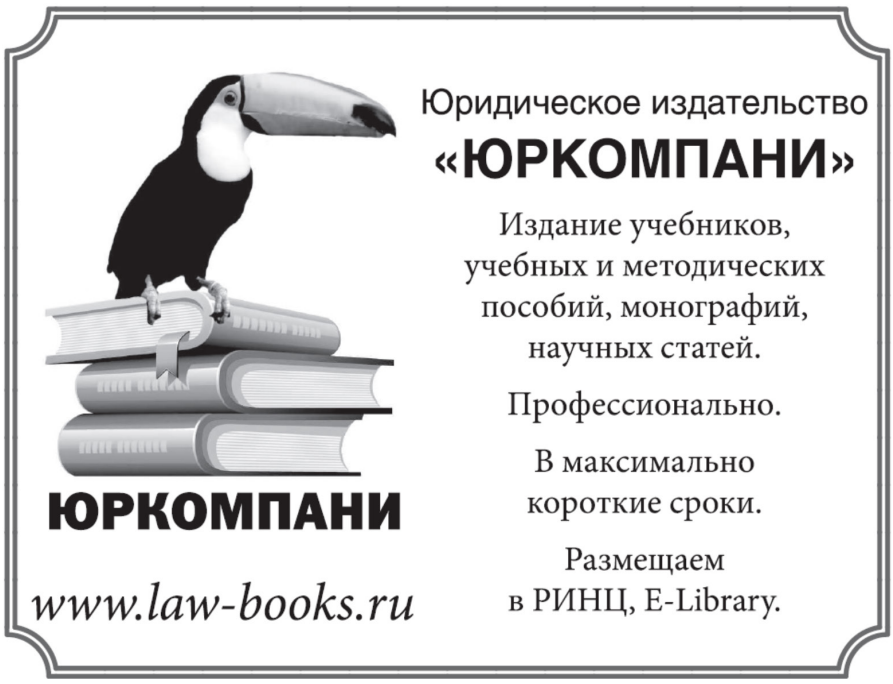
[7] Maksimova A.A., Miticheva E.V., Feoktistova E.A. Technology of “Time management” in the organization of educational activities of university students // Privolzhsky Scientific Bulletin. - 2014. – № 12 - 4 (40). – [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-taym-menedzhment-v-organizatsii-uchebnoy-deyatelnosti-studentov-universiteta

[8] Moskalyuk A.M., Sirenko D.P., Nekrasova

O.O. Causes of Time Shortage and Methods of Its Elimination // Bulletin of Youth Science. - 2017. - № 3 (10). – [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-defitsita-vremeni-i-metody-ih-ustraneniya

[9] Tracy B. Master of Time. – Moscow: Popuri, 2022. – 144 p.

[10] Heinz M. Positive Time Management. – Moscow: Alpina, 2019. – 128 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 26.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-635-639

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,

преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: darya.ukrozhenkozoo@mail.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: alexeystepanow@mail.ru

РАЖИНА Ева Валерьевна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: eva.mats@mail.ru

ГАЛУШИНА Полина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: sid-polina@yandex.ru

САЯФАРОВА Наталья Александровна,

преподаватель кафедры зооинженерии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: sayafarova76@mail.ru

КАНЕВ Прокопий Николаевич,

преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: kanevxok@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. *Статья посвящена анализу трансформации профессиональной роли преподавателя в условиях цифровой трансформации образования. Рассматриваются изменения в педагогической парадигме: переход от традиционной модели, где педагог выступал основным транслятором знаний, к новой, где он становится наставником, фасилитатором и мотиватором. Анализируются новые компетенции, необходимые современному педагогу, включая владение инструментами искусственного интеллекта, промпт-инжиниринг, обеспечение информационной безопасности и соблюдение этических норм. Особое внимание уделяется проблемам сохранения человеческого контакта в цифровой среде, рискам профессионального выгорания педагогов, а также практическим стратегиям адаптации к новым условиям. В статье также рассматриваются различные роли преподавателя в смешанном и гибридном обучении, а также трансформация педагогических подходов от лекции к фасилитации и проектному обучению.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация образования, роль преподавателя, педагогическая фасилитация, профессиональное выгорание, адаптивные стратегии, искусственный интеллект в образовании, смешанное обучение.*

UKROZHENKO Daria Sergeevna,

Lecturer, of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

STEPANOV Alexey Vladimirovich,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

RAZHINA Eva Valerievna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

GALUSHINA Polina Sergeevna,

senior lecturer of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

SAYAFAROVA Natalia Alexandrovna,

Lecturer, of the Department of Animal Engineering, Ural State Agrarian University

KANEV Prokopiy Nikolaevich,

Lecturer, Department of Physical Education and Sports, Ural State Agrarian University

TRANSFORMING THE ROLE OF THE TEACHER IN THE DIGITAL AGE

Annotation. *This article analyzes the transformation of the professional role of teachers in the context of the digital transformation of education. It examines changes in the pedagogical paradigm: the transition from the traditional model, where teachers acted as the primary transmitters of knowledge, to a new one, where they become mentors, facilitators, and motivators. It also examines the new competencies required by modern teachers, including mastery of artificial intelligence tools, innovative engineering, information security, and adherence to ethical standards. Particular attention is paid to the challenges of maintaining human contact in a digital environment, the risks of teacher burnout, and practical strategies for adapting to new conditions. The article also examines the various roles of teachers in blended and hybrid learning, as well as the transformation of pedagogical approaches from lectures to facilitation and project-based learning.*

Key words: *digital transformation of education, the role of the teacher, pedagogical facilitation, professional burnout, adaptive strategies, artificial intelligence in education, blended learning.*

Цифровая трансформация образования изменила не только форматы обучения, но и роль преподавателя. Традиционная модель, где учитель был главным источником знаний, уступает место новой. Сегодня студенты имеют мгновенный доступ к огромному объёму информации через интернет, и функция её передачи теряет исключительную ценность. На первый план выходят умения навигации, критического анализа, организации дискуссий и сопровождения индивидуальной траектории ученика. Преподаватель превращается из лектора-вещателя в наставника-помощника. Это требует перехода от монолога к интерактивным, проектным и групповым методикам. Данная статья посвящена анализу изменения роли педагога в цифровую эпоху: рассматриваются вызовы, новые профессиональные качества и практические рекомендации по адаптации при сохранении баланса между технологиями и живым общением.

В классической модели высшего образования преподаватель исторически выступал в качестве основного носителя и передатчика готового научного знания, а студент — в роли пассивного получателя информации. При таком подходе педагог являлся центральной фигурой учебного процесса, определяя не только содержание дисциплины, но и темп, формы и методы её освоения. Лекционные занятия строились по преимуществу как монолог преподавателя, транслирующего теоретический материал, а практические — как отработка заданий по образцу. Контрольная функция при этом была не менее значимой: педагог оценивал степень усвоения знаний через экзамены, зачёты и проверочные работы, выступая в роли инспектора компетенций. Такая модель предполагала жёсткую иерархию в диаде «преподаватель – студент», где первый обладал властью и авторитетом источника истины, а второй должен был запоминать и воспроизводить

услышанное. Однако, как отмечается в современных исследованиях, трансляционная модель перестаёт быть эффективной в условиях цифровой трансформации, поскольку студенты получают доступ к огромным массивам информации напрямую, а роль простого ретранслятора знаний перестаёт быть уникальной. Кроме того, пассивная позиция обучающегося не способствует развитию критического мышления, самостоятельности и внутренней мотивации — качеств, востребованных в современной профессиональной среде [2, 7].

Цифровая модернизация представляет собой не просто технологическое обновление, а глубокий культурный сдвиг, затрагивающий основы социального устройства. В отличие от индустриальной эпохи с её централизованными институтами и иерархическими структурами, цифровая эра порождает новые формы распределённого и алгоритмически управляемого контроля. Традиционные механизмы власти, опиравшиеся на принуждение и институциональные рамки, уступают место невидимым протоколам, встроенным в интерфейсы, пользовательские соглашения и системы рекомендаций. В этих условиях прежняя модель, где человек выступал автономным субъектом, способным к рефлексивному выбору, перестаёт работать. Современный пользователь оказывается в ситуации, где его действия предвосхищаются алгоритмами, выбор ограничен заранее заданными опциями, а идентичность дробится на множество цифровых следов и поведенческих паттернов. Власть больше не подавляет открыто — она направляет, структурирует и производит самого субъекта, встраиваясь в саму ткань повседневных цифровых практик. Именно эта трансформация природы субъектности — от целостного «Я» к распределённой и алгоритмически модулируемой конструкции — становится главным вызовом, на который прежняя антропологическая модель не даёт ответа [8].

Цифровая трансформация требует от педагога не просто владения отдельными инструментами, а формирования новой компетенции в области искусственного интеллекта. В её структуре выделяются шесть компонентов. Мотивационно-целевой отвечает на вопрос, зачем использовать ИИ в обучении. Информационная безопасность формирует культуру цифровой гигиены и критического скептицизма. Этический компонент связан с противодействием ИИ-плагиату и осмыслением границ ответственности. Ключевым навыком становится промпт-инжиниринг — искусство составления точных запросов, поскольку качество ответа зависит от глубины запроса. Компоненты обучения и управления позволяют педагогу перейти к гибридным образовательным экосистемам, где ИИ берёт на себя рутинные функции проверки, а преподаватель выступает координатором и наставником. В итоге компетенция в области ИИ обеспечивает переход от роли передатчика знаний к позиции субъекта триады «педагог – искусственный интеллект – обучающийся» [3].

Современное образование всё дальше отходит от традиционной модели, где преподаватель выступал единственным источником знаний, а студент — пассивным слушателем. На смену этой парадигме приходит педагогическая фасилитация — особый стиль взаимодействия, при котором педагог не столько передаёт готовую информацию, сколько создаёт условия для самостоятельного поиска, инициативы и раскрытия потенциала каждого обучающегося. В основе фасилитации лежат три ключевых условия: искренность и открытость педагога, безоценочное принятие учащихся и способность к эмпатийному пониманию. Вместо монолога преподавателя возникают диалоговые лекции, деловые игры, моделирование профессиональных ситуаций и тренинги, где акцент смещается с запоминания на осмысление и совместное творчество. При этом педагог-фасилитатор занимает позицию «на равных», поощряя студентов к высказыванию собственного мнения, уважая их индивидуальность и помогая формулировать учебные цели. Проектное обучение в этом контексте становится естественным продолжением фасилитационного подхода: студенты берут на себя ответственность за результат, а преподаватель выступает в роли наставника, направляющего и поддерживающего, но не навязывающего готовых решений [5].

В условиях смешанного обучения, объединяющего аудиторную работу с онлайн-компонентом, профессиональная роль преподавателя существенно расширяется и усложняется. Педагог перестаёт быть просто транслятором знаний и выступает в нескольких ипостасях одновременно. Во-первых, он остаётся экспертом, который с помощью лекций, симуляций и дискуссий передаёт профильные знания и навыки. Во-вторых, он становится фасилитатором, побуждающим студентов к активному участию в учебном процессе независимо от их исходного уровня. Важнейшей функцией выступает роль мотиватора: именно педагог пробуждает интерес к учебному контенту, стимулирует как аудиторную, так и самостоятельную работу. Кроме того, преподаватель выполняет функцию формального контролёра, устанавливая сроки сдачи заданий и оценивая результаты. В смешанной среде он

также выступает наставником-проводником, помогая студентам ориентироваться в огромном объёме информации, отбирать качественные источники и выстраивать индивидуальные траектории самообучения. Таким образом, при сохранении классических функций педагога его ролевой набор в гибридном формате становится многоаспектным, а акцент смещается в сторону сопровождения, поддержки и развития самостоятельности обучающихся [4].

Цифровая трансформация несёт риски атомизации — социальной изоляции индивидов, при которой реальное общение подменяется виртуальным. Глубокое погружение человека в цифровую среду формирует зависимость от социальных сетей, лайков и комментариев, что ведёт к изменению самовосприятия и поведения. Люди начинают подстраивать свою жизнь под ожидания подписчиков, теряя аутентичность. Крометого, фильтрацияинформацииалгоритмами персонализации создаёт «информационные пузыри», ограничивает кругозор и снижает уровень критического мышления. Как отмечает автор, чрезмерное погружение в виртуальный мир и отрыв цифровой личности от реальной может приводить к внутренним конфликтам и проблемам с самоидентификацией. В итоге под угрозой оказывается автономность субъекта, приватность нарушается, а человек становится объектом манипуляций в киберпространстве. Особую опасность это представляет в образовании, где живое общение педагога и студента не может быть полностью заменено взаимодействием через электронные устройства [1].

Цифровизация образования, внедрение дистанционных методов обучения и постоянное освоение новых технологий существенно увеличивают нагрузку на педагогов, что создаёт дополнительные риски профессионального выгорания. Исследования показывают, что у преподавателей вузов и учителей школ в условиях цифровой трансформации формируются схожие, но не идентичные симптомы выгорания. К числу наиболее выраженных относятся расширение сферы экономии эмоций, редукция профессиональных обязанностей и неадекватное избирательное эмоциональное реагирование. Большинство педагогов находятся в фазе резистенции, когда они бессознательно подбирают психологические защиты для сопротивления стрессу. При этом общий индекс выгорания у преподавателей вузов несколько выше, чем у школьных учителей. У первых сильнее выражены ощущение безысходности положения и глубокая эмоционально-нравственная дезориентация, у вторых — тревога, депрессия и разочарование в профессии. Ключевым личностным фактором, усиливающим выгорание, выступает тревожность: чем выше ситуативная и личностная тревога педагога, тем быстрее развиваются симптомы выгорания. Основными профессиональными стрессорами в дистанционном режиме стали технические неполадки, нехватка времени, падение активности обучающихся и дефицит обратной связи. Таким образом, профилактика выгорания в цифровую эпоху требует не только оптимизации условий труда, но и развития личностных ресурсов и навыков саморегуляции педагогов [1, 6].

Профессиональная адаптация представляет собой длительный многоуровневый процесс, в ходе которого специалист не просто приспосабливается к требованиям профессии, но и активно преобразует среду под свои возможности. Выбор адаптивной стратегии является результатом осознанного личностного выбора, который определяется синтезом характера, мировоззрения и регуляторного опыта. Исследователи выделяют две базовые стратегии. Элементарная стратегия направлена на освоение базовых профессиональных навыков и бесконфликтное вхождение в трудовой коллектив. Творческая стратегия предполагает стремление к самостоятельности, поиску усовершенствованных приёмов работы и внесению инноваций, что требует высокого уровня притязаний и развитых личностных качеств. Ключевыми критериями выбора эффективной стратегии выступают: способность к диалогическому взаимодействию с профессиональной средой, рефлексивная координация когнитивных и поведенческих компонентов, развитое самосознание, умение планировать временную перспективу и нести ответственность за профессиональное поведение. Успешность выбора проявляется в конкретных показателях трудовой деятельности — эффективности труда, усвоении социальной информации, росте активности и удовлетворённости работой. Таким образом, осознанный выбор адаптивной стратегии позволяет специалисту не только войти в профессию, но и реализоваться в ней как субъекту, способному к саморазвитию и преобразованию окружающей профессиональной среды [9].

Заключение. Цифровая трансформация образования представляет собой фундаментальный сдвиг в понимании роли преподавателя: традиционная модель, где педагог выступал единственным источником знаний, уступает место новой парадигме, в которой учитель становится наставником, фасилитатором и организатором образовательного процесса, требующим освоения широкого спектра новых компетенций — от владения инструментами

искусственного интеллекта до умения выстраивать субъект-субъектные отношения и сохранять эмпатию в цифровой среде. Ключевым выводом является то, что технологическая грамотность сама по себе недостаточна: педагогу необходимо развивать этическую культуру, критическое мышление и навыки промпт-инжиниринга, при этом особую значимость приобретает сохранение живого человеческого контакта, который не может быть полностью заменён электронными устройствами. Вместе с тем цифровизация несёт серьёзные риски профессионального выгорания, связанные с возросшей нагрузкой и дефицитом обратной связи, что делает успешную адаптацию зависимой от осознанного выбора эффективных стратегий поведения и развития личностных ресурсов саморегуляции. Будущее педагогической профессии принадлежит тем, кто сможет гармонично сочетать цифровые инструменты с живым общением, сохраняя баланс между инновациями и гуманистическими ценностями образования.

Список литературы:

[1] Бурмистров С. С. Проблема сохранения субъектности человека в условиях цифровой революции // Идеи и идеалы. — 2025. — № 1-1. — С. 177–198.

[2] Гилева К. В. Профессиональные роли преподавателя вуза в условиях цифровой трансформации образования // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. — 2021. — № 3 (11). — С. 70–75.

[3] Евстигнеев М. Н. Содержание компетенции будущего педагога в области искусственного интеллекта / М. Н. Евстигнеев, О. Г. Поляков, И. А. Евстигнеева, Е. М. Филатов // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2026. — № 1. — С. 86–97.

[4] Минасян Е. Т. Various roles of an educator in the mixed learning environment // Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences. — 2018. — № 2. — С. 44–47.

[5] Педагогическая фасилитация: особенности формирования и развития / О. Н. Шахматова // Научные исследования в образовании. — 2006. — № 3. — С. 1–8.

[6] Профессиональное выгорание педагогов в условиях цифровизации образования / Н. Р. Хакимова, В. Д. Матлаш, Е. В. Григорьева // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2022. — № 1 (45). — С. 169–174.

[7] Роль преподавателя в условиях цифровой образовательной среды / М. А. Хлыбова // Педагогический вестник. — 2023. — № 26. — С. 94–97.

[8] Таранова А. Е., Сорокопуд М. С. Культурные вызовы цифровой модернизации: власть как фактор формирования цифровой культуры // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2025. — № 4 (99). — С. 447–453.

[9] Яковлева Е. В. Адаптивные стратегии профессиональной деятельности и проблема личностного выбора // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2022. — № 2 (95). — С. 341–346.

References:

[1] Burmistrov S. S. The problem of preserving human subjectivity in the context of the digital revolution//Ideas and ideals. — 2025. — № 1-1. - S. 177-198.

[2] Gileva K.V. Professional roles of a university teacher in the context of digital transformation of education//Bulletin of SSUPS: humanitarian research. — 2021. — № 3 (11). - S. 70-75.

[3] Evstigneev M.N. Content of competence of the future teacher in the field of artificial intelligence/ M.N. Evstigneev, O. G. Polyakov, I. A. Evstigneeva, E. M. Filatov//Pedagogy. Questions of theory and practice. — 2026. — № 1. - S. 86-97.

[4] Минасян Е. Т. Various roles of an educator in the mixed learning environment // Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences. — 2018. — № 2. - S. 44-47.

[5] Pedagogical facilitation: features of formation and development/O. N. Shakhmatov// Scientific research in education. — 2006. — № 3. - S. 1-8.

[6] Professional burnout of teachers in the context of digitalization of education/N. R. Khakimova, V. D. Matlash, E. V. Grigorieva//Vocational education in Russia and abroad. — 2022. — № 1 (45). - S. 169-174.

[7] The role of a teacher in a digital educational environment/M. A. Khlybov//Pedagogical Bulletin. — 2023. — № 26. - S. 94-97.

[8] Taranova A.E., Sorokopud M.S. Cultural challenges of digital modernization: power as a factor in the formation of digital culture//Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2025. — № 4 (99). - S. 447-453.

[9] Yakovleva E.V. Adaptive strategies of professional activity and the problem of personal choice//Academic notes of OSU. Series: Humanities and Social Sciences. — 2022. — № 2 (95). - S. 341-346.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-640-643

ЛОПАЕВА Надежда Леонидовна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: Lopaeva77@mail.ru

ПАВЛОВА Яна Сергеевна,

доцент, к.б.н., кафедра биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: mail@law-books.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,

доцент, к.б.н., кафедра биотехнологии и пищевых продуктов Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,

Преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,

e-mail: barykina_10@mail.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,

доцент, к.б.н., кафедра биотехнологии и пищевых продуктов проректор по международной деятельности и дополнительному профессиональному образованию ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: mail@law-books.ru

ШАРАВЬЕВ Павел Викторович,

кандидат биологических наук, декан факультета биотехнологии и пищевой инженерии, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: dek.bipi@urgau.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПОДСОЛНЕЧНОГО МАСЛА

Аннотация. *В статье рассматривается технология производства подсолнечного масла, начиная с подготовки сырья и заканчивая упаковкой готового продукта. Обсуждаются этапы переработки семян, методы экстракции и очистки.*

Ключевые слова: *подсолнечное масло, производство, экстракция, упаковка, механический отжим.*

LOPAEVA Nadezhda Leonidovna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

PAVLOVA Yana Sergeevna,

Associate Professor, PhD in Biology, Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,

Associate Professor, PhD in Biology, Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian

University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,

Lecturer of the Department of Biotechnology and Food Products

NEVEROVA Olga Petrovna,

Associate Professor, PhD in Biology, Department of Biotechnology and Food Products Vice-Rector for International Affairs and Continuing Professional Education Ural State Agrarian University

SHARAVYEV Pavel Viktorovich,

Candidate of Biological Sciences, Dean of the Faculty of Biotechnology and Food Engineering, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

TECHNOLOGY OF VEGETABLE OIL PRODUCTION

Annotation. *The article discusses the technology of sunflower oil production, starting with the preparation of raw materials and ending with the packaging of the finished product. The stages of seed processing, extraction and purification methods are discussed.*

Key words: *sunflower oil, production, extraction, packaging, mechanical pressing.*

Подсолнечное масло — это растительное масло, полученное из семян подсолнечника, которое широко используется в кулинарии и пищевой промышленности. Оно необходимо для приготовления различных блюд, потому что используется для жарки, запекания и добавляется в салаты. Это масло отличается высоким содержанием полиненасыщенных жирных кислот, особенно омега-6, а также содержит витамин Е, который способствует защите клеток от окислительного стресса и поддерживает здоровье кожи.

Подсолнечное масло универсально и имеет нейтральный вкус, что позволяет ему не перебивать ароматы других ингредиентов. Благодаря высокой температуре дымления его можно использовать для жарки, не опасаясь разрушения полезных веществ. Оно также применяется в производстве соусов, майонезов и кондитерских изделий, что делает его важным элементом в различных рецептах.

Сырьё для производства подсолнечного масла — это семена подсолнечника, которые получают от различных сортов этого растения. Сорта подсолнечника отличаются по содержанию масла, размерам семян и устойчивости к заболеваниям и неблагоприятным погодным условиям.

Основные сорта подсолнечника делятся на две категории: высокоолеиновые и обычные. Высокоолеиновые сорта содержат более 80% мононенасыщенной жирной кислоты — олеиновой, что делает масло более стабильным и полезным. Обычные сорта имеют меньшую концентрацию этого вещества и быстрее окисляются [3,5].

Сам по себе подсолнечник – теплолюбивое растение, предпочитающее места солнечные с хорошо дренированными почвами. Он лучше всего растёт в тёплом климате, например, на Поволжье, что обеспечивает ему накопление масла в семенах по максимуму [1].

Производство подсолнечного масса начинается с переработки семян, первостепенно – с очистки сырья от посторонних примесей. Для очистки поступивших на завод семян используются различные воздушные и вибрационные сепараторы, которые отделяют семена от лёгких и тяжёлых примесей вроде пыли, грязи, остатков растительности и различных насекомых.

После завершения процесса очистки семена подсолнечника должны быть высушены, чтобы снизить содержание влаги. Высокий уровень влаги в семенах может привести к порче, развитию плесени и ухудшению качества масла. Оптимальная влажность в готовых семенах должна составлять не более 8-10%. Температура нагрева семян при сушке не должна быть выше 55°С, в некоторых случаях, особенно если есть посторонние примеси, температуру снижают на 10°. Температура нагрева зависит от влажности, если влажность исходного сырья равна 30%, нагрев происходит только до 40°.

Благодаря сушке семена хранятся дольше и легче отделяются от шелухи, также повышается количество выделяемого масла [2,7].

Далее семена передаются на измельчение, основная задача которого увеличить площадь поверхности семян для облегчения экстракции масла. Для этого используются дробилки и мельницы, перемалывающие семена на более мелкие частицы. Для холодного отжима семена измельчают менее грубыми методами, чтобы не

разрушить некоторые питательные вещества, а для горячего отжима используют более мощные машины, обеспечивающие большее измельчение – это позволяет повысить выход масла. Однако, чрезмерное измельчение может привести к выделению избыточного тепла и вследствие к снижению качества масла [2,3,6].

Следующий этап – экстракция (отжим) масла. Этот процесс выполняется механическим отжимом или отжимом с использованием растворителей.

Механический отжим или прессование может быть произведён горячим и холодным способом. При холодном отжиме семена нагреваются минимально, благодаря чему сохраняется больше полезных природных компонентов, например, витаминов и антиоксидантов. Выход масла в таком случае будет ниже, чем при горячем отжиме, так как последний предполагает нагревание массы семян до 100-110º в жаровнях. В результате горячего отжима из семян выходит намного больше масла, повышается его текучесть, но возможны потери питательных веществ.

Экстракция с использованием растворителей – это более совершенный и современный метод по сравнению с предыдущим, но более трудоёмкий. Он предполагает добавление в массу семян органического растворителя – экстракционного бензина на стадии измельчения шрота, благодаря чему растворяется масло, образуя мисцеллу (раствор масла в растворителе) и обезжиренный шрот. После этого смесь подвергают диффузии, в ходе которой масло отделяется от растворителя в специальных приборах – дистилляторах и шнековых испарителях. Трудоёмкость процесса перекрывает очевидный плюс в виде высокого выхода масла – до 98%, что значительно превосходит механический отжим. Единственное, что масло при такой экстракции может содержать воски, свободные жирные кислоты и фосфолипиды.

После экстракции образуется шрот – это мелкоизмельчённые семена и оболочки, которые остаются после удаления масла. Его используют для производства кормов в виде гранул из-за высокого содержания протеина.

Финальным этапом является очистка и рафинация, в ходе котрого масло проходит через несколько процессов, включая нейтрализацию, дезодорацию и фильтрацию [5-7].

Фильтрация применяется для удаления твердых частиц, оставшихся после всех пройденных этапов, обеспечивая чистоту масла. В дополнение к этому может использоваться дехлоризация, которая помогает избавиться от пестицидов и других химических примесей. На этом этапе получают нерафинированное масло.

Нейтрализация – процесс, при котором происходит удаление свободных жирных кислот с помощью щелочного раствора (NaOH), добавленного в масло. Реакция с кислотами образует соль, которую потом отделяют от масла с помощью воды. Этот процесс также позволяет удалить фосфолипиды и другие нежелательные примеси, которые придают маслу неприятный вкус [6].

Дезодорация используется для удаления специфических запахов и вкусов, которые могут возникнуть во время экстракции, в ходе неё масло обрабатывается острым паром или же просто накаливается до температуры 200-260ºС. В результате очистки и рафинации подсолнечное масло приобретает характерные прозрачность и нейтральный вкус. Нерафинированное же масло имеет более яркий цвет и соответствующий семенам подсолнечника запах [4].

В результате всех пройдённых этапов переработки на выходе получают прозрачное, однородное и не имеющее запаха подсолнечное масло с увеличенным сроком годности за счёт последних этапов и привлекательное для потребителя [3,6].

После произведённой переработки масло нужно правильно упаковать и хранить. Масло обычно упаковывают в стеклянные или пластиковые бутылки и хранят в темном, прохладном месте, избегая высоких температур и воздействия прямых солнечных лучей. После вскрытия хранят в холодильнике [8].

Таким образом, изучение всех этапов производства подсолнечного масла позволяет понять весь процесс от очистки сырья до упаковки готового продукта и важность каждого из них. Благодаря современным технологиям масло стало производить легче, а количество произведённых продуктов увеличилось.

Список литературы:

[1] Гаврилова В. А., Анисимова И. Н. Подсолнечник. – 2003.

[2] Волкова А. Н. Этапы переработки подсолнечных семян: обзор инноваций //Промышленная переработка сельскохозяйственных продуктов. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 14-21.

[3] Деревенко В. В. Способ получения подсолнечного масла. – 1999.

[4] Рафальсон А. Б. и др. Некоторые закономерности дезодорации выскоолеинового подсолнечного масла //Вестник Всероссийского научно-исследовательского института жиров. – 2016. – №. 1-2. – С. 49-52.

[5] Зимняков В. М., Кухарев О. Н., Зимняков А. М. Производство подсолнечного

масла в россии //инновационная техника и технология. – 2020. – Т. 7. – №. 4. – С. 46-52.

[6] Гавриленко И. В. Маслоэкстракционное производство. – 1960.

[7] Мхитарьянц Л. А. и др. Технология отрасли. Производство растительных масел. – 2009.

[8] Коржова А. С. Требования к упаковке и маркировке растительных масел //В мире научных открытий. – 2014. – С. 363-365.

References:

[1] Gavrilova V. A., Anisimova I. N. Sunflower. – 2003.

[2] A. N. Volkova. Stages of sunflower seed processing: an overview of innovations//Industrial processing of agricultural products. – 2022. - T. 8, NO. 2. - S. 14-21.

[3] Derevenko V. V. Method for producing sunflower oil. – 1999.

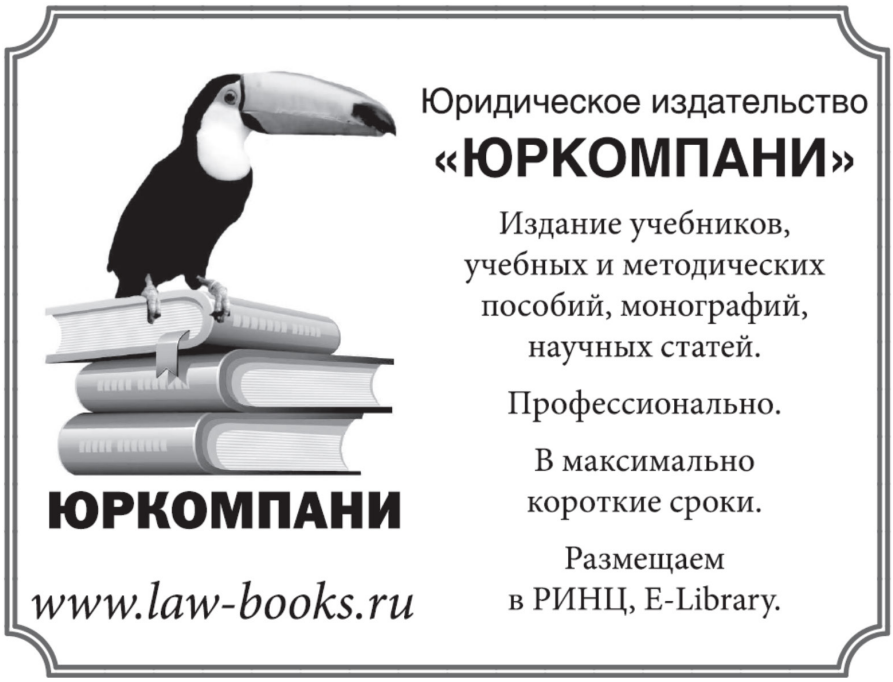
[4] Rafalson AB, et al. Some patterns of deodorization of high-oleic sunflower oil//Bulletin of the All-Russian Research Institute of Fats. – 2016. – №. 1-2. - S. 49-52.

[5] Zimnyakov V. M., Kukharev O. N., Zimnyakov A. M. Sunflower oil production in Russia// innovative technology and technology. – 2020. - VOL. 7. – №. 4. - S. 46-52.

[6] Gavrilenko I.V. Oil extraction production. – 1960.

[7] Mkhitaryants L.A. et al. Industry technology. Vegetable oil production. – 2009.

[8] Korzhova A. S. Requirements for packaging and labeling of vegetable oils//In the world of scientific discoveries. – 2014. - S. 363-365.



Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-644-649

ПАВЛОВА Яна Сергеевна,

кандидат с.-х.н., доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ

e-mail: yana.laborant.pavlova@mail.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,

кандидат биол. наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: opneverova@mail.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович,

кандидат с.-х. наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: alexeystepanow@mail.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,

кандидат с.-х. наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,

Преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: barykina_10@mail.ru

УКРОЖЕНКО Дарья Сергеевна,

Преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,

e-mail: darya.ukrozhenkozoo@mail.ru

ПЕРЕРАБОТКА АГРООТХОДОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *Современное сельское хозяйство функционирует в условиях фундаментального противоречия между необходимостью обеспечения продовольственной безопасности и колоссальными объёмами генерируемых отходов, нерациональное обращение с которыми ведёт к деградации почв, эмиссии парниковых газов и загрязнению водных объектов. Линейная модель «взял — использовал — выбросил» исчерпала свой потенциал в аграрном секторе, уступая место циркулярной экономике, в рамках которой агроотходы превращаются в ценный вторичный ресурс. Цель статьи — концептуализировать роль переработки агроотходов в переходе к циркулярной модели на основе принципов иерархии обращения с отходами, промышленного симбиоза и оценки жизненного цикла. В работе систематизирована типология агроотходов (растительные, животноводческие, перерабатывающие потоки) с количественной оценкой их объёмов, показаны экологические и экономические издержки линейной модели, проявляющиеся в потере органического углерода, эвтрофикации и росте затрат на природоохранные мероприятия. Рассмотрены теоретические основания циркулярной экономики применительно к АПК, включая концепции «петель материи», каскадного использования и дизайна отходов с эволюцией R-принципов от 3R до 9R. Проанализированы технологические коридоры переработки агроотходов — анаэробное сбраживание (биогаз), компостирование, пиролиз (биочар) и ферментация, — а также продукты высокого передела: биоудобрения, биопестициды, биополимеры и строительные композиты. Особое внимание уделено промышленному симбиозу как механизму интеграции сельхозпроизводителей с энергетикой, химической промышленностью и ЖКХ, обеспечивающему эмерджентные эффекты и замыкание материальных циклов. Выявлены*

барьеры циркулярной трансформации — экономические (высокая стоимость логистики и разделения), нормативные (недостаточная поддержка) и информационные (дефицит знаний и консультаций), — а также предложены индикаторы эффективности переработки, включая время стабилизации компоста, снижение углеродного следа и возврат биогенов. Полученные результаты систематизируют существующие технологические и институциональные решения, а также выявляют критерии замыкания материальных циклов в агропромышленном комплексе.

Ключевые слова: *циркулярная экономика, агроотходы, анаэробное сбраживание, биогаз, промышленный симбиоз, биоудобрения, биопестициды, индикаторы замыкания цикла, барьеры циркулярной трансформации*

PAVLOVA Yana Sergeevna,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Department of Biotechnology and Foodstuffs, FGBOU VO Ural GAU

NEVEROVA Olga Petrovna,

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Department of Biotechnology and Foodstuffs, FGBOU VO Ural GAU

STEPANOV Alexey Vladimirovich,

candidate of agricultural sciences, associate professor Department of Biotechnology and Foodstuffs, FGBOU VO Ural GAU

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor Department of Biotechnology and Food Products, FGBOU VO Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,

Lecturer Department of Biotechnology and Food Products, FGBOU VO Ural State Agrarian University

UKROZHENKO Darya Sergeevna,

Lecturer Department of Biotechnology and Foodstuffs, FGBOU VO Ural GAU

AGRICULTURAL WASTE RECYCLING AS AN ELEMENT OF THE CIRCULAR ECONOMY

Annotation. *Modern agriculture operates under a fundamental contradiction between the need to ensure food security and the colossal volumes of waste generated, the irrational management of which leads to soil degradation, greenhouse gas emissions, and water pollution. The linear "take-use-dispose" model has exhausted its potential in the agricultural sector, giving way to a circular economy in which agricultural waste is transformed into a valuable secondary resource. The aim of this article is to conceptualize the role of agricultural waste recycling in the transition to a circular economy based on the principles of the waste management hierarchy, industrial symbiosis, and life cycle assessment. This paper systematizes the typology of agricultural waste (plant, livestock, and recycling streams) with a quantitative assessment of their volumes. It also demonstrates the environmental and economic costs of a linear model, manifested in the loss of organic carbon, eutrophication, and increased costs of environmental protection measures. The theoretical foundations of a circular economy as applied to the agro-industrial complex are considered, including the concepts of "matter loops," cascade use, and waste design with the evolution of R-principles from 3R to 9R. Technological corridors for processing agricultural waste are analyzed—anaerobic digestion (biogas), composting, pyrolysis (biochar), and fermentation—as well as high-value products: biofertilizers, biopesticides, biopolymers, and building composites. Particular attention is paid to industrial symbiosis as a mechanism for integrating agricultural producers with the energy, chemical, and housing and utilities sectors, ensuring emergent effects and closing material cycles. Barriers to circular transformation are identified—economic (high logistics and separation costs), regulatory (insufficient support), and informational (deficit of knowledge and consultation). Indicators of recycling efficiency are proposed, including compost stabilization time, carbon footprint reduction,*

and nutrient recovery. The obtained results systematize existing technological and institutional solutions and identify criteria for closing material cycles in the agro-industrial complex.

Key words: *circular economy, agro-waste, anaerobic digestion, biogas, industrial symbiosis, biofertilizers, biopesticides, indicators of closed-loop production, barriers to circular transformation*

Современное сельское хозяйство сталкивается с фундаментальным противоречием: с одной стороны, оно обязано обеспечивать продовольственную безопасность растущего населения планеты, с другой — генерирует колоссальные объемы отходов (солома, лузга, навоз, жом, сточные воды), нерациональное обращение с которыми приводит к деградации почв, выбросам метана и загрязнению водных бассейнов. Линейная экономическая модель «взял — использовал — выбросил» исчерпала свой потенциал в аграрном секторе, уступая место циркулярной экономике. В рамках циркулярного подхода агроотходы перестают быть проблемой и превращаются в ценный вторичный ресурс — субстрат для производства биогаза, органических удобрений, биопластиков, кормовых добавок и стройматериалов. Теоретический анализ переработки агроотходов как элемента циркулярной экономики позволяет не только систематизировать существующие технологические и институциональные решения, но и выявить критерии замыкания материальных циклов в АПК. Цель данной статьи — концептуализировать роль переработки агроотходов в переходе к циркулярной модели, опираясь на принципы иерархии обращения с отходами, промышленной симбиоз и оценку жизненного цикла.

Агроотходы подразделяются на три основные категории: растительные (пожнивные остатки, солома зерновых, лузга подсолнечника, ботва кукурузы и картофеля), животноводческие (навоз крупного рогатого скота, свиней, овец, коз, а также помет птицы) и отходы переработки (образующиеся при очистке и консервировании сырья). Согласно приведенным данным, ежегодное накопление только органических отходов животноводства в ряде стран превышает 200 млн тонн, причем навозные стоки свиноферм из-за высокой влажности (90–95%) непригодны для традиционного компостирования и требуют иных методов утилизации. Объемы растительной биомассы также значительны: например, при возделывании кукурузы более 50% всей массы составляют полевые отходы, а при переработке подсолнечника образуется трудносжигаемая шелуха, богатая диоксидом кремния [2, 3].

Линейная модель аграрного производства, ориентированная на максимизацию прибыли без учета экологических последствий, порождает растущие издержки, которые напрямую связаны с потерей плодородия почв и деградацией экосистем. В России с 2017 по 2024 год объем образования отходов вырос более чем на 2,3 млрд тонн, тогда как доля их вторичного использования, напротив, сократилась (с 2054 до 1500 млн тонн), что отражает устойчивый отказ от рециклинга и усиление нагрузки на окружающую среду. В сельском хозяйстве такое обращение с органическими остатками ведет к эмиссии парниковых газов (метана и углекислоты) при разложении навоза и растительной биомассы на открытых площадках, а также к эвтрофикации водоемов за счет вымывания азота и фосфора. Одновременно происходит потеря органического углерода в почвах: невосполняемое отчуждение питательных веществ с урожаем и отсутствие системного возврата переработанной органики снижают содержание гумуса, усиливают кислотность и требуют компенсаторного внесения минеральных удобрений. Экономически это выражается не только в росте затрат на природоохранные мероприятия (финансирование которых в РФ увеличилось более чем на 590 млрд рублей за тот же период), но и в упущенной выгоде от неиспользованных вторичных ресурсов, что подтверждает неэффективность линейного подхода в долгосрочной перспективе [6].

Циркулярная экономика, рассматриваемая как новый этап развития «зеленой» экономики и инструмент достижения целей устойчивого развития, базируется на принципиально иной философии организации хозяйства, чем линейная модель. В приложении к агропромышленному комплексу это означает формирование замкнутых «петель материи», где органические остатки перестают быть отходами и возвращаются в производственный цикл. Ключевым механизмом здесь выступает каскадное использование биомассы: сначала она служит для получения продуктов питания и кормов, затем — для производства энергии (биогаз, биочар) или материалов (биопластики, композиты), и лишь на последнем этапе — для возврата питательных веществ в почву в виде удобрений. Принципиальное значение приобретает «дизайн отходов» (design for circularity): уже на стадии планирования агропроизводства и технологических процессов закладывается возможность многократной регенерации ресурсов. Как подчеркивается в теоретических работах, переход от простой триады 3R (reduce, reuse, recycle) к

расширенной системе 9R (от Refuse — отказа от избыточного сырья — до Recover — извлечения энергии) позволяет системно выстраивать восстановительные циклы в АПК, минимизируя потери органического углерода и биогенных элементов [5].

Среди технологических подходов к утилизации органических отходов животноводства ключевое место занимает анаэробное сбраживание, которое в отличие от классического компостирования (аэробного разложения) позволяет не только обеззараживать субстрат, но и получать биогаз — смесь метана и углекислого газа. Как показано в работе Гайфуллина и соавторов, выход метана зависит от химического состава сырья: при ферментации одного только свиного навоза с 50 кг субстрата можно получить около 13,9 м³ биогаза, а добавление измельчённого зерна кукурузы повышает этот показатель до 14,8 м³ за счёт увеличения доли углерода. Процесс реализуется в трёх температурных коридорах — психофильном (3–25°C), мезофильном (25–40°C) и термофильном (45–55°C), причём последний даёт максимальную скорость выделения метана, но требует значительных энергозатрат. В отличие от анаэробной ферментации, традиционное компостирование на открытых площадках ведёт к потерям до 40% азота и не позволяет утилизировать слишком жидкие навозные стоки свиноферм. Пиролиз (получение биочара) в контексте технологических коридоров дополняет анаэробный метод, позволяя перерабатывать сухие растительные остатки и фиксировать углерод в стабильной форме [4].

Агроотходы служат сырьём для получения продукции высокого передела, прежде всего биоудобрений и биопестицидов. Биоудобрения на основе живых микроорганизмов (Azotobacter, Rhizobium, Pseudomonas) улучшают питание растений и поддерживают почвенную микробиоту, в отличие от синтетических аналогов, подкисляющих почву. Биопестициды из грибов (Trichoderma), бактерий (Bacillus) или растительных экстрактов (ним, пиретрум) эффективно подавляют патогены и вредителей без накопления в окружающей среде. Пожнивные остатки и сидераты при разложении не только обогащают почву органикой, но и выделяют соединения, угнетающие нематод. Кроме того, из лигноцеллюлозной биомассы (солома, лузга) потенциально можно получать биополимеры и армирующие наполнители для строительных композитов, что расширяет ассортимент высокомаржинальной продукции из агроотходов в рамках циркулярной экономики [9].

Промышленный симбиоз, впервые масштабно реализованный в Калундборге (Дания), строится на обмене энергетическими и материальными потоками между предприятиями, где отходы одного производства становятся ресурсом для другого. В аграрном контексте — это индустриально-аграрный симбиоз, интегрирующий сельхозпроизводителей с энергетикой (биогаз для тепло- и электрогенерации), химической промышленностью (биоудобрения, биопестициды, сырьё для органического синтеза) и ЖКХ (переработка органической фракции твёрдых отходов и осадков сточных вод). Ключевые эффекты — эмерджентность (появление новой стоимости за счёт межотраслевого взаимодействия) и интерэктность (взаимное влияние технологических процессов, повышающее общую эффективность). Симбиоз предполагает не примитивное сжигание, а глубокую сепарацию, анаэробное сбраживание, пиролиз и газогенерацию, что позволяет извлекать из агроотходов и коммунальной органики электроэнергию, тепло, синтез-газ и вторичные ресурсы, замыкая циклы углерода и биогенных элементов. Критические условия успеха — короткое физическое расстояние между партнёрами, добровольность сотрудничества и поддержка муниципалитетов [8].

Переход малых и средних предприятий к циркулярной модели сдерживается комплексом барьеров, главный из которых — нехватка финансов (около 80% опрошенных МСП). Экономическая нецелесообразность связана с высокими затратами на реорганизацию производства, изменение логистики и стоимость разделения вторичных потоков, которые для небольших компаний часто превышают выгоду от реализации отходов. Нормативные ограничения включают недостаточную государственную поддержку и отсутствие стимулирующей законодательной среды. Информационные барьеры проявляются в дефиците практических примеров и консультационных услуг: более половины микро- и средних предприятий указали на отсутствие информации как на серьёзное препятствие. В отличие от крупного бизнеса, располагающего внутренними компетенциями, МСП зависят от внешних источников знаний, что при слабой инфраструктуре поддержки замедляет их циркулярную трансформацию [1].

Оценка эффективности переработки агроотходов требует интегральных индикаторов замыкания материальных циклов. Одним из них является средневзвешенное время стабилиции компоста, учитывающее динамику содержания органического вещества, растворимого органического углерода и респираторной активности; чем быстрее компост достигает стабильного состояния, тем выше эффективность

биотехнологии. Снижение углеродного следа косвенно отражается через уменьшение содержания органического вещества в процессе компостирования (с 87% до 35–46% за 4 месяца) и минимизацию эмиссии CO_2 на завершающих этапах. Возврат биогенов проявляется в конечных характеристиках зрелого компоста: содержание растворимого органического углерода на уровне 10 мг·г$^{-1}$ и респираторная активность около 2 мг CO_2–C·г$^{-1}$·24 ч$^{-1}$ свидетельствуют о стабилизации органического вещества и его готовности к внесению в почву без риска вторичной деградации. Предложенный в работе подход с использованием обобщённых аддитивных моделей и рандомизации позволяет количественно сравнивать различные варианты переработки и выявлять тот, который обеспечивает максимальную скорость замыкания цикла при минимальной вариабельности показателей [7].

Заключение. Проведённый анализ подтверждает, что переход от линейной модели к циркулярной в АПК является не только экологической необходимостью, но и экономической возможностью. Иерархия обращения с отходами и каскадное использование биомассы создают основу для минимизации потерь углерода и биогенов. Технологические коридоры (анаэробное сбраживание, компостирование, пиролиз) и продукты высокого передела (биоудобрения, биопестициды, биополимеры) повышают привлекательность циркулярных решений и формируют новые рынки. Ключевой механизм интеграции — промышленный симбиоз, соединяющий сельхозпроизводителей с энергетикой, химией и ЖКХ. Основные барьеры (дефицит финансирования у МСП, недостаток информации и поддержки) требуют адресных стимулов. Предложенные индикаторы (время стабилизации компоста, снижение углеродного следа, возврат биогенов) позволяют количественно оценивать эффективность биотехнологий. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методик расчёта коэффициента циркулярности и адаптацию практик промышленного симбиоза для малых и средних предприятий.

Список литературы:

[1] Батова Н., Точицкая И., Шершунович Е. Циркулярная трансформация экономики: шанс для малых и средних предприятий. BEROC Policy Paper Series. 2021. No. PP 27. 13 с.

[2] Биньковская А. В., Волков А. И., Шанина Т. П. Комплексный анализ распределения потоков органических отходов в агроэкосистемах Одесской области Украины и путей интенсификации их переработки (с использованием геоинформационных технологий) // Географический вестник. 2015. № 4 (35). С. 43–52.

[3] Винаров А. Ю. Биотехнологическая переработка отходов животноводческих комплексов // Эффективное животноводство. 2021. № 8 (174). С. 100–101.

[4] Гайфуллин И. Х., Зиганшин Б. Г., Шорников А. В., Иванов Б. Л., Зиннатуллина А. Н. Теоретические аспекты процесса получения биогаза при анаэробной ферментации органических отходов // Техника и технологии в животноводстве. 2024. № 1. С. 90–95.

[5] Гурьева М. А. Теоретические основы концепта циркулярной экономики // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 2311–2336.

[6] Савкин В. И. Экономические аспекты экологических проблем современного АПК в развитии и поддержки производства отечественной органической продукции // Вестник техносферной безопасности и сельского развития. 2025. № 3 (42). С. 18–23.

[7] Селивановская С. Ю., Чижикова Н. А., Ярлыченко С. А., Савельев А. А. Оценка эффективности биотехнологий переработки органических отходов // Ученые записки Казанского университета. Серия Естественные науки. 2009. № 3. С. 93–103.

[8] Фиговский О., Задорский В. Индустриально-аграрный симбиоз – основа инновационного технологического бизнеса в экономике [Электронный ресурс] // НОР : сайт. 2018. 6 сент. URL: https://nauka-i-religia.ru (дата обращения: 11.05.2026).

[9] Хусайнов Х. А., Тунтаев А. В., Елмурзаева Ф. Д. Интеграция биоресурсов в растениеводство: краткий обзор // Новые технологии. 2025. № 4. С. 219–231.

References:

[1] Batova N., Tochitskaya I., Shershunovich E. Circular transformation of the economy: a chance for small and medium-sized enterprises. BEROC Policy Paper Series. 2021. No. PP 27. 13 pp.

[2] Binkovskaya A. V., Volkov A. I., Shanina T. P. Comprehensive analysis of the distribution of organic waste flows in agroecosystems of the Odessa region of Ukraine and ways to intensify their processing (using geographic information technologies)//Geographical Bulletin. 2015. № 4 (35). S. 43-52.

[3] Vinarov A. Yu. Biotechnological processing of waste from livestock complexes//Efficient animal husbandry. 2021. № 8 (174). S. 100-101.

[4] Gaifullin I. Kh., Ziganshin B. G., Shornikov A. V., Ivanov B. L., Zinnah-tullin A. N. Theoretical aspects of the process of obtaining biogas during

anaerobic fermentation of organic waste//Technique and technology in animal husbandry. 2024. № 1. S. 90-95.

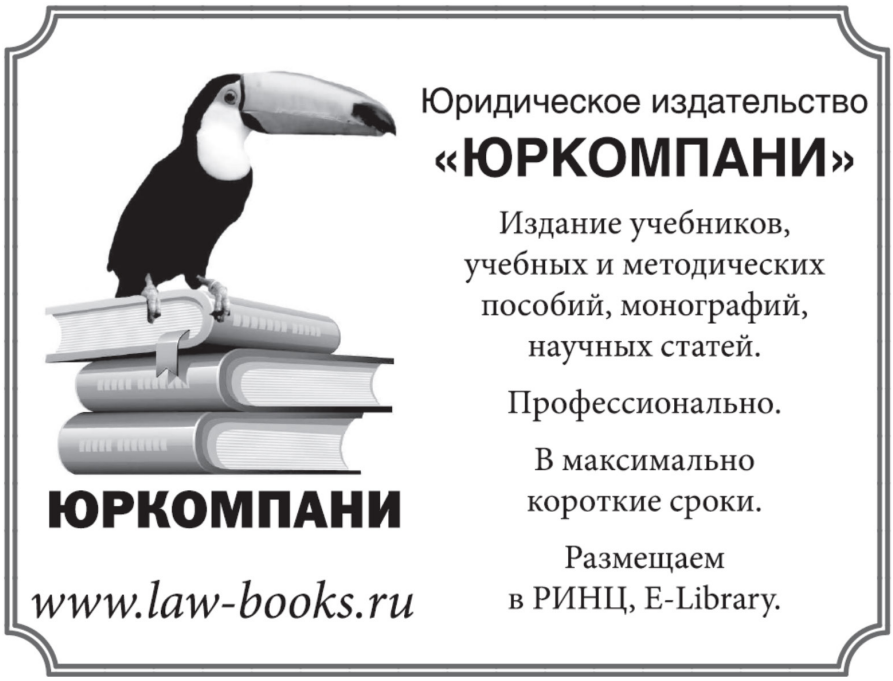
[5] Gurieva M. A. Theoretical foundations of the concept of circular economics//Economic relations. 2019. VOL. 9. № 3. S. 2311-2336.

[6] Savkin V. I. Economic aspects of the environmental problems of modern agro-industrial complex in the development and support of the production of domestic organic products//Bulletin of technosphere safety and rural development. 2025. № 3 (42). S. 18-23.

[7] Selivanovskaya S. Yu., Chizhikova N. A., Yarlychenko S. A., Savelyev A. A. Evaluation of the effectiveness of biotechnologies for the processing of organic waste//Scientific notes of Kazan University. Natural Sciences series. 2009. № 3. S. 93-103.

[8] Figovsky O., Zadorsky V. Industrial-agrarian symbiosis is the basis of innovative technological business in the economy [Electronic re-source]//NOR: site. 2018. 6 Sep URL: https://nauka-i-religia.ru (Accessed: 11.05.2026).

[9] Khusainov Kh. A., Tuntaev A. V., Elmurzaeva F. D. Integration of bioresins in crop production: a brief overview//New technologies. 2025. № 4. S. 219-231.



ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-650-655

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,

старший преподаватель кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: vsinko71@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: palamit@rambler.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СРЕДИ СТУДЕНТОВ УРГАУ

Аннотация. *Проблема конкурентоспособности в настоящее время занимает важное место в профессиональной деятельности любого человека. Сегодня важно доказать обществу свою профессиональную готовность к определенному виду деятельности. Получить работу - значит получить определенный статус в обществе, уровень материального благополучия. Несомненно, что каждый человек в своей жизни пытается стать лучше во всех отношениях, однако, конкурентоспособность именно в профессиональной сфере сегодня, как никогда становится важнейшим условием успеха каждого человека.*

Ключевые слова: *профессия, специалист, конкурентоспособность, молодые люди, студент, успех.*

KOSHELENKO Lyubov V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey V.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

SINKO Vera N.,

Senior lecturer at the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey G.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

SMIRNOVA Ekaterina S.,

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products Ural State Agrarian University

COMPETITIVENESS RESEARCH AMONG USAU STUDENTS

Annotation. *The problem of competitiveness currently occupies an important place in the professional activity of any person. Today, it is important to prove to the public their professional readiness for a certain type of activity. Getting a job means getting a certain status in society and a level of material well-being. There is no doubt that every person in their life is trying to become better in all respects, however, competitiveness in the professional field today, more than ever, is becoming the most important condition for the success of every person*.

Key words: *profession, specialist, competitiveness, young people, student, success.*

Перед каждым молодым жителем России сегодня остро встает проблема его конкурентоспособности в совершенно новой экономической и социокультурной ситуации, а по существу – это проблема его выживания. Конкурентоспособность — способность определенного объекта или субъекта превзойти конкурентов в заданных условиях. «Отечественная наука и практика ставит перед образовательными учреждениями задачу – воспитание личности в новых условиях хозяйствования, которая может самостоятельно, критически и творчески мыслить, имеющую активную жизненную позицию, способную благоприятно адаптироваться на рынке труда, т. е. конкурентоспособную личность» [1].

Для любой возрастной категории граждан конкуренция – это способ выживания в наше непростое время. Старшее поколение, как правило, акцентирует внимание на своем опыте, знаниях и умениях, сложившемся профессиональном мышлении. Молодые люди, наоборот, вызывают симпатию, своей молодостью, энергией, стремлением к инновациям, нестандартным способам решения проблем. Отметим, что конкурентоспособность отличается тем, что она всегда относительна. Например, кандидат на ту или иную должность постоянно сравнивается с другими. В одной ситуации он опередит их, а в другой, наоборот, отстанет по различным характеристикам. Поэтому можно утверждать, что конкурентоспособность динамична и зависит от условий, в которых она существует. Оценивание претендента зависит от общего уровня развития оценочных критериев и степени владения этими критериями конкурентов. Так называемый уровень конкурентоспособности определяет, будет принят на работу специалист или нет. Специалист должен удовлетворять потребностям работодателя лучше своих соперников. При этом, следует отметить, что критерии часто бывают не только объективными: образование, квалификация, стаж, опыт работы и др., но и субъективными: черты характера, имидж, привычки, оригинальность, гибкость, критическое мышление, открытость, коммуникабельность, уровень общей культуры и др. при этом, конечно, важно помнить, что конкурентоспособность – это не статичное состояние, а постоянный прогресс, развитие, совершенствование.

Конкурентоспособность также определяют как «свойство субъекта, указывающее на его способность выдерживать конкуренцию с себе подобными, на его способность совершать конкурентные действия» [2]. «Конкурентоспособность человека – это способность человека достигать своих целей и, причем соперничать с другими, которые преследуют те же цели, что и этот человек. Конкуренция – это самый лучший способ проявления своих качеств, появления уверенности и решительности в себе. Это настрой, стимул для того, чтобы достичь успеха в своем деле. Для того, чтобы выйти победителем, человек пытается, старается, тратит огромное количество усилий и времени» [3].

Отметим основные признаки конкурентоспособности. «Многие молодые люди под «конкурентоспособностью» понимают успешность, достижение жизненного успеха. Однако это не тождественные понятия. Успех – чаще всего личностное понимание счастья и жизненного удовлетворения, он расслабляет. А вот желание быть конкурентоспособным требует более жесткой концепции личностного развития» [4].

В. И Загвязинский так определяет конкурентоспособность человека: «1. Внешний облик человека, свидетельствует о психологическом здоровье (глаза – зеркало души). 2. Генетическая способность (предрасположенность) человека

осваивать профессии и совершенствовать профессиональное мастерство. 3. Врожденный характер, обуславливающий поведение в различных ситуациях человеческого общения. 4. Наличие генетического здоровья и работоспособность. 5. Наличие семьи» [4].

В свою очередь, А. А. Кыверялг определяет конкурентоспособность как «Наличие характеристик, необходимых человеку для эффективной реализации профессиональных функций и получения высоких результатов деятельности, позволяющие войти в социальный слой профессионалов: 1. Четкость целей и ценностных ориентаций. 2. Трудолюбие. 3. Творческое отношение к делу. 4. Способность к риску. 5. Независимость. 6. Способность быть ведущим специалистом. 7. Стремление к непрерывному саморазвитию и профессиональному росту. 8. Стрессоустойчивость. 9. Стремление к высокому качеству конечного продукта своего труда» [3].

Личностные особенности человека формируются не путем вызревания «изнутри» на основе наследственных предрасположенностей, а «извне» – на основе включения личности в различные формы общения и деятельности с другими людьми. «Поэтому процесс формирования конкурентоспособной личности заключается в организации условий, где преобладают образцы достойного поведения, общения, эмоционально-ценностных и нравственных отношений. В основе формирования качеств конкурентоспособной личности лежат механизмы заимствования и присвоения образцов поведения и межличностных отношений, которые демонстрируют значимые для студентов люди и в которые включается он сам» [5]. Личность человека формируется в обществе, в котором он живет. Уровень культуры этого общества образует ценностный стержень каждой личности и направляет ее по жизни. Делая тот или иной выбор, человек оценивает себя, последствия своего выбора. Он часто ошибается, но это дает ему возможность исправлять свои ошибки, совершенствоваться. Кроме того, огромное значение имеет общественное мнение. Оценка обществом конкретного человека также направляет и корректирует его поведение, решения, действия. Если сегодня в обществе требуется высококультурный профессионал, то все люди будут стремиться соответствовать данному критерию, то есть – становиться конкурентоспособным.

В процессе изучения данной проблемы было проведено исследование конкурентоспособности студентов УрГАУ второго курса.

На первый вопрос о готовности бороться за свое место в группе, почти половина всех студентов – 48% ответила «Иногда», это значит, что эта половина рассматривает всевозможные ситуации, при которых можно и уступить, и побороться. Или же, скорее всего, наши студенты не уверены в своих возможностях, это значит, что они должны быть смелее. 32% студентов не готовы бороться за свое место в группе. Может быть, у них нет интереса к этому или же они заранее уверены, что не справятся. 20% учащихся полностью уверены в своих способностях, соответственно, они будут бороться любыми способами, даже если они не правы. Это говорит о самоуверенности студентов и желании в любой ситуации отстаивать себя (см. табл. 1).

Таблица 1. Готовность студентов бороться за свое место в группе

Ответы	В абсолютных числах	%
Да	5	20
Иногда	12	48
Нет	8	32

На вопрос «Как часто Вы уступаете другому человеку в определенной ситуации?», большая половина студентов 64% ответила «Иногда». Соответственно, наши студенты принимают свои решения в зависимости от ситуации. Из этого следует, что они сначала хорошо подумают, прежде чем принимать какое-либо решение. 20% достаточно часто уступают другому человеку, что говорит о том, что порой они идут на поводу у оппонента и не готовы сражаться за свои позиции. Редко уступающие студенты – 16%, скорее всего, очень уверены в себе и в правильности своих действий. К сожалению, излишняя уверенность может повредить им, так как иногда студент может и ошибаться (см. табл. 2).

Таблица 2. Уступают ли студенты другому человеку в определенной ситуации

Ответы	В абсолютных числах	%
Часто	5	20
Иногда	16	64
Редко	4	16

На вопрос о том, удается ли студенту в дискуссиях и спорах настоять на своем, 60% респондентов ответили «Иногда». Наши студенты не стремятся быть правыми во всем, они внимательны к аргументам оппонента и выслушивают его точку зрения. Это говорит о том, что они могут разумно рассуждать и делать выводы в зависимости от предоставленных убеждений. 24 % студентов достаточно подкованы, чтобы настоять на своем в какой-либо дискуссии или споре. Соответственно, они не привыкли уступать, а это не всегда хорошо и может навредить обоим дискутирующим. Студенты, совсем не способны настоять на своем – 16%, должно быть, не хотят обидеть человека своими аргументами, поэтому уступают, однако эти говорит об их слабом характере и неспособности высказать свое мнение (см. табл. 3).

Таблица 3. В дискуссиях и спорах студентам чаще всего удается настоять на своем

Ответы	В абсолютных числах	%
Да	6	24
Иногда	15	60
Нет	4	16

Умение установить контакт очень важно, чтобы определить конкурентоспособность студента, поэтому на этот вопрос большинство студентов, а именно 40% ответили «Да». Это говорит о том, что студенты открыты к новым знакомствам и делам. 36% ответили «Иногда», значит, в зависимости от ситуации, учащиеся смогут установить контакт с новыми людьми. На это могут влиять разные факторы. Некоторые просто стесняются, а некоторые не желают знакомиться с кем-либо. 24% сказали « Нет», скорее всего, эти студенты довольно скрытны и не хотят устанавливать контакт с новыми людьми. Это может помешать им в будущем, так как любая профессия требует умения коммуницировать с людьми (см. табл. 4).

Таблица 4. Коммуникабельность

Ответы	В абсолютных числах	%
Да	10	40
Иногда	9	36
Нет	6	24

Умение и желание говорить очень полезны для будущего лидера, поэтому мы спросили наших студентов, как часто они по своей личной инициативе участвуют в спорах и дискуссиях. Большинство респондентов – 44% ответили «Иногда», ибо разные факторы могут повлиять на желание присоединиться к беседе. Может быть, наши студенты не слишком эрудированны в разных вопросах. 36% верят в себя и проявляют интерес к различного рода дискуссиям и спорам, поэтому они часто в этом участвуют. Это говорит о том, что студентам интересны самые разные темы, и они многим интересуются. 20% опрошенных, которых не интересуют темы разговоров, они редко к ним присоединяются. Это не самое хорошее качество, так как конкурентоспособный специалист должен уметь грамотно говорить и отстаивать свою точку зрения. Возможно, эти студенты заинтересованы чем-то другим (табл. 5).

Таблица 5. Участие в дискуссиях и спорах

Ответы	В абсолютных числах	%
Часто	9	36
Иногда	11	44
Редко	5	20

Так, проведя наше исследование, мы выяснили, что в студенческих группах второго курса конкурентоспособность проявляет себя не совсем уверенно. Все студенты привыкли быть дружелюбными и лучше уступят, чем вступят в спор с другим человеком. Они готовы помочь, если кто-то не справляется. Для них не важно, кто будет первым, для них важно быть вместе, не выпадать из коллектива, не потерять свой статус в нем.

Таким образом, современный студент – это молодой человек, стремящийся получить образование, применяющий гибкие методы работы, облегчающие его жизнь, готовый на коммуникации. Однако современный студент не всегда отличается смелостью, опытом в отстаивании своей позиции, часто уступающий своему оппоненту или вообще не вступающий в споры.

Конкурентоспособность – это интегральная характеристика личности, которая включает: знания, умения, навыки, опыт, личностные и профессиональные качества, направленные на успешное освоение рынка труда и достижение профессиональных целей. Для повышения уровня конкурентоспособности студентам можно рекомендовать следующее:

Во-первых, развиваться профессионально. Осваивать профессиональные знания, умения и навыки, не ограничиваясь только базовым образованием, а самосовершенствоваться непрерывно, осваивая дополнительные умения и навыки. Приобретать дополнительное образование, повышать квалификацию, развивать личную эффективность и работоспособность.

Во-вторых, повышать свою мотивацию посредством участия в научно-исследовательской и опытно-конструкторской работе, расширять свой профессиональный потенциал.

В-третьих, развивать свои лучшие личностные качества: целеустремленность, трудолюбие, стрессоустойчивость, критическое мышление и творчество.

В-четвертых, в зависимости от собственных жизненных приоритетов и интересов, определять свой карьерный путь, активно участвовать в практической и общественной деятельности, следить за изменениями в политике, экономике, на рынке труда, в культурной жизни общества.

Каждому молодому человеку важно помнить о том, что развитие конкурентоспособности требует постоянных усилий на протяжении всей жизни.

Список литературы

[1] Грохольская О.Г. Педагогические идеи и новаторский опыт Сухомлинского В.А. // История и педагогика естествознания. 2018. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-idei-i-novatorskiy-opyt-v-a-suhomlinskogo (дата обращения: 04.04.2026).

[2] Мишин В.М. Исследование систем управления: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 527 с.

[3] Кыверялг А.А. Методы исследования в профессиональной педагогике. Таллин: Валгус. 1980. 334 с.

[4] Загвязинский В.И., Астаханов Р. Методология и методы психолого-педагогического исследования. М.: Академия, 2006. 208 с.

[5] Скибо Т.Ю., Мещерякова Е.И., Берестевич Г.В. // Психолого-педагогические основы формирования и развития качеств личности в педагогическом процессе // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2022 №22. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-osnovy-formirovaniya-i-razvitiya-kachestv-lichnosti-v-pedagogicheskom-protsesse (дата обращения: 04.04.2026).

References:

[1] Groholskaya O.G. Pedagogical ideas and innovative experience of Sukhomlinsky V.A. // History and pedagogy of natural sciences. 2018. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-idei-i-novatorskiy-opyt-v-a-suhomlinskogo (date of reference: 04/04/2026).

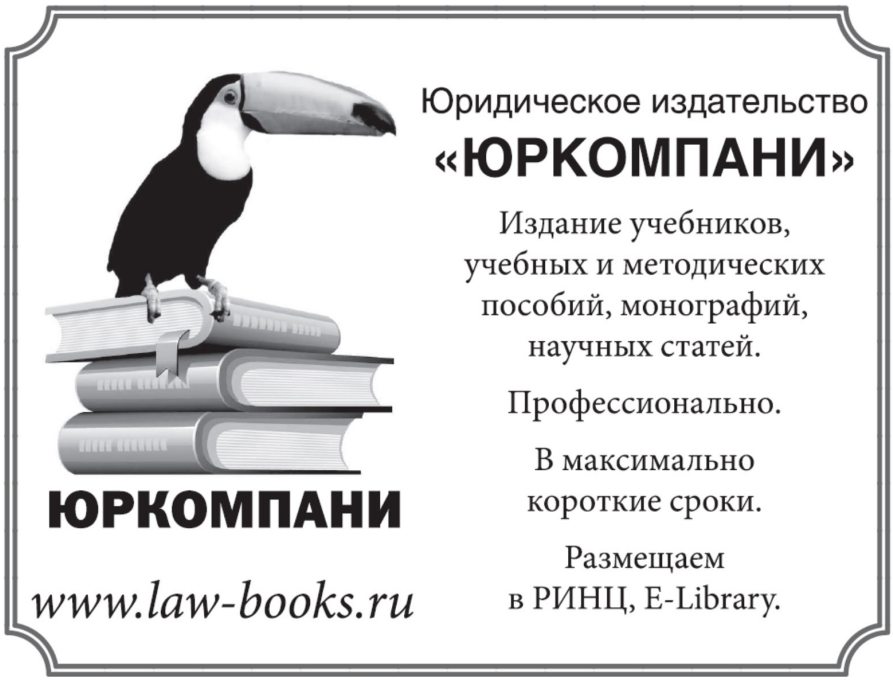
[2] Mishin V.M. Research of control systems: A textbook for universities. Moscow: UNITY–DANA, 527 p.

[3] Kyveryalg A.A. Research methods in professional pedagogy. Tallinn: Valgus, 1980– 334 p.

[4] Zagvyazinsky V.I., Astakhanov R. Methodology and methods of psychological and pedagogical research. Moscow: Akademiya, 2006.

208 p.

[5] Skibo T.Yu., Meshcheryakova E.I., Berestevich G.V. // Psychological and pedagogical foundations of the formation and development of personality qualities in the pedagogical process // Aerospace forces. Theory and practice. – 2022 – No. 22. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-osnovy-formirovaniya-i-razvitiya-kachestv-lichnosti-v-pedagogicheskom-protsesse (date of request: 04/04/2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 16.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-656-662

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,

старший преподаватель кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: vsinko71@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: palamit@rambler.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,

доктор биологических наук, профессор кафедры «Техносферная и экологическая безопасность» Уральский государственный аграрный университет, профессор кафедры «Техносферная безопасность» Уральский государственный университет путей сообщения, ст. научный сотрудник УрНИВИ ФГБНУ УрФАНИЦ УрОРАН,

e-mail: ilyasov3@rambler.ru

УСАДЬБА Г. Ф. ЗОТОВА (Г. ЕКАТЕРИНБУРГ) КАК ЭКСКУРСИОННЫЙ ОБЪЕКТ

Аннотация. *Статья посвящена одному из экскурсионных объектов г. Екатеринбурга – Вознесенской горке и зданиям и сооружениям, которые на ней располагались в XIX-начале XX вв. В частности, речь идет об истории существования усадьбы управляющего Кыштымскими заводами Г. Ф. Зотова, которая выходила на Вознесенскую площадь. Авторы объясняют значимость этого сооружения, которое в свое время посещали известные люди, включая визит в г. Екатеринбург императора Александра I. Кроме того, обращается внимание на отдельные методические аспекты проведения экскурсии в этом месте города.*

Ключевые слова: *площадь, усадьба, император, история, память, архитектура, храм, старообрядцы, периодическая печать, мемуары.*

SHILOVTSEV Andrey V.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

SINKO Vera N.,

Senior lecturer at the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey G.,

Candidate of historical sciences, associate Professor, Associate professor of the Department of philosophy, Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg R.,

Doctor of Biological Sciences, Professor of the Department of Technosphere Safety, Ural State University of Railway Transport, Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety, Ural State Agrarian University, Senior Researcher, Ural Research Veterinary Institute, Federal State Budgetary Scientific Institution, Ural Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

G. F. ZOTOV'S MANOR (YEKATERINBURG) AS AN EXCURSION OBJECT

Annotation. *The article is devoted to one of the excursion sites in Yekaterinburg, Voznesenskaya Gorka, and the buildings and structures that were located there in the 19th and early 20th centuries. In particular, it discusses the history of the estate of G. F. Zotov, the manager of the Kyshtym factories, which faced Voznesenskaya Square. The authors explain the significance of this building, which was visited by famous people, including Emperor Alexander I's visit to Yekaterinburg. Additionally, the article highlights certain methodological aspects of conducting excursions in this area of the city.*

Key words: *square, estate, emperor, history, memory, architecture, church, Old Believers, periodicals, memoirs.*

Отечественный рынок экскурсионных услуг многообразен и неисчерпаем. В настоящее время в Российской Федерации существует большое количество всевозможных экскурсионных маршрутов в рамках различных видов внутреннего туризма, которое постоянно увеличивается.

Понятие «экскурсия» к концу XX в. стала определяться как наглядный процесс познания человеком окружающего мира, построенный на заранее подобранных объектах, находящихся в естественных условиях или расположенных в помещениях предприятий, лабораторий, научно-исследовательских институтов. Показ объектов происходит под руководством квалифицированных специалистов - экскурсоводов, чья деятельность требует постоянного самообразования и совершенствования в подаче материала.

Процесс восприятия объектов экскурсантами подчинен задаче раскрытия определенной темы. Экскурсовод передает своей аудитории видение объекта, оценку памятного места, понимание исторического события, связанного с ним. Ему не безразлично, что увидит экскурсант, как он поймет и воспримет увиденное и услышанное. Он своими объяснениями подводит экскурсантов к необходимым выводам и оценкам, добиваясь тем самым нужной эффективности мероприятия. Таким образом, экскурсия, по версии Б. В. Емельянова, предстает в виде «суммы знаний, в специфической форме сообщаемых группе людей, и определенной системы действий по их передаче» [1]. Такие мысли и сегодня остаются основным ориентиром в понимании внутреннего содержания методологии культурного туризма [2, с. 66].

Залог успеха в экскурсии зависит от степени владения методикой ее разработки и проведения. Поиск источников для экскурсионного материала, выявление наиболее значимых и интересных для экскурсантов объектов – это одни из самых трудоемких этапов в ее подготовке.

Одной из важных составляющих историко-культурного наследия современной России являются города, как хранители материальных и духовных свидетельств богатого прошлого нашей страны [3, с. 45].

Среди уникальных территорий исторической части г. Екатеринбурга, до сих пор сохранившей свое историко - культурное своеобразие, является Вознесенская горка. Как считал известный уральский краевед В. М. Слукин, она «по географическому положению, градостроительным особенностям в развитии структуры города, наличию уникальных памятников архитектуры, сочетанию и привязке исторических событий мирового значения, притягательности интереса горожан представляет объект чрезвычайной значимости» [4].

Здесь, на одном из самых мифологизированных мест города проводится большое количество авторских экскурсий, посвященных истории усадьбы Расторгуева-Харитонова, Храму Вознесения Господня, а также самым печальным страницам в истории города - гибели царской семьи в 1918 г. и др.

Не менее интересной и познавательной является экскурсия, посвященная истории

зданий и сооружений на Вознесенской площади, где в 1902 г. открылось уникальное для всего Урала учебное заведение - художественно-промышленная школа (предшественница Свердловского художественного училища) [5]. Сегодня в старинных зданиях, признанных объектами культурного наследия регионального (областного) значения, располагаются корпуса Уральского государственного аграрного университета [6]. И если эти здания попадают в поле зрения экскурсантов как подлинные объекты показа, то реконструировать усадьбу Г. Ф. Зотова, которая располагалась на этом месте почти за столетие до строительства будущей школы, помогает методический прием зрительной реконструкции: несохранившейся объект восстанавливается посредством рассказа и фотоматериалами из портфеля экскурсовода.

Усадьба управляющего Кыштымскими заводами Г. Ф. Зотова выходила на Вознесенскую площадь с юго-запада. Главный дом представлял двухэтажное строение с бельведером, скорее всего деревянное и оштукатуренное снаружи, смотрел на Вознесенский проспект. На площадь выходили торцевые части многочисленных служб и хозяйственных построек [7]. Следует отметить, что в конце XIX в. здание было разобрано «по ветхости».

Несомненно, что одним из главных героев этой части экскурсии является личность Григория Федотовича Зотова, который был связан родственными узами с владельцами соседней усадьбы Расторгуева – Харитонова. Жизнь его изобиловала драматическими поворотами судьбы: были в ней и яркие достижения на поприще управления заводским хозяйством, и трагические падения с вершин богатства, власти и общественного уважения. Его посмертная слава до сих пор овеяна фантастическими легендами о необыкновенной «фортуне» крепостного самородка. «Бесспорно, Григорий Федотович - фигура неоднозначная. То, что он был действительно прекрасным знатоком и организатором металлургического производства и талантливым изобретателем, подтверждают архивные документы. Но вот был ли Зотов виновен в жестокосердном обращении с работными людьми, это еще историкам предстоит доказать, проведя новое, историческое расследование по документам архивов», - считают краеведы Л. И. Зорина и В. М. Слукин [8].

В сентябре 1824 г. г. Екатеринбург посетил российский император Александр I. Квартира для государя была приготовлена в великолепном большом доме купца и владельца Кыштымских горных заводов Расторгуева; свита помещалась в находящемся вблизи доме Зотова [9].

Первое упоминание о доме Г. Ф. Зотова, расположенного напротив дворца Расторгуева-Харитонова, звучит в мемуарах лейб-хирурга Д. К. Тарасова, сопровождавшего тогда визит российского императора: «Баронет Виллие и я помещались в доме замечательного в Екатеринбурге бывшего заводского правителя Григория Зотова, который более 20 лет управлял Верх-Исетскими заводами корнета гвардии Алексея Яковлева» [10, с. 137].

Известно, что в ходе полуторачасовой беседы Г. Ф. Зотова с императором (содержание ее стало известно благодаря Тарасову, записавшего подробности встречи со слов Зотова), Григорий Федотович до такой степени обратил на себя монаршее внимание, что Александр I упомянул о нем в своем послании императрице: «Первый раз в жизни встретил мужика с таким светлым умом и опытностью во всех отраслях горного искусства» [11].

Через три года после визита императорской особы в г. Екатеринбург началось следствие против Г. Ф. Зотова, которого обвиняли в жестоком обращении с приписными крестьянами и даже в убийстве. Жалобы, отправленные на высочайшее имя, достигли своей цели и стали основанием для проведения расследования.

Г. Ф. Зотова посадили под арест в своем же доме. Прошение по его делу направил в Сенат влиятельный волжский купец-старообрядец Г. И. Суетин. В сентябре 1830 г. уже был готов сенатский указ о его освобождении, но Николай I велел «держать по-прежнему под арестом» [12]. Впрочем, арест обозначался лишь присутствием в прихожей солдата с ружьем, сам же Зотов жил, ни мало не стесняя себя, делал, что ему угодно, распоряжался своими делами, приглашал к себе кого хотел [13].

Следствие закончилось обвинительным приговором Г. Ф. Зотову и П. Я. Харитонову, признанному соучастником преступлений родственника. Оба фигуранта дела были отправлены в ссылку в г. Кексгольм. Вслед за ними отправились и их семьи.

В газете «Екатеринбургская неделя» в 1890 г. был опубликован отрывок из воспоминаний медика-хирурга Т. К. Тарасова (брата известного лейб-хирурга императора Александра I Д. К. Тарасова), служившего в 1830-х гг. врачом на Уральских заводах наследников Расторгуева, Зотова и Харитонова. На момент публикации ему было 83 года, то есть прошло более 50 лет со времени его службы в г. Екатеринбурге, но он сохранил много воспоминаний как об этом городе и окружающих его заводах, так и тогдашнем обществе.

Д. К. Тарасов писал об аресте Г. Ф. Зотова и П. Я. Харитонова так: «Екатеринбург

много потерял в этих двух личностях. Одно из отличительных черт характера обоих было чрезвычайное хлебосольство. Немало знатных лиц, проезжавших чрез Екатеринбург в Сибирь, останавливалось у них, и в числе таких лиц нельзя не упомянуть о Сперанском, впоследствии графа. И вот, в этом самом доме хлебосольства, Зотов до окончания своего дела сидел под арестом, охраняемый часовыми как важный преступник, что, однако не мешало этим часовым называть его генералом, - с таким достоинством держал он себя во все время домашнего ареста» [14, с. 471]. Известно, что в связи с назначением на пост генерал- губернатора Сибирской губернии в 1819 г. Михаил Михайлович Сперанский проезжал через г. Екатеринбург. Прибыл он 21 мая, не отказался от предложенных в его честь обеда и вечера, а на другой день выехал в г. Тюмень [15, с. 29].

Существует несколько версий дальнейшей судьбы Г. Ф. Зотова, наиболее достоверной из которых является та, что он умер, как и П. Я. Харитонов, в ссылке. Потомки его не были лишены имущественных прав, проживали в г. Санкт - Петербурге, оставаясь владельцами Кыштымских заводов и нескольких домовладений в г. Екатеринбурге. В 1880-х гг. собственниками главного дворца являлись: баронесса К. А. Меллер-Закомельская (дочь сына Г. Ф Зотова), наследники ее брата - А. А. Зотова и дочь П. Я. Харитонова О. П. Дружинина. Им же принадлежала бывшая усадьба. Зотова.

Как в те далекие годы выглядела эта усадьба? В «Списке домовладельцев г. Екатеринбурга» (известное справочное издание И. И. Симанова от 1889 г.) приведено следующее описание построек данной усадьбы: «деревянный двухэтажный с мезонином дом, службы и бани» [16]. Также демонстрация материалов из портфеля экскурсовода (фотографии гравюры с видами города второй половины XIX в., живописный вид Вознесенской горки 1820–х гг. П. Свиньина) дает некоторое представление об этом доме. На картине художника изображена северная часть дома, носящего признаки классицизма, как и соседняя усадьба Расторгуева – Харитонова, из чего можно сделать вывод, что этот особняк мог появиться не раньше начала XIX в.

У Г. Ф. Зотова имелся еще один дом-усадьба на набережной пруда, ставший впоследствии собственностью Т. К. Тарасова (в настоящее время здесь размещена резиденция губернатора Свердловской области). Но усадьба на Вознесенской горке была наиболее престижной для приема высоких гостей и новой по сравнению с домом на набережной, который не имел капитальной отделки (он был построен в 1796 г.).

В 1838 г. г. Екатеринбург посетил известный картограф, геолог, академик Г. П. Гельмерсен, который оставил потомкам впечатления о городе и его жителях, в том числе и о Зотове и его доме: «Во время моих прежних поездок по Уралу я имел случай удостовериться в том, насколько деятельность и опыт Зотова способствовали успеху. Постепенно это человек занял такое положение, каким вряд ли кто иной на Урале мог бы похвалиться. Его богатый обустроенный дом в Екатеринбурге был любимым местом встречи городской знати и приезжих людей. Не только в большие праздники, но и в определенные дни недели здесь собирались люди образованного круга, проявлявшие и исключительно почтение к хозяину дома. Здесь хорошо принимали и угощали. Дальнейшая судьба этого дома весьма печальна…» [17].

Известный российский архитектор К. Т. Бабыкин, приехавший в г. Екатеринбург в 1907 г. (когда дом Зотова уже был снесен), скорее всего, по какому-то оставшемуся изобразительному материалу давал следующее его описание: «Оригинальной архитектуры дом Зотова стоял по другую сторону против Харитоновского дома, на том месте, где теперь здание Художественной школы. Это был одноэтажный дом на полуподвале. Средняя часть его была в два этажа с колонным портиком. На углу - к площади – был мезонин под низким куполом. Остается пожалеть, что дом этот сломан, и на его месте построено шаблонное кирпичное здание» [18, с. 158].

Вознесенская горка в г. Екатеринбурге окутана множеством тайн и легенд. Одна из них – возможное существование подземелий, большей частью связанных с усадьбой Расторгуевых - Харитоновых. «Появление системы подземелий, скорее всего, связано с тем, что Расторгуев, Харитонов и Зотов по вере принадлежали к старообрядчеству, подвергавшемуся гонениям, кроме того, старообрядцы тяготели к устройству подземных молелен, тайных скитов, убежищ и тайных выходов из них. Подземными путями в тайные молельни усадьбы Расторгуева - Харитонова приходили наставники уральского старообрядчества и теми же ходами, никем не замеченные, растекались по улицам Екатеринбурга. Даже если бы их обнаружили, погоня оказалась бы тщетной: ходы шли в разных направлениях - к озеру в парке, к усадьбе Зотова, что стояла на месте нынешнего сельхозинститута», - отмечал исследователь подземных сооружений как важной части архитектуры и строительства города В. М. Слукин [19].

На территории современного аграрного университета сохранился возможный фрагмент хозяйственного подвала усадьбы Зотова, который в настоящее время используется как

склад. Родственные связи и совместное дело могли, конечно, подтолкнуть семьи Зотова и Харитонова к прокладке подземного хода из этого подвала, но пока его существование все еще гипотетично, поскольку этому нет никаких письменных или устных свидетельств.

В конце XIX в. дом Зотовых стал сдаваться арендаторам: в 1885 г. в нем располагалось Вознесенское мужское училище (занимало второй этаж). «Кроме классных комнат, есть передняя и коридор. Помещение неудобное», - отмечалось в статистических данных за 1887 г. [20]. Также здесь размещались фортепианная мастерская баденского подданного Ф. Кеттерера, реклама которой публиковалась в газете «Уральская жизнь» [21]. Помещение арендовал под свою кондитерскую и дворянин В. И. Вериго [22]. «В Зотовском доме на Вознесенской улице при библиотеке и книготорговле Наумовых производится продажа олеографических и других картин. Тут же отдаются разные квартиры, где можно поместить и мастерское заведение, и магазин (в комнатах с парадного входа). В подвальном этаже все удобства для ренскового погреба, фруктовой и всякой мелочной торговли. На дворе отдаются большие помещения для склада и сортировки товаров», - гласило рекламное объявление в «Екатеринбургской неделе» в 1880 г. [23]. Здесь же жили преподаватели, в конце 1881 г. открыта «Народная дешевая столовая»: всего за 10 копеек можно было получить обед из двух блюд с хлебом.

На фотопанораме г. Екатеринбурга конца XIX в. известного фотографа В. Л. Метенкова запечатлены строительные работы углового дома Зотова, а рядом просматривается двухэтажное здание с небольшим мезонином. Эта усадьба тоже приписывается наследникам Зотова, что подтверждается списком домовладельцев 1888 г. При доме находился флигель, службы, баня и кучерская. Дом сохранялся до советского времен и был снесен в ходе строительства новой жилой многоэтажки, которая также не сохранилась до сегодняшних дней.

Несомненно, достаточно сложно проектировать экскурсию таким образом, чтобы не злоупотреблять терпением слушателей, рассказывая о том, чего в данный момент они не видят. Поэтому ведущим так важно использовать различные методические приемы построения экскурсии, накапливать обширные теоретические знания об объектах показа, повышать свою квалификацию. Добротная познавательная экскурсия – это не только показ памятников архитектуры и исторических мест. Это и умение представить все разнообразие окружающего мира, в том числе, через призму исторического прошлого и судьбы людей [24].

Список литературы:

[1] См. Емельянов Б.В. Экскурсоведение. М., 2007. 216 с.

[2] Англинов К. Экскурс и экскурсия на рынке туруслуг // Мир экскурсий. № 1. 2007. с. 66-69

[3] Стояк Ю. А., Романова Л. С. Проблемы сохранения архитектурно-художественного своеобразия исторических городов России (на примере города-завода Воткинска) // Вестник ТГАСУ. 2015. № 2 (49). С. 44-56.

[4] Слукин В. М. Вознесенская горка / В. М. Слукин // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9. С. 101-113. 27 [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24374/1/iurp-1998-09-16.pdf?ysclid=mjvdt801c130125978\

[5] См. Глазунова Е.С., Синько В.Н. Комплекс исторических зданий Уральского государственного аграрного университета: прошлое и настоящее // Молодежь и наука. 2019. № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://min.usaca.ru/issues/74/articles/4462

[6] См. Сайт управления охраны объектов культурного наследия свердловской области [Электронный ресурс]. URL: https://portal.okn.midural.ru/node/308?ysclid=mm1nozyyex716445998

[7] См. Зорина Л. И., Слукин В. М. Улицы и площади старого Екатеринбурга Екатеринбург: Баско, 2005. 288 с.

[8] См. Зорина Л. И. Улицы, площади, реки, пруды, подземелья и пригороды старого Екатеринбурга / Л.И. Зорина, В.М. Слукин. 2 –е изд. перераб. и доп. Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2025. 720 с.

[9] Извлечение из записки ст. сов. Чупина о поездке Императора Александра I на Урал в 1824 году // Горный журнал. 1877. № 1. С. 23–31.

[10] См. Злоказов Л. Д. Старый Екатеринбург. Город глазами очевидцев, [Сборник] / Л. Д. Злоказов, В. Б. Семенов; [Ист.-геммол. о-во (ИГЕММО) «Lithica»]. Екатеринбург: ИГЕММО «Lithica», Музей истории Екатеринбурга, 2000. 605 с.

[11] Там же. С. 137-139.

[12] Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы - купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998. С. 81-82.

[13] Афанасьев Н.Я. Указ. соч. С. 33.

[14] Из воспоминаний Уральского врача // Екатеринбургская неделя. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/5495

[15] Попов Е. А. М. М. Сперанский в Перми и Сибири: [Двухлетняя жизнь Сперанского в Перми] / [соч.] Евгения Попова. Пермь, 1879. 33 с.

-Извлеч. из кн.: «...Столетие Перми...».

[16] Город Екатеринбург: сборник историко-статистических сведений по городу, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду : с планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / [печатано по постановлению Пермского губернского статистического комитета]. Екатеринбург: издание Екатеринбургского городского головы И. И. Симанова, 1889. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/85664

[17] Цит. по Л.Д. Злоказов, В. Б. Семенов Старый Екатеринбург… С. 203.

[18] Бабыкин К. Т. Архитектурная старина Екатеринбурга // Екатеринбург за двести лет (1723 - 1923) / под ред. В. М. Быкова. — Екатеринбург: Издание юбилейной комиссии Екатеринбургского городского совета рабочих и красноармейских депутатов, 1923. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/16335

[19] См. Слукин В. М. Тайны уральских подземелий легенды, реальность, поиск / Всеволод Слукин. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Сократ, 2005. с. 247.

[20] Екатеринбургская уездная земская управа. Статистическое отделение. Дополнения к статистическим таблицам по училищам Екатеринбургского уезда за 1885/6 и 1886/7 учебные годы / Стат. отд-ние Екатеринб. уезд. зем. управы; [сост. А. М. Шулятиков и И. П. Селивановский]. Екатеринбург: издание Екатеринбургского уездного земства, 1887. 122 с. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/40155

[21] Уральская жизнь 1903 г. № 295 [Электронный ресурс]. URL: .http://elib.uraic.ru/handle/123456789/66828

[22] Екатеринбургская неделя. 1888. № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/5645

[23] Екатеринбургская неделя». 1880 № 38. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/4825

[23] Экскурсоведение – дисциплина прикладная // Мир экскурсий. № 1. 2007. с. 16-18.

References:

[1] See Yemelyanov B.V. Guided tours. Moscow, 2007. 216 p.

[2] Anglinov K. An excursion and an excursion on the market of travel services // The world of excursions. No. 1. 2007. pp. 66-69

[3] Stoyak Yu. A., Romanova L. S. Problems of preserving the architectural and artistic originality of historical cities of Russia (on the example of the factory city of Votkinsk) // Bulletin of TSASU. 2015. No. 2 (49). Pp. 44-56.

[4] Slukin, V. M. Voznesenskaya Gorka / V. M. Slukin // Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. 1998. No. 9. Pp. 101-113. 27 [Electronic resource]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24374/1/iurp-1998-09-16.pdf?ysclid=mjvdt801c130125978\

[5] See Glazunova E.S., Sinko V.N. Complex of Historical Buildings of the Ural State Agrarian University: Past and Present // Youth and Science. 2019. No. 4. [Electronic resource]. URL: http://min.usaca.ru/issues/74/articles/4462

[6] See. The website of the Department for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Sverdlovsk Region [Electronic resource]. URL: https://portal.okn.midural.ru/node/308?ysclid=mm1nozyyex716445998

[7] See Zorina L. I., Slukin V. M. Streets and squares of old Yekaterinburg Yekaterinburg: Basko, 2005. 288 p

. [8] See Zorina L. I. Streets, squares, rivers, ponds, dungeons and suburbs of old Yekaterinburg / L.I. Zorina, V.M. Slukin. 2nd ed. revision. and add. Yekaterinburg: Cabinet scientist. 2025. 720 p.

[9] Extract from the note of the St. Sov. Chupin about the trip of Emperor Alexander I to the Urals in 1824 // Mining Journal. 1877. No. 1. Pp. 23–31.

[10] See Zlokazov L. D. Old Yekaterinburg. The City through the Eyes of Eyewitnesses, [Collection] / L. D. Zlokazov, V. B. Semenov; [Hist.-Gemmol. Society (IGEMMO) “Lithica”]. Yekaterinburg: IGEMMO “Lithica”, Yekaterinburg History Museum, 2000. 605 p.

[11] Ibid., pp. 137-139.

[12] Ageev S. S., Mikityuk V. P. Ryazanovs - Yekaterinburg Merchants. Yekaterinburg, 1998, pp. 81-82.

[13] Afanasyev N. Ya. Op. cit., p. 33.

[14] From the Memoirs of a Ural Doctor // Yekaterinburg Week. [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/5495

[15] Popov E. A. M. M. Speransky in Perm and Siberia: [Speransky’s two-year life in Perm] / [Op.] Evgenia Popova. Perm, 1879. 33 p. -Extracted. from the book: “...”The Centenary of Perm...”.

[16] The City of Yekaterinburg: A Collection of Historical and Statistical Information about the City, with an Address Book and Some Information about the Yekaterinburg District, Including Plans of Yekaterinburg and Its Outskirts, and 10 Tables of Drawings / [printed by the Perm Provincial Statistical Committee]. Yekaterinburg: Published by the Mayor of Yekaterinburg, I. I. Simanov, 1889. [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/85664

[17] Quoted from L. D. Zlokazov and V. B. Semenov, Old Yekaterinburg... P. 203.

[18] Babikin, K. T. Architectural Antiquity

of Yekaterinburg // Yekaterinburg for Two Hundred Years (1723-1923) / edited by V. M. Bykov. — Yekaterinburg: Publication of the Jubilee Commission of the Yekaterinburg City Council of Workers' and Red Army Deputies, 1923. [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/16335

[19] See Slukin V. M. Secrets of the Ural dungeons: legends, reality, search / Vsevolod Slukin. 2nd ed., revised and add. Yekaterinburg: Sokrat, 2005. p. 247.

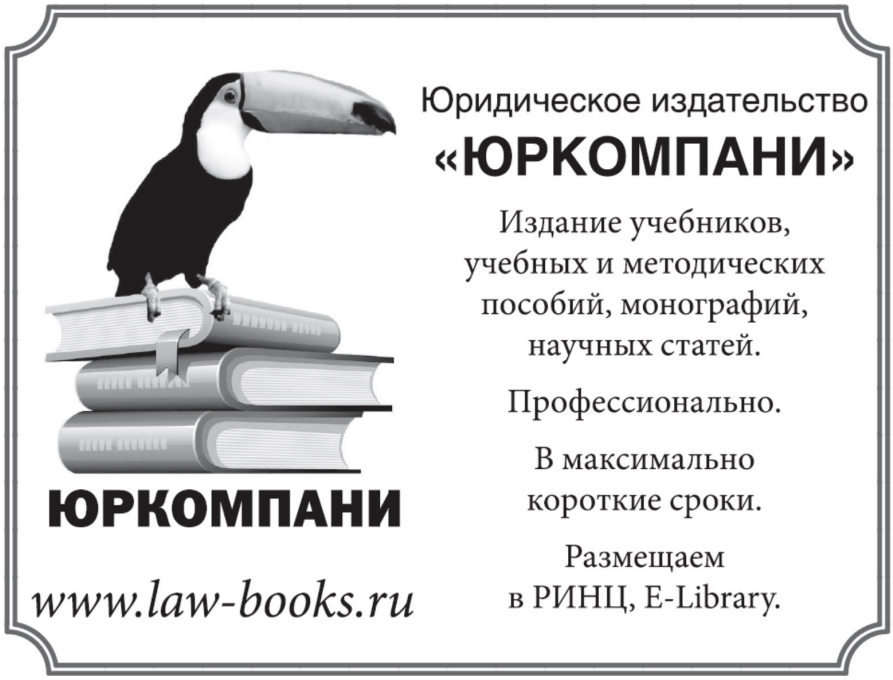
[20] Yekaterinburg County Zemstvo Council. Statistical department. Additions to the statistical tables on the schools of the Yekaterinburg district for the academic years 1885/6 and 1886/7 / Stat. Department of Yekaterinburg. county. land. city councils; [comp. A.M. Shulyatikov and I. P. Selivanovsky]. Yekaterinburg: publishing house of the Yekaterinburg County Zemstvo, 1887. 122 p. [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/40155

[21] Ural Life, 1903, No. 295 [Electronic resource]. URL: .http://elib.uraic.ru/handle/123456789/66828

[22] Yekaterinburg Week. 1888, No. 3. [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/5645

[23] Yekaterinburg Week. 1880 No. 38. [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/4825

[23] Excursion science is an applied discipline // World of Excursions. No. 1. 2007. pp. 16-18.



Дата поступления рукописи в редакцию: 17.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-663-668

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: palamit@rambler.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: irinacupina716@gmail.com

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: ethos08@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: nikolina73@yandex.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ ПАРТИЙНЫМ РУКОВОДСТВОМ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ НАЧАЛА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *В статье анализируется выступление секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И.С. Пустовалова на партийном пленуме в июне 1946 года, посвящённое перестройке деятельности партийных органов в условиях перехода от войны к восстановлению народного хозяйства. В годы Великой Отечественной войны сложилась практика прямого вмешательства партийных структур в оперативное управление предприятиями, которая при переходе к мирному развитию стала восприниматься как управленческая проблема. Автор реконструирует позицию Пустовалова, который не отрицал необходимости партийного контроля по хозяйственным вопросам, но при этом предлагал изменить методы управленческой работы: отказаться от мелочной опеки, администрирования и подмены хозяйственных руководителей, перейдя к политическому воспитанию кадров, организации социалистического соревнования, контролю исполнения государственных планов.*

Особое внимание в статье уделяется рассмотрению двойственности поставленной задачи, когда разграничение функций между партийными, советскими и хозяйственными органами должно было проводиться при сохранении руководящей роли ВКП(б). В статье также отражено влияние внешнеполитического контекста в связи с началом «холодной войны». Пустовалов акцентировал необходимость достижения научно-технического и культурного превосходства СССР над Западом, что предъявляло повышенные требования к квалификации партийных работников. Отмечалась особая роль Урала как крупнейшего индустриального центра, от качества управления которым зависело выполнение общегосударственных задач. В статье показано, как на региональном уровне осознавались и транслировались вызовы послевоенного восстановления и глобального геополитического противостояния,

проявлялись противоречия между декларируемым разграничением властных полномочий и сохранением жёсткого партийного контроля.

Ключевые слова: *Свердловская область, ВКП(б), И.С. Пустовалов, перестройка партийной работы, холодная война, партийные кадры, идеологическая работа.*

EGOROV Sergey G.,

Candidate of historical sciences, Associate Professor, Associate professor of the Department of philosophy, Ural State Agrarian University

CHUPINA Irina P.,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena V.,

PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor, Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalya N.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Management and Economic Theory, Ural State Agrarian University

THE SVERDLOVSK REGION PARTY LEADERSHIP'S UNDERSTANDING OF MANAGERIAL CHALLENGES AT THE DAWN OF THE COLD WAR

Annotation. *This article analyzes the speech of I.S. Pustovalov, Secretary of the Sverdlovsk Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), at a party plenum in June 1946, on the restructuring of party bodies during the transition from war to economic recovery. During the Great Patriotic War, the practice of direct party intervention in the operational management of enterprises developed, which, during the transition to peaceful development, began to be perceived as a management problem. The author reconstructs Pustovalov's position, which did not deny the need for party control over economic matters but proposed changing management methods: abandoning micromanagement, administration, and the substitution of economic managers, and moving toward the political education of cadres, organizing socialist competition, and monitoring the implementation of state plans.*

The article devotes particular attention to the duality of the task at hand, whereby the delineation of functions between party, soviet, and economic bodies was to be carried out while maintaining the leading role of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). The article also reflects the influence of the foreign policy context surrounding the onset of the Cold War. Pustovalov emphasized the need for the USSR to achieve scientific, technological, and cultural superiority over the West, which placed increased demands on the qualifications of party officials. He noted the special role of the Urals as a major industrial center, the quality of whose management determined the fulfillment of national objectives. The article demonstrates how the challenges of post-war reconstruction and global geopolitical confrontation were recognized and communicated at the regional level, and how contradictions emerged between the declared delineation of powers and the maintenance of strict party control.

Key words: *Sverdlovsk Region, All-Union Communist Party (Bolsheviks), I.S. Pustovalov, restructuring of party work, Cold War, party cadres, ideological work.*

Одной из ключевых управленческих проблем первых послевоенных лет в СССР было упорядочение роли и функций партийных органов в организации хозяйственной деятельности. В годы Великой Отечественной войны в целях более быстрого и оперативного решения

задач, связанных с мобилизацией трудовых сил и материальных ресурсов, руководство партийных организаций брало на себя функции непосредственного вмешательства в работу предприятий.

Партийные органы занимались самыми разнообразными производственными, снабженческими, техническими делами, их решения носили по многим вопросам ведомственный характер и состояли преимущественно из требований к хозяйственным руководителям, мало касаясь работы собственно партийных организаций. Партийные руководители Свердловской области видели эту проблему и в условиях перехода к мирному развитию обратили серьезное внимание на перестройку повседневной деятельности областной партийной организации.

В июне 1946 года на XXVII пленуме обкома ВКП(б) с программной по своему содержанию речью выступил секретарь обкома по пропаганде и агитации И.С. Пустовалов, поставивший свой задачей донести до присутствующих членов региональной номенклатуры сущность организационных перемен. Несмотря на то, что Ивану Степановичу не было еще и 40 лет, он считался опытным партийным работником, занимал должность секретаря обкома по пропаганде и агитации практически весь военный период, с июля 1941 года [1, с. 33].

В начале своего выступления Пустовалов вынужден был констатировать, что далеко не все ответственные работники четко представляют, в чем заключается грядущие перемены в партийной работе (при цитировании первоисточников пунктуация, орфография и стиль сохраняются как в оригинале – авт.): «О том, в чем состоит по существу перестройка, что надо делать, об этом сказано немало. Как будто вопрос ясен. Однако, когда…в разговорах товарищи обмениваются впечатлениями, то нельзя сказать, что у всех все ясно. Наоборот, есть упрощенное, порой неправильное понимание. Часто можно слышать такие высказывания, ну пора перестраиваться, хватит хозяйственными делами заниматься, надо браться за партийную работу. Или так: надо засесть за учебу, хватит разъезжать, штурмовать и прочее» [2, л. 259].

Отвечая на такие настроения, секретарь обкома сразу же дал понять, что никто партийный аппарат от выполнения хозяйственных задач освобождать не собирается: «…хозяйство и политика неотделимы. И если нам не нужны узколобые деляги, то также не нужны голые начетчики и цитатники, оторванные от материального производства, от производства, которое нас поит и кормит, двигает технический прогресс и т.д. От хозяйства никто и никогда не освобождал и освобождать не будет, не только секретарей городских и районных комитетов партии, но и работников отдела пропаганды - заведующего, лектора, пропагандиста. Как можно думать, что мы отвлекаемся от хозяйственных дел и займемся чисто партийной работой, когда принята пятилетка. Такое противопоставление партийной работы хозяйственной было бы неправильно и неестественно… Производственный план, есть закон партии и государства, хлебозаготовка тоже, которыми мы обязаны заниматься и отвечать и директор, и председатель колхоза, и партийная, и профсоюзная, и комсомольская организация» [2, л. 260].

Будущую перестройку управленческой деятельности Пустовалов видел, прежде всего, в изменении методов и стиля партийной работы: «Мы должны заниматься хозяйством, но вопрос состоит в том, как, каким путем, какими формами и методами должны заниматься им партийные работники…Это не хозяйственник, если он будет только речи произносить и не будет использовать предоставленное ему право действовать, иногда приказом, распоряжением, иногда давать выговор, налагать штраф, даже отдавать под суд. Без этого полностью не обойдется директору, хотя само собою ясно, что он не должен злоупотреблять этим правом.

С другой стороны, это не партийный руководитель, не вожак масс, если он будет заниматься хозяйством в неприемлемом для него стиле, т.е. командовать, доставать сам материалы, детали. Это не его дело. В этом отношении хозяйственными делами мы не должны заниматься, поэтому надо искоренить в среде партработников всякого рода администрирование и командование, собственно, хозяйственные, административные функции мы должны возложить только и исключительно на хозяйственных руководителей» [2, л. 261].

Традиционно для того времени большое внимание Пустовалов уделял вопросам агитации и пропаганды, организации социалистического соревнования, эффективной работе с кадрами: «Наша задача - партийных руководителей, парторганизаций - заниматься политическим воспитанием коммунистов, беспартийных рабочих, колхозников, служащих, организовать среди них пропаганду, агитацию, добиться активной, творческой работы первичных парторганизаций, партгрупп, коммунистов. Вместе с профсоюзом и комсомолом развернуть соцсоревнование, обобщать опыт, критиковать нерадивых, сплотить лучших людей предприятия, передовых стахановцев, мастеров, конструкторов, рационализаторов, изобретателей и т.д. Бичевать недостатки, вникать в бытовые нужды трудящихся. А что

касается собственно хозяйственных дел - этим заниматься исключительно через хозяйственно-административный аппарат и их руководителей» [2, л. 261].

При этом секретарь обкома особо подчеркивал руководящую роль партии во взаимодействии с хозяйственными субъектами: «…у нас есть право контроля хозяйственной деятельности администрации, мы можем и должны требовать, добиваться исполнения. Во всем этом неизбежно много внимания будет уделяться хозяйственным, производственным вопросам, но мы будем тогда не голые администраторы, не командовать, а воспитывать, убеждать, а где требуется - контролировать и требовать…» [2, л. 262].

Безусловно, в этих словах одного из руководителей Свердловского обкома сквозит определенная двойственность. У партийного аппарата не мог не возникнуть вопрос: как понять в управленческой практике, где заканчивается «контроль и требовательность» и начинается «командование и голое администрирование»?

В связи с этим Пустовалов призвал участников пленума к «резкому разграничению функций», чтобы избежать укоренившейся в военные годы подмены государственных и хозяйственных органов: «В наших социалистических условиях все мы работаем на одном общем деле - на партию, государство, на народ. И все мы, коммунисты, прежде всего, работники партии. Работники партии не только допустим секретари Обкома ВКП(б) товарищи Недосекин, Кокосов, Цыганов, Пустовалов и другие, только потому, что они работают на партийной работе, в партийном аппарате. Но им является скажем и председатель Облисполкома тов. Ситников, он работник партии в области Советов и директор Уралмашзавода тов. Музруков, он работник партии на важнейшем участке социалистического хозяйства и тов. Борщев - он работник партии на важнейшем участке государственной безопасности и т.д., любой из нас. Стало быть наша задача - один другому помогать, друг друга критиковать и взаимно уважать. Каждый решает на своем участке одну общую партийную, государственную задачу, но обязательно должен решать ее по-особому, с учетом тех специфических условий, форм и методов, которые свойственны той или иной организации. Поэтому мы должны избегать малейшей подмены одного другим» [2, л. 262].

Особо секретарь обкома ориентировал партийный аппарат на изменение отношения к руководителям промышленных предприятий: «…мне кажется, сейчас надо поднять авторитет директоров и начальников цехов, особенно роль мастера на производстве, укрепить единоначалие, тогда и у нас, партийных работников, будет больше возможности заниматься собственно партийно-политической работой. А просто перестать заниматься хозяйством нам, во-первых, никто этого не позволит, а во-вторых, это самое легкое. Подумаешь геройство перестать заниматься хозяйственными делами, да с этим и любой лодырь согласится» [2, л. 264].

Окончание Великой Отечественной войны обусловило появление новых вызовов перед верховной властью СССР во внешней и внутренней политике. Период тесного взаимодействия с западными союзниками завершился довольно быстро и после Фултонской речи У. Черчилля в марте 1946 года вновь начинается рост международной напряженности. Отчуждение между бывшими участниками антигитлеровской коалиции привело к многолетней «холодной войне», ход которой наложил огромный отпечаток на весь послевоенный период развития СССР. В послевоенных условиях советское государство выступало уже как одна из сверхдержав, лидер социалистического лагеря. В этих обстоятельствах политическое руководство Советского Союза стремилось обеспечить форсированное социально-экономическое развитие страны, защиту новых геополитических интересов на международной арене.

Материалы выборов Верховного Совета СССР 1946 года показывают, что в своих выступлениях перед избирателями практически все высшие руководители партии и правительства неизменно подчёркивали угрозу полномасштабного военного конфликта. Преобладание подобных настроений среди высшего руководства страны неизбежно сказывалось на формировании подходов к развитию экономики, определяя её приоритетную направленность на решение оборонных задач [3, с. 106]. В связи с этим Пустовалов указывал на значимость разворачивающейся гонки вооружений: «…канун перехода во вторую половину XX века ознаменовался открытием атомной энергии, радиолокацией и другими крупнейшими переворотами в области науки и техники. Что это значит для нас с вами? Это значит, что если мы не желаем отстать, а быть страной, дающей тон всему развитию, мы не можем и не имеем права не предъявлять к себе самых серьезных требований в смысле упорной работы не только в области политики, но и науки, и техники, и культуры.

Наши инженеры, техники, конструкторы, механики, а также учителя, врачи, агрономы, должны быть на голову выше буржуазных деятелей этих отраслей знаний, должны превзойти их в своем научном кругозоре, открытиях и изобретениях» [2, л. 267].

Секретарь обкома отмечал новую международную роль СССР: «…победоносно окончилась Великая Отечественная война нашего народа против одного из сильнейших отрядов международного империализма – гитлеровской Германии и империалистической Японии. И это привело к тому, что авторитет и влияние нашего государства на всю мировую политику и особенно на многие другие родственные и дружественные нам, особенно славянские, балканские государства и их народы возросло в небывалой степени.

Следовательно, политически сейчас дело сложилось так, что наш народ и наше государство заняли ведущее место в мире; по крайней мере наш народ и наше государство имеют сейчас огромное влияние, являются руководящей и направляющей силой прогресса, культуры и цивилизации для многих государств мира…» [2, Лл. 265-266].

Далее Пустовалов обратился к аудитории с вопросом: «Кто будет направлять идейное духовное развитие народов не только нашей страны, но и всего мира?» И вновь в своем ответе секретарь обкома обосновывал необходимость достижения превосходства над западными странами: «…стоит непосредственная практическая задача добиться превосходства наших кадров над кадрами буржуазного мира во всех областях деятельности, знания и культуры, т.е. мы должны иметь первоклассные кадры признанных авторитетов и глубоких специалистов всех отраслей знания, философии, истории, экономических наук, права, психологии, логики. Должны иметь таких представителей и деятелей науки, техники, культуры, которых бы знал весь мир, к ним прислушивался и у них учился» [2, л. 267].

Особую значимость словам Пустовалова придавала та исключительная роль, которую сыграл Урал в промышленном и военно-техническом развитии СССР в военные годы. В феврале 1946 года секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков в ходе выборов в Верховный Совет СССР на встрече с избирателями заметил: «Разве не очевидно, что без Кузбасса и без промышленности Урала мы проиграли бы войну». О возросшем значении Урала наглядно свидетельствовали кадровые перемены, произошедшие в высших эшелонах власти вскоре после окончания войны. Одновременное выдвижение ряда руководителей Уральского региона на ведущие партийные и государственные должности в стране Пустовалов назвал «небывалым фактом». Первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В.М, Андрианов был назначен членом Оргбюро ЦК ВКП(б) и председателем постоянной комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР. Первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) Н.С. Патоличев также был введен в состав Оргбюро ЦК ВКП(б). Первый секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Н.И. Гусаров был избран членом Президиума Верховного Совета СССР [4, Лл. 10-11].

К 1947 году производство промышленной продукции в Свердловской области в четыре раза превзошло уровень довоенного 1940 года. При этом рост отдельных видов продукции составил: по стали и прокату - почти в два раза, по чугуну и серной кислоте - более чем в два раза, по электроэнергии и железной руде - примерно в 2,5 раза, по углю – в пять раз, по алюминию – в шесть раз, по шарикоподшипникам – в 12 раз, по марганцевой руде – в 25 раз [5, с. 212]. От качества управления Свердловской областью во многом зависела реализация важнейших для страны проектов в сфере народного хозяйства. Пустовалов подводил итог своей речи: «…мы с вами работаем на Урале, в Свердловской области, крупнейшем индустриальном центре страны, что мы будем давать к концу пятилетки примерно 15-20 процентов чугуна, стали, проката всей страны, до 80 процентов алюминия, примерно одну пятую часть машиностроения всей страны, то понятно, что от нас с вами во многом будет зависеть развитие советской науки, техники и культуры, в разрешении задачи догнать и превзойти достижения науки и техники за пределами нашей страны, мы можем и обязаны сыграть очень крупную и серьезную роль.

Отсюда нетрудно понять, какой квалифицированной должна быть наша Свердловская партийная организация, которая в масштабе своей области будет направлять эту деятельность, руководить всем этим большим делом и какие, следовательно, высокие требования предъявляются к партийным органам, ко всем нам и имеем ли мы право после этого допускать хотя бы малейшее отставание в работе над собой, пренебрежительно относиться к повышению своего уровня. Нет, это противоречило бы коренным интересам партии и государства» [2, л. 268].

При этом секретарь обкома буквально призывал представителей партийного аппарата к повышению своего образовательного и культурного уровня, отказу от узкой специализации в управленческой деятельности: «У нас есть единственно правильный путь - это заставить работать над собой наши кадры, те которые есть, заставить каждого отрешиться от беспечности, от элементов невежества, добиться чтобы каждый работник стал настоящим политическим руководителем высокой идейности и культуры.

А ведь скрывать греха нечего, у нас есть

не только отдельные люди, я бы сказал целые группы работников, которые очень сильно отстали» [2, л. 269].

В качестве такой «группы работников» Пустовалов выделил вторых секретарей райкомов области, которые были ответственны за сельскохозяйственные вопросы, в частности за животноводство. По словам Ивана Степановича, они «превратились в животноводов», что стало «опасностью» для обкома: «Они знают, сколько и какой скот находится в колхозах, в каком состоянии этот скот, какие требуются корма, какой надой молока, характер заболевания отдельных групп животных. Я прошу меня правильно понять. Я не против этого, если товарищу поручают работу, он должен знать ее в совершенстве. Но нельзя мириться с тем, что второй секретарь райкома буквально ничего кроме животноводства, не знает, превращается в узколобого делягу, должен же этот второй секретарь райкома как-то отличаться от заведующего райзо или главного зоотехника, а часто этого нет» [2, л. 269]. В таком положении вещей Пустовалов обвинил первых секретарей райкомов. По его словам, они держали своих заместителей в «черном теле», в результате вторые секретари были неспособны к самостоятельной работе, не могли их заменить в случае необходимости. Однако секретарь обкома по кадрам Н.М. Кокосов бросил реплику: «В этом мы повинны». Пустовалов согласился с этим замечанием, сказав, что эту проблему «не отталкивает от себя» [2, л. 270].

Таким образом, в первые послевоенные годы советское руководство столкнулось с необходимостью серьезного пересмотра роли партийных органов в управлении народным хозяйством. Сложившаяся в военный период практика прямого вмешательства партийного аппарата в оперативную деятельность предприятий и подмены хозяйственных руководителей, стала восприниматься как серьезная управленческая проблема, мешающая успешному развитию в условиях мирного времени.

Выступление секретаря Свердловского обкома И.С. Пустовалова в июне 1946 года показывает, что суть перемен в партийной деятельности заключалась не в отказе ВКП(б) от контроля над экономикой, а в изменении методов и стиля работы. От партийных функционеров требовалось перейти от мелочной опеки и «администрирования» к политическому руководству, усилению идеологической работы, организации социалистического соревнования и контролю по выполнению государственных планов.

В послевоенных условиях проводилась установка на достижение превосходства СССР над западным миром не только в военно-политической, но и в научно-технической, культурной сферах. Осознание начала нового глобального противостояния и гонки вооружений стало причиной для ужесточения требований к работе партийных кадров. В целом, речь И.С. Пустовалова служит важным источником, показывающим как на региональном уровне осознавались и транслировались задачи общегосударственного масштаба в сложных условиях начала «холодной» войны.

Список литературы:

[1] Общество и власть. Российская провинция. 1917-1985: Документы и материалы в 6 т. Свердловская область. Т. 2. 1942-1985. - Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006.

[2] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.4. Оп. 41. Д. 4. Стенограмма заседания XXVII пленума Свердловского обкома ВКП(б). I часть.

[3] Пыжиков А.В. Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы. - М.: Олма-Пресс, 2002.

[4] ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д. 2. Стенограмма заседания XXVI пленума Свердловского обкома ВКП(б). I часть

[5] Мамяченков В. Н. Состояние строительной сферы экономики Свердловской области в 1945-1950 гг. // Научный диалог. - 2017. - № 5.

References:

[1] Society and power. Russian province. 1917-1985: Documents and materials in 6 tons. Sverdlovsk region. VOL. 2. 1942-1985. - Yekaterinburg: Cultural Information Bank, 2006.

[2] Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDOOSO). F.4. Op. 41. D. 4. Transcript of the meeting of the XXVII Plenum of the Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU (B.). I part.

[3] Pyzhikov A.V. Danilov A.A. Birth of a superpower. 1945-1953. - M.: Olma-Press, 2002.

[4] EDCO. F.4. Op. 41. D. 2. Transcript of the meeting of the XXVI Plenum of the Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU (B.). I part

[5] Mamyachenkov V.N. The state of the construction sector of the economy of the Sverdlovsk region in 1945-1950 .//Scientific dialogue. - 2017. - № 5.